ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

6868

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ I.

ПРЕДВѢСТНИКИ и ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», В. Подъяческая, № 3[illegible]

1909.

Оглавленіе.

стр.

Отъ редакціи.

Экономическое состояніе страны и эволюція хозяйственныхъ отношеній.

П. П. МАСЛОВЪ. Развитіе земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка 1

М. БАЛАБАНОВЪ. Промышленность Россіи въ началѣ XX вѣка.

I. Итоги къ началу XX вѣка 39
II. Промышленный кризисъ начала XX вѣка 58

В. А. МУКОСѢЕВЪ. Торговля и кредитъ. (Процессъ образованія рынка и его положеніе передъ революціей).

I. Внутренняя торговля 88
II. Внѣшняя торговля 130
III. Кредитъ 138

М. БОГОЛѢПОВЪ. Государственное хозяйство и финансовая политика правительства 151

Движеніе общественныхъ классовъ и группъ. Политика. Идеологія.

Д. КОЛЬЦОВЪ. Рабочіе въ 1890—1904 гг. 183

ВЛ. ГОРНЪ. Крестьянское движеніе до 1905 г. 230

П. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи. (До эпохи „довѣрія“ кн. Святополка-Мирскаго).

1. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній 259
2. Студенческое движеніе въ 90-хъ годахъ 261
3. Движеніе земской интеллигенціи („третьяго элемента“) въ 90-хъ годахъ 268
4. Движеніе интеллигенціи въ 90-хъ годахъ въ его цѣломъ . . 272
5. Студенческое движеніе въ 1899 г. 273
6. Революціонныя выступленія студенчества и интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ. 276
7. Оппозиціонныя выступленія интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ 284

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Движеніе землевладѣльцевъ 2

А. ЕРМАНСКІЙ. Крупная буржуазія до 1905 года.

I. Положеніе крупной буржуазіи . . . . . .
II. Давленіе промышленниковъ на правительственный механизмъ
III. Главнѣйшія черты дѣятельности крупной буржуазіи
IV. Отношеніе буржуазіи къ рабочимъ . . . . .
V. Постоянныя организаціи промышленниковъ . . .
VI. Всероссійскіе торгово-промышленные съѣзды .

стр.
В. ЛЕНСКІЙ. Національное движеніе 349
А. ЕГОРОВЪ. Зарожденіе политическихъ партій и ихъ дѣятельность.
I. „Народовольцы“, „Народн. Право“ и либерализмъ въ 90-хъ годахъ 372
II. Соціалъ-демократы въ 90-хъ гг. 375
III. Либеральная демократія 385
IV. Соціалъ-демократія въ періодъ 1900—1904 гг. 393
V. Революціонное народничество 414
Ф. ДАНИЛОВЪ. Общая политика правительства и государственный строй къ началу XX вѣка.
I. Созданіе и упроченіе строя 422
II. Передъ ликвидаціей 440
М. НЕВѢДОМСКІЙ. Наша художественная литература предреволюціонной эпохи 483
А. ПОТРЕСОВЪ. Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху.
I. Періодъ безнародности 538
II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма 556
III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ 584
IV. Періодъ партійной политики 607

Итоги.

П. МАСЛОВЪ. Развитіе народнаго хозяйства и вліяніе его на борьбу классовъ въ XIX вѣкѣ 643
М. Итоги политическаго развитія 66

Въ статьѣ Ф. Данилова просимъ исправить слѣдующія опечатки:

стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Нужно.*
[illegible]	13 снизу	всему	всякому
[illegible]	20 „	наши	нити
[illegible]	21 сверху	осторожнѣе	осторожнѣе“
[illegible]	23 „	вносить	„вносить
[illegible]	21 снизу	раздробленныя	раздробительныя
[illegible]	14 „	1886	1866
[illegible]	12 сверху	Дворянскій	учрежденъ Дворянскій
[illegible]	[illegible] снизу	незамѣченныя	незалѣченныя
[illegible]	[illegible]	подавляемаго	подавляемою

Отъ редакціи.

Предлагаемый коллективный трудъ ставитъ своей задачей дать объективное изслѣдованіе того историческаго процесса, который сдѣлалъ необходимымъ общественный кризисъ, пережитый нашей родиной въ началѣ текущаго столѣтія, равно какъ выяснить самый ходъ этого кризиса и вскрыть дѣйствіе объективныхъ и субъективныхъ факторовъ, вліявшихъ на его теченіе.

Преслѣдуя строго-научныя цѣли, нашъ трудъ никого не обличаетъ, не задается цѣлью ничьей апологіи. Предоставить говорить самимъ фактамъ—такимъ желаніемъ воодушевлены участники этой работы.

Само собой разумѣется, однако, что отсутствіе предубѣжденій и субъективизма не исключаетъ, а, напротивъ, подразумѣваетъ—если желать дать дѣйствительное историческое изслѣдованіе—опредѣленный методъ, безъ котораго коллективная работа могла бы дать лишь рядъ разрозненныхъ, механически сопоставленныхъ очерковъ. Единство метода связываетъ органически отдѣльныя части нашего труда.

Въ предѣлахъ этого единства возможны различныя оцѣнки отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ сложилась великая историческая драма, различныя оцѣнки роли, сыгранной въ историческомъ движеніи тѣмъ или другимъ факторомъ. Поскольку такого рода различія неизбѣжны въ каждой коллективной работѣ, выполняемой писателями, работающими надъ неоднородньмъ матеріаломъ, задачей редакціи было въ статьяхъ, посвященныхъ итогамъ эпохи, выдѣлить то, что въ результатахъ общаго труда является наиболѣе безспорнымъ, наименѣе зависящимъ отъ частностей индивидуальныхъ точекъ зрѣнія или отъ специфическихъ особенностей изолированно разсматриваемаго матеріала той или другой отдѣльной сферы изслѣдованія.

Выпускаемый въ свѣтъ первый томъ, служащій историческимъ введеніемъ къ событіямъ начала вѣка, представилъ цѣлый рядъ затрудненій, частью объясняющій его запозданіе. Необходимо было въ сжатой формѣ дать очеркъ экономической, общественно-политической и идейной эволюціи Россіи въ теченіе послѣдней пореформенной эпохи въ томъ видѣ, какъ она представляется намъ теперь, послѣ того, какъ завершился циклъ бурныхъ событій, подведшихъ насъ къ новому періоду. Матеріалъ, подлежащій освѣщенію, оказался

обильнымъ, чтобы быть исчерпаннымъ въ предѣлахъ одного тома. Пришлось отдѣльныя темы трактовать болѣе сжато и суммарно, чѣмъ это входило въ первоначальныя намѣренія авторовъ, другія, по необходимости, отложить до другихъ томовъ. Такъ до второго тома отложена спеціальная статья, дающая болѣе детальную—чѣмъ это возможно было сдѣлать въ общемъ очеркѣ—картину выработки и развитія идеологіи марксизма ортодоксальнаго или пролетарскаго.

Кромѣ того, редакція считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія пояснія къ отдѣльнымъ статьямъ сборника.

Національный вопросъ и національныя движенія могли быть лишь въ самыхъ основныхъ чертахъ освѣщены въ статьѣ З. Лепскаго, и только самые крупные по своему обще-русскому значенію національные вопросы могли быть трактованы въ ней обстоятельно. Поскольку это будетъ возможно, мы въ дальнѣйшихъ выпускахъ постараемся заполнить этотъ пробѣлъ.

При изложеніи мало выясненной въ исторической литературѣ эволюціи русской буржуазіи А. Ерманскій разсмотрѣлъ процессъ самоопредѣленія этого класса лишь постольку, поскольку онъ находилъ свое выраженіе въ организаціяхъ промышленнаго и торговаго капитала. Внѣ поля его изслѣдованія остался, такимъ образомъ, процессъ формированія „третьяго сословія" въ сферѣ городского и земскаго самоуправленія.

Очеркъ правительственной политики въ разсматриваемую эпоху пришлось ограничить политикой внутренней. Внѣшней политикѣ стараго режима будетъ посвящена отдѣльная статья во II томѣ.

По необходимости сжатый очеркъ развитія художественной литературы данъ М. Невѣдомскимъ, при чемъ авторъ, прослѣживая это развитіе на литературныхъ характеристикахъ смѣнявшихъ другъ друга популярныхъ въ обществѣ художниковъ слова, не всегда имѣлъ возможность сопоставлять опредѣленныя литературныя вѣянія съ одновременно циркулировавшими въ обществѣ соціальными идеями и господствовавшими въ немъ умственными теченіями. Въ виду этого, нѣкоторыя характеристики автора нуждаются въ дополненіи. Такъ, мы полагаемъ, что то, по выраженію автора, „соціализированное индивидуальничество", которое окрасило собою творчество М. Горькаго въ періодъ его расцвѣта, было бы точнѣе, въ связи съ переживавшимся обществомъ въ эту эпоху „кризисомъ марксизма", охарактеризовать, какъ окрашенный въ соціалистическій цвѣтъ индивидуализмъ, ибо именно введеніе въ традиціонно-соціалистическое міровоззрѣніе русской демократической интеллигенціи боевыхъ нотъ индивидуализма является типичнымъ для этого момента и наложило отпечатокъ на дальнѣйшую эволюцію этой интеллигенціи.

Экономическое состояніе страны

и

эволюція хозяйственныхъ отношеній.

П. П. МАСЛОВЪ.

Развитіе земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка.

I.

Развитіе земледѣльческаго хозяйства, а въ связи съ нимъ и развитіе другихъ сторонъ хозяйственной жизни страны, въ значительной степени опредѣлилось тѣми соціальными отношеніями, которыя установились во время отмѣны крѣпостного права въ Россіи и которыя предрѣшали ея дальнѣйшее хозяйственное и политическое развитіе.

Въ свою очередь условія отмѣны крѣпостного права и въ особенности условія надѣленія крестьянъ землею опредѣлялись экономическимъ строемъ, который создался къ концу крѣпостного права. Во второй половинѣ 19-ти столѣтія мы видимъ лишь развитіе тѣхъ хозяйственныхъ отношеній, которыя возникли еще при крѣпостномъ правѣ.

Наиболѣе важной стороной въ экономической жизни страны, повліявшей на реформу 61 года и на дальнѣйшее хозяйственное развитіе, было быстрое развитіе въ первой половинѣ 19 вѣка товарнаго производства хлѣба въ черноземномъ районѣ.

По мѣрѣ расширенія товарнаго производства хлѣба въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, конкурренція черноземнаго района, доставлявшаго хлѣбъ, какъ на внутренній рынокъ (Москва), такъ и заграницу (въ черноморскіе порты, а въ послѣдствіи, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, и въ балтійскіе) побуждала населеніе нечерноземнаго района переходить къ обрабатывающей промышленности, обуждала помѣщиковъ этого района сокращать запашки, сокращать число дворовыхъ людей и отпускать крестьянъ на оброкъ [1]). Нечерноземный районъ сталъ въ свою очередь производить продукты обрабатывающей промышленности въ обмѣнъ на хлѣбъ. Такимъ образомъ товарный обмѣнъ уже при крѣпостномъ правѣ создалъ два района, обмѣнивавшихся продуктами и рѣзко различавшихся по сложившимся соціальнымъ отношеніямъ. Въ промышленномъ районѣ помѣщикамъ, отпускавшимъ крестьянъ на оброкъ, давала доходъ не столько земля, сколько промыслы крестьянъ. Въ черноземномъ раіонѣ, напротивъ, съ развитіемъ товарнаго обмѣна стала цѣниться выше земля, чѣмъ крестьянскія «души», при чемъ помѣщики всѣми мѣрами стремились сократить землепользованіе крестьянъ, чтобы расширить свою запашку.

[1]) См. П. Масловъ. Аграрный вопросъ, т. I, IV изд., стр. 194 и слѣд.

Поэтому, при отмѣнѣ крѣпостного права, хотя выкупные платежи далеко превышали стоимость земли, отходившей въ крестьянскіе надѣлы, помѣщики черноземнаго района стремились сократить эти надѣлы, между тѣмъ какъ помѣщики нечерноземнаго района стремились увеличить ихъ, чтобы получить больше выкупныхъ платежей. Такимъ образомъ, при отмѣнѣ крѣпостного права въ промышленныхъ губерніяхъ (Владимірская, Московская, Калужская, Петербургская, Новгородская, Смоленская) крестьяне получили больше земли, чѣмъ они имѣли до реформы. Напротивъ, въ черноземныхъ губерніяхъ крестьянскіе надѣлы были значительно сокращены.

За расширеніе своихъ малоплодородныхъ надѣловъ въ нечерноземномъ районѣ, такъ же какъ за сокращеніе—въ черноземномъ, крестьяне поплатились колоссальными суммами. Сопоставляя цѣнность надѣловъ по продажнымъ цѣнамъ 50-хъ годовъ съ цѣнами надѣловъ по выкупу, мы найдемъ слѣдующія суммы, полученныя помѣщиками за выкупъ, какъ премію сверхъ нормальной стоимости надѣловъ [1]).

Черноземныя	губ.	123 руб.
Нечерноземныя	»	187 »
Западныя	»	13 »

Мы видимъ, что хозяйственныя условія крѣпостной эпохи отразились на реформѣ 1861 года, на размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, а это въ свою очередь оказало сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе крестьянскаго хозяйства и на всѣ соціальныя отношенія, сложившіяся послѣ реформы въ русской деревнѣ.

И правительство и помѣщики находили необходимымъ, чтобы освобожденный крестьянинъ былъ вынужденъ работать на помѣщика; поэтому полное обезпеченіе крестьянъ землею считалось вреднымъ. Въ либеральномъ «Сельскомъ Благоустройствѣ» писали: «Мы не можемъ надѣлить крестьянъ землею въ такой мѣрѣ, чтобы бытъ ихъ совершенно обезпечивался...

Въ первое время, пока потребности крестьянъ не развиты, слишкомъ щедрый надѣлъ землею скорѣе былъ бы для нихъ вреденъ въ нравственномъ отношеніи, избавляя отъ необходимости дорожить своимъ трудомъ».

Эта забота о крестьянской нравственности проявилась особенно сильно въ черноземномъ раіонѣ, гдѣ земля цѣнилась дороже и гдѣ значительная группа крестьянъ получила дарственные надѣлы.

Менѣе трехъ десятинъ пахатной земли на ревизскую душу получили слѣдующій % ревизскихъ душъ [2]):

въ Курской губ. . .	48,4%	въ Кіевской	72 %
» Орловской. . . .	45,4	» Подольской . . .	77,5
» Тульской	73,5	» Волынской . . .	33,7
» Рязанской. . . .	51,8	» Харьковской . .	33,5

[1]) А. Лосицкій. Выкупная операція. СПБ. 1906 г. и П. Лященко. Очерки аграрн. эволюціи Россіи, т. I, стр. 218.

[2]) См. Статист. свѣд. по зем. вопр. Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Землед. 1906 г.

въ Тамбовской . . .	37,8	въ Полтавской . . .	70,5
» Пензенской . . .	33,5	» Черниговской . .	40
» Нижегородской . .	31		

Нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что чѣмъ крупнѣе было имѣніе въ черноземномъ раіонѣ, тѣмъ больше земли было отрѣзано у крестьянъ во время крѣпостной реформы. Такъ, въ Волынскомъ у. крестьяне *потеряли* слѣдующій процентъ земли въ различныхъ по размѣрамъ имѣніяхъ [1]):

Имѣнія:			
	менѣе	100 дес. . . .	8,2%
отъ	100— 500	» . . .	28,8
»	500— 1000	» . . .	30,4
»	1000— 5000	» . . .	43,4
»	5000—10000	» . . .	56,5
	болѣе 10000	» . . .	74,6

Какъ мы уже указывали, заботы о «нравственности» крестьянъ проявились не только въ уменьшеніи ихъ земельныхъ надѣловъ, но и въ необычайно высокихъ выкупныхъ платежахъ, которыми было обременено крестьянское хозяйство. Естественно, что крестьяне тотчасъ же по освобожденіи отъ крѣпостного права принуждены были арендовать помѣщичьи земли, работать у землевладѣльцевъ по найму и продавать на рынкѣ хлѣбъ для уплаты выкупныхъ платежей и подушной подати. Хлѣбный рынокъ, прежде заполнявшійся помѣщичьимъ хлѣбомъ, теперь сталъ поглощать крестьянскій хлѣбъ, который оттѣснилъ помѣщичій. Крестьянинъ сталъ поставщикомъ хлѣба на всемірный рынокъ.

Развитіе желѣзнодорожной сѣти облегчало выкачиваніе изъ деревни производимыхъ крестьянами продуктовъ, которые реализовались въ деньги.

Казалось бы, что такое быстрое превращеніе натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ товарное, превращеніе хлѣба въ золото должно было обогатить крестьянство; между тѣмъ, чѣмъ больше продуктовъ крестьяне отчуждали на рынкѣ, тѣмъ быстрѣе шло ихъ раззореніе.

Высокіе выкупные платежи и тяжелые налоги превышали доходность крестьянскихъ надѣловъ и поглощали все, что крестьянинъ могъ реализовать отъ продажи хлѣба, а уменьшеніе надѣловъ еще болѣе обострило нужду крестьянъ въ землѣ.

Крестьяне обратились къ арендѣ помѣщичьихъ земель.

Въ ближайшіе годы послѣ реформы аренда земли еще могла поддерживать крестьянское хозяйство, такъ какъ арендныя цѣны поднимались постепенно, но и тогда она не спасала широкіе слои крестьянства отъ постепеннаго раззоренія.

Во всякомъ случаѣ земельный голодъ уже тотчасъ послѣ крѣпостной реформы заставилъ крестьянъ платить повышенныя арендныя цѣны на землю до такой нормы, что большая часть помѣщиковъ центральнаго черноземнаго раіона предпочитали сдавать землю въ аренду крестьянамъ, а не вести собственное хозяйство.

Уже Валуевская комиссія по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства

[1]) П. Масловъ. Агр. вопр., т. I, стр. 198.

отмѣчаетъ сильное сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ послѣ реформы 61 года. Помѣщики объясняли это явленіе невыгодностью веденія хозяйства съ помощью наемнаго труда; нѣкоторые экономисты объясняли и объясняютъ это недостаткомъ у помѣщиковъ капитала; но не трудно доказать, что причиной этого явленія было быстрое повышеніе арендной платы, дававшее помѣщику полностью ту прибыль и ренту, которыя онъ получилъ бы при веденіи экономической запашки. Заработная плата с.-хозяйственныхъ рабочихъ была чрезвычайно низка, цѣны на землю, а слѣдовательно и ея доходность изъ года въ годъ повышались; но такъ какъ арендныя цѣны повышались быстрѣе, чѣмъ цѣны на хлѣбъ, то естественно, что сдача земли въ аренду стала давать все больше и больше, между тѣмъ, какъ прибыль и рента, при веденіи экономической запашки, могли расти только вмѣстѣ съ цѣнами на хлѣбъ.

Такимъ образомъ реформа 1861 года, освободивши личность крестьянина отъ крѣпостной зависимости, установила прочную хозяйственную связь между бывшими крѣпостными и крупнымъ частнымъ землевладѣніемъ, связь, которая ставила крестьянина въ тѣмъ большую зависимость отъ землевладѣльца, чѣмъ меньше средствъ, необходимыхъ для существованія и для оплаты налоговъ, крестьянинъ могъ получить въ своемъ хозяйствѣ и въ обработывающей промышленности. Волей-неволей крестьянинъ черноземнаго раіона долженъ былъ обратиться къ своему бывшему помѣщику или за арендой его земли или за заработками въ его экономіи.

II.

Между тѣмъ пореформенное государство, надѣливши крестьянъ недостаточнымъ количествомъ земли, почти все государственное хозяйство построило на тѣхъ налогахъ, которые долженъ былъ уплачивать крестьянинъ.

На ряду съ платежами за землю своимъ бывшимъ владѣльцамъ крестьяне должны были нести всевозможныя повинности государству, при чемъ значительная часть этихъ повинностей была превращена въ денежную форму, а самыя повинности увеличились въ огромной степени.

Вмѣсто подушной подати и государственнаго земскаго сбора, крестьяне стали платить: выкупные платежи, государственный земскій сборъ, мѣстные земскіе сборы и повинности, мірскіе сборы, подушную подать, сборы рекрутскіе, продовольственные и т. д. и т. д.

Всѣ эти платежи мѣстами въ нѣсколько разъ превышали доходность земли, и тамъ, гдѣ не было промысловыхъ заработковъ, ставили крестьянъ въ безвыходное положеніе: они должны были на какихъ угодно условіяхъ работать на сосѣдняго землевладѣльца или арендовать его землю, продавать на рынкѣ свой хлѣбъ, хотя бы необходимый для собственнаго продовольствія.

При такихъ условіяхъ не только помѣщики были обезпечены рабочими силами и все повышающейся земельной рентой, но было обезпечено и развитіе торговаго обмѣна и «благопріятный» торговый балансъ. Милліоны пудовъ крестьянскаго хлѣба стали вывозиться за границу, между тѣмъ какъ потребленіе заграничныхъ продуктовъ крестьянами не расширялось. Не смотря на сокращеніе

помѣщичьихъ запашекъ, которое констатируется Валуевской комиссіей, вывозъ хлѣба возросъ съ 66,8 милл. пуд. въ 1855—60 гг. до 120 милл. въ 1865—70 гг.

Пореформенное государственное хозяйство, такъ же какъ и благосостояніе землевладѣльцевъ, было построено на развитіи денежнаго крестьянскаго хозяйства, на развитіи въ немъ товарнаго производства.

Крестьянское хозяйство должно было сдѣлаться той курицей, которая несетъ золотыя яйца. Но для этого требовались и соотвѣтствующія условія, при которыхъ хотя бы часть крестьянства могла развивать производительныя силы своего хозяйства: только при этомъ условіи оно могло выдерживать все бремя платежей и налоговъ, которыми было обременено.

Между тѣмъ тѣ правовыя нормы, которыя сложились послѣ реформы, совершенно не соотвѣтствовали условіямъ, въ которыя было поставлено крестьянское хозяйство: толкая крестьянина на рынокъ, бюрократическій строй лишалъ его главнаго орудія экономической борьбы при капиталистическомъ строѣ, лишалъ самой элементарной гражданской свободы, сохранивши опеку надъ личностью крестьянина и передавши ее отъ помѣщика отчасти «міру», отчасти «бюрократіи».

Это противорѣчіе между экономическими условіями и правовыми отношеніями, слабо чувствовавшееся крестьянами послѣ реформы, постепенно все болѣе и болѣе обострялось.

Другое противорѣчіе бюрократическаго строя, также постепенно обострявшееся, заключалось въ ростѣ государственныхъ налоговъ и арендной платы за землю, падавшихъ на крестьянъ при одновременномъ паденіи производительныхъ силъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Эти противорѣчія въ своемъ развитіи въ концѣ концовъ привели и къ экономическому и политическому кризису...

III.

Разрушивши крѣпостное право и уничтоживши власть помѣщика надъ личностью крестьянина, реформа 61 года не только не уничтожила сословнаго строя, но и сохранила ту власть надъ личностью крестьянина, которая принадлежала раньше помѣщику, и передала ее отчасти міру, отчасти въ руки бюрократіи.

Заботясь объ обезпеченіи исправности платежей съ крестьянъ, особенно выкупныхъ платежей, законодательство связало крестьянъ круговой порукой, при чемъ отвѣтственнымъ за неплатежъ отдѣльныхъ домохозяевъ являлся «міръ», все крестьянское общество данной общины. Связавши въ фискальныхъ цѣляхъ крестьянскія общины общей цѣпью, законодатель долженъ былъ дать и гарантіи этому міру въ томъ, чтобы отдѣльный членъ общины не уклонялся отъ платежей. Для этого крестьянскому міру было предоставлено право вмѣшиваться въ семейную жизнь крестьянина,—разрѣшать семейные раздѣлы, а крестьянскому «самоуправленію», волости—право давать «отпускъ» крестьянамъ,—выдавать паспорта.

Казалось бы, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественной жизни пережитки крѣпостного права должны были бы отмирать и исчезать изъ законодательства.

Между тѣмъ по отношенію къ крестьянамъ мы видимъ обратное. Законъ о семейныхъ раздѣлахъ, введенный въ связи съ ликвидаціей крѣпостныхъ отношеній, въ связи съ круговой порукой, впослѣдствіи, закономъ 18 марта 1886 года, не только не былъ отмѣненъ, но семейные раздѣлы помимо контроля міра были подчинены еще и контролю бюрократіи, въ лицѣ земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Фактически судьбы семейнаго раздѣла, а слѣдовательно и семейной жизни были въ концѣ концовъ отданы всецѣло въ распоряженіе земскихъ начальниковъ, которые, какъ прежде помѣщики, могли, по своему усмотрѣнію, рѣшать вопросъ о раздѣлѣ по жалобамъ и по формальнымъ основаніямъ.

Преслѣдуя фискальныя цѣли и не полагаясь на разумъ самихъ крестьянъ, законъ 18 марта 1886 года ставитъ нѣсколько требованій, при которыхъ міръ можетъ разрѣшить семейный раздѣлъ. Прежде всего раздѣлъ можетъ быть допущенъ съ согласія старшаго члена семьи. Кромѣ того, нужно, чтобы былъ «основательный» поводъ для раздѣла, чтобы выдѣлившіяся семейства были способны къ самостоятельному веденію хозяйства, чтобы было обезпечено исправное поступленіе окладовъ и недоимокъ. Но если даже всѣ эти условія соблюдены и міръ разрѣшитъ раздѣлъ, то земскій начальникъ можетъ отмѣнить такое рѣшеніе или по жалобамъ или по формальнымъ причинамъ, въ послѣднемъ случаѣ, съ помощью уѣзднаго съѣзда. Поэтому, «на практикѣ крестьяне обращаются за разрѣшеніемъ семейнаго раздѣла, прежде всего не къ «міру», а къ земскому начальнику и только съ его согласія пускаются въ дальнѣйшія узаконенныя мытарства по такого рода дѣламъ» [1]).

Связавши семью и отдавши ее въ распоряженіе бюрократіи, пореформенное законодательство не менѣе крѣпко связало и отдѣльную личность каждаго крестьянина.

Государство обложило крестьянъ тяжелыми денежными повинностями, толкало ихъ на рынокъ продавать или свои продукты или свою рабочую силу. Ясно, что необходимымъ условіемъ для этого является право свободнаго передвиженія на поиски рынка для продажи продуктовъ или рабочей силы. Между тѣмъ были устроены всевозможныя затрудненія для такого передвиженія. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что крестьянинъ не могъ никуда двинуться безъ паспорта, а для полученія паспорта были поставлены значительныя затрудненія.

Для полученія паспорта нужно было представить удостовѣреніе отъ сельскаго старосты въ томъ, что для увольненія крестьянина, требующаго паспортъ, препятствій не имѣется, и только тогда волостной старшина выдаетъ его. Въ концѣ концовъ увольненіе крестьянина фактически находилось въ полной зависимости отъ согласія волостного писаря, который и выдавалъ паспорта за соотвѣтствующую мзду.

Итакъ мы видимъ, что весь крестьянскій міръ былъ опутанъ цѣлою сѣтью ограниченій, которыя привязывали отдѣльную личность, связывали насильственно семью, а семьи соединены круговою порукой. Все это представляло

---

[1]) И. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія, стр. 190.

удобства для фиска, но являлось сильнѣйшимъ тормазомъ для развитія производительныхъ силъ населенія, тормазомъ, который въ концѣ концовъ вліялъ и на поступленіе государственныхъ доходовъ.

IV.

Многомилліонное населеніе деревни, хотя и жило обособленной отъ другихъ сословій жизнью, но имѣло свои общественныя потребности, которыя должны были удовлетворяться какими нибудь органами самоуправленія. Кромѣ того, для управленія этой многочисленной массой, для использованія ея платежныхъ силъ требовались также дорого стоющіе органы управленія.

Объ эти задачи пореформенное законодательство рѣшило очень остроумно: оно организовало волостныя и сельскія *выборныя* должности, которыя назывались органами крестьянскаго самоуправленія, и превратило ихъ фактически въ низшіе органы управленія, непосредственно подчиненные полиціи и различнымъ другимъ представителямъ администраціи.

Органами крестьянскаго «самоуправленія» были сдѣланы «волостной сходъ», «волостное правленіе» и «сельскіе сходы». Но... «волостной сходъ, который долженъ быть главнѣйшимъ распорядительнымъ органомъ, душою всего управленія, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ такого значенія... Въ силу необходимости вся дѣятельность волостного схода должна ограничиваться большею частью дѣлами, вытекающими изъ самаго существованія особаго волостного управленія, какъ-то: выборами должностныхъ лицъ этого управленія, назначеніемъ и раскладкой суммъ на содержаніе и расходы его, вопросами о ремонтѣ или постройкѣ зданій волостныхъ правленій, сдачею содержанія лошадей для разъѣздовъ должностныхъ лицъ и т. п.». Такъ характеризуетъ этотъ «органъ самоуправленія» кохановская комиссія.

Другой органъ крестьянскаго самоуправленія,—волостное правленіе, какъ коллегіальное учрежденіе, совсѣмъ не существовало. Вмѣсто него «волостное правленіе» является въ лицѣ волостного старшины и писаря, который, какъ дѣлопроизводитель старшины, обыкновенно фактически руководитъ всѣмъ дѣломъ волостного правленія.

Создавши такой органъ,—сколокъ всего бюрократическаго строя,—администрація сдѣлала его низшей канцеляріей, которая должна была исполнять всю черную административную работу бюрократіи. Почти всѣ вѣдомства и начальствующія лица, пишетъ Астыревъ, предъявляютъ требованія и дѣлаютъ приказанія этому органу: «уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уѣздная и губернская земскія управы, воинское присутствіе, училищный совѣтъ, дворянская опека, полицейское управленіе, казенная палата, губернское правленіе, палата государственныхъ имуществъ, казначейство, мировой съѣздъ и мировые судьи, исправникъ, непремѣнный членъ, становой, судебный слѣдователь, судебный приставъ, губернскій статистическій комитетъ, агентъ земскаго страхованія и проч. и проч.»...

Весь тяжелый бюрократическій механизмъ старается опереться на этотъ «органъ крестьянскаго самоуправленія», который на средства крестьянъ дол-

женъ исполнять всю мелкую административную работу, требующую знаній и колоссальнаго труда. Разумѣется работа дѣлается плохо, но за то ничего не стоитъ, такъ какъ государство ничего не платитъ за эту работу.

Не удивительно, что большая часть «мірскихъ» волостныхъ расходовъ затрачивается не на потребности населенія, а на содержаніе волостного правленія (около 70%) [1]). Далѣе слѣдуютъ расходы по различнаго рода *обязательнымъ повинностямъ*, лежащимъ на сельскомъ населеніи. «Издержки эти достигаютъ годовой суммы—4.296.637 руб., причемъ наибольшая часть этой суммы приходится на расходы по почтовой гоньбѣ... Перечисленные расходы по содержанію волостного управленія и по отбыванію волостныхъ обязательныхъ повинностей, достигающіе въ общей сложности $15^1/_2$ милл. руб. въ годъ, что составляетъ 88% всѣхъ волостныхъ расходовъ... имѣютъ повинностный характеръ и являются, во всякомъ случаѣ, непроизводительнымъ съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія» [2]).

Но и изъ остальныхъ 12% мірскихъ расходовъ нѣкоторые имѣютъ обязательный характеръ, такъ что дѣятельность крестьянскаго «самоуправленія» сводится исключительно къ исполненію распоряженій начальства.

Чтобы не возвращаться къ развитію крестьянскаго «самоуправленія», мы замѣтимъ, что въ дальнѣйшемъ его функціи были еще болѣе ограничены, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 23 іюня 1899 года земскимъ начальникамъ было поручено принять всѣ мѣры къ сокращенію мірского обложенія, т. е. къ сокращенію *необязательныхъ* расходовъ, въ цѣляхъ податной исправности крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ было сдѣлано все для того, чтобы органы крестьянскаго самоуправленія были орудіемъ бюрократическаго механизма и не обслуживали потребностей крестьянскаго населенія. Волостные старшины и сельскіе старосты стали подчиненными не только исправниковъ, но и низшихъ представителей полиціи, вплоть до полицейскихъ урядниковъ. Для крестьянина, уважающаго себя, быть «первымъ» среди крестьянъ, быть выбраннымъ въ волостные старшины, стало невозможно.

Наконецъ, всѣ крестьяне, какъ сословіе, были отдѣлены китайской стѣной отъ другихъ сословій. Изъ крестьянъ было образовано особое сословіе, въ которое не могутъ попасть лица другихъ, высшихъ сословій, если бы даже и пожелали. Съ другой стороны лица изъ крестьянскаго сословія, получившія ли высшее образованіе или получившія чинъ, тѣмъ самымъ исключаются изъ крестьянскаго сословія и пріобщаются къ привилегированнымъ классамъ. Этимъ огражденіемъ привилегированныхъ классовъ отъ крестьянства облегчалось сохраненіе такихъ «особенностей крестьянскаго правопорядка», какъ тѣлесное наказаніе, обязательная приписка къ опредѣленному мѣсту, тѣ специфическія мѣры карательнаго воздѣйствія, которыя предоставлялись власти сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и, впослѣдствіи, земскихъ начальниковъ.

---

[1]) Въ 1891 году изъ 17½ милл. руб. общей годовой смѣты на содержаніе волостныхъ правленій требовалось 11,2 милл. руб. (См. И. Страховскій. „Крестьян. права и учрежд.“ стр. 31).

[2]) ibid. стр. 32.

Приписанный къ опредѣленному мѣсту, имѣя земельный надѣлъ, крестьянинъ не могъ свободно располагать ни своимъ имуществомъ, ни своимъ надѣломъ. Имущество является собственностью «двора», а земля принадлежитъ общинѣ и реализовать свое право на надѣлъ можно было только сдачей его въ аренду или собственной распашкой. Даже отказавшись отъ своей доли, общинникъ не могъ порвать со своей общиной, если она этого не хотѣла.

Всѣ эти остатки крѣпостного права облегчали управленіе крестьянами, предоставляя ихъ въ распоряженіе бюрократіи: на нихъ покоилось финансовое благополучіе государства, на нихъ опиралось и помѣстное землевладѣніе послѣ реформы, при эксплоатаціи имѣній. А сохраненіе натуральныхъ повинностей (дорожной, подводной, этапной, квартирной и т. д.) на ряду съ расширеніемъ денежныхъ, давало возможность бюрократіи располагать колоссальными денежными средствами. Но тѣ противорѣчія, на которыя мы указывали, которыя казались сначала мало значительными, привели къ кризису всей стройной бюрократической системы управленія, построенной при отмѣнѣ крѣпостного права. На развитіи земледѣлія эти противорѣчія отражались особенно сильно.

V.

Таковы были общія условія, при которыхъ послѣ реформы 1861 года развивалось земледѣльческое хозяйство.

И крестьянское и помѣщичье хозяйство въ различныхъ районахъ Россіи организовались въ зависимости отъ этихъ общихъ условій и отъ тѣхъ условій *даннаго* района, которыя благопріятствовали опредѣленному типу хозяйства.

Въ *центральномъ* земледѣльческомъ районѣ крестьянское хозяйство, стиснутое помѣщичьимъ землевладѣніемъ, сразу обратилось къ арендѣ помѣщичьихъ земель, а та часть земли, которая не отдавалась въ аренду, обрабатывалась крестьянскимъ инвентаремъ.

По мѣрѣ роста земледѣльческаго населенія относительный размѣръ посѣва въ этомъ районѣ сокращался, производительность земледѣльческаго труда падала, такъ какъ, при увеличеніи числа трудящихся, количество получаемыхъ продуктовъ не увеличивалось. Напротивъ, усиленная эксплуатація земли, при сокращеніи скота, при недостаточномъ удобреніи и плохой обработкѣ повела къ неурожаямъ, которые окончательно разстраивали крестьянское хозяйство.

Паденіе производительности труда и раззореніе крестьянскаго хозяйства вліяло и на веденіе помѣщичьяго хозяйства. При высокихъ арендныхъ цѣнахъ на землю и при низкой заработной платѣ землевладѣльцу было невыгодно затрачивать большой капиталъ на улучшеніе техники сельскаго хозяйства. Машины невыгодно вводить при низкой заработной платѣ, такъ-же какъ невыгодно имѣть свой инвентарь, когда крестьяне за безцѣнокъ обрабатываютъ землю своимъ инвентаремъ, или когда они въ арендной платѣ уплачиваютъ землевладѣльцу и прибыль и ренту.

Въ *восточномъ* и *южномъ* районахъ (Заволжье, Сѣв. Кавказъ, Новороссія), гдѣ въ половинѣ 19 столѣтія было еще много свободныхъ земель, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ велось скотоводческое хозяйство, вовлеченіе земледѣльческаго

хозяйства въ товарный обмѣнъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и необходимость сбывать продукты на рынокъ, все это повело къ быстрому расширенію запашки и увеличенію производства зерновыхъ хлѣбовъ. Наличность большого земельнаго фонда давала возможность крестьянскому хозяйству развернуть свои производительныя силы, *не смотря* на неблагопріятныя общія условія, которыя мы выше характеризовали. Пролетаризація, обезземеленіе части населенія происходили и въ этихъ районахъ, но, вслѣдствіе огромнаго расширенія запашекъ, потребность въ рабочихъ рукахъ увеличивалась, и въ земледѣліи находили заработокъ не только мѣстные рабочіе, но и огромное количество пришлыхъ.

Благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ населеніе въ этихъ районахъ быстрѣе увеличивалось, пополняясь пришельцами изъ земледѣльческаго центра; развивалось крупное и мелкое капиталистическое хозяйство, вводились сельскохозяйственныя улучшенныя орудія и заработная плата стояла, сравнительно, высоко, особенно въ годы урожаевъ. Но и это благополучіе восточныхъ и южныхъ окраинъ Европейской Россіи къ концу столѣтія рушилось, такъ какъ огромную часть продуктовъ, добываемыхъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ приходилось продавать, а вырученныя деньги отдавать въ уплату прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Но исключительно зерновое хозяйство, которому благопріятствовали и естественныя условія (сухой климатъ и степная мѣстность) и экономическія (производство на отдаленный рынокъ черезъ черноморскіе порты) привело съ расширеніемъ запашекъ и съ истощеніемъ земли къ неурожаямъ, благодаря которымъ районъ съ голодающимъ населеніемъ все болѣе и болѣе расширялся по направленію отъ центральнаго земледѣльческаго района къ югу и къ востоку.

Къ сѣверу и сѣверозападу отъ центральнаго земледѣльческаго района въ районѣ *промышленномъ* нечерноземномъ, какъ мы замѣтили, уже при крѣпостномъ правѣ развивается обрабатывающая промышленность, въ которой населеніе находитъ заработокъ и для оплаты налоговъ и для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Разумѣется общія политическія условія и здѣсь задерживали развитіе земледѣлія и обрабатывающей промышленности. Но, такъ какъ промыслы все-таки развивались, развивалось капиталистическое производство, то при относительномъ сокращеніи земледѣлія, населеніе все-таки не терпѣло такихъ голодовокъ, какъ въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ; урожаи хлѣба даже нѣсколько повысились, ибо крестьяне не были вынуждены расширять посѣвы на счетъ выгоновъ и луговъ, могли лучше удобрять землю и вводить болѣе разнообразную культуру растеній. Въ районахъ близкихъ къ внутреннему рынку (къ Москвѣ) къ концу 19 столѣтія расширяется травосѣяніе. Благодаря этому населеніе могло въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увеличить количество скота и улучшить землю большимъ количествомъ удобренія. Во всякомъ случаѣ, въ промышленномъ районѣ неблагопріятныя политическія условія и относительное (къ населеленію) сокращеніе производства хлѣба не отражались такъ тяжело на благосостояніи населенія, какъ въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, потому что промыслы крестьянъ спасали ихъ отъ голодовокъ.

Въ *югозападномъ и малороссійскомъ* районахъ, хотя крестьяне получили, въ среднемъ, наименьшіе надѣлы, но благодаря развитію болѣе интенсивнаго капитали-

стическаго хозяйства и отсутствію общиннаго землевладѣнія, мѣшавшаго введенію интенсивной культуры на надѣльныхъ земляхъ, кабальная аренда не развивалась такъ, какъ въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ. Но и здѣсь крестьяне, разумѣется, не благоденствовали. Благодаря малоземелью значительная часть крестьянъ должна была существовать заработной платой въ помѣщичьихъ экономіяхъ, на свекловичныхъ плантаціяхъ и на сахарныхъ заводахъ. Заработная плата вслѣдствіе избытка рабочихъ рукъ была низкой и крестьяне въ большомъ числѣ уходили во время лѣтнихъ с.-хозяйственныхъ работъ на югъ, гдѣ заработная плата стояла на болѣе высокомъ уровнѣ.

Въ *прибалтійскихъ* губерніяхъ, не смотря на крайне невыгодныя для крестьянъ условія ихъ освобожденія отъ крѣпостного права, не смотря на то, что огромная часть крестьянъ была освобождена безъ земли, а крестьяне, получившіе землю, должны были уплатить колоссальный выкупъ за земли «по добровольному соглашенію» съ помѣщиками, крестьянское хозяйство развивалось и крестьяне расширяли свое хозяйство покупкой помѣщичьихъ земель. Но безземельные крестьяне, не имѣя своего хозяйства, принуждены были работать или у помѣщиковъ или у богатыхъ крестьянъ. Близость къ внѣшнему рынку и развитіе индустріи въ этомъ районѣ содѣйствовали развитію болѣе интенсивнаго капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства. Поэтому въ прибалтійскомъ районѣ образовался многочисленный классъ наемныхъ рабочихъ—батраковъ, живущихъ исключительно сельско-хозяйственнымъ наймомъ. Заработная плата здѣсь была все время значительно выше, чѣмъ въ другихъ районахъ Россіи, кромѣ южнаго и юговосточнаго.

Въ *литовскихъ* и *бѣлорусскихъ* губерніяхъ положеніе крестьянъ было болѣе сходно съ положеніемъ ихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, чѣмъ въ коренной Россіи. Въ Литвѣ было меньше малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, но болѣе слабо было развито и капиталистическое крупное хозяйство. Поэтому заработная плата здѣсь была очень низкой, крестьянское хозяйство развивалось болѣе медленно, но при подворномъ землевладѣніи, часть крестьянскихъ хозяйствъ могла укрѣпиться и повысить культуру земли. Такъ какъ землевладѣльцами здѣсь были большею частію поляки, то, какъ увидимъ далѣе, движеніе крестьянъ во время революціи было окрашено націонализмомъ и только въ коренной Литвѣ, гдѣ болѣе развито капиталистическое хозяйство, борьба за повышеніе заработной платы была болѣе организованной.

Въ *Закавказьѣ*, послѣ отмѣны крѣпостного права, крестьяне оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ. При сохраненіи многихъ пережитковъ крѣпостного права, землевладѣльцамъ и казнѣ удалось захватить наибольшую долю общей площади земли. Такъ же какъ въ центральной Россіи крестьяне Закавказья должны были прибѣгать къ арендѣ земли. Повышенная аренда, наконецъ, стала поглощать весь доходъ отъ земли.

Наконецъ горнозаводское населеніе *Урала* въ губерніяхъ Пермской, Уфимской и Оренбургской, положеніемъ 25 мая 1863 года, опредѣлившимъ земельныя права крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, было, въ сущности, оставлено безъ земли. На заводовладѣльцевъ была возложена лишь обязанность

предоставить крестьянамъ въ собственность только усадьбы и сѣнокосы или часть ихъ, *если* крестьяне пользовались ими до 63 года. Надѣлить же остальными угодьями было предоставлено владѣльцамъ тогда, «когда къ этому представится возможность» «по добровольному соглашенію съ крестьянами». Разумѣется заводовладѣльцамъ такой «возможности» не представлялось и возраставшее крестьянское населеніе оставалось въ полной зависимости отъ заводовладѣльцевъ, въ качествѣ арендаторовъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, хозяйственныя условія въ различныхъ районахъ послѣ отмѣны крѣпостного права [1]).

Мы видимъ, что при общихъ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ, давившихъ *все* крестьянство, экономическое положеніе его въ различныхъ районахъ было не одинаково.

Поэтому и развитіе земледѣльческаго хозяйства въ различныхъ районахъ шло не одинаковымъ темпомъ и крестьянское движеніе въ періодъ 1905—7 гг. выражалось въ различныхъ формахъ.

VI.

Паденіе производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія во второй половинѣ XIX ст. стало выражаться въ относительномъ, а мѣстами и въ абсолютномъ сокращеніи площади крестьянскаго посѣва, въ сокращеніи количества скота и въ неурожаяхъ, которые обострили хроническую голодовку крестьянскаго населенія.

Данныя о площади крестьянскихъ посѣвовъ въ различные періоды послѣ 1861 года крайне неточны. Тѣмъ не менѣе они даютъ матеріалъ для *сравненія* хозяйственнаго развитія различныхъ районовъ.

Итакъ, по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются [2]), произошло въ послѣднее, десятилѣтіе (1891—900 г.) увеличеніе площади посѣвовъ по всей Европ. Россіи, на надѣльныхъ земляхъ на 3% сравнительно съ площадью посѣвовъ въ 1861—70 гг. Площадь посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ абсолютно сократилась въ Малороссіи на 10,8%, въ средн. землед. районахъ на 18 и 16%, въ промышленномъ на 11%, ср.-волжск.—6,3%. При разсчетѣ по отношенію къ населенію произошло огромное сокращеніе посѣва по всей Европ. Россіи, а слѣдовательно и паденіе производительности труда. Въ десятилѣтіе 1861—70 гг. приходилось на 1000 душъ населенія 825 дес., а въ десятилѣтіе 1891—900 гг. только 547 дес. Правда, крестьяне еще арендовали, покупали и обрабатывали, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, частновладѣльческія земли, но увеличеніемъ посѣвовъ на частновладѣльческихъ земляхъ не покрывается та убыль посѣвовъ по отношенію къ населенію, которая произошла за этотъ періодъ.

---

[1]) Болѣе детальную характеристику земельныхъ отношеній въ различныхъ районахъ читатель найдетъ въ II т. „Аграрнаго вопроса въ Россіи“. Здѣсь же по недостатку мѣста приходится ограничиться выше изложеннымъ.

[2]) „Матер. выс. утв. 16 ноябр. 1901 г. коммиссіи“, а также вычисленія В. Михайловскаго, на основаніи свѣдѣній о количествѣ высѣваемаго хлѣба и данныя объ урожаяхъ («Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ» т. II). И тѣ и другія данныя даютъ болѣе или менѣе одинаковую картину измѣненія размѣровъ посѣва.

При разсмотрѣніи различныхъ районовъ паденіе производительныхъ силъ земледѣльчеекаго населенія становится еще замѣтнѣе. При общемъ увеличеніи населенія произошло сокращеніе размѣровъ посѣва на душу наличнаго населенія въ слѣдующихъ районахъ: въ Малороссіи на 42,3"/₀, въ обѣихъ группахъ среднеземледѣльческихъ губерній на 43,7—46,4%, въ промышленномъ на 34%, средневолжскомъ на 34,9 и восточномъ на 40%. Увеличеніе площади посѣва на душу наличнаго населенія произошло только въ Прибалтійскомъ краѣ.

Но если даже принимать во вниманіе и всю площадь посѣвовъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, то и тогда констатируется сокращеніе площади посѣва по отношенію къ наличному населенію. Только въ новороссійскомъ районѣ, гдѣ произошло огромное расширеніе частновладѣльческихъ посѣвовъ (на 346,8%) и посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ (44,5%), въ общемъ на 103,2%, произошло и относительное увеличеніе площади посѣвовъ, несмотря на огромный приростъ населенія (на 97,1%). Въ остальныхъ районахъ, кромѣ еще Прибалтійскаго края, произошло относительное сокращеніе *общей* площади посѣвовъ отъ 27,1% до 40,3%.

По другимъ даннымъ (на основаніи свѣдѣній о количествѣ высѣваемаго хлѣба) измѣненіе общей площади посѣвовъ, съ 1860 по 1896 г., произошло въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Трехпол. Степная черноз. полоса	Новороссія	+	94 %	Полѣсье	Польша	+	36 %
	Сѣв. Кавказъ	+	290 »		Бѣлоруссія	+	2 »
	Заволжье	+	57 »		Прибалт. край	+	38 »
	Малороссія	+	4 »		Сѣв. Россія	—	0,5 »
	Центр. Россія	—	0,5 »		Великороссія	—	32 »
	Поволжье	+	6 »		Восточн. Росс.	+	4 »

Если принять во вниманіе огромный приростъ населенія за этотъ періодъ то будетъ ясно, что въ большей части земледѣльческихъ районовъ Европейской Россіи произошло рѣзкое паденіе производительныхъ силъ въ земледѣліи.

* * *

При увеличеніи населенія и при относительномъ сокращеніи площади надѣльныхъ земель становится понятной та взаимная конкурренція при арендѣ помѣщичьихъ земель, которая вздувала арендныя цѣны и вела къ закабаленію крестьянъ [1]). Въ особенности тамъ, гдѣ не было промысловъ и большая часть крестьянъ занималась земледѣліемъ, аренда земель была единственнымъ путемъ для поддержанія крестьянскаго хозяйства.

Сначала сборъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ и арендованныхъ земель давалъ возможность значительной части крестьянъ, уплачивая аренду и колоссальные налоги, поддерживать свое хозяйство, а части крестьянъ, болѣе зажиточныхъ и

[1]) По даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій площадь внѣ-надѣльныхъ крестьянскихъ арендъ въ 183 уѣздахъ, т. е. въ половинѣ ихъ общаго числа, опредѣлена въ 10 милл. дес., составляющихъ около 20% надѣльной площади, число же арендующихъ дворовъ въ 163 уѣздахъ исчислено въ 1, 5 милл., т. е. около 37% ихъ наличнаго числа.

накоплять капиталъ. Но, по мѣрѣ усиленія конкурренціи крестьянъ и повышенія арендной платы, положеніе крестьянъ становилось все хуже и хуже. Въ центральныхъ районахъ конкурренція мелкой продовольственной аренды, аренды для поддержанія существованія семьи арендатора, вытѣсняетъ не только экономическіе посѣвы, но и капиталистовъ-арендаторовъ, которые арендовали земли для полученія прибыли. Мелкій арендаторъ сталъ довольствоваться только такой долей продукта съ арендуемыхъ земель, чтобы количество хлѣба, получаемаго и съ надѣльной и съ арендуемой земли, могло удовлетворить его насущныя потребности, т. е. мелкій арендаторъ за обработку арендуемой земли довольствовался меньшей долей, чѣмъ сельскохозяйственный рабочій, который долженъ существовать заработной платой. Арендаторъ могъ довольствоваться меньшей долей, потому что часть продуктовъ онъ получалъ со своего надѣла.

Но съ 90-хъ годовъ арендная плата поднимается еще выше указанной нами нормы. У массы крестьянства сокращается количество скота, лошадей, коровъ и т. д. Это происходитъ потому, что крестьянину-арендатору уже не остается достаточно продуктовъ съ надѣла и съ арендуемыхъ участковъ для уплаты аренды, налоговъ и для пропитанія: онъ начинаетъ сокращать количество скота, которымъ или уплачиваетъ налоги или аренду или питается. Продовольственная аренда поддерживается уже на счетъ «основного капитала» крестьянина. При такихъ условіяхъ неизбѣжно долженъ былъ наступить кризисъ крестьянскаго хозяйства.

Центральный земледѣльческій районъ все больше и больше раззорялся, при чемъ процессъ раззоренія постепенно захватывалъ и тѣ области, которыя первоначально, какъ рѣже населенныя, послѣ отмѣны крѣпостного права экономически развивались. Къ 90 годамъ экономическій упадокъ захватилъ такія губерніи, какъ Самарская и Саратовская, считавшіяся житницей Россіи, а послѣ 90 годовъ и въ части южнаго района у крестьянъ стало сокращаться количество скота, необходимаго для земледѣльческаго хозяйства.

Сравненіе военно-конскихъ переписей за 1888—901 гг. показываетъ, что процессъ обнищанія только за одно десятилѣтіе очень далеко подвинулся впередъ По 31 губерніи Европейской Россіи, за исключеніемъ южнаго новороссійскаго, восточнаго и юго-восточнаго районовъ, т. е. ея окраинъ, количество лошадей сократилось такимъ образомъ, что, принимая число хозяевъ въ 1888 году за сто, въ 1899—901 году оказалось:

безлошадныхъ	122
съ 1 лошадью	125
» 2 лош.	96
» 3 »	65
» 4 »	57
» 5 »	45
» 6 и болѣе	41

Если принять во вниманіе, что лошадь является однимъ изъ главныхъ средствъ производства въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, то станетъ ясно, что крестьянское хозяйство приближалось къ кризису. Очевидно, что, поддерживая

аренду частновладѣльческихъ земель при помощи сокращенія необходимаго въ хозяйствѣ скота, масса крестьянскихъ хозяйствъ должна была попасть въ положеніе, при которомъ уже нечего продавать, а слѣдовательно нельзя не только возобновить аренду, но и вести вообще хозяйство даже на надѣльной землѣ, которая, при этомъ, все равно не можетъ дать достаточно средствъ существованія для огромнаго большинства крестьянскихъ семействъ.

Наряду съ мелкой продовольственной арендой въ центральномъ черноземномъ районѣ широко практиковалась экономическая запашка помѣщичьихъ земель крестьянскимъ инвентаремъ и такъ называемая отработочная система аренды, при которой крестьяне за арендуемые клочки земли обрабатывали остальную помѣщичью землю.

Такая самая отсталая форма веденія хозяйства, очень близкая къ крѣпостному хозяйству, поддерживалась опять-таки крестьянской нуждой. Крестьяне, имѣя необходимый, хотя и плохой инвентарь, но не имѣя достаточно земли и заработковъ, соглашались за безцѣнокъ обрабатывать помѣщичьи земли своимъ инвентаремъ. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ предпочиталъ затрачивать свои средства или въ индустрію, которая давала высокую прибыль на капиталъ, или просто проживать, вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать улучшенныя орудія производства. Улучшенныя сельскохозяйственныя орудія покупаются не землевладѣльцами центральнаго земледѣльческаго района, а крестьянами, казаками и землевладѣльцами южной и восточной окраинъ, гдѣ, какъ мы видѣли, происходило развитіе производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія. Изъ общей суммы въ 1.559 тыс. пуд сельскохозяйственныхъ орудій, прибывшихъ въ 1899 году на болѣе крупныя станціи назначенія, въ центральную Россію прибыло только 271 тыс. пудовъ, если даже и Варшаву отнести въ центру.

Паденіе производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія во всей Европейской Россіи, кромѣ окраинъ, привело къ тому, что процессъ раззоренія захватилъ почти всѣ слои крестьянства. Разслоеніе крестьянъ на пролетаріевъ съ одной стороны и на зажиточныхъ крестьянъ съ другой проявилось болѣе рѣзко лишь на окраинахъ, гдѣ для экономически сильныхъ крестьянъ былъ возможенъ процессъ накопленія капитала, гдѣ можно было расширять запашку, вводить улучшенныя с.-х. орудія и т. д. Въ центральной же Россіи почти *всѣ* крестьяне стремились арендовать какъ нибудь помѣщичьи земли, почти всѣ крестьяне находились въ тяжелой экономической зависимости отъ земледѣльцевъ и, благодаря этому, впослѣдствіи, почти всѣ крестьяне приняли участіе въ томъ стихійномъ движеніи, которое возникло въ 1902 и 1905—7 годахъ.

На почвѣ развившейся продовольственной аренды возникаютъ всевозможныя формы кабальныхъ отношеній при сельскохозяйственномъ наймѣ.

Крестьяне за безцѣнокъ берутся обрабатывать помѣщичьи земли, особенно въ такіе критическіе моменты, когда крестьянину до-зарѣзу необходимо достать какія нибудь средства для собственнаго существованія и для уплаты податей. Такіе моменты случаются обыкновенно зимой, и зимняя наемка на лѣтнія работы широко практикуется въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, какъ лучшее средство имѣть за безцѣнокъ рабочія руки. При такихъ условіяхъ крестьянинъ-батракъ, не имѣющій своей запашки, не можетъ конкуррировать съ «самостоя-

тельнымъ крестьяниномъ», имѣющимъ свою запашку: для послѣдняго сельскохозяйственный наемъ является подсобнымъ заработкомъ, или, обратно, своя запашка дѣлается подсобнымъ заработкомъ къ заработку по найму. Естественно что каждый крестьянинъ, чтобы имѣть возможность существовать, цѣпляется за свое «самостоятельное» хозяйство, такъ какъ однимъ наемнымъ трудомъ очень трудно, почти невозможно просуществовать.

Въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ, по мѣрѣ раззоренія крестьянъ увеличивается не количество пролетаріевъ—наемныхъ рабочихъ, а растетъ число крестьянъ-пауперовъ, имѣющихъ свои посѣвы, тѣсно связанныхъ съ помѣщичьей экономіей и стремящихся расширить свою запашку арендой помѣщичьей земли. Напротивъ, въ юго-западномъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, а также въ Польшѣ и отчасти въ Малороссіи и Новороссіи уже образуются значительные кадры сельскохозяйственныхъ рабочихъ, для которыхъ повышеніе заработной платы имѣетъ большее значеніе, чѣмъ пониженіе аренды. Въ періодъ съ 70-хъ г.г. до середины 80-хъ реальная заработная плата (сообразно съ цѣнами на хлѣбъ) повысилась въ Прибалтійскихъ губ. на 59—67%, въ Новороссіи отъ 0 до 31%, въ Западномъ краѣ даже до 76% (Могил. губ.), между тѣмъ какъ во всемъ центральномъ черноземѣ, въ среднемъ Поволжьѣ, въ юго-западномъ краѣ, вездѣ понизилась отъ 3% до 66%.

Выше мы характеризовали правовое положеніе крестьянства. Оно, какъ мы видимъ, вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ экономическимъ отношеніямъ, которыя создались въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ. Полукрѣпостническій характеръ экономическихъ отношеній поддерживался и подкрѣплялся юридическимъ безправіемъ и обособленностью крестьянъ. Но для укрѣпленія хозяйства землевладѣльцевъ требовалось еще регулированіе сельскохозяйственнаго найма, чтобы гарантировать исполненіе работъ сельскохозяйственными рабочими. Потребность землевладѣльцевъ въ такого рода гарантіи была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тяжелѣе были для рабочихъ условія найма, чѣмъ труднѣе было имъ исполнить свои обязательства, которыя обыкновенно давались въ періодъ наиболѣе обостренной нужды и часто были неисполнимы.

Временныя правила о наймѣ на сельскохозяйственныя работы, изданныя въ 1863 году, ставили своей задачей придти на помощь помѣщику-нанимателю, который всѣмъ строемъ пореформенной жизни долженъ былъ встать въ другія гражданскія отношенія съ своими бывшими крѣпостными. Напр., по 16 ст. правилъ, за самовольную отлучку отъ работъ, за лѣность, пьянство и нерадѣніе рабочіе-служители подвергаются денежному взысканію въ *пользу нанимателя* въ тѣхъ размѣрахъ, которые опредѣлены въ договорѣ, а если въ договорѣ это не оговорено, то денежному штрафу въ пользу нанимателя же. Разумѣется, объективныхъ признаковъ «нерадѣнія», «лѣности» и проч. закономъ не установлено.

Несмотря на чрезвычайно благопріятныя для землевладѣльцевъ правила 63 года, постоянно раздавались жалобы нанимателей на с.-хоз. рабочихъ, требовались болѣе суровыя мѣры для неисполнительныхъ рабочихъ, ограниченіе праздничныхъ дней и т. п. Кабальный характеръ аренды и сельскохозяйственнаго найма часто заставлялъ крестьянъ нарушать условія договора, такъ какъ они

АКАДЕМ

были прямо неисполнимы. Взаимныя нарушенія условій найма, стремленіе сохранить низкую заработную плату побудили землевладѣльцевъ добиваться еще большаго и вызывали жалобы землевладѣльцевъ и требованія законодательной «защиты».

Подъ давленіемъ этихъ жалобъ—уже въ 1867 году высочайшей резолюціей министру внутреннихъ дѣлъ повелѣвалось составить проектъ закона объ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Въ 1870 г. была учреждена коммисія подъ предсѣд. гр. Игнатьева для разсмотрѣнія вопросовъ о наймѣ. Въ 1872 году Валуевская коммисія выработала также проектъ рабочаго устава, но только въ 1886 году получили законную силу новыя правила о наймѣ.

Закономъ 12 іюня 1886 года въ интересахъ нанимателей были внесены существенныя поправки къ правиламъ 1863 года. Согласно правиламъ 63 года, рабочій могъ нарушить договоръ, если ему нанесены побои, тяжкія оскорбленія. По правиламъ же 86 года тяжкія и не тяжкія оскорбленія и дурное обращеніе нанимателя уже не могутъ быть законной причиной ухода рабочихъ, хотя «грубость противъ нанимателя и членовъ его семьи», «лѣность», «нерадѣніе», «дерзкіе поступки», «неспособность исполнять работу» могутъ быть законными причинами, чтобы отказать рабочему. Но самое существенное въ новыхъ правилахъ,—введеніе договорныхъ и разсчетныхъ книжекъ, при чемъ дается право нанимателю штрафовать рабочаго и вводится *уголовная* отвѣтственность нанимающихся за нарушеніе договора и неисправное его исполненіе.

Въ связи съ общимъ правовымъ положеніемъ крестьянства, правила о сельскохозяйственномъ наймѣ укрѣпляли тѣ формы хозяйственныхъ отношеній которыя и привели крестьянское хозяйство къ кризису.

VII.

Населеніе земледѣльческаго центра, за отсутствіемъ тамъ обрабатывающей промышленности, принуждено было искать заработковъ въ земледѣліи же, нанимаясь или къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, или отправляясь на югъ и на востокъ, гдѣ расширеніе запашекъ требовало большого количества рабочихъ рукъ особенно въ періодъ косовицы и жнитва. Создалось въ огромныхъ размѣрахъ ежегодное передвиженіе населенія на земледѣльческіе заработки изъ центра на окраины. При малой производительности труда (вслѣдствіе дешевизны рабочихъ рукъ с.-хоз. машины въ центральномъ раіонѣ почти не употребляются, здѣсь поглощается въ два-три раза больше труда, чѣмъ это необходимо при современной техникѣ; тѣмъ не менѣе огромное количество рабочихъ рукъ принуждено искать заработка въ другихъ раіонахъ, чтобы поддержать свое существованіе. По разсчетамъ С. Короленко, если считать на каждаго рабочаго по $2^1/_2$ дес. посѣва, то лишнихъ работниковъ въ 21 губ. окажется около 5 мил. человѣкъ, изъ которыхъ около $2^1/_2$ мил. могутъ найти себѣ занятія только въ качествѣ отхожихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Кн. Н. Шаховской приводитъ данныя о выданныхъ паспортахъ въ 1891 году: изъ 2 мил. выданныхъ въ центральномъ раіонѣ паспортовъ болѣе половины нужно отнести къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Въ 1901 году уже считалось около 2.800 тыс. рабочихъ.

Всѣ эти цифры гадательны, но во всякомъ случаѣ только въ три южныя губерніи и двѣ области (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская г.г., Обл. Войска Донского и Кубанская) и въ двѣ восточныя губерніи съ областью (Самарская, Оренбургская губ. и Уральская обл.) уходитъ на сельскохозяйственныя работы около милліона рабочихъ. Въ нѣкоторыя губерніи рабочіе приходятъ въ огромномъ количествѣ. Такъ, въ Кубанскую область приходятъ болѣе 300 тыс. с.-хоз. рабочихъ, въ Самарскую около 250 тыс., въ Херсонскую 125 тыс. и т. д.

Изъ опроса рабочихъ на санитарно-продовольственныхъ пунктахъ и причинахъ, побудившихъ искать заработка на сторонѣ, большая часть указываетъ на недостатокъ заработка на мѣстѣ, на малоземелье, на обремененіе недоимками и долгами и на неурожай.

Выгоняемые голодомъ на рабочій рынокъ, не защищенные законодательствомъ отъ побоевъ, насилій и другихъ злоупотребленій нанимателей, крестьяне центральнаго черноземнаго раіона понижали заработную плату и ухудшали положеніе мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ на югѣ и на востокѣ. Но тамъ всетаки заработная плата стояла выше, а въ годы большихъ урожаевъ такъ повышалась, что сельскіе хозяева стали употреблять сельскохозяйственныя орудія и машины, сокращающія количество необходимаго наемнаго труда. При постоянномъ увеличеніи отхожихъ рабочихъ и при относительномъ сокращеніи спроса на нихъ, многіе крестьяне возвращались домой безъ всякаго заработка истративши въ пути и тѣ средства, которыя были взяты съ собой на дорогу. Такимъ образомъ и техническій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ южной и и восточной окраинъ Европейской Россіи только ухудшалъ положеніе крестьянъ-рабочихъ центральнаго раіона, сокращая потребность въ пришлыхъ наемныхъ рабочихъ. Въ 1905—7 г.г. отмѣчается не мало столкновеній мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ пришлыми, понижавшими своей конкурренціей заработную плату.

При такихъ условіяхъ хозяйственной жизни, естественно, что крестьяне центральнаго земледѣльческаго раіона тотчасъ послѣ реформы 61 года пытаются найти лучшія мѣста, гдѣ бы было больше простора для земледѣльческаго хозяйства.

«На основаніи всеподданнѣйшихъ отчетовъ начальниковъ сибирскихъ губерній, а также по имѣющимся даннымъ о причисленіи переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губ. и въ Алтайскомъ округѣ, можно заключить, что выселеніе выходцевъ изъ внутреннихъ губерній за Уралъ безостановочно продолжалось послѣ крестьянской реформы, при чемъ цифра переселяющихся въ первые годы составляла въ среднемъ около 2 тыс. душъ въ годъ. Замѣтное увеличеніе числа переселенцевъ начинается уже въ 80-хъ г. и въ 1881—82 г.г. число это по разсчету Гурвича составило 74 тыс. душъ».

Арендныя цѣны на землю начинаютъ особенно сильно повышаться именно къ началу 80-хъ годовъ. Какъ мы замѣтили, увеличеніе земледѣльческаго населенія, на ряду съ относительнымъ сокращеніемъ площади запашки, дѣлало положеніе широкихъ слоевъ крестьянства все болѣе и болѣе труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и бѣгство крестьянъ изъ центральнаго черноземнаго раіона на окраины.

Въ 1891 году число переселенцевъ достигло 82.150 чел. и наконецъ въ 1896 году достигло небывалой цифры въ 202.302 чел. Опустившись въ слѣдующемъ 1897 году до 86.575 чел., оно вновь увеличилось въ 1898 году до 205.646 чел. и въ 1899 году до 223.981 чел. обоего пола, а въ 1900 году, по даннымъ управл. Сиб. ж. дор., прошло до 280 тыс. чел.

«Несмотря на довольно сильныя колебанія изъ году въ годъ общія числа крестьянъ, выселяющихся въ Сибирь—имѣли за послѣднее двадцатилѣтіе несомнѣнную склонность къ повышенію, въ зависимости отъ постепеннаго уменьшенія емкости территоріи по отношенію къ населенію. Дѣйствіе послѣдняго фактора и выражается въ развитіи того «малоземелья», на которое изслѣдователи сибирскихъ переселеній единогласно указываютъ, какъ на коренную причину послѣднихъ [1]). Однако если разсмотрѣть размѣры переселеній изъ различныхъ раіоновъ Россіи, то окажется, что крестьяне переселяются не изъ *всѣхъ* малоземельныхъ мѣстностей; что и при относительно большихъ надѣлахъ, но при большихъ платежахъ и высокой арендной платѣ, населеніе стремится переселиться, и, напротивъ, при малыхъ надѣлахъ, но достаточныхъ заработкахъ крестьяне не бѣгутъ въ Сибирь.

Изъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ хлѣба производится недостаточно для мѣстнаго населенія, казалось бы должно быть больше переселенцевъ. Между тѣмъ уже съ 50 годовъ выходцы изъ черноземныхъ губерній среди сибирскихъ переселенцевъ преобладаютъ. По даннымъ за семилѣтіе 1887—1893 г.г. изъ общаго числа 67.041 семей переселенцевъ, прошедшихъ черезъ сухопутную границу Сибири, 57.140 или болѣе пяти шестыхъ были выходцы изъ 14 губерній, принадлежащихъ къ раіонамъ: сѣверно- и средне-черноземному, юго-восточному и сѣверо-восточному заволжскому. Болѣе 25 тыс. крестьянъ выселилось въ Сибирь изъ слѣдующихъ губерній: Полтавской, Черниговской, Курской, Орловской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Самарской, т. е. изъ наиболѣе благодатнаго края, съ тучнымъ черноземомъ.

При этомъ переселяются крестьяне не только безземельные и безлошадные, но большая часть крестьянъ-переселенцевъ имѣютъ надѣла болѣе 1 дес. Изъ зарегистрованныхъ переселенцевъ только 29,2% не имѣли рабочаго скота, а остальные имѣли не менѣе одной лошади или пары рогатаго скота. Слѣдовательно, наличность надѣла и рогатаго скота, при существовавшихъ условіяхъ, не обезпечивала еще крестьянское хозяйство достаточнымъ доходомъ для сколько нибудь сноснаго существованія. Не смотря на то, что переселенцы имѣли надѣлы и рабочій скотъ, очень немногіе могли продавать хлѣбъ, а большинство его покупало.

Но, покупая хлѣбъ, половина всѣхъ переселенцевъ должна была уплачивать налоговъ свыше 10 рублей и большая часть изъ этой группы имѣла обязательныхъ платежей болѣе 15 руб. на хозяйство.

Избыточное населеніе черноземныхъ раіоновъ, образовавшееся при сокращеніи крестьянскаго землевладѣнія во время крѣпостной реформы, такимъ образомъ стремилось найти средства для существованія и въ отхожемъ сельскохо-

[1]) «Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ». Изд. Канц. комит. мин. Спб. 1906 г. стр. 127—9.

зяйственномъ наймѣ и въ переселеніяхъ. Но отходу на заработки препятствовали правовыя условія, въ которыя было поставлено все крестьянство: условія выдачи паспортовъ, зависимость личности отъ міра и отъ усмотрѣнія бюрократіи. Переселенію же крестьянъ въ Сибирь оказывала прямое противодѣйствіе бюрократія, въ интересахъ землевладѣльцевъ задерживавшая избыточное населеніе въ деревнѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1896 году нѣкоторыми начальниками губерній былъ сдѣланъ опытъ задерживать переселеніе крестьянъ въ Сибирь воспрещеніемъ имъ продавать свои хозяйства до предъявленія удостовѣренія въ наличности 300 руб. свободныхъ денегъ. «Однако эти распоряженія повели лишь къ различнымъ злоупотребленіямъ или къ тому, что крестьяне, желавшіе уйти въ Сибирь, сообща собирали требуемую сумму и представляли удостовѣреніе о наличности у нихъ необходимыхъ денегъ», а потомъ собранныя суммы передавались другимъ крестьянамъ.

Несмотря на то, что всякаго рода правительственныя коммисіи объясняли упадокъ крестьянскаго хозяйства малоземельемъ и перенаселеніемъ, препятствія переселенческому движенію не прекращались съ самой эпохи отмѣны крѣпостного права.

Число самовольныхъ переселенцевъ въ послѣднія десятилѣтія быстро росло: въ 1894 г. самовольное переселеніе достигало до 78% всего переселенческаго движенія. «Главнымъ... изъ препятствій были задержки въ удовлетвореніи со стороны мѣстной администраціи представленныхъ переселенцами ходатайствъ о выдачѣ имъ надлежащихъ разрѣшеній: причина эта обусловила, напр., въ 1896 г. выходъ съ родины до 55% всего числа самовольныхъ переселенцевъ. Часто задержка переселенцевъ мѣстной администраціей вызывалась интересами сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые теряли въ лицѣ переселенцевъ дешевыя рабочія руки и арендаторовъ по высокимъ, «голоднымъ» цѣнамъ». «Бѣдные служатъ для среднихъ и крупныхъ хозяйствъ рабочею силою и арендаторами земель, богатые же служатъ исключительно арендаторами земли. Землевладѣлецъ и разсуждаетъ, что выселеніе и бѣднѣйшихъ и зажиточныхъ имѣетъ тенденцію нарушать его интересы, умалять число сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ, а черезъ это повышать заработную плату и понижать арендную плату. Руководствуясь такими побужденіями, землевладѣльцы и стараются удержать крестьянъ отъ выселенія. Во многихъ случаяхъ мѣстная администрація проникается воззрѣніями землевладѣльцевъ и также ставитъ большія или меньшія препятствія» [1]). Въ книгѣ изданной комитетомъ министровъ («Колонизація Сибири»), мы находимъ прямое указаніе, что опасеніе землевладѣльцевъ лишиться дешевыхъ рабочихъ рукъ дѣйствовало и на законодательство со времени отмѣны крѣпостного права. «На общее направленіе законодательства оказывало вліяніе и опасеніе, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на казенныя земли не привело бы къ развитію вредной подвижности и бродяжничеству среди сельскаго населенія... Опасеніе это раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 года даровой труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обра-

[1]) А. Исаевъ. Переселенія въ русск. нар. хоз. 1891 г. стр. 39.

боткѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду послѣднимъ же; при такихъ условіяхъ уходъ крестьянъ на окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ землю».

Законодательство и администрація одинаково несочувственно относились, какъ къ оставленію крестьянами своихъ обществъ, такъ къ водворенію переселенцевъ на казенныхъ земляхъ. Если же законодательство и разрѣшало въ отдѣльныхъ случаяхъ крестьянамъ водворяться въ мѣстахъ переселенія, то обыкновенно ему приходилось признать законнымъ уже совершившійся фактъ,—самовольное переселеніе.

Противорѣчіе между законодательствомъ и непреодолимымъ стремленіемъ крестьянъ къ переселенію обратило вниманіе правительства, но... «принятію какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ по вопросу о регулированіи переселеній препятствовало *опасеніе*, раздѣляемое лицами центральнаго управленія, *чтобы предоставленіе крестьянамъ права на водвореніе на казенныхъ земляхъ не возбудило среди нихъ несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія ихъ землею*».

Итакъ, опасаясь «несбыточныхъ ожиданій», правительство принимало всѣ мѣры, которыя должны были въ концѣ концовъ вызвать и обострить кризисъ крестьянскаго хозяйства и этимъ пробудить тѣ «несбыточныя ожиданія», которыхъ оно такъ опасалось. Несмотря на эти опасенія, «правительству уже въ самомъ началѣ 80 годовъ пришлось принять мѣры для обсужденія вопроса объ уменьшеніи замѣтно возросшихъ размѣровъ самовольныхъ переселеній крестьянъ, направлявшихся для водворенія, *подъ видомъ* ухода на заработки, въ Новороссію, въ пріуральскія губерніи и въ Западную Сибирь». Въ 1881 году были нѣсколько облегчены формальныя условія для «законнаго» переселенія; тѣмъ не менѣе, какъ мы указывали, ему чинились всяческія препятствія со стороны мѣстной администраціи.

Когда началось массовое крестьянское движеніе въ 1905—7 гг., правительство съ такой же энергіей, съ какой раньше задерживало крестьянъ, стало принимать мѣры къ усиленію переселенческаго движенія...

VII.

Несмотря на то, что послѣ отмѣны крѣпостного права осталось много его пережитковъ, несмотря на сохраненіе сословнаго строя и на рядъ стѣсненій для мобилизаціи земли и населенія, все-таки новыя хозяйственныя отношенія расшатывали старый укладъ жизни, экономическое господство помѣстнаго дворянства постепенно ускользало отъ него, переходя въ области индустріи безраздѣльно въ руки буржуазіи, а въ сферѣ землевладѣнія только отчасти.

Въ эпоху крѣпостного права даровой крѣпостной трудъ устранялъ необходимость приспособленія къ примѣнявшимся хозяйственнымъ условіямъ и ослаблялъ соперничество другихъ сословій. Послѣ отмѣны крѣпостного права для мобилизаціи земли открылся широкій просторъ. Въ конкуренцію изъ-за земли вступили всѣ сословія.

Земельная собственность должна была прежде всего изъ рукъ дворянскаго сословія направиться въ руки другихъ сословій постольку, поскольку такое движеніе задерживалось условіями крѣпостного строя и поскольку другія сословія оказались въ состояніи бороться за обладаніе землей въ рамкахъ пореформеннаго строя.

Средніе ежегодные размѣры мобилизаціи земли у различныхъ сословій были слѣдующіе (въ десятинахъ):

	Дворяне, чиновн. и офицеры.	Купцы и почетн. гражд.	Крестьяне: лично	товариществ.	обществ.
Съ 1863—72 гг.	— 644.691	+ 445.064	+ 73.488	+ 55.793	+ 10.361
» 1873—82 »	— 949.072	+ 450.226	+ 157.723	+ 150.961	+ 23.879
» 1883—92 »	— 830.780	+ 219.492	+ 119.300	+ 261.985	+ 91.449
» 1893—97 »	— 896.607	+ 138.240	+ 112.522	+ 271.072	+ 52.064

Изъ таблицы мы видимъ, что дворянство тотчасъ послѣ реформы 61 года начинаетъ терять ежегодно болѣе 600 тыс. дес., а въ слѣдующія десятилѣтія вплоть до 20 стол. теряло ежегодно болѣе 800 тыс. дес. Большая часть земли, уходившей изъ рукъ дворянства, попадала или въ руки купечества, или въ личную собственность богатыхъ крестьянъ. Довольно значительныя пріобрѣтенія, особенно въ послѣднія десятилѣтія, сдѣлали крестьяне середняки, покупавшіе земли товариществами, и сравнительно немного пріобрѣтали крестьяне цѣлыми обществами, въ которыя входили и болѣе бѣдные крестьяне. Уже изъ этихъ цифръ ясно, что хотя рядовые крестьяне и покупали часть помѣщичьихъ земель, но эти покупки не могли покрывать той убыли площади надѣловъ, которая происходила благодаря увеличенію земледѣльческаго населенія. Земля накоплялась только въ рукахъ купцовъ и богатыхъ крестьянъ, составлявшихъ незначительную часть сельскаго населенія.

Такого рода мобилизація земли вела къ своеобразной мобилизаціи капиталовъ. Купцы и крестьяне затрачивали огромныя суммы въ земледѣліе не на производство хлѣба, а на покупку земли, техника же производства оставалась при этомъ примитивной. Затраченныя на покупку земель суммы не содѣйствовали развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи, а задерживали ихъ, такъ какъ они отвлекались не на производство продуктовъ земледѣлія, а на пріобрѣтеніе земли. Дворянство получило колоссальныя суммы за выкупленныя и проданныя земли, но эти суммы шли не на земледѣліе, а *изъ* земледѣлія, поскольку они выплачивались крестьянами.

Количество денегъ, получаемыхъ дворянствомъ за землю, опредѣляется слѣдующими цифрами:

Годы.	Выкупная ссуда.	Выручка отъ продажи.	Всего.
1863—72	607,2 милл. р.	115 милл. р.	722 милл. р.
1873—82	158,2 » »	219 » »	377 » »
1883—92	100,0 » »	304 » »	404 » »
1893—97	6,2 » »	207 » »	213 » »

По мѣрѣ сокращенія выкупныхъ ссудъ дворянство пополняетъ притокъ денегъ вольной продажей своихъ земель, при чемъ суммы, получаемыя отъ такой продажи, съ каждымъ десятилѣтіемъ и въ пятилѣтіе 93—97 гг. растутъ. Значительное содѣйствіе росту цѣнъ на землю, кромѣ указанныхъ выше причинъ (роста продовольственной аренды), оказали и операціи крестьянскаго банка.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на колоссальное повышеніе цѣнъ на землю, особенно въ черноземномъ районѣ, дворянство цѣпко держалось за землю въ районахъ, гдѣ эксплоатація земли... была наиболѣе выгодной.

При отмѣнѣ крѣпостного права помѣщики нечерноземнаго района стремились получить выкупные платежи за землю; поэтому тамъ надѣлы крестьянъ были увеличены. Послѣ отмѣны крѣпостного права землевладѣльцы нечерноземнаго района продолжали продавать земли, потому что конкуренція черноземнаго района дѣлала менѣе выгодными посѣвы въ нечерноземной полосѣ. Напротивъ, въ югозападномъ и сѣверозападномъ краѣ, гдѣ развивалось капиталистическое крупное хозяйство, и въ центральномъ земледѣльческомъ, гдѣ поддерживалось кабальное хозяйство, помѣщики значительно большій процентъ земли удержали въ своихъ рукахъ.

Принимая цифру помѣщичьяго владѣнія въ 1862 году за 100, мы получимъ слѣдующій рядъ цифръ [1]):

	1862.	1867.	1877.	1887.	1897.
Центральный промышленный	100	96	79	63	49
Сѣверный	100	96	75	56	44
Сѣверозападный	100	101	100	96	87
Центр. землед.	100	97	88	80	73
Малороссійскій	100	98	90	79	68
Югозападный	100	101	97	93	87
Степной	100	94	84	66	56
Нечерноземн. полоса	100	98	84	70	58
Черноземная »	100	97	89	78	70

Наибольшей устойчивостью отличалось дворянское землевладѣніе въ Западномъ краѣ, гдѣ земельныя отношенія раньше приняли капиталистическій характеръ. Въ степномъ районѣ, гдѣ *крестьянское* хозяйство въ значительной степени развивается въ капиталистическое, къ нему переходитъ огромное количество помѣщичьихъ земель; то же происходило въ Промышленномъ районѣ, гдѣ землевладѣльцы предпочитаютъ ликвидировать свое хозяйство.

Многіе землевладѣльцы послѣ того, какъ выкупныя ссуды были истрачены, а земли заложены, стремились продать свои земли, по возможности разумѣется, по болѣе высокимъ цѣнамъ. Для залога дворянскихъ земель на льготныхъ условіяхъ былъ организованъ дворянскій банкъ, а для покупки земель крестьянами—крестьянскій банкъ. Первый имѣлъ значеніе для тѣхъ землевладѣльцевъ, которые вели свое собственное хозяйство и могли на льготныхъ условіяхъ получить необходимый для этого капиталъ. Разумѣется этотъ капиталъ могъ быть

[1]) „Мобилиз. земельн. собств." вып. XI.

употребленъ и для всякихъ другихъ промышленныхъ и торговыхъ операцій землевладѣльца. Какъ было уже замѣчено, хозяйство землевладѣльцами велось на югѣ и юго-западѣ. Въ нечерноземномъ районѣ землевладѣльцы предпочитали продавать земли и здѣсь въ-первые явилась мысль о «содѣйствіи» крестьянамъ въ покупкѣ ими земель.

Съ 1875 года вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ сдѣлался предметомъ заботъ различныхъ земствъ. Нѣкоторыя земства приступили даже къ практическому его осуществленію. Тверское земство еще въ 1875 году ассигновало въ распоряженіе управы 10.000 руб. на выдачу ссудъ крестьянскимъ обществамъ для покупки земель. Примѣру его послѣдовало Костромское, Таврическое и др. земства. Наибольшую дѣятельность по устройству кредита для покупки земель крестьянами, какъ и слѣдовало ожидать, проявили земства или сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ крестьяне меньше нуждались въ землѣ, такъ какъ получили болѣе крупные надѣлы, а *арендныя цѣны стояли очень низко*, или въ губерніяхъ южныхъ, тогда мало населенныхъ, гдѣ чувствовался недостатокъ рабочихъ рукъ и цѣны на землю также стояли низкія (въ Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Костромской, Смоленской, Московской, Ярославской, Херсонской и Таврической) [1]).

Въ 1882 году обсуждается въ государственномъ совѣтѣ проектъ крестьянскаго поземельнаго банка, причемъ высказывается мнѣніе, что возможность покупать помѣщичьи земли черезъ крестьянскій банкъ заставитъ крестьянъ «отложить въ сторону всякія мечты, волновавшія до сихъ поръ сельскій людъ». «Пріобрѣтеніе крестьяниномъ участка земли съ приплатою за него изъ собственныхъ средствъ, добытыхъ въ потѣ лица, имѣло бы весьма важное въ политическомъ отношеніи вліяніе; сдѣлавшись собственникомъ такой земли онъ (крестьянинъ) былъ бы врагомъ какихъ либо передѣловъ земли» [2]).

Организованный въ такихъ видахъ крестьянскій поземельный банкъ положеніемъ 18 мая 1882 учрежденъ, какъ правительственное установленіе, находящееся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Средства для выдачи ссудъ получаются выпускомъ 5½% госуд. свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка.

Въ виду расширявшейся дѣятельности банка, уже въ 1884 году ежегоднаго выпуска госуд. свидѣтельствъ на предѣльную сумму въ 5 милл. рублей оказалось недостаточно и дѣлаются дополнительные выпуски для расширенія его операцій.

До 1 января 1895 года, при содѣйствіи крестьянскаго банка, было пріобрѣтено крестьянами до 2 милл. десятинъ земли, причемъ ссудъ было выдано на 70 милл. рублей. Съ 14 ноября 1894 года проценты по ссудамъ были понижены и операціи банка расширены. Съ 1895 года крестьянскій банкъ не только выдаетъ ссуды на покупку земли, но и даетъ ссуды подъ купленныя уже крестьянами земли и покупаетъ земли за свой счетъ для перепродажи ея крестьянамъ. Послѣднія операціи оказались особенно удобными для лицъ, имѣю-

---

[1]) Обзоръ дѣят. крест. поз. банка за 1883—1904 гг. изд. 1906 г.
[2]) Ibid. стр. 32.

щихъ достаточно «связей»,—чтобы сбыть крестьянскому банку «втридорога» свои земли.

Такимъ образомъ и «черноземное» и нечерноземное дворянство могли использовать кредитъ въ свою пользу: первое, главнымъ образомъ, кредитъ дворянскаго банка, послѣднее—кредитъ крестьянскаго, но косвенно, черезъ повышеніе банкомъ цѣнъ за продаваемыя крестьянамъ земли. Но для широкихъ слоевъ крестьянства, для устраненія его малоземелья крестьянскій банкъ почти не имѣлъ значенія. Всего съ 1883 по 92 г. было куплено черезъ крестьянскій банкъ 264.101 домохозяиномъ 1.862.993 дес. на 79.358 тыс. руб., а съ 1893 по 1897 г. 132.993 домохозяевами 988.229 дес. на сумму 49.391 тыс. руб. Покупки эти сдѣланы не исключительно малоземельными крестьянами. Напротивъ, анализъ покупокъ земли товарищества за тѣ годы, о которыхъ имѣются достаточныя свѣдѣнія, показываетъ, что *размѣры доли въ покупкѣ земли крестьянами прямо пропорціональны размѣрамъ ихъ собственнаго владѣнія.*

Такъ, средній размѣръ покупки на душу въ центральномъ землевладѣльческомъ районѣ за 1893, 4, 5 гг. былъ:

у безземельныхъ	1,14 дес.
у имѣющихъ до 1½ дес. на душу	0,8 дес.
» » отъ 1½ до 3 дес. »	0,8 »
» » » 3 » 6 » »	2,6 »
» » болѣе 6 » » » »	5,6 »

Мы видимъ, что чѣмъ большіе надѣлы имѣютъ крестьяне, тѣмъ больше земли они покупаютъ на наличную душу.

Разсматривая покупки земли крестьянами по отдѣльнымъ районамъ мы также находимъ, что наиболѣе крупные участки приходятся на долю наиболѣе многоземельныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ даже при покупкахъ земли обществами и товариществами мобилизація землевладѣнія лишь увеличивала неравенство распредѣленія земли между крестьянами. Особенно усиливали это неравенство единоличныя покупки крестьянъ. Изъ 100 дес. земли, купленной крестьянами единолично, приходится на:

	Мелкія и среднія (до 25 дес.) покупки.	Крупныя покупки.
1865 г.	22	78
1875 »	16	84
1885 »	20	80
1895 »	16	84

Поскольку мобилизація земли увеличивала крестьянское землевладѣніе, она не ослабляла тѣхъ причинъ, которыя вызывали среди крестьянъ «надежды» и «иллюзіи» о прирѣзкѣ земли, между тѣмъ какъ общія экономическія условія обостряли земельный голодъ.

VIII.

Хотя съ конца 70-хъ годовъ конкурренція американскаго хлѣба вызываетъ всемірный кризисъ вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ, цѣны на землю въ Россіи неуклонно повышались, какъ повышалась и арендная плата. Въ началѣ текущаго столѣтія то тамъ, то здѣсь констатируется чрезвычайно знаменательный фактъ, что крестьяне часть арендной платы уплачиваютъ изъ своего основного капитала, что количество скота у крестьянъ сокращается, хотя они продолжаютъ арендовать владѣльческія земли и платить все болѣе и болѣе повышающуюся арендную плату. Особенно рѣзкое повышеніе арендныхъ цѣнъ началось съ конца 90-хъ годовъ. Такое положеніе дѣлъ неизбѣжно должно было привести къ кризису тѣ крестьянскія хозяйства, которыя арендовали земли. И такъ какъ арендныя цѣны повышались и для болѣе и для менѣе зажиточныхъ арендаторовъ, то кризисъ долженъ былъ захватить хозяйства и тѣхъ и другихъ. Ясно также, что онъ долженъ былъ проявиться острѣе въ районахъ мелкой аренды и слабѣе тамъ, гдѣ уже раньше преобладало капиталистическое хозяйство на владѣльческихъ земляхъ.

Разсматривая надѣльное землевладѣніе крестьянъ по районамъ Европейской Россіи мы находимъ, что мелкая продовольственная аренда преобладаетъ въ районахъ съ среднимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, а капиталистическія хозяйства съ наемнымъ трудомъ преобладаютъ въ районахъ или съ относительно болѣе крупнымъ или съ наиболѣе мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ.

По даннымъ 1905 года въ различныхъ районахъ Россіи былъ слѣдующій процентъ крестьянскихъ дворовъ съ мелкими (до 5 дес.), средними (отъ 5 до 10 дес.) и крупными (болѣе 10 дес.) надѣлами на дворъ:

	Мелк.	Сред.	Круп.
Центр. землед. районъ. . . .	23,7	56	20,2
Средневолжскій.	17,9	50	32
Новороссійскій	35,4	36,6	28
Югозападный	57,6	33	9,5
Малоросс.	44,8	43	12,1
Промышл.	16,8	58,7	24,5
Бѣлорусс.	7,9	63,6	28,4
Литовск.	4	19	77
Пріозерн.	5,1	43,5	51,4
Прибалт.	1,5	0,7	97,8
Пріуральск.	10	11,6	78,4
Сѣверн.	19,9	24,7	55,4
Нижневолжс.	5,4	9,2	85,4

Наибольшій процентъ безземельныхъ крестьянъ мы находимъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ больше крестьянскихъ дворовъ съ мелкими или крупными надѣлами [1]).

Это видно изъ сопоставленія съ слѣдующей таблицей:

---

[1]) См. П. Масловъ. „Аграрн. вопр.“, изд. II. стр. 94—95 и слѣд.

Губерніи.	% рабочихъ среди самодѣятельнаго населенія въ сельск. хоз. въ 1897 г.	% отношенія рабочихъ къ числу лицъ, старше 15 л. живущихъ с. хозяйствомъ.
Курляндская	72	36
Лифляндская	66	34
Эстляндская	49	22
Ковенская	43	19
Виленская	22	7,2
Петербургская.	18	6,1
Витебская	17	5,3
Гродненская	16	5,0
Минская	15	4,7
Таврическая	24	8,4
Астраханская.	22	6,9
Полтавская	17	5,8
Черниговская.	14	4,5
Донская	14	4,3
Херсонская	14	5,1
Екатериносл.	13	4,4
Самарская	14	4,3
Оренбургская	14	4,4
Кіевская	11	3,9

Количество наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, по даннымъ переписи 1897 года, въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ показано ниже дѣйствительнаго, потому что перепись производилась зимой, а сельскохозяйственные рабочіе уходятъ въ наемъ большею частію съ весны до осени. Тѣмъ не менѣе и изъ приведенныхъ относительныхъ данныхъ и абсолютное число рабочихъ въ перечисленныхъ губерніяхъ по даннымъ переписи значительно выше, чѣмъ въ другихъ районахъ. Итакъ наибольшее число рабочихъ мы встрѣчаемъ въ районахъ: Прибалтійскомъ, Литовскомъ, Нижневолжскомъ, Новороссійскомъ, Малорусскомъ и Югозападномъ районахъ. Точно также количество наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ этихъ районахъ наибольшее. Слѣдовательно, капиталистическое земледѣліе преобладало съ одной стороны въ районахъ съ большимъ количествомъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, съ другой стороны въ районахъ съ большими крестьянскими надѣлами, гдѣ сами крестьяне вели капиталистическое хозяйство на своихъ и на арендуемыхъ земляхъ.

Въ промышленныхъ районахъ кризисъ крестьянскаго хозяйства не могъ остро проявиться, потому что тамъ промыслы составляли существенное добавленіе, къ доходамъ крестьянъ отъ земледѣлія. Кризисъ крестьянскаго хозяйства острѣе всего долженъ былъ проявиться въ центральномъ земледѣльческомъ и средневолжскомъ районахъ, гдѣ преобладало среднее крестьянское надѣльное землевладѣніе, до 10 дес. на дворъ, *недостаточное* для обезпеченія крестьянской семьи.

Имѣя надѣльную землю въ такихъ размѣрахъ, большинство крестьянъ должно было арендовать помѣщичью землю, чтобы добыть необходимыя средства для существованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ при среднемъ крестьянскомъ землевладѣніи (болѣе 5 дес., но менѣе 10 дес. на дворъ) продовольственная аренда можетъ быть *наивысшей*. Ибо когда получается значительная доля необходимыхъ продуктовъ въ своемъ хозяйствѣ, но недостаточная для поддержанія существованія, тогда крестьянинъ можетъ довольствоваться меньшей долей съ арендуемой имъ земли, чтобы прокормить себя и свою семью въ теченіе года. При этихъ условіяхъ арендная плата такъ повышается, что землевладѣльцу выгоднѣе сдавать землю въ аренду, чѣмъ имѣть свою запашку, пока хлѣбныя цѣны не повысятся до нормы, при которой выгоднѣе вести капиталистическое хозяйство.

Рано или поздно долженъ былъ наступить такой моментъ, когда капиталистическое хозяйство должно было вытѣснить продовольственную аренду.

Къ концу 90-хъ годовъ хлѣбныя цѣны повышаются и благодаря этому обостряется и борьба между крестьянскимъ продовольственнымъ и капиталистическимъ хозяйствомъ. Арендныя цѣны такъ повышаются, что крестьяне, даже сокращая свои средства производства и довольствуясь ничтожной долей продуктовъ съ арендныхъ земель, во многихъ случаяхъ не могутъ удержать за собой арендуемыя земли, а землевладѣльцы начинаютъ переходить къ расширенію экономическихъ запашекъ. Потеря же аренды земли для крестьянъ, недостаточно обезпеченныхъ землей, грозитъ полнымъ раззореніемъ. Не удивительно, что когда началось аграрное движеніе, первымъ требованіемъ крестьянъ въ районахъ мелкой продовольственной аренды было пониженіе арендныхъ цѣнъ или передача въ аренду земель, занятыхъ экономической запашкой и запашкой капиталистовъ арендаторовъ.

IX.

При отмѣнѣ крѣпостного права въ большей части Россіи было сохранено общинное землевладѣніе. Мы уже характеризовали правовыя отношенія, въ которыя было поставлено крестьянство. Земельная община въ этихъ рамкахъ являлась также однимъ изъ тормазовъ развитія производительныхъ силъ крестьянскаго хозяйства.

Общинное землевладѣніе было оставлено послѣ крѣпостной реформы отчасти потому, что при ея сохраненіи меньше ломался оставшійся отъ крѣпостной эпохи укладъ жизни, такъ какъ и для фиска и въ административныхъ цѣляхъ было гораздо удобнѣе сохраненіе общиннаго быта. Ю. Ф. Самаринъ не безъ основанія замѣтилъ, что вопросъ объ общинѣ «можетъ быть единственный вопросъ, въ которомъ интересы казны и помѣщиковъ совпадаютъ съ народнымъ обычаемъ».

«Надѣлъ каждаго крестьянина землею въ личную собственность съ отводомъ и отмежеваніемъ каждой дѣлянки земли представлялъ въ то время такую огромную работу межевую и административную, что высшіе правительственные органы рѣшительно пугались этой работы. Дѣло въ высшей степени упрощалось отводомъ земли цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ... Для помѣщиковъ, по тѣмъ же соображеніямъ, было гораздо пріятнѣе при отбываніи повинностей имѣть

дѣло съ крестьянскимъ обществомъ, отвѣчавшимъ за своихъ членовъ, нежели съ отдѣльными крестьянами». Круговая порука, введенная въ интересахъ фиска, дополнялась общиной и правительство всячески поддерживало эту форму землевладѣнія. Но хозяйственныя отношенія, скрывавшіяся подъ этой формой, были въ различныхъ районахъ неодинаковы и зависимы отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій.

Тотчасъ послѣ отмѣны крѣпостного права и во все послѣдующее время усадебныя земли крестьянъ фактически сдѣлались полной собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ и не подлежали передѣлу. Юридическое право общины на эти земли лишь обезцѣнивало ихъ при продажѣ усадьбы.

Напротивъ, при экстенсивной культурѣ земли право общины превалировало надъ правомъ отдѣльнаго лица на тотъ или иной участокъ. Поэтому въ тѣхъ районахъ, гдѣ велось экстенсивное хозяйство (трехполье), по мѣрѣ обострѣнія малоземелья, обострялась и борьба за уравнительные передѣлы земли. Общій выпасъ и обязательный сѣвооборотъ при такой культурѣ необходимы для всѣхъ, культура одного участка мало отличается отъ культуры другого и уравнительные передѣлы не вносятъ никакой ломки въ сложившійся хозяйственный строй. По мѣрѣ увеличенія населенія въ центральномъ черноземномъ районѣ, надѣлы крестьянъ уменьшались, но культура земли оставалась экстенсивной. Сокращался лишь выгонъ, и крестьяне интенсивнѣе эксплоатировали земли при экстенсивной ея культурѣ. Урожайность земли отъ этого, разумѣется, не могла подняться и общій сборъ хлѣбовъ могъ увеличиться лишь постольку, поскольку расширялась площадь посѣва на счетъ выгоновъ и другихъ не вспаханныхъ полей [1]).

При одинаковыхъ правовыхъ нормахъ общинное землевладѣніе существовало въ различныхъ формахъ. Въ многоземельныхъ районахъ преобладало пользованіе по экономическимъ силамъ хозяйства, т. е. въ той или иной формѣ захватное пользованіе землей. По мѣрѣ уплотненія населенія и пониженія его экономическаго уровня вводится уравнительное землепользованіе, при которомъ каждый клочекъ земли дѣлится между общинниками по различнымъ принципамъ: по душамъ, по рабочимъ силамъ, [illegible] и т. д. Тамъ же, гдѣ естественныя условія заставляютъ переходить къ болѣе интенсивной культурѣ, начинается мѣстами переходъ къ подворному владѣнію и даже къ хуторскому. Но для такого перехода къ высшей культурѣ земли оказывала препятствія не только общинная форма землевладѣнія (въ промышленныхъ губерніяхъ травосѣяніе развивалось и на общинныхъ земляхъ), но и малоземелье, которое является препятствіемъ для развитія раціональнаго хозяйства. Когда крестьянину приходится во что бы то ни стало получить больше хлѣба со своего небольшого клочка земли, онъ не можетъ засѣвать часть его травой, хотя въ *конечномъ счетѣ* это и окажется болѣе выгоднымъ. И чѣмъ больше крестьянинъ раззоряется, чѣмъ меньше у него скота, тѣмъ труднѣе для него переходъ къ раціональному хозяйству. Тамъ, гдѣ для экономически крѣпкихъ хозяевъ былъ бы выгоденъ переходъ къ участковому владѣнію, для большинства обѣднѣвшихъ крестьянъ онъ

[1]) Въ центральномъ черноземномъ районѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ площадь распаханной земли достигаетъ до 89% общей площади земли.

является раззорительнымъ. Поэтому даже при свободной общинѣ переходъ къ подворному или участковому владѣнію не всегда былъ бы выгоденъ и возможенъ. При мелкихъ надѣлахъ при всеобщей бѣдности онъ могъ лишь обострить нищету большинства крестьянства. При тѣхъ же стѣсненіяхъ, которыми была опутана община, крестьянамъ крайне трудно было переходить къ болѣе интенсивной культурѣ земли даже и тамъ, гдѣ она представляла для нихъ очевидныя выгоды.

Тамъ, гдѣ земли арендовались крестьянами по повышеннымъ цѣнамъ, гдѣ для помѣщиковъ была болѣе выгодной такая эксплуатація земли, общинное землевладѣніе, поддерживавшее мелкія хозяйства съ кабальной арендой земли, было также выгодно и имъ: оно пользовалось покровительствомъ и правительства и землевладѣльцевъ. Только тогда, когда наступилъ кризисъ продовольственнаго хозяйства, когда землевладѣльцы принуждены были понизить арендныя цѣны и оказалось выгоднѣе имѣть собственную экономическую запашку, землевладѣльцы и правительство стали относиться враждебно къ общинѣ, сваливая на общинное землевладѣніе всѣ свои бѣды въ революціоный періодъ.

Общинное землевладѣніе, какъ мы указывали уже, въ различныхъ районахъ, при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ имѣло не одинаковое значеніе: въ однихъ мѣстахъ оно являлось и является для крестьянъ наиболѣе удобной формой землевладѣнія, въ другихъ мѣстахъ оно препятствовало развитію хозяйства, потому что мѣшало веденію раціональнаго хозяйства отдѣльными домохозяевами.

Но отрицательныя стороны общинаго быта усиливались еще тѣмъ, что поземельная община, какъ товарищество совладѣльцевъ, соединялась и отождествлялась съ сельскимъ обществомъ, какъ административной («самоуправляющейся») единицей.

Мы характеризовали уже тѣ права «самоуправленія», какія даны были крестьянству. Являясь сословнымъ учрежденіемъ, сельское общество и общинному землевладѣнію придаетъ сословный характеръ; законодательство не только отдѣлило крестьянъ въ особое сословіе, но и крестьянская надѣльная земля стала «сословной», и крестьянское землевладѣніе регулировалось особыми законами. Законъ о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, направленный противъ возможнаго обезземеленія крестьянъ, обезцѣнивалъ надѣльную землю, не спасая ихъ отъ раззоренія и рѣзко отдѣлялъ надѣльное землевладѣніе, какъ *крестьянское*, сословное. Опека надъ личностью крестьянина распространялась одинаково и на его хозяйство. Привязанный къ обществу крестьянинъ былъ привязанъ къ надѣлу и обратно, привязанный къ надѣлу, онъ былъ привязанъ и къ обществу, какъ административно-сословной единицѣ.

Такія условія общиннаго землевладѣнія ложились тяжелымъ гнетомъ, какъ на тѣхъ крестьянахъ, которые уже не занимались хозяйствомъ на своей надѣльной землѣ, а жили на сторонѣ, такъ и на крестьянахъ остающихся дома, на своихъ надѣлахъ. Рабочіе, живущіе въ городѣ и порвавшіе съ землей всякія хозяйственныя связи, принуждены были платить налоги и высылать деньги на родину изъ своего заработка. Общинники старались всячески эксплоатировать крестьянъ, живущихъ на сторонѣ и связанныхъ съ общиной.

Съ другой стороны эта связь, насильственно удерживавшая крестьянъ

около земли, препятствовала развитію промысловъ, разрѣженію населенія въ малоземельныхъ районахъ; она вела къ сокращенію землепользованія крестьянъ, усиливала конкуренцію при арендѣ земли и т. д.

Уравнительность землепользованія, укрѣплявшаяся общиннымъ землевладѣніемъ и передѣлами, казалось, должна была предохранять крестьянъ отъ пролетаризаціи, но, какъ мы уже указывали, она при малоземельи обостряла крестьянскій *пауперизмъ*, превращая подавляющее большинство крестьянъ въ кабальныхъ арендаторовъ или наемныхъ рабочихъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

По вычисленіямъ авторовъ книги «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», только въ 10 губерніяхъ Европейской Россіи изъ 50-ти крестьяне получаютъ со своихъ надѣловъ достаточно продуктовъ, необходимыхъ для существованія, и только въ 6 губерніяхъ [1]) продуктовъ, получаемыхъ съ надѣловъ, достаточно и для содержанія семьи и крестьянскаго скота. Въ остальныхъ губерніяхъ получается съ надѣловъ меньше 19 пуд. хлѣба на душу населенія. Ясно, что чѣмъ большее количество крестьянъ пользуется надѣльными землями, чѣмъ меньше крестьянъ, занятыхъ другими неземледѣльческими промыслами, тѣмъ острѣе будетъ чувствоваться недостатокъ земли и недостатокъ продуктовъ всѣми крестьянами. Общинное землевладѣніе, давая каждому недостаточное количество земли и обезпечивая удовлетвореніе только части потребностей крестьянъ, давая возможность *каждому* вести свое хозяйство, удерживало крестьянъ около земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждало ихъ искать заработка внѣ своего хозяйства. Надѣлъ давалъ возможность и бѣднѣйшей части крестьянъ потреблять продукты собственнаго хозяйства и сокращать количество *покупаемыхъ* продуктовъ. Общинная организація землепользованія сохраняла натуральное хозяйство и препятствовала развитію товарнаго хозяйства, ибо поддерживала даже среди самыхъ бѣдныхъ безлошадныхъ крестьянъ потребленіе продуктовъ, произведенныхъ въ своемъ хозяйствѣ. При общей нищетѣ и при сохраненіи такого рода «самостоятельныхъ» хозяйствъ, потребленіе крестьянами продуктовъ капиталистическаго производства увеличивалось крайне медленно.

Развитіе внутренняго рынка происходило лишь благодаря увеличенію потребленія рыночныхъ продуктовъ *крайними* группами крестьянства, безхозяйными и наиболѣе зажиточными крестьянами. Сравненіе хозяйственныхъ бюджетовъ показываетъ, что наибольшій процентъ рыночныхъ продуктовъ потребляли именно эти группы и, разумѣется, еще городское населеніе. Первобытныя орудія производства, отсталая техника были естественными результатами такого хозяйственнаго развитія. «Гарантія», которая давалась каждому крестьянину надѣломъ и его уравнительнымъ пользованіемъ отъ опасности пролетаризаціи, была въ то же время одной изъ причинъ отсталости въ развитіи и земледѣлія, и индустріи. Было бы крайне ошибочно считать общинное землевладѣніе главной причиной этого явленія, но при общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для хозяйственнаго развитія страны, формы землепользованія еще болѣе усиливали вліяніе этихъ условій.

---

[1]) Въ Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Обл. Войска Донскаго, Тамбовской и Оренбургской.

Экономисты, идеализировавшіе общинное землевладѣніе, не находившіе въ Россіи почвы для развитія капитализма вслѣдствіе «независимости» крестьянина отъ рынка, вслѣдствіе того, что большая часть крестьянскаго бюджета составляется потребленіемъ продуктовъ собственнаго хозяйства, упускали изъ виду, что такое состояніе хозяйства является признакомъ хозяйственнаго застоя, что при такихъ условіяхъ страдаетъ прежде всего крестьянское хозяйство: крестьянинъ мало можетъ покупать потому, что мало продаетъ и обратно, мало можетъ продавать потому, что мало покупаетъ средствъ производства (орудій, машинъ и проч.), потому что ему почти нечего продавать кромѣ своей рабочей силы.

Между тѣмъ, потребности крестьянскаго населенія всетаки росли. Развитіе индустріи выбрасывало на рынокъ товары, которые крестьянинъ постепенно привыкъ потреблять (ситцы, чай, водка и т. д.). Съ другой стороны необходимость уплачивать налоги побуждала крестьянина продавать свой хлѣбъ и доставлять его на рынокъ. Такимъ образомъ, производя недостаточно продуктовъ для собственнаго потребленія, продавая и хлѣбъ и рабочую силу для уплаты налоговъ и для покупки рыночныхъ продуктовъ, крестьяне сокращали свое собственное потребленіе продуктовъ земледѣлія и всякій неурожай приводилъ ихъ къ голодовкѣ. Лучшіе хлѣба потреблялись или городомъ или заграницей, а крестьянское населеніе питалось ржанымъ хлѣбомъ, а въ годы неурожаевъ и лебедой. Относительно медленное развитіе индустріи не давало достаточно заработка и оторванному отъ земли населенію. Такимъ образомъ создавалось безвыходное положеніе: если бы даже выходъ изъ общины былъ совершенно свободенъ, то и тогда раззоренное населеніе не могло бы въ ближайшее время найти другого заработка, кромѣ земледѣльческаго, занимаясь которымъ оно голодало. Все, что только возможно было взять отъ крестьянъ, бралось въ видѣ налоговъ и платежей за аренду владѣльческихъ земель.

X.

И политическія и экономическія условія благопріятствовали сохраненію въ центральномъ районѣ продовольственнаго крестьянскаго хозяйства, которое оттѣсняло капиталистическое повышеніемъ продовольственной мелкой аренды и, при низкой производительности, приводило къ затратѣ въ земледѣліи огромнаго количества непроизводительнаго труда. При размноженіи земледѣльческаго населенія новые работники должны были прилагать свой трудъ на ту же площадь земли, которую обрабатывали и старые. При такихъ условіяхъ введеніе сельскохозяйственныхъ орудій, сокращающихъ затрату труда въ земледѣліи, не имѣло смысла, было невыгодно, и производительность труда въ земледѣліи, особенно въ центральномъ раіонѣ Европейской Россіи падала. Новые работники не увеличивали въ странѣ общей суммы производимыхъ продуктовъ земледѣлія. Если, кромѣ того, всѣ продукты, кромѣ необходимыхъ средствъ для существованія экспропріируются или въ видѣ налоговъ или платежей за аренду земли, то крестьянское хозяйство характеромъ своего «дохода» близко подходитъ къ «хозяйству» рабочаго пролетарія, «доходъ» котораго заключается въ заработной платѣ. Суще-

ственная разница между положеніемъ того и другого заключается въ томъ, что первый получаетъ значительную часть средствъ своего существованія въ собственномъ хозяйствѣ, а рабочій въ чужомъ; развитіе производительныхъ силъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и связанное съ этимъ увеличеніе дохода превратило бы его въ капиталистическое, между тѣмъ какъ развитіе производительныхъ силъ для рабочаго непосредственнаго значенія не имѣетъ: возрастетъ «доходъ» не рабочаго, а предпринимателя. Но пока крестьянское хозяйство не развивается, его «доходъ», какъ и «доходъ» рабочаго, прямо пропорціоналенъ рабочимъ силамъ семьи, такъ какъ количество получаемыхъ продуктовъ соотвѣтствуетъ количеству рабочихъ силъ семьи. Чѣмъ ниже техника хозяйства, чѣмъ меньшую роль играютъ улучшенныя орудія производства, тѣмъ больше соотвѣтствіе «дохода» количеству рабочихъ рукъ.

Но этими результатами еще не ограничивается вліяніе паденія производительныхъ силъ крестьянскаго хозяйства. Мы уже указывали, что избытокъ рабочихъ рукъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ привелъ къ побѣдѣ мелкой продовольственной аренды надъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Эта побѣда выражается въ томъ, что не только надѣльныя, но и арендуемыя земли распредѣляются пропорціонально рабочимъ силамъ крестьянскихъ семей, т. е. чѣмъ больше крестьянская семья, чѣмъ больше въ ней рабочихъ рукъ, тѣмъ больше она арендуетъ. Такимъ образомъ и при арендѣ побѣждаетъ уравнительное пользованіе арендованной землей. Слѣдовательно, уравнительное землепользованіе не является только результатомъ общиннаго землевладѣнія. Мы знаемъ при общинномъ землевладѣніи различныя формы землепользованія и при различныхъ формахъ землевладѣнія одинаковое землепользованіе. Уравнительное землепользованіе и общинной и арендной землей обусловливается паденіемъ производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія. Чѣмъ больше падаютъ производительныя силы крестьянскаго хозяйства, тѣмъ ярче выступаетъ указанное нами соотвѣтствіе размѣровъ хозяйства количеству рабочихъ силъ семьи. Земскія статистическія изслѣдованія въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ отмѣчаютъ полное соотвѣтствіе размѣровъ посѣва и количества скота въ хозяйствахъ съ количествомъ рабочихъ рукъ въ семьѣ. Напротивъ, на окраинахъ, гдѣ производительность труда земледѣльческаго населенія возрастала, гдѣ орудія производства увеличивали размѣры производства въ болѣе зажиточныхъ хозяйствахъ, ростъ хозяйства далеко опережаетъ ростъ семьи и работниковъ въ семьѣ. Такъ, въ Таврической губерніи по Мелитопольскому уѣзду въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ приходится на одного работника менѣе 5 десятинъ, между тѣмъ какъ въ зажиточныхъ хозяйствахъ, въ среднемъ, болѣе 20 десятинъ на одного работника семьи. Увеличеніе средствъ производства въ болѣе зажиточныхъ хозяйствахъ даетъ возможность расширить запашку гораздо больше, чѣмъ позволяютъ наличныя рабочія силы семьи и побуждаетъ прибѣгать къ наемному труду.

Такъ какъ уравнительное пользованіе и своей и арендуемой землей идетъ тѣмъ дальше, чѣмъ меньше крестьянину остается отъ его труда, то, по мѣрѣ паденія производительныхъ силъ населенія, расширялся и раіонъ уравнительнаго землепользованія, пока крестьянское хозяйство не пришло къ кризису. Этотъ кризисъ наступилъ какъ разъ въ началѣ текущаго столѣтія.

Чѣмъ же онъ былъ вызванъ?

Выше мы указали, что при мелкой продовольственной арендѣ побѣждаютъ тѣ хозяйства, которыя получаютъ часть продуктовъ со своего надѣла и которыя могутъ довольствоваться меньшей долей продуктовъ съ арендуемой земли. Уменьшеніе надѣловъ по мѣрѣ увеличенія населенія уменьшало и количество продуктовъ, получаемыхъ со своего надѣла и увеличивало дефицитъ крестьянскаго хозяйства. Ясно, что съ каждымъ годомъ было труднѣе и труднѣе довольствоваться той ничтожной долей продуктовъ, которые получались крестьянами съ арендуемыхъ земель. Приходилось приплачивать при арендѣ изъ средствъ, необходимыхъ для производства, сокращать количество скота и т. д. Такое положеніе приводило къ кризису крестьянское хозяйство, потому что не могло долго продолжаться. Крестьяне не могли безконечно сокращать свои средства производства, такъ какъ эти средства были крайне ограниченны. Кризисъ былъ тѣмъ острѣе, чѣмъ сильнѣе было напряженіе платежныхъ силъ крестьянскаго хозяйства при арендѣ земли, чѣмъ труднѣе было крестьянамъ существовать *безъ* аренды частновладѣльческихъ земель.

Кризисъ еще болѣе обострился благодаря внѣшнимъ условіямъ. Русско-японская война отвлекла отъ земледѣлія огромное количество рабочихъ силъ, тѣмъ или инымъ путемъ поддерживавшихъ расшатанное крестьянское хозяйство. Даже въ сравнительно многоземельныхъ казачьихъ областяхъ во время войны отмѣчается сильный упадокъ земледѣльческаго хозяйства казаковъ, и правительство принуждено было, напр., субсидировать семейства донскихъ казаковъ, отправлявшихся на военную службу.

Гораздо хуже было положеніе крестьянскаго хозяйства и безъ того находившагося въ критическомъ положеніи. Русско-японская война была послѣдней каплей, переполнившей чашу бѣдствій народнаго хозяйства и особенно крестьянскаго. Изъ года въ годъ обострявшійся кризисъ привелъ къ небывалому движенію крестьянства 1905—7 годовъ, къ движенію, которое оказалось неожиданнымъ не только для правительства, но и для «общества». Отрицательныя стороны продовольственнаго хозяйства не только не замѣчались, но оно идеализировалось, какъ истинно «трудовое» хозяйство, а его побѣда надъ капиталистическимъ хозяйствомъ въ центральныхъ раіонахъ привѣтствовалась, какъ побѣда надъ капитализмомъ. При такомъ «побѣдоносномъ» настроеніи, разумѣется, трудно было предвидѣть кризисъ крестьянскаго хозяйства, который дѣлалъ неизбѣжной его ломку, дѣлалъ неизбѣжнымъ общественный катаклизмъ, послѣ котораго долженъ развиваться уже другой типъ крестьянскаго хозяйства, болѣе приспособленный къ капиталистическому строю.

XI.

Несмотря на неблагопріятныя условія для развитія большей части крестьянскихъ хозяйствъ, нѣкоторыя изъ нихъ все-таки успѣшно боролись за свое существованіе, накопляли деньги и, какъ мы видѣли, реализовали ихъ, затрачивая на покупку земли. На окраинахъ слой зажиточнаго крестьянства былъ многочисленнѣе, такъ какъ тамъ лучше были условія для перехода къ капиталисти-

ческому хозяйству. Въ центральныхъ раіонахъ «хозяйственныхъ» крестьянъ было меньше, потому что условія для развитія хозяйства были менѣе благопріятны. Поэтому здѣсь крестьяне, накоплявшіе деньги, затрачивали ихъ не въ земледѣльческое капиталистическое производство, а только на покупку земли или на торговлю и промышленность. Условія для веденія капиталистическаго производства были слишкомъ неблагопріятны. На почвѣ всеобщей нищеты могло процвѣтать только первоначальное накопленіе въ формѣ ростовщичества и кулачества, которое еще не вело къ организаціи раціональнаго капиталистическаго хозяйства. Между тѣмъ какъ на окраинахъ и даже въ Сибири «хозяйственный» мужикъ расширялъ запашку, улучшалъ технику сельскаго хозяйства введеніемъ улучшенныхъ орудій, а на западѣ—въ Прибалтійскомъ краѣ и Литвѣ повышалъ культуру земли, въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ накопляющійся капиталъ не выходилъ изъ сферы торговыхъ и ростовщическихъ операцій и, въ лучшемъ случаѣ, затрачивался лишь на покупку земли.

Въ промышленномъ раіонѣ капиталъ накоплялся на почвѣ эксплоатаціи промысловъ и здѣсь многіе бывшіе крѣпостные превратились въ крупныхъ фабрикантовъ, организовавшихъ предпріятія съ тысячами рабочихъ. Такимъ образомъ, при общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, если и происходило накопленіе капитала, то земледѣліе центральнаго земледѣльческаго раіона отъ этого не улучшалось.

Процвѣтаніе кулачества и ростовщичества въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ послужило основаніемъ для экономистовъ 70—80-хъ годовъ прійти къ заключенію, что въ Россіи вообще нѣтъ почвы для развитія капитализма, а побѣда продовольственнаго хозяйства объяснялась особенностями крестьянскаго быта, якобы способнаго оказать препятствіе развитію въ Россіи капитализма.

Промышленное развитіе Россіи въ 90-хъ годахъ стало разрушать такія представленія объ особенностяхъ экономическаго развитія Россіи, но крестьянское движеніе въ 1904—7 гг. снова оживило надежды на возможность сохраненія уравнительнаго землепользованія и трудового крестьянскаго хозяйства. Развитіе капиталистическаго хозяйства на окраинахъ или не обращало на себя вниманія или объяснялось тѣмъ, что тамъ (въ Западномъ краѣ) не было русской общины, якобы оказывавшей сопротивленіе развитію капитализма. Мы видѣли, что поскольку община задерживала развитіе производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія, постольку эти объясненія были правильны. Но главнымъ препятствіемъ для развитія хозяйства были общія правовыя и хозяйственныя условія, въ которыя было поставлено крестьянство.

«Заслуга» въ сохраненіи «трудовыхъ» хозяйствъ въ гораздо большей степени принадлежитъ тому сословно-бюрократическому строю, который вызвалъ движеніе 1904 — 7 гг., чѣмъ общинному землевладѣнію. Изъ характеристики экономическихъ и правовыхъ условій жизни крестьянства читатель могъ видѣть, что община въ рамкахъ *этихъ* условій дѣйствительно содѣйствовала сохраненію остатковъ крѣпостного права и обостренію тѣхъ противорѣчій, которыя сдѣлали безвыходнымъ положеніе большей части населенія. Развитіе товарнаго обмѣна, развитіе индустріи, колоссальный ростъ государственнаго бюджета, лежавшаго на плечахъ крестьянскаго сословія,—все это не соотвѣтствовало тѣмъ условіямъ,

въ которыя было поставлено крестьянство, не освобожденное цѣликомъ отъ крѣпостныхъ путъ.

Эти противорѣчія сословно-бюрократическаго строя привели крестьянское хозяйство къ кризису и побудили крестьянъ искать какого нибудь выхода. При отсталости экономическаго строя деревни крестьянство могло бороться за улучшеніе своего положенія только ощупью, стихійнымъ движеніемъ. Если и казалось, что крестьяне возбуждаются «посторонними» лицами, если движеніе крестьянъ и носило однообразный характеръ и казалось планомѣрнымъ, то это явленіе показываетъ, что причины кризиса крестьянскаго хозяйства были общими для всей Россіи и лишь неодинаково тяжело отражались на крестьянскомъ хозяйствѣ различныхъ раіоновъ.

XII.

Благодаря сословному строю и общинному землевладѣнію рабочіе, даже занятые въ индустріи, но принадлежавшіе къ сословію крестьянъ, были вольно или невольно связаны съ землею. Эта связь отражалась на развитіи индустріи и земледѣлія, а впослѣдствіи, передъ революціоннымъ движеніемъ, она повліяла и на его характеръ.

Связь съ землей сельскохозяйственныхъ рабочихъ, веденіе ими собственнаго земледѣльческаго хозяйства, какъ мы указывали, вела къ пониженію ихъ заработной платы и къ повышенію продовольственной мелкой аренды. А это, въ свою очередь, вело къ повышенію цѣнъ на землю. Сравненіе цѣнъ на землю въ раіонахъ съ высокой и низкой заработной платой показываетъ, что при низкой заработной платѣ цѣны на землю были значительно выше, чѣмъ въ раіонахъ съ высокой заработной платой. Положеніе крестьянъ вліяло на положеніе сельскохозяйственныхъ батраковъ и обратно, положеніе послѣднихъ вліяло на положеніе крестьянъ, на высоту арендной платы.

Въ Прибалтійскомъ краѣ заработная плата была выше, чѣмъ въ центральной Россіи потому что батракъ, не имѣя своей земли, долженъ былъ всѣ средства существованія получать отъ нанимателя; иначе онъ не могъ бы существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не являлся конкуррентомъ при арендѣ земли, потому что, не имѣя своей земли, не могъ платить такую высокую арендную плату, какъ капиталистъ-арендаторъ.

Эти условія благопріятствовали развитію не только капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства, но и развитію капиталистической обрабатывающей промышленности.

Напротивъ, въ раіонахъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и продовольственной аренды прочнѣе держалось мелкое кустарное производство и даже крупныя предпріятія, въ которыхъ работали крестьяне, связанные съ землей, сокращали производство въ сезонъ лѣтнихъ сельскихъ работъ. Связанные съ землей рабочіе довольствовались болѣе низкой заработной платой, такъ какъ часть продуктовъ получали изъ своего земледѣльческаго хозяйства. Это вліяло и на технику производства и на формы его развитія.

Когда рабочій довольствуется ничтожной заработной платой, предпринима-

тель предпочитаетъ ограничиваться скупкой издѣлій ручного труда и не организуетъ крупнаго машиннаго производства, требующаго большихъ затратъ. Даже въ ткацкой промышленности, гдѣ техника производства достигла высокой степени совершенства, въ черноземномъ раіонѣ (Саратовская, Полтавская и др. губ.) сохранилось ручное капиталистическое производство бумажныхъ матерій (сарпинка и др.), потому что кустари крестьяне довольствуются ничтожной заработной платой (10—15 коп. въ день).

Въ промышленномъ раіонѣ кустарные промыслы давали заработокъ огромному количеству крестьянъ, давали большую прибыль посредникамъ-скупщикамъ, въ рукахъ которыхъ находился сбытъ кустарныхъ издѣлій и доставка сырого матеріала, но въ большей части промысловъ еще сохранялась домашняя форма крупной промышленности, сохранялась самая отсталая техника производства, потому что дешевый трудъ дѣлалъ невыгодной болѣе высокую организацію производства. Только въ отрасляхъ промышленности, производившихъ продукты на самый широкій рынокъ, въ которыхъ болѣе высокая техника значительно сокращала издержки производства при данныхъ условіяхъ, только въ такихъ отрасляхъ производство реорганизовалось въ крупныя предпріятія и уничтожало мелкія кустарныя предпріятія.

Не только низкая заработная плата, но и нищета крестьянскаго населенія оказывалась сильнѣйшимъ препятствіемъ къ организаціи крупнаго производства съ болѣе высокой техникой. Многія отрасли промышленности, при ограниченности сбыта, могли существовать только въ теченіе короткаго сезона и могли организоваться только въ видѣ мелкихъ предпріятій. Кустари, удовлетворивши ограниченныя потребности окрестнаго населенія въ томъ или другомъ продуктѣ, должны были остальную часть года заниматься земледѣліемъ, такъ какъ они не могли существовать низкимъ заработкомъ, полученнымъ въ теченіе короткаго сезона.

Благодаря бѣдности крестьянскаго населенія обрабатывающая промышленность развивалась слабѣе, сохранялось мелкое производство, при чемъ занятые въ немъ крестьяне не могли бросать земледѣлія именно вслѣдствіе малой доходности и земледѣлія и промысловъ. Земледѣльческое населеніе страдало отъ малоземелья, а кустарь, удерживая за собой клочекъ земли и этимъ увеличивая ея распыленіе, сокращалъ площадь землепользованія чисто земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ крестьянство не могло выйти изъ безвыходнаго противорѣчія: для того, чтобы у кустарей повысился заработокъ, нужно было увеличеніе потребленія крестьянъ-земледѣльцевъ, повышеніе ихъ экономическаго уровня. Тогда промышленное населеніе могло бы заняться исключительно промыслами и бросить земледѣліе. Но такъ какъ этого не было, то кустари держались за землю и сокращали площадь землепользованія другихъ крестьянъ, т. е. еще болѣе увеличивали ихъ нужду и этимъ сокращали рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ. Плохое состояніе земледѣлія отражалось на обрабатывающей промышленности, сохраняя тамъ отсталыя формы производства, а послѣднія вліяли въ свою очередь на развитіе земледѣлія: соединеніе обрабатывающей промышленности съ земледѣліемъ, увеличивая число лицъ, занятыхъ послѣднимъ, задерживало его развитіе и еще болѣе ухудшало положеніе крестьянъ. Тѣмъ не менѣе въ раіонахъ съ развитыми промыслами не такъ остро чувствовалось малоземелье

и крестьянское движеніе имѣло другой характеръ, чѣмъ въ чисто земледѣльческихъ раіонахъ.

Расширеніе внутренняго рынка, благодаря росту городовъ и развитію, хотя и медленному, товарнаго обмѣна, увеличивало потребленіе продуктовъ обрабатывающей промышленности и способствовало возрастанію промышленнаго населенія. Тѣ колоссальныя суммы, которыя получались отъ крестьянъ въ видѣ налоговъ и арендной платы, реализовались въ концѣ концовъ въ продуктахъ обрабатывающей промышленности. Отсталая кустарная промышленность производила предметы потребленія, главнымъ образомъ, для крестьянскаго населенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось и крупное производство, пользующееся высшей техникой, выработанной развитіемъ западно-европейскаго капитализма. Поэтому картина народнаго хозяйства создалась чрезвычайно пестрой: въ однихъ пунктахъ страны мы встрѣчаемъ первобытную технику въ земледѣліи и промышленности, въ другихъ пунктахъ, въ другихъ отрасляхъ промышленности мы видимъ развитое капиталистическое производство, которое можетъ уже конкурировать съ западно-европейскимъ капиталомъ, не уступая ему ни техникой, ни размѣрами производства. Поэтому мы встрѣчаемъ, наряду съ существованіемъ соціалистической идеологіи въ средѣ рабочихъ, идеологію крестьянъ, сходную съ идеологіей XVI вѣка во время крестьянскаго движенія въ Западной Европѣ, съ представленіемъ широкихъ слоевъ крестьянства, что земля ничья, а Божія, съ представленіемъ, которое сохраняется только въ началѣ развитія капитализма и которое быстро исчезаетъ при дальнѣйшемъ его развитіи.

Таковы были условія развитія земледѣлія, которыя привели ко всѣмъ, мѣстами очень своеобразнымъ, формамъ общественнаго движенія въ началѣ текущаго столѣтія.

М. БАЛАБАНОВЪ.

Промышленность Россіи въ началѣ XX вѣка.

I.

Итоги къ началу XX вѣка.

Теперь, когда перейденъ Рубиконъ, отдѣляющій двѣ историческія эпохи въ жизни Россіи, когда прошлому самымъ ходомъ событій подводятся итоги, съ особенной рельефностью выступаютъ сила и значеніе переворота, происшедшаго въ промышленномъ строѣ Россіи за послѣднее сорокалѣтіе XIX вѣка. Крѣпостное, въ значительной мѣрѣ, натуральное хозяйство смѣнилось товарно-денежнымъ; Россія—страна исключительно земледѣльческая—стала страной и промышленной; фабрика съ принудительнымъ трудомъ, мелкая городская, ремесленная и крестьянская промышленность уступили первенствующее мѣсто промышленному капитализму, основанному на свободномъ трудѣ и машинномъ производствѣ; почти сплошное земледѣльческое населеніе, разбитое на касты рабовъ и рабовладѣльцевъ, превратилось въ классовое общество съ многомилліоннымъ промышленнымъ пролетаріатомъ и значительнымъ классомъ промышленной и торговой буржуазіи.

Исходнымъ моментомъ этого переворота явилось, конечно, паденіе крѣпостного права. Воспринявъ свободный гражданскій бытъ и свободный трудъ, Россія неминуемо должна была вступить на тотъ путь, который лежалъ передъ нимъ,—на путь капиталистическаго развитія. Сюда толкало ее не только денежное хозяйство, этотъ необходимый спутникъ свободного гражданскаго оборота, разрушающій основы патріархальнаго хозяйства, но и велѣнія мірового капиталистическаго хозяйства, уже тогда господствовавшаго. Чтобы сохранить политическую самостоятельность, угрозою которой послужилъ крымскій разгромъ, Россія должна была прежде всего сохранить свою экономическую самостоятельность, а это означало необходимость отказа отъ крѣпостного хозяйства и преобразованіе всего промышленнаго строя по образу и подобію европейскаго капитализма. Передъ лицомъ мірового хозяйства и господствовавшихъ въ немъ капиталистическихъ странъ выбора не было: дальнѣйшее сохраненіе промышленной отсталости грозило экономическимъ порабощеніемъ и государственнымъ разложеніемъ, быстрое же развитіе производительныхъ силъ, на единственно возможной основѣ промышленнаго капитализма, обѣщало экономическую самостоятельность и сохраненіе политической силы государства.

И Россія энергично принимается за преобразованіе своего промышленнаго строя.

Первые годы пореформенной эпохи, естественно, посвящаются развитію двухъ главнѣйшихъ факторовъ,—парового транспорта и организованнаго кредита,—безъ которыхъ промышленность не можетъ расти и которыя, въ свою очередь, быстрѣе подвигаютъ впередъ промышленное преобразованіе страны [1]). Непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ, наряду съ обществами взаимнаго кредита, возникаютъ акціонерные коммерческіе банки, нѣкоторые не безъ участія государственнаго банка, бравшаго себѣ часть акцій [2]). Къ серединѣ 70-хъ годовъ Россія обладала уже довольной крупной сѣтью кредитныхъ учрежденій, не считая даже городскихъ общественныхъ банковъ, начавшихъ возникать еще въ дореформенное время [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ росли и коммерческіе обороты банковъ. Въ старыхъ кредитныхъ установленіяхъ коммерческій портфель наканунѣ реформы представлялся суммою учтенныхъ векселей, не превышавшею $13^1/_2$ м. р.,

---

[1]) Общее представленіе о томъ, куда направлялась въ это время промышленная инициатива и какія стороны промышленной жизни являлись доминирующими, даетъ слѣдующая таблица о числѣ и капиталахъ учрежденныхъ акціонерныхъ предпріятій въ 1861—73 и 1874—81 гг.:

Группа предпріятій.	1861—1873 гг.		1874—1881 гг.	
	Число предпр.	Сумма кап. (м. р.).	Число предпр.	Сумма кап. (м. р.).
Банки и кред. учрежд.	73	226,9	3	2,5
Желѣз. дорог.	53	698,5	10	41,3
Пароход. общ.	15	7,3	16	20,8
Горнозавод. общ. . . .	18	24,3	19	16,8
Пряд. и ткацк. фабр. .	9	6	17	20,3
Проч. пром. предпр. . .	136	98,6	156	140,3
Торг. предпр.	14	6	5	7,4
Проч. предпр.	57	48	46	56,2
Всего . . .	357	1115,6	272	305,6

(«Обзоръ дѣятельности акціонерныхъ предпріятій Россіи» Вѣст. Фин. 1900 г. № 29).

Если принять во вниманіе, что средина 70-хъ годовъ вообще отличалась промышленнымъ затишьемъ, а въ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ это время болѣе активно выступаетъ казна, то и въ такомъ случаѣ между двумя очерченными таблицей періодами нельзя не видѣть существеннаго различія: въ 1861 — 73 гг. кредитныя учрежденія поглощаютъ 20,2 % всего акціонернаго капитала, желѣзныя дороги 62,6 %, промышленныя предпріятія 11,4%; въ 1874—81 гг. отношенія эти значительно измѣняются: кредитныя учрежденія берутъ всего 0, 8% капитала, желѣзныя дороги 13, 1%, промышленныя предпріятія 58%. Если во второй половинѣ 70-хъ годовъ капиталъ начинаетъ болѣе энергично приливать въ промышленность, то въ 60-хъ и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ почти цѣликомъ идетъ на желѣзнодорожное строительство и организацію кредитныхъ учрежденій.

[2]) Мигулинъ. Наша банковая политика. X. 1904 г. стр. 101.

[3]) Съ 1864 по 1873 г. было открыто 39 акціонерныхъ банковъ и 47 ихъ отдѣленій, 54 обществъ взаимнаго кредита и 112 городскихъ общественныхъ банковъ. (И. Кауфманъ. Статистика русскихъ банковъ. ч. 2, СПБ. 1875).

и суммою краткосрочныхъ ссудъ подъ товары и бумаги, едва достигавшею 2 м. р. Къ концу 1873 г. вексельный портфель новой сѣти кредитныхъ учрежденій достигалъ 431.114.000 р., а ссуды подъ процентныя бумаги и товары достигали 224.737.000 р.—или вмѣстѣ 655.851.000 р. [1]). Къ 1879 г. учетная операція банковъ повысилась до 1172 м. р., а сумма всѣхъ вкладовъ до 6.226 т. р. противъ 955 т. р. въ 1857 г. [2]). Нѣтъ нужды пояснять, что столь значительное увеличеніе какъ числа кредитныхъ учрежденій, такъ и суммы ихъ коммерческихъ оборотовъ, вызванное нуждами торговли и промышленности, въ свою очередь должно было содѣйствовать оживленію торгово-промышленной дѣятельности и все большему проникновенію денежнаго хозяйства въ народную жизнь.

Въ еще большей степени должно было повліять на преобразованіе народнаго хозяйства постепенное расширеніе желѣзнодорожной сѣти. За время съ 1860 г. по конецъ 70-хъ годовъ (1879) было открыто для движенія около 20 тыс. верстъ (19.531) желѣзнодорожнаго пути. О желѣзнодорожномъ строительствѣ этого періода у насъ принято судить по тѣмъ хищеніямъ и всякаго рода злоупотребленіямъ, которыми оно сопровождалось; принято даже думать, что направленіе дорогъ нерѣдко опредѣлялось чуть ли не взятками инженеровъ и фантазіей высокопоставленныхъ лицъ. Между тѣмъ, какъ совершенно правильно отмѣчаетъ В. Михайловскій, «постройка желѣзныхъ дорогъ въ эпоху, послѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ, вовсе не носила случайнаго, безпорядочнаго характера, а была продиктована могущественними экономическими факторами, уже тогда бывшими на лицо.» [3]) Этими факторами были нужды, съ одной стороны, торговли, съ другой—промышленности. Для удовлетворенія потребности въ хлѣбной торговлѣ желѣзныя дороги проведены были къ Рыбинску, Саратову, Самарѣ Ревелю; далѣе Москва соединена была какъ съ районами сбыта продуктовъ московской промышленности, такъ и съ районами поставки въ Москву хлѣба и топлива; наконецъ, нѣсколько линій имѣли цѣлью нужду отдѣльныхъ промышленныхъ районовъ: дорога Иваново-вознесенскаго района (1868—71 г.), Фастовская для потребности сахарной промышленности (1876) и линія къ Уральскому Горнозаводскому району (1878 г.) и Донецкому бассейну, гдѣ въ періодъ 1863—79 г. было проведено 668 в. желѣзнод. пути. Кромѣ того, въ этотъ же періодъ Волга, центральная торговая артерія, была соединена у Нижняго съ Московской промышленной областью (Нижній-Владиміръ-Москва), а у Царицына съ Дономъ (Царицынъ-Калачъ), и проведены выходы къ Черному морю (Одесса-Севастополь) и западной границѣ (Вержболово, Граево, Радзивиловъ, Волочискъ). Усиленное желѣзнодорожное строительство незамедлило отразиться на увеличеніи оборотовъ какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли, и на промышленномъ оживленіи тѣхъ областей, которыя были прорѣзаны желѣзными дорогами.

Правительственная политика этого времени также носила характеръ, если и не соотвѣтствовавшій вполнѣ нуждамъ промышленнаго развитія страны, то и не противорѣчившій имъ въ такой степени, какъ впослѣдствіи. Умѣренный таможен-

---

[1]) Кауфманъ. Цит. соч., стр. III.

[2]) В. Судейкинъ. Русскія кредитныя учрежденія. Юрид. Вѣст. 1884, т. XVI.

[3]) Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти. Труды В. Экон. Общ. 1898 г., № 2, стр. 131.

ный тарифъ 1868 г. допускалъ привозъ многихъ весьма существенныхъ для промышленности матеріаловъ отчасти безпошлинно (хлопокъ, камен. уголь, частью машины), отчасти съ оплатою незначительной пошлины (чугунъ, желѣзо). Хотя льготы эти установлены были для поощренія, по преимуществу, машиностроенія, но ими могли пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ (хотя бы путемъ весьма распространеннаго въ то время обхода таможеннаго закона) и пользовались многія отрасли промышленности, для возникновенія и роста которыхъ дешевое пріобрѣтеніе машинъ, угля или чугуна составляло вопросъ жизни или смерти. Конечно, довольствуясь умѣренной тарифной системой, правительство меньше всего исходило изъ основаній здравой экономической политики. Промышленность, какъ таковая, не интересовала его даже съ точки зрѣнія фиска, которому призваны были служить земля и земледѣльческое населеніе. Промышленность «поощрялась», главнымъ образомъ лишь постольку, поскольку это требовалось нуждами желѣзнодорожнаго строительства, занимавшаго въ то время почти все вниманіе правящей власти. Но именно въ этой области «поощреніе» выработало уже тогда всѣ тѣ немудренныя мѣры (казенные заказы, преміи, ссуды и пр.), которыя впослѣдствіи развились въ цѣлую систему, а въ тѣ времена, какъ и слѣдовало ожидать, наплодило рядъ заводовъ (машиностроительныхъ), открывавшихся и закрывавшихся, смотря по тому, были или нѣтъ казенные заказы и прочія блага политики воспособленія.

Но другія области производства, не заслуживавшія вниманія правительства, успѣли за сравнительно короткій срокъ пустить въ странѣ прочные корни. Развитіе парового транспорта и кредита, ростъ денежнаго хозяйства вообще, съ одной стороны, и «тарифное попустительство» съ другой, не могли не содѣйствовать росту промышленности. Къ концу 70-хъ годовъ о значительномъ промышленномъ прогрессѣ свидѣтельствовали какъ общее увеличеніе производительности по всѣмъ производствамъ [1]), такъ и въ особенности ростъ и сильная концентрація производства въ важнѣйшей отрасли промышленности—хлопчатобумажной [2]).

---

[1]) Сумма годового производства для нѣкоторыхъ отраслей промышленности видна изъ слѣдующей таблицы:

	1860 г.	1876 г.
Бумажная пряжа (м. р.) . .	28,7	44,2
Хлопчатобум. изд.	42,9	96,3
Шерст. пряжа	0,45	2,5
„ издѣлія	34,9	52,7
Машины	14,0	43,4
Нефть (м. п.)	0,6	10,9
Кам. уголь.	7,3	111,3
Чугунъ.	18,2	25,5
Желѣзо	11,7	17,1
Сталь	0,1	1,1

(В. Покровскій. Къ вопросу объ устойчивости активнаго баланса).

[2]) Съ 1866 по 1879 г. производство пряжи вообще на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ увеличилось на 126%, бумажныхъ тканей на 273%, ситца на 167%,

И все же этотъ періодъ въ исторіи нашей промышленности, выражаясь схематически, нельзя разсматривать иначе, какъ періодъ подготовительный. Историческая задача свелась не столько къ росту самаго промышленнаго капитализма, сколько къ подготовкѣ тѣхъ условій, безъ которыхъ этотъ ростъ не могъ имѣть мѣста. Товарно-денежное хозяйство, проникая во всѣ области страны и во всѣ стороны экономической жизни, по необходимости расширяло внутренній рынокъ; охватывая деревню, оно разлагало патріархальныя экономическія отношенія и пріобщало все громадное земледѣльческое населеніе къ новымъ формамъ экономическаго строя. Паровой транспортъ и кредитъ какъ въ организованной, такъ и въ неорганизованной формѣ содѣйствовали какъ нельзя болѣе углубленію и расширенію товарно-денежнаго хозяйства; промышленный капитализмъ, поскольку онъ пустилъ глубокія и прочныя формы, развиваясь безостановочно самъ, разрушалъ основу домашней промышленности и расчищалъ дорогу для болѣе интенсивнаго роста крупнаго производства и его концентраціи. Но развиться въ систему, придающую окраску всему промышленному строю, принять формы, по размаху своему характерныя для вполнѣ развившейся капиталистической страны, промышленный капитализмъ могъ лишь по завершеніи этого процесса, когда разрушеніе старыхъ основъ экономическаго строя и нарожденіе новыхъ экономическихъ отношеній должны были дать сильный толчекъ дальнѣйшему промышленному развитію страны. Съ другой стороны, на лицо должны были быть и нѣкоторыя другія условія, въ особенности благопріятныя для болѣе энергичнаго роста промышленности — и прежде всего таможенная ея охрана отъ конкуренціи странъ, опередившихъ ее въ промышленномъ развитіи.

Всѣ эти условія стали болѣе или менѣе совершившимся фактомъ къ концу 80-хъ и въ особенности къ началу 90-хъ годовъ минувшаго вѣка. Именно къ этому времени товарно-денежное хозяйство стало господствующимъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ народно-хозяйственной жизни, глубоко развившаяся экономическая и соціальная диференціація населенія не только окончательно выкристаллизировала соціальные элементы, необходимые для промышленнаго строительства, но и далеко раздвинула емкость внутренняго рынка. Именно къ этому

число рабочихъ вообще на 72%, въ частности ткачей на 108%; производительность веретенъ возросла на 68%, станка—на 38,6%. (Н. Масленниковъ. Къ вопросу о развитіи фабричной промышленности въ Россіи. Ростъ хлопчатобумажнаго производства въ періодъ съ 1866 г. по 1879 г. Записки И. Р. Геогр. общ.. по отдѣл. статистики, т. 6. стр. 255 и сл.). О степени концентраціи, достигнутой хлопчатобумажнымъ производствомъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя г. Масленникова:

Разрядъ фабрикъ.

	5 т. р. и болѣе.		Отъ 1 до 5 т. р.		Отъ 500 до 1 т.р.		Отъ 100 до 500 р.		Всего.	
	Число фаб.	Число раб.	Число фаб.	Число раб.	Число фаб.	Число раб.	Число фаб.	Число раб.	Число фаб.	Число раб.
1866 г.	—	—	26	40840	27	18059	115	23097	168	82004
1879 г.	1	8946	40	83583	44	32591	118	28212	202	153332

времени оказалась завершенной покровительственная система, выработанная правительствомъ для «поощренія промышленности», проведена была денежная реформа, начато вслѣдъ за голоднымъ 1891—2 г. усиленное желѣзнодорожное строительство—все факторы, непосредственное вліяніе которыхъ на подъемъ промышленности не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Поворотъ правительства къ таможенному покровительству, вызванный не столько интересами покровительства, сколько интересами фиска, начался еще съ конца 70-хъ годовъ. Установленное въ 1877 г. взиманіе пошлины въ золотой валютѣ сразу подняло пошлины на 40—50%; въ томъ же 1877 г. отмѣненъ безпошлинный ввозъ паровозовъ и подвижнаго желѣзнодорожнаго состава, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ повышена пошлина на паровозы (до 1 р. 25 коп.). Вслѣдъ за этимъ производится отмѣна безпошлиннаго привоза ряда основныхъ промышленныхъ матеріаловъ: въ 1878 г. устанавливается пошлина на хлопокъ, въ 1880 г.—на чугунъ и желѣзо съ одновременнымъ повышеніемъ пошлины на сталь и металлическія издѣлія, въ 1884 г. упраздняется безпошлинный ввозъ каменнаго угля. Въ теченіе 80-хъ годовъ почти безпрерывно продолжается частичное повышеніе пошлинъ на отдѣльные товары, такъ что, напр., къ 1887 году пошлина на чугунъ была доведена уже до полнаго покровительственнаго размѣра въ 25 коп. зол. съ пуда. Если къ этому прибавить неоднократное огульное повышеніе пошлинъ по всѣмъ товарамъ (напр. въ 1880 г. на 10%, въ 1885 и 1890 г. на 20%), то можно сказать, что уже къ концу 90-хъ год. наша таможенная система приняла вполнѣ покровительственный характеръ, окончательное завершеніе котораго послѣдовало въ 1891 г. По компетентному свидѣтельству Шульце-Геверница, тарифъ этого года «превосходитъ все, что когда либо было сдѣлано въ Европѣ въ смыслѣ таможенной охраны» [1]). Тарифъ 1891 года увеличилъ пошлину въ 164 случаяхъ, ввелъ ихъ въ первый разъ въ 11 случаяхъ, оставилъ старыя высокія ставки въ 173 случаяхъ и понизилъ пошлину только въ 11 случаяхъ. Обложеніе по многимъ товарамъ оказалось увеличеннымъ на 100 и даже 300% и болѣе: по сравненію съ 1858 г., напр. пошлина на машины повышена съ 30 и 75 копѣекъ до 1 р. 70 коп. — 4 р. 80 коп., земледѣльческія машины, ввозившіяся безъ пошлины, обложены 70 коп. и т. д. Тарифъ 1891 года, во многомъ граничившій съ запретительной системой, оказался не вполнѣ пригоднымъ для цѣли покровительства и потому въ позднѣйшихъ мѣропріятіяхъ отъ него пришлось отступать, въ особенности, подъ давленіемъ требованій мірового рынка, создавшаго новую систему тарифныхъ отношеній — конвенціонную. Но къ началу 90-хъ годовъ онъ создалъ прочную таможенную стѣну, ограждавшую промышленность отъ иноземной конкурренціи, обезпечившую промышленникамъ крупную норму прибыли—эту самую реальную приманку для притока въ промышленность какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ капиталовъ.

Таможенной системой, помимо цѣлей покровительственныхъ и собственно фискальныхъ, правительство пользовалось какъ для исправленія недостатковъ

[1]) Г. Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Спб. 1901 г., стр. 211.

бумажнаго денежнаго обращенія, такъ и для накопленія золота, необходимаго для текущихъ нуждъ. Уже переводъ оплаты пошлинъ на золото 1877 г. диктовался соображеніями не столько покровительства, сколько нуждою въ золотѣ для производства платежей по заграничному долгу [1]).

Вся таможенная политика Вышнеградскаго была направлена по преимуществу къ накопленію золотого запаса, какъ необходимой предпосылки къ переходу отъ бумажнаго обращенія къ золотому. Для Вышнеградскаго, правильно замѣчаетъ г. Шванебахъ, «протекціонизмъ стоялъ на второмъ планѣ, а на первомъ была забота о балансѣ и о рессурсахъ фиска. Его идеалъ былъ — доведенный до минимума ввозъ съ возможно крупнымъ таможнымъ доходомъ, и этого онъ добился тарифомъ 1891 года [2]).

Къ началу 90-хъ годовъ необходимость перехода къ золотой валютѣ становится настоящей злобой дня. Развившаяся торгово-промышленная жизнь испытывала отъ бумажнаго обращенія большія неудобства и встрѣчала въ немъ сильный тормазъ къ дальнѣйшему развитію. Постоянныя колебанія курса кредитнаго рубля не могли не отражаться на темпѣ внѣшней торговли и не приводить къ замѣшательству торговыхъ оборотовъ внутри Россіи. Кромѣ того, бумажно-денежное обращеніе въ сильной степени затрудняло приливъ иностранныхъ капиталовъ. При неустойчивости валюты иностранные капиталы ограничивались почти исключительно пріобрѣтеніемъ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ займовъ, которые давали имъ доходъ, точно опредѣленный и всегда реализируемый въ мѣстной валютѣ. Благодаря этому привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, значительное и въ прежнее время, принимало форму косвенную и дорого оплачиваемую: выпускались за границу облигаціи или практиковался кредитъ у заграничныхъ капиталистовъ и банкировъ. «Ежегодно, аргументировалъ въ Государственномъ Совѣтѣ Витте необходимость денежной реформы, ежегодно осенью ощущается особенно сильно безденежье, отчего Государственный Банкъ ограждаетъ свою кассу повышеніемъ учетнаго процента, но пользы отъ этого нѣтъ, ибо къ намъ не могутъ, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ правильная валюта, притечь деньги извнѣ, и торговля и промышленность наши ставятся въ совершенно безвыходное положеніе [3])». Выходъ былъ найденъ въ установленіи устойчивой золотой валюты. Съ этого времени деньги «извнѣ» стали притекать безпрепятственно. Иностранный

---

[1]) „При сопровождавшихъ бумажно-денежное обращеніе колебаніяхъ курса таможенный доходъ въ золотой валютѣ долженъ былъ доставить вѣрный источникъ для производства платежей по нашимъ заграничнымъ долговымъ обязательствамъ". Очеркъ В. Тимирязева „Обзоръ системы русскаго таможеннаго тарифа" въ изданіи „Фабрично-заводская промышленность и Торговля Россіи" Спб. 1896 г. с. 551.

[2]) Денежное преобразованіе и народное хозяйство. Спб. 1901 г., стр. 19. „Не могу, разсказываетъ г. Шванебахъ, забыть возгласа, вырвавшагося у него (Вышнеградскаго), весной 1891 года, когда, при надвигавшемся неурожаѣ, онъ сталъ опасаться отлива золота: „Сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить", (тамъ же с. 21)—фраза классическая для Шейлоковъ стараго режима.

[3]) Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ. Х. 1902 г. стр. 135.

капиталъ, успокоенный насчетъ устойчивости валюты, болѣе увѣренно двинулся въ страну, таможенная стѣна которой обѣщала ему быстрое приращеніе.

Къ этимъ двумъ факторамъ, содѣйствовавшимъ промышленному подъему, присоединился въ началѣ 90-хъ годовъ третій—усиленное желѣзнодорожное строительство, послужившее ближайшей причиной чрезвычайнаго роста желѣзной промышленности. Десятилѣтіе 1891—1900 гг., какъ это видно изъ слѣдующей таблицы [1]), по количеству сооруженныхъ дорогъ, оставляетъ далеко позади себя всѣ прочіе періоды наиболѣе усиленнаго строительства желѣзныхъ дорогъ.

Пятилѣтія.	Общее протяженіе (въ верстахъ).
1861—1865	2.021
1866—1870	6.801
1871—1875	7.558
1876—1880	3.387
1881—1885	3.117
1886—1890	4.338
1891—1895	5.994
1896—1900	15.019
1900—1905	7.186

Изъ 57.064 верстъ жел. дорогъ, числившихся къ концу 1905 г., на долю 1896—1900 гг. приходится 30% сооруженныхъ верстъ, а на долю десятилѣтія 1891—1900 годовъ—почти 37%. Въ десятилѣтіе 1891—1900 было сооружено столько же верстъ дорогъ, сколько въ десятилѣтіе 1861—70 и 1871—80 вмѣстѣ взятыя. Въ частности, въ пятилѣтіе 1893—1897 открыто рельсовыхъ путей на 36% больше, чѣмъ въ 1868—1872, эпоху наиболѣе усиленнаго строительства и на 88% больше пятилѣтія 1873—1877 годовъ [2]). Само собой разумѣется, что столь усиленная постройка дорогъ должна была не только отразиться на ростѣ желѣзной промышленности, но и внести значительное оживленіе во всѣ прочія отрасли промышленной дѣятельности.

Мы очертили въ немногихъ словахъ ту обстановку, въ которой совершился въ 90-хъ годахъ промышленный подъемъ. Ниже мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ характеристикѣ нѣкоторыхъ моментовъ этого подъема, а теперь подведемъ итоги промышленнаго роста Россіи, какими они представляются къ началу XX-го вѣка.

Выше уже было отмѣчено, что со второй половины 90-хъ годовъ начался усиленный притокъ въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Точнаго учета этихъ капиталовъ не имѣется, но и тѣ данныя, какими можно располагать, свидѣтельствуютъ о крупномъ участіи иностранныхъ капиталовъ въ русской промышленности. Такъ, число и капиталы разрѣшенныхъ къ дѣятельности въ Россіи иностранныхъ акціонерныхъ компаній представляются въ такомъ видѣ [3]):

[1]) Основы торгово-промышленной политики въ Россіи, докладъ А. А. Вольскаго 3-му Съѣзду представителей промышленности и торговли.

[2]) В. Михайловскій. Тр. В. Э. Общ. 1898 г., № 2, стр. 123.

[3]) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ 1894—1902 г. Спб. 1902, стр. 122.

	Число разрѣш. компаній.	Ихъ капиталы (въ тыс. франк.).
1894	3	7.350
1895	7	30.050
1896	25	95.370
1897	19	59.165
1898	36	127.725
1899	71	215.190
1900	30	99.270

Всего съ 1894 по 1900 годъ было разрѣшено 191 компанія съ капиталомъ въ 634.120 тыс. франковъ. Правда, не всѣ изъ разрѣшенныхъ компаній осуществились и не весь объявленный ими капиталъ представлялъ изъ себя наличную денежную реальность, но и за всѣмъ тѣмъ остается еще значительная сумма, дѣйствительно затраченная въ Россіи. Такъ, оперируя надъ другого рода данными, г. Шванебахъ опредѣляетъ сумму иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ русскую промышленность во вторую половину 90-годовъ, приблизительно, 500 милл. р. [1]), что едва ли далеко отъ дѣйствительности.

Энергичный притокъ иностранныхъ капиталовъ не замедлилъ отразиться вообще на оживленномъ приливѣ капиталовъ въ промышленность. Девяностые годы отмѣчены необычайнымъ ростомъ акціонерныхъ обществъ и ихъ капиталовъ. Изъ общаго числа дѣйствовавшихъ къ 1-му января 1899 г. 1.181 акціонерныхъ обществъ съ основнымъ капиталомъ 1.736,8 милл. р. возникло до 1-го января 1889 г.—304 общества съ капиталомъ 911,8 милл. р. и послѣ 1-го января 1899 г.—677 съ капиталомъ 824,9 милл. р. [2]). Такимъ образомъ за десятилѣтіе 1889—1899 гг. образовалось больше половины всѣхъ предпріятій и половина всего акціонернаго капитала. Особенно энергично увеличивается число акціонерныхъ предпріятій со второй половиной 90-хъ годовъ [3]):

	Число разрѣш. компаній.	Сумма основного кап. (въ милл. р.).
1894	63	57
1895	95	119,0
1896	133	189,9
1897	138	193,2
1898	196	228,1
1899	318	333,0

Въ среднемъ въ періодъ 1894—1899 гг. возникало 157 предпріятій за годъ, въ то время, какъ за десятилѣтіе 1884—1893 среднее число возникшихъ предпріятій было всего лишь 36. За 6 лѣтъ число разрѣшаемыхъ предпріятій возросло въ 3 раза, а сумма объявленныхъ капиталовъ въ 6 разъ.

---

[1]) Шванебахъ. Цит. соч., стр. 211.

[2]) Обзоръ дѣятельности акціонерныхъ предпріятій. Вѣстникъ Финансовъ, 1900 г., № 30.

[3]) Историч. обзоръ дѣят. Комитета Министровъ, стр. 119.

Куда направлялись въ это время капиталы, видно изъ слѣдующихъ данныхъ [1]):

	Возникш. до 1889 г.		Возникш. въ 1889—1894 г.	
	число.	осн. кап. (м. р.).	число.	осн. кап. (м. р.).
Банки	43	243,4	9	37,0
Страхов. учрежд. . . .	18	30,8	3	10,6
Трансп. пред.	31	39,1	13	21,3
Торговыя	16	20,1	34	39,1
Горнопромышл. . . .	63	163,8	177	325,1
Прочія промышл. . .	283	347,9	353	287,7
Разныя предпр. . . .	50	66,1	65	102,6

До 1889 года наибольшая часть капиталовъ поглощается банками, страховыми или транспортными предпріятіями (34,4%) и предпріятіями промышленными (56,1%); въ десятилѣтіе 1889—1899 гг. промышленныя предпріятія берутъ рѣшительный перевѣсъ по размѣру поглощеннаго ими акціонернаго капитала (74,3%), банковыя, транспортныя и страховыя падаютъ до 8,3%. Въ частности наиболѣе энергично возрастаетъ капиталъ, затраченный въ горнопромышленное дѣло: съ 17,9% въ періодъ до 1889 года онъ повышается до 39,4% въ десятилѣтіе 1889—1899 гг. Если до 1889 года акціонерный капиталъ распредѣляется приблизительно равномѣрно между кредитными и транспортными предпріятіями, то въ десятилѣтіе 1889—1899 гг. онъ отдаетъ исключительное преимущество промышленнымъ предпріятіямъ.

Если взять одни лишь торговопромышленныя акціонерныя предпріятія (безъ кредитныхъ, желѣзнодорожныхъ и страховыхъ), то возрастаніе ихъ капиталовъ по всѣмъ производствамъ вырисовывается еще болѣе рельефно [2]).

Группа предпр.	Основн. кап. (м. р.)			Приростъ за дес.
	1890	1895	1900	1890—1900 гг. въ %
Волокнистая	197,5	238,5	373,7	88
Горнопромышл. . . .	85,7	129,5	392,2	357
Металлическая . . .	27,8	44,2	257,3	825
Питательная	87,6	86,8	153,1	74
Химическая	15,6	21,2	93,8	501
Бумагомассная . . .	11,4	14,8	31,7	186
Керамическая	6,7	9,45	59,0	780
Животная	7,3	8,3	16,5	126
Торговая	25,2	44,5	63,2	155
Перевозочная	36,7	41,0	63,2	72
Прочія	80,8	107,7	224,6	176
Всего	580,1	746,3	1742,3	200

Таблица эта даетъ поучительную картину роста промышленности въ послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка. Въ 1890 году по суммѣ вложеннаго акціонер-

[1]) Вѣстникъ Финансовъ 1900 г., № 30.

[2]) Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпуски 1901 и 1902 г.г.

наго капитала первое мѣсто занимаетъ группа волокнистая, за нею слѣдуетъ питательная, горнопромышленная, перевозочная, металлическая и т. д. Къ концу десятилѣтія относительное значеніе различныхъ производствъ значительно измѣняется: на первое мѣсто выдвигается горнопромышленная группа, волокнистая нисходитъ до второго мѣста, третье мѣсто занимаетъ металлическая, изъ седьмого въ пятое переходитъ химическая, изъ десятаго въ восьмое керамическая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при среднемъ ростѣ основного капитала въ 200%, наиболѣе сильно возрастаетъ капиталъ группы металлической (825%), керамической (780%), химической, (701%) и горнопромышленной (357%). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка наростаетъ рядъ новыхъ производствъ. Наряду съ довольно крупнымъ увеличеніемъ капиталовъ такихъ старыхъ производствъ, какъ группа обработки волокнистыхъ веществъ, идетъ усиленный притокъ капиталовъ въ производства, обладавшія въ началѣ десятилѣтія сравнительно скромными капиталами.

Усиленный притокъ капиталовъ въ промышленность знаменуетъ, конечно, ростъ ея общихъ размѣровъ и измѣненіе ея внутренняго строенія. Такъ, за время съ 1887 по 1897 годъ движеніе общаго числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ представляется въ такомъ видѣ: [1]).

	Число предпр.	Сумма произв. (м. р.)	Число рабоч. (тыс.)
1887	30.888	1.334,5	1.380,0
1890	32.254	1.502,6	1.424,7
1893	30.333	1.734,9	1.582,9
1896	35.827	2.590,9	1.818,4
1897	39 029	2.839,1	2.098,2

Въ разсматриваемый періодъ времени число фабрикъ возросло на 26,3% сумма производительности на 112,8% и число рабочихъ на 59,2%. Увеличеніе числа рабочихъ, менѣе значительное по сравненію съ ростомъ производительности, и болѣе сильное по сравненію съ ростомъ числа фабрикъ, указываетъ на совершившуюся концентрацію производства и увеличеніе производительности за счетъ распространенія машиннаго производства, къ чему мы еще вернемся ниже.

Эта общая тенденція проявляется и въ отдѣльныхъ производствахъ, если взять для сравненія конечные моменты періода 1887—1897 гг.:

Группа произв.	Число предпр.		Сумма произв. (м. р.)		Число раб. (тыс.)	
	1887	1897	1887	1897	1887	1897
Волокн. вещ. . .	2.847	4.449	463,0	946,2	399,1	642,5
Питат. прод. .	14.508	16.512	375,2	648,1	205,2	255,3
Животн.	4.425	4.238	79,4	132,0	38,8	64,4
Обработ. деревъ .	1.093	2.357	25,6	102,8	30,7	86,2

[1]) Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897, СПБ. 1900 г. Паденіе числа фабрикъ въ 1893 г. „Сводъ“ объясняетъ тѣмъ, что въ этомъ году впервые исключены, по группѣ питательныхъ продуктовъ изъ подсчета мукомольныя мельницы, въ которыхъ менѣе трехъ поставовъ.

Группы произв.		Число предпр.	Сумма произв. (м. р).		Число раб. (тыс).	
Писчебум. произв.	242	532	21,0	45,4	19,4	46,1
Химич.	588	769	21,5	59,5	21,1	35,3
Керамическ. . . .	2.308	3.413	28,9	82,5	67,7	143,2
Горная и горнозав.	2.656	3.412	156,0	393,7	390,9	544,3
Металлич. изд. . .	1.377	2.412	112,6	310,6	103,3	214,3
Проч. произв. . .	772	935	50,8	117,7	41,8	66,2

Наиболѣе интенсивный ростъ проявили производства металлическое, горнозаводское и керамическое, что подтверждаетъ выводъ, сдѣланный выше на основаніи роста капиталовъ акціонерныхъ обществъ. Увеличеніе производительности керамическаго производства составило за время съ 1887 по 1897 годъ 185%, металлическаго 176%, горнозаводскаго 152%, по группѣ волокнистыхъ веществъ 104%; вмѣстѣ съ тѣмъ, по всѣмъ этимъ производствамъ число рабочихъ возрастаетъ быстрѣе числа фабрикъ и медленнѣе суммы ихъ производительности.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ основнымъ производствамъ, то и здѣсь должны будемъ констатировать несомнѣнное ихъ возрастаніе къ началу XX-го вѣка.

Такъ, показателемъ роста хлопчатобумажной промышленности могутъ служить слѣдующія данныя [1]):

Бумагопрядильное производство.	1890 г.	1899 г.
Число пряд. фабр.	66	109
» » верет.	3.457.116	6.090.869
Колич. переработ. хлопка . . .	8,3 м. п.	16,1 м. п.
Колич. изготовл. пряжи . . .	7,3 » »	14,4 » »

Бумаготкацкое производство.	1890 г.	1899 г.
Число ткацк. фабр.	83	118
» самоткацк. станковъ. . .	87.190	145.842
Колич. изготовл. суроваго товара.	6,6 м. п.	11,5 м. п.

Приростъ за 10 лѣтъ дастъ: прядильныя фабрики 65%, ткацкія фабрики 42%, веретена 76%, ткацкіе станки 67%, выработанной пряжи 95%, изготовленный суровый товаръ 74%, переработанный хлопокъ почти 100%. За десятилѣтіе 1890—1899 гг. приростъ числа веретенъ на континентѣ Европы составилъ 33,3%, въ Соединенныхъ Штатахъ 25,6%, въ Россіи 76,2%. Въ 1890 году на долю Россіи приходилось 4% общаго числа веретенъ во всѣхъ странахъ и 14,1% числа веретенъ на континентѣ Европы. Въ 1899 году эти отношенія повысились до 6,0 и 18,7%%. Благодаря такому росту Россія къ концу XIX-го вѣка по размѣрамъ своего производства занимала одинаковое мѣсто на континентѣ Европы съ Германіей и Франціей, обладая вмѣстѣ съ ними около 18 милліоновъ веретенъ [2]).

Еще большій прогрессъ обнаружила за послѣднее десятилѣтіе минувшаго

---

[1]) Матеріалы для статистики хлопчатобумаж. произв. въ Россіи. СПБ. 1901 г.

[2]) Б. Брандтъ. Торгово-промышл. кризисъ въ Европѣ и Россіи, ч. II, СПБ. 1904, стр. 19.

вѣка горнозаводская промышленность, нашедшая въ это время для своего развитія особенно благопріятныя условія. Добыча каменнаго угля, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, сдѣлала за эти годы колоссальный скачокъ впередъ:

Годы.	Всего.	Въ томъ числѣ въ бассейнахъ: Донецкомъ.	Домбровскомъ.
1880 . .	200,0	86,3	78,4
1890 . .	367,2	183,2	150,8
1895 . .	555,5	298,3	224,8
1900 . .	995,2	691,5	250,7

Съ 1880 года общая добыча угля увеличилась въ 54 раза, съ 1890 года на 171%, съ 1895 г. на 79%. Въ частности въ Донецкомъ бассейнѣ съ 1890 года добыча возрасла на 297%, а съ 1895—на 127%.

Общая полезная добыча нефти въ Бакинскомъ районѣ составляла въ 1890 году 266 м. п., въ 1895—377 м. п. и въ 1900—600 м. п., что въ переводѣ на процентъ прироста даетъ въ 1900 году 165% по сравненію съ 1890 и 59% по сравненію съ 1895 г. [2]).

Движеніе желѣзной промышленности изображено въ слѣдующей таблицѣ (въ мил. п.) [2]).

	По всѣмъ районамъ. 1890.	1895.	1900.	Въ южномъ районѣ. 1890.	1895.	1900.
Выплавлено чугуна	55,1	87,1	177,5	13,2	33,8	92,5
Произведено полупродукт. желѣза и стали	51,9	85,3	151,7	9,4	22,4	66,6
Произведено готоваго продукта .	41,4	65,2	121,7	16,6	17,1	52,8

За десятилѣтіе выплавка чугуна, производство полупродукта и продукта по всѣмъ районамъ и для каждаго изъ производствъ въ отдѣльности возрасло въ три раза, а въ южномъ районѣ— выплавка чугуна въ 7 разъ, производство полупродукта въ 7 разъ, производство готоваго полупродукта въ три раза.

Мы видѣли уже выше, что увеличеніе общихъ итоговъ производства сопровождается концентраціей послѣдняго и его техническимъ совершенствованіемъ. Громадные успѣхи, сдѣланные промышленностью въ послѣднее десятилѣтіе послѣдняго вѣка, не могли бы, конечно, имѣть мѣста безъ роста крупнаго производства, сопровождающагося постепенной его концентраціей. Мы видѣли также, что концентрація производства замѣчалась въ значительной степени уже въ 70-хъ годахъ; особенно благопріятная экономическая коньюнктура 90-хъ годовъ могла лишь содѣйствовать еще большей интенсификаціи этого процесса. Намъ остается привести въ подтвержденіе послѣдняго имѣющіяся на лицо данныя.

По даннымъ Вл. Ильина [3]) и А. Погожева [4]) ростъ числа крупныхъ про-

---

[1]) По „Обзорамъ" нефт. пром. въ изд. съѣзда бакинскихъ нефтепромышлен.

[2]) Желѣзная промыш. въ Россіи въ 1903 г. Изд. Статист. бюро горнопром. Юга Россіи.

[3]) В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. Изд. 2-ое, СПБ. 1908 г. с. 404.

[4]) А. В. Погожевъ. Учетъ численн. и состава Россіи. СПБ. 1906 г. стр. 42.

мышленныхъ предпріятій и занятыхъ въ нихъ рабочихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1]).

Группы фабрикъ съ числомъ рабочихъ.	1879 г. Число фабр.	%	Число рабоч.	%	1890 г. Число фабр.	%	Число рабоч.	%
Отъ 100 до 499 . .	979	79,6	219,4	44,4	1.131	79,5	252,1	42,0
» 500 » 999 . .	164	13,3	113,9	22,9	182	12,8	120,9	20,1
» 1.000 и болѣе .	86	6,9	163,0	32,8	108	7,6	226,2	37,7
Всего . .	1.229	—	496,4	—	1.721	—	599,2	—

Группы фабрикъ съ числомъ рабочихъ.	1894 г. Число фабр.	%	Число рабоч.	%	1902 г. Число фабр.	%	Число рабоч.	%
Отъ 100 до 499. . .	1.136	77,8	252,7	38,5	1.746	73,7	386,2	30,6
» 500 » 999. . .	215	14,6	143,5	21,8	359	15,1	245,9	19,5
» 1.000 и болѣе .	117	7,9	259,5	39,5	261	11,0	626,5	49,7
Всего . .	1.468	—	655,7	—	2.366	—	1258,6	—

Къ каждому изъ послѣдующихъ годовъ среди общаго числа крупныхъ, фабрикъ понижается относительное значеніе менѣе крупныхъ и возрастаетъ значеніе болѣе крупныхъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди общаго числа рабочихъ занятыхъ въ крупномъ производствѣ, падаетъ относительное значеніе числа рабочихъ, занятыхъ въ менѣе крупныхъ предпріятіяхъ и повышается для рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ болѣе крупныхъ. Иначе говоря, число фабрикъ и занятыхъ въ нихъ рабочихъ повышается быстрѣе для болѣе крупныхъ фабрикъ, чѣмъ для фабрикъ менѣе крупныхъ. Это указываетъ на несомнѣнную концентрацію производства, выражающуюся какъ въ ростѣ крупныхъ предпріятій, такъ и въ увеличеніи сосредоточеннаго на нихъ числа рабочихъ. Болѣе наглядно процессъ концентраціи можетъ быть изображенъ въ слѣдующей таблицѣ, заключающей въ себѣ показатель прироста въ %% числа фабрикъ и рабочихъ для различныхъ періодовъ времени:

Группы фабрикъ съ числомъ рабочихъ .	Приростъ фабрикъ въ %. 1879-1890.	1890-1902.	1894-1902.	Приростъ рабочихъ въ %. 1879-1890.	1890-1902.	1894-1902.
Отъ 100 до 499 . .	15,5	54,3	53,6	14,9	53,5	60,7
» 500 » 999 . .	10,9	97,2	66,9	6,1	103,3	71,3
» 1.000 и болѣе .	25,5	141,6	123,0	38,7	176,9	141,4

Число фабрикъ, какъ и число рабочихъ, возрастаетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ крупнѣе фабрика, при этомъ за рѣдкимъ исключеніемъ по всѣмъ группамъ фабрикъ число рабочихъ возрастаетъ быстрѣе числа предпріятій, т. е. сосредоточеніе все большей массы рабочихъ происходитъ одновременно по всѣмъ группамъ крупныхъ предпріятій, въ однихъ, самыхъ крупныхъ, наиболѣе интенсивно,

[1]) Данныя за 1879—94 г.г. обработ. В. Ильинымъ и относятся ко всѣмъ производствамъ, кромѣ рельсоваго, данныя за 1902 г.—Погожевымъ и относятся ко всѣмъ производствамъ.

въ другихъ менѣе интенсивно. Въ періодѣ 1890—1900 гг. концентрація совершалась наиболѣе усиленно, значительно превосходя, какъ это и слѣдовало ожидать, 80-е годы; напротивъ, часть этого періода (1894—1902 г.), приходящаяся на годы какъ подъема, такъ и кризиса, по силѣ концентраціи нѣсколько уступаетъ 1890—1900 гг.

Средняя данныя сглаживаетъ различіе концентраціи въ отдѣльныхъ производствахъ. Если мы обратимся къ отдѣльнымъ, наиболѣе важнымъ въ народномъ хозяйствѣ отраслямъ промышленности, то увидимъ, что въ нихъ концентрація совершается особенно быстро и достигла особенной высокой степени.

Такъ, въ хлопчатобумажной промышленности за время съ 1879 г. по 1894 г. въ смыслѣ концентраціи производства произошли слѣдующія измѣненія [1])

Группы фабрикъ съ числомъ рабочихъ.	1879 г.				1894 г.				Приростъ въ %:	
	Число фабр.	%	Число раб.	%	Число фабр.	%	Число раб.	%	Фабр.	Раб.
Отъ 100 до 500.	118	58,1	28.212	18,3	108	48,2	27.050	11,0	9,2	4,4
»500 до 1.000.	44	21,6	32.591	21,2	48	21,4	33.462	14,2	9,0	2,6
»1.000 и бол.	41	20,1	92.529	60,2	68	30,2	173.994	74,1	65,8	88

Числа среднихъ фабрикъ и занятыхъ въ нихъ рабочихъ къ 1894 г. нѣсколько уменьшились, въ остальныхъ же крупныхъ группахъ увеличились, причемъ особенно сильно подвинулась концентрація въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, для которыхъ приростъ рабочихъ достигъ 88%.

Еще болѣе значительна концентрація въ наиболѣе молодой, но, вмѣстѣ съ чѣмъ, наиболѣе капиталистически организованной, горнозаводской промышленности: [2]).

Группы предпріятій съ числомъ рабочихъ.	1890 г.				1900 г.				Приростъ въ %:	
	Пред.	%	Рабоч. (въ тыс.).	%	Пред	%	Рабоч. (въ тыс.).	%	Пред.	Раб.
Отъ 100 до 499. .	236	62,1	58,3	22,5	579	67,1	122,9	20,4	145,3	110,9
» 500 » 999. .	79	20,7	50,6	19,6	132	15,3	91,5	15,2	67,0	80,8
» 1.000 и бол. .	71	17,6	149,1	57,7	151	17,5	386,8	64,3	112,6	159,4

Наибольшій приростъ рабочихъ дала самая крупная группа предпріятій: за 10 лѣтъ при приростѣ предпріятій въ 112,6%, число рабочихъ возросло на 159,4%.

Концентрація каменоугольной промышленности Донецкаго бассейна, если ограничиться шахтами, добывающими свыше 500 т. п., представляется въ такомъ видѣ:

Шахты съ добычей.	Число рудник.		Число шахтъ.		% общей добычи	
	1890.	1898.	1890.	1898.	1890.	1898.
Менѣе 500 т. п.	235	200	657	546	22,5	7,9
Отъ 500 т. до 1 м. п. . . .	21	18	68	94	25,3	17,2
» 1 м. п. » 2 » » . . .	6	15	12	57	8,9	18,0
» 2 » » » 3 » » . . .	4	6	14	25	17,5	13,9
Свыше 3 » » . . .	4	10	12	38	25,8	43,0

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Русск. фабрика, изд. 3, СПБ. 1907 г. с. 337.

[2]) А. Погожевъ. Цит. соч. стр. 49.

1890 г. 12 шахтъ съ добычей свыше 3 м. п. (1,5% всѣхъ шахтъ, доставили 1/4 часть добычи, въ 1898 г. 38 шахтъ (5%)—почти половину добычи, оставивъ при этомъ далеко позади себя конкурировавшія съ ними въ 1890 г. среднія шахты (съ добычей отъ 500 т. до 1 м. п.).

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы иллюстрировать степень совершившейся въ нашей промышленности концентраціи. Какъ по всѣмъ производствамъ, такъ и по нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенности, ростъ крупнаго производства совершался достаточно быстро, для того чтобы въ теченіи немногихъ сравнительно лѣтъ достигнуть результатовъ, во многомъ не уступающихъ передовымъ капиталистическимъ странамъ.

Развитіе промышленнаго капитализма вообще и концентрація производства въ частности должно было сопровождаться ростомъ численности рабочаго класса, занятаго въ различныхъ областяхъ промышленнаго труда. Новѣйшія изслѣдованія вполнѣ опровергли старое представленіе о томъ, что число рабочихъ не только не повышается, но относительно падаетъ. Напротивъ, можно считать установленнымъ, что приростъ промышленныхъ рабочихъ происходитъ у насъ быстрѣе прироста населенія, а общая численность рабочаго класса достигла размѣровъ, отвѣчающихъ значительности совершившагося за вторую половину минувшаго вѣка промышленнаго переворота. Такъ, по даннымъ г. Тугана-Барановскаго, ростъ численности рабочихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1]).

Родъ производства.	1886.	1890.	1893.	1896.	Приростъ въ % за 10 лѣтъ.	Приростъ въ % за послѣднія 6 лѣтъ.
Рабочіе въ производствахъ, не обложенн. акциз. .	715.492	801.715	911.715	1.132.472	5,8	6,9
Горнорабочіе . . .	354.239	431.468	462.115	489.038	3,8	2,2
Желѣзнодорожн. рабочіе	216.439	248.309	301.346	391.094	8,1	9,6
Рабочіе въ производствахъ, обложенн. акциз. . .	—	190.962	190.953	203.277	—	1,1
Общій итогъ .	—	1.671.772	1.866.129	2.215.881	—	5,5

Общее число рабочихъ въ крупной промышленности за 1890—1896 гг. возрастала на 5 1/2% въ годъ, въ то время, какъ ежегодный приростъ населенія Россіи достигаетъ приблизительно 1,3%, т. е. численность рабочихъ возрастало быстрѣе прироста населенія [2]). Наиболѣе быстро росло число желѣзно-

---

[1]) Споръ „о фабрикѣ и капитализмѣ". „Начало" 1899 г., № 1—2 стр. 49. см. также „Русская фабрика" изд. I, СПБ. 1898 г. с. 335.

[2]) По даннымъ В. Ильина, число рабочихъ въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ увеличилось за 25 лѣтъ (1865—1890) болѣе чѣмъ вдвое (706 до 1432 т. ч.), т. е. возрастало не только гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе вообще, но даже быстрѣе городского населенія. Цит. соч., стр. 393.

дорожныхъ рабочихъ, за ними слѣдовали рабочіе въ производствахъ, не обложенныхъ акцизомъ. Относительно слабо росло число горнозаводскихъ рабочихъ, но несомнѣнно, что въ послѣдующее время приростъ численности и этихъ рабочихъ пошелъ быстрѣе, такъ какъ во вторую половину 90-хъ годовъ развитіе горнозаводской промышленности сдѣлало значительно большіе успѣхи, чѣмъ въ первую половину, характеризуемую данными г. Тугана-Барановскаго.

Въ 1900 г. численность рабочихъ по офиціальнымъ даннымъ и по отдѣльнымъ родамъ производства составляла [1]):

По производств., не обложеннымъ акцизомъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ	1.343.279
То же въ Сибири и на Кавказѣ .	19.344
По производствамъ, обложеннымъ акцизомъ	242.835
Горнозаводская промышленность .	672.194
Итого . .	2.277.652

Если къ этому итогу присоединить желѣзнодорожныхъ рабочихъ (по разсчету 11 чел. на 1 версту—655.929 чел.), [2]) то общая численность рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности въ 1900 г., выразится въ суммѣ 2.933.581 чел. Къ сожалѣнію, хаотическое состояніе нашей промышленной статистики исключаетъ возможность сравненія послѣдней цифры съ приведенными выше данными, а также вообще не позволяетъ считать ее окончательно достовѣрной. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что къ началу XX вѣка численность рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, превышала 3.000.000 чел. [3]).

По отдѣльнымъ производствамъ общее число рабочихъ въ 1900 г. распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Обработка волокнистыхъ веществъ	675,0
Производство бумагомассное и полиграфическое . . .	77,4
Обработка дерева	95,3
» » металловъ	371,9
» » минеральныхъ веществъ	80,5
» » животныхъ продуктовъ	110,8
» » питательныхъ веществъ	361,5
Производства химическія	92,4
Горнозаводская промышл.	672,1

[1]) Статистическія свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ, необложеннымъ акцизомъ за 1900 г. СПБ. 1903 г. стр. X—XI.

[2]) В. Ильинъ цит. соч. стр. 394, прим. А. Погожевъ, стр. 28.

[3]) Перепись 1897 г. опредѣляетъ общее число рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности и различныхъ формахъ обрабатывающей промышленности, въ общей суммѣ около 2.597 т. (Численность и составъ рабочихъ въ Россіи на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. составлена по порученію министерствъ финансовъ, торговли и промышленности. 2 т. СПБ. 1906).

Свекло—сахарн. заводы	105,0
Проч. произв. обл. акцизомъ	137,6
Желѣзныя дороги	655,9

По числу рабочихъ первое мѣсто занимаетъ обработка волокнистыхъ веществъ, за нею слѣдуетъ горнозаводская промышленность, желѣзныя дороги, обработка металловъ и т. д. Наибольшее число рабочихъ привлекли производства сильнѣе другихъ развившіяся вообще и въ отношеніи концентраціи въ частности.

Ростъ промышленности характеризуется не только такими очерченными выше сторонами его, какъ притокъ капиталовъ, ростъ производства и концентрація его, увеличеніе численности рабочаго класса. Для страны, какъ Россія, разбросанной на громадномъ пространствѣ съ разнообразными природными условіями и разнообразнымъ этнографическимъ составомъ, неменьшее значеніе имѣетъ, такъ сказать, территоріальное распространеніе промышленности, созданіе ею новыхъ промышленныхъ областей и центровъ, постепенный захватъ все новой и новой территоріи, преобразуемой въ отношеніи соціально-экономическомъ по образу и подобію областей, издавно-промышленныхъ. Уже одно распространеніе парового транспорта и товарно-денежнаго хозяйства должно было втянуть многія мѣстности Россіи въ новую жизнь, далекую отъ старыхъ патріархальныхъ отношеній; стремленіе капитала пріобрѣсти новыя области не только для расширенія сбыта, но и для организаціи производства должно было еще болѣе ускорить эту сторону процесса экономическаго преобразованія Россіи. Къ сожалѣнію, наша статистика очень мало даетъ или вѣрнѣе ничего не даетъ по интересующему насъ вопросу. Кой какія указанія отчасти прямыя, отчасти косвенныя, впрочемъ, имѣются.

По даннымъ г. Погожева относительно времени возникновенія 14.464 промышленныхъ предпріятій, около двухъ третей (61%) предпріятій возникло въ два послѣднія десятилѣтія минувшаго вѣка, при чемъ въ частности въ десятилѣтіе 1891—1900 г. возникло 40% предпріятій [1]). Характерно при этомъ, что въ такихъ старыхъ промышленныхъ губерніяхъ, какъ: Московская, Владимірская, Тверская, Тульская, Петербургская, процентъ возникшихъ въ послѣднее десятилѣтіе предпріятій ниже средняго (отъ 23, 4 до 32, 5%) и наоборотъ онъ выше средняго въ рядѣ губерній, промышленность которыхъ еще недавно была развита слабо: Екатеринославской (61%), Бессарабской (60%), Полтавской (54,4%), Пензенской (53,3%), Таврической (50%) и т. д.

Съ другой стороны, если распредѣлить по районамъ учрежденныя въ 1896—1898 гг. акціонерныя предпріятія [2]), то окажется, что наибольшее число

---

[1]) Погожевъ цит. соч. стр. 76.

[2])

Районы	Число пред.	сумма кап. (м. р.)
Южный (11 губ.) . . .	80	70,5
Петербургъ . . .	37	53,0
Привислянскій (10 губ.)	47	44,9
Кавказъ	17	37,2
Москва	44	35,4
Прибалтійскій (3 губ.).	32	34,2
Уральскій (губ.) . .	5	33.2

предпріятій съ наибольшей суммой капиталовъ учреждено въ южныхъ губерніяхъ въ то время, какъ центральныя промышленныя губерніи отодвигаются едва ли не на одно изъ послѣднихъ мѣстъ; Сибирь, Уралъ и Кавказъ поглощаютъ больше акціонернаго капитала, чѣмъ центральный районъ или промышленный Прибалтійскій край, за исключеніемъ Петербурга. Это съ несомнѣнностью указываетъ на образованіе новыхъ промышленныхъ областей, до недавняго времени не представлявшихъ почти никакой промышленной цѣнности. Достаточно вспомнить, что Донецкій районъ, въ 80-хъ годахъ почти сплошная рѣдко населенная степная область, превращается въ 90-хъ годахъ въ промышленный край, центръ горнозаводской промышленности, съ многочисленнымъ промышленнымъ населеніемъ. Это превращеніе бросается въ глаза, какъ болѣе быстрое и яркое. Но процессъ образованія новыхъ промышленныхъ областей и центровъ неизмѣнно продолжался во все пореформенное время и результаты его сказываются не только въ Донецкомъ бассейнѣ. Вл. Ильинъ [1]) насчиталъ для 24 губерній Европ. Россіи 103 промышленныхъ центра, въ которыхъ въ 1879 г. сосредоточено было 350 т. рабочихъ, а въ 1890 451 т. раб., т. е. число рабочихъ увеличилось на 26,8%. Г. Погожевъ [2]) для 1902 г. опредѣляетъ число промышленныхъ центровъ въ 458 съ числомъ рабочихъ 1156,1 т. Хотя различіе въ условіяхъ подсчета дѣлаетъ эти данныя несравнимыми, однако они все же указываютъ на значительное увеличеніе числа промышленныхъ центровъ и на сосредоточеніе въ нихъ все большаго числа рабочихъ, т. е. одновременно съ ростомъ численности центровъ происходитъ и все большая концентрація въ этихъ центрахъ производства. На образованіе новыхъ промышленныхъ центровъ указываетъ наконецъ и быстрый ростъ въ странѣ, какъ показатель ея индустріальнаго развитія, городского населенія вообщее и отдѣльныхъ городовъ въ частности. Съ 1867 по 1897 г. городское населеніе Россіи увеличилось въ два раза; съ 1885 по 1897 приростъ городского населенія составилъ 33,8%, т. е. въ два раза больше общаго прироста населенія европейской Россіи (15,2%) и почти въ три раза больше прироста сельскаго населенія (12,7%) [3]). Еще быстрѣе происходилъ ростъ отдѣльныхъ городовъ. Съ 1867 по 1897 г. населеніе Саратова удвоилось, Вильны утроилось, Кіева возрасло въ 5 разъ, Одессы въ 6 разъ, Лодзи въ 14 разъ; въ концѣ 60-хъ годовъ Ростовъ н/ Д., Екатеринославъ и Баку представляли собой сравнительно ничтожные города съ 29, 19, и 14 т. жителей,—въ 1897 г. это—крупные промышленные центры съ населеніемъ въ 120, 121, 112 т. жителей. И эти примѣры далеко не единичные. Мелкіе го-

---

Районы.	Число пред.	сумма кап. (м. р).
Сибирь	7	25,0
Центральный (10 губ.).	24	22,5
Поволжскій (10 губ.) .	15	20,9
Сѣверный (6 губ.) . .	10	22,4
Западный (7 губ.) . .	4	1,8

(Вѣстн. Фин., 1900 г. № 30.)

1) Ильинъ, цит. соч., стр. 412.
2) Погожевъ, цит. соч., стр. 57.
3) В. Михайловскій „Нов. Сл." 1897 г., №9.

рода, поскольку на нихъ отражался ростъ промышленности, превращаются въ крупные, мѣстечки и села превращаются въ города—такова общая картина промышленнаго преобразованія Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка.

На этомъ можно закончить подведеніе общихъ итоговъ промышленнаго развитія Россіи къ началу 20 вѣка. Хотя общіе итоги отражаютъ на себѣ годы необычайнаго промышленнаго подъема, но отъ этого цѣнность ихъ, конечно нисколько не понижается; во-первыхъ подъемъ не создалъ впервые на Руси промышленнаго капитализма, а только далъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему развитію того, что развивалось и раньше, а, во-вторыхъ, подъемъ, хотя бы онъ сопровождался нѣкоторыми неблагопріятными для промышленности обстоятельствами и смѣнился тяжелымъ кризисомъ, произвелъ столь глубокія измѣненія въ промышленномъ строѣ страны, что ничто не могло ни умалить ихъ значенія, ни ихъ уничтожить. Къ концу 19 вѣка Россія являла собою страну съ широко развитымъ промышленнымъ капитализмомъ. Громадный приливъ въ промышленность отечественныхъ и иностранныхъ капиталовъ, быстрое увеличеніе производительности по всѣмъ группамъ производства, нарожденіе ряда новыхъ производствъ и среди нихъ столь характерныхъ для роста промышленности, какъ горнозаводская, достигшая значительныхъ размѣровъ концентрація производства, образованіе многомилліонной арміи промышленнаго пролетаріата, быстрый ростъ городовъ и городского населенія, увеличеніе числа промышленныхъ центровъ и территоріальное расширеніе сферы господства промышленнаго капитализма—все это свидѣтельствовало о ростѣ производительности, какъ о процессѣ, совершающемся на основѣ капиталистическаго развитія.

II.

Промышленный кризисъ начала XX вѣка.

Втянутая въ водоворотъ капиталистическаго хозяйства, Россія, естественно, должна была подчиниться его основному закону—смѣнѣ періодовъ подъема періодами кризисовъ. Еще на зарѣ развитія промышленнаго капитализма міровые кризисы (1857 годъ и начало 70-хъ годовъ) не замедлили отразиться на Россіи. Но чѣмъ сильнѣе развивались капиталистическія отношенія внутри Россіи, чѣмъ болѣе оживленной и органической становилась связь ея съ міровымъ рынкомъ, тѣмъ ея народное хозяйство, само подчиненное законамъ капиталистическаго производства, становилось чувствительнѣе къ колебаніямъ міровой промышленности и тѣмъ вмѣстѣ сильнѣе давали о себѣ знать соціально-политическія особенности, въ которыхъ приходилось расти русскому капитализму.

Промышленный подъемъ второй половины девяностыхъ годовъ оказался непосредственно связаннымъ съ подъемомъ, начавшимся въ это время почти во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Свободные капиталы старыхъ капиталистическихъ странъ, не найдя достаточно выгоднаго для себя помѣщенія на родинѣ, двинулись въ молодую Россію, гдѣ ихъ ожидалъ радушный пріемъ все-

сильной бюрократіи. Мы видѣли выше, какихъ значительныхъ размѣровъ достигъ притокъ иностранныхъ капиталовъ и какую роль привелось ему сыграть въ промышленномъ подъемѣ. Но уже въ этомъ приливѣ капиталовъ, какъ и въ подъемѣ промышленности вообще, сказались нѣкоторыя специфическія черты, свойственныя россійской дѣйствительности конца XX вѣка.

Голодный 1891 годъ вскрылъ пропасть, надъ которой оказалась Россія. Для страны это было—memento культурной смерти, избѣжать которую можно было только дѣятельною борьбой за экономическое воскрешеніе и политическое освобожденіе народа. Для правящей бюрократіи это тоже было своего рода весьма грозное memento mori. Главное податное тягло, источникъ, откуда казна черпала средства, пушечное мясо, которымъ оно грозило Европѣ къ вящему прославленію своей мощи, выродилось въ голодное, нищее, обезсиленное крестьянство, въ полутрупъ, отъ котораго взять уже осталось немного. Пойти, чтобы избѣжать смерти, по пути укрѣпленія крестьянства—значило для бюрократіи поступиться интересами поземельнаго дворянства, а къ столь рѣшительному шагу ее ничто пока не принуждало. И бюрократія избрала другой путь—болѣе энергичное содѣйствіе промышленному росту страны. Если раньше «поощреніе» промышленности практиковалось постольку, поскольку этого требовали промышленники и фискальныя соображенія, такъ сказать, добавочнаго свойства, то теперь это поощреніе становилось цѣлью самодовлѣющею. Промышленность должна была дать бюрократіи то, чего уже не могло дать нищее земледѣльческое населеніе: деньги для казны и финансовый блескъ для поддержанія престижа могущественной державы.

Уже въ первомъ своемъ докладѣ о росписи на 1893 годъ Витте настойчиво говоритъ о необходимости поднятія производительныхъ силъ страны, не взирая на временныя невзгоды. Надъ средствами бюрократіи призадумываться не приходилось. Нѣтъ своихъ капиталовъ—надо привлечь иностранные; туго шевелится отечественная предпріимчивость—надо разбудить ее всѣми доступными способами, не считаясь даже съ ближайшимъ будущимъ той самой промышленности, которая призвана спасать старый строй. Наканунѣ небывалаго до сего подъема рабочаго движенія, за какія нибудь десять лѣтъ до артурскаго разгрома и года революціи, бюрократія не осязала еще, конечно, необходимости бить, какъ во время пожара стекла. Но то, что ей приходилось дѣлать въ дни подъема и, въ особенности въ дни послѣдующаго кризиса, сильно напоминало именно это битье стеколъ.

Мы видѣли выше. что денежная реформа была проведена, главнымъ образомъ съ цѣлью привлечь въ Россію иностранные капиталы. Но ея одной для возможно быстраго достиженія результатовъ оказалось мало, и въ ходъ пускаются другія средства. Въ 1894 году издается новый уставъ государственнаго банка, задача котораго въ области экономической, вмѣсто стараго «оживленія торговыхъ оборотовъ», формулируется, какъ «облегченіе денежныхъ оборотовъ и содѣйствіе посредствомъ краткосрочнаго кредита отечественной торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству». Съ этого времени госуд. банкъ становится однимъ изъ главныхъ орудій бюрократіи, помощью котораго она направляетъ промышленную жизнь. Въ первые же годы послѣ реформы оживляются коммерче-

скія операціи банка. Такъ, учетъ и переучетъ съ 155,8 м. р. въ 1894 году повышается до 198,3 м. р. въ 1896 году, за соотвѣтствующее же время ссуды подъ товары повышаются съ 24,8 м. р. до 48,4 м. р., ссуды промышленнымъ предпріятіямъ съ 10 м. р. до 16,7 м. р. и т. д. [1]).

Одновременно усиливаются такъ наз. внѣуставныя ссуды промышленникамъ, т. е. ссуды вопреки уставу банка, по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, ссуды столь интимнаго свойства, что полные отчеты о нихъ не доставлялись ни государственному контролю, ни государственному совѣту. Внѣуставныя ссуды практиковались и раньше, причемъ выдавались подъ залогъ недвижимаго имущества, по преимуществу лицамъ, насаждавшимъ новыя отрасли производства: съ 1868 по 1892 годъ такихъ ссудъ выдано было на сумму 21,1 м. р. [2]). Какъ только «ростъ производительныхъ силъ» становится политической задачей, а государственный банкъ дѣлается главнымъ рычагомъ этого рода политики, внѣуставныя ссуды начинаютъ принимать значительные размѣры: къ 1900 году ихъ значится въ остаткѣ уже около 40 м. р. [3]), т. е. за 8 лѣтъ съ 1892 года и за 5 лѣтъ пореформенной дѣятельности банка сумма ихъ удваивается. Къ сожалѣнію, многое изъ практики какъ внѣуставныхъ, такъ и уставныхъ ссудъ, остается пока тайной. Въ точности неизвѣстны ни размѣры многихъ ссудъ, ни большинство изъ тѣхъ предпріятій, которыя этими ссудами воспользовались [4]). Профессоръ Мигулинъ осторожно упрекаетъ министерство финансовъ въ чрезмѣрномъ довѣріи, «которое оказывалось разнымъ лицамъ и предпріятіямъ, которыя этого довѣрія отнюдь не заслуживали, и притомъ съ полной очевидностью не заслуживали» [5]). Будущій историкъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, раскроетъ любопытную страницу послѣднихъ лѣтъ стараго режима, когда въ патріотической заботѣ объ укрѣпленіи незыблемыхъ основъ бюрократическаго строя, панамисты расхищали народныя деньги и разрушали производительныя силы страны...

Цѣлямъ «поощренія» промышленности призвана была служить государственная казна и помимо государственнаго банка. Обладая большой сѣтью казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и продолжая усиленно дальнѣйшую ихъ постройку, правительство получило въ свои руки многомилліонные заказы, которые должны были послужить магнитомъ для привлеченія въ промышленность иностранныхъ и отечественныхъ капиталовъ. Въ 1897—99 годахъ потребленіе металла для на-

---

[1]) Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права, В. I. СПб. 1907 г., стр. 260.

[2]) А. Субботинъ Основы промышл. кредита въ Россіи. Нар. Хоз. 1902, № 8, стр. 90.

[3]) Вопросы госуд. хоз., стр. 262.

[4]) При разсмотрѣніи отчетовъ банка въ государственномъ совѣтѣ государственный контролеръ говорилъ, что съ 1899 года сумма внѣуставныхъ ссудъ увеличивается весьма быстро „причемъ изъ доставленныхъ государственному совѣту вѣдомостей не видно, кому оказано воспомоществованіе а по многимъ ссудамъ, достигающимъ крупныхъ размѣровъ, заявлены неподлежащими оглашенію—назначеніе ссудъ, родъ обезпеченія и даже условія погашенія". Вопросы госуд. хозяйства, стр. 27.

[5]) Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышл. кризисъ стр.302. Курсивъ г. Мигулина.

добностей казны составляло не менѣе 60 м. п. ежегодно, а въ одномъ только южномъ горнозаводскомъ районѣ отпускъ металла казнѣ и желѣзнымъ дорогамъ достигалъ въ 1898 году 33,6% и въ 1899 году 28,9% всего отпуска [1]). Распредѣляя заказы, правительство всегда сознательно игнорировало иностранные заводы и отдавало рѣшительное преимущество отечественнымъ промышленникамъ. Такъ когда для сибирской ж. д. англійскіе заводчики брались поставлять стальные рельсы по 75 коп. съ пуда, заказъ былъ отданъ отечественному предпринимателю по 2 р. съ пуда съ выдачею аванса въ нѣсколько милліоновъ на устройство завода [2]). При заказахъ цѣны вообще назначались не по соображеніямъ рынка, а единственно въ видахъ воспособленія заводамъ. Въ 1898—1900 гг., когда чугунъ стоилъ на заводахъ 60—65 к., казна платила за рельсы 1 р. 12 коп., а въ послѣдующемъ, когда чугунъ упалъ въ цѣнѣ до 40—45 коп., цѣна на рельсы была... повышена до 1р. 25 к. [3]). Такая щедрость казны приводила къ тому, что на южныхъ заводахъ рельсы не для казны расцѣнивались 85—87 коп., для казны въ 1 р. 25 к., а ежегодныя переплаты казны по предметамъ желѣзнодорожнаго оборудованія изъ чугуна, желѣза и стали достигали, по вычисленію г. Штейнфельда не менѣе 15 м. р. При этомъ, казенными заказами фактически пользовались, конечно, не всѣ заводы: для удовлетворенія всѣхъ аппетитовъ, при всей щедрости казны, просто не хватало денегъ. Поэтому для исполненія заказовъ избирались фавориты, число которыхъ сначала ограничивалось шестью, а затѣмъ увеличено было до 15, но отъ этого магическое дѣйствіе казенныхъ заказовъ долго не теряло силы: въ надеждѣ получить заказъ вмѣстѣ съ ссудами и авансами возникло немало заводовъ, основанныхъ какъ на русскія, такъ и на иностранныя деньги.

Подъ покровительствомъ и при ближайшемъ участіи правительства пышно расцвѣло грюндерство, вообще обычное въ періодъ промышленнаго подъема. Поощряемые примѣромъ и содѣйствіемъ государственнаго банка, частные коммерческіе банки становятся во главѣ промышленнаго учредительства, чѣмъ придаютъ грюндерству большій размахъ и увѣренность. Средства, необходимыя для учредительской дѣятельности, получаются при этомъ чрезвычайно легко. Подъ выпускаемыя предпріятіемъ акціи получались изъ банковъ ссуды, а затѣмъ путемъ учета векселей изъ тѣхъ же банковъ пріобрѣтались оборотныя средства. Такимъ образомъ, фактическими владѣльцами большинства предпріятій являлись коммерческіе банки, а это открывало дорогу для дальнѣйшаго промышленнаго ажіотажа: разъ втянутый въ предпріятіе, банкъ долженъ былъ до поры до времени его поддерживать самъ разсчитывая, въ свою очередь, на поддержку въ случаѣ нужды щедраго государственнаго банка. До чего значительно было участіе коммерческихъ банковъ въ учредительствѣ, показываютъ слѣдующія, приводимыя освѣдомленнымъ петербургскимъ корреспондентомъ «Frankf. Zeitung», данныя объ отнесенныхъ въ періодъ ликвидаціи промышленнаго оживленія петербургскими

---

[1]) Брандтъ цит. соч., стр. 180.

[2]) Бирюковичъ. Ликвидація промышленнаго оживленія. В. Е. 1901, № 3, стр. 325.

[3]) Штейнфельдъ. Политика казенныхъ заказовъ. Нар. Хоз. 1902, № 8.

банками убыткахъ по бумагамъ и сомнительнымъ долгамъ: петербургскій учетный и ссудный 2.267.293 р., частный коммерческій 3.945.852 р., Волжско-Камскій 3.947.141 р., торгово-промышленный 1.574.138 р. и петербургско-московскій. 335.752 р.—всего 20.803.700 р. [1]). Таковы были потери петербургскихъ банковъ.

Не меньше, конечно, получили убытка московскіе и провинціальные банки Достаточно напомнить о крахѣ Харьковскаго Торговаго, Екатеринославскаго Коммерческаго и Харьковскаго Земельныхъ банковъ, пострадавшихъ въ связи съ учредительской дѣятельностью Алчевскаго [2]), или о практикѣ Рижскаго Коммерческаго банка, потерпѣвшаго въ 1899 году убытка по вексельнымъ операціямъ на 1755 т. р., въ томъ числѣ на 536 т. р. подъ обезпеченіе акціями вагоннаго завода «Двигатель», завода, попавшаго въ администрацію даже до окончательнаго оборудованія [3]),—чтобы предположить, что участіе провинціальныхъ банковъ въ учредительской горячкѣ было не менѣе значительно, чѣмъ участіе банковъ столичныхъ.

Всякаго рода темнымъ рыцарямъ наживы въ этой мутной водѣ поощренія и покровительства оставалось только, съ большей или меньшей удачей, ловить рыбу. Не принимался за промышленное учредительство только тотъ, у кого не было рѣшительно никакихъ финансовыхъ связей. По части спекуляціи отечественные предприниматели удачно конкурировали съ иностранцами. Широко развившееся грюндерство породило столь примѣчательные факты, что нѣкоторые изъ нихъ, въ качествѣ классическихъ, попали въ правительственныя сообщенія. Основной капиталъ одной изъ иностранныхъ компаній былъ опредѣленъ въ 5 м. франковъ, при 50.000 акцій по 100 фр. и кромѣ того выпущено 50.000 дивидендныхъ акцій; изъ этого количества деньгами оплачены были только 10.000 акцій, остальныя поступили въ пользу учредителей и разныхъ посредниковъ за уступку правъ и обязательствъ. Въ другомъ случаѣ, капиталъ былъ опредѣленъ въ $8^1/_2$ м. франковъ при 85.000 акцій, но оплачены были только 15.000 акцій, остальныя переданы были учредителямъ, получившимъ кромѣ того 1 м. фр. наличными и на 2 м. фр. облигацій [4]). При такихъ условіяхъ, когда милліоны, минуя производительную цѣль, попадали прямо въ карманы учредителей и посредниковъ, нерѣдко получалось, что предпріятія съ милліонными основными капиталами оказывались безъ оборотныхъ средствъ и задолженными при самомъ возникновеніи. Единственной цѣлью подобныхъ предпріятій было сыграть на повышательную тенденцію промышленности, заполучить, если

---

[1]) Русск. Вѣд. 1902 г. № 175. Около трехъ четвертей этой суммы покрыты изъ прибылей, остальная часть взята изъ запасныхъ капиталовъ. Вообще запасные капиталы всѣхъ петербургскихъ банковъ въ результатѣ промышленнаго учредительства понизились съ 40 м. до 32 м. р., что при основномъ капиталѣ въ 89 м. р. составляетъ 36% вмѣсто 45, 2% къ 1 января 1899 г.

[2]) Брантъ цит. соч. стр. 127 и слѣд. Харьковскій Торговый банкъ, съ основнымъ капиталомъ въ 1 м. р., выдалъ одному только Алчевскому ссудъ на $8^3/_4$ м. р., въ общемъ же этотъ банкъ потерпѣлъ убытка отъ предпріятія Алчевскаго на сумму около 5 м. р.

[3]) Пром. Мір. 1900 г. № 25.

[4]) Вѣст. Фин. 1901 г., № 47.

удастся, выгодный казенный заказъ, а на худой конецъ удовлетвориться тѣми десятками тысячъ, которыя, при посредствѣ банковъ, перепадутъ учредителямъ изъ кармана довѣрчивой публики. Техническія или экономическія стороны предпріятія при этомъ интересовали учредителей очень мало. Акціонерное общество «Сталь», созданное для эксплоатаціи рудныхъ залежей Олонецкаго края, истратило, напримѣръ, 8 м. р. на «изученіе дѣла» и черезъ пять лѣтъ послѣ основанія задуло одну домну съ производительностью всего въ 200.000 п. въ годъ [1]). Общество Восточно-Сибирскихъ металлургическихъ заводовъ, при складочномъ капиталѣ въ три милл. рублей, истратило $9^1/_2$ м. р. на сооруженіе завода, стоимость котораго правительственною оцѣночной комиссіею была опредѣлена въ 1,9 м. р. [2]). Нерѣдко техническая пригодность завода оказывалась устарѣвшею ко времени окончательнаго его оборудованія, или мѣстность, избранная для постройки завода, не пригодною для сколько нибудь раціональной постановки дѣла. Но всѣ эти «шероховатости» не нарушали картины достигнутаго переуспѣянія. Министръ финансовъ въ ежегодныхъ докладахъ о росписи свидѣтельствовалъ о ростѣ промышленности, услужливая биржа вздувала цѣны промышленныхъ акцій [3]), грюндеры, казенный и частные банки продолжали свое «патріотическое» дѣло...

Грюндерство, какъ и участіе въ немъ правительствъ,—обычное явленіе, сопровождающее промышленный подъемъ почти въ любой капиталистической странѣ. Но въ Россіи и то и другое приняло формы, для здороваго роста промышленности чрезвычайно тяжелыя. Всѣ мѣры «поощренія», практиковавшіяся правительствомъ, не слѣдуетъ отрывать отъ его общей внутренней политики. Наряду съ новой задачей—«ростомъ производительныхъ силъ» оставались въ полной силѣ и задачи старыя—податное угнетеніе деревни, пренебреженіе всѣми самыми насущными нуждами народа, подавленіе всякой общественной иниціативы. Одною рукою поощрялось промышленное учредительство, другою—разрушались послѣдніе остатки народнаго благосостоянія, этой, въ конечномъ счетѣ, основы внутренняго рынка. Широко использованная система казенныхъ заказовъ, законныя и незаконныя ссуды и воспособленія создавали для промышленности тепличную атмосферу, убивавшую духъ живой иниціативы, для которой общія политическія условія были и безъ того достаточно неблагопріятны. Итоги почти полувѣковаго промышленнаго роста, интересы промышленности и всѣхъ связанныхъ съ нею классовъ были принесены въ жертву интересамъ сегодняшняго дня правящей бюрократіи. О завтрашнемъ днѣ она не думала, но для этого дня она приготовила условія, когда даже незначительное сотрясеніе не говоря уже объ очередномъ кризисѣ, должно было привести къ грандіозному краху какъ самой системы, такъ и ея создателей.

---

[1]) Страничка изъ исторіи нашего грюндерства. Пром. Міръ 1900 г., № 50.

[2]) Штейнфельдъ. Къ вопросу о причинахъ кризиса. Нар. Хоз. 1902 г., № 4, стр. 126.

[3]) Акціи Россійской Бумагопряд. Мануфактуры съ 200 р. въ 1891 г. поднялись до 360 р. въ 1896 г., Путиловскаго завода съ 79 р. въ 1893 г. до 147 р. въ 1896 г., Брянскаго Рельсопрокатнаго завода съ 127 р. 1891 г. до 557 р. въ 1896 г. и т. д.

Грозное предостереженіе о надвигающейся бурѣ не заставило себя ждать. Приблизительно съ конца 1899 года на западѣ начинается поворотъ къ кризису; чувствуется общее денежное стѣсненіе, учетный процентъ повышается (въ Германскомъ Имперскомъ банкѣ даже до небывалой цифры 7), промышленность вступаетъ въ полосу кризиса. Въ Россіи первые признаки грядущаго кризиса даютъ о себѣ знать еще раньше, но съ неудержимой большой силой денежное стѣсненіе впервые прорывается въ серединѣ 1899 года. Въ августѣ этого года учетный процентъ государственнаго банка повышается до $5^1/_2$, въ концѣ сентября до 6, въ серединѣ декабря до 7; частные банки начинаютъ взимать еще дороже. Такое вздорожаніе кредита поразило непріятной неожиданностью тѣхъ, кто еще недавно съ такою легкостью получалъ нужные милліоны. Первыми пострадали отъ денежнаго кризиса предпріятія наименѣе «солидныя», больше другихъ погрѣшившія въ дни промышленнаго грюндерства. Лѣтомъ 1899 г. терпятъ крахъ многочисленныя предпріятія Фонъ-Дервиза и Мамонтова [1]). За ними должны были послѣдовать другіе. Коммерческіе банки, въ виду отсутствія свободныхъ денегъ, сокращаютъ какъ учетныя, такъ и ссудныя операціи: 1 іюля 1899 года въ петербургскихъ банкахъ учетъ составлялъ 171,1 т. р., ссуды 157 т. р., къ 2 января 1900 г. первый падаетъ до 152.3 вторые до 153,8 т. р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банки, столь услужливые раньше, не довѣряютъ теперь больше находящимся у нихъ подъ обезпеченіемъ онкольныхъ счетовъ промышленнымъ бумагамъ, требуютъ возвращенія ссудъ, угрожая сбытомъ залежавшихся сомнительныхъ цѣнностей. Такъ какъ у предпріятій, къ которымъ потеряли довѣріе даже коммерческіе банки, денегъ, конечно, не оказалось, то биржа заполнилась акціями, на первый разъ наиболѣе легковѣсныхъ предпріятій. Для нѣкоторыхъ биржевыхъ фаворитовъ началось стремительное паденіе въ пропасть. Акціи общества «Феникъ», разцѣнивавшіяся въ 1898 г. въ 600 р., въ сентябрѣ 1899 г. опустились до 108 р., Сормовскаго завода съ 186 р. до 94 р., Александровскаго сталелитейнаго завода съ 375 р. до 247 р. и т. д. Дальнѣйшее общее пониженіе промышленныхъ акцій, какъ мы увидимъ ниже, начинается съ распространеніемъ кризиса на промышленность.

Денежный кризисъ не есть, конечно, промышленный кризисъ, но онъ надежный его предвѣстникъ. Начинающійся поворотъ промышленности къ кризису сказывается, прежде всего, въ денежномъ стѣсненіи: свободныя деньги истекаютъ, такъ какъ наличный капиталъ поглощенъ во время промышленнаго подъема. Денежный кризисъ, вѣрный показатель наступающаго общаго кризиса, создаетъ самъ нѣкоторыя условія, ускоряющія наступленіе послѣдняго. Расширяющееся

---

[1]) Фонъ-Дервизъ означало: Русскій Торгово-Промышленный банкъ, Сѣверное Стекольно-Промышленное Общество, Общество Рязанско-Уральской и отчасти Московско-Казанской дороги, Общество подъѣздныхъ путей, Общество, Пароходства по Волгѣ, Общество „Кавказъ“, Общество Волжско-Стальное, Глухоозерный цементный заводъ, Московскій заводъ Вейхельдъ, Франко-Русское Общество, Сѣверное Страховое Общество, Сормовскій заводъ, Восточное Общество Товарныхъ Складовъ. Не менѣе громко звучало имя Мамонтова: Московско-Ярославско-Архангельская дорога, Общество Невскаго Механическаго завода, Сѣверное Лѣсопромышленное Общество, Общество Восточно-Сибирскихъ Механическихъ заводовъ, Мальцевскій Вагоно-строительный заводъ.

производство, которымъ неизбѣжно сопровождается промышленный капитализмъ, встрѣчаетъ въ недостаткѣ капиталовъ сильное препятствіе; въ виду отсутствія денегъ и вздорожанія кредита производству поневолѣ приходится, если не сжаться, то воздержаться отъ свободнаго расширенія, въ связи съ чѣмъ сокращается такъ называемое производительное потребленіе. Съ другой стороны денежный кризисъ, внося осложненіе въ народное хозяйство, сокращаетъ спросъ на товары со стороны общаго потребленія, съужаетъ емкость внутренняго рынка вообще. Паденіе цѣнъ на товары, въ которомъ прежде всего сказывается промышленный кризисъ, при наличности денежнаго стѣсненія, должно наступить скорѣе.

Въ Россіи товарныя цѣны начинаютъ падать съ первой половины 1900 г. Цѣна на желѣзныя балки въ Москвѣ съ 2 р. 30 к. въ серединѣ 1899 г. падаетъ до 2 р. въ началѣ 1900 г., до 1 р. 45 к. къ концу 1900 г., до 1 р. 25 к. къ концу 1901 г. и до 1 р. 10 к. къ концу 1902 г. [1]). Цѣны на сортовое желѣзо на югѣ Россіи въ концѣ 1900 года падаютъ съ 1 р. 60 к.—1 р. 68 к. до 1 р. 40 к.—1 р. 55 к., на балки съ 1 р. 80 к. до 1 р. 70 к., въ теченіе 1901 года цѣна на сортовое желѣзо продолжаетъ падать и доходитъ до 1 р. 40 к. Цѣна на чугунъ лѣтомъ 1900 г. съ 70—80 к. опускается до 53—50 к., къ концу года падаетъ до 45 — 48 — 55 к.; въ теченіе 1901 года въ Одессѣ чугунъ падаетъ съ 80 к. до 60 к., въ Петербургѣ съ 97 до 73 к., въ 1902 г. литейный чугунъ на заводахъ продается отъ 42 до 55 к. и даже по 38 к. Цѣна на рядовой уголь съ 9—10 к. въ началѣ 1900 г. падаетъ до $9^1/_2$—11 к., въ концѣ этого года, до 8 — 9 к. въ началѣ и, далѣе все понижаясь, достигаетъ 6 или 7 к. въ концѣ 1902 года. Донецкій антрацитъ съ 12—14 к. въ началѣ 1900 г. опускается въ серединѣ его до 10—12 к., затѣмъ, нѣсколько оправившись, падаетъ къ началу 1901 года до 9 — 10 к. и, постепенно понижаясь, доходитъ до $7^1/_4$—$7^3/_4$ въ концѣ 1902 г. [2]). Цѣна на сырую нефть въ апрѣлѣ 1900 г. держится еще на 17,9 к., въ сентябрѣ опускается до 14,9, въ декабрѣ— до 11,5, въ мартѣ 1901 г.—до 10,4, и, далѣе продолжая оставаться въ теченіе 1901 года на среднемъ уровнѣ 8,1, падаетъ въ январѣ 1902 г. до 4,6 и, затѣмъ, нѣсколько подымаясь, остается въ 1902 г. на среднемъ уровнѣ 6,7. Въ такомъ же направленіи падаютъ цѣны на керосинъ и нефтяные остатки. Средняя 16,4 к. въ 1900 г. цѣна на остатки въ 1901 г. падаетъ до 9,6 и въ 1902 г. до 7,6 к., для керосина средняя въ 1900 г. 22,5 к. опускается въ 1901 г. до 8,8 и въ 1902 г. до 8,2 к. [3]).

Такимъ образомъ, паденіе цѣнъ, начавшееся въ первой половинѣ 1900 г., постепенно распространяется на все большее число продуктовъ и достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ 1902 г.—въ годъ наибольшаго обостренія кризиса. Паденіе цѣнъ съ несомнѣнностью указывало на наступившій промышленный кризисъ. Правда, капиталистическая промышленность не сразу поддается натиску кризиса товарныхъ цѣнъ. Неудержимо стремясь къ расширенію производства, она первое время упорно движется по пути расширенія, какъ бы игнорируя состояніе рынка. Но денежное стѣсненіе и низкія цѣны приводятъ въ

[1]) А, Матвѣевъ. Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 г. Спб. 1902 г.

[2]) Брандтъ. Цит. соч.

[3]) По „Обзору нефтяной промышленности" за 1903 г.

замѣшательство даже сильныя предпріятія, и сокращеніе производства наступаетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать не случайное, а неизбѣжное ослабленіе внутренняго рынка.

Обратимся къ отдѣльнымъ производствамъ, чтобы ознакомиться съ характеромъ охватившаго ихъ промышленнаго кризиса. Начнемъ съ желѣзной промышленности, общіе итоги которой изображены въ слѣдующей таблицѣ [1]):

Районы.	Выплавка чугуна (въ милл. пуд.).				Произведено полупродукт. (въ м. п.).				Произведено готовыхъ продукт. (въ м. п.).			
Годы.	Южный.	Уральскій.	Польскій.	Всего съ прочими район.	Южный.	Уральскій.	Польскій.	Всего съ прочими район.	Южный.	Уральскій.	Польскій.	Всего съ прочими район.
1898 . .	61,3	44,1	15,9	135,2	47,1	35,9	18,6	129,6	36,5	26,5	14,3	98,2
1899 . .	82,4	45,1	18,7	163,7	60,3	37,0	20,0	137,0	50,5	26,7	14,4	106,9
1900 . .	92,5	50,1	18,2	177,9	72,5	38,3	21,5	158,5	57,6	29,6	14,7	132,5
1901 . .	91,9	48,8	19,7	173,1	73,2	41,5	23,0	165,0	51,9	29,1	16,9	122,6
1902 . .	84,7	44,5	17,2	157,3	68,8	39,9	19,2	150,0	49,9	27,5	15,6	112,2
1903 . .	83,4	39,6	18,6	149,1	77,5	38,9	22,8	165,7	62,6	29,8	18,7	133,2

Выплавка чугуна продолжаетъ повышаться въ 1900 г., а производство полупродукта и готоваго продукта даже въ 1901 г., общее же паденіе производства наиболѣе сильно сказывается въ 1902 г.; въ 1903 г. выплавка чугуна продолжаетъ понижаться, производство же продукта и полупродукта сильно повышается. Эти суммарныя данныя, касающіяся раіоновъ самой различной производительности, свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ 1902 г. понизилось производство, не давая болѣе детальной картины кризисовъ. Если, съ цѣлью получить такую картину, мы обратимся къ наиболѣе крупному раіону желѣзной промышленности—южному,—то увидимъ слѣдующія измѣненія, происшедшія въ ней въ годы кризиса [2]):

	1899	1900	1901	1902	1903
Число домен. зав.	15	16	18	18	18
» домен. печей. . . .	48	55	56	56	55
» рабочихъ.	45.416	41.442	38.590	35.870	38.071
» передѣльн. зав. . . .	—	6	7	6	6
» рабочихъ въ нихъ. .	—	8.762	7.749	7.468	7.644
Выплавка кокса (м. п.) . .	38,9	44,6	47,0	45,3	37,6
» чугуна » . .	82,4	92,5	91,9	84,7	83,4
Произв. полупр. » . .	60,3	71,2	73,1	68,3	77,5
» гот. прод. » . .	50,5	57,6	55,9	49,9	62,5
» метал. изд. » . .	6,6	10,8	10,2	9,1	6,3

Сокращеніе производства сказывается, прежде всего, на уменьшеніи числа рабочихъ: съ 1900 г. оно неизмѣнно падаетъ какъ на доменныхъ, такъ и на

---

[1]) Желѣзная промышленность Южной Россіи въ 1903 г. Изд. Статист. Бюро Совѣта съѣзда Горнопром. Юга Россіи.

[2]) По изданію „Желѣзная промышленность Южной Россіи" за соотв. год.

передѣльныхъ заводахъ и нѣсколько повышается только въ 1903 г., не достигая, однако, уровня кризиснаго 1901 г. Общее число доменныхъ печей остается почти неизмѣннымъ, но число дѣйствующихъ изъ нихъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, значительно колеблется [1]):

	Дѣйствовало къ началу года	домен. печей: къ концу года
1900 . . .	35	29
1901 . . .	29	31
1902 . . .	31	23
1903 . . .	23	32

Съ начала 1900 г. число доменныхъ печей идетъ на пониженіе и, хотя къ концу 1903 года повышается, но все же еще не доходитъ до числа печей начала 1900 г.; особенно сильно пониженіе въ 1902 г., когда число печей падаетъ до 23 и даже ниже; на сокращеніе доменнаго производства указываетъ и уменьшеніе числа занятыхъ въ немъ рабочихъ: въ 1899 г. при доменномъ дѣлѣ было занято 15% всѣхъ рабочихъ, въ 1900 г.—13,4, въ 1901 г. 15, 4%, въ 1902 г. 14,4% и въ 1903 г. 13, 5.

Сокращается и количество произведенныхъ продуктовъ. Выработка кокса падаетъ съ 1902 г., выплавка чугуна съ 1901 г., производство остальныхъ продуктовъ, незначительно повысившись въ 1901 г., понижается въ 1902 г. Это исправляетъ картину, которая получилась изъ суммарныхъ данныхъ, приведенныхъ выше: южный районъ, наиболѣе крупный и наиболѣе чувствительный къ измѣненіямъ общей экономической конъюнктуры, вступаетъ въ полосу кризиса въ 1901 г. Этотъ кризисъ, проявляясь наиболѣе остро въ 1902 г., при отмѣченномъ уже сокращеніи числа дѣйствующихъ доменныхъ печей, уменьшаетъ число рабочихъ—на доменныхъ заводахъ до 27% (по сравненію съ 1899 г.) на передѣльныхъ заводахъ до 17% (по сравненію съ 1900 г.), приведя къ сокращенію какъ выплавки чугуна, такъ и производства всѣхъ продуктовъ. Въ 1903 г. замѣчается, при уменьшеніи выплавки чугуна и производства металлическихъ издѣлій, увеличеніе производства полупродукта и продукта. Послѣднее обстоятельство находитъ однако себѣ объясненіе не въ завершеніи кризиса и въ переходѣ промышленности въ условія болѣе или менѣе спокойнаго существованія, готоваго смѣниться новымъ періодомъ подъема, а въ нѣкоторыхъ особенностяхъ сложившейся рыночной ситуаціи. Дѣло въ томъ, что, подъ вліяніемъ денежнаго стѣсненія, казна, не смотря на все свое нежеланіе, сокращаетъ заказы. Въ 1900 г. въ Петербургѣ было выдано для казенныхъ и частныхъ дорогъ заказовъ на паровозы, вагоны и рельсы 29,000 п., въ 1901 г. 28,033 п. и въ 1902 г. 21, 183 п. (по сравненію съ 1899 г. это даетъ для каждаго изъ годовъ послѣдовательно сокращеніе въ переводѣ на чугунъ: 8,6 м. п., 10,1 м. п. и 19,3 м. п.); многія мѣстныя управленія также сократили свои заготовки желѣза, стали и чугуна почти на половину [2]). Скоро казна сознала свою «оплош-

[1]) Тамъ же.

[2]) А. Матвѣевъ „Желѣзное дѣло въ 1901 г".

ность» и увеличила количество заказовъ, но временное даже сокращеніе послѣднихъ внесло сильное осложненіе въ желѣзную промышленность. Разъ уменьшились заказы, да еще въ столь неудобное время, какъ кризисъ, надо искать сбыта на рынкѣ. И южные заводы перемѣняютъ въ этомъ направленіи фронтъ: въ 1900 г. казнѣ было отпущено 27,8% всего производства, на рынокъ—72, 2%, для 1900 г. и 1902 г. отношенія эти измѣняются въ пользу рынка: казнѣ отпущено 26,9 и 25,9 %, на рынокъ 73, 1 и 74 1,% [1]). Такая тенденція отражается вообще на увеличеніи отпуска съ заводовъ: полупродуктовъ вывозится въ 1900 г 70 %, въ 1901 г. 87 %, въ 1902 г. 97 % всего производства, готоваго продукта для соотвѣтствующихъ годовъ—80—86—92 %, металлическихъ издѣлій 55—59—60 %. Вмѣстѣ съ тѣмъ заводы, вслѣдствіе сокращенія сбыта чугуна, усиливаютъ, какъ это видно изъ таблицы, выдѣлку желѣза и стали въ надеждѣ на легкій сбытъ металла въ такомъ видѣ. Но надеждамъ этимъ не суждено было оправдаться: именно въ 1903 г., когда производство увеличилось, увеличились и запасы болванки и готоваго продукта какъ въ общемъ по Россіи, такъ и въ частности въ южномъ районѣ, а запасы металлическихъ издѣлій не уменьшились [2]). Увеличеніе производства въ 1903 г., такимъ образомъ, при внѣшнемъ эффектѣ, не знаменовало наступленія для промышленности лучшаго времени. Поэтому правъ былъ г. Шимановскій, когда на XXIX съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи, основываясь на итогахъ 1903 г., предсказывалъ наступленіе «въ ближайшемъ будущемъ» новаго кризиса [3]). Неправымъ онъ оказался только, характеризуя грядущія времена какъ кризисъ. Къ концу 1903 г. общее положеніе несомнѣнно указывало, что острый кризисъ миновалъ и желѣзныя промышленность переходитъ въ полосу, которую болѣе умѣстно назвать затяжнымъ кризиснымъ состояніемъ, когда устраняются нѣкоторыя характерныя черты остраго кризиса (сокращеніе производства, кризисная паника на рынкѣ), но появляются признаки новыхъ конвульсивнаго оттѣнка движеній, показывающихъ, что промышленность бьется надъ исканіемъ путей къ выходу на нормальную дорогу, но находитъ препятствія, лежащія за предѣлами одного только роста производительныхъ силъ.

Кризисное состояніе желѣзной промышленности характеризуется такъ же положеніемъ дѣлъ въ желѣзнорудномъ производствѣ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, относящейся къ Криворожскому району [4]):

Годы.	Рудниковъ Всего.	Дѣйств.	Добыто руды (м. п.)	Рабочихъ къ 1 янв.	Вывезено м. п.	Остатокъ м. п.
1900 . . .	79	64	156,2	5879	140,9	20,3
1901 . . .	79	48	111,3	4226	117,5	35,6
1902 . . .	78	41	111,8	5177	120,3	30,8
1903 . . .	78	40	149,5	7004	154,2	24,2

[1]) Труды 28 съѣзда Горнопромышленниковъ юга Россіи. Докладъ Шимановскаго о положеніи желѣзн. п-сти.

[2]) Желѣзная промышленность юга Россіи въ 1903 г.

[3]) Труды 29 съѣзда горнопром. юга Россіи. Докладъ Шимановскаго.

[4]) По изданію Статист. бюро съѣздовъ горнопром. юга Россіи. „Желѣзорудная промышленность" за соотв. годы.

Въ 1901 г. число дѣйствующихъ рудниковъ рѣзко понижается, а затѣмъ пониженіе продолжается дальше вплоть до 1903 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ сокращается въ 1901 г. добыча руды на 45 м. п. или 30%, запасы къ 1901 и 1902 г г. достигаютъ наибольшей величины. Источники вполнѣ основательно ставятъ такое сокращеніе производства въ прямую зависимость отъ кризиса желѣзной промышленности; «сокращеніе добычи, читаемъ въ одномъ изъ нихъ, вызвано сильнѣйшимъ паденіемъ цѣнъ на руду при полной неопредѣленности спроса и отсутствія видовъ на будущее, сокращеніе это сопровождается закрытіемъ многихъ рудниковъ, увольненіемъ служащихъ и рабочихъ и банкротствомъ предпріятій» [1]). Положеніе дѣлъ въ 1902 г. остается безъ измѣненія: цѣны не повышаются, спросъ въ виду уменьшенія выплавки чугуна на заводахъ не увеличивается, добыча руды сокращается. Улучшеніе наступаетъ въ 1903 г., при повышеніи добычи и уменьшеніи запасовъ, въ прямой зависимости отъ состоянія желѣзной промышленности: металлургическіе заводы юга Россіи повышаютъ требованія на руду на 16%, а заводы внѣ юга—на 82%; несмотря, однако, на улучшеніе, желѣзно-дорожная промышленность остается и въ 1903 г. въ кризисномъ состояніи: ни добыча руды, ни число дѣйствующихъ рудниковъ не достигаетъ уровня 1901 г., значительно увеличился только вывозъ за счетъ накопившихся запасовъ.

Для характеристики кризиса поучительно положеніе каменно-угольной промышленности какъ потому, что по потребленію, а стало быть и добычѣ минеральнаго топлива можно судить объ общемъ состояніи промышленности, такъ и потому, что каменно-угольная промышленность сама по себѣ составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ въ странѣ производствъ. Общая добыча угля по районамъ видна изъ слѣдующей таблицы:

Районы. / Годы.	Южный.	Уральскій.	Польскій.	Всего съ прочими районами.
1899 . .	526,7	242,2	22,1	843,2
1900 . .	691,4	250,6	22,1	984,8
1901 . .	694,4	258,9	30,2	1002,9
1902 . .	642,1	263,3	33,2	953,5
1903 . .	728,0	295,1	30,0	1069,4

Общее движеніе каменно-угольной промышленности совпадаетъ съ тѣмъ, что мы наблюдали въ желѣзной промышленности. Въ 1901 г., несмотря на наступившее паденіе цѣнъ, добыча повышается, хотя и въ сильно пониженной степени: въ 1900 г. противъ предшествующаго года добыча увеличилась почти на 6%, въ 1901 г. повышеніе достигло 2%. Въ 1902 г. добыча сильно понижается, чтобы затѣмъ снова повыситься въ 1903 г. При этомъ наибольшее колебаніе добычи замѣтно въ южномъ районѣ, въ Польшѣ и Уралѣ добыча, напротивъ, повышается. Объясненіе этому обстоятельству надо искать, конечно, въ томъ, что каменно-угольная промышленность Урала имѣетъ свой ограниченный рынокъ, а промышленность Польши опирается больше на частное потребленіе,

[1]) „Желѣзорудная промышленность южной Россіи въ 1901 г.".

чѣмъ на запросы польскихъ металлургическихъ заводовъ. Для болѣе детальнаго знакомства съ положеніемъ каменно-угольной промышленности, намъ и здѣсь надлежитъ обратиться къ наиболѣе крупному ея району—южному [1]):

Годы.	Копей.	Задолженность рабочихъ.	Добыто (мил. пуд.)
1899 . .	258	64.069	652,7
1900 . .	290	82.420	691,4
1901 . .	246	80.987	694,4
1902 . .	240	76.031	642,1
1903 . .	209	76.015	728,0

Число копей, какъ и число рабочихъ, падаетъ съ 1901 г. вплоть до 1903 г., къ концу послѣдняго года по сравненію съ 1901 г. число копей уменьшилось ба 81 или 38,7%, число рабочихъ на 6.405, или 8,4%, добыча топлива въ 1901 г. увеличивается всего лишь на 0,4%, т. е. остается приблизительно на уровнѣ 1900 г., что при большей производительной способности южнаго района и повышеніи добычи въ 1900 г., было равносильно, по своему значенію началу кризиса. Однако въ 1901 г., несмотря на замедленный приростъ добычи, запасы увеличиваются: съ 46% средней мѣсячной добычи для каменнаго угля и 68,5% для антрацита въ началѣ 1901 г. запасы къ концу года увеличиваются до 80% для угля и 200% для антрацита. Къ началу 1902 г. запасы увеличиваются еще болѣе и доходятъ для угля до 71% и для антрацита до 247%, и даже къ концу 1903 г. они, по сравненію съ началомъ 1901 г., для угля нѣсколько сокращаются (43%), а для антрацита все еще остаются на 95%. Очевидно, уменьшеніе добычи въ 1902 г. не посодѣйствовало сбыту запасовъ, какъ и увеличеніе добычи 1903 г. не сопровождалось соотвѣтствующимъ увеличеніемъ сбыта. Причина такого положенія выясняется, если мы обратимся къ состоянію рынка минеральнаго топлива. Распредѣленіе вывоза послѣдняго по потребителямъ (для западной части донецкаго бассейна) представляется въ такомъ видѣ:

	1900 г.		1901 г.		1902 г.		1903 г.	
	Каменнаго угля и антрацита.	Кокса.	Каменнаго угля и антрацита.	Кокса.	Каменнаго угля и антрацита.	Кокса.	Каменнаго угля и антрацита.	Кокса.
Метал. зав. юга	82,3	54,6	76,6	41,5	75,8	33,5	73,4	44,0
» » прочимъ . .	1,2	7,8	1,4	2,7	1,7	1,5	0,6	1,6
Передѣльн. зав.	20,2	2,4	21,8	1,5	19,1	2,0	21,9	2,7
Желѣзн. дор.	112,6	0,7	140,3	0,5	144,4	0,6	170,1	0,8
Проч. потр.	166,7	5,4	164,8	4,3	169,4	3,2	199,0	3,5

Вывозъ каменнаго угля и антрацита для металлургическихъ заводовъ па-

[1]) По изданію статистическаго бюро совѣта съѣзда горнопром. юга Россіи „Каменно-угольная промышленность“.

дается и въ 1903 г., для передѣльныхъ заводовъ въ 1903 г. повышается, для желѣзныхъ дорогъ и прочихъ потребителей—повышается безостановочно; вывозъ для металлургическихъ и передѣльныхъ заводовъ повышается въ 1903 г. Что касается потребленія топлива металлургическиими заводами, то оно подтверждаетъ отмѣченный выше для желѣзной промышленности кризисъ 1901 и 1902 гг. Сокращеніе въ эти годы подвоза топлива для заводовъ достигаетъ внушительныхъ размѣровъ: при переводѣ на вагоны, всѣ заводы получили въ 1901 г. на 16,2% и въ 1902 г. на 22,8% меньше противъ 1900 г., пониженіе продолжалось и для 1903 г., кромѣ передѣльныхъ заводовъ, повысившихъ нѣсколько спросъ на топливо; послѣднее обстоятельство, какъ и въ особенности сильное увеличеніе вывоза кокса для металлургическихъ заводовъ въ 1903 г. находитъ объясненіе въ той усиленной выдѣлкѣ желѣза и стали, о которой сказано выше. Такимъ образомъ, поскольку каменоугольная промышленность находится въ зависимости отъ желѣзной, приходится отмѣтить, что состояніе ея въ интересующіе насъ годы вполнѣ совпадаетъ съ состояніемъ желѣзной промышленности: острый кризисъ въ 1903 г. переходитъ въ затяжное кризисное состояніе. Общее увеличеніе вывоза идетъ во всѣ эти годы и, въ частности, особенно сильно въ 1903 г. за счетъ вывоза для желѣзныхъ дорогъ и прочихъ потребителей. «Усиленный вывозъ донецкаго топлива (1903 г.), читаемъ въ отчетѣ совѣта 28 съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи, явился послѣдствіемъ перепродукціи, вынудившей производителей, за неимѣніемъ надлежащаго помѣщенія своихъ продуктовъ на мѣстныхъ металлургическихъ заводахъ при сокращеніи ихъ дѣятельности, искать отдаленныхъ рынковъ сбыта и при сильной конкурренціи какъ между собою, такъ равно съ древеснымъ топливомъ и нефтью, понижать цѣны на свои продукты до убыточности». Такимъ, по терминологіи горнопромышленниковъ, «отдаленнымъ рынкомъ» явились всѣ остальные потребители, кромѣ «близкихъ» металлургическихъ заводовъ, сбытъ которымъ топлива облегчился кризиснымъ паденіемъ цѣнъ, въ особенности для желѣзныхъ дорогъ, получившихъ возможность отказаться отъ иностраннаго угля, къ которому они перешли въ годы сильнаго вздорожанія русскаго угля.

Кризисъ въ нефтяной промышленности, по характеру своему, мало отличался, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, отъ кризиса каменоугольной и желѣзной промышленности [1]):

Годы.	Число промысловыхъ фирмъ. Всего.	Производившихъ добычу.	Имѣвшихъ буровыя скважины въ работѣ.	Бездѣйствовавшихъ.	Число скважинъ. Производивш.	%	Бездѣйствовавшихъ.	%	Въ буреніи.	Пробурявлено скважинъ.	Рабочихъ.	Добыча нефти (м. п.).	Вывозъ нефти (м. п.).
1899.	140	106	28	6	880	47	277	18	432	85.823	16.898	525	385,5
1900.	160	134	24	2	1.095	48	412	21	583	83.141	21.253	600	443,1
1901.	167	146	13	8	1.321	44	583	34	605	75.783	26.637	672	488,2
1902.	171	139	20	12	1.354	44	1.048	36	386	40.390	24.018	636	513,4
1903.	167	136	14	17	1.402	42	1.172	37	315	49.355	20.389	596	494,0

[1]) По „обзорамъ нефтяной промышленности“.

Паденіе добычи нефти и числа рабочихъ начинается съ 1902 г. Но нѣкоторые другіе признаки уже въ 1901 г. напоминаютъ о начинающемся кризисѣ: увеличивается число бездѣйствующихъ фирмъ и скважинъ, сильно падаетъ ходъ буровыхъ работъ. Къ 1902 и 1903 гг. кризисъ разразился уже съ необычайной силой: по сравненію съ 1901 г. въ 1903 г. число рабочихъ уменьшилось больше чѣмъ на 30%, пройденныхъ буровыми работами саженей почти на 55%, общая добыча на 12%, число же бездѣйствующихъ фирмъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Кризисъ распространяется и на нефтеперегонную промышленность: общее число нефтеперегонныхъ заводовъ съ 101 въ 1899 г. опускается до 86 въ 1903 г., въ частности число керосиновыхъ заводовъ падаетъ за это время съ 86 до 77, а число бездѣйствующихъ среди нихъ, составляя въ 1900 г. 15,5%, въ 1903 г. повышается до 27,2%. Столь опустошительный кризисъ былъ вызванъ перепроизводствомъ въ нефтяной промышленности, осложненнымъ монопольнымъ ея положеніемъ. Необычайная учредительная горячка конца 90-хъ годовъ была вызвана чрезвычайнымъ экспортомъ продукта за границу, организованнаго немногими монополистами, благодаря чему цѣны внутри Россіи повысились: разница, напр., въ цѣнѣ керосина на русскомъ и заграничномъ рынкѣ въ 1899 г. составляла 15—24 коп., на каковую сумму русскій керосинъ былъ дороже; въ 1900 г. цѣны на заграничномъ рынкѣ падаютъ и разница съ русскими цѣнами опускается всего до 2 коп. Внутренній рынокъ переполняется, цѣны падаютъ еще ниже, и всѣ тѣ предпріятія, которыя возникли на спекуляцію, терпятъ жестокое пораженіе. Цѣны на нефтяные продукты начинаютъ укрѣпляться со второй половины 1902 г., а въ 1903 г. достигаютъ даже значительной высоты. Но разстройство, внесенное въ промышленность кризисомъ, оказалось столь сильнымъ, что не только въ 1903 г., но и въ 1904 г., она не выходитъ изъ кризиснаго состоянія.

Къ сожалѣнію, относительно другихъ отраслей промышленности нельзя привести сколько нибудь детальныхъ данныхъ, за отсутствіемъ какой бы то нибыло статистической ихъ регистраціи. Приходится, поэтому, довольствоваться случайными и побочными данными.

Крупнѣйшее изъ нашихъ производствъ—хлопчато-бумажное—испытало нѣкоторое осложненіе уже въ 1899 г. въ виду переполненія рынка товарами. На Нижегородской ярмаркѣ этого года усилія фабрикантовъ поднять цѣну потерпѣли неудачу и въ результатѣ они вынуждены были понизить цѣну [1]). Въ 1900 г. положеніе осложнилось міровымъ хлопчатобумажнымъ кризисомъ, вызваннымъ недостаткомъ и дороговизной сырого матеріала [2]). Кризисъ этотъ съ особенной силой проявился въ Лодзинскомъ районѣ, гдѣ часть фабрикъ сократила производство; совѣщаніе московскихъ фабрикантовъ также обсуждало временное сокращеніе производства, но отвергла его. Возможно, что хлопковый кризисъ и не внесъ бы въ промышленность большихъ осложненій, если бы онъ не совпалъ

---

[1]) Брантъ, цит. соч. стр. 222.

[2]) Въ кампанію 1899—900 гг. Соедин. Штаты, Ост. Индія, Египетъ, Бразилія и др. страны произвели 12, 1 м. к. хлопка, въ 1898—99 г.—14, 7 м., въ 1897—98 г.—14 м. Потребленіе наоборотъ росло изъ года въ годъ и къ 1900 г. превысило производство хлопка болѣе чѣмъ 1½ м. к.

съ общимъ въ странѣ промышленнымъ кризисомъ. Денежное стѣсненіе, всеобщее сокращеніе производства и торговыхъ оборотовъ, не говоря уже о частичныхъ неурожаяхъ, должно было привести къ сокращенію сбыта мануфактурныхъ товаровъ. Уже въ апрѣлѣ 1900 г. изъ Москвы идутъ вѣсти о томъ, что оптовыя фирмы торгуютъ очень тихо и ощущается большой недостатокъ въ деньгахъ, благодаря ограниченности банкового кредита [1]); попытки повысить цѣны оканчиваются неудачей и нѣкоторые фабриканты ради продажи на наличныя, пошли даже на уступки въ цѣнѣ. Нижегородская ярмарка 1900 г. также не выдерживаетъ попытки фабрикантовъ поднять цѣны; въ концѣ концовъ продавцы идутъ на всевозможныя уступки, удлиняютъ сроки платежа, увеличиваютъ % скидки, только бы развязаться съ накопившимся товаромъ. Къ концу года въ Шуйско-Ивановскомъ районѣ однѣ фабрики распустили половину рабочихъ, другія сократили производство на 2/3 противъ нормальнаго, понизивъ заработную плату на 30%. Въ 1901 г. общее ухудшеніе дѣлъ продолжалось; въ началѣ года оказалось, что большинство крупныхъ провинціальныхъ торговцевъ покупаетъ значительно менѣе прошлогодняго, нѣкоторые сократили покупки на 50%, среднія же и слабыя фирмы въ отношеніи цѣнъ идутъ на дальнѣйшія уступки. Нижегородская ярмарка заканчивается благопріятно, но исключительно благодаря случайнымъ причинамъ: большимъ закупкамъ Сибири, въ виду прекращенія китайской войны, и Кавказа, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлопокъ. Конецъ года проходитъ въ вяломъ настроеніи и только въ концѣ ноября Москва отмѣчаетъ первыя крупныя сдѣлки на осенній сезонъ, причемъ цѣны держатся «крѣпкія» только потому, что онѣ были вообще невысоки и дѣлать уступки было не изъ чего [2]). Многія фабрики подмосковнаго района закончили годъ съ ничтожнымъ дивидендомъ, а нѣкоторыя и притомъ солидныя не дали его вовсе или принесли убытокъ. Къ началу лѣта 1902 года изъ Москвы сообщаютъ о небываломъ застоѣ, какъ съ хлопкомъ, такъ и съ готовыми издѣліями; несмотря на сравнительно невысокую цѣну, хлопка покупаютъ мало въ виду плохого сбыта бумажной пряжи. Нижегородская ярмарка 1902 г. прошла въ общемъ неудовлетворительно; фабриканты подняли было въ началѣ ярмарки миткаль на 1/8 к., но сильная конкуренція между фабрикантами и не повсюду оправдавшіеся виды на урожай заставили торговцевъ развязаться съ непроданными товарами, что и привело къ неблагопріятному исходу ярмарки. Это, въ свою очередь, вызвало сильное затишье почти во всѣхъ отрасляхъ хлопчатобумажнаго производства: работы почти на всѣхъ фабрикахъ сократились, а обычныя въ началѣ осени въ Москвѣ крупныя сдѣлки съ пряжей и миткалемъ совсѣмъ не наблюдались. Продолжительный кризисъ привелъ къ концу 1902 г. къ тому, что у многихъ крупныхъ фабрикъ оказались на рукахъ такіе громадные запасы товаровъ, какихъ не наблюдалось уже около четверти вѣка, а въ оборотныхъ средствахъ чувствовался сильный недостатокъ. Выручилъ, конечно, Государственный банкъ. Наконецъ, о кризисѣ

[1]) Фактическія сообщенія въ дальнѣйшемъ, если не указанъ источникъ, заимствованны изъ «Промышленнаго Міра» за соотвѣтствующіе годы.

[2]) Русс. Вѣд. 1902 г., № 1.

говоритъ и слѣдующая таблица, показывающая вывозъ прядильно-ткацкихъ машинъ изъ Великобританіи по странамъ (тысячъ ф. стерл.): [1]).

	1900	1901	перв. полов. 1902 г.
Въ Россію	571	232	181
« Германію . . .	440	378	248
« Голландію . .	96	63	40
« Францію . . .	404	351	291

Въ 1901 г. потребленіе Россіей англійскихъ машинъ сокращается больше чѣмъ въ 2 раза и на такомъ уровнѣ остается, повидимому и въ 1902 г.; занимая въ 1900 г. по ввозу машинъ первое мѣсто, Россія въ 1901 г. переходитъ сразу на 3 мѣсто. Это указываетъ на остановившееся расширеніе производства.

Въ 1903 г., въ связи съ ослабленіемъ остроты общаго промышленнаго кризиса, улучшается нѣсколько и положеніе мануфактурнаго производства: Цѣны повышаются и Нижегородская ярмарка заканчивается болѣе благопріятно. Но общее состояніе рынка остается неопредѣленнымъ, идя въ унисонъ съ кризиснымъ состояніемъ всей промышленности.

Показателемъ состоянія какъ промышленности вообще, такъ и отдѣльныхъ ея отраслей, можетъ служить движеніе капиталовъ акціонерныхъ обществъ. Естественно, что въ годы кризиса, какъ это подтверждаетъ и нижеслѣдующая таблица, уменьшается количество вновь учреждаемыхъ акціонерныхъ предпріятій: [2])

Годы:	Новыхъ предпр., уставы коихъ были опубликованы		Иностр. предпр.
	Число	Осн. кап. (м. р.)	
1899	325	363,2	69
1900	202	250,7	40
1901	135	107,6	23
1902	78	73,1	13
1903	76	68,1	15

Въ 1900 г. рѣзко измѣняется какъ число вновь учреждаемыхъ предпріятій такъ и сумма ихъ капиталовъ, падаетъ въ частности и приливъ въ промышленность иностранныхъ капиталовъ. Въ 1900 г. капиталы новыхъ предпріятій меньше предшествующаго года на 45%, въ 1901 г.—на 133%, въ 1902 г.—на 47% и въ 1903 г.—на 7%. Такимъ образомъ наибольшихъ размѣровъ паденіе прилива новыхъ капиталовъ въ промышленность достигло въ 1901 г. Одинаково значительно оно было въ 1900 г. и въ 1902 г. Въ 1903 г. сокращеніе это понижается на сравнительно ничтожную сумму 5 м. р. или около 8%. Незначительное повышеніе въ 1903 г. новыхъ иностранныхъ предпріятій не носило симптоматическаго характера, такъ какъ въ послѣдующіе годы число это испытало еще дальнѣйшее паденіе.

---

[1]) Извѣстія обществъ для содѣйствія улучшенія мануф. промышленности 1902 г. № 5 Къ. сожалѣнію позднѣйшими данными мы не располагаемъ.

[2]) Статистика акціонернаго дѣла въ Россіи. В. І. Харк. 1907 изд. стат. бюро Совѣта съѣздовъ Горнопр. юга Россіи.

О движеніи акціонернаго капитала по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности можетъ дать представленіе слѣдующая таблица о суммѣ основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій [1]):

Промышленность.	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Волокнистая	295,4	342,0	373,7	403,2	399,4	420,4
Химическая	41,5	58,3	93,8	85,0	102,3	93,2
Бумагомасск.	27,2	34,6	31,7	37,2	33,2	29,9
Горнопромышл. . . .	296,9	406,1	392,2	435,4	412,0	423,3
Металлическ.	185,6	250,2	257,3	313,8	297,5	297,1
Керамическая	37,3	48,5	59,0	65,2	63,3	65,7
Питательная	124,3	143,4	153,1	166,2	156,6	162,8
Животная	12,0	17,6	16,5	18,0	21,5	16,4
Торговая.	55,4	62,2	76,5	79,1	83,5	83,3
Перевозочная	40,1	45,0	63,2	48,2	167,6	153,4
Всѣ (съ прочими) . .	1277,1	1600,0	1742,3	1898,8	1990,2	2015,5

Таблица эта свидѣтельствуетъ о пертурбаціи, произведенной кризисомъ въ самыхъ различныхъ отрасляхъ промышленности, поскольку эта пертурбація выразилась въ уменьшеніи суммы основныхъ акціонерныхъ капиталовъ. Основные капиталы уменьшаются по всѣмъ производствамъ, въ однихъ раньше, въ другихъ позже. Въ 1900 г. сокращаются капиталы группъ горнопромышленной и бумагомассный; для большей части производствъ паденіе капиталовъ начинается въ 1902 г., причемъ для нѣкоторыхъ группъ, наиболѣе затронутыхъ кризисовъ, это паденіе, чередуясь съ незначительнымъ приростомъ, повторяется снова, какъ бы въ видѣ рецидива. Въ 1903 г. по нѣсколькимъ группамъ основной капиталъ повышается, но въ степени, во много разъ уступающей годамъ подъема; равно и общая сумма основныхъ капиталовъ, безпрерывно повышаясь, постепенно замедляетъ темпъ повышенія, и въ 1903 г., посравненію съ предыдущимъ годомъ повышается едва на 1,2%, въ то время какъ въ 1899 г. повышеніе достигло 8,8%. Это снова говоритъ о томъ, что въ 1903 г., несмотря на общее улучшеніе въ промышленности, острый кризисъ не былъ окончательно изжитъ и перешелъ въ затяжное кризисное состояніе.

Измѣненія въ акціонерномъ капиталѣ, неблагопріятныя для промышленности, сопровождались уменьшеніемъ прибыльности предпріятій. Размѣръ, выданнаго дивиденда понижается по всѣмъ группамъ производства въ зависимости отъ степени пораженности ихъ кризисомъ [2]).

---

[1]) Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Вып. 1905 г.

[2]) Приводимъ таблицу, показывающую измѣненія въ дивидендѣ.

	1899.	1900.	1901.	1902.	1903.
Волокнистая	8,6	7,2	6,7	7,1	7,7
Химическая	9,6	12,1	8,1	9,6	9,4
Бумагомасск.	6,6	7,4	7,0	6,6	6,6
Горнопромышл. . . .	8,5	10,2	8,4	7.2	7,1
Металлическ.	6,7	8,1	7,2	7,8	7,1

По интересному подсчету статистическаго отдѣла Совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли [1]), изъ 1103 акціонерныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 1934, 1 т. р., существовавшихъ втеченіе пятилѣтій 1901—1905 года (съ исключеніемъ, слѣдовательно, возникшихъ послѣ 1901 г. и перешедшихъ въ администрацію) предпріятія постоянной прибыльности (528) составляли 47,8%, а капиталъ ихъ (1040,2 т. р.) составлялъ 53,8% всего акціонернаго капитала; предпріятія постоянной убыточности (184) охватывали 16,% всѣхъ предпріятій, а капиталы (278,0 т. р.)—14,3% всего капитала; остальные 35,6% предпріятій и 31,9% капитала входятъ въ группу непостоянной прибыльности. Такимъ образомъ, только половина акціонернаго капитала обезпечена постоянной прибылью, остальная сумма капитала частью не постоянной прибыльности (т. е. и непостоянной убыточности), частью постоянно убыточна. Правда, періодъ времени, послужившій основаніемъ для этихъ подсчетовъ, охватываетъ также годы войны и революціи, но первый болѣе серьезный ударъ предпріятіямъ былъ нанесенъ кризисомъ, какъ это видно изъ приведенныхъ въ названномъ подсчетѣ данныхъ: процентъ чистой прибыли 1902 г. (4,26) ниже прибыли 1904 г. (5,05) и 1905 г. (4,46), какъ выше и процентъ убытка (1902 г.—1,20, 1904—0,80, 1905—1,05) [2]).

Но, конечно, опустошенія, произведенныя въ промышленности кризисомъ, меньше всего могутъ быть измѣряемы уменьшеніемъ дивиденда акціонерныхъ предпріятій, какъ послѣднее ни характерно само по себѣ. Гораздо болѣе существенно—полное разстройство производительныхъ силъ, выражающееся наиболѣе ярко въ крахахъ, банкротствахъ, закрытіи предпріятій и безработицѣ, принимающей массовый характеръ. Предвѣстникомъ грядущихъ краховъ явилось сильное паденіе курса промышленныхъ акцій. Паденіе акцій, начавшееся съ первыми признаками кризиса, приняло громадные размѣры, какъ только кризисъ сталъ совершившимся фактомъ. Такъ, для промышленныхъ акцій, котировавшихся на Парижской и Брюссельской биржахъ, курсовыя измѣненія къ 15 октября 1901 г., по сравненію съ 15 октября 1899 г. выразились въ слѣдующемъ [3]):

	1899.	1900.	1901.	1902.	1903.
Керамическ.	7,4	4,9	5,2	5,6	4.6
Питательная.	9,8	12,4	9,0	10,2	8,7
Животная	9,9	8,1	8,1	8,7	8,6
Торговая	6,3	8,5	8,9	8,7	7,3
Перевозочная	6,5	7,3	6,3	7,2	7,4

(Ежегодникъ Мин-ства Финан., вып. 1905 г.).

[1]) Промышленность и Торговля, 1908 г. № 3.

[2]) Въ частности для металлургической промышленности число предпріятій съ постоянной убыточностью повышается до 25,0% съ капиталомъ составляющимъ 25,6% всего капитала, а число предпріятій съ постоянной прибыльностью понижается до 34,6% съ капиталомъ, составляющимъ 32,5% всего капитала (Промышл. и Торговля, 1908, № 8).

[3]) Вѣст. Фин. 1901 г., № 48. Паденіе для нѣкоторыхъ акцій было еще болѣе значительнымъ:

	Курсовая стоимость (въ тыс. ф.) къ 15 окт. 1899	1901	пониженіе въ %
50 метал. и механ. общ. . .	862.043	298.064	65
19 каменноуг. обществъ . .	347.148	185.957	46
6 стеклян. общ.	17.987	3.632	79
7 газов. и электр. общ. . .	36.820	13.140	64
8 строит. обществъ	8.794	3.092	65
8 разныхъ обществъ	43.540	32.402	25
Итого .	1.316.332	536.292	59

Въ общемъ курсовая стоимость падаетъ на половину, а въ отдѣльныхъ случаяхъ многимъ больше. Русская биржа оказалась, конечно, не менѣе милостивой и понизила курсовую стоимость акцій не лучше заграничной [1]).

Биржевой крахъ акцій находитъ себѣ немедленное отраженіе въ фактическомъ крахѣ предпріятій. Начинается безконечная полоса банкротствъ, несостоятельностей, перехода въ администрацію, временнаго или постояннаго закрытія предпріятій. Терпятъ крушеніе, наряду съ мелкими предпріятіями, предпріятія крупныя съ милліоннымъ основнымъ капиталомъ. Списокъ ихъ, начиная съ общеизвѣстнаго краха Алчевскаго, Мамонтова и фонъ-Дервиза, могъ бы занять многія и многія страницы [2]).

	1899.	1901.
Николаевск. верфи.	1000	105
Русс. О—ство „Проводникъ“ .	1925	262
Общ. Брянск. зав.	1225	401
Общ. Колом. завода	1275	665
Луговскій	120	20 и т. д.

Авторъ статьи (данныя „В. Ф.“ позаимствованы изъ „Moniteur des Intêrets“) оговаривается, что курсъ 15 октября 1899 г. не есть наивысшій, а курсъ 15 октября 1901 г.—не низшій, хотя близко къ нимъ подходитъ.

[1]) Вотъ, напр., средняя курсовая стоимость нѣсколькихъ акцій на петербургской биржѣ:

	1894	1900	1901	1902	1903
Россійск. бумагопр. мануф. в.	300	316	280	166	150
„ „ „ н.	300	325	175	160	150
Брянскій рельсопрок. зав. в.	523	502	206	171	133½
„ „ „ н.	444	223	147	70	88
Общество путиловск. зав. в.	152½	134	85½	82	104½
„ „ „ н.	104	73½	50	50½	77
Русс. Балт. вагоностр. зав. в.	2.457	1.500	1.225	1.240	1.000
„ „ „ „ н.	1.025	970	900	900	475
Каспійское товарищество в.	7.450	8.325	7.050	5.100	6.150
„ „ н.	5.800	6.600	3.600	3.600	3.300

[2]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ той или иной формѣ попали въ разрядъ несостоятельныхъ: „Общество Сталь“ (Капиталъ 7 м. р.), Торговый домъ „Паллизенъ“ (Капиталъ около 7 м. р.), Общество Бумажныхъ Мануфактуръ Бари въ Лодзи, Уральско-Волжское Металлургическое Общество (Капиталъ 11 м. р.),

Изъ нѣсколькихъ перечисленныхъ въ примѣчаніи случаевъ видно, что, при преобладаніи горнозаводскихъ предпріятій, печально кончаютъ свое существованіе и предпріятія бумаго-прядильныя, бумагомассныя, строительныя, торговыя, предпріятія Донецкаго Бассейна, также какъ и Урала, Москвы, какъ и Лодзи. Кризисъ пронесся по странѣ точно шквалъ, оставивъ по себѣ чувствительные слѣды необычайнаго разрушенія, учесть которыя даже приблизительно нѣтъ, конечно, никакой возможности.

Нельзя, къ сожалѣнію, опредѣлить и число закрывшихся вслѣдствіе кризиса предпріятій. «Своды Отчетовъ» фабричныхъ инспекторовъ, публикуемые съ 1900 года, приводятъ число закрытыхъ предпріятій, но безъ указанія причины ихъ закрытія, а въ скудномъ текстѣ, сопровождающемъ «Своды», изъ года въ годъ повторяется, что причины закрытія «индивидуальныя» и только въ единичныхъ случаяхъ отмѣчаютъ, что заводы закрыты вслѣдствіе общаго промышленнаго кризиса. Нужно, однако, думать, что освѣдомленность фабричныхъ инспекторовъ въ этомъ отношеніи можетъ быть заподозрѣна, и «индивидуальныя» причины не всегда лишены общаго экономическаго смысла. По крайней мѣрѣ, слѣдующая таблица, показывающая по годамъ число закрытыхъ предпріятій съ числомъ занятыхъ въ нихъ рабочихъ, не лишена нѣкоторой поучительности:

	предп.	рабоч.
1900	550	20.083
1901	350	34.774
1902	840	33.274
1903	682	23.339
1904	745	28.744

Число закрытыхъ фабрикъ достигаетъ максимума въ 1902 году — году наибольшаго обостренія кризиса; по числу рабочихъ, пострадавшихъ отъ закрытія предпріятія, первое мѣсто занимаетъ 1901 годъ, что, въ связи съ наименьшимъ числомъ закрытыхъ въ этомъ году предпріятій, указываетъ на то что въ 1901 году закрыты были болѣе крупныя фабрики, каковое обстоятельство также можетъ быть отнесено больше за счетъ кризиза, чѣмъ случайныхъ «индивидуальныхъ» обстоятельствъ. Въ повышеніи числа закрытыхъ предпріятій какъ и рабочихъ) въ 1904 г. оказалось, очевидно, вліяніе войны. Во всякомъ случаѣ, данныя «Сводовъ» захватывая и случайно закрывшіяся предпріятія, не даютъ, конечно, сколько-нибудь точной картины урона, который потерпѣла промышленность отъ кризиса. Не могутъ дать они такой картины, въ частности,

---

Бельгійское акц. общ. Екатеринославск. желѣзодѣлательнаго и сталелит. заводовъ (дефицитъ 1.157 т. р.), извѣстный уральскій горнозаводчикъ Поклевскій-Козеллъ (пассивъ болѣе 3½ м. р.), Бельгійское анонимн. Общ. стекольныхъ заводовъ въ Москвѣ (кап. 2.750 т. фр.), Россійск. Общ. желѣзодѣлат., прок. и механич. заводовъ (кап. 1.125 т. р.), Верхневолжск. Общ. желѣзнодорож. матеріал. (кап. 8 м. р.), (кап. 4½ м. р.), торговый домъ Г. Киббель и К° въ Москвѣ (кап. 1.200 т. р.), Окско-Волжск. Общ. производства строит. матеріаловъ, Уральская фирма бр. Дмитріевыхъ, Русское Товарищество печатн. и издательскаго дѣла въ Москвѣ и т. д. и т. д.

и потому, что охватываютъ не всѣ предпріятія и не касаются, напр., горнозаводскихъ, какъ не подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Между тѣмъ отъ кризиса болѣе всего пострадала горнозаводская промышленность, а число рабочихъ, уволенныхъ вслѣдствіе закрытія предпріятій, именно въ этой отрасли промышленности должно было достигнуть наибольшихъ размѣровъ [1]).

Впрочемъ, какъ и въ отношеніи финансоваго краха предпріятій, выразившагося въ несостоятельности ихъ, и здѣсь не приходится говорить о какомъ нибудь одномъ производствѣ или районѣ, исключительно пострадавшаго отъ закрытія промышленныхъ предпріятій. Скудные источники свидѣтельствуютъ, что и въ этомъ отношеніи шквалъ пронесся по всей Россіи и оставилъ по себѣ слѣды столь же серьезнаго разрушенія.

Приведенныя данныя съ достаточной убѣдительностью говорятъ о серьезности и силѣ кризиса, пережитаго нашей промышленностью въ началѣ текущаго столѣтія. Вслѣдъ за необычайнымъ по силѣ подъемомъ послѣдовалъ столь же необычайный по силѣ своей кризисъ. За время своего капиталистическаго существованія, Россія впервые пережила и настоящій подъемъ со всѣми его темными сторонами, и настоящій кризисъ со всѣми его разрушительными послѣдствіями. Въ противоположность другимъ капиталистическимъ странамъ, она не такъ легко совладала съ кризисомъ. Начавшись съ 1900 года, кризисъ разросся въ 1901 г. и принялъ наиболѣе тяжелую форму въ 1902 г. Впродолженіе 1903 г. положеніе промышленности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ начинаетъ улучшаться но слабый приростъ производства, вялое состояніе рынка, осторожность, съ которой капиталъ приливаетъ въ промышленность, показывали, въ особенности въ связи со всѣмъ послѣдующемъ, что, если прошла острота кризиса, если прекратилось его разрушительное дѣйствіе, то еще далеко не чувствовалось приближенія подъема: налицо оставалось затяжное кризисное существованіе, не обѣщавшее впереди скораго наступленія лучшихъ дней. Чтобы выяснить причину столь тяжелаго состоянія промышленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ закончить изложеніе условій, въ которыхъ находилась промышленность наканунѣ революціи, намъ надлежитъ коснуться хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ, той общей соціально политической конъюнктуры, которая окружала промышленность въ годы кризиса.

---

[1]) Съ 1899 г. по октябрь 1902 г. были, напр., закрыты слѣдующіе горные заводы: Александровскій въ Петербургѣ, Семеновскій сталелитейный въ Москвѣ, Верхнеднѣпровскій, русскій трубопрокатный и алмазнаго Об-ва на Югѣ Истьимскіе, Глѣбовскіе, Гульскіе, Кулебакскій доменный въ Подмосковномъ районѣ, Мрочковскій, Руда Меденецкая, Пушкинскіе, Старая кузница и Бляховая въ Польшѣ, Александровскій, Святновольскій и Биговецкій—въ Олонецкой губ., Лукьяновскій и Гермозскій доменный—на Уралѣ, всѣ 5 заводовъ въ Волынской губ. („Горнозаводскій Листокъ", 1902 г. № 20). Перечень этотъ, понятно, далеко не полный.

[2]) Не приводя здѣсь новыхъ фактовъ они приведя частью въ предыдущемъ примѣчаніи, ограничимся указаніемъ на закрытіе предпріятій, вызываемыхъ къ жизни усиленнымъ строительнымъ временъ промышленнаго подъема: въ 1900 г. въ Варшавѣ продавались, но не находили покупателей 14 кирпичныхъ заводовъ, въ Сѣверозападномъ краѣ прекратили свое существованіе 8 лѣсопильныхъ заводовъ, въ Казанской губ. закрытъ стеклянный заводъ и т. д.

По справедливому замѣчанію проф. Мигулина, о наступающемъ денежномъ кризисѣ «министерство финансовъ было увѣдомлено заблаговременно и успѣло принять нѣкоторыя мѣры для будущей борьбы съ безденежьемъ и съ невозможностью выгодной реализаціи новыхъ нашихъ займовъ [1])».

Этимъ, по мнѣнію проф. Мигулина, объясняется та лихорадочная поспѣшность, съ которою была произведена въ 1898 г. конверсія всѣхъ займовъ, какіе только можно было конвертировать. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ предчувствіи кризиса правительство прежде всего позаботилось о своихъ займахъ. Ничего удивительнаго не было и въ томъ, что когда приближеніе кризиса стало очевиднымъ для всѣхъ, правительство прибѣгло къ старому испытанному способу: опровергнуть въ правительственномъ сообщеніи самые очевидные факты. Въ началѣ августа 1899 г. министерство финансовъ опубликовало заявленіе, въ которомъ говорило слѣдующее: «По поводу настоящаго положенія вещей министерство финансовъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что Государственное казначейство и Государственный банкъ находятся въ отличномъ состояніи. Общее положеніе промышленныхъ предпріятій вполнѣ удовлетворительно, причемъ замѣчается чрезвычайный ростъ промышленности, обезпеченный безпрерывно возрождающимися спросами и таможеннымъ огражденіемъ отъ иностранной конкуренціи. Урожай, являющійся однимъ изъ главныхъ основаній платежной и покупательной силъ населенія, въ общемъ удовлетворителенъ. При указанныхъ благопріятныхъ условіяхъ нашей внутренней экономической жизни, не можетъ быть и рѣчи о возможности возникновенія какого бы то ни было общаго торгово-промышленнаго кризиса». Съ такимъ рѣшительнымъ заявленіемъ правительство выступило въ то самое время, когда Государственный банкъ повышалъ учетный процентъ до $5^1/_2\%$, чтобъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, сентябрѣ, поднять его до 6%, когда позади уже былъ крахъ Алчевскаго, фонъ-Дервиза и Мамонтова, когда отчетливо слышался грохотъ наступающаго кризиса. За этимъ, столь авторитетнымъ и правдивымъ разъясненіемъ, послѣдовали другіе, не менѣе правдивые. Правительство стало упрекать грюндеровъ въ неразуміи и сваливать на нихъ вину за остроту наступившаго кризиса. Многія иностранныя предпріятія въ періодъ усиленнаго учредительства, читаемъ, напр., въ одной изъ редакціонныхъ статей офиціальнаго «Вѣстника Финансовъ», недостаточно осторожно финансировали создаваемыя ими дѣла, причемъ самое оборудованіе возложили почти исключительно на своихъ, незнакомыхъ съ мѣстными условіями, техниковъ, не довѣряя русскимъ техникамъ. Отсюда рядъ ненужныхъ крупныхъ основныхъ расходовъ, сразу тяжело легшихъ на нѣкоторыя предпріятія и поставившихъ въ невыгодныя экономическія условія дѣла, имѣющія сами по себѣ всѣ шансы къ прекрасному развитію» [2]). Свое участіе въ грюндерствѣ, правительство, конечно, отрицало. «Въ дѣйствительности, читаемъ въ другомъ сообщеніи, [3]) правительство никого и никогда, особенно же иностранцевъ, не приглашало и никакихъ поощреній къ устройству промышленныхъ предпріятій не оказывало... Если же пра-

[1]) Мигулинъ: цитир. соч., стр. 239.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ" 1901 г. № 15. Къ вопросу о мѣрахъ къ устраненію временныхъ затрудненій, переживаемыхъ металлургической промышленностью.

[3]) „Вѣстникъ Финансовъ" 1901 г. № 47.

вительство давало казенные заказы и оказывало кредитъ предпріятіямъ, то заказы эти вытекали изъ дѣйствительной потребности даннаго времени и предоставлялись на короткій срокъ, а кредитъ не выходилъ изъ рамокъ коммерческаго кредитованія». Паденіе товарныхъ цѣнъ трактовалось правительствомъ не какъ признакъ кризиса промышленности, а какъ желательный результатъ, къ которому сознательно стремилось правительство всею своею экономической политикою. Въ многочисленныхъ офиціальныхъ и офиціозныхъ заявленіяхъ въ докладахъ министра финансовъ о росписи на разные лады повторяется одна и та же мысль: покровительственная политика создала внутреннюю конкуренцію, которая и привела къ паденію цѣнъ. Побѣдоносныя въ началѣ, эти заявленія съ развитіемъ кризиса становятся болѣе минорными, но въ существѣ своемъ остаются неизмѣнными. Кризиса нѣтъ, есть только временное затрудненіе; нѣкоторыя слабыя и неразумно организованныя предпріятія погибнутъ, но промышленности въ цѣломъ никакой опасности не угрожаетъ и она скоро выйдетъ изъ постигшихъ ее затрудненій сильной и окрѣпшей [1]).

Пытаясь столь негодными средствами усыпить общественное вниманіе Россіи, и въ особенности, Европы, стараясь увѣрить его, что все обстоитъ благополучно, правительство само, однако, принимаетъ нѣкоторыя мѣры «борьбы» съ кризисомъ. Конечно, эти мѣры не имѣли ничего общаго съ тѣмъ, что даже въ интересахъ промышленной буржуазіи можетъ въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлать буржуазное государство. Эти мѣры вносили новыя разлагающія начала въ промышленности или вѣрнѣе, доводили до конца эти начала, практиковавшіяся и раньше, и принимались въ интересахъ даже не промышленности въ цѣломъ, а группы промышленниковъ, наиболѣе счастливыхъ въ пользованіи политики задняго крыльца. Именно съ развитіемъ кризиса внѣуставныя ссуды государственнаго банка, о которыхъ мы говорили выше, принимаютъ необычайные размѣры. Въ 1900 г. онѣ составляли около 40 мил. руб., въ 1901 г. 65 мил. руб., въ 1902 г. — свыше 100 мил. руб. [2]). Ссуды уставныя и внѣуставныя раздаются щедрою рукою, отъ кризиса за счетъ государственнаго казначейства спасаются самыя различныя предпріятія. Ленскому золотопромышленному обществу, работавшему въ убытокъ съ 1896 г., выдается ссуда въ размѣрѣ свыше 10 мил. руб., крупная ссуда дается писчебумажному фабриканту Паллизену, датскому консулу, хотя чистый убытокъ его въ концѣ 1902 г. достигалъ 4 мил. руб., по настоянію Витте ссуду въ 700 тысячъ рублей получаетъ русское нефтепромысловое общество и т. д. [3]). Для поддержки промышленныхъ предпріятій пускаются въ дѣло даже сберегательныя кассы, которыя съ 1 іюля 1900 г. стали пріобрѣтать негарантированныя бумаги и довели ихъ количество къ февралю 1902 г. до 20 мил. руб. [4]).

Широкій размахъ Министерства Финансовъ заставилъ даже государственнаго

---

[1]) См. доклады о росписи на 1901 и 1902 г.г., цитир. ст. „Вѣстн. Фин." и пр.

[2]) Мигулинъ. Русскій Государственный Кредитъ т. III. вып. 4 стр. 836.

[3]) Озеровъ. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. М. 1907, с. 3 и слѣд.

[4]) Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія и промышл. кризисъ, с. 293. «Дальше, пишетъ проф. Мигулинъ, правительственная помощь простираться не можетъ, она и теперь уже почти перешла дозволенные благоразумiемъ предѣлы».

контролера указать «на необходимость чрезвычайной осмотрительности при выдачѣ ссудъ на особыхъ основаніяхъ: крупные въ большинствѣ случаевъ, размѣры ссудъ, въ связи съ шаткимъ положеніемъ дѣлъ въ предпріятіяхъ, воспособляемыхъ изъ средствъ Госуд. Банка, не могутъ не вызывать опасеній за степень обезпеченности выданныхъ ссудъ» [1]). Но, когда въ домѣ пожаръ, о разбитыхъ стеклахъ не думаютъ; когда рушится мощь правящей бюрократіи, искавшей спасенія въ «ростѣ производительныхъ силъ», не приходится думать о пропадающихъ за промышленниками милліонахъ. Государственный Банкъ, по приказу свыше, идетъ дальше и беретъ подъ свою опеку разстроенныя предпріятія, назначаетъ въ помощь ихъ управителямъ своихъ чиновниковъ, тратитъ на нихъ все новые и новые милліоны (заводы Мальцевскій, Сормово, Донецко-Юрьевскій, Александровскій сталелитейный, Невскій механическій и судостроительный, предпріятіе Паллизена, Полякова, Алчевскаго, Брянскаго Общества, Ленскаго золотопромышленнаго товарищества, Восточнаго общества товарныхъ складовъ и т. д. и т. д.) [2]). Для поддержки курса разныхъ промышленныхъ цѣнностей, одновременно съ расширеніемъ учетно-ссудныхъ операцій Государственнаго Банка, создается синдикатъ изъ главныхъ Петербургскихъ банковъ, съ капиталомъ въ $5^1/_2$ мил. руб., который занялся поддержкой, главнымъ образомъ, трехъ цѣнностей: акцій Сормовскаго завода, Александровскаго сталелитейнаго завода и Русскаго торговопромышленнаго Банка [3]). Частные банки тоже получаютъ, по словамъ проф. Мигулина, «самую серьезную поддержку» при посредствѣ изгнанія изъ государственныхъ вкладовъ на текущій счетъ, вслѣдствіе переучета ихъ векселей и передачи на ихъ текущій счетъ строительныхъ капиталовъ ряда желѣзныхъ дорогъ, отчасти образованныхъ за счетъ все тѣхъ же сберегательныхъ кассъ [4]).

Одновременно дѣлаются шаги къ развитію другихъ средствъ «воспособленія». Исправляются, прежде всего, нѣкоторые «недостатки» въ порядкѣ распредѣленія казенныхъ заказовъ. Съ 1900 г. руководящая роль въ распредѣленіи заказовъ переходитъ къ особой комиссіи изъ министровъ, въ данномъ случаѣ замѣняющей комитетъ министровъ. Въ основу распредѣленія кладется правило, согласно которому въ группу заводовъ, выполнявшихъ заказы до сего времени, не допускается ни одинъ посторонній заводъ, такъ что фактически монопольное право на исполненіе заказовъ по монопольнымъ цѣнамъ передается 15 предпріятіямъ [5]). Несмотря на денежныя затрудненія, увеличивается и количество казенныхъ заказовъ. Въ 1901 г. по ходатайству Совѣщанія Горнопромышленниковъ, созваннаго при Министерствѣ Финансовъ, заказы увеличиваются на 10 м. п. рельсовъ, 200 паровозовъ и 1500 вагоновъ съ предоставленіемъ Государственному Банку открывать кредитъ подъ контрактные платежи по этимъ заказамъ. Частично увеличиваются заказы и въ 1902 г., когда выяснилось, что предположенные заказы не удовлетворяютъ потребности немногихъ монополистовъ. Въ подкрѣпленіе политики казен-

---

[1]) Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансов. политика. М. 1906, с. 136.

[2]) Мигулинъ. Государственный кредитъ, т. III, в. 4, стр. 836. Озеровъ. Какъ расходуются и т. д., стр. 5.

[3]) Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія и т. д., стр. 257.

[4]) Тамъ же, стр. 293.

[5]) Штейнфельдъ. Политика каз. зак. „Нар. Хоз." 1902, № 8.

ныхъ заказовъ издаются правила о правительственныхъ заказахъ заграницей, ограничивающія иностранные заказы и поощряющія употребленіе при казенныхъ заказахъ русскихъ матеріаловъ [1]). Наконецъ, въ цѣляхъ воспособленія, приступаютъ къ постройкѣ новыхъ 4.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ (Сѣверная, Бологое-Сѣдлецкая, Оренбургъ-Ташкентская), при чемъ необходимыя средства получаются путемъ выпуска новыхъ займовъ (Парижскій 1901, Берлинскій 1902).

«Государственное казначейство начинаетъ напоминать у насъ игорный домъ, куда стекаются авантюристы со всего свѣта», пишетъ объ этомъ времени проф. Озеровъ [2]). Игорный домъ, въ которомъ велась крупная игра за счетъ народнаго кармана, могъ, конечно, и промышленниковъ располагать только къ игрѣ. Милліонныя ссуды, услуги Государственнаго Банка, казенные заказы—все это разжигало аппетиты, неудержимо влекло къ игрѣ. Правда, выигрывали далеко не всѣ; благами стараго режима пользовались только группа привилегированныхъ промышленниковъ, лучше другихъ организованная, но именно эта группа, наиболѣе активная, и выражала стремленія промышленной буржуазіи. На съѣздахъ горнопромышленниковъ, нефтепромышленниковъ, на совѣщаніяхъ, образуемыхъ при министерствѣ финансовъ, неизмѣнно заявляются однѣ и тѣ же опредѣленныя домогательства: новыя ссуды, новые заказы, установленія льготныхъ тарифовъ, вывозныя преміи и другія аналогичныя мѣры «воспособленія»—вотъ въ чемъ промышленники видѣли спасеніе, и чѣмъ больше щедрости проявляла государственная казна, тѣмъ настоятельнѣе и обширнѣе становились домогательства. Въ результатѣ созидалась очерченная выше система воспособленія, превратившая государственное казначейство въ обыкновенный игорный домъ. Одновременно по лагерю промышленниковъ проносится призывъ къ «самодѣятельности». На съѣздахъ, параллельно съ ходатайствомъ къ правительству о помощи, настойчиво подчеркивается мысль о необходимости той или иной организаціи промышленниковъ. Правительство, съ своей стороны, заявляетъ о своемъ сочувствіи «объединенію промышленниковъ», если его цѣлью не будетъ «искусственное, ненормальное повышеніе цѣнъ» [3]). Въ концѣ 1901 года на съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи принимается постановленіе о необходимости синдикатной организаціи для южной желѣзной промышленности. Вслѣдъ за этимъ одинъ за другимъ возникаютъ синдикаты въ разныхъ отрасляхъ промышленности, такъ что къ началу 1904 года г. Рафаловичъ насчиталъ ихъ уже до 30 [4]). Самыми значительными изъ нихъ явились: «Первое акціонерное общество для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ, основанное въ 1902 г. съ капиталомъ въ 900 т. р., синдикатъ 28 гвоздильно-проволочныхъ и 4 проволоко-прокатныхъ заводовъ («Гвоздь»), общество для вывоза Донецкаго минеральнаго топлива заграницу, состоявшееся въ 1902 г. въ Харьковѣ соглашеніе машиностроительныхъ заводовъ и др. За ними послѣдовали другіе синдикаты, какъ въ горнозаводской, такъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, синдикаты большіе и малые, грозные для потребителя и

---

[1]) Брандтъ. Цит. соч. стр. 182.

[2]) Озеровъ. Какъ расходуются народныя деньги, стр. 180.

[3]) Вѣст. Фин., 1901 г., № 47.

[4]) Промышленные синдикаты заграницей и въ Россіи. Нар. Хоз. 1904 г., № 3.

для него мало чувствительные [1]). Если правильно замѣчаніе, что синдикаты—порожденіе кризисовъ, то опытъ Россіи служитъ тому блестящимъ доказательствомъ: годы кризиса привели къ возникновенію множества синдикатовъ, призванныхъ спасать промышленность отъ кризисовъ.

Но если синдикаты—порожденіе кризисовъ, то это еще не значитъ, что въ нихъ спасеніе отъ кризисовъ. Возможно, конечно, что та или иная группа предпріятій, вошедшая въ синдикатъ, получаетъ нѣкоторыя выгоды, позволяющія ей легче перенести кризисъ. Но въ Россіи и такой результатъ не могъ проявиться въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ по той простой причинѣ, что главнѣйшая задача синдикатовъ — организація сбыта товаровъ — не могла привести къ дѣйствительно широкому сбыту вслѣдствіе крайняго истощенія внутренняго рынка. Какъ разъ въ началѣ текущаго столѣтія это истощеніе достигло своего крайняго выраженія, и его долженъ былъ констатировать даже рядъ правительственныхъ комиссій, въ томъ числѣ извѣстные «Комиссія о центрѣ» и «Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности». Комиссія о центрѣ установила обнищаніе массы деревенскаго населенія рядомъ цифровыхъ данныхъ, мѣстные комитеты «особаго совѣщанія» подтвердили его свидѣтельствомъ живыхъ людей. Не подлежало больше никакому сомнѣнію, что внутренній рынокъ, поскольку онъ опредѣляется покупательной способностью населенія, разрушенъ въ своемъ основаніи. «Стремленіе создавать себѣ рынокъ,—писалъ Ф. Энгельсъ, обсуждая вопросы экономическаго развитія Россіи,—и въ то же время разрушать его, составляетъ одно изъ противорѣчій капиталистическаго производства» [2]). Въ Россіи это противорѣчіе развилось особенно рѣзко не только въ силу капиталистическаго развитія, но и въ силу недостаточности этого развитія. Тяжелыя кабальныя формы земельныхъ отношеній, безграничная эксплуатація крестьянскаго хозяйства въ интересахъ фиска, гнетъ полицейской организаціи государства, поскольку онъ кладетъ свой отпечатокъ на экономическую жизнь страны—все это разрушало внутренній рынокъ не въ меньшей степени, чѣмъ крушеніе домашней промышленности крестьянства. Разрушаемый и раньше, внутренній рынокъ отъ промышленнаго кризиса получилъ еще одинъ сильный ударъ: денежное стѣсненіе, общее замираніе торгово-промышленной жизни, безработица, охватившая многочисленные слои крестьянства,

---

[1]) Синдикатъ русскихъ желѣзозаводчиковъ для продажи желѣзныхъ балокъ синдикатъ петербургскихъ фабрикантовъ полотна, джутовыхъ фабрикъ, зеркальныхъ заводовъ, цементныхъ, спичечныхъ фабрикъ, польскихъ мебельныхъ фабрикъ, южно-русскихъ крахмальныхъ фабрикъ, клееварныхъ заводовъ и т. д.

[2]) „Одно изъ необходимыхъ послѣдствій развитія крупной промышленности заключается именно въ томъ, что она разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ путемъ того самаго процесса, которымъ она создала его. Она создаетъ его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но безъ домашней промышленности крестьянство не можетъ жить. Крестьяне разоряются *какъ крестьяне*; ихъ покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обосноуются въ новыхъ условіяхъ существованія, въ качествѣ *пролетаріевъ*, они будутъ представлять лишь очень жалкій рынокъ для вновь возникшихъ фабрикъ и заводовъ". („Письма Карла Маркса и Фр. Энгельса къ Николаю —ону". „Минувш. Год." 1908 г., № 2, стр. 241).

занятые промышленной дѣятельностью, еще больше подорвали покупательную силу населенія. Подталкивается сбытъ товара синдикатомъ или движется безъ него—результатъ получается одинъ и тотъ же: сбыта не было.

Въ такомъ положеніи находилась промышленность наканунѣ близкаго революціоннаго взрыва. Въ результатѣ естественнаго процесса, особенно сильнаго въ пореформенную эпоху, Россія стала страной капиталистической. Объ этомъ свидѣтельствовало, какъ проникновеніе товарнаго денежнаго хозяйства во всѣ поры народной жизни, такъ и ростъ промышленнаго капитализма—обиліе вложенныхъ въ промышленность капиталовъ, ростъ и концентрація производства, образованіе многомилліоннаго пролетаріата. Въ самомъ началѣ текущаго вѣка Россія впервые вступила въ полосу серьезнаго промышленнаго кризиса. Два года тяжелаго кризиса, оказавшаго столь разрушительное вліяніе на промышленность, готовы были перейти въ годы затяжного кризиснаго состоянія. И это потому, что впервые производительныя силы страны стали въ столь острое противорѣчіе и въ дальнѣйшемъ ростѣ своемъ столкнулись съ общими соціально-политическими условіями. Старый режимъ, по существу, не занимался «насажденіемъ капитализма»,—если вообще можно говорить о такомъ насажденіи,—но онъ болѣе чѣмъ усердно занимался использованіемъ промышленнаго развитія въ интересахъ матеріальнаго своего укрѣпленія. Это использованіе, проводимое по принципу «послѣ насъ хоть потопъ», подготовило тотъ тупикъ, въ которомъ оказалась промышленность. Враждебный всякой мысли о гражданской свободѣ старый строй отказывался отъ реформъ, даже въ отдаленной степени напоминавшихъ о «правовомъ порядкѣ»; осыпая казеннымъ золотомъ группу преданныхъ промышленниковъ, онъ подрывалъ духъ предпріимчивости и загонялъ промышленность въ губительную для нея атмосферу подачки и «воспособленія»; превращая государственное казначейство въ игорный домъ, онъ разрушалъ государственные финансы, въ которыхъ самъ видѣлъ единственный источникъ промышленнаго преуспѣянія; обирая въ интересахъ фиска крестьянство, онъ разрушалъ внутреній рынокъ. И промышленность, переживъ годы острого кризиса, наиболѣе сильно почувствовала всѣ эти прелести полицейскаго строя. О крахѣ капитализма, столь неожиданно порѣшавшемъ съ его «судьбой», не могло быть, конечно, и рѣчи; противъ этого, помимо опыта другихъ капиталистическихъ странъ, говорили и природныя богатства страны, и сила развивавшагося промышленнаго капитализма... Но этихъ условій было достаточно для того, чтобы затормозить ростъ производительныхъ силъ и повергнуть промышленность въ затяжной кризисъ. Трудно, конечно, сказать, какъ долго могъ продолжаться этотъ кризисъ, смѣнился ли бы онъ слабымъ подъемомъ или раньше того производительныя силы разорвали бы полицейскія рогатки и двинулись къ дальнѣйшему развитію. Трудно также сказать, какъ долго промышленная буржуазія, столь заинтересованная въ нормальныхъ условіяхъ промышленнаго развитя, довольствовалась бы попечительнымъ воспособленіемъ стараго режима и какъ скоро наступилъ бы конфликтъ между нею и носителями стараго порядка. Но уже тогда можно было предсказать, что до катастрофы оставалось недолго, что наполняется до края потокъ, готовый снести полицейскую плотину. И во всякомъ случаѣ, достаточно было еще одного удара по промышленному организму, чтобы

противорѣчіе между промышленнымъ ростомъ страны и ея полицейскимъ строемъ вскрылось окончательно, а промышленники заявили объ этомъ языкомъ, далеко не напоминающимъ привычную просьбу о воспособленіи.

Этотъ ударъ нанесла промышленности война. Вліянію послѣдней на состояніе промышленности, въ связи съ переплетающимся съ нимъ вліяніемъ революціи, будетъ посвящена особая статья въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ настоящаго изданія. Здѣсь достаточно коснуться этого вліянія хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно офиціально засвидѣтельствовано въ докладѣ о росписи на 1905 г. Докладъ отмѣчаетъ, что не смотря на увеличеніе производства въ желѣзной и каменноугольной промышленности, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ желѣзной промышленности замѣтны паденіе продажныхъ цѣнъ и признаки затрудненій въ сбытѣ; во второй половинѣ 1904 г. обнаружилось сокращеніе спроса на уголь въ Домбровскомъ районѣ, благодаря застою въ мануфактурной промышленности Польши. «Чрезвычайныя обстоятельства» не могли, по мнѣнію доклада, не отразиться на мануфактурныхъ производствахъ; наибольшее стѣсненіе испытала мануфактурная промышленность царства Польскаго, отразились затрудненія, хотя и въ меньшей степени, и на Московскомъ мануфактурномъ районѣ. Война внесла также перемѣны въ ходъ ярмарочной торговли; зимнія и весеннія ярмарки окончились неудовлетворительно, особенно вяло шла мануфактура; Нижегородская ярмарка, по словамъ доклада, прошла болѣе благопріятно [1]). Для выясненія сокращенія производства подъ вліяніемъ войны, министерство финансовъ произвело обслѣдованіе промышленныхъ предпріятій съ числомъ рабочихъ свыше 50, при чемъ оказалось, что по количеству рабочаго времени производительность обслѣдованныхъ фабрикъ уменьшилась на 2,5% въ среднемъ, для отдѣльныхъ же отраслей производства значительно больше (обработка хлопка 5,9%, шерсти 15,4%, шелка 25,7%, смѣшанныхъ производствъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ 7,1%, обработка минеральныхъ веществъ 6,8%; для нѣкоторыхъ производствъ производительность увеличилась отъ 4,1 до 9,2%); среднее число рабочихъ осталось безъ измѣненія, что по мнѣнію доклада объясняется тѣмъ, что фабрики, сокращая рабочее время и производство, удерживали рабочихъ. Послѣднее, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно, какъ и вообще, рисуя столь мало утѣшительную картину докладъ умалчиваетъ о числѣ промышленныхъ заведеній, совершенно прекратившихъ производство. Такъ по даннымъ къ іюню 1904 г. въ Московской губерніи закрылось 13 предпріятій съ 1295 раб., сокращено число рабочихъ на 14 предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ 6074, изъ коихъ уволено 1578, кромѣ того въ 4 предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ 10,296 сокращено рабочее время на 1—2 часа. Тоже самое наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ [2]).

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: обороты Нижегородской ярмарки 1904 г. оказались на 20% меньше противъ 1903 г.

[2]) Во Владимірской губерніи закрылась одна фабрика съ 1500 раб., на 6 сокращено число рабочихъ на 13,5%, кромѣ того сокращено рабочее время на одинъ день въ недѣлю, въ Лифляндской губ. закрылось 5 предпр., 1 сократило число раб., а 10 сократили рабочее время. (Русс. Вѣд. 1905 г., № 1).

Эти данныя, конечно, далеко не исчерпываютъ вопроса о вліяніи, оказанномъ войною на промышленность. Но довольствуясь даже этимъ, можно сказать, что ударъ, нанесенный войною истощенной промышленности, былъ достаточно силенъ для того, чтобы общій лозунгъ страны «такъ дальше жить нельзя»— сталъ лозунгомъ, одинаково жгучимъ и для промышленности.

В. А. МУКОСѢЕВЪ.

Торговля и кредитъ.

(ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ РЫНКА И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ).

I.

Внутренняя торговля.

Ростъ и накопленіе торговаго капитала предшествуютъ росту и накопленію промышленнаго. Но торговый капиталъ можетъ интенсивно развить свою дѣятельность, проявить себя въ широкомъ маштабѣ только при наличности опредѣленныхъ условій, къ числу которыхъ относится, прежде всего, развитые пути сообщенія и децентрализація рынка, создаваемые капиталистической промышленностью.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, несмотря на то, что торговый капиталъ былъ достаточно силенъ, внутренняя торговля Россіи въ подавляющемъ большинствѣ носила караванно-ярмарочный характеръ. Это явленіе обусловливалось отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, постройка которыхъ начинается въ 60-хъ годахъ. До этого времени каждый торговый районъ имѣлъ индивидуальную физіономію, свои цѣны, рѣзко отличающіяся отъ цѣнъ сосѣдняго района, свою торговую технику и даже свой торговый кодексъ. Въ торговомъ отношеніи страна распадалась на нѣсколько самостоятельныхъ рынковъ, довлѣющихъ себѣ и живущихъ индивидуально. Одного объединеннаго національнаго рынка, охватывающаго всю торговлю государства, имѣющаго власть надъ совокупнымъ народнымъ обмѣномъ и въ то же время зависимаго отъ мірового рынка,—не было.

Состояніе тогдашнихъ средствъ сообщенія находилось на низкомъ уровнѣ, исключавшемъ широкій торговый размахъ и быстроту въ торговыхъ оборотахъ.

Наши водные пути, при кратковременности навигаціи и неравномѣрности ихъ распредѣленія по пространству, мало давали для усиленной циркуляціи товаровъ. Съ другой стороны, запрещеніе свободнаго пароходства по рѣкамъ имперіи и недопущеніе пароходовъ въ каналы—въ значительной степени затрудняло быстрое передвиженіе товаровъ, тормозило коммерческую дѣятельность каналовъ въ смыслѣ перевозки грузовъ изъ одного бассейна въ другой, принося значительный ущербъ не только внутренней торговлѣ, но и внѣшней. До 1843 г., въ которомъ были отмѣнены вышеупомянутыя стѣсненія для пароходства, послѣднее въ Россіи развивалось весьма медленно. Въ 1848 г., т. е. че-

резъ тридцать лѣтъ послѣ появленія перваго парохода въ Россіи, числилось всего 24 парохода [1])! Спустя 15 лѣтъ (1857), количество пароходовъ увеличилось почти въ 10 разъ, причемъ на долю волжскаго бассейна, имѣющаго 15.021 судоходныхъ верстъ, приходилось только 111 пароходовъ. Въ дальнѣйшемъ пароходство непрерывно развивалось, такъ что къ концу 60-хъ годовъ общее количество всего нашего рѣчного парового флота поднялось до 336.

Тѣмъ не менѣе упомянутые естественные недостатки водныхъ путей чувствовались весьма глубоко и изолированность рынковъ ими не устранялась; шоссейныя дороги, едва достигая 8 тыс. верстъ, не играли у насъ въ то время виднаго значенія, а грунтовыя и подавно. Это положеніе можно аргументировать ссылкой на разнообразіе цѣнъ, являющихся показателемъ необъединенности рынка.

Возьмемъ цѣны на хлѣбъ—этотъ важнѣйшій предметъ нашей торговли—по отдѣльнымъ рынкамъ и сравнимъ ихъ между собою. На этотъ счетъ у Вильсона имѣются нижеслѣдующія данныя [2]):

Мѣстные рынки:	Цѣна четверти ржи.		Мѣстныя цѣны въ % по отношенію къ петербургскимъ.	
	до 1857 г.	въ 1865—67 г. [3])	до 1857 г.	въ 1865—67 г.
			0,63	0,75
С.-Петербургъ	5 р. — к.	6 р. 50 к.	—	—
Рыбинскъ	3 » 15 »	4 » 75 »	0,63	0,75
Бѣлевъ	3 » 25 »	3 » 75 »	0,45	0,46
Мценскъ	2 » 15 »	3 » 55 »	0,33	0,53
Орелъ	2 » 05 »	3 » 40 »	0,41	0,52
Моршанскъ	1 » 90 »	3 » 30 »	0,38	0,51
Елецъ	1 » 75 »	3 » —	0,35	0,47
Козловъ	1 » 70 »	3 » 15 »	0,34	0,48
Саратовъ	1 » 70 »	2 » 40 »	0,34	0,43
Ливны	1 » 64 »	2 » 80 »	0,33	0,43

Эта таблица показываетъ намъ, что къ концу пятидесятыхъ годовъ внутренняя торговля была далеко не организованной и подчинялась мѣстнымъ условіямъ производства и сбыта, что темпъ товарнаго обращенія страны былъ крайне медленнымъ. Такая разобщенность, разъединенность рынковъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ разсматриваемый періодъ не существовало надлежащей обезпеченности торговли путями сообщенія. Напротивъ, къ концу 60-хъ

---

[1]) Статистическій обзоръ жел. дорогъ и внут. водныхъ путей Россіи, 134 Спб. 1900.

[2]) Вильсонъ, объясненіе къ сельско-хозяйственному атласу, 130. Спб. 1869.

[3]) Рѣзкая разница въ цѣнахъ между двумя разсматриваемыми періодами объясняется, во-первыхъ, неурожаями въ 1865 и 1867 г., во-вторыхъ, усиленнымъ отпускомъ хлѣба заграницу (въ 1857 г. вывезено 7,8 милл. четв., а въ 1867 г. уже 15,0 милл. четв,) и въ-третьихъ, низкимъ курсомъ рубля,—наслѣдіе крымской войны,—упавшемъ до 323—337 сантимовъ (въ 1857 г. 400 сантимовъ)

годовъ, когда на арену торговой жизни выступаютъ желѣзныя дороги и пароходы, мы видимъ, что мѣстныя цѣны болѣе приближаются къ петербургскимъ, чѣмъ было 10 лѣтъ тому назадъ: въ 1857 г. козловская цѣна ржи составляла $^1/_3$ петербургской, а 1867 г. она подымается до $^1/_2$. Дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ выходитъ за предѣлы Козлова, въ которомъ цѣна поднялась. Съ проведеніемъ жел. дорогъ въ Козловѣ, не имѣвшемъ ранѣе удобныхъ путей сообщенія, происходитъ цѣлая торговая революція, вліяніе которой распространилось на сосѣдніе уѣзды. Такъ, вслѣдствіе сказаннаго, въ Борисоглѣбскѣ, находящемся въ двухъ стахъ вер. отъ Козлова, цѣна четверти пшеницы подымается съ 1—$1^1/_2$ руб. до 2—$2^1/_2$ руб. [1]). Это стремленіе цѣнъ къ выравненію, къ одному общему уровню начинается съ момента проведенія у насъ желѣзныхъ дорогъ, положившихъ начало децентрализаціи рынка.

Естественно, что при такой бѣдности путей и средствъ сообщенія, какая была въ Россіи въ эпоху 50—60 годовъ, внутренняя торговля отличалась примитивностью формъ и узостью оборотовъ. Съ другой стороны, раздробленность производства, сосредоточеніе промышленности въ немногихъ центрахъ, огромныя территоріальныя пространства, разбросанность и рѣдкость населенія, жалкія перевозочныя средства, недостатокъ капиталовъ, отсутствіе дешеваго коммерческаго кредита, дурныя почтовыя сношенія, все это неизбѣжнымъ образомъ приводило къ тому, что торговля получила правильное развитіе только въ немногихъ пунктахъ, изъ которыхъ главные: Москва, Петербургъ, Рига и Одесса; къ нимъ примыкали другіе, менѣе важные какъ по своему приморскому положенію, такъ и по значенію для внутренняго рынка: къ таковымъ относятся Николаевъ, Бердянскъ, Маріуполь, Таганрогъ и Ростовъ, съ одной стороны, и, съ другой стороны, нѣкоторые города центральнаго, юго-западнаго и волжскаго районовъ. Истиннымъ и главнымъ проводникомъ торговли служили ярмарки, которыя караванами доставляли продукты промышленности изъ центровъ производства въ центры распредѣленія и сбыта. Въ городахъ же, за исключеніемъ перечисленныхъ выше, въ обычное время, т. е. не во время ярмарокъ, торговля была незначительной.

Предметомъ внутренней торговли служили главнымъ образомъ сырые и полуобработанные товары. Эти послѣдніе стекались и собирались къ торговымъ центрамъ и здѣсь распредѣлялись въ зависимости отъ конъюнктуръ рынка; одна часть шла для внутренняго потребленія, другая — въ порты на вывозъ за границу. Центромъ русскаго потребительнаго рынка (для сырья) была Москва; вывозъ сосредоточивался въ портахъ Балтійскаго (44%) и Чернаго (35,7%) морей и отчасти въ пунктахъ нашей западной сухопутной границы (13,5%). Торговля продуктами фабричнаго производства не имѣла рѣшающаго вліянія на совокупную торговлю страны. Всѣ фабричныя и ремесленныя издѣлія, производимыя въ центрахъ, шли на ярмарки, гдѣ они распредѣлялись между различными категоріями скупщиковъ, а черезъ нихъ и между потребителями. Важнѣйшимъ центромъ промышленности была Московская губернія, производство которой достигало 119.182 тыс. руб., или 17%, за ней слѣдовали: Петербургская (90.465

[1]) Военно-статистическій сборникъ, в. с. 587.

тыс. руб., или 13,43%), Владимірская (46.483 тыс. руб., или 7,15%), Тверская (17.741 тыс. руб., или 2,72%), Пермская (30.919 тыс. руб., или 4,75%) и губерніи Царства Польскаго (51.839 тыс. руб., или 7,95%). Въ этихъ районахъ, обнимающихъ по количеству половину всего фабричнаго производства имперіи (50,08%), была сосредоточена почти вся мануфактурная и желѣзодѣлательная промышленность, которая отсюда караванами отправлялась на ярмарки для сбыта. Такимъ образомъ продукты индустріи шли отъ промышленныхъ центровъ къ окружностямъ, а сырье, наоборотъ,—отъ окружностей къ центрамъ.

При очерченныхъ выше условіяхъ, въ которыя была поставлена наша внутренняя торговля, не могло выработаться иной формы торговой организаціи, какъ крупной. Разрозненность рынковъ и отсутствіе сносныхъ путей сообщенія создавали превосходную почву для объединенія торговаго капитала. Преодолѣніе пространственныхъ препятствій, изолированность центровъ потребленія и производства и медлительность оборотовъ исключали веденіе торговаго дѣла съ малыми капиталами, демократизацію торговли, и требовали громадныхъ оборотныхъ средствъ. Этому способствовали крѣпостныя отношенія, послужившія одной изъ причинъ образованія крупнаго торговаго капитала. Напримѣръ, помѣщики, пользуясь своимъ правомъ надъ крестьянами и не желая сбывать хлѣбъ на мѣстѣ по дешевой цѣнѣ, заставляли своихъ крѣпостныхъ доставлять хлѣбъ къ центрамъ, гдѣ цѣна была сравнительно высокой. Отсюда—сосредоточенность сырья въ нѣсколькихъ пунктахъ-распредѣлителяхъ. Покупка же помѣщичьихъ транспортовъ, какъ равно и сбытъ товара, его доставка на мѣста потребленія,—при помощи дурныхъ путей,— были подъ силу только крупнымъ торговымъ организаціямъ. И мы видимъ, что въ наиболѣе важныхъ районахъ вся торговля сырьемъ находилась въ рукахъ отдѣльныхъ солидныхъ фирмъ. То же самое приходится наблюдать и въ торговлѣ фабрикатами промышленности. Транспортное движеніе послѣднихъ изъ центровъ производства къ окружности, организація ярмарочной торговли въ широкомъ масштабѣ, отправки каравановъ становились возможными и могли быть съ успѣхомъ выполнены только при условіи приложенія большихъ затратъ и капиталовъ. Вотъ почему въ 50—60-тые годы въ нашей торговлѣ почти совершенно отсутствуетъ демократическое начало.

Однако, сосредоточенность торговыхъ операцій въ немногихъ рукахъ и своеобразная, некапиталистическая централизація рынковъ не исчерпываютъ собой всей сущности торговли Россіи въ 50—60 годы. Къ сказанному, слѣдуетъ прибавить, что на ряду съ крупнымъ торговымъ капиталомъ, опредѣлявшимъ собою строй торговыхъ отношеній, немаловажную роль игралъ мелкій капиталъ, существованіе котораго обусловливалось тѣми же причинами, что и крупнаго, т. е. экономическими причинами. Раздробленность сельскаго хозяйства въ пространствѣ и сосредоточеніе торговаго и промышленнаго капиталовъ въ немногихъ пунктахъ, переходъ отъ мѣнового хозяйства къ денежному, вызывавшій усиленіе оборотовъ и подымавшій спросъ на деньги, и отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, господство оптовой торговли, имѣвшей крупные количественные обороты, и полное игнорированіе нуждъ потребителя, вслѣдствіе физической невозможности установить съ нимъ непосредственную связь, изучить его вкусы,— всѣ эти аномаліи, столь присущія переходной экономической эпохѣ, породили не

менѣе аномальныя формы торговой дѣятельности, а именно: кулачество, прасольство.

Прасольство не имѣло индивидуальности, измѣнялось по мѣстности, характеру дѣятельности и распадалось на многіе разряды и виды. Но прасольство, какъ экономическая категорія, имѣло опредѣленныя хозяйственныя функціи и обладало единствомъ цѣлей и средствъ. Опираясь на экономическую необезпеченность крестьянина и его оторванность отъ рынка, прасолъ занимался мелочной скупкой сырья по деревнямъ, сбывая въ обмѣнъ на сырье продукты промышленности; онъ также иногда выступалъ въ роли банкира. Такимъ образомъ, по отношенію къ деревнѣ прасолъ совмѣщалъ въ себѣ рынокъ и банкъ. Конечно, его кліентами была наиболѣе нуждающаяся часть населенія, безбожно эксплоатировать которую было главнѣйшей задачей прасоловъ всѣхъ ранговъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что общій оборотъ прасольскаго капитала былъ великъ, что посредничество между купцомъ-оптовикомъ и мелкимъ производителемъ сырья и столь же мелкимъ потребителемъ фабрикатовъ практиковалось въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ, характеристика участія мелкаго капитала въ торговлѣ была бы не полной, если бы мы не упомянули о такъ называемыхъ офеняхъ, дѣятельность которыхъ заключалась въ *сбытѣ* мануфактурныхъ товаровъ, посредствомъ разносной и развозной ихъ доставки на мѣста потребленія, въ большинствѣ случаевъ отдаленныя отъ промышленныхъ центровъ. Предметомъ офенской торговли была преимущественно мануфактура; подсобную роль играли иконы, тесемки, ленты, зеркальца и, такъ называемые, «сидоровскіе товары», вродѣ блестящихъ бездѣлушекъ, «серегъ-полекъ», «колецъ-змѣекъ» и проч. Годовые обороты офенской торговли выражались солидной суммой около 6 мил. руб.; число лицъ, занятыхъ этой торговлей, простиралось до 5 т. чел. Разновидность офеней представляли костромскіе ходебщики и коробейники, которые, впрочемъ, уступали своимъ владимировскимъ собратьямъ по пронырству и предпріимчивости; къ ходебщикамъ можно отнести южныхъ слобожанъ, занимавшихся наравнѣ съ первыми разноской мануфактуры по селеніямъ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ внутренней торговли въ 50—60-е годы, остановимся на ярмаркахъ. Какъ было уже замѣчено выше, ярмарки являлись тѣмъ звеномъ, которое связывало элементы торговаго капитала съ промышленнымъ и производителя съ потребителемъ. Существовавшая обычно въ тѣхъ или иныхъ формахъ разобщенность спроса съ предложеніемъ, купца съ промышленникомъ, продавца съ покупателемъ путемъ періодическихъ съѣздовъ въ опредѣленномъ мѣстѣ,—ярмарокъ, — временно устранялась [1]). На ярмаркахъ производилось распредѣленіе товаровъ внутренняго потребленія между торговцами, начиная отъ гуртовщика и кончая мелкимъ лавочникомъ. Всѣ операціи по оптовой торговлѣ совершались исключительно на ярмаркахъ, какъ равно и всѣ разсчеты. Съ другой стороны, вслѣдствіе слабаго развитія путей сообщенія и небольшой густоты населенія, ярмарки играли значительную роль въ снабженіи

[1]) Ярмарки возникали либо въ пунктахъ, удобныхъ въ географическомъ отношеніи, на перекресткѣ важнѣйшихъ торговыхъ путей. либо въ селеніяхъ, гдѣ особенно чтились извѣстные церковные праздники, собиравшіе массы крестьянскаго населенія.

населенія предметами первой необходимости. Такъ, въ 50—60-хъ годахъ существовала масса мелочныхъ ярмарокъ, помимо оптовыхъ, — замѣняя собой постоянную лавочную торговлю. Въ районахъ кустарнаго производства ярмарки служили мѣстомъ сбыта продуктовъ кустарей; нѣкоторыя ярмарки носили базарный характеръ, ибо на нихъ продавалось положительно все, начиная отъ предметовъ мануфактуры и кончая предметами мѣстнаго земледѣльческаго производства, вродѣ хлѣба, льна, соломы и т. д., Цѣны на ярмаркахъ стояли выше мѣстныхъ и колебались чрезвычайно. Такъ какъ накладные расходы исчислялись огуломъ, за весь ярмарочный годъ, то цѣны на товаръ были одинаковы и въ Нижнемъ, и въ Харьковѣ, и въ Ирбитѣ. Но достаточно было какого нибудъ внѣшняго повода, напр., распутицы, задерживавшей товаръ къ сроку на ярмарку, и цѣна сразу подымалась на страшную высоту; наоборотъ, товаръ обезцѣнивался, когда, благодаря той же распутицѣ, на ярмаркѣ отсутствовало нѣсколько наиболѣе видныхъ покупателей. Такимъ образомъ, ярмарки не могли устранить всѣхъ дефектовъ нашей внутренней торговли, порождаемыхъ неудовлетворительнымъ состояніемъ путей сообщеній, и сами глубоко страдали отъ этихъ дефектовъ.

Общее количество ярмарокъ было въ 1863 г. около 5.900; въ 1868 году цифра эта поднялась до 6.500. За указанный періодъ новыя ярмарки возникали исключительно въ селахъ (въ 1863 г. 4.771 ярмарокъ); число городскихъ ярмарокъ осталось почти безъ измѣненія (въ 1863—1.127, въ 1868—1.159). Крупныхъ ярмарокъ было немного: по цѣнности привоза свыше 1 мил. рублей 35 ярмарокъ, свыше 500 тыс. р.—27 и свыше 100 тыс. р.—182. Главнѣйшей ярмаркой, какъ и въ настоящее время, была нижегородская, обороты которой достигали колоссальной цифры—125 мил. руб. [1]); за ней слѣдовали ирбитская—38 мил. руб. [1]), ильинская—полтавская—20 и крещенская—харьковская—11; далѣе шли 8 ярмарокъ, имѣвшихъ оборота около 5 мил. руб. (успенская и покровская въ Харьковѣ, новохоперская, урюпинская на Дону, елисаветградская, симбирская—сборная, кролевецкая, крестовоздвиженская и курская—коренная); затѣмъ семь ярмарокъ съ оборотами въ 3 мил. руб. (маслянная въ пермской губ., мензелинская, сумская, харьковская, троицкая, двѣ въ Ромнахъ и одна въ Ростовѣ н/Д.); и, наконецъ, еще 14 ярмарокъ, обороты которыхъ стояли выше 1 мил. руб. Изъ сказаннаго относительно крупныхъ ярмарокъ можно вывести нижеслѣдующее заключеніе: всѣ крупныя ярмарки, за исключеніемъ нижегород-

---

[1]) Привозъ товаровъ на нижегородскую и ирбитскую ярмарки въ среднемъ въ годъ на сумму рублей серебромъ:

Нижегородская ярмарка:

1817—1826	гг. . .	32 мил. руб.
1827—1836	„ . . .	53 „ „
1837—1846	„ . . .	48 „ „
1847—1856	„ . . .	60 „ „
1857—1866	„ . . .	104 „ „
1867	„ . . .	126 „ „
1868	„ . . .	127 „ „
1869	„ . . .	144 „ „
1870	„ . . .	143 „ „

Ирбитская ярмарка:

1840—1850	г.г. . . .	20 мил. руб.
1850—1860	„ . . .	32 „ „
1860—1870	„ . . .	41 „ „

(Эти цифры вычислены по даннымъ „Статист. временниковъ“, „Воен.-статист. сборника“.

ской, являвшейся какъ бы центромъ нашей внутренней торговли, распадались на двѣ группы—*уральскую* (Ирбитъ, Мензелинскъ, Пермь), ведшую обмѣнъ русскихъ и европейскихъ товаровъ на сибирскіе и азіатскіе, и *малороссійскую* (Полтава, Харьковъ, Ромна и т. д.), гдѣ мануфактура центральнаго раіона и металлургія сѣверо-восточнаго находили себѣ сбытъ, обмѣниваясь на сырые продукты черноземной и степной полосы. Такимъ образомъ, въ географическомъ отношеніи ярмарочная оптовая торговля обладала извѣстной закономѣрностью: мануфактурные товары, производимые въ московской промышленной области и отчасти на сѣверо-западной ея границѣ (озерная область), двигались по двумъ направленіямъ: во первыхъ, на сѣверо-востокъ и, во вторыхъ, на югъ и юго-востокъ; съ сѣверо-востока же, по направленію двухъ послѣднихъ районовъ (юга и юго-востока) и промышленныхъ центровъ, въ свою очередь, шло желѣзо и сибирско-азіатскіе товары (напр. мѣха и чай); югъ и юго-востокъ, вслѣдствіе неразвитости здѣсь фабрично-заводскаго производства, не проявляли большой активности и за привозные товары платили сырьемъ, которое распредѣлялось между другими районами, активно участвующими въ оптовой ярмарочной торговлѣ. Въ отдѣльности каждый районъ имѣлъ свой центръ: для промышленной области таковымъ являлась Москва, для сѣверо-востока — Пермь и Ирбитъ, для юго-востока—Новохоперскъ и Урюпинская, для юга—Харьковъ и Полтава. Надъ всѣми этими районами и городами царилъ Нижній Новгородъ, который, благодаря своему счастливому географическому положенію, занималъ—и теперь занимаетъ—первое мѣсто въ ряду остальныхъ русскихъ ярмарокъ, оказывая глубокое вліяніе на внутреннюю торговлю страны [1]).

Главнымъ предметомъ ярмарочнаго торга была мануфактура и другіе предметы фабрично-заводскаго производства какъ-то: желѣзо, галантерея, фарфоръ и стекло, москательные товары и проч.; сырые и животные продукты существенной роли не играли; крупные обороты были съ азіатскими товарами (чай, хлопокъ и различные товары китайскаго производства). Общій темпъ ярмарочныхъ оборотовъ, какъ равно и ярмарочныя развязки,—зависили отъ урожая текущаго года, опредѣлявшаго сбытъ мануфактуры и другихъ важнѣйшихъ товаровъ промышленности. Особенное значеніе видамъ на урожай придавала Нижегородская ярмарка, открытіе которой (съ 15 іюля) совпадаетъ со временемъ, когда состояніе посѣвовъ можетъ быть въ достаточной степени выяснено. Напротивъ, опредѣляющимъ моментомъ ирбитской ярмарки служили коммерческія отношенія Китая и Средней Азіи къ Россіи: если внутри этихъ странъ было спокойно и если ихъ коммерческая связь съ Россіей ничѣмъ не

[1]) У Нижняго Ока впадаетъ въ Волгу. Это связываетъ промышленныя губерніи центральной Россіи, съ одной стороны, съ Балтійскимъ моремъ и Зап. Европой и, съ другой стороны, съ центральной Азіей. Далѣе, — недалеко отъ Нижняго впадаетъ въ Волгу Кама, что устанавливаетъ связь Нижняго съ сѣверомъ и сѣверо-Востокомъ, съ Ураломъ и Сибирью. Такимъ образомъ, у Нижняго скрещиваются нѣсколько наиболѣе важныхъ въ торговомъ отношеніи бассейновъ, —почему Нижній и является сосредоточіемъ внутренней торговли Россіи въ эпоху, когда у насъ желѣзныя дороги либо совсѣмъ отсутствовали, либо не получили еще должнаго развитія,—находились въ эмбріональномъ состояніи.

нарушалась, то ярмарка проходила безъ особенныхъ замѣшательствъ и паникъ. Кромѣ указанныхъ причинъ, на ходъ ярмарочной торговли большое вліяніе оказывалъ курсъ бумажнаго рубля, колебанія котораго были весьма рѣзки. Привозъ иностранныхъ товаровъ часто парализовался разстройствомъ нашей денежной системы. Цѣны на хлопокъ и индиго, которые мануфактурная промышленность получала изъ заграницы, постоянно колебались въ зависимости отъ колебаній рубля, что крайне тягостно отражалось какъ на производствѣ мануфактуры, такъ и на торговыхъ отношеніяхъ съ заграницей.

Со времени освобожденія крестьянъ и постепеннаго развитія желѣзнодорожной сѣти ярмарочная торговля обнаруживаетъ тенденцію къ увеличенію оборотовъ. Какъ уже было замѣчено выше, количество ярмарокъ возросло съ 5.900 въ 1863 г. до 6.500 въ 1868 г., т. е. каждый годъ открывалось около 100 новыхъ ярмарокъ. Но такъ какъ за этотъ періодъ возрасли исключительно мелкія сельскія ярмарки, то можно вывести заключеніе, что въ 60—70-хъ годахъ существовала несомнѣнная нужда въ торговыхъ пунктахъ—распредѣлителяхъ и что товарное движеніе, облегчая доставку товаровъ на мѣста потребленія, подняло спросъ на товары промышленности, повысило емкость внутренняго рынка. Внѣшнимъ показателемъ этого является увеличеніе привоза и сбыта товаровъ на ярмаркахъ: въ 1863 г. на всѣ ярмарки было привезено товаровъ на 360 милл. руб., а въ 1868 г. привозъ поднялся до 460 милл. руб., или болѣе на 100 милл. руб., въ 1863 г. общая цѣнность всѣхъ проданныхъ товаровъ опредѣлялась въ 242 милл. руб., къ 1868 г. она возрастаетъ до 305 милл. руб., или на 63 милл. руб. Однако, коренные недостатки ярмарочной торговли, несмотря на ея ростъ, оставались во всей своей силѣ: въ 1863 г. всего продано на 242 милл. руб., а въ 1868 г.—на 305 милл. руб., т. е. процентное отношеніе привоза къ сбыту не измѣнилось и составляло около $^2/_3$ какъ 1863 г., такъ и 1868 г. [1]).

Здѣсь было бы удобно указать на ростъ торговаго сословія, но имѣющіяся данныя не могутъ претендовать ни на полноту, ни на достовѣрность. Напримѣръ, въ 1867 г., всѣхъ купеческихъ свидѣтельствъ (I и II гильдіи) было выдано около 68 тыс., торговыхъ билетовъ значилось 99.224, а свидѣтельствъ на различные виды мелкаго торга—424.950, т. е. на каждую тысячу душъ населенія приходилось: купцовъ 1, торговыхъ заведеній (по билетамъ) $1^1/_2$ и мелкихъ торговцевъ 7. Разумѣется, такія скромныя цифры не могутъ характеризовать нашей внутренней торговли и, какъ показатель ея,—не имѣютъ серьезнаго значенія уже по одному тому, что населеніе городовъ въ разсматриваемый періодъ времени сильно возросло и составляло 8.157 тыс. челов. (въ 1851 г. только 3.482 тыс. челов.) или 10,6% (въ 1851 г. 7,8%) общаго числа жителей Россіи [2]).

Бросая общій взглядъ на состояніе внутренней торговли Россіи въ 50—60-хъ годахъ, мы видимъ, что вслѣдствіе неразвитости путей сообщенія, перехода отъ натуральныхъ формъ обмѣна къ денежнымъ, господства крупнаго помѣщичьяго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, опирающагося на крѣ-

[1]) Воен.-стат. сбор., I. с. 644.

[2]) *В. Покровскій*, Населеніе. «Россія въ концѣ XIX в.» СПБ. 1900, стр. 60.

постное начало,—создается необычная централизованность нашего внутренняго рынка: страна разбивалась на нѣсколько торговыхъ районовъ съ собственнымъ торговымъ центромъ, имѣющимъ слабую связь съ другими такими же центрами, связь, которую однако крѣпостной трудъ, являясь какъ-бы орудіемъ сношенія съ рынкомъ, позволялъ помѣщикамъ использовать въ широкихъ размѣрахъ и, не стѣсняясь разстояніемъ, направлять продукты своего хозяйства въ главные пункты потребленія и обмѣна. Эта своеобразная централизація рынка создала крупный торговый капиталъ, производившій многомилліонныя операціи по закупкѣ и сбыту сырья, вслѣдствіе чего въ подавляющемъ большинствѣ вся наша внутренняя торговля находилась въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ. Но тѣ же условія, которыя создали крупныя торговыя организаціи, породили маклерство, въ своей дѣятельности опиравшееся на оторванность населенія отъ рынка, значеніе котораго, въ особенности для крестьянъ, подымалось съ каждымъ днемъ. Торговля предметами промышленнаго и фабрично-заводскаго производства имѣла много аналогичнаго съ торговлей сырьемъ: господство крупнаго капитала и сравнительно незначительное участіе въ ней мелкаго (офени); сбытъ означенныхъ предметовъ происходилъ, главнымъ образомъ, на ярмаркахъ, такъ какъ тогдашнее состояніе путей сообщенія исключало возможность непосредственнаго общенія производителя съ потребителемъ.

Къ концу разсматриваемаго періода, совпадающаго съ первыми экономическими результатами реформы 1861 г. и съ постройкой первыхъ желѣзнодорожныхъ линій, замѣчается рядъ симптоматическихъ явленій, глубокое значеніе которыхъ для торговли могло раскрыться, стать понятнымъ только въ позднѣйшую эпоху. Мы разумѣемъ здѣсь увеличеніе населенія въ городахъ, выравненіе цѣнъ, объединеніе національнаго рынка, ростъ ярмарокъ и увеличеніе ярмарочныхъ оборотовъ, поднимавшихся съ 1861 г. чрезвычайно сильно, а также и колоссальное увеличеніе отпускной торговли. Эти факты были чреваты послѣдствіями, и хотя ихъ значеніе—въ торговлѣ конца 60-хъ годовъ—не поддается надлежащей оцѣнкѣ, но все же ясно, что появленіе ихъ знаменуетъ начало новой эры въ русской торговлѣ.

Реформа 1861 г. съ одной стороны, и желѣзнодорожное строительство,—съ другой, оказали на внутреннюю торговлю глубокое и революціонизующее вліяніе. Подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ кореннымъ образомъ измѣняется весь строй торговыхъ отношеній Россіи и создается новая торговая техника,—по своей природѣ и задачамъ обращенная къ организаціи рынка и распредѣленія, къ созданію усовершенствованныхъ аппаратовъ товарнаго обмѣна, съ крикливостью ихъ рекламы, назойливостью комивояжеровъ, отчаянной погоней за сбытомъ, не останавливающейся ни передъ чѣмъ, чтобы стимулировать спросъ. Коротко говоря, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ факторовъ у насъ появляется капиталистическая организація сбыта, *рынокъ*, въ который, какъ въ узловую линію, вплетаются всѣ вопросы экономической и политической современности.

Какъ извѣстно, освобожденіе крестьянъ сопровождалось весьма значительною урѣзкою крестьянскаго землепользованія, уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ.

Съ другой стороны, параллельно этому, вызванному реформой 1861 г., сокращенію крестьянскихъ запашекъ въ сильной степени увеличиваются всевозможные платежи и повинности въ денежной формѣ.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, крестьянинъ вынуждался какъ къ увеличенію запашекъ, производства, такъ и къ немедленной реализаціи продуктовъ своего хозяйства. Тяжелое бремя платежей и налоговъ, при недостаточности земельнаго надѣла, толкало крестьянское производство во власть рынка. Силою вещей крестьянинъ былъ поставленъ въ невыносимыя условія существованія: прилагая героическія усилія для обработки надѣла, онъ стремился получить возможно больше продуктовъ земледѣлія, дабы, продавъ ихъ, выручить извѣстную сумму денегъ, необходимую для уплаты повинностей. Принужденный такимъ образомъ, къ *срочному* отчужденію на рынокъ продуктовъ своего хозяйства, крестьянинъ не могъ разумно использовать сложившіяся рыночныя конъюнктуры и реализовалъ урожай на мѣстахъ, въ большинствѣ случаевъ находившихся въ дали отъ видныхъ торговыхъ пунктовъ, гдѣ работалъ крупный торговый капиталъ и цѣны стояли значительно выше мѣстныхъ. Отсюда—перенесеніе центра тяжести торговли хлѣбомъ и сырьемъ вообще,—изъ немногихъ торговыхъ пунктовъ въ мѣста производства, въ мелкіе города и селенія.

Этотъ фактъ эволюціи нашей торговли подкрѣпляется еще и тѣмъ аргументомъ, что съ отмѣной крѣпостного права помѣщичье крупное хозяйство сокращаетъ запашки, уменьшаетъ производство и теряетъ свое доминирующее значеніе на хлѣбномъ рынкѣ.

Послѣ 1861 г. замѣчается сильный ростъ хлѣботорговыхъ оборотовъ и заграничнаго экспорта, какъ слѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ: вынужденная продажа хлѣба крестьянами-производителями въ связи съ переходомъ многихъ натуральныхъ повинностей и отношеній въ денежныя и паденіе экономическаго вліянія помѣщичьяго производства на хлѣбный рынокъ. [1]).

Могучимъ стимуломъ къ объединенію рынка явились желѣзныя дороги. Новыя комбинаціи торговыхъ отношеній, возникшія на почвѣ реформы 1861 г съ устройствомъ ж. д. сѣти получаютъ свое законченное выраженіе.

---

[1]) Нижеслѣдующія цифры показываютъ, по трехлѣтнимъ періодамъ, вывозъ хлѣба и товаровъ съ 1859 по 1876 гг.:

Годы.	Вывозъ хлѣба (четвертей).	Вывозъ вообще по европейской границѣ (въ тыс. рубл.).	Примѣчаніе.
1859	9.637.322	149.395	Пониженіе вывоза хлѣба въ 1860—62 гг. и стаціонарность въ 1863—65 гг. объясняется неурожаями 1859 и 1865 гг.
1860—1862 . . .	8.859.534	161.671	
1863—1865 . . .	8·708.026	161.351	
1866—1868 . .	13.153.675	203.391	
1869—1871 . . .	18.154.322	314.235	
1872—1874 . . .	21.080.385	356.207	
1875	22.387.617	360.601	
1876	25.238.265	379.257	

Цифры взяты у *Бліоха*, Финансы Россіи XIX столѣтія, т. II, 205, Спб. 1882 г.

Первыя жел. дороги товарнаго значенія открыты въ 60-хъ годахъ. Въ основу плана этихъ дорогъ были положены существовавшія направленія грузовъ, т. е. необходимой предпосылкой примѣненія желѣзнодорожнаго транспорта служила проекція тщательно выработаннаго плана хлѣбныхъ перевозокъ, неизмѣнно направлявшихся въ опредѣленные пункты, а именно—приморскіе города и центры потребленія [1]). Такимъ образомъ, непосредственная задача ж. д. строительства сводилась, во-первыхъ, къ созданію наиболѣе усовершенствованныхъ способовъ передвиженія товаровъ и ихъ скорой доставки на рынокъ, во-вторыхъ, къ вовлеченію сельскохозяйственныхъ районовъ въ товарный оборотъ. И мы видимъ, что направленіе желѣзнодорожныхъ магистралей преслѣдуетъ именно эти цѣли. Послѣ соединенія трехъ главнѣйшихъ центровъ Россіи—Петербурга, Москвы и Варшавы—проводится цѣлая сѣть линій для обслуживанія Европейской Россіи въ предѣлахъ западно-европейской сухопотной границы, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей, Кавказскаго хребта (у Владикавказа) и Волги, связавшія эту часть имперіи, во первыхъ, съ Балтійскимъ моремъ (у С.-Петербурга, Ревеля, Балтійскаго порта, Риги и Либавы), во вторыхъ, съ желѣзными дорогами Западной Европы (въ Вержболовѣ, Граевѣ, Млавѣ, Александровѣ, Сосновицахъ, Радзивиловѣ, Волочискѣ, Унгенахъ и Рени), въ третьихъ, съ Чернымъ и Азовскимъ морями (у Одессы, Николаева, Севастополя, Таганрога и Ростова) и, въ четвертыхъ, съ Волгою (въ Царицынѣ, Саратовѣ, Батракахъ, Нижнемъ, Кинешмѣ, Ярославлѣ и Рыбинскѣ); кромѣ этого, открываются участки дорогъ за Волгою (Батраки-Оренбургъ и Ярославль-Вологда), въ Закавказьи (Поти-Тифлисъ) и на Уралѣ (Пермь-Екатеринбургъ-Березняки) [2]). Окончательное завершеніе постройки всѣхъ этихъ дорогъ падаетъ на 1880 г. и $^{9}/_{10}$ ихъ «были земледѣльческими, такими, которыя питали лишь внутренній рынокъ и сами питались исключительно продуктами черноземныхъ районовъ» [3])

Выше мы видѣли, что къ моменту открытія жел. дорогъ крестьянинъ и помѣщикъ, наталкиваясь на оторванность отъ центровъ, вынуждались къ продажѣ продуктовъ по мѣстнымъ низкимъ цѣнамъ, — первый изъ-за за нужды, второй же, вслѣдствіе паденія крѣпостнаго права. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, выравнивая цѣны, устранило эти препятствія. Усиленный сбытъ хлѣбовъ естественно оттягивался отъ мѣстъ производства, избавивъ производи-

---

[1]) Въ 1856 г., когда подъ предсѣдательствомъ Александра II состоялось рѣшеніе Комитета министровъ о постройкѣ первой сѣти ж. д. въ Россіи (глав. обществомъ), былъ изданъ высоч. указъ, въ которомъ говорилось, что направленіе линій д. б. „Отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, отъ Москвы черезъ Курскъ и низовья Днѣпра до Феодосіи, и отъ Курска и Орла черезъ Динабургъ до Либавы, т. е. непрерывнымъ черезъ 26 губер., путемъ соединятся взаимно: три столицы, главныя судоходныя рѣки наши, сосредоточіе хлѣбныхъ нашихъ избытковъ и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные; облегчится симъ образомъ вывозъ заграничный, обезпечится привозъ и продовольствіе внутреннее". См. *Стат. Обзоръ*, l. c. 5, *Куломзинъ*, наша желѣзнодорожная политика etc. I, 37, 1902 СПБ., *Лященко*, Очерки аграрной эволюціи, Спб. 1908, 238. Россіи,

[2]) Статистическій обзоръ ж. д-гъ и внутр. водяныхъ путей Россіи, l. c.

[3]) *Лященко*, l. c. 240.

телей отъ погони за рынкомъ. А такъ какъ желѣзныя дороги проходили отъ портовъ, черезъ земледѣльческіе районы и промышленные центры, къ портамъ другого моря, то создавалось русло, по которому, стекаясь съ прилегающихъ районовъ, двигались хлѣба изъ земледѣльческихъ районовъ въ порта (или въ пункты сухопутной границы), задерживаясь въ промышленныхъ районахъ, насколько это необходимо для внутренняго потребленія; и, наоборотъ, изъ портовъ и пунктовъ сухопутной границы шли товары промышленности въ центры, гдѣ распредѣлялись и соединялись съ товарами туземнаго производства и откуда радіусами расходились въ стороны земледѣльческихъ районовъ [1]). Такимъ образомъ хлѣбные грузы стягивались къ портамъ, а грузы промышленные—концентрировались въ промышленныхъ же пунктахъ, а затѣмъ двигались по направленію къ окружностямъ. Однако, тотъ фактъ, что крестьяне лихорадочно стремились къ продажѣ хлѣба, подавляющая масса ж. д. перевозокъ состояла исключительно изъ хлѣбныхъ грузовъ. Такъ, на тамбово-козловской ж. д. хлѣбные грузы составляли до 73,1% всей массы грузовъ, на рыбинско-вологодской 57,6%, на орлово-грязской 83,6, на рязанско-моршанской 88,9 [2])». Эти цифры самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, какъ велики были хлѣбныя перевозки и какъ крестьянскій хлѣбъ уплывалъ изъ деревень на рынокъ.

Коренныя измѣненія въ области сбыта сырыхъ продуктовъ, послѣдовавшія съ момента проведенія желѣзныхъ дорогъ, преобразовали также и торговый капиталъ. Централизація рынка, покоившаяся на помѣщичьемъ крупномъ производствѣ и крѣпостномъ трудѣ, создала крупный торговый капиталъ. Освобожденіе крестьянъ, при одновременномъ сокращеніи надѣловъ и усиленіи податной тяготы, двинуло массы крестьянскаго хлѣба на мѣстные рынки, гдѣ продуктъ не могъ быть надлежаще реализованъ, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ и отсутствія солидныхъ торговыхъ организацій. Желѣзныя дороги децентрализуютъ рынокъ, связываютъ мѣстные рынки съ центрами и для крестьянъ создается возможность продавать хлѣбъ у себя дома. Мелкія крестьянскія запродажи вмѣстѣ съ децентрализаціей рынка, вызываютъ паденіе крупнаго торговаго капитала, порожденнаго крупнымъ производствомъ, и создаютъ господство мелкаго торговаго капитала, демократизацію торговли. Вмѣсто московскихъ и коломенскихъ первостатейныхъ купцовъ, одѣтыхъ въ длиннополые сюртуки и смазные сапоги, этихъ былыхъ королей русскаго сырьевого рынка,—господствующее положеніе занимаютъ юркіе, оборотливые комиссіонеры, въ костюмахъ европейцевъ, съ небольшими капиталами и аппетитами акулъ. Всѣ закупки сосредоточиваются на мѣстахъ и производятся по мелочамъ, затѣмъ небольшими партіями, повагонно отправляются по желѣзной дорогѣ. Вновь испеченное комиссіонерство оживляетъ торговлю въ земледѣльческихъ районахъ и, по своему перекраивая экономическую карту Россіи, объявляетъ войну «лабазникамъ». Дальнѣйшій ростъ желѣзнодорожной сѣти и прогрессирующее разстройство нашего сельскаго хозяйства усиливая ряды комиссіонеровъ, приводитъ къ паденію крупнаго торговаго капитала и

[1]) Таковы, напримѣръ, магистрали: Рига-Царицынъ, соединяющаяся у Орла и Смоленска съ Москвой, а у Двинска съ Петербургомъ; Севастополь-Москва-Петербургъ, соединяющія порты двухъ морей съ главнѣйшими промышленными и земледѣльческими районами.

[2]) *Лященко*, l. c., 244.

къ торжеству демократическихъ началъ на хлѣбномъ и сырьевомъ рынкахъ Россіи [1]).

Такимъ образомъ у насъ совершилась эволюція торговаго капитала. Мелкій капиталъ, опираясь на современныя средства сообщенія и кредитъ, является какъ бы антитезой крупнаго, несумѣвшаго приспособиться къ новымъ условіямъ рынка и обмѣна[2]).

Прослѣживая дальнѣйшія тенденціи въ развитіи сельскохозяйственнаго рынка, мы видимъ, что, вслѣдствіе очерченныхъ выше измѣненій въ структурѣ сельскохозяйственнаго производства и обмѣна, подымаются цѣны на хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимается отпускная торговля.

Такъ, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, благодаря необъединенности рынка, четверть ржи стоила 2 р. 50 к.—3 р., а къ концу 70-хъ годовъ она подымается до 3 р. 50 к. — 4 р. 75 к. Сравнивая цѣны на рожь въ 1859 г. съ цѣнами конца 70-хъ гг., получимъ слѣдующую табличку [3]).

	Цѣна четверти ржи (въ рубляхъ).		% увеличенія.
	1 періодъ.	2 періодъ.	
С.-Петербургъ	5,00	6,50	30
Рыбинскъ	3,15	4,75	50
Мценскъ	2,15	3,55	65
Орелъ	2,05	3,40	66
Моршанскъ	1,90	3,30	73
Елецъ	1,75	3,00	71
Козловъ	1,70	3,15	85
Саратовъ	1,70	3,40	100

Разсматривая эту табличку, мы видимъ, что цѣны подымаются особенно сильно въ мѣстахъ производства хлѣба. Желѣзныя дороги, вовлекая въ торговый оборотъ районы черноземной полосы, стимулировали спросъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ портовъ. Поэтому, цѣны на продуктъ получили гораздо большее приращеніе въ Саратовѣ и Козловѣ, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Другими словами, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ ранѣе существовавшая изолированность нашего сельскохозяйственнаго рынка падаетъ, и онъ втягивается въ кругъ товарнаго обращенія [4]).

Послѣдующее желѣзнодорожное строительство, связываясь съ соображеніями фискально-политическаго свойства, искусственно способствовало интенсификаціи хлѣбныхъ перевозокъ къ портамъ, такъ что сельскохозяйственный рынокъ служилъ какъ бы орудіемъ международной и финансовой политики правительства. Это достигалось введеніемъ дифференціальныхъ тарифовъ. Послѣ выкупа желѣзныхъ дорогъ все тарифное дѣло перешло въ руки центральной власти, которая этимъ сразу пріобрѣла громаднѣйшее вліяніе на сельскохозяйственный рынокъ.

[1]) Процессъ демократизаціи нашей хлѣбной торговли и вытекающія отсюда послѣдствія для с.-х. производства. Превосходно описаны у *Лященко*. См. цит. сочиненіе.

[2]) Аналогичныя явленія происходили въ свое время въ Венеціи и Генуѣ, а въ 40—50-хъ годахъ въ Англіи. О демократизаціи англійской торговли см *Bagehot*, Lombard-Street a description of the money market, London, 4 Ed. 1874 pp.2—4.

[3]) *Лященко*, l. c., 255.

[4]) О ростѣ отпускной торговли хлѣбомъ см. выше, въ сноскѣ.

Понижая или повышая тарифныя ставки, правительство могло или форсировать вывозъ или убить его, введеніемъ или отмѣной дифференціальнаго тарифа, оно въ любой моментъ имѣло возможность поставить въ зависимость отъ себя цѣлыя земледѣльческіе районы, создать новую экономическую карту Россіи или, въ крайнемъ случаѣ, перекроить и видоизмѣнить ее. Такимъ образомъ правительство получило возможность чрезвычайно сильно вліять какъ на сельское хозяйство, такъ и на сельскохозяйственный рынокъ.

Громадныя количества крестьянскаго хлѣба, поступавшаго на рынокъ и широкое распространеніе желѣзныхъ дорогъ на окраины усложнили отношенія сельскохозяйственныхъ районовъ между собою: хлѣбъ приволжскихъ и восточныхъ губерній — высокій по качеству и дешевый по цѣнѣ, — идя по тому же направленію, что и хлѣбъ центра, а именно — на Ригу и Петербургъ, вызвалъ конкуренцію хлѣбороднаго востока съ центромъ. Тогда строится рядъ линій, долженствующихъ отвлечь восточный хлѣбъ отъ упомянутыхъ портовъ, съ одной стороны, на Либаву и Виндаву и съ другой стороны, на Ростовъ н/Д. и Одессу, при чемъ для восточнаго хлѣба на этихъ линіяхъ устанавливаются такъ называемые «тарифные бугры» (Short haul principle), уравновѣшивающіе конкуренцію востока съ центромъ [1]). Путемъ такихъ мѣропріятій создавалась возможность дать выходъ восточному хлѣбу на рынокъ и интесифицировать желѣзнодорожныя перевозки къ портамъ. Когда, послѣ тарифной вакханаліи, имѣвшей мѣсто въ концѣ 70 и въ началѣ 80 годахъ, правительство подчиняетъ своему вѣдѣнію желѣзнодорожные тарифы, то желѣзнодорожная политика принимаетъ новыя формы, питаясь соками фискально-политическаго характера. Подъ вліяніемъ низкаго курса рубля, сильной металлической задолженности заграницѣ и предстоящей валютной реформы правительство, въ лицѣ министра финансовъ Вышнеградскаго, устанавливаетъ для перевозки хлѣбныхъ грузовъ къ портамъ пониженныя пудоверстныя ставки, eo ipso создавая прямую премію на вывозъ хлѣба заграницу [2]). «Хлѣба восточныхъ окраинъ, — говоритъ г. Шванебахъ,— дифференціальными тарифами были мобилизированы для вывоза, а въ среднечерноземной области комиссіонеры иностранныхъ фирмъ успѣшно могли конкурировать съ русскими хлѣбниками и все болѣе оттѣснять послѣднихъ отъ собственнаго рынка». Такимъ образомъ интересы государственнаго кредита и разсчетнаго баланса накладывали на физіономію нашего сырьевого сельскохозяйственнаго рынка особый отпечатокъ.

Эффектъ дифференціальныхъ тарифовъ увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство, желая стимулировать вывозъ, принимало строгія мѣры по отношенію къ крестьянамъ-недоимщикамъ: «вывозъ хлѣба косвенно поощрялся *усердным*ъ взыскиваніемъ податей, вынуждавшихъ крестьянъ къ спѣшной и несвоевременной продажѣ мелкихъ хлѣбныхъ запасовъ по цѣнѣ, какую дадутъ» [3]).

---

[1]) См. *Чупровъ* и *Мусницкій*. Упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, Спб. 1890, 15—18, а также *Озеровъ*. Основы финансовой науки, т. I, Москва. 1908, стр. 122. *Лященко*, l. c.

[2]) *П. Х. Шванебахъ*. Денежное преобразованіе и народное хозяйство. Спб. 1901, 20—21. *В. Мукосѣевъ*. Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ. «Образованіе», IX. 1907, 44—45.

[3]) *П. Х. Шванебахъ*, l. c. 20.

Результаты этого процесса по отношенію къ сельскохозяйственному производству и рынку были весьма значительны. Сельское хозяйство оказалось вовлеченнымъ въ товарное обращеніе и было поставлено въ зависимость отъ сельскохозяйственнаго рынка, который развивался и крѣпъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, экономической необезпеченности крестьянъ (малоземелье и высокіе податные сборы) и, съ другой стороны,—прогрессирующаго развитія желѣзнодорожной сѣти. Правительство же въ цѣляхъ самообороны и самозащиты использовало сложившіяся конъюнктуры. Оно, усиливая податной гнетъ, толкало крестьянина на срочныя продажи продуктовъ для уплаты податей. А установленіе дифференціальныхъ тарифовъ къ портамъ форсировало экспортъ, такъ что русскій крестьянинъ сталъ работать на міровой рынокъ. Эта политика воздѣйствія на сельскохозяйственный рынокъ страны принесла правительству очень цѣнные результаты. При помощи такихъ мѣръ оно могло занимать деньги заграницей, не опасаясь за послѣдствія,—вѣдь платежный балансъ сталъ активнымъ. Занимая деньги, оно могло строить желѣзныя дороги, а вмѣстѣ съ ними и усиливать косвенное обложеніе; а это, въ свою очередь, давало возможность вести «міровую политику». Далѣе,—очерченная выше концентрація экономической политики въ рукахъ правительства выражалась еще и въ томъ, что сосредоточеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ и выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну поставили интересы промышленниковъ и аграріевъ въ зависимость отъ правительства. По этимъ причинамъ наша буржуазія оказалась во власти петербургскихъ канцелярій Впрочемъ, рядъ льготъ (напр., дорогіе казенные заказы и всевозможныя ссуды) дѣлалъ ее сговорчивой: «чиновничье усмотрѣніе намъ... ничего не приноситъ, кромѣ выгоды»,—такъ резюмировалъ г. Ауэрбахъ воззрѣнія горнопромышленнаго съѣзда на правительственную экономическую политику [1]). Валютная реформа на ряду съ реформой государственнаго банка, стянула всѣ нити коммерческихъ денежныхъ операцій къ одному денежному центру, позволяя, такимъ образомъ, контролировать финансовое положеніе страны [2]).

Подъ вліяніемъ всего этого правительство пріобрѣло большую силу сопротивляемости и средства широкаго воздѣйствія на сельскохозяйственныя отношенія и на сельскохозяйственный рынокъ, въ особенности. Параллельно укрѣпленію центральной власти шло разореніе деревни, которая, въ моменты неурожая, впадала въ безысходную нужду, переходя ту грань обнищанія, за которой начинается невозможность существованія вообще. Подъ вліяніемъ усиленія податной тяготы крестьянское хозяйство становится въ непосредственную зависимость отъ рынка, который, благодаря отсутствію капиталистической организаціи земледѣлія,—предоставленъ скупщикамъ, орудующимъ по всѣмъ правиламъ высокой торговой техники, т. е. некапиталистическое, распыленное въ массѣ, питающееся феодально-крѣпостническими соками сельское хозяйство, въ своемъ стремленіи къ реализаціи продукта, наталкивается на капиталистически организованный рынокъ [3]). Отсюда вытекаютъ весьма важныя послѣдствія для всего народнаго

[1]) Цит. *Степановъ*. О „свободѣ конкуренціи“, въ сборникѣ „Текущій моментъ“. М. 1906 г., ст. 8, стр. 12.

[2]) О концентраціи экон. власти, см. вашингтонское изданіе Departament of Commerce and Labour. *Commercial Russia in* 1904. pp. 2755 и слѣд.

[3]) *Лященко*, l. c. послѣднія страницы.

хозяйства страны и для торговли, въ особенности, такъ какъ сельскохозяйственная промышленность опредѣляетъ у насъ всѣ стороны экономическихъ отношеній, ихъ строй и темпъ. Противорѣчія, обусловленныя отсутствіемъ надлежащаго соотвѣтствія между сельскимъ хозяйствомъ и сельскохозяйственнымъ рынкомъ, расширяются и углубляются по мѣрѣ развитія денежныхъ отношеній и подъ вліяніемъ правительственной политики. Ростъ денежныхъ отношеній все болѣе и болѣе подчиняетъ производителя, ставя его въ зависимость отъ рынка, а усиливающіеся платежи и налоги государству въ формѣ *денегъ* отчуждали значительнѣйшую долю продукта для уплаты этихъ платежей. Правительство, съ своей стороны, стремилось использовать эти противорѣчія. Желѣзнодорожная и финансовая политики имѣли своимъ отправнымъ пунктомъ именно изображенныя выше коллизіи. Постройка спеціальныхъ линій къ портамъ, введеніе дифференціальнаго тарифа, расширеніе косвеннаго обложенія и мѣры жестокости по взысканію податей въ своемъ практическомъ примѣненіи опирались на создавшіяся отношенія сельскаго хозяйства къ рынку и вытекавшія отсюда послѣдствія для другихъ хозяйственныхъ отраслей.

Такимъ образомъ, анализируя условія развитія сырьевой и хлѣбной торговли, мы видимъ передъ собою поразительную картину, рядъ взаимнообусловленныхъ экономическихъ антиномій: слабая налогоспособность земледѣльца, обусловленная малоземельемъ, и высокіе налоги и платежи; некапиталистическое, неорганизованное сельскохозяйственное производство, какъ результатъ малоземелья и высокихъ платежей, и капиталистически организованный сельскохозяйственный рынокъ; ростъ денежныхъ отношеній и прогрессирующее обѣднѣніе земледѣльческаго населенія. И на всемъ этомъ правительство базируетъ свою экономическую политику въ цѣляхъ собственнаго укрѣпленія и подчиненія центральной власти господствующихъ классовъ, тѣмъ самымъ усугубляя безотрадное положеніе сельскохозяйственнаго населенія.

Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ у насъ надлежащаго статистическаго матеріала, высказанныя выше заключенія не могутъ быть съ достаточной полнотой иллюстрированы цифровыми данными. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ даетъ слѣдующія таблицы:

I. Средній годичный чистый сборъ, вывозъ и остатокъ всѣхъ хлѣбовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (въ четвертяхъ) [1]).

Годы.	Чистый сборъ предыдущаго года.	Вывозъ.	Остатокъ.	% отношеніе вывоза къ чистому сбору.	Населеніе въ милліонахъ.	Чистый сборъ.	Вывозъ.	Остатокъ.
	Въ 1.000-хъ четвертяхъ.					На 1 душу въ ч-хъ.		
1870/1—4/5 . .	184.032	22.483	161.549	12,2	67,5	2,73	0,33	2,40
1875/6—79/80 .	178.622	32.185	146.477	18,0	72,8	2,45	0,44	2,01
1880/1—4/5 . .	196.468	33.441	163.027	17,0	78,3	2,51	0,43	2,08
1885/6—89/90 .	211.527	46.585	164.942	22,0	84,1	2,51	0,55	1,96
1890/1—4/5 . .	288.517	50.345	178.172	22,0	89,2	2,55	0,56	1,99
1895/6—7/8 . .	245.775	56.228	189.548	22,9	94,1	2,61	0,60	2,01

[1]) Проф. *Денъ*, Очерки по экономической географіи Россіи. Ч. I. Сельское хозяйство. Спб. 1908, стр. 307.

II. Осеннія и весеннія цѣны на пшеницу на мѣстныхъ и портовыхъ рынкахъ [1]).

Годы.	Осень.			Весна.		
	Одесса.	Елецъ.	Мѣстныя центральн. губерніи.	Одесса.	Елецъ.	Мѣстныя центральн. губерніи.
1897 . .	109	101	94	—	—	—
1898 . .	93	100	93	130	105	110
1899 . .	92	87	76	88	92	93
1900 . .	87	78	74	88	83	74
1901 . .	79	89	83	94	80	74
1902 . .	81	75	71	87	91	89
1903 . .	—	—	—	85	79	75

III. Желѣзнодорожныя перевозки главныхъ хлѣбовъ (въ среднемъ) [2]).

Наименованіе грузовъ.	1876—1878.	1895—1898.	Увеличеніе за 20 л.	
	Милліоны пудовъ.		Милл пуд.	%
Пшеница	83,0	178,6	95,6	115,0
Рожь	76,5	84,4	7,9	10,0
Ячмень	16,2	46,8	30,6	189,1
Овесъ	58,3	97,7	39,4	68,0
Кукуруза	6,1	24,7	18,6	315,0
Мука пшеничная . .	19,4	79,5	60,1	310,0
» ржаная	25,6	46,1	20,3	79,0
8 хлѣбныхъ грузовъ .	311,9	582,1	270,2	86,6

Разсматривая первую таблицу, мы видимъ, что — отношеніе вывоза къ чистому сбору повысилось съ 12,2 до 22,9% или на 87,5%, въ то время, какъ сборъ поднялся только на 33% (съ 184.032 до 245.775 тыс. четв.). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является относительное пониженіе сбора,—именно сборъ хлѣбовъ въ своемъ количественномъ развитіи отставалъ отъ роста населенія и вывозной операціи: населеніе поднялось на 39% (съ 67,5 мил. до 94,1 мил.), вывозъ на 87,5%, а сборъ хлѣбовъ только на 33%. Неудивительно поэтому что душевыя доли чистаго сбора и остатка понижаются, а доля вывоза повышается. Однако, въ отношеніи остатковъ, только однѣ крайнія арифметическія расходятся между собой; рядъ послѣдующихъ величинъ, напротивъ, не выражаетъ рѣзкихъ колебаній, такъ что сумма остатка какъ бы остается стаціонарной. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что вывозная операція по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствуетъ условіямъ сельскохозяйственнаго произ-

[1]) Цифры взяты у *Лященко*, l. c., 369.

[2]) *Билимовичъ*, Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кіевъ 1902, стр. 27.

водства, съ одной стороны, и условіямъ внутренняго потребленія хлѣба, — съ другой.

Это положеніе аргументируется второй таблицей, которая показываетъ, что осеннія цѣны на хлѣбъ стоятъ значительно ниже весеннихъ. Осенью, въ моментъ реализаціи урожая, крестьянинъ выбрасываетъ свой хлѣбъ на рынокъ, не сообразуясь съ наличностью имѣющагося у него запаса для собственнаго потребленія. Отсюда — паденіе цѣнъ. Напротивъ, весной, когда усиливается спросъ на мѣстныхъ рынкахъ, когда происходятъ обратныя закупки хлѣба со стороны крестьянъ для посѣва,—цѣна повышается. Это видно изъ сопоставленія портовыхъ цѣнъ съ мѣстными. Но тщательно разсматривая вторую таблицу. мы также увидимъ, что русскій хлѣбъ часто продается заграницу по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ тѣ, которыя стоятъ на нашихъ внутреннихъ потребительскихъ рынкахъ, слѣдовательно, приходится констатировать, что въ отношеніи запродажъ, наша хлѣбная торговля—да и вообще вся торговля сырьемъ— не носитъ планомѣрности, отражая въ себѣ цѣлый рядъ противорѣчій, обусловленныхъ экономической нуждой крестьянина-производителя и господствомъ феодально-крѣпостническихъ отношеній въ земледѣліи [1]).

Третья таблица показываетъ намъ, что за 20 лѣтъ (съ 1878 по 1898 г.) сельско-хозяйственный рынокъ испыталъ весьма существенныя измѣненія. По мѣрѣ роста товарно-денежныхъ отношеній, въ сильной степени увеличились хлѣботорговые обороты. Перевозка пшеницы поднялась на 115%, ячменя— 189%, кукурузы—315%, муки пшеничной—310%. Эти цифры свидѣтельствуютъ о выступленіи на хлѣбный рынокъ новыхъ географическихъ районовъ и о томъ, что предметами торга является рядъ хлѣбовъ, за исключеніемъ ржи (увеличеніе на 10%), которая служитъ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ. Въ частности, ростъ перевозокъ муки указываетъ на фактъ индустріализаціи хлѣбнаго дѣла.

Для полноты характеристики хлѣбнаго рынка слѣдуетъ остановиться на взаимодѣйствіи отдѣльныхъ географическихъ районовъ, активно участвующихъ въ хлѣботорговыхъ операціяхъ.

Выше мы говорили о поступленіи хлѣба на рынокъ и его распредѣленіи между заграницей и внутреннимъ потребителемъ. Если возьмемъ количественные моменты грузового движенія къ границѣ и внутренняго, то получимъ слѣдующую таблицу, указывающую цифры перевозокъ въ главныхъ хлѣбныхъ грузахъ [1]).

Годы.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.
	Милліоны пудовъ.		Ростъ движенія въ %.	
1876—1880 . . .	161,2	120,5	100	100
1881—1885 . . .	195,3	171,9	119	143
1886—1890 . . .	235,5	186,3	146	155
1891—1895 . . .	219,3	257,0	136	214
1895—1898 . . .	231,4	291,2	144	242
1898—1902 . . .	249,3	264,0	154	220

[1]) *Лященко*, l. c. 333. Тамъ же см. подробный анализъ взаимоотношеній отдѣльныхъ с.-х. районовъ.

Очевидно, за послѣдніе годы внутреннее движеніе становится преобладающимъ, какъ результатъ измѣненія въ хозяйственномъ строѣ государства: ростъ промышленности, городовъ, пролетаризація деревни и т. п.

Отдѣльные производительные районы въ этомъ отношеніи не имѣютъ опредѣленнаго единства и ихъ участіе въ желѣзнодорожныхъ перевозкахъ хлѣба, поступающаго на внутренній и внѣшній рынки, представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ процентахъ) [1]).

Губерніи.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.
Центрально-земледѣльческія .	42,1	57,9
Приволжскія	47,0	53,0
Новороссійскія	75,4	24,6
Юго-западныя	72,8	27,2
Малороссійскія	46,5	53,5

Отсюда видно, что центрально-земледѣльческій, приволжскій и малороссійскій районы работаютъ больше всего на внутренній рынокъ а новороссійскій и юго-западный—на внѣшній.

Далѣе,—для того, чтобы опредѣлить роль и значеніе каждаго района для хлѣбнаго рынка, обратимся къ нижеслѣдующей таблицѣ милл. пудовъ [1]).

Районы полученія.	Получено изъ другихъ районовъ.	Движеніе въ предѣлахъ района.	Всего получено райономъ.	Всего отправлено райономъ.	Въ томъ числѣ въ другіе районы.	Излишекъ отправокъ + или полученій —.
Центрально-земледѣльческій . . .	12,3	25,4	37,7	83,9	58,5	+ 46,2
Средне-волжскій	6,6	23,8	30,4	59,7	35,9	+ 29,3
Новороссійскій	2,1	10,5	12,6	28,7	18,2	+ 16,1
Малороссійскій	2,6	8,6	11,4	22,2	14,3	+ 11,7
Юго-западный	4,5	6,3	10,8	13,5	7,2	+ 2,7
Сѣверный Кавказъ	0,0	3,0	3,0	5,4	2,4	+ 2,3
Промышленный	61,2	13,9	75,1	23,1	9,2	— 52,0
Сѣверо-западный	21,1	2,7	23,8	5,2	2,3	— 18,8
Пріозерный	16,5	2,3	18,8	2,4	0,1	— 16,4
Прибалтійскій	1,4	0,6	2,0	1,0	0,4	— 1,0
Привислянскій	16,2	7,8	24,0	8,0	0,2	— 16,0
Крайній сѣверъ	4,1	0,0	4,1	0,0	0,0	— 4,1
Всего	148,7	105,1	253,8	148,7	253,8	± 0,0

Эта таблица является болѣе глубокимъ развитіемъ предшествовавшей ей таблицы. Хлѣбный (и сырьевой) потребительскій рынокъ представленъ промышленнымъ, сѣверо-западнымъ, пріозернымъ и привислинскимъ районами, которые

[1]) l. c., 234 и 242. Матеріалы тарифнаго съѣзда. Цифры для 1895 г.

получаютъ продуктъ со стороны, а именно: главнымъ образомъ отъ производительныхъ районовъ черноземной полосы и поволжья.

Чтобы покончить съ характеристикой нашего сельско-хозяйственнаго рынка, укажемъ на размѣры желѣзно-дорожныхъ перевозокъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ сырыхъ товаровъ, беря таковыя за мѣрило торговыхъ оборотовъ (въ тыс. пуд). [1]).

Годы.	Сало.	Кожи и шкуры.	Щетина.	Скотъ рогатый.	Шерсть.	Яйца.	Масло коровье.
1892	2.927	3.959	758	702.243	7.539	68.025	—
1893	2.603	4.221	713	701.768	8.766	58.729	—
1894	2.726	4.223	580	752.650	8.357	62.317	—
1895	2.598	3.969	778	747.782	8.138	66.459	1.475
1896	2.471	4.521	821	754.372	8.265	65.991	1.433
1897	2.637	4.654	815	868.247	8.855	69.031	1.410
1898	2.761	5.150	819	999.915	8.354	74.757	1.551
1899	2.977	5.209	814	1.195.993	8.290	82.804	1.707
1900	2.785	5.623	825	1.233.049	7.776	82.151	1.574

Какъ видимъ, поименованные товары—въ отношеніи перевозокъ—обнаруживаютъ тенденцію къ увеличенію [2]). Этимъ самымъ подчеркивается высказанное выше положеніе, что наше сельское хозяйство вовлечено въ товарный оборотъ.

Подводя итоги всему сказанному относительно нашего сельско-хозяйственнаго рынка, мы вынуждены признать, что его отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности полно бьющими въ глаза противорѣчіями, которыя, въ свою очередь, самымъ губительнымъ образомъ отзываются на всемъ экономическомъ строѣ страны. Несмотря на ростъ денежныхъ отношеній, сельское населеніе и земледѣльческое производство находятся въ гнетущихъ условіяхъ существованія и чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе и безотраднѣе становится жизнь крестьянина-производителя, какъ будто бы послѣдовавшія измѣненія въ структурѣ обмѣна вмѣстѣ съ собой несутъ ферменты разложенія и вымиранія. Обладая ничтожнымъ земельнымъ надѣломъ, и неся на себѣ огромные государственные платежи, крестьянинъ стремится къ рынку, который встрѣчаетъ его въ лицѣ скупщика, опирающагося въ своей дѣятельности на самые усовершенствованные аппараты товарнаго обмѣна. Такимъ образомъ безпомощное, отсталое, *питающееся кабальными сохами*, земледѣліе встрѣчается съ рынкомъ, техника котораго очень высока. Въ результатѣ—производитель страдаетъ не только отъ

[1]) Составлено по даннымъ „Ежегодника Министерства Финансовъ“, вып. 1904 г.

[2]) При пользованіи этой таблицей слѣдуетъ имѣть въ виду, что колебательное состояніе отдѣльныхъ группъ товаровъ обусловливалось либо неурожаями (напр. крайняя цифра 1892 г.), либо кризисомъ въ промышленности (цифра 1900 г.).

малоземелья и высокихъ податей, толкающихъ его на спѣшныя реализаціи урожая, но и отъ рынка, къ которому онъ стремится, какъ къ избавителю. Вынужденный къ спѣшнымъ и срочнымъ продажамъ производитель выбрасываетъ продуктъ на рынокъ, не сообразуясь съ конъюнктурой и вопреки собственнымъ представленіямъ о дальнѣйшемъ существованіи его самого и его семьи, хотя бы это влекло за собою собственное голоданіе. Такая въ существѣ своемъ противорѣчивая, не согласованная ни съ какими хозяйственными раціональными соображеніями и разсчетами организація сбыта, только усугубляетъ невыносимое положеніе земледѣльческаго хозяйства, такъ какъ неизбѣжно влечетъ за собой паденіе цѣнъ на продуктъ, исключаетъ, такимъ образомъ, всякую возможность къ улучшенію производства и къ поднятію экономическаго благосостоянія производителя. Въ выигрышѣ отъ этого остается лишь торговый капиталъ, скупщикъ, стремящійся наиболѣе благопріятнымъ образомъ использовать всѣ коллизіи сельско-хозяйственнаго производства, столь ими богатаго. Съ другой стороны, политика правительства по отношенію къ сельско-хозяйственному производству и рынку ставитъ своею очевидною цѣлью достиженіе наибольшаго эффекта изображенныхъ выше противорѣчій. Стремясь къ укрѣпленію собственнаго положенія, которое было далеко непрочно, и озабочиваясь проведеніемъ ряда экономическихъ реформъ, долженствующихъ создать предпосылки для проведенія въ жизнь задачъ самообороны, правительство спеціальными мѣрами формируетъ вывозъ заграницу. И вотъ, охарактеризованное выше несоотвѣтствіе между производствомъ и рынкомъ получаетъ законченное выраженіе и доходитъ до своего логическаго конца. Обременяя населеніе новыми податями и налогами и усиленно ихъ взыскивая, правительство способствовало срочнымъ отчужденіямъ на рынокъ продукта, отдавало производителя во власть скупщика и дезорганизовало отношенія сельской промышленности къ рынку, отъ котораго она и такъ уже жестоко страдала. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было увеличеніе поступленія продукта на рынокъ, который тутъ же подвергался воздѣйствію дифференціальнаго тарифа. Искусственно вызванный ростъ зерновой наличности для цѣлей экспорта повлекъ дальнѣйшее пониженіе цѣнъ, усиливалъ пропасть, лежащую между производствомъ и рынкомъ и способствовалъ обѣднѣнію сельскаго населенія и обогащенію скупщика [1]).

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще одинъ важный фактъ, а именно: ненормальное положеніе сельскаго хозяйства породило рядъ отрицательныхъ явленій въ области сельско-хозяйственнаго рынка. Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ господствующее положеніе въ сырьевой торговлѣ получилъ скупщикъ, который, такъ же какъ и производитель, не учитываетъ рыночныя конъюнктуры; не обладая большими оборотными средствами и не имѣя солидной торговой репутаціи, скупщикъ есте-

[1]) Съ 1884 по 1893 г. вывезено хлѣба 2.985.500 тыс. пуд. на сумму 2.445.400 тыс. руб. по цѣнѣ (въ среднемъ за пудъ) 81,9 к., съ 1893 по 1901 г. вывезено—3.929.800 т. п., на сумму 2.678.900 тыс. руб. въ среднемъ по 68 к. за пудъ. Другими словами, за 8 лѣтъ вывозъ увеличился на 31,6%, но цѣнность его увеличилась лишь на 9,5%. Ср. *А. Стаховичъ.* Общая финансовая политика и ея вліяніе на сельско-хозяйственную промышленность, „Народное Хозяйство", I, 1903 г.

ственно стремится къ спѣшнымъ реализаціямъ, причемъ качество зерна и вообще товара, который онъ продаетъ экспорту, не имѣетъ для него существеннаго значенія: онъ съ легкимъ сердцемъ дѣлаетъ подмѣси песку—въ хлѣбъ, соли—въ масло и т. д. [1]). Въ результатѣ—цѣна на продукты сельскаго хозяйства падаетъ какъ на внутреннемъ рынкѣ, такъ и на внѣшнемъ. Поэтому роль нашего сельскаго хозяйства «сводится только къ *пониженію* цѣнъ на хлѣбъ (и другіе сырые продукты) на міровомъ рынкѣ вообще» [2]). «Ликвидація урожая,—говоритъ профессоръ Мигулинъ,—производилась у насъ съ особой стремительностью, хлѣбъ выбрасывался на рынокъ *по всякой цѣнѣ*, лишь бы скорѣе его продать, всякія комбинаціи для поднятія цѣнъ изобрѣтавшіяся американскими биржами и синдикатами, разбивались о *дезорганизованное* предложеніе русскаго хлѣба». Другими словами, высокая техника нашей сырьевой торговли носитъ декоративный характеръ, и въ сущности полна такими же противорѣчіями, какъ сельско-хозяйственная промышленность.

Итакъ, резюмируя сказанное, мы видимъ, что сельское хозяйство въ своихъ отношеніяхъ къ рынку, какъ равно и отношенія рынка къ сельскому хозяйству, включены въ какой-то замкнутый кругъ, отдѣльныя части котораго другъ друга обусловливаютъ и опредѣляютъ.

Выходъ изъ этого круга разумѣется не могъ быть «октроированъ»...

Замѣтимъ, что рядъ неурожайныхъ лѣтъ въ предпослѣднемъ десятилѣтіи, при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ сильной степени способствовалъ обѣднѣнію деревни [3]). Революціонныя вспышки, аграрное движеніе исходили изъ болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ однѣ «ненормальности» сельско-хозяйственнаго рынка, являющіяся только частнымъ выраженіемъ общихъ гнетущихъ условій экономической жизни страны. И оцѣнка этихъ «ненормальностей», какъ самосто-

---

[1]) См. „Результаты изслѣдованія засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ"... Изданіе Департамента торговли и мануфактуръ. Спб. 1904 г.

[2]) *Проф. Мигулинъ*, Аграрный вопросъ. Харьковъ, 1906 г. стр. 35.

[3]) Сборъ зерновыхъ продуктовъ въ 64 губерніяхъ Европейской Россіи составлялъ:

Годы.	Валовой сборъ въ милл. пуд.	Число жителей въ милл.	Въ среднемъ на 1 жителя пуд.
1893	3.460	102,65	33,7
1894	3.223	103,85	32,0
1895	3.061	105,21	29,1
1896	3 080	106,61	28,9
1897	2.546	108,05	23,6
1898	3.037	109,55	27,7
1899	3.424	111,11	30,8
1900	3.358	112,71	29,8
1901	2.938	114,30	25,7

Если принять за норму 32 пуда на жителя, то окажется, что за 5 неурожайныхъ лѣтъ (1895, 1896, 1897, 1898 и 1901), населеніе не добрало 1.853 милл. пуд. или около 2 милліардовъ пуд. Переведя этотъ недоборъ на деньги, по 50 коп. за пудъ,—цѣна очень низкая,—получимъ 1 милліардъ рублей. Этой суммы населеніе лишилось.

ятельнаго революціоннаго фактора, можетъ быть надлежащимъ образомъ произведена вмѣстѣ съ другими факторами, опредѣлявшими собою развитіе революціи вообще и въ деревнѣ, въ особенности. Одно несомнѣнно: несоотвѣтствіе между рынкомъ и производствомъ, порожденное реформой 61 г. и усиленное спеціальными мѣропріятіями правительства, являлось одной изъ экономическихъ предпосылокъ революціи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о положеніи сельско-хозяйственнаго рынка наканунѣ революціи.

Въ 1904 г. конъюнктура мірового хлѣбнаго рынка складывалась для насъ благопріятно. Благодаря неурожаю, Американскій хлѣбный экспортъ упалъ съ 340 милл. пуд. до 197½ милл. пуд. Казалось бы, что русское зерно должно было повысится въ цѣнѣ, что обстоятельства спроса и предложенія будутъ учтены заинтересованными лицами—русскими производителями и экспортерами. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не случилось и нашъ хлѣбъ въ южныхъ портахъ едва достигалъ уровня прошлогднихъ расцѣнокъ, тогда какъ американскій продуктъ получилъ весьма существенное приращеніе: въ ноябрѣ 1904 г. цѣна хлѣба въ Нью-Іоркѣ доходила до 1 р. 44 к., а въ Одессѣ до 86 к., причемъ характерно то обстоятельство, что одесская наивысшая цѣна въ 1901 г. была 96, въ 1902 г. 90 к., въ 1903—91 к., а въ 1904 г. — январь 89 к. [1]). Такимъ образомъ въ 1904 г., когда у насъ былъ урожай, цѣны на хлѣбъ стояли *ниже* ряда предшествующихъ лѣтъ.

Если къ этому прибавить, что съ началомъ войны торговый кредитъ былъ суженъ, то нельзя не придти къ выводу, что положеніе нашего сельско-хозяйственнаго рынка наканунѣ революціи было худшимъ, чѣмъ въ предшествовавшіе годы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію нашего внутренняго товарнаго рынка, слѣдуетъ замѣтить, что его развитіе шло параллельно развитію рынка сельскохозяйственнаго. Отправнымъ моментомъ въ развитіи нашего внутренняго торга служила денежная форма обмѣна, пріобрѣтавшая все большее и большее значеніе въ зависимости отъ роста желѣзнодорожной сѣти, революціонизировавшей старый экономическій укладъ.

Внутренняя торговля товарами фабрично-заводскаго производства въ періодъ 1865—1880 г. складывалась подъ вліяніемъ цѣлаго комплекса причинъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ прежде всего отнести желѣзнодорожное строительство, банковый коммерческій кредитъ и валютныя преобразованія.

Реализація желѣзнодорожныхъ займовъ, усиливая денежное обращеніе страны, способствовала оживленію торговли. По подсчету Бліоха съ 1866 по 1875 г. израсходовано внутри страны на сооруженіе и эксплоатацію желѣзныхъ

---

[1]) Цѣны на пшеницу въ Нью-Іоркѣ (цн. бушель):

Наивысшая 1901 г.—84⅝ цн.
„ 1902 „—91⅛ „
„ 1903 „—94— „
„ 1904 „—95⅛ „

(Цифры взяты изъ таблицъ „The Economist'a" за соотвѣтствующіе годы).

дорогъ 617,1 милл. руб., изъ коихъ только 64,3 милл. руб. были употреблены на покупку матеріаловъ заграничнаго происхожденія [1]).

Съ другой стороны, усовершенствованные способы доставки денегъ и товаровъ, банковые переводы и перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто прежнихъ почтовыхъ, гужевыхъ и судоходныхъ пересылокъ и перевозокъ,—привели къ тому, что усилился темпъ обращенія, расширилось потребленіе, которое распространилось какъ на предметы отечественной производительности, такъ и на привозные.

Періодическое расширеніе желѣзнодорожной сѣти придавало торговлѣ крайне непостоянный, колеблющійся характеръ. Паденіе торговыхъ дѣлъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ обусловливалось сокращеніемъ желѣзнодорожнаго строительства, въ то время какъ усиленное сооруженіе ихъ въ періодъ 1868—1871 вызвало своего рода торговый ажіотажъ. Вторая половина 70-хъ годовъ—вплоть до 1878 года—для внутренней торговли была періодомъ застоя. Послѣдующіе два года въ торговомъ отношеніи испытывали на себѣ послѣдствіе войны (1877 г.): хорошій урожай и усиленный вывозъ за границу по высокимъ цѣнамъ, связываясь съ чрезмѣрными выпусками бумажныхъ денегъ («временный» впускъ для нуждъ войны къ сентябрю 1879 г. составлялъ колоссальную цифру 415 милл. руб.), — служилъ возбуждающимъ факторомъ, дѣйствіе котораго, однако, было непродолжительнымъ и въ 1880 г. смѣнилось удручающей реакціей. Въ 1880 г., при неудовлетворительности урожая, въ яркой формѣ обнаружились экономическіе результаты войны. «Въ этомъ году, — говоритъ Бліохъ, — вздорожали у насъ многіе товары и, между прочимъ, самые необходимые для жизни, а цѣны на предметы фабричнаго производства упали. Раздувшееся, между прочимъ, отъ бумажноденежныхъ выпусковъ и отъ упадка бумажной валюты фабричное производство не могло не загромоздить рынка излишнимъ товаромъ и не потерпѣть его удешевленія. Подъ вліяніемъ дальнѣйшаго вздорожанія продовольственныхъ товаровъ и предметовъ первой необходимости, спросъ массы народа на товары роскоши и почти на всѣ наши фабричныя издѣлія болѣе и болѣе сокращался, а отсюда неминуемое сокращеніе фабричнаго производства и неминуемое пониженіе всѣхъ заработковъ въ промышленномъ (и торговомъ) мірѣ наступили сами собой» [2]).

Изъ приведенной цитаты видно, что къ началу 80-хъ годовъ наша внутренняя торговля была неокрѣпшей, зависимой отъ причинъ преходящаго характера, и глубоко отражала на себѣ все то, чѣмъ богата переходная экономическая эпоха.

Это обстоятельство, однако, не служило серьезнымъ препятствіемъ дальнѣйшему развитію внутренняго торга. Напротивъ, съ измѣненіями въ сельскомъ хозяйствѣ, послѣдовавшими вмѣстѣ съ реформой 61 года, и съ проведеніемъ ряда желѣзнодорожныхъ магистралей отъ центровъ къ окраинамъ для торговаго капитала открываются широкія перспективы.

Съ другой стороны, ростъ сельскохозяйственнаго рынка создавалъ условія для роста рынка товарнаго. По мѣрѣ вовлеченія земледѣльческихъ районовъ въ

[1]) Бліохъ, l. c. 211.
[2]) l. c. 253.

товарное обращеніе создавался спросъ на предметы фабрично-заводскаго производства.

Внѣшнимъ показателемъ этого могутъ служить цифры ярмарочныхъ оборотовъ въ Нижнемъ и Ирбитѣ (въ тыс. руб.) [1]).

Годы.	Нижегородская ярмарка.		Ирбитская ярмарка.	
	Привезено.	Продано.	Привезено.	Продано.
1851—1860 въ среднемъ .	77.511	69.783	34.000	28.400
1861—1870 » » .	119.443	104.804	42.400	38.800
1871—1880 » » .	168.116	149.392	—	—
1881—1890 » » .	199.905	187.127	61.500	56.700

Изъ этой таблицы видно, что цѣнность товаровъ, привезенныхъ и (проданныхъ) на двѣ важнѣйшія ярмарки Россіи, возросла чрезвычайно: въ 1881—1900 г. въ Нижнемъ продавалось товаровъ болѣе на 196%, чѣмъ въ 1851—1860 г., а въ Ирбитѣ за это самое время количество проданныхъ товаровъ возросло на 23,5%.

Высказанное соображеніе объ увеличеніи торговаго оборота подкрѣпляется нижеслѣдующей таблицей, указывающей на абсолютный и относительный приростъ отдѣльныхъ промышленно торговыхъ грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ [1]).

	Количество. Милліоны пудовъ.		Приростъ съ 1876 по 1897 гг.	
	1876—78 гг.	1895—97 гг.	Милл. пуд.	%.
Нефть и керосинъ	6,4	200,7	193,3	3.035
Каменный уголь	90,3	446,6	356,3	395
Чугунъ, желѣзо, сталь, рельсы .	23,8	99,5	75,7	318
Лѣсные строительные матеріалы.	67,8	201,7	133,9	197
Сахаръ	21,6	51,1	29,5	136
Хлопокъ	7,2	16,9	9,7	135
Шерсть	4,2	8,4	4,2	170
6 главныхъ хлѣбовъ	311,9	572,0	260,1	83
Всего товаровъ малой скорости.	978,0	2.808,3	1.830,3	189

Цифры этой таблицы съ непререкаемой убѣдительностью говорятъ намъ объ интенсивномъ ростѣ товарнаго обращенія. Замѣчательно, что за разсматриваемый періодъ времени перевозки хлѣбовъ, абсолютно возрастая, относительно падаютъ: приростъ хлѣбныхъ грузовъ увеличился только на 83%, тогда какъ общія товарныя перевозки поднялись на 189%. Въ частности, чрезвычайно возросла циркуляція продуктовъ минеральнаго топлива и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ матеріаловъ, идущихъ на нужды строительства и оборудованія фабричнозаводской промышленности (предметы горнаго промысла и строительные

[1]) *В. К.* (В. И. Ковалевскій), Внутренняя торговля Россіи, энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона, т. 54, стр. 323. О желѣзнодорожныхъ перевозкахъ см. *Лященко*, l. c. 273, *Билимовичъ*, l. c. 13.

матеріалы). Съ другой стороны, перевозка предметовъ непосредственнаго потребленія широкихъ массъ—сахаръ, хлопокъ и отчасти шерсть—не обнаруживаетъ такого стремительнаго роста, какой мы видимъ на перевозкахъ матеріаловъ, питающихъ фабричную индустрію. Слѣдовательно, въ данный періодъ страна находилась въ фазѣ капиталистическаго оформленія, такъ какъ доминирующую роль въ хозяйственныхъ отношеніяхъ игралъ организаціонный моментъ — развитіе производительнаго капитализма. По этимъ причинамъ торговый капиталъ не имѣлъ въ экономикѣ страны того значенія, которое впослѣдствіи онъ пріобрѣтаетъ, когда вопросъ о рынкѣ является вопросомъ существованія для всѣхъ производительныхъ отраслей. Что промышленность въ это время интенсивно возрастала, — видно изъ слѣдующихъ цифръ: производительность горныхъ и фабрично-заводскихъ отраслей увеличилась съ $1{,}_3$ милліарда рублей въ 1887 г. до $2{,}_8$ милліарда руб. — въ 1897 г. Годичный приростъ общей продуктивности составлялъ: въ періодъ 1887—1890 г.г.—56 милл. руб., въ 1890—1893 г.г.—77 милл. руб., въ 1893—1897 г.г.—276 милл. руб. [1]).

Обращаясь къ изученію причинъ этого явленія, мы прежде всего наталкиваемся на протекціонизмъ, на высокій, почти запретительный таможенный тарифъ, преградившій доступъ иностраннаго товара въ Россію и отдавшій населеніе во власть отечественныхъ фабрикантовъ. Сама система протективно-запретительныхъ пошлинъ, какъ равно и сопутствовавшія ей различныя мѣропріятія въ области торговой политики (напр., валютная реформа), въ чрезвычайно сильной степени отражались на развитіи нашей внутренней и внѣшней торговли.

Крупная металлическая задолженность заграницѣ (къ 1886 г. общая цифра госуд. долга выражалась въ суммѣ 4.418.056.967 руб., при средней оплатѣ интереса изъ $4{,}85\%$; процентное отношеніе расхода по системѣ госуд. кредита—299.756.037 руб.—къ общему итогу государственныхъ доходовъ—785.658.090 р.—составляло $38{,}^1/_4\%$!!!) при пассивности *разсчетнаго* баланса (въ 1881—90 г.г ввозъ достигалъ $249{,}_9$ милл. руб., въ 1891—95—$304{,}_0$ милл. руб., а вывозъ за это время колебался такимъ образомъ: въ 1881 — 90 г.г.—392,1 милл. руб., въ 1891—95 г.г.—415,4 милл. руб.), ежегодныхъ дефицитахъ (министерство Бунге), господствѣ бумажныхъ денегъ и необходимости новыхъ займовъ — ставили государство въ отчаянное положеніе, угрожая ежеминутнымъ крахомъ всей государственно-хозяйственной системѣ. Къ этому присоединилось еще паденіе курса кредитнаго рубля, ходившаго съ крупнымъ лажемъ, рѣзко увеличившаго Такимъ образомъ процентъ по заключеннымъ займамъ, какъ равно и капитальную сумму долга, не говоря уже о томъ, что это разстройство денежной системы нарушало всякое бюджетное равновѣсіе и причиняло неисчислимыя бѣдствія экономической жизни страны [2]). Неустойчивая цѣнность бумажныхъ денегъ па-

[1]) *Проф. Н. П. Лаппо-вой*, Общіе итоги русской промышленности. „*Россія* въ концѣ XIX в.“ изд. министерства финансовъ, СПБ. 1900 стр. 242.

[2]) Какъ извѣстно, въ началѣ Крымской компаніи (1854 г.) свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро былъ пріостановленъ и начался новый періодъ бумажно-денежнаго обращенія съ лажемъ, который достигалъ 25—30%; лажъ увеличивался по мѣрѣ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на

губно отражалась не только на внѣшней торговлѣ, но и на внутренней, такъ какъ, во первыхъ, вносила замѣшательство въ цѣны благодаря тому, что специфическая особенность бумажныхъ денегъ—непостоянство ихъ курса, разбивало всякій твердый купеческій разсчетъ; во вторыхъ, безпрестанныя колебанія денежной единицы, въ связи съ ея неэластичностью, неспособностью приспособляться къ количественнымъ измѣненіямъ торговаго оборота, накладывали на всѣ формы торговой дѣятельности спекулятивный отпечатокъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ «торгово-промышленные операціи принимали характеръ азартной игры...», ибо «не были извѣстны условія, при которыхъ придется реализовать то или другое начинаніе» [1]).

Все это властно диктовало неотложныя реформы въ области торговой и финансовой политики.

Въ чемъ выразились эти реформы и каково ихъ вліяніе на нашъ внутренній рынокъ?

Прежде всего, правительство рядомъ спеціальныхъ мѣръ повышаетъ ставки таможеннаго тарифа (въ 1877 г. ставки повышены на 25% — взиманіе золотомъ, въ концѣ 1881 г. — на 10%, въ 1885 г.—на 20%, въ 1887 г. устанавливаются повышенные пошлины на продукты металлургіи и на другіе товары въ 1890—91 гг. дѣлается огульное повышеніе на 20%), чтобы создать болѣе благопріятныя условія для активной устойчивости платежнаго баланса. Эти ультрафискальныя мѣропріятія неразрывно связывались съ поощреніемъ вывоза за границу, съ дифференціальными тарифами и «усерднымъ»—по выраженію тайнаго совѣтника Шіанебаха—выколачиваніемъ податей изъ крестьянъ [2]). Достигнувъ, такимъ образомъ, уменьшенія привоза и увеличенія вывоза, правительство создаетъ почву для валютныхъ преобразованій, тѣмъ самымъ давая толчекъ для развитія внутренняго производства. Убивъ импортъ, правительство силой вещей вынуждалось къ поощренію отечественной промышленности и внутренняго рынка,—вѣдь это давало возможность развить косвенное обложеніе—источникъ болѣе глубокій, чѣмъ какой-нибудь иной. Таможенный доходъ отъ этого нисколько не пострадалъ, такъ какъ пропорціонально уменьшенію ввоза увеличилась его цѣнность, сильно взвинченная высокими пошлинами. Покровительство промышленности связывало интересы правительства съ интересами промышленнаго и торговаго капитала. А такъ какъ вся экономическая политика правительства была направлена на достиженіе внѣшняго эффекта, то въ конечной степени образовалась неминуемая полярность интересовъ между правительствомъ и капиталомъ, съ одной стороны, и потребительскимъ рынкомъ,— съ другой. Это противорѣчіе логически слѣдовало изъ основныхъ посылокъ экономической политики правительства.

нужды войны 1877 г. (свыше 400 милл. руб.). Во второй половинѣ 80-хъ годовъ. (1887 г.) курсъ упалъ очень низко, и въ Берлинѣ онъ расцѣнивался 164 (вмѣсто 324 по старому курсу). Послѣдующая финансовая политика (Вышнеградскаго и Витте) привела сначала къ поднятію курса, а потомъ къ установленію золотой валюты. См. подробно у *А. Гурьева*, Реформа денежнаго обращенія. СПБ. 1896 г.

[1]) *Гурьевъ*, l. c., часть I, стр. 76.

[2]) Ср. *Шванебахъ*, l. c., 0.

Напримѣръ, металлическая задолженность, обусловленная, между прочимъ, желѣзнодорожнымъ строительствомъ и накопленіемъ золота для нуждъ валютной реформы, опредѣляла функціи желѣзнодорожной и таможенной политики (дифференціальные тарифы и высокія таможенныя пошлины). Форсированный экспортъ хлѣба долженъ былъ, съ одной стороны, оплатить дорогой импортъ, явившійся результатомъ повышенныхъ тарифныхъ ставокъ, съ другой стороны,—устранить минусы разсчетнаго баланса, которые порождались именно займами для производства желѣзнодорожныхъ операцій и спеціальными пріобрѣтеніями металла для поддержки курса рубля и осуществленія денежной реформы.

Второй примѣръ. Высокій таможенный тарифъ и поощреніе туземной промышленности, продукты которой—въ силу существованія протекціонизма—были дороги и большинство которыхъ подвергалось косвенному обложенію, — давали значительную прибыль фабрикантамъ, питая въ то же время государственный бюджетъ. А такъ какъ рынокъ подвергался воздѣйствію податной и желѣзнодорожней политики, истощавшей покупательную силу главнаго потребителя—сельскаго населенія, то получался такой двусторонній процессъ: развитіе промышленности, фабричнаго производства совершалось за счетъ паденія потенціальной силы наличнаго спроса, за счетъ паденія емкости внутренняго рынка.

Изображенныя противорѣчія могли обнаружиться съ подобающей рѣзкостью только впослѣдствіи, по завершеніи перехода отъ натуральныхъ формъ хозяйства къ денежнымъ, когда развитая промышленность, не удовлетворяясь казенными заказами, обращается къ рынку.

Преобразованіе денежнаго обращенія (закончено въ 1897 году) внесло во внутреннюю торговлю извѣстную устойчивость; оно устранило неустойчивость торговой дѣятельности отъ хроническаго несоотвѣтствія между количествомъ бумажныхъ денегъ и спросомъ на орудія обращенія со стороны рынка [1]). Купленная столь дорогой цѣной золотая валюта сама по себѣ не могла оказать глубокаго вліянія на усиленіе спроса и потребленія. Она только исправила недостатки торговаго механизма.

Если мы обратимся къ состоянію нашей внутренней товарной торговли во вторую половину девяностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ, то увидимъ, что развитіе ея шагнуло далеко впередъ по сравненію съ 70—80 годами. Это произошло благодаря дальнѣйшему расширенію желѣзнодорожной сѣти, и дальнѣйшему развитію денежныхъ отношеній.

При разбросанности населенія и рѣдкости торговыхъ пунктовъ—желѣзныя

---

[1]) Чрезвычайно интересенъ фактъ стаціонарнаго состоянія денежныхъ знаковъ:—съ 1861 г. по 1899 г. количество денежныхъ единицъ на голову у насъ почти *не измѣнилось*, въ то время, какъ въ другихъ странахъ количество это *сильно поднялось*:

Россія	—съ	8,91 руб.	до	9,69 руб.
Франція	— »	53 фр.	»	212 фр.
Германія	— »	25 мар.	»	75 мар
Англія	— »	1 ф. 12 шил.	»	3 ф. 12 шил.

(по даннымъ Спаларта, Зотбэра и Де-Фовилля).

дороги являются у насъ почти единственнымъ средствомъ къ развитію торговли. Всякая новая линія стимулируетъ спросъ, расширяетъ рынокъ, вовлекая данный районъ въ циклъ мѣнового обращенія. Разумѣется, въ странѣ развитаго капитализма, напримѣръ, въ Англіи, этого быть не можетъ. Развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Длина линій къ началу пятилѣтія	1881—1885 гг.	21.155	верстъ.
» » » » »	1886—1890 »	24.229	»
» » » » »	1891—1895 »	27.093	»
» » » » »	1896—1900 »	33.736	»
» » » » »	1904 »	37.100	»
Перевозки товаровъ малой скорости	1881—1885 гг. . .	1.418.500.000	пудовъ.
» » » »	1886—1890 » . .	1.801.000.000	»
» » » »	1891—1895 » . .	2.270.400.000	»
» » » »	1896—1900 » . .	3.312.000.000	»
» » » »	1904 » . .	4.661.000.000	»
Перевозка пассажировъ	1881—1885 гг.	38,6	милліоновъ.
» »	1886—1890 »	42,8	»
» »	1891—1895 »	53,1	»
» »	1896—1900 »	74,1	»
» »	1904 »	123,5	»

На ряду съ развитіемъ желѣзнодорожнаго транспорта развивается судоходство по внутреннимъ воднымъ путямъ:

I.

Годы.	Паровыя суда. Число плавающихъ судовъ.	Паровыя суда. Число номинальныхъ силъ.	Паровыя суда. Подъемная способность (тыс. пуд.).	Паровыя суда. Число служащихъ.	Непаровыя суда. Число плавающихъ судовъ.	Непаровыя суда. Подъемная способность (тыс. пуд.).	Непаровыя суда. Число служащихъ.	Всего. Судовъ.	Всего. Подъемная способность.	Всего. Служащихъ.
1884. . .	1.246	72.105	6.100	18.776	20.095	362.166	94.099	21.341	368.266	112.875
1890. . .	1.824	103.206	9.222	25.814	20.125	401.249	90.356(?)	21.949	410.471	116.170
1895. . .	2.539	129.759	12.822	32.689	20.580	526.941	95.607	23.119	539.763	128.296
1900. . .	3.295	165.008	16.189	40.602	22.859	674.217	98.269	26.154	690.406	138.871

II. Перевозки.

Годы.	Перевезено всѣхъ грузовъ (милліоны пудовъ): На судахъ.	На плотахъ.	Всего.
1884	484	303	787
1890	597	506	1.103
1895	879	577	1.456
1900	—	—	2.091
1903	—	—	2.278

Изъ приведенныхъ выше таблицъ видно, что товарное обращеніе растетъ параллельно увеличенію желѣзнодорожной сѣти, что циркуляція матеріальныхъ цѣнностей, отчуждаемыхъ производствомъ для рынка, становится тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ больше развиваются усовершенствованные пути сообщенія.

Ростъ товарнаго обращенія предполагаетъ ростъ торговаго капитала и капиталистическую организацію рынка въ смыслѣ нивелированія цѣнъ, установленіе непосредственной связи между производителемъ и потребителемъ.

Статистическое опредѣленіе капитала, участвующаго въ торговлѣ, къ сожалѣнію, невыполнимая задача, такъ какъ торговая статистика у насъ совершенно отсутствуетъ. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ можно найдти въ матеріалахъ по реформѣ промысловаго обложенія, которыми мы и воспользуемся [1]).

	Число предпріятій		Сумма оборотовъ.	
	1889 г.	1898 г.	1889 г.	1898 г.
Предпріятія гильдейскія и негильдейскія	359.951	398.570	7.343 м. р.	9.903 м. р.
Предпріятія, обязанныя публичною отчетностью (банки, ломбард. и проч.).	586	824	?	10.395 » »
Всего . . .	360.537	399.349	—	20.298 м. р.

Цифры эти далеко не даютъ картины дѣйствительныхъ оборотовъ внутренней торговли, такъ какъ сюда не вошли во 1) мелкія и малодоходныя предпріятія, во 2) всѣ предпріятія въ 15 областяхъ Имперіи, гдѣ раскладочный сборъ не введенъ. Кромѣ этого, слѣдуетъ замѣтить, что за отсутствіемъ контрольныхъ средствъ, размѣры оборотовъ, показываемыхъ въ «сводѣ матеріаловъ», значительно преуменьшены. Во всякомъ случаѣ обороты внутренней торговли превышаютъ 25 милліардовъ рублей,—сумма очень солидная.

Распредѣленіе торговыхъ предпріятій по районамъ дѣятельности представляется въ слѣдующемъ видѣ: [2]).

Губерніи.	Число всѣхъ предпріятій (акц. гильд. и негильд.).	Сумма оборотовъ въ мил. руб.
С.-Петербургская	18.036	5.449
Московская	19.144	3.490
Херсонская	12.793	1.757

[1]) „Статистическія результаты процентнаго и раскладочнаго сборовъ". Изд. Департ. Торг. и Мануф.—Такъ какъ промысловое обложеніе складывалось (до 1899 г.): a) изъ основного налога (патентный сборъ) и b) дополнительнаго сбора: 1) съ предпріятій обязанныхъ публичной отчетностью, въ видѣ сбора съ чистой прибыли, и 2) съ остальныхъ предпріятій (неакціонерныхъ) въ видѣ раскладочнаго сбора,—то и статистическія данныя отражаютъ на себѣ эту двойственность, проистекающую изъ двойственности дополнительнаго обложенія.

[2]) Цифры относятся къ 1898 г. Новѣйшихъ данныхъ *не существуетъ*.

Губерніи.	Число всѣхъ предпріятій (акц. гильд. и негильд.).	Сумма оборотовъ въ мил. руб.
Варшавская	13.016	1.393
Петроковская	7.444	876
Лифляндская	7.106	775
Донская обл.	8.704	728
Кіевская	11.723	709
Харьковская	6.975	530
Итого	104.941	15.707

Изъ сопоставленія общихъ итоговъ съ вышеприведенными итогами по 9 губерніямъ можно усмотрѣть, что въ этихъ губерніяхъ сосредоточено свыше 26% всѣхъ зарегистрованныхъ предпріятій и свыше 77% всѣхъ оборотовъ.

Въ частности, классифицируя предпріятія по роду ихъ дѣятельности, получимъ нижеслѣдующія таблички:

I.

Предметы торга: (обороты свыше 150 мил. руб.).	Обороты въ милл. руб.
Мануфактур., галант. и суровск. товаръ . .	923
Хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ	880
Колоніальный и бакалейный товаръ	612
Лѣсъ, дрова, кам. уголь и строит. матер. . .	188
Вино, спиртъ, пиво и т. п.	186
Скотъ, мясо, яйца, зелень	180
Недрагоцѣнныя металлы	175
Итого	3.144
Прочіе товары . . .	1.298
Всего по торговлѣ товарами . . .	4.442

II.

Банкирскія дѣла, операціи съ деньгами и бумагами	4.017
Торговое посредничество	1.001
Перевозочныя предпріятія	174
Трактирный промыселъ	269
Всего	9.903

И эти обѣ таблички не даютъ полной картины внутренней торговли. Онѣ показываютъ, что обороты второй группы предпріятій (вторая табличка) выше оборотовъ первой. Это невѣрно. Статистика собственно торговыхъ предпріятій очень однобока и не захватываетъ предпріятія мелкія, которыя, какъ будетъ указано

ниже, являются преобладающими въ нашей внутренней торговлѣ. Съ другой стороны, страннымъ кажется тотъ фактъ, что торговля мануфактурными товарами занимаетъ первое мѣсто какъ по числу предпріятій, такъ и по количеству оборотовъ. Очевидно, сюда причислены такіе магазины и лавки, которые—особенно въ провинціи — ведутъ разнообразную торговлю, соединяя въ себѣ всѣ предметы потребленія, отъ мануфактуры и золотыхъ вещей до дегтя включительно.

Повторяемъ, за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ классификація торговли по внѣшнимъ признакамъ ея дѣятельности невозможна. Слѣдовательно, опредѣленіе оборотовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли, характеристика структуры торговаго капитала также не можетъ быть достигнута. Можно только говорить, что наша внутренняя торговля за послѣдніе годы сильно увеличилась, что торговый капиталъ интенсивно растетъ. Для доказательства приведемъ данныя объ основныхъ капиталахъ акціонерныхъ предпріятій *торговой группы* [1]):

Отчетный годъ.	Основные капиталы.
1890	25.270.145
1895	44.596.676
1900	76.594.000
1902	83.557.000

Какъ видимъ, за 12 лѣтъ капиталы акціонерныхъ предпріятій, занимающихся исключительно торговлей, возрасли на 230%.

Нѣкоторымъ показателемъ усиливающагося роста торговли можетъ служить количество почтовыхъ операцій, возрастаніе которыхъ обусловливается развитіемъ товарно-денежныхъ отношеній:

	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1902 г.
Число почтовыхъ отправленій [2]). .	384.125.189	545.341.017	848.952.613	1.006.871.268
Разстояніе, пройденное почтами (версты [3]) . . .	66.067.729	73.168.232	105.270.070	109.537.620

Эта таблица показываетъ намъ, что съ 1890 г. по 1902 г. почтовая корреспонденція увеличилась почти на 200%, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя о повышеніи темпа торговопромышленной дѣятельности.

Само собой понятно, что на ряду съ развитіемъ торговли происходитъ перераспредѣленіе населенія, которое теперь возрастаетъ въ городахъ съ большей силой, чѣмъ въ деревнѣ: въ 1897 г. число городскихъ жителей составляло 13,0%, всего населенія Россіи, тогда какъ 1867 г. въ городахъ обитала не свыше 10,6% [3]). По другому подсчету (В. Михайловскаго), съ 1884 по 1897 г.

---

[1]) „Ежегодники Министерства Финансовъ“ 1901 г., стр. 591, и 1904 г, стр. 339.

[2]) По даннымъ „Ежегодн. Мин. Финансовъ“.

[3]) *В. Покровскій*, l. c.

города Европейской Россіи увеличили свое населеніе на 33,8%,—при общемъ ростѣ населенія въ 15,25%, а сельское населеніе за это время поднялось только на 12,7% [1]).

Но какъ учесть населеніе, непосредственно занятое торговлей?

Данныя переписи 1897 г. въ этомъ отношеніи страдаютъ весьма существенными дефектами. Изъ этихъ данныхъ видно, что населеніе, активно занятое въ торговлѣ, составляло 1.495.087,—въ томъ числѣ рабочихъ (и прислуги) было 255.947 или 17%. Если все самодѣятельное населеніе выражается цифрою 33.202.000, а населеніе вообще—126.411.000, то, сравнивая эти величины съ цифрою 1.495.087, увидимъ, что число лицъ, живущихъ отъ торговли, составляетъ 4,5% по отношенію къ самодѣятельнымъ и 1,18% по отношенію ко всему населенію имперіи [2]). Выкладки эти, разумѣется, даютъ только приблизительную характеристику положенія и дѣлать отсюда какіе-нибудь категорическіе выводы очень рисковано. Во всякомъ случаѣ можно сказать только одно (да и то съ оговорками), что торговля, какъ объектъ дохода, получаемаго частью населенія *непосредственно* въ ней занятаго,—не велика. Это соображеніе подкрѣпляется еще тѣмъ, что количество пролетаріата въ торговлѣ достигаетъ 17,1%, ко всему самодѣятельному населенію тогда какъ въ промышленности эта цифра равна (въ среднемъ) 50,3%, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ—67,3%, въ извозныхъ и пароходныхъ предпріятіяхъ—43%; общее количество пролетаріата въ самодѣятельномъ населеніи было 9.156.080, а въ торговлѣ—255.947 или 2,8% по отношенію къ первой величинѣ [3]). Другими словами, поскольку можно судить изъ данныхъ переписи о соотношеніи лично-предпринимательскихъ элементовъ съ наемно-трудовыми, наша торговля не носитъ ярко выраженнаго капиталистическаго облика: концентрація развита слабо и участіе пролетаріата сравнительно не высоко.

Все сказанное по поводу учета торговаго населенія относится къ 1897 г. Съ того времени воды утекло не мало и, несомнѣнно, за 10 лѣтъ (1897—1907) наша торговля испытала глубокія измѣненія. Такимъ образомъ, всѣ относящіяся

---

[1]) *В. Михайловскій.* Факты и цифры изъ Русской дѣйствительности, „Нов. Слово", IX, 1897. Ср. „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія". Спб. 1904. стр. 474—475.

[2]) Здѣсь удобно было бы провести параллель между Россіей и иностранными государствами. Но,—говоритъ проф. Borght,—„числа отдѣльныхъ статистикъ несравнимы, такъ какъ различны методы и основанія промысловой статистики" (*Borght*, Hand. u. Handelspol. ss. 27—8). Поэтому, нижеприводимыя цифры не могутъ претендовать на безусловную точность:

1890 г.	*Австрія*,	торговый элементъ населенія	1.482.454	или 6,2%	всего населенія.
1881 »	*Италія*,	» » »	279.773	» 1,24%	» »
1890 »	*Данія*,	» » »	172.929	» 8%	» »
1888 »	*Швейцарія*,	» » »	92 293	» 7,3%	» »
1891 »	*Франція*,	» » »	3.961.496	» 10%	» »

Цифры эти вычислены по даннымъ „The Statesman's Year-Book," for 1903.

[3]) Вычислено по таблицамъ *И. Чернышева*, Всеобщее избирательное право. Спб. 1906. Стр. 114—117.

сюда выкладки и разсчеты имѣютъ за собой почтенную давность и для характеристики торговли въ предреволюціонную и революціонную эпохи даютъ не много.

Итакъ, ростъ желѣзнодорожной сѣти, товарнаго движенія, городовъ и т. д., о чемъ мы только что говорили,—съ несомнѣнностью показываютъ, что наша внутренняя торговля быстро развивается, что торговый капиталъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Однако, внѣшній фактъ возрастанія торговыхъ оборотовъ еще не даетъ намъ полной картины изучаемаго предмета, и не вскрываетъ внутренняго строенія торговаго капитала.

Развитіе торговли совершается въ двухъ направленіяхъ: въ сторону расширенія районовъ торговой дѣятельности, и въ сторону преобразованія рынка въ смыслѣ его объединенія. Первое условіе служитъ для второго главнымъ и опредѣляющимъ моментомъ. Энергическое сооруженіе желѣзныхъ дорогъ втянуло въ торговый оборотъ многіе географическіе районы, доселѣ жившіе въ условіяхъ натуральнаго хозяйства. Усовершенствованные пути сообщенія, въ свою очередь, вносятъ въ цѣны товаровъ извѣстное единообразіе и децентрализуютъ рынокъ. Торговый капиталъ, опираясь на кредитъ, биржу и желѣзныя дороги, организуетъ сбытъ и организуется самъ. Появляются комиссіонеры, вояжеры, рекламы, торговыя палаты, бюро кредитоспособности и проч. Принципъ конкурренціи, борьба за рынокъ получаетъ для торговаго капитала значеніе первостепенной важности. Отсюда—контцентрація торговыхъ предпріятій въ немногихъ рукахъ.

О расширеніи внутренней торговли мы уже говорили. Здѣсь удобно будетъ привести новѣйшія данныя о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ и о географическомъ распредѣленіи нашей внутренней торговли по районамъ.

Перевозки желѣзнодорожныхъ грузовъ (по отправкамъ) въ тыс. пудовъ [1]).

	1892 г.	1902 г.	Приростъ: Тыс. пуд.	Приростъ: %
Мануфактурные товары . . .	27.550	37.543	9.993	33,3
Сахаръ	20.119	32.154	12.035	62,5
Чугунъ	13.641	53.778	40.137	265,4
Желѣзо и сталь	37.426	66.698	29.272	77

Изъ этой таблицы можно усмотрѣть, что за 10 лѣтъ перевозки продуктовъ народнаго потребленія (мануфактура и сахаръ) возрасли на 33,3% и до 62,5%, тогда какъ продукты, идущіе, главнымъ образомъ, на нужды фабричной индустріи и желѣзнодорожнаго строительства (чугунъ, желѣзо и сталь) поднялись на 77% и до 265,4%. Но по разсчетамъ фабричнаго ревизора Варзара *народное* потребленіе желѣза достигаетъ 14% общей выработки.

Что же касается районовъ торговли [2]) и ихъ взаимоотношенія между со-

---

[1]) Вычислено по даннымъ „Ежегодниковъ Министерства Финансовъ“ за 1901 и 1905 гг.

[2]) Внутренній рынокъ въ отношеніи торговли отдѣльными товарами (за исключеніемъ хлѣба) представленъ слѣдующими торговыми пунктами:

Мануфактурные товары: Москва и Лодзь; *лен*: Псковъ, Бѣжецкъ (Твер. губ.

бою, то, насколько можно судить объ этомъ изъ анализа грузового движенія, они опредѣляются слѣдующимъ образомъ (тыс. пуд.): [1]).

Районы.	Мануфактурные товары.		Чугунъ.		Желѣзо и сталь.	
	Получено.	Отправлено.	Получено.	Отправлено.	Получено.	Отправлено.
Промышленный	14.904	21.736	6.426	2.533	9.615	7.058
Центрально-земледѣльческій.	1.609	1.167	2.900	794	3.308	1.484
Привислянскій	2.172	5.471	7.949	5.640	7.192	13.784
Озерный	1.358	1.223	4.220	485	4.765	691
Бѣлорусско-литовскій . .	1.268	679	913	253	2.710	580
Балтійскій	412	236	3.059	374	3.367	1.532
Сѣверо-восточный . . .	1.029	1.035	10.738	10.236	5.394	9.154
Юго-западный и малороссійскій	3.796	1.606	292	3.253	6.321	434
Новороссійскій	3.757	718	11.971	24.070	10.641	23.415
Приволжскій	910	1.219	916	68(?)	2.470	2.552
Крайній сѣверъ	128	16	—	—	95	—
Сѣверный Кавказъ . . .	1.933	772	240	281	3.451	454
Закавказье и Туркестанъ .	1.215	449	—	—	187	—
Сибирь	1.428	290	—	—	1.357	—

Разсматривая эту таблицу, легко замѣтить, что между ея числовыми данными существуетъ прочная связь. Активную торговлю мануфактурными товарами ведутъ преимущественно промышленный и привислянскій районы, отправки

Сычевка (Смол. губ.), Двинскъ, Витебскъ, СПБургъ и др.; *шерсть*: Варшава, Москва, Царицынъ, Харьковъ, Ростовъ-на-Дону, Тамбовъ, Уварово (Тамб. губер.), Баку и др.; *кожи, щетина, пушнина, волосъ*: Тюмень, Варшава, Москва, СПБургъ, Оренбургъ и др.; *скотъ, мясо и сало*: Петербургъ, Москва, Тамбовъ, Воронежъ, Иркутскъ, Тифлисъ и др.; *масло, яйца и живность*: Тамбовъ, Либава, Рига, Москва, СПБургъ, Самара и др.; *рыба*: Либава, Астрахань, Гурьевъ (ур.), Царицынъ, Тюмень, Петербургъ и др.; *чай*: Тюмень, Ирбитъ, Нижній-Новгородъ, Москва, Петербургъ, Рига и Одесса; *сахаръ*: Кіевъ. Варшава, Одесса, СПБургъ, Москва, Лодзь, Баку и др.; *вино*: Таганрогъ, Баку, Кишеневъ, Тифлисъ; *рисъ*: Баку, Петербургъ, Рига, Варшава, Одесса; *масличныя сѣмена и растительныя масла*: Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Ростовъ-на-Дону, Саратовъ, Самара, Царицынъ и др.; *спиртъ*: Москва, Одесса, Кіевъ, Ревель, Либава, Варшава и др.; *лѣсъ*: Астрахань, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Кронштадтъ, Либава и др.; *смола*: Петербургъ, Рига, Архангельскъ, Москва; *чугунъ и желѣзо*: *Лодзь*, *Харьковъ*, Рига, Москва, Кіевъ; *уголь*: тѣ же, что и для чугуна плюсъ Варшава, Одесса и Таганрогъ; *керосинъ*: Баку, Астрахань, Царицынъ, Нижній-Новгородъ, Батумъ; *хлопокъ*: Москва, Тифлисъ, Баку, Н. Маргеланъ, Астрахань, СПБургъ; *хмѣль*: Дубно, Варшава, Кострома, Рига; *табакъ*: Моршанскъ, Майкопъ, Екатеринодаръ, Одесса; *пенька*: Новозыбковъ, Рославль, Курскъ и др.; *соль*: Царицынъ, Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тюмень и др.

[1]) Таблица эта составлена путемъ соотвѣтствующихъ группировокъ данныхъ о перевозкахъ и отправкахъ грузовъ по губерніямъ и областямъ. Цифры за 1902 г.—„Ежегодникъ Министерства Финансовъ“, 1905 г., стр. 416—451.

которыхъ этого товара значительно превышаютъ полученіе. Въ аналогичныхъ условіяхъ съ упомянутыми районами по отношенію торговли продуктами металлургіи стоятъ районы новороссійскій, малороссійскій и отчасти сѣверо-восточный: они сбываютъ чугунъ, желѣзо и сталь въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ получаютъ со стороны, отъ другихъ производительныхъ районовъ. Вслѣдствіе этого главными покупателями мануфактуры являются районы, спеціализировавшіеся на производствѣ предметовъ горнаго промысла, какъ равно главными покупателями этихъ послѣднихъ служатъ районы, гдѣ сосредоточена текстильная промышленность. Остальные районы въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя губки, пассивно впитывающіе всѣ цѣнности, выбрасываемыя на рынокъ, съ одной стороны, центромъ и Царствомъ Польскимъ, съ другой стороны,—губерніями степной полосы и Ураломъ.

Эта нѣсколько грубая схема взаимоотношеній торговыхъ районовъ между собою можетъ быть дополнена слѣдующими соображеніями. Если мы развернемъ карту желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей сообщенія и намѣтимъ на ней рядъ торговыхъ пунктовъ, особенно характерныхъ въ отношеніи торговли наиболѣе важными предметами внутренняго торга, то нашимъ глазамъ представится такая картина. Сельскохозяйственные товары движутся съ востока—отъ волжскихъ пристаней—по направленію, главнымъ образомъ, сѣверныхъ и южныхъ (Царицынъ—Ростовъ-на-Дону), портовъ, а частью—къ Москвѣ, для внутренняго потребленія; продуктъ центрально земледѣльческой полосы идетъ по двумъ русламъ, во-первыхъ, радіусами къ Москвѣ, а оттуда въ Петербургъ, причемъ часть транспорта (у ст. Тосна) оттягивается на Ревель, во-вторыхъ,—къ Ригѣ (черезъ Смоленскъ); продуктъ сѣверо-запада и юго-запада большей частью остается на мѣстахъ или циркулируетъ въ предѣлахъ района, и только сравнительно небольшая доля его идетъ къ портамъ юга и пунктамъ западной сухопутной границы. Промышленные грузы движутся иначе. Исходные пункты ихъ движенія—Москва, Варшава и отчасти Петербургъ, откуда они направляются во всѣ стороны имперіи. Въ частности, для продуктовъ горнозаводской промышленности такими пунктами является въ южной и центральной областяхъ—донецкій бассейнъ, на западѣ—домбровскій бассейнъ, а на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ—Уралъ. Движеніе предметовъ нефтепромышленности также отличается своеобразіемъ. Пунктомъ отправленія служитъ Астрахань; товаръ идетъ вверхъ по Волгѣ, задерживаясь на каждой болѣе или менѣе значительной пристани, черезъ которыя онъ поступаетъ для надобностей рынка. Такимъ образомъ широкая полоса нефтяныхъ грузовъ у Астрахани въ верховьямъ Волги суживается; у Рыбинска она сходитъ на нѣтъ.

Обороты товаровъ и товарной торговли по главнѣйшимъ районамъ не поддаются учету. Но если пользоваться для этого данными раскладочнаго сбора, то можно приблизительно опредѣлить степень участія въ торговлѣ той или иной губерніи. Такъ, беря губерніи съ оборотами свыше 100 милл. руб., мы находимъ, что Московская губернія имѣетъ 689 милл. руб. торговаго оборота, Херсонская—507 милл. руб., Петербургская—477 милл. руб., Варшавская—186 милл. руб., Бакинская—116 милл. руб., Донская область—112 милл. руб.,

Лифляндская—107 милл. руб. [1]). Разумѣется, приведенныя выкладки далеко не характеризуютъ дѣйствительные обороты торговли по губерніямъ. Однако, изъ нихъ можно усматривать тоже, что мы видѣли изъ анализа грузового движенія, а именно, въ географическомъ отношеніи торговля распредѣляется, съ одной стороны, между Москвой и Польшей, съ другой стороны, между югомъ и этими пунктами.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ внесло рядъ существенныхъ измѣненій въ организацію нашей внутренней торговли. Прежде всего замѣчается паденіе былого значенія крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ и количественный ростъ ярмарокъ мелкихъ сельскихъ торжковъ.

Сумма проданныхъ товаровъ (милл. руб.) [2]).

	1868—72 г.	1895 г.
9 крупныхъ ярмарокъ малороссійскаго района.	48,6	34,2

Тоже самое происходитъ съ крупнѣйшими русскими ярмарками—нижегородской и ирбитской:

Цѣнность привезенныхъ товаровъ (милл. руб.) [3]):

Годы.	Нижегородская ярмарка.	Ирбитская ярмарка [4]).
1880	200	63
1885	186	56
1890	181	46
1895	176	48

Произвести учетъ оборотовъ мелкихъ ярмарокъ и дать цифровую характеристику ярмарочной торговли за послѣдніе годы невозможно за отсутствіемъ надлежащихъ статистическихъ свѣдѣній [5]). Нѣкоторыя данныя о ростѣ мелкихъ ярмарокъ даетъ «Временникъ Центр.-Стат. Комитета» за 1894 г. Если сравнить данныя «Временника» съ данными «Воен.-Стат. сборника», то получимъ слѣдующую табличку, указывающую на сильный приростъ мелкихъ ярмарокъ:

	1868 г.	1894 г.
Общее количество ярмарокъ въ имперіи	6.500	16.604
Изъ нихъ:		
сельскихъ ярмарокъ	5.341	14.432
городскихъ	1.159	2.172
съ оборотами отъ 100 т. р. до 1 м. р. и болѣе	244	166

[1]) Въ эти цифры вошла торговля только такими товарами, обороты которыхъ стоятъ выше 150 милл. руб.

[2]) Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи, СПБ. 1896, 425.

[3]) l. c.

[4]) Цифры привоза для 1880 и 1895 г. исчислены нами по даннымъ энциклоп. словаря Брок. и Эф. „Внутр. торговля Россіи“, т. 54, стр. 323.

[5]) „Въ послѣдніе годы не публикуется свѣдѣній объ ярмарочныхъ оборотахъ по всей имперіи“. *Моревъ*, Очерки коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, стр. 227, СПБ. 1907 г.

Итакъ, растутъ сельскія и мелкія ярмарки, а крупныя—падаютъ.

Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, ростомъ транспортныхъ средствъ, почтово-телеграфныхъ, кредитныхъ и комиссіонерскихъ учрежденій—устанавливается непосредственная связь районовъ производства съ районами потребленія, закупки товара сосредоточиваются въ фабричныхъ пунктахъ, и ярмарочная оптовая торговля теряетъ свое практическое значеніе, какъ центральный пунктъ-распредѣлитель. Во-вторыхъ, быстрое развитіе товарнаго хозяйства не удовлетворяется наличнымъ числомъ мѣстъ розничной и мелочной торговли, техника которой стоитъ на низкомъ уровнѣ и сравнительно слабо приспособляется къ условіямъ спроса. Съ другой стороны, мелкія ярмарки и торжки даютъ возможность крестьянамъ сбывать продукты своего хозяйства, и покупать предметы промышленности, минуя посредниковъ.

Формы *сбыта* товаровъ различны въ зависимости отъ размѣровъ рынка, на который сбываются товары. Въ крупныхъ городахъ купеческая торговля поставлена на надлежащую высоту и потребитель получаетъ товаръ изъ первыхъ—вторыхъ рукъ. Напротивъ, въ уѣздныхъ городахъ, посадахъ, селахъ, по мѣрѣ удаленія крупнаго торговаго капитала отъ центровъ сбытъ сосредоточивается въ рукахъ представителей мелкаго капитала, которые, въ свою очередь, распадаются на трехъ—четырехчленный рядъ. Вообще, вліяніе мелкаго торговаго капитала у насъ чувствуется довольно сильно.

Ростъ фабричнаго производства въ Россіи на-ряду съ охарактеризованнымъ выше ростомъ торговыхъ оборотовъ обострилъ конкуренцію среди фабрикантовъ и заводчиковъ. Послѣ долгой вражды Лодзи съ Москвой начинается вражда среди фабрикантовъ, предпріятія которыхъ расположены въ этихъ районахъ [1]). Молодая горнопромышленность юга успѣшно конкурируетъ съ Ураломъ и оттѣсняетъ его на второй планъ [2]). Вслѣдствіе этихъ причинъ начинаетъ увеличиваться классъ коммивояжеровъ, главнымъ образомъ, въ Царствѣ Польскомъ; коммивояжеры сосредоточиваютъ свою дѣятельность на окраинахъ — Сибири, Кавказѣ и Средней Азіи. Развитію коммивояжерскаго промысла способствовало также отсутствіе у насъ справочныхъ бюро, гдѣ всякій желающій можетъ узнать о лицахъ, занимающихся торговлей, о размѣрѣ ихъ кредитоспособности [3]),—такія бюро давно уже существуютъ заграницей.

---

[1]) См. *Роза Люксембургъ*. Промышленное развитіе Польши, стр. 42—74. Спб. 1899.

[2]) *Рагозинъ*. Желѣзо и уголь на Уралѣ. Спб. 1895, стр. 91 и 134. Ср. *Денъ*. Каменноугольная и желѣзодѣлательная промышленность, стр. 181—122. Спб. 1907.

[3]) Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что законъ 1898 г. о промысловомъ обложеніи ставилъ серьезныя препятствія росту коммивояжерскаго промысла. Согласно ст. 57, „въ огражденіе крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій“ отъ мелкихъ и среднихъ, имѣть коммивояжеровъ дозволялось только торговымъ предпріятіямъ, уплатившимъ промысловый налогъ по первому разряду (500 р.), а промышленнымъ, уплатившимъ этотъ налогъ по одному изъ первыхъ трехъ (1.500 р., 1.000 р. и 500 р.). Если торговое предпріятіе второго разряда пожелало бы имѣть коммивояжера, то по ст. 57 оно должно перейти въ первый и платить налога на 350 руб. больше (500 р.—150=350 р.). Закономъ 5 іюня 1900 г. сдѣланы послабленія въ сторону предоставленія большей свободы развитію института

Развитіе промышленности породило биржевую торговлю, которая особенно быстро развилась послѣ закона 8 іюня 1893 г., дозволявшаго совершать сдѣлки на срокъ для всѣхъ бумагъ, за исключеніемъ валюты [1]):

	1876 г.	1884 г.	1903 г.
Общее количество бумагъ, входящихъ въ котировку и обращающихся на русскихъ фондовыхъ биржахъ	158	318	524

Изъ фондовыхъ биржъ наибольшее значеніе имѣютъ петербургская и московская [2]).

Паденіе крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ, развитіе биржевой торговли и коммивояжерскаго промысла свидѣтельствуютъ о сравнительно высокой торговой техникѣ, которая предполагаетъ *капиталистическую* организацію рынка.

Подводя итоги сказанному о товарной торговлѣ, мы приходимъ къ выводамъ, аналогичнымъ по смыслу и значенію съ выводами предшествующей главы, посвященной характеристикѣ сельскохозяйственнаго рынка. И здѣсь, какъ и тамъ, мы видимъ рядъ противорѣчій, исключающихъ прогрессирующее развитіе потребительскаго спроса. Ростъ внутренняго рынка и товарнаго обращенія, какъ результатъ желѣзнодорожнаго строительства и таможенныхъ мѣропріятій, порожденныхъ предшествовавшимъ развитіемъ хозяйственнаго строя Россіи, подчинялись, съ одной стороны, общимъ законамъ капитализма, съ другой стороны, испытывали на себѣ глубокое вліяніе разорительной политики правительства, эффектъ которой съ каждымъ годомъ усиливался. Такимъ образомъ два фактора — денежное хозяйство и политика самодержавія — опредѣляли печальныя судьбы нашей внутренней торговли.

Дѣйствіе перваго фактора выражалось въ томъ, что онъ расширялъ рынокъ и углублялъ его емкость, такъ какъ процессъ перехода отъ натуральнаго хозяйства самъ собою стимулируетъ спросъ на предметы промышленности и преобразуетъ торговую технику. По мѣрѣ того, какъ денежное хозяйство становилось господствующимъ, внутренній торгъ и торговый капиталъ пріобрѣтаютъ въ экономикѣ страны большое значеніе и принимаютъ новый, капиталистическій обликъ. Растетъ вмѣстѣ съ ростомъ желѣзнодорожной сѣти внутренняя торговля, которая вызываетъ къ жизни тысячи новыхъ ярмарокъ, удаленныхъ отъ торговыхъ пунктовъ, а обороты на существующихъ ярмаркахъ интенсивно подымаются; расширяются и районы торговли. Темпъ товарнаго обращенія становится болѣе быстрымъ и требуетъ усовершенствованной торговой организаціи. И мы видимъ,

---

коммивояжеровъ: всякое торговое предпріятіе имѣетъ право содержать странствующихъ приказчиковъ при условіи уплаты 150 руб. основного промысловаго налога. См. *Оверовъ*, l. c., 135—6.

[1]) Подсчетъ бумагъ сдѣланъ по „Ежегодникамъ М-ва Ф-овъ“, выпуски VIII XIV и 1904 г.

[2]) О торговомъ кредитѣ см. дальше, глава „Кредитъ“.

что наряду съ развитіемъ парового транспорта, желѣзнодорожнаго и пароходнаго движенія, съ ростомъ почтовыхъ отправленій и транспортно-комиссіонныхъ учрежденій — увеличиваются объемы торговаго капитала и усложняются отношенія отдѣльныхъ торговыхъ районовъ между собой. Рынокъ объединяется, оптовая ярмарочная торговля падаетъ, за счетъ увеличенія оборотовъ на мѣстахъ производства; устанавливается непосредственная связь купца съ фабрикантомъ и промышленникомъ, которые теперь, подъ вліяніемъ конкуренціи, организуютъ сбытъ по всѣмъ правиламъ капиталистической торговой техники; появляются коммивояжеры; быстро расширяются обороты фондовыхъ биржъ. Коротко говоря, къ началу XX столѣтія русская внутренняя торговля въ отношеніи *внѣшнихъ* ея формъ обладала всѣми наиболѣе важными аппаратами сбыта и обращенія, устройство и механизмъ которыхъ, безспорно, могли существовать только при высоко развитой промышленности.

Однако, дѣйствіе второго фактора—политика самодержавія—ставило этому, изображенному выше прогрессирующему развитію внутренняго рынка, столь серьезныя и неодолимыя препятствія, что рынокъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ вступить въ рѣзкій конфликтъ съ существовавшими политическими учрежденіями. Противорѣчія, которыя мы выше приводили и которыя порождены мѣропріятіями правительства по отношенію къ рынку, къ началу XX столѣтія, т. е. спустя 40 лѣтъ послѣ реформы 1861 г. и 15 лѣтняго господства непомѣрно высокихъ покровительственныхъ пошлинъ, косвенныхъ налоговъ и дифференціальныхъ тарифовъ, доходятъ до своего логическаго конца.

Развитіе денежнаго хозяйства, вовлекая въ товарное обращеніе одинъ районъ за другимъ, создавало предпосылки для сбыта предметовъ промышленности въ широкомъ масштабѣ. Но, съ другой стороны, это развитіе денежнаго хозяйства, вслѣдствіе уродливыхъ аграрныхъ отношеній, экономической необезпеченности сельскаго населенія, разорительной финансовой и экономической политики самодержавія—влекло за собой обѣдненіе широкаго контингента потребителей, уменьшеніе емкости внутренняго рынка. Такимъ образомъ, по мѣрѣ роста денежныхъ отношеній товарная торговля расширялась и увеличивала обороты, но потенціальная сила спроса со стороны потребительскаго рынка, покупательная способность населенія неизбѣжно понижалась и падала. Въ результатѣ—жестокій кризисъ: есть капиталистическая промышленность, но нѣтъ емкаго рынка, есть капиталистическая торговая организація, но нѣтъ покупателя [1]).

Да иначе оно и быть не могло. Характерной особенностью русскаго сельскаго населенія, составляющаго около 80% всего населенія, является «періоди-

---

[1]) Что это дѣйствительно такъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: *потребленіе чугуна на душу* (1901 г.): С. А. С. Штаты—448 англ. ф., Англія—403, Германія—308, Россія—44; *сахара:* Англія—97 ф., Данія—60, Германія—25,8, Россія — 9,7; *чая:* Англія—6,7 ф., Голландія—1,5, С. А. С. Штаты—1,4, Россія—0,9; въ Англіи, Голландіи и С. А. С. Штатахъ въ большихъ количествахъ потребляется еще кофе, который у насъ не получаетъ такого широкаго распространенія. *Количество жѣновыхъ единицъ на душу:* Англія—174 р., Германія—116, Франція—293, Австро-Венгрія—121, Италія—142, Россія—46, Турція—41. Вычислено по „The Statesman's Year-Book", 1900—03.

ческое оффиціальное голоданіе... и постоянное, безмолвное недоѣданіе. Крупные неурожаи и голодовки, захватывающіе $^1/_4$, $^1/_3$ или даже $^1/_2$ Европейской Россіи, наблюдаемъ въ 1885, 1889, 1891, 1892, 1897, 1898, 1899, 1901 (и 1905) гг. Въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ Европейская Россія болѣе или менѣе основательно голодала 9 разъ, т. е. приблизительно разъ въ два года, или, иначе говоря, россійскій обыватель бываетъ сытъ только черезъ день».

Такъ говоритъ г. А. А. Вольскій—членъ совѣта съѣздовъ промышленности и торговли—въ своемъ докладѣ «Производительныя силы и экономическо-финансовая политика Россіи».

Спрашивается, какимъ же образомъ этотъ полуголодный, вѣчно недоѣдающій субъектъ — «россійскій обыватель» — можетъ явиться надежнымъ и солиднымъ покупателемъ предметовъ промышленности и откуда онъ возметъ средства для этихъ закупокъ, разъ онъ самъ голодаетъ?

Такое глубокое несоотвѣтствіе между рынкомъ и производствомъ въ яркой степени обнаружилось въ періодъ промышленнаго кризиса 1899—1902 гг. Оффиціозное изслѣдованіе этого кризиса вынуждено было открыто заявить, что онъ въ значительной части обусловленъ «чрезвычайнымъ ослабленіемъ покупательной способности населенія» [1]).

«Съ этимъ-то печальнымъ факторомъ—ослабѣвшею покупательною способностью населенія, — говоритъ г. Брандтъ, — металлургическая промышленность столкнулась лицомъ къ лицу, какъ разъ въ то время, когда она въ своемъ развитіи дошла до того момента, когда спеціальный спросъ, которымъ она жила все время т. е. казенные заказы, сталъ ненадежнымъ, и она должна была обратиться къ покупательной силѣ населенія, какъ къ ultima ratio своего существованія...». Но «надежды на этого массоваго потребителя, вслѣдствіе.... ослабленія покупательной способности населенія, не оправдались...». При такихъ условіяхъ въ металлургической промышленности долженъ былъ наступить кризисъ, который по самому свойству причинъ, его вызвавшихъ, долженъ былъ получить *затяжной* характеръ» [2]).

То же самое и въ области мануфактуры: «это ослабленіе покупательной способности населенія... должно было повести къ *значительнымъ затрудненіямъ* въ сбытѣ мануфактурныхъ товаровъ и къ наступленію реакціи въ этой отрасли промышленности» [3]).

Итакъ, за двадцать мѣсяцевъ до начала войны,—а вмѣстѣ съ ней и революціи,—торговля и промышленность находились въ состояніи «затяжного кризиса» и испытывали «значительныя затрудненія». Подобный фактъ, разумѣется, далеко не случайное явленіе: безотрадное положеніе торговли въ предреволюціонную эпоху объясняется ничѣмъ инымъ, какъ только обостреніемъ противорѣчій между рынкомъ и самодержавными политическими формами; это одно изъ наиболѣе частныхъ выраженій общаго противорѣчія между буржуазно-капитали-

[1]) *Б. Ф. Брандтъ*. Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи (1900—1902), ч. II. Торгово-промышленный кризисъ въ Россіи, стр. 71. Спб. 1904.

[2]) l. c., 72 и 74.

[3]) l. c., 304.

стическими отношеніями хозяйства и феодально-бюрократическими формами политической жизни [1]).

Даже когда острота кризиса прошла, торговля все же носила вялый характеръ и не обнаруживала стремленія къ увеличенію оборотовъ. 1903 годъ въ торговомъ отношеніи характеризуется неустойчивостью торговыхъ дѣлъ, какъ результатъ недавняго кризиса. Урожай былъ хотя и выше средняго (1898—1902 гг. — 3.509 мил. пуд., въ 1903 г. — 3.923 мил. пуд.), но ниже урожая 1902 г. (4.108 мил. пуд.), при чемъ въ пріозерныхъ, сѣверо-западныхъ и промышленныхъ губерніяхъ сборы хлѣбовъ стояли ниже средняго. Нижегородская и ирбитская ярмарки прошли въ общемъ удовлетворительно—для мануфактуры, но торговля продуктами желѣзодѣлательной промышленности носила ограниченный характеръ, вслѣдствіе отсутствія надлжащаго спроса со стороны рынка.

Не задаваясь цѣлью всесторонняго освѣщенія условій торговли въ 1904 г., замѣтимъ, что при первыхъ же громахъ войны торговая дѣятельность пошла на убыль и на товарномъ рынкѣ воцарилась полная реакція. По словамъ министра финансовъ (см. докладъ о росписи на 1905 г.) Ирбитская, Кіевская-контрактовая и Нижегородская ярмарки прошли вяло и торговля мануфактурой и галантерейными товарами стояла далеко ниже, по сравненію съ 1903 г.; сбытъ предметовъ металлургіи также не обнаруживалъ тенденціи къ расширенію. Газетныя сообщенія того времени пестрятъ фактами о ликвидаціи торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, о сокращеніи производства, о безработицѣ, объ упадкѣ торговли оптовой и розничной, о крахахъ банкирскихъ конторъ и т. д. и т. д.

Такъ, напримѣръ, «Русское Слово» сообщало, что на мануфактурномъ рынкѣ «назрѣваетъ главный кризисъ. Запасы рыночныхъ сортовъ достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ... Продавцы не находятъ покупателей. Сокращеніе спроса опредѣляется минимумъ 30—40%». «Кіевское Слово», въ свою очередь, жаловалось, что во всемъ сѣверо-западномъ районѣ «дѣла пришли въ полнѣйшій упадокъ, въ торговлѣ и промышленности застой». Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ констатировала, что въ Привислянскомъ Краѣ съ «наступленіемъ военнаго времени... сбытъ товаровъ уменьшился, и фабрикамъ пришлось сократить производство».

Ихъ краткаго перечня этихъ фактовъ видно, что съ наступленіемъ войны внутренняя торговля переживала глубокій кризисъ, явившійся результатомъ, съ одной стороны, предшествовавшаго развитія хозяйственнаго строя и политики самодержавія, съ другой стороны, войны, которая сама по себѣ есть народное бѣдствіе, такъ какъ она уменьшаетъ область чисто коммерческихъ оборотовъ, сокращаетъ до извѣстной степени потребленіе продуктовъ народнаго обихода и нарушаетъ ходъ накопленія.

---

[1]) 65 лѣтъ тому назадъ, *Фр. Листъ*, говоря о Россіи, замѣтилъ, „что недостатокъ образованія и *цѣлесообразныхъ* (!) государственныхъ учрежденій должно будетъ задерживать Россію въ дальнѣйшемъ промышленномъ и коммерческомъ поступательномъ движеніи, если только императорскому правительству не удастся *согласовать общее состояніе страны съ потребностями промышленности*“. *Friedrich List*, Das nationale System d. polit. Oekonomie, 147.

II.

Внѣшняя торговля.

Развитіе внѣшней торговли Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

I.

Годы.	Вывозъ.	Привозъ.	Общій оборотъ.	Балансъ.	Ростъ оборота въ %.
	Въ тысячахъ рубляхъ.				
1800—1824 . . .	64.122	48.207	112.329	+ 15.915	100
1825—1849 . . .	112.123	100.051	212.174	+ 12.072	189
1850—1874 . . .	261.389	263.868	525.257	— 2.479	467
1875—1899 . . .	596.117	495.872	1.091.989	+ 100.245	972

II. Вывозъ.

	1802—4 гг.	1865—67 гг.	1896—98 гг.
	Въ процентахъ.		
Жизненныхъ припасовъ . .	19,4	39,0	58,2
Сырыхъ и полообработанныхъ матеріаловъ . .	70,1	50,0	35,5
Животныхъ	2,1	3,5(?)	2,3
Издѣлій	8,4	7,5	4,0
Итого . . .	100,0	100,0	100,0

III. Привозъ.

	1802—4 гг.	1865—67 гг.	1896—98 гг.
	Въ процентахъ.		
Жизненныхъ припасовъ . .	39,0	27,6	17,3
Сырыхъ и полообработанныхъ матеріаловъ . .	24,0	44,3	52,7
Животныхъ	1,8	0,6(?)	0,6
Издѣлій	35,2	37,5	29,4
Всего . . .	100,0	100,0	100,0

Разсмотримъ первую таблицу. Прежде всего бросается въ глаза ростъ общаго оборота, который поднялся на 972%. Это значитъ, что на протяженіи

[1]) Таблицы эти скомбинированы изъ данныхъ „Сборника свѣд. по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи подъ редакціей В. И. Покровскаго", СПБ. 1902 г. „Воен. стат. сборника" и „Внѣшняя торговля" „*В. Покровскаго*" „Россія въ концѣ XIX в."), изд. министер. финансовъ. 1900 г.

всего прошлаго столѣтія внѣшнія коммерческія отношенія Россіи непрерывно развивались, что наша экономическая изолированность отъ мірового рынка съ каждымъ годомъ падала и что къ началу 1900 гг. Россія принимаетъ весьма солидное участіе въ международной торговлѣ. Однако, этотъ процессъ развитія нашей внѣшней торговли, въ силу спеціальныхъ условій ея хозяйственной жизни, не имѣлъ строгой цѣлостности и его составные элементы постоянно модифицировались. Изъ таблицы видно, что вывозъ не представляетъ изъ себя устойчивой величины и амплитуда колебанія его, поэтому, цѣликомъ переносится на балансъ, который такъ же, какъ и вывозъ, крайне неустойчивъ и подвиженъ. Тенденція къ уменьшенію активности баланса, обусловленная непропорціональнымъ ростомъ привоза къ вывозу, выразилась особенно сильно въ періодъ 1850—1874 гг., когда балансъ сводился съ пассивомъ (въ среднемъ) въ 2.479 т. р. Напротивъ, послѣдующее двадцатипятилѣтіе характеризуется сильнымъ возрастаніемъ вывоза и сравнительно слабымъ увеличеніемъ привоза, вслѣдствіе чего балансъ становится активнымъ; за это время вывозъ подымается настолько высоко, что за компенсаціей привоза остается еще въ пользу Россіи колоссальный излишекъ въ 100.245 т. р. Причины, видоизмѣнявшія положеніе баланса, усматриваются изъ таблицъ II и III.

Изъ таблицы II видно, что вывозъ жизненныхъ припасовъ неуклонно увеличивается, а вывозъ остальныхъ продуктовъ—сырье и издѣлія—падаетъ: жизненные припасы въ 1802—4 гг. составляли 19,4% всего вывоза, въ 1865—67 гг. эта цифра подымается до 39,0 %, а въ 1896—98 гг. она дѣлаетъ рѣзкій скачекъ въ гору и уже составляетъ 58,2 % или около $^6/_{10}$ всего нашего экспорта; вывозъ по второй товарной группѣ, наоборотъ, обнаруживаетъ тенденцію къ уменьшенію и сокращается съ 70,1%, до 50,0%, а къ 1896—98 гг. до 35,5%; остальныя величины имѣютъ третьестепенный интересъ и мы на нихъ не будемъ останавливаться. Эти измѣненія являются результатомъ реформы 1861 г. и финансово-экономической политики «стараго режима» (государственный кредитъ и валютная реформа), и объясняются развитіемъ промышленности внутри Россіи.

Мы уже неоднократно упоминали о причинахъ, вызвавшихъ галопирующій ростъ нашего экспорта и о томъ, какое вліяніе оказывалъ этотъ ростъ на экономическую жизнь страны. Чтобы яснѣе представить заключающіяся въ ней противорѣчія, обратимся къ таблицѣ III, которая во многомъ опредѣляла содержаніе таблицы II.

Первая товарная группа (см. таб. III), составлявшая въ 1802—4 г. 39,0% всего привоза, къ 1865—67 гг. уменьшается до 27,6%, а къ 1896—98 гг. до—17,3%; цифры второй группы, напротивъ, постепенно возрастаютъ: 24,0%, 44,3%, 52,7%. Другими словами, развитіе первыхъ двухъ группъ по привозу идетъ въ противоположномъ направленіи этимъ группамъ по отпуску. Далѣе, привозъ по группѣ «издѣлія» то подымается, то опускается, причемъ возрастаніе этой статьи совпадаетъ съ пассивомъ въ балансѣ, а ея паденіе—съ активомъ.

Изображенная выше функціональная зависимость составныхъ величинъ внѣшней торговли, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: по мѣрѣ возрастанія

вывоза жизненныхъ припасовъ уменьшается ихъ привозъ, и по мѣрѣ паденія вывоза сырья и полуобработанныхъ матеріаловъ увеличивается привозъ таковыхъ, причемъ наибольшая величина отпуска жизненныхъ припасовъ совпадаетъ съ наименьшей величиной привоза «издѣлій». Если сказанное изобразить въ кривыхъ, то къ 1896—98 гг. кривая *экспорта* первой группы стремительно подымается вверхъ, увлекая за собой кривую *импорта второй* группы, а кривая *экспорта* второй группы и *импорта*—первой и послѣдней,—падаютъ.

Переходимъ къ исторіи нашей внѣшней торговли.

До 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, до освобожденія крестьянъ отпускная и привозная торговля не испытывали на себѣ глубокаго вліянія внѣшнихъ факторовъ; крѣпостной трудъ и господство бумажно-денежнаго обращенія разбивали въ прахъ всякія протекціонистскія стремленія, служа въ тоже время препятствіемъ для притока иностранныхъ капиталовъ. Главной статьей экспорта, насколько видно изъ таблицы II и ея анализа, являлось сырье (сало, кожи, пенька и проч.) и отправки хлѣба—жизненныхъ припасовъ—не достигали большихъ размѣровъ. Изъ заграницы получались, главнымъ образомъ, сахаръ, вина, соль, чай, хлопчато-бумажные, шелковые и шерстяные товары, хлопокъ, шелкъ, краски и проч. Отсутствіе фабричной промышленности крѣпостной трудъ и натуральная форма хозяйства опредѣляли нашу вывозную торговлю: сырье, не подвергаясь переработкѣ внутри страны, шло заграницу, которая посылала въ Россію продукты фабрично-заводского производства. Таможенная политика преслѣдовала, прежде всего, фискальныя цѣли; охранительныя тенденціи тарифовъ 1822, 1841, 1858 г.г., вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, не могли создать крупнаго эффекта и постепенно теряли свое значеніе. Тарифъ 1868 г. понизилъ пошлины на многіе товары въ цѣляхъ наибольшаго повышенія дохода, т. к. имъ создавались болѣе благопріятныя условія для привоза, а слѣдовательно и для роста таможенныхъ сборовъ [1]).

Къ концу 60-хъ годовъ положеніе мѣняется: реформа 1861 г. повлекла за собой усиленіе сбыта хлѣба, а проведеніе желѣзнодорожныхъ магистралей къ портамъ подняло хлѣбный экспортъ, который теперь составляетъ уже 30,0% (вмѣсто 19,4%) всей отпускной торговли, съ другой стороны, ростъ денежныхъ отношеній, желѣзнодорожное строительство и развитіе отечественной промышленности уменьшили экспортъ сырья, вывозъ котораго падаетъ съ 70,1% до 50,0%, какъ результатъ внутренняго спроса для нуждъ индустріи; по тѣмъ же причинамъ возрастаетъ привозъ заграничнаго сырья и издѣлій, а привозъ жизненныхъ припасовъ опускается.

---

[1]) Тарифъ, 1868 г. по сравненію съ тарифомъ 1841, понизилъ пошлины: по 35 главнѣйшимъ статьямъ: для чугуна—до 20 разъ, для кожъ выдѣланныхъ отъ 5 до 10 разъ, сѣрной кислоты—до 15 разъ, для стеклянныхъ издѣлій—до 36 разъ и проч. Вслѣдствіе этого процентное отношеніе таможенной пошлины къ цѣнности товара измѣнилось: въ 1851—56 г. оно составляло 24,9%, въ 1857—68 г.г.—17,6%, а въ 1869—76 г.г. только 12,8 ; напротивъ, таможенный доходъ за указанное время возросъ, съ 24.915 тыс. руб. до 32.152 тыс. руб., а къ концу періода, т. е. въ 1869—76 г.г. онъ равнялся уже 53.271 тыс. руб. Вычислено по таблицамъ *Бліоха*, l. c., т. III, стр. 111 и слѣд.

Умѣренный таможенный тарифъ 1868 г., облегчивъ доступъ иностранныхъ товаровъ въ Россію, натолкнулся на крупную металлическую задолженность и на бумажную валюту, которые тянули нашъ балансъ въ сторону пассива. Ростъ импорта, благодаря спросу на строительные матеріалы для желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, а также и на предметы потребленія благодаря развитію внутренней торговли, — не угрожалъ бы нашему балансу, если-бы не существовалъ государственный долгъ и если бы оплата % по займамъ была не велика [1]). Платить по займамъ, значительнѣйшая часть которыхъ была размѣщена заграницей, приходилось много (около 300 милл. руб.) и не бумажными деньгами, ходившими съ крупнымъ лажемъ, а *золотомъ*, что означало увеличеніе этихъ платежей на 10—14%. Въ результатѣ, несмотря на быстрое возрастаніе хлѣбнаго отпуска, балансъ начинаетъ склоняться не въ пользу Россіи.

	Сальдо торговаго баланса.	Перевѣсъ отпуска золота и серебра надъ привозомъ.
	Въ тысячахъ рубляхъ.	
1851—1860	+12.470	6.805
1861—1870	+ 9.370	20.387
1871—1880	—42.750	16.333

Какъ видимъ, начиная съ 50-хъ годовъ, отливъ драгоцѣнныхъ металловъ происходитъ непрерывно, а въ 70—80 г.г. усугубляется еще крупнымъ пассивомъ въ балансѣ.

Что случилось? Почему одновременно съ пассивностью баланса драгоцѣнные металлы уплывали заграницу?

Это объясняется, во первыхъ, возрастаніемъ задолженности, обусловленной войнами (крымская и турецкая); во вторыхъ, тарифомъ 1868 г. Для усиленія финансовыхъ рессурсовъ правительство, между прочимъ, реформируетъ таможенный тарифъ. Пониженныя таможенныя пошлины, привлекая иностранные товары въ большихъ количествахъ, должны были повысить таможенный доходъ. Такъ и случилось. Но, съ другой стороны, развитіе желѣзнодорожнаго строительства, промышленности и торговли форсировали импортъ, который былъ поэтому плюсомъ для бюджета и минусомъ для баланса. При большой металлической задолженности, когда торговый балансъ имѣетъ цѣлью уравновѣсить международные ликвидиціонные разсчеты, и при господствѣ бумажной валюты, разбивающей всякія бюджетныя и хозяйственныя предположенія, хроническій пассивъ въ балансѣ является смертоноснымъ орудіемъ разрушенія государственнаго и народнаго хозяйства.

Возрастающая пассивность баланса, достигшая въ 1875 г. 162,2 милл. руб., съ одной стороны, и потребность въ новыхъ займахъ, съ другой, — толкнули правительство въ лагеръ протекціонизма. Для борьбы съ недочетами въ ба-

---

[1]) Цифровыя данныя, непосредственно относящіяся къ этому вопросу, приведены нами на стр. 113.

лансѣ съ 1 января 1877 г. устанавливается взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотою монетою. Это означало усиленіе тарифа на 50% по курсу 1877 г. или на 25% по отношенію къ среднему курсу за время дѣйствія тарифа 1868 г.

Однако, тарифъ 1877 г. былъ безсиленъ излечить недуги нашего баланса. Правительство широко эксплуатировало государственный кредитъ на вооруженіе и для желѣзнодорожнаго строительства, а курсъ рубля не обнаруживалъ тенденціи къ улучшенію. Тогда — въ концѣ 1881 г. — производится надбавка въ 10% на всѣ товары, за исключеніемъ соли. За этимъ слѣдуетъ рядъ новыхъ огульныхъ повышеній пошлины: въ 1885 г. на 20% и 1891 г. на 20% [1]). Такимъ образомъ за 15 лѣтъ ставки таможеннаго тарифа возросли болѣе, чѣмъ въ 100 разъ. По словамъ г. Шванебаха, «все сводилось къ минимальному ввозу съ возможно крупнымъ таможеннымъ доходомъ» [2]). Здѣсь въ отношеніи привоза мы видимъ какъ разъ обратное тому, что правительство предпринимало, когда вводило тарифъ 1868 г.; въ отношеніи же таможеннаго дохода и здѣсь и тамъ имѣется опредѣленное единство — усиленіе этого дохода.

Сравнимъ пошлины тарифовъ 1868 и 1891 г. (въ коп. съ пуда) [3]):

	Тарифъ 1868 г.	Тарифъ 1891 г.
Руда желѣзная	безпошл.	$10^1/_2$
Чугунъ	5	$45—52^1/_2$
Желѣзо	20—50	90—150
Рельсы	20	90
Чугунныя отливки и издѣлія.	50—250	$112^1/_2—255$
Кузнечныя и котельныя подѣлки	100	255
Машины фабрично-заводскія.	безпошл.	255
Паровозы	75	300

На ряду съ повышеніемъ таможеннаго тарифа, правительство измѣняетъ и желѣзнодорожные тарифы. Сокращеніе привоза совершается при одновременномъ увеличеніи вывоза.

Достигнувъ такимъ путемъ активности баланса, правительство накопляетъ золото для нуждъ валютной реформы, осуществленіе которой становилось возможнымъ при излишкахъ вывоза надъ ввозомъ. Усиленіе желѣзнодорожнаго строительства для увеличенія экспорта, повышеніе косвеннаго обложенія для покрытія государственныхъ расходовъ привело къ сокращенію внутренняго потребленія и покупательныхъ силъ страны. Между тѣмъ государственные долги возрастали и въ результатѣ — ростъ заграничной задолженности и желѣзнодорожной сѣти, ростъ бюджета и обѣднѣніе податныхъ классовъ, широко раз-

---

[1]) Къ этому нужно прибавить, что въ 1882 и 1887 г.г. произведены были частичныя измѣненія тарифныхъ ставокъ для отдѣльныхъ предметовъ. Измѣненія эти сводились къ надбавкамъ до 20%.

[2]) *Шванебахъ*, l. c. 20 .

[3]) *Шапошниковъ*, Таможенный тарифъ. „Россія въ концѣ XIX вѣка“, стр. 752. СПБ. 1900.

вернутый, ненормально большой экспортъ и сжатый, дорого оплачиваемый импортъ, развитая промышленность и отсутствіе рынка.

Разсмотримъ, какое дѣйствіе оказала выше охарактеризованная таможенная политика на промышленность.

Въ извѣстной работѣ В. Покровскаго [1]) сдѣланъ интересный разсчетъ, какая часть товаровъ, потребляемыхъ внутри Россіи, удовлетворялась мѣстнымъ производствомъ и какая привозомъ. Вотъ эти разсчеты.

Проценты ввоза ко всему потребленію:

Годы.	Бумажная пряжа.	Хлопчато-бумажныя издѣлія.	Шерстяное производство.	Шерстяныя издѣлія.	Льняное производство.	Льняныя издѣлія.	Фаянсъ и фарфоръ.	Сахаръ.	Машины.	мѣдь.	Желѣзо.	Нефть.	Сталь.	Чугунъ.	Каменный уголь.
1876 . . .	24,9	9,1	77,3	20,7	61,4	20,0	32,3	4,0	40,3	64,7	36,5	20,0	90,4	12,5	44,1
1885 . . .	7,6	3,1	46,0	6,2	1,4	28,8	21,3	0,0	26,2	46,3	20,5	0,3	3,3	30,9	30,0
1892 . . .	3,4	1,4	12,7	4,3	0,8	6,7	15,2	0,0	30,8	65,3	9,6	0,0	3,3	7,4	29,4
1893 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,1	14,5	18,5
1894 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9,7	29,2	18,6
1895 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,7	32,7	17,5

Разсматривая эти данныя, мы видимъ, что привозъ товаровъ непосредственнаго потребленія широкихъ массъ понижается, что внутренній спросъ все болѣе и болѣе удовлетворяется внутреннимъ производствомъ. Ростъ привоза чугуна и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ (напр., мѣди) объясняется желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Вслѣдствіе вышеозначенныхъ причинъ измѣняется и структура привоза. Развитіе нашей промышленности требуетъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, импортъ которыхъ теперь возрастаетъ за счетъ паденія привоза предметовъ потребленія.

Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что экономическое вліяніе пошлинъ сказалось на иммиграціи иностранныхъ капиталовъ въ Россію. Золотая валюта и высокій таможенный тарифъ непосредственно этому содѣйствовали. Дѣйствіе перваго фактора выражалась въ томъ, что имъ устранялись колебанія денежной единицы, которая теперь не имѣла лажа и, слѣдовательно, переводъ ея на иностранные паритеты не сопровождался потерями на курсѣ. Дѣйствіе второго фактора было прямо разсчитано на притокъ иностраннаго капитала, такъ какъ высокій таможенный тарифъ создавалъ условія для повышенной прибыльности предпріятій [2]).

---

[1]) *Покровскій.* Къ вопросу объ устойчивости активнаго баланса... СПБ. 1896.

[2]) „Необходимо,—говорилъ министръ финансовъ, — самое широкое привлеченіе капиталовъ въ промышленность. Къ сожалѣнію, своихъ свободныхъ капиталовъ у насъ недостаточно... Приходится широко пользоваться обильными и дешевыми иностранными капиталами. Конечно, эту помощь иностранныхъ капиталовъ приходится оплачивать *не дешевою цѣной*, но именно это и порождаетъ стремительный приливъ и ускоряетъ достиженіе конечной цѣли... Не можетъ быть вопроса, что выгоднѣе для страны: ввозить ли чужого товара на сотни

Развитіе внѣшней торговли наканунѣ революціи характеризуется слѣдующими таблицами:

I. Общій оборотъ (въ милліонахъ рублей).

Г о д ы.	Вывозъ.	Привозъ.	Оборотъ.	Балансъ.
1899 . .	626.9	650,4	1.280,0	— 023,5
1900 . .	716,4	626,3	1.342,8	+ 090,1
1901 . .	761,5	593,4	1.354,9	+ 168,1
1902 . .	860,3	599,1	1.459,4	+ 269,2
1903 . .	1.001,1	681,6	1.862,7	+ 319,5

Привозъ и вывозъ по основнымъ товарнымъ группамъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ (въ милліонахъ рублей):

II. Вывезено.

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	% отношеніе группы къ общему итогу [1]).
Жизненныхъ припасовъ .	326,5	393,3	442,4	539,8	613,0	62,4%
Сырья и полуфабрикатовъ.	252,9	272,3	259,1	260,8	318,9	31,9%
Животныхъ	17,6	18,2	20,5	21,7	20,5	2,1%
Издѣлій	29,8	32,5	39,1	37,8	48,5	3,6%
Всего . . .	726,9	716,4	761,5	860,3	1.001,1	100%

III. Привезено.

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	% отношеніе группы къ общему итогу [1]).
Жизненныхъ припасовъ .	107,9	112,7	118,3	120,6	129,8	18,1%
Сырья и полуфабрикатовъ.	314,1	320,7	304,5	312,6	365,3	53,1%
Животныхъ	4,1	2,9	4,0	5,1	5,2	0,7%
Издѣлій	224,2	189,8	166,4	160,7	181,2	27,1%
Всего . . .	650,4	626,3	593,4	599,1	681,6	100%

Такимъ образомъ къ 1904 г. никакихъ улучшеній въ нашей внѣшней торговлѣ не произошло. Экспортъ первой группы — хлѣба, — составлявшій въ 1896—98 гг. 58,2% всей вывозной операціи, въ 1903 г. подымается до 62,4%. Въ усиленіи хлѣбнаго экспорта ясно видно вліяніе дифференціальнаго тарифа и тѣхъ причинъ, которыя заставляли крестьянъ выбрасывать хлѣбъ на рынокъ, увеличеніе количества вывезенныхъ хлѣбовъ повлекло за собою поним-

милліоновъ рублей, цѣликомъ уходящихъ заграницу, или ввести единожды капиталъ, *это смертоносное для ввоза орудіе* и при помощи его организовать производство у себя дома, получая, въ худшемъ случаѣ, 90% стоимости товара въ свою пользу" (Рѣчь 1 марта 1899 г., въ комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли). Цит.. *Шанебахъ*, l. c.

[1]) Разсчетъ относится къ 1903 г.

женіе его цѣнности. Все это служитъ показателемъ экономическаго регресса страны. Ростъ хлѣбнаго экспорта самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что standard of life сельскаго населенія идетъ на убыль.

Съ другой стороны, анализируя таблицу ввоза, мы видимъ, что привозъ сырья растетъ параллельно уменьшенію привоза «издѣлій». Это говоритъ намъ, что подъ защитой таможеннаго тарифа наша развитая промышленность, удовлетворяя внутренній спросъ, нуждается въ сырыхъ матеріалахъ, производимыхъ заграницей.

Вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ внѣшній рынокъ для продуктовъ индустріи не можетъ здѣсь подвергаться серьезному обсужденію. Вѣдь послѣдняя группа вывоза «издѣлія» составляетъ только 3,6% всей нашей вывозной операціи.

Въ разсматриваемое время дѣйствовалъ общій таможенный тарифъ 1891 г.[1]), рядомъ съ которымъ примѣнялись и конвенціонные тарифы, явившіеся результатомъ торговыхъ договоровъ съ Франціей, Германіей и др. государствами [2]).

Въ отношеніи способовъ опредѣленія пошлинъ, тарифъ 1891 г. отличался сложностью и безсистемностью.

Въ 1904 г. истекалъ срокъ нѣкоторыхъ торговыхъ договоровъ, вслѣдствіе чего тарифъ 1891 г. подвергся пересмотру. Практическимъ послѣдствіемъ этого явилось изданіе новаго тарифа (утвержденъ 14 января 1904 г. и введенъ въ дѣйствіе 16 февраля 1906 г.) и заключеніе новыхъ торговыхъ договоровъ. Въ частности, 15 іюля 1904 г. заключена дополнительная конвенція къ торговому договору (5 марта 1894 г.) между Россіей и Германіей. Надлежащую оцѣнку даннаго соглашенія, какъ и новаго тарифа, въ виду того, что они вступили въ силу съ 16 февраля 1906 г., мы сдѣлаемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ.

Развитіе внѣшней торговли и постепенное возвышеніе таможеннаго тарифа оказали существенное вліяніе на таможенный доходъ, который быстро росъ, пріобрѣтая большое значеніе въ нашемъ доходномъ бюджетѣ. Въ 1869—76 г. онъ давалъ въ среднемъ 55,5 милл. руб. въ годъ, въ 1877—80 г.—84½, 1881—84 г.—96,4, въ 1885—91 г.—111,9, въ 1892—1900 г.—187,7, въ 1901—1903 г.—227,5 милл. руб., составляя за тѣ же періоды 13,0%, 15,8%, 17,7%, 27,4%, 34,0%, и 38,0% цѣнности всего привоза. Въ 1904 г. таможенный доходъ равнялся 218,8 милл. руб. или около 24% всѣхъ поступленій отъ косвенныхъ налоговъ. Выше приведенныя цифры—процентныхъ отношеній—показываютъ какъ интенсивно росло у насъ таможенное обложеніе.

Кризисъ, въ которомъ очутилась наша промышленность и внутренняя торговля въ 1904 г., не прошелъ безслѣдно и для внѣшней торговли. Подъ влія-

---

[1]) Новый таможенный тарифъ вошелъ въ силу съ 16 февраля 1906 г.

[2]) Конвенціонные тарифы обыкновенно ниже общихъ, автономныхъ. Когда, послѣ таможенной войны, былъ заключенъ торговый договоръ между Германіей и Россіей (5/III, 1894 г.), пошлины были понижены съ обѣихъ сторонъ: Россія понизила ставки тарифа 1891 г. отъ 10% до 30% на германскіе товары, а Германія—на русскую пшеницу до 26,5 к., овесъ 21,2 к., муку 53,3 к. и т. д.

ніемъ войны продуктивные обороты съ заграницей уменьшились главнымъ образомъ по привозу [1]).

Привезено.	1903 г. Количество тыс. пуд.	1903 г. Цѣнность. тыс. руб.	1904 г. Количество тыс. пуд.	1904 г. Цѣнность. тыс. руб.
Машины динамо-электрическія .	80	835	65	794
Паровые двигатели	131	1.883	81	801
Машины для обработки волокнистыхъ веществъ . . .	388	3.491	285	2.614
Сельско-хозяйственныя машины.	3.361	7.349	1.693	8.387

На ряду съ рѣзкимъ уменьшеніемъ привоза предметовъ фабрично-заводскаго и сельско-хозяйственнаго потребленія, падаетъ привозъ товаровъ, идущихъ на удовлетвореніе потребностей широкихъ массъ, а именно чая и хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Роспись доходовъ и расходовъ на 1905 г. констатировала пониженіе таможеннаго дохода въ 1904 г., какъ результатъ сокращенія привоза машинъ и хлопка, обусловленный, въ свою очередь, глубокимъ разстройствомъ дѣлъ въ торговлѣ и промышленности.

III.

Кредитъ.

Кредитъ вообще и коммерческій въ особенности, могутъ проявить себя только при извѣстныхъ условіяхъ, къ числу которыхъ прежде всего относится товарное хозяйство.

До отмѣны крѣпостного права, до желѣзнодорожнаго строительства, когда торговые обороты были невелики и медлительны, кредитъ не могъ получить широкаго развитія. Съ другой стороны, тогдашнія политическія условія исключали возможность широкой постановки кредита.

Старыя кредитныя учрежденія — ассигнаціонный банкъ (1769 — 1848), заемный банкъ (1786), сохранныя и ссудныя казны (1772) и коммерческій банкъ (1817—1860 г.),—находясь въ рукахъ правительства, монополизировали все кредитное дѣло. Никакого существеннаго вліянія на торговлю и промышленность они не оказывали, такъ какъ вся дѣятельность ихъ сводилась къ поддержкѣ дворянскаго землевладѣнія и къ предоставленію рессурсовъ правительству.

Къ концу 50-хъ годовъ, когда кредитныя учрежденія представляли изъ себя живописныя руины, въ самый разгаръ банкового кризиса учреждается комиссія для выработки основныхъ принциповъ новой банковой политики, соотвѣтственно новымъ потребностямъ и условіямъ хозяйственнаго строя. Ко-

---

[1]) Цифры взяты изъ отчетовъ о внѣшней торговлѣ

миссія пришла къ заключенію о необходимости устройства частныхъ банковъ и ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій.

Въ 1860 г., указомъ 31 мая, учреждается государственный банкъ «для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной и кредитной системы», причемъ на него возложены были «платежъ процентовъ и возвратъ капитала по вкладамъ, внесеннымъ въ бывшія кредитныя установленія». Выполненія столь серьезныхъ функцій предполагалось достигнуть при помощи ничтожнаго основнаго капитала въ 15 милл. руб. Поэтому, несмотря на болѣе раціональную постановку коммерческихъ операцій, вся дѣятельность банка въ первое время его существованія свелась къ удовлетворенію интересовъ кліентовъ дореформенныхъ кредитныхъ учрежденій [1]):

На 1 января.	Затраты за счетъ казны милл. руб.	Коммерч. затраты милл. руб.
1863—67 . .	169,7	59,8
1868—72 . .	160,0	79,2
1873—77 . .	116,2	136,8

Съ другой стороны, интимная близость банка къ правительству отодвигала экономическія задачи банка на второй планъ, такъ что выпуски бумажныхъ денегъ, производимые этимъ учрежденіемъ, совершались за счетъ казначейства (тыс. руб.):

Г О Д Ы.	Размѣнный фондъ.	Безпроцент. долгъ государ. казначейства.	Кредитные билеты выпущенные въ обращ.
1860—64 . .	89.495	597.367	686.886
1865—69 . .	117.729	588.304	686.033
1870—74 . .	192.607	566.086	758.693
1875—79 . .	189.602	552.457	740.817
1880—84 . .	171.472	545.042	716.515

Такимъ образомъ, вліяніе правительства на ходъ банковой дѣятельности было чрезвычайно сильнымъ. Такое преобладаніе въ центральномъ банкѣ административнаго элемента надъ экономическимъ накладывало на всю нашу кредитную организацію и денежный рынокъ специфическій отпечатокъ.

Развитіе частныхъ банковъ и другихъ кредитныхъ учрежденій совершалось при неусыпной помощи правительства, часто бравшаго на себя реализацію ихъ обязательствъ [2]). Послѣ краха старыхъ казенныхъ банковъ разрѣшено было учреждать частные банки коммерческаго и ипотечнаго кредита. Эти послѣдніе, благодаря развитію торговли и промышленности, возникали очень быстро, особенно въ періодъ 1865—75 гг.; параллельно развитію частныхъ банковъ растутъ и отдѣленія Государственнаго банка.

---

[1]) *Кашкаровъ*, Денежное обращеніе въ Россіи, т. II стр. 22

[2]) *Мигулинъ*, Наша банковая политика, стр. 101. X. 1904.

Постепенный ростъ кредитныхъ учрежденій представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

ГОДЫ.	Государст. банкъ.	Акціонер. ные банки.	О-ва взаимнаго кредита.	Обществ. городскіе банки.	Ссудо-сберегательн. товарищ.
1860	8	—	—	—	—
1861—1870	41	6	15	163	16
1871—1880	10	29	90	75	1149
1881—1888	21	5	12	—	294
Итого	80	40	117	238	1459

Допустивъ развитіе частныхъ кредитныхъ учрежденій, правительство принимаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ упрочить частный банковый кредитъ на русскомъ денежномъ рынкѣ. Для этого Государственный банкъ открываетъ спеціальные текущіе счета частнымъ банкамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, какъ бы поощряя ихъ спекулятивныя стремленія. Поддерживая частные банки путемъ предоставленія имъ дешеваго кредита, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ оказывало нашимъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ рядъ спеціальныхъ льготъ (напр., освобожденіе отъ всякихъ налоговъ, за исключеніемъ гильдейскаго сбора). Подобная политика устраняла конкуренцію банковъ между собою и вся ихъ дѣятельность ставилась въ зависимость отъ правительственнаго усмотрѣнія. Открывая или закрывая банковые кредиты, правительство могло рѣшительнымъ образомъ направлять частную банковую дѣятельность, и такъ зависимую отъ центральнаго органа кредита. Операція по переучету и перезалогу, къ которой всегда прибѣгали частные банки, служила цѣпью, связывающей судьбу частнаго кредитнаго учрежденія съ Государственнымъ банкомъ. Въ моменты спекулятивнаго увлеченія частные банки, являясь очагомъ всякаго грюндерства, черпали средства и получали помощь отъ Государственнаго банка, который не чинилъ имъ въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій. Въ моменты паникъ и замедленій биржевого пульса, когда остывала аѳіотажная горячка, частные банки становились подъ покровительство и защиту Государственнаго, который въ такихъ случаяхъ разыгрывалъ роль благороднаго спасителя, предоставляя свою кассу всякому зарвавшемуся спекулянту.

Вотъ почему строй нашихъ кредитныхъ отношеній такъ глубоко отличается отъ того, что мы привыкли видѣть на Западѣ. Тамъ развитіе банковъ совершалось на почвѣ борьбы за первенство на денежномъ рынкѣ. Выработанныя борьбою

[1]) *Судейкинъ*, Государственный банкъ, Спб. 1891, стр. 276.

Со времени передачи сберегательныхъ кассъ въ министерство финансовъ (1862), вплоть до 1890 г. развитіе ихъ шло медленно:

Годы.	Число кассъ.
1862	2
1872	66
1882	91
1892	2436

Цифры взяты изъ отчета сбер. кассъ за 1905 г., стр. IV.

отношенія отдѣльныхъ банковъ между собою, не имѣютъ того паразитическаго и рабьяго налета, который мы видимъ на отношеніяхъ русскихъ частныхъ банковъ къ Государственному банку, черпающему свои рессурсы изъ общенародныхъ средствъ. Въ результатѣ—банки у насъ не имѣютъ ни хорошей кліентуры, ни высокой банковой техники.

Г. Милюковъ, говоря въ своихъ «Очеркахъ» о положеніи кредита въ Россіи, правильно замѣчаетъ, что частный кредитъ развивается у насъ послѣднимъ, потому что онъ есть «самый деликатный продуктъ высокаго экономическаго развитія [1])». Концентрація ссуднаго капитала въ кредитныхъ учрежденіяхъ, обслуживающихъ торговлю и промышленность страны, совершается въ зависимости, во первыхъ, отъ темпа накопленія прибавочной стоимости и, во вторыхъ, отъ развитія самой банковой системы. Какъ извѣстно, процессъ этой концентраціи у насъ начался давно, со времени господства старыхъ кредитныхъ установленій. Однако, количество вкладовъ въ дореформенныхъ казенныхъ банкахъ не могло служить мѣриломъ нашего денежнаго рынка. При слабо развитой банковой системѣ наличныя деньги находились въ рукахъ населенія и лишь незначительная часть ихъ поступала въ банки [2]). Поэтому, до учрежденія частныхъ банковъ русскій денежный рынокъ обладалъ очень ограниченными средствами. Послѣдующее развитіе банковаго дѣла и ростъ кредитныхъ учрежденій шли параллельно развитію желѣзнодорожной сѣти, товарнаго обращенія и промышленности. Измѣнившіяся условія экономической жизни придаютъ денежному рынку большую силу и предоставляютъ въ его распоряженіе солидныя средства. Накопленныя ренты, капиталы откупщиковъ, монастырей, купцовъ, военныхъ, чиновниковъ и проч. устремляются въ банки. Сосредоточеніе капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, насыщенность рынка свободными деньгами форсируютъ капиталистическій процессъ, порождая манію учредительства. Выдающееся значеніе въ торговлѣ и промышленности страны денежный рынокъ пріобрѣтаетъ у насъ не сразу, а по мѣрѣ организаціи ссуднаго капитала. Въ частности, періодъ 60—70-хъ годовъ даетъ поразительную картину концентраціи денегъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, что съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о той мощи, которой въ это время обладалъ нашъ денежный рынокъ, а также и о томъ, что въ данный моментъ торговое и промышленное развитіе Россіи шло впередъ съ лихорадочной быстротой:

ГОДЫ [3]).	Государственный банкъ.		Акціонерн. коммерч. банки.	
	Текущіе счета.	Вклады срочн. и безсроч.	Текущіе счета.	Вклады срочн. и безсроч.
1865 . .	255.998.000	47.976.000	91.771.000	1.049.000
1869 . .	825.762.000	48.081.000	412.311.000	25.609.000
1873 . .	1.041.251.000	42.393.000	1.479.314.000	190.855.000
1877 . .	1.344.884.000	73.819.000	2.170.816.000	135.842.000
1880 . .	1.585.031.000	185.086.000	2.151.754.000	138.425.000

[1]) *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, стр. 121. Спб. 1904.

[2]) Ср. *Bagehot*, l. c. 4.

[3]) *Кауфманъ*, Статистика русскихъ банковъ, ч. II, стр. XXXVII. Спб. 1875.—

Какъ видимъ, за пятнадцать лѣтъ средства денежнаго рынка чрезвычайно увеличились. Очевидно, за это время въ хозяйственномъ строѣ Россіи произошли глубокія измѣненія. Именно, здѣсь поражаетъ фактъ галопирующаго роста капиталовъ, ищущихъ производительныхъ помѣщеній: съ 1865 г. по 1880 г. капиталы эти возрасли на 916,6%!

Однако, обращаясь къ изученію причинъ этого явленія, мы, между прочимъ, наталкиваемся на рядъ факторовъ, дѣйствіе которыхъ на денежный рынокъ принаравливалось къ тому, чтобы извнѣ интенсифицировать его силу и внѣшнимъ образомъ создать стимулы, для болѣе сильнаго притока капиталовъ въ банки. Хозяйственныя условія въ данномъ случаѣ играли, конечно, главенствующую роль, но также важную роль играла и кредитно-денежная политика правительства.

Мы уже говорили, что Государственный банкъ имѣлъ ничтожный основной капиталъ (15 милл. руб.) и широкія задачи (ликвидація старыхъ кредитныхъ установленій, регулированіе денежнаго обращенія и обслуживаніе интересовъ торговли и промышленности путемъ широкаго развитія учетно-ссудныхъ операцій).

Невозможность сноснаго рѣшенія этихъ задачъ заставила Государственный банкъ пользоваться посторонними капиталами, прибѣгнуть къ платнымъ вкладамъ. Послѣдніе пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ было трудно вслѣдствіе конкуренціи частныхъ кредитныхъ учрежденій, основные капиталы которыхъ были также невелики. Къ этому присоединялось еще разстройство денежной системы, препятствовавшей притоку капитала изъ-за границы, и желѣзнодорожная горячка, повысившая спросъ на капиталъ на мѣстномъ рынкѣ. Такимъ образомъ, къ нашему молодому денежному рынку въ моментъ его формированія были предъявлены въ высшей степени серьезныя требованія. Несоотвѣтствіе между накопленіемъ капитала и его потребленіемъ, между наличными свободными запасами денегъ и спросомъ на нихъ со стороны государства и промышленности породили такое глубоко-ненормальное явленіе, какъ *постоянство* высокаго дисконта [1]).

Цифры для 1877 и 1888 гг. взяты изъ „Ежегодниковъ русскихъ кредитныхъ учрежденій“ 1880—81, стр. 10—11. Спб. 1886. Данныя о вкладахъ для 1877 не вѣрны такъ какъ они показываютъ только одни *срочные*.

[1]) Таблица ставокъ учетнаго % на міровомъ денежномъ рынкѣ:

ГОДЫ.	Лондонъ.	Парижъ.	Берлинъ.	Амстердамъ.	Брюссель.	Вѣна.	Петербургъ.
1861 — 1870 . . .	4,3	3,9	4,5	4,14	3,25	5,18	6.6
1871 — 1875 . . .	3,53	4,78	4,46	3,74	4,25	4,35	6,18
1876 — 1880 . . .	2,88	2,6	4,06	3,15	2,96	4	6,03
1881 — 1885 . .	3,27	3,31	4,2	3,57	3,68	4,06	6
1885 — 1895 . . .	3,3	2,17	3,13	2,14	3,1	—	6
1895 — 1900 . . .	3,0	2,8	4,4	3,2	3,5	—	6,25

(До 1885 г. цифры взяты у *Судейкина*, l. c. 495; вторая половина таблицы составлена на основаніи данныхъ *Палгрэва: Palgrave*, Bank rate and the money market, ch. XX, pp. 210—211 Lond. 1903).

Дороговизна денегъ на русскомъ рынкѣ въ конечномъ итогѣ оказываетъ дурное вліяніе на циркуляцію товаровъ, причемъ расцѣнка этихъ послѣднихъ складывается далеко не къ выгодѣ широкихъ массъ: сельско-хозяйственные продукты, при неорганизованности производства, теряютъ цѣну вслѣдствіе дорогихъ подтоварныхъ—варрантныхъ, ссудъ и дорогого учета, а продукты промышленности подымаются въ цѣнѣ, вслѣдствіе дорогого банковаго кредита для промышленниковъ и торговцевъ.

Исходная причина высокаго дисконта въ Россіи—и это безспорно—политика правительства. Ему всегда нужны были деньги. Въ эпоху дореформенныхъ кредитныхъ учрежденій оно банковыми капаталами, платя за нихъ до 5%, покрывало дефициты и изъ этого же источника выдавало ссуды дворянамъ. Потомъ нужны были деньги для ликвидаціи многомилліоннаго наслѣдія такой премудрой банковой политики. Опять приходилось стягивать къ себѣ капиталы по дорогой цѣнѣ. Затѣмъ, ту же роль сыграла постройка желѣзныхъ дорогъ, поддержка дворянскаго землевладѣнія, накопленіе золота для валютной реформы, помощь промышленникамъ и т. д.; съ теченіемъ времени нужда въ деньгахъ отнюдь не устранялась и центральный банкъ, будучи орудіемъ въ рукахъ правительства, выступалъ на денежномъ рынкѣ не только въ качествѣ регулятора денежнаго обращенія (эмиссія), но и какъ покупатель капиталовъ. При капиталистической бѣдности Россіи и ея крупной задолженности такая банковая политика привела къ конкуренціи за вклады между банками, а это, въ свою очередь, и къ высокому дисконту.

Такимъ образомъ, процессъ развитія банковскаго дѣла и денежнаго рынка испытали на себѣ глубокое вліяніе правительственной политики, въ концѣ концовъ приведшей страну въ состояніе хроническаго хозяйственнаго упадка. Въ частности, какъ мы уже видѣли, организація ссуднаго капитала во многомъ подчинялась этой политикѣ. И хотя статистическія данныя свидѣтельствуютъ о быстромъ ростѣ средствъ денежнаго рынка, но, какъ мы только что говорили, это не является показателемъ экономическаго благосостоянія населенія, — вѣдь эти средства куплены дорогой цѣной [1]).

Коммерческія операціи въ Государственномъ банкѣ не могли получить широкаго развитія уже по одному тому, что $^9/_{10}$ кассовой наличности, по крайней мѣрѣ, въ началѣ дѣятельности банка, были завязаны въ дѣла по ликвидиціи старыхъ кредитныхъ установленій. Мы уже приводили цифры, которыя весьма убѣдительно показываютъ намъ, что до конца 70-хъ годовъ затраты банка за

[1]) Наши вклады „образовались главнымъ образомъ не изъ оборотныхъ средствъ, или домашнихъ кассъ населенія въ широкомъ смыслѣ этого слова (какъ это наблюдается въ Англіи, Германіи и другихъ богатыхъ государствахъ), а изъ денегъ, принадлежащихъ преимущественно сравнительно немногочисленному классу капиталистовъ, отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ. Чтобы привлечь такіе вклады, банкамъ приходится уже соблазнять вкладчиковъ сравнительно высокимъ процентомъ, еще болѣе повышающимся вслѣдствіе взаимной конкуренціи банковъ и дошедшимъ въ зависимости отъ срока, до $4^1/_4$ и даже до $5^1/_2$%. Особенной интенсивности конкуренція эта достигаетъ въ Москвѣ, значительнѣйшемъ центрѣ депозитныхъ операцій, и въ провинціи благодаря конкуренціи банковыхъ отдѣленій". *Эпштейнъ*, „Депозитные банки въ Англіи и Россіи". Статья въ русскомъ переводѣ книги *Бэджота* „Ломбардстритъ", стр. XVIII—XIX СПБ. 1902.

счетъ казны поглощали значительнѣйшую часть его рессурсовъ, не оставляя надлежащихъ средствъ для развитія продуктивныхъ коммерческихъ статей.

Ликвидировавъ къ 1880 г. грѣхи дореформенныхъ кредитныхъ учрежденій и получивъ въ свою кассу большую часть кредитныхъ билетовъ въ возвратъ выпусковъ на нужды войны 1877 г., Государственный банкъ, начиная съ первой половины 80-хъ годовъ, упрочиваетъ свое положеніе и приступаетъ къ расширенію коммерческихъ активовъ [1]). Однако такая политика продолжалась недолго.

Министерство Вышнеградскаго ознаменовалось рядомъ спеціальныхъ мѣръ финансоваго характера, направленныхъ на поддержку вымирающаго дворянскаго сословія. «При Вышнеградскомъ,—говоритъ профессоръ Мигулинъ, — была оказана *исключительная помощь* дворянскому землевладѣнію за счетъ государственнаго казначейства... такъ что взамѣнъ только-что оконченной ликвидиціи старыхъ кредитныхъ установленій, связывавшей государственный банкъ въ прежнее время, появились затраты на организацію новыхъ кредитныхъ учрежденій, (дворянскій и крестьянскіе банки) съ развитіемъ же собственно коммерческихъ операцій опять приходилось обождать» [1]). По этимъ причинамъ затраты государственнаго банка на коммерческія операціи падаютъ: въ 1880 г. онѣ выражались суммою 264,6 милл. руб., въ 1880—84 г.г. — 230,7 мил. руб., въ 1885 г. —187,1 милл. руб., въ 1886 г.—до 185,8 милл. руб. Съ другой стороны, утилизація средствъ казначейства, лежавшихъ на текущемъ счету въ государственномъ банкѣ, завязываніе ихъ въ операціи по покупкѣ выигрышныхъ билетовъ дворянскаго банка и проч., заставляло государственный банкъ въ видахъ безопасности держать большую кассовую наличность, которая, между прочимъ, служила вспомогательнымъ фондомъ для подготовительныхъ работъ по скупкѣ золота (для золотой валюты). Подобное обстоятельство, разумѣется не могло служить къ выгодѣ торговли и промышленности и только сильнѣе стягивало вексельный портфель банка [2]):

Годы.	Учтено векселей (мил. руб.).	Средняя валюта векселя (мил. руб.).
1872—76	191,6	1904,6
1877—81	203,6	1936,2
1882—86	252,3	1516,4
1887—91	279,5	957,4
1892	165,3	737,0

[1]) Отношеніе коммерческихъ операцій къ затратамъ за счетъ казны представляется въ слѣдующемъ видѣ (милл. руб.):

Годы.	Счетъ казны.	Коммерческія операціи.
1862—66	169,7	59,8
1867—71	160,0	79,2
1872—76	116,2	138,6
1877—1881	86,7	215,8
1882—1886	58,6	216,4

(*Кашкаровъ*, l. c. 22. Мигулинъ, l. c. 211).

[2]) *Мигулинъ*, l. c. 158 и 211.

[3]) l. c. 218.

Отмѣченное шатаніе банковой политики продолжалось и послѣ, въ министерство Витте.

Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о коммерческихъ (активныхъ) операціяхъ банка за послѣдніе годы (милл. руб.) [1]).

Годы.	Учетъ векселей.	Спеціальные текущіе счета.	Ссуды подъ залогъ % бумагъ.	Портфель бумагъ, принадлежащихъ банку.	Ссуды промышленныя.
1891 . . .	98,5	32,2	41,7	210,3	3,6
1892 . . .	107,6	47,4	41,5	215,2	3,5
1893 . . .	80,2	31,8	34,9	227,0	3,5
1894 . . .	169,6	47,8	40,6	228,3	3,7
1895 . . .	196,5	51,9	43,0	44,8	3,6
1896 . . .	196,7	57,0	48,1	50,3	16,7
1897 . . .	187,8	57,1	44,5	24,3	13,3
1898 . . .	147,4	34,0	33,7	25,4	10,9
1899 . . .	154,9	35,6	26,6	28,8	8,6
1900 . . .	224,9	59,7	31,3	51,5	22,5
1901 . . .	246,7	91,0	34,4	44,0	38,7
1902 . . .	251,6	118,8	34,2	39,8	38,2

Нетрудно замѣтить, какимъ образомъ шатаніе банковой политики отражалось на операціяхъ банка. Въ началѣ 90-хъ годовъ банкъ былъ занятъ поддержкой дворянскаго землевладѣнія, почему портфель бумагъ очень великъ, а вексельный портфель стянутъ. Далѣе, облегченіе портфеля бумагъ совпало съ преобразованіями валюты, такъ что въ періодъ 1894—96 учетная операція хотя и расширяется (уставъ 1894 г.), а затраты на % бумаги падаютъ, но въ 1897 г. учетъ уже подвергается сжатію, каковое явленіе продолжается и въ 1898—99 гг., когда появляются на сцену промышленныя ссуды — результатъ финансированія банкомъ разныхъ дутыхъ предпріятій. Въ 1900 г., во время ликвидиціи грюндерства, крушенія карточныхъ домиковъ и всевозможныхъ эфемерныхъ предпріятій—коммерческіе активы банка стремительно расширяются, какъ будто-бы онъ могъ предотвратить отчасти имъ же самимъ вызванную катастрофу. Начинается эпоха противоуставныхъ ссудъ и субсидій...

Частные банки, частный коммерческій кредитъ въ частномъ и цѣломъ подчинялся вліянію правительственной банковой политики, Государственнаго банка, который опредѣлялъ судьбы русскаго денежнаго рынка. Пользуясь большими кредитами въ Государственномъ банкѣ и получая отъ правительства всевозможныя льготы, частные банки теряли свою самостоятельность на денежномъ рынкѣ и вся ихъ коммерческая дѣятельность носила рутинерскій, безвольный характеръ.

---

[1]) По „Ежегод. м-ва ф-овъ". — При пользованіи этой табличкой слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ графу „спеціальн. текущ. счета" вошли два вида кредита: банковый—спеціальн. текущ. счетъ обезпеченный векселями—и биржевой—спеціальн текущ. счетъ обезпеченный % бумагами. Выдѣлить каждую статью по отдѣльности—нельзя, такъ какъ онѣ представлены въ общей суммѣ.

Несмотря на все свое убожество, наши частные банки тѣмъ не менѣе играли видную роль въ торговлѣ и промышленности, усиливая ростъ товарнаго обращенія и индустріализаціи страны.

Слѣдующая таблица иллюстрируетъ развитіе частнаго коммерческаго кредита въ Россіи (милл. руб.) [1]).

Годы.	Число банковъ.	Капиталы.		Всего.
		Основные.	Запасные и проч.	
1870 . .	6	15,4	0,3	15,7
1880 . .	33	87,9	7,4	95,3
1895 . .	34	138,3	37,2	175,5
1900 . .	41	193,0	87,0	280,0

Такимъ образомъ за тридцатилѣтній періодъ капиталы банковъ увеличились почти на 1.700%!

Обращаясь къ разсмотрѣнію коммерческихъ операцій банковъ, мы видимъ передъ собою тотъ же поразительный ростъ коммерческаго кредита (тыс. руб.).

Годы.	Учетъ.	On call и ссуды.	Портфель бумагъ.	Вклады и текущіе счета.
1870 [2])	58.741	37.993	4.710	98.261
1895 [3])	205.500	258.400	56.700	309.700
1900	406.700	320.700	110.300	552.000
1903 [4])	555.851	332.057	106.932	640.332
Увеличеніе въ % . .	833%	769,2%	2.500%	555%

Какъ видимъ, активы возрастали съ большей стремительностью, чѣмъ пассивы, а это значитъ, что ссудный капиталъ, средства денежнаго рынка, использовались для нуждъ торговли и промышленности очень интенсивно, что наши частные банки мобилизировали имѣющіяся у нихъ сравнительно небольшія средства въ должной степени.

Частный коммерческій кредитъ, не взирая на неблагопріятныя условія его развитія, обнаружилъ у насъ достаточную жизнедѣятельность и пріобрѣлъ въ экономикѣ страны большое вліяніе, что съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о сравнительно высокой торговой техникѣ и развитой промышленности. Конечно, при другихъ условіяхъ денежнаго рынка и народнаго хозяйства и коммерческій кредитъ получилъ бы у насъ иное направленіе, а именно въ западноевропейскомъ, ультракапиталистическомъ духѣ.

Государственный банкъ, какъ и старые банки, находился въ прямой зависимости отъ бюрократіи. Призванный регулировать денежное обращеніе страны

---

[1]) *Брандтъ*, 1, с. 23.

[2]) *Кауфманъ*, 1. с. 427.

[3]) „Статистика краткосрочнаго кредита“, стр. 5, Спб. 1905.

[4]) Вычислено по „Ежегоднику Министерства Финансовъ“ вып. 1905 г.

и быть центральнымъ органомъ коммерческаго кредита, онъ въ своей практической дѣятельности отнюдь не стремился къ выполненію возложенныхъ на него уставомъ функцій, такъ какъ зависимость его отъ правительства ставила этому стремленію непреодолимыя преграды. Онъ не могъ регулировать денежное обращеніе, потому что регулировать было нечего, кредитные билеты выпускались не для надобностей торговаго оборота, а для нуждъ казначейства. Онъ не могъ широко развернуть свои коммерческіе активы, потому что его капиталы были ничтожны и закрѣплены въ долгосрочныя помѣщенія по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій.

Невозможность правительственной монополіи кредита и денежнаго рынка какъ это было до 60-хъ годовъ, жестокій крахъ этой монополіи и ростъ товарнаго хозяйства создали благопріятную почву для развитія частнаго коммерческаго кредита. Благосклонное отношеніе правительства къ частнымъ банкамъ, предоставленіе имъ спеціальныхъ льготъ способствовало развитію банковаго учредительства, которое, въ большинствѣ случаевъ, совершалось при помощи и поддержкѣ Государственнаго банка, навязывавшаго за это частнымъ банкамъ государственныя бумаги.

Между тѣмъ средства денежнаго рынка, къ которому предъявлялся спросъ на капиталы со стороны какъ вновь учрежденныхъ банковыхъ предпріятій, такъ и быстро развивавшейся промышленности, торговли, были незначительны. Накопленная прибавочная стоимость, поступая на рынокъ, въ значительной части поглощалась желѣзнодорожнымъ строительствомъ, въ свою очередь форсировавшимъ накопленіе, правительственными займами и банками, которымъ нужны были деньги для развитія коммерческихъ операцій, тѣмъ болѣе, что въ коммерческомъ кредитѣ чувствовалась настоятельная и острая нужда. Такая непропорціональность между ростомъ ссуднаго капитала на денежномъ рынкѣ и спросомъ на него со стороны частныхъ лицъ и правительства создала ненормальную дисконтную политику, ненормально дорогой кредитъ. Государственный банкъ, неусыпно служившій интересамъ стараго режима, вынуждался, по недостатку собственныхъ средствъ обращаться къ денежному рынку. Къ нему стремились также и частныя кредитныя учрежденія, не говоря уже о промышленности. Это столкновеніе на одномъ пунктѣ различныхъ интересовъ порождало конкурренцію между ними. Исходъ ея былъ не къ выгодѣ торговли и промышленности, такъ какъ капиталы на рынокъ поступали туго, а спросъ на нихъ со стороны, главнымъ образомъ, Государственнаго банка никогда не ослабѣвалъ. Вслѣдствіе преобладанія на денежномъ рынкѣ и въ центральномъ органѣ кредита узкаго правительственнаго элемента, народное хозяйство обслуживалось коммерческимъ кредитомъ далеко не такъ, какъ этого нужно было ожидать.

Достаточно было какого нибудь внѣшняго повода, чтобы коммерческіе активы государственнаго банка расширились или сузились, и чтобы такая чувствительная организація, какъ кредитъ, получала новое направленіе. Интимная близость къ правительству главнаго кредитнаго учрежденія, въ резервуары котораго стекаются значительнѣйшія количества ссуднаго капитала, исключала твердую банковую политику. Въ зависимости отъ того, что ставило себѣ правительство въ данный моментъ, какія задачи оно предполагало немедленно рѣшить—видо-

измѣнялась и дѣятельность государственнаго банка. Сегодня оно занималось ликвидаціей старыхъ кредитныхъ установленій, завтра идетъ на помощь дворянамъ, организуетъ дворянскій кредитъ, потомъ ему нужно золото для валютной реформы, а тамъ ужъ вырисовываются знаменитыя промышленныя ссуды. Каждое изъ этихъ мѣропріятій, не говоря уже о безконечныхъ займахъ гласныхъ и негласныхъ, неизбѣжнымъ образомъ дренировало денежный рынокъ и вызывало сокращеніе продуктивныхъ банковскихъ статей. Дисконтныя нормы закрѣплялись на высокомъ уровнѣ, а капиталы банка затрачивались въ долгосрочныя ссуды, трудно реализуемыя и убыточныя. Частные банки, въ силу преобладанія на денежномъ рынкѣ правительственнаго интереса, тянулись на буксирѣ у государственнаго банка. Не обладая большими собственными капиталами, они черпали себѣ средства путемъ широкаго развертыванія депозитной операціи и позаимствованій въ государственномъ банкѣ. Такая, въ существѣ своемъ, противорѣчивая и нераціональная организація банковыхъ пассивовъ, толкала частные банки на спекулятивное поприще. Платя по вкладамъ большіе проценты, имѣя дорого оплачиваемые пассивы, банки вынуждались къ утилизаціи этихъ средствъ, не стѣсняясь характеромъ помѣщеній, солидностью портфеля. Въ моменты затишья, когда вексельнаго матеріала имѣлось въ недостаточномъ количествѣ, банки либо клали свои деньги на текущій счетъ въ государственный банкъ, который имъ за это платилъ соотвѣтствующую мзду, либо занимались спекуляціей. Въ моменты подъема они муссировали учредительство, прибѣгая къ недорогимъ кредитамъ Государственнаго банка. Въ моменты паникъ они «просто» получали отъ него помощь... Независимо отъ періодовъ промышленнаго отлива и прилива, частные банки обыкновенно помогали правительству занимать деньги и всячески стремились поддерживать русскій государственный кредитъ. Характеръ операцій частныхъ банковъ выражался въ учетѣ и, главнымъ образомъ, онкольныхъ счетахъ (биржевые кредиты), что, однако, не исключало патронажа, завязыванія капиталовъ въ некраткосрочныя помѣщенія.

Такимъ образомъ, кредитно-денежная политика правительства имѣла громадное вліяніе на развитіе нашего частнаго коммерческаго кредита. Эта политика обкарнала, сузила банковую иниціативу и принизила банковую технику, превратив частныя кредитныя учрежденія въ какіе-то ублюдки, лишенные самостоятельности, собственныхъ задачъ, въ какихъ-то маріонетокъ биржи и правительства.

Каковы бы ни были предпосылки развитія коммерческаго кредита въ Россіи, все же приходится сказать, что успѣхи, сдѣланные имъ, громадны. Банки собрали многомилліонные капиталы и путемъ учета и ссудъ облегчили и ускорили ростъ капиталистическихъ отношеній, сами являясь въ то же время непосредственнымъ продуктомъ этихъ отношеній. Приведенныя выше цифры о ростѣ этихъ операцій свидѣтельствуютъ о той работѣ, которую совершили банки за сравнительно краткосрочный періодъ своего существованія. Давая шпоры русскому капитализму, они въ извѣстномъ смыслѣ обостряли соціально-экономическія противорѣчія между капиталистическими формами хозяйства и феодальнымъ политическимъ строемъ, который копалъ этому прогрессирующему развитію капиталистическихъ отношеній волчьи ямы, даже въ сферѣ кредита.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что въ силу спеціальныхъ историческихъ условій развитія у насъ банковаго дѣла и присущей Россіи капиталистической бѣдности нашъ денежный рынокъ обладаетъ сравнительно небольшими средствами. Старый режимъ пожиралъ эти средства, являясь главнѣйшимъ потребителемъ отечественныхъ капиталовъ. Это достигалось своеобразной банковой политикой государственнаго банка, дренировавшей денежный рынокъ и подчинившей дѣятельность частныхъ кредитныхъ учрежденій служенію интересамъ абсолютизма. Въ результатѣ—развитая банковая система и абсурдная банковая техника, ростъ коммерческаго кредита и колоссальныя непроизводительныя затраты капиталовъ въ долгосрочные активы, увеличеніе средствъ денежнаго рынка и денежный голодъ, расширеніе банками коммерческихъ операцій и постоянно высокія учетно-ссудныя нормы.

Эти намѣченныя только что противорѣчія въ сферѣ кредита обыкновенно сдерживались при помощи различныхъ манипуляцій, но въ моменты кризиса они прорывались наружу съ поразительной силой. И тогда вся торговля и промышленность страны находились подъ ихъ вліяніемъ въ состояніи паралича.

Положеніе нашего денежнаго рынка и кредита передъ революціей, а именно въ періодъ 1900—1904 гг., было далеко не блестяще. Подъемъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ и смѣнившій его кризисъ 1899—1901 гг. произвели на нашемъ денежномъ рынкѣ опустошающія дѣйствія, отъ которыхъ онъ началъ оправляться только въ началѣ 1904 г., когда наступила война.

Въ 1903 г. мы имѣли нѣкоторые симптомы промышленнаго подъема, правда, чахоточнаго.

Начавшаяся въ 1904 г. война измѣнила конъюнктуры рынка, и этотъ чахоточный подъемъ лопнулъ, какъ мыльный пузырь.

Мы уже говорили о положеніи торговли въ 1904 г. Въ аналогичныхъ съ нею (и промышленностью) условіяхъ находился и кредитъ.

Объявленіе войны отразилось на биржѣ, которую «охватилъ паническій страхъ, равный которому едва ли запомнитъ исторія послѣднихъ десятилѣтій.... Что творилось на биржѣ въ этотъ день (27 января), совсѣмъ не поддается описанію. Нужно было обладать желѣзными нервами, чтобы спокойно наблюдать ужасъ, написанный на лицахъ тѣхъ, которые своевременно были убаюкиваемы мирными увѣреніями и спокойно выжидали конца кризиса. Но этого мало. Сколько слезъ, сколько горя принесъ этотъ день биржевой публикѣ, бумаги которой экзекутировались безчеловѣчными банкирами и мѣнялами; какъ дикіе звѣри они набинулись на добычу несчастной публики, потерявшей свои скромныя сбереженія» [1]).

Параллельно этому угнетенному состоянію биржи ухудшились и наши вексельный и денежный рынки.

Война понизила наши вексельные курсы. Курсъ рубля на Берлинъ упалъ съ 216 марокъ (за 100 руб.) до 214 марокъ, между тѣмъ Государственный банкъ держалъ курсъ на Берлинъ 46,30 за 100 марокъ, т. е. платилъ за 100 руб.

---

[1]) „Промышленный Міръ“ № 5, 1904.

216 марокъ. На этой почвѣ развилась спекуляція, такъ какъ выгодно было покупать въ Берлинѣ 100 руб. за 214½ мар. и продавать ихъ въ Петербургѣ Государственному банку за 216 мар. Разумѣется, подобное колебанія рубля пагубно отзывалось на нашей внѣшней торговлѣ, удешевляя предметы вывоза и удорожая предметы ввоза.

Такое колебательное состояніе вексельнаго рынка свидѣтельствовало о непрочномъ положеніи нашей золотой валюты и какъ бы предопредѣляло возможность утока золота заграницу въ широкихъ размѣрахъ. И, дѣйствительно, не нужно быть геніальнымъ арбитражеромъ, чтобы понять, что съ войной начнется сокращеніе банковскихъ заграничныхъ кредитовъ (conto loro), что запасы иностранныхъ векселей, находящихся въ портфелѣ Государственнаго банка, сократятся, что спросъ на нихъ превыситъ предложеніе и что, слѣдовательно, курсъ рубля упадетъ. А разъ такъ, то можно спекулировать на пониженіе курса рубля, наживая при этомъ около 0,7% или 1½ марки на сотнѣ рублей безъ всякихъ хлопотъ и риска.

Разстройство вексельнаго рынка, съ одной стороны, и утилизація средствъ государственнаго банка («свободная наличность») для военныхъ расходовъ, съ другой, — заставили государственный банкъ поднять дисконтъ и сократить затраты на коммерческіе активы Частные банки послѣдовали примѣру государственнаго, такъ что съ момента войны нашъ денежный рынокъ былъ крайне сдержаннымъ. Онъ не могъ оказать серьезной помощи ни промышленности, ни торговлѣ, которыя особенно нуждались въ дешевомъ кредитѣ. Болѣе того, онъ оказывалъ на нихъ самое гнетущее вліяніе и, своей сдержанностью, усиливалъ реакцію на товарномъ и фондовомъ рынкахъ. Вотъ почему въ 1904 г. несостоятельностей и банкротствъ было очень много и протестъ векселей возросъ.

Итакъ, условія, въ которыхъ находился коммерческій кредитъ наканунѣ революціи, были безотрадными. Подъ вліяніемъ войны и отчасти кризиса предшествовавшихъ лѣтъ плавность и пульсація торговаго оборота были нарушены. Биржа находилась въ угнетенномъ настроеніи, курсъ векселей упалъ, валюта поколебалась, деньги очень вздорожали. Наша кредитная система, въ силу своей нераціональности, оказалась въ данномъ случаѣ весьма чувствительной къ этимъ пертурбаціямъ и только усиливала кризисъ. Затраты капиталовъ въ долгосрочныя помѣщенія, зависимость частнаго кредита и денежнаго рынка отъ государственнаго банка, высокій дисконтъ, отсталая банковая техника и т. п. дефекты нашей банковой системы, дефекты, которыхъ не знаетъ Западная Европа, встали въ 1904 г. во весь свой ростъ. И хотя кризиса на денежномъ рынкѣ не было, но именно «сдержанность» его, явившаяся результатомъ этихъ дефектовъ, дѣйствовала на народное хозяйство страны хуже всякаго денежнаго кризиса.

В. Мукосѣевъ.

М. БОГОЛѢПОВЪ.

Государственное хозяйство и финансовая политика правительства.

I.

На протяженіи всего XIX вѣка финансы были самымъ слабымъ, больнымъ мѣстомъ самодержавной Россіи.

Государственный бюджетъ неизмѣнно сводился съ дефицитомъ. Весьма часто превышеніе расходовъ надъ доходами достигало колоссальныхъ размѣровъ. Правда въ офиціальныхъ документахъ дефицитъ часто показывался въ преуменьшенныхъ размѣрахъ, или совершенно маскировался, но это не мѣняетъ существа дѣла. Одинъ изъ выдающихся русскихъ министровъ финансовъ, графъ Канкринъ, съ гордостью показывалъ на свои бездефицитные бюджеты, а на самомъ дѣлѣ каждый изъ канкриновскихъ бюджетовъ былъ сведенъ съ дефицитомъ.

Маскированіе бюджетовъ было обычнымъ пріемомъ русскаго правительства на протяженіи всего XIX вѣка. Въ началѣ вѣка прибѣгали въ этихъ цѣляхъ къ выдѣленію изъ общаго бюджета отдѣльныхъ крупныхъ расходовъ, для которыхъ составлялись особые бюджеты; вслѣдствіе этого общій бюджетъ можно было сводить съ преуменьшеннымъ дефицитомъ. Въ серединѣ вѣка составлялись фальшивые бюджеты. Въ концѣ вѣка такіе мастера-техники, какъ Вышнеградскій, Витте, окончательно усвоили манеру—составлять имперскіе бюджеты не только безъ дефицита, но съ огромнымъ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами. Но такіе техническіе пріемы, допустимые только въ странахъ, лишенныхъ народнаго представительства, по существу дѣла не измѣняли въ лучшую сторону хроническаго разстройства государственныхъ финансовъ.

Время отъ времени и внутри Россіи, и за границей, поднимались разговоры о возможности русскаго государственнаго банкротства. Эти разговоры рождались на почвѣ постояннаго финансоваго разстройства, принимавшаго угрожающіе размѣры въ моменты критическаго напряженія экономическихъ и финансовыхъ силъ страны. Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за наполео-

новскими войнами, были заключены внѣшніе займы на такихъ условіяхъ и въ такихъ размѣрахъ, что министра финансовъ Гурьева упрекали въ обогащеніи Ротшильдовъ, говорили, что онъ привелъ Россію на границу государственнаго банкротства. Послѣ освобожденія крестьянъ о возможности государственнаго банкротства говорили помѣщики, только что промѣнявшіе своихъ крѣпостныхъ на процентныя бумаги. Эти бумаги спѣшно продавались, вырученныя деньги пересылались въ иностранные банки или помѣщались въ иностранныя процентныя бумаги. Когда въ Россіи началась эра желѣзнодорожнаго строительства, то правительство допустило такой безудержный грабежъ казенныхъ денегъ, что за границей заговорили о канунѣ государственнаго банкротства. Въ 60-хъ годахъ самъ министръ финансовъ принялъ участіе въ разговорахъ о государственномъ банкротствѣ Россіи, сообщая въ секретной запискѣ, что «смѣтные дефициты и сверхсмѣтные расходы полагаютъ ежегодно на министерство финансовъ обязанность заключать на покрытіе ихъ значительные займы, одновременно съ тѣми спеціальными займами, которые необходимы для устройства казенныхъ желѣзныхъ дорогъ»... Эта записка была подана императору. Наканунѣ послѣдней турецкой войны въ спеціальномъ совѣщаніи, собранномъ императоромъ, снова говорили о возможности государственнаго банкротства. Въ началѣ 80-хъ годовъ, ознаменованныхъ усиленіемъ реакціи, безпощадно уничтожавшей всѣ слѣды недавнихъ реформъ, заграничная пресса,—единственное мѣсто, гдѣ могло раздаваться свободное слово о русскихъ дѣлахъ,—настойчиво говорила о томъ, что Россія близится быстрыми шагами къ банкротству. Въ это время Россія заключила займы на такихъ условіяхъ, которыя невольно давали пищу для этихъ толковъ о государственномъ банкротствѣ. Когда правительство Александра III вызвало недовольство князя Бисмарка, то всѣ русскія бумаги были выброшены съ германскаго рынка; нѣмецкая печать въ одинъ голосъ твердила объ ужасномъ положеніи русскихъ финансовъ, о неизбѣжности государственнаго банкротства. И, дѣйствительно, этотъ случай грозилъ большими затрудненіями для русскаго правительства, но оно спаслось тѣмъ, что заключило союзъ съ республиканской Франціей, которая не только скупила выброшенныя нѣмцами русскія процентныя бумаги, но и обезпечила возможность новыхъ русскихъ займовъ. Въ предпослѣдній разъ толки о русскомъ государственномъ банкротствѣ поднялись въ тотъ знаменитый «голодный» 1891 годъ, когда весь міръ былъ пораженъ и потрясенъ глубокой, безысходной нищетой русскаго крестьянина...

Послѣ голоднаго года русскими финансами управлялъ г. Витте. Россія моментально «превратилась» въ цвѣтущее государство!—государственный бюджетъ росъ не по днямъ, а по часамъ, дефициты исчезли; въ періодъ 1893—1903 г. превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами составило около 2 милліардовъ рублей! Это «благополучіе» неожиданно оборвалось при первыхъ выстрѣлахъ японской эскадры и первыхъ вспышкахъ народной революціи. Банкротство Россіи стало опять обыденной темой разговоровъ во всемъ мірѣ. Въ бюджетѣ появился старый гость—дефицитъ, принявшій на этотъ разъ чудовищные размѣры.

Двѣ коренныхъ причины вызывали тотъ постоянный финансовый дефи-

цитъ, который является несомнѣннымъ показателемъ органической слабости русскихъ государственныхъ финансовъ. Одна изъ этихъ причинъ кроется въ экономическихъ отношеніяхъ, другая—въ политическихъ условіяхъ развитія самодержавной Россіи. Новая исторія Россіи, какъ политической единицы, начинается съ эпохи наполеоновскихъ войнъ. Эти войны расшатали финансы имперіи и въ то же время пріобщили Россію къ сонму великихъ державъ, заставили русское правительство вести политику великой державы.

Россія, вступивъ въ ряды великихъ державъ, почувствовала острую нужду въ деньгахъ, а этихъ денегъ не было внутри страны. Милитаризмъ, какъ слѣдствіе новаго курса политики, требовалъ большихъ денегъ. Содержаніе большого постояннаго войска, флота, веденіе частыхъ войнъ, все это противорѣчило натуральному хозяйству, ставило русскому бюджету почти неразрѣшимыя задачи. Государственные расходы въ своемъ постоянномъ ростѣ опережали развитіе государственныхъ доходовъ. Вотъ небольшая табличка для иллюстраціи тогдашняго положенія вещей:

Годы.	Доходы (руб. асс.).	Расходы (руб. асс.).	Дефицитъ (руб. асс.).
1816	365.719.513	428.105.005	62.385.492
1817	384.032.526	438.423.984	54.391.458
1818	368.379.062	443.285.569	74.906.507
1819	446.665.511	475.949.811	29.284.300
1820	475.456.198	499.804.044	24.347.846
1821	433.964.086	482.319.283	48.355.197
1822	398.897.951	456.471.199	57.573.248
			351.244.048

Въ такомъ положеніи государственные финансы находятся до 60-хъ годовъ, когда начинается эра желѣзнодорожнаго строительства. Дефицитъ не исчезаетъ изъ бюджета, а, напротивъ, возрастаетъ, такъ какъ въ это время значительныя суммы уходятъ на желѣзныя дороги, не мало денегъ тратится на погашеніе старыхъ долговъ, этого неизбѣжнаго послѣдствія политики великой державы.

II.

Финансы имперіи до освободительной реформы опирались на тотъ же базисъ, на которомъ стоялъ и тогдашній строй соціальныхъ отношеній,—на крестьянство. Финансовая система была построена очень несложно: доходы отъ винныхъ откуповъ и подушная подать, вотъ главные источники государственныхъ доходовъ того времени. Подушная подать, эта грубѣйшая форма личныхъ налоговъ, тяжело ложилась на податные классы, такъ какъ она не считалась съ платежеспособностью лица, а опиралась только на паспортъ, на «ревизскую сказку». Въ то же время этотъ «китъ» русской финансовой системы былъ невыгоденъ и государству, такъ какъ финансовое управленіе считалось только съ числомъ населенія, а не съ его дѣйствительнымъ доходомъ. Съ дѣйствительнымъ доходомъ податныхъ классовъ считались помѣщики. Такъ размежевывались двѣ силы, существовавшія

на счетъ однихъ и тѣхъ же податныхъ классовъ. Винные откупа,—грубѣйшая форма взиманія налога на потребленіе,—дополняли уродливое прямое обложеніе. Откупа точно такъ же не были особенно выгодны государству: львиная часть виннаго дохода попадала не въ руки государства, а въ карманы откупщиковъ. Но государство было безсильно не только радикально измѣнить всю эту уродливую и безобразную систему обложенія, но даже хотя бы немного пріукрасить ее какими-нибудь орнаментами. Въ 20-хъ годахъ правительство пыталось замѣнить винные откупа казенной монополіей, но эта попытка окончилась неудачей. Еще болѣе затруднительны были какія-либо перемѣны въ области прямого обложенія, такъ какъ здѣсь государство сталкивалось съ интересами крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Съ постепеннымъ развитіемъ денежнаго хозяйства, поощрявшимся внѣшними займами и бумажно-денежной вакханаліей, помѣщики обнаружили склонность переводить натуральныя повинности своихъ крестьянъ въ форму денежныхъ оброковъ. Помѣщики, заложившіе свои земли и принадлежавшія имъ «души», нуждались въ деньгахъ не менѣе правительства. Торговля и промышленность, хотя и слабо, но все же развивались, точно такъ же и съ своей стороны предъявляли спросъ на деньги. Вмѣсто же денегъ правительство предлагало имъ обезцѣненныя ассигнаціи. Эта общая нужда въ деньгахъ, въ настоящихъ денежныхъ знакахъ была удовлетворена реформой графа Канкрина, создавшаго серебряную валюту. Единственная положительная реформа за весь мрачный, реакціонный періодъ русской исторіи, начиная съ побѣды надъ Наполеономъ и кончая разгромомъ въ Крыму...

Но эта реформа не спасла Россію отъ того историческаго разгрома, который былъ результатомъ столкновенія крѣпостной, отсталой Россіи съ промышленными странами Запада. Русскіе финансы, и безъ того не отличавшіеся своимъ порядкомъ и необходимою эластичностью, были приведены въ величайшее разстройство. Кредитъ на внѣшнихъ рынкахъ былъ закрытъ, такъ какъ Россія вела войну съ такими государствами, на рынкахъ которыхъ только и можно было занять деньги. Правительству пришлось идти по проторенной дорогѣ: использовать кредитные билеты въ качествѣ финансоваго рессурса и взять въ свое распоряженіе вклады частныхъ лицъ изъ казенныхъ банковъ. Такая политика добыванія необходимыхъ средствъ утоляла финансовую нужду лишь на скоропреходящее время, впереди же стоялъ тупикъ, грозившій банкротствомъ военному государству. Обойти этотъ тупикъ, избѣжать банкротства составляла очередную задачу тогдашней русской политики. Въ офиціальныхъ кругахъ ясно понимали необходимость широкихъ и многосторонних реформъ. Приходилось серьезно заняться финансовымъ вопросомъ, приходилось проводить финансовыя реформы ради оздоровленія самихъ финансовъ, нужно было создать эластичную финансовую систему для того, чтобы осуществить рядъ другихъ неотложныхъ реформъ, что, въ свою очередь, вызывало крупные расходы.

На дорогѣ ко всѣмъ необходимымъ реформамъ стояло крѣпостное право. Государству нужно было увеличеніе средствъ, это достигалось тѣмъ, что огромный классъ населенія раскрѣпощался отъ власти помѣщиковъ и закрѣпощался государственному казначейству. Государственная власть предпочитала, какъ увидимъ

впослѣдствіи, обезпечить крупное землевладѣніе иными способами, нежели непосредственной эксплоатаціей основного ядра населенія...

Финансовое значеніе крестьянской реформы и другихъ связанныхъ съ нею реформъ было огромно, несмотря на то, что эти реформы были произведены слишкомъ «осторожно». Хотя реформы и были продиктованы государственной власти объективною необходимостью, но та же власть, въ союзѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ, шла только на уступки, уступая настолько, насколько это было необходимо для сохраненія въ неприкосновенности основъ стараго строя, опиравшагося на самодержавіе верховной власти, на господствующее положеніе въ соціальномъ строѣ крупнаго землевладѣнія. Реформы 60-хъ годовъ для государственной власти дали одно очень крупное пріобрѣтеніе, обусловленное постепеннымъ внѣдреніемъ денежнаго хозяйства и развитіемъ капитализма. Государственная власть не стала дожидаться того момента, когда промышленный капиталъ въ Россіи окрѣпнетъ настолько, что предъявитъ претензію на участіе въ управленія и политикѣ. Въ эпоху реформъ промышленный капиталъ ходилъ еще въ дѣтскихъ башмакахъ. Правительство беретъ его подъ свое покровительство, ставитъ рядомъ съ дворянствомъ, создаетъ ему тепличную атмосферу, убивающую въ промышленной буржуазіи самодѣятельность и пріучаетъ новаго союзника, за приличное вознагражденіе, играть роль новой опоры господствующаго режима. Это обстоятельство наложило рѣзкій отпечатокъ на строй финансовыхъ отношеній пореформенной Россіи.

Финансовое значеніе реформъ 60-хъ годовъ сказалось яркимъ образомъ на одномъ конкретномъ примѣрѣ. Турецкая война, начатая Россіей въ концѣ 70-хъ годовъ, была очень рискованнымъ предпріятіемъ, угрожавшимъ благополучію русскихъ финансовъ. Министръ финансовъ и другіе освѣдомленныя лица убѣдительно доказывали императору, желавшему войны, что это предпріятіе можетъ ввергнуть Россію въ бездну государственнаго банкротства. Турецкой войнѣ не сочувствовали на Западѣ, ея не хотѣли денежные классы внутри Россіи. Слѣдовательно, финансовая сторона новой войны была болѣе, чѣмъ сомнительна. Это и доказалъ послѣдующій опытъ. Внѣшній заемъ былъ заключенъ на ростовщическихъ условіяхъ, что, конечно, расшатывало самыя основы государственнаго кредита; внутренній заемъ потерпѣлъ блестящее фіаско, хотя на обѣдѣ въ Москвѣ, въ присутствіи императора, дворянство и купечество громко говорили о своихъ патріотическихъ чувствахъ и обѣщали царю денежную помощь въ предстоящей войнѣ съ Турціей. Но это были только пустыя слова...

Войну пришлось вести на бумажныя деньги. Пришлось выпустить бумажныхъ денегъ на такую сумму, что серьезно угрожала опасность колоссальнаго обезцѣненія бумажноденежныхъ знаковъ, а это, въ свою очередь, могло привести къ окончательному разстройству не только финансовыхъ, но и всѣхъ экономическихъ отношеній. Русская финансовая и экономическая исторія знаетъ примѣры, когда громадные выпуски бумажныхъ денегъ приводили къ чрезвычайному и стремительному паденію курса рубля. Но тогда Россія отчасти спасалась тѣмъ, что она была закована въ броню натуральнаго хозяйства. Революціи въ области денежнаго обращенія затрагивали сравнительно небольшой кругъ экономическихъ интересовъ; переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ

денежному благопріятствовалъ поглощенію чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; тогда задолженность государства на внѣшнихъ рынкахъ, вызывавшая платежи въ металлической валютѣ, была, сравнительно, незначительной, государство не рисковало еще остаться совсѣмъ безъ металлическихъ денегъ, съ одними бумажными лоскутками. Въ эпоху же послѣдней турецкой войны экономическія и финансовыя отношенія сложились уже въ обратномъ порядкѣ—и, однако, крайнія средства, допущенныя правительствомъ при покрытіи финансовыхъ потребностей военнаго времени, не оказали особенно вреднаго дѣйствія на экономическую жизнь страны, а, слѣдовательно, и государственные финансы оказались способными къ быстрому улучшенію. Это обстоятельство находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ огромномъ значеніи, какое для народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ имѣло частичное раскрѣпощеніе сельскохозяйственнаго труда. Это раскрѣпощеніе, вызвавшее, сверхъ того, усиленную циркуляцію капиталовъ, такъ какъ крѣпостныя души въ имѣніяхъ были замѣнены процентными бумагами въ портфеляхъ, сослужило свою службу въ тяжелый моментъ напряженія финансовыхъ силъ государства. Освобожденіе крестьянъ создало ту атмосферу, въ которой несчастный, многострадальный русскій рубль спасся отъ чрезмѣрнаго паденія, а вслѣдствіе этого потери на курсѣ во время войны при расходахъ въ 1.073 милл. руб. составили только 370 милл. руб. А если бы народное хозяйство того времени характеризовалось меньшею степенью упругости, то названныя выше потери выразились бы въ колоссальныхъ размѣрахъ, и, трудно сейчасъ сказать, какія перспективы ожидали бы въ недалекомъ будущемъ не только государственное хозяйство, но и всю экономическую жизнь страны.

Освобожденіе крестьянъ, раскрѣпощеніе сельскаго труда, экономическое оживленіе, сопровождавшее гибель крѣпостного хозяйства и водвореніе первыхъ зачатковъ промышленнаго капитализма, спасало самодержавное государство не только въ моменты остраго напряженія финансовыхъ силъ страны, но и въ обыденной жизни. Уничтоженіе крѣпостного права вызвало необходимость «поддерживать» дворянское и вообще помѣщичье землевладѣніе; пріобрѣтеніе новаго союзника—промышленной буржуазіи, въ свою очередь, вызывало рядъ ординарныхъ и экстраординарныхъ расходовъ по покровительству торговлѣ и промышленности; крымская и турецкая войны окончательно втянули Россію въ водоворотъ «міровой» политики: это обусловило крупные расходы по войску, флоту и по постройкѣ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ; осуществленіе хотя и скромныхъ, но широкихъ по своимъ задачамъ реформъ внутренняго управленія взвинчивало ростъ государственныхъ расходовъ; охрана внутренняго порядка отъ конституціонныхъ и революціонныхъ движеній, принявшая съ начала 80-хъ годовъ болѣзненно-напряженный характеръ; укрѣпленіе позицій самодержавнаго строя путемъ цѣлаго ряда экономическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы государственная власть, бюрократическая система казалась краеугольнымъ камнемъ всѣхъ общественно-экономическихъ отношеній,—все это и многое другое вызывало форсифованный ростъ государственныхъ расходовъ. Усиленное желѣзнодорожное строительство и вообще стремленіе привлечь въ Россію иностранные капиталы, приводило къ интенсивной прак-

тикѣ внѣшнихъ займовъ. Займы требовали податнаго покрытія, слѣдовательно, государственные обыкновенные расходы увеличивались еще и ростомъ чрезвычайнаго бюджета. Правительство стояло передъ сложной задачей—найти соотвѣтствующіе доходы, фиксировать свою финансовую систему на достаточно емкихъ финансовыхъ источникахъ.

Ростъ расходовъ заставлялъ повышать налоги и подати, падавшіе въ главной своей массѣ на низшіе классы. Налоговая политика шла въ сторону наименьшаго сопротивленія, такъ какъ интересы народныхъ массъ ничѣмъ и нигдѣ не были защищены.

Новѣйшая эпоха русской финансовой исторіи характерна и важна въ томъ отношеніи, что здѣсь прочно складывается въ своихъ деталяхъ существующая и донынѣ русская финансовая система. Правительство въ области финансовыхъ отношеній начинаетъ пожинать плоды просвѣщенія: оно значительно улучшаетъ податную технику, что, въ свою очередь, замѣтно поднимаетъ ростъ государственныхъ доходовъ. Царившая до эпохи реформъ откупная система взиманія нѣкоторыхъ налоговъ на потребленіе замѣняется усовершенствованными акцизами. Акцизная система взиманія налога на спиртъ организуется настолько удачно, что и въ германскомъ рейхстагѣ раздавались голоса о перенесеніи этой формы обложенія на нѣмецкую почву. Реформы происходили и въ области прямого обложенія. Старинная подушная подать, это истинное отраженіе крѣпостныхъ отношеній некультурнаго государства, была, наконецъ, отмѣнена.

Отмѣненная подушная подать, нанесшая имперскому и безъ того дефицитному бюджету убытокъ въ 70 мил. руб., была замѣнена слѣдующими налогами: былъ дважды увеличенъ налогъ на спиртъ (до 9 коп. на градусъ), повышены налоги на сахаръ, табакъ, повышенъ гербовый сборъ, повышены таможенныя ставки на многіе предметы ввоза, введенъ новый налогъ на золотопромышленность, введены дополнительные сборы на торговлю и промышленность, повышены подомовый, поземельный налогъ, введены налоги на доходъ съ денежныхъ капиталовъ, налогъ съ наслѣдствъ, повышены налоги на ярмарочные билеты, на заграничные паспорта, усовершенствована система продажи питей, введенъ институтъ податныхъ инспекторовъ, который въ значительной мѣрѣ улучшилъ дѣло взиманія налоговъ, хотя его дѣятельность и стѣснялась нѣкоторыми фискальными функціями русской вездѣсущей полиціи.

Нужно ли говорить, что всѣ перэчисленныя здѣсь мѣропріятія, произведенныя въ короткій промежутокъ первой половины 80-хъ годовъ, съ избыткомъ вознаградили государственное казначейство за потери, связанныя съ отмѣною подушной подати...

Преображеніе русскаго бюджета не заключало въ себѣ чудесныхъ элементовъ. Оно было отраженіемъ измѣнившихся экономическихъ условій. Начиная съ 60-хъ годовъ Россія быстро пошла по пути развитія денежнаго хозяйства. Въ народнохозяйственной жизни совершился полный переворотъ, народное потребленіе стало концентрироваться на фабрично-заводскихъ фабрикатахъ, товарахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и податная политика перемѣстила центръ своей тяжести: пышнымъ цвѣткомъ расцвѣтаетъ косвенное обложеніе. Отъ косвеннаго налога увер-

нуться невозможно. Одинъ наблюдатель деревенской жизни сказалъ: «не хочешь спать зимой по 17 часовъ—плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить— плати акцизъ на спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже дѣйствительной стоимости, а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д., и т. д. Вообще, куда ни повернись сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ, что съ него берутъ, берутъ и берутъ»...

Въ концѣ 80-хъ годовъ, казалось, что косвенные налоги взяли съ Россіи все то, что дало ей освобожденіе крестьянъ, развитіе торговли и промышленности, усиленное строительство желѣзныхъ дорогъ. Страшный голодъ 1891 года раскрылъ ужасную картину народнаго обнищанія. Голодъ отразился и на прямыхъ налогахъ, образовались крупныя недоимки, и на косвенныхъ. Казалось, что русская финансовая политика подошла къ роковой чертѣ.

Удручающее впечатлѣніе голода, финансоваго разстройства усиливалось паденіемъ русскаго государственнаго кредита. Въ голодный годъ русскій заемъ съ трескомъ провалился въ Парижѣ. Говорятъ, что даже на улицахъ Парижа, агенты банковаго синдиката, предлагали публикѣ подписаться на облигаціи русскаго займа со скидкою противъ объявленнаго въ проспектахъ твердаго эмиссіоннаго курса... Но заемъ не пошелъ... Создавалось напряженное положеніе, выросталъ тотъ кризисъ, который на протяженіи столѣтій не одинъ разъ ставилъ русское государство въ чрезвычайно обостренныя условія...

III.

Ростъ государственнаго бюджета, въ періодъ 1892—1903 г., поражаетъ своею напряженностью и быстротою. За указанныя 11 лѣтъ, обыкновенные государственные доходы болѣе, чѣмъ удвоились: они возрасли на 110%. Въ нѣкоторые годы, увеличеніе государственныхъ доходовъ составляло 12%, 11, 10%. Эти отношенія уже ясно говорятъ за то, что ростъ государственнаго хозяйства значительно опережалъ развитіе общей экономической жизни: нельзя предположить, чтобы такая экономически отсталая страна, какъ Россія, гдѣ образованіе капиталовъ совершается слишкомъ медленно, могла естественнымъ путемъ создать условія для такого интенсивнаго, безпримѣрнаго даже для богатыхъ странъ, роста государственныхъ доходовъ.

Правда. этотъ изумительный ростъ государственнаго бюджета отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общую массу государственныхъ доходовъ были включены оборотныя суммы по желѣзнодорожному хозяйству казны, которое расширилось вслѣдствіе выкупа въ руки государства частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также и потому что были включены оборотныя суммы по казенной винной монополіи. Но существенную роль играло въ этомъ галопирующемъ возрастаніи государственныхъ доходовъ увеличеніе налогового бремени. Если министръ Бунге заявлялъ (въ 1887 г.), что «въ настоящее время уравновѣшиваніе доходовъ съ расходами посредствомъ возвышенія прежнихъ или установленія новыхъ налоговъ было несвоевременнымъ», то его преемники всей своей политикой дока-

зывали обратное. Министръ Вышнеградскій въ два года, передъ самымъ «голоднымъ годомъ», увеличилъ слѣдующіе налоги: акцизъ на спиртъ, на табакъ, таможенные налоги на желѣзо, чугунъ и сталь, на хмѣль, каменный уголь и коксъ, на плиточный чай, на швейныя и вязальныя нитки, на суда, апельсины, лимоны, померанцы, живыя растенія, на хлопчатую бумагу, на сельскохозяйственныя машины и орудія, на сельди, кяхтинскіе чаи, патентованныя лекарства, столярныя и токарныя издѣлія, льняныя, пеньковыя и джутовыя издѣлія и т. д., и т. д.; увеличены были гербовые сборы, промысловые сборы, повышены налоги поземельный и подомовый, введены новые налоги на освѣтительныя масла, на зажигательныя спички, введенъ налогъ на кавказскихъ мусульманъ взамѣнъ отбыванія воинской повинности и т. д.

Это было наканунѣ «голоднаго года». Вскорѣ же послѣ «голоднаго года» министръ Витте, въ небольшой промежутокъ времени, повысилъ всѣ прямые, за исключеніемъ поземельнаго, и всѣ косвенные налоги. Нѣкоторые косвенные налоги повышались два раза, напр., налогъ на табакъ и водку. Обложеніе водки съ 9 коп. на градусъ было поднято до 15 коп. Это повышеніе было замаскировано введеніемъ казенной винной монополіи. Русскій бюджетъ, или, какъ его называютъ, «пьяный бюджетъ», сталъ исключительно опираться на косвенное обложеніе. Среди косвенныхъ налоговъ рѣзко выдѣляется налогъ на водку, который даетъ треть всѣхъ государственныхъ доходовъ. На слѣдующемъ мѣстѣ стоитъ обложеніе чая и бумажныхъ тканей. Водка, чай и ситецъ въ переводѣ на языкъ существующихъ экономическихъ отношеній означаютъ, что русскій бюджетъ опирается на доходы низшихъ слоевъ населенія. Обложеніе трехъ названныхъ товаровъ—стволъ русскаго бюджета, вѣтви этого ствола, многочисленныя и многообразныя, питаются, въ главной своей массѣ, тѣми же соками, т. е. на счетъ потребленія широкихъ народныхъ массъ. Плоды же этого хлѣбнаго дерева, какъ показываетъ анализъ расходнаго бюджета русской имперіи, собираются тѣми, кто издавна привыкъ пожинать, но не сѣять...

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ министръ финансовъ Витте обронилъ фразу: «финансовое искусство—не магія». Да, это—вѣрно, а потому необычайный ростъ государственнаго бюджета и еще болѣе необычайная выносливость податныхъ классовъ нуждаются въ объясненіи. Какія силы поддерживали государственный бюджетъ, что помогло старому режиму усилить свои позиціи какъ разъ наканунѣ русско-японской войны и народной революціи?

Для того, чтобы найти ту существенно-важную причину, которая могла бы объяснить только-что указанное явленіе, нужно обратить вниманіе на приливъ иностранныхъ капиталовъ.

Съ половины прошлаго вѣка экономическая жизнь главнѣйшихъ странъ Западной Европы уже окончательно встала на ноги. На рынкахъ накапливались огромные свободные капиталы, благодатнымъ дождемъ орошавшіе и капиталистическое хозяйство, и государственные финансы. Государственная власть попала въ руки промышленныхъ и владѣющихъ классовъ, которые сумѣли приспособить государственный аппаратъ къ обслуживанію руководящихъ экономическихъ интересовъ. Несчастный исходъ для Франціи ея столкновенія съ Германіей не только не погубилъ богатую страну, но почти не остановилъ роста французскаго

національнаго богатства. Этотъ фактъ говоритъ за то, что народное хозяйство передовыхъ промышленныхъ странъ окрѣпло и пріобрѣло значительную упругость. Мало того, капитализмъ западноевропейскихъ странъ развился уже настолько, что образованіе новыхъ капиталовъ зачастую опережало потребность въ нихъ внутри страны. Капиталъ оставался свободнымъ, незанятымъ, онъ давилъ внутри страны на уровень процента, понижалъ доходность той все возраставшей категоріи лицъ, которая владѣла капиталами и изъ среды которой постепенно выросталъ классъ рантье. Подобное положеніе вещей понуждало къ экспорту капитала. Экспортъ капитала въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—характерное явленіе новѣйшей эпохи экономической исторіи Западной Европы.

Экспорту капиталовъ долженъ былъ, конечно, соотвѣтствовать импортъ. Это и случилось за счетъ экономически неразвитыхъ или быстро развивавшихся новыхъ странъ, или отсталыхъ, изнуренныхъ странъ. Во всѣхъ этихъ странахъ общимъ знаменателемъ было отсутствіе или недостатокъ свободныхъ капиталовъ. Въ Россіи жажда прилива капиталовъ изъ-за границы обострялась и тѣмъ, что страна оставалась въ стадіи перехода къ промышленному типу странъ, слѣдовательно, образованіе капиталовъ внутри ея было очень слабое, а потребность въ нихъ очень сильная; эта же жажда прилива капиталовъ обострялась и тѣмъ, что правительственная политика не считалась съ наличными рессурсами страны и требовала больше, чѣмъ страна могла дать, не истощая своихъ силъ. Истощеніе экономическихъ силъ, угрожавшее и народному хозяйству, и государственнымъ финансамъ могло маскироваться притокомъ иностраннаго капитала.

И, дѣйствительно, вторая половина XIX вѣка въ исторіи русскаго государственнаго хозяйства, и, равнымъ образомъ, въ исторіи русскаго народнаго хозяйства характеризуется усиленнымъ приливомъ иностраннаго капитала.

Начиная съ первыхъ екатерининскихъ займовъ и до нашего времени русская государственная задолженность опредѣляется въ 14 милліардовъ рублей. Часть этого колоссальнаго долга была погашена, въ настоящее время государственный долгъ исчисляется въ суммѣ около 9 милліардовъ. Присоедините сюда задолженность мѣстнаго самоуправленія, прибавьте иностранный капиталъ въ частныхъ предпріятіяхъ и вы получите представленіе о той могучей силѣ капитала, которая вліяла на русскую экономическую и финансовую жизнь на протяженіи 19-го вѣка, въ особенности въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій этого вѣка.

Приливъ иностранныхъ капиталовъ задерживалъ разложеніе государственнаго строя, почти всегда стоявшаго въ предверіи финансоваго банкротства. Но въ то же время чужеземный капиталъ не приносилъ съ собой зародышей оздоровленія Россіи. Общій укладъ жизни препятствовалъ нормальному развитію русской экономической жизни. Правительство напрягало свои усилія не только къ тому, чтобы оросить русскія производительныя силы золотымъ дождемъ занятыхъ денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сознательно стремилось къ тому, чтобы экономическая и финансовая политика была выгодна и полезна опредѣленнымъ общественнымъ классамъ. Деньги шли не туда, гдѣ онѣ были не только нужны, необходимы, но и полезны для развитія хозяйства. Деньги шли туда, гдѣ правительство видѣло и чувствовало опору и поддержку. Много-

милліонное крестьянство вмѣсто денегъ получало только подати, крестьянство только косвеннымъ путемъ испытывало на себѣ послѣдствія прилива иностранныхъ капиталовъ. Этотъ приливъ вызывалъ спросъ на рабочія руки и вліялъ на развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Податная политика отсѣкала всѣ эти плюсы въ свою пользу. Мало того, эта податная политика, не порывая своихъ связей съ недавнимъ прошлымъ, сама по себѣ являлась факторомъ, поддерживавшимъ существовавшій порядокъ вещей.

Такая политика не являлась плодомъ особенной государственной мудрости. Она диктовалась необходимостью; другихъ выходовъ для достиженія той же самой цѣли не было. Но здѣсь же было и самое больное, уязвимое мѣсто стараго режима. Весь механизмъ зависѣлъ отъ постояннаго притока иностранныхъ капиталовъ, которые поддерживали упругость русскихъ финансовъ и создавали ту атмосферу, въ которой, казалось, выносливость народнаго хозяйства принимала необычайные размѣры и поражала всякаго сторонняго наблюдателя.

Заминка съ государственнымъ кредитомъ, событіе, вызывающее напряженіе финансовыхъ силъ и средствъ, испугъ западныхъ капиталистовъ, воздерживавшихся отъ помѣщенія своихъ денегъ въ русскія бумаги или русскія предпріятія, все это приводило государственные финансы въ состояніе полнаго замѣшательства, разстройства. Послѣдняя война съ Турціей, голодъ 1891 г., показали эту слабую сторону русской политики, обнажили глиняныя ноги огромнаго колосса. Русско-японская война была послѣднимъ по времени испытаніемъ русскихъ финансовъ. Эта война была прекращена не совсѣмъ доблестнымъ миромъ, иначе тѣ напряженія, которыя она вызвала въ области государственныхъ финансовыхъ отношеній, неминуемо окончились бы банкротствомъ. И на этотъ разъ иностранное золото временно отодвинуло развязку старой, затянувшейся драмы. Иностранное золото и уступки правительства сдѣлали то, что и на этотъ разъ финансовый факторъ былъ плохимъ и слабымъ помощникомъ освободительнаго движенія. Но, какъ увидимъ впослѣдствіи, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ временной отсрочкой того момента, когда финансовый факторъ общественной эволюціи, обманувшій надежды въ недавнихъ событіяхъ, будетъ опять посылать направо и кверху свои страшныя угрозы. Исторія снова должна будетъ поставить вопросъ о подсчетахъ и итогахъ...

IV.

Мы видѣли, что вплоть до русско-японской войны правительству съ большими жертвами и съ великими усиліями удавалось рядомъ мѣропріятій сбалансировать въ своихъ интересахъ соотношеніе между государственнымъ бюджетомъ и народнымъ хозяйствомъ.

Но это была только одна задача стараго режима. Для правительства было далеко недостаточно удержать отъ крушенія государственное хозяйство и тѣмъ поддержать самого себя. Всегда стояла другая, не менѣе важная, задача—усиленіе и укрѣпленіе тѣхъ позицій внутри государства, на которыхъ держался старый строй. Государственный бюджетъ, сохраняемый отъ чрезмѣрныхъ потря-

сеній и возможныхъ крушеній, самъ по себѣ не былъ цѣлью правительственной политики, онъ былъ только средствомъ къ достиженію болѣе существенной задачи — сохраненія соціальныхъ основъ абсолютной монархіи. Одно время постъ министра финансовъ занялъ кіевскій профессоръ Н. Х. Бунге, которому въ очень короткое время удалось провести рядъ раціональныхъ финансовыхъ реформъ и тѣмъ самымъ значительно улучшить положеніе государственнаго бюджета. Но реформы Бунге были такого рода, что онѣ, хотя и слабо, но все же затрогивали интересы господствующихъ классовъ. Со всѣхъ сторонъ поднялась противъ этого министра травля, которая закончилась быстрымъ уходомъ Бунге въ отставку. Этотъ примѣръ краснорѣчиво говоритъ за то, что правительству и господствующимъ классамъ хорошіе финансы нужны были не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ могучаго средства питанія соціальныхъ опоръ самодержавной монархіи. По существу говоря, Бунге, конечно, не подходилъ къ роли министра финансовъ того режима, который держался классами, получавшими наибольшія выгоды отъ государственнаго хозяйства. Побѣда Бунге надъ хроническимъ разстройствомъ русскихъ финансовъ для стараго режима была бы блестящею побѣдою Пирра...

Вотъ почему важно обратить вниманіе на внутренній строй финансовыхъ отношеній Россіи и здѣсь выяснить ту огромную соціальную роль финансоваго фактора, которая заявляетъ себя на всемъ протяженіи русской исторіи.

Если такія государства, какъ Англія, Германія, Франція, несмотря на то, что они давно перешли въ разрядъ промышленно-капиталистическихъ странъ, тѣмъ не менѣе въ своей финансовой конструкціи носятъ ярко выраженные слѣды защиты и покровительства крупному, а, за послѣднее время, среднему и даже мелкому землевладѣнію, то для такой страны, какъ Россія, a priori можно смѣло предположить, что русская финансовая система насквозь проникнута аналогичными тенденціями.

Исторической датой, которая отмѣчаетъ начало усиленнаго покровительства сельскому хозяйству помѣщиковъ, дворянъ по преимуществу, является паденіе крѣпостного права, когда бывшіе рабовладѣльцы переходятъ на государственное содержаніе. Правительство совершаетъ грандіознѣйшую выкупную операцію, оплачивая на счетъ крестьянъ потери помѣщиковъ, обусловленныя надрывомъ крѣпостныхъ отношеній. Помѣщики получаютъ деньги не только за отошедшую отъ нихъ землю, но и — въ скрытомъ видѣ, — за «души» своихъ бывшихъ рабовъ, т. е. за утерянную даровую рабочую силу.

Однако, несмотря на то, что крупное землевладѣніе получило такую мощную поддержку въ формѣ выкупныхъ платежей, его положеніе, тѣмъ не менѣе, было довольно шатко. Преобразованіе соціальныхъ отношеній, оказавшихъ воздѣйствіе на русское сельское хозяйство, совпало съ крупнымъ всемірнымъ экономическимъ теченіемъ въ области сельскохозяйственной промышленности. Сельское хозяйство европейскаго континента очутилось во власти затяжного кризиса, обусловленнаго многими причинами, между прочимъ, конкурренціей новыхъ заокеанскихъ странъ, производившихъ массу дешеваго хлѣба. Экономическія условія, въ которыхъ находилось европейское сельское хозяйство, складывались такимъ образомъ, что землевладѣльцы должны были считаться съ

падающими хлѣбными цѣнами и дорожающими рабочими руками. Эти перспективы обрекали земельное владѣніе на постепенное пониженіе доходности.

Поэтому на Западѣ начинается политика поддержанія землевладѣнія, окрасившая въ свой цвѣтъ финансовыя отношенія; особенно это замѣтно въ Германіи и ея союзныхъ государствахъ.

Въ Россіи эта политика, имѣвшая, кромѣ того, свои особые мотивы, — сохраненіе режима,—приняла рѣзко выраженную окраску. Государственные финансы сильно впитали въ себя это новое теченіе, финансовыя отношенія стали неизмѣнно складываться подъ угломъ помѣщичьихъ интересовъ. Изъ массы фактовъ, иллюстрирующихъ это теченіе русской финансовой политики, можно указать на слѣдующіе:

Въ области *прямого обложенія* русское помѣщичье землевладѣніе никогда не было обиженнымъ, оно всегда находилось въ привилегированномъ положеніи. Въ XVIII в. по фискальнымъ соображеніямъ земельное обложеніе было преобразовано въ подушную подать. «Души» помѣщиковъ всегда были свободны отъ этой подати, такъ какъ уплата подушнаго налога въ глазахъ общества была патентомъ на «подлое» происхожденіе. Земли же помѣщиковъ оставались свободными отъ налога потому, что совсѣмъ не было поземельнаго налога. По этой же причинѣ оставалась свободной отъ обложенія и вся совокупность помѣщичьяго дохода—не было соотвѣтствующаго налога. Введенный въ 70-хъ годахъ XIX в. государственный поземельный налогъ былъ совсѣмъ необременителенъ; никогда со стороны землевладѣльцевъ не раздавалось громкаго протеста противъ этого налога. Взиманіе налога было обставлено такимъ образомъ, что облагался не дѣйствительный доходъ земли, а средняя ея доходность, оцѣнка которой находилась въ рукахъ самихъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ само министерство финансовъ признало, что эти оцѣнки черезъ чуръ проникнуты классовыми интересами, но это не мѣшаетъ такому способу взиманія налоговъ существовать до сихъ поръ. Мало того, въ 1896 г. незначительный нормальный налогъ понижается, срокомъ на 10 лѣтъ, на 50%. Сдѣлано это въ виду всемірнаго сельскохозяйственнаго кризиса. На годъ ранѣе понижается для имѣній налогъ съ наслѣдствъ, введенный въ 1882 году, — до этого времени владѣющіе классы сумѣли отстаивать свои интересы и не допускали введенія наслѣдственнаго налога. Одинъ изъ министровъ ссылался при этомъ на опытъ Англіи, гдѣ точно такъ же помѣщики противились наслѣдственному налогу. Русскій министръ говорилъ: «налогъ, доказательствами мудрыхъ людей опороченный... Англія обложила и свѣтъ солнца, но знала, что всему есть предѣлъ и мѣра, и видѣла въ налогѣ на наслѣдства оскорбленіе святыни праха родственниковъ». Если русскимъ помѣщикамъ не удалось въ 1875 г. и въ 1882 г. воспрепятствовать введенію поземельнаго налога и налога съ наслѣдствъ, то въ 1895 и 1896 г.г. оба эти ничтожные по своимъ размѣрамъ налога все же были понижены. Замѣтимъ кстати, что взиманіе наслѣдственнаго налога производилось опять таки не по дѣйствительной цѣнности имущества, а по оцѣнкамъ, которыя находились въ рукахъ помѣщиковъ и дружественной имъ, родной по интересамъ, бюрократіи.

Когда правительство ввело «прямой» квартирный налогъ, который на самомъ дѣлѣ является косвеннымъ налогомъ на потребленіе, то и здѣсь оно соз-

дало льготу для помѣщиковъ: ихъ квартиры въ имѣніяхъ по закону остаются свободными отъ обложенія. Подомовый налогъ опять-таки совершенно не взимается съ помѣщичьихъ домовъ, находящихся за чертою городскихъ населеній...

Очевидныя льготы все тому же классу помѣщиковъ были проведены и въ *земскихъ финансахъ*, по своей конструкціи непосредственно примыкающихъ къ государственному прямому обложенію. Организуя земскіе финансы, правительство преслѣдовало двойную цѣль. Земская реформа была необходимой уступкой духу времени. Уступая съ оглядкой новымъ теченіямъ, правительство опасалось создать сильное земство, которое легко могло перейти въ станъ, враждебный самодержавію, кромѣ того могло явиться серьезнымъ конкуррентомъ государственнаго казначейства въ сферѣ финансовыхъ интересовъ. И государству, и земству предстояло брать свои доходы съ одного и того же отвѣтчика-крестьянина. Государственная власть, во-первыхъ, обременяетъ земство обязательными расходами государственнаго характера. Этимъ оно разоружаетъ отъ части необходимыхъ расходовъ общеимперскій бюджетъ. Затѣмъ, такъ какъ земство было сдѣлано помѣщичьимъ, то правительство особымъ закономъ ограждаетъ торгово-промышленный классъ отъ посягательствъ помѣщиковъ-земцевъ переложить на торговлю и промышленность земское налоговое бремя. Передъ земствомъ остаются два источника: доходъ помѣщиковъ и заработокъ крестьянъ. Какъ же были использованы эти источники? Вотъ двѣ коротенькихъ, но краснорѣчивыхъ таблички: въ 30 земскихъ губерніяхъ составъ земствъ слѣдующій:

дворянъ и помѣщиковъ	57,1%
разночинцевъ	13,3%
крестьянъ	29,6%
	100%, а поэтому

среднее обложеніе десятины земли земскими сборами было:

Годы	Съ крестьянской земли.	удѣльной и помѣщичьей.
1871	10,6 коп.	5,3 коп.
1880	15,5 „	7,4 „
1889	17,3 „	9,7 „
1895	21,6 „	11,0 „

Врядъ ли эти цифры нуждаются въ поясненіи: слишкомъ очевидна та рука, которая устраивала земскіе финансы.

Въ такомъ же духѣ были организованы финансы сельскихъ обществъ. На сельскія волости, на деревенскій «міръ» была возложена масса расходовъ по внутренней полиціи и благоустройству, причемъ сельскіе финансы были организованы слѣдующимъ образомъ: доходный бюджетъ былъ ярко «сословнымъ», т. е. онъ питался исключительно крестьянскими платежами, а расходный бюджетъ оставался «всесословнымъ», такъ какъ за счетъ крестьянскихъ платежей производились расходы, въ которыхъ нуждались всѣ, жившіе въ сельскихъ районахъ. Землевладѣлецъ, онъ же и земскій начальникъ, въ буквальномъ смыслѣ слова жилъ за счетъ крестьянъ. Мѣстныя нужды, въ удовлетвореніи которыхъ

помѣщичье хозяйство нуждалось не менѣе, если не болѣе, чѣмъ крестьянское хозяйство, удовлетворяются и понынѣ за счетъ крестьянскаго хозяйства, что безусловно для помѣщиковъ является незаслуженнымъ подаркомъ и что питаетъ ихъ любовь къ ярко сословной организаціи мѣстнаго самоуправленія...

Таже самая картина развертывается, если внимательно посмотрѣть на натуральныя повинности. Съ эволюціей денежнаго хозяйства государство постепенно вычеркивало изъ своего бюджета натуральныя повинности, замѣняя ихъ налогами. Натуральныя повинности не снимались съ плечъ податныхъ классовъ, а передавались органамъ мѣстнаго самоуправленія. Вслѣдствіе этого государство получало сразу двѣ выгоды: оно переводило натуральныя повинности для себя въ денежные сборы, а, во вторыхъ, передавая натуральныя повинности мѣстному управленію, государство тѣмъ самымъ сокращало денежные сборы земства, волости и общины и этимъ расширяло почву для своихъ денежныхъ претензій. Неудовлетворительная организація мѣстныхъ финансовъ въ Россіи надолго удержала натуральныя повинности въ практикѣ земской Россіи. Характерной чертой русскихъ натуральныхъ повинностей является рѣзко выраженный ихъ классовый характеръ. Законъ опредѣленно предписываетъ, что земство можетъ требовать натуральнаго отбыванія повинностей только съ податныхъ классовъ,—дворяне же, духовенство, среднее сословіе не обязаны никакими натуральными повинностями. Законъ предоставилъ земству право прибѣгать къ натуральнымъ повинностямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такой способъ дѣйствія диктуется соображеніями хозяйственной выгоды. Помѣщичьи земства сдѣлали такъ, что натуральныя повинности тяжелымъ бременемъ легли на крестьянскія массы, удваивая и утраивая тяготы этого класса. Правительство само констатировало, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ натуральная повинность съ крестьянской десятины равняется по казенной оцѣнкѣ 4—22 коп., а десятина помѣщичьей земли, съ которой вмѣсто повинности взимается сборъ, несетъ расходъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ коп.

Отсюда уже видно, какой выигрышъ получаетъ помѣщичье хозяйство только изъ одной стороны финансоваго хозяйства—со стороны прямого обложенія!

Въ *косвенномъ обложеніи* крупное сельское хозяйство получаетъ неменьшія выгоды. Прямыхъ изъятій изъ косвеннаго обложенія нѣтъ, такъ какъ технически трудно организовать такія привилегіи, но за то въ конструкціи косвеннаго обложенія находится не мало слѣдовъ помѣщичьяго вліянія и не мало признаковъ правительственной любви къ этому счастливому классу.

Львиную долю русскаго бюджета составляетъ доходъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ. Этотъ огромный доходъ, помимо своего бюджетнаго значенія, имѣетъ крупное экономическое значеніе. Налогъ на производство, налогъ на потребленіе представляютъ изъ себя мощныя орудія экономической политики. Все дѣло зависитъ отъ той или иной конструкціи налога. Налогъ же на спиртъ затрагиваетъ почти всю сферу сельскаго хозяйства. Перегонка хлѣба, картофеля въ спиртъ, это—факторъ, который при однихъ условіяхъ можетъ убить сельское хозяйство, при другихъ — создать для него источникъ неизсякаемыхъ доходовъ. Мало того, обложеніе спирта можно организовать такимъ образомъ, что сельское хозяйство одной полосы будетъ процвѣтать, а другой — хирѣть; можно всѣ прибыли направить въ сторону крупнаго сельскаго хозяйства, и всѣ невыгоды

—въ сторону мелкаго. Финансовая исторія многихъ странъ представляетъ такъ много разительныхъ примѣровъ опредѣляющаго вліянія налога, что всѣ общественные классы давно убѣдились въ необходимости напряженной борьбы около каждаго налога. Русскіе помѣщики точно также давно и основательно убѣждены въ этомъ.

При введеніи акцизной системы обложенія спирта налогъ взимался не съ дѣйствительнаго выхода спирта, а съ нормальнаго, т. е. правительство облагало предполагаемый при данномъ количествѣ приборовъ выходъ спирта. Если помѣщику удавалось выкурить спирту болѣе нормы, то этотъ «перекуръ» шолъ въ пользу помѣщика, т. е. оставался свободнымъ отъ налога, на рынкѣ же продавался и этотъ перекуръ, какъ будто бы онъ былъ обложенъ, но эта надбавка шла въ пользу помѣщика-заводчика. Естественно, что при такихъ условіяхъ всѣ выгоды были на сторонѣ богатыхъ, сильныхъ предпринимателей, которые лучше могли оборудовать свои заводы. Крупные заводы, конечно, побили мелкое винокуреніе: съ 1860 г. по 1899 число заводовъ сократилось съ 5160 до 2049. Въ началѣ 90-хъ годовъ начинается эра покровительства сельскохозяйственному винокуренію; вмѣсто перекура, который выродился въ поощреніе промышленниковъ, а не сельскихъ хозяевъ, практикуется безакцизное отчисленіе спирта сельскохозяйственнаго винокуренія; этого было мало—ввели дополнительное безакцизное отчисленіе. Размѣръ безакцизныхъ отчисленій, выданныхъ, напр., въ 1904 г., заводчикамъ, составилъ около 13½ милл. руб., т. е. по 17 коп. на ведро. Этотъ «даръ любви» оплачивается, конечно, потребителемъ. Но и этотъ даръ попалъ въ руки только одного крупнаго землевладѣнія, такъ какъ законъ признаетъ сельскохозяйственную винокурню не въ зависимости отъ ея силы, а отъ соотношенія между силою винокурни и количествомъ принадлежащей помѣщику-хозяину винокурни пахатной земли. При такомъ условіи помѣщикъ, чѣмъ больше у него десятинъ, тѣмъ больше получаетъ безакцизныхъ отчисленій. И дѣйствительно, увеличенія количества заводовъ почти не замѣчается: среднее и мелкое винокуреніе забито крупнымъ. Легко представить себѣ всю ту выгоду, которую отъ такихъ порядковъ получало крупное землевладѣніе: хлѣбъ въ натурѣ сбывать было трудно, цѣны падали, хлѣбъ же въ формѣ спирта находилъ явно привилегированный сбытъ за счетъ налогоплательщиковъ.

Правительство изыскивало всякіе способы къ поощренію сельскаго хозяйства крупнаго калибра; оно не остановилось даже передъ попыткой организовать монополію продажи хлѣба съ цѣлью повышенія на него цѣнъ, затративъ на эту операцію деньги, но, въ концѣ концовъ, ограничилось введеніемъ казенной винной монополіи. Не входя въ подробности, въ которыхъ, между прочимъ, скрывается интересная сторона покровительства помѣщикамъ, замѣтимъ, что, по существу дѣла, монополія прибылей казнѣ не принесла, потребленіе значительно удорожила, и это удорожаніе пошло отчасти въ пользу сельскихъ хозяевъ. Правительство теперь является единственнымъ пріобрѣтателемъ спирта, и въ назначеніи цѣнъ на спиртъ, цѣнъ за очистку спирта оно явно поступается интересами государственнаго казначейства, интересами налогоплательщиковъ въ пользу помѣщиковъ. Цѣны на спиртъ искусственно взвинчены при непосредственномъ участіи министерства финансовъ. Высокими цѣнами министер-

ство поддерживаетъ сельское хозяйство даже въ такихъ районахъ, гдѣ оно немыслимо по природнымъ условіямъ. Иногда установленныя цѣны рѣзко колеблются въ предѣлахъ одной и той же губерніи. Это означаетъ, что въ данномъ уѣздѣ дѣла какого нибудь помѣщика пришли въ упадокъ и правительство пришло къ нему съ своею помощью...

Паденіе на всемірномъ рынкѣ хлѣбныхъ цѣнъ сдѣлало выгоднымъ для сельскаго хозяйства переходъ къ другимъ культурамъ, въ особенности къ свекловичному производству. Правительства всѣхъ странъ Европы съ энергіей поддерживаютъ свеклосахарную промышленность, но пальму первенства въ этомъ соревнованіи получаетъ опять-таки русское правительство. Поощряя сахарное производство, правительство вводитъ знаменитую сахарную нормировку, т. е. казенный обязательный синдикатъ, который не допускаетъ паденія цѣнъ внутри страны ниже извѣстнаго, весьма высокаго, уровня. Свеклосахарное производство получаетъ искусственный стимулъ для своего развитія. Цѣны на сахаръ внутри страны держатся на высокомъ уровнѣ: внутренній потребитель создаетъ южнорусскимъ плантаторамъ и сахарозаводчикамъ основательные барыши. Вообще, въ Россіи потребленіе широкихъ народныхъ массъ, которое только и можетъ идти въ соображеніе при финансовыхъ разсчетахъ, оказалось сильно перегруженнымъ всякими налогами. Для свеклосахарной промышленности это могло представить значительныя неудобства, такъ какъ ростъ ея прибылей стоялъ въ зависимости отъ расширенія потребленія. Чтобы избѣжать сахарнаго перепроизводства, чтобы вознаградить свеклосахарныхъ королей за недостаточную ёмкость внутренняго рынка, правительство снова идетъ на жертвы. Оно организуетъ искусственный вывозъ сахара за границу, гдѣ русскій сахаръ продается по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Чтобы всячески понизить цѣну русскаго сахара за границей и тѣмъ создать ему возможность конкурренціи съ дешевымъ иностраннымъ сахаромъ, заводчикамъ за счетъ казны выдаются преміи за вывезенный сахаръ, понижается для вывознаго сахара желѣзнодорожный тарифъ. Перевезти пудъ сахара внутри Россіи на протяженіи 1000 верстъ стоитъ 49,39 к., а сахаръ, назначенный для вывоза, за то же разстояніе оплачивается въ 23,70 к. съ пуда. Ежегодно за границу вывозилось болѣе 10 т. пудовъ сахара. Цѣна пуда сахара въ Петербургѣ въ 1904 г. была—безъ акциза 4 р. 10 к. (акцизъ 1 р. 75 к.), цѣна русскаго вывезеннаго сахара въ Гамбургѣ — 1 р. 95 к. Въ тѣхъ же цѣляхъ пониженъ вывозной тарифъ и на спиртъ: внутренній тарифъ на 1000 в. равняется 34,16 к., вывозной — 23,61 коп. Недаромъ крупные землевладѣльцы стояли за выкупъ всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, они знали размѣръ своего вліянія на правительство, вѣрили, что имъ легко будетъ столковаться относительно пониженія въ ихъ пользу желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Правительство иногда заходило слишкомъ далеко въ своихъ стремленіяхъ помочь землевладѣльцамъ. Такъ иногда правительство само роняло курсъ русскаго кредитнаго рубля, такъ какъ низкіе курсы были выгодны экспорту сельскохозяйственныхъ продуктовъ. При такихъ пріемахъ въ угоду кучки помѣщиковъ на карту ставились существенные интересы всей Россіи...

Мы далеко не перечислили тѣхъ благъ, которыя правительство щедро раз-

давало русскому землевладѣнію за счетъ государственнаго казначейства. Въ табачномъ налогѣ, въ разныхъ пошлинахъ, въ субсидіяхъ на дорожное дѣло, вездѣ ярко сквозитъ слѣдъ правительственной заботливости о нуждахъ землевладѣнія. Своей политикой казна вздула арендныя цѣны, такъ какъ обратная политика привела бы къ паденію арендныхъ цѣнъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Вообще, все законодательство, имѣющее отношеніе къ земельному вопросу, говоритъ о томъ, что Россія управлялась въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Если мы обратимся къ *государственному кредиту*, то увидимъ здѣсь слѣды вліянія того же класса.

Большую службу сослужилъ помѣщикамъ государственный кредитъ при освобожденіи крестьянъ. Не меньшую службу онъ сослужилъ при организаціи дворянскаго ипотечнаго кредита. Исторія этого кредита весьма богата проявленіями правительственной милости къ дворянскому классу. Часто эти милости доходили до геркулесовыхъ столбовъ; напр., предоставленіе въ пользу дворянскаго банка выигрышнаго займа, что, при русскихъ условіяхъ государственнаго кредита, является величайшею роскошью. Листы дворянскаго банка, имѣвшіе плохой сбытъ на свободномъ рынкѣ, принимались управленіемъ сберегательныхъ кассъ. При огромной русской государственной задолженности привилегіи дворянскому кредиту означали суженіе рынка для государственнаго кредита, удорожаніе его. Мало того, дворянскій земельный кредитъ былъ организованъ такимъ образомъ, что онъ явился исключительно дешевымъ. Эта исключительная дешевка, противорѣчащая наличнымъ условіямъ рынка капиталовъ, создавалась опять-таки за счетъ государственнаго казначейства. Мы не затрагиваемъ внутренней организаціи дворянскаго ипотечнаго кредита, хотя здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются изумительныя льготы дворянамъ, льготы, которыя по существу противорѣчатъ всякой раціональной банковой организаціи. Такое исключительно-привилегированное положеніе дворянскаго кредита, кромѣ убытковъ для государственнаго казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ создало явно ненормальныя условія для развитія въ Россіи частнаго ипотечнаго кредита, который обанкротился бы на другой же день, если бы частные банки предоставили своимъ кліентамъ дворянскія льготы... Правительство, насколько было возможно, поддерживало частный ипотечный кредитъ. Такъ, напр., оно предоставленіемъ государственной гарантіи закладнымъ листамъ «общества поземельнаго кредита» спасло это учрежденіе отъ неминуемаго банкротства. Чтобы устроить конверсію злополучныхъ листовъ, правительство, принявъ эту операцію на свой рискъ, освободило листы отъ налога, что означало ежегодный убытокъ для казначейства въ 225 тыс. руб., выдало конвержентамъ премію въ $8^1/_2$ мил. руб., а предоставленіемъ гарантіи, собственно говоря, признало весьма шаткій долгъ общества долгомъ государственнаго казначейства...

Если мы развернемъ отчеты государственнаго банка, то и тамъ увидимъ тѣ же льготы крупному землевладѣнію. Изъ года въ годъ тянутся по отчетамъ милліонныя цифры о ссудахъ сельскому хозяйству, а вѣдь эти ссуды противорѣчатъ основнымъ устоямъ практики центральныхъ эмиссіонныхъ банковъ...

Словомъ, на каждой страницѣ русской финансовой исторіи можно встрѣтить неоспоримые слѣды особо привилегированнаго положенія крупнаго земле-

владѣнія. Классъ землевладѣльцевъ былъ любимымъ дѣтищемъ стараго строя и государственная власть, вѣчно нуждавшаяся въ деньгахъ, не жалѣла средствъ на материнскій уходъ за капризнымъ классомъ, подъ ногами котораго всегда была зыбкая почва...

V.

Покровительство крупному землевладѣнію создавало такое положеніе вещей что сохраненіе привилегій, обильно розданныхъ помѣщикамъ, по необходимости предполагало сохраненіе стараго строя государственноправовыхъ отношеній: одно обусловливало другое. Ту же тенденцію правительство проводитъ и по отношенію къ промышленной буржуазіи. Правительственная власть такъ налаживаетъ экономическую политику, чтобы промышленный капиталъ всегда чувствовалъ, что его счастье и несчастье находятся въ рукахъ всесильнаго правительства. Для правительства очень трудно было осуществлять такую политику, которая одинаково была бы выгодна и землевладѣльцамъ, и промышленникамъ. Иногда интересы этихъ классовъ были противоположны. Укажемъ на такой примѣръ: для развитія горной промышленности необходимо установленіе такъ называемой горной свободы, т. е. права искать горныя богатства на чужихъ земляхъ и входить съ собственникомъ земли въ опредѣленныя закономъ соглашенія. Горная свобода выгодна промышленности и невыгодна помѣщикамъ. Послѣдніе при отсутствіи горной свободы, вольны войти или не войти въ соглашеніе съ предпринимателемъ, а это, конечно, повышаетъ цѣну за право разработки нѣдръ. До сихъ поръ помѣщикамъ удавалось отстоять свои позиціи и «горная свобода» до сихъ поръ лежитъ подъ сукномъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Такихъ примѣровъ можно привести не мало. Въ подобныхъ случаяхъ правительство вынуждалось идти на компромисъ, вознаграждать привилегію одного класса подачкой другому, и т. п. п. Но несомнѣнно одно, что покровительство промышленности была и есть характерная черта русской политики, наложившая на русскіе финансы вторую рѣзкую черту.

Если мы возьмемъ обложеніе промышленности и торговли, то встрѣтимся съ фактомъ льготнаго обложенія. Финансовый опытъ западныхъ странъ и русскій опытъ достаточно убѣдительно показали, что, если нужно по настоящему обложить доходъ отъ торгово-промышленныхъ предпріятій, то остается одинъ дѣйствительный способъ—введеніе подоходнаго налога. Обложеніе торговли и промышленности путемъ реальнаго промысловаго налога не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ въ данномъ случаѣ облагается предполагаемый доходъ предпріятія, дѣйствительный доходъ ускользаетъ отъ обложенія, а равнымъ образомъ ускользаетъ отъ обложенія, и коньюнктуральный доходъ, который играетъ выдающуюся роль въ современныхъ условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Само правительство сознавало, что прямое обложеніе торговли и промышленности является очень слабымъ. Въ законодательныхъ мотивахъ къ повышенію промысловаго налога читаемъ слѣдующія строки: «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что торговля и промышленность участвуютъ въ настоя-

щее время въ общихъ расходахъ государства въ сравнительно малой долѣ». Правительство неоднократно повышало промысловый налогъ, но конструкція налога оставалась старой, а, слѣдовательно, торговля и промышленность въ сферѣ прямого обложенія неизмѣнно оставались въ привилегированномъ положеніи. Всѣ правительственные законопроекты о введеніи подоходнаго налога оставались мертворожденными, не смотря на то, что за введеніе подоходнаго налога неоднократно высказывались представители сельскаго хозяйства, земства. Налогъ на доходъ былъ явно невыгоденъ торгово-промышленному классу, а поэтому его и нѣтъ до сихъ поръ въ составѣ русскаго бюджета, не смотря на то, что государственное казначейство переживаетъ тяжелыя времена. Торговля и промышленность и до сихъ поръ облагаются наиболѣе мелкимъ для крупнаго капитала налогомъ.

Торгово-промышленному классу въ сферѣ прямого обложенія могла угрожать серьезная опасность со стороны земскихъ учрежденій, какъ представителей сельскаго хозяйства. Земства въ первые годы своей дѣятельности, дѣйствительно, обнаружили тенденцію переложить бремя земскихъ налоговъ на торговлю и промышленность. Но правительство заступилось за промышленниковъ и рядомъ законовъ оградило ихъ карманы отъ земскихъ поползновеній. Крестьяне должны были отвѣтить за эту привилегію купеческаго кармана...

Въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія правительству было очень удобно разграничить интересы землевладѣнія и торгово-промышленнаго класса. Земство было отдано подъ ферулу помѣщиковъ, городъ—подъ опеку торговцевъ и промышленниковъ. Торговопромышленный классъ не замедлилъ воспользоваться городскимъ управленіемъ въ своихъ интересахъ. Оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ находится въ рукахъ домовладѣльцевъ, которые по всей Россіи сумѣли обставить дѣло такъ, что городская недвижимость обложена очень слабо. За то городскія управленія съ охотою взялись за такъ называемыя муниципальныя предпріятія, быстро приспособивъ ихъ къ нормальнымъ интересамъ торговопромышленнаго класса. При помощи муниципальныхъ предпріятій городское управленіе добивается монопольнаго положенія на внутреннемъ городскомъ рынкѣ, поднимаетъ цѣны на товары муниципальнаго производства и, такимъ образомъ, жители города несутъ скрытый косвенный налогъ на потребленіе. Такая постановка муниципальныхъ предпріятій обезпечиваетъ за ними солидную доходность, а это въ свою очередь создаетъ возможность не повышать оцѣночнаго сбора съ городскихъ недвижимостей... Если сравнить русскій городъ съ иностраннымъ, то невольно бросится въ глаза полная заброшенность городскихъ окраинъ въ Россіи, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ городахъ окраины приведены въ полный порядокъ, связаны съ центромъ удобными путями сообщенія. И въ данномъ случаѣ вліяетъ купеческій составъ городскихъ самоуправленій въ Россіи: купеческой думѣ не выгодно улучшать окраины, такъ какъ это остановитъ ростъ земельныхъ цѣнъ въ центрѣ города и приведетъ къ пониженію наемной стоимости домовъ и другихъ помѣщеній на центральныхъ городскихъ улицахъ. Такихъ примѣровъ удобствъ и выгодъ, извлекаемыхъ торгово-промышленнымъ классомъ изъ захвата въ свои руки городского управленія, можно привести весьма много.

Но главныя выгоды извлекалъ этотъ классъ изъ политическаго строя само-

державной Россіи. Эти выгоды были сконцентрированы въ таможенной, желѣзнодорожной и биржевой политикѣ государства и его органовъ.

Таможенная политика Россіи съ давнихъ поръ носила покровительственную окраску, съ теченіемъ же времени покровительственные мотивы все усиливались и въ 1891 г. достигли своего апогея. Нѣкоторые тарифы изъ покровительственныхъ превратились въ запретительные. Внутренній рынокъ былъ огороженъ плотною стѣною таможенныхъ преградъ, русской промышленности нечего было бояться иностранной конкуренціи. При наличности стойкихъ высокихъ цѣнъ она могла свободно развиваться, имѣя передъ собою пространный внутренній рынокъ. Таможенныя пошлины, или, вѣрнѣе, таможенные налоги повышались подъ давленіемъ двухъ факторовъ. Съ одной стороны, о повышеніи таможеннаго тарифа непрестанно и неустанно ходатайствовали промышленники: «припадаемъ къ подножію священнаго престола не съ жалобой, не съ ропотомъ, но съ душевной довѣренностью къ отеческому попеченію», — вотъ формула старыхъ ходатайствъ о повышеніи таможенныхъ тарифовъ. Иногда ходатайства на туже тему принимали соціальную окраску: «воля Вашего Величества для насъ священна, мы безъ ропота готовы ее исполнить, перенести потери, лишиться значительной части своихъ капиталовъ, лишиться всего и сдѣлаться несостоятельными, но мы не можемъ безъ состраданія подумать о рабочихъ и ремесленникахъ, которые теряютъ сходныя имъ занятія, не будутъ знать, куда имъ обратиться», — все это случится, если правительство не повыситъ таможенныхъ тарифовъ...

Правительство охотно шло на встрѣчу промышленнымъ ходатайствамъ о повышеніи таможеннаго обложенія. Съ одной стороны это повышало таможенный доходъ правительства, а, съ другой,—взвинчиваніе таможенныхъ налоговъ служило могучимъ средствомъ правительственной политики по удержанію въ странѣ золота. Введеніе въ Россіи золотой валюты не было капризомъ правительственной политики. Золотая валюта являлась необходимымъ условіемъ экономическаго и финансоваго развитія страны, она сдѣлалась неизбѣжнымъ постулатомъ правительственной политики съ тѣхъ поръ, какъ государственная задолженность въ металлической валютѣ возросла до огромныхъ размѣровъ. Въ продолженіе десятилѣтій, когда Россія вынуждена была довольствоваться разстроеннымъ бумажноденежнымъ обращеніемъ, русское народное хозяйство очень дорого заплатило за этотъ опытъ, а правительственные финансы всегда рисковали быть дефицитными или даже придти въ окончательный упадокъ.

Послѣднія десятилѣтія XIX вѣка характеризуются упорной борьбой за золото, которое уплывало за границу. Правительство ставило своей задачей прекратить всякій доступъ иностраннаго товара внутрь Россіи, такъ какъ такія покупки ухудшали нашъ разсчетный балансъ, и, напротивъ, поощрялся вывозъ русскихъ товаровъ за границу—это улучшало разсчетный балансъ. Таможенная политика Россіи развертывалась въ двухъ направленіяхъ: ничего изъ за границы и все за границу. «Сами не доѣдимъ, а вывеземъ», — откровенно говорилъ министръ финансовъ Вышнеградскій. Кромѣ того, повышеніе ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ преслѣдовало еще одну цѣль: если иностранный товаръ не могъ перейти русскую границу, то иностранный капиталъ тѣмъ охотнѣе могъ

ее переходить. Отчаянное повышеніе таможенныхъ пошлинъ и было средствомъ въ рукахъ правительства заставить иностранный капиталъ переходить русскую границу не въ товарной, а въ денежной формѣ.

Естественно, что въ атмосферѣ такого таможеннаго законодательства русская промышленность могла пользоваться полнымъ просторомъ на внутреннемъ рынкѣ. Таможенная политика, дѣйствительно, создавала вѣрный стимулъ для промышленнаго развитія. Само правительство совершенно оффиціально констатировало «поистинѣ блестящее» состояніе русской торговли и промышленности, прибавляя къ этому диплому слѣдующее замѣчаніе: «въ особенности эта характеристика примѣнима къ нашей фабричной и заводской промышленности, огражденной высокимъ таможеннымъ тарифомъ, подъ защитою котораго она можетъ развиваться безпрепятственно и въ самомъ дѣлѣ быстро подвигается впередъ»...

Правда, и на солнцѣ есть пятна, а поэтому и въ правительственной таможенной политикѣ были такія стороны, которыя не нравились торгово-промышленному классу, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже; пока же нужно констатировать, что правительство, дѣйствительно, много услужило торгово-промышленному классу.

Если мы обратимся къ желѣзнодорожной политикѣ русскаго правительства, то и здѣсь найдемъ слишкомъ яркіе, несомнѣнные слѣды заботливости государственной власти о торгово-промышленномъ классѣ. Самый фактъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства отчасти былъ обусловленъ стремленіемъ правительства оказать содѣйствіе промышленности не въ формѣ созданія общихъ, благопріятныхъ для промышленнаго развитія, условій, а въ непосредственной формѣ —предоставленія выгодныхъ заказовъ. При усиленномъ казенномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ, казна прежде всего является однимъ изъ самыхъ крупныхъ потребителей продуктовъ горно-заводской промышленности. Для 1900 г. участіе казны въ потребленіи продуктовъ горнозаводской и металлургической промышленности опредѣлялось почти въ 50%, если не больше. Чтобы понять все значеніе этой цифры, необходимо привести другую: народная масса за этотъ же годъ потребила только 14% всѣхъ продуктовъ металлургической промышленности. Легко себѣ представить, что стало бы съ нашей промышленностью, если бы ей пришлось опереться только лишь на потребленіе народныхъ массъ!.. Не нужно также упускать изъ вида и того обстоятельства, что казна, являясь потребителемъ продуктовъ частной промышленности, за все платила изумительно высокія цѣны. Внимательное изученіе исторіи русскаго казеннаго желѣзнодорожнаго строительства приводило изслѣдователей къ тому заключенію, что значительная часть затраченнаго въ желѣзныя дороги капитала ушла на надбавки къ нормальнымъ цѣнамъ при заказахъ и на тотъ безудержный грабежъ казенныхъ денегъ, который такъ характеренъ для стараго режима. Система заказовъ для строительства желѣзныхъ дорогъ въ цѣляхъ поддержанія промышленности сдѣлалась существеннымъ условіемъ не только для развитія извѣстныхъ отраслей промышленности, но и для поддержанія ихъ status quo. Возникъ особый комитетъ для распредѣленія заказовъ на рельсы и подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ. Этотъ комитетъ орудуетъ съ фиксированными цѣнами. Когда въ

1906 г. правительство хотѣло уничтожить этотъ комитетъ, то промышленники подняли тревогу и возбудили ходатайство о сохраненіи этого благотворительнаго учрежденія.

Итакъ, крупному сельскому хозяйству—сахарная нормировка, крупной промышленности—распредѣлительный комитетъ. Правительство, такимъ образомъ, являлось необходимымъ посредникомъ и пособникомъ успѣха двухъ крупныхъ и вліятельныхъ общественныхъ группъ...

Нѣкоторые заводы сумѣли изготовлять рельсы въ 89 коп., 79 коп., 77 коп. за пудъ, а казна платила по 1 р. 23 коп. Отсюда ясно, что и распредѣлительный комитетъ былъ «даромъ любви». Что при этомъ теряла казна, т. е. налогоплательщики, легко себѣ представить. Если при заказѣ 42 милл. пудовъ рельсовъ переплата въ одну только копейку составляетъ уже 420 тыс. руб., то какія огромныя суммы ушли «на поддержаніе отечественной промышленности», если, какъ правило, переплачивались не копѣйки, а болѣе крупныя единицы... Та же самая, если не болѣе выпуклая, картина наблюдалась при заказахъ военнаго и морского вѣдомства.

Эксплоатація желѣзныхъ дорогъ точно также носитъ на себѣ слѣды покровительства торгово-промышленному классу. Наше тарифное законодательство построено такимъ образомъ, что оно создаетъ исключительно выгодныя условія крупной промышленности и крупной, оптовой торговли. Укажемъ два-три примѣра, хотя ихъ можно привести въ сто разъ больше. Перевозка сахара попудно стоитъ 40 коп., а повагонно 27,33 коп. съ пуда; перевозка сахарнаго песку: 40 к. и $24{,}_{18}$ к.; перевозка мебели: $48{,}_{33}$ и $18{,}_{80}$ и т. д., и т. д. Въ тарифномъ законодательствѣ все направлено къ тому, чтобы крупный капиталъ получалъ наивысшія льготы; мелкій производитель, потребитель, все это принесено въ жертву крупной капиталистической промышленности и оптовой торговлѣ.

Въ области банковаго дѣла, почти всецѣло находившагося въ рукахъ правительства, или подъ его давленіемъ, произошелъ тотъ же раздѣлъ «сферы вліянія» между двумя классами, какой мы только-что констатировали въ области производства. Крупному землевладѣнію былъ отданъ дворянскій земельный банкъ, который въ крестьянскомъ земельномъ банкѣ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника по поддержанію помѣщичьяго землевладѣнія; промышленность и торговля получили въ свое распоряженіе государственный банкъ. Что центральный эмиссіонный банкъ обслуживаетъ нужды промышленности и торговли, это—въ порядкѣ вещей въ современныхъ государствахъ. Но въ русскихъ условіяхъ и эта форма содѣйствія промышленному развитію сразу приняла уродливые размѣры. Правительство не остановилось передъ нарушеніемъ банковаго устава; нарушая на каждомъ шагу свои же собственные законы и уставы, правительство начало выдавать долгосрочныя ссуды, въ особенности такимъ предпріятіямъ, дѣла которыхъ сильно пошатнулись или совсѣмъ пришли въ окончательное разстройство. Промышленное грюндерство нашло въ государственномъ банкѣ своего вѣрнаго союзника. Въ годы кризиса, когда первыми лопаются мыльные пузыри, дѣятельность государственнаго банка по выдачѣ противозаконныхъ ссудъ принимаетъ особенно крупные размѣры. Банкъ поддерживаетъ и прочныя предпріятія, и дутыя; прогорѣвшій трактиръ, предпріятіе авантюриста, грюндерская

затѣя, вее это находитъ въ государственномъ банкѣ, превратившемся въ агентуру министерства финансовъ, дѣятельную денежную помощь. Оффиціально такой порядокъ оправдывается тѣмъ, что «въ промышленныхъ ссудахъ возмѣщеніе ссуды обезпечивается въ значительной мѣрѣ именно производительной затратой денегъ; въ этомъ смыслѣ она является самообезпечивающейся». Это изобрѣтеніе министра финансовъ стоило для государства не малыхъ денегъ. Оффиціально сообщалось: «банкъ обезпеченъ валютой честности и ума. Неужели эта валюта у насъ ничего не стоитъ?» И практика показала съ очевидностью, что эта «валюта» въ русскихъ условіяхъ обходится государству очень дорого..

Врядъ ли нужно приводить еще примѣры и доказательства тому, что правительственная власть ничѣмъ не стѣснялась въ своихъ стремленіяхъ оказать мощную поддержку промышленному классу. Правительственная политика неизмѣнно и послѣдовательно приводила къ тому, что основное ядро населенія, опредѣлявшее ёмкость, покупательную способность внутренняго рынка, съ каждымъ годомъ приходило все въ большій упадокъ, внутренній рынокъ хирѣлъ и не могъ поддерживать искусственно развившейся промышленности. Если бы правительство предоставило промышленность своимъ собственнымъ силамъ, если бы промышленность должна была опереться на внутренній рынокъ, т. е. на потребленіе обнищавшихъ народныхъ массъ, то въ сферѣ производительныхъ отношеній произошла бы катастрофа, не кризисъ, а. именно, катастрофа, потому что «блестящее состояніе» промышленности было обусловлено спеціальной поддержкой со стороны правительственной политики. Правительство такою политикою искупало передъ промышленнымъ классомъ свой грѣхъ, заключавшійся въ томъ, что финансовая система, финансовая практика изсушала каналы народнаго дохода, превращала городскіе кварталы и деревенскія поселенія въ юдоли нищеты. Безъ вознагражденія промышленниковъ за оскудѣніе внутренняго рынка промышленный классъ, по необходимости, очутился бы въ рядахъ правительственныхъ недруговъ, потому что правительственная политика разрушала тотъ базисъ, на которомъ должно было созидаться благополучіе капитала.

VI.

Въ современной Россіи существуютъ еще двѣ группы, которыя по отношенію къ государственному бюджету и народнохозяйственному доходу занимаютъ привилегированное положеніе. Эти общественныя группы—бюрократія и духовенство высшихъ ранговъ. По своему имущественному положенію духовенство рѣзко дѣлится на двѣ категріи. Категоріи «верховъ», по источнику своего дохода, всецѣло примыкаетъ къ высшему чиновничеству, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это—чиновники въ рясахъ, получающіе свои доходы или непосредственно изъ государственнаго казначейства, или изъ спеціальныхъ средствъ, не подлежащихъ контролю центральной власти. Эта группа, играющая роль представительницы оффиціальной идеологіи самодержавія, оказывавшая сильное вліяніе на судьбы Россіи, живетъ въ прекрасныхъ матеріальныхъ условіяхъ; ея благополучіе тѣсно связано съ старыми корнями абсолютнаго режима. Бюрокра-

тіи, не безъ борьбы, удалось всецѣло подчинить себѣ духовную власть, сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ своей политики. Верховное духовенство слилось съ бюрократическими верхами настолько интимно, что трудно сказать, гдѣ кончается Побѣдоносцевъ и гдѣ начинается митрополитъ.

Низшее духовенство, въ особенности сельское, мало пользовалось благосклоннымъ вниманіемъ центральной власти. Въ эпоху перелома русской экономической жизни, когда крѣпостное право было преобразовано въ выкупные платежи, когда государственныя натуральныя повинности замѣнились налогами, въ это время забыли о духовенствѣ, оно осталось, по старому обычаю, на шеѣ крестьянства. Денежные сборы и натуральныя приношенія составили главный источникъ доходовъ низшихъ слоевъ духовенства. Государственная власть ограничилась дарованіемъ кое какихъ налоговыхъ привилегій, гарантированіемъ полицейской обязательности совершенія доходныхъ обрядовъ; часто были предоставлены кое какія земельныя угодья. Въ общемъ, въ массѣ, этотъ слой духовенства недоволенъ своей судьбой. Попытка правительства перевести сельское духовенство въ разрядъ чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ казны, встрѣчается охотно въ средѣ духовенства, которое давно уже несетъ рядъ чисто чиновничьихъ функцій; но эта попытка осуществляется очень медленно и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ государственный сундукъ не успѣваетъ удовлетворять всѣхъ требованій, идущихъ отъ болѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ. Въ духовенствѣ накопилось не мало горечи по поводу неустройства жизни. Не рѣдко бывало такъ, что въ голодающихъ губерніяхъ голодали, въ буквальномъ смыслѣ, и семьи духовенства. Эта группа завидуетъ провинціальному чиновничеству, которое исправно получаетъ свои деньги изъ казначейства и въ голодные, и въ урожайные годы. Общественное поведеніе этой несамостоятельной группы слишкомъ пестро, въ зависимости отъ степени матеріальной обезпеченности. Въ яркихъ иллюстраціяхъ это поведеніе отразилось въ лѣтописи русской общественной жизни за послѣдніе два-три года. Если освободительное движеніе, въ общемъ, не получило поддержки съ этой стороны, то и старый режимъ имѣетъ много основаній быть недовольнымъ современнымъ настроеніемъ сельскаго духовенства.

Свѣтская бюрократія точно такъ же дѣлится на разные слои, въ зависимости отъ той или иной степени близости къ государственному сундуку. Для послѣднихъ десятилѣтій русской исторіи весьма характеренъ изумительный ростъ числа лицъ, занятыхъ государственной службой, получающихъ свои доходы изъ государственнаго казначейства. На этотъ процессъ оказывали вліяніе самыя разнообразныя теченія внутренней политики Россіи. Централизація государственной власти, недовѣріе къ общественной иниціативѣ, боязнь общественной самодѣятельности, усиленіе правительственнаго надзора, все это увеличивало число чиновниковъ. Ростъ земскихъ школъ вызывалъ ростъ школьной инспекціи. Нерасположеніе къ мировому суду, къ суду присяжныхъ обусловливало увеличеніе судебной магистратуры. Нерасположеніе къ высшей школѣ создавало чиновниковъ просвѣщенія. Стоитъ взять въ руки подробныя финансовыя смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ для того, чтобы убѣдиться въ изумительныхъ размѣрахъ правительственной опеки надъ всѣми проявленіями общественной и даже

необщественной жизни. Огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ сразу принесло десятки тысячъ лицъ, зависящихъ отъ государственнаго казначейства. Введеніе винной монополіи, расширеніе почты и телеграфа, расширеніе операцій государственныхъ банковыхъ учрежденій и т. п., все это въ громадныхъ размѣрахъ увеличивало штаты лицъ, занятыхъ государственною службою. Чрезвычайное расширеніе государственной предпринимательской дѣятельности, стремленіе центральной власти вмѣшиваться во всѣ сферы промышленной и торговой дѣятельности, все это создавало милліоны нитей, связывавшихъ частно-хозяйственную жизнь съ государственнымъ казначействомъ, съ центральною властью, все это усиливало значеніе и силу бюрократическаго аппарата, создавало вѣру, что безъ правительственной опеки, безъ казеннаго штемпеля прожить будетъ трудно.

Но та огромная власть, которая была результатомъ экономической и внутренней политики правительства, въ матеріальномъ отношеніи была выгодна только немногимъ слоямъ арміи лицъ, тѣсно связанныхъ съ правительственнымъ механизмомъ. Слишкомъ много было званныхъ, но мало избранныхъ. Обезпеченіе государственныхъ рабочихъ, низшихъ чиновниковъ всегда было мизерно, и за эту бѣдность вознагражденія старый режимъ получилъ «благодарность» въ формѣ тѣхъ событій, которыя наканунѣ 17 октября остановили всю жизнь огромной Россіи...

Но чѣмъ бѣднѣе было внизу бюрократической лѣстницы, тѣмъ богаче было наверху, тѣмъ больше казенныхъ денегъ разливалось по карманамъ чиновъ, призванныхъ дѣлать политику. Въ расходованіи казенныхъ денегъ не знали ни границъ, ни предѣловъ. Чрезмѣрные оклады, награды, синекуры, пособія, вознагражденія широкой рѣкой лились на тѣхъ счастливцевъ, которые близко стали къ источникамъ власти. Намъ нѣтъ нужды пестрить страницу передачей тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые были оглашены въ печати за послѣднее время, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что казенныя деньги расходовались безконтрольно, расточительно. Въ этомъ водоворотѣ страстей, кипѣвшихъ около казеннаго сундука, забывались всѣ приличія, забывались законы, а главное, забывались тѣ первоначальные источники, изъ которыхъ шли деньги. Безспорно, что такая финансовая вакханалія возможна лишь при наличности такого политическаго строя, который покоится на безотвѣтственности власти, на безграничномъ господствѣ ея надъ обществомъ. Полицейско-абсолютныя государства во всемъ мірѣ отличались въ сферѣ финансовыхъ отношеній одними и тѣми же признаками. Въ Россіи этотъ режимъ подчеркнулъ всѣ отрицательныя стороны безотвѣтственной власти, все это прошло на авансценѣ исторіи въ крупномъ масштабѣ, такъ какъ государственная власть была вооружена и укрѣплена той консолидированною мощью, которая явилась результатомъ новѣйшихъ теченій въ экономической исторіи. Болѣе крупный масштабъ дѣйствій государственной власти, обладаніе двухмилліарднымъ бюджетомъ, возможность занимать колоссальныя деньги на богатѣйшемъ рынкѣ капиталовъ, огосударствленіе самыхъ важныхъ рычаговъ народнаго хозяйства, почти неограниченная власть надъ общественными классами, полученная путемъ или организованнаго насилія, или раздачи льготъ, оказанія матеріальной поддержки,—все это усугубляло желаніе правящей группы сохранить свои позиціи, отбить нападеніе оппозиціи, раздавить всякій протестъ, всякое движеніе...

Позиціи правящихъ сферъ должны были казаться неприступными, непоколебимыми. Въ Россіи и создавалось такое впечатлѣніе въ эпоху 80-хъ, 90 годовъ прошлаго вѣка. Престижъ государственной власти ослѣплялъ даже Европу, ту Европу, которая такъ скоро и основательно забыла свой недавній печальный опытъ. Обаяніе этого престижа сказывалось въ высокихъ курсахъ русскихъ государственныхъ фондовъ, въ постоянной готовности западно-европейскихъ капиталистовъ ссужать деньги правительству Россіи.

Но притязанія государственной власти на часть народнохозяйственнаго дохода росли въ чрезмѣрной прогрессіи, затрудняя накопленіе сбереженій, сокращая народное потребленіе, подчеркивая всѣ невыгодныя стороны несоотвѣтствія между ростомъ населенія и увеличеніемъ народно-хозяйственнаго дохода. Для неограниченной власти, жизненную задачу которой всегда составляло развитіе своей силы, чрезмѣрное напряженіе податныхъ силъ низшихъ классовъ было роковымъ удѣломъ. Если привилегированные классы при демократическомъ устройствѣ государства находятъ тысячу способовъ уклониться отъ несенія податной тяжести, то что же нужно сказать объ абсолютныхъ монархіяхъ, гдѣ раздача привилегій, льготъ вліятельнымъ общественнымъ группамъ имѣетъ особый политическій смыслъ и значеніе...

Въ области прямого обложенія въ Россіи вся тяжесть упала на крестьянскую массу, потому что помѣщичье землевладѣніе не хотѣло нести налоговъ. Высчитываютъ, что всякіе сборы съ земли поглощали 60% и даже больше дохода крестьянской земли, въ то время какъ частновладѣльческая земля платила только отъ 4 до 6% съ своего дохода. Въ среднемъ для всей Россіи обложеніе крестьянской земли поглощало 35% дохода, а частновладѣльческой—всего только 5%. Это соотношеніе очень наглядно обрисовываетъ сущность сложившихся соціальныхъ отношеній.

Но прямое обложеніе въ русскомъ государственномъ бюджетѣ играетъ теперь ничтожную роль. Центръ бюджетной тяжести лежитъ въ обложеніи потребленія. Наши косвенные и таможенные налоги, какъ было указано выше, питаются на счетъ самыхъ основныхъ элементовъ народнаго потребленія; слѣдовательно, то, что не добирало прямое обложеніе, подбирало косвенное. Обнищаніе широкихъ народныхъ массъ было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ финансовой политики самодержавнаго правительства. Это обнищаніе, спорадически переходившее въ самое возмутительное голоданіе, вырываетъ огромную пропасть подъ самыми опорами стараго строя...

Отъ опасности истощенія источниковъ народнохозяйственнаго дохода правительство спасалось при помощи иностраннаго золота. Но это золото не могло принести всей той пользы, которую оно приноситъ при иныхъ условіяхъ. Самодержавно-бюрократическая Россія не открыла секрета—спасаться иностраннымъ золотомъ. Этимъ секретомъ не въ меньшей мѣрѣ пользовалась самодержавная Австрія первой половины XIX вѣка. Но роковая черта самодержавно-бюрократическаго режима—неспособность затратить занятый капиталъ производительно. Въ 1854 году Австрія, подобно Россіи начала XX вѣка, заключила заемъ, какъ полагали въ 500 милл., а на самомъ дѣлѣ въ 611 милл., заемъ былъ сдѣланъ для упорядоченія финансовъ. Но эти 611 милл. были потрачены большею частью совершенно безполезно...

«Это случилось, въ то время, когда Австрія еще никакой конституціей не обладала, когда оба символа такъ называемого консерватизма—сабля и палка—господствовали надъ Австріей, въ братскомъ единодушіи и съ неограниченнымъ произволомъ»... Цусима, Портъ-Артуръ, Мукденъ, убыточное желѣзнодорожное хозяйство отчетливо показали всему міру, что русскіе займы были потрачены «совершенно безполезно»...

Незадачи правительственной политики причиняли и причиняютъ не мало огорченій даже тѣмъ общественнымъ классамъ, для ублаготворенія которыхъ, казалось, правительство сдѣлало все, что могло, принесло, за счетъ народа, многочисленныя и огромныя жертвы. Но такова природа полицейскаго государства, таково дѣйствіе системы безотвѣтственной власти, что немалые ущербы и неудобства наносятся даже привилегированнымъ классамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ мало удобствъ для частнаго землевладѣнія заключается въ томъ, что оно окружено голодными деревнями. Для всѣхъ было и есть ясно, что помѣщичьи усадьбы—это виноградники и сады по склонамъ опаснаго Везувія. Извѣстный «земскій либерализмъ» безусловно выросталъ на этихъ склонахъ, такъ какъ будущее частнаго землевладѣнія все больше и больше заволакивалось грозными тучами. Мало того, правительственная политика въ сферѣ финансовыхъ и экономическихъ отношеній, раздѣлявшая свое вниманіе между индустріей и землевладѣніемъ, не могла угодить всѣмъ вкусамъ землевладѣльцевъ. Стоитъ обратить вниманіе на тѣ попытки, которыя были сдѣланы земствами въ сторону переложенія податнаго бремени на промышленность. Въ земскихъ ходатайствахъ ясно сквозила мысль о томъ, что падающее сельское хозяйство нуждается не только въ полномъ освобожденіи отъ налоговъ, но нуждается также и въ томъ, чтобы за счетъ промышленности удовлетворялись нужды сельскаго хозяйства. Въ извѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетахъ совершенно отчетливо заявлялось, что «въ интересахъ поднятія сельскохозяйственной промышленности нужно перенести центръ тяжести обложенія съ промышленности сельскохозяйственной на промышленность обрабатывающую», что настоящая система обложенія является «бичомъ земледѣлія», такъ какъ она направлена «къ искусственному покровительству заводско-фабричной промышленности въ явный ущербъ сельскому хозяйству, сельскохозяйственнымъ производствамъ»...

Противорѣчія правительственной политики досаждаютъ и другому классу: «обрабатывающей промышленности». Наличность такихъ противорѣчій вполнѣ естественна: правительственная политика движется впередъ и назадъ слишкомъ несвободно, она вся связана внѣшними обстоятельствами. Чтобы быть краткимъ, можно указать два примѣра, хотя русская жизнь соткана вся изъ такихъ «примѣровъ», изъ такихъ противорѣчій. Землевладѣніе, для того чтобы оправиться отъ несомнѣннаго сельскохозяйственнаго кризиса, нуждается въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Государство, имѣющее огромную внѣшнюю задолженность, государство, которое зубами должно держать свое золотое обращеніе, вынуждено всячески форсировать экспортъ. Русское же сырье,—нашъ главный экспортъ,—находитъ себѣ сбытъ на заграничныхъ рынкахъ при условіи отчаянно низкихъ цѣнъ. Какъ примирить эти интересы?.. Или: наша промышленность нуждается въ низкихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, это улучшаетъ ея условія въ конкур-

рентной борьбѣ, это помогаетъ ей захватывать широкій рынокъ, словомъ—это самое задушевное желаніе нашей промышленности. Но желѣзнодорожное хозяйство приноситъ каждый годъ сотню милліоновъ убытковъ, при огромной желѣзнодорожной задолженности, при бюджетѣ, который сводится съ ежегоднымъ крупнымъ займомъ; правительству по необходимости приходится повышать желѣзнодорожные тарифы. Промышленники чувствуютъ неизбѣжность этого повышенія, энергично протестуютъ, злятся, что это повышеніе нельзя перебросить на сельское хозяйство. Совѣтъ съѣздовъ объединенныхъ промышленниковъ подвергаетъ хозяйство казны отчаянной критикѣ, промышленники заявляютъ, что казенное желѣзнодорожное хозяйство «съ каждымъ годомъ оказывается все менѣе и менѣе приспособленнымъ къ исполненію своей прямой задачи по безостановочной перевозкѣ предъявляемыхъ грузовъ». Промышленники жалуются, что «всю тяжесть повышенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ вынуждается выносить на своихъ плечахъ наша молодая и далеко еще не окрѣпшая промышленность»... Подвергая критикѣ правительственную политику, промышленники подчеркиваютъ неспособность правительства дѣлать дѣло, говорятъ о «неосторожной затратѣ» на улучшеніе желѣзныхъ дорогъ 611 милл., боятся, что такою же «неосторожною затратою» будетъ израсходованіе новаго милліарда для тѣхъ же цѣлей, о чемъ хлопочетъ министерство путей сообщенія. Промышленники призываютъ правительство къ порядку, грозятъ ему государственной думой и превращаются въ конституціоналистовъ...

Промышленники должны серьезно считаться съ экономической политикой правительства. Эта политика, помимо защиты промышленныхъ интересовъ имѣетъ и другія задачи—сохраненіе стараго строя. Эти задачи перекрещиваются и иногда расходятся. Вотъ слова одного нѣмецкаго изслѣдователя, сказанныя по поводу отношеній государства къ хозяйству въ эпоху европейскаго абсолютизма; эти слова въ полной мѣрѣ приложимы къ русскимъ условіямъ: «абсолютистское, фискально-бюрократическое государство, расходы котораго, вслѣдствіе наличности постояннаго войска и чиновничества, всегда быстро возрастали, превращало въ регаліи и монополіи тѣ отрасли экономической дѣятельности, изъ которыхъ оно извлекало свой доходъ. Этимъ самымъ государственная власть ущемляла свободное производство частныхъ лицъ. Такое стремленіе выродилось во всеобщее Plusmacherei, государство получало деньги, но разоряло народное хозяйство, а вслѣдствіе этого государственные финансы приходили въ окончательное разстройство»...

Предпринимательская дѣятельность государства, энергично развитая русскимъ правительствомъ, приводитъ къ тѣмъ же результатамъ. Финансовая политика, покровительствуя промышленности, въ то же время суживаетъ арену дѣятельности промышленнаго капитала. Осуществляя таможенную политику, правительство превращаетъ ее самымъ грубымъ образомъ въ источникъ дохода. Вводя запретительныя пошлины на европейскіе товары, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ высоко облагаетъ и машины, которыя нужны для поощряемой русской промышленности. Развивая косвенное обложеніе, правительство по необходимости вмѣшивается въ процессы производства, стѣсняя свободу хозяйственнаго опредѣленія. Перекидывая налоги на низшій классъ, оно изсушаетъ и ослаб-

ляетъ внутренній рынокъ. Досаждая рабочему классу полицейскими мѣрами, правительство вызываетъ стачки, которыя наносятъ сугубый вредъ промышленности. Все общественное неустройство, неизмѣнный спутникъ полицейскаго государства, удорожаетъ деньги, поднимаетъ цѣну кредита... Словомъ, куда ни кинь — вездѣ все клинъ. Эти противорѣчія, неразрывно связанныя съ существомъ стараго режима, долгое время искупаются тѣми мѣрами, о которыхъ мы говорили выше; но этотъ выкупъ не устраняетъ ихъ, не исцѣляетъ кровоточащихъ ранъ, не создаетъ гарантій лучшаго будущаго.

Опытъ постепенно доказывалъ даже привилегированнымъ классамъ, что ихъ привилегіи покупаются очень дорогой цѣной, что постепенно создается великая опасность краха, и невольно рождалась мысль, не покинуть ли корабль до пожара...

М. Боголѣповъ.

Движеніе общественныхъ классовъ и группъ.

Политика. Идеологія.

Д. КОЛЬЦОВЪ.

Рабочіе въ 1890—1904 гг.

Вторая половина восьмидесятыхъ годовъ—эпохи общественной и политической реакціи—явилась въ то же время, какъ это уже часто бывало въ исторіи, эпохой глубокихъ внутреннихъ, для поверхностнаго наблюдателя незамѣтныхъ, измѣненій, окончательно расшатавшихъ старые соціальные и экономическіе устои Россіи. Ростъ крупной промышленности, несмотря на многія чисто азіатскія черты нашего капитализма, все же содѣйствовалъ европеизаціи страны, вытѣсненію натуральнаго хозяйства и усиленію начавшагося сейчасъ по освобожденіи крестьянъ процесса соціальной дифференціаціи, въ которой не послѣднее мѣсто занимаетъ образованіе класса промышленныхъ рабочихъ изъ бывшихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, постепенно осѣдавшихъ въ городѣ, порывавшихъ связь съ деревней и проникавшихся новыми взглядами и идеями, навѣянными городской жизнью и фабричной обстановкой.

Е. М. Дементьевъ, въ своей извѣстной книгѣ, написанной на основаніи изслѣдованія, произведеннаго московскимъ губернскимъ земствомъ въ 1884—85 годахъ, и вышедшей первымъ изданіемъ въ 1893 г., замѣчаетъ по этому поводу: «Какъ бы ни было, какія бы причины ни способствовали преобразованію прежняго земледѣльца въ фабричнаго рабочаго, но эти спеціальные рабочіе уже существуютъ. Они только числятся крестьянами, но связаны съ деревней лишь податями, которыя вносятся ими при перемѣнѣ паспортовъ, ибо на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ въ деревнѣ ни хозяйства, ни сплошь и рядомъ даже дома, обыкновенно проданнаго. Даже право на землю они сохраняютъ, такъ сказать, лишь юридически, и безпорядки на многихъ фабрикахъ въ 1885—86 гг. показали, что эти рабочіе сами считаютъ себя совершенно чуждыми деревнѣ, точно такъ же, какъ крестьяне деревни, въ свою очередь, смотрятъ на нихъ, потомковъ своихъ односельчанъ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ. Передъ нами, слѣдовательно, уже сформировавшійся классъ рабочихъ, не имѣющихъ своего крова, не имѣющихъ фактически никакой собственности,—классъ, ничѣмъ не связанный и живущій изо дня въ день» [1]). По разсчетамъ г. Дементьева,

---

[1]) Е. М. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Стр. 45—46 2-го изданія.

47,6% изъ обслѣдованныхъ имъ рабочихъ не имѣли никакихъ отношеній къ деревнѣ, кромѣ приписки къ ней. «Равнымъ образомъ, по свѣдѣніямъ главнаго фабричнаго инспектора за 8 лѣтъ (въ періодъ 1886—1893 гг.), указаннымъ въ докладной запискѣ Деп-ту Торг. и Мануф. Мин. Фин. отъ 23 октября 1893 г. за № 743, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ по 9 округамъ фабричной инспекціи относительно 12.663 фабрикъ и заводовъ (свыше 763 тысячъ рабочихъ)—насчитывалось до 72% постоянно занятыхъ въ промышленности, не отвлекавшихся занятіями по сельскому хозяйству (около 547½ тысячъ человѣкъ)» [1]. «Однородныя свѣдѣнія были собраны и разработаны также инспекторомъ Московскаго округа за 11 лѣтъ (1883—1893 гг.) относительно 1.263 фабрикъ, на которыхъ, въ среднемъ выводѣ, работало круглый годъ около 82%, а уходило лѣтомъ на родину лишь 18%. Какъ указывалось въ оффиціальной запискѣ, эти данныя подтвердили общій выводъ, что всѣ рабочіе, круглый годъ работающіе и всю жизнь проработавшіе въ промышленныхъ заведеніяхъ, большею частью не имѣютъ уже земли и занимаются фабричнымъ трудомъ по отсутствію таковой» [2].

Это обстоятельство не могло не сказаться на отношеніи городскихъ рабочихъ къ той работѣ передовой интеллигенціи, которая поглотила всѣ силы и все вниманіе послѣдней въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ. Эти годы вообще ознаменовались усиленнымъ стремленіемъ народныхъ массъ къ просвѣщенію. Но среди городскихъ рабочихъ это стремленіе было наиболѣе интенсивно; многіе изъ нихъ отнеслись къ этому дѣлу съ большой активностью, и запросы, которые они предъявляли книгѣ, лектору, автору, указывали на зарождающееся въ этой средѣ пролетарское самосознаніе.

Мы напомнимъ здѣсь объ извѣстномъ письмѣ 15 рабочихъ къ Г. И. Успенскому. «Мы сумѣли—писала эта группа рабочихъ въ 1888 г.—сами для себя изъ этихъ хорошихъ книгъ извлечь пользу. Мы научились думать о своей жизни, о своихъ товарищахъ, о жизни разныхъ людей... И вѣрится намъ, что настанетъ хорошее время, когда всѣ рабочіе разовьются, поумнѣютъ и полюбятъ хорошее чтеніе, будутъ дружно жить и любить товарищей; убавится тогда пьянство и разгулъ, и тогда насъ, рабочихъ, всѣ станутъ уважать». Еще рѣзче сказался пролетарскій духъ въ адресѣ группы петербургскихъ рабочихъ больному Шелгунову: «Вы первый признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами». Конечно, рабочіе, такъ писавшіе и говорившіе, считались тогда лишь десятками, но всѣ мѣстные отчеты о развитіи рабочаго движенія въ девяностыхъ годахъ удостовѣряютъ, что именно въ эту эпоху во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ впослѣдствіи возникло широкое рабочее движеніе, выросла та рабочая интеллигенція, которая играла въ этомъ движеніи довольно видную роль.

«Вообще средній уровень многихъ кружковыхъ рабочихъ—сообщаетъ пе-

---

[1]) А. В. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. Стр. 100.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

тербургскій пропагандистъ о 1893—94 гг.—былъ довольно высокъ. Многіе изъ нихъ были вполнѣ сознательными людьми. Стремленіе къ образованію кружковъ, къ совмѣстному чтенію было явленіемъ очень распространеннымъ среди механическихъ рабочихъ» [1]). О харьковскихъ рабочихъ лицо, близко къ нимъ стоявшее, писало, что они отличаются «сравнительно высокимъ культурнымъ уровнемъ. Выраженіемъ этой культурности можетъ служить широкое распространеніе среди нихъ чтенія книгъ, газетъ и журналовъ, посѣщеніе воскресныхъ школъ, публичныхъ лекцій и пр.».

Въ Екатеринославѣ, гдѣ рабочіе начали пробуждаться нѣсколько позже, это пробужденіе ознаменовалось тѣмъ, что «возросли умственные запросы, возросъ интересъ къ книгѣ, къ чтенію; въ нѣсколькихъ заводскихъ пунктахъ возникли легальныя библіотеки, число читателей которыхъ быстро возрастаетъ». Въ Твери среди рабочихъ огромный интересъ къ книгѣ. «Какая-нибудь интересная книжка, попавшая въ руки рабочаго, начинаетъ съ поразительной быстротой циркулировать по фабрикѣ». Подобныя же указанія имѣются о рабочихъ Иваново-Вознесенска, Шуи, Тулы, Костромы, Ярославля, нѣкоторыхъ заводовъ Орловской губерніи и т. д.

Отмѣтимъ тутъ же, что созданныя въ этотъ періодъ и сохранившіяся въ послѣдующее время культурно-просвѣтительныя учрежденія, въ родѣ воскресныхъ и вечернихъ школъ, народныхъ аудиторій и т. под., открыли демократической интеллигенціи легальный доступъ въ рабочую среду и содѣйствовали укрѣпленію ея вліянія въ этой средѣ.

Вышеуказанный процессъ ослабленія связи съ землей у фабричныхъ рабочихъ долженъ былъ еще рѣзче обозначиться послѣ голода 1891—92 гг. Обострившійся кризисъ въ деревнѣ совершенно лишилъ многихъ еще полу-крестьянъ возможности продолжать свое деревенское хозяйство и обнаружилъ, что рабочимъ невозможно разсчитывать на улучшеніе своего положенія съ этой стороны, со стороны ихъ крестьянскаго хозяйства. Вниманіе, такимъ образомъ, сосредоточивалось на городскомъ, фабричномъ заработкѣ, тѣмъ болѣе, что голодъ 1891 г. не вызвалъ кризиса въ обрабатывающей промышленности, а привелъ лишь къ кратковременной заминкѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ текстильной промышленности, заминкѣ, скоро смѣнившейся новымъ промышленнымъ подъемомъ. Самый ходъ вещей толкалъ рабочій классъ на борьбу за улучшеніе своего экономическаго положенія въ городѣ, а благопріятная рыночная конъюнктура и крайне высокая степень эксплоатаціи открывали ему возможность значительныхъ завоеваній.

Наше рабочее движеніе опредѣлялось и толкалось впередъ тремя факторами: политическимъ безправіемъ, всероссійскимъ раззореніемъ и общими условіями капиталистическаго хозяйства. Изъ причудливаго сочетанія всѣхъ трехъ факторовъ составлялось одно цѣлое, которое въ свою очередь опредѣляло характеръ своихъ составныхъ частей. Само собою разумѣется, что и характеръ рабочаго движенія, конечная цѣль котораго должна была совпасть съ конечной цѣлью движенія рабочихъ всего міра, а ближайшая цѣль—состоять въ европеизаціи общественно-политическаго строя Россіи, включая сюда и европеизацію отношеній

[1]) К. М. Таръ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.

между предпринимателями и рабочими, на фабрикѣ и внѣ ея,—этотъ характеръ движенія тоже видоизмѣнялся подъ вліяніемъ разнообразныхъ сочетаній указанныхъ трехъ факторовъ. Выступившіе на борьбу въ срединѣ девяностыхъ годовъ рабочіе не имѣли никакого представленія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя они встрѣтятъ на своемъ пути, и лишь ставя себѣ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ узкія, мѣстныя и временныя цѣли, они постепенно переходили къ борьбѣ за болѣе общія цѣли. Правда, имъ навстрѣчу шла теорія, которая, по выраженію Маркса, овладѣвая массами, сама становится силой, но распространенію теоріи помѣшали какъ общій низкій культурный уровень страны, такъ и ея соціально-политическія условія.

Вполнѣ естественно, что разрозненная, совершенно стихійная борьба рабочихъ направилась прежде всего противъ тѣхъ непорядковъ, которые всего ближе касались ихъ, какъ наемныхъ рабочихъ, и которые, казалось, всего легче было устранить. Въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ спеціальная глава будетъ посвящена описанію экономическаго положенія рабочихъ, и тамъ намъ придется подробно останавливаться на всѣхъ сторонахъ жизни послѣднихъ. Здѣсь же мы принуждены ограничиться лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Стачечное движеніе первой половины восьмидесятыхъ годовъ, съ знаменитой забастовской на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховъ-Зуевѣ (такъ называемой морозовской) въ январѣ 1885 года, привело къ изданію закона 3 іюня 1886 года, долженствовавшаго установить какія-нибудь нормы для отношеній найма. Сравнительно съ тѣми порядками, какіе существовали до введенія въ жизнь этого закона, онъ являлся значительнымъ шагомъ впередъ, тѣмъ болѣе, что фабричная инспекція перваго призыва дѣйствительно прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы заставить обѣ стороны руководиться закономъ и только закономъ. Основныя улучшенія, введенныя новымъ закономъ, сводятся къ тремъ пунктамъ: къ установленію регулярныхъ сроковъ выдачи заработной платы, къ отмѣнѣ произвола въ назначеніи штрафовъ и къ запрещенію расплаты товарами и купонами. Кто знакомъ съ отчетами первыхъ фабричныхъ инспекторовъ, кто слышалъ постоянныя жалобы, раздававшіяся со стороны рабочихъ на слишкомъ «патріархальныя» отношенія владѣльцевъ и управляющихъ фабриками къ ихъ рабочимъ, кто знаетъ, что въ теченіе многихъ годовъ штрафы, фабричныя лавки и т. под. составляли значительный процентъ предпринимательской прибыли, тому будетъ ясно, что законъ 1886 года долженъ былъ привести къ улучшенію положенія рабочихъ. Происходившія во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ стачки въ большинствѣ случаевъ были вызваны или неправильнымъ примѣненіемъ новаго закона или попытками уничтожить ночныя работы, толчкомъ къ чему послужилъ законъ 1882 г., регулировавшій фабричный трудъ малолѣтнихъ и подростковъ. Благодаря фабричной инспекціи, рабочіе были, широко ознакомлены съ содержаніемъ обоихъ вышеупомянутыхъ законовъ и все ихъ вниманіе сосредоточилось на введеніи этихъ законовъ въ жизнь.

Зато всѣ другія стороны рабочей жизни остались безъ всякаго измѣненія и въ ту эпоху весьма рѣдко вызывали со стороны рабочихъ какое-нибудь возмущеніе. Рабочій день, какъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, тянулся 12 и болѣе часовъ, доходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 18. Въ 20% промышленныхъ заве-

деній еще существовалъ ночной трудъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности совершенно отсутствовалъ воскресный отдыхъ. Заработная плата, несмотря на повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости, оставалась почти на одномъ и томъ же, чрезвычайно низкомъ уровнѣ, составляя въ среднемъ 187,6 рубля въ годъ для взрослыхъ мужчинъ, для женщинъ ½ этой суммы, а для малолѣтнихъ—$^1/_3$. Максимальная величина заработной платы, по опредѣленію главнаго фабричнаго инспектора Я. Т. Михайловскаго, равнялась въ 1892 г. 606 рублямъ, а наименьшая—88,54 руб. Санитарное состояніе промышленныхъ заведеній, по словамъ того же главнаго фабричнаго инспектора, «представляетъ картину, довольно безотрадную». Мало обращалось вниманія на огражденіе опасныхъ механизмовъ, и число несчастныхъ случаевъ съ рабочими и особенно съ малолѣтними росло съ ужасающей быстротой. Врачебная помощь отсутствовала болѣе чѣмъ въ 60% заведеній, а тамъ, гдѣ она существовала, она была крайне плохо организована и оказывалась въ очень недостаточной мѣрѣ.

Не лучше обстояло и школьное дѣло. По даннымъ министерства финансовъ, въ 1895 г. изъ 17.645 промышленныхъ заведеній, на которыхъ работало 19.291 малолѣтн., расходы по фабричнымъ школамъ несли лишь 420, правда самыхъ крупныхъ, заведеній и обучалось въ этихъ школахъ всего 8.259 дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Наконецъ, квартиры, которыя предоставлялись фабрикантами рабочимъ или нанимались послѣдними на сторонѣ, являлись самымъ вопіющимъ нарушеніемъ требованій гигіены, злой насмѣшкой надъ основами морали и надъ примитивными культурными потребностями. Но всего тяжелѣе на рабочихъ отзывался тотъ безграничный произволъ, который продолжалъ царить на фабрикахъ и заводахъ, несмотря на существующее законодательство.

Голодъ 1891—92 гг. всколыхнулъ массу россійской интеллигенціи, а ознакомленіе съ настроеніемъ деревни и съ ея безпомощностью заставило значительную ея часть сосредоточить свое вниманіе на городѣ и преимущественно на наиболѣе отзывчивой части массы городскаго населенія, на городскихъ рабочихъ. Послѣднимъ же эта помощь интеллигенціи пришлась очень кстати. Совершенно лишенный какой бы то ни было организаціонной практики, безъ всякихъ глубокихъ корней въ соціальномъ строѣ страны, при все еще значительномъ преобладаніи въ его средѣ крестьянскихъ элементовъ съ ихъ деревенскимъ индивидуализмомъ, при общемъ весьма низкомъ культурномъ уровнѣ, русскій рабочій классъ былъ при первыхъ своихъ выступленіяхъ совершенно безсиленъ ясно формулировать и планомѣрно выполнять стихійно возникавшія въ немъ стремленія. Если исторія нашего рабочаго движенія очень богата стихійными волненіями, такъ называемыми фабричными «бунтами», то вплоть до 1905 года она очень бѣдна самостоятельнымъ организаціоннымъ строительствомъ. У насъ некому было выполнить въ этомъ отношеніи ту громадную работу, которую въ Германіи въ свое время продѣлалъ ремесленный подмастерье, не только обладавшій организаціоннымъ опытомъ и извѣстнымъ соціальнымъ идеаломъ, но и самъ принужденный стать сначала въ ряды мануфактурныхъ, а затѣмъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Въ Россіи, гдѣ задачи, стоявшія передъ рабочимъ движеніемъ, были гораздо сложнѣе, чѣмъ въ Германіи, такого родственнаго фабрично-заводскому

пролетаріату слоя не было на лицо; кромѣ того, подпольный характеръ организаціи требовалъ спеціальной сноровки и массы времени, которыхъ нѣтъ у пролетаріевъ; руководство движеніемъ рабочаго класса и его организаціей неизбѣжно перешло такимъ образомъ въ руки соціально ему во многомъ чуждой демократической интеллигенціи. Весьма рѣдкій слой рабочей интеллигенціи, созданный культурнымъ движеніемъ конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, былъ въ указанныхъ отношеніяхъ такъ же безпомощенъ, какъ и масса, и могъ лишь служить передаточнымъ звеномъ между послѣдней и интеллигенціей разночинной, содѣйствуя такимъ образомъ расширенію сферы ея воздѣйствія. Впрочемъ, эта рабочая интеллигенція была такъ малочисленна, что полицейскими репрессіями она очень скоро была почти цѣликомъ выведена изъ строя.

Вліяніе интеллигенціи первоначально распространялось на небольшіе кружки рабочихъ, но этому вліянію уже шла навстрѣчу подымавшаяся волна стихійнаго движенія рабочихъ массъ, главнымъ образомъ въ старыхъ промышленныхъ центрахъ—Петербургской губерніи, Московскомъ фабричномъ раіонѣ и въ Польшѣ. Первыя столкновенія носятъ оборонительный характеръ противъ тѣхъ мелочныхъ придирокъ, тѣхъ нарушеній закона и собственныхъ обѣщаній, которыя такъ характеризуютъ хищническую натуру большинства нашихъ предпринимателей. Такъ, разгромъ фабричной конторы Семяниковскаго завода въ Петербургѣ въ декабрѣ 1894 года произошелъ изъ-за отказа администраціи рабочимъ въ своевременной выдачѣ заработка. Стачка въ порту тамъ же въ январѣ 1895 года вызвана попыткой отнять у рабочихъ установленные обычаемъ льготныхъ четверть часа на опозданіе при каждомъ началѣ работъ. Извѣстная стачка на мануфактурѣ Корзинкиныхъ въ Ярославлѣ въ апрѣлѣ 1895 г., стоившая нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, вслѣдствіе «излишней нервности» командира шестой роты Фанагорійскаго полка, тоже была вызвана рядомъ мелкихъ придирокъ и стремленіемъ предпринимателя ухудшить существовавшія на фабрикѣ условія труда.

Но въ общемъ и цѣломъ не этими вспышками характеризуется новое движеніе. Его отличительной чертой, совершенно чуждой стачечному движенію семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, надо признать стремленіе рабочихъ использовать для улучшенія своего положенія благопріятныя условія промышленности. Центральное мѣсто въ этомъ наступательномъ движеніи несомнѣнно занимаютъ петербургскія стачки 1896—97 гг., приведшія къ изданію закона 2 іюня 1897 г. о нормировкѣ рабочаго дня для взрослыхъ. Въ виду этого мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этихъ стачкахъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ мы можемъ уяснить себѣ и многія другія черты рабочаго движенія 1896—1898 гг.

Вотъ какъ дѣло происходило въ Петербургѣ. Съ конца 1894 года находившіеся подъ вліяніемъ интеллигенціи рабочіе кружки самообразованія переживаютъ нѣкоторый внутренній кризисъ, вызванный сознаніемъ недостаточности кружковой пропаганды и необходимости стать ближе къ жизни, принять въ ней активное участіе. Въ теченіе всего 1895 года этотъ процессъ сближенія рабочихъ верховъ съ рабочей массой совершается медленно, но постоянно подъ руководствомъ интеллигенціи. Подъ диктовку передовыхъ рабочихъ интеллигенція составляетъ листки и воззванія, распространяемыя по всѣмъ фабрикамъ и за-

водамъ Петербурга. «Отличительная черта воззваній ихъ конкретный практическій характеръ. Каждое изъ этихъ воззваній имѣло дѣло съ опредѣленнымъ злоупотребленіемъ со стороны фабриканта, съ опредѣленнымъ произволомъ администраціи». «Въ ноябрѣ 1895 г. вспыхиваетъ стачка у Торнтона; рабочіе выставляютъ требованія, формулируемыя въ массѣ разбросанныхъ листковъ; запуганный фабрикантъ и растерявшаяся полиція спѣшатъ удовлетворить требованія рабочихъ». Одновременно произошелъ «бунтъ» папиросницъ на фабрикѣ Лаферма, давшій въ результатѣ рядъ арестовъ и циркуляръ фабричной инспекціи, запрещающій фабрикантамъ произвольно браковать товаръ и приказывающій записывать штрафныя суммы въ шнуровую книгу и употреблять ихъ на нужды рабочихъ. «Мѣсяцъ спустя происходитъ забастовка на фабрикѣ товарищества механическаго производства обуви, возникаетъ стачка на лѣсопильнѣ Лебедева, забастовали ткачи на фабрикѣ Лебедева, волнуются рабочіе путиловскаго завода и на бумагопрядильнѣ Кенига. Въ январѣ 1896 г. успѣшно и быстро заканчивается стачка на бумагопрядильнѣ Воронина; появившіеся листки вызываютъ волненіе среди рабочихъ «Новаго Адмиралтейства»... Весною опять волнуются рабочіе «Новаго Адмиралтейства; одно появленіе листковъ заставляетъ идти на уступки администрацію казеннаго Александровскаго чугуннаго завода». Чудодѣйственное вліяніе листковъ объясняется той массой беззаконія, которая годами накопилась въ нашемъ фабрично-заводскомъ быту. Въ листкахъ выставлялись требованія «точнаго исполненія закона»; чтобы рабочему передъ началомъ работы «объявлялась величина того заработка, на который онъ идетъ»; чтобы фабричный инспекторъ не допускалъ «обмана въ расцѣнкахъ»; чтобы «при наймѣ на срокъ неопредѣленный выдача заработной платы производилась не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ», и т. д. Съ другой стороны, «листки, а потомъ уступки производили какое то магическое дѣйствіе на рабочихъ: подымалась энергія, появлялась вѣра въ возможность бороться, вѣра въ силу массового натиска и силу единенія» [1]).

Однако, эти мелкія уступки не успокаивали, а еще больше раздражали рабочихъ, особенно въ виду значительной разницы въ условіяхъ труда между бумаго-прядильными и ткацкими фабриками, съ одной стороны, и механическими заводами, съ другой. Волненія, поддерживаемыя листками союза, изъ которыхъ особенно сильное впечатлѣніе произвелъ первомайскій, продолжались и вылились послѣ коронаціи во всеобщую забастовку петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая рабочіе, представители забастовавшихъ заведеній, собрались въ количествѣ около ста человѣкъ въ Екатерингофскомъ паркѣ, тамъ сообща выработали свои требованія и передали Союзу.

Требованія эти гласили: 1) чтобы рабочій день у насъ продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера; 2) чтобы обѣденное время длилось 1½ часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался 10½ час., вмѣсто 13 час.; 3) чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы заработки не уменьшились бы; 4) чтобы шабашили по субботамъ

[1]) См. К. М. Таръ, Очеркъ петерб. рабоч. движ. 90-хъ годовъ. Стр. 25.

вездѣ одновременно въ 2 часа; 5) чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени; 6) чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали, и 7) чтобы было заплачено сполна за коронаціонные дни.

Стачка быстро разросталась и въ первыхъ числахъ іюня охватила мануфактуры Выборгской и Петербургской сторонъ и Васильевскаго острова. Рабочіе стали устраивать сходки и собранія для обсужденія своихъ дѣлъ. Но скоро администрація опомнилась. Начались аресты, рабочіе кварталы были наводнены жандармами и казаками. Такъ какъ стачка не прекращалась, то отъ запугиванія переходили къ увѣщаніямъ, а отъ увѣщаній — къ запугиванію. Рабочіе отправляли депутаціи къ градоначальнику, убѣждая его склонить фабрикантовъ къ уступкамъ, но изъ этого, конечно, ничего не вышло. 10-го іюня появилось на стѣнахъ фабрикъ объявленіе градоначальника, извѣщавшее рабочихъ, что ихъ претензіи будутъ разсмотрѣны чинами фабричной инспекціи лишь тогда, когда будутъ начаты работы. 15-го іюня выступилъ съ обращеніемъ къ рабочимъ министръ финансовъ, заявившій, что «правительству одинаково дороги какъ дѣла фабрикантовъ, такъ и рабочихъ», и также приглашавшій рабочихъ приступить къ работамъ, обѣщая разсмотрѣть ихъ требованія. Рабочіе отнеслись скептически къ этимъ обѣщаніямъ, но «крайняя нужда начинала дѣйствовать» и къ 18-му іюня стачка улеглась.

Рабочіе ждали обѣщаннаго сокращенія рабочаго дня. Ждали, что объ этомъ будетъ объявлено къ новому году. Когда же пришло 1-ое января и никакихъ измѣненій не было сдѣлано, начался снова рядъ стачекъ, скоро принявшій опять характеръ всеобщей забастовки на текстильныхъ фабрикахъ. Начиная со 2-го по 10-е января стачка все разросталась, вовлекши почти всѣхъ рабочихъ, бастовавшихъ лѣтомъ. Наконецъ, объявлено было министромъ финансовъ, что съ апрѣля будетъ введенъ сокращенный рабочій день для всей Россіи, а петербургскимъ фабрикантамъ, въ противорѣчіе съ лѣтней тактикой правительства, разрѣшено было сдѣлать уступки немедленно. Это успокоило умѣренные элементы и стачка скоро прекратилась.

Нѣтъ надобности долго доказывать, что обѣ упомянутыя стачки произвели значительныя измѣненія въ психикѣ петербургскаго, да и не одного петербургскаго, пролетаріата. Чувство солидарности, сознаніе мощи солидарнаго выступленія перестали быть только фразами пропагандистовъ и получили опредѣленный конкретный смыслъ; яснѣе также стало пониматься, подъ вліяніемъ всѣхъ пережитыхъ столкновеній, общее положеніе рабочихъ по отношенію къ господствующимъ классамъ: это не было еще классовое сознаніе, но уже его способный къ развитію зародышъ. Кромѣ того, если не вполнѣ ясное пониманіе, то смутное представленіе о всей трудности предстоящей русскимъ рабочимъ задачи постоянно побуждало ихъ расширять рамки своей борьбы. Начиная стачку, рабочіе отдѣльной фабрики, какъ бы сознавая безсиліе своей неорганизованности и видя, поэтому, силу въ единовременномъ дѣйствіи наибольшей массы, стараются втянуть въ эту стачку всѣхъ рабочихъ района, города, по крайней мѣрѣ, всѣхъ занятыхъ въ наиболѣе заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ профессіяхъ. Стихійно выросшая всеобщая стачка ткачей и прядильщиковъ положила твердую

основу сознанію единства рабочаго движенія Петербурга. Естественно было впослѣдствіи, когда трудности еще больше увеличились, когда препятствія стали принимать болѣе опредѣленныя и болѣе грозныя очертанія, выйти изъ узкихъ рамокъ одного города и стремиться къ сліянію всероссійскому. Нѣсколько позже, та же исторія повторилась почти во всѣхъ промышленныхъ центрахъ и, какъ мы увидимъ, вездѣ проявилось стремленіе расширять рамки движенія. Благодаря той возбужденной атмосферѣ, въ которой совершился весь этотъ процессъ, было сравнительно не трудно достигнуть сліянія *движенія*, но для сліянія *организаціоннаго* требовалось нѣчто большее: требовалось существованіе активныхъ и авторитетныхъ рабочихъ организацій въ каждомъ мѣстѣ.

Нельзя сказать, чтобы такихъ организацій вовсе не было. Существовали, во-первыхъ, тѣ примитивныя организаціи, которыя неизбѣжно складываются во всякой группѣ, членамъ которой приходится вести тяжелую борьбу за существованіе и со страхомъ думать о томъ, что день грядущій имъ готовитъ. Въ той мѣрѣ, въ какой это допускалось «режимомъ», сначала среди ремесленниковъ, а впослѣдствіи и среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, организовывались всевозможныя общества взаимопомощи. Не говоря о Царствѣ Польскомъ и Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ въ каждомъ ремесленномъ цехѣ имѣлись для мастеровъ и подмастерьевъ общества взаимопомощи на случай болѣзни и похоронныя кассы; не говоря о сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ среди еврейскихъ ремесленниковъ уже съ очень давнихъ поръ существовали свои братства, въ основѣ которыхъ также лежала взаимопомощь,—мы видимъ и среди русскихъ ремесленниковъ стремленіе къ образованію подобныхъ кассъ. Начало было положено обществомъ нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Петербургѣ, возникшимъ въ 1862 году. Образовавшіяся въ слѣдующіе годы общества въ Москвѣ, Кронштадтѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Херсонѣ, Одессѣ, Кіевѣ и т. д. были или обществами ремесленниковъ безъ различія цеха или обществами отдѣльныхъ цеховъ. Въ общемъ, ихъ было весьма немного: по словамъ С. Прокоповича, въ 1899 г. на всю Россію (безъ вышеназванныхъ окраинъ) было 16 такихъ обществъ взаимопомощи рядомъ съ 54 всесословными похоронными кассами. Подобныя же кассы раньше всѣхъ другихъ стали устраивать типографскіе рабочіе, которые еще въ 1838 году основали въ Петербургѣ «вспомогательную кассу для типографовъ, словолитчиковъ, литографовъ, ксилографовъ и фотографовъ»; въ 1869 году возникла московская «вспомогательная касса типографовъ»; въ 80-хъ и 90-хъ годахъ типографскія кассы взаимопомощи были учреждены въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани, Кіевѣ, Саратовѣ и Самарѣ, и въ началѣ двадцатаго вѣка въ Смоленскѣ, Томскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Екатеринославѣ, Оренбургѣ и Орлѣ. Наконецъ, наиболѣе многочисленны общества взаимопомощи приказчиковъ, каковыхъ въ 1898 году насчитывалось въ Россіи (безъ Польши, Прибалтійскаго края и Финляндіи) 74. Этимъ послѣднимъ обществамъ дважды разрѣшались съѣзды (первый—въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ), на которыхъ, между прочимъ, дебатировались и вопросы чисто профессіональнаго характера, главнымъ образомъ вопросъ о регулированіи рабочаго времени приказчиковъ. Однако, роль всѣхъ этихъ обществъ въ общемъ механизмѣ рабочаго движенія чрезвычайно незначительна. Замкнувшись въ себѣ, часто съ тенденціей сохранить извѣстное аристократическое положеніе даже въ средѣ своихъ това-

рищей по профессіи, стиснутые полицейскими уставами, эти общества не пользовались никакимъ вліяніемъ внѣ узкой сферы своихъ собственныхъ членовъ. Участіе во многихъ обществахъ хозяевъ-предпринимателей, въ качествѣ почетныхъ членовъ, членовъ-соревнователей и т. под., накладываетъ на ихъ дѣятельность особую печать, подчеркиваетъ ихъ преимущественно благотворительный характеръ, который неизбѣжно не можетъ выходить за весьма узкіе предѣлы. Въ ихъ средѣ могли вырабатываться отдѣльные опытные практики, будущіе руководители профессіональныхъ и кооперативныхъ рабочихъ обществъ, но организаціи эти, какъ таковыя, остались впослѣдствіи внѣ общаго русла рабочаго движенія, и даже превращеніе ихъ въ профессіональные союзы съ боевыми задачами наталкивалось на почти непреодолимыя препятствія.

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ начали организовываться и фабрично-заводскія общества взаимопомощи. За исключеніемъ тѣхъ обществъ, которыя впослѣдствіи были основаны подъ вліяніемъ зубатовской политики, самымъ крупнымъ было возникшее въ 1898 г. харьковское «Общество взаимопомощи лицамъ, занимающихся ремесленнымъ трудомъ». Общество это обладало сравнительно широкимъ уставомъ, гарантировавшимъ его отъ вмѣшательства полиціи. Во главѣ общества стояла группа рабочихъ, глубоко преданныхъ рабочему движенію, хотя и довольно узко смотрѣвшихъ на его задачи. Общество, члены котораго вербовались преимущественно среди механическихъ рабочихъ, пользовалось значительнымъ вліяніемъ среди мѣстныхъ рабочихъ и по образцу его организовались впослѣдствіи портные, табачники, строительные рабочіе. Въ 1904 г. въ обществѣ было 1.300 членовъ. «Къ этому времени оно уже окончательно сформировалось въ прочную организацію, выдвинуло изъ своей среди умѣлыхъ руководителей, поставившихъ себѣ опредѣленную цѣль: развить дѣятельность общества не только въ области взаимопомощи въ узкомъ смыслѣ, но и принять на себя задачу бороться за улучшеніе условій труда механическихъ рабочихъ и содѣйствовать такому улучшенію для всѣхъ рабочихъ вообще» [1]). Такимъ образомъ харьковское общество совершило мирную эволюцію отъ общества взаимопомощи къ профессіональному союзу. Эту судьбу съ нимъ раздѣлило весьма небольшое число обществъ; огромное же большинство фабрично-заводскихъ обществъ или застряли на своихъ первоначальныхъ функціяхъ или погибли при первой попыткѣ перейти къ боевой тактикѣ [2]). Эти организаціи, очевидно, тоже не могли стать

[1]) Вторая конференція профес. союзовъ. СПБ. 1906, стр. 61.

[2]) Столь же жалкую роль играли фабрично-заводскія потребительныя общества, развитію которыхъ мѣшала фабричная администрація. Извѣстна борьба, которую сормовскіе рабочіе вели въ своемъ обществѣ потребителей со своей администраціей. Втеченіе долгаго времени лавка управлялась служащими завода: рабочихъ-пайщиковъ никто не слушался, а въ случаѣ настойчивости имъ грозили увольненіемъ съ завода. Только въ 1901 г. послѣ упорной борьбы рабочимъ удалось одержать побѣду надъ служащими и выбрать составъ правленія изъ рабочихъ. Въ Сормовѣ пришла на помощь рабочимъ частная благотворительность; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ и большинство паевъ находилось въ рукахъ дирекціи. Случалось, какъ это было, напримѣръ, на Путиловскомъ заводѣ въ Петербургѣ, что потребительская лавка отказывала въ кредитѣ рабочимъ во время забастовки. Въ такихъ случаяхъ борьба рабочихъ за демократизацію общества была совершенно безнадежна.

руководителями рабочаго движенія и объединить хотя бы только передовые слои рабочаго класса.

Совершенно по другой причинѣ этой задачи объединенія передовыхъ рабочихъ не разрѣшили и тѣ болѣе активные кружки, которые возникли въ результатѣ стачечнаго движенія 1895—98 гг. Въ Петербургѣ «начавшаяся среди рабочихъ, особенно со времени лѣтней стачки 1896 г., организація постоянныхъ стачечныхъ кассъ не прекратилась. Часто приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрикѣ рабочіе устроили кассу съ цѣлью поставить свое дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Стоитъ взять одну изъ подобныхъ кассъ, чтобы получить понятіе объ ихъ характерѣ. Образцомъ этихъ кассъ можетъ служить касса, устроенная рабочими на фабрикѣ Кожевникова, на Обводномъ каналѣ. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средствъ со стороны... Питалась она членскими взносами. Расходованіе денегъ шло на такихъ основаніяхъ: $^1/_4$ всѣхъ суммъ шла на стачки. Остальное дѣлилось на 4 части, изъ нихъ 2 части—на взаимопомощь, 1 часть на книги, и 1 часть составляла постоянный фондъ» [1]). Такія же кассы устраивались и въ другихъ промышленныхъ центрахъ. Такъ, образовавшійся въ 1895 году «Иваново-Вознесенскій Рабочій союзъ» устроилъ кассу и библіотеку. Созданный въ 1894—95 г. «Московскій Рабочій Союзъ» также сосредоточилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ на организаціи фабричныхъ кассъ и соединеніи ихъ въ одну центральную кассу. Въ Николаевѣ въ 1897 г. была основана мѣстной рабочей организаціей, принявшей названіе «Южно-русскаго рабочаго союза», центральная касса, половина дохода которой предназначалась для стачечнаго фонда, $^1/_3$ для взаимопомощи и $^1/_6$ для библіотеки. Подобныя же кассы существовали на отдѣльныхъ заводахъ и въ отдѣльныхъ цехахъ среди рабочихъ и ремесленниковъ Екатеринослава, Харькова и Одессы. Всѣ эти кассы и стоявшія во главѣ ихъ организаціи были по преимуществу организаціями для руководства экономической борьбой; когда же, съ наступленіемъ промышленнаго кризиса, экономическая борьба была отодвинута на самый задній планъ, организаціи эти потеряли почву въ массахъ, а наиболѣе иниціативные элементы среди пролетаріевъ и интеллигенціи стали искать выхода и новыхъ путей.

Вернемся, однако, къ періоду стачекъ, описаніе котораго нами далеко еще не закончено. Побѣдоносныя стачки, конечно, поднимали бодрость духа и энергію. Поднимало ихъ также и поведеніе противниковъ, поведеніе неустойчивое, мечущееся, переходящее отъ одной крайности къ другой. Петербургскія стачки поставили рабочихъ лицомъ къ лицу съ правящей бюрократіей. Уже то обстоятельство, что уступки, запрещенныя во время первой петербургской стачки, были разрѣшены послѣ второй, обнаружили такую шаткость и неустойчивость, которую иначе какъ капризомъ рабочіе объяснить себѣ не могли. На самомъ же дѣлѣ эта политика не была случайностью, а была неразрывной частью системы. Изъ двухъ министерствъ, вѣдавшихъ «рабочій вопросъ», каждое имѣло по двѣ тактики, которыя примѣнялись отъ случая къ случаю. Передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ рабочій вопросъ стоялъ, какъ вопросъ объ обезпеченіи обще-

[1]) К. Таръ, l. c., стр. 71.

ственной тишины и порядка. Привычка прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ мѣрамъ полицейскимъ сказывалась и тутъ: расквартировывались войска на фабрикахъ, дѣлались попытки созданія спеціальной фабричной полиціи и фабричнаго сыска и т. под. Но рядомъ съ этимъ теченіемъ, усиливавшимся вмѣстѣ съ ростомъ рабочаго движенія и взявшимъ въ концѣ концовъ верхъ, существовало другое, вытекавшее изъ болѣе или менѣе яснаго пониманія политическаго значенія рабочаго движенія и стремленія пріобрѣсти симпатіи рабочихъ и привязать ихъ къ существующему политическому режиму. Этимъ стремленіемъ и отчасти извѣстной враждебностью дворянства къ торгово-промышленному классу можно объяснить нѣкоторое, правда, довольно слабое покровительство рабочимъ со стороны отдѣльныхъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ. Эта тенденція обнаружилась при обсужденіи закона о нормировкѣ рабочаго дня въ Государственномъ Совѣтѣ, въ запискахъ генералъ-лейтенанта Пантелѣева въ 1899 г., одесскаго градоначальника гр. Шувалова въ 1899 г., шефа жандармовъ Святополка-Мирскаго въ 1901 г. и въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина о его поѣздкѣ по четыремъ губерніямъ [1]).

Въ министерствѣ финансовъ преобладалъ, конечно, грубый реализмъ владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предпріятій и притомъ чаще всего наиболѣе отсталой ихъ части. Но протесты рабочихъ заставляли, хотя и весьма смутно, понимать, что интересы нормальнаго развитія промышленности требуютъ, также не просто игнорированія требованій рабочихъ, а наоборотъ принятія опредѣленныхъ мѣръ къ развитію фабричнаго законодательства.

Но изъ всего этого наиболѣе реальныя формы принимало лишь одно— полицейско-жандармское воздѣйствіе, а это въ свою очередь не могло, конечно, вселить рабочимъ довѣрія къ мѣрамъ правительства и содѣйствовать ихъ успокоенію.

Изданный послѣ петербургскихъ стачекъ законъ 2 іюня 1897 г., допустившій сверхурочныя работы, сначала въ ограниченномъ, а потомъ, путемъ циркуляровъ, почти въ неограниченномъ размѣрѣ, не былъ фактически тѣмъ, чѣмъ онъ обѣщалъ быть, т. е. закономъ, нормирующимъ рабочій день взрослыхъ рабочихъ. Но вѣсть о грандіозной стачкѣ петербургскихъ рабочихъ и объ одержанной ими побѣдѣ, размѣры которой въ первое время не были еще достаточно ясны, быстро распространилась по всѣмъ промышленнымъ центрамъ и подняла тамъ настроеніе рабочихъ [2]). Въ Москвѣ, гдѣ культурный уровень рабочихъ былъ въ серединѣ 90-хъ годовъ значительно ниже, гдѣ число

---

[1]) Выдержки изъ всѣхъ этихъ документовъ читатель найдетъ въ книгѣ проф. И. Х. Озерова: „Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы".

[2]) Нѣсколько словъ о нашихъ источникахъ. Рабочее движеніе было въ свое время запретнымъ плодомъ для нашей періодической печати. Намъ приходилось, въ виду этого, въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя мы могли найти въ газетахъ, журналахъ, брошюрахъ, отчетахъ и т. под., издававшихся за-границей различными организаціями и партіями. Къ сожалѣнію, и этотъ матеріалъ довольно скуденъ, такъ какъ указанныя изданія обращали больше вниманія на успѣхи партійной агитаціи, чѣмъ на успѣхи рабочаго движенія tout court.

рабочихъ, сохранившихъ связь съ деревней значительно больше и гдѣ «старинныя патріархальныя» отношенія продолжали господствовать на фабрикѣ, движеніе не приняло столь широкаго характера, какъ въ Петербургѣ. Несмотря на призывъ мѣстной организаціи, состоявшей изъ интеллигентовъ и рабочихъ, поддержать всеобщей стачкой требованія петербургскихъ рабочихъ, всеобщей стачки въ Москвѣ не вышло. Забастовали только 2 іюля мастерскія Курской жел. дор., требуя уплаты за коронаціонные дни, на другой день забастовали мастерскія Смоленской жел. дор.; рабочіе и тѣхъ, и другихъ мастерскихъ были сейчасъ же удовлетворены. Затѣмъ бастовали еще только шелковая фабрика Грессера и чугунно-литейный заводъ Перунда. Зато среди рабочихъ механическихъ и металлическихъ заводовъ обнаружилось совершенно самостоятельное движеніе въ пользу сокращенія рабочаго дня. Вообще необходимость сокращенія рабочаго дня въ то время настолько назрѣла, что даже на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г. настаивали, что пора въ этомъ вопросѣ перейти отъ словъ къ дѣлу. Послѣ цѣлаго ряда стачекъ упомянутые московскіе рабочіе добились сокращенія рабочаго дня до 10—10½ час. вмѣсто прежнихъ 11—11½.

Иваново-Вознесенскъ, центръ нашей текстильной промышленности, тоже считаетъ 1895 годъ началомъ болѣе или менѣе упорядоченныхъ, стройно проходящихъ стачекъ, смѣняющихъ прежніе «бунты» 80-хъ годовъ. Благодаря цѣлому ряду стачекъ, здѣшніе ткачи и прядильщики еще до изданія закона 2-го іюня 1897 года добились введенія двухъ девятичасовыхъ смѣнъ и значительнаго увеличенія заработной платы. Въ значительно худшемъ положеніи оказались рабочіе ситце-набивныхъ фабрикъ, почти не принимавшіе участія въ предыдущемъ стачечномъ движеніи. Новый законъ уменьшилъ ихъ рабочій день до 11½ часовъ, вмѣсто 13—14, но вмѣстѣ съ тѣмъ хозяева сдѣлали попытку уменьшить число праздничныхъ дней. Это вызвало всеобщую стачку 30 тысячъ рабочихъ, продолжавшуюся съ 23 декабря 1897 г. по 13 января 1898 г. и кончившуюся побѣдой рабочихъ: число праздниковъ было увеличено и сокращено число рабочихъ часовъ наканунѣ праздниковъ.

Такой же характеръ носило движеніе въ теченіе 1897 и 98 гг. и въ другихъ мѣстахъ Владимірской и сосѣднихъ съ ней губерній,—движеніе, въ значительной мѣрѣ связанное съ проведеніемъ въ жизнь закона 2-го іюня 1897 г. и не выходившее за предѣлы борьбы за чисто-экономическія улучшенія. Положительные результаты этой борьбы имѣли громадное воспитательное значеніе именно въ этомъ районѣ, гдѣ небольшимъ сравнительно группамъ профессіональныхъ рабочихъ (въ отличіе отъ массы рабочихъ полукрестьянъ), наиболѣе заинтересованнымъ въ борьбѣ за лучшія условія труда, вслѣдствіе болѣе высокихъ потребностей и отсутствія какой-либо помощи изъ деревни, приходилось насильно (въ буквальномъ смыслѣ этого слова, иногда палками, каменьями и т. под.) втягивать въ стачку крестьянскіе и мѣщанскіе элементы фабричныхъ рабочихъ. Только выигрышъ стачки мирилъ эти элементы съ самой стачкой и пріучалъ ихъ къ мысли о совмѣстной борьбѣ. Другимъ воспитательнымъ средствомъ служило появленіе въ этихъ мѣстахъ новыхъ предпріятій, устраивавшихся на болѣе современныхъ началахъ и привлекавшихъ лучшихъ, наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ.

При обиліи здѣсь элементовъ, плохо или вовсе не дисциплинированныхъ, стачки и въ этотъ періодъ не всегда носятъ мирный характеръ. Такъ, стачка на «Никольской мануфактурѣ наслѣдниковъ Викулы Морозова» въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ октябрѣ 1897 года съ самаго начала приняла буйный характеръ и сопровождалась разгромомъ фабрики, квартиръ служащихъ и поджогами частныхъ домовъ. Стачка 1.500 рабочихъ на Поpской бумагопрядильнѣ (въ 12 верстахъ отъ Ярославля), начавшаяся 7 февраля 1898 года вслѣдствіе пониженія расцѣнокъ, завершилась 8 февраля стычкой съ полиціей, арестами и ссылкой 9 человѣкъ въ Архангельскую губернію.

Въ Твери, на Морозовской фабрикѣ, рабочіе во время стачки въ октябрѣ 1898 г. побили стекла, также и въ слѣдующемъ году, когда громили контору, рѣзали и рвали основы, били станки и чуть не убили директора. Впрочемъ, эти послѣднія событія совпали уже съ начавшимся промышленнымъ застоемъ, о которомъ рѣчь ниже.

Но не только въ Петербургѣ и центральныхъ губерніяхъ промышленный подъемъ въ связи съ общимъ культурнымъ развитіемъ страны вызвалъ массовое рабочее движеніе, направленное преимущественно на улучшеніе матеріальнаго положенія участниковъ движенія. Принимая разнообразныя формы въ зависимости отъ разнообразія условій, все это движеніе только постепенно, мало-по-малу слилось въ единый потокъ.

На далекомъ Уралѣ съ его оригинальными условіями (не прогрессирующая, а впослѣдствіи даже регрессирующая, старинная крупная промышленность съ рабочими, владѣющими тутъ же небольшими земельными участками), горнозаводскія товарищества, созданныя закономъ и обязательныя для казенныхъ заводовъ, содѣйствовали, правда, обезпеченію рабочихъ, но послужили впослѣдствіи причиною крупныхъ столкновеній. Горнозаводскія товарищества были созданы «Положеніемъ о горнозаводскомъ населеніи» 8 марта 1861 г. «съ цѣлью упроченія связи между заводами и рабочими».

«Всякій, достигшій 18-ти лѣтняго возраста, постоянный рабочій казеннаго завода или рудника, при коемъ открыто горнозаводское товарищество, обязанъ быть членомъ его. Средства вспомогательныхъ кассъ образуются изъ 2% или 3% вычетовъ съ жалованья членовъ (каковыя деньги возврату не подлежатъ), изъ взносовъ заводоуправленія, равныхъ итогу членскихъ вычетовъ, изъ прибылей отъ выданныхъ ссудъ, изъ процентовъ съ капитала кассы, изъ штрафовъ съ рабочихъ за разныя провинности, изъ пожертвованій и пр. источниковъ, какіе заводоуправленіе или само товарищество изыщутъ, а также въ случаѣ крайней нужды, изъ общаго фонда горнозаводскихъ товариществъ. Изъ вспомогательной кассы производятся пожизненныя пенсіи членамъ товарищества, ихъ вдовамъ и сиротамъ и оказываются временныя вспомоществованія: содержаніе больныхъ членовъ товарищества и ихъ семействъ, насколько это не лежитъ на обязанности заводоуправленій, безплатное снабженіе ихъ лѣкарствами при лѣченіи внѣ больницы, денежныя пособія» [1]).

Товарищества дѣйствуютъ на основаніи обязательнаго для нихъ устава, временное положеніе о которомъ было утверждено министромъ государственныхъ имуществъ лишь 9 апрѣля 1881 года, а постоянное положеніе—26 мая 1893 г.

[1]) Г. Ѳ. Тиграновъ. Кассы горнорабочихъ. Стр. 9—10.

Но такъ какъ за это время успѣло образоваться довольно много товариществъ и успѣло выработаться въ каждомъ свое обычное право, то неизбѣжно должна была создаться почва для столкновеній съ бюрократическимъ контролемъ. Мало того. Уставъ былъ таковъ, что представлялъ заводоуправленію значительную долю вліянія, а въ случаѣ жалобъ высшая администрація всегда становилась на сторону заводоуправленія.

«Завѣдываніе кассою лежитъ на попечительномъ горнозаводскомъ приказѣ и общемъ собраніи членовъ, которое составляется изъ наличныхъ участниковъ товарищества подъ предсѣдательствомъ управляющаго заводомъ. Приказъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго заводскимъ управленіемъ, и изъ 4 (неопороченныхъ судомъ) членовъ и кандидатовъ къ нимъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ кассы на 3 года изъ своей среды» [1]). И здѣсь, слѣдовательно, былъ соблюденъ принципъ опеки заводоуправленія надъ товариществами. Рабочіе естественно стремились освободиться отъ этой опеки.

На этой почвѣ разыгралось нѣсколько конфликтовъ. Такъ, въ началѣ лѣта 1896 года управленіемъ казеннаго завода въ Златоустѣ было сдѣлано распоряженіе объ удлиненіи рабочаго времени на одинъ часъ и перенесеніи времени обѣда. Такъ какъ по уставу вѣдѣнію приказа подлежитъ, между прочимъ, «разсмотрѣніе и обсужденіе споровъ и недоразумѣній, могущихъ возникнуть между заводоуправленіемъ и работающими на заводѣ людьми, относительно исполненія работъ, удовлетворенія за оныя жалованьемъ или задѣльною платой, слѣдующихъ на основаніи договора, и соблюденія общепринятаго по заводу порядка», то представители товарищества вмѣшались и распоряженіе было отмѣнено. «Въ сентябрѣ заводоуправленіе потребовало отъ рабочихъ, чтобы они приняли новыя разсчетныя книги, съ новыми условіями найма, съ платой по 10 коп. за книжку. Въ новыхъ правилахъ не было упомянуто, что всѣ недоразумѣнія по вопросамъ найма должны разбираться горнозаводскимъ приказомъ. Въ отвѣтъ на протестъ противъ этого заводоуправленіе объявило, что оно до тѣхъ поръ не выдастъ уже заработанныхъ рабочими денегъ, пока они не возьмутъ разсчетныхъ книжекъ, такъ какъ «дѣло рабочихъ не разсуждать, а исполнять то, что велитъ начальство». 14 октября рабочіе отправили телеграмму министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ жалобой на заводоуправленіе. Послѣ этого имъ выдали заработную плату. На общемъ собраніи 8 февраля 1897 года присутствовало болѣе 1.000 чел. членовъ товарищества, горный начальникъ, управляющій заводомъ и другіе инженеры. Собраніе началось съ того, что предсѣдатель попечительнаго приказа, назначенный заводоуправленіемъ, вычеркнулъ изъ программы собранія нѣсколько вопросовъ, внесенныхъ рабочими. Рабочіе запротестовали и добились внесенія этихъ вопросовъ въ программу. На собраніи былъ отмѣченъ и опротестованъ неправильный расходъ денегъ изъ кассы товарищества по единоличному распоряженію предсѣдателя попечительнаго приказа. Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ начальство давало уклончивые отвѣты, рабочіе поставили вопросъ ребромъ: могутъ ли они пользоваться всѣми правами, предоставленными имъ положеніемъ 1861 года, а если не могутъ, то почему?

---

[1]) Тамъ же. Стр. 12.

Отвѣтъ опять получился уклончивый. Тогда рабочіе отправили на имя главнаго начальника уральскихъ горныхъ заводовъ слѣдующую телеграмму: «Общее собраніе членовъ Златоустовскаго товарищества покорнѣйше проситъ ваше превосходительство разъяснить, могутъ ли они пользоваться правами, предоставленными положеніемъ 8-го марта 1861 г.». На это настойчивое исканіе законности получился отвѣтъ: «Такіе вопросы неумѣстны, противозаконны. Если выходки продолжатся, закрою товарищество». Въ концѣ марта пріѣхалъ на заводъ главный начальникъ. Спорный вопросъ о томъ, должны ли всѣ возникающіе споры между заводоуправленіемъ и рабочими разрѣшаться приказами, онъ рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что параграфъ этотъ слѣдуетъ примѣнять лишь тогда, когда заводоуправленіе по собственнымъ соображеніямъ предложитъ приказу разсмотрѣть какой-нибудь отдѣльный случай» [1]).

На той же почвѣ произошли крупные безпорядки на Воткинскомъ заводѣ въ мартѣ 1902 года и разыгрались кровавыя событія въ Златоустѣ въ мартѣ 1903 года. Эти послѣднія были вызваны новыми книжками, содержавшими новыя, весьма тяжелыя для рабочихъ, правила найма. Рабочіе отказались отъ принятія этихъ книжекъ и начали забастовку. Для веденія переговоровъ, по предложенію начальства, были выбраны 3 депутата, которые ночью были арестованы. Рабочіе всей толпой отправились ходатайствовать объ ихъ освобожденіи. Переходя отъ начальства къ начальству, они утромъ 13 марта собрались на площади передъ домомъ горнаго начальника, гдѣ остановился прибывшій наканунѣ уфимскій губернаторъ. Рабочіе настойчиво требовали освобожденія депутатовъ, а губернаторъ настаивалъ, чтобы рабочіе немедленно разошлись и приступили къ работамъ, въ противномъ случаѣ грозилъ прибѣгнуть къ военной силѣ... По знаку губернатора раздался залпъ, за нимъ другой... На площади осталось 35—40 человѣкъ убитыхъ и тяжело раненыхъ... Рабочіе 14-го марта начали работать и принуждены были, подъ угрозой закрытія завода, принять новыя книжки.

На другомъ концѣ Европейской Россіи, въ Царствѣ Польскомъ, усиленное стачечное движеніе возникло въ началѣ девяностыхъ годовъ, совпавши съ періодомъ наибольшаго расцвѣта лодзинской и вообще польской промышленности. Польскій рабочій былъ немного культурнѣе рабочаго коренной Россіи, жилъ въ лучшихъ условіяхъ, работалъ при лучшей обстановкѣ и имѣлъ кое-какой просторъ для самодѣятельности, главнымъ образомъ, въ больничныхъ кассахъ [2]).

---

[1]) См. С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Стр. 29—30 (на основаніи статьи В. Богучарскаго въ журналѣ «Новое Слово», ноябрь, 1897).— Чтобы избавить заводоуправленія отъ повторенія подобныхъ исторій, 10 марта 1898 года права общихъ собраній были сильно урѣзаны измѣненіями, внесенными въ положеніе о товариществахъ.

[2]) Для горнозаводскихъ рабочихъ существуютъ здѣсь такія же горнозаводскія товарищества, какъ на Уралѣ. Первыя товарищества были здѣсь созданы въ 1821 году для всѣхъ горнорабочихъ, занятыхъ постоянно въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ правительству. Впослѣдствіи появились кассы и на частныхъ заводахъ. Средства кассъ составляются изъ обязательныхъ вычетовъ изъ заработной платы рабочихъ въ размѣрѣ $1^1/_2$—$3^1/_2$% и изъ взносовъ заводоуправленія

Правительство относилось снисходительно къ соціалистической пропагандѣ среди польскихъ рабочихъ, какъ къ противоядію противъ увлеченія національнизмомъ, въ которомъ правительство видѣло болѣе непосредственную и болѣе близкую опасность, чѣмъ въ соціализмѣ. Промышленный подъемъ внесъ сильное оживленіе въ ряды рабочихъ, и стачечная волна постепенно охватила всю страну. Повсюду, на фабрикахъ и заводахъ организуются кассы сопротивленія, члены которыхъ являются вожаками начавшейся стачечной борьбы. Въ 1891 году происходитъ стачка 2 тысячъ горнорабочихъ въ Домбровѣ, затѣмъ въ маѣ бастуетъ 5 тысячъ рабочихъ въ Лодзи, а въ Жирардовѣ цѣлую недѣлю стоятъ всѣ фабрики и происходитъ кровавое столкновеніе между забастовщиками и казаками. Вообще, здѣшнія стачки сразу приняли бурный характеръ, съ одной стороны, вслѣдствіе упорства предпринимателей, лучше организованныхъ и болѣе подготовленныхъ къ стачкамъ, чѣмъ предприниматели коренной Россіи, а съ другой стороны, вслѣдствіе кровавыхъ репрессій со стороны русскихъ властей, принимавшихъ въ экономическихъ конфликтахъ всегда сторону фабрикантовъ, являвшихся единственнымъ руссофильскимъ элементомъ въ краѣ. Въ іюнѣ того же 1891 года стачечное движеніе захватило различныя отрасли промышленности города Варшавы, а весною 1892 года, въ связи съ первомайскимъ праздникомъ, вспыхнула грандіозная стачка въ Лодзи, скоро принявшая характеръ всеобщей, и превратившаяся, вслѣдствіе цѣлаго ряда кровавыхъ столкновеній съ полиціей и войсками, въ форменное возстаніе. На лодзинскую стачку откликнулась вся Польша и по ней прокатилась волна стачекъ, имѣвшихъ цѣлью выразить сочувствіе жертвамъ лодзинскаго возстанія.

Слѣдующая стачечная волна 1897—99 гг. была вызвана польскими фабрикантами, стремившимися ввести установленный закономъ 2 іюня 1897 года $11^1/_2$-часовой рабочій день, что фактически означало удлиненіе установившейся здѣсь послѣ продолжительной борьбы $10^1/_2$-часовой нормы. Въ результатѣ и теперь побѣда въ огромномъ большинствѣ случаевъ досталась рабочимъ. Хотя это движеніе по времени совпало съ общерусскимъ, оно не обнаружило никакой тенденціи слиться съ нимъ или въ какой-нибудь мѣрѣ на него повліять [1]). Правда, въ рамкахъ чисто экономической борьбы трудно было бы указать пути къ такому сліянію, но въ значительной мѣрѣ національнистическая тенденція наиболѣе вліятельной въ то время въ Польшѣ соціалистической организаціи (P. P. S.)

Управленіе кассой въ большинствѣ случаевъ находится въ рукахъ администраціи. Кассы оказываютъ врачебную помощь семьямъ рабочихъ, выдаютъ пособія инвалидамъ, вдовамъ, сиротамъ и т. под. Недовольство рабочихъ дѣятельностью кассъ и волненія 1897 г. побудили правительство передать управленіе кассами изъ рукъ горнозаводской администраціи въ руки горной и фабричной инспекціи.

[1]) Единственная стачка, произведшая нѣкоторое впечатлѣніе внѣ предѣловъ Царства Польскаго, была вызвана причинами, имѣвшими большое общественное значеніе. Мы имѣемъ въ виду стачку 4.000 рабочихъ на домбровскомъ заводѣ „Гута Банкова“ въ сентябрѣ 1897 г., причемъ рабочіе требовали уничтоженія или преобразованія больничной кассы, существовавшей на средства рабочихъ, но не подлежавшей ихъ контролю. 18-го сентября рабочихъ вызвали къ заводу, объявили объ ихъ увольненіи, но прежде чѣмъ они успѣли разойтись, войскамъ данъ былъ приказъ стрѣлять. 11 человѣкъ было убито.

содѣйствовала тому, что сознательные польскіе рабочіе мало интересовались русскимъ движеніемъ.

Не такъ отнеслись къ русскому рабочему движенію сознательные элементы зародившагося въ сѣверо-западномъ краѣ движенія еврейскихъ ремесленныхъ подмастерьевъ и рабочихъ. Если имъ, благодаря специфическимъ условіямъ, удалось сравнительно скоро сорганизоваться и сплотиться для борьбы съ хозяевами, то столь же скоро они должны были почувствовать всю ограниченность—даже въ смыслѣ экономическихъ завоеваній—своего движенія, не дополняемаго движеніемъ рабочихъ другихъ національностей. Тѣмъ болѣе чувствовалось это безсиліе, когда поднимался вопросъ о болѣе широкихъ завоеваніяхъ, въ особенности въ сферѣ политической.

Начало еврейскаго рабочаго движенія относится къ самымъ послѣднимъ годамъ восьмого десятилѣтія прошлаго вѣка. Главный толчекъ движенію былъ данъ оживленіемъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ремесленнаго производства, явившимся результатомъ роста городовъ и расширенія потребностей городского и сельскаго населенія. Это оживленіе сказывалось, однако, для рабочихъ своей отрицательной стороной. «Начинается процессъ капитализаціи ремесла, выражающійся въ вытѣсненіи заказной работы—магазинной. Магазины захватываютъ не только мѣстные, но, благодаря развитію путей сообщенія, также и болѣе отдаленные рынки. Большинство ремеслъ попадаетъ въ зависимость отъ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ, отъ которыхъ получаетъ сырой матеріалъ и изрѣдка инструменты. Сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ становится все труднѣе, а во многихъ ремеслахъ почти невозможно. Конкурренція принимаетъ обостренный характеръ и эксплуатація доходитъ до невозможныхъ размѣровъ. Работаютъ 14—16 и даже 18 часовъ въ сутки, плата же доходитъ до 2—3 рублей въ недѣлю». На этомъ фонѣ и выросло стачечное движеніе, цѣлью котораго была борьба съ специфическими въ этой области формами эксплуатаціи, среди которыхъ самое важное мѣсто занимала sweating system. Борьба съ этой системой, съ паразитическимъ посредничествомъ потребовала здѣсь большой затраты силъ и энергіи [1]). На второмъ мѣстѣ стоитъ борьба за сокращеніе рабочаго дня. Еще въ 1892 г. виленскіе ремесленные подмастерья обращались къ мѣстной администраціи съ прошеніями, въ которыхъ напоминали о существованіи стариннаго закона екатерининскихъ временъ, установившаго 12-ти часовой рабочій день для ремесленныхъ мастерскихъ. Въ томъ же духѣ въ 1894 г. было написано коллективное прошеніе рабочихъ города Минска мѣстному губернатору. Губернаторъ вскорѣ издалъ распоряженіе объ исполненіи этого закона, и это обстоятельство послужило поводомъ для усиленной агитаціи во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, а также въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ со второй половины девяностыхъ годовъ тоже началось самостоятельное движеніе среди еврейскихъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ.

Успѣху агитаціи и послѣдовавшей за ней стачечной борьбы содѣйствовали, во-первыхъ, тѣ сознательные рабочіе, которые вышли изъ пропагандистскихъ

[1]) Въ особенности достопримѣчательна въ этомъ отношеніи борьба бѣлостокскихъ ручныхъ ткачей, ведшихъ въ теченіе 1896—98 гг. жестокую войну съ посредниками.

кружковъ, созданныхъ еврейской интеллигенціей въ началѣ девяностыхъ годовъ, и, во-вторыхъ, тѣ стачечныя кассы, которыя были созданы почти во всѣхъ ремеслахъ и группировали вокругъ себя сначала однихъ передовыхъ, а впослѣдствіи 20—40 и даже до 60% занятыхъ въ профессіи рабочихъ [1]). Въ противоположность тому, что мы видѣли въ центральной Россіи, у еврейскихъ рабочихъ движеніе не было отдѣлено отъ организаціи, организація не пришла извнѣ, а жила вмѣстѣ съ движеніемъ. Объясняется это въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что и до этого новаго движенія среди евреевъ ремесленниковъ въ каждомъ цехѣ существовало свое общество взаимопомощи, такъ называемая «хевра», въ которое одинаково входили и хозяева и подмастерья. Кромѣ того, здѣсь при зарожденіи рабочаго движенія совершенно отсутствовалъ надзоръ правительства, которое считало еврейство вообще и еврейскій пролетаріатъ въ частности въ политическомъ отношеніи величиной не реальной, а къ стачкамъ ремесленниковъ первое время относилось совершенно индифферентно. Задачи же, стоявшія передъ возникавшими здѣсь организаціями, были не столь сложны, какъ задачи, которыя приходилось разрѣшать рабочимъ крупныхъ промышленныхъ центровъ.

Ремесленные рабочіе и подмастерья явились застрѣльщиками рабочаго движенія таже и на югѣ.

За исключеніемъ Екатеринославской губерніи, развитіе крупной промышленности совершалось на югѣ довольно медленно. Въ ремеслѣ же, напротивъ, происходилъ тотъ же процессъ капитализаціи, какъ и въ сѣверо-западномъ краѣ. Это обстоятельство и здѣсь привело къ ряду стачекъ, охватившихъ въ теченіе 1897—99 гг. почти всѣ отрасли ремесла въ крупныхъ и малыхъ городахъ юга. Сравнительно хорошо оплачиваемые, болѣе развитые и болѣе культурные рабочіе крупныхъ механическихъ заведеній держатся вдали отъ остальной рабочей массы. Только мало-по-малу, благодаря наплыву пришлыхъ рабочихъ, въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ и здѣсь начинаетъ нарушаться установившееся равновѣсіе и создается почва для общихъ дѣйствій пролетаріата. Почти до самаго конца столѣтія ни въ Одессѣ, ни въ Николаевѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ не было сколько нибудь крупныхъ стачекъ. Въ Одессѣ, послѣ стачекъ табачныхъ фабрикъ зимою 1896 года, стачечное движеніе почти затихаетъ вплоть до 1900 года, когда оно приняло вдругъ эпидемическій характеръ. Въ Кіевѣ, гдѣ движеніе среди ремесленниковъ, главнымъ образомъ борьба за 12-ти часовой рабочій день, началось еще въ 1894 году, за все время самой крупной стачкой была забастовка 1000 булочниковъ въ маѣ 1900 года. Тоже самое можно сказать и о Харьковѣ, и о другихъ, менѣе крупныхъ, центрахъ юга.

Особое мѣсто въ рабочемъ движеніи юга Росссіи занимаетъ Екатеринославъ и Екатеринославская губернія, куда изумительно быстрый ростъ промышленности

---

[1]) Въ основавшійся въ 1897 г. «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ» (бундъ) вошли всѣ эти стачечныя кассы, такъ что бундъ первоначально являлся полуполитической, полупрофессіональной организаціей. Только на конференціи 1902 г. рѣшено было отдѣлить соціалдемократическія организаціи отъ профессіональныхъ, но имѣть въ послѣднихъ своихъ представителей.

въ девяностыхъ годахъ сразу стянулъ массу рабочихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Здѣсь разнузданная эксплоатація, дорожащая своимъ рабочимъ матеріаломъ гораздо меньше, чѣмъ машиной, очень мало заботящаяся не только о матеріальномъ благополучіи рабочихъ, но и объ ихъ жизни и здоровьѣ, вызвала массовые протесты, часто принимавшіе очень буйный характеръ. Только воздѣйствіе сознательныхъ рабочихъ и интеллигентской организаціи могло направить движеніе по болѣе цѣлесообразному пути.

Движеніе началось въ Екатеринославѣ лѣтомъ 1897 г. среди ремесленниковъ и выразилось въ устройствѣ боевыхъ кассъ и въ нѣсколькихъ мелкихъ стачкахъ. Слѣдующій 1898-ой годъ уже изобилуетъ стачками и волненіями среди заводскихъ рабочихъ. Въ мартѣ забастовали рабочіе Франко-русскаго завода; въ маѣ произошли волненія на томъ же заводѣ. Въ маѣ же разразился бунтъ на Брянскомъ заводѣ, во время котораго была сожжена заводская контора и разгромлены казенный винный складъ и потребительный магазинъ. Порядки, царившіе на этомъ заводѣ, и по всей вѣроятности не на немъ одномъ, раскрылись во время суда надъ 73 рабочими, арестованными послѣ вышеописанныхъ безпорядковъ. На заводѣ работало 5—7 тысячъ рабочихъ, и размѣры его увеличивались изъ года въ годъ. По показанію одного изъ служащихъ на заводѣ инженеровъ, годовой оборотъ завода составлялъ 20 милл. рублей, а чистый доходъ около 800 тысячъ. При такихъ барышахъ, каково же было положеніе рабочихъ? По показаніямъ того же инженера, вовсе не благоволившаго къ рабочимъ, законъ 2 іюня 1897 года на заводѣ не примѣнялся «по добровольному соглашенію съ рабочими». Дневной заработокъ составлялъ въ среднемъ 70 коп., а для молодого рабочаго 40—50 коп. при 12-ти часовой работѣ. Объ огражденіи машинъ никто не заботился и число несчастныхъ случаевъ доходило до ужасающихъ размѣровъ (не меньше 10 тысячъ за 15 лѣтъ). Полученіе вознагражденія за увѣчье сопряжено было съ громадными трудностями, и рабочіе старались откупаться отъ увѣчій, давая взятки мастерамъ, чтобы ихъ поставили на болѣе безопасное мѣсто. Заработокъ еще сокращался благодаря «потребительной лавкѣ» завода: товары въ этой лавкѣ продавались дороже, чѣмъ въ мелочныхъ лавкахъ, а забирать приходилось, потому что жалованье выдавалось 1—2 раза въ мѣсяцъ. Въ качествѣ заводской полиціи нанимались черкесы. Что Брянскій заводъ не былъ единичнымъ явленіемъ. показываютъ повторяющіяся при всѣхъ стачкахъ требованія о правильной организаціи медицинской помощи, о постановкѣ регистраціи несчастныхъ случаевъ, объ еженедѣльной расплатѣ, объ удаленіи грубыхъ мастеровъ и вообще о болѣе человѣчныхъ отношеніяхъ. И надо признать, что екатеринославскіе рабочіе въ этотъ періодъ своей экономической борьбы сумѣли добиться значительныхъ измѣненій къ лучшему.

Вышеописанное грандіозное стачечное движеніе, постепенно охватывавшее буквально всю Россію, не могло не вызвать вниманія правительства. Министерство финансовъ очень скоро вернулось къ своей исконной тактикѣ—не допускать уступокъ со стороны предпринимателей, пока длится стачка. Эта тактика породила цѣлую циркулярную литературу, адресованную чинамъ фабричной инспекціи, и цѣлый рядъ докладовъ фабричныхъ инспекторовъ по поводу получаемыхъ ими циркуляровъ. Въ циркулярахъ фабричнымъ инспекторамъ внушалось, что «при

возникновеніи стачки или забастовки надлежитъ принять всѣ мѣры къ убѣжденію рабочихъ немедленно возобновить прерванныя работы, разъяснивъ имъ всю строгость наказанія, которому они подвергаются за незаконныя дѣйствія, и объявивъ, что заявленія ихъ не могутъ быть принимаемы и разсматриваемы до тѣхъ поръ, пока они не приступятъ къ обычнымъ занятіямъ и не прекратятъ безпорядка, запрещеннаго закономъ, и что только по возстановленіи обычнаго порядка могутъ быть разсмотрѣны тѣ претензіи рабочихъ, которыя подлежатъ такому разсмотрѣнію на основаніи уст. о промышленности». А въ докладахъ фабричные инспектора доказываютъ, какъ старательно они выполняютъ данныя имъ указанія [1]). Съ своей стороны, и министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило примѣнять къ стачечникамъ всѣ методы полицейской расправы. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 12-го августа 1897 г. рекомендуется отмѣна суда надъ стачечниками и примѣненіе къ нимъ упрощенныхъ мѣръ административнаго воздѣйствія вплоть до ссылки въ Сибирь.

Само собою разумѣется, что въ той атмосферѣ стачечной эпидеміи, въ томъ проявившемся всеобщемъ стремленіи русскихъ рабочихъ измѣнить въ свою пользу многіе изъ архаическихъ устоевъ нашего фабричнаго уклада, нечего было думать, что подобными мѣропріятіями стачечное движеніе можетъ быть пріостановлено. Рабочихъ стали арестовывать, сажать въ тюрьмы, ссылать въ сѣверныя губерніи и Сибирь, лишая ихъ самихъ и ихъ семьи возможности найти себѣ пропитаніе. Но это только озлобляло рабочія массы и больше, чѣмъ какая бы то ни было агитація, подготовило ихъ къ активному протесту сначала противъ полицейскихъ репрессій, а затѣмъ и противъ всей политической системы. Въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ репрессій чисто экономическія стачки начинаютъ уже къ концу столѣтія принимать гораздо болѣе острый характеръ. Въ Петербургѣ во время стачки на фабрикахъ Максвеля и Паля въ декабрѣ 1898 г., когда рабочіе требовали повышенія расцѣнокъ и устраненія нѣкоторыхъ фабричныхъ непорядковъ, а отъ фабричной инспекціи — свободы стачекъ и собраній, произошло столкновеніе съ казаками и полиціей. Полиція распорядилась закрыть всѣ кухмистерскія и съѣстныя лавки на Шлиссельбургскомъ трактѣ, а казаки ворвались ночью съ 16-го на 17-ое декабря въ казармы при фабрикѣ Максвеля и произвели тамъ настоящій разгромъ... Вмѣшательство полиціи вызывало энергичный отпоръ со стороны рабочихъ. Въ Маріуполѣ, напримѣръ, произошли въ 1899 году двѣ крупныя стачки и оба раза происходили стычки рабочихъ, отстаивавшихъ своихъ вожаковъ, съ войсками. Въ Сормовѣ произошли бурные безпорядки 24 іюля 1899 года, причемъ разгромлена была квартира директора, канцелярія пристава, электрическая станція и ренсковый погребъ потребительскаго общества.

Столь же острый характеръ приняло къ концу столѣтія движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. Здѣсь латышское населеніе привыкло издавна считать своимъ главнымъ врагомъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Легальныя общества взаимопомощи

---

[1]) См. вышеуказанную книгу проф. Озерова.

гимнастическія, пѣвческія, похоронныя, которыми населеніе широко пользовалось, въ значительной мѣрѣ отъ того и терпѣлись властями, что они служили центрами антинѣмецкой пропаганды. Этимъ національнымъ шовинизмомъ питались и рабочіе, изъ которыхъ къ тому же многіе, владѣя вблизи городовъ небольшими участками, находились всецѣло подъ вліяніемъ мелкобуржуазной идеологіи. Это обстоятельство и отразилось впослѣдствіи на характерѣ рабочаго движенія этой области. Необыкновенно быстрый ростъ промышленности въ девяностыхъ годахъ привлекъ въ такіе крупные центры, какъ Рига, Либава, Митава массу разорившихся крестьянъ. Послѣдовавшее за этимъ пониженіе заработной платы и всеобщее ухудшеніе условій труда вызвали и здѣсь, начиная съ 1895 г., рядъ стачекъ, которыя приняли особенно острый характеръ весною 1899 г., когда начатая 1-го мая въ Ригѣ мирная стачка рабочихъ на джутовой фабрикѣ превратилась затѣмъ, благодаря дѣйствіямъ полиціи, во всеобщую забастовку 40 тыс. рабочихъ и закончилась разгромомъ фабрикъ, поджогами и нѣсколькими столкновеніями съ войсками. А въ Либавѣ стачка, начатая на экономической почвѣ частью рабочихъ, превратилась въ массовую рабочую демонстрацію и почти всеобщую стачку, которою рабочіе больше демонстрировали идею пролетарскаго единства, чѣмъ добивались какихъ-нибудь опредѣленныхъ экономическихъ результатовъ.

Эти послѣднія стачки находились въ связи съ предшествовавшей агитаціей въ пользу празднованія перваго мая. Идея международной солидарности пролетаріата, символомъ которой является этотъ праздникъ, встрѣтила очень живой откликъ въ сердцахъ наиболѣе угнетеннаго класса угнетенныхъ національностей нашихъ окраинъ: къ концу девяностыхъ годовъ массовыя забастовки и уличныя демонстраціи въ день перваго мая становятся довольно частымъ явленіемъ среди польскихъ, еврейскихъ и латышскихъ рабочихъ. Въ коренной же Россіи только небольшіе кружки передовыхъ рабочихъ такъ или иначе вспоминаютъ этотъ день. Исключеніе составляетъ майская демонстрація въ Харьковѣ 1900 г., которая и по времени, и по обстановкѣ стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ рабочаго движенія и которую мы предпочитаемъ разсмотрѣть въ связи съ событіями слѣдующаго періода.

1898-ымъ годомъ кончается періодъ промышленнаго подъема и наступаетъ кризисъ со всѣми сопровождающими его ужасами для рабочихъ. О наступленіи на капиталъ нечего больше думать, даже для обороны часто не хватаетъ силъ. Одновременно съ растущимъ стремленіемъ предпринимателей воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ, чтобы лишить рабочихъ плодовъ ихъ борьбы, продолжаются и усиливаются полицейскія репрессіи противъ всякой попытки самодѣятельности рабочихъ. Начинаютъ сказываться и плоды «всероссійскаго раззоренія» въ формѣ наплыва въ города ищущихъ работы голодныхъ крестьянъ. Рабочіе были поставлены такимъ образомъ передъ новой задачей.

Что же далъ имъ предыдущій періодъ, какія развилъ онъ въ нихъ силы для разрѣшенія этой задачи? Мы уже указывали на ростъ сознанія единства рабочаго класса и общности его интересовъ, на постепенное исчезновеніе цеховыхъ, религіозныхъ и національныхъ предразсудковъ, на поднятіе его умственнаго уровня, сознанія собственнаго достоинства, на ростъ его культурныхъ

потребностей. Вмѣшательство полиціи и войскъ въ стачки рабочихъ, поведеніе въ этихъ случаяхъ чиновъ фабричной инспекціи вызывало справедливое озлобленіе и пока еще смутное пониманіе недостатковъ политическаго механизма. Агитація интеллигенціи содѣйствовала распространенію соціалистическихъ и кое-какихъ политическихъ идей. Но уже съ этими идеями не все обстояло благополучно. Противопоставленіе рабочаго фабриканту не есть противопоставленіе рабочаго класса классу буржуазіи. А между тѣмъ экономическая борьба, извѣстнымъ образомъ освѣщаемая, оставила въ головахъ рабочихъ именно то неправильное представленіе, которое больше напоминаетъ сословно-крестьянское отношеніе къ помѣщику, чѣмъ классово-пролетарское пониманіе исторической роли буржуазіи. Далѣе, какъ уже было сказано, широкое массовое движеніе создало настроеніе, дало извѣстную идеальную надстройку, но не создало организаціонной базы, въ самодѣятельности которой укрѣплялись и расширялись бы вновь пріобрѣтенныя идеи. Создалось противорѣчіе между содержаніемъ и формой, между движеніемъ и его организаціей. Изъ этого противорѣчія вытекло другое. Рабочее движеніе девяностыхъ годовъ было по существу своему движеніемъ экономическимъ, а въ началѣ двадцатаго столѣтія оно становится все болѣе и болѣе политическимъ. Интеллигентская организація, руководившая прежде профессіональной борьбой, переходитъ теперь къ руководству борьбой политической, совершенно пренебрегая экономическими столкновеніями. Среди самихъ рабочихъ, какъ мы уже указывали, предыдущій періодъ не выработалъ сколько нибудь вліятельныхъ организацій, способныхъ руководить экономическимъ движеніемъ рабочихъ. А между тѣмъ въ широкихъ массахъ временами ощущалась сильная потребность въ организаціи, которая руководила бы всѣми видами профессіональной борьбы. Отсюда и это новое противорѣчіе между политическими и экономическими задачами рабочаго класса. Наконецъ, борьба за политическое преобразованіе Россіи не могла вестись однимъ рабочимъ классомъ: ему нужны были союзники, которые находились еще in statu nascendi, которыхъ надо было еще разбудить къ политической жизни, а чисто экономическая борьба этой задачи выполнить не могла. Оказалось, что не пролетарское, а студенческое движеніе стало выполнять эту задачу и увлекло даже за собой и наиболѣе активные ряды пролетарской арміи.

«Студенческое движеніе 1899 г. произвело на костромскихъ рабочихъ сильное впечатлѣніе и среди нихъ шли усиленные толки о томъ, чего хотятъ студенты и за что ихъ высылаютъ. Литература, въ которой говорилось о студенческомъ движеніи, читалась рабочими на расхватъ. «И отчего это студенты къ намъ, рабочимъ, не обратятся? мы бы ихъ поддержали»,—говорили по поводу студенческихъ безпорядковъ костромскіе рабочіе». Такія же извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ студенческимъ движеніемъ на рабочихъ, шли изъ Твери, Иванова-Вознесенска, многихъ городовъ Поволжья. Въ Харьковѣ «демонстраціи студентовъ, взбудоражившія весь городъ и вызвавшія общее сочувствіе харьковскаго населенія, нашли особенно живой откликъ въ рабочей средѣ. Аресты сотенъ демонстрантовъ и препровожденіе ихъ подъ конвоемъ въ тюрьмы, проводы высылаемыхъ студентовъ, дышавшія бодростью и призывомъ къ борьбѣ рѣчи, произносимыя студентами на вокзалѣ,—захватывали рабочихъ, и среди 2—3 ты-

сячной толпы, нерѣдко собиравшейся на вокзалѣ для проводовъ высылаемыхъ, всегда были многія сотни рабочихъ, открыто выражавшихъ свое сочувствіе студентамъ». Во всѣхъ студенческихъ демонстраціяхъ 1901 (въ февралѣ—въ Харьковѣ и Москвѣ, въ мартѣ—въ Петербургѣ и Казани, въ сентябрѣ—въ Кишиневѣ и въ декабрѣ—въ Екатеринославлѣ) и 1902 годовъ (въ февралѣ въ Кіевѣ и Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ) рабочіе принимаютъ очень дѣятельное участіе. Такъ въ Харьковѣ демонстрація «была устроена въ день сорокалѣтія освобожденія крестьянъ и организована студентами. Сначала собралось всего человѣкъ 60 студентовъ, но они были избиты казаками и арестованы. Вѣсть объ ихъ арестѣ быстро разнеслась по всему городу, и на мѣсто демонстраціи собралось много заводскихъ рабочихъ, ремесленниковъ и сочувствующей публики. Во время пѣсенъ опять налетѣли казаки и сильно избили всѣхъ демонстрантовъ. Демонстрація продолжалась до самой ночи. Нѣсколько разъ возобновлялась свалка съ полиціей. Рабочіе защищались кольями. Арестовано было до 200 человѣкъ». Въ Москвѣ иниціатива демонстраціи въ февралѣ 1901 года также принадлежитъ студентамъ. «Съ 23 февраля начались студенческія волненія, вызванныя отдачею нѣсколькихъ петербургскихъ и кіевскихъ студентовъ въ солдаты за участіе въ безпорядкахъ. Студенты и курсистки собирались около университета, требовали возвращенія товарищей съ военной службы, отмѣны временныхъ правилъ и возстановленія университетскаго устава 1863 года. На другой день, 24 февраля, къ студентамъ примкнуло много рабочихъ; весь день прошелъ очень бурно, въ большихъ сходкахъ передъ домомъ оберъ-полиціймейстера и въ многолюдныхъ процессіяхъ (больше 2.000 человѣкъ), шествовавшихъ по всему городу. Казаки много разъ атаковали толпу и били ее нагайками. Рабочіе пытались освободить арестованныхъ и заключенныхъ въ манежѣ студентовъ и уже выломали двери, но были разсѣяны нагайками казаковъ и конныхъ жандармовъ. 25 февраля возбужденіе достигло высшей степени, и десятки тысячъ рабочихъ и мастеровыхъ приняли участіе въ демонстраціяхъ. Утромъ демонстранты задержали натискъ казаковъ, мчавшихся во весь опоръ, устроивъ баррикаду изъ бульварныхъ скамеекъ. Демонстрація продолжалась цѣлый день, происходили много разъ стычки съ полиціей и казаками, и много разъ демонстрантамъ удавалось отбивать казаковъ... Демонстраціи происходили въ пяти мѣстахъ города, баррикады тоже устраивались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пѣлись революціонныя пѣсни и выкидывались революціонныя красныя знамена».

Само собою разумѣется, что въ этой атмосферѣ всеобщаго броженія рабочіе не ограничивались только участіемъ въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ студентами. Значительное количество демонстрацій было устроено и самими рабочими или руководящими ими организаціями, въ большинствѣ случаевъ въ связи съ явленіями, болѣе близко касающимися рабочихъ. Забастовки въ день перваго мая стали въ этотъ періодъ почти обычнымъ явленіемъ; нерѣдко эти забастовки сопровождались демонстраціями. Выше уже было упомянуто о первой значительной первомайской демонстраціи на югѣ Россіи, о харьковской демонстраціи 1900 г. Въ этотъ день въ Харьковѣ бастовали всѣ механическіе рабочіе и большинство ремесленныхъ рабочихъ (типографскіе рабочіе, портные, булочники, кондитерскіе рабочіе, заготовщики, столяры и пр.). Вслѣдствіе недочетовъ въ

организаціи единой демонстраціи не вышло: въ одномъ мѣстѣ демонстрировали съ красными знаменами 2000 заводскихъ рабочихъ, въ другомъ—3000 рабочихъ района желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Арестъ 150 человѣкъ изъ среды послѣднихъ привелъ къ новой внушительной демонстраціи у тюрьмы. 2-го мая желѣзнодорожные рабочіе потребовали освобожденія арестованныхъ и продолженіемъ стачки добились этого. Однако, между 17 и 24 мая вновь были арестованы 50 человѣкъ рабочихъ и на этотъ разъ новыя стачки ни къ чему не привели Въ связи съ возбужденіемъ, произведеннымъ этими событіями и взбудорожившимъ всѣхъ харьковскихъ рабочихъ, возникло стачечное движеніе въ цѣломъ рядѣ предпріятій, продолжавшееся почти весь май и давшее очень мало положительныхъ результатовъ.

Въ 1901 году первомайскія демонстраціи были въ Тифлисѣ, Харьковѣ, Симферополѣ и Петербургѣ. Въ первомъ изъ упомянутыхъ городовъ стачечное движеніе, сначала мирно развиваясь при нѣкоторомъ «попустительствѣ» мѣстныхъ властей, благосклонно смотрѣвшихъ на борьбу рабочихъ за экономическія улучшенія, а затѣмъ все болѣе и болѣе обостряясь подъ вліяніемъ развитія движенія въ коренной Россіи, къ которому весьма чутко прислушивались всѣ угнетенныя національности этой окраины, постепенно принимало все болѣе и болѣе политическій характеръ [1]); въ демонстраціи 1901 года приняли участіе 3000 рабочихъ, прошедшихъ черезъ весь городъ съ красными знаменами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; демонстранты были избиты нагайками, но они очень энергично защищались, такъ что раненые были съ обѣихъ сторонъ. Въ Петербургѣ празднованіе перваго мая привело къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ рабочихъ съ войсками и полиціей въ двухъ разныхъ концахъ города — на Выборгской сторонѣ и на Шлиссельбургскомъ трактѣ. На Выборгской сторонѣ 4 мая забастовали ткачи нѣсколькихъ фабрикъ; противъ нихъ были двинуты солдаты и полиція; рабочіе забаррикадировались въ двухъ переулкахъ и, выбитые оттуда, продолжали оказывать сопротивленіе въ своихъ квартирахъ. На Шлиссельбургскомъ трактѣ 3000 рабочихъ Обуховскаго завода построили баррикады и встрѣтили солдатъ градомъ каменьевъ. Солдаты открыли огонь, и 6 человѣкъ рабочихъ было убито, а 8 тяжело ранено. 37 человѣкъ были преданы суду, причемъ двое были приговорены къ каторжнымъ работамъ, 20 человѣкъ—къ арестантскимъ ротамъ, семеро—къ тюремному заключенію и 8—оправдано. Въ 1902 году майскія демонстраціи состоялись въ Баку (5000 чел.), Харьковѣ, Сормовѣ (сопровождалась разгромомъ) и Саратовѣ (стычка съ полиціей, арестъ 50 человѣкъ и судъ), а въ 1903 г. въ Томскѣ (5000 чел., стычка съ солдатами), Смоленскѣ Тифлиссѣ, Сормовѣ, Ѳеодосіи, Тулѣ, Костромѣ (баррикада и кровавое столкновеніе съ войсками), Баку (10 тысячъ участниковъ, нѣсколько столкновеній съ полиціей) и др.

Несмотря на промышленный кризисъ, не прекращалось въ это время и стачечное движеніе, вызванное стремленіемъ предпринимателей свалить на плечи рабочихъ послѣдствія кризиса, возвращеніемъ къ старымъ вычетамъ, штрафамъ,

[1]) Причемъ здѣсь, какъ и вообще на Кавказѣ, а также въ Прибалтійскомъ краѣ, движеніе болѣе, чѣмъ въ коренной Россіи, органически слито съ организаціей.

произвольнымъ расцѣнкамъ и т. д. Значительное участіе въ этомъ стачечномъ движеніи приняли рабочіе, раньше движеніемъ незатронутые, а также рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, недовольные ухудшеніемъ условій труда и усиленіемъ гнета со стороны администраціи; вліяло, конечно, и общее возбужденіе въ рабочей средѣ. Еще въ декабрѣ 1898 г. произошла крупная стачка на Закавказской жел. дорогѣ. Въ стачкѣ приняли участіе нѣсколько тысячъ рабочихъ жел. дор. мастерскихъ, кондукторовъ, машинистовъ и друг. Вызвана была эта стачка тѣмъ, что послѣ выкупа дороги казной, многія льготы, которыми пользовались раньше рабочіе, были отняты. Министръ путей сообщенія распорядился удовлетворить требованія стачечниковъ, что не помѣшало мѣстной администраціи произвести многочисленные аресты. Мы уже выше видѣли, какую активную роль играли жел.-дор. рабочіе при первомайской демонстраціи въ Харьковѣ въ 1900 г. Въ слѣдующемъ 1901 году стачки на жел.-дор. мастерскихъ происходятъ въ Саратовѣ, Тамбовѣ, опять въ Саратовѣ, Тифлисѣ; въ 1902 г.—въ Красноярскѣ, гдѣ первая стачка была въ 1899 г. и откуда рабочее движеніе распространялось по всей линіи Сибирской жел. дороги, и въ мастерскихъ Владикавказской жел. дор. въ Ростовѣ-на-Дону; въ 1903 г.—въ Варшавскихъ жел. дор. мастерскихъ въ С.-Петербургѣ и въ обществѣ юго-восточн. жел. дорогъ въ Борисоглѣбскѣ. Почти вездѣ повторялись одни и тѣ же требованія—сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ, повышенія расцѣнокъ, отмѣны штрафовъ, удаленія того или иного грубаго мастера.

Начинается въ это время стачечное движеніе и въ Донецкомъ бассейнѣ. Еще въ серединѣ девяностыхъ годовъ здѣсь, преимущественно въ Славяносербскомъ уѣздѣ, происходили бунты шахтеровъ, принявшіе грандіозные размѣры. Шахтеры одной изъ шахтъ изломали вагончики, спустили машину, сбили помпы, рубили лавки, разгромили контору, потомъ пошли по сосѣднимъ шахтамъ, а затѣмъ по селамъ; мѣстные крестьяне, относившіеся довольно враждебно къ шахтерамъ, какъ элементу чуждому и весьма неспокойному, «дубьемъ» помогали ихъ усмиренію. Въ 1900 году тысяча рудокоповъ устроили стачку, выставивъ очень умѣренныя требованія; но и эта стачка кончилась разгромомъ, вызваннымъ поведеніемъ казаковъ. Промышленный кризисъ, захватившій прежде всего и больше всего металлургическую и угольную промышленность, страшно ухудшилъ положеніе здѣшнихъ рабочихъ, лишивъ куска хлѣба многія тысячи. Въ теченіе 1903 года нерѣдки, поэтому, безпорядки на почвѣ споровъ о высотѣ заработной платы. Въ то же время здѣсь начинается планомѣрная соціалистическая агитація, которая въ этой забитой и измученной рабочей массѣ встрѣчаетъ явное сочувствіе, но, благодаря децентрализаціи здѣшняго производства, отсутствію интеллигенціи во всемъ краѣ, громадному преобладанію среди рабочихъ очень сѣрой деревенщины, само движеніе остается разрозненнымъ.

Совершенно другую картину представлялъ въ это время Кавказъ. За Тифлисомъ, о которомъ рѣчь была уже выше и гдѣ грузинскій пролетаріатъ сразу воспользовался своими экономическими завоеваніями, создавъ постоянныя, правильно функціонировавшія рабочія кассы, послѣдовали Батумъ, Баку, Чіатуры, даже такой захолустный городъ, какъ Кутаисъ. Здѣсь все кипѣло и бурлило: стачки смѣнялись демонстраціями, демонстраціи—стачками. Въ Батумѣ особенно

бурный характеръ приняла стачка на зав. Ротшильда въ мартѣ 1902 г. Изъ-за попытки уволить нѣсколько сотъ старыхъ рабочихъ здѣсь началась стачка 26 февраля. Вмѣшалась администрація, арестовавшая «зачинщиковъ» въ ночь на 8 марта. Утромъ 8 марта къ полицейскому управленію явилась толпа рабочихъ человѣкъ въ 400 и потребовала освобожденія товарищей или собственнаго ареста. Ихъ арестовали. Тогда на другой день толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, собравшись около пересыльной тюрьмы, потребовала того же. Были вызваны войска, произошла свалка, въ которой 14 человѣкъ рабочихъ было убито и человѣкъ 60—80 ранено.

Въ Баку пестрый національный составъ рабочаго населенія, многоязычіе, различіе культуры сильно мѣшали объединенію рабочихъ; но тѣмъ не менѣе, благодаря однообразію условій труда, вліянію высылаемыхъ сюда рабочихъ изъ промышленныхъ центровъ, а также благодаря полному отсутствію какихъ бы то ни было заботъ со стороны предпринимателей о жизни и здоровьѣ рабочихъ, рабочее движеніе въ сравнительно короткое время приняло весьма внушительные размѣры, и въ рядѣ стачекъ и демонстрацій заложены были элементы для той всеобщей стачки, которая разыгралась лѣтомъ 1903 г. на всемъ югѣ и въ которой бакинскіе рабочіе играли какъ бы роль застрѣльщика.

Чисто стачечное движеніе этого періода носила тотъ же характеръ, какъ и въ предыдущую эпоху, развиваясь или въ отрасляхъ раньше движеніемъ не затронутыхъ, или тамъ, гдѣ не сказывалось вліяніе кризиса (напримѣръ въ казенныхъ предпріятіяхъ), или, наконецъ, тамъ, гдѣ предпринимательская алчность превосходила всякія мѣры терпѣнія. Но вообще говоря, вниманіе передового слоя пролетаріата концентрируется на демонстраціяхъ. Эта форма протеста противъ вѣкового гнета была, какъ мы видѣли, впервые дана студенчествомъ, и отъ нихъ уже заимствована рабочими. Когда демонстрація соединялась съ какимъ-нибудь событіемъ, волновавшимъ умы пролетаріевъ, будь то какая-нибудь крупная стачка, или первомайское празднество, или даже арестъ товарищей,— тотда она носила преимущественно пролетарскій характеръ. Такова именно была харьковская демонстрація 1-го мая 1900 года, петербургскія столкновенія въ маѣ 1901 года, всѣ кавказскія домонстраціи 1902—1903 г., костромская демонстрація въ маѣ 1903 г., и таковой же была извѣстная ростовская стачка въ ноябрѣ 1902 г. Для демонстраціоннаго періода ростовская стачка столь же характерна, какъ петербургскія стачки 1896—97 г.г. для предыдущаго періода. Можно даже указать нѣкоторыя общія черты у обоихъ событій: быстрое наростаніе участниковъ, растерянность администраціи, роль организаціи и рядомъ съ этимъ черты новой эпохи — болѣе возбужденное настроеніе, значительное сочувствіе и даже участіе непролетарскихъ слоевъ, иная форма и иное содержаніе агитаціи и т. д. Все это побуждаетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой стачкѣ.

Ростовъ-на-Д. отнюдь не является центромъ фабрично-заводской промышленности. Вмѣстѣ съ Нахичеванью онъ насчитывалъ въ 1900 г. около 10 тыс. фабрично-заводскихъ рабочихъ, что составляло около 9% всего населенія. Преобладали фабрики табачныя, на которыхъ работаютъ главнымъ образомъ женщины, забитыя, неграмотныя и невѣжественныя. Слѣдующее мѣсто занимаетъ желѣзодѣлательная промышленность, обслуживающая главнымъ образомъ нужды

сельскаго хозяйства и сосредоточенная во множествѣ мелкихъ заводовъ и мастерскихъ. На табачныхъ фабрикахъ былъ очень длинный рабочій день и низкая плата; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ плата падала, начиная съ 1892—93 гг. Рабочіе этихъ заводовъ всѣ грамотны и въ большинствѣ своемъ состоятъ изъ людей пришлыхъ или побывавшихъ въ другихъ мѣстахъ. Наиболѣе активнымъ элементомъ являлись здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Къ первому маю 1901 года здѣсь впервые появились прокламаціи и произвели совершенно различный эффектъ въ двухъ главныхъ группахъ рабочихъ: тогда какъ рабочіе желѣзодѣлательныхъ заводовъ стали толковать о томъ, какъ бы имъ устроить демонстрацію, табачники и примыкающіе къ нимъ, отнесясь также весьма сочувственно къ требованію восьмичасового рабочаго дня, ждали, что какіе-то таинственные «они», которые «о насъ заботятся, сократить день хотятъ», зайдутъ за ними, и рабочіе всѣхъ фабрикъ пойдутъ въ степь съ красными флагами.

Ноябрьская стачка началась по незначительному поводу. Въ субботу 2 ноября забастовали котельщики въ главныхъ мастерскихъ котельнаго цеха. Причина стачки—обсчитываніе со стороны мастера. 4 ноября къ стачкѣ примкнули рабочіе остальныхъ цеховъ, выставивъ требованіе сокращенія рабочаго дня до 9 часовъ, повышенія заработной платы на 20%, отмѣны штрафовъ за неявку на работу, вѣжливаго обращенія со стороны мастеровъ, школы для дѣтей рабочихъ и т. д. Пятаго числа въ мастерскихъ состоялась сходка, на которой участвовало до 6 тысячъ (желѣзнодорожныхъ рабочихъ всего около 4 тысячъ) и было рѣшено продолжать забастовку, а демонстраціи пока не устраивать. На другой день опять сходка, гдѣ выступаютъ ораторы съ рѣчами на политическія темы. Организація сдѣлала попытку распространить стачку и на другія заведенія. Но первые дни приставали туго. Зато стачка быстро разрослась по линіи жел. дороги: въ первые же дни пристали къ стачкѣ рабочіе Тихорѣцкой [1]) и Новороссійска. Съ 8 ноября сходки были перенесены въ Балку за поселеніемъ Темерникъ, и съ этого времени движеніе быстро охватываетъ весь городъ и окрестности. Въ теченіе 5 дней на собраніяхъ участвуетъ весь городъ; торговля прекращена; монополія, ренсковые погреба, трактиры закрыты; закрыто и большинство лавокъ. Девятаго ноября прибылъ наказной атаманъ съ полкомъ донскихъ казаковъ, но, несмотря на просьбы купечества и фабрикантовъ, не рѣшается принять строгихъ мѣръ. На собраніяхъ толпа жаждетъ политическихъ рѣчей и только ихъ, хотя раньше, когда собранія происходили въ депо, пожилые рабочіе протестовали противъ политики. Десятаго, по желанію атамана, къ нему была отправлена делегація, но онъ ей отвѣтилъ, что требованія рабочихъ незаконны, а введеніе девятичасового рабочаго дня еще несвоевременно. Собраніе

---

[1]) Рабочіе жел.-дорож. мастерскихъ на стан. Тихорѣцкой еще весной того года произвели разгромъ станицы, разрушили станичное правленіе, желѣзнодорожную станцію, избили полицію и казаковъ. Вызвано было это бурное выступленіе рабочихъ извѣстнымъ, нашумѣвшимъ тогда дѣломъ Золотовой, молодой дѣвушки, подвергшейся, какъ утверждала всеобщая молва, въ сторожкѣ при станицѣ Тихорѣцкой ряду изнасилованій и покончившей тамъ же жизнь самоубійствомъ.

слѣдующаго дня было спеціально разрѣшено, чтобы передать рабочимъ отвѣтъ атамана. Въ этотъ день — это было воскресенье — въ Балкѣ собралось до 30 тысячъ народу; присланы были представители отъ рабочихъ изъ Екатеринодара, Ставрополя, Тихорѣцкой, Батайска и Таганрога. Принято было рѣшеніе на работу не идти. Въ понедѣльникъ Балка была съ утра занята казаками. Между прибывшими на сходку рабочими и казаками произошла свалка; казаковъ удалось оттѣснить и сходка состоялась. Но съ этого дня интересъ городского населенія къ стачкѣ падаетъ, тогда какъ стачечная волна продолжаетъ подниматься все выше и выше. Собранія на Балкѣ продолжались, все еще очень многочисленныя, но теперь носящія почти исключительно пролетарскій характеръ. 14 ноября къ стачкѣ присоединились пекаря и одинъ изъ нихъ выступилъ ораторомъ; выставили также своихъ ораторовъ работницы табачныхъ фабрикъ. Но 15-го числа всѣмъ собраніямъ положенъ былъ конецъ: Темерникъ былъ наводненъ войсками и отрѣзанъ отъ города цѣпью казаковъ, никого не пропускавшихъ... Стачка стала постепенно затихать; 25-го принялись за работу рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, не добившись никакихъ уступокъ: дѣлать уступки стачечникамъ было запрещено администраціей.

Таковъ этотъ наиболѣе яркій эпизодъ изъ періода демонстрацій, которому мы теперь можемъ подвести кое-какіе итоги. Первыя демонстраціи явились слѣдствіемъ усиленія политическаго броженія въ рядахъ демократической интеллигенціи, но встрѣтили также большое сочувствіе въ наиболѣе сознательной и наиболѣе активной части рабочихъ, которой удалось увлечь за собою и остальную рабочую массу, ставшую, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса и острой безработицы, болѣе воспріимчивой къ политической и соціалистической агитаціи. Участіе рабочихъ массъ въ демонстраціяхъ придало этимъ послѣднимъ широкій народный характеръ и привлекало къ нимъ вниманіе все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ, воспринимавшихъ такимъ образомъ опредѣленные политическіе лозунги и начинавшихъ видѣть въ пролетаріатѣ наиболѣе преданныхъ и самоотверженныхъ борцовъ за политическую свободу. Рядомъ съ этимъ въ самомъ пролетаріатѣ выросло и усилилось то элементарное чувство классовой солидарности, которое вообще весьма быстро воспринимается всѣми угнетенными и борющимися группами, съ той разницей, что у рабочихъ это чувство освящалось соціалистическимъ идеаломъ, въ тотъ періодъ нашедшимъ свое выраженіе въ первомайскихъ демонстраціяхъ.

Но новый періодъ не разрѣшилъ тѣхъ противорѣчій въ рабочемъ движеніи, которыя были созданы предыдущей исторіей, и прибавилъ къ нимъ новыя. Демонстраціи не уничтожили, а усугубили противорѣчіе между движеніемъ и организаціей.

Если экономическая борьба все же вызывала въ рабочихъ потребность въ созданіи кассъ борьбы, то демонстраціи, само собой разумѣется, такой потребности не будятъ и не вызываютъ. Организація демонстраціи требуетъ совершенно другой сноровки, другихъ пріемовъ, чѣмъ организація стачки, слѣдовательно, ведетъ къ усиленію организаціи профессіональныхъ революціонеровъ за счетъ организаціи рабочихъ. Во время стачечной борьбы необходимо было близко вникнуть въ жизнь рабочихъ, въ фабричные порядки, а въ эпоху демонстрацій

оказалось возможнымъ довольствоваться чисто абстрактной агитаціей противъ существующаго строя. По внѣшнему эффекту удачныя демонстраціи, конечно, импонировали больше, чѣмъ экономическія стачки, и организаціи, оторванныя отъ массы, чуждыя ея повседневной жизни, пріучались цѣнить свои успѣхи этими внѣшними эффектами. Фактически этотъ эффектъ получался все рѣже и рѣже, такъ какъ гораздо легче рѣшить устроить въ опредѣленный день и часъ демонстрацію, чѣмъ привлечь на нее массу. Къ концу описываемаго періода сами организаціи почувствовали свою безпомощность, но они были безсильны выйти изъ этого положенія, изъ котораго ихъ вывела только новая волна общенароднаго движенія.

Мы видѣли, однако, что стачки не совсѣмъ прекратились, что, вопреки кризису, рабочимъ даже удается во многихъ мѣстахъ удержать свои старыя позиціи, а кое-гдѣ и добиться нѣкоторыхъ улучшеній [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что это было возможно только благодаря политическимъ манифестаціямъ рабочихъ, привлекавшимъ къ нимъ симпатіи даже такихъ элементовъ, какъ директора заводовъ и фабрикъ, инженеры, техники и другіе представители фабрично-заводской администраціи. Но организаціи, руководившія борьбой пролетаріата, увлеченныя чистой политикой, совершенно не обращали вниманія на эту сторону дѣла, какъ вообще мало обращали вниманія на всю экономическую борьбу. Если въ предыдущій періодъ пытались дѣлать хоть кой-какіе жалкіе политическіе выводы, основываясь на ходѣ экономической борьбы (требовали свободы стачекъ, свободы собраній), то теперь экономическая борьба перестала совершенно интересовать передовыхъ рабочихъ и интеллигенцію, засѣдавшихъ въ руководящихъ организаціяхъ, и факты экономической борьбы перестаютъ давать матеріалъ для освѣщенія политики [2]). А рабочія массы? Неорганизованныя, не участвуя совершенно въ закулисной работѣ, подготовляющей всѣ политическія манифестаціи, онѣ могутъ протестовать противъ принятыхъ безъ ихъ вѣдома рѣшеній чисто стихійно, не появляясь на тѣ манифестаціи, цѣль которыхъ имъ мало понятна. Это создаетъ взаимное неудовольствіе — рабочихъ организаціей и организаціи рабочими — и углубляетъ пропасть между обоими.

Далѣе, политическое выступленіе рабочихъ привлекло къ нимъ, какъ уже было упомянуто, симпатіи огромнаго большинства городского населенія. Въ демонстраціяхъ принимаютъ участіе не одни рабочіе, а иногда онѣ происходятъ при полномъ отсутствіи рабочихъ. Но въ моментъ всеобщаго возбужденія крайніе лозунги, выставленные рабочими принимаются всѣми. Это создавало иллюзію такой силы рабочаго класса, какой онъ на самомъ дѣлѣ не обладалъ. Обстановка всеобщаго сочувствія содѣйствовала и тому, что среди угнетенныхъ національностей, въ особенности тѣхъ, у которыхъ классовыя противорѣчія не достигли еще большого напряженія, пролетарское движеніе именно въ этотъ періодъ воспринимало въ себя многіе элементы мелкобуржуазнаго націонализма.

И напротивъ того, оно было свободно въ этотъ періодъ—отъ увлеченія аграрнымъ соціализмомъ. Въ 1902 году произошли первыя, послѣ восьмидесятыхъ годовъ, крупныя аграрныя волненія въ Полтавской и Харьков-

[1]) См. таблицы въ концѣ статьи.

[2]) На эти недочеты въ то время указывала газета «Искра».

ской губерніяхъ. Они произвели огромное впечатлѣніе на интеллигенцію, но остались почти безъ всякаго вліянія на настроеніе рабочаго класса, который продолжалъ сосредоточивать свое вниманіе на городѣ, а не на деревнѣ. Общій политическій подъемъ помогъ рабочимъ перенести промышленный кризисъ безъ особенно большихъ потерь: городъ все еще сулилъ имъ больше, чѣмъ деревня.

Непосредственнымъ завершеніемъ демонстраціоннаго періода явилась всеобщая стачка, охватившая лѣтомъ 1903 года почти всѣ промышленные центры юга Россіи. Всеобщее возбужденіе и напряженное настроеніе рабочихъ массъ, озлобленіе за преслѣдованія и жестокіе приговоры участникамъ демонстрацій, вѣра въ свои силы и въ близкое лучшее будущее—все это толкало рабочихъ на протестъ, болѣе внушительный, чѣмъ были демонстраціи, въ самое послѣднее время привлекавшія только небольшія группы сознательныхъ рабочихъ. Къ тому же дѣла промышленниковъ начинали поправляться, и у рабочихъ явилось естественное желаніе вернуть все то, что было уже отнято во время кризиса. Идея всеобщей стачки со времени ростовскихъ событій носилась въ воздухѣ. Рабочіе, можетъ быть и смутно, но сознавали, что вопросы экономическаго улучшенія ихъ положенія тѣсно сплелись съ вопросомъ политическимъ, что дѣло въ данномъ случаѣ не въ продолжительной забастовкѣ, истощающей карманы предпринимателей, а въ импозантной демонстраціи, которая заставила бы всѣхъ и вся прислушаться къ требованіямъ рабочихъ. Этому не противорѣчитъ то, что рабочіе во многихъ мѣстахъ въ самомъ началѣ стачки протестовали противъ внесенія политики: ибо это были протесты не противъ сути, а противъ словъ, для нихъ еще не привычныхъ.

Кромѣ этого общаго настроенія, приведшаго къ стачкѣ, имѣлись, конечно, повсюду частные поводы. Но характерно для этого движенія именно то, что какъ бы мелки ни были эти поводы, они въ конечномъ счетѣ создавали огромную волну, охватывавшую десятки тысячъ рабочихъ. Этому разливу стачечной волны въ значительной степени содѣйствовала растерянность администраціи, которая вообще терялась всякій разъ, когда движеніе проявлялось въ какой-нибудь новой непривычной формѣ.

Началось стачечное движеніе въ Баку, гдѣ скопилось много горючаго матеріала. Во второй половинѣ іюня забастовали рабочіе въ мастерской Хатисова, требуя повышенія расцѣнковъ, пониженныхъ при началѣ кризиса. Хатисовъ обѣщалъ исполнить требованія рабочихъ, но потомъ обманулъ ихъ. Обманъ вызвалъ новую стачку; тогда Хатисовъ передалъ свои заказы другимъ мастерскимъ. Это вызвало рядъ новыхъ стачекъ и, начиная съ 3-го іюля, движеніе растетъ съ неимовѣрной быстротой. 4-го и 5-го числа группа рабочихъ стала ходить по заводамъ и останавливать ихъ. «Утромъ 5-го числа толпа рабочихъ отправилась въ Балаханы и въ какіе нибудь 3 часа всѣ промыслы съ десятками тысячъ рабочихъ были остановлены. Сопротивленія не оказывалось. Движеніе захватило 30 — 40 тысячъ и однако сдержанность, спокойствіе и порядокъ во все время стачки поразительны... 5-го числа остановилась конка, бросили работу

типографскіе рабочіе, пересталъ дѣйствовать телефонъ между Баку и Балаханами, остановилась станція электрической силы... Опрѣснитель работалъ съ разрѣшенія рабочихъ... Слабость и малочисленность полиціи и войскъ осудили ихъ на роль наблюдателей». Все время происходили огромныя многотысячныя собранія подъ открытымъ небомъ, и полиція не мѣшала. Дольше всѣхъ бастовали рабочіе промысловъ, добивавшіеся цѣлаго ряда измѣненій въ условіяхъ найма и главнымъ образомъ разрѣшенія въ сколько-нибудь удовлетворительной формѣ наиболѣе наболѣвшаго вопроса—жилищнаго, тогда какъ заводскіе рабочіе, не выставившіе почти никакихъ требованій, скоро прекратили забастовку. На собраніи 7-го іюля, на которомъ присутствовало до 10 тысячъ промысловыхъ рабочихъ, члены Совѣта Съѣзда Нефтепромышленниковъ предложили рабочимъ свое посредничество для улаженія конфликта совмѣстно съ делегатами отъ рабочихъ. По 10-го числа въ Баку прибыли новыя войска, при помощи которыхъ возстановлено было движеніе конки и движеніе товарной станціи. Предприниматели отъ переговоровъ отказались. 14-го іюля въ 11 час. ночи на промыслахъ вспыхнулъ пожаръ, а какъ только его успѣли потушить, вспыхнулъ новый пожаръ на другомъ промыслѣ и т. д. втеченіе сутокъ горѣли балаханскіе промысла. 17 и 18 іюля стачка окончательно прекратилась. Нѣкоторыя требованія были удовлетворены.

Подъ впечатлѣніемъ бакинской стачки и для ея поддержанія забастовали рабочіе Тифлиса (14 іюля) и Батума (17 іюля). Въ Тифлисѣ первыми забастовали рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, приказчики и мелкія мастерскія.

Одесская забастовка по времени совпала съ бакинской и во многихъ отношеніяхъ представляетъ ея копію: тѣ же толпы рабочихъ, расхаживающія по городу и прекращающія работу во всѣхъ мастерскихъ, на всѣхъ заводахъ; тѣ же многотысячныя собранія подъ открытымъ небомъ, то же воодушевленіе и та же сдержанность рабочей массы. Впрочемъ та же картина повторилась и во всѣхъ другихъ южныхъ городахъ — въ Кіевѣ, Николаевѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, гдѣ извѣстія о бакинскихъ и одесскихъ событіяхъ вызвали рабочихъ на такія же стачки больше для выраженія чувства солидарности и преданности общему дѣлу, чѣмъ во имя какихъ нибудь опредѣленныхъ экономическихъ завоеваній. Не обошлись эти стачки и безъ человѣческихъ жертвъ. На станціи Михайловка во время столкновенія со стражниками убито и ранено было 36 человѣкъ. Въ Кіевѣ было два столкновенія съ войсками: 23 іюля, на третій день стачки, около паровознаго депо, гдѣ было убито 4 рабочихъ и ранено 20, и 25-го іюля на Подолѣ, гдѣ опять оказалось 3 человѣка убитыхъ и очень много раненыхъ. Были убитые и раненые въ Екатеринославѣ и Керчи, тогда какъ въ другихъ городахъ, охваченныхъ стачкой, были массовыя избіенія, издѣвательства и т. под. Что эти мѣры не успокаивали рабочихъ, не мирили ихъ съ существующими порядками, само собою разумѣется. Въ Кіевѣ стачка стала всеобщей послѣ первыхъ выстрѣловъ у депо, причемъ рабочіе сами объясняли: «Вчера на вокзалѣ стрѣляли, а сегодня мы не будемъ работать; какъ не бунтовать? На фабрикахъ прижимки и обирательство, кругомъ—всякое нахальство».

Постепенно возбужденіе улеглось и рабочіе стали возвращаться къ своимъ работамъ. Движеніе, вызванное общимъ настроеніемъ протеста, безъ какой либо опредѣленной, ясно сознанной цѣли, не могло продолжаться долго.

На сѣверѣ, т. е. въ Петербургѣ и Москвѣ, около этого же времени начались попытки созданія легальныхъ рабочихъ организацій, — попытки, связанныя въ исторіи рабочаго движенія съ именемъ Зубатова.

Принято представлять Зубатова, какъ deum ex machina, который появился на сцену для того, чтобы отвлечь рабочихъ отъ политики и соціализма. Нѣтъ сомнѣнія, что Зубатовъ и его ближайшіе помощники именно съ такими планами носились, но нѣтъ также никакого сомнѣнія, что одновременное возникновеніе довольно обширныхъ рабочихъ организацій въ Москвѣ, Одессѣ, Минскѣ, Николаевѣ, Елизаветградѣ, Перми и др. не можетъ быть объяснено однимъ коварствомъ жандармовъ. Рабочіе не могли не чувствовать необходимости заполнить пропасть, существовавшую между ихъ движеніемъ и подпольной организаціей интеллигентовъ; они не могли не сознавать, что многіе изъ ихъ потребностей остаются неудовлетворенными, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ организацій. Правда, такія организаціи, какія нужны были рабочимъ, были запрещены закономъ, но пока массовыхъ попытокъ не было сдѣлано, у наиболѣе оппортюнистически настроенныхъ рабочихъ должна была сохраниться надежда на всякіе обходные пути. Другіе могли мечтать о томъ, что сами подпольныя организаціи перемѣнятъ свой характеръ, если выжить изъ нихъ интеллигенцію и заполнить ихъ рабочими. Отсюда эти два теченія въ рабочей средѣ, почти не прекращающіяся начиная съ 1901 г.—одно антиинтеллигентское, другое антиполитическое. Попытки созданія рабочими всякаго рода легальныхъ клубовъ, кооперативныхъ артелей и т. под. съ этихъ поръ не прекращаются, какъ не прекращаются попытки созданія «чисто» рабочихъ нелегальныхъ организацій.

Профессоръ Озеровъ въ своей нѣсколько разъ цитированной уже книжкѣ разсказалъ подробно о возникновеніи рабочихъ организацій въ Москвѣ. «Весной 1901 года — разсказываетъ профессоръ — ко мнѣ пришло нѣсколько рабочихъ, прося помочь имъ организовать кассу взаимопомощи». Г. Озеровъ сначала отклонилъ это предложеніе, указавъ рабочимъ, что, по его свѣдѣніямъ, «много подобныхъ проектовъ было представляемо въ министерство финансовъ, но они оставались безъ движенія». Однако, послѣ повторныхъ просьбъ, г. Озеровъ вмѣстѣ съ В. Э. Деномъ рѣшили помочь рабочимъ въ этомъ дѣлѣ. «За исходный пунктъ мы взяли уставъ кассы взаимопомощи ремесленниковъ въ Харьковѣ, но, конечно, его слѣдовало приноровить къ новой средѣ». Когда уставъ былъ выработанъ, онъ былъ представленъ московскому оберъ-полицеймейстеру, который сначала сдѣлалъ противъ него нѣкоторыя возраженія, но послѣ бесѣды съ авторами устава согласился поддержать ходатайство передъ министерствомъ. До утвержденія устава московская администрація разрѣшила рабочимъ устройство организаціонныхъ совѣщаній, гдѣ «обсуждались вопросы о кассахъ взаимопомощи, о дружескихъ обществахъ въ Англіи, о потребительныхъ обществахъ, о биржахъ труда» и т. д. Руководили совѣщаніями профессора московскаго университета. Такъ какъ были извѣстные расходы по найму помѣ-

щенія, на освѣщеніе и т. под., то «была установлена особая плата (кажется по 20 коп. въ мѣсяцъ), и рабочіе механическаго производства, уплатившіе этотъ взносъ, получали особые билеты на право посѣщенія собесѣдованій...

Съ августа мѣсяца лекторы стали давать программы вопросовъ, на которые желательно было получить болѣе или менѣе мотивированные отвѣты. Для составленія этихъ отвѣтовъ или для обсужденія ихъ рабочіе начали собираться въ трактирахъ, въ пивныхъ, а такъ какъ эти собранія становились все многолюднѣе и многолюднѣе, и стали носить всѣ болѣе и болѣе характеръ правильныхъ собраній въ извѣстный день недѣли для обсужденія все новыхъ и новыхъ вопросовъ, то администрація, узнавъ объ этомъ, потребовала продварительнаго извѣщенія о мѣстѣ такихъ собраній, и въ разныхъ мѣстахъ Москвы образовались такъ называемыя «Районныя собранія» съ особыми выборными предсѣдателями». Собранія этихъ предсѣдателей получили названіе «Совѣтъ рабочихъ механическаго производства г. Москвы». «Рабочіе скоро стали смотрѣть на свой совѣтъ, какъ на прибѣжище отъ притѣсненія на фабрикахъ и заводахъ, и сюда они стали подавать жалобы на нарушеніе фабричныхъ законовъ, дурныя санитарныя условія... Совѣтъ нерѣдко, въ случаѣ нарушенія тѣхъ или иныхъ постановленій, извѣщалъ о наличности таковыхъ фабричную администрацію, позднѣе даже на особыхъ бланкахъ съ надписью: «Совѣтъ рабочихъ механическаго производства», съ просьбой принять мѣры къ устраненію такихъ нарушеній». Если вспомнить, что все это происходило во времена Сипягина, то станетъ ясно, что люди менѣе наивные, чѣмъ проф. Озеровъ, сразу поняли бы, что во всей этой затѣѣ видно благосклонное участіе охраннаго отдѣленія. Недолго пришлось и другимъ ломать себѣ голову надъ рѣшеніемъ загадки. Когда 14 февраля 1902 года уставъ «Общества взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ» былъ, наконецъ, утвержденъ, то онъ оказался до такой степени исковерканнымъ противъ первоначальнаго устава, до такой степени пропитаннымъ полицейскимъ духомъ, что господа профессора поспѣшили уйти изъ общества, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ нападокъ демократической интеллигенціи, съ самаго начала враждебно отнесшейся къ зубатовской затѣѣ. Съ другой стороны, ухода профессоровъ теперь добивались и закулисные режиссеры, раньше надѣявшіеся при помощи профессоровъ отвлечь рабочихъ отъ соціализма во имя гармоніи между трудомъ и капиталомъ, а теперь подъ напоромъ рабочихъ принужденныхъ перейти къ болѣе наступательной тактикѣ. Въ области политики это наступленіе сводилось къ созданію изъ рабочихъ черносотенной арміи. Съ этой цѣлью прежнія лекціи были замѣнены духовно-нравственными собесѣдованіями. Съ этой же цѣлью инсценирована была 19 февраля 1902 года манифестація 50.000 московскихъ рабочихъ у подножія памятника Александра II, напечатано и распространено патріотическое письмо московскихъ рабочихъ генералу Богдановичу, устроенъ пріемъ московскихъ депутатовъ механическаго, ткацкаго, пуговичнаго, кондитерскаго, парфюмернаго и табачнаго производствъ министромъ Плеве и т. п.

Въ области экономики пущена была въ ходъ та же демагогія. Рабочіе, близость которыхъ къ охранному отдѣленію обнаружилась впослѣдствіи, приступили къ агитаціи среди московскихъ рабочихъ въ защиту ихъ правъ. «Съ

открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, какъ предсѣдателемъ московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія рабочіе входили на фабрики, вопреки запрету владѣльцевъ и фабричной инспекціи, и вступались здѣсь за рабочихъ передъ фабричной администраціей, дѣйствуя отъ имени «Союза московскихъ рабочихъ», импонируя рабочимъ своей неприкосновенностью и своей дѣятельностью». [1]). Результатомъ этого былъ «цѣлый рядъ забастовокъ, число коихъ въ настоящемъ (1902) году въ весьма значительной степени превышаетъ обычную норму, огромное небывалое количество коллективныхъ заявленій о неудовольствіяхъ, число коихъ съ теченіемъ времени увеличивается все болѣе и болѣе. При этомъ заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что въ январѣ и февралѣ 1902 года недовольство выражали почти исключительно рабочіе московскихъ городскихъ фабрикъ, въ мартѣ же изъ общаго числа 60 слишкомъ заявленій уже около одной трети исходитъ изъ фабрикъ, расположенныхъ въ уѣздахъ, что съ очевидностью показываетъ на процессъ распространенія московскаго движенія... Въ умахъ рабочихъ создалось непоколебимое убѣжденіе, что эти организаціи созданы высшимъ правительствомъ съ исключительной цѣлью защиты интересовъ рабочихъ противъ фабрикантовъ, вслѣдствіе чего всѣ разъясненія и обѣщанія, исходящія отъ главныхъ дѣятелей сихъ органовъ, принимаются рабочими съ слѣпой вѣрой въ ихъ правильность и осуществимость»... [2]).

Этотъ быстрый ростъ движенія не могъ не безпокоить московскихъ фабрикантовъ и о своемъ безпокойствѣ они довели до свѣдѣнія охраннаго отдѣленія московскаго оберъ-полицеймейстера. Начальникъ охраннаго отдѣленія (Зубатовъ) въ бесѣдѣ съ фабрикантами 29 іюля 1902 года изложилъ имъ всю программу своего специфическаго «полицейскаго соціализма», которую онъ проводилъ въ Москвѣ. «Конечной цѣлью» этой программы являлось нормированіе охраннымъ отдѣленіемъ всѣхъ отношеній между рабочими и предпринимателями и устраненіе всѣхъ элементовъ (интеллигенціи, фабричной инспекціи, государственнаго законодательства, а также наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ—предпринимателей и рабочихъ) отъ вмѣшательства въ это нормированіе.

Но эти элементы и прежде всего само рабочее движеніе оказались гораздо реальнѣе, чѣмъ полицейская утопія, которая не долго устояла подъ ударами, которыя наносились ей съ разныхъ сторонъ. На совѣщаніи, образованномъ по распоряженію министерства финансовъ для выясненія положенія дѣлъ на фабрикахъ и заводахъ, мало успокоительныя свѣдѣнія сообщались не объ одной только московской губерніи. «Инспекція Владимірской губ. заявила, что всѣ успѣхи, достигнутые московскими рабочими, извѣстны ковровскимъ слесарямъ, усиленно ими обсуждаются и, видимо, ихъ волнуютъ». Относительно Рязанской губерніи говорилось: «близость Москвы и Коломны, если не будетъ парализована дѣятельность московскаго союза рабочихъ механическаго производства,

---

[1]) М. Григорьевскій. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. Стр. 11.

[2]) Матеріалы министерства финансовъ, въ цитированной книгѣ проф. Озерова.

крайне печально можетъ отразиться на настроеніи рабочихъ Рязанской губ.» Изъ Ярославской губ.: «Нѣтъ ничего угрожающаго, но послѣ Пасхи рабочіе могутъ освѣдомиться о положеніи дѣлъ въ Москвѣ, и на фабрики Ярославской губ. могутъ попасть рабочіе, которые до того работали въ Москвѣ: нельзя не высказать опасенія за возможность нарушенія порядка». Изъ Пермской губ. сообщается, что здѣсь организуется общество механическихъ рабочихъ по образцу Москвы, и что при частыхъ и здѣсь неудовольствіяхъ всякія организаціи для совмѣстныхъ дѣйствій, не достаточно осторожно произведенныя, могутъ повести къ очень опаснымъ явленіямъ». [1]).

Чрезвычайно любопытно также въ этомъ отношеніи донесеніе московскаго окружнаго инспектора о московскихъ рабочихъ организаціяхъ. Мы приведемъ изъ него только нѣсколько характерныхъ мѣстъ, которыя ясно покажутъ, какую неимовѣрную путаницу и сумятицу произвела новая политика: «Нѣкоторые предприниматели, обладающіе твердымъ характеромъ, рѣшили не уступать ничего, даже въ пустякахъ. Другіе, наоборотъ, рѣшили дѣлать все, что только возможно, даже то, чего не слѣдовало бы... Въ общемъ всѣ рѣшительно сбиты съ толку и не понимаютъ ничего, творящагося вокругъ... Раньше существовалъ законъ (? Д. К.) и были правительственные органы на стражѣ этого закона, теперь же дѣйствуетъ самозванный союзъ административнаго усмотрѣнія... Всѣ понятія о томъ, что законно и что незаконно, что дозволено и не дозволено, совершенно смѣшались въ умахъ рабочихъ и не по ихъ винѣ. Совѣтъ обладаетъ престижемъ правительственнаго органа, созданнаго спеціально для защиты классовыхъ интересовъ» [2]). Министерство внутреннихъ дѣлъ начинало понимать свою ошибку и на вышеназванномъ совѣщаніи директоръ департамента полиціи г. Зволянскій, какъ бы въ извиненіе своего шефа, говорилъ: «Въ Москвѣ, Петербургѣ и во Владимірскомъ районѣ въ подпольной организаціи участвуетъ $^{8}/_{10}$ всѣхъ рабочихъ. Подпольная литература пользуется громаднымъ распространеніемъ среди рабочихъ, и многіе даже усвоили себѣ языкъ этой литературы. Вотъ почему министерство внутреннихъ дѣлъ допустило эти организаціи, чтобы отвлечь отъ антиправительственной пропаганды, что и дѣйствительно на первыхъ порахъ имѣло мѣсто. Но въ дальнѣйшемъ московская администрація уже не могла остановить движеніе, вынуждена была пойти за нимъ и допустить участіе въ происходившихъ въ отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ забастовкахъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу рабочихъ этихъ фабрикъ. Плеве нашелъ эти организаціи несоотвѣтствующими закону, но полная отмѣна ихъ была признана невозможной. Въ цѣляхъ ограниченія круга дѣятельности рабочихъ организацій Плеве призналъ необходимымъ установить, чтобы на будущее время допускалось устройство чтеній подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, и учрежденіе кассъ взаимопомощи разрѣшалось бы только для отдѣльныхъ фабрикъ, но не общихъ для нѣсколькихъ» [3]).

Но самый тяжелый ударъ былъ нанесенъ этой политикѣ лѣтней всеоб-

---

[1]) И. Х. Озеровъ, l.c. Стр. 235.
[2]) Тамъ же, стр. 250, 252.
[3]) Тамъ же, стр. 237.

шей стачкой въ Одессѣ. Мы уже выше говорили объ этой стачкѣ и дали общее описаніе развернувшихся на всемъ югѣ грандіозныхъ событій. Теперь мы должны вернуться къ этимъ событіямъ, спеціально къ разсказу о томъ, какъ началась и разрослась стачка въ Одессѣ.

Въ январѣ 1903 г. прибылъ въ Одессу нѣкто Шаевичъ, причемъ мѣстной администраціи было предложено отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не препятствовать собраніямъ рабочихъ, устраиваемымъ Шаевичемъ, который заявилъ, что при организаціи рабочихъ онъ будетъ руководствоваться не фабричнымъ уставомъ, а высшей справедливостью. «Подъ предсѣдательствомъ Шаевича происходили собранія рабочихъ въ особо нанятой для того квартирѣ. На этихъ собраніяхъ рабочимъ разъяснялось значеніе союзовъ, кассъ взаимопомощи, вырабатывался уставъ подобнаго общества, производились выборы уполномоченныхъ (старшинъ) въ Совѣтъ Союза. Какъ говорятъ, на эти собранія, кромѣ рабочихъ, никто не допускался, и были случаи удаленія изъ помѣщенія полицейскаго наряда по требованію присутствовавшихъ въ собраніи. Члены союза вносили по 50 коп. единовременно и по 10 коп. еженедѣльно. Въ началѣ дѣятельность Союза проявилась во вмѣшательствѣ его въ дѣла ремесленныхъ мастерскихъ, владѣльцы которыхъ приглашались Шаевичемъ для объясненій». Дѣятельность Шаевича распространялась и на Елизаветградъ, Николаевъ и Херсонъ. Во главѣ всѣхъ организацій каждаго города былъ поставленъ «Независимый Рабочій Комитетъ», куда входили представители отъ организованныхъ на демократическихъ началахъ профессіональныхъ союзовъ. Въ началѣ мая 1903 г. «Независимый Рабочій Комитетъ» по просьбѣ рабочихъ рѣшилъ начать забастовку на механическомъ заводѣ Рестеля. «Комитетъ» въ это время имѣлъ много денегъ, собранныхъ главнымъ образомъ съ рабочихъ механическихъ заводовъ. Забастовщикамъ очень акуратно выдавались пособія. Стачка затянулась. Всѣ забастовщики, 200 числомъ, получили разсчетъ, а на ихъ мѣсто постепенно набраны были новые. Полиція считала своимъ долгомъ охранять штрейкбрехеровъ отъ «воздѣйствія» «независимыхъ». Послѣдніе обратились съ жалобой къ своему предсѣдателю и вожаку Шаевичу. Но этотъ предложилъ рабочимъ искать новыя мѣста, такъ какъ старыя уже заняты. Это обстоятельство сильно поколебало вѣру въ «Комитетъ».

Многіе рабочіе прекратили взносы въ кассу, и безъ того очень истощившуюся. Это было первое значительное испытаніе. Затѣмъ въ іюлѣ поднялась стачечная волна. 1-го числа забастовали желѣзнодорожные рабочіе, среди которыхъ было около 150 организованныхъ «независимцевъ», игравшихъ затѣмъ крупную роль въ развитіи всеобщей стачки. 4 іюля забастовали грузчики въ порту, а съ 6-го числа къ нимъ стали примыкать матросы, кочегары, угольщики и проч. Такъ какъ часть моряковъ дѣлала взносы въ кассу «Независимаго Комитета», то послѣдній оказался вынужденнымъ взять на себя руководство стачкой. Шаевичъ предложилъ сократить требованія, но на него набросились за это рабочіе, и ему пришлось уступить. Затѣмъ событія пошли съ такой головокружительной быстротой, что о руководствѣ стачкой, объ ограниченіи требованій, объ устраненіи политики не могло уже быть и рѣчи. И Шаевичъ самымъ позорнымъ образомъ отретировался, сказавшись больнымъ въ самый важный

моментъ. Когда, по окончаніи стачки, министерство внутреннихъ дѣлъ убрало его изъ Одессы и сослало въ Вологду, дѣло «независимцевъ» въ Одессѣ уже было проиграно окончательно.

Этотъ крахъ зубатовской политики, вызванный естественнымъ ростомъ рабочаго движенія,—крахъ, не вездѣ столь шумный и быстрый, какъ въ Одессѣ [1]), знаменовалъ не только крушеніе полицейской утопіи, но и крушеніе той многоликой политики по рабочему вопросу, о которой намъ приходилось уже говорить. Колебанія между мѣрами полицейскими и законодательными, нежеланіе и прямо боязнь сдѣлать какой-нибудь значительный шагъ впередъ въ законодательствѣ, коренившаяся въ глубинѣ всего политическаго строя неспособность ввести администрацію въ рамки закона, должны, были привести къ этой полицейской утопіи, чуждой пониманія условій современнаго хозяйственнаго развитія и связанныхъ съ нимъ конфликтовъ. Въ то же время крушеніе утопіи показало рабочимъ, что въ извѣстной обстановкѣ (всеобщаго безправія и всеобщаго недовольства) рабочее движеніе можетъ развиваться, не имѣя собственной организаціи, но рабочая организація не можетъ жить, если она не заполняется опредѣленнымъ боевымъ содержаніемъ.

Почти одновременно съ крушеніемъ полицейскаго соціализма потерпѣлъ крушеніе и одинъ законодательный актъ, также преслѣдовавшій цѣль успокоенія рабочихъ. Мы имѣемъ въ виду законъ 10 іюня 1903 г. о введеніи фабричныхъ старостъ. Опубликованный наканунѣ всеобщихъ стачекъ на югѣ, онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на рабочихъ и, такъ какъ къ нему также отрицательно отнеслись и предприниматели, то онъ почти нигдѣ не былъ использованъ. А между тѣмъ, надъ этимъ закономъ работали долго и надежды на него возлагались большія! Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту, министерство финансовъ, между прочимъ, писало: «Вышеупомянутыя постановленія закона

---

[1]) Въ Москвѣ, кромѣ рабочихъ механическаго производства, было открыто еще общество ткачей (19 января 1903 г.), а за нимъ общества пуговичниковъ, кондитеровъ, парфюмеровъ, табачниковъ и т. д. Но, съ отозваніемъ Зубатова, руководители этихъ обществъ потеряли своего покровителя и сами стушевались. Общества же постепенно стали входить въ общій фарватеръ пролетарскаго движенія и, послѣ возникновенія новыхъ профессіональныхъ союзовъ, они постепенно исчезли.—Неудачна была попытка перенести „зубатовщину“ въ Петербургъ, гдѣ она натолкнулась на противодѣйствіе значительно болѣе многочисленнаго, чѣмъ въ Москвѣ, слоя сознательныхъ рабочихъ, сразу сорвавшихъ здѣсь съ зубатовскихъ агентовъ маску рабочелюбія.—Нѣсколько раньше, именно лѣтомъ 1901 г. была сдѣлана попытка въ Минскѣ создать „Еврейскую Независимую Рабочую Партію“. Она составилась главнымъ образомъ изъ приказчиковъ и ставила себѣ цѣлью „поднятіе матеріальнаго и культурнаго уровней еврейскаго пролетаріата посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ, по мѣрѣ возможности. На практикѣ эта цѣль сводится: а) къ развитію широкихъ экономическихъ организацій (тред-юніоновъ, кассъ, клубовъ, ассоціацій), б) къ развитію среди рабочаго класса научныхъ и профессіональныхъ знаній и къ воспитанію его для коллективной жизни“. Въ 1903 г. „Независимая Еврейская Рабочая Партія“ прекратила свою дѣятельность, оказавшись не въ силахъ, даже при содѣйствіи жандармовъ, провести въ жизнь свою тред-юніонистскую программу.

(т. е. тѣ, которыя запрещаютъ организацію рабочихъ), въ интересахъ охраненія порядка и общественнаго спокойствія, подлежатъ измѣненію въ смыслѣ допущенія нѣкоторыхъ видовъ организаціи фабрично-заводскихъ рабочихъ. Установленіе въ законѣ новыхъ нормъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе необходимо, что мѣстная административная власть, подъ давленіемъ жизни, вынуждена была выйти изъ предѣловъ дѣйствующаго закона и допустить рабочія организаціи, въ мѣрѣ едва ли желательной, какъ то, напримѣръ, имѣло мѣсто въ Москвѣ, гдѣ были учреждены организаціи и собранія профессіональнаго и даже классоваго характера, вмѣшивавшіяся во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ фабрикъ». Министерство финансовъ, которое желало быть осмотрительнѣе, чѣмъ другое вѣдомство, и помнило о прямой связи вопроса о рабочихъ организаціяхъ «съ вопросомъ охраненія порядка и общественнаго спокойствія», предложило, поэтому, проектъ о фабричныхъ старостахъ, которые впослѣдствіи рабочими были названы фабричными дворниками.

Главнымъ образомъ объ успокоеніи рабочихъ заботились и авторы другого, изданнаго около того же времени закона, внесшаго, правда, кое-какія улучшенія въ жизнь рабочихъ,—закона 2 іюня 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Законъ этотъ обязываетъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій «пользовать потерпѣвшихъ увѣчье рабочихъ безплатною врачебною помощью или возмѣстить потерпѣвшему расходы на леченіе; выдавать увѣчному пособіе во все время его болѣзни въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго его заработка, и въ случаѣ смерти потерпѣвшаго выдать на похороны 30 руб. для взрослаго, 15 р.—для малолѣтняго». Новый законъ распространенъ на фабрично-заводскія предпріятія, на горную и горнозаводскую промышленность. Предприниматели освобождаются отъ отвѣтственности, если причиной несчастія былъ злой умыселъ или грубая неосторожность потерпѣвшаго. Не будемъ здѣсь распространяться о недостаткахъ этого закона, о которыхъ писалось очень много. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было до него, законъ принесъ рабочимъ нѣкоторыя улучшенія. При ужасающемъ ростѣ количества увѣчій и числа несчастныхъ случаевъ со смертельнымъ исходомъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, можно было бы ожидать, что законодатель подумаетъ и о мѣрахъ къ устраненію или хотя бы уменьшенію этого ужаснаго зла. Но Государственный Совѣтъ въ то время былъ занятъ другими мыслями. «Осуществленіе предположеннаго узаконенія—говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи этого закона,—несомнѣнно, послужитъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ къ успокоенію рабочаго населенія Имперіи. Предоставленіе же этого рода вопросовъ естественному ихъ теченію, какъ тому бывали примѣры и въ исторіи другихъ государствъ, нерѣдко приводило къ серьезнымъ потрясеніямъ общественнаго строя... Конечно, въ Россіи не имѣется соціально-демократической партіи (какъ въ Германіи), но тѣмъ не менѣе правительству все же приходится считаться съ подпольною дѣятельностью лицъ, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для противоправительственной агитаціи. Изданіе обсуждаемаго узаконенія, предоставляющаго рабочимъ справедливое обезпеченіе, можетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе успѣха упомянутой пропаганды. Достиженіе же подобнаго результата мѣрами исключительно полицей-

ской репрессіи представляется вообще сомнительнымъ». Такова ultima ratio бюрократіи.

Въ этой средѣ знали два средства при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ—или репрессію, или подкупъ,—и когда репрессія оказалась безсильной, прибѣгли къ подкупу. Рабочее движеніе имѣло своей объективной задачей европеизацію Россіи, но европеизировать русскую бюрократію ему не удалось.

Здѣсь кстати мы должны коснуться еще одного бюрократическаго проекта, созданнаго также подъ вліяніемъ стачечнаго движенія 1901—1903 гг.

4 ноября 1902 г. (какъ разъ въ день начала стачки въ ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ) было образовано «Особое совѣщаніе для обсужденія мѣропріятій къ прекращенію преступныхъ покушеній на безопасность движенія на нашей рельсовой сѣти». Въ августѣ 1903 г., т. е. вскорѣ послѣ іюльскихъ, стачекъ, это «Совѣщаніе» занялось вопросомъ о желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Незадолго до этого министру путей сообщенія былъ представленъ начальникомъ Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, г. Немѣшаевымъ, конфиденціальный рапортъ, въ которомъ перечислялись важнѣйшія требованія рабочихъ мастерскихъ Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ (сокращеніе рабочаго дня, полная поденная плата за время болѣзни, полная плата за табельные дни, учрежденіе похоронныхъ кассъ, улучшеніе быта ремесленныхъ учениковъ), доказывалась ихъ основательность и рекомендовалось ихъ удовлетвореніе. «Совѣщаніе» на всѣ эти указанія не обратило никакого вниманія. И здѣсь констатировалось, что «явленія послѣдняго времени показали, что безпорядки, отражавшіеся весьма неблагопріятно на правильности и безопасности движенія, имѣли свой корень въ средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ». Но лѣкарство здѣсь придумано иное. Именно, «въ цѣляхъ созданія среди рабочихъ болѣе устойчиваго кадра, могущаго оказывать противодѣйствіе внѣшнимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ», было предложено дать нѣкоторымъ мастеровымъ въ паровозномъ депо и въ мастерскихъ права штатныхъ служащихъ «для содѣйствія созданію среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, общимъ числомъ до 125.000, прочнаго кадра штатныхъ рабочихъ, числомъ до 40.000, который, дорожа своей службой, давалъ бы отпоръ всѣмъ попыткамъ къ нарушенію правильности работъ». Это все, что придумало «Совѣщаніе» за все время своего существованія. Неудивительно, что и среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ успокоенія не наступило.

Не больше предусмотрительности и соціально-политической зрѣлости обнаружили въ это время предпринимательскіе слои. По поводу закона объ отвѣтственности за увѣчья въ этихъ сферахъ поднялся такой же шумъ, какъ въ свое время при введеніи закона 1886 г. о наймѣ рабочихъ и закона 1897 г. о рабочемъ днѣ. Съѣздъ горнопромышленниковъ, общество металлурговъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и петербургское общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности возбудили ходатайство объ отсрочкѣ введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня 1903 г. Къ нимъ примкнули юрисконсульты желѣзныхъ дорогъ. Не ограничиваясь ходатайствами, промышленники принялись по своему исправлять законъ, что вызвало рядъ волненій среди рабочихъ, особенно въ Екатеринославской губ., гдѣ жалобы на безчеловѣчное калѣченіе рабочихъ раздавались уже давно. Особенно бурный характеръ приняли

волненія на Днѣпровскомъ заводѣ въ селѣ Каменскомъ. Здѣсь начали разсчитывать рабочихъ, признаваемыхъ въ физическомъ отношеніи ненадежными, понятно подъ предлогомъ сокращенія производства, хотя именно этотъ заводъ никакихъ затрудненій не испытывалъ. Разсчитано было до 500 человѣкъ и намѣчены еще очень многіе. 20 декабря 1903 г. послѣ выдачи жалованья «рабочіе толпою отправились на квартиру новаго директора, произошло очень острое объясненіе, во время котораго кто-то изъ администраціи выстрѣлилъ. Со стороны рабочихъ полетѣли камни, затѣмъ толпа ворвалась въ заводъ. Началось всеобщее разрушеніе: подожгли контору, лавку потребительнаго общества, стали громить квартиры, истреблять мебель и прочее.

1904 годъ принесъ войну съ японцами и усиленіе кризиса, который началъ было уже ослабѣвать. Прежде всего и тяжелѣе всего этотъ новый кризисъ поразилъ западныя губерніи: въ одной Лодзи насчитывалось лѣтомъ 1904 г. до 60.000 безработныхъ; въ Минскѣ, Бѣлостокѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ сѣверо-западнаго края временами до 50% рабочаго населенія оставалось безъ работы. Раздраженіе населенія вылилось въ рядъ бурныхъ демонстрацій протеста противъ мобилизаціи, противъ войны вообще. Такіе же протесты, сопровождаемые иногда крупными безпорядками, раздаются и во многихъ городахъ коренной Россіи, по мѣрѣ того, какъ извѣстія, приходящія съ театра войны, становятся все болѣе и болѣе мрачными и передъ глазами обывателя все ярче вырисовывается картина общей деморализаціи войскъ, неспособности вождей, взяточничества и хищеній.

Въ рабочемъ движеніи наступило затишье [1]). Объ экономическихъ завоеваніяхъ нечего было думать. Кризисъ вызвалъ огромную безработицу, увеличивавшуюся съ каждымъ днемъ, но всѣмъ было ясно, что кризисъ и безработица на этотъ разъ вызваны главнымъ образомъ войной. Недовольство общимъ положеніемъ вещей и въ особенности войной стало всеобщимъ; волновались, сговаривались и организовывались почти всѣ общественныя группы. Рабочіе молчали, но это было затишье передъ бурей. Передовые рабочіе сознавали, а масса смутно чувствовала необходимость съ своей стороны отозваться на выступленіе демократическихъ слоевъ. «Общее возбужденіе—разсказываетъ В. Святловскій со словъ рабочихъ, участвовавшихъ въ гапоновскихъ организаціяхъ [2])—и въ особенности газеты оказали на всѣ отдѣлы (гапоновскаго общества) громадное вліяніе. Газеты, особенно «Сынъ Отечества» и «Наша Жизнь» прочитывались во всѣхъ отдѣлахъ и по поводу статей велись обширныя дискуссіи... Въ ноябрѣ одно событіе особенно сильно взволновало всѣхъ рабочихъ. Это была помѣщенная въ газетахъ петиція саратовскаго земства. Прочитанная на собраніяхъ, она всюду вызывала очень бурное настроеніе и обсужденіе ея кончалось требова-

---

[1]) На нѣкоторыхъ заводахъ, имѣвшихъ заказы отъ военнаго министерства, рабочіе использовали этотъ выгодный для нихъ моментъ и вырвали кое-какія уступки. Такъ, послѣ забастовки въ августѣ, значительныхъ улучшеній добились рабочіе сормовскихъ заводовъ.

[2]) О началѣ этихъ организацій, а также о бакинской стачкѣ конца 1904 г., мы будемъ говорить въ связи съ событіями 1905 г.

ніемъ всѣхъ присутствовавшихъ рабочихъ подать и съ своей стороны такую же петицію правительству» [1]). Эта мысль получила опредѣленныя очертанія 9 января 1905 г. на улицахъ Петербурга. Какъ въ 1896 г. Петербургъ опять сталъ во главѣ рабочаго движенія всей Россіи, но при совершенно измѣнившихся условіяхъ и въ совершенно новой обстановкѣ. Старый режимъ былъ сильно расшатанъ и число его противниковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Рабочіе не были больше тѣмъ забитымъ, приниженнымъ, рабски покорнымъ сбродомъ, который или гнетъ терпѣливо шею, или изливаетъ свое недовольство въ безсмысленныхъ бунтахъ. Теперь онъ стоялъ готовый къ борьбѣ, сознавая свою собственную силу, питая глубокую ненависть къ настоящему и твердую вѣру въ будущее. Къ сожалѣнію, этого было недостаточно для выполненія тѣхъ сложныхъ задачъ, которыя стояли передъ русскимъ рабочимъ классомъ.

Опубликованныя въ 1905 г. министерствомъ торговли и промышленности «Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг.» даютъ намъ возможность, въ заключеніе, цифрами освѣтить многіе изъ выставленныхъ нами выше тезисовъ.

Свѣдѣнія относятся только къ заведеніямъ, подчиненнымъ фабричной инспекціи и находящимся въ Европейской Россіи. Не включены, слѣдовательно, сюда Сибирь, Средняя Азія, нѣкоторыя мѣстности Кавказа, горные заводы и рудники, казенные заводы и ремесленныя мастерскія. Въ среднемъ выводѣ за десятилѣтіе подъ надзоромъ фабричной инспекціи числилось около 18.000 заведеній съ 1.600.000 рабочихъ, что составляло около 50% всего числа заведеній во всей Россіи и около 70% всего числа рабочихъ.

Посмотримъ же, какъ развивалось здѣсь стачечное движеніе, какія формы оно принимало, при какихъ условіяхъ протекало и къ какимъ приводило результатамъ:

Таблица I. *Общее число стачекъ и охваченныхъ ими рабочихъ* [2]).

Годы.	Число охваченныхъ стачками заведеній: Абсолютное.	Въ % къ общему числу заведеній.	Число рабочихъ въ заведеніяхъ, охваченныхъ стачками.	Число рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ: Абсолютное.	Въ % къ общему числу рабочихъ.
1895 . .	68	0,36	60.587	31.195	2,01
1896 . .	118	0,62	47.979	29.527	1,94
1897 . .	145	0,75	111.725	59.870	3,99

[1]) В. Святловскій. Профессіональное движеніе въ Россіи, стр. 83—84.

[2]) Въ представленномъ русской делегаціей на международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 г. „Отчетѣ“ говорится: „Въ имѣющихся у насъ матеріалахъ отмѣчено за послѣдніе пять лѣтъ (1895—1899) около 220 стачекъ, съ числомъ участниковъ на половинѣ ихъ около 200.000. Около ¾ стачекъ имѣли мѣсто въ

Годы.	Число охваченныхъ стачками заведеній: Абсолютное.	Въ % къ общему числу заведеній.	Число рабочихъ въ заведеніяхъ, охваченныхъ стачками.	Число рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ. Абсолютное.	Въ % къ общему числу рабочихъ.
1898 . .	215	1,13	93.596	43.150	2,87
1899 . .	189	0,99	112.296	97.498	3,83
1900 . .	125	0,73	77.382	29.389	1,73
1901 . .	164	0,96	62.735	32.218	1,89
1902 . .	123	0,72	64.196	36.671	2,15
1903 . .	550	3,21	138.877	86.832	5,10
1904 . .	68	0,40	51.642	24.904	1,46

Таблица II. *Число стачекъ въ зависимости отъ величины заведеній.*

Разряды заведеній по числу рабочихъ.	Число стачекъ въ заведеніяхъ за 10 лѣтъ.	Число заведеній въ каждомъ разрядѣ.	% числа стачекъ въ заведеніяхъ каждаго разряда.
До 20 рабочихъ	194	7.224	2,7
Отъ 21 до 50 рабоч. .	423	5.647	7,5
» 51 » 100 » .	230	2.449	9,4
» 101 » 500 » .	497	2.309	21,5
» 501 » 1.000 » .	203	407	49,9
Свыше 1.000 » .	218	243	89,7

Таблица III. *Стачки групповыя (коллективныя).*

Г о д ы.	Общее число стачекъ.	Изъ нихъ было групповыхъ.	Общее число бастовавшихъ рабочихъ.	Изъ нихъ участниковъ групповыхъ стачекъ.	% отношеніе участниковъ групповыхъ стачекъ къ общему числу
1895	68	30	31.195	13.841	41
1896	118	75	29.527	19.911	67

текстильной, металлургической и машиностроительной промышленности. Главныя причины—требованіе повышенія платы и сокращеніе рабочаго дня. Въ 120 случаяхъ, изъ извѣстныхъ 160, стачки кончились успѣхомъ рабочихъ". Въ этотъ „Отчетъ" не вошли стачки въ Царствѣ Польскомъ и среди еврейскихъ рабочихъ сѣверо-западнаго края. Что касается этихъ послѣднихъ, то „Отчетъ Бунда" насчитываетъ съ конца 1897 г. до лѣта 1900 г. 312 стачекъ въ 14 фабричныхъ и 44 ремесленныхъ производствахъ; всего 140 стачекъ на фабрикахъ съ 14.032 участниками и 172 стачки въ ремесленныхъ заведеніяхъ съ числомъ стачечниковъ 13.058. Изъ 262 стачекъ, исходъ которыхъ извѣстенъ, успѣшно для рабочихъ кончились 91,2%, или 90% для фабричныхъ и 92,5% для ремесленныхъ рабочихъ. Большинство стачекъ—за сокращеніе рабочаго времени и повышеніе платы: 66% для фабрикъ и 88% для ремесленныхъ, причемъ изъ фабричныхъ стачекъ 44,3% происходили за повышеніе платы и 21,6% за сокращеніе рабочаго дня, тогда какъ въ ремесленныхъ эти цифры были 31,3% и 56,6%.

Эти цифры несоизмѣримы съ цифрами официальныхъ „Свѣдѣній", но въ извѣстной мѣрѣ обнаруживаютъ неполноту и недостаточность послѣднихъ.

Годы.	Общее число стачекъ.	Изъ нихъ было групповыхъ.	Общее число бастовавшихъ рабочихъ.	Изъ нихъ участниковъ групповыхъ стачекъ.	% отношеніе участниковъ групповыхъ стачекъ къ общемучислу.
1897	145	84	59.870	43.369	73
1898	215	151	43.150	32.993	76
1899 . . .	189	130	57.498	33.103	54
1900 . . .	125	60	29.389	10.520	36
1901	164	76	32.218	18.256	56
1902	123	50	36.671	16.455	45
1903	550	428	86.832	54.867	64
1904	68	28	24.904	16.431	66
Итого .	1.765	1.112	431.254	259.747	60,2

Таблица IV. *Распредѣленіе стачекъ по производствамъ.*

Группы производствъ.	Число рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ за 10 лѣтъ.	% къ общему числу рабочихъ.	Число стачекъ за 10 лѣтъ.	% къ общему числу заведеній.	Среднее число рабочихъ, участвовавшихъ въ одной стачкѣ.
Обработка хлопка	185.101	47,3	253	29,4	692
» металловъ	116.937	46,4	336	16,0	348
» волокнистыхъ веществъ . .	10.736	22,6	44	10,6	244
» льна, пеньки	19.157	19,7	64	12,7	299
» животныхъ продуктовъ . .	10.751	19,1	186	13,6	57
Химическое производство	11.254	18,1	120	18,8	93
Обработка шерсти	20.169	14,0	225	21,6	89
Производство бумажное	9.154	11,7	136	11,1	67
Обработка минеральныхъ веществъ . .	15.791	10,5	129	7,3	122
» дерева	7.040	8,8	89	5,4	79
» питательныхъ веществъ . .	23.479	7,7	177	3,1	182
» шелка	1.649	5,9	6	2,6	274

Таблица V. *Причины стачекъ.*

Разряды причинъ стачекъ.	Число стачекъ.	% къ общему числу.	Число бастовавшихъ рабочихъ.	Въ % къ общему числу.
А. *Заработная плата:*				
1) Требованіе увеличенія заработной платы .	754	42,8	98.767	22,9
2) Сопротивленіе уменьшенію заработной платы.	128	7,3	61.271	14,5
3) Порядокъ и условія расплаты	189	10,7	48.523	11,2
Итого	1.071	60,8	208.561	48,6

Разряды причинъ стачекъ.	Число стачекъ.	% къ общему числу.	Число бастовавшихъ рабочихъ.	Въ % къ общемучислу.
Б. *Рабочее время:*				
4) Требованіе сокращенія рабочаго времени .	284	16,1	81.009	18,8
5) Сопротивленіе увеличенію рабочаго времени.	41	2,3	22.460	5,2
6) Распредѣленіе рабочаго времени . . .	60	3,3	25.889	6,0
Итого	385	21,7	129.358	30,0
В. *Порядокъ въ заведеніяхъ, дѣйствія заводоуправленія и условія быта:*				
7) Вычеты и штрафы	26	1,4	14.727	3,4
8) Личный персоналъ заводоуправленія и его дѣйствія	77	4,4	40.977	9,5
9) Неблагоустройство рабочихъ помѣщеній .	3	0,2	240	0,05
10) Условія довольствія и быта	25	1,4	2.688	0,6
Итого	131	7,4	58.632	13,55
Г. *Разныя причины:*				
11) Случайныя [1])	9	0,5	2.508	0,5
12) Профессіональныя [2])	169	9,5	32.195	7,4
Итого	178	10,0	34.703	7,9

Таблица VI. *Исходъ стачекъ въ общемъ за десятилѣтіе.*

	Число стачекъ въ %%:			
Заработная плата:	Въ пользу рабочихъ.	Взаимныя уступки.	Въ пользу предпринимателей.	Исходъ неизвѣстенъ.
Увеличеніе заработной платы	18,16	31,43	40,05	10,34
Сопротивленіе уменьшенію заработной платы.	46,87	23,43	29,68	—
Порядокъ и условія расплаты	61,37	12,17	26,45	—
Итого	29,22	27,07	36,41	7,28

[1]) Остановка заведеній при ремонтѣ, поломкѣ, бѣгствѣ владѣльца и т. п.

[2]) Забастовки по симпатіи, празднованіе 1-го мая, агитація, драки и несогласія между рабочими и т. п.

	Число стачекъ въ % .			
	Въ пользу рабочихъ.	Взаимныя уступки.	Въ пользу предпринимателей.	Исходъ неизвѣстенъ.
Рабочее время:				
Сокращеніе рабочаго времени	24,29	22,88	52,81	—
Сопротивленіе уменьшенію рабочаго времени .	63,41	12,19	24,39	—
Распредѣленіе рабочаго времени	45,00	10,00	45,00	—
Итого	31,68	19,74	48,57	—
Порядокъ въ заведеніи:				
Штрафы и вычеты	23,07	7,69	69,23	—
Дѣйствія фабричной администраціи . . .	27,27	14,28	58,44	—
Обстановка труда	—	33,33	66,66	—
Условія быта и довольствія	72,00	—	24,00	4,00
Итого	34,35	10,68	54,19	0,76
Разныя причины:				
Случайныя	77,77	—	22,23	—
Профессіональныя	6,50	2,36	89,94	1,18
Итого	10,11	2,24	86,51	1,12
Въ среднемъ	28,2	21,8	45,4	46,

Анализъ этихъ весьма неполныхъ данныхъ подтверждаетъ все, сказанное нами о характерѣ нашего стачечнаго движенія. Начиная съ 1895 г. число стачекъ непрерывно растетъ, и этотъ ростъ не останавливается даже годами кризиса, когда рабочіе упорно отстаиваютъ свои старыя завоеванія; въ 1900 г. наступаетъ нѣкоторая заминка, промышленная депрессія дошла до своего низшаго пункта, послѣ чего начинается снова стачечное оживленіе, достигшее своего апогея въ 1903 г., за которымъ слѣдуетъ послѣдній годъ этого десятилѣтія самый «тихій» изъ всѣхъ. Но упорство стачечниковъ въ этомъ, 1904 г., какъ разъ наибольшее: на одного забастовщика приходится въ этомъ году 7,4 потерянныхъ дней, тогда какъ среднее за десятилѣтіе равно 4,8 днямъ. Движеніе охватило преимущественно рабочихъ крупныхъ заведеній, на первомъ мѣстѣ прядильно-ткацкой и металлообрабатывающей промышленности.

Какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, характерная черта стачечнаго движенія описываемаго періода, состоитъ въ стремленіи вовлечь въ стачку по возможности большее количество участниковъ. Это признаетъ и составитель оффиціальнаго отчета, указавшій, что «коллективныя стачки бываютъ чаще единичныхъ».

Причиной стачекъ чаще всего (свыше 40%) служило требованіе увеличе-

нія заработной платы, что объясняется вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости и появленіемъ новыхъ потребностей въ результатѣ общаго культурнаго подъема. Въ этой борьбѣ участвуютъ одинаково рабочіе крупныхъ и мелкихъ заведеній, тогда какъ борьба за сокращеніе рабочаго дня ведется преимущественно въ крупныхъ заведеніяхъ, да и то съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ при стачкахъ, касающихся заработной платы.

Обращаетъ на себя вниманіе значительное количество стачекъ изъ-за дѣйствій фабричной администраціи, которая у насъ особенно стремится проводить на фабрикахъ и заводахъ принципъ абсолютизма въ самомъ неприкрашенномъ видѣ, а также стачекъ, вызванныхъ причинами профессіональными, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ празднованіе перваго мая.

Наконецъ, для полноты нашего анализа не безынтересна еще слѣдующая

Таблица VII. *Условія, сопровождавшія теченіе стачекъ.*

Призывъ войскъ	въ	269	случаяхъ.
Аресты и высылки	»	164	»
Судебныя преслѣдованія	»	31	»
Общій разсчетъ	»	137	»
Частичный разсчетъ	»	190	»
Невмѣшательство	»	930	»
Итого . .	въ	1.765	случаяхъ.

Разрушительныя дѣйствія со стороны рабочихъ (уничтоженіе, поврежденіе имущества и т. д.) отмѣчены въ 44 случаяхъ за все десятилѣтіе.

Д. Кольцовъ.

ВЛ. ГОРНЪ.

Крестьянское движеніе до 1905 г.

Манифестъ 19-го февраля, оглашенный съ церковныхъ амвоновъ въ мартѣ 1861 г., сейчасъ же вызвалъ волну крестьянскихъ бунтовъ, достигавшихъ громадныхъ размѣровъ и широко разлившихся по всей странѣ.

«По официальному свидѣтельству, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1863 г. было болѣе 1.100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ» (В. И. Семевскій. Русская Мысль, май 1905 г.).

Правительство, убѣдившись, какое впечатлѣніе производятъ извѣстія объ отношеніи освобождаемаго населенія къ даруемой ему свободѣ, поспѣшило наложить строжайшій запретъ на эти свѣдѣнія. И только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ мы узнаемъ во всей полнотѣ, что скрывается за этой цифрой «1.100». Но и то, что стало извѣстно, для вдумчиваго наблюдателя было достаточно, чтобы провидѣть грядущую великую борьбу крестьянина съ помѣщикомъ за землю, а съ полицейскимъ государствомъ за волю.

Это движеніе еще разъ со всею силой показало живучесть монархической идеи, подъ знаменемъ которой протекли всѣ волненія.

Этой идеей покрывалось движеніе класса мелкихъ земледѣльческихъ производителей, которые стремятся получить необходимое имъ главное средство производства: землю, и освободиться изъ-подъ властной опеки полицейскаго государства, защищавшаго враждебные интересы помѣстнаго дворянства.

Быть можетъ, это движеніе было послѣдней вспышкой класса, обреченнаго исторіей на исчезновеніе?

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что почти черезъ полвѣка стремленія этого класса продиктовали одинъ изъ лозунговъ національной революціи, оказавъ замѣтное вліяніе на ея развитіе.

Почему же это такъ?

Единственный возможный отвѣтъ тотъ, что пока не исчезли причины, до тѣхъ поръ будутъ жить и ихъ слѣдствія.

Въ 1897 году кн. Волконскій писалъ [1]), что реформа 19 февраля въ экономической своей части санкціонировала лишь сложившіяся во время крѣпост-

[1]) Труды Ряз. Арх. Ком. 1897.

ного права хозяйственныя отношенія. Отсюда онъ сдѣлалъ и вполнѣ правильный выводъ. «Реформа передала, такимъ образомъ, эти результаты по наслѣдству послѣдующему времени, которое тоже должно было, должно *еще и теперь считаться съ ними*» (Тамъ же, стр. 351).

И въ самомъ дѣлѣ, экономическій бытъ крестьянства въ своихъ существенныхъ моментахъ остался тѣмъ же, оброкъ продолжалъ существовать въ видѣ выкупныхъ платежей, денежной и натуральной арендной платы, барщина сохранилась въ видѣ отработочной аренды и батрачества, которое продолжало носить всѣ черты крѣпостной эпохи.

Эти оставшіяся отъ прошлаго формы экономическаго быта были настолько живучи, что скорѣе онѣ приспособляли къ себѣ новыя хозяйственныя явленія, чѣмъ сами опредѣлялись послѣдними.

Несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, на развитіе капиталистической индустріи, на проникновеніе капитала и въ сельское хозяйство, на происходящую въ связи со всѣмъ этимъ дифференціацію среди самого крестьянства, подавляющее большинство послѣдняго главнымъ источникомъ существованія имѣло мелкое сельское хозяйство, которое оно вело какъ на своихъ переобложенныхъ надѣльныхъ клочкахъ, такъ и на землѣ помѣщика, которому за это несло оброкъ (аренду) и отбывало барщину (отработки и батрачество).

Вспомнимъ «Письма изъ деревни» Энгельгардта и мы поймемъ, что реформа 19 февраля и развитіе новыхъ капиталистическихъ формъ производства и обмѣна лишь медленно и медленно подтачивали экономическій ancien régime.

Экономическія новообразованія, внося большую сложность въ жизненныя отношенія, гораздо сильнѣе развивали потребности, чѣмъ увеличивали средства къ ихъ удовлетворенію, такъ какъ безсильны были разрушить *фундаментъ* прежняго строя. Большинство населенія страны по-прежнему вынуждено было находить важнѣйшій источникъ существованія въ мелкомъ земледѣльческомъ производствѣ и притомъ не только на своей, но и на чужой землѣ, арендуемой какъ за деньги, такъ и исполу, и за отработки. Это мелкое хозяйство сначала «разстраивалось», потомъ «разорялось», наконецъ, «стало на краю гибели», а хозяйственная эволюція не выработала формъ, которыя поглотили бы трудъ разстраивающагося, разоряющагося и гибнущаго большинства трудящихся массъ.

Отсюда-то и проистекала необходимость продолженія въ пореформенной Россіи той же упорной борьбы крестьянина за уничтоженіе оброка и барщины, за землю, какъ за основное средство производства, борьбы, которая давала содержаніе народнымъ движеніямъ въ теченіе послѣдняго столѣтія Россіи дореформенной.

Русское крестьянство стремилось къ той формѣ ликвидаціи феодальнаго экономическаго строя, которая наблюдалась во Франціи, Швеціи, или еще вѣрнѣе, къ земельнымъ отношеніямъ, подобнымъ установившимся въ нѣкоторыхъ колоніяхъ—въ Канадѣ, Австраліи;—т. е. къ мелкому самостоятельному хозяйству на своей или общественной землѣ, отданной въ прочное пользованіе производителя. Далеко идущую аналогію борьбѣ русскаго крестьянства представляетъ борьба крестьянина Ирландіи, завершившаяся въ концѣ концовъ переходомъ земли въ его руки.

Этимъ объясняется борьба за землю.

Необходимость борьбы съ государственной властью проистекала, во-первыхъ, изъ того, что послѣдняя и послѣ 19 февраля видѣла свою главную задачу все только въ сохраненіи за помѣщикомъ его земли, и въ обезпеченіи ему «рабочихъ рукъ», а во-вторыхъ, вызывалась тѣмъ, что административно-правовая жизнь массъ попрежнему носила крѣпостническій характеръ.

Распорядокъ хозяйственной жизни уже не зависѣлъ отъ произвола помѣщика и бурмистра. Частью сильно развились, частью вновь появились совершенно новыя формы производства, доставлявшія другія, кромѣ мелкаго хозяйства, источники заработка.

Борьба крестьянина съ помѣщикомъ дополняется и видоизмѣняется борьбой пролетарія съ крупнымъ капиталистомъ, а также съ выдѣляющимся изъ самого крестьянства капиталистомъ мелкимъ, «кулакомъ».

Борьбѣ съ мѣстнымъ начальствомъ суждено вырости въ борьбу съ полицейскимъ государствомъ вообще.

Но, повторяю, существо борьбы, какъ съ точки зрѣнія цѣлей, такъ и со стороны средствъ, осталось тѣмъ же самымъ, какъ тѣмъ же самымъ остался и самъ историческій дѣятель, мелкій крестьянинъ, съ его противо-помѣщичьими и анти-капиталистическими стремленіями.

«Въ современномъ обществѣ, говоритъ П. П. Масловъ въ своемъ «Аграрномъ Вопросѣ»,—наряду съ капиталистическими хозяйствами, существуютъ мелкія хозяйства, организованныя для добыванія средствъ существованія самого производителя. Несомнѣнно, что между этими двумя типами хозяйствъ существуетъ коренное различіе по экономической и соціальной организаціи и по цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ то и другое хозяйство» (Т. I, изд. 4, стр. 29). Это различіе доходитъ до противоположности стремленій, и въ сельскохозяйственномъ производствѣ приводитъ къ борьбѣ изъ-за главнаго средства производства, изъ-за земли, изъ-за обладанія и пользованія ею.

Вражда къ помѣщику, какъ стараго феодальнаго, такъ и новаго капиталистическаго типа, удержавшаго существенныя черты своего историческаго предшественника, вотъ съ чѣмъ мы встрѣтимся, прежде всего, въ дальнѣйшемъ движеніи крестьянства.

Движеніе 61—63 года замерло—не только потому, что было механически подавлено, но и потому, что новое положеніе все же представляло нѣкоторыя возможности къ пріисканію источниковъ существованія, и кромѣ того, несомнѣнно, заключало въ себѣ освобожденіе отъ непосредственнаго гнета крѣпостника—барина.

А. Энгельгардтъ свидѣтельствуетъ, что пріѣхавъ черезъ 2 года послѣ акта 19 февраля въ деревню, онъ поразился значительной перемѣнѣ къ лучшему въ положеніи крестьянина, не смотря на отрѣзки и высокіе платежи, не окупаемые доходностью земли. «Крестьяне строятся,—писалъ онъ въ 1863 году—дѣятельно разрабатываютъ свои надѣлы». «Крестьянинъ можетъ найти денежный заработокъ,

---

[1]) Сравни Марксъ капиталъ т. III изд. 1896 стр. 664—666 и П. Масловъ Агр. вопросъ т. II стр. 457.

онъ можетъ за безцѣнокъ взять въ аренду землю, т. к. помѣщики почти вездѣ запускаютъ чуть ли не половину прежней, обрабатываемой барщиной, пашни» [1]). Бытъ крестьянъ перестраивался въ зависимости отъ измѣнявшихся экономическихъ и политическихъ условій.

Измѣнялись ихъ отношенія, какъ къ государственной власти, такъ и къ помѣщику, создались новыя отношенія къ промышленному капиталу, внутри самого крестьянства происходилъ глубокій процессъ разслоенія. Началась борьба личности съ міромъ, безхозяйныхъ крестьянъ съ хозяйственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялись условія и для продолженія борьбы всего, или почти всего, «міра» съ бариномъ и начальникомъ.

Однимъ словомъ, деревня представляла изъ себя арену *борьбы двухъ противоположныхъ общественныхъ укладовъ*, стараго феодальнаго и новаго буржуазнаго.

Такъ какъ каждому изъ этихъ укладовъ свойственъ опредѣленный типъ соціальной борьбы, то явилась своеобразная конкуренція между самыми типами борьбы; конкуренція, доходящая до взаимной враждебности разныхъ районовъ и даже отдѣльныхъ селеній, находящихся въ различныхъ условіяхъ и переживающихъ различныя стадіи эволюціи. Точно также не только различныя группы крестьянства стремились къ противоположнымъ цѣлямъ и мѣшали другъ другу въ ихъ достиженіи, но и каждая отдѣльная группа въ разные моменты ея существованія подчинялась то однимъ, то другимъ мотивамъ противорѣчиваго переходнаго историческаго періода.

Это обстоятельство и обусловило возможность глубокихъ разногласій въ пониманіи исторической роли крестьянства, въ оцѣнкѣ самыхъ фактовъ его быта и эволюціи.

Одни обращали свой умственный взоръ исключительно на «мірского» мужика, живущаго еще натуральнымъ хозяйствомъ, другіе, тщательно регистрируя новыя явленія въ деревнѣ, упорно закрывали глаза на силу стараго, считая его *уже* погибшимъ. Первые жили идеализаціей прошлаго; вторые, вперивъ свой взоръ въ будущее, незамѣтно для себя подмѣнили имъ настоящее.

Между тѣмъ, мы увидимъ, что только ясное сознаніе полной *противорѣчивости* настоящаго могло помочь правильно понять крестьянскую борьбу, оцѣнить, что *перевѣсъ* въ ней, вплоть до коренного преобразованія экономическаго и политическаго строя страны, имѣютъ и будутъ имѣть моменты, свойственные прошлому феодально-полицейскому обществу, а не нарождающемуся буржуазному.

Только революція, рѣшающую роль въ которой суждено было сыграть стремящемуся къ независимому мелкому хозяйству мужику, могла дать перевѣсъ типу борьбы, свойственному обществу буржуазному.

---

[1]) „Письма изъ деревни“ изд. 3-е. Приложеніе стр. 663—667. Г. Витте въ своей „Запискѣ по Крестьянскому дѣлу“ (изд. Общественной Пользы) говоритъ, что въ теченіе лѣтъ 15—20 послѣ реформы „повсюду можно было арендовать земли дешевле, чѣмъ приходилось платить за свою надѣльную землю“. Объясняется это тѣмъ, что „выкупные платежи значительно превышали земельную ренту представляя изъ себя скрытое вознагражденіе за отмѣненныя права на личность крестьянина“ (57).

Въ концѣ второго десятилѣтія послѣ реформы уже появились, правда, еще не очень яркіе, признаки того, что крестьянское движеніе въ его дореформенномъ смыслѣ еще не отошло въ область исторіи.

«Хожденіе въ народъ» въ началѣ 70-хъ годовъ не вызвало крупнаго народнаго движенія: крестьянство приспособлялось къ новымъ условіямъ, а эти условія еще не накопили горючаго матеріала для революціоннаго кризиса. Но единственное исключеніе—Чигиринское дѣло, уже носило въ себѣ задатки грядущаго. Вотъ какъ излагается первое (до вмѣшательства Стефановича и другихъ) Чигиринское дѣло въ № 1 нелегальной газеты «Начало», 1878 г. «Первое время послѣ введенія въ Малороссіи на основаніи положенія 19-го февраля участковаго землевладѣнія, крестьяне были относительно довольны, такъ какъ принципъ равнаго надѣла былъ отчасти удовлетворенъ. Скоро равенство надѣловъ рушилось, земля стала переходить отъ бѣдныхъ къ богатымъ и скопилась почти цѣликомъ въ рукахъ послѣднихъ. Поднялся ропотъ и такъ какъ народъ полнъ былъ надеждъ на царя, то посланъ былъ ходокъ къ нему, Ѳома Прядко; онъ вернулся съ легендой о личной бесѣдѣ съ царемъ, въ которой-де царь призывалъ къ насильственной борьбѣ съ помѣщиками и къ введенію общиннаго землевладѣнія».

Крестьяне приступили къ передѣлу своихъ земель. Когда же вмѣшались власти, то они наотрѣзъ отказались подчиниться, вслѣдствіе чего и были подвергнуты «усмиренію». Ѳома Прядко былъ арестованъ; Стефановичъ затѣмъ продолжилъ его дѣло, съ тѣмъ же, конечно, результатомъ.

Извѣстный процессъ крестьянъ села Люторичъ, Елифанскаго уѣзда, (1880 г.) ярко иллюстрировалъ соціальные плоды, произроставшіе на почвѣ «слабой обезпеченности хозяйственнаго быта крестьянъ» (выраженіе Янсона). Обладая ничтожнымъ надѣломъ, крестьяне были вынуждены снимать земли у гр. Бобринскаго, владѣнія котораго желѣзнымъ кольцомъ охватили село Люторичъ. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, экономія заключала съ ними закабалявшіе ихъ договоры вродѣ такого, демонстрированнаго на судѣ: «Беретъ крестьянинъ 59 руб., и въ договорѣ назначается неустойка въ 30 руб. за 7 дней, а сверхъ 7 дней—жилая изба, корова, 3 лошади и «вообще все, что найдется у крестьянъ». Въ концѣ концовъ, за крестьянами накопился долгъ въ 5.500 руб., который общество обязалось отработать въ теченіе 6 лѣтъ. Не довольствуясь этимъ закабаленіемъ цѣлой деревни, управляющій Бобринскаго, Фишеръ, подъ предлогомъ плохого качества кабальныхъ работъ, предъявилъ ко взысканію данныя ему крестьянами, въ обезпеченіе долга, заемныя письма. Это вызвало «сопротивленіе властямъ», присылку военной команды и громкій процессъ.

Изъ другого конца страны (Смоленской губ.) Энгельгардъ, въ то же время (1880 г.)—писалъ: «между помѣщиками и сосѣдними крестьянами идетъ постоянная борьба, главнымъ образомъ, на почвѣ «необходимости» для помѣщика мужицкой работы».

Что касается крестьянскаго движенія, то Энгельгарду пришлось лишь констатировать начавшееся, особенно съ русско-турецкой войной, возбужденіе умовъ въ деревнѣ. Онъ «поразился съ какой *свободой* говорятъ мужики на сходахъ». «Мужикъ ничего не боится. Публично, всенародно, на улицѣ, среди деревни мужикъ обсуждаетъ всевозможные политическіе, соціальные вопросы—

открыто, все, что думаетъ». Но характерно объясненіе Энгельгарда: «Мужикъ, когда онъ ни царю, ни пану не виноватъ, т. е. заплатилъ все, что полагается,— спокоенъ». Темой этихъ «свободныхъ» бесѣдъ служила все та же вѣковѣчная мысль о грядущемъ передѣлѣ: «*весь мужикъ*, по выраженію автора—увѣренъ. что милость насчетъ земли будетъ и будетъ скоро». (Письма изъ деревни 551) [1]),

Въ № 6 «Народной Воли» находимъ корреспонденцію изъ *Воронежа*, помѣченную сентябремъ 81 г.: «Ожиданія новой нарѣзки земли повсемѣстно въ губерніи, за рѣдкими исключеніями,—усилились. Передѣлъ, по общему убѣжденію, долженъ состояться на основаніи указа отъ царя».

Болѣе чѣмъ интересныя свѣдѣнія корреспонденціи о томъ, какъ народъ представлялъ себѣ грядущій передѣлъ: «О самомъ передѣлѣ существуетъ три взгляда: 1) вся земля будетъ взята у пановъ,—и всѣхъ, въ томъ числѣ и баръ, надѣлятъ по 8 дес.; 2) у баръ отымутъ излишекъ свыше 500 дес. и *отобранную* землю подѣлятъ между крестьянами *по достаткамъ*: кто изъ нихъ можетъ больше платить, тотъ больше и получитъ; 3) сходное съ первымъ, но съ тѣмъ различіемъ, что земля будетъ отдаваться не въ собственность, а въ аренду, какъ общинамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ.

Земля, по болѣе распространенному мнѣнію, отойдетъ крестьянамъ за выкупъ, по примѣру надѣла землей при освобожденіи [2]).

Взглядъ на царскую власть остался прежній, такъ какъ «большинство крестьянъ думаетъ, что царя убили баре, хотя изъ города черезъ прислугу идетъ другое теченіе: царя убили соціалисты за насъ, за крестьянъ».

Междуклассовыя отношенія въ деревнѣ изображаются корреспондентомъ въ такихъ словахъ: «Антагонизмъ между сословіями, особенно между крестьянами и помѣщиками, за нынѣшнее лѣто, страшно усилился. По всей губерніи ходятъ слухи, что пришла какая-то бумага, запрещающая работать на помѣщика; какъ

---

1) Что толки о земельномъ передѣлѣ достигли значительнаго развитія, ясно изъ факта изданія знаменитаго Маковскаго циркуляра 16 іюня 1879 года, предвосхитившаго не менѣе знаменитую декларацію Горемыкина 13 мая 1906 г. „Съ нѣкотораго времени между сельскимъ населеніемъ стали ходить ложные слухи и толки о предстоящемъ будто бы общемъ передѣлѣ земель. По особому Государя Императора повелѣнію, объявляю, что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ. При дѣйствіи нашихъ законовъ о правѣ собственности, никогда не можетъ случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законнымъ порядкомъ за кѣмъ либо укрѣпленная, была у законнаго владѣльца отнята и передана другому". (Литерат. парт. Нар. Воли. въ I стр. 31). Циркуляръ этотъ по свидѣтельству предсѣдателя Сарат. губ. зем. собранія, какъ позднѣе и Горемыкинская декларація „вызвалъ обратное дѣйствіе противъ того, которое онъ желалъ произвести, онъ-то самъ и былъ главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію въ народѣ толковъ о новомъ надѣлѣ землею". (Тамъ же стр. 37).

2) Какъ мы увидимъ во второмъ томѣ настоящаго изданія, на учредительномъ съѣздѣ „Всероссійскаго крестьянскаго союза" 1905 г. воскресли всѣ эти проекты, въ которыхъ отразились глубокія, межгрупповыя различія крестьянъ. Отъ бѣдноты, очевидно, исходили перваго и третьяго типа проекты, отъ крестьянъ средняго достатка и зажиточныхъ—второго типа.

вслѣдствіе этихъ слуховъ, такъ особенно хорошаго урожая, рабочая плата поднялась на 20—40%, и даже на 100%, но и за такую цѣну крестьяне иногда отказываются работать. Такія отношенія мѣстами обостряются и тутъ слѣдуютъ поджоги, воровство скота, хлѣба. Воровство копенъ съ поля повсемѣстное. Поджоги все болѣе распространяются» [1]).

Въ № 8—9 отъ 5 февраля 1882 г. изъ корреспонденціи о *Саратовской* деревнѣ—узнаемъ [2]): толки о передѣлѣ помѣщичьихъ земель между крестьянами становятся все настойчивѣе. Прежнія надежды крестьянства на то, что передѣлъ этотъ совершится по указу царя, начинаютъ мало-по-малу терять подъ собой почву; въ крестьянствѣ все болѣе и болѣе развивается сознаніе необходимости насильственнаго захвата земель, непосредственными усиліями народа. Первые шаги по этому пути уже сдѣланы.

Въ Кузн. у. у арендатора В. крестьяне ночью свезли весь хлѣбъ съ половинныхъ посѣвовъ и когда онъ вздумалъ было силой возвратить свои снопы съ крестьянскихъ гуменъ, то былъ встрѣченъ дружнымъ напоромъ въ колья, вилы и т. д. У владѣльца С. Сарат. у., было скошено и свезено съ луговъ сѣно, прежде сдававшееся крестьянамъ и удержанное за недоимки. Въ Аткарскомъ у. у помѣщика Ш. за многолѣтнія притѣсненія сожжено гумно съ хлѣбомъ на нѣсколько тысячъ рублей. Въ нѣкоторыя села становые и урядники не показываются иначе, какъ съ большимъ конвоемъ сотскихъ и казаковъ. Особенно плохо приходится урядникамъ. Въ Сарат. губ. нынѣшними осенними праздниками было уже до 20 случаевъ, что урядниковъ избивали, какъ говорится до полусмерти, и это въ такихъ близкихъ къ Саратову селахъ, какъ Кирсановка и др. [3]).

Чрезвычайно интересный очеркъ находимъ въ № 15 «Вѣсти. Народн. Воли» [4]). Онъ носитъ заглавіе: «Думы и слухи въ народѣ», и содержитъ описаніе личныхъ впечатлѣній партійнаго работника, побывавшаго въ разныхъ губерніяхъ.

Въ 1880 г. ему пришлось быть въ одномъ изъ уѣздовъ Новгородск. губ.: «Хотя эта губернія многоземельная и мужики тяготѣютъ къ Питеру, но все же крестьяне вѣрятъ въ равненіе, такъ «земля на срокъ господамъ дадена», причемъ объясняютъ отсрочку тѣмъ, что «царю покою нѣтъ, тутъ его ловятъ, тамъ въ него стрѣляютъ». Въ 1881 г. авторъ попалъ въ центръ черноземной Россіи, въ страну глубокой нищеты, гдѣ цѣна десятины доходитъ до 300 рублей, гдѣ крестьянамъ поддаться некуда», гдѣ царятъ отработки. Здѣсь ожиданія земли достигли поразительной остроты и болѣзненности. У одной помѣщицы стали на ея глазахъ производить раздѣлъ ея земли. Во время отсутствія другого помѣщика, находящагося подъ арестомъ,—подѣлили его землю.

Дальше къ югу, въ губерніи съ преобладающимъ четвертнымъ владѣніемъ,

---

[1]) Литерат. парт. Народн. Воли, стр. 283, в. I.

[2]) тамъ же, в. II, стр. 40.

[3]) Эти данныя о Саратовской деревнѣ 1882 г. отчасти объясняютъ намъ, почему и въ 1905 г. эта губернія служила ареной самыхъ широкихъ волненій и была одной изъ немногихъ, въ которыхъ аграрное движеніе не опиралось на то что „теперь позволено“, а носило характеръ революціонно-соціальнаго протеста.

[4]) Цитируемъ по литографированному оттиску.

а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крестьянами на дарѣ, авторъ встрѣтился не только съ тѣми же ожиданіями: «баре будутъ служить,—жалованье получать, а мужики будутъ пахать», но и съ активными проявленіями борьбы.

«Если на мужика уже очень насѣдаютъ, онъ пускаетъ «краснаго пѣтуха» или самовольно запахиваетъ помѣщичью землю. Случаевъ поджоговъ и запахиваній такъ много, что перечислять ихъ не стоитъ».

«Передъ самымъ манифестомъ о коронаціи, надѣясь на то, что наконецъ то отойдетъ имъ барская земля, крестьяне отказывались отъ условій по найму, ранѣе заключеннымъ, и хотя и терпѣли нужду, но отказывались отъ заключенія новыхъ. Поэтому манифестъ произвелъ глубокое впечатлѣніе: мужикъ ждалъ многого, получилъ малое: сложили лишь недоимки. Крестьянинъ убѣдился, что земля опять не отошла. Когда авторъ корреспонденціи въ бесѣдѣ съ однимъ крестьяниномъ убѣждалъ его, что она такъ и не отойдетъ, то услышалъ въ отвѣтъ: «Не отойдетъ!» «Да вѣдь намъ жить нельзя, не околѣвать же!»

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, намъ станутъ понятны слѣдующія слова передовицы того же № 8—9 (отъ 5 ф. 1882 г.) Народной Воли. «Русское крестьянство почти безъ перерыва находится, если можно такъ сказать, въ состояніи хронической революціи».

«Не улеглось народное броженіе и теперь: напротивъ, освободительная фикція, неудовлетворившая мужика въ экономическомъ отношеніи, послужила замѣтнымъ толчкомъ къ политическому развитію массъ, и активное проявленіе недовольства въ формахъ, до безконечности разнообразныхъ, растетъ за послѣднія два десятилѣтія въ геометрической прогрессіи».

Но быть можетъ здѣсь скрывались революціонныя народническія иллюзіи? Годомъ раньше либеральный журналъ «Юридическій Вѣстникъ» въ 1 № 1882 г. писалъ: «всюду шатъ и нестроенія великія»—вотъ какъ можно охарактеризовать переживаемую нами тяжелую эпоху, очевидно, чреватую важными будущими событіями». Коренную причину такого состоянія страны журналъ видитъ, въ томъ, что: «масса обнищала въ концѣ, масса голодаетъ» [1]). Вообще крестьянскій вопросъ 1880—82 года занялъ тоже центральное положеніе, которое онъ занималъ въ 58—61 г. и позднѣе въ 1902—1903 и 1906—1907 годахъ. Онъ служилъ не только главной темой печати, но на необходимости его разрѣшенія *базировали* печать и земскія собранія свои домогательства объ «увѣнчаніи зданія», подъ какимъ терминомъ, въ то время, фигурировала конституція. На саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдатель его, Федоровскій, произнесъ большую политическую рѣчь, важнѣйшимъ моментомъ которой были слѣдующія слова: «Крестьянскій вопросъ возстаетъ вновь и разрѣшить его въ настоящее время будетъ не менѣе трудно, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, потому что палліативныя мѣры ни къ чему не приведутъ. Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ во всей совокупности и цѣлости, при соглашеніи всѣхъ разнообразныхъ интересовъ, не только по владѣнію землею, но и по платежу податей».

«*Разрѣшеніе этого вопроса бюрократіи*, совершенно не знающей Россіи,

---

[1]) Стр. 101. Въ 1880 г. былъ неурожай, чѣмъ и объясняется голодъ, но *обнищанье*, очевидно, было продуктомъ долгаго процесса.

мы, представители земства, довѣрить не можемъ», а потому требовалъ «передачи всѣхъ предположеній по разрѣшенію крестьянскаго вопроса на *окончательное* обсужденіе въ одной изъ столицъ представителямъ земствъ, избранныхъ отъ каждаго уѣзда» [1]).

Аргументировалось это требованіе возможностью повторенія «пугачевщины» [2]).

Поняло опасность положенія и правительство. Наступившая послѣ перваго марта свинцовая реакція все же пошла на уступки крестьянству: были сложены недоимки, понижены выкупные платежи, облегчены условія взиманія сборовъ, а затѣмъ учрежденъ крестьянскій банкъ. Несомнѣнно, что вся совокупность этихъ мѣръ могла предупредить волненія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ давала облегченіе отъ наиболѣе наболѣвшей тяготы.

Тамъ, гдѣ особенно давили недоимки и выкупные платежи, крестьяне облегченно вздохнули; тамъ, гдѣ во что бы то ни стало нужно было пріобрѣсти землю и гдѣ изъ-за нея уже происходили столкновенія, являлась возможность пріобрѣсти ее при посредствѣ банка и т. д. Но, все это, конечно, имѣло значеніе лишь мѣстами и только временное, палліативное,—доказательствомъ чего служатъ продолжавшіяся волненія.

Въ № 10 «Народной Воли», помѣченной сентябремъ 84 г., во внутреннемъ обозрѣніи находимъ такія строки: «Со всѣхъ сторонъ несутся горькія жалобы имущихъ классовъ на самовольныя порубки лѣсовъ, на насильственные захваты владѣльческихъ земель, на поджоги помѣщичьихъ усадебъ, сѣна, хлѣбовъ и строеній, на убіеніе и калѣченіе скота, на акты насилій по отношенію къ управляющимъ, на сопротивленія судебнымъ приставамъ и чинамъ земской полиціи, доходящія нерѣдко до кровавыхъ побоищъ» [3]). Далѣе приводятся факты «на удачу» самаго послѣдняго времени; «Наиболѣе интенсивная мелкая борьба народа съ имущественными классами и представителями власти наблюдается въ *Уфимско-Оренбургскомъ краѣ*. Этотъ край положительно какъ бы на военномъ положеніи. Громадныя лѣсныя порубки, захватъ земель, поджоги, убійства, сопротивленія властямъ—все это здѣсь самыя заурядныя явленія. Въ совершеніи ихъ иной разъ принимаютъ участіе сотни людей. Интенсивность и распространенность подобнаго рода явленій заставили перетрусившее уфимское дворянство потребовать прошлымъ лѣтомъ отъ правительства «принятія чрезвычайныхъ мѣръ для защиты собственности и личности владѣльцевъ»! Съ теченіемъ времени движеніе все усиливается. «Другимъ райономъ съ сильнымъ аграрнымъ движеніемъ является мѣстность, охватывающая *Донскую* обл., *Екатеринославскую*, *Тамбовскую*, *Курскую* губ., отчасти и *Рязанскую*, а затѣмъ *Черниговскую* и *Полтавскую*. Здѣсь практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ поджоги помѣщичьяго хлѣба, сѣна и строеній. Тутъ имѣли мѣсто любопытные случаи стачекъ сельскихъ полевыхъ рабочихъ, съ цѣлью оставленія безъ уборки помѣщичьяго хлѣба или возвышенія заработной платы, причемъ крестьяне *опирались на свою общинную*

---

[1]) Литерат. парт. Нар. Вол. Выпускъ II, стр. 38—39.
[2]) Тамъ же, стр. 38.
[3]) Лит. пар. Нар. Вол. в. II, стр. 153.

организацію. Вообще, отношенія между здѣшними крестьянами и помѣщиками крайне обострены. Въ Екатеринославской губ. прошлой осенью крестьянское движеніе выразилось въ усиленныхъ поджогахъ, разрушеніи помѣщичьихъ домовъ и захватахъ земель. Первыя весеннія свѣдѣнія изъ этого края указываютъ, что движеніе, направленное къ захвату земель, началось снова». «Крестьяне Донецкаго округа въ послѣднее полугодіе энергично принялись за экспропріацію землевладѣльческой собственности. Они рубили лѣсъ, увозили къ себѣ помѣщичій хлѣбъ съ полей, нападали на принадлежащія помѣщикамъ и скупщикамъ земель хлѣбные амбары и грабили ихъ, нерѣдко въ виду самихъ хозяевъ. Дѣло не разъ доходило до вооруженнаго сопротивленія [1]).

Непрерывно въ теченіе 5—6 лѣтъ (78—79 г. по 84—85 г.) усиливавшееся броженіе въ деревнѣ производило настолько сильное впечатлѣніе, что зародившееся соціалъ-демократическое теченіе, рѣзко порвавшее съ народническими иллюзорными надеждами на соціалистичность крестьянской массы, вмѣстѣ съ тѣмъ считало рѣшающей силой, въ грядущей буржуазной революціи—крестьянскую массу.

Въ «Нашихъ Разногласіяхъ», Г. В. Плехановъ писалъ: «Если бы у насъ установилось народоправленіе, то самодержавный народъ на вопросъ, нужна ли ему земля и слѣдуетъ ли ее отобрать у помѣщиковъ, отвѣтилъ бы: «да нужна и отобрать ее слѣдуетъ» (тамъ же, изд. «Новаго Міра» стр. 250).

Но вернемся къ «Народной Волѣ». Описавъ проявленія броженія, журналъ, наученный горькимъ опытомъ прошлаго, спѣшитъ подчеркнуть, что «онъ не думаетъ видѣть въ этихъ фактахъ смутнаго броженія народныхъ силъ залога скораго и успѣшнаго всенароднаго взрыва», но добавляетъ—«слѣпъ будетъ тотъ, кто откажется усмотрѣть въ нихъ явное знаменье крайней шаткости нынѣшняго порядка вещей и не менѣе явное указаніе на тотъ *путь*, по которому пойдетъ народное движеніе, когда наступитъ, наконецъ, его моментъ» [2]).

И въ томъ, и въ другомъ изъ этихъ утвержденій журналъ оказался правымъ; но врядъ ли онъ думалъ, что предстоитъ почти двадцатилѣтній интервалъ, причемъ первое десятилѣтіе (1885—95 гг.) знаменуется почти полнымъ упадкомъ крестьянскаго движенія, а второе (1895—1904 гг.) повтореніемъ разрозненныхъ, лишь постепенно нараставшихъ вспышекъ [3]).

Состояніе движенія перваго изъ разсматриваемыхъ десятилѣтій достаточно ярко характеризуется эсэровскимъ публицистомъ изъ «Революціонной Россіи»: «Въ восьмидесятые и девяностые годы мужикъ, какъ подъяремный волъ вообще, страдалъ молча, а когда надумывался протестовать, то протестъ его выливался въ уродливую форму какихъ-нибудь «лежачихъ бунтовъ или избіенія санитарнаго персонала» [4]).

---

[1]) Тамъ же, 154 156.

[2]) Тамъ же, стр. 156.

[3]) 1885 г. былъ годомъ перелома: въ этомъ году заканчивалась промышленная депрессія начала 80-хъ годовъ. Внутренній обозрѣватель Нар. Вол. в. № 11—12 отъ окт. 852, привелъ перечень аграрныхъ волненій, но всѣ они носятъ характеръ незначительныхъ столкновеній, часто изъ-за „спорной“ земли.

[4]) Сборникъ статей изъ „Револ. Россіи“ Антонова, Баха и др., 1908 г. стр. 260.

Насъ не удивитъ теперь, почему въ серединѣ 90-хъ годовъ взгляды соціалъ-демократовъ радикально измѣнились. Одинъ официальный партійный документъ—докладъ русскихъ соціалъ-демократовъ международному соціалистическому конгрессу 1896 г., относилъ аграрный вопросъ къ періоду post-революціонному, когда на очередь дня станетъ вопросъ о соціалистическомъ переворотѣ, а въ ходѣ наступающей буржуазной революціи видѣлъ свою задачу только въ борьбѣ съ реакціонными поползновеніями (разумѣя, очевидно, поползновенія не только народниковъ, но и самаго крестьянства), имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата [1]). Мало этого, въ то же время оказалось возможнымъ написать и такую фразу: «только наивныя традиціи наивныхъ семидесятыхъ годовъ заставляли русскую соціалъ-демократію еще въ 80-хъ годахъ стоять передъ крестьянскимъ вопросомъ съ мучительнымъ сознаніемъ его кардинальной важности». Но мужикъ мстилъ за себя, и тѣхъ, кто считалъ его чѣмъ-то не заслуживающимъ вниманія, онъ лишалъ вѣры «въ полную демократизацію политическихъ учрежденій» [2]).

Чѣмъ же объясняется такая деградація движенія?

На одинъ факторъ мы уже указывали: это правительственныя мѣропріятія. Но, конечно, одинъ онъ не парализовалъ бы движенія, если бы стихійная экономическая эволюція не подоспѣла на помощь.

Съ 1886 года начался рядъ урожайныхъ лѣтъ, сопровождаемый рѣзкимъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и быстрый ростъ промышленности [3]). Съ этого же

---

[1]) Цитировано у Рязанова „Къ критикѣ программы Р. С. Д.", стр. См. 242 также „Гол. Соц.-Дем." 1908 г. № 1—2, ст. Мартынова.

[2]) Сборникъ статей Антонова, Баха и др. в. I 1908 г. стр. 260.

[3]) Заимствуемъ изъ книги Т.-Барановскаго: „Русская фабрика" изд. I т. I стр. 307) слѣдующія данныя:

Годы.	Число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, не обложенныхъ акцизомъ.	Общій сборъ хлѣбовъ.
1884 . . .	665 тыс.	293 мил. четв.
1885 . . .	616 „	247 „ „
1886 . .	635 „	289 „ „
1887 . . .	657 „	330 „ „
1888 . . .	707 „	334 „ „

По даннымъ „Комиссіи о движеніи благосостоянія населенія средне-земледѣльческихъ губерній"—матеріалъ, т. I, стр. 184, цѣны на рожь измѣнились такимъ образомъ:

Годы.	Цѣны за пудъ ржи.
1876—1880 . .	74 коп.
1881—1885 . .	86 „
1886—1890 . .	58 „

П. П. Масловъ выяснилъ, почему низкія цѣны на хлѣбъ содѣйствуютъ сохраненію мелкихъ продовольственныхъ хозяйствъ. См. „Аграрн. вопросъ въ Россіи" гл. I изд. 4, стр. 121 и 96.

времени пріостановился ростъ арендныхъ цѣнъ, непрерывно продолжавшійся цѣлое 25-лѣтіе съ момента реформы 61 г. до 1885—86 гг. [1]).

Крестьянство вновь, какъ въ періодѣ 61—78 годовъ, находило способы приспособляться къ жизни. Это обозначало *зависимость* положенія крестьянства *отъ общаго хода* экономической жизни страны. Правительство, а также политическія направленія, убаюканные воцарившимся спокойствіемъ въ деревнѣ, не поняли, что это затишье временнаго характера, что рано или поздно *общій ходъ* экономической жизни почувствуетъ *свою обратную зависимость* отъ положенія крестьянства. Экономическая политика правительства, направленная къ развитію крупной обрабатывающей промышленности, сопровождалась блестящимъ успѣхомъ, но... доведя крестьянское хозяйство до разоренія, до проѣданія средствъ производства, она завела страну въ тупой уголъ, натолкнувшись на отсутствіе внутренняго рынка, который пауперизующееся крестьянство могло представлять лишь въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени: пока оно не проѣло лошадей, сохъ, коровъ. Точно также предстоитъ крахъ той соціальной политики, которую правительство, пользуясь тѣмъ же затишьемъ, энергично проводило— политики сохраненія всѣхъ остатковъ и даже возстановленія утраченныхъ было элементовъ крѣпостного строя: принудительной общины, крестьянской обособленности и учрежденія близкой къ народу власти, въ которой крестьянство безъ большого труда увидѣло прежняго владыку — барина. Этими мѣрами какъ бы нарочно подготовлялись условія, объединяющія все, или почти все, крестьянство на общую коллективную борьбу, борьбу неотвратимо долженствующую направиться и на близкую власть, а черезъ ея голову и на весь политическій порядокъ. Не много можно найти аналогій такой самоубійственной политикѣ [2]).

Едва прошло 7 лѣтъ послѣ 91 г., какъ правительство вынуждено было уже принимать экстренныя мѣры по поводу возобновившихся крестьянскихъ волненій. Приведемъ въ подлинникѣ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17-го іюля 1898 г. за № 4894, въ которомъ описываются какъ самыя волненія, такъ и мѣры для борьбы съ ними.

«Изъ поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ, преимущественно южныхъ и юго-восточныхъ гу-

---

[1]) См. изслѣдованіе Карышева о крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендахъ въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ т. I, стр. 279—283: „слѣдуетъ считать установленнымъ, что процессъ вздорожанія арендъ съ начала 60-хъ годовъ до начала или половины 80-хъ годовъ былъ весьма постояннымъ, послѣдовательнымъ и распространеннымъ.

Не трудно, однако, замѣтить изъ приложенныхъ къ настоящей работѣ таблицъ, что указанный процессъ въ послѣдующее время пріостановился“.

[2]) Въ содѣйствіи разслоенію деревни, въ насажденіи буржуазныхъ отношеній, буржуазнаго и административнаго правопорядка заключалось единственное средство предупредить крестьянскую революцію. Представитель буржуазіи въ правительствѣ, Витте, усиленно настаивалъ, особенно съ середины 90-хъ годовъ, на измѣненіи политики въ этомъ направленіи, для чего искалъ даже поддержки общественнаго мнѣнія, пользуясь всеподданнѣйшими докладами, публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе. Но у правительства была другая рука, и притомъ болѣе сильная—правая—дворянская, и она-то поддерживала соціальный status quo.

берніяхъ, за послѣднее время возникаетъ рядъ крестьянскихъ безпорядковъ, проявляющихся въ видѣ систематическихъ потравъ помѣщичьихъ полей и луговъ, съ выгономъ скота подъ карауломъ вооруженныхъ палками, кольями и вилами людей, въ нападеніяхъ на помѣщичьихъ объѣзчиковъ и сторожей или значительныхъ порубокъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, при дракахъ съ полѣсовщиками. При захватѣ объѣзчиками крестьянскаго скота, крестьяне съ цѣлью его освобожденія, *нерѣдко цѣлыми деревнями*, совершаютъ вооруженныя нападенія на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ и производятъ раздѣлъ хозяйственныхъ и даже жилыхъ построекъ, нанося побои и увѣчья служащимъ и караульщикамъ. Подобныя безчинства сопровождались въ нѣкоторыхъ случаяхъ вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи, а въ Воронежской губерніи, въ маѣ сего года, ночью былъ произведенъ выстрѣлъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ въ ѣхавшихъ по деревнѣ арендатора и станового пристава, принимавшаго участіе въ прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ недоразумѣній крестьянъ съ арендаторомъ, причемъ становой приставъ былъ убитъ. Независимо отъ сего былъ случай жестокаго избіенія толпой, на базарѣ, одного землевладѣльца, изъ-за денежныхъ разсчетовъ по полевымъ работамъ съ угрозами и впредь расправляться подобнымъ образомъ съ нанимателями. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ буйствамъ и своеволію крестьянъ мѣстныя *власти были безсильны* оказать какое-либо противодѣйствіе и, изъ боязни также по отношенію къ нимъ со стороны крестьянъ насилій, большею частью бездѣйствовали».

Далѣе циркуляръ говоритъ: «признавая настоятельно необходимымъ положить предѣлъ своеволію крестьянскаго населенія по отношенію къ землевладѣльцамъ и ихъ имуществамъ, имѣю честь просить принимать самыя рѣшительныя мѣры для ихъ предупрежденія и подавленія». Изложимъ вкратцѣ и самыя эти мѣры: 1) Усилить наблюденія за ярмарками и базарами и вообще мѣстами скопленія рабочаго люда; 2) Внимательно слѣдить за взаимными отношеніями крестьянъ съ землевладѣльцами и арендаторами, стараясь предупредить возникновеніе конфликтовъ; 3) Установить особое наблюденіе за сельскими адвокатами и другими пришлыми людьми, особенно высланными изъ другихъ мѣстъ; 4) Арестовать въ порядкѣ охраны тѣхъ, которые могутъ дѣйствовать вредно на сообщественниковъ и представлять ихъ въ министерство къ высылкѣ; 5) На мѣста волненія выслать вице-губернатора или ѣхать самому губернатору и вызывать воинскую команду для прекращенія, въ самомъ зачаткѣ волненія, *могущаго* выразиться въ буйствѣ и насиліи.

Несмотря на то, что эти мѣры фактически всю сельскую Россію отдавали подъ режимъ чрезвычайной охраны, не смотря на то, что всѣ онѣ были разсчитаны на то, чтобы предупредить или прекратить волненія въ самомъ зачаткѣ ихъ, — возобновившееся крестьянское движеніе все развивалось и развивалось. Темпъ развитія промышленности замедлился,—въ 1901 г. разразился уже кризисъ, арендныя цѣны, послѣ временной пріостановки, быстро шли въ гору, крестьянинъ уже успѣлъ лишиться значительной доли лошадей и другихъ средствъ производства; жить стало «не въ моготу».

Въ № 7 «Рабочаго дѣла» за 1900 г., находимъ корреспонденцію изъ *Пол-*

тавы, въ которой, между прочимъ, говорится: «не одною борьбою между пролетаріями и собственниками становится интересна наша деревня: въ ней уже возникла (слѣдовало бы сказать: возобновилась. В. Г.) другая борьба — борьба огромнаго класса земельныхъ собственниковъ крестьянъ съ давящими ихъ крупными и средними сельско-хозяйственными капиталистами» (очевидно, авторъ разумѣетъ: помѣщиковъ и арендаторовъ. В. Г.).

Осенью 1901 г. С. Нечетный могъ уже составить довольно обширный очеркъ крестьянской борьбы [1]) «въ опредѣленномъ районѣ нѣсколькихъ уѣздовъ, наблюдавшейся въ срединѣ и концѣ 90-хъ годовъ». «Общій характеръ мѣстности чисто земледѣльческій; уровень экономической состоятельности крестьянства довольно разнообразенъ отъ сравнительно достаточнаго у государственныхъ, до нищенскаго въ селеніяхъ бывшихъ дворовыхъ или бывшихъ же приписанныхъ къ фабрикамъ. Господскія поля обрабатываются крестьянами. Въ представленіи крестьянъ, до сихъ поръ, на землю имѣетъ право тотъ, кто обрабатываетъ ее своими руками. Крестьяне непрерывно борются своими средствами: потравой, порчей орудій, краснымъ пѣтухомъ за улучшеніе арендныхъ условій, за повышеніе заработной платы, при чемъ не допускаютъ ни чужихъ арендаторовъ, ни пришлыхъ рабочихъ».

«Въ нашей мѣстности бывали попытки устройства сельско-хозяйственныхъ стачекъ, особенно въ урожайные годы, и вообще сельско-хозяйственный пролетарій начинаетъ шевелиться».

«Бываютъ случаи, когда аграрныя отношенія обостряются до такой степени, что крестьяне, потерявъ терпѣнье, разносятъ помѣщичьи усадьбы; напримѣръ 7-го мая 1898 г. крестьяне «Золотой Балки» Херсонской губ., толпой въ 200 человѣкъ, вооруженные кольями, явились выручать загнанный скотъ. Съ криками: «Докы же намъ тiрпiть, разорымо усе!», толпа произвела полный *разгромъ* помѣщичьяго дома и службъ.

Общій выводъ автора таковъ: мы можемъ констатировать въ нашей мѣстности фактъ постоянной борьбы крестьянства съ частными землевладѣльцами. То же можно сказать и о другихъ мѣстахъ. «Листокъ Свободнаго Слова», приводя сообщенія объ аграрныхъ столкновеніяхъ въ Воронежской губерніи, замѣчаетъ, что подобные случаи не представляютъ изъ себя ничего выдающагося или исключительнаго, являясь образцомъ того, что происходитъ во всей Россіи, но предохраняется отъ оглашенія въ печати». Подтверждая, что въ газеты попадаютъ свѣдѣнія о волненіяхъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до суда, г. Нечетный говоритъ, что и по газетнымъ свѣдѣніямъ можно видѣть, что аграрныя волненія имѣли мѣсто во всей Россіи: на юго-западѣ: въ губерніяхъ Бессарабской, Кіевской, Подольской; на югѣ: въ Таврической, Херсонской губ. и Области Войска Донскаго; въ центрально-земледѣльческомъ и восточномъ районахъ: въ Полтавской, Орловской, Тамбовской, Саратовской, Самарской губ.; на сѣверо-западѣ: въ губерніяхъ Псковской и Минской; на сѣверо-востокѣ въ

[1]) Мы говорили объ очеркѣ „У земли“, помѣченномъ ноябремъ 1901 г. и напечатанномъ въ февралѣ 1902 г., т. е. до Полтавско-Харьковскаго движенія, въ „Вѣстникѣ русской революціи“ (№ 2). Изъ этого же очерка заимствована нами цитата изъ „Рабочаго Дѣла“.

губерніи Пермской; наконецъ, въ промышленныхъ губерніяхъ: Московской и Костромской. Въ томъ же очеркѣ отмѣчено, что кромѣ борьбы экономической, крестьянинъ вынуждается вести борьбу въ защиту своей человѣческой личности, въ защиту своихъ правъ, какъ человѣка и члена общества, и авторъ подчеркиваетъ, что иногда въ этой борьбѣ крестьяне дѣйствуютъ съ удивительной солидарностью и сорганизованностью. Въ доказательство приводится нѣсколько случаевъ выбора крестьянскими обществами уполномоченныхъ и стойкой защиты ихъ при попыткѣ администраціи арестовать ихъ и выслать. Въ с. Днѣпровкѣ Таврической губ. понадобилось выслать 2 баталіона пѣхоты, чтобы арестовать уполномоченныхъ. Когда ихъ выслали, общество постановило выдать имъ харчевыя изъ общественныхъ суммъ. Приводитъ также авторъ, для характеристики отношеній къ власти, случай избіенія земскаго начальника въ Тагилѣ Пермской губ. и убійства такового же въ Херсонской губ. Что касается состоянія умовъ въ деревнѣ, авторъ, обращая вниманіе на общій подъемъ культурности, указываетъ, что надежда на царскую милость начинаетъ падать, что сектанство принимаетъ революціонный оттѣнокъ, указываетъ, что въ массѣ вырабатываются фигуры сознательныхъ борцовъ, которые помимо партійныхъ организацій и вліяній ведутъ агитацію или даже активную борьбу. Интересно наблюденіе г-на Нечетнаго о томъ, что нѣкоторымъ крестьянамъ «не чужда мысль — надежда на скорый коренной переворотъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, при чемъ иногда назначаютъ даже срокъ въ 3—7 лѣтъ».

Вырабатываются даже теоріи непрерывныхъ бунтовъ, которые-де въ концѣ концовъ должны утомить помѣщиковъ и власти и заставить ихъ сдаться [1]).

Заключаетъ авторъ свой обзоръ такими словами: «Люди, близко присматривающіеся къ современному крестьянству — увѣряютъ, что стихійный взрывъ крестьянскаго движенія представляется отнюдь не невозможнымъ».

Онъ въ этомъ не ошибся. Уже въ августѣ 1901 г. изъ типичной губерніи черноземнаго центра—Воронежской губ., писали: «У насъ въ воздухѣ виситъ что то зловѣщее: каждый день на горизонтѣ зарево пожаровъ, по землѣ стелется кровавый туманъ — дышется и живется трудно, точно передъ грозой. Мужикъ угрюмо молчитъ, а если заговариваетъ иногда, то такъ, что морозъ по кожѣ пробираетъ» [2]).

Минуя отдѣльныя вспышки аграрныхъ волненій въ этомъ же году въ другихъ губерніяхъ, перейдемъ къ 1902 г.

Въ январѣ 1902 г. правительство, чувствуя, что въ деревнѣ неладно, что одними репрессіями ограничиться нельзя,—образуетъ «особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», а весной одновременно и независимо одно отъ другого въ двухъ противоположныхъ концахъ черноземной

---

[1]) Авторъ подчеркиваетъ самопроизвольность зарожденія этихъ „теорій", а между тѣмъ, онѣ больше чѣмъ сходны съ теоріей бунтарей 70-хъ годовъ и какъ бы предвосхищаютъ теорію 1906 г., изложенную Н. Ленинымъ въ „Роспускѣ Думы и задачахъ пролетаріата" и подробно развитую въ „Пролетаріи".

[2]) Цитировано у П. П. Маслова: Аграрный вопросъ, т. II стр. 106.

Россіи, на западѣ въ Малороссіи и на востокѣ въ Саратовской губерніи, возникаютъ серьезныя массовыя движенія, охватывая въ Малороссіи, въ теченіе нѣсколькихъ дней, нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ рядѣ остальныхъ губерній, какъ сѣверныхъ: Тверской, Вятской, такъ и южныхъ: Херсонской, Донской, Кіевской, Подольской, какъ западныхъ: Псковской, Ковенской, такъ восточныхъ: Уфимской,—очень неспокойно. Наконецъ, въ Кавказской Гуріи съ 1901 г. начинается крупное, удивительное по организованности и выдержанности, движеніе.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ *описывать* его проявленія, мы должны лишь, пользуясь описаніями, сдѣланными другими, вскрыть причины движенія, уяснить себѣ цѣли борящихся, обрисовать формы борьбы и по возможности учесть размѣръ и вліяніе движенія [1]).

Начнемъ съ Полтавской губерніи.

Статистическіе источники и корреспондентскія сообщенія даютъ такую картину взаимоотношеній крестьянскаго и частновладѣльческаго хозяйства и ихъ измѣненія въ послѣдніе годы.

Корреспондентъ «Освобожденія» (№ 2), хорошо знакомый съ дѣломъ, пишетъ, что «въ районѣ движенія земельная тѣснота исключительная, надѣлъ по 1½ дес. на душу. При огромной черезполосицѣ—полная зависимость отъ помѣщиковъ: промыслы развиты слабо. На мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ цѣна падаетъ до 15—20 коп. въ день. Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе крестьянъ хуже. Населеніе растетъ и требованіе на рабочія руки съ развитіемъ машиннаго хозяйства [2]) уменьшается, въ то же время сокращается площадь земли, сдаваемой въ аренду, такъ какъ улучшается хозяйство помѣщиковъ и увеличивается площадь ихъ собственной запашки [3]). Въ частности въ Карловской экономіи, съ которой начались волненія, хоть надѣлъ и выше обычнаго (4 дес.), но и здѣсь зависимость отъ экономіи—полная.

Образцовая, въ техническомъ смыслѣ, экономія сдаетъ въ аренду немного земли, но связываетъ аренду съ отработками, чтобы обезпечить себя рабочими руками.—Таковы русскія образцовыя экономіи, а Карловка, дѣйствительно, образцовое имѣніе! Кромѣ того, часть земли сдается крупнымъ арендаторамъ, передающимъ ее крестьянамъ по мелочамъ за двойную плату. Крестьяне не разъ просили измѣнить этотъ порядокъ, предлагая хорошую цѣну, но тщетно. Гдѣ же управляющему возиться съ массой голодныхъ и грубыхъ мужиковъ!

Относительно измѣненія въ условіяхъ аренды за послѣднее семилѣтіе изъ

---

[1]) Мы будемъ пользоваться корреспонденціями „Искры“, „Освобожденія“, „Жизни“ и сводкой сообщеній „Рев. Р.“, сдѣланной П. П. Масловымъ въ его II томѣ „Аграрнаго Вопроса“, а также, „Обзорами сельскаго хозяйства Полтавской губерніи“ за соотвѣтствующіе годы, составленными Статистическимъ Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Вездѣ, гдѣ не будетъ указанъ источникъ, будетъ значить, что цитата взята изъ книги Маслова.

[2]) Обзоръ сельскаго хозяйства добавляетъ, что въ послѣдній годъ главный промыселъ—отходъ на югъ на сельско-хозяйственныя работы, вслѣдствіи той же причины—машинной уборки и тамъ рѣзко сокращался, заставивъ полтавскихъ крестьянъ оставаться дома и искать земли въ аренду.

[3]) Статистическій обзоръ, подтверждая эти данныя, добавляетъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сдается въ аренду только плохая, выпаханная земля.

«Статистическаго обзора» узнаемъ: начиная съ 1896 г., денежная плата за съемку земли возрасла къ 1902 г. почти въ два раза, вознагражденіе владѣльца земли при скопщинной (испольной) съемкѣ половинною долею урожая все болѣе и болѣе вытѣсняло другія, болѣе низкія, нормы вознагражденія, причемъ послѣдніе годы случаи доплатъ, повидимому, сдѣлались болѣе частыми, чѣмъ было ранѣе [1]).

Введеніе машинъ, «особенно усилившееся за послѣдніе 4—5 лѣтъ» [2]), увеличеніе собственной помѣщичьей запашки не исчерпывали собою причинъ уменьшенія аренднаго фонда и роста арендныхъ цѣнъ. Помѣщики, не умѣвшіе перейти къ крупному хозяйству, все усиленнѣе и усиленнѣе продавали свои земли богатымъ крестьянамъ и казакамъ, которые «носятъ шапки изъ онучъ—эти уже совсѣмъ не сдаютъ земли, а обрабатываютъ ее сами» (стр. 221). Увеличился рѣзко и спросъ на землю со стороны крестьянъ, ранѣе не обрабатывавшихъ землю. Имѣется такое сообщеніе: «По случаю всеобщаго неурожая въ особенности на югѣ, гдѣ большая часть рабочихъ зарабатывала для себя годовую препорцію и не занималась хлѣбопашествомъ, послѣдніе два года заработковъ почти не было, а потому то вся рабочая сила накинулась на хлѣбопашество» (стр. 224).

Нельзя обойти молчаніемъ и той группы сообщеній, которая выясняетъ, что техническій прогрессъ, не сопровождаемый интенсификаціей производства, облегчаетъ возможность завести арендное хозяйство: «Для того, чтобы сдѣлалась понятной разница въ наймѣ земли,—пишетъ одинъ корреспондентъ,—нужно вернуться лѣтъ за двадцать назадъ. Въ то время хлѣборобовъ было мало, потому что пахали землю деревянными плугами непремѣнно на 6-ти, а то и на 8-ми хорошихъ волахъ. Но вдругъ система эта сама собой измѣнилась и теперь самый бѣдный купилъ себѣ лошадку за 15 руб. и вспахалъ (желѣзнымъ плугомъ) свою земельку, лошадку на зиму продастъ за 3 р., онъ и въ барышахъ». Другая корреспонденція даетъ такое обобщеніе: «Лѣтъ 10 тому назадъ обработать 10 десятинъ нужно было 2 пары воловъ, а теперь одною лошадью 20 дес. запахиваютъ» (стр. 225).

Помимо этихъ общихъ причинъ, существовали и причины временныя,—плохой урожай предшествующаго года и отсутствіе продовольственной помощи: въ 1900 г. старая земская организація перестала существовать, а новая бюро-

[1]) Обзоръ за 1902, стр. 214.

Годы.	Денежная аренда: Подъ озимое.	Подъ яровое.	Испольная аренда: % показаній, что владѣльцу отдавалась часть урожая: ½.	⅔.	¼.
1896	6,85	6,26	73	5	22
1897	7,89	7,73	74	4	22
1898	9,29	8,99	84	3	13
1899	10,75	9,61	86	3	11
1900 . . .	11,86	10,71	86	4	10
1901	13,22	12,27	91	1	8
1902	14,46	13,58	—	—	—

[2]) Тамъ же, 220.

кратическая, еще не наладилась. Недостатокъ хлѣба для продовольствія и былъ непосредственнымъ поводомъ для движенія: крестьяне пошли за хлѣбомъ, но было бы большой ошибкой истолковать ихъ движеніе только, какъ продуктъ голода. Нѣтъ, крестьяне въ большинствѣ случаевъ стремились покончить со всѣмъ прежнимъ строемъ отношеній. Хожденію по экономіямъ предшествовало общее возбужденіе, броженіе умовъ.

«Еще въ февралѣ въ средѣ крестьянъ Константиноградскаго уѣзда пошли толки, что скоро настанетъ время, когда не будетъ ни пановъ, ни мужиковъ, появились книжки и прокламаціи.

Пропаганда шла навстрѣчу умственнымъ потребностямъ крестьянъ, и несомнѣнно, выражала то, что назрѣло въ душѣ крестьянской: страстное желаніе добраться до земли и сознаніе своего права на нее. Перваго марта была ярмарка,—въ С. Максимовкѣ народъ собрался толпами и толковалъ: «отцы и дѣды обрабатывали барскую землю, значитъ, все добро наше». Исправникъ, счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ толпѣ съ рѣчью, въ которой пытался убѣдить ее, что самъ Богъ создалъ пана и мужика» (Освобожденіе № 16, корреспонденція «Канцелярской крысы»). Но, очевидно, проповѣдь эта успѣха не имѣла.

Изъ № 20 «Искры» узнаемъ, что въ среднихъ числахъ марта появились слухи объ обыскахъ у крестьянъ, о распространеніи прокламацій. Послѣ 25 марта получились вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о броженіи среди крестьянъ и казаковъ. Управляющій Карловской экономіей и городской голова Трегубовъ затребовали присылки войскъ. Въ первой экономіи забрали часть картофеля, изъ экономіи второго—весь хлѣбъ. Населеніе, увѣренное въ томъ, что теперь все можно, отобрало въ цѣломъ рядѣ имѣній весь хлѣбъ, запасы сѣна и соломы. Крестьяне дѣйствуютъ спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Часто со старостами и сотскими во главѣ, подъѣзжаютъ они къ усадьбамъ и требуютъ ключей отъ амбаровъ и складовъ. Обыкновенно владѣлецъ предупреждается за день, что у него назначенъ разборъ хлѣба. Если владѣлецъ не даетъ ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлѣбомъ и всѣ разъѣзжаются по домамъ. Крестьяне объясняютъ, что «царству пановъ пришелъ конецъ» и что «велѣно забирать по 5 пудовъ на душу». Одинъ помѣщикъ отвѣсилъ эту пропорцію 80 крестьянамъ, явившимся къ нему, и у него больше ничего не тронули. Хлѣбъ забирается и у односельчанъ богачей, особенно у тѣхъ, кого народъ не долюбливаетъ. Никакихъ избіеній и насилій крестьяне не производятъ. Ростъ движенія быстро увеличивается. Роль возбудителя сыграли прокламаціи и брошюры. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположенія и догадки. Говорили, что царь бѣжалъ за границу и отказался отъ помѣщиковъ, что три года будетъ править наслѣдникъ и что теперь «ихъ, мужиковъ, власть». Упоминаютъ о манифестѣ и о надѣленіи крестьянъ по 6-ти десятинъ и т. д. Между тѣмъ, движеніе съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе стихійный характеръ. Никто не ожидалъ ничего подобнаго»,—заканчиваетъ корреспондентъ [1]).

[1]) Какъ мы видѣли, были люди, для которыхъ стихійное массовое движеніе не было неожиданностью.

Когда, при попыткѣ толпы крестьянъ изъ нѣсколькихъ деревень—разобрать муку на мельницѣ Трепке, явились власти и отрядъ солдатъ, то изъ толпы раздались крики: «У насъ нѣтъ ни ступни земли, пусть намъ дадутъ ѣсть, а то возьмемъ все сами». «Дайте же намъ по 5 пудовъ хлѣба и по столько же (по 5 дес.) земли».

«Рѣжьте насъ, все равно приходится умирать безъ земли!»

На угрозы начальника отряда, что онъ прикажетъ стрѣлять, толпа отвѣчала:

«Брешешь! Стрѣлять не смѣешь, Царь не велѣлъ»! Понадобилось три залпа, послѣ которыхъ легли двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, чтобы толпа разбѣжалась.

Но характерно: на слѣдующій день она вновь собралась и потребовала, чтобы ушло войско, говоря, что «офицеры строго отвѣтятъ за происшедшее наканунѣ, передъ Государемъ Императоромъ» [1]).

Описанное движеніе вовлекло въ себя по подсчету П. Маслова много десятковъ тысячъ и охватило значительную часть двухъ уѣздовъ Полтавской губерніи: Константиноградскаго и Полтавскаго и двухъ же уѣздовъ Волковскаго и Богодуховскаго губерніи Харьковской. Въ первой было разобрано 54 помѣстья, во второй 25 экономій и 2 усадьбы—сожжены. Подавлено движеніе было частью пулями, но, главнымъ образомъ, массовыми тѣлесными истязаніями и грандіозными арестами.

Къ суду привлечено 1098 человѣкъ.

Но наказали не только дубьемъ, но и рублемъ. На волновавшіяся сельскія общества, по средневѣковому принципу отвѣтственности всѣхъ за нѣсколькихъ, была наложена 800-тысячная контрибуція.

Ужасы усмиренія сдѣлали свое дѣло: «среди крестьянъ теперь полный упадокъ настроенія, цѣлуютъ руки начальству, упорно стоя на колѣняхъ, твердятъ, что дѣтямъ и внукамъ закажутъ бунтовать. Но, — спѣшитъ прибавить корреспондентъ «Освобожденія», откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія—«въ другихъ мѣстахъ таятся, повидимому, какія то надежды, отдѣльныя лица проявляютъ озлобленіе и угрожаютъ повтореніемъ безпорядковъ». Скорое будущее показало, что озлобленіе и готовность къ повторенію безпорядковъ остались не только у отдѣльныхъ лицъ.

Вглядываясь въ содержаніе движенія, мы встрѣчаемся съ знакомыми уже чертами: цѣлью, помимо удовлетворенія непосредственной нужды въ продуктахъ необходимыхъ для существованія, служило стремленіе или выжить помѣщиковъ [2]) или добиться уступки хотя бы части земли. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне довольствовались достиженіемъ первой цѣли: въ Карловкѣ успокоились, получивъ по 5 пудовъ картофеля.

Дѣйствуютъ крестьяне не только скопомъ, открыто, но и пользуются своей мірской организаціей, идутъ во главѣ съ сотскими и старостами. Форма движенія—разборка или разгромъ. Отзвукъ прошлаго слышенъ и въ томъ, что

---

[1]) Эпизодъ на мельницѣ Трепке изложенъ по Маслову.

[2]) „Стремленіе завладѣть землей частныхъ собственниковъ проглядываетъ во всѣхъ случаяхъ нападенія на экономіи“ (П. Масловъ).

теперь «дозволено», «новые законы вышли», «царь не велѣлъ стрѣлять», что выйдетъ, или уже вышелъ «указъ о надѣлѣ каждой «души» по 6 дес.».

Обратимся теперь къ другому концу черноземной Россіи, къ губерніи Саратовской, гдѣ встрѣтимся съ значительно инымъ типомъ движенія. Тамъ уже долгіе годы кипитъ, то съ меньшей, то съ большей силой борьба мужика съ бариномъ. Эта борьба,—по выраженію корреспондента «Освобожденія»—представляетъ изъ себя «хроническое состояніе» Саратовской деревни. Но съ весны 1902 года наступило такое рѣзкое ея обостреніе, что пришлось заговорить о немъ. Бросалось въ глаза, прежде всего, глубокое идейное броженіе.

«Съ ранней весны, между крестьянами шли толки о томъ, что земля отойдетъ отъ помѣщиковъ къ нимъ. Нелегальная литература появилась въ изобиліи, читали ее, иногда не скрываясь и собираясь толпами въ ригахъ и сараяхъ, а также и на открытомъ воздухѣ, за церковной оградой. Очень горячо обсуждались полтавскія волненія, причемъ отъ частностей крестьяне переходили къ обсужденію общаго политическаго строя.

Борьба съ помѣщиками достигла широкаго распространенія, высокаго напряженія, не останавливаясь даже, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, предъ насиліемъ надъ личностью. «То и дѣло приходится слышать, что тамъ-то крестьяне поджигаютъ амбары, стоги сѣна, даже хлѣбъ на корню, въ другомъ мѣстѣ зашибли камнемъ проѣзжавшаго въ коляскѣ сосѣдняго помѣщика, тамъ выѣзжаютъ толпой въ поле и топчутъ хлѣба; въ другихъ мѣстахъ, открыто, днемъ выгоняютъ скотину на выгонъ купца и отбиваются дубьемъ отъ объѣзчиковъ, тамъ-то избили приказчиковъ» («Освобожденіе» № 7).

По кромѣ этихъ разрушительныхъ и захватныхъ формъ наблюдаются *бойкотъ* помѣщиковъ и *стачки*: «Въ с. Туркахъ, Балашовскаго уѣзда, крестьяне забастовали, не идутъ сами на работу къ помѣщику и бьютъ соглашающихся работать. («Листки Жизни», № 7). «Недавно разбирался процессъ крестьянъ Петровскаго у., обвинявшихся въ составленіи шайки для поджога усадебъ и сельскохозяйственныхъ строеній у помѣщика Ермолаева, Петровскаго уѣзда, съ цѣлью понужденія его удалиться изъ принадлежащаго ему имѣнія и отдать его крестьянамъ («Освобожденіе» № 4).

Крестьяне деревни Чернышевки того же уѣзда систематически жгли помѣщика, что побудило его сдать землю арендатору, крестьяне продолжали жечь и арендатора. Тогда имѣніе было продано богатому мужику, но продолжалъ горѣть и онъ и, наконецъ, былъ раненъ выстрѣломъ изъ ружья».

Ведя явно революціонную борьбу, крестьяне воспользовались заботливо сохраненнымъ и тщательно оберегаемымъ реакціоннымъ правительствомъ сословно—административнымъ самоуправленіемъ. Несмотря на полное его подчиненіе «земскому» и становому, оно оказалось могучимъ оружіемъ въ рукахъ крестьянъ: орудіе угнетенія они превратили въ орудіе борьбы. Составлялись формальные приговоры о томъ, «чтобы помѣщики сдавали землю по назначенной самими крестьянами цѣнѣ или обязательно продавали ее крестьянамъ, а сами убирались», или даже о томъ, чтобы запахивать помѣщичью землю и косить въ

---

[1]) Корреспондентъ „Освобожденія“ излагаетъ результаты оффиціальнаго разслѣдованія по поводу поджоговъ въ имѣніи Ермолаева Петровскаго у.

свою пользу ихъ луга». И эти приговоры во многихъ мѣстахъ приводились въ исполненіе. Наконецъ, необходимо подчеркнуть еще одинъ моментъ, это—отношеніе къ усмиряющей власти. Нечего и говорить, что волненія подавлялись военной силой.

«Губернаторъ то и дѣло выѣзжаетъ съ казаками въ разныя мѣста губерніи. Высылаются на постой по деревнямъ войска и производится сѣченіе розгами. Губернія наводнена шпіонами и жандармами,—производятся многочисленные аресты».

Результаты усмиренія, впрочемъ, далеко не блестящи, «несмотря на то, что послѣ сѣченія крестьяне выражаютъ какъ бы раскаяніе: становятся на колѣни, тѣмъ не менѣе, броженіе не утихаетъ и продолжаетъ расти». Мало того, военныя команды встрѣчали иногда прямой отпоръ. «Едва закончилась экзекуція въ с. Ключахъ, какъ въ селѣ Макаровкѣ произошла настоящая битва съ казаками» («Освобожденіе» № 7) [1]).

Такимъ образомъ, въ Саратовской губерніи мы наблюдаемъ гораздо болѣе сложную и напряженную борьбу, чѣмъ въ Малороссіи, и не слышимъ, чтобы крестьяне опирались на «дозволеніе» свыше. Цѣли крестьянъ вполнѣ опредѣленны—это или *ограниченіе* помѣщичьей эксплоатаціи, самими крестьянами установленными нормами, или же чаще, прямое уничтоженіе помѣщичьяго хозяйства. Средства борьбы: тайные поджоги, рѣже открытые захваты, и еще рѣже бойкотъ и стачки. Недоставало только открытыхъ разгромовъ, но они не долго заставили себя ждать. Причины волненій уясняются, между прочимъ, изъ того факта, что безпорядки происходили въ уѣздахъ: Аткарскомъ, Сердобскомъ, Петровскомъ и Балашовскомъ, преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ крестьяне страдали отъ малоземелья, находясь на дарственныхъ надѣлахъ [2]).

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ.

Сначала о сосѣдяхъ Саратовцевъ.

Въ *Тамбовской* губерніи наблюдалось угрожающее настроеніе крестьянъ. «Происходитъ какая-то пугачевщина—писалъ помѣщикъ,—по деревнѣ нельзя пройти, не услышавъ угрозы. По сосѣдству сожгли весь хлѣбъ у земскаго начальника. Говорятъ, что надѣяться нечего; надо идти самимъ и отобрать землю у богачей. Надъ тѣми, кто еще надѣются и чего-то ждутъ, открыто насмѣхаются и говорятъ: «да, жди!» Выводъ помѣщика—таковъ: «надо уѣхать, пока не сожгли и не повѣсили на воротахъ».

Но оказывается, что были въ той же губерніи и крестьяне, еще «надѣявшіеся».

Распланировку одного имѣнія крестьяне истолковали, какъ выполненіе приказа царя о передачѣ земли крестьянамъ. Во многихъ мѣстахъ въ большомъ ходу—аграрный терроръ.

---

[1]) По обвинительному акту дѣло представляется въ такомъ видѣ. Во время ярмарки въ въ с. Макаровкѣ, крестьяне напали на патруль. На помощь послѣднему прискакала цѣлая сотня казаковъ, но толпа не разбѣжалась, а пользуясь находящимися на площади телѣгами и вооружившись вилами, камнями и пр., вступила въ борьбу съ казаками. Въ результатѣ ранены приставъ и 9 казаковъ (вилами въ бокъ). („Освобожденіе" № 15).

[2]) Масловъ, ibid, 120

Въ *Воронежской* губеніи, въ уѣздахъ: Бобровскомъ, Валуйскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—наблюдалось сильное броженіе. Появились прокламаціи, крестьяне являются и требуютъ добровольно отдать имъ землю, хлѣбъ и скотъ, говоря, что все это принадлежитъ имъ, что объ этомъ даже пишутъ въ книжкахъ и угрожаютъ, въ случаѣ отказа, сжечь усадьбы и подѣлить землю по своему. Такой участи подвергся, между прочимъ, помѣщикъ Паренаго, у котораго крестьяне подрядъ нѣсколько лѣтъ жгутъ хлѣбъ и сѣно.

Въ Новороссійскихъ губерніяхъ, *Екатеринославской* и *Херсонской*—началось глухое броженіе: особенно часто слышится вопросъ,—правда ли, что земля отъ помѣщиковъ отойдетъ? А во множествѣ деревень началась настоящая эпидемія поджоговъ.

Въ губерніяхъ юго-западныхъ также замѣчались признаки возбужденія.

Крестьянскія волненія, пишутъ изъ *Волынской* губ., повторяются здѣсь, особенно въ теченіе 1902 г., все чаще и чаще, почти не прекращаясь. Были крупныя волненія въ с. Андрушевкѣ Житомірскаго у., очень много крестьянъ было арестовано. Весной наблюдались волненія возлѣ г. Кременца и почти одновременно въ Новоградволынскомъ у. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгали къ содѣйствію военныхъ силъ и поркѣ.

Рядомъ съ Полтавщиной въ губ. *Черниговской* «мѣстная администрація не на шутку встревожена все учащающимися фактами аграрныхъ преступленій, главнымъ образомъ поджоговъ: «Мы ни будымо як у Полтавi робыті: воны (т. е. паны) сами повтикают», увѣряютъ себя и другихъ крестьяне и дѣйствуютъ «своими средствіями». Въ маѣ мѣсяцѣ 1902 г. въ 3 деревняхъ Сураж-скаго у. Черниговской губ. происходитъ усмиреніе крестьянскихъ безпорядковъ».

Волненія вызваны, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ, земельной неурядицей, страшной тѣснотой отъ недостатка луговъ и пахатныхъ угодій.

Произошли безпорядки въ имѣніи Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, которые были усмирены войсками. Губернаторъ въ докладѣ министру указывалъ, что волненія произошли: «по причинѣ полной экономической зависимости отъ помѣщика крестьянъ, стѣсненныхъ выпасомъ и водопоемъ для скота».

Броженіе не ограничилось черноземной Россіей; отмѣчались, правда, лишь единичныя и незначительныя столкновенія въ губерніяхъ: *Ковенской* и *Псковской* съ одной стороны, а также *Вятской*, *Пермской* и *Уфимской* съ другой. Гораздо болѣе сильныя волненія наблюдались въ губерніяхъ юго-востока, прилегающихъ къ Кавказу,—Ставропольской и Кубанской и на самомъ Кавказѣ—въ Гуріи.

«Въ *Ставропольской* губ. имѣли мѣсто стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и были случаи приступа къ дѣлежу земли» («Освобожденіе», № 12).

Въ *Кубанской* области—широкой волной разлились стачки рабочихъ, охватившія громадную территорію, число участниковъ стачки доходило до 10.000» («Листки Жизни», № 6).

Наконецъ, въ *Гуріи* съ 1901 г. началось движеніе, которому суждено было стать дѣйствительно массовымъ, организованнымъ сознательнымъ движеніемъ, органически сочетавшимъ экономическій и политическій моментъ.

Это движеніе особенно интересно потому, что оно, по компетентному мнѣнію П. Маслова, происходило на той же почвѣ, какъ и въ Россіи. «Однѣ и тѣ же причины, говоритъ онъ, вызывали и одинаковыя слѣдствія и даже одинаковыя формы движенія» [1]).

Первоначально движеніе въ Гуріи носило чисто аграрный характеръ. Орудіемъ борьбы служилъ аграрный терроръ ,принимавшій все болѣе и болѣе грозные размѣры въ 1901 году.

Въ 1902 г. безпорядки вспыхнули съ новой силой. Крестьяне стали добиваться болѣе льготныхъ условій пользованія землею,—предложивъ землевладѣльцамъ получать $^1/_{10}$ урожая, вмѣсто $^1/_2$ или $^1/_3$. Послѣдніе не согласились. Начался бойкотъ. Нѣсколько сельскихъ обществъ отказались отъ всякихъ работъ, всѣ вольно-наемные рабочіе побросали экономіи, даже прислуга,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все это сопровождалось поджогами.

Сходки крестьянъ, носившія характеръ бурныхъ собраній, скоро перешли изъ Кутаискаго у. въ сосѣдніе.

О политикѣ и связи ея съ «экономикой» крестьяне не знали и не думали. «Нерѣдко въ народѣ можно было слышать: «Государь держитъ нашу сторону, студентовъ высыласть онъ, онъ ихъ проситъ: идите, подымайте народъ, заставляйте его бунтовать противъ помѣщиковъ».

Вскорѣ крестьяне на опытѣ узнали о значеніи «политики». Дворянство рѣшило съ оружіемъ въ рукахъ защитить свои права и собственность и обратилось къ правительству. Была обѣщана помощь и командированы казаки для подавленія движенія. Мѣстами дворяне съ оружіемъ въ рукахъ заставляли работать на своихъ земляхъ.

Послѣ усмиренія до 300 человѣкъ высылается изъ Кутаисской губерніи въ Сибирь и въ другія отдаленныя мѣста, а съ крестьянъ взыскиваются убытки помѣщиковъ.

Репрессіи правительства натолкнули крестьянъ на путь политической борьбы и расчистили путь для усиленія вліянія соціалъ-демократіи.

Соціалъ-демократія, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовалась результатами этой политики, и за репрессіями послѣдовало систематическое, планомѣрное сознательное движеніе.

Помѣщики, чтобы сломить упорство крестьянъ, пригласили на болѣе льготныхъ арендныхъ условіяхъ мингрельцевъ, но тѣ, по предложенію гурійцевъ, отказались отъ льготныхъ условій и не согласились обработывать помѣщичьи земли. Былъ созванъ рядъ собраній, на которыхъ какъ мингрельцы, такъ и имеретины вынесли требованія о пониженіи арендной платы, и объ обязательномъ участія дворянъ въ отбываніи натуральныхъ повинностей.

Солидарность крестьянъ окончательно ошеломила растерявшихся помѣщиковъ, которые поспѣшили вновь прибѣгнуть къ помощи правительства. Снова усмиренія, сопротивленія властямъ, аресты и проч.

Въ 1903 г. въ той же Гуріи крестьяне всей массой,—которой не рѣшались противодѣйствовать даже опредѣленно буржуазные элементы деревни,—объ-

[1]) Ibid. 123.

явили войну помѣщикамъ и властямъ. Они прекратили или уменьшили платежи за аренду, отказывались отъ отработокъ,—перестали платить подати, не признавали правительственныхъ должностныхъ лицъ, бойкотировали ихъ, создавали свои учрежденія, вооружались для предстоящей рѣшительной борьбы. И все это мощное движеніе развивалось въ тѣсномъ единеніи съ городскимъ пролетаріатомъ и его партіей.

Въ области экономической эффектъ массовой борьбы былъ тотъ, что часть дворянъ пошла на уступки; остальные же дворяне выѣхали изъ Гуріи. Но интересно, что крестьяне не воспользовались оставленнымъ добромъ, не воспользовались и землями [1]). Въ такомъ положеніи—безъ помѣщиковъ, съ своими судами и администраціей, игнорируя оффиціальныя власти, — вступили гурійцы въ 1905 годъ.

Нигдѣ въ другихъ частяхъ страны движеніе не достигло такихъ результатовъ.

Переходя къ Европейской Россіи, мы сохранимъ тотъ же порядокъ губерній, который приняли при изученіи 1902 года.

Въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ движеніе въ 1903—04 годахъ не повторялось. Далеко нельзя этого сказать про *Саратовскую* губернію. Въ с. Шепелевкѣ Балашевскаго у. крестьяне примѣнили къ кулаку арендатору бойкотъ: они отказались почти всѣмъ селомъ паниматься къ нему на какую-бы то ни было работу.

То же, что ему удалось собрать,—въ теченіе нѣсколькихъ ночей—погорѣло. Губернаторъ явился въ сопровожденіи 100 казаковъ, которыхъ сейчасъ же размѣстили по избамъ.

Въ с. Ольховкѣ были сожжены 8 помѣщичьихъ домовъ: прибылъ губернаторъ, въ сопровожденіи казаковъ. Въ с. Туркахъ Балашовскаго уѣзда, крестьяне успѣли уже сжечь имѣнія нѣсколькихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и предводителя дворянства. Были расквартированы войска, но и это не помогло. На границѣ Балашовскаго уѣзда и Донской Области, у помѣщика Щуки сожжена была вся усадьба и самъ онъ былъ избитъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ, въ экономіи Устинова, нѣсколько разъ повторялись поджоги.

Понятно, почему корреспонденты изъ Саратовской губерніи писали:—«аграрный терроръ все больше и больше проникаетъ въ деревни нашей губерніи».

Въ *Воронежскомъ* уѣздѣ произошелъ случай захвата крестьянами монастырской земли, столкновеніе окончилось поркой 23-хъ зачинщиковъ.

Изъ Тамбовской губерніи свѣдѣній о волненіяхъ не имѣется, но ея мѣсто заняли сосѣднія: *Пензенская*, *Рязанская и Тульская* губерніи. «Тревожное время переживаютъ наши деревни» пишутъ «Р. Р.» изъ Пензенской губерніи. «Нынѣшнимъ лѣтомъ поджоги стали чуть ли не ежедневными событіями у насъ. Горятъ молотильные сараи, стога сѣна, клади ржи и даже хлѣба на поляхъ. Вообще жизнь деревни стали до крайности напряженной и помѣщики, такъ напуганы, что *предсказываютъ революцію*».

Относительно нѣкоторыхъ случаевъ поджоговъ указываются такіе непо-

---

[1]) Масловъ, ib. 429.

средственные поводы: «въ одномъ сожгли помѣщика за то, что онъ вновь ввелъ отработки, которые были отмѣнены въ 1892 г. Въ другомъ—причиной служило жестокое обращеніе управляющаго, разъѣзжавшаго съ нагайкой по полямъ и нерѣдко прибѣгавшаго къ ней».

Кромѣ поджоговъ имѣла мѣста и иная форма борьбы. Въ одномъ селѣ крестьяне сговорились между собой не идти къ помѣщику молотить хлѣбъ. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе съ большимъ единодушіемъ.

Въ *Тульской* губерніи крестьяне «все чаще отказываются работать на помѣщика; никакіе уговоры не помогаютъ, не помогаютъ и кабальные задатки. Зимой крестьяне ихъ берутъ, но весной все-таки на работу не идутъ.... и уходятъ на заработки на югъ».

Въ *Рязанской* губерніи въ Михайловскомъ уѣздѣ, было крупное столкновеніе изъ за черкесовъ, которыхъ завелъ князь Гагаринъ; когда одинъ изъ нихъ убилъ крестьянина, косившаго рожь на границѣ помѣщичьихъ и крестьянскихъ владѣній, то тотчасъ же собралась толпа и отправилась въ экономію, въ результатѣ князь былъ раненъ, одинъ черкесъ убитъ, а часть усадьбы была объята пламенемъ.

Въ Малороссійской *Черниговской* губерніи былъ убитъ помѣщикъ Владимировъ, возбудившій къ себѣ ненависть кулачествомъ, волокитствомъ и грубостью. Тамъ же крестьяне высѣкли помѣщика кн. Урусова.

Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ той же губерніи, въ с. Владыковой-Дѣвицѣ, произошло столкновеніе съ крестьянами, послѣ чего прибыли войска, была экзекуція и аресты.

Изъ южныхъ губерній, въ эти годы напомнила о себѣ *Херсонская*. Враждебное отношеніе между крестьянами и экономіями—достигло своего апогея. Борясь съ крестьянами, экономія, охраняемая цѣлымъ штабомъ объѣзчиковъ, приказчиковъ, ночныхъ сторожей, вооруженныхъ револьверами, въ отвѣтъ на каждое проявленіе ненависти со стороны крестьянъ, мстила систематическими репрессіями. Крестьяне же борются всѣми средствами, исключая поджоговъ, которые, хотя бываютъ, но рѣдко. На первомъ планѣ избіеніе, особенно камнями, всей администраціи усадьбы. Былъ случай, когда на несправедливый разсчетъ и ударъ «по мордѣ», помѣщикъ получилъ два удара топоромъ. Систематическое вытаптываніе разсады на экономическихъ огородахъ, порча фруктовыхъ деревьевъ никого уже не поражаютъ. Бывали случаи отравленія свиней и скота. Фраза «Бачылі, що вамъ було у Полтавѣ»—стала ходячей. Помѣщики, замѣчаетъ корреспондентъ, за послѣднее время стали смирнѣе и обыкновенно, въ случаѣ потравы, весьма скоро возвращаютъ скотъ, не взимая штрафовъ.

Переходя къ юго-западной Россіи, мы встрѣтимся уже съ довольно сильнымъ *стачечнымъ* движеніемъ. Въ 4-хъ деревняхъ Свирскаго уѣзда *Кіевской* губерніи 1-го мая рабочіе устроили забастовку, выставивъ требованіе объ увеличеніи заработной платы. Стачка продолжалась 2 недѣли и требованія крестьянъ—удовлетворены. Во время стачки крестьяне помогали другъ другу, кто чѣмъ могъ. Успѣхъ стачки сильно ободрилъ крестьянъ.

Вообще среди крестьянъ Кіевской губерніи отмѣчается сильное броженіе. Во многихъ мѣстахъ крестьяне обращаются съ новыми требованіями по поводу

найма на лѣтнія работы. Помѣщикъ старается обходиться при помощи годовыхъ рабочихъ и машинной обработки. На этой почвѣ разгорается ожесточенная борьба. Въ одномъ имѣніи, несмотря на расквартировку роты солдатъ, крестьяне сожгли хлѣбъ, а потомъ и экономію за то, что помѣщикъ не согласился отдать уборку хлѣба за пятый снопъ. Порубки и потравы—обычная вещь и вообще аграрныя преступленія очень часты. Оффиціальное донесеніе, по обычаю приписывая все дѣятельности тайныхъ агитаторовъ, констатируетъ, что «эта дѣятельность имѣла во многихъ мѣстахъ своимъ результатомъ неповиновеніе крестьянъ властямъ, а равно и поджоги, уничтожены нѣкоторыя частновладѣльческія усадьбы, а также скотъ во многихъ имѣніяхъ».

Изъ сосѣдней *Подольской* губерніи идутъ такія вѣсти: въ с. Дьяковкѣ Гайсинскаго у. крестьяне упорно бойкотируютъ сосѣдняго помѣщика. Въ теченіе 2—3 лѣтъ они категорически отказывались выходить на работу на помѣщичьи поля, несмотря на повышенную плату. Бойкотъ заставилъ помѣщика разстаться со своимъ имѣніемъ и сдать купцу-арендатору. Но арендаторъ оказался въ такомъ же положеніи, и черезъ 2 года былъ вынужденъ, подъ давленіемъ продолжавшагося бойкота, передать свою арендованную землю въ аренду крестьянамъ с. Дьяковки, что значительно улучшило ихъ экономическое положеніе. Населеніе этой деревни, какъ и большинство окружающихъ, состоитъ *изъ штундистовъ*, чрезвычайно охотно вступающихъ въ бесѣду и еще охотнѣе читающихъ «хорошую книжку»... Сосѣди дьяковцевъ поражены успѣхомъ ихъ борьбы и, повидимому, система бойкотированія крупныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ стала популярной...

Всѣ крестьяне С. Горячевки, Ольгопольскаго у., той-же губерніи, двинулись на усадьбу помѣщика и зажгли ее. Хотя помѣщикъ съ семьею успѣлъ спастись, но усадьба сгорѣла до-тла, такъ какъ крестьяне не позволили усадебной прислугѣ тушить пожаръ. Такимъ образомъ передъ нами прототипъ открытыхъ разгромовъ 1905 года.

Изъ нечерноземной Россіи имѣется всего лишь одно извѣстіе, изъ губ. *Новгородской*.—Броженіе въ деревняхъ по Бѣлозерскому уѣзду разросталось, благодаря невыносимымъ экономическимъ реальнымъ условіямъ и идейному пробужденію крестьянской массы. Когда весной явились сборщики податей и стали требовать платежей, то имъ пришлось натолкнуться на совершенно неожиданный отпоръ: крестьяне деревень Орлово, Ковжа, Мегра, всей Талицкой волости наотрѣзъ *отказались платить какія бы то ни было подати*. Никакіе уговоры не подѣйствовали. Тогда появились жандармы. Начались обыски и аресты. У многихъ крестьянъ найдена нелегальная литература.

Окидывая общимъ взглядомъ движеніе 1903—04 годовъ, П. Масловъ говоритъ: «Въ 1903—04 г. уже встрѣчаются почти всѣ формы борьбы, которыя въ болѣе широкихъ размѣрахъ развились въ 1905—06 годахъ». (130).

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что уже въ эти годы опредѣлились характерныя порайонныя различія въ формахъ и цѣляхъ движенія, равно какъ и въ самыхъ размѣрахъ его, съ которыми мы встрѣтимся, изучая эпоху революціи. Уже намѣтились также и мѣстности наибольшаго напряженія аграрной борьбы.

Въ черноземной Россіи, во главѣ ст Поволжьемъ и, особенно, губерніей Саратовской, уже назрѣваетъ открытый *разгромъ* помѣщичьяго хозяйства.

На юго-западѣ, особенно въ губерніи Кіевской, наряду съ тѣмъ же разгромомъ, еще сильнѣе развивается *стачка*. Въ Новороссійскихъ губерніяхъ одинаково сильно и то, и другое теченіе. Наконецъ, въ черноземной Россіи при слабо развитой борьбѣ изъ-за земли наблюдаются случаи лѣсныхъ *порубокъ* и *не платежа податей* [1]).

Вообще 1903—04 годы мало отличались отъ 1902 г. Временно выбыли изъ строя жестоко усмиренные полтавцы и харьковцы, но нельзя не подчеркнуть, что возобновившееся въ этихъ губерніяхъ въ годы революціи движеніе уже носило иную форму. Открытая разборка, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, уже не могла повториться. Количественно движеніе 1903—04 г. наблюдалось въ меньшемъ числѣ губерній, а именно въ 10, тогда какъ въ предшествующій годъ оно наблюдалось въ 16 изъ 47 губерній Европейской Россіи (безъ Прибалтійскаго края). Что касается Сѣв. Кавказа и Закавказья, то въ послѣдній изъ трактуемыхъ періодовъ оно не повторилось въ Ставропольской губ. и Кубанской области Сѣвернаго Кавказа, но зато въ Гуріи продолжало развиваться.

Интересно отмѣтить, что повторилось движеніе въ оба періода: съ одной стороны въ 1902 г., съ другой въ 1903—04 г.—въ пяти губерніяхъ: Саратовской, Воронежской, Херсонской, Кіевской и Черниговской, т. е. какъ разъ въ тѣхъ, съ которыми особенно часто мы будемъ имѣть дѣло при изученіи 1905—1906 годовъ.

Этотъ фактъ и подмѣченныя нами выше порайонныя различія формъ движенія, сохранившіяся и въ годы революціи, какъ нельзя болѣе ярко показываютъ, что корни крестьянскаго движенія лежатъ въ постоянныхъ соціальныхъ условіяхъ, что «случайности» въ движеніи очень немного.

Этимъ мы закончимъ наше изложеніе фактовъ крестьянской борьбы до революціи. Но мы не исполнили бы своей задачи, если бы не показали, какое вліяніе произвели эти факты на господствующій классъ и правительство. Въ 1904 году почти по всей Россіи происходили совѣщанія Сельско-Хозяйственныхъ комитетовъ. И вотъ какія рѣчи раздавались на нихъ [2]). Въ Вольскомъ комитетѣ Г. Граціановъ указывалъ, что «нужда въ землѣ приводитъ къ народнымъ волненіямъ. Земельная тѣснота создаетъ полтавскія и харьковскія народныя смуты и народныя волненія во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Эти факты настолько серьезны и такъ своевременны, что пропускать ихъ или поражаться ими, какъ неожиданностью, нѣтъ основаній». Земскій начальникъ Моргенштіернъ отмѣчалъ въ томъ же комитетѣ, что «нужда крестьянъ велика, малоземелье съ каждымъ годомъ ставитъ крестьянина все въ худшее положеніе и невольно порождаетъ недовольство, ропотъ и броженіе». Кн. Голицынъ свидѣ-

[1]) Кромѣ указаннаго въ текстѣ случая въ Новгородской губ. отмѣченъ аналогичный фактъ въ Петербургской губ., гдѣ еще въ 1901 г. въ д. Оголихѣ Гдовскаго у. было оказано сопротивленіе властямъ при сборѣ недоимокъ, а въ Пермской губ. въ 1901 и 1902 г. происходили битвы въ лѣсу между порубщиками, числомъ до 100 челов., и лѣсной стражей.

[2]) С. Н. Прокоповичъ, „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи", стр. 186 и друг.

тельствовалъ въ Харьковскомъ уѣздномъ комитетѣ, что «вся Россія встрепенулась отъ ужаса и очевидности экономическаго неблагоустройства громаднаго большинства нашего населенія, выразившагося въ угрожающихъ симптомахъ возстанія цѣлыми массами недовольнаго, темнаго, обездоленнаго и почти нищаго крестьянскаго населенія». Аналогичныя рѣчи слышались въ Константиноградскомъ, Лохвицкомъ, Тульскомъ губ. и Лебединскомъ комитетахъ. Въ Симбирскомъ губ. комитетѣ губернаторъ Ржевскій указывалъ, что «населеніе не подготовлено къ борьбѣ съ нищетой и, сознавая свое безсиліе, подъ гнетомъ нужды дѣлается способнымъ воспринимать пропаганду агитаторовъ. Ужасъ харьковскихъ и полтавскихъ безпорядковъ именно въ этомъ и заключался, такъ какъ они доказали, что необезпеченный земледѣлецъ можетъ стать гораздо опаснѣе всякаго пролетарія». Съ этой же точки зрѣнія посмотрѣлъ на крестьянское движеніе предводитель дворянства Юматовъ въ Вольскомъ комитетѣ: «Не городскіе, не фабричные и даже не столичные безпорядки опасны для государства. Опасность для спокойствія государства *глядитъ изъ деревни*». Вѣря, что «громадное пространство Россійской имперіи обезпечиваетъ то, что аграрный вопросъ не можетъ обостриться неожиданно, одновременно на площади всего государства — что даетъ время правительству принять мѣры къ успокоенію начинающагося движенія», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что «то же громадное пространство Россіи угрожаетъ величайшими бѣдствіями, если необходимыя мѣры не поспѣютъ за развитіемъ этого антагонизма». По его предложенію, комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію: «разрѣшеніе аграрнаго вопроса является самымъ необходимымъ, самымъ неотложнымъ и важнымъ государственнымъ мѣропріятіемъ настоящаго времени».

Аргументируя тѣми же недавними «печальными событіями Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерніяхъ», рядъ комитетовъ [1]) высказался за экспропріацію части частно-владѣльческихъ земель въ цѣляхъ борьбы съ острыми формами малоземелья: «дабы не довести дѣло до худшаго конца и для народа и для государства» [2]), какъ выразился Череповецкій комитетъ.

Это же сознавало и правительство. Замѣстившій убитаго Сипягина мин. внут. дѣлъ Плеве—въ своей рѣчи къ подчиненнымъ, предназначенной къ опубликованію, торжественно заявилъ: «превыше всѣхъ заботъ нашего времени является задача упорядоченія крестьянскаго дѣла». Но бывшій директоръ департамента полиціи ни до чего больше не додумался, какъ до увеличенія сельской полиціи и усиленія административной опеки надъ крестьянскимъ міромъ и опеки міра надъ личностью. Но въ правительствѣ образовалось и другое теченіе, представителемъ котораго былъ г. Витте, этотъ делегатъ буржуазіи въ дворянскомъ правительствѣ.

---

[1]) Интересенъ перечень этихъ комитетовъ, сдѣланный С. Прокоповичемъ. Изъ промышленнаго района вынесли это рѣшеніе Кологривскій комитетъ Костромской губ., Судогодскій и Юрьевскій Владимірской, Рузскій—Московской. Изъ *сѣверо-западныхъ*: Чериковскій—Могилевской губ., Боровичскій и Тихвинскій—Новгородской. Изъ *сѣверо-восточныхъ*: Осинскій Пермской губ. и Елабужскій Вятской. Изъ *Поволжскихъ*: Ардатовскій—Нижегородской, Камышинскій—Саратовской. Изъ *центр.-земледѣл.*: Богучарскій—Воронежской, Елецкій—Орловской, Сумской—Харьковской. Всего 14 комитетовъ въ 12 губерніяхъ.

[2]) Прокоповичъ, ib. стр. 204—207.

Опираясь на сельско-хозяйственные комитеты, онъ проектировалъ серьезныя реформы, долженствующія обуржуазить русскую деревню. Въ своей «запискѣ по крестьянскому дѣлу», составленной въ 1904 г., онъ предлагалъ радикально измѣнить курсъ политики по отношенію къ крестьянству, горячо доказывая, что существующая обособленность крестьянства питаетъ «стихійное броженіе»; выражалъ согласіе съ Чичеринымъ, что уравнительные земельные порядки «расшатываютъ понятія о твердости и неприкосновенности правъ собственности и представляютъ самое удобное поприще для распространенія соціалистическихъ понятій» [1]). Вопросъ, конечно, шелъ не о соціализмѣ, а о стремленіи мужика къ помѣщичьей землѣ, и г. Витте, сознававшій, что «земельное утѣсненіе всюду чувствуется»—высказался: за развитіе дѣятельности Крестьянскаго Банка, за уничтоженіе крестьянскаго сословнаго самоуправленія съ замѣной его всесословной мелкой земской единицей, которая, де, сдержитъ стихійное броженіе; за уничтоженіе волостного суда и за учрежденіе суда образованныхъ и самостоятельныхъ людей; за распространеніе благъ X тома гражданскихъ законовъ на крестьянъ; за предоставленіе права выдѣла изъ общины на отрубные участки. Однимъ словомъ, онъ проектировалъ систему тѣхъ мѣропріятій, къ осуществленію которыхъ впослѣдствіи приступилъ г. Столыпинъ. Но тогда г. Витте понесъ пораженіе и, добившись только отмѣны круговой поруки, долженъ былъ уступить поле дѣятельности Плеве, который наводнилъ сельскую Россію десятками тысячъ стражниковъ.

В. Горнъ.

---

[1]) См. С. Ю. Витте, „Записка по крестьянскому дѣлу“, изд., „Общественной Пользой“, стр. 83, 111, 123 и др.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ.

Движеніе интиллигенціи [1]).

(ДО ЭПОХИ «ДОВѢРІЯ» КН. СВЯТОПОЛКА-МИРСКАГО).

1. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній.

Слово «интеллигенція» употребляется въ нашей литературѣ въ двоякомъ смыслѣ. Подъ интеллигентами часто понимаютъ людей, живущихъ умственными интересами. При такомъ пониманіи слова «интеллигенція», въ нее попадутъ представители всѣхъ классовъ населенія и въ результатѣ получится такъ называемая «всесословная интеллигенція», которую совершенно нельзя отдѣлить отъ тѣхъ классовъ, среди которыхъ она разбита, такъ какъ движеніе всѣхъ классовъ населенія происходитъ при посредствѣ выдѣляемой ими «интеллигенціи». Но слово «интеллигенція» употребляется и въ другомъ смыслѣ. Подъ интеллигенціей понимается слой людей, зарабатывающихъ себѣ средства къ жизни умственнымъ трудомъ. Только имѣя въ виду интеллигенцію въ этомъ смыслѣ слова, интеллигенцію, какъ опредѣленный профессіональный слой, можно говорить о движеніи интеллигенціи, можно выдѣлять это движеніе изъ движенія другихъ слоевъ населенія.

Профессіональная интеллигенція является промежуточнымъ слоемъ между эксплоататорскими классами и рабочей массой, и въ то время, какъ верхніе ея слои по своему соціальному и экономическому положенію приближаются къ вла-

---

[1]) Матеріалами для составленія этой части работы послужили періодическія изданія: «Листки свободной прессы», «Освобожденіе», «Революціонная Россія» и «Искра», а также слѣдующія сочиненія и статьи: 1) Бѣлоконскій «Земское движеніе до образованія партіи народной свободы» («Былое» за 1907 г. № 5—10), 2) Пѣшехоновъ. На очередныя темы, 3) В. Мечъ. Либеральная и демократическая буржуазія, 4) С. Мельгуновъ. Студенческія организаціи 80—90 годовъ въ Моск. университетѣ, 5) Н. Іорданскій. Миссія П. С. Ванновскаго (Былое за 1907 г. № 9), 6) Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи, изд. «Своб. Мысли», 7) Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 года, 8) Г. Энгель и В. Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 г.г.

дѣльческой буржуазіи, нижніе, менѣе обезпеченные ея слои очень близко подходятъ къ рабочему пролетаріату. По своему матеріальному положенію интеллигенція менѣе однородна, чѣмъ какой либо другой слой населенія, и уже это обстоятельство должно мѣшать сплачиванію ея въ одно цѣлое въ политической борьбѣ и, напротивъ, должно вызывать естественное тяготѣніе различныхъ слоевъ интеллигенціи къ партійнымъ образованіямъ другихъ классовъ населенія. А на встрѣчу этому тяготѣнію, подкрѣпляя и усиливая его, идетъ и спросъ всѣхъ пробуждающихся къ политической жизни классовъ населенія на силы профессіональной интеллигенціи для обслуживанія и отстаиванія ихъ классовыхъ интересовъ. И логически мыслимо такое положеніе, когда вся профессіональная интеллигенція разобрана другими классами населенія, когда отдѣльные отряды ея всецѣло проникнуты интересами тѣхъ классовъ, съ которыми они слились въ своей политической борьбѣ. Къ такому положенію значительно приблизились нѣкоторыя западно-европейскія страны, напр., Германія. Во всеусиливающейся борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, интеллигенція не въ силахъ сохранить свое промежуточное положеніе, она начинаетъ терять свою индивидуальность и распадается между борющимися классами, постепенно ассимилируясь съ ними.

Было бы странно и непостижимо, если бы такое же положеніе получилось у насъ въ дореволюціонную эпоху при слабомъ процентѣ у насъ промышленнаго пролетаріата, при сравнительно невысокомъ его политическомъ развитіи, при количественномъ преобладаніи въ населеніи невѣжественнаго, некультурнаго крестьянства и при политической инертности имущихъ классовъ населенія.

А между тѣмъ, съ внѣшней стороны именно такое явленіе какъ будто наблюдалось у насъ въ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ. Съ одной стороны, масса интеллигенціи, въ лицѣ такъ называемаго третьяго элемента, устремилась въ землевладѣльческія земства и, вступая въ тѣсную связь съ интеллигентными земцами-дворянами, стремилась сдѣлать земство очагомъ движенія, направленнаго противъ правительства. Съ другой стороны, революціонные элементы интеллигенціи шли въ пролетаріатъ и крестьянство, стремясь проникнуться интересами этихъ классовъ населенія и стать носителями ихъ идеологіи.

Но если мы присмотримся къ дѣятельности отдѣльныхъ отрядовъ интеллигенціи въ дореволюціонную эпоху, то мы скорѣй можемъ констатировать «хожденіе» интеллигенціи «во всѣ классы населенія» въ цѣляхъ борьбы съ своимъ врагомъ, самодержавно-полицейскимъ режимомъ, чѣмъ ассимиляцію интеллигенціи съ тѣми классами, среди которыхъ она работала.

Возьмемъ представителей «третьяго элемента». Работая въ землевладѣльческихъ земствахъ, слились ли они съ землевладѣльческимъ классомъ въ одно цѣлое? Нѣтъ, они въ итогѣ своей дѣятельности возстановили противъ себя массу землевладѣльцевъ и землевладѣльцы, пробуждаясь во время революціи къ политической самодѣятельности, начинали съ того, что, овладѣвая земствами, выкидывали ненавистный имъ «третій элементъ». Правда, «третій элементъ» уходилъ съ нѣкоторой добычей, вмѣстѣ съ нимъ изъ земства вылетали тѣ интеллигентные земцы-дворяне, которые стояли во главѣ значительной части земствъ, дѣйствуя тамъ рука объ руку съ третьимъ элементомъ. Это была добыча, но для кого?

Для профессіональной интеллигенціи. Третій элементъ, двинувшійся изъ среды интеллигенціи для аттаки на землевладѣльческое земство, откидывался назадъ, въ свою интеллигентскую среду, но уносилъ съ собой туда наиболѣе интеллигентный слой дворянъ-землевладѣльцевъ. Эти дворяне становились «кадетами», и строя свое партійное зданіе, принуждены были фундаментомъ его дѣлать не классъ, изъ котораго они вышли, а почти исключительно городскую демократію, т. е. прежде всего и больше всего массу профессіональной интеллигенціи—лицъ свободныхъ профессій, разнаго рода служащихъ. Такимъ образомъ, результатомъ дѣятельности «третьяго элемента» явилась не ассимиляція его съ землевладѣльческимъ классомъ, а, напротивъ, ассимиляція небольшой интеллигентной части землевладѣльцевъ съ массой профессіональной интеллигенціи.

По отношенію къ массѣ пролетаріата, дѣятельность соціалдемократической интеллигенціи не могла, конечно, привести къ такому же итогу. Напротивъ, казалось, были всѣ основанія ждать полной ассимиляція этого отряда интеллигенціи съ пролетарской массой.

Но къ моменту наступленія революціи эта ассимиляція, тѣмъ не менѣе, была еще чрезвычайно далека отъ осуществленія. Массовыя движенія пролетаріата, имѣвшія мѣсто до революціи, часто пріобрѣтали огромное политическое значеніе, но почти никогда не носили опредѣленнаго политическаго характера. Опредѣленныя политическія требованія, съ которыми выступала соціалъ-демократія, были пока только требованіями организованной соціалдемократической интеллигенціи, а не требованіями пролетарской массы Россіи.

Еще въ меньшей степени, конечно, имѣли право соціалисты-революціонеры считать себя представителями крестьянской массы.

Въ томъ всеусиливающемся натискѣ на самодержавіе, который начался въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и закончился революціей въ 1905 году принимали участіе въ концѣ концовъ всѣ классы населенія, начиная отъ пролетаріата и кончая землевладѣльцами, но настоящее политическое самоопредѣленіе различныхъ классовъ началось только съ конца 1904 года и достигло значительнаго развитія только послѣ революціи. Въ предреволюціонный же періодъ только одинъ слой населенія въ своей массѣ, въ своемъ большинствѣ, стоялъ въ непримиримой оппозиціи къ самодержавію и сознательно, опредѣленно стремился къ свободному конституціонному строю. Этимъ слоемъ населенія была профессіональная интеллигенція.

Одни отряды интеллигенціи занимаютъ явно революціонную позицію и ищутъ поддержки въ пролетаріатѣ и крестьянствѣ; другіе стараются въ земствахъ воздѣйствовать на имущіе классы и вмѣстѣ съ передовыми элементами земцевъ-дворянъ образуютъ въ земствахъ сплоченную и сильную оппозицію правительству. Рядомъ съ этимъ, въ лицѣ волнующейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній, интеллигенція пріобрѣтаетъ для борьбы съ правительствомъ свой собственный, чисто интеллигентскій политическій авангардъ.

2. Студенческое движеніе въ 90-хъ годахъ.

Студенчество выбилось на широкій путь политическаго протеста только послѣ медленнаго и довольно продолжительнаго процесса развитія. Долгое время

студенчество не выходило за предѣлы чисто студенческихъ протестовъ, да и въ этихъ послѣднихъ принимало участіе обыкновенно меньшинство студентовъ. И если тѣмъ не менѣе правительство дождалось въ концѣ концовъ грандіознаго студенческаго движенія, въ 1899 и началѣ 900-хъ годовъ, охватившаго большинство студенчества и завершившагося серьезными политическими демонстраціями, то причиной этого былъ невозможный режимъ, установившійся по отношенію къ студенчеству съ середины 80-хъ годовъ и отравлявшій существованіе самымъ инертнымъ, самымъ отсталымъ элементамъ студенчества.

Въ 1901 году была образована въ Московскомъ университетѣ профессорская комиссія для изслѣдованія причинъ студенческихъ волненій. Въ своемъ докладѣ комиссія констатируетъ на основаніи заявленій студентовъ, что «подавляющее большинство волнующагося студенчества чуждо какихъ бы то ни было политическихъ стремленій». Чѣмъ же недовольны студенты? Они недовольны тѣмъ, что по правиламъ, введеннымъ уставомъ 1884 года,—«студенты «отдѣльные посѣтители университета», коимъ воспрещено всякое дѣйствіе, носящее корпоративный характеръ, воспрещены «всякія сборища и сходки съ цѣлью обсужденія какихъ либо дѣлъ сообща». («Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи» изд. Своб. Мысль с. 23) «Студенчество, говорится въ томъ же докладѣ, лишено возможности собираться съ цѣлями самообразованія, совмѣстнаго занятія научными предметами, обсужденія университетскихъ и курсовыхъ вопросовъ академической жизни. Всякое собраніе въ частной квартирѣ для дружеской бесѣды уже считается недозволеннымъ и грозитъ непріятными послѣдствіями» (ib. с. 20).

Чѣмъ же еще недовольно студенчество? По показаніямъ профессорской комиссіи оно недовольно атмосферой сыска и надзора, которая окружаетъ его въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, оно недовольно произволомъ инспекціи, который можетъ приводить по такимъ вопіющимъ фактамъ, какъ «исключеніе изъ университета студента, умершаго ранѣе происшедшаго инцидента, подлежавшаго вѣдѣнію суда». Оно недовольно «безправнымъ положеніемъ передъ внѣшней полиціей, допускающей во многомъ сильный произволъ по отношенію къ студентамъ, свободно, безцеремонно внѣдряющейся въ ихъ жизнь и вызывающей частыми повальными обысками и произвольными массовыми арестами общее негодованіе» (ib. с. 21).

Итакъ, чѣмъ въ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ было недовольно студенчество? Студенчество, «чуждое, по заявленію профессорской комиссіи, какихъ бы то ни было политическихъ стремленій», было недовольно именно тѣмъ, что оно было лишено *политическихъ* правъ, которыхъ лишены были всѣ россійскіе обыватели. Оно недовольно было тѣмъ, что въ своей студенческой жизни оно было лишено свободы слова, собраній, союзовъ и что ему не была гарантирована неприкосновенность личности, и оно хотѣло бы пользоваться всѣми этими политическими правами не только въ университетѣ, но и *внѣ его*.

Это—серьезныя причины для недовольства, но онѣ были общи у студенчества съ профессіональной интеллигенціей, съ массой образованнаго общества, съ сознательной частью пролетаріата. И добиться всѣхъ этихъ правъ для себя студенчество, очевидно, не могло при сохраненіи стараго полицейскаго режима. Напротивъ, этотъ режимъ не могъ не охотиться прежде всего именно за уча-

щейся молодежью, за этой наиболѣе возбудимой, наиболѣе воспріимчивой частью общества. Правда, вниманія и подозрѣнія заслуживало только меньшинство студенчества, но это меньшинство было довольно значительно и его совершенно невозможно было поставить въ надлежащія условія сыска и надзора, не ставя въ эти условія все студенчество. И вотъ, чтобы обезоружить своего врага, правительство уставомъ 1884 года и еще больше практикой его проведенія создаетъ въ университетахъ совершенно невыносимый режимъ, отъ котораго въ концѣ концовъ начали задыхаться самые непритязательные студенты.

Первымъ замѣтнымъ протестомъ противъ новыхъ университетскихъ порядковъ, установившихся съ 1885 года, были университетскіе волненія 1887 года. Волненія эти хотя и приняли въ концѣ концовъ довольно значительный характеръ, но развивались съ большимъ трудомъ. Начались они въ Московскомъ университетѣ, гдѣ не только дѣйствовалъ универс. уставъ 1884 года, но проводилъ его кромѣ того ненормальный человѣкъ, инспекторъ Брызгаловъ, поставившій себѣ какъ будто спеціальной цѣлью унижать и оскорблять студентовъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ ужасный режимъ, движеніе, охватившее студентовъ послѣ публичной пощечины, данной Брызгалову однимъ изъ студентовъ, имѣло сначала очень незначительные размѣры. На сходку, назначенную на Страстнымъ бульварѣ, явилось только 300—400 человѣкъ, когда всего студентовъ въ университетѣ было свыше трехъ тысячъ. И только послѣ безпощаднаго избіенія собравшихся на эту сходку полиціей, дворниками и охотнорядцами движеніе начало охватывать болѣе широкіе круги студенчества и вызвало откликъ въ другихъ университетахъ. Но и въ окончательномъ итогѣ это движеніе, хотя и привело къ закрытію пяти университетовъ, охватило только меньшинство студенчества. Такъ, напр., въ Петербургскомъ университетѣ изъ общаго числа студентовъ (около 3 тысячъ) въ первой сходкѣ участвовало человѣкъ 200—300, во второй приблизительно то же число и наконецъ въ третьей, самой многолюдной, послѣ которой университетъ былъ закрытъ, участвовало всетаки менѣе 1.000 человѣкъ. Нѣсколько болѣе значительные размѣры имѣли студенческія волненія въ 1889—1890 учебн. г., охватившія почти всѣ высшія учебныя заведенія.

Но эти волненія не только не повели непосредственно къ дальнѣйшему развитію студенческаго движенія, но напротивъ вызвали въ идейной части студенчества полное разочарованіе въ университетскихъ безпорядкахъ стараго типа. Передъ студентами начала вырисовываться полная безрезультатность волненій. Эта безрезультатность вытекала, конечно, прежде всего изъ отсутствія въ это время сколько-нибудь серьезнаго общественнаго движенія за стѣнами университетовъ. Студенчество не имѣло никакихъ основаній надѣяться на значительное развитіе этого движенія въ ближайшіе годы и на измѣненіе общихъ политическихъ условій, но въ то же время оно не въ состояніи было примириться и съ тѣми условіями, которыми обставляло его жизнь правительство; въ результатѣ ему приходилось искать квадратуры круга: добиваться для себя свободы при сохраненіи стараго политическаго режима. Путемъ студенческихъ безпорядковъ эта задача повидимому не могла быть разрѣшена, особенно при стихійнымъ возникновеніи сходокъ и участіи въ нихъ меньшинства студенчества. И вотъ въ студенчествѣ начинаются поиски новыхъ путей. Общее теченіе въ это время среди

интеллигенціи въ сторону идейно-культурной и организаціонной работы начинаетъ охватывать и идейные элементы студенчества. Необходимо поднять уровень студентовъ, необходимо превратить студенчество въ единое сплоченное цѣлое, только тогда оно можетъ стать серьезной общественной силой и только тогда оно можетъ добиться серьезнаго измѣненія своего положенія. И вотъ студенчество, прежде всего московское, начинаетъ энергично работать въ этомъ направленіи. Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ среди московскаго студенчества создается сильная, сплоченная организація, которая беретъ въ свои руки завѣдываніе общестуденческими дѣлами и стремится своей дѣятельностью поднять умственный и нравственный уровень студентовъ. Организація эта главнымъ образомъ базировалась на почвѣ землячествъ. Въ 1892 г. число землячествъ, вошедшихъ въ союзъ, достигло 20, къ концу 1893 года оно возросло до 36 и въ 1894 до 43, при чемъ число членовъ союза дошло до 1.700. Во главѣ этой организаціи сталъ знаменитый Союзный Совѣтъ, составлявшійся изъ представителей всѣхъ землячествъ. Для того затѣмъ, чтобы подчинить организаціонному вліянію и остальную массу студенчества, не входящаго въ землячества, была организована комиссія курсовыхъ старостъ (выбираемыхъ общими собраніями курсовъ) и поставлена въ тѣсную организаціонную связь съ союзомъ землячествъ.

Задачами этой организаціи были: матеріальная взаимопомощь и поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня студентовъ. Для достиженія послѣдней цѣли дѣйствовали земляческія библіотеки и кружки саморазвитія. Между этими учрежденіями установлена была во всемъ союзѣ тѣсная связь. Въ 1894 году возникла центральная союзная библіотека, гдѣ сосредоточивалась нелегальная литература. Въ 1893—94 гг., какъ видно изъ отчета о дѣятельности союзнаго совѣта, услугами центральнаго бюро, или такъ называемой кружковой комиссіи, пользовались до 13 отдѣльныхъ кружковъ саморазвитія, не входившихъ въ составъ землячествъ. Изъ центральной организаціи они брали книги, составленные для прочтенія рефераты, программы для самообразованія, каталоги и пр.

Но содѣйствуя этой въ высшей степени полезной работой политическому развитію студенчества, руководящіе элементы союза землячествъ вначалѣ пережили очень оригинальный процессъ развитія: тѣ средства, которыя по самому существу своему носили подготовительный характеръ для достиженія завѣтныхъ студенческихъ цѣлей, начали имъ постепенно казаться средствами, непосредственно достигающими этихъ цѣлей.

По мѣрѣ того, какъ руководящимъ элементамъ московскаго студенчества удавалось сплачивать студенческую массу въ одно солидарное цѣлое и подчинять ее во все большей и большей степени вліянію союзной московской организаціи, эта работа въ глазахъ ихъ начинала принимать самодовлѣющій характеръ. Руководящіе круги студенчества начинаютъ проникаться странной мечтой непосредственно этой работой освободить студенчество отъ того политическаго гнета, отъ котораго оно страдало.

«Студенчество, по мнѣнію Союзнаго Совѣта (письмо отъ 14 ноября 1894 г), твердымъ и спокойнымъ образомъ дѣйствій должно доказать свою умственную и нравственную зрѣлость, разсѣять ходячія ложныя представленія въ обществѣ о студенческой организаціи и вызвать его сочувствіе, заставить администрацію

считаться съ ней, понявъ ея неизбѣжность, цѣлесообразность, справедливость ея требованій, безопасность ея существованія для общественнаго спокойствія и порядка и, такимъ образомъ, не имѣть больше никакихъ причинъ и поводовъ отказываться признавать то, что уже фактически существуетъ». «Слѣдовательно, обращается къ студентамъ Союзный Совѣтъ, всякій, кто дорожитъ, съ своей стороны, честью и достоинствомъ старѣйшаго университета и въ полномъ съ нимъ согласіи намѣренъ принять «мѣры къ охраненію порядка», долженъ сочувствовать новому направленію среди студентовъ, поощрять эту тенденцію и устранять всѣ поводы къ безпорядкамъ и вмѣшательству полиціи въ дѣла университета».

Эта тактика руководящихъ элементовъ московскаго студенчества вмѣстѣ съ рѣшительнымъ отрицаніемъ цѣлесообразности всякихъ сходокъ и безпорядковъ была принята и одобрена въ 1894 г. и II съѣздомъ университетскихъ делегатовъ въ Москвѣ.

Но въ томъ же 1894 г. эта наивная тактика оказалась совершенно несостоятельной предъ лицомъ дѣйствительности.

Проникнутый мирнымъ настроеніемъ Союзный Совѣтъ въ виду восшествія на престолъ Николая II рѣшилъ подать всеподданнѣйшее ходатайство объ измѣненіи устава. Въ отвѣтъ на это полиція вломилась въ одну частную квартиру, гдѣ по свѣдѣніямъ полиціи засѣдалъ Союзный Совѣтъ, переписала тамъ 21 человѣка и оберъ-полиціймейстеръ Власовскій заявилъ имъ, что они будутъ отвѣтственны «за все, могущее произойти въ университетѣ».

Рядомъ съ этимъ инцидентомъ совершенно непроизвольно, независимо отъ воли Союзнаго Совѣта произошла демонстрація на лекціи проф. Ключевскаго. На панигирикъ послѣдняго умершему Александру III студенты реагировали свистомъ и протестами. Сейчасъ же засуетился Союзный Совѣтъ. Онъ призналъ въ своемъ воззваніи демонстрацію «нетактичной» и оправдывался передъ начальствомъ тѣмъ, что «не успѣлъ принять никакихъ мѣръ для ея предотвращенія». Но его оправданія не помѣшали правленію университета на основаніи показаній субъинспекторовъ и педелей, исключить нѣсколько случайно выхваченныхъ студентовъ, изъ которыхъ одинъ, гр. Мамуна, не только не принималъ участія въ демонстраціи, но даже успокаивалъ демонстрантовъ. Среди студентовъ начинается на почвѣ этого приговора броженіе. Союзный Совѣтъ употребляетъ отчаянныя усилія, чтобы держать его въ границахъ, не дать ему выйти изъ береговъ. Онъ успокаиваетъ студентовъ, онъ хлопочетъ передъ правленіемъ и попечителемъ о пересмотрѣ дѣла.

Въ отвѣтъ на эту умиротворяющую дѣятельность, гр. Капнистъ (попечитель) говоритъ вызывающую рѣчь къ студентамъ, въ университетъ во время происходящей мирной сходки врывается полиція, держитъ себя грубо и арестуетъ 20 человѣкъ, затѣмъ начинаются усиленныя высылки студентовъ изъ Москвы, суду правленія предаются 112 человѣкъ и изъ нихъ 12 присуждаются къ семидневному карцеру.

Въ концѣ концовъ, благодаря энергичной дѣятельности Союзнаго Совѣта, направленной къ систематическому сдерживанію студентовъ, и возбужденнымъ подъ его вліяніемъ ходатайствамъ профессоровъ, волненія 1894 г. кончились

сравнительно благополучно. Всѣ высланные студенты, кромѣ 13, были возвращены въ университетъ. Но и Союзному Совѣту и вообще организованному студенчеству пришлось убѣдиться, какъ трудно при существующемъ режимѣ проводить «новую тактику». Кромѣ того, Союзный Совѣтъ получилъ безспорныя доказательства, что его умиротворяющая дѣятельность вызываетъ и у администраціи и у университетскаго начальства не признаніе и умиленіе, а раздраженіе и вражду. Администрація усматривала въ Союзномъ Совѣтѣ всѣ признаки «преступнаго сообщества», а профессоровъ и университетскую администрацію раздражало то давленіе, которое приходилось Союзному Совѣту производить на отдѣльныхъ профессоровъ въ цѣляхъ устраненія столкновеній ихъ съ студентами. И въ итогѣ всей умиротворяющей дѣятельности Союзнаго Совѣта, собраніе профессоровъ въ количествѣ 82 человѣкъ, 29 декабря 1894 г. приняло слѣдующую резолюцію: «не касаясь въ настоящее время вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для благотворительныхъ и общеобразовательныхъ цѣлей, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни, такъ называемый Союзный Совѣтъ, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать ихъ за неповиновеніе».

Подъ вліяніемъ всѣхъ такихъ ударовъ, которые сыпались на него и дальше, въ 1895 и 1896 гг., Союзный Совѣтъ начинаетъ постепенно проникаться болѣе оппозиціоннымъ настроеніемъ, его начинаетъ тянуть къ протесту. Въ 1896 г. онъ дѣлаетъ робкій шагъ въ этомъ направленіи. Онъ не хочетъ, конечно, политики, онъ по прежнему съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненія администраціи въ томъ, что онъ будто бы имѣетъ отношеніе къ политикѣ и революціи; но онъ признаетъ уже студенческіе протесты полезными и имѣющими «воспитательное значеніе для студентовъ». Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшительно отвергаетъ возможность брать на себя инициативу въ борьбѣ студенчества съ административнымъ произволомъ. Его роль должна состоять только въ томъ, чтобы вносить въ волненія, разъ для нихъ явится почва и они возникнутъ,—сознательность и организованность. Цѣлый рядъ вызывающихъ дѣйствій со стороны администраціи и полиціи въ 1896 г. располагаетъ студентовъ къ безпорядкамъ—увеличеніе въ университетѣ субъинспекторовъ и педелей, увольненіе профессора Эрисмана, высылка во время коронаціи 92 студентовъ и затѣмъ увольненіе ихъ изъ университета. Но Союзный Совѣтъ дѣйствуетъ чрезвычайно осторожно. Онъ опрашиваетъ относительно безпорядковъ организованное студенчество и не получивши въ пользу безпорядковъ достаточно внушительнаго большинства, отказывается отъ нихъ.

Но затѣмъ безпорядки возникаютъ помимо его воли. Во время коронаціи, на Ходынскомъ полѣ, было устроено угощеніе для народа, на которомъ, благодаря «распорядительности» администраціи, произошла страшнѣйшая давка и погибла масса народу. Въ одномъ землячествѣ, по истеченіи полгода послѣ Ходынской катастрофы возникла мысль отслужить панихиду по погибшимъ во время ея. И вотъ безъ инициативы Союзнаго Совѣта и при протестѣ значительной его части устраивается панихида—демонстрація въ количествѣ 600 студентовъ, которая кончается арестомъ 36 зачинщиковъ.

Въ университетѣ вспыхиваютъ безпорядки, руководство которыми уже беретъ на себя Союзный Совѣтъ и формулируетъ требованія студенчества: объ измѣненіи устава, освобожденіи арестованныхъ и огражденіи отъ произвола администраціи.

На эти требованія администрація и университетское начальство отвѣтили увольненіемъ и высылкой болѣе 200 студентовъ...

Мы остановились на московскомъ студенчествѣ, такъ какъ оно въ это время шло впереди всего студенчества. Настроеніе московскаго студенчества было и настроеніемъ студенчества другихъ университетовъ, какъ мы это уже видѣли изъ постановленія университетскаго съѣзда, высказавшагося въ 1894 г. противъ безпорядковъ и одобрившаго новую московскую тактику.

Съ середины 90-хъ годовъ своеобразное дѣйствіе начинаетъ оказывать на студенчество марксизмъ. Въ Москвѣ въ теченіе 90-хъ годовъ соціалъ-демократія вообще влачила очень жалкое существованіе и въ частности среди студенчества марксизмъ пріобрѣлъ очень мало почвы. Но въ нѣкоторыхъ другихъ университетскихъ городахъ и особенно въ Петербургѣ, марксизмъ пріобрѣтаетъ серьезное вліяніе среди студенчества, группируя подъ своимъ знаменемъ его радикальные элементы.

Между Москвой и Петербургомъ издавна существовало серьезное различіе въ томъ положеніи, которое среди студенчества занимала ея радикальная часть. Въ Петербургѣ всегда шла болѣе интенсивная революціонная работа, чѣмъ въ Москвѣ, она всегда привлекала къ себѣ сильнѣе лучшую часть студенчества и заставляла ее меньше интересоваться чисто студенческими дѣлами.

Масса студенчества въ Петербургѣ также какъ въ Москвѣ была объединена въ землячествахъ, но идейные элементы студенчества не стремились, какъ въ Москвѣ, къ организаціонному объединенію землячествъ. Этому объединенію они предпочитали свое собственное объединеніе. Съ начала 90-хъ годовъ въ Петербургѣ радикальные элементы студенчества объединились въ «Кассу взаимопомощи», въ основѣ которой лежали кружки, выбиравшіе отъ себя представителей въ представительное собраніе. Касса охватывала отъ 300—400 студентовъ. Эта организація самымъ своимъ существованіемъ устанавливала фактическую связь между землячествами и въ нужные моменты черезъ посредство землячествъ могла привести въ движеніе значительную часть студенчества. Но съ середины 90-хъ годовъ Касса взаимопомощи вмѣсто возбудителя становится систематическимъ тормазомъ студенческихъ волненій. Причиною этою было проникновеніе этой организаціи марксистскими взглядами. Соціалъ-демократическая работа среди пролетаріата требовала массы силъ, полицейскія репрессіи дѣлали необходимымъ постоянное обновленіе состава соціалъ-демократическихъ организацій, источникомъ этого обновленія была идейная часть студенчества. И на почвѣ стремленія охранить этотъ источникъ, обезпечить правильный и непрерывный притокъ силъ къ пролетарской работѣ у практическихъ работниковъ соціалъ-демократіи возникало естественное нерасположеніе къ студенческимъ волненіямъ. А затѣмъ, на подмогу этому нерасположенію шло до послѣдней степени упрощенное пониманіе марксизма. Студенчество заключаетъ въ себѣ представителей различныхъ

классовъ, студенчество не можетъ выступить, какъ однородное цѣлое, студенческія волненія, затѣмъ, являются, фактически опредѣленной формой политической борьбы, но формой нецѣлесообразной, ведущей къ безполезной растратѣ тѣхъ силъ, которыя могли бы пойти на работу среди пролетаріата.

Исходя изъ этихъ соображеній, марксистскіе элементы студенчества считали необходимымъ мѣшать возникновенію студенческихъ волненій. Это яко бы марксистская тактика вызвала въ землячествахъ довольно сильную оппозицію. Оппозиція привела къ созданію въ 1897 году въ Петербургѣ союза землячествъ по подобію московскаго. Но въ Петербургѣ такая организація благодаря отрицательному отношенію къ ней большинства идейныхъ элементовъ студенчества не нашла благодарной почвы и отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть.

Не смотря на «марксистскую» тактику Кассы взаимопомощи, петербургское студенчество пережило въ періодъ 1895—1899 гг. рядъ волненій—сходки по поводу ходынскихъ безпорядковъ въ Москвѣ, демонстрацію въ память Вѣтровой, подвергшей себя сожженію въ Петропавловской крѣпости, наконецъ, сходки, вызванныя безпорядками въ Варшавскомъ университетѣ по поводу участія варшавскихъ профессоровъ въ открытіи памятника Муравьеву. Но всѣ эти волненія протекали сравнительно тихо благодаря умѣряющему вліянію Кассы взаимопомощи и кончались безъ репрессій со стороны администраціи и университетскаго начальства. Полиція занята была, главнымъ образомъ, изловленіемъ лицъ ведущихъ агитацію среди рабочей массы и ей некогда было заниматься студенческими волненіями. По свидѣтельству Іорданскаго, какъ разъ бывшаго студентомъ петербургскаго университета въ 1895—1899 гг., ни одинъ человѣкъ въ теченіе этого періода не былъ уволенъ за участіе въ сходкахъ и демонстраціяхъ, между тѣмъ, какъ въ теченіе того же періода весь составъ представительнаго собранія Кассы взаимопомощи смѣнился вслѣдствіе арестовъ.

3. Движеніе земской интеллигенціи («третьяго элемента») въ 90-хъ годовъ.

Такъ называемый «третій элементъ» былъ, конечно, всегда въ земствѣ съ самаго начала его существованія, но въ концѣ 80-хъ годовъ на почвѣ разочарованія въ революціонной дѣятельности токъ интеллигенціи въ земства для чисто культурной работы значительно усилился.

Разразившійся въ 1891 году голодъ, охватившій большую часть крестьянской Россіи, вызвалъ необычайный наплывъ интеллигенціи въ деревню. Передъ массой интеллигенціи, какъ пристроившейся къ земствамъ, такъ и стоящей внѣ ихъ, вставало живое, захватывающее дѣло организаціи помощи голодающимъ, имѣющее значеніе само по себѣ независимо отъ тѣхъ или другихъ дальнѣйшихъ политическихъ перспективъ. И тутъ на почвѣ этой дѣятельности «третій элементъ», земская интеллигенція впервые пріобрѣтаетъ серьезное вліяніе въ земствахъ. Особенно выдѣляются своей энергіей статистики. По порученію земствъ они выясняютъ истинные размѣры нужды, опровергаютъ оффиціальныя данныя, а въ Нижегородскомъ земствѣ даже закупаютъ хлѣбъ для голодающихъ. Одновременно съ этимъ, какъ земская интеллигенція, врачи и учителя, такъ и пріі-

ѣзжая, особенно студенты, создаютъ широкую организацію помощи голодающимъ, устраивая повсюду столовыя, продовольственные пункты и т. п.

Это чрезвычайно живое, захватившее массу интеллигенціи дѣло въ то же время, казалось, имѣло совершенно безобидный характеръ. Масса интеллигенціи, какъ земской такъ и пришлой, была охвачена только стремленіемъ бороться съ голодомъ и ничѣмъ больше. Но громадный наплывъ интеллигенціи въ деревни, тѣсное общеніе ея съ крестьянствомъ не могло, конечно, не давать нѣкоторыхъ побочныхъ, совершенно нежелательныхъ для правительства результатовъ. Интеллигенція шла въ деревню не для пропаганды и агитаціи, но безо всякаго сознательнаго умысла она при общеніи съ крестьянами не могла не вліять на нихъ въ оппозиціонномъ направленіи.

Въ томъ же направленіи не могла не вліять и дальше изъ года въ годъ дѣятельность земской интеллигенціи. Статистики, разъѣзжавшіе по деревнямъ для мѣстныхъ подворныхъ изслѣдованій, врачи и народные учителя, вступающіе въ постоянное общеніе съ крестьянами благодаря своей профессіональной дѣятельности, были несомнѣнно живой опасностью и для полицейскаго режима и для интересовъ землевладѣльцевъ.

Администрація чувствовала постоянно эту опасность и ея настроеніе становилось все болѣе тревожнымъ по мѣрѣ все большаго и большаго расширенія земской культурной дѣятельности. Но землевладѣльцы не чувствовали этой опасности. Скромность въ это время «третьяго элемента», склонность интеллигенціи послѣ крушенія революціонныхъ начинаній къ маленькимъ дѣламъ, вызываемая этой склонностью большая приспособляемость ея къ правящимъ земскимъ элементамъ, все это усыпляло реакціонную бдительность массы землевладѣльцевъ. Рядовые землевладѣльцы относились равнодушно, инертно къ земской дѣятельности, а будущіе отщепенцы землевладѣльческаго класса, которые въ качествѣ кадетовъ смогли собрать на выборахъ въ 3-ю думу только 5% среди землевладѣльческихъ выборщиковъ, протискивались впередъ и захватывали во многихъ случаяхъ въ свои руки земское дѣло. Рука объ руку съ будущими кадетами шли тогда и будущіе мирнообновленцы, а мѣстами и будущіе лѣвые октябристы, а на встрѣчу имъ шла стремящаяся къ культурной работѣ земская интеллигенція. Эти два встрѣчные тока приводятъ къ чрезвычайно важному для третьяго элемента результату, къ выступленію на путь широкой культурной работы губернскаго земства. Съ точки зрѣнія близости къ населенію организація губернскаго земства была менѣе демократична, чѣмъ уѣздныя земства, такъ какъ гласные въ губернское земство выбирались уѣздными земствами. Но при инертности землевладѣльческаго класса, именно процѣживанье черезъ уѣздные земства давало болѣе прогрессивный составъ губернскихъ земствъ, такъ какъ туда попадали наиболѣе активные, наиболѣе талантливые земскіе элементы. И вотъ съ середины 90-хъ годовъ подъ несомнѣннымъ и сильнымъ вліяніемъ растущей земской интеллигенціи губернскіе земства начинаютъ все въ большей и большей степени захватывать въ свои руки земское дѣло, оттѣсняя на задній планъ уѣздныя земства. Они берутъ въ свои руки дѣло народнаго образованія, потомъ расширяютъ свою дѣятельность въ сельскохозяйственной, медицинской, санитарной области. Вмѣстѣ съ тѣмъ все это ведетъ къ концентраціи и орга-

низаціи вокругъ губернскихъ земствъ земской интеллигенціи, а послѣдняя вноситъ во всю земскую дѣятельность широкій демократизмъ. Развиваются различныя общегубернскія организаціи для завѣдыванія различными отраслями земскаго дѣла, на почвѣ ихъ въ свою очередь систематически начинаютъ организовываться въ губернскихъ городахъ различные съѣзды, совѣщанія, комиссіи статистиковъ, агрономовъ, учителей, врачей и т. д. Въ первомъ ряду конечно идутъ земскіе статистики. Дѣятельность земско-статистическихъ бюро 90-хъ и начала 900-хъ годовъ извѣстный земскій статистикъ г. Пѣшехоновъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Въ лицѣ ли отдѣльныхъ своихъ представителей или въ полномъ составѣ они, обыкновенно, являются самыми дѣятельными сотрудниками губернскихъ управъ и земскихъ собраній по проведенію тѣхъ или иныхъ болѣе сложныхъ или болѣе отвѣтственныхъ начинаній. Чаще всего имъ приходится, конечно, участвовать въ предварительной разработкѣ подготовляемыхъ мѣропріятій, что и даетъ имъ возможность вносить не только знаніе, но и долю иниціативы въ земское дѣло («На очередные темы» с. 324).

Вокругъ земскихъ управъ образовались затѣмъ особые совѣщательные органы, такъ называемые совѣты, экономическій, школьный, санитарный и др., которые давали возможность представителямъ третьяго элемента превращаться до значительной степени въ руководителей земскаго дѣла. И чѣмъ демократичнѣе былъ составъ земскихъ управъ, тѣмъ большаго вліянія на земское дѣло достигалъ «третій элементъ».

Организовавшись въ земствахъ, пріобрѣтя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже руководящее вліяніе на земскія дѣла, земская интеллигенція стремилась въ то же время и къ всероссійскому объединенію, пользуясь для этого всякаго рода съѣздами—естествоиспытателей и врачей, дѣятелей по техническому образованію, кустарными, учительскими и т. п.

Первымъ такимъ съѣздомъ, имѣвшимъ серьезное значеніе для объединенія земской интеллигенціи можно считать IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 году. Въ различныхъ секціяхъ этого съѣзда, агрономической, медицинской, было очень много земской интеллигенціи, кромѣ того, для того, чтобы открыть доступъ на этотъ съѣздъ самому активному земскому элементу—статистикамъ, устроители съѣзда образовали въ секціи географіи подсекцію статистики, увѣривши администрацію, что это совершенно необходимый отдѣлъ географіи.

Обильно наполнила земская интеллигенція и ряды слѣдующаго X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, имѣвшаго мѣсто въ Кіевѣ въ 1898 г.

На обоихъ этихъ съѣздахъ земская интеллигенція держалась сравнительно скромно и умѣренно, стараясь не привлекать къ себѣ особаго вниманія администраціи. На частныхъ засѣданіяхъ по квартирамъ, на устраиваемыхъ обѣдахъ и ужинахъ интеллигенція болѣе свободно обсуждала правительственную дѣятельность въ сферѣ самоуправленія, а иногда заговаривала и о конституціи, но на офиціальныхъ засѣданіяхъ съѣздовъ она не рѣшалась еще совершать тѣ прямыя нападенія на существующій строй, которыми изобиловали съѣзды 900-хъ годовъ. Политическія выступленія ея вращались пока въ болѣе скромныхъ границахъ, ограничиваясь поддержкой такихъ земскихъ ходатайствъ, какъ, напр.,

неоднократно возбуждавшееся въ 90-хъ годахъ различными земствами ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Такъ, на VI пироговскомъ съѣздѣ, значительный процентъ на которомъ по обыкновенію составляли земскіе врачи, пожеланіе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ было принято при громкихъ и единодушныхъ рукоплесканіяхъ участниковъ съѣзда.

Рядомъ съ различными съѣздами своеобразнымъ объединяющимъ дѣятельность ихъ земской интеллигенціи органомъ стало Вольное Экономическое Общество. Въ работахъ этого общества послѣ того, какъ президентомъ его сталъ покойный графъ Гейденъ, начали принимать очень дѣятельное участіе земскіе элементы. Степень участія этихъ элементовъ видна, напр., изъ того, что въ статистическую комиссію при III отд. Общества, на обсужденіе которой былъ переданъ законъ 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, входили почти исключительно земскіе статистики. Земскіе же элементы были дѣятельными сотрудниками Спб. Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, который въ 90-хъ годахъ развилъ широкую дѣятельность, за что и былъ въ 1895 году изъятъ правительствомъ изъ вѣдѣнія Вольно-Экономическаго Общества.

Въ мартѣ 1898 года въ томъ же Вольномъ Экономическомъ Обществѣ въ виду голода 1897 года былъ организованъ рядъ засѣданій, на которыя Обществомъ путемъ спеціальнаго призыва, обращеннаго къ странѣ, была привлечена масса элементовъ интеллигенціи, а въ ихъ числѣ значительный процентъ составляли земскіе элементы. Участники совѣщанія выбрали изъ своей среды особый комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ. Комитетъ этотъ дѣйствовалъ очень энергично, за что и былъ очень скоро закрытъ правительствомъ.

Вольное Экономическое Общество было объединяющимъ центромъ для земскихъ статистиковъ, агрономовъ, учителей. Для земскихъ же врачей такимъ всероссійскимъ центромъ было Пироговское Общество.

Вскорѣ послѣ Вольнаго Экономическаго Общества занялся вопросомъ о голодовкахъ крестьянъ и VII Пироговскій Съѣздъ, имѣвшій мѣсто въ 1899 году въ Казани. На этомъ съѣздѣ было собрано нѣсколько тысячъ рублей въ пользу голодающихъ, было постановлено предложить правительству обратить серьезное вниманіе на постоянные неурожаи и голодовки и былъ образованъ особый врачебно-продовольственный комитетъ, какъ для оказанія помощи голодающимъ, такъ и для изученія причинъ, вызывающихъ голодовки. Послѣ энергичной двухлѣтней дѣятельности этотъ комитетъ, такъ же какъ и комитетъ Вольнаго Экономическаго Общества, былъ закрытъ правительствомъ.

Дѣятельность третьяго элемента въ 90-хъ годахъ была очень скромна по своимъ задачамъ, она ограничивалась областью чисто культурной дѣятельности, но размахъ ея въ этой области былъ очень широкъ и главное на почвѣ этой работы получались по всей Россіи въ земствахъ сплоченныя, сильныя интеллигентскія организаціи, стоящія близко къ массѣ крестьянства, оказывающія сильнѣйшее вліяніе на дѣла замства, и стремящіяся въ то же время къ общероссійскому объединенію своей работы. Насчетъ скрытаго, затаеннаго настроенія ихъ въ отношеніи бюрократическаго режима нельзя было сомнѣваться и бюрократіи

было отъ чего встревожиться. По мѣрѣ развитія дѣятельности третьяго элемента бюрократія начинаетъ все болѣе волноваться. Она подкапывается подъ функціи земствъ, выхватывая изъ ея рукъ продовольственное дѣло, изобрѣтая лечебный уставъ или правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Съ цѣлью ограничить и подчинить себѣ дѣятельность врачей и статистиковъ, она направляетъ свои усилія на неутвержденіе и устраненіе неблагонадежныхъ земскихъ служащихъ, она тормазитъ явно полезныя начинанія, не разрѣшая, напр., организацію курсовъ для учителей и учительскіе съѣзды или закрывая такія полезныя учрежденія, какъ комитетъ грамотности и комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Чтобы достаточно подчеркнуть дальновидность въ этомъ отношеніи политики нашей бюрократіи и наличность у нея тонкаго чутья насчетъ опасности, слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ въ это время (въ 90-е годы) земская жизнь совершенно бѣдна сколько-нибудь опредѣленными политическими выступленіями. Одинъ разъ только при восшествіи на престолъ Николая II рядъ земствъ разрѣшился знаменитыми «безсмысленными мечтаніями», но и въ этихъ «мечтаніяхъ» среди неопредѣленныхъ фразъ объ единеніи съ народомъ и съ земскими элементами, объ уничтоженіи бюрократической стѣны и т. п. трудно было найти даже слабые намеки на желательность ограниченія самодержавной власти. Въ гектографированномъ же отвѣтѣ на рѣчь Государя, распространенномъ земскими элементами, даже прямо заявлялось, что «ни въ одномъ земскомъ собраніи не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти».

4. Движеніе интеллигенціи въ 90-хъ годахъ въ его цѣломъ.

Изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что въ теченіе 90-хъ годовъ, въ эпоху сильнѣйшей правительственной реакціи, интеллигенція совершала серезную идейно-культурную и организаціонную работу. Среди студенчества совершался объединительный процесъ, студенчество сплачивалось, организовывалось и проникалось все большей ненавистью и враждой къ тому полицейскому режиму, который давилъ его какъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и внѣ ихъ. Представители «третьяго элемента» въ земствѣ непрерывно расширяли свою культурную работу среди крестьянства, сплачивались сами и вступали въ тѣсную связь съ лучшими земскими элементами.

Рядомъ съ этимъ революціонная интеллигенція нашла широкую почву для своей дѣятельности въ городской рабочей массѣ. Въ теченіе 90-хъ годовъ развилась и окрѣпла соціалъ-демократическая партія. Начавши въ началѣ 90-хъ годовъ съ скромной кружковой дѣятельности, захватывавшей небольшой слой пролетаріата, она въ во вторую половину 90-хъ годовъ переходитъ къ широкой массовой агитаціи на почвѣ экономическихъ требованій, энергично содѣйствуя сплоченію пролетаріата, развитію его классоваго самосознанія *).

И какъ будто для того, чтобы усилить бдительность администраціи, вся

*) Подробнѣе о дѣятельности соціалъ-демократіи въ главѣ о партіяхъ.

эта работа окрашивалась умѣренностью стремленій. *Только* къ улучшенію положенія студенчества стремились союзы землячествъ, образовавшіеся въ Москвѣ и другихъ городахъ; *только* культурную работу ставилъ себѣ задачей «третій элементъ» въ земствѣ; и, наконецъ, *только* экономической борьбой, отодвигая на задній планъ политику, начали заниматься во вторую половину 90-хъ годовъ соціалъ-демократы.

Но эта умѣренность, окрашивавшая дѣятельность различныхъ отрядовъ интеллигенціи, не радовала бюрократіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе она во всей этой идейной и организаціонной работѣ чувствовала угрожающую ей опасность, настроеніе ея дѣлалось все болѣе тревожнымъ, склонность къ репрессіямъ возрастала. А навстрѣчу ей шло еще малозамѣтное, еще малопроявляющееся, но несомнѣнное измѣненіе въ настроеніи интеллигенціи и другихъ слоевъ населенія. Умѣренность, сыгравши свою роль, предохранивши работу интеллигенціи отъ излишнихъ репрессій, отцвѣтала, и интеллигенцію на почвѣ накопленныхъ силъ все сильнѣе тянуло къ оппозиціи, къ борьбѣ съ существующимъ режимомъ. Столкновеніе дѣлалось неизбѣжнымъ.

Съ 1899 года обѣ враждебныя стороны начинаютъ становиться въ боевыя позиціи и начинается борьба: столкновенія между ними все учащаются и принимаютъ все болѣе широкій и интенсивный характеръ, пока, наконецъ, не приводятъ къ рѣшительной битвѣ въ 1905 году. Въ завязавшейся борьбѣ принимаютъ участіе различные классы населенія, причемъ интеллигенція оказываетъ чрезвычайно сильное вліяніе на все движеніе.

5. Студенческое движеніе въ 1899 г.

По истинѣ маленькія причины вызвали въ 1899 году большія послѣдствія. Первой искрой, зажегшей пожаръ, было грубое и безтактное объявленіе ректора Петербургскаго университета Сергѣевича, требовавшее отъ студентовъ соблюденія тишины и спокойствія 8 февраля (въ годовщину университета), въ случаѣ же несоблюденія этого требованія угрожавшее имъ различными карами. Это объявленіе, напечатанное на страницахъ «Новаго Времени» и вывѣшенное въ университетѣ, вызвало среди студенчества сильнѣйшее возбужденіе. Въ результатѣ— во время акта ректоръ былъ освистанъ, актъ былъ сорванъ и возбужденная толпа студентовъ съ пѣніемъ «Gaudeamus igitur» высыпала на улицу. Около Румянцевскаго сквера толпа студентовъ была избита конннымъ отрядомъ полицейскихъ. Избіеніе, по свидѣтельству Іорданскаго въ его воспоминаніяхъ, не отличалось особой жестокостью и даже въ отдаленной степени не походило на тѣ сатурналіи усмиренія, которыя мы переживали въ революціонную эпоху. Но революція была еще впереди, и избитые студенты пока никакого намѣренія взрывать государственный порядокъ не имѣли, они возмущались только грубымъ обращеніемъ съ ними университетской администраціи. Избіеніе при такихъ условіяхъ было не защитой государственнаго порядка, а просто издѣвательствомъ надъ человѣческимъ достоинствомъ студентовъ. Никакого оправданія оно поэтому не могло найти себѣ даже въ глазахъ благонамѣренной части студенчества.

Для студенчества, которое и такъ задыхалось въ атмосферѣ произвола и насилія, это было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Совершенно неожиданно не только для общества, но и для идейныхъ элементовъ студенчества, вся масса студентовъ поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

До сихъ поръ студенческія волненія замыкались всегда въ сферу чисто академическихъ требованій. Сейчасъ имъ дорога въ эту сторону была отрѣзана самымъ поводомъ, вызвавшимъ волненія. Какое отношеніе, спрашивали академистовъ, имѣетъ дикая расправа полиціи со студентами къ требованіямъ академической свободы?

И на этотъ вопросъ академисты ничего конечно не могли отвѣтить.

Какъ мы уже указывали, студенты страдали отъ отсутствія тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ были лишены и другіе граждане, но до сихъ поръ студентамъ удавалось требованіе этихъ правъ облекать въ чисто академическую форму, въ форму требованій *для себя* свободы слова, собранія, союзовъ. Но требовать только для себя огражденія на улицѣ отъ произвола полиціи было бы, конечно, явной нелѣпостью. Приходилось выходить на болѣе широкій политическій путь. Но масса студенчества къ этому была еще не подготовлена. И вотъ изъ общей системы безправія и произвола вырывается только одинъ ея элементъ— отсутствіе гарантій неприкосновенности личности, и борьба противъ него дѣлается лозунгомъ студенческаго движенія.

Даже въ такой урѣзанной формѣ протестъ противъ системы безправія не переставалъ быть политическимъ протестомъ. Но «политика» была страшнымъ жупеломъ, который пока студенчество переварить не могло. Жупелъ этотъ старательно устранялся и найдена была средняя примиряющая формула: движеніе имѣетъ не академическій и не политическій характеръ, оно просто *общественное* движеніе, движеніе въ защиту человѣческаго достоинства и элементарныхъ правъ человѣческой личности.

Путемъ довольно наивныхъ ухищреній найденъ былъ объединяющій лозунгъ, который пришелся по плечу студенческой массѣ. Тактику подсказывала окружающая дѣйствительность.

Обычный типъ безпорядковъ—студенческія сходки съ оппозиціонными рѣчами, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока не закроютъ университета—давно потерялъ кредитъ среди идейныхъ элементовъ студенчества. Но значительная часть этихъ элементовъ близко соприкасалась съ рабочимъ движеніемъ, и еще на большую часть это рабочее движеніе производило дѣйствіе со стороны. Зарождающаяся среди рабочихъ могучая стачечная борьба заставляла всю идейную интеллигенцію бросать взоры надежды на пролетаріатъ, и первое серьезное проявленіе этой борьбы, знаменитая стачка 30 тысячъ петербургскихъ ткачей въ 1896 г. у всѣхъ живо вставала въ памяти. И поэтому первые же поиски студенчества за новой формой борьбы привели мысль ихъ къ забастовкѣ. А для того, чтобы устранить нарушеніе забастовки меньшинствомъ студентовъ, къ забастовкѣ рѣшено было присоединить обструкцію.

Сходка 11 февраля большинствомъ голосовъ одобрила новые лозунги и новую тактику и иниціаторамъ и проводникамъ ихъ предложено образовать организаціонный комитетъ для руководства движеніемъ. Организаціонный комитетъ

энергично принялся за работу. Съ большими усиліями ему удалось перетянуть на свою сторону вліятельную студенческую организацію—«Кассу взаимопомощи», относившуюся отрицательно къ студенческимъ волненіямъ. Затѣмъ делегаты организаціоннаго комитета отправились въ другіе университетскіе города и въ студенческихъ организаціяхъ, а когда тамъ не удавалось, лично на сходкахъ пропагандировали новую тактику и увлекали ею студенческія массы. Пропаганда ихъ нашла благодарную почву, и въ результатѣ въ забастовкѣ приняло участіе 25 тысячъ студентовъ 30-ти различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Правительство оторопѣло отъ неожиданнаго нападенія и образовало комиссію Ванновскаго для разслѣдованія безпорядковъ. Комиссія состояла, конечно, изъ закоренѣлыхъ бюрократовъ, но нѣкоторыя лица, участвующія въ ней, и въ томъ числѣ самъ Ванновскій склонялись къ компромиссной политикѣ по отношенію къ студенчеству. Этимъ воспользовался Организаціонный комитетъ и ухитрился завязать тайныя сношенія съ комиссіей, доставлялъ ей фактическія данныя, присылалъ издаваемую имъ литературу. Завязалась оригинальная борьба вокругъ комиссіи между охраннымъ отдѣленіемъ и Организаціоннымъ комитетомъ. Охранное отдѣленіе подтасовывало, извращало факты, не останавливалось передъ подлогами, а организаціонный комитетъ разоблачалъ передъ комиссіей эту дѣятельность охраннаго отдѣленія.

Комиссія Ванновскаго вскорѣ возбудила большія надежды среди умѣренно-либеральныхъ элементовъ общества и студенчества, и высшія учебныя заведенія Петербурга мало-по-малу начали открываться. Ванновскому удалось добиться возвращенія высланныхъ студентовъ и это могло бы окончательно успокоить петербургскихъ студентовъ, если бы не вѣсти изъ провинціи и не обнаруживающееся все сильнѣе полное безсиліе комиссіи добиться какихъ нибудь преобразованій. Горемыкинъ и Боголѣповъ (министры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія), потерпѣвшіе нѣкоторое пораженіе въ Петербургѣ, вознаградили себя въ провинціи, подвергши провинціальныя высшія учебныя заведенія самымъ безпощаднымъ репрессіямъ. Товарищеское чувство по отношенію къ провинціи и обнаруживающаяся все яснѣе безрезультатность дѣятельности Ванновскаго привели петербургское студенчество послѣ 15 дней спокойствія къ возобновленію забастовки, въ результатѣ которой оно подверглось такому же свирѣпому разгрому, какъ и провинціальное студенчество. Массовыя высылки и аресты студентовъ и разъѣздъ большей части остального студенчества по домамъ закончили эти студенческія волненія, самыя грандіозныя изъ всѣхъ, которыя переживало до сихъ поръ студенчество.

Врагъ показалъ свои зубы правительству, правительство отвѣтило на это рѣшительной мѣрой. Послѣ усмиренія безпорядковъ, 29 іюля 1899 года были опубликованы временныя правила, которыя студентамъ за «учиненіе скопомъ безпорядковъ» угрожали «исключеніемъ изъ университета и отдачей въ солдаты», «хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребію нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ». Это ужъ запахло временами Николая I. Но эпоха была теперь иная и этимъ знаменитымъ правиламъ при-

*

шлось сыграть только роль одного изъ сильнѣйшихъ возбудителей оппозиціоннаго движенія въ массѣ населенія.

До перваго примѣненія этихъ правилъ прошло полтора года, въ теченіе которыхъ оппозиціонные и революціонные элементы сохраняли сравнительное спокойствіе.

Но подъ покровомъ этого спокойствія назрѣвалъ въ высшей степени серьезный процессъ, который далъ себя знать въ 1901-мъ и послѣдовавшимъ за нимъ году.

7. Революціонныя выступленія студенчества и интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ.

Непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ знаменитыхъ временныхъ правилъ (29 іюля 1899 года) объ отдачѣ студентовъ въ солдаты на нихъ и среди студенчества, и среди общества склонны были смотрѣть только какъ на угрозу. Слишкомъ ужъ невѣроятно было возвращеніе къ временамъ Николая I. Наступившее затѣмъ въ осенній семестръ 1899 года спокойствіе располагало къ забвенію этихъ чрезвычайныхъ правилъ. Но правительство о нихъ не забыло и въ концѣ апрѣля 1900 года при продолжающемся спокойствіи среди студенчества было опубликовано Высочайше утвержденное 1-го марта 1900 года «Положеніе о порядкѣ передачи въ распоряженіе военнаго начальства воспитанниковъ, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній на основаніи Высочайше утвержденныхъ 29 іюля 1899 года временныхъ правилъ, а также объ отправленіи ихъ въ войска и несеніи ими военной службы».

Эта разработка временныхъ правилъ служила зловѣщимъ признакомъ твердаго курса, принятаго правительствомъ. Скоро послѣдовало и проявленіе этого курса по отношенію къ студенчеству.

По поводу исключенія изъ Кіевскаго университета двухъ «бѣлоподкладочниковъ» за какую то гнусность начались осенью 1900 года сходки. На сходкахъ начали раздаваться рѣчи, которыя, не отрицая основательности исключенія этихъ студентовъ, выражали въ то же время «рѣзко враждебное отношеніе къ тому политическому режиму, который лишаетъ возможности студенческую среду воздѣйствовать морально на своихъ членовъ и, наоборотъ, самъ воспитываетъ антипатичный типъ студенчества». Когда за такія рѣчи нѣсколько студентовъ было выслано, товарищи имъ устроили на вокзалѣ сочувственную демонстрацію.

Правительство рѣшило, что насталъ подходящій моментъ для примѣненія «временныхъ правилъ»: 183 студента Кіевскаго университета были сданы въ солдаты.

Отдача 183 кіевскихъ студентовъ въ солдаты сначала ошеломила студенчество. Студенчество остановилось въ нерѣшительности, не будучи въ состояніи примириться съ новой политикой правительства и въ то же время чувствуя недостаточность старыхъ способовъ борьбы. Оно искало выхода изъ своего положенія и скоро его нашло. Этимъ выходомъ явились уличныя демонстраціи.

Починъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1901 году харьковскими

студентами. 19-го февраля по выходѣ изъ собора послѣ панихиды по Александрѣ II студенты сдѣлали попытку устроить демонстрацію. Демонстрація была плохо организована и время для нея (утро) было выбрано неудачно. Демонстрація по этому потерпѣла неудачу. Но неудача вмѣсто того, чтобы расхолодить студентовъ, только разожгла ихъ стремленіе къ протесту. Оппозиціонные элементы студенчества тутъ же рѣшили перенести демонстрацію на 6 час. вечера. Часамъ къ 7-ми демонстрація началась (около театральнаго сквера), къ 8-ми пополнилась рабочими и многочисленной публикой и, благодаря слабому вмѣшательству полиціи, достигла прямо грандіозныхъ размѣровъ. Демонстрація выражалась въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и продолжалась нѣсколько часовъ.

Изъ Харькова волненія перекинулись въ Москву. Среди московскаго студенчества тогда боролись два теченія: «академистовъ» и «политиковъ». О направленіи тогдашнихъ «академистовъ» можно получить представленіе на основаніи слѣдующей выдержки изъ прокламаціи отъ 15 ноября 1901 г. за подписью «Сторонники университетской свободы»: «Наша цѣль—борьба академическими средствами на академической почвѣ за университетскую свободу, какъ средство къ осуществленію культурно-просвѣтительной роли университета. Мы относимся отрицательно ко всякому участію университета въ политической дѣятельности въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) такое участіе не согласно съ нашимъ принципіальнымъ взглядомъ на университетъ, какъ на силу культурно-просвѣтительную, 2) студенчество не представляетъ собой единаго цѣлаго, такъ какъ состоитъ изъ представителей разнообразныхъ общественныхъ классовъ и потому не можетъ имѣть опредѣленной политической программы».

Это «академическое» направленіе являлось тогда преобладающимъ среди студенчества вообще и среди московскаго въ особенности.

На сходкѣ 23 февраля, возникшей подъ вліяніемъ извѣстій изъ Харькова, было большинство академистовъ. Сходка приняла резолюцію, содержаніе которой сводилось къ заявленію отъ лица всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы единодушнаго протеста противъ примѣненій и существованія временныхъ правилъ, требованіе немедленной ихъ отмѣны, возвращенія пострадавшихъ товарищей, съ присоединеніемъ указаній на неотложную необходимость коренной реформы академическаго строя на автономныхъ началахъ. Признано было необходимымъ подкрѣпить протестъ всеобщей забастовкой высшихъ учебныхъ заведеній имперіи.

Сходка эта закончилась арестомъ всѣхъ ея участниковъ (въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ), препровожденіемъ ихъ въ манежъ и затѣмъ большинства въ Бутырскую тюрьму. Никитская, по которой вели студентовъ изъ университета въ манежъ, оказалась запруженной массой народа, которая привѣтствовала студентовъ криками, махала платками, шляпами, фуражками. И послѣ того какъ студентовъ заперли, толпа, собравшаяся около манежа, долго не расходилась.

24-го студенты снова пытались собраться на сходку въ университетѣ, но полиція этому воспрепятствовала.

25-го, въ воскресенье, большія толпы народа подъ предводительствомъ студентовъ начали съ утра собираться около университета. Послѣ полудня большая

толпа, въ составѣ которой были рабочіе Прохоровской мануфактуры, двинулась съ пѣніемъ по Никитской и Тверскому бульвару. Толпа была разсѣяна казаками и полиціей. Въ теченіе цѣлаго дня собирались въ различныхъ мѣстахъ (по Лубянкѣ, по Тверскому бульвару, Мясницкой, Никитской) толпы народа съ значительнымъ процентомъ рабочихъ.

Какъ бы двигаясь по желѣзнодорожному пути изъ Харькова черезъ Москву, демонстрація наконецъ посѣтила и Петербургъ.

Нароставшее движеніе среди петербургскаго студенчества встрѣчало на своемъ пути плотину въ видѣ извѣстной намъ Кассы взаимопомощи, которая, пользуясь вліяніемъ среди студенчества, въ то же время была главнымъ соединительнымъ звеномъ между студентами и рабочими.

Говоря о студенческой борьбѣ 1895—1898 г.г. мы уже отмѣчали, что Касса взаимопомощи—это студенческое отдѣленіе соціалъ-демократической организаціи въ Петербургѣ—рѣшительно возставала противъ того, чтобы идейные элементы студенчества тратили свои силы на студенческое движеніе. Сначала такое отношеніе къ студенческому движенію вытекало изъ утилитарныхъ соображеній, изъ стремленія привлечь возможно больше силъ къ пролетарской борьбѣ. Но къ концу 90-хъ годовъ отрицательно-пренебрежительное отношеніе къ студенческому движенію получило сильное подкрѣпленіе со стороны идеологіи экономизма.

Событія затѣмъ развиваются, подъ напоромъ борьбы «политиковъ» экономизмъ постепенно уступаетъ свои позиціи, петербургскіе соціалъ-демократы уже не чуждаются идеи политической борьбы и необходимости подготовленія къ ней пролетаріата, но старыя привычки мысли у нихъ все-таки остаются и они по прежнему стремятся отгородить пролетаріатъ въ политической борьбѣ отъ другихъ классовъ населенія китайской стѣной.

Наступаетъ бурный 1901 г. 183 студента кіевскаго университета сданы въ солдаты. Во всѣхъ университетскихъ городахъ начинается движеніе. Революціонная соціалъ-демократія, съ организаціей «Искры» во главѣ, во многихъ мѣстахъ идетъ впереди движенія, энергично призывая пролетаріатъ поддержать студенчество. Но петербургскихъ соціалъ-демократовъ это движеніе не увлекаетъ. Ихъ студенческая организація, Касса взаимопомощи, стремится наоборотъ всѣми силами потушить броженіе, начавшееся въ петербургскомъ университетѣ.

Съ этой цѣлью она выпускаетъ прокламацію, въ которой предлагаетъ «чуткому студенчеству» не коснѣть «въ буржуазной ограниченности» и не довольствоваться «жалкимъ требованіемъ соблюденія закона по отношенію къ студентамъ». Вмѣсто этого прокламація рекомендуетъ студенчеству «принять участіе въ общей борьбѣ за свободу, равенство и братство» и тутъ же даетъ конкретное указаніе на то, въ чемъ можетъ выразиться эта борьба: «для начала наиболѣе чувствительнымъ для правительства ударомъ было бы пожертвованіе каждымъ студентомъ 5% мѣсячнаго дохода на революціонныя цѣли. Если бы мы протестовали каждый разъ такимъ способомъ, то этимъ скорѣе добились бы исполненія нашихъ требованій, чѣмъ отбываніемъ воинской повинности».

Само собою разумѣется, что такое трактованіе движенія интеллигенціи не могло найти у «чуткаго» студенчества никакого отклика. Нарастающее движеніе въ концѣ концовъ прорвало ту плотину, которая ему ставила Касса взаимопомощи.

Вождемъ студенчества сталъ «Организаціонный комитетъ студентовъ петербургскаго университета». Онъ взялъ на себя иниціативу казанской демонстраціи. Въ листкѣ отъ 28 февраля, обращаясь не только къ студентамъ, но и «ко всѣмъ, возмущеннымъ послѣдними событіями, ко всѣмъ негодующимъ», онъ призывалъ ихъ въ 12 час. дня 4 марта на демонстрацію у Казанскаго собора, для «публичнаго заявленія протеста противъ временныхъ правилъ».

Въ назначенный часъ на площади, около Казанскаго собора, собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ—студентовъ и интеллигенціи. Вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ демонстраціи тогдашней соціалъ-демократической организаціи, а также благодаря энергичной дѣятельности правительства, оцѣпившаго войсками рабочіе кварталы, рабочіе на этой демонстраціи отсутствовали. Въ отличіе отъ харьковской и московскихъ демонстрацій, демонстрація носила чисто-интеллигентскій характеръ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ демонстраціонной идеи изъ Харькова въ Петербургъ росла свирѣпость администраціи. Въ Харьковѣ полиція обращалась съ демонстрантами довольно деликатно и особенно круто съ ними не расправлялась. Въ Москвѣ, особенно 25 числа, она дѣйствовала уже рѣшительнѣе, а въ Петербургѣ она подвергла демонстрантовъ самому безпощадному избіенію. Послѣ этого избіенія послѣдовалъ протестъ «Союза писателей», затѣмъ заявленіе 93 лицъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости судебнаго дѣла объ избіеніи 4 марта и отмѣны «временныхъ правилъ», посыпались также различныя петиціи въ томъ же духѣ изъ разныхъ слоевъ общества. Правительство на нихъ отвѣтило закрытіемъ «Союза писателей» и многочисленными арестами и высылками.

Волненія въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ были основнымъ фономъ, вокругъ котораго расположились волненія и въ другихъ городахъ, университетскихъ и неуниверситетскихъ *). При этомъ то или другое участіе въ этихъ волненіяхъ приняли всѣ высшія учебныя заведенія, мужскія и женскія.

Это грандіозное общественное движеніе не могло не произвести впечатлѣнія на правительство. Оно почувствовало, что зарвалось, и начало бить отбой. Временныя правила перестали примѣняться и въ началѣ апрѣля состоялось назначеніе на постъ министра народнаго просвѣщенія Ванновскаго, причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя провозглашалось «сердечное попеченіе» о молодежи и признавалась необходимость коренного пересмотра строя высшихъ учебныхъ заведеній.

Новая миссія Ванновскаго потерпѣла такое же пораженіе, какъ и предыдущая.

Во время первой миссіи Ванновскаго, настроеніе студенчества, даже ради-

---

*) По даннымъ, собраннымъ г. Бѣлоконскимъ, уличные безпорядки въ 1901 г. были въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Херсонѣ, Ставрополѣ, Черниговѣ, Иркутскѣ, Харьковѣ, Вильнѣ, Екатеринодарѣ, Таганрогѣ, Астрахани, Сочи, Новороссійскѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ на-Дону, Саратовѣ, Митавѣ, Уральскѣ, Керчи, Елизаветградѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Могилевѣ, Симферополѣ и другихъ мѣстахъ. (Земское движеніе до образованія партіи „Народной Свободы", „Былое" за 1907 г. № 7, стр. 219).

кальной его части, было противъ того, чтобы студенческія волненія переводить на почву явной политики. Теперь подъ вліяніемъ временныхъ правилъ и общественнаго движенія настроеніе студенчества начало измѣняться. Радикальные элементы учащейся молодежи начали проникаться стремленіемъ къ сознательному политическому протесту. Они составляли пока меньшинство студенчества. Большинство было проникнуто академизмомъ, но объективныя условія наносили академизму ударъ за ударомъ.

Требованіе отмѣны временныхъ правилъ можно было выставлять и не покидая почвы академизма, но вызванный этими временными правилами переходъ студенчества къ уличнымъ демонстраціямъ вмѣстѣ съ другими слоями населенія явно разрывалъ рамки академизма. А затѣмъ товарищеское чувство подсказывало требованіе возвращенія не только студентовъ изъ полковъ, но и студентовъ, высланныхъ за безпорядки. Между тѣмъ, такое требованіе не было никакой возможности отстаивать, не выходя за предѣлы академизма.

Но всѣ эти препятствія академизмъ съ грѣхомъ пополамъ можетъ быть и преодолѣлъ бы, если бы академической свободы вообще можно было добиться при сохраненіи стараго политическаго строя. Но вторая миссія Ванновскаго дала новое яркое фактическое подтвержденіе полной невозможности этого.

Послѣ долгихъ усилій, Ванновскимъ, наконецъ, были изготовлены «временныя правила студенческихъ организацій», которыя на самыхъ умѣренныхъ студентовъ должны были произвести впечатлѣніе издѣвательства надъ ихъ требованіями.

Вмѣсто свободы организацій хотя бы на почвѣ студенческихъ дѣлъ, студенты получили жалкое «право» устраивать сходки подъ наблюденіемъ и предсѣдательствомъ лица, назначеннаго правленіемъ университета (причемъ это лицо могло принадлежать и къ ненавистной студентамъ инспекціи). Сходки затѣмъ могли обсуждать только вопросы, разрѣшенные правленіемъ и предсѣдательствующій «наблюдатель» имѣлъ право ихъ роспускать. Курсовые старосты затѣмъ должны были не выбираться прямо студентами, а назначаться начальствомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ студентами. Наконецъ, значительная часть студенчества (первый семестръ) совершенно была лишена права организацій и сходокъ.

Это оригинальное разрѣшеніе академическаго вопроса, вмѣстѣ съ продолжающимися репрессіями, арестами, высылками и избіеніями студентовъ во время демонстрацій, отнимало всякую почву у академизма.

Послѣ появленія временныхъ правилъ Ванновскаго, студенческое движеніе разростается съ новой силой и принимаетъ яркій политическій характеръ. Касса взаимопомощи въ петербургскомъ университетѣ теряетъ всякое вліяніе среди студенчества. Въ ней самой происходитъ расколъ: меньшинство выдѣляется въ особую организацію, принимающую названіе «Кассы радикаловъ». Къ этой организаціи и переходитъ руководительство студенческимъ движеніемъ.

Сходка, собравшаяся въ петербургскомъ университетѣ, подъ предводительствомъ Кассы радикаловъ, отвергла «реформы» Ванновскаго и заявила въ своей резолюціи, что она будетъ игнорировать всякую оффиціальную организацію, которая не будетъ связана съ «свободой преній по вопросамъ, такъ или

иначе соприкасающимся съ общественной жизнью» и съ возможностью устраивать общія сходки. При условіи же современнаго университетскаго режима сходка нашла невозможнымъ продолжать академическія занятія и постановила начать забастовку съ обструкціей.

Движеніе начинается затѣмъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

9 февраля забастовку съ обструкціей постановляетъ сходка въ горномъ институтѣ. Въ тотъ же день передъ зданіемъ института при многолюдномъ стеченіи публики, студенты торжественно сжигаютъ «Временныя правила» генерала Ванновскаго. Въ ближайшіе дни затѣмъ происходятъ сходки въ институтахъ: путей сообщенія, технологическомъ, лѣсномъ, институтѣ гражданскихъ инженеровъ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Сходки во всѣхъ этихъ заведеніяхъ принимаютъ рѣшенія, аналогичныя съ рѣшеніемъ петербургскаго университета.

Одновременно съ этимъ сходныя рѣшенія принимаются и студентами другихъ университетскихъ городовъ: Москвы, Кіева, Харькова, Риги, Юрьева, Казани и Одессы. Почти вездѣ постановляется забастовка съ обструкціей.

Во всѣхъ этихъ волненіяхъ *активное* участіе, конечно, принимало только меньшинство студенчества, хотя и довольно значительное.

Большинство, хотя и сочувствовало движенію, но относилось къ нему пассивно. Благодаря этому, напр., въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ всегда рядомъ съ сильнымъ крайнимъ лѣвымъ крыломъ существовало у студенчества и сильное реакціонное крыло, инспекціи удалось путемъ организаціи анти-обструкціонистовъ добиться возстановленія чтенія лекцій.

Чувствуя свою слабость въ чисто-университетской борьбѣ, радикальная часть студенчества начинаетъ стремиться къ объединенію съ другими слоями населенія на почвѣ чисто-политической борьбы.

Участіе въ демонстраціяхъ и организація ихъ дѣлаются поэтому въ этотъ моментъ лозунгомъ радикальнаго студенчества.

3-го марта въ Петербургѣ при дѣятельномъ участіи студенчества организуется демонстрація, которая, впрочемъ, далеко не принимаетъ тѣхъ размѣровъ, которые имѣла демонстрація въ предыдущемъ году. Заканчивается демонстрація, какъ всегда, жестокимъ избіеніемъ.

Рядомъ съ петербургскимъ студенчествомъ тяготѣніе къ выходу на улицу, на путь уличныхъ демонстрацій обнаруживаетъ и студенчество другихъ городовъ.

Такъ, 9 февраля 1902 года сходка, бывшая въ Московскомъ университетѣ, приняла слѣдующую резолюцію: «Считая ненормальность существующаго академическаго строя лишь отголоскомъ общаго русскаго безправія, мы откладываемъ навсегда иллюзію академической борьбы и выставляемъ знамя обще-политическихъ требованій...

Обще-политическая программа заставляетъ насъ вынести нашъ протестъ на улицу, гдѣ мы вмѣстѣ съ кадрами рабочихъ и общества готовы силой поддержать наши требованія».

Въ этомъ же духѣ высказался манифестъ 1-го всероссійскаго студенческаго съѣзда, имѣвшаго мѣсто въ концѣ марта 1902 года. Въ немъ, между прочимъ,

говорится: «Что касается вопроса о тактикѣ движенія, съѣздъ, оставляя въ силѣ примѣненіе забастовки и обструкціи во всѣхъ ея видахъ, выдвигаетъ на первый планъ демонстрацію, какъ наиболѣе дѣйствительное средство обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе дѣла».

Въ концѣ 1902 года въ нелегальной печати появилось открытое письмо товарищамъ отъ сосланныхъ въ Восточную Сибирь въ 1902 году студентовъ и курсистокъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и Петербурга. Письмо это заканчивается слѣдующими словами: «Товарищи! Студенты всѣхъ странъ Европы сыграли крупную роль въ завоеваніи политической свободы для своей родины. Русскіе студенты до сихъ поръ не отставали въ этомъ отношеніи отъ своихъ коллегъ. Движеніе нынѣшняго года вывело студенчество на широкій путь открытой политической борьбы. Студенчество не должно, не можетъ свернуть съ этого пути въ данный историческій моментъ. Оно должно быть передовымъ отрядомъ въ борьбѣ за политическую свободу, твердо зная, что за нимъ стоитъ не только все такъ называемое общество, но и широкія народныя массы».

Студенческое движеніе такимъ образомъ принимало яркую политическую окраску.

Послѣ сильнаго, напряженнаго движенія въ 1901 и первой половинѣ 1902 года въ студенческомъ движеніи благодаря массовымъ арестамъ и высылкамъ наступило временное затишье. Осенній семестръ 1902 года отличался полнѣйшимъ спокойствіемъ. Съ начала 1903 года движеніе снова возобновилось. Въ женскомъ медицинскомъ институтѣ произошли безпорядки по поводу новыхъ экзаменаціонныхъ правилъ, кончившіеся временнымъ закрытіемъ института.

Въ Варшавѣ въ университетѣ и политехникумѣ произошли шумныя сходки по поводу избіенія студентовъ въ Саксонскомъ саду за антинѣмецкую демонстрацію. Въ результатѣ университетъ и политехникумъ были временно закрыты.

Въ Екатеринославскомъ горномъ училищѣ произошла длительная забастовка, благодаря внезапному аресту и ссылкѣ въ отдаленныя губерніи нѣсколькихъ студентовъ, уже отсидѣвшихъ по нѣскольку мѣсяцевъ за демонстрацію и принятыхъ назадъ въ училище.

18 февраля произошла студенческая демонстрація въ Томскѣ, окончившаяся страшнымъ избіеніемъ студентовъ. 20 февраля демонстрація повторилась и въ ней приняли участіе также наборщики нѣсколькихъ типографій. Толпа была въ 800 человѣкъ.

Параллельно съ движеніемъ студенчества и уличными демонстраціями въ университетскихъ городахъ въ 1902 и 1903 годахъ происходилъ цѣлый рядъ демонстрацій въ другихъ городахъ, Саратовѣ, Нижнемъ, Сормовѣ, Вильнѣ, Екатеринославѣ, Баку, Батумѣ, Ростовѣ.

Въ то же время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ происходили политическія сходки студентовъ, имѣвшія единственную цѣль—реагированіе на происходящія событія. Такъ, напр., 18 февраля 1903 года въ петербургскомъ университетѣ состоялась сходка для обсужденія послѣднихъ событій въ Баку, Батумѣ, Ростовѣ, Екатеринославѣ, Вильнѣ и Варшавѣ. Сходка не преслѣдовала никакихъ практическихъ цѣлей, она носила характеръ политическаго митинга и закончилась принятіемъ политической резолюціи.

Происходившій въ 1903 году II всероссійскій студенческій съѣздъ окончательно отвергъ всякаго рода академическую борьбу и призналъ нецѣлесообразнымъ и средство этой борьбы—забастовку съ обструкціей. Вмѣсто этого онъ выдвинулъ слѣдующія формы борьбы: а) систематическія агитаціонныя сходки въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, в) устройство агитаціонныхъ митинговъ на публичныхъ лекціяхъ, собраніяхъ, концертахъ и т. д., с) демонстративныя забастовки въ дни важнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ событій, d) уличныя демонстраціи, какъ чисто студенческія, такъ и совмѣстно съ другими общественными группами.

Рука объ руку съ демонстраціоннымъ движеніемъ шла въ это время и террористическая борьба, снова возродившаяся съ начала 900 годовъ и пріобрѣвшая широкую популярность среди интеллигенціи. Террористическая борьба эта въ значительной степени развивалось стихійно. Такъ, первый террористическій фактъ 900-хъ годовъ, выстрѣлъ Карповича въ Боголѣпова былъ единоличнымъ предпріятіемъ. Партія соціалистовъ революціонеровъ, поставившая одной изъ главныхъ задачъ террористическую борьбу, тогда еще только зарождалась. Появленіе затѣмъ на свѣтъ боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ совпало со вторымъ крупнымъ террористическимъ фактомъ, убійствомъ Сипягина Балмашевымъ.

Изъ другихъ террористическихъ фактовъ выстрѣлъ Гирша Лекерта въ фонъ Валя, подвергшаго демонстрантовъ сѣченію, былъ просто естественной реакціей на этотъ возмутительный фактъ и ни въ какой связи съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ не находился. По убѣжденіямъ Гиршъ Лекертъ былъ даже соціалъ-демократомъ. Цѣлый рядъ другихъ террористическихъ фактовъ былъ, впрочемъ, организованъ партіей соціалистовъ революціонеровъ: покушеніе Качура на харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго, прославившагося жестокими усмиреніями крестьянъ, убійство уфимскаго губернатора Богдановича, разстрѣлявшаго забастовщиковъ въ Златоустѣ, наконецъ убійство Плеве Сазоновымъ.

Терроръ начала 900-хъ годовъ исключительно направлялся противъ представителей бюрократіи, противъ тѣхъ изъ нихъ, которые своей жестокостью въ подавленіи общественнаго движенія привлекали всеобщее вниманіе. Этотъ характеръ террора обезпечивалъ террористическимъ фактамъ сочувствіе широкихъ круговъ населенія. Почву же для такого террора и для широкаго сочувствія ему систематически создавало правительство своими жестокими и безчеловѣчными мѣрами, къ которымъ оно прибѣгало въ борьбѣ съ общественнымъ движеніемъ.

Своего зенита политика репрессій достигла въ дореволюціонное время при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Плеве, когда полиція не ограничивалась уже избіеніемъ демонстрантовъ на улицахъ и въ участкахъ, а дошла до сѣченія демонстрантовъ (въ Вильно и Екатеринославѣ), разстрѣла стачечниковъ даже во время ихъ бѣгства (въ Златоустѣ) и жестокаго избіенія безоружныхъ арестантовъ (въ Крестахъ, одесской и другихъ тюрьмахъ).

15 іюля 1905 года Плеве былъ убитъ соціалистомъ-революціонеромъ Сазоновымъ.

Говоря объ уличныхъ демонстраціяхъ, намъ не разъ приходилось отмѣчать участіе въ нихъ рабочихъ. Но въ общемъ и цѣломъ, въ теченіе періода 1901—1904 гг. въ этихъ демонстраціяхъ участвовали лишь наиболѣе передовые слои рабочихъ. Масса рабочихъ только просыпалась къ политической жизни и ея начинающееся политическое пробужденіе проявлялось пока во внезапныхъ, стихійныхъ взрывахъ. Совершенно неожиданно какъ для всей революціонной и оппозиціонной интеллигенціи, такъ и для самой соціалъ-демократіи происходятъ въ 900-хъ годахъ отъ времени до времени грандіозныя вспышки рабочаго движенія: празднованіе путемъ забастовки 1 мая 1900 года всей рабочей массой Харькова, стачка въ Ростовѣ въ ноябрѣ 1902 года, сопровождавшаяся тысячными митингами подъ открытымъ небомъ, и наконецъ забастовочное движеніе въ іюлѣ и августѣ 1903 года, захватившее почти весь югъ Россіи. Всѣ эти проявленія рабочаго движенія не носятъ еще сознательнаго политическаго характера, но ноты политическаго протеста явно слышатся въ нихъ, а грандіозный характеръ ихъ, особенно іюльской забастовки 1903 года, придаетъ имъ огромное политическое значеніе.

Но всѣ эти рабочія волненія возникаютъ внѣ всякой прямой связи съ сознательными политическими демонстраціями, происходившими въ это время. Въ демонстративныхъ рабочихъ забастовкахъ участвуетъ рабочая масса, между тѣмъ какъ въ политическихъ уличныхъ демонстраціяхъ принимаютъ участіе только немногочисленные сознательные верхи рабочихъ. Главную массу уличныхъ демонстрантовъ составляетъ обыкновенно революціонно настроенная интеллигенція и по преимуществу студенчество. Этотъ интеллигентскій характеръ демонстрацій былъ источникомъ ихъ слабости. Благодаря неучастію въ нихъ рабочей массы демонстраціи были въ общемъ чрезвычайно малочисленны и поэтому не въ состояніи были оказывать никакого отпора натиску полиціи или казаковъ.

Вначалѣ, въ 1901 году, какъ первое открытое проявленіе протеста противъ существующаго строя демонстраціи имѣли огромное значеніе, несмотря на свою сравнительную малочисленность. Но постепенно онѣ начали утрачивать всякое значеніе. Первыя кучки собирающихся демонстрантовъ подвергались безпощадному избіенію, и демонстрація пресѣкалась обыкновенно въ самомъ началѣ.

Съ теченіемъ времени находилось все меньше и меньше охотниковъ выражать политическій протестъ путемъ подставленія себя подъ удары полиціи и казаковъ и демонстраціи принимали все болѣе жалкій характеръ. Безъ поддержки со стороны рабочей массы демонстраціонное движеніе становится явно непригоднымъ средствомъ борьбы.

8. Оппозиціонныя выступленія интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ.

Политическое пробужденіе русскаго народа въ началѣ 900-хъ годовъ нашло себѣ выраженіе въ развитіи свободной прессы. Въ 1901 года начали правильно

выходить заграницей революціонныя газеты «Искра» и «Революціонная Россія», органы партій соціалъ-демократической и соціалистовъ-революціонеровъ. Въ 1902 г. политическое движеніе болѣе умѣренныхъ элементовъ нашло себѣ литературное выраженіе въ газетѣ «Освобожденіе», начавшей выходить съ іюня мѣсяца подъ редакціей П. Б. Струве.

Начало «Освобожденію» было положено въ Петербургѣ во время всероссійской кустарно-промышленной выставки. По словамъ г. Бѣлоконскаго, «на частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ главнымъ образомъ внѣ Петербурга, *земцы совмѣстно съ земскою и не земскою интеллигенціею* обсуждали и выработали черновой, такъ сказать, проектъ программы для заграничнаго органа «Освобожденіе». Этотъ проектъ былъ увезенъ затѣмъ въ Москву, куда съѣхалось 15—17 человѣкъ и лицъ «свободныхъ профессій», которые уже окончательно редактировали программу, напечатанную въ № 1 «Освобожденіе».

Въ этой программѣ (въ статьѣ «Отъ русскихъ конституціоналистовъ») видно желаніе опереться на различные слои общества и поэтому программа имѣетъ исключительно политическій характеръ: всѣ экономическіе и соціальные вопросы сознательно устранены изъ программы; рѣшеніе этихъ вопросовъ, по мнѣнію конституціоналистовъ, необходимо предоставить народному представительству. Съ другой стороны, программа проникнута полнымъ довѣріемъ къ земству: въ качествѣ учредительнаго собранія, которое вмѣстѣ съ верховной властью могло бы выработать новые основные законы, «конституціоналисты» выдвигаютъ представительство отъ земствъ.

Но кромѣ этой умѣренной программы при № 2 Освобожденія была приложена еще программа «Союза Освобожденія», явившаяся выраженіемъ взглядовъ лѣваго крыла освобожденцевъ. «Союза Освобожденіе» на самомъ дѣлѣ еще не существовало, оно образовался позднѣе и разосланная программа была въ сущности только проектомъ программы иниціаторовъ «Союза Освобожденія». Программа эта гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ программа «конституціоналистовъ» подходитъ къ политическому вопросу, требуя не «всесословнаго народнаго представительства», а представительства, организованнаго на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, и учредительнаго собранія не изъ выборныхъ представителей земствъ, а выбраннаго на основаніи той же четырехчленной формулы. Въ то же время эта программа не замалчиваетъ и соціальныхъ вопросовъ, выдвигая принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель и 8-ми часовый рабочій день.

Въ іюлѣ 1903 года группой лицъ, стоявшихъ близко къ газетѣ «Освобожденіе» былъ основанъ «Союзъ Освобожденія», и въ январѣ 1904 года на учредительномъ освободженскомъ съѣздѣ была установлена организація Союза и принята его программа.

«Союзъ Освобожденія» въ своей преобладающей массѣ носилъ интеллигентскій характеръ, правымъ его крыломъ за очень немногими исключеніями (Н. Н. Львовъ) были будущіе кадеты (Милюковъ, Струве, Петрункевичъ, Родичевъ и др.), лѣвымъ же крыломъ будущіе безпартійные лѣвые направленія газеты «Товарищъ» (Прокоповичъ, Кускова, Хижняковъ, Богучарскій) и будущіе народные соціалисты (Анненскій, Пѣшехоновъ, Короленко).

Хотя земская часть этой организаціи была организована въ то же время отдѣльно (въ Союзъ земцевъ-конституціоналистовъ) для работы въ болѣе умѣренной земской средѣ, но «Союзъ Освобожденія», благодаря своему интеллигентскому характеру, настолько уже отдѣлался отъ боязни революціонеровъ, что осенью 1904 года вступилъ въ блокъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій, въ которомъ рядомъ съ польской національной лигой и финляндской партіей активнаго сопротивленія приняли участіе—армянская революціонная федерація (дрошакисты), грузинская партія соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвелло), польская соціалистическая партія и даже террористическая партія соціалистовъ-революціонеровъ.

Платформой для соглашенія явились слѣдующіе пункты:

1) Уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ коституціонныя права Финляндіи.

2) Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ.

3) Право національнаго самоопредѣленія...

«Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій».

Это былъ можно сказать блокъ революціонной и оппозиціонной интеллигенціи. Этотъ блокъ былъ предвѣстникомъ того дружнаго революціоннаго натиска на старый самодержавный строй, въ которомъ передъ 17-го октября приняли участіе всѣ отряды интеллигенціи. Но пока революціонная и оппозиціонная части интеллигенціи, хотя и близко соприкасались между собою, дѣйствовали все-таки отдѣльно.

Въ средѣ профессіональной интеллигенціи и образованнаго общества «дѣти» шли гораздо дальше въ дѣлѣ борьбы съ самодержавіемъ, чѣмъ «отцы»: довольно значительное меньшинство студенчества прямо становилось, какъ мы видѣли, на революціонную почву, выдвинувши на II общестуденческомъ съѣздѣ для борьбы съ старымъ режимомъ тактику оппозиціонныхъ сходокъ, демонстративныхъ забастовокъ и уличныхъ демонстрацій. Но и «отцы» не дремали въ то время, когда бурно волновались «дѣти». Они тоже дѣлали оппозицію, но только болѣе умѣренно. Довольно рѣзкій политическій характеръ ихъ оппозиція начала принимать въ 1902 году.

По иниціативѣ министра финансовъ 22 марта 1902 года было Высочайше утверждено Положеніе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Совѣщаніе образовывалось подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ. На основаніи этого положенія организовался широкій опросъ мѣстныхъ людей о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, но этотъ опросъ направлялся не въ земскія учрежденія, къ которымъ, казалось бы, естественнѣе всего было обратиться, а образовывались уѣздные и губернскіе комитеты, первые подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянство, вторые подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ.

Но жизнь обошла этотъ замыселъ правительства: въ большинствѣ случаевъ

эти комитеты находились подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ земской среды и земскаго «третьяго элемента».

Цѣлый рядъ уѣздныхъ комитетовъ посмотрѣлъ широко на свою задачу и поднялъ цѣлый рядъ политическихъ вопросовъ, признавши необходимость поднятія личности русскаго крестьянина и обезпеченія развитія его самодѣятельности, уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, реформы налоговъ, реформы земскаго самоуправленія, широкой постановки народнаго образованія. Но нѣкоторые комитеты пошли еще дальше, затронувши вопросъ объ общемъ политическомъ положеніи.

Такъ, Воронежскій уѣздный комитетъ, выслушавъ докладъ извѣстнаго педагога Бунакова о необходимости полнаго освобожденія личности, свободы слова, свободы печати и развитія широкой общественной самодѣятельности и докладъ доктора Мартынова, предлагавшій «высказаться передъ министерствомъ за неотложность передачи вопроса о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и неразрывно связанныхъ съ ними общихъ вопросовъ правоваго и экономическаго благосостоянія государства на обсужденіе всероссійскаго и всесословнаго представительнаго учрежденія», избралъ затѣмъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Щербины. Комиссія выработала докладъ, въ которомъ признала необходимость свободы слова, печати, собраній и созыва «всероссійскаго совѣщанія». Докладъ комиссіи былъ принятъ комитетомъ единогласно.

Еще болѣе рѣшительно высказался Череповецкій комитетъ (Новгородской губерніи). Онъ призналъ необходимымъ «открыть путь къ болѣе полному, непрерывному, прочно организованному участію народа въ дѣлахъ всего управленія не только мѣстнаго, но и центральнаго, безъ чего всякія заботы правительства и земства объ образованіи и о нуждахъ всякаго рода промышленностей ни къ чему иному, кромѣ гибели народной, не приведутъ».

Труднѣе было проводить такія постановленія въ губернскихъ комитетахъ, засѣдавшихъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Послѣдніе самымъ энергичнымъ образомъ снимали съ обсужденія всѣ общіе вопросы, въ результатѣ чего въ нѣсколькихъ губернскихъ комитетахъ (Тамбовскомъ, Тверскомъ, Харьковскомъ) послѣдовали шумные протесты и демонстративные выходы многихъ изъ ихъ членовъ. Само собою разумѣется, что въ отвѣтъ на всѣ эти проявленія «политики» администрація въ лицѣ Плеве отвѣтила цѣлымъ рядомъ репрессій—отставленіемъ отъ занимаемыхъ должностей и даже ссылками (такъ, напримѣръ, докторъ Мартыновъ за свое «всероссійское учрежденіе» былъ высланъ въ Архангельскую губернію).

Рядомъ съ дѣятельностью въ земствахъ и комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности профессіональная интеллигенція совершала политическія выступленія также на различныхъ профессіональныхъ съѣздахъ. Профессіональные вопросы на такихъ съѣздахъ часто отступали совершенно на задній планъ, и узкіе, спеціальные по своему назначенію съѣзды совершенно неожиданно для администраціи разрѣшались чисто политическими выступленіями.

Такъ, напр., въ 1901 г. полтавскому сельско-хозяйственному обществу былъ разрѣшенъ областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской и Кіевской губерній.

На этомъ съѣздѣ въ качествѣ «кустарей» съѣхались и выборные земскіе дѣятели, какъ кн. Долгоруковъ, Линтваревъ, и статистики, и агрономы, и даже просто литераторы, какъ В. Г. Короленко. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ «кустари» начали дѣлать постановленія: объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о разрѣшеніи женщинамъ поступать во всѣ высшія учебныя заведенія, о расширеніи земскаго самоуправленія, о необходимости земскихъ съѣздовъ и т. п.

Всякими такими съѣздами земцы и земская интеллигенція пользовались также и для того, чтобы устраивать во время этихъ съѣздовъ незамѣтно для администраціи тайныя политическія совѣщанія.

Такъ, напр., въ мартѣ 1902 г. на всероссійскую кустарно-промышленную выставку въ Петербургѣ, также, какъ и на полтавскій кустарный съѣздъ, собралась, въ качествѣ кустарей, масса земцевъ и представителей «третьяго элемента». Эти «неблагонадежные» земскіе элементы вступили въ связь съ петербургской интеллигенціей, и въ результатѣ кустарно-промышленная выставка родила новый нелегальный органъ «Освобожденіе», чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могла предвидѣть администрація, разрѣшая кустарный съѣздъ.

Въ сентябрѣ 1903 г. было разрѣшено харьковскому губернскому съѣзду и харьковскому сельско-хозяйственному обществу устроить всероссійскую выставку животноводства. Животноводство, конечно, вещь совершенно безобидная въ политическомъ отношеніи, но въ данномъ случаѣ оно родило два политическихъ съѣзда: съѣздъ освобожденцевъ и общеземскій съѣздъ. И, кромѣ того, вопросы животноводства дали неожиданный предлогъ выдвинуть въ различныхъ комиссіяхъ по выставкѣ указанія на произволъ администраціи, на преслѣдованія печати, на невозможныя условія, въ которыя поставлено земство и т. п.

Нѣсколько ранѣе, въ концѣ 1902 и началѣ 1903 гг. (закончился 6 января) происходилъ съѣздъ самыхъ демократическихъ элементовъ интеллигенціи, съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Главную массу на этомъ съѣздѣ представляли народные учителя, но рядомъ съ учителями участвовали тамъ и представители другихъ земскихъ профессій и выборные земцы.

На съѣздѣ были затронуты, конечно, различные политическіе вопросы: объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о введеніи земскихъ учрежденій въ неземскихъ губерніяхъ, о мелкой земской единицѣ, объ обезпеченіи общественной самодѣятельности и т. д.

Но, вообще говоря, учительскому съѣзду не было надобности искусственно создавать предлоги для политическихъ рѣчей и политическихъ резолюцій, такъ какъ то ужасное положеніе, въ которое ставилъ старый режимъ учителей, само вопіяло о рѣшительной политической реформѣ.

Каково было это положеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ характерныхъ постановленій съѣзда: «признать желательнымъ, чтобы за инспекціей было оставлено право руководить исключительно учебной стороной школьнаго дѣла, полицейскія же функціи надзора за политической и нравственной благонадежностью педагогическаго персонала должны быть сняты какъ съ инспекціи, такъ и съ училищныхъ совѣтовъ... Желательно, чтобы увольненіе учителей производилось лишь по суду, а при существующихъ условіяхъ желательно, чтобы на

засѣданія училищнаго совѣта обязательно приглашались для защиты и объясненій сами учителя. Желательно, чтобы при увольненіи не служило достаточнымъ основаніемъ заявленіе священника, благочиннаго, а также и попечителей о недостаточно усердномъ исполненіи учителями своихъ религіозныхъ обязанностей. Желательно, чтобы при увольненіи, обвиненія учителей въ политической неблагонадежности являлись достаточно обоснованными подлежащимъ вѣдомствомъ... Желательно устранить попечителя отъ надзора за учителями въ политическомъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ... Желательно, чтобы законоучители были избавлены отъ надзора за нравственнымъ и религіознымъ поведеніемъ учащихъ и несли лишь обязанности законоучителей въ своихъ школахъ. Желательно освобожденіе школъ отъ вліянія земскихъ начальниковъ... Желательно передать дѣло начальнаго народнаго образованія всецѣло въ руки земскихъ и городскихъ учрежденій, съ устраненіемъ возможности административнаго вмѣшательства...»

Само собой понятно, что при этомъ каторжномъ режимѣ, въ которомъ приходилось положительно задыхаться учителямъ, они могли питать только самую непримиримую ненависть къ господству бюрократіи. Когда одинъ докладчикъ на съѣздѣ (Шигинъ) внесъ предложеніе о признаніи желательнымъ предоставленія народнымъ учителямъ правъ государственной службы, многочисленное собраніе единодушно протестовало противъ этого предложенія.

«Не былъ и не будетъ чиновникомъ русскій народный учитель,—говорила при всеобщемъ одобреніи одна учительница на съѣздѣ: я увѣрена, что правамъ государственной службы онъ предпочтетъ право хотя бы голодной, но свободной профессіи».

На учительскій съѣздъ правительство Плеве отвѣтило громаднѣйшими арестами и обысками среди учительскаго персонала послѣ того, какъ учителя и учительницы прибыли на мѣсто своего служенія.

Своего зенита политическое движеніе интеллигенціи достигло при Плеве въ началѣ 1904 г. въ шумныхъ протестующихъ выступленіяхъ на двухъ съѣздахъ—на III съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и на IX Пироговскомъ съѣздѣ.

Интересно прежде всего отмѣтить, что оба съѣзда отвергли путь ходатайствъ передъ правительствомъ, которымъ шли до сихъ поръ какъ съѣзды, такъ и земскія собранія, и рѣшили свои постановленія формулировать въ видѣ резолюцій.

Въ техническомъ съѣздѣ принимала участія трехтысячная интеллигентская масса, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ состоявшая изъ оппозиціонной петербургской и провинціальной интеллигенціи, включая народныхъ учителей и земцевъ. Руководящую роль на съѣздѣ играла X секція (по образованію рабочихъ), въ которую записалось болѣе 1.000 человѣкъ. Эта секція смѣстила оффиціальнаго предсѣдателя, превративши себя формально въ комиссію, и затѣмъ при громадномъ стеченіи публики начала свои засѣданія, больше походившія на огромные политическіе митинги, чѣмъ на засѣданія съѣзда. Въ рѣчахъ членовъ этой секціи прямо указывалось на необходимость конституціоннаго строя, но въ постановленіяхъ этотъ щекотливый пунктъ былъ обойденъ,

хотя въ этихъ постановленіяхъ во всякомъ случаѣ фигурировали такія политическія требованія, какъ свобода слова, печати, собраній, союзовъ, восьмичасовой рабочій день, отмѣна религіозныхъ и національныхъ ограниченій и т. п. Съѣздъ въ заключеніе ознаменовался торжественнымъ изгнаніемъ участниковъ въ Кишиневскомъ погромѣ, Пронина и Степанова, съ криками «вонъ—убійцы!» Послѣ этого съѣздъ былъ закрытъ, а рядъ его руководителей (Фальборгъ, Чарнолусскій, Переверзевъ) подверглись репрессіямъ—арестамъ и высылкамъ.

Тотчасъ же по закрытіи техническаго съѣзда начался Пироговскій съѣздъ, который достойно продолжалъ дѣло политическаго протеста, начатое техническимъ съѣздомъ. Онъ, можно сказать, всѣ болѣзни, о которыхъ ему пришлось говорить, связалъ со старымъ политическимъ режимомъ, а борьбу съ ними признавалъ возможной только при наличности политической свободы.

Такъ соединенныя секціи общественной медицины, внутреннихъ болѣзней и туберкулеза, свои частныя постановленія объединили въ слѣдующей редакціи:

«Правильная и цѣлесообразная борьба съ дѣтской смертностью, алкоголизмомъ, туберкулезомъ, сифилисомъ и другими народными болѣзнями, представляющими въ Россіи общественное бѣдствіе огромной важности, возможно только при условіяхъ, обезпечивающихъ широкое распространеніе свѣдѣній объ истинныхъ причинахъ ихъ развитія и способахъ борьбы съ ними, для чего необходимо: полная свобода личности, слова, печати и собраній».

Въ соединенномъ засѣданіи секцій общественной медицины, гигіены, статистики и дѣтскихъ болѣзней принята была слѣдующая резолюція: «исходя изъ того, что главной причиной необыкновенно высокихъ размѣровъ дѣтской смертности въ Россіи является матеріальная необезпеченность и недостаточное умственное развитіе населенія, съѣздъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что успѣшная борьба съ этимъ зломъ возможна только на почвѣ широкихъ соціальныхъ реформъ». Въ томъ же духѣ были приняты и другія резолюціи.

Волна общественнаго движенія, какъ мы видимъ, поднималась все выше и выше. Уличныя демонстраціи, грандіозныя рабочія забастовки и террористическіе удары ставили передъ правительствомъ грозныя революціонныя перспективы и въ то же время умѣренные слои общества лишали его всякой поддержки, становясь къ нему въ рѣзкую оппозицію.

Нужно было обладать страшнымъ бюрократическимъ фанатизмомъ и несокрушимой энергіей Плеве, чтобы не унывать при такихъ условіяхъ, а вести направо и налѣво отчаянную борьбу съ врагами, наступавшими положительно со всѣхъ сторонъ. Но 15 іюля бомба Сазонова убрала этого честолюбиваго фанатика бюрократіи, и высшія сферы, почувствовавши свое одиночество, призвали къ власти, на постъ министра внутреннихъ дѣлъ добродушнаго кн. Святополка-Мирскаго, объявивши устами его свое «довѣріе» къ обществу. Но это объявленіе «довѣрія» послужило только стимуломъ къ новому, еще болѣе серьезному натиску на власть различныхъ слоевъ населенія, который закончился всеобщей октябрьской забастовкой, вырвавшей у власти манифестъ 17 октября.

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Движеніе землевладѣльцевъ.

«Великая реформа» 19 февраля 1861 г. является исходнымъ пунктомъ того движенія, которое наблюдается теперь и которое глубоко захватило земледѣльческіе и землевладѣльческіе слои населенія Россіи. Чтобы понять это движеніе, надо исходить изъ анализа реформы 1861 г., изъ анализа тѣхъ условій, при которыхъ она совершалась и той формы, въ какую она вылилась.

Темное, неорганизованное крестьянство уже задолго до 1861 года начало протестовать противъ ига крѣпостного права вспышками «бунтовъ», особенно же усилились эти бунты въ 40—50-хъ гг. прошлаго столѣтія, и это было одной изъ причинъ, заставившихъ приступить къ раскрѣпощенію крестьянъ. Однако не слѣдуетъ переоцѣнивать роль этихъ бунтовъ: самое большее, что сдѣлали они,—это ускорили моментъ осуществленія «великой реформы», но на самый характеръ ея они не повліяли. Съ крестьянствомъ при проведеніи реформы считались слишкомъ мало, и реформа эта явилась яркимъ выраженіемъ интересовъ дворянства, доминировавшаго въ политической жизни страны.

Если участившіеся крестьянскіе бунты создавали психологическія предпосылки для «освобожденія» крестьянъ, то объективныя причины для такого освобожденія были глубоко заложены во всемъ ходѣ хозяйственной эволюціи, начиная приблизительно съ XIX в. Развитіе мѣнового хозяйства,—вывозной торговли и мѣстныхъ промысловъ,—производило полный переворотъ въ строѣ крѣпостническихъ отношеній. Съ одной стороны, въ нечерноземныхъ губерніяхъ наблюдалось сильное развитіе оброчной системы, а съ другой стороны, въ черноземной полосѣ совершалось расширеніе помѣщичьяго хозяйства и параллельно шло обезземеленіе крѣпостныхъ, переводъ значительнаго количества ихъ на барщину, на мѣсячную и т. д. Земля здѣсь сильно поднималась въ цѣнѣ, и крѣпостное право начинало утрачивать для землевладѣльца значеніе.

Въ нечерноземной полосѣ, какъ мы сказали, связь крестьянина съ землей порывалась все больше, и для помѣщика весь интересъ сосредоточивался въ томъ, чтобы съ отмѣной крѣпостного права получить соотвѣтствующее возмѣщеніе доходовъ отъ утраты оброковъ. Такимъ образомъ къ 60-мъ гг. XIX столѣтія передъ дворянствомъ стоялъ вопросъ о томъ, какъ ликвидировать становившееся невыгоднымъ и далеко небезопаснымъ крѣпостное право. Вотъ

почему, когда вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права былъ поднятъ правительствомъ, дворянство въ массѣ своей не проявило склонности бороться за сохраненіе его. Вся борьба съ самаго начала и до конца сосредоточилась около условій отмѣны крѣпостного права,—именно около вопроса о размѣрѣ выкупа за землю и количествѣ земли, долженствующей быть отрѣзанной крестьянамъ.

Вопросъ о размѣрѣ выкупа особенно остро стоялъ для помѣщиковъ нечерноземной полосы, которые стремились къ полученію выкупа не только за землю, но главнымъ образомъ за «души». Въ этомъ заключался для нихъ весь смыслъ реформы, и при условіи обязательнаго выкупа крестьянами «душъ», они являлись горячими сторонниками «освободительной» реформы. Мы знаемъ, что именно дворянство нечерноземныхъ губерній и дало наиболѣе либеральныхъ сторонниковъ реформы.

Указанная выше цѣль была достигнута ими въ полной мѣрѣ; нормы выкупа являлись чрезвычайно выгодными для нихъ: эти нормы позволяли имъ отдать крестьянамъ надѣлы по цѣнѣ, вдвое превышавшей ихъ дѣйствительную стоимость. Такъ, по вычисленію А. Лосицкаго цѣнность надѣла была:

	По продажной цѣнѣ 50—58 гг.	По выкупу.	Вторая выше.
Въ нечерноземной полосѣ. .	155 руб.	342 руб.	на 121%
„ черноземной „ . .	219 „	342 „	„ 56%

Для черноземныхъ помѣщиковъ центръ вопроса заключался въ томъ, чтобы отрѣзать у крестьянъ возможно больше земли, которая и безъ «душъ» представляла здѣсь значительную цѣнность. Къ достиженію этого они не встрѣтили препятствій, и въ результатѣ именно тутъ у крестьянъ было отрѣзано наибольшее количество земли. Дѣйствительно, въ 21 черноземной губерніи у крестьянъ было отрѣзано около 26,2% площади ихъ землепользованія до 1861 г., а въ 15 нечерноземныхъ—лишь 9,9%.

Какъ мы уже сказали, изъ среды нечерноземнаго дворянства вышли представители либеральнаго теченія того времени; наоборотъ, реакціонные элементы вербовались преимущественно изъ помѣщичьей среды черноземнаго района. Ихъ особенно пугала перспектива лишиться съ отмѣной крѣпостного права рабочихъ рукъ: для помѣщиковъ нечерноземной полосы этотъ вопросъ такъ остро не стоялъ.

Слѣдуетъ еще помнить, что съ освобожденіемъ крестьянъ для дворянства былъ связанъ вопросъ не только о тѣхъ или другихъ имущественныхъ правахъ,—вопросъ о выкупѣ и объ отрѣзахъ,—но также и вопросъ о политическихъ правахъ. Около этого пункта и сосредоточилась главнымъ образомъ борьба между бюрократіей и различными направленіями дворянской оппозиціи 50—60 гг., причемъ намѣтилось два основныхъ теченія. Крупное родовитое дворянство, а отчасти и среднепомѣстное (изъ черноземныхъ губерній), усиленно отстаивало сохраненіе за помѣщиками вотчинной власти и стремилось вмѣстѣ съ тѣмъ къ олигархическому правленію и къ созданію мѣстнаго самоуправленія на англійскій образецъ. Съ другой стороны, среднепомѣстное дворянство, главнымъ образомъ, нечерноземной полосы, являлось носителемъ болѣе демократическаго движенія.

Оно «было готово идти на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія какъ говорилъ лидеръ этой оппозиціи А. М. Унковскій: но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но и для всего народа»,—и прежде всего оно стремилось къ реформѣ мѣстнаго строя на началахъ болѣе или менѣе широкаго самоуправленія, а затѣмъ мечтало и о созывѣ «выборныхъ всей земли русской для разрѣшенія вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля», какъ было сказано въ адресѣ тверского дворянства.

Первое теченіе дворянской оппозиціи скоро, какъ только усилилась правительственная реакція и у крупнаго дворянства исчезло опасеніе утраты власти,—перешло въ ряды реакціи, которые оно занимаетъ и до сихъ поръ.

Второе теченіе нашло поле для своей дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ и изъ нихъ оно пыталось создать оплотъ для борьбы съ «бюрократіей».

II.

Съ самаго начало руководство земской дѣятельностью попало въ руки среднепомѣстнаго дворянства. Крупные землевладѣльцы-дворяне предпочитали заполнять ряды высшей бюрократіи и въ земскихъ дѣлахъ почти не принимали участія. Они тѣмъ болѣе имѣли основанія такъ относиться къ земству, что земскіе налоги были въ общемъ настолько незначительны, что не затрагивали существенно ихъ матеріальныхъ интересовъ.

Землевладѣльцы недворяне—Колупаевы и Разуваевы—сосредоточили свое вниманіе на скупкѣ дворянскихъ земель и также въ земствѣ принимали незначительное участіе. Забитое и темное крестьянство было чуждымъ элементомъ въ земствѣ и съ его голосомъ считались мало.

Такимъ образомъ во главѣ земства очутились въ большинствѣ случаевъ представители среднепомѣстнаго дворянства и на всю земскую дѣятельность они наложили печать интересовъ своего класса и печать пониманія общественныхъ задачъ именно съ точки зрѣнія этого класса.

То различіе во взглядахъ и настроеніяхъ дворянства различныхъ районовъ, которое было отмѣчено выше для эпохи освобожденія крестьянъ,—проявилось затѣмъ и въ земствѣ: носителями либеральной оппозиціи на первыхъ порахъ и долгое время потомъ являлись земцы нечерноземныхъ губерній (Тверской, Новгородской, Московской и др.). Наоборотъ, земства черноземныхъ губерній (до 90-хъ г.г.) идутъ, какъ правило, въ хвостѣ не только оппозиціоннаго, но и чисто культурнаго движенія. Обостреніе сельско-хозяйственнаго кризиса, въ связи съ усиленіемъ протекціонистской политики правительства къ началу 90-хъ г.г., какъ мы увидимъ далѣе, вызвало оппозиціонное броженіе и среди «черноземной силы», земствъ черноземныхъ губерній, которыя (напр., Саратовское, Курское, Харьковское, Самарское, Воронежское и др.) съ середины 90-хъ г.г. выступаютъ на авансцену общественной жизни.

Очутившись въ земствѣ и пытаясь создать себѣ опору для борьбы съ «бюрократіей», съ олигархіей крупныхъ земельныхъ собственниковъ, дворянская

оппозиція неизбѣжно должна была стремиться «опереться на народъ», чтобы придать своему оппозиціонному движенію болѣе или менѣе широкій «народный» характеръ. Конечно, даже наиболѣе передовые земцы были далеки отъ мысли дѣйствовать «съ народомъ»; они лишь заботились о томъ, чтобы придать своей работѣ въ земствѣ характеръ работы «для народа». И всякій разъ, когда передъ ними вставала перспектива народнаго движенія, они предпочитали искать опоры на верху и подавали руку «бюрократіи».

Стремленіемъ земцевъ придать своей дѣятельности «народный» характеръ въ значительной степени объясняется налетъ народническихъ утопій на земской дѣятельности 60—70-хъ г.г. (главнымъ образомъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ),—покровительство артелямъ кустарей и т. п.;—а также здѣсь надо искать объясненія того, что «третьему элементу»—этому демократическому посреднику между массами и земской буржуазіей—земства открывали, хотя и не безъ сопротивленія, до послѣдняго времени поле для вліянія на земскую дѣятельность. Насколько, однако, не глубокъ былъ налетъ народничества на земской оппозиціи 60—70-хъ г.г., показываетъ вся исторія земской дѣятельности того времени. Какую бы область этой дѣятельности мы ни взяли, мы всюду увидимъ, насколько доминировали во взглядахъ «либеральной» оппозиціи групповые интересы. Такъ, особенно рельефно это сказалось въ отношеніи народнаго образованія и медицины. Не сразу земства стали принимать участіе въ расходахъ на эти отрасли, составляющія теперь гордость земства; вначалѣ даже наиболѣе либеральные земцы смотрѣли на свое участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ на «поощреніе». Школы, врачи, фельдшера,—разсуждали они, нужны крестьянамъ, крестьяне поэтому и должны ихъ содержать. Участіе земствъ въ развитіи этихъ отраслей начинается лишь мало-по-малу. Напримѣръ, въ школьномъ дѣлѣ земства сначала выдаютъ лишь «приплаты» къ жалованью учителей; затѣмъ въ 80-хъ г.г. принимаютъ на себя оплату жалованья, оставляя всѣ прочіе расходы на обязанности сельскихъ обществъ и т. д.

Также совершалась эволюція и въ другихъ областяхъ. Напримѣръ, до середины 80-хъ г.г. на сельскія общества падаетъ въ большинствѣ случаевъ содержаніе фельдшеровъ, оспенниковъ, пріемныхъ покоевъ и пр. и пр. И все это яляется послѣдовательнымъ проведеніемъ основного взгляда, укоренившагося въ земствѣ,—именно того, что земцы-либералы работаютъ «для народа», для него создаютъ школы и т. д., а потому и главные расходы должны нести крестьяне, земству же слѣдуетъ придерживаться лишь поощрительной системы. Законченное выраженіе эта система нашла въ трудахъ такого виднаго и вліятельнаго дѣятеля 60—70-хъ г.г., какимъ былъ кн. А. И. Васильчиковъ.

Къ серединѣ 80-хъ г.г. этотъ взглядъ подвергся существенному измѣненію; рѣчь объ этомъ будетъ у насъ ниже, а пока, чтобы покончить съ характеристикой эпохи 60—70-хъ г.г., остановимся нѣсколько на томъ, что представляла изъ себя земская либеральная программа того времени.

«Либеральная земская партія, поставленная въ необходимость создавать свою программу, говоритъ Н. И. Іорданскій, выработала ее эклектически изъ обрывковъ разныхъ міровоззрѣній. Россійское народничество и нѣмецкій катедръ-соціализмъ послужили главными источниками программныхъ настроеній зем-

скихъ либераловъ». Полную формулировку этой программы, какъ она сложилась къ началу 80-хъ г.г., далъ «Вѣстникъ Европы»,—этотъ выразитель интересовъ либерально-землевладѣльческой оппозиціи того времени. «Либеральныя программы, писалъ онъ въ 1882 г. (кн. 4),—въ этомъ заключается характерная черта русскаго либерализма—не ограничиваются большей частью вопросами политическаго и административнаго свойства; онѣ обнимаютъ собой и экономическіе вопросы».

Причины, заставлявшія либеральныхъ землевладѣльцевъ не ограничиваться вопросами «политическаго и административнаго свойства»,—коренятся, какъ мы говорили, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ должна была проявляться либеральная оппозиція: чтобы пріобрѣсти политическій вѣсъ, она должна была базироваться «на экономическихъ вопросахъ», ставить своимъ лозунгамъ «благо народное». Она тѣмъ болѣе имѣла основанія такъ поступать, что «бюрократія», съ которой земская оппозиція боролась, рѣзко и послѣдовательно наносила ущербъ этому «благу»: тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ начался процессъ раззоренія массъ сельскаго населенія, въ которомъ крупную роль сыграла правительственная политика.

Итакъ, въ чемъ же заключалась либерально-землевладѣльческая программа сложившаяся къ началу 80-хъ г.г.? По этому поводу «Вѣстникъ Европы» писалъ: «поддержаніе общиннаго землевладѣнія, какъ главной гарантіи противъ обезземеленья массы; правительственное и земское содѣйствіе къ переходу земель во владѣніе крестьянъ, въ особенности тамъ, гдѣ они наиболѣе страдаютъ отъ малоземелья; организація переселеній и мелкаго поземельнаго кредита; освобожденіе крестьянъ отъ стѣсненій, налагаемыхъ паспортной системой и круговой порукой; дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей тамъ, гдѣ они превышаютъ доходъ съ надѣльныхъ земель; отмѣна подушной подати; увеличеніе налоговъ, платимыхъ болѣе достаточными классами, съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ податного бремени, тяготѣющаго надъ народомъ; значительное сокращеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ,—таковы, между прочимъ, существенно важные пункты либеральной программы».

Большинство этихъ требованій и теперь еще составляетъ наиболѣе существенные пункты земской либеральной программы, и мы должны остановиться на нихъ подробнѣе.

Либеральная оппозиція вступила въ земство безъ опредѣленной программы; она формировала ее лишь постепенно. Такъ, первый вопросъ экономическаго характера, который былъ возбужденъ въ земствѣ на первыхъ же порахъ, касался учрежденія земельныхъ банковъ для крупнаго землевладѣнія. Въ 60-хъ г.г. эта идея пользовалась въ земствахъ большимъ сочувствіемъ. Затѣмъ въ 70-хъ г.г. на сцену выдвигается (въ нечерноземныхъ губерніяхъ) поддержаніе артелей и т. п. бутафорски-народническія затѣи, отъ которыхъ земства отдѣлываются уже къ началу 80-хъ г.г. Вотъ и все почти, что дѣлалось земствами въ области экономическихъ вопросовъ до 80-хъ г.г., когда была формулирована указанная выше программа въ цѣляхъ осуществленія «блага народнаго».

И если мы вникнемъ въ ходъ экономической эволюціи того времени, намъ станетъ ясно, почему именно къ 80-мъ г.г. были выдвинуты отмѣченныя выше

требованія. Съ конца 70-хъ г.г. сельское хозяйство вступаетъ въ полосу мірового кризиса, отразившагося и на положеніи русскаго земледѣлія. Передъ дворянами-землевладѣльцами, до тѣхъ поръ безпечно проживавшими выкупные платежи, остро сталъ вопросъ о судьбахъ земледѣлія и землевладѣнія, и приходилось такъ или иначе рѣшать его. До этого времени данный вопросъ не привлекалъ къ себѣ серьезнаго вниманія землевладѣльческихъ круговъ; вотъ почему, между прочимъ, всероссійскіе (1865, 70, 72, 75 и 78 г.г.) и областные съѣзды того времени протекали вяло и скоро прекратились.

III.

Съ конца 70-хъ гг. въ сельскомъ хозяйствѣ наступаетъ кризисъ; цѣны на хлѣбъ, подъ вліяніемъ заокеанской конкурренціи, быстро идутъ на убыль. Въ Россіи этотъ процессъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ продолжался до середины 90-хъ гг.; цѣны на хлѣбъ за это время упали на 40—50%. Угнетенное состояніе сельскаго хозяйства наложило печать на землевладѣльческое движеніе этого періода. Съ другой стороны, на немъ отражались и тѣ особенныя условія, въ какихъ очутилось именное русское землавладѣніе. Значительные слои дворянства оказались, послѣ отмѣны крѣпостного права, не въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ и такимъ образомъ началея процессъ усиленной ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. И чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ процессъ совершался быстрѣе. Такъ, средняя ежегодная убыль дворянскаго землевладѣнія была такая: въ 1859—77 гг.—517 тыс. дес.; 1877—96 гг.—750 тыс. дес.; 1897—900 гг.—978 тыс. дес.

На усиленіе ликвидаціоннаго процесса съ 80-хъ гг. вліяло, съ одной стороны, то обстоятельство, что къ этому времени были растрачены выкупные платежи и приходилось пускать въ оборотъ родовыя помѣстья. Съ другой стороны, сказалось вліяніе того кризиса, о которомъ была рѣчь выше. И вотъ, начиная съ конца 70-хъ гг. мы видимъ, какъ въ земствѣ и вообще въ землевладѣльческихъ кругахъ выдвигается вопросъ объ организаціи земельнаго кредита для залога дворянскихъ земель и для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ этихъ земель. Въ связи съ этимъ идутъ толки о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Нѣкоторыя земства не ограничились ходатайствами объ организаціи крестьянскаго поземельнаго банка, но и сами съ конца 70-хъ года приступили къ содѣйствію крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли. Намъ приходилось уже отмѣчать [1]), что въ указанномъ направленіи работали какъ разъ тѣ земства, гдѣ ликвидація дворянскихъ земель шла быстрѣе,—именно земства: Тверское (съ 76 г.); Костромское и Таврическое съ 80 г.; Ярославское и Московское съ 81 г.

Не трудно видѣть тѣ причины, которыя заставляли дворянъ землевладѣльцевъ сочувствовать организаціи мелкаго земельнаго кредита. Еще въ 1874 г. на Харьковскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ Замятинъ открыто заявлялъ, что земство должно организовать кредитъ для крестьянъ, чтобы поддержать разоряющихся

[1]) См. нашу статью: Аграрный вопросъ въ земствѣ. „Образованіе“ 1906 г. кн. 3.

помѣщиковъ, давъ имъ возможность выгоднѣе продать землю. Такимъ мотивомъ руководились и земства, содѣйствовавшія крестьянамъ въ покупкѣ земли и ходатайствовавшія объ учрежденіи Крестьянскаго Банка. Такъ, предсѣдатель Ярославской городской управы Скульскій (1879 г.), возбуждая этотъ вопросъ, говорилъ: «не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ повсемѣстный въ губерніи фактъ, что, съ одной стороны, крупные и средніе землевладѣльцы помѣстно-дворянскаго сословія, удрученные... настоятельной потребностью сбыта многихъ отдѣльныхъ участковъ своихъ владѣній, ...ищутъ покупателей, а съ другой стороны, крестьянское населеніе... нуждается въ увеличеніи своихъ земельныхъ надѣловъ».

Уставъ Банка въ общемъ соотвѣтствовалъ земскимъ пожеланіямъ и первое время землевладѣльцы были довольны его дѣятельностью, сильно поднявшей цѣны на землю. Однако къ концу 80-хъ гг. вслѣдствіе невыгодныхъ условій кредита изъ Банка, крестьяне стали забрасывать купленныя земли. Вслѣдствіе этого Банкъ началъ сокращать операціи и выдавать все меньше и меньше ссудъ. Конечно, это не могло нравиться землевладѣльцамъ-ликвидаторамъ, и съ этого времени дѣятельность Банка подвергается рѣзкой критикѣ со стороны земствъ, ходатайствующихъ объ удешевленіи банковскаго кредита.

Черезъ 2 года послѣ учрежденія Крестьянскаго Банка былъ основанъ Дворянскій Банкъ для выдачи ссудъ подъ залогъ дворянскихъ земель, причемъ кредитъ послѣдняго былъ выгоднѣе для заемщиковъ, чѣмъ кредитъ для крестьянъ изъ Крестьянскаго Банка. Движеніе въ пользу учрежденія Дворянскаго Банка имѣло мѣсто главнымъ образомъ въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, «высшей бюрократіи». Наоборотъ, земства мало обсуждали этотъ вопросъ. Исключеніе представляютъ нѣкоторыя земства черноземныхъ губерній (Полтавское, Харьковское, Симбирское и др.). Сказанное нами выше относительно различія интересовъ землевладѣнія нечерноземнаго и черноземнаго раіоновъ достаточно объясняетъ этотъ фактъ. Въ нечерноземной полосѣ ликвидація дворянскаго землевладѣнія совершалась быстрѣе и симпатіи землевладѣльцевъ («либераловъ») склонялись тутъ больше къ Крестьянскому Банку, который ставилъ ликвидацію въ выгодныя условія.

Въ черноземной полосѣ помѣщики не смотрѣли на свое положеніе такими глазами; они не теряли надежды оправиться отъ кризиса и передъ ними рисовалась перспектива хозяйства, организованнаго на капиталистическій ладъ. Это заставляло ихъ больше симпатизировать Дворянскому Банку и подъчасъ рѣзко протестовать противъ мелкаго поземельнаго кредита. Такъ, на Харьковскомъ з. с. 1880 г. часть гласныхъ обрушилась на сторонниковъ мелкаго кредита, упрекая ихъ въ стремленіи создать «финансовое учрежденіе политическаго характера, чтобы пересоздать собственность на другихъ началахъ».

Другой вопросъ, около котораго сосредоточилось вниманіе землевладѣльческихъ круговъ послѣ 1861 г.,—это вопросъ о сельскихъ рабочихъ. «Временныя правила» о наймѣ на сельскія работы (1863 г.), имѣвшія цѣлью обезпечить нанимателямъ исполненіе договора со стороны рабочихъ не удовлетворили землевладѣльцевъ, и мы видимъ, какъ въ земствѣ съ первыхъ же лѣтъ раздаются требованія усиленія репрессій для рабочихъ; въ 1865—73 гг. особенно популярна была мысль о введеніи обязательныхъ рабочихъ книжекъ, вмѣсто паспортовъ.

Вопросъ этотъ, какъ тогда, такъ и послѣ возбуждался земствами черноземныхъ губерній.

Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ графа Валуева (72 г.) комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства вѣрно формулировала главный мотивъ въ пользу репресивнаго законодательства о наймѣ. «Главныя жалобы землевладѣльцевъ, говорилось въ ея докладѣ, касаются недостатка и дороговизны рабочихъ. Недостатокъ рабочихъ ставитъ сельскихъ хозяевъ въ положеніе шаткое, неопредѣленное: рабочихъ нѣтъ, а тѣ, которые есть, — ненадежны».

Вопросомъ объ обезпеченіи землевладѣльцевъ надежными дешевыми рабочими земства не переставали заниматься до второй половины 90-хъ г.г. При этомъ съ 70-хъ г. въ земскихъ проектахъ вмѣсто рабочихъ книжекъ фигурируютъ ходатайства объ усиленіи репрессій за нарушеніе рабочимъ договора. Особенной популярностью пользовались тогда слѣдующія мѣры: приводъ бѣжавшаго рабочаго къ нанимателю черезъ полицію, наказаніе рабочаго за нарушеніе договора, какъ за мошенничество, и наконецъ отдача рабочихъ, нарушившихъ договоръ, на общественные работы, въ работные дома, арестантскія роты и проч. Подобныя ходатайства особенно усилились въ началѣ 80-хъ г. въ связи съ обостреніемъ с.-х. кризиса. На этотъ разъ требованіе аграріевъ было отчасти удовлетворено изданіемъ 12 іюня 1886 г. Положенія о наймѣ на сельскія работы, согласно которому нарушеніе договора рабочимъ влечетъ для него уголовное наказаніе а нарушеніе договора хозяиномъ сопровождается лишь гражданской отвѣтственностью.

Законъ этотъ не удовлетворилъ ни ярыхъ защитниковъ репрессивныхъ мѣръ, ни тѣхъ, кто началъ—хотя бы смутно—сознавать необходимость подойти къ вопросу съ другой стороны. Въ общемъ вопросъ объ усиленіи репрессій для рабочихъ во второй половинѣ 80-хъ г.г. и въ первой 90-хъ г.г. поднимался въ землевладѣльческихъ кругахъ рѣже, чѣмъ прежде. Отчасти это объясняется тѣмъ, что съ этого времени арендныя цѣны стали расти особенно быстро, и вопросъ о рабочихъ утратилъ, для нѣкоторыхъ покрайней мѣрѣ районовъ, часть своей остроты. Въ томъ же направленіи въ другихъ районахъ дѣйствовало введеніе машинъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Вотъ почему, напримѣръ, на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. названный вопросъ хотя и горячо обсуждался, но не вызвалъ единодушнаго отношенія и никакого рѣшенія принято не было.

Одинъ изъ пунктовъ приведенный нами выше либеральной программы трактуетъ объ «организаціи переселеній». До 80-хъ г.г. вопросъ о переселеніяхъ вызывалъ въ землевладѣльческихъ кругахъ болѣе или менѣе рѣшительное отрицательное отношеніе вслѣдствіе боязни лишиться дешевыхъ рабочихъ при развитіи переселеній. Большинство земствъ держалось того взгляда, какой развивалъ въ Харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (1882 г.) гл. Ширковъ. «Надо, говорилъ онъ, всѣми мѣрами противодѣйствовать переселеніямъ, а не поощрять эту порочную язву» [1]). По его мнѣнію «содѣйствіе переселеніямъ дѣло антиземское, ведущее къ упадку».

---

[1]) Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сел.-хоз. мѣропріятіямъ т. II, стр. 773.

Въ 1880—81 г.г. вопросъ объ упорядоченіи переселеній обсуждался, по иниціативѣ правительства, въ земскихъ собраніяхъ и тогда онъ встрѣтилъ сравнительно больше сочувствія въ землевладѣльческихъ кругахъ, видѣвшихъ въ переселеніяхъ средство отвлечь крестьянъ «отъ несбыточныхъ мечтаній» о добавочномъ надѣленіи землей. Когда опасенія на этотъ счетъ разсѣялись, измѣнилось и отношеніе земствъ къ переселеніямъ: въ періодъ 1882—91 г.г. лишь единичныя земства высказывались за организацію переселеній.

Въ началѣ 90-хъ г.г. вопросъ объ организаціи переселеній снова выдвигается на очередь благодаря участившимся неурожаямъ и голодовкамъ. На этотъ разъ въ средѣ земствъ нашлось болѣе приверженцевъ—названной мѣры, хотя многія изъ нихъ дѣлали существенныя оговорки, съ цѣлью оградить интересы помѣщиковъ. Такъ, по мнѣнію Тульскаго земства, переселенія должны вестись лишь «въ размѣрѣ необходимой рабочей силы въ мѣстахъ переселенія и въ размѣрахъ прироста населенія сверхъ того числа, которое можетъ найти обезпеченный (!) заработокъ на мѣстѣ выселенія» [1]).

Мы знаемъ теперь, какъ обстояло дѣло съ основными пунктами либеральной программы—съ мелкимъ земельнымъ кредитомъ и переселеніями: въ первомъ изъ этихъ вопросовъ правительство шло рука объ руку съ либеральными землевладѣльцами, а во второмъ—оно встрѣчало полное сочувствіе въ земскихъ и землевладѣльческихъ кругахъ.

Третьимъ пунктомъ либеральной программы 80-хъ г.г. являлось «поддержаніе общиннаго землевладѣнія, какъ главной гарантіи противъ обезземеленья крестьянъ». И въ этомъ пунктѣ «либералы»—землевладѣльцы сходились съ крѣпостниками: и тѣ и другіе до самаго послѣдняго времени придерживались указаннаго выше взгляда на общину, и законодательство по этому предмету согласовалось вполнѣ съ землевладѣльческими пожеланіями.

Остальные пункты либеральной программы (о реформѣ налоговъ рѣчь будетъ дальше) не пользовались сочувствіемъ въ 80-хъ г.г. ни въ земствахъ, ни тѣмъ болѣе въ широкихъ землевладѣльческихъ кругахъ. Не объ освобожденіи крестьянъ отъ пережитковъ крѣпостного права (круговая порука, стѣсненія паспортной системы и проч.) мечтали въ то время землевладѣльцы и правительство, а, наоборотъ, объ усиленіи крѣпостного ига. Такъ явился, напримѣръ, законъ 18 марта 1886 г., имѣвшій въ виду возстановить патріархальную семью крѣпостной эпохи и уничтожить въ деревнѣ «деморализацію». Такимъ же былъ и законъ 12 іюля о введеніи института земскихъ начальниковъ, этой «близкой къ народу и сильной власти».

Интересно отмѣтить, что во главѣ этого крѣпостническаго движенія стояли крупные землевладѣльцы и при томъ главнымъ образомъ черноземной полосы. На этотъ разъ, какъ и въ 60-хъ г.г., «черноземная сила» дѣйствовала въ согласіи съ правящей бюрократіей а нечерноземные помѣщики состояли въ оппозиціи, хотя въ 80-хъ г.г. эта оппозиція открыто почти не проявлялась. Въ самомъ дѣлѣ, инспираторами крѣпостнической политики 80-хъ г.г. являлись землевладѣльческіе круги Симбирской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и другихъ черноземныхъ

---

[1]) „Нужды сельскаго хозяйства и мѣры ихъ удовлетворенія по отзывамъ земскихъ собраній". стр. 166. Спб 1899 г.

губерній, при чемъ ихъ лидеры (А. Д. Пазухинъ, С. С. Бехтѣевъ и т. д.) принимали самое близкое участіе въ выработкѣ закона о земскихъ начальникахъ (1889 г.), въ реформѣ земства на сословномъ началѣ (1890 г.) и т. д. Скоро, однако, настроеніе землевладѣльческихъ круговъ измѣнилось и здѣсь; рѣчь объ этомъ будетъ у насъ дальше.

Итакъ, мы видимъ, что вся пореформенная политика правительства въ области аграрнаго вопроса и крестьянскаго законодательства диктовалась интересами «первенствующаго сословія». Но была еще одна сторона этой политики, которая не укладывалась въ рамки сословно—*хозяйственныхъ вожделѣній* Землевладѣльцевъ и которой было суждено вызвать и объединить землевладѣльческую оппозицію,—приблизительно къ серединѣ 90-хъ г. Мы говоримъ о фискально—таможенной политикѣ правительства.

IV.

Уже вскорѣ послѣ введенія земства въ землевладѣльческихъ кругахъ стали раздаваться голоса противъ излишняго покровительства промышленникамъ. Предметомъ этихъ жалобъ первое время являлся почти исключительно законъ 21 ноября 1866 г., которымъ участіе промышленниковъ въ несеніи земскихъ налоговъ было ограничено опредѣленнымъ, весьма низкимъ размѣромъ. Въ 70-хъ г.г. и особенно со второй половины 80-хъ г.г. по мѣрѣ усиленія покровительства «отечественнымъ промышленникамъ», протестъ среди землевладѣльцевъ становится все громче и громче и своего апогея онъ достигаетъ въ 90-хъ г.г., именно тотчасъ же послѣ неурожая 189$^1/_2$ г., когда уровень земельныхъ и хлѣбныхъ цѣнъ достигъ своего минимума и когда, въ довершеніе всего, былъ введенъ невыгодный для сельскихъ хозяевъ, таможенный договоръ съ Германіей (1892 г.). Кромѣ всего этого, на горизонтѣ виднѣлось еще большее усиленіе покровительства отечественной промышленности подъ эгидой министра финансовъ Витте. Все это дало значительный толчокъ подъему оппозиціоннаго движенія въ землевладѣльческой средѣ. Землевладѣльческая оппозиція подняла высоко голову въ земствѣ, только что реформированномъ на сословномъ началѣ; помѣстное дворянство объединялось, видя надвигающуюся опасность. На оппозиціи политикѣ Витте въ то время дѣлалась карьера либералами.

Особенно рельефно сказалось оппозиціонное настроеніе въ земскихъ собраніяхъ къ 1894—96 г.г., когда обсуждался (по иниціативѣ Министра Земледѣлія) вопросъ о мѣрахъ содѣйствія сельскому хозяйству, и затѣмъ на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ (1895 г.).

Вновь созданное Министерство Земледѣлія (1894 г.), созданное главнымъ образомъ благодаря жалобамъ землевладѣльцевъ на то, что ихъ интересы не пользуются достаточной охраной,—съ самаго начала сдѣлалось оплотомъ землевладѣльческой фронды. Около него (въ «сельскохозяйственномъ совѣтѣ») группировались земскіе дѣятели (Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ, П. А. Гейденъ, Н. А. Хомяковъ и др.) и на него возлагались сперва не малыя надежды.

Въ своихъ отвѣтахъ на запросъ министра земледѣлія о мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства земства были единодушны: на первый планъ они выдвигали

требованіе таможенно-фискальной реформы въ интересахъ сельскаго хозяйства, затѣмъ ставили на очередь подъемъ сельско-хозяйственной техники и, наконецъ, мѣры культурнаго характера (распространеніе грамотности и т. п.). Подъ такимъ же флагомъ—рѣзкой оппозиціи министру финансовъ и благожелательнаго отношенія къ министерству земледѣлія протекалъ и всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. Лозунгъ возрождавшейся землевладѣльческой оппозиціи былъ выпукло формулированъ на этомъ съѣздѣ землевладѣльцемъ В. П. Муромцевымъ. «Нашъ сельско-хозяйственный кризисъ, говорилъ онъ, есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равновѣсія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привилегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго. Если высшая державная власть, въ доброжелательствѣ и заботливости которой мы немало не сомнѣваемся, не придетъ къ намъ на помощь, то намъ останется одно: съ яснымъ сознаніемъ причинъ подавляющаго насъ критическаго положенія идти къ неминуемому и общему разоренію». «Только одного, заключалъ онъ свою рѣчь:—возстановленія нарушеннаго равновѣсія, желаемъ мы, только объ одномъ просимъ—о справедливости» [1]).

Во главѣ оппозиціи и на этотъ разъ очутились земцы-помѣщики нечерноземныхъ губерній, что особенно рельефно сказалось на названномъ выше всероссійскомъ съѣздѣ. Черноземные помѣщики еще пытались уврачевать свои бѣды усиленіемъ репрессій за нарушеніе рабочими договоровъ. Затѣмъ дворяне нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній (напр, Саратовской) выдвигали еще вопросъ о майоратахъ и т. п., но широкаго сочувствія подобнаго рода предложенія не привлекли въ то время даже въ средѣ «черноземной силы», и эта послѣдняя—въ лицѣ земствъ названныхъ губерній — постепенно именно съ этого времени начинаетъ играть—все болѣе и болѣе опредѣленную оппозиціонную роль; волжскія (Саратовское, Самарское) и центрально-черноземныя земства (Курское, Воронежское, Харьковское и др.), шедшія ранѣе въ хвостѣ земской жизни, теперь выдвигаются на авансцену.

Какъ мы сказали, центральнымъ пунктомъ требованій землевладѣльческой оппозиціи явилось на этотъ разъ требованіе объ измѣненіи фискально-таможенной политики правительства и, между прочимъ требованіе введенія подоходнаго налога.

Вопросъ о введеніи подоходнаго обложенія обсуждался земствами еще въ началѣ 70-хъ годовъ по предложенію правительства, проектировавшаго замѣну подушнаго сбора подоходнымъ налогомъ. Руководясь стремленіемъ переложить налогъ съ земли на промышленность, торговлю и денежные капиталы, земства высказались тогда болѣе или менѣе единодушно въ пользу подоходнаго налога, при условіи сохраненія неизмѣннымъ косвеннаго обложенія. На эту точку зрѣнія стали тогда и либеральныя земства (Тверское, Черниговское) и наиболѣе отсталыя (Калужское, Тамбовское и др.).

Помимо желанія снять часть податного бремени съ земли, земскими собраніями руководили въ данномъ случаѣ и др. соображенія, заставлявшія ихъ

---

[1]) «Постановленіе всероссійскаго съѣзда сел.-хоз.» М. 1895 г.

высказываться противъ проектировавшагося правительствомъ подворнаго налога, безъ привлеченія къ налогу неземледѣльческихъ классовъ. Такая мѣра, какъ полагали, напр., Курское, Тамбовское и многія другія земства, «сильно повысила бы цѣну на рабочія руки».

Сочувствіе земствъ къ подоходному налогу не представляется чѣмъ-то исключительнымъ въ исторіи. Исторія показываетъ, что именно аграрная партія всюду являлась «однимъ изъ бойцовъ за подоходное обложеніе или, лучше сказать, за замѣщеніе имъ старой системы прямыхъ налоговъ» [1]). «Подоходный налогъ, говоритъ проф. Озеровъ: является средствомъ сбросить часть налога съ плечъ земледѣльческаго населенія на промышленные классы», такъ какъ и съ введеніемъ подоходнаго налога обычно соединяется пониженіе поземельнаго налога». [2]).

Подушная подать была отмѣнена въ 1887 г. и свои потери казна возмѣстила усиленіемъ косвеннаго обложенія. Это послѣднее, начиная съ 70-хъ г.г. играло все большую и большую роль въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, и опасенія землевладѣльцевъ, что обложеніе ихъ земель будетъ расти, не оправдались. Вотъ почему, между прочимъ, въ земствахъ до 90-хъ г.г. не раздавались голоса въ пользу подоходнаго налога.

Въ благопріятномъ положеніи оказывались землевладѣльцы и въ другомъ отношеніи: будучи полными хозяевами въ земствѣ, они использовали свое положеніе для облегченія себѣ налогового бремени. Такъ, обложеніе земствомъ 1 десятины было такое (коп.):

	1869 г.	1875 г.	1885 г.	1904 г.
Частновлад.	6,5	6,2	12,9	20,0
Надѣльной	10,33	14,5	17,7	26,0

Особенной неуравнительностью отличается земское обложеніе въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Такъ, въ Новгородской губерніи оно еще въ концѣ 70-хъ годовъ было выше для крестьянъ, чѣмъ для помѣщиковъ, въ 5—7 разъ и т. д.

Съ теченіемъ времени обложеніе выравнивалось, не безъ борьбы со стороны землевладѣльцевъ, но и до сихъ поръ оно во многихъ губерніяхъ весьма неуравнительно, особенно если принять во вниманіе, что урожайность, а слѣдовательно и доходность надѣльныхъ земель значительно ниже, чѣмъ частныхъ.

Все это до сихъ поръ мало безпокоило либеральныхъ земцевъ и новыя оцѣнки находили себѣ примѣненіе лишь очень медленно и неполно.

Вопросъ о подоходномъ налогѣ, какъ мы говорили, всплылъ въ земствахъ снова въ первой половинѣ 90-хъ г.г. Земства, на запросъ министра земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства (1894 г.), единодушно заявили, что «облегчить земледѣліе» возможно лишь въ томъ случаѣ, если «перенести часть налоговъ на торговлю и мануфактурную промышленность» [3]).

Еще громче голоса въ пользу введенія подоходнаго налога раздались въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, созванныхъ въ

---

[1]). И. Х. Озеровъ. Подоходный налогъ въ Англіи, стр. 416.

[2]). И. Озеровъ. Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи, стр. 35.

[3]) «Нужды сел. хоз. по отзывамъ земскихъ собраній», стр. 155.

1902—03 гг. по иниціативѣ министерства финансовъ. На этотъ разъ выставлялось требованіе уже не просто подоходнаго, а прогрессивно-подоходнаго налога. Въ такомъ смыслѣ высказались 41 уѣздныхъ и 3 губернскихъ комитета. Частному землевладѣнію являлось выгоднымъ введеніе прогрессивно-подоходнаго налога, ибо такимъ путемъ привлекались бы къ обложенію сильно возросшіе обороты крупныхъ предпріятій «покровительствуемой» промышленности, и частное землевладѣніе выигрывало бы если и не отъ прямого пониженія налога, то во всякомъ случаѣ отъ уменьшенія переплатъ въ пользу отечественныхъ промышленниковъ. Съ другой стороны, сильно возросшая задолженность дворянскаго землевладѣнія особенно располагала землевладѣльцевъ къ введенію подоходнаго налога, при которомъ учитываются банковскіе платежи.

Въ связи съ вопросомъ о переложеніи налогового бремени на промышленные слои въ земледѣльческой средѣ съ 90-хъ г.г. усиленно дебатировался вопросъ объ измѣненіи таможенной политики въ интересахъ сельскаго хозяйства и между прочимъ вопросъ о денежной валютѣ. И въ данномъ вопросѣ позиція землевладѣльцевъ была враждебна Витте и его стремленію провести золотую валюту.

Итакъ основнымъ требованіемъ возраждавшейся въ 90-хъ г.г. помѣщичьей оппозиціи явилось требованіе измѣненія фискально-таможенной политики въ интересахъ сельскаго-хозяйства. Вторымъ пунктомъ программы этой оппозиціи было—содѣйствіе техникѣ сельскаго хозяйства со стороны правительства и земства. Какъ извѣстно, до 90-хъ г.г. земства почти ничего не предпринимали въ области содѣйствія сельскому хозяйству, и лишь съ этого времени начинается усиленная дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи: учреждаются сельско-хозяйственные совѣты, приглашаются агрономы, устраиваются и быстро развиваютъ свою дѣятельность сельсхо-хозяйственные склады и т. п.

Наконецъ, третьимъ пунктомъ либеральной программы этого времени было содѣйствіе культурному подъему страны и въ частности осуществленіе всеобщаго обученія. И въ этомъ направленіи земства съ 1895—96 г.г. начинаютъ проявлять энергію, причемъ видная роль въ данномъ отношеніи принадлежала губернскому земству, дѣйствовавшему руками «третьяго элемента».

Возникшее оппозиціонное помѣщичье движеніе еще долго не могло выйти на путь ясно сознанныхъ политическихъ требованій. Лишь въ 1904—5 г.г. либеральные земцы формулировали свое политическое credo; до тѣхъ поръ движеніе было лишено опредѣленныхъ политическихъ тенденцій: масса оппозиціонеровъ до нихъ еще не доросла, и попытки, напр., тверскихъ земцевъ (въ 1894—5 г.) заявить о своихъ «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» поддержки не нашли въ средѣ землевладѣльческой фронды.

V.

Выше мы говорили, что съ 1894 г. начинается подъемъ культурной работы земствъ, и затѣмъ съ 1897—8 г.г. онъ пріобрѣтаетъ значительный размахъ.

Нужно замѣтить, чтъ съ самаго начала земская работа носила печать

какой-то хаотичности: по диллетантски принимались тѣ или другія мѣры, затѣмъ онѣ оставлялись, и земства начинали увлекаться инымъ. Въ такомъ отношеніи сказывалась отчасти новизна дѣла; не послѣднюю роль сыграла также и политика администраціи, стремившейся разобщить земства,—но самымъ главнымъ было то, что земцы-руководители не были кровно заинтересованы въ тѣхъ школахъ, больницахъ и т. д., которыя они «поощряли». Но мало-по-малу инерція работы давала себя знать: вырабатывались пріемы и методы работы, самыя начинанія становились въ меньшую зависимость отъ того или другого состава управы. Раньше всего это сказалось въ области медицины. Врачамъ приходилось шагъ за шагомъ отстаивать право на существованіе за врачебной помощью «для простого народа», и лишь въ 80-хъ г.г. земства начинаютъ, систематически улучшать медицинское дѣло—*фельдшеризмъ* замѣняется врачебной помощью, строются больницы и пр. Въ школьномъ дѣлѣ такой системы до средины 90-хъ г.г. еще не было, и земства то увлекались «дешевыми» школами, то вели разговоры о ремесленномъ типѣ начальнаго обученія. Опредѣленнаго взгляда на задачи народной школы выработано не было; самое существованіе школъ было подвержено всевозможнымъ случайностямъ и масса затратъ падала на сельскія общества. Въ общемъ за 80-ые г.г. число земскихъ школъ почти не увеличилось.

Послѣ голода 1891—2 г.г. въ настроеніи земской среды произошелъ переломъ, и съ 1894—5 г.г. земства одно за другимъ приступаютъ къ составленію плановъ осуществленія всеобщаго обученія и ассигнуютъ крупныя суммы на школы и на внѣшкольное образованіе. Объ оживленіи дѣятельности земствъ по сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ мы говорили уже выше. Такое же оживленіе наблюдается и въ прочихъ областяхъ земской жизни.

На первый взглядъ можетъ казаться страннымъ, почему именно въ это время — послѣ реформы земства на узко-сословныхъ началахъ (1890 г.) — начинается оживленіе земской дѣятельности и демократизація ея. Дѣло въ томъ, однако, что фактически реформа 1890 г. не измѣнила состава земскихъ руководителей: по прежнему руководство въ земствѣ оставалось за средне-помѣстнымъ дворянствомъ,—но къ этому времени, какъ мы видѣли, конъюнктура для частнаго землевладѣнія существенно перемѣнилась и создала почву для земской либеральной оппозиціи. При этомъ интересы помѣщиковъ и крестьянъ ставились какъ бы въ однѣ рамки и противопоставлялись аппетитамъ «отечественныхъ промышленниковъ» и «бюрократіи», вскормившей этихъ промышленниковъ въ ущербъ сельскому хозяйству.

На этотъ разъ, какъ и въ 60-хъ гг., землевладѣльческая оппозиція столкнулась съ убогой политической идеологіей крестьянства, съ его низкимъ культурнымъ уровнемъ, и о подъемѣ этого уровня приходилось думать прежде всего. Но либеральные земцы были слишкомъ далеки отъ мысли вызвать политическую активность массъ; земства никогда не думали работать вмѣстѣ съ народомъ.

Приступая къ широкимъ культурнымъ мѣропріятіямъ, земства должны были опереться на «третій элементъ», который и являлся рабочей силой въ земствѣ. По справедливому замѣчанію А. И. Новикова, «центръ тяжести» земской дѣятельности «лежитъ не въ выборныхъ людяхъ, а въ третьемъ элементѣ».

Съ 90-хъ гг. замѣчается большой притокъ этого «элемента» въ земство. Ряды его пополняются выброшенными «независящими обстоятельствами» изъ крупныхъ центровъ, а также культурниками-интеллигентами и т. п.

Вліяніе этого «элемента» росло съ усложненіемъ земской работы, встрѣчая сопротивленіе «уѣздниковъ», консервативныхъ гласныхъ. Наоборотъ, либеральные земцы стремились опереться на этотъ «элементъ». Необходимо тутъ замѣтить, что базой дѣятельности «третьяго элемента» въ 90-хъ гг. становятся губернскія земства, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточиваются и болѣе прогресивные земцы. Отъ губернскихъ земствъ въ это время и стала исходить инціатива всѣхъ сколько нибудь широкихъ начинаній. Губернскія земства, ранѣе почти всюду устранявшіяся отъ активнаго участія въ дѣлѣ начальнаго образованія, санитаріи и т. д., теперь рѣшительно вмѣшиваются въ эти области, чтобы углубить и объединить разрозненныя усилія уѣздныхъ земствъ.

Сознаніе необходимости расширить рамки земской дѣятельности въ это время все болѣе распространяется *въ либеральныхъ кругахъ*. Уже въ 1894 г. съ этой цѣлью нѣкоторыми земствами (Тамбовскимъ, Нижегородскимъ, Уфимскимъ и др.) выдвигается вопросъ объ областныхъ земскихъ съѣздахъ для обсужденія сельско-хозяйственнаго и др. вопросовъ. Въ 1896 г. во время всероссійской выставки въ Н.-Новгородѣ состоялось первое частное совѣщаніе представителей различныхъ земствъ. Совѣщаніе это было посвящено исключительно хозяйственнымъ вопросамъ и исходило изъ мысли о необходимости объединенныхъ дѣйствій для земствъ. Послѣ этого проходитъ нѣсколько лѣтъ и снова выдвигается мысль о необходимости координировать работу земствъ. Хозяйственныя соображенія въ данномъ случаѣ стояли на первомъ планѣ, но не послѣднюю роль играло и стремленіе создать оплотъ для борьбы съ «бюрократіей». Мысль о сплоченіи земствъ путемъ изданія общеземскаго органа печати была особенно выдвинута на совѣщаніяхъ земскихъ дѣятелей, происходившихъ въ 1897—8 гг. въ Петербургѣ,—въ связи съ шумѣвшими въ то время многолюдными собраніями въ вольно-экономическомъ обществѣ по поводу обсужденія вопроса о роли низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. На этихъ совѣщаніяхъ земцевъ было рѣшено начать сплоченіе землевладѣльческихъ круговъ путемъ изданія общеземскаго органа печати, причемъ для осуществленія этого намѣчалось два пути: предполагалось изданіе этого органа при Вольно-экономическомъ обществѣ или же при Московской губернской управѣ, которая явилась бы и далѣе сосредоточіемъ объединенныхъ земскихъ дѣйствій. Эти оба проекта и поступили на разсмотрѣніе земскихъ собраній, причемъ починъ принадлежалъ, съ одной стороны—Вольно-экономическому обществу, а съ другой—Костромскому земству (1898 г.). Большинство губернскихъ земствъ, опрошенное по этому поводу, отнеслось сочувственно именно къ идеѣ Костромского земства и высказало пожеланіе, чтобы подробной разработкой вопроса занялась Московская городская управа, во главѣ которой съ 1894 г. стоялъ Д. Н. Шиповъ. Разработанный Московской управой вопросъ объ изданіи общеземскаго органа обсуждался въ 1899—900 г. губернскими земствами и большинство ихъ возбудили соотвѣтствующія ходатайства. Ходатайства эти были рѣшительно отклонены: бюрократія вовсе не намѣревалась способствовать объединенію оппозиціи, стремленіе къ которому стало

особенно проявляться съ этого времени. Во главѣ этого движенія становится группа гласныхъ Московской, Ярославской, Курской, Орловской и др. губерній, и центромъ объединенія становится Московская городская управа.

По мѣрѣ развитія земской дѣятельности росло и стремленіе землевладѣльческой оппозиціи къ объединенію, а «бюрократія» все подозрительнѣе и подозрительнѣе относилась къ земству. Къ концу 90-хъ гг. въ консервативной прессѣ, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, начинается усиленная кампанія противъ губернскаго земства и правительство подготовляетъ планъ обузданія земства вообще и губернскаго въ особенности. Первой ласточкой этого курса явились законы 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія и объ изъятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства.

Первымъ изъ этихъ законовъ ограничивались права земства относительно обложенія: земствамъ не разрѣшалось, безъ согласія администраціи, увеличивать обложеніе свыше 3% въ годъ, тогда какъ до этого средній ростъ обложенія губернскихъ земствъ достигалъ 8%, а уѣздныхъ 5% въ годъ. Цѣль этого закона была та, чтобы ограничить земскія затраты, главнымъ образомъ на школы.

Вскорѣ, въ 1902—3 г. правительствомъ были выработаны проекты: «наказа училищнымъ совѣтамъ», реформы медицинскаго дѣла и наконецъ изданъ законъ 12 іюля 1902 г. объ урегулированіи ветеринарнаго дѣла, но благодаря дружному протесту земствъ, показавшихъ явную несостоятельность этого закона, онъ въ дѣйствіе приведенъ не былъ. Такимъ образомъ, курсъ политики въ отношеніи земства намѣтился вполнѣ опредѣленно, и это сказывалось во всемъ, на каждомъ шагу повседневной работы земства.

Чѣмъ систематичнѣе и упорнѣе становилась реакція, тѣмъ больше объединялась земская оппозиція, которая инстинктивно чувствовала подъ собою нароставшую волну.

На репрессіи земства, преимущественно губернскія, отвѣчаютъ согласованными протестами, правда, облеченными лишь въ форму ходатайствъ. Такъ, они ходатайствовали о возвращеніи имъ управленія продовольственнымъ дѣломъ, о неприведеніи въ исполненіе ветеринарнаго закона 12 іюня 1902 г. и т. д.

Въ 1901—02 г. происходилъ рядъ всероссійскихъ и областныхъ съѣздовъ, которые сыграли не послѣднюю роль въ дѣлѣ сплоченія земской оппозиціи. Таковыми были, напр., съѣзды агрономическихъ дѣятелей въ Москвѣ въ февралѣ 1901 г.; въ 1901 г.—кустарный съѣздъ въ Полтавѣ; въ февралѣ 1902 г. по пожарно-страховымъ вопросамъ въ Москвѣ же; весной 1902 г. въ Петербургѣ кустарный всероссійскій съѣздъ и т. д. Вслѣдъ за этимъ послѣднимъ, въ маѣ 1902 г., въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ земскихъ дѣятелей, на который съѣхалось свыше 60 человѣкъ изъ 25 губерній. Съѣздъ имѣлъ ближайшей цѣлью обсудить положеніе, созданное устраненіемъ земствъ отъ обсужденія вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства. Какъ извѣстно, 22 января 1902 г. состоялось повелѣніе объ образованіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и мѣстныхъ—губернскихъ и уѣздныхъ—комитетовъ для обсужденія тѣхъ же вопросовъ. Либеральныя земства, фрондировавшія съ 90-хъ г.г. противъ политики Витте, были устранены отъ обсужденія названныхъ вопросовъ.

Съѣздъ въ маѣ 1902 г. выработалъ программу («5 пунктовъ»), которую было рѣшено проводить въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Либеральная программа, формулированная въ этихъ 5 пунктахъ, сводилась къ требованію установленія «правопорядка» (уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, освобожденіе крестьянъ отъ административной опеки и т. п.), расширенія «самостоятельности и устойчивости» земства, къ реформѣ земства на всесословномъ началѣ, къ требованію допущенія «широкой свободы гласнаго обсужденія», «въ особенности въ печати», «экономическихъ вопросовъ», и наконецъ 5-й пунктъ формулировалъ credo землевладѣльческой оппозиціи въ финансовомъ вопросѣ, то credo, о которомъ у насъ была рѣчь выше.

Представители съѣзда дѣлали попытку убѣдить правительство не создавать особыхъ комитетовъ ad hoc, а передать вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства на обсужденіе земскихъ собраній. Переговоры эти однако не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ представители земствъ рѣшительно отклонили то условіе, при какомъ Витте соглашался на ихъ ходатайство,—именно, онъ ставилъ условіемъ не касаться критики фискально-таможенной политики правительства. Такое условіе было, конечно, непріемлемо для оппозиціи: она не могла отказаться отъ своего основного требованія.

Уѣздные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности открыли свои дѣйствія съ лѣта 1902 г., и земская оппозиція стала стремиться провести въ нихъ свои требованія, выраженныя въ указанныхъ выше «5 пунктахъ». Въ общемъ ей это удалось: работа комитетовъ была проникнута дружной оппозиціей политикѣ Витте; въ другихъ отношеніяхъ единодушія проявилось меньше.

Необходимо замѣтить, что весной 1902 г. въ рядѣ губерній произошли первыя вспышки крестьянскаго движенія, и это наложило печать на работы комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; въ нихъ ясно проскальзывало желаніе пойти, пока не поздно, «навстрѣчу нуждамъ низшихъ сословій». «Дольше такъ жить въ глухой провинціи, какъ мы живемъ,—въ опасеніи за себя и за свое имущество,—нельзя!» такъ рисовалось положеніе дѣла въ докладѣ Воронежскому уѣздному комитету.

Воронежскій уѣздный комитетъ былъ единственнымъ, гдѣ землевладѣльческая оппозиція заявила, хотя и робко, требованіе конституціи, «правопорядка». Политическая мысль ея въ общемъ продолжала еще пребывать въ зачаточномъ состояніи.

Надъ выработкой политическаго самосознанія въ землевладѣльческой средѣ и стали работать съ этого времени руководители земской оппозиціи, при участіи которыхъ былъ основанъ заграницей органъ конституціоналистовъ «Освобожденіе» подъ редакціей П. Б. Струве (лѣтомъ 1902 г.), а въ Россіи сформированъ «Союзъ Освобожденія», въ составъ котораго вошли многіе видные земцы и представители третьяго элемента, давшіе впослѣдствіи ядро конституціонно-демократической партіи.

Тѣмъ временемъ земское оппозиціонное движеніе продолжало расти. Въ сессію 1902 г. въ земствахъ усиленно дебатировался вопросъ о мелкой земской

единицѣ и о реформѣ избирательнаго права. Поводъ для этого послѣдняго былъ данъ циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ (10 октября 1902 г.), предложившимъ высказаться о желательности пониженія имущественнаго избирательнаго ценза. Весной 1903 г. мы видимъ земскихъ представителей уже на совѣщаніи въ «комиссіи о центрѣ», образованной еще въ 1900 г. Призванные сюда въ качествѣ «свѣдущихъ лицъ», земцы подали особую записку съ изложеніемъ credo землевладѣльческаго либерализма, все еще робкаго, неоформившагося. Въ этой запискѣ смутно говорится о «правопорядкѣ»; затѣмъ развивается мысль о томъ, что «только просвѣщеніе, подъемъ личности, самодѣятельности... даютъ надежду на лучшее будущее». Далѣе слѣдуетъ перечисленіе ряда культурныхъ и техническихъ мѣропріятій, необходимыхъ для «поднятія сельскаго хозяйства».

Былъ и еще одинъ вопросъ, около котораго сосредоточивались въ 1903—1904 г.г. интересы все болѣе сплачивавшейся земско-землевладѣльческой оппозиціи: это вопросъ о приглашеніи въ различныя правительственныя комиссіи, вошедшія въ моду при Плеве, земскихъ дѣятелей не по усмотрѣнію правительства, а по выборамъ земскихъ собраній.

Окидывая общимъ взглядомъ всѣ эти попытки передовыхъ земцевъ сплотить землевладѣльческіе круги въ оппозицію «бюрократіи», мы видимъ, что со второй половины опѣ становятся все болѣе и болѣе энергичными, все болѣе и болѣе находятъ себѣ откликъ въ широкихъ земскихъ кругахъ, недовольныхъ таможенно-фискальной политикой правительства, «пренебреженіемъ» интересами сельскаго хозяйства и т. д. Приспособливаясь къ примитивной политической психологіи землевладѣльческой среды, руководящая либеральная оппозиція ощупью намѣчала себѣ дорогу, и мы видимъ, что хотя она и не далеко ушла къ началу японской войны, но зато ей удалось захватить довольно широкіе слои землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для самой этой оппозиціи мечты о «правопорядкѣ» стали принимать болѣе конкретныя формы. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы вплотную подойти къ вопросу о политической реформѣ, какъ conditio sine qua non «правопорядка». И этотъ шагъ былъ сдѣланъ землевладѣльческой оппозиціей въ 1904 г.

VI.

Съ самаго открытія земскихъ учрежденій въ передовыхъ слояхъ либеральной оппозиціи таились мечты объ «увѣнчаніи зданія», о томъ, чтобы воздвигнуть на основѣ земства народо-представительное учрежденіе. Долгое время, однако, эти элементы не имѣли возможности развернуться. Подозрительная «бюрократія» начала съ первыхъ же шаговъ всячески ограничивать самостоятельность земства и подавлять всякія попытки оппозиціи. Такъ, уже въ 60-хъ г. слѣдуютъ одинъ за другимъ законы объ ограниченіи бюджетнаго права земствъ, права безцензурнаго печатанія отчетовъ и т. д. Когда Петербургское губернское земство попробовало робко заявить пожеланіе о томъ, чтобы представители земствъ были приглашены къ участію въ работахъ по реформѣ обложенія вообще и торговли и промышленности въ частности, — земскія учрежденія названной

губерніи были закрыты на 2 года и такимъ образомъ земствамъ было дано рѣзкое предостереженіе; — 70-ые г.г. представляются эпохой мелочной, придирчивой борьбы администраціи съ земской вольностью. Земскія ходатайства о чемъ бы то ни было систематически отклоняются; мѣстная администрація, въ лицѣ губернаторовъ, также ведетъ борьбу съ земскимъ самоуправленіемъ.

Либеральная оппозиція не видѣла вокругъ себя въ то время силы, на которую она могла бы опереться въ борьбѣ съ «бюрократіей», и она ограничивалась лишь рядомъ мелкихъ стычекъ, отстаивая, да и то не всегда послѣдовательно, самостоятельность земскихъ учрежденій. Словомъ, оппозиція заняла оборонительное положеніе.

Общественное оживленіе конца 70-хъ гг., усиленіе броженія въ низахъ и обнаружившаяся при этомъ растерянность «бюрократіи» дали поводъ либераа лизму думать, что настало время перейти въ наступленіе, и онъ сдѣлалъ это, воспользовавшись попустительствомъ свыше.

Какъ извѣстно, въ эпоху «диктатуры сердца», провозглашенную въ 1880 г. гр. Лорисъ-Меликовымъ, земства поспѣшили заявить о своихъ пожеланіяхъ, но сдѣлали это крайне робко и неопредѣленно. «Земство, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ земскихъ лидеровъ, В. Ю. Скалонъ,—вѣрило и сочувствовало правительству и какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами».

Во главѣ оппозиціоннаго движенія на этотъ разъ, какъ и въ 60-хъ гг., очутились земства нечерноземныхъ губерній,—Новгородское, Тверское и др.

Политическое credo (объ экономическихъ требованіяхъ тогдашнихъ либераловъ у насъ была рѣчь выше) оппозиціи ярко формулировалъ новгородскій земецъ Нечаевъ. «Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь между земствами отдѣльныхъ губерній, говорится въ запискѣ г. Нечаева земскому собранію:—вотъ тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу предстоящихъ реформъ».

За всѣми подобными пожеланіями скрывались мечты «о своевременности вѣнчанія зданія» (см. газету «Земство» 7 января 1881 г.), и казалось, что эти мечты были близки къ осуществленію: за нѣсколько дней до 1 марта государемъ былъ въ принципѣ одобренъ проектъ Лорисъ-Меликова о созывѣ «общей комиссіи» изъ представителей земствъ и др. лицъ для предварительнаго обсужденія законопроектовъ, вносимыхъ правительствомъ въ Государственный Совѣтъ. Но вотъ наступила катастрофа 1 марта, и всѣ эти планы были оставлены; началась эпоха реакціи и усиленнаго подавленія всякихъ либеральныхъ проявленій; объ «увѣнчаніи зданія» не могло быть и рѣчи, приходилось даже бояться за то, что существуетъ. Въ это именно время создалась популярность земства въ демократическихъ кругахъ, какъ учрежденія гонимаго. До упраздненія земства дѣло однако не дошло, но все же оно было реформировано (1890 г.) на узкосословномъ началѣ.

И на этотъ разъ земства не протестовали. Но въ то время, какъ реакція торжествовала побѣду, въ нѣдрахъ страны зрѣли силы, которыя вскорѣ должны

были нанести ударъ этой реакціи. Росло рабочее движеніе, усиливалось обнищаніе деревни, сплачивались также и земцы-землевладѣльцы, недовольные финансово-таможенной политикой правительства.

Мы видѣли, какъ совершалось объединеніе этой либеральной оппозиціи въ 90-хъ и въ началѣ 900-хъ гг.; мы прослѣдили ростъ этого движенія до 1904 г., когда разразилась японская война.

При первомъ извѣстіи о началѣ войны дворянскіе и земскіе круги были охвачены подъемомъ «патріотическихъ чувствъ»; земскія и дворянскія собранія приступили къ организаціи военно-санитарныхъ отрядовъ на театрѣ войны, жертвовали средства на постройку флота, впрочемъ, большею частью небольшія суммы и т. д. Между тѣмъ репрессіи со стороны правительства шли все тѣмъ же усиленнымъ темпомъ, и на голову либеральныхъ земцевъ сыпались удары, расточавшіеся тяжелой рукой фонъ-Плеве. Въ 1904 г., напр., не были утверждены въ должностяхъ многіе видные предсѣдатели управъ (Д. Н. Шиповъ, В. А. Кудрявый и др.). Въ это же время была предпринята ревизія Московскаго и нѣкоторыхъ др. земствъ. «Бюрократія», казалось, не хотѣла сдаваться, и пораженія на дальнемъ востокѣ не обезкураживали ее. Такъ шло до осени 1904 г., когда преемникомъ убитаго Плеве былъ назначенъ кн. П. Д. Святополкъ-Мірскій. 16-го сентября новый министръ вн. дѣлъ, принимая чиновъ министерства, обратился къ нимъ съ рѣчью, намѣчавшей курсъ правительственной политики. «Административный опытъ, сказалъ онъ, привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренне-благожелательномъ и искренне-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще».

Наступила «весна». Земскія собранія одно за другимъ спѣшили откликнуться на это заявленіе о перемѣнѣ курса политики. Большинство земскихъ адресовъ кн. Святополкъ-Мірскому весьма туманно говоритъ о задачахъ политическаго момента и о пожеланіяхъ либеральныхъ земцевъ, и въ этихъ адресахъ звучали, казалось уже заглохшія, мечты объ «увѣнчаніи зданія». Такъ, Сумское земство выражало пожеланіе, чтобы «великій принципъ довѣрія къ странѣ и ея органамъ самоуправленія» вылился «въ конкретныя законодательно-опредѣленныя формы общественнаго содѣйствія правительству». Балашовское земство видѣло «въ постоянномъ и правомѣрномъ сотрудничествѣ правительственныхъ органовъ съ общественными представителями необходимое условіе внутренняго мира», путь «къ государственному обновленію Россіи» и т. д., и т. д.

Во главѣ либеральнаго движенія стала та группа губернскихъ гласныхъ, которая работала надъ объединеніемъ земской оппозиціи въ 1902—03 гг. По иниціативѣ этой группы было созвано «частное совѣщаніе» земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ 6—9 ноября 1904 г., — совѣщаніе, являющееся крупнымъ фактомъ въ исторіи русскаго либерализма. На этомъ совѣщаніи впервые было открыто формулировано политическое credo земцевъ-конституціоналистовъ и впервые русскіе либералы очутились какъ бы въ главномъ фокусѣ политической жизни страны. Потомъ событія развертывались съ поразительной быстротой и заставляли либераловъ все болѣе и болѣе отступать на второй планъ, внося вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ среду разногласія.

На совѣщаніи 6—9 ноября присутствовало 103 земскихъ гласныхъ изъ 33 губерній (кромѣ Олонецкой). Принятые совѣщаніемъ «11 пунктовъ» трактуютъ о полной «разобщенности правительства съ обществомъ» (п. 1) и о стремленіяхъ правительства «къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни» (п. 2); далѣе въ нихъ говорится «о широкомъ проявленіи административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія» при господствѣ «бюрократическаго строя» (п. 3). Затѣмъ въ рядѣ пунктовъ формулируется положительная программа либерализма, сводящаяся къ требованію: а) «неприкосновенности личности и частнаго жилища»; б) «свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати. а также свободы собраній и союзовъ»; в) уравненія личныхъ (гражданскихъ и политическихъ) правъ всѣхъ гражданъ имперіи»; г) «коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ»; д) обезпеченія земскимъ и городскимъ учрежденіямъ такихъ условій, «при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія».

И всѣ эти пожеланія заключались общимъ требованіемъ «правильнаго участія народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ, въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи».

Солидарное во всѣхъ требованіяхъ, совѣщаніе въ отношеніи этого пункта раскололось: меньшинство вычеркивало цитированныя здѣсь слова, начиная со словъ: «въ осуществленіи законодательной власти». Эта часть гласныхъ стояла лишь за законосовѣщательное «выборное учрежденіе».

Кромѣ названныхъ «11 пунктовъ» совѣщаніе приняло еще резолюцію о необходимости отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и дарованія амнистіи «всѣмъ политическимъ, пострадавшимъ по административному распоряженію и по суду».

Быстрый темпъ, какимъ пришлось пройти земскому либерализму путь отъ пожеланій расширенія «самостоятельности» земскихъ учрежденій и «довѣрія» къ нимъ правительства до формулированья политическаго credo, сказался на приведенной выше программѣ, заключающейся въ «11 пунктахъ». Неясности, недоговоренности—характерная черта этой программы. Въ ней исключено все, что такъ или иначе могло оттолкнуть широкіе слои буржуазіи отъ симпатій къ либеральному движенію. Не менѣе характерно и то, что знаменитые «11 пунктовъ» совершенно обходятъ вопросъ о тѣхъ или другихъ соціальныхъ реформахъ. Дальнѣйшія событія показали, что только при условіи такого выключенія требованій соціальнаго характера возможно было хотя на время объединить разношерстные слои, изъ которыхъ вербовалась либеральная оппозиція. Тутъ были и представители землевладѣльческаго, среднепомѣстнаго класса, и представители торгово-промышленной буржуазіи. Мы показали выше, насколько рѣзкимъ было расхожденіе экономическихъ интересовъ тѣхъ и другихъ, и отсюда ясно, что они могли объединиться лишь на болѣе или менѣе неопредѣленной платформѣ чисто-политическаго характера. Съ другой стороны, и въ средѣ либеральныхъ землевладѣльцевъ не было полнаго единодушія. Уже въ то время намѣчалось нѣсколько теченій политической мысли въ этой средѣ.

Ноябрь и декабрь 1904 г., т. е. время, непосредственно слѣдовавшее за «частнымъ совѣщаніемъ» земцевъ,—было временемъ шумныхъ банкетовъ, праздникомъ русской либеральной интеллигенціи. Демократическая интеллигенція, «третій элементъ»,—расширила и углубила требованія земской оппозиціи, придала имъ бо́льшую опредѣленность и вынесла «на улицу»: на этихъ многочисленныхъ банкетахъ обывателю впервые приходилось подходить къ формулировкѣ политическихъ требованій и пріобрѣтать вкусъ къ участію въ общественной жизни. Земцы какъ бы стушевались за этимъ подъемомъ обывательскаго движенія, а дальнѣйшія событія и совсѣмъ переросли ихъ туманныя и скромныя пожеланія и поставили вопросъ о политической реформѣ ребромъ. Начавшіяся вскорѣ изб. земскія собранія (зимой 1904—5 гг.) не привлекали уже къ себѣ широкаго общественнаго вниманія; событія 9 января 1905 г. окончательно заслонили собой либеральную оппозицію, хотя эта послѣдняя и прилагала усилія, чтобы не отставать отъ общаго движенія. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше выростала пропасть между либеральной буржуазіей и народными массами, стремившимися ясно и опредѣленно поставить наболѣвшіе вопросы; поднималось на борьбу крестьянство, рабочее движеніе также усиливалось и принимало широкій размахъ. Для либеральной оппозиціи создавалась въ высшей степени сложная и непріятная ситуація.

В. Веселовскій.

А. ЕРМАНСКІЙ.

Крупная буржуазія до 1905 года.

I. Положеніе крупной буржуазіи.

Ростъ промышленности въ пореформенный періодъ выдвинулъ въ Россіи новую общественную силу—крупную промышленную буржуазію. Къ началу 20-го вѣка этотъ классъ является слабымъ по своей численности, но весьма сильнымъ по своему удѣльному вѣсу въ хозяйственной и общественной жизни Россіи.

При всемъ различіи въ степени развитія и, отчасти, въ условіяхъ существованія различныхъ частей этого класса,—его общественно-политическая физіономія представляется—въ предѣлахъ разсматриваемаго здѣсь періода до бурныхъ событій 1905 года—довольно *однородной*. Она характеризуется главнымъ образомъ двумя чертами: съ одной стороны, весьма энергичное, организованное и успѣшное отстаиваніе своихъ узкоклассовыхъ матеріальныхъ интересовъ; съ другой—мирное сотрудничество съ органами стараго политическаго режима и полное игнорированіе требованія политическихъ гарантій своего классоваго господства. *Экономически* самый сильный общественный классъ Россіи, крупная буржуазія является, къ началу 20-го вѣка, самой отсталой въ *политическомъ* отношеніи общественной группой.

Корни этого явленія лежатъ въ особенностяхъ положенія торгово-промышленнаго класса въ Россіи,—главнымъ образомъ въ особенной, прочно сложившейся въ послѣдней четверти 19-го вѣка органической связи между капиталомъ и государственной властью.

Силою обстоятельствъ государственная власть въ Россіи уже давно была вынуждена, въ дѣлѣ милитаризма и организаціи аппарата управленія, поспѣвать за сосѣдними державами съ высокой капиталистической культурой. Уже одно это обстоятельство, помимо роста производительныхъ силъ внутри страны, вынуждало правительство усиленно заботиться о расширеніи технической мощи Россіи и средствъ фиска, заботиться объ ускоренномъ развитіи капиталистическаго хозяйства, какъ основѣ этого расширенія. Такая политика стала особенно преслѣдоваться бюрократіей послѣ крымской и русско-турецкой войнъ, обострившихъ потребность въ деньгахъ, въ путяхъ сообщенія, въ улучшеніи

военнаго дѣла. Быстрое развитіе мѣнового хозяйства создавало для казны возможность, становясь на пути между производителемъ и потребителемъ, вліять въ своихъ интересахъ на всю массу обращающихся въ Россіи мѣновыхъ цѣнностей. Ростъ городскихъ центровъ, вмѣстѣ съ развитіемъ денежнаго хозяйства по всей странѣ, значительно увеличивалъ источники обложенія, особенно косвеннаго. Развитіе товарнаго грузо-оборота облегчало необходимое для государства интенсивное расширеніе желѣзнодорожной сѣти. Крайнее усиленіе таможеннаго покровительства, сокращая ввозъ иностранныхъ товаровъ, улучшало разсчетный балансъ Россіи. Введеніе золотой пошлины съ 1877 года обезпечивало казнѣ значительную сумму золота. Необычайно высокія таможенныя ставки, особенно прочно установленныя тарифомъ 1891 года, создали новые значительные источники доходовъ правительства.

Преслѣдуя *свои* цѣли, государственная власть всѣми этими мѣрами выдвигала на первый планъ и поднимала экономическую силу класса капиталистовъ. Къ ихъ интересамъ приспособлялась дѣятельность правительства въ области постановки кредита, техническаго образованія, желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. Принимались спеціальныя мѣры, чтобы русскіе капиталы искали себѣ выгоднаго приложенія въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Этой цѣли служили не только обильныя субсидіи, казенные заказы [1]), преміи и другія подачки (о нихъ рѣчь ниже), но также, напримѣръ, милліардная конверсія 5%-ныхъ государственныхъ бумагъ въ 4%-ныя.

Вся эта политика, усиленно преслѣдуемая правительствомъ, особенно начиная съ царствованія Александра III, создала тѣсную *связь между капиталомъ* (преимущественно промышленнымъ) *и государственной властью въ Россіи.*

Но заботы наиболѣе яркаго выразителя этой политики, министра финансовъ С. Витте, шли еще дальше въ отношеніи крупно-промышленнаго класса. Эти заботы были направлены къ тому, чтобы поставить промышленниковъ въ тѣсную *зависимость* отъ правительства и его органовъ. Этой цѣли служила, между прочимъ, чрезвычайная концентрація хозяйственныхъ операцій въ рукахъ казны (винная монополія, желѣзныя дороги, государственныя кредитныя учрежденія). Существенные факторы преуспѣянія промышленниковъ оказывались сосредоточенными въ рукахъ правительства; оно устанавливало цѣны на продукты винокуренныхъ заводчиковъ; оно нормировало операціи и доходы сахарозаводчиковъ; оно, путемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ на казенныхъ дорогахъ, держало въ своихъ рукахъ всѣхъ производителей предметовъ массоваго потребленія. Той же цѣли служила широко развитая система казенныхъ заказовъ, раздаваемыхъ промышленнымъ предпріятіямъ. Наконецъ, той же цѣли служила еще особая система «контролирующаго» участія агентовъ правительства въ

---

[1]) Въ области металлургической промышленности, напр., въ 1899 г. казна (желѣзныя дороги, военное и морское вѣдомство) потребила металла 60 милл. пудовъ, что составляетъ $^2/_3$ всего произведеннаго въ этомъ году металла (см. ст. „Къ вопросу о мѣрахъ къ устраненію временныхъ затрудненій, переживаемыхъ металлург. промышленностью“ въ „Торгово-промышленной Газетѣ“ отъ 10 апрѣля 1901 года).

частно-капиталистическихъ дѣлахъ. На всѣхъ съѣздахъ, совѣщаніяхъ и пр. дѣятелей промышленности и торговли обязательными участниками являются представители различныхъ министерствъ. Во всѣхъ почти акціонерныхъ обществахъ, банкахъ, синдикатахъ участвуютъ агенты правительства, спеціально имъ делегированные. Черезъ посредство этихъ своихъ агентовъ, правительство не только заботится о согласованіи дѣятельности промышленниковъ и банкировъ съ общей финансовой политикой государства, но систематически направляетъ взоры и мысли представителей капитала въ сторону бюрократіи, какъ источника всякихъ благъ, какъ важнѣйшаго фактора преуспѣянія «отечественной промышленности». Всюду видна тенденція—зацѣпить представителей капитала зубцами колеса бюрократической машины.

Эта политика дополнялась еще системой щедрыхъ подачекъ отдѣльнымъ группамъ промышленниковъ. Пышный расцвѣтъ этой системы замѣчается особенно въ *первыя* 2 десятилѣтія разсматриваемаго періода. У стараго режима, съ отеческою заботливостью относившагося ко всѣмъ кругамъ промышленной буржуазіи, были еще изъ ихъ числа нѣкоторые любимцы, пользовавшіеся сугубымъ вниманіемъ бюрократіи. Это вниманіе коренилось въ выше указанныхъ отношеніяхъ правительства къ капитализму, а также въ особенной близости бюрократіи къ тѣмъ категоріямъ заводчиковъ, которые принадлежали одновременно къ дворянско-землевладѣльческимъ кругамъ (сахарозаводчики, винокуренные заводчики и пр.).

Тутъ на видномъ мѣстѣ стоитъ металлургическая промышленность, которую особенно культивировала государственная власть въ видахъ своей желѣзнодорожной и военной политики. Когда Полякову въ 60-хъ годахъ была сдана концессія на постройку Азовской дороги, а Джону Юзу (въ началѣ 70-хъ годовъ)—на постройку Константиновской, то имъ щедрою рукою дали тысячу десятинъ земли съ ихъ минеральными богатствами, ссуду, преміи и пр.

Въ 1866 г. повелѣно, чтобы всѣ заказы для желѣзныхъ дорогъ исполнялись внутри Россіи—«не смотря ни на какія затрудненія или неудобства»; а въ 1874 г. запрещенъ безпошлинный ввозъ рельсовъ и установлены особенно льготныя условія казенныхъ желѣзнодорожныхъ заказовъ съ крупными преміями.

По словамъ Ballod, за время съ 1884 до 1895 г. русское правительство уплатило заводчикамъ за одни только рельсы на 200 милл. марокъ больше, чѣмъ еслибъ рельсы были пріобрѣтены заграницей[1]). На эту сумму можно было бы построить 2.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Приблизительно къ 80-ымъ годамъ методъ закулисныхъ подачекъ *отдѣльнымъ* лицамъ смѣняется системой щедротъ, выпадающихъ на долю цѣлыхъ *категорій* промышленниковъ. Весьма основательно воспользовались этой системой частныя желѣзнодорожныя общества, какъ при постройкѣ дорогъ, такъ и при ихъ выкупѣ правительствомъ. По подсчету П. Мигулина, всего было реализовано для частнаго желѣзнодорожнаго строительства, при помощи государственнаго кредита, до 1.300 милл. рублей. Благодаря выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ обязательства государственнаго казначейства увеличились на.

[1]) Цитировано у Каутскаго: „Соц.-демократія и торговая политика", стр. 64.

150.899 тысячъ рублей (на 48. 3%), а платежи на 3.268 тыс. руб. (20. 7%). «Всего мы считаемъ—говоритъ Мигулинъ по поводу выкупа дорогъ казной—выплаченнымъ безъ *всякой* нужды до 17.291.908 руб.; кромѣ того съ извѣстными основаніями было переплачено до 32.041.982 р.» [1]).

О винокуренныхъ заводчикахъ достаточно сказать, что государство и сейчасъ имъ выдаетъ за вывезенный за границу спиртъ премію, въ переводѣ на деньги равную 27 коп. съ ведра 40-градуснаго спирта, что составляетъ безъ малаго 50% его стоимости. При покупкѣ спирта (по казенной развесткѣ) для винной монополіи министерство финансовъ въ 1901 г. платило заводчикамъ за каждое ведро на 13 к. больше той цѣны, по которой спиртъ покупался съ торговъ, что составляетъ нѣсколько милліоновъ руб. переплаты въ годъ [2]).

Мы не станемъ описывать здѣсь все безконечное разнообразіе подачекъ промышленникамъ изъ казеннаго сундука—въ формѣ вывозныхъ и иныхъ премій, возврата пошлины, нормировокъ, субсидій, гарантій, ссудъ, льготныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, прекращенія дѣятельности казенныхъ заводовъ для поддержанія частныхъ и т. д.

Эти мѣры, равно какъ вся экономическая политика правительства, обезпечиваютъ россійскимъ промышленникамъ увеличеніе и безъ того непомѣрно высокаго, по сравненію съ другими капиталистическими странами, процента прибыли; а отдѣльнымъ промышленнымъ группамъ и предпріятіямъ достаются прямо баснословные барыши.

Публикуемыя въ «Вѣстникѣ Финансовъ» свѣдѣнія о прибыляхъ акціонерныхъ обществъ составляются на основаніи ежегодныхъ отчетовъ, представляемыхъ этими обществами въ цѣляхъ установленія размѣра ихъ обложенія. Понятно, что по этимъ свѣдѣніямъ прибыли всегда ниже дѣйствительныхъ (какъ это, впрочемъ, призналъ и директоръ департамента торговли и мануфактуры, В. Ковалевскій при обсужденіи реформы промысловаго налога). Тутъ прибыль маскируется подъ различными видами: «жалованія» директорамъ и ревизорамъ, погашенія, резервныхъ фондовъ и т. д. И все таки, даже по опубликованнымъ даннымъ можно судить о прибыляхъ, обезпеченныхъ «отечественной промышленности» подъ крылышкомъ попечительной бюрократіи [3]).

Тѣ, по истинѣ колоссальныя, матеріальныя выгоды, которыя извлекаетъ крупно-промышленный классъ изъ отеческихъ о немъ заботъ бюрократическаго режима, не поддаются даже приблизительному цифровому учету. Здѣсь доста-

---

[1]) „Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы", стр. 278.

[2]) См. у Пѣшехонова—„Централизація доходовъ", „Русск. Бог" 1902, книги 3 и 5.

[3]) Еще въ 1896 г. Янжулъ подсчиталъ по оффиціальнымъ даннымъ, что въ среднемъ за 1891—93 годы (неблагопріятные, по причинѣ голода) акціонеры получили прибыли: химическіе заводы—12.7%, сахарные заводы—17%, красильни и аппретуры—19.5%, фабрика Шейблера въ Лодзи—32%. Никольская мануфактура—52.8%. По отчетамъ сахарныхъ заводовъ за 1901 ихъ прибыль составляла до 66% основного капитала.

точно будетъ упомянуть о тѣхъ суммахъ, которыя — въ результатѣ этихъ заботъ—переплачиваетъ населеніе Россіи на продуктахъ промышленности въ связи *только* съ системой таможеннаго покровительства.

Савинъ [1]) исчислилъ эти переплаты для 1900 г., т. е. для начала промышленнаго застоя, — благодаря чему исчисленная имъ сумма ниже средней суммы переплатъ за 90-ые годы. Исключивъ изъ своего подсчета всѣ обложенные акцизомъ товары, [illegible] на которыхъ, равная суммѣ акцизныхъ сборовъ поступаетъ цѣликомъ въ казну,—Савинъ получаетъ общую сумму переплатъ по 13 группамъ товаровъ русскаго и иностраннаго происхожденія, равную 378.4 милл. руб. Правда, часть вычисленной переплаты промышленникамъ уходитъ изъ ихъ рукъ, попадая въ государственную казну, а ничтожная доля перепадаетъ даже и рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ; но—понятно—самая крупная доля этой переплаты остается въ кассахъ представителей отечественной промышленности.

II. Давленіе промышленниковъ на правительственный механизмъ.

Отеческія заботы бюрократіи о преуспѣяніи крупныхъ промышленниковъ ограничивались мѣрами, принимаемыми въ ихъ пользу по усмотрѣнію самой бюрократіи, только въ первые 10—15 лѣтъ пореформеннаго періода. Скоро правительственные органы начинаютъ брать на себя иниціативу совѣщанія съ представителями по вопросамъ, ихъ близко касающимся. Съ теченіемъ времени эти совѣщанія становятся нормальнымъ явленіемъ. Къ серединѣ 90-хъ годовъ безъ совѣщанія съ представителями капитала уже не рѣшается ни одинъ вопросъ этого рода. И ужъ во всякомъ случаѣ благосклонное отношеніе къ себѣ встрѣчаютъ промышленники во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они поднимаютъ свой голосъ.

Въ своей рѣчи при открытіи торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, предсѣдатель съѣзда, членъ совѣта министра финансовъ Кобеко, заявилъ между прочимъ: «Министерство финансовъ признало нужнымъ ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленнаго класса по вопросамъ, наиболѣе ихъ интересующимъ. *Такъ поступало оно и прежде.* Свыше 40-лѣтняя дѣятельность моя по министерству финансовъ даетъ мнѣ право и основаніе засвидѣтельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось къ голосу промышленниковъ и купечества» [2]).

На 4-мъ съѣздѣ польскихъ горно-промышленниковъ предсѣдатель торжественно заявилъ: «Почти всѣ болѣе существенныя ходатайства предыдущихъ съѣздовъ были удовлетворены или всецѣло, или въ значительной степени; многія изъ ходатайствъ содѣйствовали направленію дѣлъ въ желательномъ для съѣз-

---

[1]) „Во что обходится Россіи покровительство крупной промышленности?“ „Русскій Экономистъ“ 1907 г., №№ 11, 12, 13.

[2]) „Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1869 г. въ Нижнемъ Новгородѣ“, т. I.

довъ смыслѣ; но *буквально ни одно* изъ заявленій и просьбъ съѣздовъ не оставалось безъ разсмотрѣнія, ни одно изъ нихъ *не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*» [1]).

Было бы ошибочно думать, что голосъ промышленниковъ раздается обыкновенно въ видѣ *разрозненныхъ* заявленій отдѣльныхъ лицъ. Если такъ оно было въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, то со временемъ положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось, и уже къ концу 90-хъ годовъ давленіе промышленной буржуазіи на государственную власть носитъ характеръ организованнаго [2]) и весьма, «живого взаимодѣйствія» между этими двумя сферами [3]).

Вотъ, напримѣръ, перечисленіе сношеній «Постоянной Совѣщательной Конторы желѣзозаводчиковъ» съ правительственными органами въ 1900 г.— Контора участвовала черезъ своихъ представителей (Фойгтъ, Бари, Антошинъ Нератовъ, Тилло, Рагозинъ, и друг.): 1) въ совѣщаніи при министерствѣ финансовъ о современномъ положеніи каменноугольной промышленности, 2) въ совѣщаніи при горномъ департаментѣ для разсмотрѣнія ходатайствъ 24-го съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, 3) въ совѣщаніи при горномъ департаментѣ для обсужденія ходатайствъ 7-го съѣзда уральскихъ горно-промышленниковъ, 4) въ общемъ съѣздѣ представителей желѣзныхъ дорогъ по тарифнымъ вопросамъ, 5) въ совѣщаніи при Горномъ Департаментѣ для разсмотрѣнія ходатайствъ экстреннаго съѣзда горно-промышленниковъ юга Россіи, 6) въ комиссіи при Инженерномъ Совѣтѣ о приспособленіи метрическаго нормальнаго сортамента къ надобностямъ подвижного состава, 7) въ особомъ совѣщаніи при Горномъ Департаментѣ для разсмотрѣнія проекта горнопромышленниковъ юга Россіи устава взаимнаго страхованія предпріятій отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими и служащими, 8) въ особомъ совѣщаніи при министерствѣ финансовъ о порядкѣ выпуска облигацій торгово-промышленныхъ предпріятій въ связи съ вопросомъ объ оцѣнкѣ нѣдръ земли, 9) сношенія съ Горнымъ Департаментомъ о пониженіи тарифа на перевозку желѣзной руды керченской и криворожской [4]).

И это совсѣмъ не исключительное явленіе, а наоборотъ — типичный перечень, характерный не только для «конторы желѣзозаводчиковъ». Петербургскій биржевой комитетъ, ходатайствуя, въ 1903 г. «о возможно широкомъ распространеніи права *участія* биржевыхъ обществъ *въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности*», съ полнымъ основаніемъ говоритъ: «Это право биржевыхъ обществъ не составитъ какого либо новшества, такъ какъ биржевыя общества отчасти уже пользуются имъ. Такъ, напримѣръ С.-Петербургское биржевое общество принимаетъ участіе, черезъ своихъ выбор-

---

[1]) „Труды 4-го съѣзда горнопромышленниковъ Царства Польскаго", стр. 360.

[2]) О постоянныхъ организаціяхъ и съѣздахъ промышленниковъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже.

[3]) Выраженіе того-же Кобеко.

[4]) „Труды Высочайше утвержденной постоянной Совѣщательной Конторы желѣзозаводчиковъ" за 1900 г.

ныхъ представителей въ ...» — тутъ слѣдуетъ длинный списокъ учрежденій въ родѣ казенной палаты, совѣта государственнаго банка и пр. и пр. [1]).

Характерно при этомъ, что нерѣдко само правительство беретъ на себя иниціативу не только привлеченія представителей промышленности къ «широкому участію въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности», но и иниціативу организаціи промышленной буржуазіи. Только что цитированный «сводъ отзывовъ», изданный министерствомъ финансовъ,— лишь одно звено въ цѣлой цѣпи дѣйствій правительства въ 1903 году, направленныхъ къ прочной постановкѣ организаціи биржевыхъ обществъ. Заботясь о томъ, чтобы «*само биржевое купечество могло обсудить и намѣтить* тѣ мѣры, какія ему представляются существенными и настоятельными», министерство финансовъ рѣшило «созвать въ С.-Петербургѣ совѣщаніе представителей биржевыхъ комитетовъ для совмѣстнаго обсужденія» и пр. [2]). И вотъ отдѣлъ торговли министра финансовъ разослалъ 36 биржевымъ комитетамъ программу вопросовъ, прося «приготовить и доставить въ отдѣлъ торговли мотивированное по нимъ заключеніе», а также «поставить и тѣ вопросы, которые каждый комитетъ *съ своей стороны*, признаетъ необходимымъ обсудить на предстоящемъ Совѣщаніи». [3]) Среди вопросовъ фигурируютъ, между прочимъ, и такіе: »Не признавалось ли бы полезнымъ, по примѣру германскаго Handelstag'a, установить правильный обмѣнъ мнѣній биржевого комитета на созываемыхъ для сего періодическихъ совѣщаніяхъ», а также вопросъ о «постоянномъ органѣ (бюро) совѣщаній биржевыхъ дѣятелей» [4]).

Не менѣе любопытны встрѣчающіеся факты приглашенія въ *обратномъ* направленіи: промышленники образуютъ свои комиссіи, куда ими приглашаются и правительствомъ делегируются агенты министерствъ, «По другимъ, болѣе важнымъ вопросамъ,—докладываютъ, напримѣръ, представители «конторы желѣзозаводчиковъ»—конторою были образованы особыя комиссіи изъ своихъ членовъ съ участіемъ представителей заводовъ и разныхъ вѣдомствъ» [5]). И далѣе слѣдуетъ перечисленіе ряда такихъ комиссій. «Живое общеніе», о которомъ говорилъ Кобеко, доходитъ до крайне характерныхъ формъ, вплоть до образованія промышленниками на *ихъ* средства правительственныхъ учрежденій. Въ 1903 г. опубликованъ и разосланъ промышленнымъ организаціямъ для отзыва проектъ учрежденія «совѣта по горнопромышленнымъ дѣламъ» при министерствѣ земледѣлія. Само собою разумѣется, что въ это правительственное учрежденіе входятъ, по проекту, члены (въ числѣ 24) отъ промышленниковъ. Но важно то, что средства на это учрежденіе даютъ промышленники. Еще характернѣе, что и самый опубликованный правительствомъ отъ себя проектъ составленъ для

---

[1]) „Сводъ отзывовъ Биржевыхъ Комитетовъ на программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ совѣщаніи представителей Биржевыхъ Комитетовъ", 1903, часть I, стр. 30.

[2]) Введеніе къ упомянутому „Своду отзывовъ Биржевыхъ Комитетовъ".

[3]) Тамъ же, часть I, стр. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 4.

[5]) „Труды Высоч. Утв. Пост. Конт. ж.—з." за 1903 г. докладъ о дѣятельности конторы.

него организаціей промышленниковъ — совѣтомъ съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи: его члены Авдаковъ и Ауэрбахъ представили этотъ проектъ въ министерство земледѣлія; [1]) Министерство передало проектъ для разработки особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ т. с. Штофа, послѣ чего проектъ и былъ опубликованъ «для облегченія работы въ горномъ департаментѣ, создаваемой горно-промышленными съѣздами» (формулировка самого горнаго департамента). Такимъ образомъ, крупные промышленники на *свои* средства устраиваютъ себѣ не только полицію, но и вліятельныя правительственныя установленія.

Приведенные немногочисленные (по недостатку мѣста) факты вскрываютъ уже въ нѣкоторой мѣрѣ особенности положенія россійской крупной буржуазіи въ дореволюціонной періодъ и отношенія между нею и правительственною властью.

Связь между властью и капиталомъ, въ дореформенный періодъ выражавшаяся исключительно подачками отдѣльнымъ представителямъ «купечества», съ теченіемъ времени становилась органической и болѣе сложной. Подачки не прекратились, — наоборотъ, сдѣлались во много разъ обильнѣе и постояннѣе, но онѣ потеряли рѣзко отталкивающій характеръ тайныхъ подачекъ отдѣльнымъ лицамъ; онѣ давались систематически, открыто цѣлому классу и выработались въ цѣлую *систему* «созданія крѣпкой національной промышленности», [2]) вдохновлявшую руководителей государственной политики, особенно въ послѣдніе два десятилѣтія разсматриваемаго періода. Создались крѣпкія узы, надолго связавшія интересы власти и ея фиска съ преуспѣяніемъ представителей отечественной промышленности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эволюціонировала и структура класса крупныхъ промышленниковъ. Традиціонное въ русской литературѣ (особенно — народническаго направленія) представленіе о промышленникахъ, униженно кланяющихся, заходящихъ съ задняго крыльца къ начальству и у него вымаливающихъ, каждый на свой страхъ, нѣкоторыя подачки — уже давно перестало соотвѣтствовать дѣйствительности. Дореформенный купецъ Ижбурдинъ (у Щедрина) съ его безсильными жалобами на чиновниковъ [3]) встрѣчается къ началу 20-го вѣка, какъ типъ, развѣ только въ рядахъ мелкаго купечества, да и то въ провинціальной глуши. Крупная же буржуазія, въ цѣломъ, сложилась въ силу, сознающую свое значеніе и охотно мирящуюся съ склонностью бюрократіи къ опекѣ надъ всѣми потому, что эта опека въ данный періодъ какъ разъ гарантировала буржуазіи безграничное удовлетвореніе ея широкихъ матеріальныхъ вожделѣній и успѣшное организованное давленіе на правительственный аппаратъ.

И въ то время какъ всѣ другіе слои населенія наталкивались на полицейскія рогатки при малѣйшей попыткѣ къ самодѣятельности, организаціи и открытому

---

[1]) См. „Труды 18-го съѣзда нефтепромышленниковъ въ г. Баку“ (въ декабрѣ 1903 г.).

[2]) Изъ рѣчи С. Ю. Витте 1-го марта 1899 г. въ совѣщаніи по хлѣбной торговлѣ.

[3]) „Было время, что горское пили, а нынче горского-то и въ подпитіи ему не подашь: давай, говоритъ, шампанскаго, — да еще за бороду тебя ухватить норовитъ. Одной обиды да надругательства сколько на твою голову упадетъ“. (Сочин., т. I, стр. 360).

выраженію своихъ желаній,—организаціи промышленной буржуазіи росли, какъ грибы, не только съ разрѣшенія, но зачастую и по иниціативѣ правительственныхъ властей. Постепенно выработалась цѣлая система *организованнаго представительства* [1]) интересовъ крупно-промышленнаго класса, система широкаго его «участія въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности», какъ выразился Петербургскій биржевой комитетъ еще въ 1903 году. Не только зубья правительственнаго механизма систематически задѣваютъ представителей крупнаго капитала, но *и наоборотъ*: получились какъ бы двѣ части одного механизма, дружно прилаженныхъ другъ къ другу и, до поры до времени, согласованно дѣйствующихъ.

Если въ результатѣ такой комбинаціи, съ одной стороны, старый абсолютистскій режимъ, органически связавшись съ растущей силой капитализма, замѣтно *увеличилъ свою жизнеспособность* и силу сопротивленія подкапывающимся подъ него новымъ силамъ общественнаго развитія, то—съ другой—та же комбинація силъ способствовала политическому обезличенію крупной буржуазіи. Этотъ классъ, традиціи и повадки котораго еще недавно и безъ того отражали въ себѣ гнилую атмосферу полукрѣпостническаго сельскаго хозяйства и сплошного политическаго безправія,—теперь, къ началу 20-го вѣка, при указанныхъ особенныхъ отношеніяхъ между капиталомъ и государственной властью, сдѣлался какъ бы придаткомъ къ политическому аппарату абсолютизма. И въ то время какъ растущій антагонизмъ стараго режима съ потребностями новыхъ формъ соціально-экономической жизни все болѣе революціонизировалъ разные слои населенія Россіи,—по ироніи судьбы, застрахованнымъ отъ этого революціонизированія остался, вплоть до періода 1904—1905 года, *только* тотъ общественный классъ, который *объективно* представлялъ собою воплощеніе требующихъ себѣ простора новыхъ формъ жизни.

Сила консервирующихъ промышленную среду вліяній была такъ велика, что могла долго преодолѣвать дѣйствіе нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ, которыя, казалось, должны были бы пробить изрядную брешь въ установившемся союзѣ капитала съ властью. Рядъ актовъ законодательства хотя бы и жалкаго—въ защиту труда, при помощи которыхъ власть стремилась отдѣлаться отъ напора рабочаго движенія: зубатовскіе эксперименты, сильно задѣвавшіе фабрикантовъ за весьма чувствительное мѣсто; прекращеніе желѣзнодорожнаго строительства и сокращеніе казенныхъ заказовъ,—даже всѣ эти все болѣе накоплявшіеся факторы не въ силахъ были замѣтно подорвать вѣру промышленниковъ въ способность стараго строя наилучшимъ образомъ удовлетворять ихъ классо-

[1]) „Новое Время“ давно уже признало, что при Витте существовало постоянное очень вліятельное, хотя неоформленное представительство интересовъ промышленности и торговли. То же признаніе встрѣчается и со стороны правительства въ оффиціальномъ документѣ. Торгово-промышленные съѣзды „создали у насъ впервые болѣе или менѣе правильное представительство интересовъ промышленнаго класса“,—говорится въ „Объяснительной запискѣ къ проекту положенія о выборныхъ учрежденіяхъ торгово-промышленнаго класса и о биржевомъ устройствѣ“ (приведено въ „Трудахъ 30-го съѣзда горно-промышленниковъ юга Россіи“).

выя вожделѣнія. Въ результатѣ, мы наканунѣ бурныхъ событій 1904—05 гг. застаемъ крупно-промышленную буржуазію, какъ самый отсталый въ политическомъ отношеніи классъ Россіи.

Дальнѣйшее изложеніе подтвердитъ эту характеристику россійской буржуазіи въ разсматриваемый періодъ.

III. Главнѣйшія черты дѣятельности крупной буржуазіи.

Ненасытная жажда покровительственныхъ, а тѣмъ прямо запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ—доминирующая нота во всѣхъ выступленіяхъ крупно-промышленныхъ круговъ. На торгово-промышленномъ съѣздѣ 1882 г. (созванномъ «обществомъ содѣйствія» и пр.) капиталистическій лидеръ Крестовниковъ, такъ прямо и формулировалъ панацею промышленниковъ. Единственное средство —это пошлина охранительная, если нужно, то и *запретительная* [1]). Когда въ засѣданіи 3-го отдѣла Дюшенъ предостерегалъ съѣздъ «противъ излишне высокихъ пошлинъ, какъ вредныхъ для самой промышленности», то сейчасъ встрѣтилъ отпоръ со стороны промышленниковъ. А изъ устъ Крестовникова вырывается основной символъ вѣры россійской буржуазіи: «Я увѣренъ, что слишкомъ высокой пошлины и не существуетъ. [2]). Вопль о высокихъ пошлинахъ поднимался промышленниками на съѣздѣ такъ настойчиво и неумолкаемо, что у предсѣдателя Н. А. Бунге (отъ правительства), наконецъ, лопнуло терпѣніе, и онъ воскликнулъ: «Если вы видите въ пошлинѣ единственное средство для развитія всѣхъ нашихъ производствъ, то не лучше ли прямо просить пошлины на всѣ ввозимые товары и затѣмъ закрыть наши засѣданія».

Характерно то crescendo, которое наблюдается въ ходатайствахъ южныхъ горнопромышленниковъ: ихъ 7-ой и 8-ой съѣзды (1882 и 83 гг.) ходатайствовали о пошлинѣ на уголь $3^1/_2$ коп. золотомъ съ пуда въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей (получили 2 коп. въ 1884 г.). 10-ый съѣздъ (1885 г.) просилъ пошлины въ $3^1/_2$ (получилъ 3 коп. въ 1886 г.). 11-й съѣздъ (1886 г.) просилъ уже 4 коп. пошлины съ пуда, 15-ый и 16-ый съѣзды (1890 и 1891 г.г.) уже требовали пошлины въ 4.2 до 6.16 коп. золотомъ съ пуда угля (получили 4 коп. въ 1892 г.) [3]).

То-же было и съ чугуномъ. Еще 5-й съѣздъ (1880 г.) а затѣмъ 6-й, 7-й и 8-й (1881—83 г.г.) просили о пошлинѣ на чугунъ въ 15 коп. золотомъ съ пуда и на срокъ не менѣе 15 лѣтъ (получили полностью: закономъ 16 іюня 1884 г. установлена на 12 лѣтъ пошлина: 9 коп. зол. съ пуда съ 1884 г., 12 коп. съ 1885 г. и 15 съ 1886 г.). Но уже съ 1884 г. съѣзды ходатайствуютъ о пошлинѣ на чугунъ въ 25 коп. (получили и эту пошлину въ 1887 г.) [4]).

---

[1]) „Труды торгово-промышленнаго съѣзда, созваннаго Обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговли въ Москвѣ въ 1882 г.", засѣданіе 14-го іюля соединенныхъ отдѣловъ I и III.

[2]) „Труды", т. I, стр. 260.

[3]) „Исторія съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи", стр. 70, 71, 73.

[4]) Тамъ же, 74, 75.

Неудивительно, что, упоенные своимъ успѣхомъ, горнопромышленники заявляютъ относительно закона 16 іюня 1884 г. «Законъ этотъ долженъ быть привѣтствуемъ, какъ *величайшая законодательная мѣра*». [1]).

Другая черта дѣятельности промышленниковъ—это стремленіе удовлетворить своимъ широкимъ аппетитамъ *средствами казны*; на нее и до сихъ поръ склонны смотрѣть промышленники, какъ на принадлежащую имъ и только имъ [2]). Почти наканунѣ революціи, въ 1902 году извѣстный заводчикъ Гужонъ, борясь въ «Конторѣ желѣзо-заводчиковъ» противъ синдиката 2 крупнѣйшихъ южныхъ заводовъ, монополизировавшихъ казенные заказы на рельсы по неконкурентнымъ цѣнамъ (1 р. 25 коп. съ пуда), патетически восклицалъ: «Я утверждаю, *что въ дѣлежѣ правительственныхъ субсидій должны участвовать всѣ металлургическіе заводы*, какъ потому, что всѣ они *вправѣ* разсчитывать на вниманіе къ себѣ Правительства, такъ и потому, что казенныя субсидіи, выдаваемыя за счетъ платежныхъ силъ *всего государства*, не могутъ служить къ обогащенію девяти заводовъ въ *ущербъ остальнымъ*» [3])...

Та-же яркая специфическая печать идеологіи русскаго крупнаго буржуа лежитъ на пожеланіяхъ и выступленіяхъ всѣхъ категорій промышленниковъ. Въ оффиціальномъ правительственномъ документѣ 1901 года формулированы жалобы промышленныхъ круговъ на министерство финансовъ, «которое будто бы еще недавно поощрительными мѣрами чуть ли не заманивало въ устройство новыхъ дѣлъ, а теперь оставило ихъ безъ поддержки, при чемъ значительно сократились или даже вовсе прекратились обильные прежде казенные заказы» [4]).

Въ 1901 году на съѣздѣ тѣхъ же южныхъ горнопромышленниковъ докладчикъ Шимановскій отъ комиссіи «о мѣрахъ къ устраненію затрудненій, переживаемыхъ желѣзною и желѣзорудною промышленностью», требовалъ не болѣе не менѣе, какъ выкупа на средства казны нѣкоторыхъ частныхъ заводовъ съ цѣлью ихъ закрытія (чтобъ этимъ поддержать остальные заводы).

Въ своихъ воплях и требованіяхъ казенныхъ заказовъ промышленники не знали удержу. Имъ рѣдко становилось понятнымъ, что возможенъ иной путь обезпеченія широкаго и выгоднаго сбыта продуктовъ промышленности—поднятіе экономическаго положенія и, стало быть, покупательной силы массы населенія. Встрѣчается, правда, слѣдъ и этого пониманія, но когда и при какихъ условіяхъ? «При 140—милліонномъ населеніи нашей страны—писалъ органъ южныхъ горнопромышленниковъ,—каждый лишній десятокъ фунтовъ желѣза, падающій ежегодно на душу земледѣльческаго класса, который составляетъ свыше 70 % русскаго народа, въ сложности представляетъ громадную величину, передъ ко-

---

[1]) Изъ доклада уполномоченныхъ 9-го съѣзда на 10 съѣздѣ (1885 г.).

[2]) Еще въ самое послѣднее время, на III очередномъ съѣздѣ представителей промышленности и торговли въ Петербургѣ (1903 г.), желѣзозаводчикъ Эрдели воскликнулъ (въ засѣданіи 28 марта): „Говорятъ, что мы съ казны шкуру деремъ; я скажу, что слѣдовало бы драть 2 шкуры, еслибъ было возможно".

[3]) „Труды" конторы за 1902 годъ.

[4]) „Объявленіе министерства финансовъ" въ № 47 „Вѣстника Финансовъ" за 1901 годъ.

торой, въ концѣ концовъ, отступаютъ на второй планъ даже казенные заказы» [1]). До этой элементарной истины додумались представители россійскаго капитала только во второй половинѣ 1904 года—въ самый разгаръ ужасовъ японской войны, когда правительство, занятое войной фактически *не могло* уже снабжать южно-русскихъ металлургическихъ бароновъ жирными казенными заказами, когда въ общественной атмосферѣ уже чувствовалась близость политической бури...

Отстаивать свои, такъ или иначе понятые, классовые интересы отечественные капиталисты умѣютъ съ такой энергіей, которой нельзя не отдать справедливости. Мало того: они проявляютъ при этомъ (особенно въ послѣднее десятилѣтіе разсматриваемаго періода) такую степень сплоченности, *европейской организованности*, какой у насъ не привыкли ожидать отъ промышленниковъ. Доходящая до цинизма беззастѣнчивость сама собою разумѣется.

Какъ только министръ финансовъ Бунге былъ (1-го января 1887 года) замѣненъ Вышнеградскимъ, надежды крупнопромышленныхъ сферъ окрылились: они повели дружную атаку противъ ненавистныхъ имъ законовъ въ защиту труда, проведенныхъ при Бунге въ 1882—86 годахъ. На первомъ планѣ стояли тутъ представители центральнаго, преимущественно текстильнаго района.

Въ мартѣ 1887 года Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія промышленности и торговли подало одно за другимъ два ходатайства Вышнеградскому объ измѣненіи порядка правительственнаго надзора за фабриками, настойчиво стремясь скомпрометировать институтъ фабричныхъ инспекторовъ. «Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими—говорится въ одномъ изъ этихъ ходатайствъ—построены на совершенно ложномъ представленіи противоположности интересовъ сторонъ. Московское Отдѣленіе, напротивъ, видитъ въ сотрудничествѣ хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ *союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ и различіи способностей, дополняющихъ одно другое*»... Извѣстно, что аттака фабрикантовъ дала результаты: отмѣну публикованія отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и проч.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ привести здѣсь достаточное количество имѣющихся поразительныхъ образчиковъ дружной и беззастѣнчивой защиты промышленниками своихъ интересовъ—особенно въ области рабочаго вопроса. Мы напомнимъ только вкратцѣ два эпизода. Въ комиссіи по составленію проекта закона о продолжительности рабочаго дня (въ 1897 г). фабриканты московскаго района вели шагъ за шагомъ дружную борьбу противъ проектированнаго тогда министерствомъ финансовъ введенія 11 часоваго раб. дня. Сначала С. Т. Морозовъ категорически заявлялъ «Мы находимъ ,что назначеніе 12 часовой нормы будетъ наиболѣе подходящимъ къ нынѣшнимъ нашимъ условіямъ» [2]). Его поддерживали Найденовъ отъ имени Моск. Отд. Совѣта торг. и мануф., Кре-

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“, 1904 г. № 31.

[2]) „Изъ стенографич. отчетовъ высочайше утвержд. 23 января 1897 г. комиссіи для составленія проекта закона о нормированіи рабоч. времени въ фабрично-заводск. предпріятіяхъ“, приведено въ изданіи „Т. документы, относящіеся къ закону 2 іюня 1897 г.,“ Ж. 1898 г. стр. 34.

стовниковъ (ссылавшійся на «Францію и другія культурныя страны») и другіе, дружно торгуясь съ чиновниками. А поторговавшись достаточно, наконецъ уступили $^1/_2$ часа. «Высказываюсь за 11 $^1/_2$ часовую норму»—объявилъ тотъ же С. Морозовъ [1]). И къ какимъ только пріемамъ не прибѣгали при этомъ представители капитала: требовали и введенія въ договоръ найма обязательности сверхурочныхъ работъ для рабочихъ, поднимали вопли противъ «допущенія въ самую нужную минуту торга рабочихъ со своимъ хозяиномъ», ибо «это будетъ имѣть развращающее вліяніе на рабочихъ» [2]); наконецъ, жаловались, что комиссія не такъ составлена, какъ слѣдовало бы. Въ концѣ концовъ, вызвали замѣчанія со стороны предсѣдат. комиссіи, В. Ковалевскаго: «Я долженъ обратить вниманіе г.г. присутствующихъ здѣсь на то, почти невозможное, положеніе, въ которое ставятъ насъ, представителей министерства финансовъ, нѣкоторые изъ находящихся здѣсь промышленниковъ. Они направляютъ свои возраженія не только противъ существа проекта, но и противъ самого способа его выработки... Мы пригласили въ совѣщаніе 20-го декабря минувшаго года больше 30 представителей промышленности; намъ говорили, что этого мало. Теперь мы вызвали около 200 человѣкъ и снова слышимъ, что этого также недостаточно» [3])...

Когда выработанный министерствомъ финансовъ еще въ 1901 году проектъ учрежденія рабочихъ старостъ разсматривался въ 1903 году въ комиссіи сенатора Оболенскаго, то участвовавшіе въ комиссіи промышленники добились права владѣльцевъ предпріятій утверждать или не утверждать старостъ и подчиненія послѣднихъ полной зависимости отъ хозяевъ. И тѣмъ не менѣе, когда проектъ разсматривался 2—9-го мая 1903 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, то приглашенные на его засѣданіе представители промышленниковъ разныхъ районовъ опять повели дружную атаку противъ проекта. Еще энергичнѣе дѣйствовала организація петербургскихъ фабрикантовъ—Общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской пром. Предсѣдатель этого общества, г. Глезмеръ, подалъ 14 марта 1903 года въ министерство финансовъ докладную записку за подписью 36 фабрикантовъ съ протестомъ противъ учрежденія старостъ рабочихъ. Въ запискѣ организація капиталистовъ поднимаетъ вопль противъ того, что проектъ старостъ готовитъ «рабочихъ къ дружной защитѣ своихъ профессіональныхъ интересовъ», пугаетъ правительство призракомъ «международныхъ рабочихъ идеаловъ» и опасности «увлеченія западными образцами». Кончаетъ записка тѣмъ, что не въ шутку развиваетъ контръ-проектъ: удовлетвореніе потребностей рабочихъ путемъ развитія... *«дѣятельности приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ»*...

Особенно блестящій образчикъ единодушнаго и организованнаго дѣйствія промышленниковъ представляютъ засѣданія Особаго Совѣщанія въ комиссіи Тимирязева (1904 г.) по вопросу о реформѣ промысловаго обложенія.

Здѣсь промышленники на своихъ предварительныхъ собраніяхъ въ биржѣ вырабатывали методъ кампаніи, выбирали лидеровъ для ея проведенія и такимъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 37.

[2]) Слова Крестовникова, тамъ-же, стр. 39.

[3]) Тамъ-же, стр. 37.

дружнымъ походомъ добились своего (см. докладъ Эрдели 30-му съѣзду южн. горно-пром.).

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ задоръ и рѣзкій тонъ, въ которомъ нерѣдко реагируютъ на дѣйствія правительства промышленные круги—въ противорѣчіе съ обще-распространеннымъ представленіемъ объ униженности этихъ круговъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно посмотрѣть, какъ, напримѣръ, Контора желѣзозаводчиковъ *отдѣлала* Горный Департаментъ въ своихъ отзывахъ на присланные Департаментомъ Конторѣ проекты промысловаго обложенія горныхъ заводовъ (въ 1894 г.) и правилъ о несчастныхъ случаяхъ на горныхъ заводахъ (въ 1898 г.). Эти крайне любопытные документы, которыхъ мы не приводимъ здѣсь по недостатку мѣста, читатель можетъ найти въ «Трудахъ» Конторы за 1894 и 1899 гг.

Любопытно, что задоръ промышленниковъ, проявляющійся тамъ, гдѣ государственная власть по необходимости пытается наложить свою руку на ихъ барыши или ограничить эксплоатацію труда, прекрасно уживается съ ихъ готовностью мириться съ старыми формами организаціи государства, съ пріемами бюрократической опеки.

Еще на съѣздѣ 1882 года, въ своей рѣчи при его открытіи, замѣчательный въ своемъ родѣ идеологъ промышленной буржуазіи, проф. Менделѣевъ произнесъ программную рѣчь, которую закончилъ формулировкой завѣтныхъ мыслей промышленниковъ: «Моя основная мысль сказана будетъ ясно, если я заключу свой докладъ пожеланіемъ: посѣвъ научный да взойдетъ въ благоустроенномъ заводскомъ дѣлѣ на пользу народную отъ желаннаго дождя мѣропріятій Александра Александровича» [1]).

Тотъ же желанный дождь мѣропріятій правительства заполнялъ собою кругозоръ промышленниковъ, когда они на томъ же съѣздѣ обсуждали вопросъ о выборныхъ торговыхъ палатахъ. «Выборныя учрежденія для Россіи вообще новы—говорилъ Крестовниковъ: и врядъ ли могутъ считаться хорошо привившимися, а потому полагаю, что польза отъ сихъ учрежденій *сомнительна* по отношенію къ интересамъ промышленности и торговли... Особенно и настоятельно нынѣ нужно особое Министерство промышленности и торговли, которое *затѣмъ уже* разовьетъ тѣ мѣстныя учрежденія, которыя будутъ соотвѣтствовать нашимъ условіямъ». Тутъ характерно не отрицаніе выборныхъ учрежденій торгово-промышленниковъ: впослѣдствіи тотъ же Крестовниковъ вошелъ во вкусъ и самъ игралъ видную роль въ дѣятельности этихъ учрежденій. Важно здѣсь превалированіе мысли о государственной власти, какъ источникѣ «желаннаго дождя мѣропріятій»: она, молъ, *сама* затѣмъ уже разовьетъ мѣстныя учрежденія и пр. Ту же мысль проводилъ и С. Т. Морозовъ: онъ требовалъ «прямого *защитника* интересовъ торговли и промышленности. Тогда промышленность обращалась бы прямо къ своему Министру, а *затѣмъ* уже при немъ могла бы быть учреждена торговая палата» [2]).

---

[1]) „Труды торг. промышл. съѣзда, созваннаго Обществомъ для содѣйствія" и пр., т. I.

[2]) „Труды" съѣзда, т. I, засѣданіе соединенныхъ 1-го и 2-го отдѣловъ по пункту 12 перваго отдѣла.

Въ 1900 г. указанная черта отчасти подчеркивалась (даже въ преувеличенномъ видѣ) самими промышленниками,—по крайней мѣрѣ отдѣльными ихъ представителями. Въ журналѣ «Промышленный Міръ» одинъ «видный фабрикантъ» (какъ рекомендовала его редакція) подчеркивалъ между прочимъ, что фабриканты «въ дѣйствительной бѣдѣ, не ими накликанной (?), обращаютъ свои взоры къ начальству и просятъ «животы пощадить» [1]). Еще дальше идетъ авторъ другого письма—«учившійся фабрикантъ», который говоритъ: «наше купечество и промышленники, издавна пріученые къ сосанію соски, конечно, тоже не вышли изъ младенческаго состоянія» [2]).

При всей утрированности этихъ стоновъ отсталыхъ провинціальныхъ элементовъ капитализма,—вѣрно то, что промышленная буржуазія вообще сама готова была способствовать усиленію центральной власти за счетъ самодѣятельности всѣхъ общественныхъ слоевъ, включая и самихъ промышленниковъ. Въ сферѣ *экономической* имѣется, напримѣръ, такой поразительный фактъ, какъ стремленіе пожертвовать коренными своими правами, какъ хозяевъ предпріятій: мы имѣемъ въ виду домогательства винокуренныхъ заводчиковъ на упомянутомъ уже съѣздѣ въ мартѣ 1902 года. Они единодушно выеказались тамъ противъ поставки спирта по вольной цѣнѣ и за разверстку его по *назначаемымъ правительствомъ* цѣнамъ.

Въ сферѣ политической эта черта выступаетъ особенно рельефно. Мы уже видѣли, какъ промышленники, добиваясь «участія въ дѣлахъ управленія», обязательно поясняютъ—о какихъ дѣлахъ идетъ рѣчь: «касающихся интересовъ торговли и промышленности». Подняться же на высоту пониманія того факта, что и для дѣлъ, касающихся интересовъ торговли и промышленности, совсѣмъ не безразличны общій строй государства и вся правительственная политика—это не дано было промышленной буржуазіи вплоть до японской войны и начала открытой революціи.

Болѣе всего это бросается въ глаза въ области *рабочаго вопроса*, сильно обострившагося задолго до японской войны и сопровождавшихъ ее событій. Тутъ ужъ буржуазія зачастую принимала на себя функціи агента охраннаго отдѣленія.

Когда расцвѣли въ Москвѣ операціи знаменитаго Зубатова, промышленники подали въ 1902 г. министру финансовъ заявленіе противъ зубатовскихъ организацій. И первое, съ чего начинаетъ заявленіе, это политическій доносъ: «Для собранія, происходившаго въ одномъ изъ помѣщеній 17-го февраля 1902 г., ими былъ назначенъ разборъ государственной росписи нынѣшняго года»—доносятъ промышленники: «Объединеніе рабочихъ... является крайне опаснымъ, въ особенности въ томъ настроеніи, когда они, какъ выше объяснено, *задаются уже разборомъ вопросовъ характера государственнаго*» [3]). Протестъ свой московскіе фабриканты подняли здѣсь не противъ того, что посторонніе элементы вносятъ развратъ въ рабочую среду. Это свидѣтельствуетъ проф. Озе-

---

[1]) Статья „Исповѣдь наболѣвшаго сердца“, „Пром. Міръ“ 1900, № 46.

[2]) „Пром. Міръ“, 1900 г., № 47 отъ 8 октября.

[3]) Озеровъ—„Политика по рабочему вопросу“, стр. 214.

ровъ, который отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: «Когда совѣщанія (съ участіемъ профессоровъ А. Е.) прекратились, а вмѣсто нихъ начались религіозныя собесѣдованія епископа Парфенія и чтенія по исторіи В. В. Назаревскаго, предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета, и уставъ кассы былъ утвержденъ въ обезображенномъ видѣ,—нѣкоторыя изъ лицъ отъ промышленныхъ сферъ, которыя раньше агитировали противъ, видя, что движеніе обезврежено, начали дѣлать взносы въ кассу взаимопомощи и выражать свое сочувствіе новому теченію» [1]).

По поводу проекта (1903 года) введенія института старостъ рабочихъ даже московское отдѣленіе Совѣта торговли и мануфактуръ, отъ имени котораго Якунчиковъ (см. выше, стр. 53) высказался за институтъ старостъ, въ своемъ отзывѣ на упомянутую записку 36 петербургскихъ фабрикантовъ принципіально отрицаетъ допустимость объединенія рабочихъ, такъ какъ «сказанное обособленіе рабочаго класса является... какъ касающееся массъ, весьма опаснымъ въ видахъ поддержанія общественнаго порядка» [2]).

А записка 36 петербургскихъ фабрикантовъ, протестовавшая противъ учрежденія рабочихъ старостъ, цѣликомъ проникнута заботой о сохраненіи въ цѣлости старой бюрократической системы.

Она требуетъ, чтобы рѣшеніе рабоч. вопроса было приведено въ «соотвѣтствіе съ общимъ укладомъ русской жизни» и «духомъ народнымъ», протестуетъ противъ «увлеченія западными образцами» и напоминаетъ правительству «завѣты историческаго прошлаго Россіи». Наконецъ, представители капитализма неожиданно рисуютъ необычайно идиллическую картину россійскаго капитализма въ стилѣ завзятаго народника: промышленные рабочіе, молъ, «составляютъ меньше 2% общаго населенія», «постоянные фабричные рабочіе, совершенно оторванные отъ деревни, *къ счастію*, очень немногочисленны» и далѣе въ томъ же родѣ. И все это для того, чтобы устранить рабочее законодательство.

Послѣ приведенныхъ немногихъ фактовъ нельзя удивляться тому, что россійская промышленная буржуазія, подъ самый конецъ разсматриваемаго періода, получила свидѣтельство о полной политической благонадежности отъ такого строгаго судьи, какъ самъ В. К. Плеве. «Движимое желаніемъ облегчить, по возможности, положеніе рабочихъ—заявилъ Плеве—правительство не должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, забывать и о надлежащемъ охраненіи интересовъ фабрикантовъ,—тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе безспорно представляютъ классъ, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ охраненіи общественнаго порядка» [3]).

IV. Отношеніе буржуазіи къ рабочимъ.

Въ этой области прежде всего приходится отмѣтить фактъ реакціонности промышленныхъ круговъ даже по сравненію съ бюрократіей. Причина ясна. Съ

---

[1]) Ibidem, стр. 215.

[2]) Изъ „Справки къ представленію объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ заведеніяхъ отъ 14-го марта 1903 г. № 3006/3983“ (См. „Законодат. матеріалы къ закону о старостахъ“, стр. 25).

[3]) Изъ „Журнала Государственнаго Совѣта“ въ засѣд. 2—9 мая 1903 г. (См. „Законодательные матеріалы“ и пр., стр. 38).

того момента, какъ въ Россіи «объявился рабочій вопросъ», т. е. рабочіе стали пробуждаться и предъявлять требованія улучшенія своего положенія, государственной власти, послѣ примѣненія безпощадныхъ репрессій, приходилось поневолѣ думать о нѣкоторыхъ уступкахъ требованіямъ рабочихъ. Это диктовалось прежде всего соображеніями объ охранѣ «общественнаго порядка». Нѣсколько облегчалась такая готовность бюрократіи ея соціальнымъ составомъ, въ которомъ весьма слабо были представлены промышленно-капиталистическіе круги.

Эти послѣдніе зато разсматривали всякую малѣйшую попытку законодательнаго урегулированія рабочаго вопроса, какъ покушеніе на принадлежащую имъ монополію свободной и неограниченной эксплоатаціи труда. Въ этомъ вопросѣ, стало быть, неизбѣжна была коллизія интересовъ и непрерывная борьба между капиталомъ и властью. И эта борьба, дѣйствительно, шла, не прекращаясь, съ начала 60-хъ годовъ (комиссіи Штакельберга, Игнатьева, Валуева и др.) и все болѣе усиливаясь съ ростомъ рабочаго движенія.

Но эта борьба не была чревата опасностями для той entente cordiale, которая установилась между капиталомъ и государственной властью въ Россіи, въ силу указанныхъ въ началѣ этого очерка обстоятельствъ. До разрыва, до возникновенія оппозиціоннаго правительству теченія въ промышленной буржуазіи дѣло не доходило. Этому мѣшала, помимо прочаго, возможность разрѣшать возникающія коллизіи иными способами, не доводя дѣла до разрыва. Тутъ-то и сказывался весьма ярко тотъ аппаратъ «живого общенія» капитала съ властью, то «участіе въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности», о которыхъ шла рѣчь выше. Помощью этого аппарата промышленники всегда оказывали сильное давленіе на пружины дѣятельности бюрократіи. Дружнымъ, большей частью организованнымъ сопротивленіемъ [1]) промышленники долгое время всячески тормазили даже жалкія начинанія бюрократіи въ области защиты труда. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ окончательно устранить изданіе акта рабочаго законодательства оказывалось невозможнымъ, дѣло для буржуазіи не было еще проиграннымъ. Законъ оставался въ силѣ на бумагѣ, а въ жизни дѣйствовала практика промышленниковъ и чиновниковъ, регулируемая спеціально изданными бюрократіей «инструкціями». Въ выработкѣ этихъ инструкцій чаще всего участвовали представители промышленниковъ,—и тутъ уже они брали рѣшительный реваншъ за пораженія свои, понесенныя при изданіи соотвѣтствующихъ законовъ. Попустительство властей въ дѣлѣ нарушенія стѣсняющихъ промышленныя сферы нормъ рабочаго законодательства шло чрезвычайно далеко.

Другая черта дѣятельности россійской промышленной буржуазіи въ области рабочаго вопроса, это—неполная однородность въ поведеніи промышленниковъ разныхъ районовъ и отраслей промышленности. Тутъ сказывалось различіе въ условіяхъ существованія промышленности между капиталистически болѣе развитыми районами (напримѣръ, лодзинскій) и болѣе отсталыми (центральный, уральскій). Съ другой стороны, тутъ отражалась и разница въ техническомъ

---

[1]) Картину этого систематическаго сопротивленія вплоть до изданія закона 1897 г. рисуетъ Туганъ-Барановскій въ своей „Фабрикѣ“.

оборудованіи и степени культурности рабочаго контингента текстильныхъ фабрикъ по сравненію съ заводами, особенно желѣзодѣлательными и машиностроительными. Если въ области таможенной политики Шульце-Геверницъ не безъ нѣкотораго основанія называетъ введеніе золотой пошлины, повысившее ставки на 30—50%, побѣдою центральнаго промышленнаго района Россіи надъ западнымъ и петербургскимъ, то съ большимъ основаніемъ приходится считать рабочее законодательство 1882—86 и 1897 гг. побѣдою Лодзи надъ Москвою и металлургической промышленности надъ текстильною. Антагонизмъ между Лодзью и Москвою выразился, между прочимъ, въ выработанномъ лодзинскимъ отдѣленіемъ «Общества для содѣйствія и пр.» проектѣ 1894 г. о нормировкѣ рабочаго дня. Различіе въ условіяхъ существованія металлургической и текстильной отраслей промышленности сказалось еще въ 1875 г. на съѣздѣ машиностроителей, гдѣ петербургскіе заводчики Нобель, Голубевъ и др. были за сокращеніе рабочаго дня [1]).

Напоминая здѣсь вкратцѣ объ этомъ антагонизмѣ между разными частями промышленныхъ круговъ [2]), мы, однако, должны здѣсь подчеркнуть, что онъ ограничивается, гдѣ проявляется, лишь сферой экономической: условіями продолжительности рабочаго дня, труда малолѣтнихъ и пр. Какъ только рабочій вопросъ хотя бы косвенно затрагиваетъ правовое положеніе рабочей массы, промышленная буржуазія во всѣхъ своихъ частяхъ выступаетъ какъ единый классъ, зорко слѣдящій за сохраненіемъ распыленнаго и безправнаго положенія своихъ «толоконниковъ». Особенно рѣзко бросается въ глаза этотъ фактъ въ вопросѣ объ элементарныхъ, жалкихъ формахъ организаціи, которыя проектировала для рабочихъ бюрократія (институтъ старостъ, общества взаимопомощи по проекту 1903 г.). На *своихъ* съѣздахъ, въ *своихъ* организаціяхъ, вынестованныхъ заботами правительства, давно создавшаго *для нихъ* особую «конституцію»,—промышленники проникаются священнымъ ужасомъ каждый разъ, когда возникаетъ вопросъ объ элементарнѣйшихъ формахъ объединенія рабочихъ, хотя бы подъ эгидой и контролемъ хозяевъ.

Вынужденные ограничиться здѣсь весьма немногимъ въ сферѣ отношеній промышленниковъ къ рабочимъ, мы укажемъ только на слѣдующее.

Есть одна область «рабочаго вопроса», которая была всегда очень близка сердцу крупно-промышленныхъ сферъ. Это—привлеченіе и закабаленіе рабочихъ силъ всякими способами. Еще первый съѣздъ (1874 г.) южныхъ горнопромышленниковъ ходатайствовалъ предъ министромъ государственныхъ имуществъ объ организаціи переселенія крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ южный каменноугольный районъ и о прикрѣпленіи ихъ обязательными отношеніями къ владѣльцамъ южныхъ копей по опредѣленному проекту. «Переселенцы—говоритъ этотъ проектъ—пользуются поверхностью и усадьбами на правахъ полной собственности [3]). Нѣдра же земли остаются принадлежностью прежняго владѣльца» (пунктъ 6-й). «Переселенцы обязуются въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ

[1]) Въ постановленіяхъ этого съѣзда, впрочемъ, сыграло роль большое число участвовавшей интеллигенціи (профессора, инженеры и др.).

[2]) О немъ данныя см. у Тугана-Барановскаго въ „Фабрикѣ".

[3]) На началахъ выкупа въ теченіе не менѣе 30 лѣтъ.

служить на мѣстахъ ихъ новаго жительства въ работахъ у владѣльца, ихъ переселившаго, по цѣнѣ, опредѣленной условіемъ; если же кто изъ нихъ пожелаетъ оставить новое мѣсто жительства, то обязанъ платить въ теченіе 5 лѣтъ *удвоенную* выкупную плату или же вмѣсто себя найти другого, который бы принялъ на себя его права и обязанности, съ согласія владѣльца переселителя» (пунктъ 8-й). «Выкупные платежи высчитываются изъ заработанныхъ денегъ» (пунктъ 9-й). «Переселенцамъ, поступившимъ на работы 18 лѣтъ, срокъ воинской повинности сокращается на 2 года сверхъ льготъ, предоставленныхъ уставомъ о воинской повинности» (пунктъ 14). «Переселенцы избавляются на 5 лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей» (пунктъ 15). «Переселенцы и ихъ домашняя утварь перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ по тарифу войскъ» (пунктъ 16) [1]).

Этотъ любопытный крѣпостническій проектъ каменноугольныхъ феодаловъ 70-хъ годовъ такъ и остался проектомъ. Но, начиная съ 1899 г., на съѣздахъ южныхъ горнопромышленниковъ усиленно разрабатывается «рабочій вопросъ» въ новой формѣ, изобрѣтенной инженеромъ Баталинымъ и носящей скромное названіе «Конторы по найму рабочихъ». 19-й съѣздъ (1894 г.) постановилъ ходатайствовать объ учрежденіи въ Харьковѣ при совѣтѣ съѣздовъ особаго «центральнаго бюро для найма рабочихъ, куда стекаются: 1) свѣдѣнія о рабочихъ рукахъ отъ *начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій, земскихъ начальниковъ, земскихъ управъ* и т. п.; 2) заявленія шахтовладѣльцевъ и заводчиковъ о необходимыхъ имъ въ данное время рабочихъ». На 20-мъ съѣздѣ (1895 г.) доложено было, что министерство внутреннихъ дѣлъ согласно изъ всего аппарата администраціи заставить однихъ только земскихъ начальниковъ служить интересамъ горнопромышленниковъ. Съѣздъ и выработалъ соотвѣтственную инструкцію для «Конторы по найму рабочихъ на горные промыслы». «Контора» была утверждена въ 1897 г. Но въ такомъ урѣзанномъ видѣ она не пользовалась симпатіями горнопромышленниковъ. И вотъ особая комиссія 24-го съѣзда (1899 г.) выработала «положенія» по этому вопросу, гдѣ говорится: «Только правительственный органъ, облеченный подобающимъ авторитетомъ, можетъ принести существенную пользу дѣлу облегченія сношеній между горнопромышленниками, нуждающимися въ рабочихъ, и крестьянами, ищущими заработковъ» [2]). Кончилось дѣло тѣмъ, что образованъ былъ въ Харьковѣ «особый комитетъ по найму рабочихъ» подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Кстати замѣтимъ, что не одни только южные горнопромышленники стремятся сдѣлать агентовъ администраціи своими слугами. Польскіе горнопромышленники не отстали отъ южныхъ и въ 1899 г. постановили ходатайствовать объ учрежденіи въ Домбровѣ при своемъ совѣтѣ съѣздовъ постоянной конторы для привлеченія рабочихъ въ копи, чтобы контора входила въ непосредственныя сношенія съ войтами гмины и съ сельскими учителями, собирая отъ нихъ свѣдѣнія, и чтобы «войтамъ гминъ, сельскимъ учителямъ и другимъ низшимъ административнымъ властямъ вмѣнить *въ обязанность* оказывать совѣту съѣздовъ полное содѣйствіе по выполненію возложенной на него задачи» [3]).

---

[1]) „Труды“ 1-го съѣзда 1874 г.

[2]) „Исторія съѣздовъ“, стр. 31.

[3]) „Труды“ 5-го съѣзда горнопромышленниковъ Царства Польскаго, т. 1 тр. 201—202.

Другая забота промышленниковъ въ области рабочаго вопроса—охрана «порядка» на фабрикахъ помощью военной силы и полиціи (явной и тайной). Ходатайства о командировкѣ казаковъ на заводы упоминаются нерѣдко и въ «Трудахъ» съѣздовъ.

Что касается постоянной полиціи, то въ 1880 г. промышленники, какъ извѣстно, добились права заводить на фабрикахъ и заводахъ полицію на свой счетъ. Далѣе, Синягинъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ по 4 губерніямъ, констатируетъ, что «фабриканты иногда отпускаютъ непосредственно въ распоряженіе полиціи нѣкоторыя суммы для содержанія тайныхъ агентовъ на фабрикахъ; иногда же сами фабриканты содержатъ непосредственно отъ себя тайныхъ агентовъ,—тогда нерѣдко и полиція пользуется для своихъ цѣлей услугами этихъ агентовъ» [1]).

Когда былъ учрежденъ особый институтъ фабрично-заводской полиціи внутри фабрикъ, то нѣкоторые фабриканты (петербургскіе, рижскіе) были недовольны, предпочитая ограничиться своими агентами. Озеровъ это недовольство объясняетъ такъ: «Дѣло въ томъ, что тайные агенты были въ исключительной зависимости отъ фабрики, оплачивающей ихъ труды, а введенная теперь полиція содержалась на счетъ казны и была независима отъ фабрикантовъ,—вѣроятно, это отчасти и раздражало» [2]).

V. Постоянныя организаціи промышленниковъ.

Первый періодъ (до 80 годовъ) исторіи этихъ организацій характеризуется ихъ широкимъ разношерстнымъ составомъ и безжизненностью.

Еще въ 1828 году учреждены были графомъ Канкринымъ въ Петербургѣ, при министерствѣ финансовъ «Мануфактурный и коммерческій совѣты» съ отдѣленіями въ Москвѣ, а въ другихъ крупныхъ промышленныхъ городахъ «мануфактурные и коммерческіе комитеты» съ «мануфактуръ-корреспондентами» въ болѣе мелкихъ центрахъ. Ихъ назначеніе—сообщать для правительства свѣдѣнія о состояніи промышленности, давать отзывы и проч. Въ Мануфактурномъ Совѣтѣ участвовали 24 члена—мануфактурные совѣтники изъ купечества, а также профессоровъ-техниковъ по назначенію Министерства Финансовъ; въ Коммерческомъ Совѣтѣ купцы I и II гильдіи. Но все это существовало *на бумагѣ*. Въ жизни эти учрежденія ничѣмъ не проявляли себя. Печатные труды ихъ начинаютъ встрѣчаться лишь въ концѣ 60-хъ годовъ по тарифнымъ вопросамъ. Систематическихъ отчетовъ нѣтъ и слѣда. Даже проектъ измѣненія тарифа (1867 г.) не расшевелилъ этихъ учрежденій. Единственный трудъ 60-хъ годовъ это—«мнѣніе депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ». Подъ этимъ громкимъ названіемъ фигурируетъ отвѣтъ Московскаго купечества въ 1865 г. на извѣстную германскую записку о торговомъ договорѣ съ Германіей (собственно—Zollverein'омъ).

Законъ 7-го іюня 1872 года реорганизовалъ эти учрежденія: мѣстные комитеты могутъ возникать по желанію городскихъ думъ или купеческихъ

[1]) Озеровъ—„Политика по рабочему вопросу", стр. 137.
[2]) Ibidem, стр. 163.

обществъ, и имъ предоставлена инициатива и непосредственное обращеніе къ Министру Финансовъ. Въ 1876 году Коммерческій и Мануфактурный Совѣты соединены въ одинъ «Совѣтъ Торговли и Мануфактуръ» съ задачей «изысканія мѣръ на пользу торговой и мануфактурной промышленности». Но до 80-хъ годовъ всѣ эти учрежденія оставались мертвыми.

Параллельно съ упомянутыми учрежденіями существуютъ въ это время биржевыя общества, такія же аморфныя, да еще съ очень узкими функціями. По ст. 591 устава торговаго, биржи—учрежденіе исключительно для торговыхъ цѣлей. По временнымъ правиламъ 1875 г. для петербургской биржи, биржевому комитету уже было дано право ходатайствовать о принятіи мѣръ въ области торговли и промышленности, но это только для Петербурга. Къ тому же ни одинъ биржевой комитетъ до 90-хъ годовъ не имѣетъ своего исполнительнаго органа. Лишь съ 1892 года появляются новые уставы биржъ, какъ организаціи торговаго класса. Немудрено, что биржевыхъ комитетовъ было открыто мало за все время до 1895 г.—всего 22, между тѣмъ какъ за періодъ только съ 1895 до 1904 гг. открыто 24 комитета [1]). Измѣнилась къ этому времени и дѣятельность биржевыхъ комитетовъ: они повсюду энергично отстаиваютъ интересы торговаго капитала, а въ центральномъ районѣ становятся боевыми органами промышленныхъ сферъ преимущественно текстильной отрасли.

Въ теченіе этого періода играютъ сравнительно видную роль и всякаго рода общества содѣйствія промышленности. Изъ нихъ главное—«Общество для содѣйствія развитію промышленности и торговли» [2]), основанное въ Петербургѣ въ 1867 году и имѣвшее отдѣленія въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ. Это общество, въ которомъ главные дѣятели рекрутировались преимущественно изъ круга инженеровъ, профессоровъ и пр., обсуждало въ 60-хъ годахъ вопросы о вексельномъ уставѣ, о Сибирской жел. дор., о судоходствѣ по Волгѣ. Оно послало депутацію для участія въ открытіи Суэзскаго канала, а въ 1871 г. командировало (при содѣйствіи правительства) своего секретаря Скальковскаго въ Индію для изученія торговыхъ сношеній между нею и Россіей. Наконецъ, это общество было иниціаторомъ торгово-промышленныхъ съѣздовъ 1870 и 1882 года.

Къ этому же типу принадлежатъ Русское Техническое Общество въ Петербургѣ (съ 1866 г.) и Политехническое Общество въ Москвѣ (съ 1870 г.), участвовавшія, между прочимъ, въ созывѣ съѣздовъ 1870 и 1882 гг. До извѣстной степени вліятельной организаціей являлось и нижегородское ярмарочное купечество. Оно въ 60-хъ годахъ трактовало вопросъ о русско-германскомъ

[1]) Пажитновъ. „Очеркъ развитія буржуазіи въ Россіи“ въ „Образов.“ 1907 № 2-а.

[2]) Мы его называемъ ради краткости „Обществомъ содѣйствія“. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ «Обществомъ для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности“: послѣднее основано въ Москвѣ въ 1900 г. и занимается вопросами промышленной техники. Существуетъ еще „С.-Петербургское Общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности“, дѣйствующее очень энергично съ 1893 г., хотя официально открытое лишь въ 1897 г. Оно впослѣдствіи дало начало образованію „Общества петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ“.

торговомъ договорѣ и представило свои соображенія противъ него. Впослѣдствіи (въ 1887 г.) оно подало Вышнеградскому, при его посѣщеніи ярмарки, докладную записку съ жалобами на политику Бунге, особенно на его фабричное законодательство. Выставка и съѣздъ 1896 года были лебединой пѣснью ярмарочнаго купечества, какъ таковаго. Упало значеніе ярмарки, народились новые пути воздѣйствія на правительство, расцвѣли новыя сильныя организаціи капитала, отодвинувшія на задній планъ выступленія «именитаго ярмарочнаго купечества».

Совсѣмъ иначе построены организаціи 2-го періода (до 1905 г.). Это—организаціи промышленниковъ опредѣленной отрасли производства, часто опредѣленнаго района. Они вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ компактный, дѣловой и боевой характеръ властныхъ организацій съ огромнымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Ихъ излюбленная форма—такъ называемые «*съѣзды*». Подъ этимъ названіемъ дѣйствовали *постоянныя* и стройныя организаціи представителей капитала при режимѣ, вообще не знавшемъ никакого коалиціоннаго права гражданъ. Съѣзды собираются регулярно,—большей частью ежегодно, дѣйствуя на основаніи формальныхъ уставовъ. Въ промежуткахъ между съѣздами исправно работаетъ исполнительный органъ—«Совѣтъ съѣздовъ», избранный съѣздомъ, какъ центральный комитетъ данной капиталистической организаціи. «Совѣтъ» издаетъ часто свой центральный органъ, отчитывается въ своихъ дѣйствіяхъ передъ слѣдующимъ съѣздомъ и получаетъ отъ него соотвѣтствующія директивы. «Совѣтъ» находится въ организованныхъ сношеніяхъ съ членами данной организаціи въ промежуткахъ между съѣздами. Члены дѣлаютъ регулярные взносы по опредѣленію съѣздовъ. Съѣзды и совѣтъ имѣютъ опредѣленный бюджетъ и завѣдуютъ различными постоянными учрежденіями и должностными лицами.

На всѣхъ этихъ съѣздахъ обязательное участіе принимали представители правительства. Предсѣдатели съѣздовъ назначались соотвѣтствующимъ министерствомъ; имъ же и устанавливалась и программа съѣздовъ. Но отъ этого нисколько не терпѣла ущерба самостоятельность съѣздовъ. Не къ ограниченію ея вело участіе агентовъ правительства, а къ увеличенію скорости и организованности взаимодѣйствія между капиталомъ и властью. Агенты служили передаточными элементами этого взаимодѣйствія. И совсѣмъ обычнымъ явленіемъ было, что обсужденіе и рѣшеніе вопроса, начатыя на съѣздѣ промышленниковъ, заканчивалось въ министерствахъ—или наоборотъ.

Организація *горнопромышленниковъ юга Россіи* датируетъ съ 70-хъ годовъ. 10-го ноября 1874 г. въ Таганрогѣ состоялся 1-ый съѣздъ ихъ въ числѣ 30 человѣкъ. 2-ой съѣздъ былъ тамъ же въ 1877 г., 3-ій въ Харьковѣ въ 1878 г., 4-ый въ Новочеркасскѣ въ 1879 г. Начиная съ 5-го съѣзда (1880 г.), съѣзды созываются ежегодно въ Харьковѣ. Число членовъ каждаго съѣзда составляетъ въ среднемъ около 100 чел. въ 80-хъ годахъ, около 150—въ 90-хъ годахъ и около 300—въ первые годы XX вѣка. Въ первое время членами съѣздовъ являются лишь представители угольныхъ копей; затѣмъ къ нимъ присоединяются владѣльцы металлургическихъ заводовъ, играющіе видную роль на съѣздахъ.

«Уполномоченные» съѣзда (въ числѣ 5 чел.) появляются впервые на 2-мъ

съѣздѣ «для поддержанія ходатайствъ съѣздовъ и представительства ихъ интересовъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ». Въ 1878 году учреждается «комиссія выборныхъ» (8 чел.), часть функцій которой переходитъ въ 1888 г. къ «Комитету по перевозкѣ минеральнаго топлива». До 1885 года съѣзды, ихъ «уполномоченные» и «комиссія выборныхъ» существуетъ безъ всякаго устава. 9-ый съѣздъ (1884 г.) выработалъ проектъ «Положенія о горнопромышленныхъ съѣздахъ южной Россіи», которое вступило въ дѣйствіе съ слѣдующаго 1885 года [1]).

Съ 1893 г. функціи уполномоченныхъ и комиссіи выборныхъ переходятъ къ «Совѣту съѣзда». При совѣтѣ съѣзда существуетъ съ 1897 г. Статистическое Бюро, которое энергично собираетъ и группируетъ цифровый матеріалъ для защиты интересовъ горнопромышленниковъ.

Какъ органъ горнопромышленниковъ, издавался еще съ 1880 г. «Южно-Русскій Горный Листокъ» подъ ред. инж. Яшевскаго, при сотрудничествѣ Авдакова, Мевіуса и др. Прекратившись въ 1887 г., органъ возникаетъ вновь по иниціативѣ Авдакова въ 1888 г. подъ названіемъ «Горнозаводскаго Листка», издаваемаго Сушковымъ. Въ 1903 году «Горнозаводскій Листокъ» официально переходитъ къ Совѣту съѣзда, какъ его боевой центральный органъ.

Для права голоса на съѣздахъ установленъ былъ въ 1887 г. цензъ — 250 вагоновъ отправокъ въ теченіе года, а съ 1898 г. введенъ цензъ по плюральной системѣ: 1.000 вагоновъ даютъ два голоса, 4.000 и болѣе вагоновъ—три голоса [2]).

Вопросы, чаще всего обсуждаемые на съѣздахъ южныхъ горнопромышленниковъ, это—ходатайства: о расширеніи сѣти жел. дор. и подъѣздныхъ путей, объ увеличеніи покровительственныхъ таможенныхъ ставокъ до размѣровъ запретительныхъ, о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, объ установленіи вывозныхъ премій при экспортѣ угля [3]), объ учрежденіи новыхъ почтово-телеграфныхъ конторъ въ заводскихъ районахъ, объ устройствѣ и оборудованіи портовъ, каналовъ, о льготномъ кредитѣ для промышленниковъ, о пониженіи размѣровъ земскаго и промысловаго обложенія горной промышленности и т. д. Что касается земскаго обложенія, то жалобы въ этой области тянутся непрерывной полосой на протяженіи почти всѣхъ съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ. Еще на 2-мъ съѣздѣ (1877 г.) была принята по этому вопросу довольно рѣшительная и откровенная резолюція, заявляющая, что съѣздъ «согласенъ» на земское обложеніе горнозаводскихъ предпріятій «на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны съѣздомъ, но не ранѣе, какъ черезъ 5 лѣтъ и *только въ томъ случаѣ*, если къ тому времени перевозка угля по желѣзнымъ дорогамъ будетъ обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ и *наложеніемъ пошлины будетъ устранена конкурренція заграничнаго угля*». 6-ой съѣздъ (1881 г.) жалуется на «крайне неравномѣрное и ни на чемъ

---

[1]) Нынѣ дѣйствующее „Положеніе“, утвержденное въ 1899 г., въ общемъ совпадаетъ съ „Положеніемъ“ 1885 г.

[2]) Вызвано это необычайной концентраціей производства: отношеніе добычи крупныхъ предпріятій (болѣе 3 милліоновъ пудовъ) къ мелкимъ было въ 1876 г. равно 3 : 10, а въ 1905 г. 67 : 10.

[3]) Для изученія иностранныхъ рынковъ Совѣтъ съѣздовъ въ 1902 г. командировалъ: Авдакова — въ Турцію, Дагово-Сабурова — въ Италію, Эрдели въ Румынію и Баварію и Монковскаго въ Грецію.

не основанное» земское обложеніе каменноугольныхъ копей. Отвѣтомъ на эти жалобы явилось назначеніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1882 г. экстренныхъ земскихъ собраній въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ съ участіемъ уполномоченныхъ съѣзда горнопромышленниковъ. Попытка соглашенія представителей обоихъ господствующихъ классовъ не увѣнчалась успѣхомъ. На неравномѣрность оцѣнки и обложенія дворянскихъ земель сравнительно съ копями возмущенно указываютъ и послѣдующіе съѣзды горнопромышленниковъ. «Но земство не находило нужнымъ считаться съ этими указаніями и иногда давало на нихъ рѣзкій отвѣтъ»—замѣчаетъ «Исторія съѣздовъ» [1]).

Съ изданіемъ въ 1893—94 гг. новыхъ «Правилъ» и «Инструкціи» объ оцѣнкѣ недвижимостей, подлежащихъ обложенію земскими сборами, горнопромышленники снова окрылились надеждой, въ виду предписываемой правилами переоцѣнки всѣхъ имуществъ. Съ этого времени особенно выдвигается вопросъ о представительствѣ промышленниковъ въ земскихъ собраніяхъ. И всѣ послѣдующіе съѣзды вплоть до настоящаго времени не перестаютъ настаивать на скорѣйшей переоцѣнкѣ недвижимостей на основаніи закона 1893 года, на усиленіи представительства горнопромышленниковъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ этомъ пунктѣ требованія капитала наталкиваются на сопротивленіе другого класса, служащаго главнѣйшимъ устоемъ стараго режима. Въ остальныхъ пунктахъ дѣятельность необычайно вліятельнаго органа горнопромышленниковъ была гораздо болѣе успѣшна.

Очень близко къ организаціи горнопромышленниковъ стоитъ родственная ей «*Постоянная Совѣщательная Контора желѣзозаводчиковъ*». Она учреждена въ 1887 году, а въ 92 году получила новое положеніе и инструкціи, значительно расширившія рамки дѣятельности конторы.

Контора—организація *всероссійская* съ представительствомъ въ ней не отдѣльныхъ предпріятій, а цѣлыхъ районовъ. Въ 1894 году, напримѣръ, въ контору входили: отъ заводчиковъ уральскаго района 2 члена (и кандидатъ), затѣмъ отъ замосковскаго, сѣвернаго, южнаго района и отъ заводчиковъ Царства Польскаго—по 1 члену и 1 кандидату. Контора имѣетъ постоянное помѣщеніе въ Петербургѣ, устраиваетъ ежегодно нѣсколько десятковъ засѣданій всѣхъ своихъ членовъ и издаетъ ежегодно свои «Труды». Число заводовъ (во всѣхъ 5 районахъ), участвующихъ въ расходахъ [2]) по содержанію Конторы, при небольшихъ колебаніяхъ составляетъ въ среднемъ 35% всего наличнаго числа заводовъ. Но эти 35% даютъ 70% больше всего производства: Контора—организація многихъ среднихъ и всѣхъ крупныхъ заводчиковъ.

Она пользуется огромнымъ вліяніемъ и находится въ наиболѣе прочной связи съ правительствомъ, на которое преимущественно и работаетъ металлургическая промышленность. Голосъ Конторы имѣетъ большой вѣсъ въ правительственныхъ кругахъ. Когда, напримѣръ, въ 1894 г. желѣзозаводчики, обезпокоенные заключеніемъ торговаго договора съ Германіей, обратились съ представленіемъ къ Витте—тотъ поспѣшилъ ихъ успокоить: «С. Ю. Витте—докладываетъ предсѣдатель Конторы—*горячо и убѣжденно* выразилъ *твердую и*

[1]) Стр. 50.

[2]) Доходы Конторы въ 1894 г. (съ остаткомъ отъ прошлаго года) составили 23,706 р. расходы 16,300 руб.

полную готовность приходить на помощь нашей металлургической промышленности вообще и отдѣльнымъ заводамъ въ частности *всѣми* имѣемыми (?) въ распоряженіи финансоваго управленія *мѣрами*, уполномочивъ меня заявить объ этомъ въ совѣщательной Конторѣ желѣзозаводчиковъ выборнымъ представителямъ всѣхъ горнозаводскихъ округовъ Россіи» [1]).

Съ своей стороны Контора съ большой запальчивостью и задоромъ реагируетъ нерѣдко на запросы министерства и, вообще, дѣйствуетъ весьма рѣшительно. Въ 1894 г. всѣ члены Конторы были приглашены на засѣданіе комиссіи о промысловомъ обложеніи горныхъ заводовъ. Когда предсѣдатель В. Ковалевскій заявилъ, что проектируется налогъ въ 5% съ дохода, а послѣдній предполагается равнымъ 10% оборота, то заводчики подняли бурю. Ковалевскій предложилъ тогда членамъ Конторы составить другой проектъ. Тѣ обсудили и въ большинствѣ высказались за *бойкотъ* правительственной комиссіи: необходимо «отстраниться отъ предложенной В. Ковалевскимъ выработки тарифныхъ ставокъ налога, такъ какъ это можетъ быть принято за согласіе Конторы на введеніе этого налога».

Контора вообще ведетъ работу широко и съ большимъ размахомъ. Въ 1898 г. Конторою былъ командированъ въ Германію и Австрію В. Жуковскій для «изслѣдованія» рабочаго вопроса съ точки зрѣнія капитала. Вслѣдъ затѣмъ былъ командированъ отъ Конторы въ Бельгію и Францію инженеръ А. Кеппенъ для изученія положенія законодательства по рабочему вопросу.

Въ рамкахъ организаціи желѣзозаводчиковъ неизбѣжны тренія между членами. Почва для этого—споръ о томъ, кому поглотить наибольшее количество заказовъ. Конечно, казна очень щедра къ заводчикамъ и внѣ сферы этихъ заказовъ. Поэтому тренія и конфликты внутри членовъ Конторы къ разрыву не приводятъ—тѣмъ болѣе, что въ ней представлены преимущественно крупные и крупнѣйшіе заводы. Но иногда—особенно во время кризиса—конфликты болѣе или менѣе обостряются и отражаются даже на страницахъ «Трудовъ» Конторы. Такъ было, напримѣръ, въ 1901—02 годовъ. Въ январѣ 1901 года директоръ Товарищества Московскихъ металлическихъ заводовъ Гужонъ подалъ Товарищу Министра Финансовъ Ковалевскому докладную записку по поводу кризиса и жаловался: несправедливо, молъ, давать заказы однимъ и не давать другимъ. Поводомъ было заявленіе трехъ крупнѣйшихъ южныхъ рельсопрокатныхъ заводовъ Ковалевскому о своемъ желаніи получить дополнительный заказъ на рельсы съ обѣщаніемъ поглотить весь запасъ чугуна, имѣющійся на рынкѣ. На это Гужонъ возражалъ: Правительство «должно составить сводъ заказовъ, которые оно желаетъ дать въ теченіе нѣсколькихъ, примѣрно 5 лѣтъ, и передать таковые Высочайше утвержденной Конторѣ желѣзозаводчиковъ» [2]).

Въ іюнѣ 1902 года этотъ споръ былъ вынесенъ на общія засѣданія Конторы и въ круги самихъ заводчиковъ. Тутъ Гужонъ, какъ представитель менѣе крупныхъ заводовъ московскаго и уральскаго районовъ, встрѣтилъ рѣшительнаго противника въ лицѣ А. Вольскаго, всегда выступавшаго представителемъ

[1]) «Труды» Конторы за 1894 г., журналъ засѣданія 5-го февраля.
[2]) См. „Труды“ Конторы за 1900 г.
[3]) „Труды“ Конторы за 1901 г.

крупнѣйшихъ левіафановъ металлургіи на югѣ Россіи. Изъ ихъ рѣзкой полемики выяснилось, что имѣется 6 заводовъ (изъ 25) на югѣ и 3 на Уралѣ, которые захватили себѣ монополію заказовъ на рельсы по неконкуррентной цѣнѣ (1 руб. 25 коп. съ пуда). Остальные заводы вынуждены производить лишь рыночные сорта желѣза. Пользуясь своей монополіей, левіафаны стали понижать цѣны на свое сортовое желѣзо, чтобъ разорить остальные заводы и потомъ поднять цѣны на крупносортное желѣзо. Въ виду этого Гужонъ предлагалъ Конторѣ отчаянную мѣру: поставить крупнымъ заводчикамъ ультиматумъ—либо уменьшить выработку рыночнаго желѣза, либо просить правительство *поднять* цѣну на рельсы. Вольскій безъ стѣсненія ставилъ на видъ скорое открытое возникновеніе южнаго синдиката заводчиковъ и убѣжденно выдвигалъ такой аргументъ. «Правительство, въ качествѣ крупнѣйшаго и вполнѣ освѣдомленнаго заказчика, знаетъ, что.... солиднымъ поставщикомъ можетъ быть только предпріятіе, работающее съ достаточной прибылью» [1])...

Въ октябрѣ 1902 г. Гужонъ опять жаловался предсѣдателю «Особаго Совѣщанія по вопросамъ, касающимся металлургической промышленности» и просилъ «заставить крупнѣйшіе заводы, которыхъ совсѣмъ незначительное меньшинство войти въ *общее соглашеніе*». Дальнѣйшія нити этого конфликта въ опубликованныхъ трудахъ не видны: онѣ, должно быть, теряются въ правительственныхъ канцеляріяхъ и ведутъ къ удовлетворенію, до поры до времени, обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Одной изъ крупнѣйшихъ капиталистическихъ организацій являются «*Съѣзды нефтепромышленниковъ*». Организаціонное ея построеніе напоминаетъ «съѣзды» южныхъ горнопромышленниковъ. По соціальному же составу организація нефтепромышленниковъ ближе подходитъ къ «Конторѣ» желѣзозаводчиковъ: тамъ, какъ и здѣсь, благодаря сильнѣйшей концентраціи производства, проявляется иногда антагонизмъ между крупнѣйшими фирмами и остальными. Отличіе ихъ, однако, состоитъ въ томъ, что нефтепромышленники не такъ сильно зависятъ отъ казенныхъ заказовъ.

Съѣзды нефтепромышленниковъ, возникши въ 1884 г., скоро стали ежегодными и выдѣлили изъ своей среды Совѣтъ съѣздовъ съ тѣми-же функціями, какъ и у горнопромышленниковъ. Организація имѣетъ также свои органы, свое статистическое бюро и пр. При съѣздѣ существуетъ «Комитетъ по распредѣленію вагоновъ» съ участіемъ представителя отъ министерства земледѣлія. Попудный сборъ съ членовъ ($^1/_{20}$ коп. съ пуда дала въ 1897 г. 190,000 рублей) составляетъ основную статью приходнаго бюджета. Съѣзды, кромѣ своего постояннаго Совѣта въ Баку, имѣютъ еще постояннаго представителя въ Петербургѣ: на это расходуется 10,000 руб. въ годъ.

Цензъ членовъ съѣздовъ здѣсь также основанъ на плюральной системѣ. Изъ всѣхъ 1417 голосовъ на 18-мъ съѣздѣ 1903 г. тремъ фирмамъ (Нобель, Ротшильдъ и Манташевъ) принадлежалъ 391 голосъ, т. е. $27^1/_2\%$, а остальные $72^1/_2\%$ принадлежали 122 фирмамъ. Число членовъ съѣзда колеблется между 50 и 100.

---

[1]) „Труды“ Конторы за 1902 г.

Размахъ и культурный уровень дебатовъ нефтепромышленныхъ съѣздовъ много ниже, чѣмъ у горнопромышленниковъ и желѣзозаводчиковъ. Здѣсь, помимо прочаго, сказывается болѣе практичный, дѣловитый складъ представителей нефтяной промышленности, выросшей съ американской быстротой и воспитавшей неприкрытую никакой идеологіей жажду быстрой наживы. На 11-мъ съѣздѣ (1897 г.) нефтепромышленникъ Бенкендорфъ въ своей рѣчи отмѣтилъ тотъ фактъ, что почти всѣ вопросы проходятъ безъ преній, а г. Гуліевъ заявилъ, что открытая баллотировка ни въ коемъ случаѣ не можетъ выразить дѣйствительнаго мнѣнія съѣзда. На 12-мъ съѣздѣ (1898 г.) Бенкендорфъ счелъ нужнымъ напомнить выборнымъ представителямъ, что «Члены Совѣта должны быть общественными дѣятелями, а не защитниками своихъ фирмъ» [1]).

Борьба всей массы организованныхъ нефтепромышленниковъ съ кучкой нефтяныхъ магнатовъ отличается довольно острымъ характеромъ и занимаетъ видное мѣсто въ «Трудахъ» съѣздовъ. Центромъ, вокругъ котораго вращается споръ, это—синдикатъ экспортеровъ керосина. Впервые (въ началѣ 80 годовъ) хлопоталъ о керосинномъ синдикатѣ г. Полетика по иниціативѣ Л. Нобеля. Появившееся въ 1886 г. общество «Бнито» (фирма Ротшильда) сдѣлалось центральной фигурой синдикатныхъ попытокъ. Въ 1893 г. состоялось «ростовское соглашеніе», не продержавшееся однако дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Керосинозаводчики обратились за содѣйствіемъ къ правительству: въ 1893 г., по предложенію Министерства Финансовъ, было созвано въ Петербургѣ совѣщаніе. учредившее «союзъ керосинозаводчиковъ» на 5 лѣтъ съ сѣтью «торговыхъ агентовъ». Но и ему не суждено было прочно существовать, благодаря интригамъ нефтяныхъ магнатовъ, на службѣ у которыхъ, какъ оказалось, находились «торговые агенты».

Когда въ концѣ апрѣля 1901 г. цѣна сразу понизилась (нефть съ 18 до 6½ коп., остатки съ 18½ до 8 коп., керосинъ въ котлахъ съ 55 коп. до 8 коп.), то выяснилась и причина стремительнаго паденія цѣнъ: нефтяные короли (главнымъ образомъ, Нобель и Ротшильдъ), устроивъ «Consolidated Petroleum C°», сошлись съ извѣстнымъ американскимъ «Standart-омъ», полюбовно подѣлили между собою міровые рынки и стали создавать искусственно низкія цѣны для дешевой скупки русскаго керосина на мѣстѣ, а затѣмъ продавали его на иностранныхъ рынкахъ съ прибылью 300—600°/°.[2]).

Тотчасъ же собрались всѣ заводчики (кромѣ, конечно, левіафановъ) и обратились по телеграфу въ Министру Земледѣлія съ жалобой на 2 крупныя фирмы, получающія небывалыя прибыли, благодаря «стачкѣ» съ Стандартомъ и скупкѣ у другихъ 70 фирмъ керосинъ по цѣнамъ ниже себѣ стоимости.

Началась борьба не на животъ, а на смерть. «Должно пройти безвозвратно то время, когда крупныя фирмы, стоящія во главѣ, занимались стрижкой барановъ»—говорилъ на 16-мъ съѣздѣ М. Паппе (представитель некрупнаго общества «Кавказъ»). Съ своей стороны Фейгль, представитель ротшильдовскаго «Бнито», признавъ фактъ: «Consolidated» существуетъ; участники—Нобель (22°/о акцій)

[1]) „Труды“ 12 съѣзда нефтепромышленниковъ въ Баку 1898 г.

[2]) „Труды“ 16-го съѣзда, докладъ о ненормальномъ положеніи экспорта керосина.

Вестлеръ и Вехтеръ (24—28%) и др. М. Паппе сообщилъ, кстати, что стоило большого труда добиться отъ правительства разрѣшенія поставить вопросъ о «Consolidated C°» въ программу съѣзда. Конецъ этой исторіи характеренъ: промышленники просили правительство взять ихъ подъ свою опеку и включить ихъ всѣхъ въ синдикатъ. Но Нобель, Ротшильдъ и Манташевъ не хотѣли общаго синдиката,—и правительство противъ нихъ не пошло.

Большой организованностью отличаются *«съѣзды горнопромышленниковъ Царства Польскаго»*, дѣйствующіе на основаніи утвержденнаго 14 мая 1882 г. положенія комитета министровъ. Эти съѣзды съ 1883 года собираются въ Варшавѣ разъ въ 2—3 года (между II и III съѣздами прошло больше 7 лѣтъ), 2-ой съѣздъ выбираетъ уже уполномоченныхъ, а 3-й—совѣтъ съѣздовъ. Число участвующихъ въ съѣздахъ членовъ—около 30—40 съ 150—200 голосами. Въ составѣ членовъ углепромышленники доминируютъ надъ желѣзозаводчиками. Благодаря сравнительно небольшому числу и значительной организованности, члены часто выступаютъ на съѣздѣ группами,—каждая съ готовой докладной запиской, проектами ходатайствъ и пр. Каждая группа интересовъ обыкновенно не скрываетъ своей особности, и ораторы такъ и заявляютъ: «отъ имени такой-то категоріи промышленниковъ» и пр.

Заботы и ходатайства польскихъ горнопромышленныхъ съѣздовъ таковы же, какъ и у южныхъ горнопромышленниковъ. Объ осуществленіи ходатайствъ заботятся члены Совѣта, изъ которыхъ одинъ живетъ постоянно въ Петербургѣ [1]). Одна нотка особенно часто слышится въ рѣчахъ на съѣздахъ: жалобы на конкурренцію со стороны копей и заводовъ сосѣдней Силезіи.

Когда въ концѣ 1899 года возникъ въ польскомъ краѣ угольный кризисъ, цѣна угля поднялась до 25 к. за пудъ и слышались стоны мерзнущаго населенія Варшавы, засѣдавшему тогда 5-му съѣзду пришлось заняться этимъ вопросомъ. В. Жуковскій констатировалъ, что «наша углепромышленность фигурировала повсюду въ качествѣ подсудимаго» [2]) и въ то же время негодовалъ по поводу того, что для Варшавы правительство допустило безпошлинный привозъ угля на 1 годъ. Жуковскій и Грабинскій (докладчики) искали виновника угольнаго кризиса—и находили его... въ торговомъ договорѣ съ Германіей 1894 г. [3]).

По недостатку мѣста отмѣтимъ только фактъ существованія другихъ, менѣе вліятельныхъ организацій: съѣзды *уральскихъ горнопромышленниковъ* (съ 1880 г.) *металлозаводчиковъ* сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ (съ 1902 г.), мукомоловъ (съ 1886 г.) марганцевой промышленности (съ 1896 г.), синдикаты винокуровъ и сахарозаводчиковъ и т. д.

---

[1]) Одинъ членъ Совѣта участвуетъ въ съѣздахъ южныхъ горнопромышленниковъ. Тѣ, въ обмѣнъ, присылаютъ своего представителя на съѣзды въ Варшаву.

[2]) „Труды“ 5-го с., т. II, стр. 27.

[3]) „Труды“, т. I, стр. 158.

VI. Всероссійскіе торговопромышленные съѣзды.

Общероссійскіе съѣзды въ дореволюціонный періодъ не имѣли подъ собою солидной почвы: они имѣли мѣсто тогда, когда еще не существовало болѣе или менѣе солидныхъ организацій на мѣстахъ. А въ первое время (70-е и 80-е годы) промышленная среда представляла почти аморфную массу, притомъ съ невысокимъ культурнымъ уровнемъ. Если общероссійскіе съѣзды представителей капитала все таки созывались въ этотъ періодъ, то отчасти по иниціативѣ правительственной власти, которой важно было опредѣленнѣе знать положеніе и настроеніе промышленныхъ сферъ, отчасти же по иниціативѣ нарождавшейся категоріи интеллигенціи, близко стоящей къ промышленности по своему положенію (инженеры, профессора техническихъ школъ и пр.) и ранѣе самихъ промышленниковъ почувствовавшей потребность выдвинуть и обсудить много вопросовъ. При такихъ условіяхъ понятно, что съѣзды эти были далеки отъ выраженія классовой позиціи крупной буржуазіи. На нихъ сплошь да рядомъ численно преобладали не только указанные элементы (инженеры, профессора), но и болѣе разнородные круги общества: представители земствъ, ученыхъ обществъ, кооперативовъ, статистики и пр. Присутствовавшіе промышленники оказывались на этихъ съѣздахъ въ непривычной обстановкѣ, въ пестрой средѣ разнородныхъ, иногда прямо враждебныхъ имъ элементовъ. Неизбѣжна были полемика, иногда острая борьба между обоими лагерями.

Въ общемъ съѣзды носили неопредѣленный, неяркій характеръ, а резолюціи съѣздовъ не могли представлять стройной системы вожделѣній опредѣленнаго общественнаго класса. При всемъ томъ, дебаты на съѣздахъ этихъ даютъ любопытный матеріалъ для характеристики промышленныхъ дѣятелей соотвѣтствующаго періода.

Первый съѣздъ этого рода—1870 г.—носитъ и соотвѣтствующее названіе: «1-ый всероссійскій съѣздъ фабрикантовъ, заводчиковъ *и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью*». Состоялся онъ въ Петербургѣ 18-го мая—16-го іюня, во время всероссійской мануфактурной выставки, по иниціативѣ Императ. Техн. Общ. и Общ. для сод. русск. пром. и торговлѣ. Собралось на съѣздъ 428 членовъ.

Съѣздъ былъ слабо организованъ, не было докладовъ. Состоялось 2 общихъ собранія съѣзда, а его 6 отдѣленій имѣли 17 засѣданій. Въ общемъ принято 20 резолюцій. Засѣданія не отличались многолюдствомъ. На засѣданіи, напр., 5-го отдѣла (26-го мая) было всего 20 человѣкъ, и они «въ простой, дружеской бесѣдѣ» [1]) обсуждали вопросъ о распространеніи употребленія хлопка.

На первомъ общемъ собраніи В. Вешняковъ указалъ на то, что съ паденіемъ системы полицейскаго государства и съ провозглашеніемъ начала свободы промышленности, послѣдняя «почувствовала потребность въ самопознаніи, въ уясненіи самой себѣ своихъ нуждъ». На дѣлѣ промышленники этой потребности въ то время еще не сознали, конечно, а это лишь подсказывалось имъ Вешня-

[1]) „Голосъ“ № 146 отъ 28-го мая 1870 г.

ковымъ [1]) и другими, внѣ промышленной среды стоящими, лицами. Что это такъ, доказываетъ тотъ фактъ, что и на самомъ съѣздѣ промышленники были весьма слабо представлены, какъ это было официально констатировано тутъ же [2]).

Приняты съѣздомъ резолюціи объ изслѣдованіи рабочаго вопроса, объ опредѣленіи правъ артелей и пр. Одна резолюція намѣтила слѣдующій съѣздъ на 1872 г.

Осуществленіе этого желанія, однако, опоздало на 10 лѣтъ: съѣздовъ не было до 1882 года; зато въ этомъ году ихъ состоялось сразу *два*, и оба въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что тѣ два общества (Общество содѣйствія и Технич.), которыя сообща созвали съѣздъ 1870 г., на этотъ разъ не сѣлись и организовали каждое *свой* съѣздъ одновременно съ всероссійской выставкой въ Москвѣ.

Первый по времени и значенію—съѣздъ Общества содѣйствія, открывшійся 1-го іюля. Записалось въ члены 257 чел., меньше чѣмъ въ 1870 г. Но съѣздъ 1882 г. былъ на дѣлѣ многолюднѣе, содержательнѣе, чѣмъ первый. На немъ гораздо сильнѣе была представлена промышленная буржуазія, хотя она всетаки осталась и здѣсь въ меньшинствѣ: надъ нею доминировали, по численности, профессора, земцы, статистики, литераторы и пр. интеллигенція. Съѣздъ на этотъ разъ былъ лучше организованъ, правильно раздѣленъ на отдѣлы, куда были представлены различные доклады. Въ 7 отдѣлахъ подлежали обсужденію 36 вопросовъ.

Изъ обсуждавшихся вопросовъ больше всѣхъ вниманія привлекли къ себѣ вопросы о протекціонизмѣ вообще и о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя орудія въ частности.

Въ отличіе отъ съѣзда 1870 г., проявившаго умѣренно протекціонистскую тенденцію, 2-ой съѣздъ стоялъ въ общемъ уже на почвѣ рѣшительнаго протекціонизма—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ промышленной среды. Представители каждой отрасли требовали себѣ повышенныхъ таможенныхъ ставокъ, и только объ этомъ говорили ихъ доклады. Говорили горячо, съ увлеченіемъ. Особенно настаивали на необходимости установить твердую *систему* покровительства и держаться ея неуклонно (имѣлось въ виду введенное въ 1877 г. общее повышеніе ставокъ на 30%, послѣдовавшее послѣ долголѣтнихъ колебаній). Появившійся тутъ впервые на всеросс. съѣздѣ Крестовниковъ, отстаивая эту мысль, увлекся даже до протеста противъ «желаній, часто исходящихъ свыше, погубившихъ цѣлыя отрасли промышленности», такъ какъ «одинъ почеркъ пера изъ Петербурга можетъ уничтожить производство».

По вопросу о пошлинахъ на сельскохозяйственныя орудія борьба кончилась побѣдой (большинствомъ 2 голосовъ) противниковъ этихъ пошлинъ. Это вызвало негодованіе промышленниковъ, заявлявшихъ, что членами съѣздовъ должны быть только «практики», «производители и продавцы, но не чиновники».

Менѣе интересенъ былъ другой съѣздъ, засѣдавшій въ томъ же 1882 г. въ Москвѣ. Онъ носилъ официальное названіе: «Общій съѣздъ членовъ Импе-

---

[1]) Вешняковъ былъ вице-директоромъ департ. сельск. хозяйства м. г. им.

[2]) „Наиболѣе безучастными остались сами фабриканты и заводчики. Они, къ общему нашему удивленію и сожалѣнію, блистали своимъ отсутствіемъ". (Изъ рѣчи Полетики при закрытіи съѣзда).

раторскаго Русскаго-Техническаго Общества съ участіемъ главныхъ въ отечественной промышленности дѣятелей». Въ немъ участвовало значительно меньше промышленниковъ; только южные горнопромышленники отстаивали здѣсь свою позицію (они уже тогда отличались активностью). Сами члены и докладчики съѣзда открыто признавали его неудачнымъ. Причина, конечно, въ embarras de richesses—одновременности двухъ всеросс. торгово-промышл. съѣздовъ. Многіе докладчики не представили обѣщанныхъ докладовъ, ибо сдѣлали это уже на съѣздѣ общества содѣйствія.

Главнѣйшія резолюціи въ общемъ копировали резолюціи съѣзда Общества содѣйствія.

Всероссійскій торгово-промышленный *съѣздъ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ* представляетъ во многихъ отношеніяхъ иную картину, чѣмъ его предшественники въ 1870 и 1882 годахъ. Съѣздъ и выставка 1896 года прошли подъ знакомъ полнаго торжества промышленной буржуазіи въ Россіи. Промышленная жизнь къ тому времени шла полнымъ ходомъ. Желѣзнодорожное строительство не знало удержу. Казенные заказы сыпались, какъ изъ рога изобилія. Промышленное и банковое грюндерство расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ. На дальнемъ востокѣ открывались блестящія перспективы для колоніальныхъ замысловъ. Международный престижъ Россіи, а стало быть и фонды русскаго капитала стояли высоко. Во главѣ министерства финансовъ стоялъ «самъ» Витте. Имъ уже былъ формулированъ и провозглашенъ лозунгъ созданія національной промышленности. «Живое общеніе» государственной власти съ представителями капитала сдѣлалось основой политики правительства. Крупная буржуазія имѣла уже свою «Великую Хартію» свободы обогащенія—таможенный тарифъ 1891 г.; въ выработкѣ этой хартіи сама же буржуазія участвовала весьма активно.

Словомъ, россійская буржуазія стояла въ зенитѣ своей силы, своихъ успѣховъ. Этотъ расцвѣтъ промышленной буржуазіи особенно рельефно выступалъ на фонѣ полнаго оскудѣнія дворянско-землевладѣльческой среды. Буржуазія чувствовала себя хозяиномъ положенія. Это чувство нашло свое отраженіе именно въ связи съ нижегородской выставкой и съѣздомъ. За мѣсяцъ до открытія съѣзда, въ самый разгаръ выставки появился знаменательный въ своемъ родѣ манифестъ буржуазіи въ «Волгарѣ»—органѣ волжскихъ судоходчиковъ.

«Всероссійское купечество дѣятельно готовится къ встрѣчѣ Царя на Нижегородск. ярмаркѣ—гласилъ манифестъ.—Это будетъ первый въ исторіи случай такого всероссійскаго чествованія Царя купечествомъ, составляющимъ нынѣ *оплотъ* торговаго и промышленнаго могущества Россіи». Указавъ на то, что въ рядахъ купечества теперь имѣется масса европейски образованныхъ людей, изъ которыхъ *многіе занимаютъ важныя мѣста* въ административныхъ и *высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ*, «Волгарь» продолжаетъ: «Становясь въ ближайшее общеніе съ народомъ, составляя его наиболѣе крѣпкую часть, купечество *наиболѣе всѣхъ другихъ сословій сохранило въ себѣ самобытный русскій духъ* [1]), и національныя чувства нигдѣ не проявляются съ такой силой, увѣренностью и широтой, какъ въ этомъ сословіи. Оно *единственно*

[1]) Похоже на намекъ на европейскій либерализмъ дворянъ-земцевъ?

сильное въ наше время и своей зажиточностью. Оно все можетъ... И вотъ это то русское, *не измѣнившее завѣтамъ предковъ*, сословіе, привыкшее горячо и беззавѣтно любить Россію *со всѣмъ, что въ ней есть хорошаго и худого*... русское купечество покажетъ, на гордость цѣлой Россіи, что представляетъ изъ себя это сословіе и *какую опору въ немъ имѣетъ государство*... Впервые еще купеческія дѣти изъ московскаго и нижегородскаго родовитаго купечества готовятся представить изъ себя почетную охрану [1]) при Особѣ Государя, *какъ встарь дѣти дворянскія* (!) служили своимъ Государямъ... Вездѣ купечество занимаетъ *часть* мѣста въ рядахъ прочихъ сословій, принимающихъ Царя. Здѣсь же *все это мѣсто принадлежитъ одному купечеству*. Нижегородская ярмарка—вполнѣ купеческій городъ, и всѣ остальныя сословія—здѣсь *гости*. *Вотъ почему* будетъ *особенно знаменательно* чествованіе Царя на Нижегородской ярмаркѣ» [2]).

Этотъ манифестъ, отливающій всѣми красками специфической формы классоваго самосознанія россійскаго капитала въ дореволюціонный періодъ, показываетъ, съ какимъ настроеніемъ представители капитала шли на свой торгово-промышленный съѣздъ. Съѣздъ *не* соотвѣтствовалъ этому настроенію, ибо онъ для промышленниковъ оказался *не своимъ*,—тѣмъ сильнѣе были ихъ негодованіе и протестъ.

Съѣздъ 1896 года былъ торгово-промышленнымъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ его предшественники. Промышленники были на немъ сильно представлены. Но еще многочисленнѣе было представительство элементовъ, стоящихъ внѣ промышленной среды, а то и прямо ей враждебныхъ.

Изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ 700 чел. (записалось еще больше—1.100 чел.) было уже большое число промышленниковъ. Представлены были: Совѣтъ торговли и мануфактуръ, моск. его отдѣленіе, 10 комитетовъ торговли и мануф. крупнѣйшихъ городовъ, множество биржевыхъ и ярмарочныхъ комитетовъ, Отдѣлы Общества содѣйствія, Совѣты съѣздовъ различныхъ группъ промышленниковъ и пр. Но наряду съ ними были представлены и иные элементы: Вольно-экономич. Общество, Моск. юридич. Общество, цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ обществъ, высшихъ учебныхъ заведеній, земствъ, потребительныхъ обществъ и пр. Отъ одного только московскаго сельско-хозяйственнаго общества на съѣздѣ было 34 человѣка; 48 потребительныхъ обществъ было представлено 74 членами съѣзда. Въ результатѣ промышленники оказались численно подавленными. Поскольку возможенъ подсчетъ по даннымъ, приведеннымъ въ 8-томныхъ «Трудахъ» съѣзда, отношеніе числа промышленниковъ къ другому лагерю было приблизительно 3 : 4.

Все вело къ тому, чтобы разыгралась битва между двумя лагерями. Если

---

[1]) Тотъ же „Волгарь" сообщаетъ: „17-го іюля 1896 года при посѣщеніи выставки Ихъ Величествами, у главнаго входа въ центральное зданіе стоялъ небольшой *отрядъ рынд*, одѣтыхъ въ красивые оригинальные бѣлые костюмы съ сѣкирами на плечахъ". Отрядъ изъ 27 чел. составляли сыновья именитаго купечества: 17 москвичей (Морозовы, Якунчиковы, Мамонтовы, Рябушинскіе и др.) и 10 нижегородцевъ (Башкировы, Чесноковы и др.).

[2]) „Волгарь" № 184 отъ 6-го іюля 1896 г.

промышленники явились съ полнымъ сознаніемъ своей силы и успѣховъ, то элементы, склонные защищать интересы землевладѣльцевъ и рядового крестьянства, явились на съѣздъ недовольные, обозленные, съ рѣшимостью энергично протестовать. Надо помнить, что это былъ первый торгово-промышленный съѣздъ послѣ введенія таможенной пошлины на сельскохозяйственныя орудія [1]). Борьба между обоими лагерями должна была разгорѣться,—и она началась скоро послѣ открытія съѣзда (4-го августа).

Конфликтъ начался на почвѣ вопроса о пониженіи пошлинъ на суперфосфаты. Крестовниковъ велъ дѣло къ тому, чтобы устранить этотъ вопросъ вовсе. Другой лагерь запротестовалъ и тотчасъ поднялъ вопросъ на общую, принципіальную высоту, требуя вниманія къ интересамъ сельскаго хозяйства. «Но здѣсь вовсе не сельскохозяйственный съѣздъ, а торгово-промышленный»!— восклицаетъ Крестовниковъ. «Здѣсь—вмѣшивается профессоръ Ходскій—съѣздъ представителей различныхъ отраслей промышленности, въ томъ числѣ и сельскохозяйственной; поэтому интересы послѣдней имѣютъ никакъ не меньше права на вниманіе съѣзда, какъ и интересы другихъ отраслей промышленности». Виленскій помѣщикъ Е. Ковалевскій поднимаетъ вопросъ: сельскохозяйственное ли государство Россія, и заявляетъ между прочимъ: «Мы не Бельгія... *Мы земледѣльцы* (!), для которыхъ сельскохоз. вопросы получаютъ преобладающее значеніе» [2]).

«Нечего намъ много говорить—категорически заявилъ Д. Менделѣевъ—о томъ, земледѣльческая ли исключительно страна Россія или же земледѣльческая и промышленная... Слышать здѣсь такія предложенія... о пониженіи пошлины на сѣрную кислоту, *ужасно странно*, потому что это значило бы нарушить всю нашу систему» [3]).

Еще горячѣе пошла борьба, когда перешли къ коренному вопросу о пониженіи пошлинъ на сельскохоз. орудія. Оба лагеря вели борьбу дружно подъ предводительствомъ своихъ лидеровъ—Менделѣева и Ходскаго. Въ общемъ, большую организованность, энергію и ловкость проявили промышленники. Они представили по этому вопросу 6 докладовъ (а противный лагерь только 2). Они приводили множество выкладокъ и выставили, кромѣ заводчиковъ земледѣльч. орудій, такихъ 2 видныхъ ораторовъ, какъ Менделѣевъ и Авдаковъ

Но все было напрасно: Послѣ продолжительныхъ и крайне интересныхъ преній, послѣ отчаянной борьбы сторонъ, вопросъ былъ рѣшенъ численнымъ перевѣсомъ. Изъ двухъ предложенныхъ резолюцій (Ходскаго и Менделѣева) первая получила въ комиссіи 52 голоса, вторая—44. Въ виду разногласія вопросъ былъ перенесенъ на общее засѣданіе съѣзда: тамъ пораженіе промышленниковъ было еще рельефнѣе: резолюція Ходскаго была принята 140 голосами противъ

---

[1]) Остававшійся долгое время послѣ усиленія протекціонизма безпошлиннымъ, ввозъ сельскохоз. орудій былъ прекращенъ въ 1885 г. Была установлена пошлина въ 50 к. съ пуда, затѣмъ дошедшая до максимума 85 к.; но при введеніи тарифа 1891 г., а затѣмъ договора съ Германіей, пошлина ко времени съѣзда опять понижена до 50 к.

[2]) Труды т. 8-ой, стр. 24—25.

[3]) Тамъ же, стр. 26, 29.

63 голосовъ, поданныхъ за резолюцію Менделѣева (несмотря на то, что предсѣдатель Тимирязевъ явно тянулъ сторону промышленниковъ).

Потерпѣвъ пораженіе на съѣздѣ, промышленники искали защиты тамъ, гдѣ они привыкли находить ее—у правительства. Наканунѣ закрытія съѣзда ярмарочное купечество чествовало Витте обѣдомъ. Здѣсь Морозовъ далъ волю купеческому гнѣву въ застольной рѣчи: «Болѣе 6 лѣтъ тому назадъ—говорилъ С. Морозовъ—одинъ изъ лучшихъ министровъ не только Россіи, но и всего міра [1]), въ этомъ самомъ залѣ оповѣстилъ всероссійское купеч. о Монаршей милости, выразившейся въ общемъ увеличеніи пошлинъ на 20%... Съ того времени сошло со сцены много лицъ, сошелъ и Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій, нашедшій себѣ достойнаго преемника въ С. Ю. Витте... И вотъ теперь, когда передъ лицомъ всей Европы мы имѣемъ свидѣтельство нашего роста [2]), мы встрѣчаемся съ постановленіемъ... съѣзда, протестовавшаго противъ этихъ мѣръ. Не стану говорить о томъ, что съѣздъ *не имѣетъ особаго кредита* [3]), такъ какъ для этого *нуженъ особый составъ его*. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чѣмъ рискнемъ кому нибудь оказать кредитъ. Будемъ же твердо вѣрить, что въ лицѣ С. Ю. Витте неизмѣнно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, мы будемъ имѣть такого же поборника русской промышленности, какимъ его видѣли до сихъ поръ [4]).

Само собою разумѣется, что Витте поспѣшилъ успокоить взволнованныхъ представителей отеч. промышленности. Въ своей отвѣтной рѣчи, путанной и полной странныхъ противорѣчій, онъ все таки постарался увѣрить промышленниковъ, что именно оно «имѣетъ особый кредитъ» у правительства: „*Выводы* съѣзда имѣли для меня не скажу никакой, но крайне ничтожную цѣну. Для меня лично и для правительства будетъ интересно, однако, что по этимъ вопросамъ сказано на съѣздѣ и *кто* сказалъ, это очень существенно, такъ какъ на съѣздѣ было не мало образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ, а 1.000 ли человѣкъ сказали это или 10—для меня безразлично, такъ какъ 10 чел. могутъ сказать умное, а 1.000—неразумное. *Первое будетъ принято, а второе нѣтъ*. Вотъ каково мое отношеніе къ съѣзду» [5]).

На съѣздѣ большинство членовъ высказалось противъ увеличенія пошлинъ на хлопокъ и взрывчатыя вещества, за отмѣну 175-ой статьи таможеннаго тарифа, воспрещающей ввозъ въ Россію судовъ дальняго плаванія, противъ уничтоженія порто-франко на Амурѣ и т. д.

По рабочему вопросу обсуждался вопросъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и большинство высказалось за государственное страхованіе. Доклады Алянчикова, Стульчинскаго и др. о продолжительности раб. дня, о праздничн. отдыхѣ и пр. вовсе не обсуждались съѣздомъ.

---

[1]) Вышнеградскій.

[2]) Выставка.

[3]) «Волгарь» (№ 226) иначе передаетъ это мѣсто рѣчи: «Съѣздъ неаккредитированъ для того, чтобъ разсматривать такіе вопросы, скажу, что самое время, въ какое засѣдаетъ съѣздъ, меньше всего соотвѣтствуетъ такимъ его рѣшеніямъ».

[4]) „Нижегородскій Листокъ“, № 226 отъ 17-го августа.

[5]) Тамъ же

Финалъ всероссійскаго нижегородскаго съѣзда, созваннаго самимъ правительствомъ, надо думать, далъ урокъ его устроителямъ. По крайней мѣрѣ послѣ него больше не было всероссійскихъ торгово-промышленныхъ съѣздовъ,—вплоть до новаго періода, начавшагося послѣ революціонной бури 1905 года.

VII.

Навязывается вопросъ: неужели же промышленная буржуазія сохраняла изображенныя выше черты вплоть до самаго взрыва революціонной бури? Несомнѣнно да, поскольку рѣчь идетъ о классѣ въ общемъ.

По крайней мѣрѣ нѣтъ *фактовъ*, которые бы показывали, что *въ сознаніи и дѣйствіяхъ* промышленной буржуазіи въ дореволюціонный періодъ отражалась очередная задача политическаго раскрѣпощенія Россіи. И это—несмотря на то, что отмѣченныя выше новыя обстоятельства (прекращеніе казенныхъ заказовъ, зубатовщина, «рабочелюбіе» бюрократіи и пр.) все больше подготовляли *объективныя* условія для нарушенія установившейся entente cordiale между капиталомъ и властью.

Укажемъ тѣ немногіе случаи, когда въ головы промышленниковъ проникалъ хоть нѣкоторый элементъ болѣе широкаго пониманія своихъ политическихъ интересовъ. Мы уже цитировали «Исповѣдь наболѣвшаго сердца», которую «видный фабрикантъ» напечаталъ на страницахъ «Промышленнаго Міра». «Право, освѣжить воздухъ необходимо», заявлялъ авторъ. Указывая на «китайскую стѣну запретительныхъ ставокъ», онъ писалъ: «Но вѣдь, за этой китайской стѣной всѣмъ стало тѣсно!» Далѣе онъ говоритъ: «пошлины наряду со многими другими условіями уже обсосали обывателя такъ, что приходится вспомнить басню о курицѣ, несущей золотыя яйца» [1]).

«Исповѣдь» виднаго фабриканта вызвала цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ фабрикантами въ томъ же журналѣ. Всѣ они поддерживали автора исповѣди въ его смутномъ исканіи выхода. Среди прочихъ высказался и «князь В. А—скій», занимающійся также промышленными дѣлами. Онъ уже говоритъ опредѣленнѣе: «Нужно подымать *всѣ* условія жизни въ Россіи,—тогда будутъ у насъ и промышленность и торговля... Успѣхи промышленности являются продуктомъ прогресса во всѣхъ областяхъ жизни частной, общественной, *правовой и государственной*. Въ противномъ случаѣ пришлось бы придти къ тому заключенію, что въ Турціи и Персіи промышленность и торговля могутъ развиваться съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ онѣ развиваются въ Англіи и Германіи... Словомъ, дайте мнѣ точныя свѣдѣнія о положеніи промышленности и торговли въ какой либо странѣ въ извѣстную эпоху,—и я вамъ скажу, каковы были въ той же странѣ и въ ту же эпоху *политическіе, правовые и общественные порядки*» [2])...

Но мало того, что эти голоса были робки и одиноки; они, кромѣ того, почти всѣ еще носили знакомый намъ специфическій характеръ: жалобы на плохія дѣла свои и ожиданія помощи свыше. «Нужно снять пошлины на пред-

[1]) „Пром. Міръ“, № 46.

[2]) „Промышленный Міръ“, № 48 за 1900 г.

меты, необходимые для хлопчатобумажнаго производства, для оборудованія фабрикъ»—восклицаетъ авторъ «Исповѣди», *видный фабрикантъ*, этимъ обнаруживая, что онъ не только видный, но, кромѣ того, *хлопчатобумажный* фабрикантъ. Реагировавшій на «исповѣдь» «харьковскій купецъ» съ ужасомъ констатируетъ, что «обыватель уже увернулся отъ пошлинъ, (отказываясь отъ покупки дорогихъ продуктовъ промышленности. А. Е.), такъ что снятіе ихъ, пожалуй, оживило бы отечественную торговлю и промышл.» [1]). А философія другого автора («Довѣреннаго торговаго дома въ Москвѣ») еще проще и обнаженнѣе: «А все это идетъ отъ того, что покупатель переводится, и каждый норовитъ обойтись безъ вашего товара или купить что либо дешевенькое, да поменьше» [2]).

Такова была промышленная буржуазія еще въ началѣ XX вѣка... Такой узостью отличался ея политическій кругозоръ, начиная съ провинціальныхъ фабрикантовъ и кончая, напримѣръ, выдающимся идеологомъ промышленной буржуазіи (и сыномъ заводчицы) Д. И. Менделѣевымъ [3]).

Очевидно, необходимы были очень ужъ крупныя, ошарашивающія событія, чтобы промышленная буржуазія прониклась болѣе современными политическими взглядами. Правильно говорилъ С. Морозовъ въ 1896 г. на обѣдѣ въ честь Витте: «*Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чѣмъ рискнемъ кому-нибудь оказать кредитъ*». Старый режимъ давно имѣлъ прочный кредитъ у промышленнаго класса. Чтобы политическая оппозиція проникла черезъ всѣ наслоенія прошлаго въ классъ промышленниковъ, необходимо было, чтобы выдающіяся событія совсѣмъ подорвали «кредитъ» стараго порядка.

Это условіе и наступило въ знаменитые дни 1905 г.

А. Ермансій.

---

[1]) „Промышленный міръ“, № 48 за 1900 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) См. его книгу „Завѣтныя мысли“, писанную въ 1904—1905 гг.

З. ЛЕНСКІЙ.

Національное движеніе.

I.

Національный моментъ въ россійской революціи, т. е. борьба за *національныя* права со стороны многочисленныхъ народностей, населяющихъ Россійскую Имперію—играетъ весьма серьезную роль. Онъ важенъ не только какъ лишній штрихъ въ общей картинѣ, но и какъ крайне существенный элементъ самого процесса революціи и контръ-революціи. Національное самоопредѣленіе въ той или другой формѣ было не только лозунгомъ угнетенныхъ народностей, находящихся подъ прессомъ исключительныхъ и ограничительныхъ законовъ, но получило также острое значеніе въ политической жизни господствующаго великорусскаго племени. То или другое отношеніе къ національнымъ правамъ окраинъ послужило разграничительной чертой между партійно-политическими теченіями въ центрѣ Россіи.

Россійская имперія является, по нѣмецкой терминологіи, не Nationalstaat но Nationalitätenstaat, т. е. государствомъ, смѣшаннымъ по національному составу. Господствующее великорусское племя составляетъ 43,3%, а вмѣстѣ съ родственными бѣлоруссами и малороссами 65,5% [1]). Большинство прочихъ народностей занимаетъ окраины государства, присоединенныя къ нему въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ. Ассимилированіе этихъ окраинъ, болѣе тѣсное, «органическое» сліяніе ихъ съ центромъ, стало одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики русскаго правительства. Въ различныя эпохи указанная задача различно и разрѣшалась. Притомъ по отношенію далеко не ко всѣмъ окраинамъ и народностямъ, ихъ населяющимъ, правительство прибѣгало къ одинаковымъ средствамъ. Это зависѣло отъ цѣлаго ряда историческихъ условій, различныхъ для Царства Польскаго, Кавказа, Остзейскихъ провинцій и т. д.

Въ каждой изъ окраинъ издавна живетъ, по большей части, бокъ-о-бокъ нѣсколько національностей: въ Царствѣ Польскомъ—поляки, евреи и нѣмцы;

---

[1]) По переписи 1897 г.

въ Остзейскихъ провинціяхъ—нѣмцы, латыши и эстонцы, въ сѣверо-западномъ краѣ—поляки, бѣлорусы, литовцы и евреи, на Кавказѣ—армяне, грузины, русскіе и татары и т. д. Русское правительство, въ видахъ укрѣпленія «государственнаго единства» имперіи, направляло, главнымъ образомъ, свою политику ассимиляціи противъ тѣхъ народностей окраинъ, которыя, въ силу ли историческихъ традицій или экономическихъ условій, занимали въ нихъ господствующее положеніе, считая ихъ носителями идеи сепаратизма и политической автономіи окраинъ. Но въ то же время дѣло усложнялось и запутывалось благодаря тѣмъ треніямъ и національной борьбѣ, которыя происходятъ на мѣстахъ совсѣмъ или отчасти независимо отъ политики русской бюрократіи.

Ростъ національнаго движенія въ Россіи среди различныхъ народностей за послѣднія 20—30 лѣтъ объясняется, въ одной стороны, политикой обрусенія и исключительныхъ законовъ со стороны русскаго правительства, съ другой—условіями внутренняго развитія окраинъ и взаимоотношенія національностей. Эти два фактора часто связаны другъ съ другомъ, переплетаются между собою, а потому и въ изложеніи нашемъ мы не всегда будемъ ихъ разграничивать между собою.

Раньше, чѣмъ въ другихъ окраинахъ, политика денаціонализированія началась по отношенію къ Царству Польскому и полякамъ сѣверо-западнаго края. Еще въ царствованіе Николая I, послѣ польскаго возстанія 1830—31 гг., намѣчена была русскимъ правительствомъ цѣлая система мѣропріятій, которыя сводились всѣ къ тому, чтобы подчинить Царство Польское въ смыслѣ управленія общеимперскимъ учрежденіямъ, а въ литовскихъ губерніяхъ насильственно насаждать православіе.

Послѣ возстанія 1863 г. открылась новая эра въ дѣлѣ насильственнаго водворенія русскаго языка во всѣхъ областяхъ государственной жизни и вытѣсненія мѣстнаго элемента по возможности изъ всѣхъ сферъ публичной дѣятельности. Въ первоначальные планы руководителя всѣхъ правительственныхъ реформъ, проводившихся въ Царствѣ Польскомъ послѣ подавленія возстанія, Н. А. Милютина, не входила руссификація края, но внутренняя логика Милютинскаго псевдо-демократизма, окрашеннаго въ славянофильскій цвѣтъ, естественно привела къ тому, что чуждый краю русскій чиновникъ сдѣлался господиномъ положенія. И годы, послѣдовавшіе за возстаніемъ, были употреблены на то, чтобы уничтожить остатки той административной автономіи, которая была установлена маркизомъ Вѣлепольскимъ, и на вытѣсненіе польскаго языка изъ дѣлопроизводства въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а также изъ школы.

Въ Высочайшемъ указѣ 19 февраля 1875 г. подводятся, такъ сказать, предварительные итоги 10-лѣтней дѣятельности правительства въ Царствѣ Польскомъ, причемъ какъ цѣль всѣхъ предпринятыхъ преобразованій подчеркивается «достиженіе болѣе полнаго органическаго сліянія и объединенія съ прочими частями государства». Но «органическое сліяніе» не понималось, какъ распространеніе на Царство Польское всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя были введены въ «эпоху великихъ реформъ» въ коренной Россіи. Идея государственнаго объединенія и органическаго сліянія прекрасно уживалась въ умахъ властвующей

петербургской бюрократіи съ лишеніемъ окраинъ вообще и Царства Польскаго въ частности цѣлаго ряда учрежденій, ставшихъ составною частью государственнаго и административнаго механизма въ центральныхъ губерніяхъ. Городское и земское самоуправленіе, равно какъ и судъ присяжныхъ, не были введены въ Царствѣ Польскомъ исключительно въ силу политическихъ соображеній, такъ какъ правительство не хотѣло дать ни малѣйшей возможности польскому дворянству и польской интеллигенціи проявлять себя какъ общественной и культурной силѣ. Самоуправленіе было дано только польскимъ крестьянамъ опять-таки по узко-политическимъ соображеніямъ: Милютинъ и его подвижники (Самаринъ, Черкасскій и др.) хотѣли выдвинуть на сцену гражданской жизни въ противовѣсъ патріотической польской шляхтѣ и патріотическому мѣщанству— крестьянство. На основѣ матеріально обезпеченнаго и самоуправляющагося польскаго крестьянства должно было быть воздвигнуто зданіе русскаго владычества въ Польшѣ.

Фактически, однако, гминное самоуправленіе сдѣлалось пустой фикціей, ибо уѣздный начальникъ и земскіе стражники получили въ немъ руководящую и дискреціонную власть, все дѣлопроизводство въ гминѣ, вопреки первоначальнымъ замысламъ Милютина, стало вестись на русскомъ языкѣ. Польская начальная школа—не говоря уже о среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ— вопреки буквѣ и духу раскрипта Александра II въ 1864 г., превращена была «въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей», вытравленія изъ воспитанниковъ любви и привязанности ко всему родному.

То же польское возстаніе 1863 г. было причиною, почему сѣверо и юго-западный край были лишены земскаго самоуправленія. Причастность польскихъ землевладѣльцевъ литовскихъ и украинскихъ губерній къ возстанію поставила огромную культурную и густо населенную часть Имперіи подъ дѣйствіе исключительныхъ законовъ. Но въ то время, какъ отъ отсутствія земскихъ учрежденій пришлось въ одинаковой степени страдать всему населенію этихъ окраинъ, полякамъ пришлось расплачиваться за возстаніе особенно тяжело. Помимо самого безпощаднаго гоненія на польскій языкъ, помимо изгнанія всѣхъ поляковъ съ государственной службы, лицамъ польскаго происхожденія запрещено было Высочайшимъ повелѣніемъ 10 декабря 1865 г. пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ 9 западныхъ губерніяхъ. И это повелѣніе исполнялось настолько усердно, что не только поляки-помѣщики, но также бѣлорусскіе и литовскіе крестьяне, если они были католики, сплошь и рядомъ подвергались со стороны мѣстныхъ властей многочисленнымъ стѣсненіямъ при покупкѣ земель.

Ко времени вступленія на престолъ Александра III система обрусительной политики по отношенію къ Царству Польскому и западнымъ губерніямъ была вполнѣ закончена. Самое большее, что оставалось дѣлать новому правительству, это—идти дальше по тому пути, который былъ намѣченъ раньше. Но теперь система обрусенія и ограничительныхъ законовъ сдѣлалась составной и основной частью правительственной политики по отношенію ко *всѣмъ* вообще окраинамъ и нерусскимъ національностямъ. Въ прежнее время обрусительная политика питалась призракомъ 1831 г. и 1863 г., теперь—этотъ мотивъ государственной самообороны уступилъ мѣсто открыто провозглашенному принципу:

Россія для русскихъ! Въ переводѣ на языкъ государственной практики это означало—Россія для русскаго чиновника!

Создался спеціальный типъ русскаго администратора и чиновника, проводящаго правительственные виды «органическаго сліянія» на окраинахъ, и если первоначально русскій чиновникъ въ Польшѣ, въ Остзейскихъ провинціяхъ, на Кавказѣ былъ лишь исполнителемъ предначертаній, идущихъ изъ центра, то теперь онъ сдѣлался главнымъ возбудителемъ окраинной политики. По мѣрѣ того, какъ численно возрастала эта армія окраинныхъ чиновниковъ, пользующихся особыми прерогативами за свою якобы тяжелую службу на чужбинѣ, создавалась, такъ сказать, матеріальная опора русификаторской политики на окраинахъ въ видѣ многочисленнаго класса людей, заинтересованнаго въ поддержкѣ и неуклонномъ развитіи этой политики. Появилась спеціальная окраинная русская печать, инспирируемая и руководимая мѣстными администраторами («Варшавскій Дневникъ», «Кавказъ», «Рижскій Вѣстникъ»), а отдѣлы, посвященные Польшѣ, Прибалтійскому краю, Кавказу въ русской столичной реакціонной печати («Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Новое Время»)—сплошь наполнялись тенденціозными и лживыми сообщеніями этихъ чиновниковъ-завоевателей.

Въ 80-ыхъ годахъ обрусительная политика въ Царствѣ Польскомъ достигаетъ своего апогея, избирая главнымъ поприщемъ своимъ школу. Во главѣ учебнаго дѣла въ краѣ стоитъ грубый, невѣжественный попечитель округа Апухтинъ, система котораго вызвала рѣзкую оцѣнку даже со стороны такого несомнѣннаго сторонника обрусительной политики, какъ Варшавскій генералъ-губернаторъ Гурко. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1890 г. Гурко писалъ: «въ правительственной школѣ обходятся съ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; въ ней ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно». Можно было бы цѣлые томы наполнить описаніемъ подвиговъ тѣхъ педагоговъ-обрусителей, которые пользовались особымъ покровительствомъ знаменитаго Апухтина.

Неудивительно, что русская школа вызываетъ къ себѣ самую глубокую ненависть со стороны польской интеллигенціи и что лозунгъ національзаціи школы пріобрѣлъ такую громадную популярность, ставши почти центральнымъ политическимъ вопросомъ въ Польшѣ.

Та же обрусительная система господствовала и въ другихъ областяхъ. На желѣзныхъ дорогахъ не только высшія должности, но и мѣста носильщиковъ и сторожей замѣщаются русскими. Мало того, правительство начинаетъ привозить русскихъ рабочихъ на всѣ производимыя въ Польшѣ казной работы, а затѣмъ вводитъ въ обычай требованіе, чтобы лица, получившія концессію на какую либо постройку, давали заработокъ извѣстному количеству русскихъ рабочихъ. Далѣе—банки, фабрики и всякаго рода общества обязаны были вести переписку на русскомъ языкѣ. Въ клубахъ, членами которыхъ состоятъ лица на государственной службѣ, запрещено было говорить по-польски.

Въ 80-ыхъ годахъ наряду съ Царствомъ Польскимъ объектомъ правительственной русификаціи становится также Прибалтійскій край. Самаринъ еще въ 60-ыхъ годахъ призывалъ правительство къ походу противъ остзейскихъ

нѣмцевъ, видя въ нихъ поборниковъ сепаратизма и чуть не приписывая имъ готовность присоединить остзейскія губерніи къ владѣніямъ прусскаго короля. Въ то время Самаринская пропаганда—кстати, сказать, Самарину свою книгу пришлось издать за границей—не имѣла успѣха въ правительственныхъ сферахъ. Только съ воцареніемъ Александра III она претворилась въ дѣло. «Руководящею мыслью при изданіи этихъ новыхъ узаконеній—читаемъ мы въ журналѣ Комитета министровъ 10-го мая 1905 г.—являлось стремленіе правительства, съ одной стороны, освободить эстонское и латышское большинство населенія отъ вліянія нѣмецкаго помѣстнаго дворянства и духовенства и замѣнить это вліяніе русскимъ, а съ другой—въ цѣляхъ большого объединенія края съ внутренними губерніями Россіи ввести въ нихъ тѣ же органы надзора за учебными заведеніями и тотъ же порядокъ управленія ими, которые дѣйствуютъ въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи».

Но эта обрусительная политика, проводимая подъ флагомъ демократизма (уничтоженія преобладающаго значенія нѣмецкаго дворянства), встрѣченная вначалѣ сочувственно латышами и эстонцами—въ концѣ концовъ всей своей тяжестью обрушилась не на нѣмцевъ-дворянъ, а на яко-бы покровительствуемое большинство населенія Прибалтійскаго края. Изъ школы и суда совершенно были изгнаны мѣстные языки и замѣнены русскимъ. Пользовавшійся заслуженной извѣстностью Дерптскій университетъ сдѣлался убѣжищемъ для самыхъ невѣжественныхъ карьеристовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ наукой. Въ то-же время высшій органъ мѣстнаго самоуправленія, дворянскій ландтагъ, оставался закрытымъ для представителей латышскаго и эстонскаго народа; никакихъ реформъ, которыя дѣйствительно могли-бы поднять общественное и политическое значеніе латышей и эстонцевъ—земская и городская реформа, судъ присяжныхъ и т. д.—не было произведено.

Принципъ: «Россія для русскихъ»! нашелъ свое примѣненіе и на Кавказѣ, по отношенію къ грузинамъ и, въ особенности,—къ армянамъ. Что касается Грузіи, отдавшейся въ 1801 году подъ протекторатъ русскаго государства на основаніи опредѣленнаго договора, то языкъ грузинскій былъ изгнанъ изъ школы и церкви, изъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Высшія ступени іерархіи грузинскаго экзархата были закрыты лицамъ грузинскаго происхожденія. Несмотря на малоземелье мѣстнаго крестьянскаго населенія, правительство въ видахъ насажденія русскаго элемента считало возможнымъ колонизовать край переселенцами изъ центральныхъ губерній.

Болѣе безпощадную кампанію русская бюрократія повела противъ кавказскихъ армянъ. «Армянскій вопросъ» до 80-ыхъ годовъ существовалъ только въ Турціи, но не въ Россіи. Русская власть, вѣдь, являлась въ роли защитницы армянъ, угнетаемыхъ и истребляемыхъ турецкимъ султаномъ. Поэтому-то армяне оказывали такую дѣятельную помощь русскимъ войскамъ во время кампаніи $1877/_{78}$ г. На кавказскихъ армянъ русское правительство обратило вниманіе послѣ того, какъ они стали помогать своимъ турецкимъ собратьямъ въ ихъ вооруженной борьбѣ. Въ этомъ содѣйствіи деньгами, оружіемъ и волонтерами армянскимъ возстаніямъ вскорѣ усмотрѣна была опасность сепаратизма.

Главной мишенью руссификаторскихъ плановъ сдѣлалась армянская церковно-приходская школа, являющаяся въ глазахъ армянъ ихъ національной школой.

Въ 1896 г.—послѣ того какъ въ Турціи съ благословенія султана Абдулъ-Гамида были истреблены сотни тысячъ армянъ—Кавказская администрація закрыла большую часть армянскихъ школъ. Не довольствуясь этимъ, она потребовала отъ армяно-грегоріанской церкви передачи Кавказскому учебному начальству той части своего имущества, которое принадлежало школамъ, какъ юридическимъ лицамъ. На первыхъ порахъ это посягательство было отражено, такъ какъ, благодаря неосторожной оговоркѣ въ правительственномъ распоряженіи 26 марта 1898 г., вопросъ о передачѣ имущества каждый разъ рѣшался судомъ. А судъ, стоя на почвѣ закона, рѣшалъ дѣло въ пользу армяно-грегоріанской церкви.

Назначенный въ 1897 г. начальникомъ края, кн. Голицынъ оказался ярымъ бордомъ за искорененіе всего армянскаго. Въ теченіе 2—3 лѣтъ онъ систематически закрывалъ армянскія благотворительныя общества, армянскія библіотеки-читальни, армянское издательское общество, уничтожилъ до-тла армянскую печать. Наконецъ, по его настоянію, въ министерство Плеве, издано было 12 іюня 1903 г. Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ—другими словами, *закономъ*—объ отобраніи имуществъ у армянской церкви. Это событіе вызвало среди армянъ революціонное *національное* движеніе, осью котораго былъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Что этотъ вопросъ могъ сыграть столь большую роль, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь для армянъ—чисто національное учрежденіе, символъ націи, и ея глава, католикосъ—не только первый священникъ, но, до извѣстной степени, и глава націи.

Даже малорусское населеніе испытывало на себѣ, хотя въ гораздо меньшей степени, тяжесть руссификаторской политики. Малорусскій языкъ съ 1863 г. очутился въ исключительномъ положеніи. Тогда—очевидно, въ связи съ польскимъ возстаніемъ—правительство запретило печатаніе на украинскомъ языкѣ книгъ духовныхъ, популярно-научныхъ и педагогическихъ; а въ 1876 г. былъ изданъ циркуляръ, положившій запретъ на всѣ роды произведеній на малорусскомъ «нарѣчіи» *). Ходатайства о разрѣшеніи издавать на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. всегда «постигала—по словамъ записки, представленной въ 1905 году членами интеллигентной части малорусскаго общества—печальная участь запрещенія».

Совершенно тожественное отношеніе проявляло правительство къ литовскому языку, такъ что свои молитвенники литовскіе крестьяне контрабанднымъ путемъ должны были привозить изъ сосѣдней Пруссіи.

Съ воцареніемъ Александра III рѣзко измѣняется отношеніе русскаго правительства къ «еврейскому вопросу». Еще въ эпоху Николая I министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ считалъ наиболѣе важной задачей по отношенію къ евреямъ уничтоженіе ихъ обособленности, «фанатизма разъединенія». Въ 1863 г. министръ финансовъ доказывалъ необходимость предоставленія евреямъ права селиться во внутренней Россіи для блага какъ самихъ евреевъ, такъ и населенія западнаго края и прочихъ мѣстностей Имперіи. Въ 1867 г. найдено было необходимымъ разрѣшить евреямъ арендованіе и эксплоатацію мельницъ, фабрикъ и заводовъ даже въ льготныхъ имѣ-

*) Официально малорусскій языкъ именовался „нарѣчіемъ“.

ніяхъ Юго-и Сѣверо-западнаго края, при чемъ такое допущеніе мотивировалось интересами самихъ землевладѣльцевъ. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. не заключало въ себѣ никакихъ ограниченій для евреевъ и потому въ дальнѣйшемъ евреи не разъ выступали въ качествѣ гласныхъ и членовъ земскихъ управъ. Въ 1870 г. евреямъ было предоставлено, правда, ограниченное право участія въ городскихъ думахъ. Доступъ въ учебныя заведенія какъ среднія, такъ и высшія былъ совершенно свободенъ для евреевъ наравнѣ съ не-евреями.

Однимъ словомъ, первый періодъ правительственной политики по отношенію къ еврейской національности, періодъ, предшествующій реакціи 80-ыхъ гг., характеризуется стремленіемъ подчинить евреевъ общимъ имперскимъ законамъ, освободить ихъ отъ тѣхъ вѣковыхъ наслоеній исключительныхъ бытовыхъ условій, которыя остались отчасти какъ наслѣдіе Рѣчи Посполитой, отчасти—какъ продуктъ русскаго законодательства прошлыхъ временъ. Это былъ періодъ *ассимиляціи*, которой охотно шла на встрѣчу болѣе зажиточная часть еврейства, выдѣлявшая изъ своей среды новую еврейскую интеллигенцію.

Въ одномъ изъ офиціальныхъ актовъ 50-хъ годовъ, въ сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія за годы 1840—1855, мы находимъ заявленіе о томъ, что русское правительство постоянно стремилось «къ постепенному сближенію евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и къ искорененію суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда». Таково было и стремленіе молодого поколѣнія евреевъ,—выйти во что бы то ни стало изъ тѣснаго круга традиціонныхъ формъ быта, религіи, науки, семьи, обычаевъ и проч.

Въ 1881 г. по всей юго-западной и южной Россіи неожиданно вспыхиваютъ антиеврейскіе погромы. Они составляютъ поворотный моментъ какъ въ отношеніяхъ правительства къ евреямъ, такъ и въ исторіи самосознанія еврейской интеллигенціи. Подъ именемъ временныхъ правилъ 3-го мая 1882 г. издано было Высочайше утвержденное положеніе Комитета министровъ, запрещавшее евреямъ селиться въ чертѣ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ, а также временно пріостановлено совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ. Мѣра эта офиціально мотивировалась тѣмъ, «что сложившіяся на мѣстахъ постояннаго жительства евреевъ отношенія послѣднихъ къ коренному населенію не могутъ почитаться нормальными» и что необходимы были «немедленныя мѣропріятія для устраненія того положенія, до котораго достигъ еврейскій вопросъ». Въ виду сего и изданы были «временныя мѣры, которыя могли бы устранить главнѣйшіе изъ поводовъ къ столкновеніямъ между евреями и коренным населеніемъ».

Начиная съ знаменитыхъ временныхъ правилъ 3-го мая система ограничительныхъ и исключительныхъ законовъ получаетъ самое пышное развитіе. Законъ 1886 г. обложилъ штрафомъ въ размѣрѣ 300 рублей семейство всякаго еврея, уклоняющагося отъ исполненія воинской повинности. Въ томъ-же году и слѣдующемъ пріемъ евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія ограничивается опредѣленной процентной нормой; въ 1888 г.—воспрещенъ пріѣздъ и переселеніе въ Финляндію; въ 1889 г.—ограниченъ до крайнихъ предѣловъ пріемъ въ адвокатуру. Далѣе воспослѣдовали законоположенія, стѣсняющія про-

живаніе евреевъ въ Москвѣ и въ Московской губерніи, Кубанской и Терской областяхъ; въ 1890 г. «впредь до пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній» евреи были устранены отъ участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, причемъ министерство внутреннихъ дѣлъ мотивировало эту мѣру «имѣющимися въ министерствѣ свѣдѣніями о вредномъ вліяніи еврейскаго элемента на ходъ городского управленія»; закономъ 1892 г. евреи были устранены отъ участія въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, а также—отъ занятія должностей по городскому общественному управленію и завѣдыванія отдѣльными отраслями городского хозяйства и управленія.

Такимъ образомъ, въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ евреи были поставлены въ положеніе настоящихъ паріевъ. Прежняя ассимиляторская тенденція правительства смѣнилась обратнымъ стремленіемъ обособить, изолировать евреевъ отъ окружающаго населенія. Не обрусить и «оправославить» стремилось правительство 5-милліонный еврейскій народъ—какъ оно это пыталось дѣлать по отношенію къ полякамъ, армянамъ, латышамъ, литовцамъ, малороссамъ и т. д.—а, наоборотъ, заграждать имъ всячески доступъ въ *русскую* школу, въ *русскія* губерніи, на *русскую* государственную и общественную службу.

II.

Національныя идеологіи и борьба за воплощеніе національныхъ стремленій принимаютъ различныя формы и пріобрѣтаютъ различную степень интенсивности у поляковъ, малороссовъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, литовцевъ, бѣлорусовъ, латышей, эстонцевъ и т. д.

Въ то время, какъ одни изъ этихъ народовъ впервые только въ концѣ XIX столѣтія ощутили въ себѣ то, что называется національнымъ самосознаніемъ, другіе не переставали стремиться къ утраченной политической независимости. Въ то время какъ относительно однихъ являлось спорнымъ самое право *считаться націей,* другіе смѣло выкраивали для себя границы своего государства.

Поскольку рѣчь идетъ о годахъ, предшествующихъ революціи, мы можемъ констатировать наличность опредѣленно выраженныхъ національныхъ идеологій или яркой борьбы за національныя права только въ средѣ трехъ изъ упомянутыхъ выше національностей: поляковъ, евреевъ и армянъ. Признаки національнаго броженія замѣчаются, правда, и у другихъ, но роль его въ движеніи общественной мысли и общественной борьбы такихъ народовъ, какъ литовцы, латыши, эстонцы и даже грузины, бѣлоруссы и малороссы—весьма второстепенная. Это объясняется иногда отсутствіемъ тѣхъ слоевъ дворянства и буржуазной интеллигенціи, которые являются въ большинствѣ случаевъ носителями національной идеи, отсутствіемъ традицій государственной независимости, иногда—болѣе слабымъ давленіемъ обрусительнаго пресса, иногда—другими причинами, напр., у бѣлоруссовъ и малороссовъ племенною близостью къ великороссамъ. Уже въ разгарѣ революціи и они также поднимаютъ свой голосъ, требуя гарантіи своихъ національныхъ правъ, причемъ въ однихъ случаяхъ это требованіе не

идетъ дальше отстаиванія родного языка отъ посягательствъ русификаторачиновника, въ другихъ—расширяется до притязанія на національно-политическую автономію. Но даже въ этотъ моментъ поднятый ими голосъ не былъ «гласомъ народа» въ полномъ смыслѣ этого слова. То былъ лишь голосъ отдѣльныхъ группъ, часто, быть можетъ, лишь незначительныхъ кружковъ. Поэтому требованіе напр. вести преподаваніе въ школѣ на родномъ языкѣ не является здѣсь результатомъ страшно долго накипѣвшей въ странѣ злобы, предметомъ массовой страсти и массового движенія, какъ въ Польшѣ, но лишь—аргументомъ отъ ума, вытекающимъ изъ основаній здравой, разумной педагогической системы.

Но исторія и характеръ національнзма польскаго, еврейскаго и армянскаго, которые мы хотимъ ниже разсмотрѣть, имѣютъ свои индивидуальныя особенности. Общая причина, ихъ объединяющая, это—система руссификаціи и исключительныхъ законовъ, которая такъ пышно расцвѣла съ началомъ 80-хъ годовъ и не прекратила своего дѣйствія вплоть до революціи. Но кромѣ этой общей причины есть и спеціальныя, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуютъ особаго разсмотрѣнія.

Начнемъ съ поляковъ. Послѣ подавленія возстанія 1863 г. молодая польская интеллигенція, вышедшая изъ дворянской среды, совершенно отвернулась отъ политики. Крестьянская реформа, проведенная русскимъ правительствомъ, вызвала цѣлый переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Передъ лицомъ этого переворота старая традиція шляхетской Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхетской политики разсѣялась, какъ дымъ. Новое поколѣніе объявило войну патріотическому романтизму вооруженной борьбы, отвергши старые шляхетскореволюціонные лозунги во имя культурнаго и соціальнаго прогресса. «*Мечты* о возстановленіи внѣшней независимости—писалъ въ 1882 г. самый талантливый выразитель этого «позитивнаго» теченія, Александръ Свентоховскій—должны въ настоящее время уступить мѣсто *стараніямъ* о независимости внутренней; эта послѣдняя можетъ быть только результатомъ роста умственныхъ и матеріальныхъ силъ, всесторонняго національнаго развитія, соединеннаго съ общимъ прогрессомъ, а равно демократизаціи общества, выдвигающей на арену дѣятельности неподвижные доселѣ элементы».

«Органическій трудъ», «трудъ у основъ», другими словами, работа надъ культурнымъ и экономическимъ развитіемъ, сдѣлались лозунгами эпохи. Тогда укоренился взглядъ, что работать съ пользой для общества, надъ его внутреннимъ возрожденіемъ, можно и при тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя наступили послѣ возстанія. То былъ медовый мѣсяцъ аполитическаго буржуазнаго либерализма, и героями эпохи были врачъ, инженеръ, фабрикантъ, банкиръ. Всякая активная борьба съ правительствомъ представлялась не только невозможной, но совершенно ненужной и безплодной. Казалось, что внутреннее культурно-экономическое развитіе польскаго общества создаетъ достаточно обширное поприще для приложенія силъ интеллигенціи. И такъ было на самомъ дѣлѣ въ 70-хъ гг., въ теченіе Sturm und Drangperiode польскаго капитализма. Поэтому, хотя интеллигенція ни на одну минуту не перестала себя чувствовать *польской*, но она была далека отъ всякихъ порывовъ активнаго патріотизма.

Датой возрожденія революціонной активности среди польской интеллигенціи нужно считать 1878 годъ. Но не независимость Польши была той идеей, которая охватила теперь часть молодой интеллигенціи Ц. Польскаго, а соціализмъ, притомъ соціализмъ космополитическій, исключавшій изъ круга своихъ представленій элементъ національный въ какой бы то ни было формѣ. Идеалы и настроенія этой новой формаціи польской молодежи были высказаны на процессѣ соціально-революціонной партіи «Пролетаріатъ» въ 1885 г. наиболѣе сильной головой и вождемъ новаго движенія, Людовикомъ Варынскимъ. «Мы стремились къ тому—говорилъ Варынскій—чтобы вызвать рабочее движеніе и организовать рабочую партію въ Польшѣ... Мы враги правительства, но мы не патріоты въ политическомъ значеніи этого слова, и мы не поднимаемъ національнаго вопроса. Мы—враги имущихъ и привилегированныхъ классовъ, которые въ нашемъ краѣ, благодаря его развитію и политическимъ традиціямъ, являются сильнымъ и опаснымъ противникомъ. Въ нашей дѣятельности мы прежде всего распространяли соціалистическіе принципы, указывая рабочимъ на идеалъ будущаго строя, къ которому они должны стремиться».

Какъ ни противоположны и ни враждебны другъ другу были взгляды варшавскихъ «позитивистовъ» и первыхъ польскихъ соціалистовъ, но ихъ объединяетъ одна общая черта: и «позитивистамъ» со Свентоховскимъ во главѣ и польскимъ революціонерамъ-соціалистамъ одинаково чуждъ былъ націонализмъ, и тѣ и другіе проникнуты были космополитическимъ настроеніемъ.

Вмѣстѣ съ капиталистическимъ переворотомъ, сдѣлавшимъ въ теченіе 20—25 лѣтъ, послѣдовавшихъ за возстаніемъ, изъ земледѣльческой страны, страну съ развитой фабрично-заводской промышленностью—назрѣвали сѣмена будущаго польскаго націонализма. Потребность въ денежномъ капиталѣ, ставшемъ послѣ крестьянской реформы необходимымъ для веденія сельскаго хозяйства, сильно увеличила задолженность дворянъ-землевладѣльцевъ. Общій кризисъ европейскаго сельскаго хозяйства и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ нанесли ему послѣдній ударъ. По даннымъ Бліоха, относящимся къ 80-мъ годамъ, 15% дворянскихъ имѣній уже перешли изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ руки спекулянтовъ—нѣмцевъ и евреевъ, другіе 15% были разбиты на мелкіе участки и проданы крестьянамъ. Этотъ процессъ создавалъ, съ одной стороны, кадры «свободныхъ отъ земли» уже раззоренныхъ или находящихся на пути къ раззоренію помѣщиковъ, ищущихъ мѣста для приложенія своихъ маленькихъ денежныхъ остатковъ, чаще—своего личнаго, мало пригоднаго въ новыхъ условіяхъ, труда; съ другой стороны, земледѣльческая Польша все болѣе и болѣе превращалась въ *крестьянскую* Польшу.

Вся почти промышленность и торговля, такъ могуче развившаяся въ теченіе 70-ыхъ годовъ, находилась собственно въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ. И новые пришельцы, выталкиваемые изъ своихъ усадебъ и искавшіе для себя мѣста за столомъ *польскаго* капитализма, находили мѣста занятыми «чужими», а не «своими, т. е. не христіанами-поляками. Государственная служба, даже служба на желѣзной дорогѣ, благодаря достигшей своего апогея въ 80-хъ годахъ системѣ безшабашной руссификаціи, была еще менѣе доступнымъ поприщемъ дѣятельности. Для все размножавшейся польской интеллигенціи (по большей части

дворянскаго происхожденія) все менѣе находилось мѣста на родинѣ, и многимъ за кускомъ хлѣба приходилось эмигрировать въ разные промышленные пункты Россіи. Характерно, что когда въ 1892 г. знаніе польскаго или русскаго языка всѣми служащими на фабрикахъ было поставлено условіемъ пребыванія ихъ въ этихъ должностяхъ, то это мѣропріятіе правительства Гурко и Апухтина встрѣтило въ высшей степени сочувственный пріемъ даже въ польской прогрессивной прессѣ, такъ какъ оно создавало поприще «для приложенія труда туземнымъ силамъ».

Такъ возникли на польской почвѣ, съ одной стороны, антисемитизмъ, съ другой—если можно такъ выразиться, антигерманизмъ. «Евреи, нѣмцы и *мы*»—это сопоставленіе и противопоставленіе стало ходячимъ въ извѣстной части польской печати; такъ же ходячимъ сталъ лозунгъ: «хлѣбъ для своихъ», красовавшійся на столбцахъ начавшаго выходить въ 80-хъ годахъ клерикально-антисемитскаго журнала «Rola». Враждебное отношеніе къ нѣмцамъ особенно усилилось послѣ того, какъ въ сосѣдней Пруссіи началась Бисмарковская Ausrottenpolitik, направленная противъ поляковъ. Прусскій гакатизмъ *) и борьба польскаго населенія за свои экономическіе интересы сдѣлались, благодаря цензурнымъ условіямъ, запрещавшимъ говорить о собственныхъ дѣлахъ, весьма благодарной темой для польской публицистики. На газетно-бульварныхъ статьяхъ, дышащихъ ненавистью къ пруссакамъ и вообще къ нѣмцамъ, на призывахъ къ бойкоту нѣмецкихъ товаровъ, вырабатывался и самопредѣлялся національстическій духъ средняго польскаго обывателя, мелкаго мѣщанина 80-хъ и 90-хъ гг. Борьба польскаго элемента съ нѣмецкимъ нашествіемъ сдѣлалась темой для беллетристики (Прусъ, Грушецкій, и др.).

Антисемитизмъ, выросшій, какъ мы видѣли, на почвѣ экономической борьбы, усложнился въ началѣ 90-хъ гг. новымъ обстоятельствомъ. Тысячи еврейскихъ семействъ, изгнанныхъ изъ Москвы и Московскаго округа по распоряженію тогдашняго генералъ-губернатора, вел. кн. Сергѣя Александровича, нахлынули въ царство Польское. Этотъ неожиданный наплывъ новыхъ конкуррентовъ, притомъ не только евреевъ, но *русскихъ* евреевъ, совершенно чуждыхъ польскому обществу, говорившихъ громко по-русски на улицахъ Варшавы и Лодзи, имѣлъ двоякое значеніе: онъ усилилъ ненависть къ евреямъ, но, съ другой стороны, рѣзко подчеркнулъ трагически-зависимое положеніе народа, которому воля московскаго генералъ-губернатора навязываетъ непрошенныхъ пришельцевъ.

Изъ этихъ элементовъ выросъ новый типъ польскаго націонализма, незнакомаго Польшѣ предшествующаго періода. Въ Польшѣ до-капиталистической шляхта и шляхетская интеллигенція были проникнуты революціоннымъ патріотизмомъ, идеей возстановленія своего отечества, идеей, имѣвшей въ виду борьбу только съ *внѣшнимъ* врагомъ, съ силой чужого государства; новый націонализмъ

*) *Гакатизмъ*—терминъ, получившій распространеніе со времени основанія въ Пруссіи такъ-наз. Ostmarkenvereiu для защиты якобы угрожаемыхъ въ польскихъ провинціяхъ интересовъ Германіи. Во главѣ этого общества стали три истинно-прусскихъ патріота: Ганнеманнъ, Кинеманнъ и Тидеманнъ, и иниціалы этихъ трехъ фамилій (Г. К. Т.) стали нарицательнымъ именемъ для всякаго рода націоналистической политики, стремящейся поглощать чужія народности.

прежде всего подчеркивалъ моментъ борьбы съ внутренней опасностью, которая рисовалась ему въ лицѣ евреевъ и нѣмцевъ, а равно и прогрессивныхъ теченій общественной мысли—«позитивизма» и соціализма.

Это былъ націонализмъ реакціонный, въ которомъ клерикализмъ и антисемитизмъ совершенно почти заглушали другой моментъ—патріотическую идею. Но тѣ же 80-ые годы, создавшіе почву для націонализма этого характера, положили также начало націонализму другого типа—буржуазно-демократическому и революціонному. Носительницей его сдѣлалась нѣкоторая часть прогрессивной интеллигенціи демократически-настроенной, которая до сихъ поръ питалась идеями космополитическаго либерализма или соціализма. Органомъ ея становится журналъ «Glos», возникшій въ 1886 году. Интересы народа стоятъ въ центрѣ міровоззрѣнія той группы, которая собралась вокругъ «Glos'a», но народа-крестьянства, а не народа-пролетаріата. Процессъ земельной эволюціи, какъ мы видѣли, все болѣе оттѣснялъ помѣщичье землевладѣніе и выдвигалъ крестьянское, и направленіе Glos'a, учитывая, предвосхищая, такъ сказать, конечную побѣду крестьянства, было не чѣмъ инымъ, какъ народничествомъ, перенесеннымъ на польскую почву. Польское крестьянство было признано солью, основой, квинтъ-эссенціей польскаго народа. Старая шляхетская Польша, какъ и новая буржуазная, достойны лишь презрѣнія, такъ какъ ни та, ни другая не даютъ выраженія истинной сущности польскаго народа. Индивидуальность націи—въ ея крестьянствѣ, которое, по мнѣнію Glos'a, имѣетъ свою «собственную религію, собственную нравственность, собственную политику, собственную науку, однимъ словомъ, собственную культуру». Но эта культура сможетъ развернуться только въ независимой Польшѣ. Эмансипація народа—лучшее *орудіе* завоеванія независимой Польши—такова была мысль предтечи Glos'a, эмиграціоннаго Демократическаго Общества. Независимая Польша, какъ необходимое *условіе* дѣйствительной эмансипаціи народа—такъ можно было-бы кратко формулировать точку зрѣнія группы Glos'a, изъ которой впослѣдствіи вышла партія національныхъ демократовъ.

Одновременно и въ самой тѣсной связи съ Варшавскимъ Glos'омъ возникла тайная организація «Польская Лига», которая въ 1894 г. переименовалась въ «національную». Лига считала своей задачей «постоянную и систематическую борьбу за права народа, конечная цѣль которой—возстановленіе независимаго государственнаго бытія». Къ ней вскорѣ примкнули тѣ многочисленные кружки и организаціи молодежи, которые задавались цѣлью нести просвѣщеніе въ польскія народныя массы. Самая главная изъ этихъ организацій—«Общество народнаго просвѣщенія». За границей основывается «національная казна» (Skarb narodowy) съ извѣстнымъ старымъ польскимъ романистомъ и повстанскимъ «полковникомъ» Милковскимъ (Ежъ) во главѣ. Для пробужденія національнаго духа Лига рѣшила воспользоваться рядомъ 100-лѣтнихъ годовщинъ поворотныхъ моментовъ польской исторіи—конституціи 3-го мая, второго раздѣла Польши, возстанія Костюшки. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1891 г. были распространены прокламаціи, призывавшія къ патріотической манифестаціи въ день 3-го мая. Манифестація осуществилась въ весьма скромныхъ размѣрахъ, въ ней участвовала лишь небольшая группа учащейся молодежи. Осенью того-же года Лига выпустила воззваніе, приглашающее польское общество къ всеобщему трауру въ память

100-лѣтней годовщины 2-го раздѣла Польши. Но этотъ призывъ остался безъ всякаго вліянія. Слѣдующая манифестація 17-го апрѣля 1894 г.—въ память 100-лѣтней годовщины возстанія варшавскаго мѣщанства съ сапожникомъ Килинскимъ во главѣ—произошла уже въ то время, когда и въ соціалистическомъ лагерѣ польскомъ совершился поворотъ въ сторону національно-патріотическихъ стремленій.

Общія причины, вообще содѣйствовавшія усиленію націонализма въ рядахъ интеллигенціи, вліяли, разумѣется, и на ту часть ея, которая, по своимъ идеаламъ и своему міровоззрѣнію, склонна была стать подъ соціалистическое знамя и главную, единственную силу будущаго видѣла въ польскомъ пролетаріатѣ. Въ 1893 г. изъ остатковъ различныхъ соціалистическихъ группъ возникла польская соціалистическая партія, выдвинувшая старый лозунгъ возстановленія Польши, совершенно сданный въ архивъ дѣятелями «Пролетаріата». Кромѣ тѣхъ общихъ причинъ, о которыхъ мы упоминали выше, серьезнымъ факторомъ, склонившимъ польскихъ соціалистовъ стать теперь на этотъ путь, было сравнительно сильное развитіе въ первую половину 90-хъ годовъ стачечнаго и перво-майскаго движенія въ Польшѣ при одновременномъ затишьи революціоннаго движенія въ Россіи. Стремленіе къ независимой Польшѣ было построено на мнимо-реалистическихъ основаніяхъ: польскій пролетаріатъ можетъ осуществить свои задачи только на почвѣ независимой польской республики; политическая связь съ Россіей, страной не только экономически отсталой, но принадлежащей къ другому хозяйственному *типу*, задерживаетъ развитіе и польскаго пролетаріата и даже—польскаго капитализма. Въ качествѣ иллюстрацій къ этимъ положеніямъ приводились такіе факты, какъ противодѣйствіе русской власти въ краѣ тѣмъ экономическимъ уступкамъ, которыя лодзинскіе фабриканты готовы были сдѣлать рабочимъ во время всеобщей забастовки 1892 г., далѣе—дифференціальныя желѣзнодорожныя пошлины и т. п.

«Вооруженное возстаніе съ цѣлью изгнанія москалей изъ нашего края и созданія собственнаго государства, польской республики, зиждущейся на демократическихъ принципахъ»—это положеніе сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ программы и агитаціонной дѣятельности польской соціалистической партіи за весь ближайшій 10-лѣтній періодъ. Вопросъ о національномъ возстаніи, о его техникѣ занялъ важное мѣсто въ литературныхъ произведеніяхъ П. П. С. Была снова завязана нить, такъ сказать, исторической традиціи съ польскими возстаніями шляхетскаго типа, нить, рѣзко оборванная соціалистами «Пролетаріата». Хотя границы будущей польской республики не были опредѣлены, но въ своей дѣятельности уже теперь П. П. С. пыталась обнять всѣ три «*захвата*»—Галицію, Прусскую Польшу съ Верхней Силезіей и Царство Польское, придать единство своей политикѣ, высокомѣрно игнорировать наличность пограничныхъ столбовъ между Австріей, Германіей и Россіей. Что касается другихъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, то П. П. С. отказывала мѣстнымъ партіямъ (еврейской, литовской) въ правѣ подчинять пролетаріатъ этихъ національностей своему вліянію. Такъ напр. 3-й съѣздъ П. П. С. (1897 г.) въ спеціальной резолюціи, посвященной «Бунду», признаетъ политику этого послѣдняго ошибочной и вредной въ виду его несочувствія лозунгу возстановленія независимаго польскаго государства.

Такимъ образомъ создались три разновидности польскаго національнаго: клерикально-антисемитскій, крестьянско-демократическій и пролетарско-соціалистическій. Изъ сторонниковъ демократическаго національнаго, группировавшихся вокругъ «Лиги», вышла со временемъ (оффиціально въ 1897 г.) національнаго-ческая партія par excellence—національная демократія; она сумѣла ассимилировать и тѣ элементы, которые мы причисляемъ къ первой разновидности. Послѣ 1894 г. спеціально патріотическія манифестаціи болѣе не устраивались. Первыя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Александра III не были благопріятны для національной демократіи. Благодаря незначительнымъ уступкамъ, какъ уходъ Гурко и Апухтина съ замѣной ихъ кн. Имеретинскимъ и Личинымъ—въ польскихъ буржуазныхъ и дворянско-аристократическихъ кругахъ возобладало такъ называемое примирительное теченіе. Но когда медовый мѣсяцъ «примирительной» политики прошелъ, когда пріѣздъ государя въ Варшаву, съ которымъ многіе связывали весьма радужныя надежды, не далъ никакихъ результатовъ, то многіе изъ прежнихъ «примирителей» перешли въ лагерь національнаго-листовъ.

Пропагандѣ идей національно-демократической партіи служилъ цѣлый рядъ органовъ, издаваемыхъ въ Галиціи, но предназначенныхъ преимущественно для Царства Польскаго, гдѣ, въ свою очередь, выходили нелегальные органы этого направленія («Pochodnia», «Walka», «Kiliniski»). Центральными органами, однако, являлись «Przegląd Wszechpolski» (Всепольское Обозрѣніе) и «Polak» (Полякъ)—первый для интеллигенціи, второй—для крестьянства. Въ первомъ изъ нихъ идеологи польскаго національнаго развивали свои соціологическіе и политическіе взгляды, второй пропагандировалъ среди крестьянъ идею возстанія, будилъ крайній шовинизмъ, не гнушаясь ради этой цѣли никакими демагогическими передержками, искаженіями, простымъ обманомъ. Цѣльная система національнаго была создана литературными лидерами національно-демократической партіи—Поплавскимъ, Дмовскимъ, Балицкимъ, Студницкимъ и др. Польское дѣло перестаетъ быть дѣломъ всѣхъ угнетенныхъ, какъ у революціонеровъ-патріотовъ старой школы, лозунгъ «за нашу и вашу свободу» больше не согрѣваетъ новаго поколѣнія польскихъ патріотовъ. «Національный эгоизмъ» становится для нихъ высшимъ этическимъ критеріемъ. Съ точки зрѣнія этого критерія, всѣ средства, всѣ пути хороши, если они содѣйствуютъ росту, мощи, «экспансіи», т. е. расширенію сферы вліянія, націи. Область международныхъ отношеній это—арена борьбы, взаимнаго истребленія и захвата. Общество и правительство—полные синонимы и потому какое бы то ни было соприкосновеніе съ общественными элементами Россіи, какъ напр. участіе польской молодежи въ студенческихъ волненіяхъ, возникшихъ по иниціативѣ русскихъ студентовъ и ради реформы русскаго университета, есть измѣна національнымъ интересамъ. Къ литовцамъ, русинамъ и особенно къ евреямъ, живущимъ на «польской землѣ», національные демократы относятся враждебно. Русинское (въ Галиціи) и литовское національныя движенія суживаютъ поле національной «экспансіи» польскаго народа, а потому на русиновъ и литовцевъ нужно смотрѣть, какъ на элементъ иноплеменный, подлежащій ассимиляціи или... истребленію. Евреевъ національно-демократическая партія въ одномъ изъ параграфовъ своей программы «не признаетъ за политическую народность. Мало того, она «отвергаетъ всѣ ихъ политико-органи-

заціонныя стремленія и, предоставляя ихъ выбору подчиниться или нѣтъ культурной ассимиляціи, требуетъ безусловной зависимости отъ національныхъ польскихъ интересовъ». Въ то время какъ польскимъ соціалистамъ независимая Польша рисовалась въ видѣ демократической республики, для національныхъ демократовъ важенъ фактъ государственной независимости, какъ таковой. «Тотъ кто говоритъ,—писало «Всепольское Обозрѣніе» въ іюнѣ 1902 г.,—что хочетъ независимой Польши, но выговариваетъ себѣ, что она должна быть обязательно соціалистической республикой, или возмущается при мысли, что Польша могла-бы имѣть своихъ жандармовъ, полицію, тюрьмы, что она могла-бы опираться на штыки и властвовать надъ кѣмъ-нибудь, кто не желаетъ, чтобы она *господствовала*—тотъ, вообще, издѣвается надъ идеей независимости».

Демократизмъ бывшихъ сторонниковъ «Glos'a» по мѣрѣ роста «національной демократіи» совершенно улетучивался и превратился въ свою прямую противоположность. На такое измѣненіе физіономіи національной демократіи повліяло проникновеніе въ ея ряды послѣ большого краха примирительныхъ иллюзій эпохи кн. Имеретинскаго такихъ слоевъ, какъ помѣщики, фабриканты, священники и т. п. Къ интересамъ и взглядамъ этихъ группъ партія приспособляла свою пропаганду и свою программу. Въ то же время проникновеніе этихъ элементовъ заставило выбросить за бортъ не только соціальный радикализмъ временъ «Glos'a», но и національно-политическій радикализмъ. Если раньше единство цѣли (независимость Польши) и единство пути (вооруженное возстаніе) сближали партіи національно-демократическую и польскую соціалистическую, то уже послѣ 1902 г. лозунгъ національно вооруженнаго возстанія, какъ sine qua non достиженія независимаго польскаго государства, сталъ исключительной монополіей П. П. С.

Въ октябрѣ 1903 г. партія національныхъ демократовъ обнародовала свою новую программу, въ которой о возстаніи не говорится ни слова, а независимая Польша замѣнена автономіей. Въ ноябрѣ того же года конференція П. П. С. снова подтверждаетъ, что «требованіе независимой Польши, будучи неразрывно связано съ цѣлями польскаго соціализма, составляетъ главный пунктъ общепольской соціалистической политики». Начало русско-японской войны застало одну изъ указанныхъ партій на новой позиціи, другую—на старой. Первая, не отказываясь отъ націоналистической фразеологіи, подчеркивая «живое сознаніе общности между частями прежней Рѣчи Посполитой», культивируя націонализмъ самаго дешеваго пошиба, не требующаго никакихъ жертвъ—учитываетъ, однако, новый поворотъ въ русской общественной жизни и приближающійся политическій кризисъ въ Россіи. Вторая не видитъ пока надобности считаться со всѣмъ этимъ.

Отношеніе къ пораженіямъ русской арміи въ Манчжуріи было, конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ лагерѣ одинаковое—радостное. Но въ то время какъ Н. Д. совѣтовала пассивную, выжидательную тактику, П. П. С. сочла необходимымъ сразу же приступить къ активной политической борьбѣ, къ прелюдіи возстанія, пользуясь нравственнымъ и физическимъ ослабленіемъ русской государственной власти. Въ теченіе іюля и августа 1904 г. устраивались въ Варшавѣ, Лодзи, Радомѣ, Калишѣ демонстраціи съ криками: «да здравствуетъ

независимость». Въ октябрѣ, наконецъ, была объявлена мобилизація въ Варшавѣ, на которую П. П. С. отвѣтила устройствомъ демонстраціи на площади около костела въ воскресенiе 13 ноября (н. с.). Въ отличіе отъ прежнихъ, часть демонстрантовъ была вооружена револьверами, и это обстоятельство привело къ вооруженному столкновенію съ войсками. Войско дало 3 залпа, и изъ бывшей на площади толпы было убито и ранено нѣсколько десятковъ человѣкъ. Это были первые залпы на улицахъ Варшавы со времени возстанія 1863 года.

Національно-демократическая пресса заклеймила эту демонстрацію самымъ безпощаднымъ осужденіемъ, какъ по мотивамъ религіознымъ (демонстранты осквернили-де костелъ), такъ и по соображеніямъ политическимъ, подсказывающимъ необходимость «держаться спокойно во время войны, безъ всякихъ эксцессовъ, которые могутъ вывести насъ изъ равновѣсія и подать поводъ врагу къ введенію въ Царствѣ Польскомъ мнимаго порядка къ нашей обидѣ» *). Послѣ того, какъ земское движеніе въ Россіи приняло болѣе серьезные размѣры, когда началась эпоха «довѣрія» Святополкъ-Мірскаго, національ-демократія въ лицѣ Національной Лиги рѣшила, что нельзя дольше игнорировать русское общественное движеніе, и въ своей октябрьской прокламаціи она рекомендуетъ вступить въ союзъ съ русской оппозиціей. Широкая автономія Царства Польскаго уже рисуется въ перспективѣ, какъ цѣль начинающейся борьбы.

Послѣ знаменитаго ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей, политическая литература въ Царствѣ Польскомъ поднялась еще выше. Графъ Тышкевичъ, близкій къ національно-демократическимъ кругамъ, послѣ цѣлаго ряда многолюдныхъ собраній различныхъ слоевъ варшавскаго населенія, передалъ министру Святополкъ-Мірскому 10 декабря 1904 г. записку, выражающую, по его словамъ, взгляды и пожеланія большинства независимаго польскаго общества. Требованія записки выражаются въ 4-хъ пунктахъ: 1) преподаваніе на польскомъ языкѣ въ низшей, средней и высшей школѣ; 2) замѣщеніе поляками *всѣхъ* должностей; 3) земское и городское самоуправленія съ участіемъ въ немъ всѣхъ классовъ населенія; 4) разрѣшеніе религіознаго вопроса.

Въ ноябрѣ національно-демократическая партія выпустила прокламацію къ крестьянамъ, въ которой приглашала всѣ гминныя собранія принять слѣдующія постановленія: 1) протоколы собраній, всѣ книги, счета, бумаги и документы должны впредь вестись на польскомъ языкѣ; 2) печать должна быть изготовлена новая съ надписью на польскомъ языкѣ. Призывомъ къ этого рода «явочнымъ» дѣйствіямъ національ-демократы осуществляли давнишнюю мысль. Еще въ 1903 г. «Przegląd Wszechpolski» писалъ: «гминное самоуправленіе, это—идеальнѣйшее и единственное въ Царствѣ Польскомъ поприще, на которомъ можно сорганизовать сопротивленіе противъ политики правительства»; а популярный органъ, предназначенный для агитаціи среди крестьянъ, заявлялъ въ этомъ-же духѣ: «гминное самоуправленіе, это краеугольный камень, который послужитъ намъ опорой для борьбы съ Москвой за права, за гражданскую свободу народа». Пока что, какъ мы видѣли, борьба за «гражданскую свободу» сводилась только

*) Изъ прокламаціи, выпущенной въ іюнѣ 1904 г. и обращенной къ рабочимъ.

къ введенію польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ гмины. Польскіе соціалисты, уже вслѣдъ за національ-демократами, тоже обратили вниманіе на гмину съ этой-же цѣлью. «Слѣдуетъ—читаемъ мы въ январскомъ (1905) номерѣ Robotnik'a—изгнать изъ употребленія русскій языкъ и заставить чиновниковъ, войтовъ и писарей, стражниковъ и начальниковъ употреблять польскій языкъ».

Вскорѣ, дѣйствительно, на почвѣ борьбы за польскій языкъ началось движеніе среди крестьянъ, которое въ январѣ охватило—по даннымъ центральнаго органа національ-демократовъ—130 гминъ и распространилось на всѣ губерніи Царства Польскаго.

«Pszegląd Wszechpolski» при этомъ случаѣ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтилъ, что въ одной гминѣ портретъ Александра II былъ замѣненъ портретомъ польскаго короля Яна Собѣсскаго.

При первой вѣсти о 9-мъ января въ Петербургѣ, въ Царствѣ Польскомъ началось забастовочное движеніе рабочихъ. Въ основѣ своей *это* движеніе было не національнымъ, а политическимъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, свидѣтельствуя о сознаніи солидарности съ обще-россійскимъ рабочимъ движеніемъ.

Прямымъ результатомъ забастовочнаго движенія явились экономическія уступки рабочимъ. И именно этотъ не-національный характеръ движенія вызвалъ враждебное къ нему отношеніе со стороны господствующихъ, націоналистически настроенныхъ классовъ.

Вскорѣ вслѣдъ за забастовкой рабочихъ началась школьная забастовка въ среднихъ и высшихъ школахъ Царства Польскаго во имя націонализаціи школы. Это движеніе относится уже къ 1905 г., потому мы не будемъ о немъ говорить. Отмѣтимъ только вообще, что революція въ Польшѣ открывается борьбой трехъ общественныхъ группъ: рабочихъ, крестьянъ и учащейся молодежи. Борьба первыхъ носила чисто классовый характеръ, борьба двухъ другихъ группъ исключительно національный характеръ—за *польскій* языкъ въ гминѣ и въ школѣ. Надъ этой борьбой за языкъ возвышается, въ качествѣ верховной идеи, мысль объ автономіи Царства Польскаго. Она стала лозунгомъ для всѣхъ партій, даже самой антинаціоналистской—польской соціальдемократіи. Но содержаніе, влагаемое въ лозунгъ, было самое различное. Національно-демократическая партія—и за нею польское мѣщанство, крестьянство и помѣщичій классъ—думала сейчасъ не о содержаніи, а о формѣ. Мысль о національной *формѣ* независимо отъ содержанія именно и характерна для націоналистовъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія революціи, пропасть между сторонниками формы—націоналистами, и сторонниками опредѣленнаго соціально-политическаго содержанія—соціалистами, все больше углубляется. Черезъ годъ передъ нами два не только враждующихъ, но безпощадно воюющихъ другъ съ другомъ лагеря: консервативно-реакціонно-націоналистическій и прогрессивно-соціалистическій.

Погромы 1881 г., какъ было сказано, послужили поворотнымъ моментомъ не только въ отношеніяхъ русскаго правительства въ евреямъ, но также въ самосознаніи еврейской интеллигенціи. Господствующимъ теченіемъ среди этой послѣдней было, до эпохи погромовъ, стремленіе къ ассимиляціи—къ полному

растворенію въ окружающей средѣ. «Еврейство» представлялось той небольшой пока группѣ интеллигенціи, которая успѣла за послѣднія 20—25 лѣтъ отвѣтвиться отъ общаго народнаго ствола, совокупностью тьмы, невѣжества, нищеты, предразсудковъ, затхлости, грязи и дикости. Первые піонеры еврейскаго просвѣщенія, тѣ «маскилимъ», которыхъ съ такой любовью рисуетъ Ан—скій, безъ всякаго сожалѣнія рѣшили стряхнуть всю эту пыль прошлаго, ибо альтернатива была такова: либо пріобщиться къ европейской культурѣ, отказавшись отъ всѣхъ еврейскихъ традицій, либо оставаться въ прежнемъ умственномъ и моральномъ гетто.

И даже погромы пробили въ сущности весьма слабую брешь въ этой «ассимиляторской» идеологіи еврейской буржуазной интеллигенціи. Вскорѣ послѣ погромовъ публицистъ еврейскаго происхожденія, г. В. Португаловъ въ своей брошюрѣ о «знаменательныхъ движеніяхъ у евреевъ» видитъ весь корень еврейскаго вопроса, а, стало-быть, и такихъ печальныхъ явленій, какъ погромы, въ той обособленности, которую такъ тщательно охраняетъ еврейскій плебсъ, чуждый еврейской культуры. Еврейство должно, по его мнѣнію, отрѣшиться отъ своей замкнутости и раствориться въ европейскихъ народностяхъ. Евреямъ нужна культурная очистка отъ устарѣвшихъ обрядностей и культурное сліяніе съ остальными народностями. Другой авторъ, г. Дубновъ, знатокъ еврейской исторіи, видитъ все зло въ «талмудической и раввинистской регламентаціи». Въ его глазахъ самую вопіющую необходимость составляетъ религіозно-бытовая реформа, связанная съ реформой воспитанія молодого еврейскаго поколѣнія.

Но, наряду съ этими отзвуками господствовавшаго теченія, погромы дали толчекъ къ возникновенію среди части еврейской молодежи и интеллигенціи прямо противоположныхъ теченій—они породили такъ наз. палестинофильство Много нашумѣвшая брошюра д-ра Пинскера: «Автоэмансипація» ставитъ передъ еврейской интеллигенціей новый идеалъ *національнаго* возрожденія, путемъ къ которому будетъ колонизація Палестины, земли предковъ.

Одновременно съ этими первыми проблесками еврейскаго націонализма—когда впервые заговорили объ *опасности* ассимиляціи (прежде она была *мечтою*) и взоры интеллигенціи потянулись къ туманнымъ далямъ Сіона — въ 80-хъ годахъ еврейскіе соціалисты-интеллигенты стали обращаться со своей пропагандой соціализма къ еврейскимъ рабочимъ и ремесленникамъ. Это было ново. Однако, въ этомъ фактѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на соціализмъ. Наоборотъ, въ обученіи русской грамотѣ и въ проповѣди абстрактныхъ принциповъ соціализма было лишь стремленіе перенести культурно-идейную ассимиляцію отъ верховъ интеллигенціи въ еврейскіе низы.

Все болѣе растущій съ переходомъ отъ старыхъ формъ народнаго хозяйства къ капиталистическимъ антисемитизмъ, который изъ простого инстинкта и религіознаго пережитка превратился въ программу, въ идеологію со своей прессой и публицистикой; все новыя и новыя препоны, воздвигаемыя правительствомъ для евреевъ, стремившихся къ либеральнымъ профессіямъ—создавали почву для проникновенія въ еврейскую буржуазію и интеллигенцію національнаго самосознанія и національнаго чувства обиды. Появляется Ахадъ-Гаамъ со своимъ духовнымъ сіонизмомъ, проповѣдующій, что внутреннее возрожденіе и самобытное

развитіе еврейской націи возможно лишь на исторической почвѣ Палестины, что поэтому, необходима колонизація послѣдней для образованія духовнаго центра, изъ котораго со временемъ выростетъ еврейское государство. Появляется духовный націонализмъ Дубнова, который, не ставя цѣлью стремленій еврейскаго народа обрѣсти гдѣ бы то ни было собственную территорію, противъ «опасности обезличенія и ассимиляціи» проповѣдуетъ необходимость сохраненія въ *діаспорѣ* *) духа еврейской націи посредствомъ изученія древне-еврейскаго языка, еврейской исторіи и литературы.

Въ 1897 году созывается въ Базелѣ первый сіонистскій конгрессъ, знаменующій собою оффиціальное начало дѣятельности сіонистской организаціи въ Россіи. Сіонизмъ нашелъ благодарную почву. Онъ былъ какъ бы орудіемъ самозащиты противъ антисемитизма. Если раньше этимъ орудіемъ служило усиленное стремленіе раствориться въ окружающей средѣ — извѣстнаго рода культурно-психологическое mimicry (уподобленіе средѣ), то теперь его замѣнило подчеркиваніе своей національной обособленности. Сіонизмъ получилъ распространеніе среди различныхъ слоевъ: представителей либеральныхъ профессій и учащейся молодежи, торгово-промышленной буржуазіи и ремесленнаго люда.

Сіонистическое движеніе отнюдь не было направлено противъ политическаго гнета русскаго правительства. Не ставя никакихъ реальныхъ, конкретныхъ задачъ для защиты интересовъ широкой еврейской массы, выдвигая лишь утопическую цѣль созданія «правоохраннаго убѣжища» для евреевъ на родинѣ ихъ предковъ, сіонизмъ могъ удовлетворять до извѣстной степени нѣкоторую часть буржуазной интеллигенціи, чувствовавшей себя забитой и загнанной въ атмосферѣ антисемитизма и обрѣтавшей въ сіонистской программѣ нѣчто въ родѣ щита—душевное спокойствіе и дешевую идею, не требующую жертвъ. Но онъ не могъ удовлетворять интеллигенціи революціонно настроенной, не могъ привлекать рабочей массы, которая какъ разъ въ то время вела свою классовую, экономическую борьбу.

Національное движеніе среди евреевъ потекло съ тѣхъ поръ (со 2-й половины 90-хъ годовъ) по двумъ русламъ: сіонистско-буржуазному и соціалистически-ремесленному. Во главѣ послѣдняго стала организація «Бундъ», возникшая въ томъ же году, въ которомъ возникла организація сіонистская. Въ началѣ національный вопросъ не занималъ никакого мѣста ни въ программныхъ построеніяхъ, ни въ агитаціонной дѣятельности «Бунда». Сіонизмъ разсматривался исключительно, какъ реакція еврейской буржуазіи противъ буржуазнаго антисемитизма и какъ препятствіе въ развитіи классоваго самосознанія у еврейскаго пролетаріата. Но со временемъ дѣло приняло другой оборотъ. Въ самомъ сіонизмѣ все болѣе сталъ обнаруживаться расколъ: съ одной стороны «дипломатическое», буржуазно-филантропическое направленіе, съ другой—радикально-демократическое. Отъ этого послѣдняго въ свою очередь отвѣтвилось пролетарское теченіе—«Поалей-Ціонъ» (рабочій сіонизмъ).

Кишиневскій (въ апрѣлѣ 1903 г.) и гомельскій (въ концѣ августа 1903 г.) погромы придали новую силу сіонизму. Сознаніе національнаго единства, чув-

*) Въ мѣстахъ теперешняго пребыванія евреевъ.

ство кровной связи съ жертвами погромовъ стали живѣе и крѣпче. Погромы сдѣлались постоянно висящей надъ головами евреевъ опасностью. За это говорило то оффиціальное правительственное освѣщеніе, которое получили послѣдніе погромы: въ отличіе отъ погромовъ 80-хъ годовъ, причина коихъ усматривалась въ матеріальной эксплуатаціи со стороны евреевъ, новые погромы правительство признало протестомъ и местью патріотическаго христіанскаго населенія противъ революціоннаго движенія евреевъ. Такъ родились кружки самообороны—это активно-боевое движеніе еврейской рабочей и интеллигентной молодежи, движеніе по существу своему національное.

Всѣ эти явленія и событія должны были повліять и на соціалъ-демократическую организацію «Бундъ»; такъ какъ они вліяли на ту рабочую массу, въ средѣ которой «Бунду» приходилось дѣйствовать. Еще въ 1901 г. на IV съѣздѣ его было признано, что манифестъ Россійской Соціалъ-демократической рабочей партіи (1898 г.) черезчуръ лакониченъ по вопросу о «правѣ каждой національности на самоопредѣленіе». Впервые было признано еврейскими соціалистами, что понятіе «національность» приложимо вполнѣ и къ еврейскому народу и что единственной гарантіей національнаго равноправія является національная автономія. Впервые рѣчь зашла не только о классовомъ, но и о національномъ самосознаніи еврейскаго пролетаріата. Результатомъ этихъ новыхъ взглядовъ явилось постановленіе измѣнить свои отношенія къ «Россійской Соціалъ-демократической рабочей партіи» и вмѣсто прежней «автономной» связи вступить съ нею въ федеративную связь, въ качествѣ совершенно самостоятельной партіи еврейскаго пролетаріата.

Погромы породили также усиленіе эмиграціонной волны среди еврейской массы. Въ то время, какъ въ предыдущіе годы еврейская эмиграція изъ Россіи въ Соединенные Штаты стояла приблизительно на одномъ неизмѣнномъ уровнѣ, наплывъ русско-еврейскихъ иммигрантовъ въ 1903—1904 г. возросъ больше чѣмъ на 60%, а въ 1904—1905 г.—опять почти на 40%. За эти два года эмигрировало въ одни только Соединенные Штаты свыше 180 тысячъ евреевъ. Мы останавливаемся на фактѣ эмиграціи, потому что онъ, между прочимъ, послужилъ для созданія цѣлой теоріи такъ называемаго сіонистско-соціалистическаго территоріализма. Самые эти поиски, якобы, строго-научнаго, «глубоко-марксистскаго» обоснованія политическаго сіонизма доказываетъ, что идеаломъ сіонизма проникались и многіе изъ тѣхъ еврейскихъ интеллигентовъ, которые еще недавно признавали за еврейскимъ пролетаріатомъ только право на «классовое самосознаніе». Теперь въ «стихійныхъ эмиграціонно-колонизаціонныхъ процессахъ еврейской дѣйствительности» усмотрѣны были моменты, обусловливающіе «историческую необходимость территоріализма». Съ этой теоріей связана другая о «ненормальной пролетаризаціи еврейской массы». Евреи не проникаютъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ крупную капиталистическую промышленность. Какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ еврейскій пролетаріатъ не «индустріализируется», а сосредоточивается на низшихъ до-капиталистическихъ формахъ производства (ремеслѣ и мануфактурѣ). Отсюда—обнищаніе и вырожденіе еврейской массы. Переходъ все большаго числа еврейскихъ рабочихъ въ новыя области труда, распространеніе ихъ дѣятельности на другія стадіи производства, не исключая земле-

дѣлія и горнопромышленности, становится вопросомъ жизни и смерти для еврейскаго пролетаріата. Одно гражданское равноправіе—говорятъ еврейскіе націоналисты-соціалисты—не разрѣшитъ этого вопроса. Въ Галиціи, гдѣ евреи равноправны, въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, гдѣ царствуетъ демократія, замѣчается то же самое явленіе. Нужна территорія, которая для еврейскаго народа создастъ нормальную основу для *національнаго* хозяйства...

Наканунѣ революціи мы видимъ въ лонѣ русскаго еврейства цѣлый рядъ чрезвычайно знаменательныхъ явленій: враждебное отношеніе къ идеѣ ассимиляціи, сіонизмъ всѣхъ толковъ, ремесленно-соціалистическое движеніе въ лицѣ «Бунда», отдѣлившагося отъ россійской партіи и впитавшаго въ себя большую дозу націонализма, кружки еврейской самообороны, обильно разросшуюся жаргонную литературу, усиленную эмиграцію.

Національное революціонное движеніе кавказскихъ армянъ стоитъ въ прямой связи съ той политикой репрессій, которая была отмѣчена въ предыдущей главѣ и кульминаціоннымъ пунктомъ которой явился законъ 12 іюня 1903 года о секуляризаціи церковныхъ имуществъ армяно-грегоріанскаго духовенства. Отобраніе національно-церковныхъ имуществъ сыграло такую же роль для дѣятельности *собственно* на Кавказѣ, какую раньше жестокости «краснаго султана» играли въ турецкой Арменіи. Движеніе сразу приняло самыя бурныя, массовыя формы, вылившись въ революціонныя выступленія, демонстраціи (иногда вооруженныя), бойкотъ властей, террористическіе акты. Оно носило національный характеръ по преимуществу, потому что въ немъ участвовали самые различные слои армянскаго населенія — буржуазія, крестьянство, рабочіе, духовенство. Армяно-грегоріанское духовенство, непосредственно задѣтое въ своихъ моральныхъ и матеріальныхъ интересахъ, даже шло во главѣ движенія.

Въ прежнее время національное движеніе кавказскихъ армянъ выражалось исключительно въ поддержкѣ, оказываемой турецкимъ собратьямъ. Вооруженіе четъ, отправленіе ихъ въ Турцію, доставка оружія турецкимъ армянамъ, организація тамъ вооруженныхъ нападеній на турецкія войска—въ этомъ состояла дѣятельность Армянскаго національнаго Комитета (Дашнакцутюнъ) Дрошакистовъ. Но по мѣрѣ того, какъ обострялся режимъ руссификаціи, передъ организаціей выдвигалась задача пропаганды и организаціи кавказскихъ армянъ для соціально-политической дѣятельности на мѣстѣ, въ Россіи. Съ момента изданія закона 12 іюня она сдѣлалась главной руководительницей возникшаго здѣсь массоваго національнаго движенія.

Въ прокламаціи, изданной по поводу этого закона, Дрошакисты обращаются къ русскимъ согражданамъ и, между прочимъ, говорятъ: «если бы это была секуляризація со стороны самоуправляющагося народа, если бы управленіе изъ рукъ духовенства переходило къ какому-нибудь выборному учрежденію, находящемуся подъ общественнымъ контролемъ, то съ этимъ можно было бы мириться. На дѣлѣ происходитъ обратное: имущества переходятъ отъ самоуправляющагося въ этомъ дѣлѣ народа и отъ выборной церковной власти въ руки

никѣмъ не выбраннаго самодержавнаго правительства; самодержавная бюрократія, въ руки которой переходитъ управленіе всѣмъ многомилліоннымъ общественнымъ достояніемъ армянскаго народа, по принципу не признаетъ общественнаго самоуправленія, общественнаго контроля».

Мотивомъ борьбы, слѣдовательно, было не только охраненіе *національнаго* достоянія, но и защита принципа демократіи—*общественнаго самоуправленія*, протестъ противъ посягательства на это послѣднее. Въ теченіе всей второй половины 1903 года происходятъ волненія въ городахъ и селахъ по случаю пріема въ казенное управленіе имуществъ армянской церкви. Многотысячныя толпы народа собираются въ оградахъ церквей и оказываютъ пассивное, иногда вооруженное, сопротивленіе пріемщикамъ. Въ Елизаветполѣ, Баку, Карсѣ, Шушѣ, въ селахъ Камарлу, Урутъ, Аштакаръ, Окрякъ и многихъ другихъ дѣло кончается перестрѣлкой: въ Елизаветполѣ войсками было убито 7 и ранено 27 чел., въ Баку—убито 5 и ранено 11, въ Карсѣ—убитъ 1 и ранено 2 и т. д.

Убитые считались національными мучениками за святое дѣло. По нимъ служились торжественныя панихиды, причемъ священникомъ провозглашалось проклятіе виновникамъ убійствъ, а прихожане обыкновенно хоромъ подхватывали анаѳему, провозглашаемую съ амвона.

Не въ одномъ сопротивленіи властямъ выражалось національное движеніе. Церковное имущество, несмотря на описанное сопротивленіе, все же отбиралось, но . . . оно превращалось въ мертвый капиталъ.

Сенаторъ Кузьминскій, посланный правительствомъ на Кавказъ для изученія тамошняго революціоннаго движенія, отмѣчаетъ въ своемъ замѣчательно интересномъ отчетѣ этотъ фактъ. «Предполагалось, что доходность церковныхъ имуществъ и капиталовъ,—говоритъ сенаторъ — опредѣлявшаяся духовенствомъ до полумилліона рублей, должна возрасти болѣе, чѣмъ вдвое, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она значительно понизилась, вслѣдствіе организованнаго противодѣйствія армянскаго населенія: много торговыхъ заведеній остались несданными, арендная плата за земельные участки понизилась, сборъ урожая уменьшился». Организованный національный бойкотъ не ограничивался этимъ. Духовенство съ католикосомъ во главѣ отказалось принимать причитавшіеся ему по закону 12 іюня проценты съ управляемыхъ суммъ: «Оно продолжало безбѣдно существовать, пользуясь денежными воспособленіями богатыхъ прихожанъ» — говоритъ сенаторъ Кузьминскій; «предпочитало голодать и жить на крохи, собираемыя въ его пользу прихожанами» — сообщаетъ другой, не столь оффиціальный, источникъ.

Бойкотировались также правительственныя учрежденія. Сельскіе и уѣздные суды перестали функціонировать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили армяне. Общество пользовалось своими судами, организованными Національнымъ Комитетомъ. Бойкотировалась русская начальная школа. Взамѣнъ закрытыхъ правительствомъ устраивались новыя, нелегальныя, съ ярко-національной программой: въ одной Карсской области такихъ школъ насчитывалось около 60-ти.

На ряду съ этимъ стали все чаще повторяться террористическіе акты, которые были лишь выраженіемъ общаго настроенія и вызывали къ себѣ безусловное сочувствіе населенія. Одной изъ жертвъ террора сдѣлался самъ Голи-

цынъ 14 декабря 1903 г.; еще до этого покушенія погибъ въ Аджикентѣ Елизаветпольскій вице-губернаторъ Андреевъ, въ слѣдующемъ году, 25 іюля, палъ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ Эриванской губерніи Богуславскій, въ концѣ августа 1904 года погибъ полковникъ Быковъ, устроившій облаву на армянскую чету, перешедшую черезъ турецкую границу и перебившій около 50 человѣкъ. Терроръ распространялся и на косвенныхъ соучастниковъ національнаго гнета, шпіоновъ и доносчиковъ съ одной стороны, тѣхъ армянъ, которые въ той или другой мѣрѣ способствовали примѣненію закона, съ другой: такъ, сенаторъ Кузьминскій, отмѣчаетъ два случая убійства армянъ, изъ которыхъ одинъ подписалъ протоколъ о пріемѣ въ казну церковныхъ имуществъ, а другой пожелалъ купить отъ властей часть собраннаго урожая.

Національное движеніе армянъ, связанное съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ, могуче содѣйствовало росту вообще революціоннаго движенія на Кавказѣ среди крестьянъ и рабочихъ. Оно привело, въ концѣ концовъ, къ отмѣнѣ закона 12 іюня и къ формулированію той программы національной автономіи армянъ, съ которой мы будемъ имѣть случай ознакомиться при разсмотрѣніи цѣлаго ряда петицій и резолюцій, подаваемыхъ и принимаемыхъ армянскимъ населеніемъ въ 1905 году.

А. ЕГОРОВЪ.

Зарожденіе политическихъ партій и ихъ дѣятельность.

I. «Народовольцы», «Народн. Право» и либерализмъ въ 90-ыхъ годахъ.

Начало 90-хъ гг. характеризуется оживленіемъ общественно-политической мысли. Въ томъ тонкомъ интеллигентскомъ слоѣ, который, при всеобщемъ политическомъ затишьи 80-хъ гг., продолжалъ жить политическими интересами, проявляется теперь стремленіе къ образованію активныхъ группъ.

Предыдущія неудачныя попытки простого возрожденія «Народной Воли» утратили уже престижъ даже среди элементовъ, принципіально не отказавшихся отъ народовольческихъ традицій. Въ революціонной средѣ сложилось убѣжденіе, что всякія попытки создать боевую партію изъ наличныхъ разрозненныхъ революціонныхъ элементовъ, находящихся подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, ведутъ къ быстрому и неминуемому «провалу», какъ это и было въ 1887, 1888 и 1890 гг.

Заявившая въ началѣ 1892 года о своемъ существованіи особымъ воззваніемъ «Группа народовольцевъ» въ Петербургѣ *), вскорѣ начавшая выпускать подпольный органъ («Летучій Листокъ» №№ 1—4, за время 1892—96 гг.), держась въ принципѣ основныхъ положеній народовольческой программы, на практикѣ направила свою дѣятельность въ сторону соціалистической пропаганды въ рабочихъ кружкахъ. Къ 1894 году въ изданіяхъ группы проявляются нотки скептическаго отношенія къ основнымъ принципамъ революціоннаго народничества и, послѣ ареста весной того же года первоначальныхъ основателей группы, она все болѣе склоняется къ эклектическому сочетанію народовольчества и марксизма. Сталкиваясь въ своей дѣятельности среди рабочихъ съ соціалдемократами, петербургскіе «народовольцы» усваиваютъ нѣкоторую часть ихъ идей и сближаются съ ними до такой степени, что уже къ концу 1895 г. возникаютъ переговоры о совмѣстномъ (съ соціалдемократами) изданіи рабочей газеты. По мѣрѣ того, какъ въ Петербургѣ развивалось массовое стачечное движеніе, «Группа Летучаго Листка» все болѣе утрачивала связь съ народничествомъ, и послѣднее ея изданіе (№ 4 «Летуч. листка») носило уже достаточно

*) Въ ней наиболѣе вліятельны были А. А. Ѳедуловъ, М. Александровъ, Е. Александрова, А. Ергинъ, вокругъ которыхъ группировались революціонно-настроенные представители учащейся молодежи.

опредѣленный соціалъ демократическій характеръ. Издававшійся парижскими народовольцами сборникъ «Съ родины и на родину», еще по поводу № 3 «Летуч. листка», высказался рѣшительно противъ его соціалъ-демократическихъ тенденцій (въ статьѣ, подписанной «Старымъ народовольцемъ»).

Выступившая въ 1892 же году группа московскихъ народовольцевъ, къ которой примыкалъ извѣстный писатель Астыревъ, въ свою очередь, отклонилась отъ линіи парижскихъ эмигрантовъ въ сторону надеждъ на непосредственное движеніе въ затронутыхъ голодовками крестьянскихъ массахъ. По крайней мѣрѣ, отъ нея исходило выпущенное за подписью «Мужицкіе доброхоты» въ 1892 г. воззваніе къ крестьянамъ голодающихъ губерній, въ которомъ дѣлалась попытка разъяснить крестьянамъ связь голода съ общей политикой правительства и значеніе административныхъ преслѣдованій противъ интеллигенціи, помогающей крестьянамъ.

Пережившіе десятилѣтіе реакціи, частью вернувшіеся изъ ссылки, представители прежнихъ революціонныхъ поколѣній, считавшіе своими идейными вождями литераторовъ лѣваго крыла народниковъ—субъективистовъ (Н. К. Михайловскаго, прежде всего), также не думали о простомъ возрожденіи народовольческой партіи и ея тактическихъ пріемовъ. Въ лицѣ бывшаго основателя партіи «Земли и воли» М. А. Натансона, Н. С. Тютчева и друг., они заимствовали отъ «Народной Воли» лишь рѣшительное выдвиганіе впередъ, въ качествѣ центральной боевой задачи, борьбы за политическое освобожденіе—внѣ связи съ тѣмъ опредѣленнымъ цикломъ народническихъ идей о непосредственномъ переходѣ освобожденной Россіи въ фазу крестьянскаго соціализма, который составлялъ теоретическую базу народовольчества. Въ то же время они, подобно дѣятелямъ лондонскаго «Фонда» и группъ «Свободы», «Самоуправленія» въ 80-хъ годахъ, уже не вѣрили въ возможность совершенія переворота силами одной заговорщической соціально-революціонной партіи и жаждали сближенія революціонной интеллигенціи съ прогрессивной частью имущихъ классовъ, перенося на эту оппозиціонную часть буржуазнаго общества значительную часть своихъ политическихъ надеждъ. Въ планы дѣятелей этой группы—прежде всего, М. А. Натансона—входило, повидимому, постепенное и осторожное сплоченіе всевозможныхъ интеллигентскихъ, революціонныхъ и оппозиціонныхъ кружковъ вокругъ центральнаго ядра, которое, при условіи общественнаго подъема, явилось бы, черезъ посредство этой сѣти кружковъ, инспираторомъ всевозможныхъ движеній протеста, захватывающихъ широкіе общественные круги, вплоть до земскихъ либераловъ. Реальнымъ базисомъ этой программы являлось то сближеніе демократическаго по своему составу «третьяго элемента» съ передовой частью земскихъ дѣятелей, которое совершилось втеченіе 80-хъ годовъ на совмѣстной культурной работѣ, подъ градомъ сыпавшихся на обѣ соціальныя группы преслѣдованій реакціи; основной же посылкой для успѣха программы являлся *отказъ отъ соціализма*, отъ лозунговъ, требованій и методовъ работы, предполагавшихъ возбужденіе соціальной розни въ народныхъ массахъ. Къ 1893 году эти послѣдователи *революціоннаго конституціонализма* сложились въ опредѣленную организацію, и къ началу слѣдующаго года заявили о себѣ выпускомъ «Манифеста партіи Народнаго права» и программной бро-

шюры «Насущный вопросъ». Задача политическаго преобразованія, совершаемаго объединенными усиліями революціонной и оппозиціонной части образованныхъ слоевъ населенія, отчетливо формулирована въ этихъ документахъ, и съ этой точки зрѣнія въ брошюрѣ «Насущный вопросъ» рѣзко критикуется народничество того умѣренно-либеральнаго типа, которое наполняло собою въ это время прогрессивную публицистику, отвлекая умы интеллигенціи отъ всякой политической борьбы, во имя культурно-экономическихъ задачъ, частью имѣвшихъ втеченіе 80-хъ годовъ объективно-прогрессивное значеніе, частью съ самаго начала связанныхъ съ соціально-реакціоннымъ утопизмомъ.

Въ планы Натансона и его сотоварищей входило, какъ сказано, исподволь подготовить выступленіе революціонныхъ конституціоналистовъ, какъ политической партіи. Начатая въ 1892 году, эта подготовительная работа успѣла привлечь къ «Народному праву» довольно значительное количество интеллигентскихъ кружковъ (въ Орлѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Перми, Петербургѣ, Москвѣ и др. городахъ), въ томъ числѣ и извѣстные элементы петербургскаго литературнаго міра (покойный Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ былъ авторомъ брошюры «Насущный вопросъ», а Н. К. Михайловскій и его кружокъ были тѣсно связаны съ Натансономъ). Но открытое выступленіе партіи въ 1894 году было, очевидно, преждевременнымъ: оно привело къ быстрому разгрому всей организаціи полиціей, а уцѣлѣвшіе болѣе молодые элементы не удержались на позиціи «Манифеста» и вскорѣ растворились въ массѣ демократической молодежи, вниманіе которой въ ближайшіе годы направилось цѣликомъ въ сторону рабочаго движенія и его представительницы—соціалъ-демократіи. Неудача «Народнаго Права» означала, что для политическаго движенія буржуазной демократіи подъ ея собственнымъ знаменемъ—знаменемъ революціоннаго конституціонализма—еще не было благопріятныхъ условій, пока движеніе *народныхъ массъ* не успѣло влить въ русское общество, деморализованное побѣдой реакціи послѣ 1-го марта, новой вѣры въ возможность успѣшной борьбы за свои интересы.

Нѣкоторое оживленіе въ средѣ либеральныхъ земцевъ, проявлявшееся въ концѣ 1894 и началѣ 1895 года, въ связи съ перемѣной царствованія, прошло слишкомъ быстро и окончилось слишкомъ жалко, чтобы могло остановить на себѣ вниманіе и привлечь надежды значительнаго числа революціонеровъ. Среди земскихъ либераловъ въ концѣ 1894 года происходили въ Петербургѣ довольно многочисленныя совѣщанія для обсужденія плановъ дѣятельности. Но, оживляясь послѣ долгаго затишья, передовые земцы далеки были отъ мысли начать съ того пункта, котораго ихъ движеніе достигло въ высшій моментъ своего предыдущаго развитія—съ требованія конституціи и съ попытки координированія своихъ усилій съ усиліями крайнихъ элементовъ. И то, и другое, въ концѣ 70-хъ годовъ, предполагало у либераловъ именно признаніе силы и серьезности наличнаго революціоннаго движенія; при отсутствіи этого условія, либерализмъ могъ рѣшиться лишь на крайне туманныя заявленія о желательности «реформъ», о «довѣріи», о расширеніи земскихъ вольностей и о водвореніи «законности». Послѣ долгихъ лѣтъ политической и общественной реакціи даже и такія заявленія имѣли объективно-крупное политическое значеніе и оказали на общество ободряющее дѣйствіе. Но когда—неожиданно для самихъ земцевъ—ихъ скромныя

ходатайства вызвали рѣзкій отпоръ со стороны правительства, сопровождаемый нѣкоторыми репрессивными мѣрами, земское движеніе снова сошло съ политической арены, и проявленная имъ слабость не давала возможности «народоправчески»—настроенной части радикальной интеллигенціи искать въ немъ точки опоры для своей дѣятельности *).

II. Соціалъ-демократы въ 90-ыхъ гг.

Пропаганда соціалъ-демократическихъ идей, которую, въ теченіе 80-ыхъ гг., вела «Группа Освобожденія Труда», создала ей къ концу десятилѣтія небольшой контингентъ адептовъ среди революціонной интеллигенціи. Еще въ 1885 году въ Петербургѣ образовалась группа соціалъ-демократовъ (Благоевъ, Харитоновъ и др.), издавшая 2 №№ «Рабочей Газеты». Послѣ ея ареста соціалъ-демокр. группы и отдѣльныя единицы вели устную пропаганду въ небольшихъ кружкахъ рабочихъ.

На голодъ 1891—2 г.г. «Группа Осв. Труда» реагировала двумя брошюрами Плеханова («Всероссійское раззореніе» и «Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ»). Въ нихъ предлагалось соціалдемократамъ взять на себя починъ въ дѣлѣ организаціи общественнаго движенія противъ стараго режима на почвѣ «борьбы съ голодомъ», перенести броженіе, проявившееся уже въ обществѣ, въ народныя массы и, сохраняя свою политическую самостоятельность, дѣйствовать солидарно съ либеральной и демократической оппозиціей. Такая практическая задача не соотвѣтствовала, однако, тогдашнимъ силамъ русскихъ соціалдемократовъ. На рабочую массу въ цѣломъ онѣ вліянія не имѣли, и происходившія то тамъ, то сямъ, массовыя волненія рабочихъ на экономической почвѣ до 1893 г. проходили внѣ всякой связи съ соціалъ-демократическими единицами изъ рабочихъ. Самая же пропагандистская дѣятельность постепенно расширялась, привлекая къ себѣ вниманіе радикальной молодежи. Изданныя въ 1891 г. рѣчи петербургскихъ рабочихъ на тайномъ собраніи въ день 1 мая этого года способствовали росту популярности новаго движенія. Голодъ же 1891—92 гг., такъ подчеркнувшій разстройство крестьянскаго хозяйства и соціальную безпомощность деревни, сдѣлалъ широкіе круги радикальной интеллигенціи психологически способными усвоить пропаганду марксистовъ. Усиленіе и умноженіе соціалдемократическихъ группъ сдѣлало для нихъ въ ближайшіе годы возможнымъ развить рамки своей дѣятельности и выйти за предѣлы тѣсныхъ кружковъ, объединявшихъ передовыя единицы пролетаріата. Но такъ какъ общественное оживленіе, вызванное голодомъ, не проявилось въ какомъ-нибудь опредѣленномъ политическомъ движеніи другихъ классовъ (земская оппозиція послѣ январской рѣчи 1895 г. стихла, студенческая масса вплоть до 1899 г. была настроена аполитически, попытка «Народ. Права» организовать политическое движеніе демократіи потерпѣла неудачу), и такъ какъ, въ то же время, рѣзкій промышленный подъемъ вызвалъ къ жизни интенсивное экономическое движеніе пролетаріата,

*) Въ земской агитаціи 1894 года принимали участіе нѣкоторые народоправцы, ихъ попытки доставить земскимъ ходатайствамъ поддержку широкихъ круговъ общества потерпѣли неудачу.

то растущая активность соціалъ-демократическихъ группъ направилась не по тому пути открытой борьбы за политичекую свободу, который намѣчался Плехановымъ въ брошюрахъ «Соціализмъ и политическая борьба» 1883 г. и «Задачи соціалистовъ». Эта активность направилась въ сторону организаціи *профессіонально-экономической борьбы рабочихъ съ капиталистами*, въ разсчетѣ на то, что самая эта борьба, ограниченная рамками отношеній труда и капитала, внѣ связи съ основными вопросами общественно-политической жизни страны и внѣ соприкосновенія съ другими соціально-политическими движеніями, столкнетъ впослѣдствіи пролетаріатъ съ представителями стараго режима, отстаивающими противъ рабочихъ интересы капитала.

Сосредоточенію вниманія соціалъ-демократіи на организаціи экономической борьбы способствовало то тяготѣніе революціонныхъ элементовъ къ *мѣстной раздробленности* своей дѣятельности, которое явилось естественной реакціей противъ предыдущаго «народовольческаго» увлеченія партійной централизаціей. Мы уже упоминали выше, что къ началу 90-хъ гг. въ радикальныхъ кругахъ утвердилось убѣжденіе въ томъ, что всякая попытка организаціи боевыхъ силъ въ широкомъ масштабѣ связана съ неизбѣжностью «проваловъ». Для соціалдемократовъ, ведшихъ осѣдлую, упорную и медленную работу въ разныхъ пунктахъ Россіи, работу, обставленную величайшей осторожностью и конспиративностью, такіе провалы означали перерывъ въ систематической коллективной дѣятельности. Поэтому они являлись особенно рѣшительными противниками, до поры—до времени, попытокъ связать воедино отдѣльные, мѣстные революціонные кружки и относились съ опаской даже къ случайнымъ сношеніямъ между дѣйствовавшими въ Россіи группами, равно какъ и къ сношеніямъ съ руководящей заграничной группой «Освобожденія Труда». Это обстоятельство явилось благопріятнымъ факторомъ для сосредоточенія энергіи с.-д. группъ, въ срединѣ 90-хъ годовъ, на обслуживаніи носившаго мѣстный характеръ экономическаго движенія рабочихъ массъ.

Новая, такъ называемая «агитаціонная», тактика привилась прежде всего съ большимъ успѣхомъ въ Вильно, гдѣ уже въ 1893—94 гг. соціалъ-демократической группѣ удалось объединить и внести планомѣрность въ стачечное движеніе еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ. Съ 1894 г. та же тактика примѣняется въ Москвѣ, съ 1895 г.—въ Петербургѣ, съ 1897 г.—въ Екатеринославѣ, и въ ближайшіе года становится общей для всѣхъ соціалъ-демократическихъ группъ. Ея распространенію много способствовала вышедшая изъ упомянутой Виленской группы брошюра «Объ агитаціи», энергично отстаивавшая путь руководства стачечнымъ движеніемъ и экономической самодѣятельностью массъ, какъ единственный путь, ведущій соціалъ-демократовъ къ образованію рабочей партіи.

Начавшееся въ 1895 г. громадное стачечное движеніе въ Московскомъ и Петербургскомъ районахъ и особенно петербургскія стачки текстильныхъ рабочихъ въ 1896 и 1897 гг. впервые выдвинули соціалъ-демократическія группы, руководившія главнѣйшими изъ этихъ забастовокъ, на степень важнаго фактора общественной жизни. Правительственное сообщеніе, изданное въ іюнѣ 1896 г., указало на видную роль, сыгранную Петербургскимъ «Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и Московскимъ «Рабочимъ союзомъ» (позднѣе, также переименовавшимся въ «Союзъ борьбы»).

«Союзы борьбы» (кромѣ Петербурга и Москвы, таковые создались въ 1896 г. въ Кіевѣ и въ 1897 г.—въ Екатеринославѣ; аналогичный характеръ имѣли с.-д. группы въ Нижнемъ Новгородѣ, Вильно, Минскѣ, Харьковѣ) представляли собою сравнительно немногочисленныя группы интеллигентовъ-соціалъ-демократовъ, изрѣдка пополнявшіяся отдѣльными единицами изъ передовыхъ рабочихъ. Первоначально члены «Союзовъ» вели пропаганду непосредственно среди кружковъ болѣе активныхъ рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ или районовъ, черезъ посредство которыхъ они собирали свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и о наростающихъ конфликтахъ; на основаніи добытыхъ такимъ способомъ свѣдѣній, «Союзъ» выпускалъ воззваніе, посвященное условіямъ труда въ данной отрасли или фабрики, а члены рабочаго кружка путемъ устной агитаціи и личнаго вмѣшательства въ массовые конфликты, становились во главѣ стачекъ и другихъ формъ протеста. Черезъ посредство тѣхъ же рабочихъ кружковъ «Союзы» распространяли нелегальную и легальную литературу, посвященную вопросамъ рабочаго движенія и соціализма. Съ ростомъ организаціи, на долю центральныхъ группъ, выступавшихъ въ качествѣ «Союзовъ» выпадали преимущественно функціи направленія всей работы въ цѣломъ; пропаганда и руководство отдѣльными рабочими кружками доставалась многочисленнымъ группамъ пропагандистовъ, состоявшимъ преимущественно изъ учащейся молодежи и работавшимъ подъ контролемъ членовъ центральной группы. Съ другой стороны, рабочіе кружки тоже дифференцировались, раздѣляясь на центральные, охватывавшіе наиболѣе испытанныхъ и вліятельныхъ рабочихъ и игравшіе роль организаціоннаго передаточнаго звена, связывающаго массу съ «Союзомъ», и кружки, въ которыхъ болѣе молодые рабочіе занимались изученіемъ соціализма подъ руководствомъ пропагандистовъ. Члены рабочихъ кружковъ и находившіеся подъ ихъ вліяніемъ элементы часто образовывали кассы, средства которыхъ расходовались частью на поддержку забастовокъ, частью на устройство библіотекъ и помощь жертвамъ полицейскихъ репрессій. Иногда—особенно въ моменты сильнаго возбужденія въ рабочей массѣ на почвѣ надвигающагося экономическаго конфликта—эти кассы охватывали довольно значительное количество рабочихъ. Особеннаго развитія эти кассы, организованныя по цехамъ, достигали въ Вильно, Минскѣ и другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края. Въ Вильно уже осенью 1895 г. въ 23 такихъ кассахъ имѣлось около 1000 платящихъ членовъ—цифра значительная, при немногочисленности мѣстнаго ремесленнаго пролетаріата. Значительнаго развитія такія кассы достигли въ Москвѣ въ 1895—96 гг. (позднѣе онѣ здѣсь пришли въ упадокъ).

Въ общемъ, по всей Россіи (не считая Польши), ко второй половинѣ 90-хъ годовъ, вокругъ соціалъ-демократическихъ «Союзовъ борьбы» и аналогичныхъ группъ было организовано нѣсколько тысячъ рабочихъ и нѣсколько сотъ интеллигентовъ (кромѣ пропагандистскихъ и агитаторскихъ группъ, сюда надо отнести многочисленныя техническія группы и группы, собиравшія денежныя средства). Хроника того времени изобилуетъ чрезвычайно многочисленными, быстро слѣдующими одинъ за другимъ—въ Петербургѣ и Москвѣ по 5—6 и болѣе разъ въ годъ—массовыми «провалами» среди лицъ, прикосновенныхъ къ соціалъ-демократическимъ организаціямъ; особенно изумительно количество «вылавливаемыхъ»

полиціей интеллигентовъ, главнымъ образомъ, изъ среды учащейся молодежи, мѣсто которыхъ быстро занимаютъ новыя и новыя сотни дѣятелей. Ибо къ этому времени соціалъ-демократизмъ, еще въ началѣ десятилѣтія насчитывавшій своихъ адептовъ среди интеллигенціи лишь десятками, сталъ наиболѣе вліятельнымъ направленіемъ въ молодомъ поколѣніи демократической интеллигенціи.

Это распространеніе соціалъ-демократическихъ идей среди широкихъ не-пролетарскихъ слоевъ, непосредственно не затрагиваемыхъ противорѣчіями капиталистическаго строя, являлось необходимымъ результатомъ всего предшествующаго соціальнаго и умственнаго развитія русскаго общества. Сдавленная тисками политическихъ формъ до-капиталистическаго строя, демократическая интеллигенція искала въ народныхъ массахъ рычагъ, который помогъ бы ей добиться политическаго преобразованія. За періодомъ увлеченія крестьянствомъ,—послѣ того какъ послѣднее не оправдало ожиданій,—долженъ былъ послѣдовать періодъ сосредоточенія освободительныхъ надеждъ на промышленномъ пролетаріатѣ. Первые, ошеломляющіе успѣхи рабочаго движенія приковали къ себѣ вниманіе всѣхъ вольнолюбивыхъ элементовъ. Но русское рабочее движеніе, благодаря особенностямъ историческаго развитія Россіи, съ самаго начала проявилось въ формахъ, соотвѣтствующихъ довольно высокому развитію экономическихъ отношеній. Не пролетаріатъ ремесла, преобразующагося въ капиталистическую мануфактуру, а пролетаріатъ крупной фабричной индустріи, непосредственно противостоящій магнатамъ международнаго капитала, сталъ въ центрѣ русскаго рабочаго движенія. Соотвѣтственно этому, идеологическія формы этого движенія должны были выработаться въ направленіи современнаго европейскаго соціалъ-демократизма. Усиленная теоретическая пропаганда русскихъ марксистовъ, своей критикой освобождавшихъ умы интеллигенціи отъ наслѣдства народническихъ традицій, работала въ томъ же направленіи. Поэтому всѣ промежуточныя формы идеологіи, пытавшіяся лишь *учесть* въ своей программѣ фактъ появленія рабочаго класса, какъ революціонной силы, но не разрывавшія связи съ прошлыми идеологіями (народовольчество и народоправчество) не могли подчинить себѣ демократическую интеллигенцію. Главная ея масса въ 90-хъ годахъ формировалась въ активно-оппозиціонную старому порядку силу, подъ флагомъ соціалъ-демократическаго марксизма.

Ставшій при такихъ условіяхъ теоретическимъ credo демократической интеллигенціи марксизмъ, по мѣрѣ его распространенія въ этой средѣ, долженъ былъ испытать рядъ существенныхъ измѣненій, которыя, въ концѣ концовъ, должны были внести въ него своеобразное соціально-политическое содержаніе, прямо противорѣчащее его историческому происхожденію, какъ доктрины классовой борьбы пролетаріата *). Этотъ процессъ сталъ доступенъ наблюденію съ момента выхода марксизма на арену *легальной литературы* («Новое Слово» въ 1897 г.).

*) Эволюція эта совершилась лишь постепенно. Ея симптомомъ явились, съ самаго начала успѣховъ марксизма въ интеллигенціи, попытки связать марксизмъ, какъ соціально-политическое ученіе, съ отрицаніемъ *философскаго* матеріализма (П. Струве въ „Критическихъ замѣткахъ"; онъ же и С. Булгаковъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи").

Воспитывавшаяся подъ вліяніемъ этой легальной литературы, соціалъ-демократическая молодежь воспринимала многія изъ ея идей. И въ то же время ея собственная практика въ рабочемъ движеніи вырабатывала въ ней своеобразное пониманіе усвоеннаго ею ученія. Перейдя отъ пропаганды въ кружкахъ къ агитаціи въ массахъ, соціалъ-демократы, слѣдуя совѣтамъ своихъ учителей *), брали за исходный пунктъ своей дѣятельности экономическіе конфликты рабочихъ съ предпринимателями. При этомъ они разсматривали свою дѣятельность въ данномъ направленіи, лишь какъ необходимый и могущій быть скоро пройденнымъ этапъ, который долженъ поставить рабочій классъ передъ задачей радикальнаго преобразованія политическаго строя **). Между тѣмъ, практика самой экономической агитаціи завлекла агитаторовъ дальше первоначально поставленной цѣли. Небывалый еще промышленный подъемъ вовлекалъ въ стихійное экономическое движеніе одни слои пролетаріата за другими; несмотря на всѣ репрессіи правительства, стачечное движеніе одерживало немало частичныхъ побѣдъ, которыя—при отсутствіи массовыхъ рабочихъ организацій—ставили рабочихъ передъ необходимостью напрягать снова всѣ силы для защиты завоеванныхъ позицій противъ попытокъ капиталистовъ отобрать ихъ обратно. Слабыя численно и матеріально организаціи «Союзовъ борьбы» не успѣвали обслуживать всѣ эти потребности массоваго движенія и, постоянно разрушаемыя политической полиціей, вели свою работу до извѣстной степени анархически—безъ плана,—стихійно слѣдуя за развитіемъ самого массоваго движенія. Ихъ агитаціонная роль во время стачечныхъ конфликтовъ создавала имъ широкую популярность въ массахъ. Въ то же время не прекращавшаяся ими, хотя и слабо развиваемая, политическая агитація не встрѣчала въ массахъ, увлеченныхъ возможностью—благодаря промышленному подъему—непосредственныхъ матеріальныхъ улучшеній, надлежащаго отклика. При такихъ условіяхъ, къ концу 90-хъ годовъ члены соціалъ-демократическихъ организацій все болѣе сосредоточивали свое вниманіе на самомъ процессѣ повседневной экономической борьбы рабочихъ съ хозяевами, упуская изъ поля зрѣнія всю соціально-политическую обстановку, въ которой эта борьба происходила—всѣ тѣ другія общественныя противорѣчія, которыя, рано или поздно, должны были вовлечь въ сферу своего дѣйствія и рабочія массы. На сколько-нибудь обозримое время они ограничивали свои задачи формированіемъ экономической борьбы рабочихъ и ихъ организаціей на почвѣ этой борьбы, склоняясь къ мысли, что самые успѣхи такой экономической

*) „Отвѣтъ П. Аксельрода“ на письмо одного практика, изданный на гектографѣ въ 1887 г. (цит. въ книгѣ П. Аксельрода „Борьба соціалист. и буржуаз. тенденцій“, изд. Дружинина и Максимовой, 1907, стр. 106) и Плехановъ, „Русскій рабочій“.

**) Такъ вопросъ ставился въ „Докладѣ“ с.-д. делегаціи на международн. конгрессъ въ Лондонѣ (1896 г.), въ брошюрахъ: „Задачи русскихъ соціалъ-демократовъ“ (Н. Ленинъ, 1897 г., стр. 27), „Современная Россія“ (Л. Мартовъ, 1897 г., стр. 45), „Рабочее дѣло въ Россіи“, 1-е изд. (Л. Мартовъ, 1899 г., стр. 75 и сл.). Въ упомянутой брошюрѣ „Объ агитаціи“ (1894—1895 гг.) авторъ разсматриваетъ профессіоналистскую агитацію, лишь какъ необходимый этапъ, хотя въ этой брошюрѣ, очевидно, предполагается неизбѣжность очень продолжительнаго прохожденія его рабочимъ классомъ (брошюра была написана до начала, вообще, массоваго движенія въ крупныхъ центрахъ).

борьбы будутъ почти автоматически улучшать и правовое положеніе рабочаго класса по мѣрѣ того, какъ правительство будетъ санкціонировать вошедшія уже въ жизнь завоеванія рабочихъ въ области свободы стачекъ, коалицій, собраній и т. д. Возможность въ ближайшее время обращаться къ рабочимъ массамъ съ прямымъ призывомъ къ политической борьбѣ представлялась имъ исключенной, такъ какъ культурный и политическій уровень этихъ массъ они считали крайне низкимъ.

Въ выработкѣ такого взгляда сказалось не только то обстоятельство, что эпоха промышленнаго подъема, какъ это всегда бываетъ, создавала въ массахъ иллюзію возможности успѣшной борьбы въ рамкахъ чисто-экономическихъ отношеній. Та же эпоха промышленнаго подъема была эпохой наиболѣе тѣснаго сближенія между бюрократіей и крупной торгово-промышленной буржуазіей. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній классъ, игравшій въ Западной Европѣ такую выдающуюся роль въ процессѣ политическаго преобразованія государственнаго строя, являлся силой, настроенной консервативно; болѣе того, въ этотъ періодъ онъ представлялся болѣе непосредственно заинтересованнымъ въ сохраненіи стараго порядка, чѣмъ даже земельное дворянство, фрондировавшее противъ протекціонной политики Витте. Это обстоятельство вело, съ одной стороны, къ тому, что русскіе соціалъ-демократы второй половины 90-хъ годовъ склонны были видѣть въ самой экономической борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями политическую, классовую борьбу съ организованнымъ господствомъ буржуазіи; съ другой стороны, оно должно было приводить ихъ къ представленію о томъ, что въ Россіи пролетаріатъ является единственной силой, объективно-способной стать борцемъ за политическій прогрессъ: промышленная буржуазія имъ представлялась силой, солидарной со старой властью; дворянское землевладѣніе, фрондировавшее и выдѣлявшее либеральную, земскую оппозицію, казалось неспособнымъ къ прогрессивной роли въ виду того, что его экономическимъ базисомъ являлись докапиталистическія соціальныя отношенія; на крестьянство, подъ вліяніемъ упорной борьбы съ народничествомъ, сложился опредѣленный взглядъ, отрицавшій въ немъ всякую способность къ политической борьбѣ; интеллигенцію—въ видѣ реакціи противъ ея идеализаціи у народовольцевъ и «субъективистовъ»—признавали, по выраженію П. Б. Струве, «въ соціологическомъ отношеніи une quantité négligeable» *). Но, если пролетаріатъ одинъ являлся дѣйствительнымъ факторомъ борьбы за политическое преобразованіе, и если только тѣ противорѣчія, которыя сталкиваютъ его на фабрикѣ съ предпринимателемъ, являются факторомъ, революціонизирующимъ общественныя отношенія, то отсюда неизбѣженъ былъ выводъ, что задача политической борьбы встанетъ передъ соціалъ-демократами лишь тогда, когда изолированная отъ всѣхъ другихъ процессовъ, борьба рабочихъ съ капиталистами приведетъ ихъ къ непосредственному столкновенію со всѣмъ государственнымъ механизмомъ; когда рабочія массы ощутятъ необходимость въ закрѣпленіи за собою, въ правовыхъ нормахъ, тѣхъ экономическихъ завоеваній, которыхъ ему удастся и будетъ удаваться достигать въ экономической борьбѣ.

Такова была психологія соціалъ-демократическихъ практиковъ того періода, который впослѣдствіи въ литературѣ былъ окрещенъ періодомъ «экономизма».

*) „Критическія замѣтки“, Спб., 1894.

Уже на этой основѣ развились дальнѣйшія модификаціи тогдашняго соціалъ-демократизма, приведшія многихъ его адептовъ къ полному отрицанію значительной части воззрѣній «Группы Освоб. труда». Съ наибольшей рѣшительностью идея о полной изолированности пролетаріата въ борьбѣ за свободу была высказана въ вышедшемъ въ 1899 г. на Уралѣ сборникѣ «Пролетарская борьба». Но въ менѣе ясномъ видѣ, съ менѣе послѣдовательно-сдѣланными выводами эта идея въ то время господствуетъ надъ умами большинства практиковъ соціалъ-демократіи.

Подъ вліяніемъ же брентанизма и бернштейніанства, среди части дѣйствовавшихъ въ Россіи соціалъ-демократовъ, какъ и эмигрантовъ, «экономизмъ» сталъ пріобрѣтать характеръ идеологіи оппортунистическаго, «чисто-рабочаго» движенія, принципіально отвергающаго значеніе конечныхъ цѣлей и замѣняющаго задачу борьбы съ даннымъ политическимъ строемъ въ цѣломъ—хотя бы и для будущаго—борьбой за «отдѣльныя права», которыя рабочій классъ сможетъ получить отъ старой власти, не затрагивая юридическихъ основъ ея господства. Наиболѣе рельефно эти тенденціи пробивались въ петербургскомъ органѣ «Рабочая мысль» (1896—1902 гг.), первоначально основанномъ группою рабочихъ, желавшихъ имѣть трибуну для выраженія своихъ взглядовъ.

Процессъ проникновенія «экономическихъ» и бернштейніанскихъ идей въ русскую соціалъ-демократію осложнился внутренней, организаціонной борьбой. Мы уже упоминали, что организаціи «Союзовъ борьбы», руководимыя центральными группами изъ интеллигентовъ, на периферіи своей включали мало-оформленныя рабочія группы, въ составъ которыхъ частью входили рабочіе, только еще затронутые классовымъ движеніемъ. Въ то время, какъ руководящія группы, сохранявшія преемственность съ движеніемъ средины десятилѣтія, смотрѣли на ограниченіе дѣятельности «Союзовъ» преимущественно экономическими задачами, лишь какъ на неизбѣжное, временное зло,—въ рабочей и интеллигентской периферіи укрѣплялось все больше вліяніе идей «экономизма». Съ другой стороны, самый ростъ организаціи вызвалъ въ ея низахъ стремленіе получить гарантіи возможности оказывать вліяніе на ходъ ея дѣлъ, руководимыхъ центральной группой. Такъ какъ въ послѣднюю входили преимущественно интеллигенты, то сюда присоединилось требованіе передовыхъ рабочихъ о томъ, чтобы они были допущены къ управленію организаціей. Лозунгъ «демократизма» и противопоставленіе рабочихъ интеллигентамъ тѣсно сплелись съ пропагандой «экономизма».

Начиная съ 1897 г., въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ назрѣваетъ, такимъ образомъ, кризисъ, приведшій затѣмъ къ расколу. Кризисъ первоначально обнаружился въ заграничной эмиграціи. Образованный эмигрантами «Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ за границей» оказался, по мѣрѣ его заполненія болѣе молодыми эмигрантами, въ большинствѣ своемъ, враждебнымъ тѣмъ принципамъ, которые отстаивала «Группа Освобожденія Труда». Молодые эмигранты имѣли въ своихъ рукахъ связи съ дѣйствовавшими въ Россіи соціалъ-демократическими организаціями, внутри которыхъ лишь немногіе, болѣе старые, члены были солидарны съ «Группой Освобожденія Труда». Въ рядѣ произведеній *) членъ этой группы, П. Б. Аксельродъ, въ теченіе 1897—98 гг. выступилъ

*) Послѣсловіе къ брош. „Объ агитаціи“ и брошюры: „Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалъ-демократовъ“, „Историческое

съ мягкой критикой идей, пріобрѣтавшихъ право гражданства въ русской соціалъ-демократіи, и съ призывомъ къ расширенію содержанія ведущейся соціалъ-демократами агитаціи.

Между тѣмъ, въ заграничномъ «Союзѣ» отношенія двухъ частей сильно обострились, и къ концу 1898 года «Группа Освоб. Труда» сложила съ себя обязанности редакціи его изданій, послѣ чего самъ союзъ вскорѣ раскололся на 2 части. Во главѣ большинства стала редакція «Рабочаго Дѣла» (В. Иваньшинъ, Б. Кричевскій, П. Тепловъ), занявшая среднюю, эклектическую позицію между «политиками» и «экономистами», между «ортодоксами» и «бернштейніанцами» *).

Въ Россіи сторонниковъ взглядовъ «Группы Осв. Труда», какъ они формулировались въ брошюрахъ Аксельрода, вовсе не было. Но здѣсь между болѣе старымъ и болѣе молодымъ поколѣніемъ соц.-дем. работниковъ существовало не оформившееся въ програмныхъ разногласіяхъ—различіе настроенія: дѣятели, стоявшіе во главѣ Петербургскаго и Кіевскаго «Союзовъ», равно какъ группа, выпускавшая въ 1897 г. на югѣ «Рабочую Газету» склонялись къ переходу на путь политической агитаціи и потому считали важной организаціонной задачей объединеніе наличныхъ «Союзовъ» въ политическую партію; постольку эти элементы тяготѣли къ «Группѣ Осв. Труда», не раздѣляя, какъ указано, ея тактическихъ взглядовъ или, вѣрнѣе, не будучи даже хорошо съ ними знакомы и представляя самый переходъ соціалъ-демократіи къ политической борьбѣ могущимъ совершиться на томъ узкомъ базисѣ профессіонально-экономическаго рабочаго движенія, которымъ ограничивалась агитація «Союзовъ». Напротивъ, соціалдемократическая периферія, болѣе трезвенно настроенная, склонна была желать еще болѣе тщательнаго отодвиганія всякихъ политическихъ вопросовъ въ будущее, дабы расширить русло наличнаго рабочаго движенія вовлеченіемъ въ него наиболѣе темныхъ слоевъ рабочаго класса, которые, по своей несознательности, представлялись завѣдомо-враждебными всякой «политикѣ». Для этой периферіи образованіе партіи изъ наличныхъ Союзовъ означало усиленіе вліянія руководящихъ, центральныхъ группъ, вліянія идеологовъ надъ практиками, равно какъ неизбѣжное оттѣсненіе чисто-экономической агитаціи агитаціей политической. Она рѣшительно выступила поэтому противъ идеи образованія с.-д. партіи, настаивая на томъ, что рабочая партія можетъ вырости лишь органически изъ самого рабочаго движенія, когда оно—въ лицѣ массы рабочихъ—вплотную подойдетъ къ политическимъ задачамъ, и когда сами мѣстныя организаціи, утративъ свой іерархическій и интеллигентскій характеръ, станутъ рабочими организаціями, охватывающими всю борющуюся часть пролетаріата. Всякій другой путь образованія партіи объявлялся «заговорщическимъ» и «народовольческимъ».

Здѣсь сказалась отмѣченная уже выше реакція девятидесятниковъ противъ прежней тенденціи образованія скороспѣлыхъ «партій» изъ немногочисленныхъ и непрочныхъ кружковъ. Эта реакція, еще до дифференціаціи соціалъ-демократовъ

положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціальной демократіи" и „Письмо въ редакцію «Раб. Дѣла».

*) Меньшинство, съ „Груп. Освоб. Тр." во главѣ, образовало „Революціонную Организацію Соціалъ-демократъ".

на «политиковъ» и «экономистовъ», препятствовала успѣху тѣхъ попытокъ, которыя съ 1894 г. дѣлались виленскими, петербургскими и кіевскими соціалъ-демократами, въ цѣляхъ объединенія разрозненныхъ мѣстныхъ группъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ стачекъ 1896 и 1897 г.г. и выхода марксистскихъ идей на арену легальной литературы, необходимость такого объединенія, вопреки указанной традиціи, стала признаваться руководящими группами «Союзовъ». Несмотря на полное равнодушіе къ этому дѣлу с.-д. периферіи, группа «Рабочей Газеты», центральныя группы «Союзовъ борьбы», въ Петербургѣ и Кіевѣ, и центральный комитетъ только что объединившихся (въ 1897 г.) еврейскихъ с.-д. группъ Литвы и Польши («Всеобщій евр. р. союзъ въ Россіи и Польшѣ» или «Бундъ» возникъ на съѣздѣ еврейскихъ группъ въ 1897 г.) созвали въ февралѣ 1898 г. съѣздъ въ Минскѣ, объявившій объ образованіи «Росс. С.-Д. Раб. партіи».

На съѣздѣ, кромѣ названныхъ организацій, были лишь представлены «Союзы борьбы» Москвы и Екатеринослава, и еще нерасколовшійся заграничный «Союзъ». Обставленный съ крайней конспираціей, съѣздъ тщательно держался руководящими группами въ тайнѣ отъ периферіи, и въ выборѣ на него делегатовъ она не участвовала.

Съѣздъ избралъ Центральный Комитетъ, снабдивъ его весьма скромными правами, призналъ «Раб. Газету» органомъ партіи и постановилъ выпустить «Манифестъ» объ образованіи партіи.

Неясность политическихъ воззрѣній дѣятелей съѣзда рельефно обнаружилась въ томъ, что составленіе этого «Манифеста» они поручили не «Гр. Освоб. Труда», а П. Б. Струве, вождю легальнаго марксизма. Г-нъ Струве, составляя манифестъ, повидимому, не стремился наложить на него отпечатокъ своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя въ то время уже были окрашены берштейніанствомъ, а старался формулировать ходячіе взгляды политическаго крыла дѣйствовавшей въ Россіи соціалдемократіи. Манифестъ ставитъ «главнѣйшей изъ ближайшихъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы», но это завоеваніе изображается, какъ дѣло одного лишь рабочаго класса, ибо «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ, въ политическомъ отношеніи, слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя и политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата». О наличности въ странѣ другихъ прогрессивныхъ элементовъ, равно какъ о такомъ факторѣ броженія въ странѣ, какъ аграрный вопросъ, въ «Манифестѣ» не говорится ни слова.

Несмотря на это, самый фактъ рѣшительнаго и безоговорочнаго заявленія о переходѣ соціалдемократіи къ политической борьбѣ вызвалъ внутри с.-д. организацій рѣзкое недовольство. «Союзы» отказывались распространять «Манифестъ», периферія не признавала законности съѣзда, на которомъ она не была представлена. На съѣздѣ заграничнаго «Союза», состоявшемся осенью 1898 г., предложеніе сторонниковъ «Группы Осв. Труда» о признаніи солидарности съ положеніями «Манифеста» о политической борьбѣ было отвергнуто *). При не-

*) Къ этому же времени относится документъ, извѣстный подъ именемъ „Credo", не предназначенный для печати, но опубликованный его противниками. Авторъ этого „Credo" выступилъ противъ „разговоровъ объ образованіи самостоятельной политической рабочей партіи въ Россіи", считая идею такой партіи

сочувствіи мѣстныхъ организацій образованію партіи, дѣло съѣзда 1898 г. съ самаго начала было подорвано. Являясь всецѣло результатомъ усилій дѣятелей, положившихъ начало «Союзамъ» въ срединѣ десятилѣтія, «Партія», въ качествѣ оформленной организаціи, не пережила своихъ основателей. Большіе аресты въ мартѣ и лѣтомъ 1898 года смели наиболѣе видныхъ работниковъ с.-д. организацій *). Съ ихъ арестомъ и уничтоженіемъ Центр. Комитета, послѣдній уже не возстановлялся, органъ «Раб. Газета» также не появлялся болѣе, а мѣстная раздробленность стала возрастать. Въ 1899 г. въ Петербургѣ соціалдемократія была разбита на рядъ кружковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ «Группа самоосвобожденія рабочаго класса», стояли за предѣлами «Союза борьбы», отличаясь отъ него еще болѣе рѣзко выраженнымъ «экономическимъ» направленіемъ. Въ самыхъ «Союзахъ», принявшихъ названіе «Комитетовъ партіи», периферія добилась представительства въ центральныхъ группахъ, и теперь уже «политическое» направленіе не имѣло за собою ни одной с.-д. организаціи, если не считать крайне слабыхъ и весьма неопредѣленныхъ по своему міровоззрѣнію группъ «Рабочаго знамени». Подъ послѣднимъ флагомъ появились группы, сначала въ Петербургѣ, позже въ Бѣлостокѣ и Кіевѣ, составившіяся изъ революціонно-настроенныхъ интеллигентовъ и рабочихъ, недовольныхъ умѣренностью «экономистовъ». Въ 1898 г. они пытались образовать «Русскую с.-д. партію», но она недолго просуществовала.

* * *

Совершившая свою мобилизацію подъ знаменемъ марксизма, демократическая интеллигенція къ концу 90-хъ годовъ начинаетъ въ своей массѣ самоопредѣляться, съ одной стороны, въ смыслѣ буржуазнаго либерализма, съ другой—въ смыслѣ мелкобуржуазнаго народничества. Теорія «экономистовъ» и практика с.-д. организацій второй половины десятилѣтія подорвали въ ней вѣру въ то, что рабочее движеніе явится въ Россіи силой, сознательно борющейся за политическое преобразованіе страны, а модное въ легальной литературѣ бернштейніанство внушило ей вѣру въ самостоятельное прогрессивное историческое значеніе ея самой и крестьянства. Въ то же время такія крупныя движенія въ самой интеллигенціи, какъ студенческіе безпорядки 1899 года, подняли ея самосознаніе, а наступившій въ 1899 году экономическій кризисъ вызвалъ сильную общественную реакцію противъ капитализма, выдвинувъ на первый планъ вопросъ объ «оскудѣніи центра»—внутренняго рынка для того же капитализма и ожививъ оппозиціонное движеніе помѣщичьяго класса противъ усвоенной правительствомъ экономической политики. Въ то время, какъ одни элементы интеллигенціи черезъ бернштейніанство переходятъ къ чистой либеральной идеологіи, становясь открыто на почву потребностей буржуазнаго общества, другіе, путемъ

простымъ подражаніемъ западнымъ образцамъ. Рекомендуя соціалъ-демократамъ продолжать организацію рабочихъ массъ на почвѣ экономической борьбы, онъ предлагаетъ имъ ограничить свою *политическую* дѣятельность содѣйствіемъ либеральному обществу въ его оппозиціонной борьбѣ. Авторъ „Credo" пользовался извѣстнымъ вліяніемъ на членовъ заграничнаго „Союза".

*) Б. Эдельманъ, Петрусевичъ, Тучапскій, Солодуха, Вановскій, Кремеръ, Левинсонъ и друг.

сочетанія народничества съ бернштейніанствомъ, приспособляютъ послѣднее, вчера еще служившее цѣлямъ апологіи капитализма, къ интересамъ апологіи докапиталистическихъ формъ производства.

Наступленіе промышленнаго кризиса, вмѣстѣ съ общественнымъ оживленіемъ въ не-пролетарскихъ кругахъ, отразилось и на соціалдемократіи. Кризисъ прервалъ принявшее уже устойчивыя формы чисто-экономическое движеніе рабочихъ. Послѣднее стало частью возвращаться къ прежнимъ формамъ стихійныхъ «бунтовъ», частью, подъ вліяніемъ убѣжденія рабочихъ въ малой производительности стачекъ въ періодъ кризиса, вовсе пріостановилось. Съ тѣмъ вмѣстѣ, уходила почва изъ-подъ ногъ «экономистовъ». Въ то же время нищета и необезпеченность существованія рабочихъ массъ вызывали въ нихъ крайнее раздраженіе и дѣлали ихъ воспріимчивѣе къ революціонной пропагандѣ и къ броженію въ другихъ общественныхъ классахъ. Переходъ же идеологовъ бернштейніанства въ лагерь либерализма и сочетаніе «критики марксизма» съ народническими стремленіями способствовали тому, чтобы поднять въ лагерѣ оставшейся вѣрной рабочему движенію части интеллигенціи престижъ марксистской «ортодоксіи». Таковы были условія, при которыхъ стали формироваться въ политическія партіи основныя направленія прогрессивной общественной мысли.

III. Либеральная демократія.

Февральскія и мартовскія студенческія волненія 1901 г., сопровождавшіяся уличными демонстраціями, въ которыхъ участвовали рабочіе, сильно встряхнули различные слои интеллигенціи. При участіи П. Н. Милюкова была выработана для представленія императору петиція объ отмѣнѣ «временныхъ правилъ». Кромѣ Петербурга, такія петиціи вырабатывались въ Москвѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ. Въ Петербургѣ, въ разгаръ студенческаго волненія, одна радикальная группа предприняла нелегальный выпускъ «Злободневныхъ листковъ», призывавшихъ общество къ активной поддержкѣ студенчества. Въ извѣстной демонстраціи 4 марта 1901 г. на Казанской площади, рядомъ со студентами участвовали люди изъ «общества»: М. И. Туганъ-Барановскій и П. Струве были арестованы на площади, Н. Анненскій и А. Пѣшехоновъ пострадали отъ полицейскаго насилія, членъ Государственнаго Совѣта кн. Вяземскій, по заявленію правительства, незаконно вмѣшивался въ дѣйствія полиціи, за что получилъ Высочайшій выговоръ. Послѣ 4 марта послѣдовалъ рядъ протестующихъ заявленій отдѣльныхъ лицъ (какъ проф. Бѣлелюбскаго) и цѣлыхъ группъ и учрежденій («Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей») о возмутительныхъ насиліяхъ, произведенныхъ надъ демонстрантами, и о желательности отмѣны «временныхъ правилъ». Подъ заявленіемъ 95 лицъ объ избіеніи 4 марта подписались наиболѣе популярные литераторы, ученые, адвокаты. Послѣдовали высылки и другія репрессіи. «Союзъ писателей» былъ закрытъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ либеральные элементы общества добились отъ администраціи разрѣшенія на собраніе совмѣстно съ представителями молодежи для рѣшенія вопроса о формѣ, въ которой слѣдуетъ выразить свои чувства. Либераламъ удалось добиться отклоненія плана уличной демонстраціи и выработать петицію объ отмѣнѣ «временныхъ правилъ».

Еще до начала демонстраціи П. Б. Струве, опираясь на группу радикальной интеллигенціи, связанной съ нѣкоторыми земцами, пытался сговориться съ возникшей только что группой «Искры» о совмѣстномъ изданіи органа для воздѣйствія на общественное мнѣніе либеральныхъ и демократическихъ круговъ. Договоръ былъ уже подписанъ, но арестъ П. Струве и его высылка замедлили осуществленіе плана. Между тѣмъ, обѣ стороны, искавшія въ началѣ 1901 г. общей почвы, нашли въ событіяхъ первой половины 1901 г. каждая свой особый базисъ для развитія своей дѣятельности. П. Струве выпустилъ при содѣйствіи редакціи «Искры» конфиденціальную записку С. Ю. Витте о земствѣ (весной 1901 г.) и снабдилъ ее программнымъ предисловіемъ, въ которомъ онъ призывалъ земцевъ къ организаціи умѣренно-либеральной партіи. Это предисловіе, повидимому, содѣйствовало сближенію съ нимъ наиболѣе активныхъ земскихъ либераловъ, къ традиціонному оппортунизму которыхъ тщательно старался приспособиться авторъ предисловія.

Въ концѣ іюня 1901 г. состоялся [1]) тайный съѣздъ земскихъ дѣятелей различныхъ губерній, желавшихъ столковаться о тактикѣ на предстоящихъ губернскихъ собраніяхъ. Ко времени начала ихъ сессіи земскимъ гласнымъ разсылалось гектографированное воззваніе за подписью «старые земцы», въ которомъ они призывались къ одновременному обсужденію на губернскихъ собраніяхъ обще-государственныхъ вопросовъ. Воззваніе, указывая на недавно опубликованную записку Витте, настаиваетъ на «безуміи» традиціонной тактики земскихъ прогрессистовъ, надѣющихся умилостивить бюрократію путемъ самоограниченія мѣстными вопросами. Оно, напротивъ, видитъ все спасеніе земства отъ внѣшнихъ враговъ и отъ элементовъ внутренняго разложенія въ рѣшительномъ выдвиганіи общегосударственныхъ вопросовъ и предлагаетъ, въ качествѣ программы для ближайшей сессіи, слѣдующіе пункты: a) избирательная реформа на основѣ пониженнаго имущественнаго безсословнаго ценза; b) освобожденіе земствъ отъ опеки и расширеніе сферы ихъ компетенціи; c) гражданское равноправіе крестьянъ; d) податная реформа; e) выборный мировой судъ и судъ присяжныхъ; f) уничтоженіе предварительной цензуры; g) отмѣна исключительныхъ положеній [2]).

Между тѣмъ, образованіе правительствомъ «Особаго совѣщанія» о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности дало сильный толчокъ мобилизаціи либеральныхъ и демократическихъ элементовъ.

Къ образованію «Особаго совѣщанія» правительство побуждалось выяснившимся банкротствомъ экономической политики 90-хъ годовъ, возстановившей противъ бюрократіи не только либеральные, но и аграрные элементы имущихъ классовъ. Обращеніе Особаго совѣщанія къ земствамъ за содѣйствіемъ вызвало учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ «комитетовъ Особаго совѣщанія». Здѣсь либеральные земцы, опираясь на сочувствіе помѣщичьей массы, устроили рядъ «парламентовъ», усиленно привлекая въ комитеты представителей «третьяго элемента» и стремясь расширить программу изслѣдованія за тѣсныя рамки, намѣченныя въ Петербургѣ. Обсужденіе различныхъ докладовъ въ комитетахъ при-

[1]) „Искра“ № 8.
[2]) „Искра“ № 18.

няло характеръ всесторонняго обличенія существующаго строя. Въ Воронежскомъ комитетѣ врачемъ С. Мартыновымъ въ докладѣ было заявлено о необходимости коренного политическаго преобразованія. Суджанскій (Курской губ.) уѣздный комитетъ, руководимый кн. Петромъ Долгоруковымъ, развилъ особенно энергичную дѣятельность. Однако, прямыхъ конституціонныхъ заявленій—за исключеніемъ упомянутаго въ Воронежѣ—со стороны комитетовъ не послѣдовало: центръ тяжести ихъ постановленій сводился къ отстаиванію необходимости мѣстнаго самоуправленія, уравненія крестьянъ въ правахъ, содѣйствія расширенію крестьянскаго землевладѣнія и реформы финансовой политики. Это не помѣшало правительству—особенно послѣ вступленія въ его ряды В. К. Плеве—обрушиться на «комитеты» рядомъ репрессій, на которыя комитеты и ихъ члены лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отвѣчали достойными протестами.

Аграрныя волненія весны 1902 г. усилили броженіе въ земской средѣ. Въ маѣ 1902 г. вновь состоялся тайный земскій съѣздъ. На немъ участвовало 40—50 земцевъ изъ 25 губерній [1]). Обсуждался вопросъ о тактикѣ по отношенію къ «Особому совѣщанію» и о постановленіяхъ, которыя должны проводиться въ комитетахъ этого совѣщанія: принять рядъ резолюцій о необходимости земской и финансовой реформы, уравненіи крестьянъ въ правахъ и т. д. [2]). Создано, какъ постоянное учрежденіе, организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ.

По случаю всероссійской кустарной выставки въ Петербургѣ (мартъ 1902 г.) съѣхались многіе земцы; на ихъ частномъ совѣщаніи, при участіи нѣкоторыхъ представителей интеллигенціи была выработана программа либеральнаго органа, которую затѣмъ редактировало такое же совѣщаніе въ Москвѣ [3]). Вслѣдъ затѣмъ съѣхавшіеся заграницей демократы и земцы, вмѣстѣ съ П. Б. Струве, приглашеннымъ въ редакторы органа, практически организовали новое предпріятіе. 1 іюля (н. с.) 1902 г. № 1 «Освобожденія» вышелъ въ Штуттгартѣ, въ с.-д. издательствѣ Дитца.

Общественное значеніе новаго органа было выражено въ помѣщенной въ № 1 программной декларації «русскихъ конституціоналистовъ», рекомендовавшихся, какъ люди, «наиболѣе связанные съ земской группой». «Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій», заявляютъ они, «заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ. Мы желаемъ выражать исключительно безсословное общественное мнѣніе и на него опираться». Ближайшая задача органа—«выработать такую политическую программу..., на почвѣ которой земство могло бы дѣйствовать совмѣстно съ другими общественными группами, *не отказываясь въ то же время отъ тѣхъ преимуществъ*, которыя могутъ сообщить его дѣятельности особенное значеніе *въ переходный періодъ* къ новому политическому режиму». Этой программой является октроированіе Верхов-

---

[1]) Въ іюнѣ того же года опять состоялся „слетъ“ земцевъ въ Курскѣ по поводу организованной въ этомъ городѣ выставки по народному образованію.

[2]) См. „Освобожденіе“ № 5.

[3]) См. Бѣлоконскій, „Земское движеніе до возникновенія партіи Народной Свободы“ („Былое“ 1907 г., VII).

ной властью широкихъ свободъ, равенства гражданъ передъ закономъ и «безсословнаго народнаго представительства» съ законодательной властью. Учредительнымъ органомъ, который долженъ выработать затѣмъ конкретную конституцію, должно явиться *собраніе представителей земствъ:* всякій другой учредительный органъ явился бы «скачкомъ въ неизвѣстное». Соціальныя реформы изъ этой программы, имѣющей цѣлью сплотить всѣ либеральные элементы, устраняются, какъ устраняется вопросъ объ избирательномъ правѣ въ будущее законодательное собраніе.

Помѣщенное въ томъ же № 1 «Открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей», въ подлинникѣ, по словамъ редакціи, подписанное значительнымъ числомъ губернскихъ гласныхъ, привѣтствуя появленіе «Освобожденія», заявляетъ о намѣреніи авторовъ организоваться для того, чтобы содѣйствовать «устраненію правительственной и *народной* анархіи» (курс. нашъ). Письмо говоритъ объ «общей почвѣ классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, вздымающихся подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія», и съ негодованіемъ отзывается объ аграрныхъ безпорядкахъ, въ которыхъ сказалось вліяніе «революціонной пропаганды», павшей на почву «народнаго обнищанія, невѣжества, непониманія элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права»...

Общій тонъ всѣхъ, имѣющихъ программное значеніе, статей этого номера говоритъ ясно о томъ, что основатели «Освобожденія» прежде всего задаются цѣлью организовать *земскую* партію, опирающуюся на помѣщичью массу и использующую всѣ выгоды положенія между властью и борющимися съ нею элементами народа.

Правительство въ отвѣтъ на начинавшееся оживленіе земскаго движенія реагировало двояко: рядъ репрессивныхъ мѣръ (арестъ и ссылка Мартынова, Щербины и Бунакова, арестъ члена тульскаго комитета Новикова, Высочайшее неодобреніе предводителямъ дворянствъ и т. д.) сопровождался нѣсколькими шахматными ходами В. К. Плеве, названными въ «Освобожденіи» «земской зубатовщиной». Цѣлью этихъ ходовъ было—оторвать отъ конституціоналистскаго ядра земцевъ тѣ элементы, которые, будучи гораздо болѣе непосредственно связаны съ помѣщичьей массой, лишь ходомъ предыдущей политики правительства были доведены до слѣдованія за конституціоналистами. Таковы были М. Стаховичъ, Д. Шиповъ, Н. Хомяковъ и рядъ предводителей дворянства, до сихъ поръ шедшихъ въ уѣздныхъ комитетахъ рука объ руку съ конституціоналистами. Пригласивъ Шипова и Стаховича для выраженія имъ Высочайшаго неодобренія за участіе въ майскомъ земскомъ съѣздѣ, Плеве вступилъ съ ними въ переговоры о возможности мира между правительствомъ и земцами: правительство откажется отъ системы изъятія изъ вѣдѣнія земствъ различныхъ хозяйственныхъ функцій и будетъ приглашать предсѣдателей управъ къ участію въ бюрократическихъ органахъ по земскимъ дѣламъ, земцы же должны отказаться отъ политики и въ частности отъ проведенія § 4 принятыхъ на майскомъ съѣздѣ постановленій (о включеніи земскихъ представителей въ «Особое совѣщаніе» [1]).

[1]) „Освобожденіе“ № 7 („Ложный шагъ“) и „Искра“ № 26 („Вѣрноподданническая оппозиція земцевъ“). Эти переговоры имѣли затѣмъ свое продолженіе въ Курскѣ.

Эти бесѣды подѣйствовали на Шипова и Стаховича, которые энергичными и ловкими мѣрами внесли затѣмъ полную дезорганизацію въ только-что начавшую организоваться земскую группу. По настоянію Шипова, московскіе земцы отказываются отъ обсужденія въ уѣздномъ комитетѣ пресловутаго § 4 (въ августѣ 1902 г.); когда послѣдовало (въ ноябрѣ 1902 г.) отстраненіе кн. Петра Долгорукова на 5 лѣтъ отъ общественной дѣятельности въ наказаніе за его работу въ Суджанскомъ комитетѣ, то на съѣхавшемся въ Курскѣ 20 ноября съѣздѣ земцевъ изъ 7 губерній предложеніе протестовать противъ этой репрессіи было отвергнуто стараніями М. А. Стаховича. Правительство, въ лицѣ В. К. Плеве, разослало предводителямъ дворянства незаконный приказъ о недопущеніи ставить на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ о карѣ, постигшей участниковъ съѣзда. Лишь А. и М. Стаховичи и Гейденъ отвѣчали на этотъ приказъ рѣзкимъ отказомъ. Въ № 13 «Освобожденія» появилось письмо «Старыхъ земцевъ» [1]); авторы, предвидя, что «среди предсѣдателей губернскихъ собраній Стаховичей не много» и что предводители будутъ запрещать обсужденіе § 4 майскихъ резолюцій, предлагаютъ отвѣтить на эти запрещенія «обструкціей и забастовкой», слѣдуя примѣру «студенчества и рабочихъ». Это предложеніе успѣха не имѣло, какъ и аналогичные призывы Струве. Земскія собранія прошли «спокойно». Въ то же время, по приказу Плеве, дѣятельность губернскихъ комитетовъ была крайне стѣснена запрещеніемъ обсуждать тѣ доклады уѣздныхъ комитетовъ, которые касаются общей политики. Тверскіе, тамбовскіе, черниговскіе конституціоналисты протестовали демонстративнымъ выходомъ изъ комитетовъ. Но, въ общемъ, въ земской средѣ царилъ уже упадокъ духа. Оппортунистическіе элементы, развращенные лѣтними бесѣдами Плеве, продолжали надѣяться на заключеніе мира съ властью, особенно послѣ Высочайшей рѣчи въ Курскѣ, въ которой земцамъ обѣщано благоволеніе при условіи, что они будутъ заниматься мѣстными нуждами. Лѣвые же земцы растерялись; въ числѣ курскихъ гласныхъ, которыхъ прокламація кружка демократовъ упрекаетъ за постыдное молчаніе по поводу устраненія П. Долгорукова, упоминаются имена конституціоналистовъ Шингарева и фонъ-Рутцена. «Освобожденію» пришлось не только выразить неодобреніе правому Евреинову (суджанскій предводитель дворянства) за его фразу въ письмѣ къ Витте о «разнузданной кучкѣ анархистовъ, ничего не боящейся, даже висѣлицы», кучкѣ, которой «мы, мирные земледѣльцы, боимся не менѣе Министерства внутреннихъ дѣлъ» [2]), не только поставить знакъ недоумѣнія по поводу фразы письма гр. Гейдена къ Плеве о «народѣ, *эксплоатируемомъ* элементами, ищущими переворота» [3]), но и упрекнуть воронежскаго Мартынова за его отреченіе (въ письмѣ къ С. Ю. Витте) отъ конституціонныхъ стремленій [4]).

Земская «зубатовщина», какъ и слѣдовало ожидать, закончилась тѣмъ, что дезорганизованные земцы были раздавлены желѣзной рукой Плеве. Въ февралѣ 1903 года Шиповъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ другими предсѣдателями управъ, выйти изъ губернскаго комитета, подобно

[1]) Повидимому, та группа, которая выступила въ 1901 г.
[2]) „Освобожденіе“ № 10.
[3]) „Освоб.“ № 11.
[4]) „Освоб.“ № 13.

Петрункевичу, Петрово-Соловово и другимъ лѣвымъ. Но эта зубатовщина внесла расколъ въ земскую среду, вызвала въ ней глубокую дифференціацію. Надежда на объединеніе *всѣхъ* активныхъ земскихъ дѣятелей покинула конституціоналистовъ, и «Освобожденіе» вѣрно отражаетъ эту эволюцію въ ихъ взглядахъ. Примыкающіе къ нему русскіе дѣятели начинаютъ брать сильно влѣво. Застрѣльщикомъ выступилъ «земскій гласный Т., который въ № 7 газеты ставитъ вопросъ ребромъ: «Не ставъ революціонерами, мы не сможемъ сдѣлать существеннаго вклада въ дѣло политическаго освобожденія Россіи». Предлагаемый имъ революціонный путь заключается въ «открытомъ отрицаніи закона» и въ «распространеніи въ народныхъ массахъ здоровыхъ политическихъ и гражданскихъ идеаловъ».

Подъ впечатлѣніемъ ростовскихъ событій (№ 13), Струве обращается къ буржуазіи съ призывомъ оцѣнить «культурное» значеніе работы революціонеровъ: въ № 15 онъ заявляетъ, что земское дѣло не должно «пасть до простого представительства помѣщичьихъ интересовъ» и «что русскій либерализмъ пріобрѣтетъ силу и значеніе только какъ демократическое теченіе съ широкимъ размахомъ». Но дипломатическая осторожность редактора не удовлетворяла его сторонниковъ въ Россіи, отражавшихъ въ своемъ настроеніи расколъ земскаго блока. Въ № 17 появляется статья, подписанная: сс. [1]), констатирующая тщетность призывовъ «Освобожденія» къ земцамъ о рѣшительной борьбѣ въ отвѣтъ на ссылку Воронежскихъ дѣятелей и порицающая Струве за его попытку удержать лозунгъ «Земскаго Собора», какъ облегчающій объединеніе съ правымъ крыломъ земцевъ, которые въ этотъ лозунгъ вкладывали представленіе объ «единеніи общества съ властью,» помимо конституціонныхъ гарантій; «Освобожденіе», заявляетъ сс, не можетъ выражать взгляды *всего* земскаго движенія: необходимо организовать однихъ конституціоналистовъ. Въ томъ же № Струве ставитъ точки надъ і въ положеніяхъ своего сотрудника. Подтверждая необходимость оставленія «славянофиловъ» внѣ конституціонной партіи, онъ выставляетъ слѣдующіе тезисы: конституціонная партія должна быть демократична, чтобы объединить въ своихъ рядахъ передового дворянина съ разночинцемъ и крестьяниномъ. Въ виду этого, необходимо включить въ программу всеобщее избирательное право [2]) и соціальныя реформы (въ частности, аграрную). Отъ лозунга «Земскій Соборъ» («своею неопредѣленностью цѣннаго и въ то же время опаснаго») надо отказаться послѣ неудачи попытокъ объединенія земцевъ, какъ таковыхъ, равно какъ отъ требованія поручить земскимъ представителямъ выработку конституціи. Партія должна бороться, сочетая легальные методы дѣйствія съ нелегальными. Вслѣдъ затѣмъ гласный Т. въ № 22 ставитъ вопросъ «о пріемахъ борьбы земства». Онъ рѣшительно выступаетъ противъ фразы Евреинова (въ письмѣ къ Витте) о «разнузданной шайкѣ анархистовъ», которыхъ земцы боятся не менѣе правительства. «Если мы бо-

[1]) Редакція отмѣтила, что авторъ участвовалъ въ выработкѣ программной декларацiи конституціоналистовъ.

[2]) „За время существованія „Освоб.“ мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ... соотвѣтствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ безсословной интеллигенціи, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за политическое освобожденіе“.

имся не менѣе правительства» этихъ людей, энергически стремящихся къ той цѣли, которую преслѣдуемъ въ идеѣ и мы, то не заключимъ ли мы союза съ правительствомъ противъ общаго врага?.. Вооружимся метлой, привяжемъ къ сѣдлу собачью голову и, отложивъ до болѣе благопріятнаго момента самые разговоры объ освобожденіи Россіи, предадимся спасительной ловлѣ миѳическихъ анархистовъ». Авторъ приглашаетъ земцевъ организовать пассивное сопротивленіе и бойкотировать назначенныхъ предсѣдателей и подчеркиваетъ необходимость, продолжая земскіе съѣзды въ прежнемъ видѣ, особо организовать «замкнутую» группу рѣшительныхъ конституціоналистовъ.

Указанными статьями была проведена демаркаціонная линія между «освобожденцами» и той частью земской оппозиціи, которая играла въ это время роль земскаго центра. За спорами о значеніи туманныхъ «славянофильскихъ» формулъ уже въ то время скрывалось болѣе серьезное разногласіе о необходимыхъ уступкахъ *демократіи*. Всеобщее избирательное право и аграрная реформа, съ одной стороны и вытекающая изъ ихъ признанія необходимость солидарности съ выступающими отъ имени народа «крайними» партіями, равно какъ допущеніе «нелегальныхъ» средствъ и сближеніе съ самими народными массами, съ другой—вотъ существенные признаки «освобожденства», какъ особаго политическаго направленія русскаго общества, откристаллизовавшагося отъ земской оппозиціи и примкнувшаго къ традиціи «Народнаго Права». Но образованіе «освобожденства» въ этомъ видѣ означало не что иное, какъ отказъ строить конституціонную партію на базѣ *помѣщичьей оппозиціи*; тѣ элементы послѣдней, для которыхъ политическія задачи пріобрѣли самостоятельное значеніе, должны были искать себѣ другой базы и нашли ее въ демократической интеллигенціи, преимущественно въ тѣхъ слояхъ послѣдней, которые образуютъ, употребляя выраженіе Бернштейна, «новое третье сословіе»,—заинтересованную непосредственно въ развитіи капитализма и порождаемую этимъ развитіемъ буржуазную интеллигенцію. Разрывъ «освобожденцевъ» съ Шиповымъ и К° можетъ быть поэтому отмѣченъ, какъ начало процесса формированія дѣйствительно буржуазнаго по своему содержанію либерализма въ Россіи—процесса, до сихъ поръ еще не закончившагося.

Въ теченіе всего 1903 года «Освобожденіе» и стоящая за нимъ группа держатся опредѣленной радикальной позиціи, соотвѣтствующей политическому настроенію интеллигенціи [1]). Въ № 33 выставляется впервые аграрная программа, признающая принудительное отчужденіе помѣщичьей земли (въ извѣстныхъ случаяхъ).

«Освобожденіе» имѣло въ рядахъ интеллигенціи въ Россіи чрезвычайно много сторонниковъ, благодаря которымъ получило значительное распространеніе по всей Россіи. Но правильной политической организаціи они не образовали. Кое-гдѣ образовались кружки для распространенія органа, но лишь центральная группа «освобожденцевъ» функціонировала, какъ постоянная политическая организація. Только въ моменты особеннаго общественнаго подъема дѣятельность

[1]) Въ № 25 Струве заявляетъ: „Русскому либерализму не поздно еще занять правильную позицію—не противъ соціалдемократіи, а рядомъ и въ союзѣ съ ней".

этого центральнаго кружка оживлялась, проявляясь въ личномъ воздѣйствіи его членовъ на тѣ или другія общественныя собранія въ цѣляхъ организаціи какой либо манифестаціи. Таково было участіе «освобожденцевъ» въ собравшихся въ Петербургѣ въ началѣ января 1904 г. техническомъ и Пироговскомъ съѣздахъ. Съѣзды приняли рядъ резолюцій о необходимости политическихъ и соціальныхъ реформъ (въ томъ числѣ 8-ми час. раб. дня и свободы рабочихъ союзовъ), хотя и не рѣшились упоминать о созывѣ народныхъ представителей. Было рѣшено не придавать высказаннымъ пожеланіемъ традиціонную форму ходатайствъ, а публиковать ихъ въ видѣ резолюцій. Это подчеркиваніе недовѣрія къ правительству и спеціальныя резолюціи о реформахъ по рабочему вопросу были, несомнѣнно, результатомъ преобладающаго вліянія на съѣздахъ «освобожденцевъ», которые являлись связующимъ звеномъ между революціонными группами интеллигенціи и политически неустойчивой массой культурныхъ дѣятелей. Своимъ многолюдствомъ и яркостью господствовавшаго настроенія эти съѣзды пріобрѣли значеніе политическаго событія.

Такимъ образомъ освобожденцы дѣйствовали согласно формулѣ своего органа: они старались «организовать общественное мнѣніе». Организовать это мнѣніе въ общественную силу путемъ работы въ народныхъ массахъ они не пытались, хотя само «Освобожденіе» нѣсколько разъ указывало на необходимость такой работы.

Въ средѣ земской оппозиціи въ теченіе 1903 г. оппортунистическое теченіе, представленное Шиповымъ, продолжало господствовать. Подъ руководствомъ Шипова, время отъ времени, происходили совѣщанія предсѣдателей управъ и другихъ вліятельныхъ земцевъ, вносившія извѣстное единство въ дѣйствія земствъ, на которыя все болѣе насѣдало правительство. Рядъ «ревизій» м-ва вн. дѣлъ, закончившійся разгромомъ Тверского земства, свидѣтельствовалъ о полномъ фіаско той политики лойяльности, которой представителемъ являлся Шиповъ. И, однако, земскій либерализмъ, въ силу давленія классовыхъ предразсудковъ не могъ даже использовать для себя тѣ случаи, которые ему представляло само правительство, желавшее показать, что оно не чуждо реформаторскихъ стремленій. При обсужденіи переданнаго м-вомъ на разсмотрѣніе земствъ вопроса объ измѣненіи цензовыхъ нормъ для земскихъ выборовъ, оппозиціонныя земскія собранія высказались за возвращеніе къ Положенію 64 года, упорно отказываясь отъ принципа всеобщаго избирательнаго права и отъ уравненія крестьянъ въ избирательныхъ правахъ съ землевладѣльцами. Противъ такого уравненія высказывались даже конституціоналисты вродѣ саратовскаго Н. Н. Львова, заявившаго, что крестьянство «могло бы волною захлестнуть другіе слои болѣе развитыхъ классовъ» [1]). Это всего менѣе могло содѣйствовать подъему престижа земства въ глазахъ демократіи.

На съѣздѣ предводителей дворянства осенью 1903 г. было рѣшено не препятствовать возбужденію на губернскихъ собраніяхъ «общихъ» вопросовъ [2]). Благодаря этому въ рядѣ земствъ въ сессію 1903—4 гг. приняты рѣшенія о привлеченіи представителей земствъ къ разсмотрѣнію вопросовъ мѣстнаго хозяйства.

---

[1]) „Искра“ № 55 („Съ народомъ или противъ народа?“).

[2]) „Освобожденіе“ № 39—40.

Наступленіе русско-японской войны, встрѣченной крайне несочувственно массой интеллигенціи, вызвало со стороны земскихъ собраній и городскихъ думъ рядъ патріотическихъ манифестацій, сопровождавшихся крупными денежными пожертвованіями изъ кассъ земскихъ плательщиковъ. Здѣсь сказалось инстинктивное пониманіе того, что война вынудитъ правительство опереться на имущіе классы—вмѣстѣ съ желаніемъ облегчить ему этотъ шагъ усиленнымъ демонстрированіемъ своей лойяльности. Конституціоналисты пассивно шли въ этихъ манифестаціяхъ за патентованными реакціонерами. Въ гектографированномъ воззваніи одной земской группы [1]), приведенномъ въ № 3 «Листка Освобожденія», авторы рѣзко протестуютъ противъ того, что Ярославское губернское земство вскорѣ послѣ разгрома Тверского поспѣшило—по поводу войны—выразить свои чувства лойальности. «Молчать меньшинству, говорится въ воззваніи, также позорно, какъ большинству выражать холопскія чувства». Между тѣмъ, конституціоналистское меньшинство въ Ярославскомъ земствѣ имѣлось (кн. Шаховской и др.). Видные либералы К. Арсеньевъ и М. Стасюлевичъ приняли участіе въ одной изъ манифестацій. Выразившее имъ свое осужденіе, «Освобожденіе» само испытало на себѣ очень рѣзко вліяніе новаго умонастроенія. Перспектива предстоящаго обращенія власти къ имущимъ классамъ вызвала новое тяготѣніе органа къ земскому либерализму. Струве обратился съ письмомъ къ студентамъ (Л. О. № 1), въ которомъ приглашалъ противопоставить возгласамъ уличныхъ патріотическихъ манифестантовъ лозунгъ: «да здравствуетъ армія!» и отказаться отъ «болѣе острыхъ лозунговъ». На протесты по этому поводу (Письмо сс. въ № 43 «Освоб.») Струве отвѣчалъ: «въ современномъ патріотическомъ возбужденіи» есть «общественно-гражданскіе элементы... Намъ нужна общая почва съ тѣми, кто насъ еще не понимаетъ (ibid)». Поворотъ Струве вызвалъ рядъ статей pro и contra.

Изъ этихъ статей видно, что рядъ (вѣроятно, большинство) русскихъ «освобожденцевъ» не раздѣлялъ тактики земцевъ и П. Струве. Но сами они, очевидно, растерялись, поставленные передъ реакціонными манифестаціями націоналистовъ и «націоналъ-либеральными колебаніями» въ собственной средѣ. Ни о какой попыткѣ пойти навстрѣчу нароставшему недовольству народныхъ массъ съ агитаціей противъ войны со стороны «освобожденцевъ» не послѣдовало и во весь первый ея періодъ эта агитація велась исключительно крайними партіями и примыкавшими къ нимъ студенческими организаціями.

Между тѣмъ, рядъ пораженій, понесенныхъ арміей и флотомъ, вызвалъ глубокое броженіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ населенія и нанесъ смертельный ударъ престижу стараго порядка. Мобилизація сопровождалась бурными безпорядками, агитація соціалдемократовъ противъ войны явно пользовалась успѣхомъ. Въ то же время земцы получили новое доказательство тщетности надеждъ на сближеніе съ правительствомъ Плеве: въ апрѣлѣ 1904 г. неутвержденіе Шипова въ должности предсѣдателя московской управы свидѣтельствовало, по словамъ «Освоб.» (№ 47), о крушеніи цѣлаго направленія. Выраженное московскому земству по этому поводу сочувствіе Московской город. думы показало нарожденіе новыхъ элементовъ оппозиціи въ торгово-промышленной буржуазіи.

[1]) 30 янв. 1904 г.

Одновременно въ правительственную коммиссію по пересмотру положенія о крестьянахъ не были приглашены земскіе представители.

Когда при такихъ обстоятельствахъ 15 іюля Сазоновъ убилъ Плеве, этотъ террористическій актъ получилъ особое политическое значеніе. Со сцены сошелъ не просто врагъ освободительнаго движенія, но прежде всего ожесточенный борецъ противъ *самыхъ умѣренныхъ тенденцій этого движенія, связанныхъ съ соціально-консервативными элементами имущихъ классовъ*. И именно на эти элементы актъ 15 іюля произвелъ наиболѣе сильное впечатлѣніе [1]). Послѣдовавшіе за нимъ заигрывающіе шаги кн. Святополкъ-Мирскаго при данныхъ обстоятельствахъ имѣли дѣйствіе, противоположное тому, которое произвела «земская зубатовщина» Плеве въ 1902 г. Земцы почувствовали подъ ногами твердую почву и стали готовиться къ предъявленію рѣшительныхъ требованій. А это означало, что гегемонія въ земскомъ движеніи опять переходитъ къ конституціоналистамъ.

Лѣвое крыло «освобожденцевъ» сейчасъ же реагировало на измѣнившееся положеніе новымъ рѣзкимъ поворотомъ влѣво. Въ статьѣ «Новый курсъ» (№ 57) сс. объявляетъ: «между самодержавіемъ и конституціонализмомъ нѣтъ промежуточныхъ позицій». Въ письмѣ «изъ земскихъ круговъ» (ibid) заявляется: «Выставленіемъ требованія конституціи въ теперешнее время внѣшней войны и внутренней розрухи мы не боимся навлечь на себя обвиненіе въ антипатріотизмѣ». Въ слѣдующемъ № уже самъ редакторъ (въ статьѣ «Организація и платформа демократической партіи») провозглашаетъ, что «выборъ можетъ быть *только* между демократіей и самодержавіемъ, ибо только демократія введетъ рабочій классъ и крестьянство въ русло законной борьбы за право». Въ отвѣтѣ князю Евг. Трубецкому онъ же пишетъ: «поймите, князь, что въ Россіи нѣтъ внутренняго врага, кромѣ абсолютизма», протестуя противъ попытокъ Трубецкого противопоставить либераловъ революціонерамъ. Въ томъ же № нѣкто Nemo приглашаетъ «черезчуръ умѣренные элементы» отойти отъ конституціоналистской партіи, которая отъ этого лишь выиграетъ «въ своей боевой способности». Въ рядѣ статей журналъ предостерегаетъ земцевъ не поддаваться на заигрыванія кн. Святополкъ-Мирскаго.

Организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ стало готовиться къ съѣзду въ Москвѣ, чтобы формулировать на немъ земскія пожеланія. Предполагалось посвятить съѣздъ чисто-земскимъ вопросамъ (о порядкѣ производства правительственныхъ ревизій, объ устраненіи земствъ отъ разработки крестьянскаго вопроса и т. д.; см. брошюру «Земскій съѣздъ» Paris. 1905). Надѣясь обойти земцевъ мягкостью, новый министръ предложилъ имъ, черезъ посредство Шипова, *легально* собраться въ Петербургѣ. Предложеніе было принято и земцы стали собираться въ столицѣ, но, ободренные этимъ шагомъ, рѣшили поставить на обсужденіе съѣзда «общегосударственные» вопросы. Вызванное извѣстіемъ объ этомъ оживленіе заставляло опасаться революціонныхъ демонстрацій со сто-

[1]) Въ № 19 „Листокъ Освоб." авторъ одного письма въ редакцію говоритъ: „какъ оживилось, какъ зашумѣло все (послѣ 15 іюля)!.. Раздаются бодрые и бодрящіе призывы къ работѣ на пользу народа—во всѣхъ кругахъ общества, *а особенно въ земскихъ!*" (курсивъ нашъ).

роны крайнихъ элементовъ [1]). Въ то же время, вопреки опасеніямъ лѣвыхъ освобожденцевъ, съѣхавшіеся земцы оказались на этотъ разъ настроенными довольно рѣшительно. «Земцы», писалъ корреспондентъ «Искры», «произвели на разночинную интеллигенцію гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать. Они достаточно тверды въ своихъ взглядахъ и намѣреніяхъ, достаточно проникнуты недовѣріемъ къ сладкому пѣнію сиренъ абсолютизма... «Романъ общества съ третьимъ элементомъ», повидимому, приближается къ благополучному концу». Авторъ статьи въ № 61 «Освобожд.», К. С. писалъ: «То обстоятельство, что въ число членовъ съѣзда входили всѣ предсѣдатели и многіе члены губ. управъ, вызывало въ либеральныхъ и радикальныхъ кружкахъ съ самаго начала большія сомнѣнія относительно того, не окажется ли съѣздъ черезчуръ робкимъ и слишкомъ умѣреннымъ...» и также отмѣчаетъ, что эти опасенія не оправдались. Между тѣмъ, испуганное вздымающимися волнами общественнаго возбужденія, правительство взяло назадъ свое разрѣшеніе на съѣздъ. Земцы постановили собраться «самовольно» и правительство не рѣшилось имъ воспрепятствовать, повидимому, удовлетворившись обѣщаніемъ, что земцы постараются не допустить открытыхъ уличныхъ манифестацій въ ихъ пользу.

Земскому съѣзду 6—7 ноября суждено было сыграть крупную роль въ общественномъ движеніи. Составъ его отличался достаточной многолюдностью (98 человѣкъ), въ томъ числѣ 32 изъ числа всѣхъ 34 предсѣдателей губернскихъ управъ. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ Д. И. Шиповъ. Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ съѣздъ принялъ 11 извѣстныхъ тезисовъ о политической реформѣ, заключающихъ въ себѣ, рядомъ съ критикой стараго порядка, требованія установленія свободы совѣсти, печати, собраній и союзовъ, равенства гражданъ, неприкосновенности личности, уравненія крестьянъ въ правахъ, земской и городской реформы и, наконецъ, созданія выборнаго органа народнаго представительства. По вопросу о послѣднемъ произошли дебаты между конституціоналистами и «шиповцами»: первые отстаивали законодательный характеръ выборнаго органа, вторые стояли на совѣщательномъ. Соглашеніе было достигнуто путемъ опубликованія обоихъ мнѣній — большинства конституціоналистовъ (71 чел.) и меньшинства шиповцевъ (27). Послѣдній тезисъ выражалъ надежду на созывъ властью народныхъ представителей для выработки самыхъ реформъ. Особыя резолюціи требовали амнистіи и отмѣны исключительныхъ положеній. Депутаціи изъ Д. Шипова, И. Петрункевича, кн. Г. Львова, гр. Гейдена и Родзянко было поручено представить резолюціи монарху.

Земскій съѣздъ получилъ множество привѣтствій, какъ отъ умѣренно-либеральныхъ, такъ и отъ демократическихъ элементовъ. Послѣдніе, (какъ московскіе помощники прис. пов. и учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній) подчеркивали желаніе видѣть въ резолюціяхъ съѣзда упоминаніе о всеобщемъ, равномъ

---

[1]) Въ воззваніи къ студенчеству Петерб. Комитетъ Р. С. Д. Р. П. сообщалъ въ срединѣ ноября, что онъ „предполагалъ... организовать демонстрацію пролетаріата *для активной поддержки* выставленныхъ ими (земцами) требованій", но такъ какъ въ СПБ. состоялось лишь „частное собраніе конституціоналистовъ-либераловъ", а публичное выступленіе состоится лишь на очередныхъ земскихъ собраніяхъ, то демонстрація была отмѣнена (воззваніе приведено въ № 61 „Освоб.").

и прямомъ избирательномъ правѣ. Съѣздъ не пошелъ навстрѣчу этимъ пожеланіямъ и, какъ видно изъ отчета о немъ въ упомянутой книгѣ, этотъ вопросъ не былъ на немъ поднятъ. Это обстоятельство вызвало на послѣдующихъ собраніяхъ рядъ упрековъ по адресу земцевъ со стороны революціонныхъ элементовъ.

Съѣздъ 6—7 ноября создалъ прочную организацію оппозиціонныхъ земцевъ, которая въ теченіе года обезпечивала единство земскаго движенія подъ руководствомъ группы конституціоналистовъ. Въ то же время начала расширяться и крѣпнуть организація демократическихъ элементовъ, группировавшихся вокругъ «Освобожденія». Вскорѣ послѣ убійства Плеве «освобожденцы» выпустили воззваніе къ народу («Война и конституція»). Начавшееся новое сближеніе съ земцами, очевидно, отразилось на этомъ документѣ характернымъ умолчаніемъ о томъ, кѣмъ должны выбираться «народные представители» въ конституціонной странѣ. Слѣдующее затѣмъ проявленіе дѣятельности освобожденцевъ, какъ организаціи, заключалось въ ихъ участіи въ состоявшейся осенью 1904 г. «междупартійной конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій россійскаго государства» въ Парижѣ [1]). Здѣсь, наряду съ партіей соціалъ-революціонеровъ и аналогичными національными группами, припялъ участіе «Союзъ Освобожденія», подъ каковымъ именемъ впервые выступили группы русскихъ освобожденцевъ. Участіе освобожденцевъ въ этомъ съѣздѣ, составленномъ преимущественно изъ группъ, ведущихъ террористическую борьбу, свидѣтельствовало о сильномъ ростѣ радикальныхъ тенденцій въ лѣвой группѣ конституціоналистовъ. Принятыя конференціей резолюціи требовали для будущаго режима страны «всеобщаго избирательнаго права», и это заставляло соціалъ-демократію, отказавшуюся отъ участія въ конференціи, предполагать, что умолчаніе о равномъ избирательномъ правѣ и о прямыхъ выборахъ явилось результатомъ вліянія именно освобожденцевъ, какъ группы, связанной съ умѣренными земцами. Однако, опубликованная одновременно съ этими резолюціями, декларація «Союза Освобожденія» [2]) заключала въ себѣ обязательство бороться за четырехчленную формулу.

Блокъ «Союза Освобожденія» съ упомянутыми революціонными партіями къ дальнѣйшимъ согласованнымъ политическимъ дѣйствіямъ, тѣмъ не менѣе, не привелъ. Въ отличіе отъ революціонныхъ партій, продолжавшихъ борьбу въ рамкахъ подполья, «освобожденцы», вмѣстѣ съ созывомъ ноябрьскаго съѣзда, получили арену для открытой агитаціи. Уже въ ноябрѣ въ Петербургѣ, въ связи съ земскимъ съѣздомъ, начались оживленныя собранія различныхъ группъ интеллигенціи, и зарождались ячейки будущихъ «профессіонально-политическихъ» союзовъ [3]). Вслѣдъ за опубликованіемъ резолюцій съѣзда, въ столицѣ и провинціальныхъ городахъ начался рядъ банкетовъ, организованныхъ интеллигенціей и выносившихъ резолюціи въ конституціоналистскомъ духѣ. Въ томъ же смыслѣ высказался рядъ обществъ и учрежденій. Банкеты имѣли мѣсто въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ,

---

[1]) О ней смотри ниже.

[2]) Л. Осв. № 17.

[3]) См. Искра № 77, корр. изъ СПБ.

Екатеринодарѣ. Нѣкоторые были весьма многолюдны. Ихъ главными участниками являлись представители интеллигенціи, земцы, и, частью, городская буржуазія. Немногіе рабочіе и студенты обыкновенно выступали съ критикой умѣренности или недостаточнаго демократизма предлагавшихся резолюцій. Эти послѣднія, въ общемъ, были «лѣвѣе» постановленій земскаго съѣзда; чѣмъ далѣе, тѣмъ онѣ все болѣе уже подходили къ лозунгамъ соціалистическихъ партій (Учред. Собр., 4-хъ член. формула, амнистія), чему, очевидно, способствовало упомянутое выступленіе рабочихъ и студентовъ [1]) и рядъ студенческихъ сходокъ, принимавшихъ вполнѣ революціонныя резолюціи. Однако, это «лѣвѣніе» собраній происходило не безъ борьбы между крайними элементами и представителями умѣренно-либеральнаго теченія. «Банкетная кампанія» расширила кругъ политическаго вліянія «освобожденцевъ» и въ намѣтившихся въ это время интеллигентныхъ «союзахъ» доставила имъ извѣстную организаціонную опору. Банкеты впервые открыли вліянію лѣвыхъ конституціоналистовъ демократическіе слои городского населенія—будущіе кадры избирателей к.-д. партіи. Возникшая въ началѣ ноября большая легальная газета «Наша Жизнь», пріобрѣвшая сразу значительный успѣхъ и руководимая «освобожденцами», еще болѣе укрѣпила ихъ позицію.

Начавшаяся въ концѣ ноября сессія губернскихъ земскихъ собраній, въ свою очередь, должна была развить и продолжить земскую манифестацію 6—7 ноября. Участники съѣзда постарались провести черезъ земскія собранія его резолюціи. Однако, они натолкнулись на значительный консерватизмъ массы земцевъ. Только вятское земство безъ оговорокъ присоединилось къ тезисамъ земскаго съѣзда, да Полтавское выработало резолюцію, аналогичную по содержанію. Остальныя (Московское, Черниговское, Калужское, Смоленское, Орловское, Ярославское) формулировали свои пожеланія очень сдержанно. Требованіе призыва выборныхъ отъ населенія было заявлено всѣми этими земствами, но компетенція этихъ выборныхъ опредѣлялась болѣе или менѣе глухо, равно какъ и характеръ представительства, причемъ Черниговское земство говорило даже о призывѣ «представителей *земствъ*». Рядомъ съ земствами, выступила московская городская дума, а за нею московскій биржевой комитетъ. Имущіе классы все больше проникались конституціоналистскими стремленіями. Когда появилось 14 декабря правительственное сообщеніе, отвергавшее конституціонныя домогательства, черниговскіе и московскіе земцы, въ знакъ протеста, закрыли сессію, не закончивъ текущихъ дѣлъ. Тогда же Московскій предводитель дворянства, консервативный кн. П. Трубецкой, въ письмѣ къ кн. Святополкъ-Мирскому, убѣждалъ его въ томъ, что передъ нимъ «pas une émeute, mais une révolution», которой нужно уступить [2]). Если такъ говорили умѣренные консерваторы, то о царившемъ среди конституціоналистской интеллигенціи настроеніи можно судить по появленію въ «Освобожденіи»—безъ всякихъ оговорокъ всегда осторожнаго редактора—такихъ статей, какъ С. Р. Некрасова въ № 61, предлагавшаго созвать «Земскій Соборъ» помимо правительства, и «Писателя» (въ № 62),

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Саратовъ) революціонные элементы интеллигенціи и рабочіе устраивали свои собранія.

[2]) Освоб. № 62.

настаивавшаго на долгѣ призываемыхъ отказываться идти на войну при настоящихъ условіяхъ.

Правительственная декларація 14 декабря и послѣдовавшее за ней запрещеніе банкетовъ пріостановили дальнѣйшую мобилизацію демократическихъ и либеральныхъ элементовъ и только событія начала 1905 года позволили имъ двинуться дальше. Въ концѣ разсматриваемаго періода эти элементы, какъ мы видѣли, не успѣли сложиться въ сколько-нибудь организованную партію. Справа они опирались на организацію имущихъ классовъ (земство и, частью, городскія думы), ставшихъ къ этому моменту въ рѣзко оппозиціонное отношеніе къ правительству, но не желавшихъ революціи и враждебныхъ кореннымъ демократическимъ преобразованіямъ; слѣва они имѣли моральную опору въ безформенной массѣ «новаго третьяго сословія», лишь въ очень слабой степени организованнаго, но, благодаря своей подвижности и культурному уровню, способнаго быстро мобилизоваться для манифестированія общественнаго мнѣнія. Разнородность составныхъ частей либерально-демократическаго блока мѣшала ему образовать единую организацію; народной партіей онъ не могъ стать, поскольку наиболѣе интеллигентная часть народныхъ массъ (пролетаріатъ) шла подъ знаменіемъ соціалъ-демократіи, а городское мелкое мѣщанство и среднее крестьянство еще не были втянуты въ сознательное движеніе. Поскольку же «освобожденная» демократія прежде всего притязала на объединеніе въ своихъ рядахъ *всей* интеллигенціи, она должна была столкнуться съ крайними партіями, пріобрѣвшими въ извѣстныхъ слояхъ интеллигенціи и особенно студенчества значительныя массы сторонниковъ. Этотъ партійный антагонизмъ явился тѣмъ большимъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія конституціоналистской демократіи, чѣмъ болѣе ея связь съ либерализмомъ имущихъ классовъ побуждала ее къ программному и тактическому оппортунизму, дискредитировавшему ее въ глазахъ демократическихъ элементовъ.

IV. Соціалъ-демократія въ періодъ 1900—1904 гг.

Какъ выше было указано, промышленный кризисъ, остановивъ развитіе стачечнаго движенія, направилъ мысль соціалъ-демократовъ въ сторону отъ идей «экономизма».

Подъемъ интереса къ «политикѣ» ставилъ вновь на очередь вопросъ о возстановленіи организаціи партіи, провозглашенной въ 1898 году. Заграничный «Союзъ», являвшійся единственнымъ въ то время идейнымъ центромъ движенія, пытался побудить мѣстныя организаціи созвать новый съѣздъ для выбора новаго Центральнаго Комитета. Но его попытки натолкнулись на препятствіе въ самой структурѣ мѣстныхъ организацій, цѣликомъ приспособленныхъ къ обслуживанію мѣстнаго массового движенія и не могущихъ выдѣлить надлежащихъ силъ для выполненія общепартійной работы, равно какъ въ настроеніи самихъ мѣстныхъ дѣятелей, воспитанныхъ практикой экономизма въ самоограниченіи мѣстными же интересами. Въ свою очередь, «Союзъ» и его органъ «Рабочее дѣло» оказались не въ состояніи дать мѣстнымъ организаціямъ лозунга, который

вывелъ бы ихъ изъ этой тѣсной сферы и поднялъ на высоту пониманія историческихъ задачъ рабочаго движенія въ цѣломъ.

При такихъ обстоятельствахъ вернувшаяся изъ ссылки группа дѣятелей середины 90-хъ гг. поставила себѣ задачей объединить лѣвые элементы соціалъ-демократіи и возстановить разрушенную организацію партіи на новыхъ основаніяхъ. Въ задачи этой группы первоначально входило опереться непосредственно на дѣйствующіе въ Россіи комитеты, въ которыхъ замѣтно совершался процессъ эмансипаціи отъ «экономистскихъ» воззрѣній. Съ этой цѣлью, группа заручилась приглашеніемъ на проэктировавшійся весной 1900 г. 2-ой съѣздъ Партіи, на которомъ намѣревалась изложить свою программу и поставить свою коллективную кандидатуру на постъ редакціи центральнаго органа Партіи (съѣздъ не состоялся, благодаря аресту делегата организовывавшаго его загр. «Союза»—П. Теплова—и разгрому наиболѣе активной организаціи—Екатеринославскаго комитета). Въ то же время группа разсчитывала имѣть моральную и матеріальную опору въ массахъ марксистской интеллигенціи, показавъ имъ наглядно, что лишь «ортодоксальная» соціалъ-демократія можетъ твердо и рѣшительно вести обще-демократическую агитацію. Поэтому группа обратилась за содѣйствіемъ къ П. Струве, Богучарскому, Туганъ-Барановскому. Однако эти разсчеты не оправдались. Комитеты, частью еще связанные предразсудками «экономизма», частью смущенные перспективой перенесенія въ Россію раскола заграничнаго «Союза», отнеслись къ новой группѣ, въ общемъ, сдержанно, а мѣстами (Бундъ, Петербургскій, Кіевскій к—ты) прямо недовѣрчиво. Съ другой стороны, въ сохранявшихъ еще марксистскую этикетку кружкахъ столичной интеллигенціи, при всей симпатіи къ органу, обѣщавшему заняться широкой политической агитаціей, царило слишкомъ опредѣленное, отрицательное отношеніе къ теоретической «ортодоксіи» и къ ея представительницѣ—«Группѣ Освобожденія Труда»; солидарность съ которою подчеркивала новая группа. Поэтому, здѣсь эта послѣдняя равнымъ образомъ не нашла почти никакой поддержки [1]). Но тѣмъ большее сочувствіе группа встрѣтила среди тѣхъ дѣятелей предыдущей стадіи движенія, которые большею частью стояли въ сторонѣ отъ непосредственной работы и которые остались незатронутыми бернштейніанствомъ и «экономизмомъ». Упомянутая группа (Н. Ленинъ, Л. Мартовъ, Старовѣръ) переселилась заграницу, вступила въ переговоры съ «Группой Освобожденія Труда» и выпустила объявленіе объ изданіи «Искры», а затѣмъ (декабрь 1900 г.) № 1 самой газеты, за которымъ въ апрѣлѣ 1901 г. послѣдовалъ № 1 журнала «Заря».

Въ объявленіи объ изданіи «Искры» редакція ставитъ своей цѣлью организовать политическую борьбу рабочаго класса, вывести движеніе послѣдняго изъ стадіи раздробленности и преобладанія мѣстныхъ и частныхъ интересовъ. Но она противъ немедленной попытки организовать партію заново путемъ созыва съѣзда представителей наличныхъ комитетовъ. «Прежде чѣмъ объединиться, надо размежеваться», надо подготовить единство партіи идейно—путемъ

---

[1]) П. Струве послалъ въ новый органъ 2 статьи и доставилъ нѣкоторые матеріалы для первыхъ №№.

теоретической критики господствующихъ въ ней воззрѣній «экономизма» и бернштейніанства. Это единство надо подготовить и организаціонно—путемъ выработки спеціальнаго аппарата, связывающаго отдѣльныя организаціи и обслуживающаго ихъ общія нужды. Органъ долженъ служить трибуной, какъ для всѣхъ соціалистовъ, стремящихся къ объединенію рабочаго движенія, такъ и для всѣхъ честныхъ демократовъ, признающихъ необходимость организованнаго рабочаго движенія для дѣла политическаго преобразованія.

Первое время существованія «Искры» было временемъ ожесточенной борьбы «политиковъ» и «экономистовъ». Какъ выше было указано, внѣшнія условія благопріятствовали первымъ. Появленіе газеты совпало съ политическимъ движеніемъ студенчества, вышедшимъ на улицы и увлекшимъ за собою раздраженныя безработицей рабочія массы. Съ первыхъ же шаговъ студенческаго движенія, «Искра» призывала рабочихъ къ его поддержкѣ, и успѣхъ первыхъ демонстрацій, въ которыхъ приняли участіе рабочіе, равно какъ вызванныя экономической борьбой событія, вродѣ Обуховскихъ безпорядковъ (май 1901 г.), подняли престижъ «политическаго» направленія. Въ то же время выдвинутая правительствомъ для борьбы съ соціалъ-демократіей «зубатовщина» крайне дискредитировала въ сознаніи передовыхъ рабочихъ всѣ виды чистаго профессіонализма. Наконецъ, усиленное вниманіе, которое «Искра» направляла на вопросы, непосредственно интересующіе широкіе круги интеллигенціи—студенческое движеніе, борьба земцевъ и «третьяго элемента»,—завоевали ей въ періодъ 1901—902 гг. (до появленія «Освобожденія») извѣстную популярность въ демократическихъ слояхъ, привлекли въ лагерь «искровскаго» крыла соціалъ-демократіи много новыхъ интеллигентныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь заинтересовали эти демократическіе слои въ успѣхахъ соціалъ-демократіи. Всѣ эти обстоятельства позволили «Искрѣ» очень быстро справиться съ «экономизмомъ». Послѣ неудачней попытки (осенью 1901 г.) объединенія всѣхъ заграничныхъ группъ соціалъ-демократовъ [1]), вліяніе «Союза» и «Рабочаго дѣла» стало быстро падать. Вышедшая въ началѣ 1902 г. книга Н. Ленина «Что дѣлать?», въ систематической формѣ подводившая итогъ борьбѣ двухъ фракцій, нанесла «Союзу» рѣшительный ударъ: эта книга пріобрѣла громадный успѣхъ среди русскихъ практиковъ, уже подготовленныхъ къ воспріятію ея идей своимъ опытомъ послѣдняго года. Послѣ ноябрьскихъ событій 1902 г. въ Ростовѣ-на-Дону, знаменовавшихъ укрѣпленіе самого рабочаго движенія на пути рѣшительной политической борьбы, «экономизмъ» (въ очень уже смягченной формѣ) почти не имѣлъ сторонниковъ среди дѣйствовавшихъ въ Россіи соціалъ-демократовъ.

По мѣрѣ того, какъ падало значеніе «экономизма», передъ «Искрой» вставалъ новый противникъ—возрождающееся народничество. Уже выстрѣлъ Карповича (февраль 1901 г.) оживилъ террористическія традиціи. «Искра» выступила противъ нихъ чрезвычайно энергично и вынесла на себѣ борьбу съ терроромъ, какъ съ революціоннымъ средствомъ, разлагающимъ и дезорганизующимъ массовое движеніе, въ такое время, когда—послѣ выстрѣловъ Бал-

[1]) Кромѣ „Союза" и „Искры", еще группа „Борьба" (Н. Рязановъ), которая не имѣла вліянія на партійныя организаціи.

машева и особенно Гирша Леккерта—террористическія тенденціи охватили также и часть соціалъ-демократіи [1]). Эта энергичная борьба вызвала противъ «Искры» сильное ожесточеніе значительной части революціонной интеллигенціи и чрезвычайно обострила отношенія между двумя революціонными теченіями. Эта борьба была тѣмъ труднѣе, что на сторонѣ терроризма были въ это время и значительная часть западно-европейскаго соціалистическаго общественнаго мнѣнія и симпатіи русскаго либеральнаго общества. Она имѣла то громадное значеніе, что выработала прочную, анти-террористическую традицію въ русскомъ рабочемъ движеніи.

Борьба противъ террора была для «Искры» въ то же время борьбой за признаніе главнымъ факторомъ освободительнаго движенія рабочаго класса—борьбой противъ попытокъ признать значеніе равнецѣннаго фактора за революціонной интеллигенціей, какъ таковой. Но соціалистами-революціонерами былъ выдвинутъ еще одинъ факторъ—крестьянство, которое они съ 1902 г. стали признавать главной силой освободительнаго движенія и при томъ силой, являющейся такою же носительницей соціалистическихъ идеаловъ, какъ и пролетаріатъ. Борясь, во имя марксистскаго анализа классоваго строенія общества, противъ этой идеализаціи крестьянства, «Искра» и «Заря», тѣмъ не менѣе, не игнорировали важной роли крестьянскаго движенія, какъ фактора демократическаго. (а не соціалистическаго) переворота, и въ этомъ отношеніи вносили поправку въ одностороннюю позицію марксистовъ 90-хъ гг., приближаясь къ первоначальнымъ взглядамъ «Группы Освоб. Труда». Лозунгу «соціализаціи земли» «Искра» противопоставила требованія возвращенія крестьянамъ отрѣзныхъ земель и взысканія съ крупныхъ землевладѣльцевъ полученныхъ отъ крестьянства выкупныхъ платежей, доказывая, что осуществленіе этихъ требованій подорветъ кабальныя отношенія въ деревнѣ. Впрочемъ, дѣлалась (особенно, Плехановымъ) оговорка въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если крестьянское движеніе приметъ серьезный характеръ, соціалъ-демократія пойдетъ далѣе въ направленіи болѣе значительной экспропріаціи крупнаго землевладѣнія.

Напечатанный въ № 21 «Искры» проектъ партійной программы, выработанный редакціей «Искры» и «Зари», формулировавшій очень опредѣленно позицію «ортодоксальныхъ» марксистовъ, былъ встрѣченъ въ партійныхъ рядахъ сочувственно и, съ самаго своего опубликованія, могъ уже считаться партійнымъ credo. Лишь аграрный отдѣлъ программы minimum, въ его практической части, встрѣтилъ довольно значительное противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ.

Какъ указано выше, «Искра» — продолжая линію, намѣченную до того П. Б. Аксельродомъ,—боролась противъ царившей въ рядахъ соціалъ-демократовъ тенденціи игнорировать прогрессивное значеніе оппозиціонныхъ теченій

---

[1]) Подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній къ демонстрантамъ (въ Вильнѣ и др. городахъ), конференція дѣятелей „Бунда“ лѣтомъ 1902 г. высказалась за примѣненіе въ этихъ случаяхъ террора. Около того же времени въ Саратовѣ и на Уралѣ образовались соединенныя группы „соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ“, также признававшія терроръ. За терроръ энергично агитировала причислявшая себя къ соціалъ-демократіи группа „Свобода“ (Зеленскій-Надеждинъ).

въ обществѣ. Въ полемикѣ между «экономистами» и «Искрой», первые обвиняли эту газету въ томъ, что она болѣе интересуется земскимъ, чѣмъ рабочимъ движеніемъ. Въ дѣйствительности, «Искра» считала задачей соціалъ-демократіи въ Россіи содѣйствовать процессу развитія буржуазной оппозиціи. Когда же весной 1902 г. появилось «Освобожденіе», «Искра» рѣшительно и рѣзко выступала противъ всякой попытки этого органа оставить въ сторонѣ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ для будущей конституціи или занять «нейтральную» позицію въ борьбѣ между реакціей и народными партіями. Несомнѣнно, что эта борьба «Искры», поддерживаемая дѣятельностью с.-д. комитетовъ въ томъ же направленіи, оказала извѣстное вліяніе на эволюцію «освобожденцевъ» въ сторону болѣе опредѣленнаго демократизма и радикализма. Однако, ясности этой позиціи и послѣдовательному ея проведенію не могло не помѣшать то обстоятельство, что «искровство» зародилось въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за расцвѣтомъ легальнаго марксизма, во время котораго *вся* активная часть прогрессивной интеллигенціи группировалась около соціалъ-демократическаго знамени. Группа «Искры» шла въ бой съ надеждой, что передовая роль соціалъ-демократовъ въ борьбѣ со старымъ порядкомъ поможетъ имъ вновь собрать вокругъ своей партіи всѣ демократическіе элементы, ушедшіе отъ нея въ годы расцвѣта бернштейніанства; сообразно этому, искровцы ожидали, что движеніе демократіи, какъ неоднократно подчеркивалось въ отдѣльныхъ статьяхъ, будетъ носить, скорѣе, характеръ движенія, поддерживающаго борьбу соціалъ-демократіи, чѣмъ имѣющаго самостоятельное политическое значеніе. Правда, это былъ далеко не общій всѣмъ «искровцамъ» взглядъ, да и выражавшіе его авторы едва ли сознательно продумали его до конца, но такая тенденція имѣлась въ наличности, и она должна была сказаться, когда демократическія массы, руководимыя «освобожденцами», стали примыкать къ прогрессивному крылу земства. Тенденція эта сказалась въ томъ, что въ процессѣ формулированія либеральной партіи «искровцы» видѣли преимущественно отступленіе демократовъ отъ прежнихъ, болѣе «лѣвыхъ», болѣе «демократическихъ» позицій, не замѣчая прогрессивнаго значенія одновременнаго, подъ вліяніемъ «освобожденцевъ» совершающагося, выхода имущей оппозиціи изъ аморфнаго состоянія въ состояніе политической партіи.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ «экономизма», комитеты прекратили попытки созданія широкихъ рабочихъ организацій прежняго типа, и вся ихъ повседневная дѣятельность концентрировалась на распространеніи въ массахъ населенія литературы, посвященной преимущественно политической агитаціи, поводъ для которой давался репрессивной политикой правительства и его столкновеніями съ различными общественными группами. Приведемъ нѣкоторыя данныя о дѣятельности комитетовъ въ этомъ направленіи [1]). Донской комитетъ распространилъ за 1902 г. 46 воззваній, въ количествѣ 60.000 экз.; Саратовскій комитетъ въ теченіе зимы 1902—903 гг. выпустилъ 34 воззванія, въ количествѣ 35.000 экз.; Сибирскій союзъ за мартъ и апрѣль 1903 г. — 13 воззваній, въ количествѣ 40.000 экз.; Одесскій комитетъ за апрѣль и май 1903 г.—12 воз-

[1]) По отчетамъ, помѣщавшимся въ «Искрѣ».

званій, въ количествѣ 50.000 экз., за время же съ 1 іюля по 1 октября того же года—39 воззваній, въ количествѣ 108.000 экз.; «Горнозаводскій союзъ с.-д. рабочихъ» за время мартъ—сентябрь 1903 г.—39 воззваній, въ количествѣ 104.500 экз.; Кіевскій комитетъ за время съ сентября 1902 г.—по май 1903 г.—42 листка, въ количествѣ 50.500 экз. и т. д., и т. д.

Вмѣстѣ съ ростомъ идейнаго вліянія «Искры» на соціалъ-демократію, росло и ея организаціонное вліяніе. Мы уже упомянули о томъ, что «искровцы» съ самаго начала выступили рѣшительно противъ созыва партійнаго съѣзда до тѣхъ поръ, пока въ партіи не будетъ выработано идейное единство и не будетъ созданъ организаціонный аппаратъ, связывающій отдѣльныя мѣстныя группы. Уже въ № 4 «Искры», въ статьѣ Ленина «Съ чего начать?» былъ развитъ, въ общихъ чертахъ, планъ созданія такой центральной организаціи, остовъ которой должны были образовать агенты «общерусской газеты» (т. е. самой «Искры»), собирающіе для нея средства и свѣдѣнія и распространяющіе ее по Россіи. Тамъ же было выдвинуто положеніе, что такой аппаратъ можетъ быть сформированъ лишь изъ «профессіональныхъ революціонеровъ»—опытныхъ конспираторовъ, занимающихся политической дѣятельностью, какъ постоянной профессіей. Практика шла именно этимъ путемъ. Небольшая, но энергичная и подвижная группа агентовъ «Искры», тѣсно связанная съ ея заграничной редакціей, собрала въ своихъ рядахъ лучшихъ конспираторовъ и наиболѣе дѣятельныхъ профессіональныхъ революціонеровъ, выработавшихся въ предыдущій періодъ. Они объѣзжали мѣстные комитеты, поставляли новыхъ работниковъ въ мѣстности, пострадавшія отъ «проваловъ», доставляли литературу («Искра», начавъ печататься въ количествѣ 4.000 экз., дошла къ 1903 г. до 13—15.000 экз.), помогали ставить типографіи. Связанные съ незанятыми агитаціонной работой группами сочувствующей марксизму интеллигенціи, «искровцы» добывали для своей организаціи значительныя средства и могли инсценировать сложныя конспиративныя предпріятія, напоминавшія объ эпохѣ 70-хъ гг. (какъ побѣгъ въ августѣ 1902 г. 11 заключенныхъ изъ Кіевской тюрьмы). Все это поднимало престижъ агентовъ «Искры» въ глазахъ дѣятелей мѣстныхъ комитетовъ и создавало имъ вліяніе, съ которымъ трудно было бороться сторонникамъ «Рабочаго дѣла». Новая попытка послѣдняго, въ концѣ 1901 г., спасти свое положеніе созывомъ съѣзда, который бы санкціонировалъ среднюю линію между двумя тактическими направленіями, лишь облегчила работу «искровцевъ». На конференціи, созванной въ апрѣлѣ 1902 г. въ Бѣлостокѣ, по почину «рабочедѣльцевъ», былъ избранъ Организаціонный комитетъ для созыва съѣзда. Этотъ Комитетъ, въ которомъ преобладали не искровскіе элементы, былъ вскорѣ арестованъ, но организаціи, уполномоченныя его возстановить въ случаѣ ареста, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, были почти всѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ «искровцевъ», и выступившій офиціально въ декабрѣ 1902 г. «Организаціонный комитетъ» оказался составленнымъ, въ большинствѣ, изъ членовъ организаціи «Искры» или близко-стоящихъ къ ней элементовъ. Являясь единственнымъ признаннымъ партійнымъ центромъ, Организаціонный комитетъ, до извѣстной степени, руководилъ работой мѣстныхъ комитетовъ и способствовалъ большему пропитыванію ихъ дѣятельности идеями «Искры». Къ лѣту 1903 г., когда долженъ

былъ, наконецъ, быть созванъ Организаціоннымъ комитетомъ партійный съѣздъ, большинство комитетовъ уже высказались за направленіе «Искры» и признавали «искровскій» Организаціонный комитетъ своимъ практическимъ центромъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ роста организаціоннаго вліянія «Искры», сильно мѣнялась структура самихъ мѣстныхъ организацій. Смѣшеніе политической организаціи съ профессіональной, типичное для конца 90 г.г., отсутствуетъ со времени начала политическихъ демонстрацій [1]). По мѣрѣ того, какъ главнымъ методомъ воздѣйствія на массы становится распространеніе политическихъ воззваній, мѣстныя организаціи принимаютъ видъ небольшого количества агитаціонныхъ группъ, изъ которыхъ каждая включаетъ въ себя наиболѣе активныхъ, по большей части, молодыхъ рабочихъ даннаго района или завода. Попытки собрать возлѣ каждой такой группы дальнѣйшіе кружки рабочихъ, которые бы упрочили ихъ вліяніе на широкія массы, обыкновенно терпѣли неудачу, въ силу все ухудшавшагося полицейскаго режима; по той же причинѣ самый составъ агитаторскихъ группъ быстро мѣнялся и отличался чрезвычайной неустойчивостью. Дѣятельность агитаторскихъ группъ объединялась комитетомъ, очень немногочисленнымъ (чаще всего, 5—7 чел.), состоящимъ изъ интеллигентовъ и руководящимъ отдѣльными группами черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ («отвѣтственные агитаторы» и организаторы). Составъ комитетовъ также быстро мѣнялся, благодаря усиленному развитію политическаго сыска: члены комитета, избѣгая ареста, перемѣщались въ другіе города и тамъ вступали въ составъ мѣстныхъ комитетовъ или въ число ихъ агентовъ. Рѣзкая фракціонная борьба «искровцевъ» съ «экономистами» способствовала тому, что комитетъ, разъ попавъ въ руки представителей господствующаго направленія, старался обезопасить себя отъ примѣси чуждыхъ фракціи элементовъ, и, мало по малу, создалось такое положеніе, когда доступъ въ комитеты былъ открытъ лишь тѣсному кругу испытанныхъ «искровцевъ». Эти послѣдніе, вмѣстѣ съ ядромъ центральной организаціи (агенты «Искры»), составляли къ 1903 г., въ сущности, всю руководящую часть партіи, управляющую всей сѣтью партійныхъ и примыкающихъ къ партіи кружковъ. Представляя, въ большинствѣ, «профессіональныхъ революціонеровъ», мало связанныхъ непосредственно съ мѣстнымъ рабочимъ движеніемъ, эта часть партіи, до извѣстной степени, обособилась отъ массы мѣстныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ и образовала, своего рода, партійную аристократію, отношеніе которой къ партійному плебсу лишено было всякой тѣни организаціоннаго демократизма. Примѣненіе выборнаго начала въ организаціонной жизни теперь уже отрицалось не въ силу лишь соображеній объ опасности выборовъ при русскихъ полицейскихъ условіяхъ, но и по соображеніямъ принципіальнымъ: предполагалось, что выборность должна будетъ отдать руководящіе органы движенія въ руки наименѣе революціонныхъ, наименѣе сознательныхъ элементовъ; соображеніе это не лишено было вѣроятія, ибо, при невозможности нормальнаго функціонированія постоянныхъ рабочихъ организацій, сплачиваемый комитетами слой интеллигентовъ и рабочихъ представлялъ собою массу, соціалистическая сознательность которой была достаточно сомнительной и которая объединялась лишь единствомъ политическаго настроенія. Но

[1]) Въ 1902 г. это отдѣленіе произошло также и въ „Бундѣ“.

крайняя централизація организаціи и созданіе партійной аристократіи имѣли, въ свою очередь, весьма неудобныя стороны; они порождали сектантскую замкнутость и сектантскую оторванность отъ жизни въ безотвѣтственномъ руководящемъ слоѣ и, отрывая отъ участія въ партійной жизни низы организаціи, задерживали ихъ собственное развитіе. Въ общемъ, организація все болѣе пріобрѣтала внѣшнія формы заговорщическаго коллектива, тѣмъ болѣе, что ея непосредственное общеніе съ массовымъ движеніемъ исчерпывалось рѣдкими, относительно, моментами демонстрацій. Ведя ожесточенную борьбу съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ, какъ партіей, стоящей на бланкистской, заговорщической почвѣ, соціалъ-демократія «искровскаго» періода, по своему организаціонному типу, ничѣмъ отъ своей соперницы не отличалась, вѣрнѣе даже, въ этотъ періодъ представляла собою, по внѣшнимъ формамъ, болѣе совершенную заговорщическую организацію, чѣмъ партія соц.-революціонеровъ [1]).

Такое заговорщическое перерожденіе организаціи получило свою обосновку въ произведеніяхъ Н. Ленина: «Что дѣлать» (1902 г.) и «Письмо къ товарищу» (1903 г.). Въ первомъ изъ нихъ идеаломъ центральной, объединяющей движеніе, организаціи выставлялись старыя организаціи «Земли и воли» и «Народной воли»; во второмъ давался весьма детальный планъ перестройки мѣстныхъ организацій по принципу «централизаціи руководства и децентрализаціи отвѣтственности»: по этому плану, масса членовъ партіи должна была выполнять детально-раздробленныя и сведенныя къ технически-конспиративнымъ операціямъ функціи агитаціи, руководимой комитетами и партійнымъ центромъ. Практика шла навстрѣчу этимъ крайностямъ наиболѣе вліятельнаго публициста этого періода: «демократизмъ» и автономизмъ въ организаціи выдвигался, прежде всего, сторонниками «экономизма» и мѣстнаго «кустарничества» (поглощенія агитаціи мѣстными интересами). Встрѣчая нерѣдко поддержку въ рабочихъ, недовольныхъ абсолютизмомъ комитетовъ, эта оппозиція спекулировала на недовѣріе рабочаго къ интеллигентамъ и идеологамъ и, въ глазахъ искровцевъ, принимала характеръ фактора, стремящагося вернуть движеніе къ временамъ «Рабочей Мысли». Но сгущеніе политической атмосферы во всей странѣ не благопріятствовало такимъ теченіямъ, и «искровцы» легко справлялись съ подобной оппозиціей, причемъ въ борьбѣ съ нею еще болѣе утрировали свои организаціонныя тенденціи, въ духѣ крайняго централизма и конспираторства.

Уже въ «Что дѣлать?» организаціонный централизмъ этого типа разсматривался въ противорѣчіи къ «экономистамъ», которые въ почти абсолютномъ растореніи партіи въ самой рабочей массѣ видѣли свой организаціонный идеалъ,— какъ самая надежная гарантія противъ проникновенія въ партію оппортунизма. Для обоснованія этой мысли, Н. Ленинъ выставилъ даже тезисъ, согласно которому «теоретическое ученіе соціалъ-демократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія» [2]) и, что, поэтому, задача организованныхъ въ партію соціалистовъ заключается въ томъ, чтобы «извнѣ» привнести сознательность въ рабочее движеніе, которое стихійно влечется къ «подчиненію

[1]) Заговорщическую группу болѣе законченнаго типа представляла собою конечно, боевая организація партіи с.-р.

[2]) „Что дѣлать?“, стр. 21.

его буржуазной идеологіи» [1]) (въ формѣ трэдъ-юніонизма). Эти и подобныя положенія, первоначально разсматривавшіяся многими дѣятелями соціалъ-демократіи, какъ простая обмолвка или неточное выраженіе мысли автора, усваивались, однако, массой практиковъ, какъ догма революціоннаго марксизма; они усваивались тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе была среди нихъ реакція противъ фаталистической вульгаризаціи марксизма у «экономистовъ» и чѣмъ болѣе самая жизнь подпольной, заговорщической и интеллигентской организаціи предрасполагала къ преувеличенію историческаго значенія индивидуальной и групповой иниціативы. Революціонное крыло соціалъ-демократіи все время находилось подъ гнетомъ той мысли, что объективное развитіе общественныхъ отношеній въ данномъ фазисѣ русской исторіи стихійно влечетъ рабочій классъ къ растворенію въ «внѣклассовомъ», общенародномъ движеніи, подъ знаменемъ буржуазной демократіи: быстрый успѣхъ русскаго бернштейніанства служилъ въ этомъ смыслѣ предзнаменованіемъ, и въ диктатурѣ революціонной организаціи надъ движеніемъ массъ «искровцы» невольно искали залога успѣшной защиты классовыхъ интересовъ пролетаріата отъ этого безусловнаго растворенія. Отсюда— постепенное просачиваніе въ соціалъ-демократическую среду далеко стоящихъ отъ марксизма и сближающихся съ бланкизмомъ воззрѣній на роль соціалистической партіи въ процессѣ развитія борьбы классовъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ отклоненіемъ отъ марксизма и со всѣмъ духомъ «искровской» организаціи, стояло все болѣе проявлявшееся среди соціалъ-демократовъ увлеченіе «чистой политикой», составлявшее прямую реакцію противъ «экономизма». Успѣхъ политическихъ демонстрацій все болѣе отвлекалъ соціалъ-демократовъ отъ экономическаго движенія, чему немало способствовалъ продолжавшійся до 1903 г. острый промышленный кризисъ. Но экономическая борьба, стихійно вырастающая изъ непосредственнаго столкновенія интересовъ наемныхъ рабочихъ и капиталистовъ, является однимъ изъ основныхъ факторовъ, питающихъ соціалистическое движеніе; игнорированіе на практикѣ этого фактора должно было, прежде всего, суживать сферу вліянія соціалъ-демократіи, а затѣмъ неминуемо отразиться на самомъ характерѣ политической агитаціи, придавая ей отвлеченный и, по существу своему, всего лишь революціонно-демократическій, а не классовый характеръ. Это и замѣчалось въ дѣйствительности. Послѣ Ростовской всеобщей стачки (ноябрь 1902 г.) «Искра» стала обращать вниманіе практиковъ на необходимость вновь удѣлить больше вниманія вопросамъ экономической борьбы; эти указанія, однако, не имѣли особеннаго вліянія, и въ агитаціи соціалъ-демократовъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, экономическая борьба упоминается лишь для того, чтобы подчеркнуть ея практическую безплодность для рабочихъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не пользуется полной политической свободой, а крупными стачечными движеніями, временами возникавшими, соціалъ-демократы стараются воспользоваться прежде всего для производства политической демонстраціи. Успѣшно борясь съ «зубатовщиной», которая опиралась на стремленіе широкихъ круговъ рабочихъ къ организованной защитѣ своихъ профессіональныхъ интересовъ, соціалъ-демократы не сумѣли

[1]) „Что дѣлать?“, стр. 29.

сдѣлать это стремленіе исходнымъ пунктомъ для развитія профессіональнаго движенія. Между тѣмъ, условія для этого назрѣвали въ начинавшемся въ 1903 г. нѣкоторомъ промышленномъ оживленіи, которому суждено было, на почвѣ, подготовленной политическими бурями предыдущихъ лѣтъ, вызвать неслыханное еще по размѣрамъ стачечное движеніе іюля-августа 1903 г. Принявшая къ тому времени замкнутый характеръ, соціалъ-демократическая организація совершенно не предвидѣла этого движенія и не замѣтила той роли, которую въ его подготовкѣ играли именно вышеуказанные слои рабочихъ, искавшіе въ «зубатовщинѣ» средства организоваться профессіонально.

Увлеченіе политицизмомъ, въ связи съ неправильными представленіями о взаимоотношеніи между партіей и массой, и сектантскимъ характеромъ организаціи вело фатально къ проникновенію въ соціалъ-демократію заговорщическихъ взглядовъ на ту рѣшительную борьбу со старымъ порядкомъ, которая предвидѣлась въ конечномъ пунктѣ данной стадіи движенія. Вмѣсто представленія о сложномъ процессѣ ликвидаціи стараго порядка и о формированіи въ ходѣ участія въ этомъ процессѣ открытой силы освобождающагося класса, складывалось бланкистское воззрѣніе на одинъ рѣшительный ударъ, подготовленный и выполненный централизованной организаціей, ведущей за собою стихійно-поднявшіяся массы.

Съ такими настроеніями «искровскіе» комитеты ожидали II съѣзда своей партіи, который долженъ былъ завершить 2-хъ-лѣтній организаціонный процессъ, создавъ единую и централизованную партійную организацію. Съѣздъ состоялся въ іюлѣ 1903 г. въ Брюсселѣ, откуда делегатамъ, въ виду преслѣдованій мѣстной полиціи, пришлось переѣхать въ Лондонъ. На съѣздѣ были представлены 4 заграничныя и 22 русскія организаціи; сюда, кромѣ организацій крупнѣйшихъ русскихъ городовъ, входили кавказскія организаціи и «Бундъ». Незадолго до того возникшая Латышская соціалъ-демократія въ съѣздѣ не принимала участія, а с.-д. Польши и Литвы послала на съѣздъ делегатовъ для переговоровъ о вступленіи этой организаціи въ партію.

Въ силу указанныхъ выше причинъ, на съѣздѣ были, собственно, представлены не самыя мѣстныя организаціи въ цѣломъ, а лишь ихъ руководящіе центры—комитеты, благодаря чему широкій кругъ партійныхъ работниковъ оставался болѣе или менѣе индифферентнымъ къ вопросамъ, которые долженъ былъ рѣшить съѣздъ. По той же причинѣ, составъ съѣзда былъ, во 1-ыхъ, интеллигентскимъ (изъ 55 делегатовъ съ рѣшающими и совѣщательными голосами всего 4 вышли изъ рабочаго класса); во-2-ыхъ, заключалъ въ себѣ значительный % «профессіональныхъ революціонеровъ». Достаточно указать, что изъ числа 43 рѣшающихъ голосовъ 13—около $^1/_3$—принадлежало къ членамъ центральной организаціи «Искры» и 3 къ составу «Организаціоннаго комитета» и его агентовъ.

Съѣздъ утвердилъ, съ небольшими измѣненіями, программу, выработанную «Искрой»; лишь аграрная часть программы вызвала сравнительно долгіе дебаты и была принята при воздержаніи довольно большого числа делегатовъ (20). Принципіальные противники программы, въ лицѣ делегатовъ заграничнаго «Союза», были на съѣздѣ въ ничтожномъ меньшинствѣ, и «искровцы» господ-

ствовали. Однако, описанныя выше явленія, характеризовавшія жизнь партіи въ послѣднее время, внесли элементы разложенія въ это большинство, и на томъ же съѣздѣ ему суждено было расколоться.

Разногласіе было вызвано попыткой части «искровцевъ» и дѣятелей «Южнаго Рабочаго» нѣсколько смягчить централистическій характеръ Организаціоннаго устава. Эта попытка собрала вокругъ Н. Ленина большинство крайнихъ централистовъ, которое отказалось утвердить старый составъ редакціи «Искры» (ставшей центральнымъ органомъ) и избрало, ничтожнымъ большинствомъ, Ц. Комитетъ изъ однихъ сторонниковъ Ленина. «Меньшинство» объявило центральнымъ учрежденіямъ «бойкотъ».

Разногласія—пока—не выходили изъ рамокъ вопросовъ организаціи и, вообще, еще не вырисовывались отчетливо. Распри по поводу устава не дали съѣзду возможности заняться тактическими проблемами. Поскольку имъ удѣлено было нѣкоторое мѣсто, побѣжденному въ организаціонныхъ вопросахъ меньшинству удалось провести нѣсколько резолюцій, имѣвшихъ цѣлью внести нѣкоторый коррективъ въ одностороннюю практику послѣднихъ лѣтъ (о необходимости активнаго содѣйствія экономической борьбѣ; объ обязанности поддерживать стачки, вызванныя «зубатовскими» союзами; объ участіи въ выборахъ фабричныхъ старостъ по закону 10 іюня; противъ искусственнаго возбужденія уличныхъ демонстрацій). Всѣ эти резолюціи, въ которыхъ намѣчалась тактическая линія новой фракціи, прошли, не встрѣчая оппозиціи; не то было съ резолюціей объ отношеніи къ либераламъ (т. н. резолюція Старовѣра), которая опредѣляла условія возможныхъ частныхъ соглашеній съ буржуазнымъ либерализмомъ (всеоб. избир. право и т. под.). Рядомъ съ ней была предложена резолюція Г. Плеханова о необходимости разоблачать анти-демократическій и анти-революціонный характеръ дѣятельности «Освобожденія». Дебаты по этому вопросу могли бы вскрыть основныя разногласія въ тактикѣ, назрѣвавшія въ «искровскомъ» лагерѣ. Однако, за недостаткомъ времени, дебаты эти не развернулись, и съѣздъ принялъ обѣ резолюціи.

Послѣ II съѣзда выбранный на немъ Ц. Комитетъ, фактически, признавался лишь частью комитетовъ («большевистскихъ»), «Бундъ» сталъ внѣ партіи, въ виду отказа II съѣзда признать его федеративной (а не автономной) частью партіи; внѣ ея оставалась и Латышская соціалдемократія, а соціалдемократія Польши и Литвы отказалась вступить въ партію, въ виду нежеланія съѣзда категорически высказаться противъ отдѣленія Польши (программное требованіе Р. Р. S.).

Послѣдовавшій за съѣздомъ годъ явился, такимъ образомъ, для соціалдемократіи эпохой новаго организаціоннаго разброда. Въ рукахъ «большевиковъ» былъ Центр. Комитетъ, въ рукахъ «меньшевиковъ»—послѣ соединенія съ ними Г. В. Плеханова [1])—вновь оказалась «Искра», изъ состава которой Н. Ленинъ вышелъ. Распаденіе «искровцевъ» привело къ тому, что на сторонѣ Ленина оказались элементы, наиболѣе пропитавшіеся сектантскими и заговорщическими тенденціями, проникшими въ партію до II съѣзда; въ борьбѣ съ «меньшеви-

[1]) Онъ разошелся съ Ленинымъ, когда рѣчь зашла о практическомъ примѣненіи организаціонныхъ рѣшеній съѣзда.

ками», требовавшими организаціонной реформы въ направленіи большаго демократизма и приближенія къ рабочимъ массамъ, они довели до послѣдней крайности свой централизмъ и превращали комитеты (большинство которыхъ было первоначально на ихъ сторонѣ) въ тѣсные кружки, деспотически управлявшіе мѣстными организаціями. Послѣдовалъ рядъ мѣстныхъ расколовъ, такъ называемая организаціонная «периферія» изъ передовыхъ рабочихъ и пропагандистовъ отдѣлилась, образуя самостоятельныя группы. Выбранный на II съѣздѣ «большевистскій» Центральный комитетъ, не имѣя опоры въ литературномъ органѣ, не пользовался фактическимъ вліяніемъ на партію и выполнялъ лишь техническія функціи, между тѣмъ какъ заграничный центръ «меньшевиковъ»—«Искра»—не только вліялъ на партію критикой организаціонныхъ взглядовъ прошлаго и организаціонной практики, но и—преимущественно въ статьяхъ П. Б. Аксельрода—поставилъ ребромъ вопросъ о несоотвѣтствіи содержанія работы партіи интересамъ рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ наступленіемъ русско-японской войны и началомъ новаго общественнаго подъема, «Искра» оказалась единственнымъ идейнымъ центромъ, могущимъ объединить оживившуюся мѣстную агитацію. «Искра» дала основной тонъ этой агитаціи, выдвинувъ на первый планъ требованіе прекращенія войны, соединивъ его съ требованіемъ созыва народныхъ представителей для выработки условій мира и успѣшно борясь, какъ съ тенденціей части либераловъ отказаться отъ борьбы во имя «патріотизма», такъ и съ тенденціей другой части либераловъ, равно какъ и части соціалистовъ, связать всѣ надежды освободительнаго движенія съ побѣдой Японіи. Подчеркивая, что результатами такой побѣды будутъ, какъ новое разореніе народа, такъ и развитіе шовинизма, «Искра» настаивала на необходимости сдѣлать требованіе мира центромъ всей агитаціи и боролась противъ стремленія ожидать отъ японскихъ побѣдъ освобожденія Россіи, поскольку такое стремленіе убивало въ народныхъ массахъ всякую активность. Изданные ею многочисленные популярные листки по поводу войны переиздавались комитетами въ громадныхъ количествахъ и дали первый еще примѣръ массовой агитаціи, ведущейся систематически во всей Россіи въ одномъ и томъ же направленіи [1]). Эта агитація дополнялась устройствомъ собраній, на которыхъ передовые рабочіе выносили резолюціи противъ войны. Вплоть до осени 1904 г. дѣятельность с.-д. организацій, ослабленныхъ расколомъ, развилась преимущественно въ этомъ направленіи; внутренняя же ихъ жизнь характеризовалась борьбой «комитетовъ» и «периферіи», имѣвшей результатомъ несомнѣнную побѣду «меньшевистской» оппозиціи противъ комитетовъ: организаціонный строй началъ нѣсколько смягчаться въ сторону большаго демократизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтомъ 1904 г. Центральный Комитетъ, вопреки оппозиціи Н. Ленина, заключилъ соглашеніе съ «меньшевиками» и редакціей «Искры», въ цѣляхъ возстановленія партійнаго единства. Однако, это обстоятельство не уничтожило раскола. Напротивъ, сплотившіеся вокругъ Н. Ленина «большевики» выступили противъ Центр.

[1]) За время отъ начала войны до конца 1904 г. организація Росс. С.-Д. раб. партіи выпустила не менѣе 205 отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ войнѣ, въ количествѣ около 1.200.000 экземпляровъ. Изъ этого числа до 400 тысячъ экз. представляли воззванія „Искры“.

Комитета тѣмъ рѣшительнѣе, что къ этому времени съ измѣненіемъ политическихъ условій обнаружились серьезныя тактическія разногласія. Началась эра Святополкъ-Мирскаго и подготовлялось организованное выступленіе земцевъ. «Искра» предложила соціалдемократическимъ комитетамъ привлечь пролетаріатъ къ земской кампаніи, чтобы организованнымъ вмѣшательствомъ въ нее рабочихъ усилить ея общественное значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, толкнуть либераловъ къ выставленію болѣе рѣшительныхъ и болѣе демократическихъ требованій Брошюра Ленина по этому вопросу и отвѣтъ на нее Плеханова [1]) знаменовали собою окончательное самоопредѣленіе обоихъ соціалдемократическихъ теченій, въ видѣ двухъ фракцій съ различной тактикой въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ вообще, и по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ, въ частности [2]).

Организованное участіе рабочихъ въ выступленіяхъ земцевъ—и позднѣе—демократической интеллигенціи имѣло мѣсто въ рядѣ городовъ (Одесса, Харьковъ, Екатеринодаръ, Нижній, Кострома, Ростовъ-н./Д., Кіевъ, Саратовъ и т. д.), съ различнымъ успѣхомъ, но не всегда въ томъ направленіи, которое намѣчала «Искра»: зачастую, вопреки ея предостереженіямъ, группы соціалдемократовъ забывали о прогрессивномъ значеніи политической мобилизаціи буржуазной оппозиціи и старались болѣе всего заклеймить передъ массами недостаточность и недемократичность ея требованій; а это, при данныхъ условіяхъ, грозило ослабить подымавшееся общественное движеніе. Во всякомъ случаѣ, громадное значеніе для будущаго имѣла та популяризація обще-демократическихъ лозунговъ, которая была достигнута въ этотъ періодъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что соціалдемократы впервые стали выступать на открытой аренѣ.

Агитація противъ войны, а затѣмъ участіе въ земской и банкетной кампаніи вновь укрѣпили идейное вліяніе соціалъ-демократіи на пролетарскія массы и расширили ея вліяніе на другіе классы общества, прислушивавшіеся къ дѣятельности наиболѣе активной политической партіи. Но организаціонная слабость партіи не позволяла ей брать на себя иниціативу какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій. Попытки (въ ноябрѣ и декабрѣ) организовать уличныя демонстраціи въ Петербургѣ и Москвѣ потерпѣли полную неудачу. Организаціонно, соціалъ-демократія (въ собственно-русскихъ губерніяхъ) массами практически руководить не могла, а въ Петербургѣ, въ частности, до самого конца 1904 года совершенно не оцѣнила значенія громадныхъ организаціонныхъ процессовъ, совершавшихся въ пролетаріатѣ подъ эгидой гапоновскихъ организацій. Поэтому, 9-ое января 1905 г. во многихъ отношеніяхъ застало соціалъ-демократію врасплохъ.

* * *

Соціалъ-демократическія организаціи на окраинахъ не испытали непосредственнаго вліянія раскола, раздѣлившаго Р. С. Д. Р. П., а потому продолжали развиваться болѣе нормально. При этомъ кавказскія организаціи, остававшіяся

[1]) Н. Ленинъ, «Земская кампанія и планъ «Искры».—Г. Плехановъ, «О нашей тактикѣ».

[2]) Изложенію этихъ тактическихъ споровъ будетъ удѣлено мѣсто въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ.

въ рядахъ Р. С. Д. Р. П., и «Бундъ», изъ нея вышедшій, извлекли изъ этого раскола спасительный урокъ и въ теченіе времени, послѣдовавшаго за II съѣздомъ Р. С. Д. Р. П., старались устранить дефекты организаціи, общіе имъ съ остальными частями этой партіи. Та и другая организаціи демократизировались и приняли мѣры къ упроченію связи съ массами. Внѣшнія условія — болѣе активно-оппозиціонная общественная среда — благопріятствовали какъ «Бунду», такъ и кавказскимъ организаціямъ Р. С. Д. Р. П., и онѣ за время 1903—4 гг. достигли значительнаго развитія: «Бундъ», въ своемъ отчетѣ на Амстердамскій конгрессъ (1904 г.), насчитываетъ въ своихъ рядахъ до 30 тысячъ организованныхъ рабочихъ въ 50 слишкомъ пунктахъ *); организованность этой массы постоянно поддерживалась устраиваемыми «Бундомъ» тайными собраніями («массовками») и регулярными взносами въ кассу организаціи. Равнымъ образомъ, широкій характеръ носили рабочія организаціи кавказскихъ комитетовъ и примыкавшія къ нимъ крестьянскія организаціи (главнымъ образомъ, въ Гуріи); на Кавказѣ, послѣ короткаго времени господства «большевиковъ», партійная организація носила весьма демократическій характеръ, совершенно не зная того рѣзкаго противопоставленія интеллигентовъ и рабочихъ, которое было характернымъ въ Россіи. Много содѣйствовало этой эволюціи то обстоятельство, что дѣятельность соціалъ-демократическихъ комитетовъ на Кавказѣ, благодаря царившему здѣсь общественному возбужденію, могла носить менѣе конспиративный, болѣе открытый характеръ, чѣмъ въ остальной Россіи. Какъ кавказская соціалъ-демократія, такъ и «Бундъ» пріобрѣли громадное вліяніе не только на мѣстный пролетаріатъ, но и на всѣ почти слои мѣстнаго общества. Разница въ положеніи кавказской соціалъ-демократіи и «Бунда», однако, заключалось въ томъ, что кавказскіе соціалъ-демократы выступили въ крайне разъединенной національными конфликтами средѣ, рѣзко подчеркивая свой *интернаціонализмъ* и свою связь съ всероссійскимъ рабочимъ движеніемъ. Благодаря этому, по мѣрѣ роста политической жизни, выдвигавшей въ народномъ сознаніи на первый планъ общегосударственные вопросы, престижъ и вліяніе кавказской соціалъ-демократіи усиливались какъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, такъ и въ русскомъ соціалистическомъ мірѣ. Напротивъ, «Бундъ», съ начала 900-хъ гг., въ силу разныхъ причинъ, сталъ развиваться въ направленіи усиленія своего національнаго характера. Эта эволюція привела его въ 1903 г. къ выходу изъ Р. С. Д. Р. П и поставила въ обособленное положеніе среди соціалъ-демократическихъ организацій иныхъ національностей. Націоналистическая эволюція «Бунда», въ значительной мѣрѣ объяснялась развитіемъ антисемитизма въ періодъ усиливающейся борьбы реакціи съ освободительнымъ движеніемъ, но, поскольку «Бундъ», вмѣстѣ съ массой еврейскаго населенія, реагировалъ на ростъ антисемитизма усиленіемъ національнаго характера своей агитаціи, онъ лишь затруднялъ себѣ борьбу за отвлеченіе еврейскихъ массъ отъ романтическаго или реакціоннаго націонализма, который, подъ флагомъ сіонизма, сталъ распространяться въ еврействѣ. Значительная часть соціалистически-настроенныхъ еврейскихъ рабочихъ, несогласныхъ

*) Изъ нихъ 33 въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, остальные—въ Польшѣ и на Югѣ („Die Tätigkeit des Allgem. Judiseh. Arbeiterbundes. Bericht für den Internat. Soc. Kongress in Amsterdam". Genf, 1904).

съ такой эволюціей «Бунда», уходила отъ него къ Р. С. Д. Р. П., къ Р. Р. S., къ партіи С.-Р. и, хотя создаваемыя ими контръ-организаціи не достигали силы бундовскихъ, тѣмъ не менѣе, это отвлеченіе отъ «Бунда», часто, весьма интеллигентныхъ пролетарскихъ силъ не могло не отразиться на немъ вредно. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что, отстаивая противъ общественнаго мнѣнія соціалъ-демократіи свою идею объ еврейскомъ пролетаріатѣ, составляющемъ самостоятельную національную единицу, «Бундъ» все болѣе подчинялъ интересамъ торжества этой идеи всѣ остальные вопросы своей дѣятельности, благодаря чему утрачивалъ то непосредственное вліяніе на русскую соціалъ-демократію, какимъ онъ пользовался въ 90-хъ гг. Между тѣмъ, его соціальная база, представлявшая наемныхъ рабочихъ въ падающемъ ремеслѣ, сама по себѣ ограничивала его вліяніе, какъ опредѣленной организаціи, на россійское рабочее движеніе, въ цѣломъ, и, когда, въ 1905 г., послѣднее приняло зрѣлый характеръ, значеніе «Бунда» стало падать.

Что касается латышской соціалъ-демократіи, начавшей свою дѣятельность во 2-й половинѣ 90-хъ гг., то до 1905 г. она не вышла изъ рамокъ мѣстнаго, провинціальнаго движенія, дѣлавшаго, правда, большіе успѣхи въ наиболѣе активной (латышской) части прибалтійскаго пролетаріата, но не создавшаго еще прочной организаціи съ достаточно опредѣленной программно-тактической физіономіей.

Соціалъ-демократіи Польши и Литвы до 1905 г. не удалось еще стать вліятельной общественной силой. Возникши впервые въ 1894 г. и вновь возродившись въ 1901 г.—послѣ того, какъ польскіе марксисты, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были совершенно оттѣснены успѣхами Р. Р. S. — и имѣя своимъ идейнымъ руководителемъ писательницу съ европейскимъ именемъ—Розу Люксембургъ,—Польская соціалъ-демократія до 1904 г. оставалась небольшимъ кружкомъ, спорадически оказывающимъ вліяніе на рабочія массы, въ моментъ ихъ подъема, и сплачивающимъ вокругъ себя сравнительно немногочисленный слой сознательныхъ рабочихъ. Главной причиной организаціонной слабости польской соціалъ-демократіи являлось отсутствіе сочувствія среди соціалистически-настроенной интеллигенціи, благодаря чему, напр., польская соціалъ-демократія не имѣла возможности развернуть такой широкой агитаціонной, литературной дѣятельности, какою отличались Р. С. Д. Р. П., «Бундъ» или его соперница—Р. Р. S. Несочувствіе же радикальныхъ круговъ интеллигенціи, какъ и незначительный успѣхъ С. Д. П. и Л. въ массахъ, въ значительной степени, объясняется тѣмъ, что польскіе соціалъ-демократы, рѣшительно борясь, во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата, съ польскимъ націонализмомъ во всѣхъ его видахъ, доктринерски закрывали глаза на національную обстановку польскаго рабочаго движенія и не умѣли пользоваться національнымъ гнетомъ для привлеченія симпатій страдающихъ отъ него слоевъ населенія къ соціализму, ведущему освободительную борьбу. Это доктринерство было реакціей противъ націоналистическаго оппортунизма Р. Р. S., но оно лишь усиливало позицію послѣдней и ставило подчасъ самое польскую соціалдемократію въ парадоксальное положеніе, когда, напр., она, искони пропагандировавшая сліяніе польскаго рабочаго движенія съ русскимъ, отказалась войти въ ряды Р. С. Д. Р. П. (1903 г.), пока послѣдняя не

ограничитъ пунктъ своей программы о національномъ самоопредѣленіи въ томъ смыслѣ, что отдѣленіе Польши. во всякомъ случаѣ, признается вреднымъ для пролетаріата. Лишь съ началомъ войны, П. С. Д. находитъ для своего развитія болѣе благопріятную почву, поскольку начинавшійся процессъ ликвидаціи стараго порядка въ Россіи подвергъ суровому испытанію весь польскій націонализмъ, въ томъ числѣ и націонализмъ соціалистическій.

Р. Р. S., возникшая еще въ 1892 г. и съ 1895 по 1900 г. бывшая единственной польской соціалистической партіей, представляла также, по своей структурѣ, замкнутый и немногочисленный коллективъ, притомъ съ крайне выраженнымъ заговорщическимъ характеромъ, но эта, бланкистскаго типа, крайне централизованная организація сумѣла стать крупной общественной силой. Это значеніе она пріобрѣла, взявши на себя сохраненіе и развитіе національно-революціонныхъ традицій, что ей обезпечивало горячее сочувствіе польской демократіи и позволило развернуть громадную энергію въ агитаціонной работѣ. Но, фиксируя все свое вниманіе на возстановленіи независимой Польши и подготовкѣ возстанія въ этихъ цѣляхъ, она очень скоро стала неудержимо развиваться въ заговорщическую организацію, стоящую *надъ* рабочимъ классомъ и разсматривающую послѣдній, какъ средство для данной политической цѣли. «Политицизмъ», который мы наблюдали среди «искровцевъ», преобладалъ въ Р. Р. S. въ гораздо большей степени уже въ половинѣ 90-хъ гг.: экономическое движеніе пролетаріата привлекало ея вниманіе въ очень слабой степени. Въ то же время, стараясь первоначально держаться марксизма, Р. Р. S., въ силу логики своей націоналистической позиціи, постепенно проходитъ всѣ фазы разложенія соціалистическаго міровоззрѣнія, въ видѣ «ревизіонизма», сближающаго ее, подъ конецъ, съ русской партіей С.-Р. и съ «Освобожденіемъ» въ то самое время, когда съ соціалдемократіей она ведетъ непримиримую войну. Это не было случайностью: ревизіонистскія идеи являлись слѣдствіемъ заигрыванія партіи съ націоналистически настроенной мелкой буржуазіей и крестьянствомъ; а антагонизмъ къ русской соціалдемократіи, представлявшей рабочее движеніе въ Россіи, являлся неизбѣжнымъ результатомъ той позиціи, какую заняла Р. Р. S. по отношенію къ послѣднему: однимъ изъ главныхъ аргументовъ ея въ пользу борьбы за отдѣленіе Польши было доказательство безнадежности ожидать крупныхъ успѣховъ отъ рускаго рабочаго движенія. Публицисты Р. Р. S. настаивали на этомъ не только послѣ петербургскихъ стачекъ 1896 г., но и послѣ Ростовскихъ событій 1902 г.

Выдѣленіе въ 1900 г. изъ Р. Р. S. группы «Пролетаріатъ», во главѣ съ Л. Кульчицкимъ, не ослабило партію: новый «Пролетаріатъ» большого значенія не пріобрѣлъ, хотя и пытался внести разумный коррективъ въ національную программу Р. Р. S. Съ наступленіемъ войны, послѣдняя партія стала напряженно ждать развязки своей долгой борбы и усиленно готовиться къ возстанію. Однако, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, въ которыхъ она воспитала своихъ сторонниковъ, дезорганизація русскаго государства вызвала къ жизни проявленіе такихъ грандіозныхъ общественныхъ силъ, къ которымъ приходилось приспособляться и польскимъ революціоннымъ факторамъ. Попытка цѣпляться за старую національную программу лишь привела Р. Р. S. къ компрометтирующему сближенію съ

«Лигой народовой» и къ вызвавшему протестъ среди соціалистовъ вульгарному японофильству. Наканунѣ 9 января 1905 года P. P. S. стояла передъ задачей пересмотра всѣхъ основъ своей дѣятельности.

V. Революціонное народничество.

Въ теченіе 1899—1901 гг. оживившееся революціонно-народническое движеніе было представлено пятью различными группами, расходившимися между собою по цѣлому ряду пунктовъ. Дѣйствовавшая на Западѣ Россіи т. н. «Рабочая партія освобожденія Россіи», къ которой былъ близокъ Г. А. Гершуни наиболѣе близко подходила къ народоправцамъ, поскольку [1]) выражала наклонность, въ интересахъ борьбы за освобожденіе, вычеркнуть вопросы соціализма изъ числа очередныхъ задачъ. Заграничная «группа старыхъ народовольцевъ» въ выпущенномъ ею № 1 «Вѣст. Рус. Рев.» (лѣто 1901 г.) пропагандируетъ образованіе партіи типа «Народ. Воли», сочетающей руководство рабочимъ движеніемъ съ террористической борьбой; возможной перспективой будущаго она считаетъ захватъ власти и демократическую диктатуру рабочаго класса и передовой интеллигенціи, отвергая въ то же время всякія надежды на боевую роль крестьянства [2]). Выпустившій въ 1899 г. свою программу «Союзъ с-ровъ», дѣйствовавшій на сѣверѣ и востокѣ Россіи, напротивъ, выдвигаетъ рядомъ съ рабочимъ движеніемъ, движеніе крестьянское; но и въ его органѣ—«Рев. Россіи» [3]) послѣ демонстраціи 1901 г. мы встрѣчаемъ положеніе, что «противопоставленіе рабочихъ классовъ обществу» въ данный моментъ нежелательно. Съ другой стороны, дѣйствовавшая на Югѣ группа, выпустившая въ 1900 г. „Манифестъ“ отъ имени „Партіи С.-Р.“, въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ, игнорируетъ терроръ, становится на почву рабочаго движенія, констатируетъ отсутствіе единаго крестьянства и признаетъ буржуазію естественнымъ политическимъ союзникомъ пролетаріата, подходя, такимъ образомъ, вплотную къ воззрѣніямъ «искровскаго» крыла с.-д. И, наконецъ, заграничная «Аграрно-соціалистическая лига» [4]) выдвигаетъ на первый планъ крестьянское движеніе, разрабатываетъ вопросъ о соціальной эволюціи крестьянства и въ программной брошюрѣ «Очередной вопросъ» намѣчаетъ основы специфически-аграрнаго соціализма, сочетающагося изъ элементовъ русскаго народничества и западно-европейскаго ревизіонизма. Постепенное «вростаніе» соціализма въ современный общественный строй и ревизіонистское отрицаніе непримиримости классовыхъ противорѣчій признаются писателями «Лиги» также, какъ и легальными народниками «Русск. Богатства», а видный дѣятель «Лиги» и впослѣдствіи одинъ изъ теоретиковъ партіи С.-Р., Житловскій, одновременно является соратникомъ Бернштейна въ нѣмецкой литературѣ. Въ «Вѣстникѣ» же «русской революціи» (Тарасовъ, Гоцъ, Рубановичъ) теоретическая позиція иная: ревизіонистскій «кризисъ соціализма» въ этой группѣ получилъ свое дальнѣйшее развитіе, подобно тому, которое онъ

[1]) Въ вышедшей въ 1900 г. брош. «Свобода».
[2]) Ст.: „Наша программа“.
[3]) № 2 (вышелъ въ тайной типогр. въ Томскѣ).
[4]) Житловскій, Шишко, Волховской, Чайковскій и др.

продѣлалъ въ группѣ французскихъ соціалистовъ, образовавшихъ синдикалистскую фракцію: для этого надо было лишь, принимая бернштейніанскія посылки о томъ, что объективный ходъ экономическаго развитія ведетъ пролетаріатъ къ смягченію классовой борьбы, сдѣлать выводъ, что революціонная инициатива и энергія могутъ, вопреки этому объективному ходу, привести къ торжеству соціалистическихъ идеаловъ. Эти два вида ревизіонизма опредѣлили собою дальнѣйшую работу соціалистовъ-революціонеровъ по выработкѣ принциповъ своего міровоззрѣнія.

Въ теченіе 1901 года различныя группы с.-р-овъ, дѣйствовавшія въ Россіи, не выходили изъ стадіи пропагандистскихъ кружковъ, изрѣдка обращающихся съ открытыми воззваніями къ «обществу», студентамъ или рабочимъ. Рядомъ съ соціалъ-демократическими организаціями, эти кружки не играли вліятельной роли и, благодаря своей слабости и неопредѣленности міровоззрѣнія, не могли даже учесть въ свою пользу тѣ ошибки, которыя дѣлали соціалъ-демократы-экономисты, поскольку послѣдніе не обращали достаточно вниманія на тяготѣніе рабочихъ и интеллигенціи къ «политикѣ» [1]). Однако, уже эти ошибки «экономистовъ» позволили кое-гдѣ соціалистамъ-революціонерамъ привлечь къ себѣ группы передовыхъ рабочихъ, отпадавшихъ отъ соціалдемократіи. Гораздо большее значеніе имѣло для с.-р. оживленіе радикально настроенной демократіи подъ вліяніемъ весеннихъ демонстрацій 1901 года. На первыхъ порахъ значительная часть этихъ, впервые зашевелившихся, элементовъ, въ силу антипатіи къ рѣзко-опредѣленной классовой позиціи марксистовъ, тяготѣла къ соціалистамъ-революціонерамъ, и лишь впослѣдствіи стала выдѣлять правое крыло—демократовъ-освобожденцевъ. Террористическіе акты Карповича и Лаговскаго еще болѣе усилили эту тягу. Отражая на себѣ настроеніе интеллигентской массы, группы с.-р. въ это время самоопредѣляются больше въ сторону чистаго «политицизма», отодвигающаго даже—какъ мы видѣли по № 2 «Рев. Рос.»—на отдаленный планъ соціалистическія задачи, концентрирующаго вниманіе на рабочихъ и интеллигенціи и, какъ главный свой отличительный признакъ, выдвигающаго политическій терроръ. Когда къ концу 1901 г. различные кружки с-р. въ Россіи и за границей объединились подъ руководствомъ Гершуни, какъ практическаго вождя, и Гарденина, какъ теоретика партіи, признаніе террора являлось главнымъ моментомъ, спаивавшимъ эти группы. Но уже въ то время къ новой партіи стягивались еще немногочисленныя группы и одиночки, ведшія пропаганду въ деревнѣ, равно какъ возвращавшіеся къ активной дѣятельности представители старыхъ революціонныхъ поколѣній, сохранившіе вѣрность народничеству: тѣхъ и дугихъ привлекала къ партіи С.-Р. ея близость къ «Аграрной Лигѣ», обслуживавшей нужды сельской пропаганды, и ея теоретическое родство съ антимарксистской легальной литературой.

Въ отличіе отъ соціалъ-демократовъ, въ теченіе ряда лѣтъ укрѣплявшихъ свои мѣстныя организаціи, прежде чѣмъ они приступили къ образованію партій, соціалисты-революціонеры, объединивъ нѣсколько кружковъ, рѣшили немедленно выступить, какъ партія: въ началѣ 1902 года «Револ. Россія», перенесенная

[1]) Такъ, въ центрѣ самого упорнаго „экономизма“—Петербургѣ—соціалисты-революціонеры могли организовать свой комитетъ лишь въ 1902 г.

за-границу, послѣ ареста томской типографіи (съ № 3), становится партійнымъ органомъ, также какъ и «Вѣстн. Русс. Революціи» (со 2-го №). Одновременно центральный комитетъ партіи приступаетъ [1]) къ организаціи террористическаго покушенія, долженствующаго открыть собой эру террористической борьбы. 2 апрѣля 1902 г. совершилось покушеніе Степана Балмашева на мин. Сипягина. Балмашевъ объявилъ на судѣ покушеніе личнымъ своимъ дѣломъ, но уже на слѣдующій день появилось извѣщеніе «Боевой Организаціи партіи С.-Р.», что Балмашевъ дѣйствовалъ по ея порученію.

Партія поспѣшила объяснить [2]), что организуемый ею терроръ долженъ служить лишь *дополненіемъ* къ борьбѣ самого народа, а никакъ не *замѣной* этой борьбы, отводя, такимъ образомъ, главное возраженіе соціалъ-демократовъ противъ возрождающагося терроризма [3]). Однако с.-д. пресса («Искра») продолжала настаивать на томъ, что террористическіе акты и пропаганда ихъ, какъ особо сильно-дѣйствующаго боевого средства, вліяетъ дезорганизующимъ образомъ на массовое движеніе, съ одной стороны, вырабатывая въ его активныхъ элементахъ пренебреженіе къ повседневной работѣ организаціи и просвѣщенія массъ, приравниваемой, по сравненію съ «непосредственной» борьбой террористовъ, къ безобидной, «культурной», во всякомъ случаѣ, второстепенной работѣ; съ другой стороны, угашая въ самыхъ малосознательныхъ массахъ активность и вызывая въ нихъ ожиданіе какой-то помощи «извнѣ» отъ самоотверженныхъ одиночекъ. Соціалисты-революціонеры отвѣчали обычными аргументами о дезорганизующемъ власть и въ то же время «эксцитирующемъ», т. е. возбуждающемъ энергію массъ, вліяніи террора, противъ же возможныхъ эксцессовъ должна была служить, по ихъ словамъ, строгая подчиненность террористическаго органа контролю партійнаго организма, координированіе «боевыхъ» актовъ съ общимъ ходомъ движенія. Съ этой точки зрѣнія, они, привѣтствуя покушеніе рабочаго Леккерта, послѣдовавшее вслѣдъ за истязаніемъ демонстрантовъ въ Вильнѣ, настаивали на томъ, что на каждое подобное насиліе властей необходимо отвѣчать такими же покушеніями. Въ то же время, боевая организація, руководимая Г. А. Гершуни, подготовляла неудавшееся покушеніе на жизнь харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго, усмирявшаго крестьянское движеніе, и этимъ покушеніемъ П. С. Р. воспользовалась, чтобы показать воочію, какъ террористическій актъ можетъ явиться непосредственнымъ продолженіемъ движенія массъ. Однако, покушеніе, состоявшееся 29 іюля 1902 г., лишь подтвердило обвиненія соціалъ-демократовъ: изданныя партіей письма виновника покушенія, Ѳомы Качуры [4]), къ рабочимъ и крестьянамъ свидѣтельствовали о томъ, какъ террористическія тенденціи развиваются пропорціонально упадку

---

[1]) См. объ этомъ въ № 10 „Р. Р.“: „изъ партійной дѣятельности“.

[2]) № 7 „Р. Р.“: „Террористическіе элементы“ и т. д.

[3]) См. въ № 3 „Искры“ статью В. И. Засуличъ по поводу покушенія Карповича, въ № 4 ст. Ленина „Съ чего начать“ и Л. Мартова „Вопросы дня“, въ № 2—3 „Зари“ статью Плеханова „Что же дальше?“

[4]) Будучи арестованъ, Качура впослѣдствіи выдалъ Гершуни и другихъ и выразилъ раскаяніе.

вѣры въ силу и значеніе движенія самихъ массъ [1]). Слѣдующее покушеніе Боевой Организаціи произошло 6 мая 1903 г.: былъ убитъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ, руководившій усмиреніемъ стачки рабочихъ въ Златоустѣ. Вскорѣ послѣ того арестъ Г. А. Гершуни привелъ дѣло боевой организаціи на нѣкоторое время въ сильное разстройство.

Уже борьба съ соціалъ-демократами изъ-за террора побудила соціалистовъ-революціонеровъ опредѣлить свое отношеніе къ наличнымъ формамъ политическаго движенія рабочихъ. Признавая въ принципѣ, рядомъ съ терроромъ, массовое движеніе, они были вынуждены всячески умалять значеніе уже достигнутыхъ этимъ движеніемъ формъ, дабы тѣмъ ярче оттѣнить незамѣнимую роль новаго средства, пропагандистами котораго они являлись. Такіе факты, какъ избіеніе и сѣченіе демонстрантовъ, разстрѣлъ стачечниковъ и т. п., служили аргументомъ противъ этихъ наличныхъ формъ движенія; увлеченіе терроризмомъ, какъ истинной формой непосредственной борьбы, еще болѣе приковывало вниманіе ихъ въ демонстраціяхъ и стачкахъ къ моментамъ физическаго столкновенія массъ съ представителями власти и заставляло видѣть въ этихъ именно столкновеніяхъ, а не въ самомъ содержаніи политическихъ манифестацій, революціонное дѣйствіе послѣднихъ. Если къ этому прибавить, что слабые еще мѣстные комитеты соціалъ-революціонеровъ, пытаясь временами вызвать уличную демонстрацію, наталкивались на сопротивленіе с.-д. организацій, требовавшихъ, чтобы демонстраціи не устраивались при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и что всегда въ рабочей и интеллигентной молодежи находились горячія головы, недовольныя такою сдержанностью с.-д. комитетовъ, то будетъ понятно, почему дѣятельность с.-р. организацій въ городѣ свелась въ 1902—3 гг. къ агитаціи за устройство «вооруженныхъ демонстрацій» и организацію «боевыхъ дружинъ» для нападенія на полицію. Въ этомъ же направленіи вела борьбу «Рев. Россія». Воспользовавшись больнымъ для рабочихъ въ 1902 г. вопросомъ объ истязаніи демонстрантовъ, она издѣвалась надъ «выпусканіемъ листковъ», которымъ-де соціалъ-демократы ограничиваютъ свой протестъ, утверждала, что «наростаетъ опасность, что онѣ («мирныя демонстраціи») иногда окажутъ деморализующее дѣйствіе» и въ отвѣтъ на слова с.-д. «Жизни», что фонъ-Валь не можетъ (истязаніями) затронуть честь партіи, объявляла с.-д.—тамъ: «мы—варвары другъ для друга, мы говоримъ на разныхъ языкахъ» [2]). По поводу ростовскихъ событій газета писала [3]): «Говорить рабочей массѣ: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не удовлетворятъ твои требованія—симъ побѣдиши!—теперь не приходится» и, развивая ту мысль, что событія, вродѣ ростовскихъ, могли бы, при благопріятномъ стеченіи условій, послужить исходнымъ пунктомъ къ всеобщему возстанію, газета заключала: «Желать дѣйствовать только совершенно навѣрняка, съ гарантіей ничѣмъ неустранимаго успѣха—это значитъ обрекать себя на полное бездѣйствіе. Революціонной энергіи и иниціативы нельзя замѣнить никакими выкладками». Тѣ

---

[1]) „Р. Р.“ № 10.
[2]) Р. Р. № 12.
[3]) Р. Р. № 15.

же [1]) упреки въ излишней «боязни отвѣтственности» встрѣчаемъ и по поводу всеобщей стачки 1903 года, а въ № 26 находимъ насмѣшку надъ тѣми демонстраціями, въ которыхъ «вся изобрѣтательность направлена на искусство маневрировать, уклоняясь отъ встрѣчъ съ полиціей».

Эти постоянные призывы къ вооруженнымъ столкновеніямъ въ то время, когда дѣло шло еще только о первыхъ, очень робкихъ шагахъ едва пробудившейся массы и когда насущной задачей являлось еще только пріучить народныя массы къ громкому заявленію своихъ желаній, заставляли соціалдемократовъ смотрѣть на дѣятельность соціалистовъ-революціонеровъ, какъ дезорганизующую рабочее движеніе, и поставили послѣднихъ въ то самое отношеніе къ его организованному авангарду, въ какомъ стояли въ западно-европейскихъ странахъ разныя анархическія группы (или въ настоящее время эрвеисты). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой ролью с.-р-овъ, стояло ихъ выступленіе осенью 1903 года противъ предложенія с.-д. съѣзда использовать учрежденный правительствомъ институтъ фабричныхъ старостъ въ интересахъ рабочаго движенія: этому предложенію с.-эры противопоставили «бойкотъ» [2]).

Начиная съ 1902 года, соціалисты-революціонеры все болѣе обращаютъ свое вниманіе на движеніе въ деревнѣ, отказываясь, такимъ образомъ, отъ народовольческой традиціи, выраженной въ № 1 «Вѣст. Рус. Рев.». Поводомъ къ этой перемѣнѣ послужили аграрныя волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ весною 1902 г. Въ нихъ соціалъ-революціонеры увидѣли подтвержденіе старыхъ народническихъ надеждъ на активное движеніе въ деревнѣ и притомъ движеніе соціалистическое. По словамъ «Р. Р.» [3]), крестьянское движеніе «уже теперь выставило полусоціалистическую программу... мы должны только дать раціональную, научную формулировку этимъ совершенно правильнымъ принципамъ, чтобы вывести изъ нихъ чистую идею соціализма» [4]). Съ этого момента, отождествляя соціальное содержаніе рабочаго и крестьянскаго движенія, соціалисты-революціонеры объявляютъ себя, въ отличіе отъ соціалъ-демократовъ, выразителями борьбы единаго «рабочаго класса», включающаго какъ пролетаріевъ, такъ и трудовыхъ мелкихъ собственниковъ. Появившееся, вслѣдъ за упомянутыми волненіями, воззваніе «Крестьянскаго Союза Партіи С.-Р.» выставляетъ лозунгами крестьянскаго движенія: соціализацію земли и «развитіе въ крестьянствѣ всѣхъ возможныхъ видовъ кооперації» [5]).

Защита и обосновка этой аграрной программы явились съ тѣхъ поръ центральной осью вырабатывавшагося міровоззрѣнія партіи. Цѣлый рядъ теоретическихъ статей въ органахъ партіи пытается установить, какъ базисъ революціоннаго соціализма,—вмѣсто классовой борьбы пролетаріата—солидарное соціальное движеніе пролетаріата, трудового крестьянства и идеалистической интеллигенціи. Принципъ этотъ положенъ и въ основу опубликованнаго въ № 46 «Проекта программы Партіи», впослѣдствіи ею принятаго. Это солидарное дви-

---

[1]) Р. Р. № 30.
[2]) Р. Р. № 34.
[3]) № 8.
[4]) Принципамъ „уравнительнаго пользованія“ и т. п.
[5]) Р. Р. № 8.

женіе 3-хъ соціальныхъ группъ должно привести къ революціи, которая будетъ не «чисто-буржуазной» [1]), а если не соціалистической, то такою, которая, осуществивъ соціализацію земли, подорветъ господство буржуазіи: «всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы въ рѣшительный моментъ буржуазія не торжествовала, а трепетала» [2]). Ибо представленіе марксистовъ о буржуазіи, заинтересованной, якобы, въ политическомъ преобразованіи, лишь построено по поверхностной аналогіи съ исторіей Запада. «Искрѣ» слѣдовало бы вспомнить, что чисто буржуазной революціи въ Россіи—революціи снизу—не было потому, что она была предупреждена революціей сверху. Такъ называемая эпоха великихъ реформъ и была метаморфозой крѣпостническаго самодержавія въ дворянско-буржуазный бюрократизмъ». Съ тѣхъ поръ буржуазія и власть «связаны прочными узами» [3]). «Всѣ попытки вовлечь буржуазію, какъ классъ, въ политическую борьбу, оказывались тщетными... Политическое освобожденіе—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія» [4]). Отсюда слѣдовало, что пробудившееся либерально-демократическое движеніе не связано съ буржуазіей. «Нечего сказать, нашли буржуазію», писалъ Новобранцевъ по поводу статей «Искры» объ «Освобожденіи». «Отцы», несомнѣнно, отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій. *Но это—не принципіальная противоположность*» [5]).

Эта точка зрѣнія на либерализмъ обезпечила соціалистамъ-революціонерамъ извѣстное сочувствіе «освобожденцевъ», разсматривавшихъ партію соціалъ-революціонеровъ лишь, какъ крайнее лѣвое крыло той самой интеллигенціи, которую они стремились объединить. Террористическая тактика соціалъ-революціонеровъ въ этотъ періодъ обостренія политической борьбы также не отталкивала отъ партіи либерально-демократическое общественное мнѣніе. Въ рядахъ же возбужденной интеллигентной молодежи и особенно студенчества террористическая тактика пріобрѣла Партіи С.-Р. много сторонниковъ и сдѣлала ее въ студенчествѣ силой, лишь немного уступающей по вліянію соціалъ-демократамъ. Ожидавшееся послѣдними дезорганизующее вліяніе террора и бунтарской пропаганды на рабочее движеніе не осуществилось: этому помѣшали какъ рѣшительное противодѣйствіе самихъ соціалъ-демократовъ, такъ и непрерывный ростъ самого рабочаго движенія вглубь, не позволявшій передовымъ слоямъ пролетаріата оторваться отъ массы и стать на путь революціоннаго авантюризма. Однако, поскольку соціалъ-революціонеры вели помощью литературы интенсивную пропаганду своихъ идей въ средѣ интеллигенціи, ихъ пропаганда не осталась безъ замѣтнаго вліянія и на тѣ слои послѣдней, которые шли подъ знаменемъ соціалъ-демократіи, чему не мало способствовала и собственная организаціонная эволюція соціалъ-демократической партіи [6]) въ сторону заговорщической замкну-

---

[1]) Р. Р. № 8 „Къ крестьян. вопросу“.
[2]) Р. Р. № 32, статья П. Новобранцева.
[3]) Р. Р. № 8, та же мысль развита въ проектѣ программы.
[4]) Новобранцевъ, Р. Р. № 32.
[5]) Ibid,, курсивъ нашъ.
[6]) См. главу IV.

тости. Въ позднѣйшій періодъ цѣлый рядъ тактическихъ идей, проводившихся въ 1902—3 гг. соціалъ-революціонерами въ борьбѣ съ соціалъ-демократами, мы встрѣтимъ въ лагерѣ послѣдней. Уже въ концѣ 1903 г. фактически движеніе усвоило въ вопросѣ о бойкотѣ закона о старостахъ тактическую директиву не Р. С.-Д. Р. П., а партіи С.-Р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично пропагандировавшаяся соціалъ-революціонерами идея о переворотѣ, произведенномъ противъ всей буржуазіи, воскресаетъ впослѣдствіи вновь уже въ рядахъ соціалъ-демократіи, какъ и идея «лѣваго блока», формулированнаго въ цитированныхъ нами словахъ Новобранцева. Мысль № 1-го «В. Р. Р.», о временной диктатурѣ «интеллигенціи и рабочаго класса», уже въ началѣ 1904 г. развивается въ заявленіи большевистскихъ Уральскихъ Комитетовъ Р. С.-Д. Р. П., написанныхъ по поводу раскола этой партіи на 2 фракціи [1]).

Но это идейное вліяніе пропаганды соціалъ-революціонеровъ сказалось лишь позже. Въ періодъ 1902—4 г.г. они, несмотря на энергичную литературную дѣятельность, замѣтнаго вліянія на общественную жизнь не оказываютъ. Во всѣхъ крупныхъ событіяхъ городского движенія: борьбѣ съ зубатовщиной въ Москвѣ, Зап. краѣ, Одессѣ и Петербургѣ, Ростовскихъ событіяхъ, всеобщей стачкѣ 1903 года, интеллигентскихъ съѣздахъ начала 1904 г., соціалъ-революціонеры, какъ партія, не проявляются. Успѣшнѣе и плодотворнѣе ихъ работа въ деревнѣ, но ея плоды сказались лишь позднѣе. Общественное мнѣніе знаетъ соціалъ-революціонеровъ въ это время, лишь какъ террористическую группу и, въ качествѣ таковой, они въ 1904 г. оказываются на гребнѣ волны. Убійство Плеве 15 іюля 1904 года и послѣдовавшія за тѣмъ колебанія правительственной политики подняли популярность С.-Р. и дали имъ возможность на нѣкоторое время стать въ центрѣ общественнаго вниманія. Въ это время Партія С.-Р. пыталась стать во главѣ всего общественнаго движенія, организовавъ—по иниціативѣ финляндской партіи Активнаго Сопротивленія—въ Парижѣ конференцію «оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій» для координированія ихъ дѣйствій. Конференція намѣченной цѣли не достигла: соціалъ-демократическія организаціи (Р. С.-Д. Р. П., Бундъ, С.-Д. П. и Л., Латышская С.-Д. и Рев. Укр. Партія) отказались явиться, объяснивъ свой отказъ—«кромѣ мотивовъ, не подлежащихъ оглашенію»—также и тѣмъ, что нѣкоторыя изъ приглашенныхъ партій «до такой степени чужды точкѣ зрѣнія классовой борьбы, что несвободны даже отъ политическаго авантюризма, въ родѣ совершенно непростительныхъ, съ нашей соціалъ-демократической точки зрѣнія, спекуляцій на побѣду японскаго буржуазнаго правительства» [2]) (въ войнѣ). Благодаря этому отказу, конференція объединила лишь П. С.-Р., упомянутую финляндскую партію, Союзъ Освобожденія, Польскую Народову Лигу (н.-д.), Р. Р. S. и рядъ національныхъ революціонныхъ группъ (Бѣлорус. Громаду, Груз. Соц.-федералистовъ и Армян. федерацію). Соглашеніе не затронуло способовъ совмѣстной борьбы, предоставивъ каждой организаціи вести борьбу свойственными ей средствами, и лишь формулировало минимальные, общіе для всѣхъ согласившихся, лозунги политической

[1]) См. Искра № 63, приложеніе.
[2]) Искра № 79.

реформы. Единственнымъ важнымъ результатомъ конференціи было первое открытое присоединеніе ряда національстскихъ организацій къ задачамъ *общаго* преобразованія строя Россіи. Практическихъ послѣдствій конференція не имѣла, но ею положено начало тѣсному сближенію Партіи С.-Р. съ національстскими революціонными организаціями окраинъ.

Въ наступившей затѣмъ агитаціи по поводу земской и банкетной кампаніи роль Партіи С.-Р. вновь оказывается незначительной: въ этотъ періодъ идущимъ во главѣ движенія «освобожденцамъ» противостоятъ одни соціалъ-демократы. Соціалисты-революціонеры не имѣли собственныхъ лозунговъ и своей тактической позиціи въ широкомъ общественномъ движеніи и, по существу, колебались между позиціей «Освобожденія» и позиціей «Искры».

Только 1905-ый годъ съ его новымъ подъемомъ крестьянскаго движенія, впервые принимающимъ политическую окраску, и развитіемъ террористическихъ тенденцій въ широкихъ кругахъ завоевываетъ партіи С.-Р. прочную позицію въ ряду другихъ общественныхъ группировокъ.

А. Егоровъ.

Ф. ДАНИЛОВЪ.

Общая политика правительства и государственный строй къ началу XX вѣка.

I. Созданіе и упроченіе строя.

Эпоха такъ называемыхъ «великихъ реформъ» знаменовала собою переломъ въ развитіи не только общественныхъ отношеній, но и государственной власти въ Россіи.

При Петрѣ I русская монархія становится неограниченною. Въ то же время Петровскія «ревизіи» приводятъ къ окончательному формированію крѣпостное право, и съ этихъ поръ государственный строй начинаетъ все болѣе приходить въ гармонію съ господствомъ рабовладѣльческаго дворянства. Это господство—по особымъ условіямъ историческаго развитія Россіи, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто—не вылилось въ ограниченіе абсолютной власти короны дворянскими представительными учрежденіями, и весь XVIII и первая четверть XIX вѣка наполнены шумомъ борьбы двухъ господствующихъ соціальныхъ силъ, каждая изъ которыхъ хочетъ заставить другую играть лишь «служилую», подчиненную роль. Государственная власть стремится низвести дворянство до положенія «100.000 полиціймейстеровъ» (выраженіе Павла I); дворяне добиваются подписанія «пунктовъ»—условій, формально закрѣпляющихъ политическое первенство дворянства.

Въ царствованіе Николая I, послѣ крушенія революціи декабристовъ, казалось, установилась, наконецъ, на основѣ вполнѣ созрѣвшихъ отношеній крѣпостного строя, равновѣсіе между короной и дворянствомъ. Монархія была безусловно самодержавна. Но вся *мѣстная* «исполнительная» машина ея находилась въ рукахъ дворянства и служила его интересамъ.

Но, какъ это часто бываетъ, зрѣлость соціально-политическихъ формъ и вытекающая отсюда ихъ кажущаяся прочность знаменовали собою «начало конца» тѣхъ соціальныхъ отношеній, выраженіемъ которыхъ онѣ служили. Подъ свинцовой крышей николаевскаго режима происходила глубокая эволюція общественныхъ отношеній, на основѣ которой стали возможны и необходимы реформы

послѣдующаго царствованія; и эта эволюція рѣшила вѣковую тяжбу между дворянствомъ и короной въ пользу послѣдней.

Въ рукахъ государственной власти были сосредоточены огромныя матеріальныя силы: войско [1]), колоссальный бюджетъ [2]) и огромная бюрократическая организація, по своему личному составу въ значительной мѣрѣ обособившаяся отъ земельнаго дворянства благодаря притоку въ ея ряды обезземеленныхъ дѣтей мелкихъ помѣщиковъ и лицъ другихъ сословій (особенно духовнаго), видѣвшихъ въ государственной службѣ свое единственное занятіе, а не только полезное и почетное дополненіе къ сельскому хозяйству. Потребности разросшагося государственнаго хозяйства и великодержавнаго милитаризма заставляли правительство усиленно содѣйствовать развитію торговли и промышленности и тѣмъ самымъ создавали ему—до поры до времени—новую соціальную опору въ лицѣ торгово-промышленнаго класса. Роль такой же опоры играло и военное господство надъ окраинами, по своему соціальному строенію существенно отличавшимися отъ коренной Россіи. И въ то же время экономически изжившій себя крѣпостной укладъ, стоя поперекъ дороги развитію торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наполненію того резервуара, изъ котораго только и можно было черпать нужное золото, давалъ знать о себѣ все учащавшимися крестьянскими бунтами, грозившими увлечь въ пропасть вмѣстѣ съ дворянствомъ и связанную съ нимъ государственную власть [3]).

Въ средѣ бюрократіи все настойчивѣе зрѣетъ мысль о необходимости прикоснуться къ самой основѣ дворянскаго господства—крѣпостному праву, и во все продолженіе царствованія Александра I и Николая I непрерывно засѣдаютъ секретные комитеты по крестьянскому дѣлу. Самые яркіе представители полицейско-бюрократической породы (какъ напримѣръ Аракчеевъ) являются подчасъ усердными составителями проектовъ освобожденія крестьянъ. Государственная власть начинаетъ чувствовать себя защитницей крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ. Въ этомъ смыслѣ великая княгиня Елена Павловна и могла сказать про Николая I, что «государь демократъ, самъ того не подозрѣвая».

Съ такого именно рода «демократизмомъ» государственная власть приступила къ «великимъ реформамъ», послѣ того, какъ крымская война рядомъ страшныхъ ударовъ вскрыла полную гнилость крѣпостнаго строя.

Что касается основной реформы—уничтоженія крѣпостнаго права, то она

---

[1]) Составъ регулярнаго войска достигалъ къ концу царствованія Петра I—220.000 чел., къ концу царствованія Николая I—968.382 нижнихъ чиновъ и 27.716 генераловъ и офицеровъ.

[2]) Государственные расходы составляли (на серебро); въ 1803 г.—91.441.832 р., въ 1847 г.—244.973.351 р., въ 1857 г.—347.855.645 р. Быстрота роста бюджета видна изъ слѣдующаго сопоставленія: принимая бюджетъ 1837 года за 100, получимъ для Россіи: 1847 г.—149,5, 1857 г.—212,3; для Англіи—108,1 и 125,1; для Франціи—116 и 159.—Государственный долгъ, составлявшій къ концу царствованія Александра I—1.345 м. р. ассигнаціями, къ серединѣ 40-хъ годовъ возросъ до 2049,5 м. р. асс.

[3]) Извѣстную фразу Александра II о предпочтительности освобожденія сверху, нежели снизу, сказалъ, въ другой формулировкѣ, еще Николай I въ 1847 году (въ рѣчи къ смоленскимъ дворянамъ): «лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли».

диктовалась не только военными и финансовыми потребностями государства, но и прямыми интересами короны. Крѣпостное право уже и экономически изжило себя и, превращаясь въ нестерпимое мучительство для крестьянъ, въ то же время становилось невыгоднымъ и для все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ помѣщиковъ.

Поэтому самый *принципъ* уничтоженія крѣпостного права вовсе не встрѣтилъ ожесточеннаго и упорнаго сопротивленія въ широкой помѣщичьей массѣ и, особенно, въ руководящихъ слояхъ ея.

Споры шли и мнѣнія рѣзко сталкивались въ средѣ дворянскихъ депутатовъ лишь въ плоскости вопросовъ о способахъ, формахъ и условіяхъ освобожденія крестьянъ.

Но одними непосредственно экономическими требованіями притязанія дворянства не ограничивались. Оно все, сверху до низу, понимало, что ходъ экономическаго развитія идетъ противъ него и что вмѣстѣ съ тѣмъ, съ паденіемъ крѣпостного права и прекращеніемъ своихъ «полицмейстерскихъ» обязанностей оно лишается главнѣйшаго орудія своего фактическаго вліянія на государственную власть и фактической возможности использованія всей государственной машины въ своихъ исключительныхъ интересахъ. Теперь рѣзко встала передъ дворянствомъ дилемма: или лишиться своей руководящей роли въ государствѣ и, въ лучшемъ случаѣ, вернуться къ тому «служилому» положенію, изъ котораго оно вышло послѣ указа о вольности дворянства, или добиться формальнаго закрѣпленія своего политическаго господства, добиться конституціи. И дворянство, одинаково и высшее, и низшее, и «крѣпостническое», и либеральное, выступаетъ съ конституціонными требованіями. Въ возмѣщеніе ущерба, наносимаго ему уничтоженіемъ крѣпостного права, дворянство требуетъ правъ политическихъ. На этой мысли сходятся одинаково и дворяне консерваторы, и дворяне «либералы»—Мальцовъ, Апраксинъ, Орловъ-Давыдовъ, М. Безобразовъ, Шидловскій, Косаговскій также, какъ Унковскій, Кошелевъ и другіе. «Въ развитіе своихъ мыслей онъ (Апраксинъ) положительно высказалъ, что, упоминая объ уступкѣ дворянству части правительственной власти, помышлялъ о конституціи, что эта мысль распространена повсемѣстно въ умахъ всѣхъ дворянъ и что если правительство не внемлетъ такому общему желанію, то должно будетъ ожидать весьма опасныхъ послѣдствій», такъ докладывалъ въ своемъ представленномъ государю «мнѣніи» министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской о своемъ разговорѣ съ Апраксинымъ по поводу представленной послѣднимъ записки. «Вообще, пишетъ онъ дальше, послѣднее время такое стремленіе стало заявляться, особенно въ высшихъ кругахъ, съ такой гласностью и смѣлостью, которыя, какъ думаю, не должны быть терпимы. Зараженные аристократическими идеями или, лучше сказать, властолюбіемъ и чванствомъ, нѣкоторые изъ нашихъ баричей, мечтаютъ о боярской Думѣ, т. е., правленіи олигархическомъ. Другіе прославляютъ англійское устройство и требуютъ сословнаго самоуправленія; къ нимъ присоединяются нѣкоторые изъ провинціальныхъ дворянъ, далеко не аристократы по рожденію, образованію и общественному положенію своему, но требующіе также дворянскаго представительства».

Въ этой именно плоскости, въ плоскости политическихъ правъ велась борьба между правительствомъ и дворянствомъ въ эпоху, непосредственно пред-

шествовавшую освобожденію крестьянъ и непосредственно слѣдовавшую за нимъ. Что касается непосредственно экономическихъ притязаній помѣщиковъ, то въ этомъ отношеніи правительство сдѣлало все возможное для удовлетворенія ихъ интересовъ: и условія освобожденія, и размѣры надѣла, и сумма выкупа—все это было регулировано согласно желаніямъ наиболѣе «крѣпостническихъ» слоевъ помѣщиковъ. И сама власть на этотъ счетъ ни мало не заблуждалась. Отстаивая мысль Ростовцева о необходимости назначить на мѣстахъ, при объявленіи объ уничтоженіи крѣпостного права, генералъ-губернаторовъ съ особыми полномочіями, Александръ II еще въ 1858 г. написалъ на поляхъ записки оспаривавшаго эту мысль министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго: «когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что *ожиданіе его, т. е. свобода по его разумѣнію, не сбылось*, не настанетъ ли для него минута разочарованія?»

Съ экономической точки зрѣнія задачи государственной власти сводились прежде всего къ тому, чтобы, уничтоживъ «средостѣніе» въ видѣ помѣщика, открыть себѣ непосредственный доступъ къ эксплоатаціи крестьянина, обложить его налогами, толкнуть его на рынокъ, сдѣлать продавцомъ всего—начиная съ хлѣба и кончая собственными руками—и покупателемъ всего, такимъ путемъ оживить торговлю, промышленность, вывозъ, наполнить прорѣхи бюджета, создать основу для его безостановочнаго роста и т. д. и т. д. И все это нужно было скоро, сейчасъ же. Поэтому не приходилось задумываться надъ созданіемъ «крѣпкаго крестьянства», не приходилось возлагать надежды на медленную эволюцію общественныхъ отношеній, создающую прочную основу для хозяйственнаго развитія страны. Послѣ крымскаго разгрома сохраненіе существованія старой государственной власти стало спекуляціей, которая если не удастся завтра, то послѣ завтра окончится колоссальнымъ крахомъ. Некогда было думать о будущемъ, приходилось спасаться сегодня. Нужно было, чтобы «освобожденный» крестьянинъ сейчасъ же, на другой же день послѣ освобожденія, былъ вытолкнутъ на рынокъ, въ качествѣ продавца и покупателя, прямо изъ тисковъ крѣпостного права попалъ въ желѣзныя объятія государственной фискальной машины. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи экспропріаціи крестьянъ, собственные интересы государственной власти позволили ей идти далеко на встрѣчу вожделѣніямъ помѣщиковъ, и въ сферѣ экономической помѣщичье землевладѣніе въ общемъ и цѣломъ получило полное удовлетвореніе.

Не то въ сферѣ политической. Тутъ бюрократія была непреклонна и не обнаруживала ни малѣйшаго желанія подѣлиться съ дворянствомъ властью въ новой, реформированной Россіи. «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple, rien par le peuple! (все для народа, ничего черезъ посредство народа»!)—такъ говорилъ одинъ изъ самыхъ «красныхъ» и «демократическихъ» бюрократовъ того времени—Н. А. Милютинъ. Точно такъ же и самъ императоръ находилъ «непомѣрно наглыми» и «дерзкими до крайности» всякіе записки и адреса,

въ которыхъ, хотя бы и крайне робко, высказывалось желаніе созыва народнаго представительства, или выборныхъ отъ дворянства, и выставлялось требованіе политическихъ правъ.

Да и во имя чего было дѣлиться своею властью съ дворянствомъ бюрократіи, успѣвшей уже вполнѣ обособиться, создавшей свой персоналъ, выработавшей свой административный аппаратъ, стянувшей въ свои руки матеріальныя средства и силы? Было слишкомъ очевидно, что, вопреки мнѣнію Апраксина, «ожидать весьма опасныхъ послѣдствій» отъ отказа дворянству въ его политическихъ притязаніяхъ — не приходится. Государственная власть, какъ писалъ кн. Черкасскій великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, отлично знала, что съ паденіемъ крѣпостного права «русское дворянство, лишенное корней какъ въ матеріальныхъ условіяхъ своего быта, такъ и въ общественномъ мнѣніи, совершенно не въ состояніи бороться одно противъ правительства. Оно можетъ доставить нѣсколько докучливыхъ хлопотъ, но оно успѣло бы предпринять серьезную борьбу лишь постольку, поскольку видѣло бы себѣ поддержку, съ одной стороны, въ либеральномъ мнѣніи, съ другой—въ низшихъ классахъ. А этой послѣдней поддержки, по крайней мѣрѣ, еще съ полвѣка будетъ ему не доставать, и едва ли даже этотъ долгій промежутокъ времени окажется достаточнымъ, чтобы заставить исчезнуть и позабыть тысячи глубокихъ причинъ недовѣрія, вскормленнаго среди крестьянства $2^1/_2$ вѣковымъ грубымъ гнетомъ. Благодаря же традиціонному презрѣнію дворянъ къ мѣщанамъ, священникамъ и прочимъ людямъ третьей статьи, недовѣріе это не преминуло зародиться даже въ этихъ классахъ, которые, казалось бы, менѣе должны были претерпѣть отъ дворянства». Въ этихъ словахъ кн. Черкасскій мѣтко подчеркнулъ основную причину слабости дворянскаго конституціоннаго движенія. Это движеніе вынуждено было бояться вмѣшательства народныхъ массъ въ его тяжбу съ государственной властью. И потому оно въ своемъ демократизмѣ не могло пойти дальше желанія уравненія въ правахъ сословій и съ первыхъ же шаговъ вынуждено было начать отступленіе: отъ требованія конституціи перейти къ требованію мѣстнаго самоуправленія и отдѣльныхъ «правъ». Да и эти требованія ему нечѣмъ было подкрѣпить.

Само собою разумѣется, что государственная власть имѣла не менѣе основанія, чѣмъ дворянство, относиться съ недовѣріемъ ко всему массовому движенію.

Но, не довѣряя народному *движенію*, государственная власть, и безъ того сосредоточившая въ своихъ рукахъ могучія матеріальныя орудія господства, могла опираться на *симпатіи* широкихъ народныхъ массъ, ждавшихъ отъ нея освобожденія, и этими симпатіями держать въ уздѣ дворянство. Она опиралась и на взлелѣянные ею зародыши русской буржуазіи, которая, устами своего барда откупщика—Кокорева, пѣла хвалу новымъ порядкамъ и съ нетерпѣніемъ ждала возможности развернуть всѣ свои силы для «первоначальнаго накопленія» и грюндерства. Наконецъ, государственная власть использовала въ своихъ интересахъ даже и тѣ анти-крѣпостническія, анти-дворянскія тенденціи, которыя одушевляли разночинную интеллигенцію, не вошедшую въ составъ бюрократіи, и пропитанную радикализмомъ и «революціонностью». Даже М. Бакунинъ предпочиталъ, чтобы въ Петербургѣ была «не конституція и болтливый дворянскій

парламентъ, а временная желѣзная диктатура». Даже Герценъ, прочтя рескриптъ Назимову (20-го ноября 1857 г.), обратился къ Александру II съ возгласомъ «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», видѣлъ въ немъ «столько же наслѣдника 14 декабря, какъ Николая I», и думалъ, что «онъ (Александръ II) работаетъ съ *нами* для великаго будущаго». Даже Чернышевскій на минуту поколебался и въ качествѣ эпиграфа къ своей статьѣ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» (1858 г.) взялъ текстъ: «возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Богъ твой».

При такихъ условіяхъ судьба политическихъ притязаній дворянства была предрѣшена. И такъ какъ налицо не было никакой другой организованной силы, которая могла бы предъявить свои политическія притязанія и придать имъ большій вѣсъ, чѣмъ это доступно дворянству, то было предрѣшено и направленіе «реформъ», и ближайшая эволюція государственной власти въ Россіи. Дворянская монархія превращалась въ монархію полицейско-бюрократическаго централизма, въ «надъ-классовую» и въ «надъ-сословную» силу, балансирующую между интересами классовъ и сословій и всѣхъ ихъ подгоняющую своимъ самодовлѣющимъ интересамъ.

Реформы 60-хъ годовъ, несомнѣнно, вносили до извѣстной степени начало «законности» въ государственное самоуправленіе и вообще придавали ему европейскій видъ. Упорядоченіе гражданскихъ отношеній настойчиво диктовалось потребностями развитія товарно-денежнаго хозяйства въ цѣляхъ удовлетворенія тѣхъ запросовъ, которые предъявлялъ безостановочный ростъ бюджета, государственной задолженности и милитаризма. Съ другой стороны, «законность» въ смыслѣ единообразія отправленія правительственныхъ и судебныхъ функцій на мѣстахъ, была при данныхъ условіяхъ, для государственной власти, единственнымъ средствомъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ ~~наши~~ управленія, положить конецъ ставшему тормазомъ для нея самой раздѣленію страны на рядъ крупныхъ и мелкихъ сатрапій. Но этими предѣлами возможная для даннаго государственнаго строя «законность» и ограничивалась: она сводилась, въ сущности, лишь къ тому, чтобы рядъ мѣстныхъ губернаторскихъ, совѣтническихъ, исправническихъ и т. д. «усмотрѣній» замѣнить единымъ усмотрѣніемъ центральной правительственной власти. Организація же этой центральной власти осталась за все время реформы совершенно непоколебленной.

Съѣхавшимся въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ редакціонныхъ комиссій дворянскимъ депутатамъ велѣно было составлять свои «мнѣнія» каждому въ одиночку. Дворяне-конституціоналисты, подававшіе адреса и записки, подвергались различнымъ карамъ. Конституціонный адресъ московскаго дворянскаго собранія 11-го января 1865 г. повлекъ за собой даже отмѣну—возстановленнаго лишь 14 апрѣля 1888 г.—права дворянства «представлять высшему правительству о нуждахъ дворянства, прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого либо постановленія».

И такое же непримиримое отношеніе ко всякимъ попыткамъ добиться, въ той или иной формѣ, народнаго представительства бюрократія сохранила и все послѣдующее время. Въ трудныя минуты жизни, когда почва начинала колебаться

подъ ногами—какъ, напримѣръ, во время польскаго возстанія 1863 г. и при попыткахъ европейскихъ державъ вмѣшаться въ польскія дѣла—раздавались двусмысленныя, туманныя фразы о «зародышахъ», подлежащихъ развитію, о томъ, что «прошедшее должно быть залогомъ будущаго», но эти, ни къ чему не обязывавшія, фразы не помѣшали тому, что даже поколебленная войной 1878 г., финансовыми кризисами, ударами террористическаго движенія, государственная власть отнюдь не намѣрена была созывать народнаго представительства, а въ видѣ такъ называемой «конституціи» Лорисъ-Меликова (утвержденной Александромъ II 17-го февраля 1881 г., но не опубликованной), проектировала лишь введеніе выборныхъ отъ губернскихъ земствъ и городовъ, наряду съ лицами, назначенными верховной властью, въ подготовительныя комиссіи при Государственномъ Совѣтѣ.

Но значеніе самого Государственнаго Совѣта оставалось при всѣхъ реформахъ совершенно ничтожнымъ. Учрежденіемъ 1842 г. Государственный Совѣтъ былъ лишенъ тѣхъ, и безъ того незначительныхъ, правъ контроля надъ дѣятельностью министровъ, которыя онъ имѣлъ прежде. Участіе его въ законодательной дѣятельности осталось чисто совѣщательнымъ, причемъ государь могъ согласиться и съ мнѣніемъ меньшинства, и даже одинаково игнорировать мнѣніе и большинства, и меньшинства. Болѣе того, при самомъ приступѣ къ реформамъ Александръ II призналъ (въ 1857 г.): «при теперешнемъ настроеніи умовъ во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе и осторожнѣе еще болѣе урѣзать права Государственнаго Совѣта и разрѣшить ему «не предлагать», но только разсматривать новые законы, повелѣвъ въ то же время министрамъ вносить новые законы въ Государственный Совѣтъ не иначе, какъ каждый разъ съ особаго Высочайшаго разрѣшенія». На практикѣ права Государственнаго Совѣта и въ этомъ урѣзанномъ видѣ не соблюдались и цѣлый рядъ важныхъ законовъ, правилъ и тому подобн. вводился либо путемъ министерскихъ инструкцій, наказовъ, циркуляровъ, либо путемъ поднесенія министрами своихъ предположеній прямо на утвержденіе верховной власти, минуя Государственный Совѣтъ.

Министры, освобожденные отъ контроля Государственнаго Совѣта, отъ обязанности представлять отчеты Сенату и отъ подсудности ему, стали на дѣлѣ полновластными вершителями судебъ страны и получили возможность непосредственно вмѣшиваться во всѣ дѣла—хозяйственныя, административныя, судебныя. Царство «законности» кончалось у порога министерскаго кабинета, ибо сама пореформенная «законность» была создана и воплощена въ жизнь лишь постольку, поскольку она являлась «удобнѣйшимъ средствомъ управленія» въ рукахъ комитета министровъ.

Въ этихъ именно видахъ самыя реформы начались съ преобразованія полицейской и слѣдственной части. Указами 16 іюня 1859 г., 8 іюня 1860 г. и 25 декабря 1862 г. была преобразована мѣстная администрація. Суть преобразованія сводилась къ тому, что была усилена губернаторская власть, дворянство лишено права выбирать исправниковъ и слѣдственная часть изъята изъ вѣдѣнія полиціи и передана въ руки особыхъ судебныхъ слѣдователей, причемъ, однако, за полиціей осталось поддающееся широкому толкованію право производить «дознанія». При этомъ чисто полицейскія функціи, при отсутствіи

всякихъ гарантій свободы слова и собраній, сохранились за полиціей въ томъ же необъятномъ видѣ, въ какомъ онѣ были опредѣлены еще екатерининскимъ уставомъ о благочиніи. Полиція наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы никто «не заводилъ и не вчинялъ общества, товарищества, братства или иного подобнаго собранія безъ вѣдома или согласія правительства» (ст. 126 уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій). Она контролируетъ и домашнія собранія для забавъ и увеселенія. Она слѣдитъ даже за тѣмъ, какую одежду носятъ при этомъ гости (ст. 140, 141). Она задерживаетъ тѣхъ, «которые по улицамъ и переулкамъ кричатъ и пѣсни поютъ, ночью, въ неуказанные часы ходятъ и въ пьяномъ видѣ шатаются» (ст. 154). Она вообще «имѣетъ надзоръ, чтобы никто въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ ничего не предпринималъ. Она пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную».

При такихъ условіяхъ, при всесиліи министровъ, усиленіи губернаторской власти, необъятной широтѣ полицейскихъ функцій и отсутствіи отвѣтственности чиновниковъ передъ обыкновеннымъ судомъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о настоящемъ мѣстномъ «самоуправленіи». Привлеченіе выборныхъ отъ населенія или отъ нѣкоторыхъ слоевъ его къ завѣдыванію дѣлами мѣстнаго хозяйства настойчиво диктовалось правительству создавшимися условіями. Этого требовали и политическія соображенія—необходимость хоть нѣкотораго умиротворенія недовольныхъ общественныхъ слоевъ, особенно дворянства, и соображенія чисто хозяйственнаго свойства.

Съ развитіемъ товарно-денежнаго обращенія, усложненіемъ налоговой системы, уничтоженіемъ вотчинно-полицейскихъ правъ помѣщиковъ и т. д. и т. д., правительство оказывалось не въ силахъ входить въ «самыя раздробительныя изысканія», которыя стали неизбѣжны, когда фактически все завѣдываніе городскимъ и земскимъ хозяйствомъ перешло въ руки отдѣльныхъ чиновниковъ, хотя бы и поставляемыхъ обществомъ путемъ выборовъ. А между тѣмъ такого рода «раздробительныя изысканія» становились все чаще и чаще необходимыми, вслѣдствіи крайней запущенности городского и земскаго хозяйства, задолженности городовъ, вопіющаго упадка городского благоустройства, бездорожья въ губерніяхъ, отсутствія сколько нибудь раціональной постановки медицинскаго, страхового, продовольственнаго и др. дѣлъ.

Но суть вопроса заключалась не въ самомъ участіи выборныхъ въ завѣдываніи мѣстнымъ хозяйствомъ, а въ характерѣ и рамкахъ этого участія. Вопросъ, какъ его формулировалъ баронъ М. П. Корфъ, заключался въ томъ, будутъ ли созданы подъ названіемъ органовъ самоуправленія новыя «присутственныя мѣста, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ» или же будутъ измѣнены «самыя коренныя условія системы мѣстнаго управленія».

Дворянство, отчаявшись добиться обще-государственнаго представительства, перенесло свои надежды на организацію представительства мѣстнаго. Рядъ дворянскихъ собраній требовалъ «хозяйственно-распорядительнаго управленія для всѣхъ сословій и отвѣтственнаго только передъ судомъ и обществомъ» (адресъ владимірскаго дворянства). Но правительство вовсе не было расположено идти на встрѣчу этимъ притязаніямъ дворянства. Оно, по словамъ тогдашняго министра

внутреннихъ дѣлъ и творца земскаго положенія 1864 г. Валуева, считало нужнымъ «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій». И земское положеніе 1864 г. (введенное въ 33 губерніяхъ) и городовое положеніе 1870 г. рѣшили вопросъ въ духѣ первой половины поставленной барономъ Корфомъ дилеммы. Въ городахъ, гдѣ правительство, по основаніямъ, уже намѣченнымъ нами выше, могло разсчитывать на поддержку населенія,—меньше, въ земствахъ,—больше, на органы «самоуправленія» былъ наложенъ явственный отпечатокъ «присутственныхъ мѣстъ». Обезпеченіе законности ихъ дѣйствій было предоставлено не общимъ судамъ, а различнымъ административнымъ учрежденіямъ. Возможность обжалованія дѣйствій администраціи въ Сенатъ ничѣмъ не обезпечивала правъ новыхъ представительныхъ органовъ, ибо самъ Сенатъ въ это время находился уже въ полной зависимости отъ министровъ, которые, по свидѣтельству сенатора Закревскаго, не стѣснялись даже брать непріятныя имъ «дѣла» на просмотръ, удерживать ихъ у себя и тѣмъ самымъ прекращать ихъ дальнѣйшее теченіе. Земскія смѣты и выборы должностныхъ лицъ подлежали утвержденію губернатора. Самый кругъ вѣдѣнія новыхъ учрежденій былъ ограниченъ весьма тѣсными предѣлами. Полиція, содержаніе которой въ значительной части было возложено на земства и городскія думы, оставлена въ то же время въ полной независимости отъ нихъ.

То, что не было въ этомъ направленіи додѣлано при самомъ совершеніи реформъ, когда въ средѣ правительства царила все же неувѣренность, было додѣлано въ слѣдующее царствованіе, подъ руководствомъ графа Д. Толстого, задавшагося цѣлью «всѣ измѣненія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ» — да и не только въ мѣстныхъ учрежденіяхъ «строго согласовать съ основнымъ началомъ нашего государственнаго устройства—самодержавною императорскою властью».

Въ этомъ же духѣ былъ рѣшенъ и вопросъ о самоуправленіи крестьянъ. За нимъ былъ сохраненъ характеръ принудительной сословной организаціи въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, отбыванія повинностей [1]).

Возложеніе на однихъ крестьянъ цѣлаго ряда повинностей (полицейская служба, содержаніе въ исправности дорогъ, этапная повинность и т. д. и т. д.), имѣющихъ отнюдь не сословно-крестьянское, а общее — государственное или мѣстное — значеніе, была экономически выгодна для «привилегированныхъ сословій». Но въ дни «реформъ», когда рѣшался вопросъ о всей дальнѣйшей судьбѣ дворянскаго сословія, въ глазахъ наиболѣе дальновидныхъ представителей его эти экономическія выгоды не могли превысить того политическаго ущерба, который терпѣли помѣщики, устраненные отъ всякаго участія въ дѣлахъ сельскаго и волостнаго управленія, гдѣ они, вчерашніе владѣльцы крестьянскихъ «душъ», могли бы взять на себя небезвыгодную роль «защитниковъ» крестьянъ. Вотъ почему помѣщики съ нескрываемымъ раздраженіемъ относились къ тому своеобразному «самоуправленію», которое создала для крестьянъ «красная» бюрократія. Для нихъ было ясно, что весь строй крестьянскаго

---

[1]) Объ организаціи крестьянскаго самоуправленія см. подробнѣе выше, въ I гл. настоящаго тома.

«самоуправленія» направленъ «противъ помѣщика и въ пользу правительственной администраціи» (Желтухинъ).

Но неуклонно борясь противъ всякихъ попытокъ дворянства сохранить за собой и пріобрѣсти политическое значеніе, государственная власть въ то же время дѣлала все возможное, чтобы оградить его экономическія выгоды. Примѣнительно къ новой, соціально-экономической обстановкѣ эта старая тенденція правительственной политики принимала новыя формы. Государственная власть старалась, подрѣзавъ въ корнѣ всѣ притязанія дворянства на политическую самостоятельность, привязывать къ себѣ все бо́льшіе и бо́льшіе слои его непосредственными матеріальными выгодами, ставить ихъ въ прямую зависимость отъ себя, и тѣмъ самымъ создавать и для новой, «освобожденной» Россіи новые кадры послушныхъ «безъ лести преданныхъ» «полиціймейстеровъ». Поэтому, разбивая избирателей въ земства́ по сословіямъ и имущественнымъ разрядамъ (землевладѣльцы, владѣльцы городскихъ имуществъ, се́льскія общества), которые, при тогдашнемъ распредѣленіи недвижимой собственности, тоже соотвѣтствовали, въ сущности, сословіямъ, правительство имѣло въ виду, наряду съ уничтоженіемъ опаснаго для него политическаго общенія между различными категоріями избирателей, дать, какъ выразился Валуевъ, «нѣкоторый перевѣсъ классу болѣе образованному и развитому», какимъ было въ то время дворянство. При этомъ, въ рядахъ самого «образованнаго класса» крупнымъ землевладѣльцамъ, получившимъ право непосредственнаго участія въ выборахъ земскихъ гласныхъ, было дано преимущество передъ мелкими, участвовавшими въ этихъ выборахъ лишь косвенно, черезъ своихъ уполномоченныхъ. Изъ 318 уѣздовъ, въ которыхъ было введено положеніе 1864 года, въ 202 группѣ землевладѣльцевъ было предоставлено выбирать половину всѣхъ гласныхъ, гласные дворянства и чиновники составляли въ общей суммѣ гласныхъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраніи не менѣе 42—45%. И дворяне, разумѣется, полностью учли это свое привилегированное положеніе въ земствѣ. Такъ, по даннымъ В. Ю. Скалона, за трехлѣтіе 1875—1877 г. въ среднемъ земскихъ налоговъ падало на десятину помѣщичьихъ земли 6,2—6,5 коп., а на десятину крестьянской 13,9—14,8 коп. Точно также землевладѣльческое дворянство хотѣло эксплоатировать въ свою пользу обложеніе и городскихъ имуществъ. Но правительство пришло немедленно на помощь городской буржуазіи—и закономъ 21 ноября 1876 г. установило предѣлы, выше которыхъ земству было не разрѣшено облагать налогомъ купеческія свидѣтельства и промышленныя предпріятія.

Кромѣ реорганизаціи мѣстнаго хозяйственнаго управленія одной изъ первѣйшихъ потребностей капиталистическаго развитія, переходу на путь котораго всѣми силами содѣйствовала въ своихъ интересахъ государственная власть, было преобразованіе суда. Охраненіе личной и имущественной безопасности, обезпеченіе торгово-промышленнаго оборота требовало крутого разрыва со старымъ дореформеннымъ судомъ, и судебные уставы 20 ноября 1864 г. положили имъ конецъ. Было воздвигнуто новое, совсѣмъ европейское зданіе—съ присяжными засѣдателями, съ несмѣняемостью судей, съ гласностью дѣлопроизводства, выборнымъ мировымъ институтомъ и пр. и пр.

Но это зданіе было воздвигнуто на зыбкой почвѣ. Оно вполнѣ соотвѣт-

ствовало экономической основѣ новаго развивающагося капиталистическаго общества. Но оно стояло въ кричащемъ противорѣчіи съ сохранившейся отъ добраго стараго времени и лишь перестроенной на бюрократически—полицейскій ладъ политической надстройкой. Поэтому, съ самаго начала въ блестящемъ на видъ европейскомъ зданіи остались трещины, щели и закоулки, набитые доморощенной азіатчиной, очень быстро разрушившей все зданіе и превратившей его въ груду обломковъ.

Основной вопросъ дѣйствительной независимости суда—подчиненіе ему должностныхъ лицъ—съ самаго начала былъ рѣшенъ отрицательно. Судебное преслѣдованіе должностного лица было допущено. не иначе, какъ по постановленію начальства обвиняемаго. Бюрократія была поставлена выше суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый судъ попалъ въ фактическую зависимость отъ всесильной бюрократіи. Дознанія были оставлены въ рукахъ полиціи. Предварительное слѣдствіе сдѣлано негласнымъ и отвергнуто допущеніе къ участію въ немъ защиты. Присяжный судъ построенъ на основѣ имущественнаго ценза, и самое составленіе списковъ присяжныхъ отдано подъ надзоръ губернатора. Для государственныхъ преступленій созданъ особый судъ въ видѣ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Выборъ мировыхъ судей предоставленъ земству, т. е., какъ мы видѣли, отданъ въ руки привилегированныхъ сословій. Крестьянство въ своихъ повседневныхъ интересахъ оставлено за порогомъ новаго суда. Наконецъ, и самое введеніе въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ шло необычайно медленно: лишь къ 90-мъ годамъ они были распространены на всю Европ. Россію, и лишь къ 900 гг. блага «новыхъ» судебныхъ порядковъ коснулись Сибири. Но къ тому времени уставы эти давно уже перестали быть «новыми» и были въ корнѣ перестроены подъ руководствомъ министровъ юстиціи Манасеина и, впослѣдствіи, Муравьева.

Но начало этой перестройки было положено въ первые же дни послѣ опубликованія судебныхъ уставовъ, и она пошла полнымъ ходомъ, когда въ 1867 г., для этой именно цѣли, былъ назначенъ министромъ юстиціи вице-директоръ департамента полиціи К. Н. Паленъ. Оправдательный приговоръ по дѣлу «Современника» (Ю. Жуковскій и А. Пыпинъ) вызвалъ появленіе закона 12 декабря 1866 г., которымъ преступленія по дѣламъ печати были изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ и переданы въ судебныя палаты. Нечаевское дѣло (1871 г.) привело къ передачѣ дознаній по политическимъ дѣламъ въ руки жандармовъ. Оправдательный приговоръ по дѣлу В. Засуличъ (мартъ 1878 г.) повлекъ за собой изъятіе изъ компетенціи суда присяжныхъ дѣлъ о сопротивленіи властямъ, возстаніи, убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и т. д. и т. д. Но и эта мѣра была признана недостаточной, и 9 августа 1878 г. состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ такого рода дѣлъ въ военные суды для сужденія по законамъ военнаго времени.

Несмѣняемость судей также не служила дѣйствительнымъ огражденіемъ независимости суда отъ воздѣйствія администраціи. Назначеніе на судейскія должности осталось въ рукахъ правительства, которое и безъ того имѣло тысячу разныхъ средствъ для давленія на судейскій персоналъ. Принимались и болѣе прямыя мѣры: такъ съ 1867 г. уже прекращается назначеніе судебныхъ слѣдователей

они замѣняются «исправляющими должность» чиновниками, которыхъ можно было, разумѣется, смѣнять сколько угодно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ,—за нѣкоторыми частичными измѣненіями, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія (указъ 17 апрѣля 1863 г.) по суду для лицъ, не лишенныхъ правъ—осталось въ силѣ старое, дореформенное уложеніе о наказаніяхъ. Для мирового суда былъ изданъ «уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями». Общее же уголовное уложеніе было замѣнено новымъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 40 лѣтъ спустя послѣ судебной реформы (указъ 22 марта 1903 г.).

Были произведены реформы и въ положеніи печати. Въ Россіи впервые стала возможна политическая пресса (до 1855 г. политическихъ вопросовъ имѣли право касаться всего 4 газеты), но вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ 6 апрѣля 1865 г., и еще больше рядомъ послѣдовавшихъ немедленно за изданіемъ этого закона дополненій и измѣненій, вся печать была поставлена въ зависимость отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго перешла цензура. 7 іюня 1872 г. комитету министровъ было предоставлено право задерживать и пріостанавливать періодическія изданія и безъ предварительныхъ предостереженій. 16 іюня 1873 г. министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ право, по своему усмотрѣнію, запрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати тѣхъ или другихъ вопросовъ «государственной важности» (ст. 140). Судебныя преслѣдованія печати послѣ первыхъ же, неудачныхъ для правительства, опытовъ окончательно прекратились, и отнынѣ на нее обрушивались только административныя кары.

На почвѣ всѣхъ этихъ преобразованій, создавшихъ внѣшнія формы упорядоченнаго государственнаго зданія, сдѣлалась возможной и послѣдняя крупная реформа Александра II—введеніе всеобщей воинской повинности (1 января 1874 г.), позволившая, путемъ сокращенія срока дѣйствительной службы и образованія запаса, значительно повысить боевой составъ арміи и въ то же время относительно уменьшить расходы на ея содержаніе въ мирное время.

Таковы были реформы 60—70-хъ годовъ. Освобождая государственную власть отъ непосредственной связи съ дворянствомъ, давая ей въ руки широкую возможность административной централизаціи, онѣ въ то же время создавали условія для капиталистической промышленности. Началась неслыханная въ Россіи эра грюндерства, эра Кокоревыхъ, Поляковыхъ, Струзберговъ, эра гарантій и субсидій...

Вмѣстѣ съ тѣмъ росли непрерывно и средства, скоплявшіяся въ рукахъ правительства. Въ 1867 г. государственные расходы превысили уже полмилліарда, а въ 1877 г. перевалили за милліардъ. Параллельно росли и военныя силы. Къ ноябрю 1876 г. въ составѣ арміи числилось 26.888 генераловъ и офицеровъ и 731.024 нижнихъ чиновъ (при чемъ въ запасѣ, съ каждымъ годомъ увеличивавшемся, состояло около 850.000 человѣкъ). Къ началу 1880 г. было уже 32.019 генераловъ и офицеровъ и 894.094 нижнихъ чиновъ.

Весь этотъ ростъ финансоваго и военнаго могущества, какъ и капиталистическое накопленіе, ложился почти цѣликомъ на плечи все того же крестьянина. Въ финансовой области не было произведено никакихъ существенныхъ преобразованій. Было реформировано лишь финансовое управленіе (1862—1864 гг.), преобразованъ государственный контроль, объединены смѣты различныхъ мини-

стерствъ, изъ которыхъ до тѣхъ поръ каждое имѣло свои «собственные» источники дохода и свои «собственные» не контролируемые расходы, было рѣшено опубликовывать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Но и эти формальныя реформы, наводившія европейскій лакъ на русское финансовое хозяйство, скользили, въ сущности, лишь по поверхности.

Въ существо же бюджетнаго хозяйства эпоха реформъ не внесла значительныхъ измѣненій: отмѣна виннаго откупа (1 января 1863 г.), отмѣна подушной подати для мѣщанъ (1863 г.), отмѣна соляного налога (1880 г.) и введеніе акциза на сахаръ—вотъ наиболѣе крупные финансовые акты этой эпохи. Тяжесть платежей, лежавшихъ на крестьянахъ, не только не уменьшалась, но непрерывно росла. Въ 1856 г. подушная и оброчная подать вмѣстѣ съ соляным налогомъ давала 142,9 м. р., въ 1881 г. (безъ соляного налога)—уже, благодаря повышенію подати, 313,9 м. р., а сюда прибавилась еще огромная ноша выкупныхъ платежей, акциза на водку, сахаръ, табакъ, таможенной пошлины (сильно повышенной въ концѣ 70-хъ годовъ). Такого выкачиванія денежныхъ средствъ не могла вынести русская деревня съ ея примитивнымъ хозяйствомъ. Расходы же по Крымской и Турецкой войнамъ, пріобрѣтенію среднеазіатскихъ владѣній, желѣзнодорожному строительству, выкупной операціи и т. п. колоссально вздували финансовыя потребности государства, и, параллельно съ ростомъ бюджета, росли дефицитъ, росли займы (съ 1.759 м. р. въ 1858 г. государственный долгъ поднялся къ 1880 г. до 4698,5 м. р.), падалъ курсъ кредитнаго рубля, количество бумажныхъ денегъ непрерывно возрастало (съ 333,4 м. р. въ 1853 г. до 1146 м. р. въ 1879 г.), размѣнъ ихъ пришлось пріостановить (въ 1857 г.), бюджетъ очутился въ состояніи хроническаго кризиса. На ходѣ этого кризиса особенно рѣзко сказывалось то основное противорѣчіе, которое было внесено во всю экономическую жизнь страны методами крестьянскаго освобожденія «сверху»: освобожденное для капиталистической и фискальной эксплоатаціи, крестьянство осталось, въ то же время, связаннымъ по рукамъ и ногамъ сословнымъ безправіемъ, прикрѣпленіемъ къ надѣлу, непосильными податями, круговой порукой и пр. и пр. А вмѣстѣ съ крестьянствомъ, осталось политически связаннымъ и все общество. Были созданы условія для подчиненія всего хода хозяйственной жизни страны видамъ государственной власти, но не было создано условій для подчиненія этой власти интересамъ новаго хозяйственнаго развитія, на путь котораго вступила страна, интересамъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя возникали и крѣпли на почвѣ этого развитія.

Но эти силы росли подъ землей, и съ того самаго момента, какъ государственная власть, казалось, стала вполнѣ самостоятельной, «надклассовой», подчинила все своимъ интересамъ, поставила всѣхъ въ зависимость отъ себя, ей пришлось уже считаться съ ними. Онѣ давали знать о себѣ непрекращающейся оппозиціей земствъ, студенческими безпорядками, тайными революціонными организаціями, безконечнымъ рядомъ политическихъ процессовъ, террористическими актами, крестьянскими бунтами и, наконецъ, рабочими стачками, когда пролетаріатъ, взращенный быстрымъ капиталистическимъ развитіемъ, началъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, впервые подымать голову. Съ этимъ напоромъ подземныхъ

силъ новаго общества государственной власти приходилось считаться все болѣе и болѣе, пока онъ не сталъ, наконецъ,—наряду съ финансовыми затрудненіями, опредѣляющимъ факторомъ всей внутренней, а, въ значительной мѣрѣ и внѣшней, политики. Исключительные суды, тюрьма, ссылка, каторга, висѣлица, усмиренія начали принимать все болѣе и болѣе видное участіе въ процессѣ реформированія Россіи...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начало все сильнѣе и сильнѣе вскрываться противорѣчіе между европейскою формой произведенныхъ реформъ и дѣйствительнымъ содержаніемъ государственно-правовыхъ отношеній. За это противорѣчіе цѣплялись новыя общественныя силы, имъ онѣ пользовались для организаціи и усиленія своего натиска на власть. И власть, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, должна была приступить къ уничтоженію этого противорѣчія.

1-е марта 1881 г., въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ террористическихъ актовъ, вызвало панику въ рядахъ правительства. Но оно же вполнѣ наглядно вскрыло отсутствіе сколько-нибудь сильнаго общественнаго движенія, направленнаго къ завоеванію политической свободы.

Правительство, разумѣется, очень скоро учло выгоды создавшагося положенія, и, послѣ краткаго періода колебаній, уже 29 апрѣля манифестъ возвѣстилъ твердое намѣреніе «утверждать и охранять для блага народа самодержавную власть отъ всякихъ на нее поползновеній». Послѣдніе отзвуки этихъ колебаній сказались въ дѣятельности Каханов ской комиссіи, въ курьезномъ, архаически-славянофильскомъ проектѣ Игнатьева-Голохвастова о созывѣ «земскаго собора» и переговорахъ насчетъ временнаго прекращенія террористическихъ актовъ, между представителями правительства и остатками народовольцевъ, которые при этомъ случаѣ еще болѣе обнаружили передъ государственной властью свое разложеніе и слабость.

Съ назначеніемъ въ 1882 г. на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, курсъ правительственной политики окончательно намѣтился. Въ данную минуту всѣ выгоды положенія были на сторонѣ правительства. Но въ то же время всѣ проявленія народной и общественной жизни служили несомнѣнными признаками назрѣванія новыхъ соціальныхъ силъ, предтечами грядущихъ конфликтовъ. Сегодня государственная власть чувствовала себя въ безопасности. Но она не могла не видѣть, что завтра ей грозятъ величайшія потрясенія. Отсрочить это завтра, подрѣзать тѣ силы, которымъ суждено быть его носителями, окружить себя неприступными бастіонами—такова была задача, вставшая передъ правительствомъ.

«Сильная власть»—таковъ былъ очередной лозунгъ правительства и программа его дѣятельности,—власть, которая настигаетъ непосредственно каждаго подданнаго, которой ничто не «мѣшаетъ» въ исполненіи ея предначертаній. Первымъ шагомъ въ подготовкѣ аппарата, необходимаго для выполненія новой программы, было положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ (14 августа 1881 г.), дававшее въ руки администраціи самыя широкія полномочія и постепенно распространявшееся на все большее и большее число мѣстностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была усилена централизація полицейской власти, начатая еще въ эпоху «диктатуры сердца», когда (6 августа 1880 г.) было упразднено III отдѣленіе

собственной Его Величества канцеляріи, но не упразднены его функціи, а переданы во вновь учрежденный Департаментъ Государственной полиціи, подчиненный министру внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ слитый съ Департаментомъ Полиціи исполнительной.

25 іюня 1882 г. на одного изъ товарищей министра вн. дѣлъ (сохранившаго званіе шефа жандармовъ) были возложены обязанности командира корпуса жандармовъ, а инструкціей 16 іюля 1882 года ему были непосредственно подчинены, по дѣламъ государственной охраны, чины не только жандармской, но и общей полиціи, департаментъ полиціи и всѣ оберъ-полицеймейстеры и градоначальники. 11 іюля 1881 года былъ подчиненъ департаменту полиціи, а 18 февраля 1883 г. окончательно слитъ съ нимъ и такъ наз. Судебный отдѣлъ при министерствѣ вн. дѣлъ, учрежденный Лорисъ-Меликовымъ для веденія дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Репрессія пошла полнымъ ходомъ, и завѣдывавшій полиціей товарищъ министра вн. дѣлъ Шебеко даетъ въ своей изданной на французскомъ языкѣ «хроникѣ соціалистическаго движенія въ Россіи за 1878—1887 г.» слѣдующія цифры для времени съ 1 іюля 1881 г. по 1 января 1888 г.: всѣхъ дѣлъ разсмотрѣно департаментомъ полиціи 1.500 при 3.046 обвиняемыхъ. Судебныхъ приговоровъ состоялось 224; по нимъ приговорено: къ смертной казни 20 чел. (5 казненныхъ 3 апрѣля 1881 г., по дѣлу 1 марта, сюда не вошли), къ каторжнымъ работамъ—128, къ ссылкѣ въ Сибирь—46, къ другимъ наказаніямъ—224. Въ административномъ порядкѣ было наказано 2.822 лица, въ томъ числѣ: ссылкою въ Сибирь—635 человѣкъ, водвореніемъ въ губерніяхъ Европейской Россіи подъ надзоръ полиціи—1.500 человѣкъ, меньшимъ наказаніемъ—668 человѣкъ, высылкою за границу—19 иностранныхъ подданныхъ [1]).

Репрессіи обрушились и на печать и народное образованіе. Для печати были изданы «временныя правила» 27 авг. 1882 г., предоставившія, между прочимъ, совѣщанію 4 министровъ (внутр. дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и оберъ прокурора синода) право, безъ предостереженій, совершенно прекращать повременныя изданія. Въ области народнаго просвѣщенія «временными правилами» 5 января 1884 года былъ до послѣдней степени урѣзанъ составъ книгъ въ публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія, причемъ особыя ограниченія были установлены для народныхъ читаленъ, 13 іюня 1884 г. были изданы правила о церковно-приходскихъ школахъ, причемъ въ вѣдѣніе духовенства отданы всѣ школы грамоты [2]). 23 августа 1884 г. былъ утвержденъ новый университетскій уставъ, отмѣнявшій тѣ зачатки университетской автономіи и свободы преподаванія и обученія, которые имѣлись въ уставѣ 1863 года. Закономъ 10 февраля 1886 года были уменьшены льготы по образованію при отбываніи воинской повинности. Наконецъ, въ 1887 г. правительство, въ циркулярахъ министра нар. просвѣщенія Делянова,

---

[1]) Нужно помнить, что эти цифры характеризуютъ лишь репрессіи *центральной* полицейской власти.

[2]) Къ 1895 г., по отчету синодскаго оберъ-прокурора, числилось уже 12.970 церковно-приходскихъ школъ и 18.865 школъ грамоты, съ общимъ числомъ учащихся—981.076 чел., т. е. около $^1/_8$ всего числа учащихся въ нач. школахъ.

высказалось противъ наплыва въ среднюю школу «кухаркиныхъ дѣтей» и приняло рядъ мѣръ для затрудненія доступа къ образованію дѣтямъ «низшихъ сословій».

Въ области суда, правительство дѣйствовало — сравнительно — съ осторожностью и постепенностью. Широкая возможность административныхъ каръ и исключительныхъ судовъ съ одной стороны, обиліе противорѣчивыхъ интересовъ, затрагиваемыхъ судебнымъ строемъ, съ другой — заставляли подходить къ измѣненію судебныхъ порядковъ съ нѣкоторою нерѣшительностью и колебаніемъ. Но уже въ эту эпоху былъ принятъ рядъ мѣръ. Такъ, закономъ 20 мая 1885 г. была существенно урѣзана формальная независимость чиновъ судебнаго вѣдомства: министръ юстиціи получилъ право требовать отъ нихъ объясненій и дѣлать имъ указанія и напоминанія, а въ лицѣ старшаго предсѣдателя судебной палаты судейскій персоналъ получилъ непосредственнаго, единичнаго «начальника», который былъ уполномоченъ «прекращать усматриваемые безпорядки и дѣлать всѣмъ *подчиненнымъ* вызываемыя обстоятельствами указанія и напоминанія». Законъ 12 февр. 1887 г., утвержденный вопреки мнѣнію большинства Гос. совѣта, далъ министру юстиціи право ограничивать публичность суда, и безъ того уже сильно поколебленную предоставленнымъ положеніемъ объ усиленной охранѣ министру вн. дѣлъ и генералъ-губернаторамъ правомъ требовать закрытія дверей судебнаго засѣданія. Закономъ 7 іюля 1889 г. была снова сужена компетенція суда присяжныхъ. По подсчету Бобрищева-Пушкина, изъ 1536 статей особенной части уложенія о наказаніяхъ, въ вѣдѣніе администраціи было отнесено, при введеніи судебныхъ уставовъ, 128 статей, въ вѣдѣніе кореннаго суда—795, мировыхъ судей—203 и суда присяжныхъ — 410. Законъ 1889 г. сократилъ это послѣднее число до 300. Въ томъ же 1889 г. было пріостановлено открытіе отдѣленій совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ тѣхъ судебныхъ округахъ, гдѣ таковые совѣты имѣются. Самое же учрежденіе совѣтовъ въ новыхъ судебныхъ округахъ было пріостановлено еще въ 1874 г.

Въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія правительство рѣшительно пошло по пути превращенія органовъ его въ «присутственныя мѣста», пути, предрѣшенному, какъ мы видѣли, еще при самомъ созданіи этихъ органовъ. «Всѣ мѣстныя учрежденія должны быть учрежденіями правительственными, находящимися въ связи съ центральною правительственною властью» — таковъ былъ тезисъ, выставленный графомъ Д. Толстымъ въ 1886 г., въ его Всеподданнѣйшемъ докладѣ. «Слабое проявленіе власти есть основная причина всѣхъ безпорядковъ въ мѣстномъ управленіи». «Ложное направленіе земскаго дѣла, неправильное веденіе земскаго хозяйства»—неизбѣжное слѣдствіе «предоставленія земству самостоятельной, черезъ посредство выборныхъ исполнительныхъ его органовъ, дѣятельности по предметамъ мѣстнаго хозяйства и благоустройства». Начавъ съ отказа органамъ мѣстнаго самоуправленія въ политическомъ значеніи, правительство черезъ 20 лѣтъ вынуждено было придти къ заключенію, что и самостоятельность въ веденіи мѣстнаго хозяйства вредитъ его интересамъ.

На основѣ этихъ принциповъ и было построено новое земское положеніе 12 іюня 1890 г. Этимъ закономъ было введено сословное представительство въ земствѣ. Вмѣсто двухъ прежнихъ съѣздовъ — городского и уѣздныхъ землевла-

дѣльцевъ—были введены съѣзды дворянъ-землевладѣльцевъ, съ одной стороны, съѣзды прочихъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, съ другой, причемъ крестьяне, владѣющіе недвижимою собственностью, отъ участія въ этихъ съѣздахъ были устранены. Общее число гласныхъ земскихъ собраній было сильно понижено: въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ—съ 2.274 до 1.576, въ уѣздныхъ—съ 13.329 до 10.229. Особенному уменьшенію подверглось число гласныхъ отъ крестьянъ: вмѣсто 5.357 (48% общаго состава), по положенію 1864 г., ихъ стало теперь всего 3.167 (31%). Наоборотъ, число гласныхъ отъ дворянъ повысилось, и въ руки ихъ было отдано больше половины мѣстъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (по 30 губерніямъ: 5.433 изъ 9.523, или 57,1%). Но по новому положенію крестьяне не только стали посылать меньше гласныхъ; самый составъ гласныхъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялся администраціей, т. к. губернатору было предоставлено назначать положенный комплектъ крестьянскихъ гласныхъ изъ числа выбранныхъ волостными сходами кандидатовъ. Наконецъ, и входя уже въ земское собраніе, гласный крестьянинъ не выходилъ изъ-подъ непосредственнаго руководства администраціи. Ибо въ собраніи, независимо отъ представителей вѣдомствъ (земледѣлія и государственныхъ имуществъ, духовенства, а въ губ. земскомъ собраніи—всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства), онъ встрѣчалъ земскихъ начальниковъ, вооруженныхъ огромною дискреціонною властью надъ нимъ.

Но такое коренное измѣненіе состава земскихъ собраній отнюдь не сдѣлало земство въ глазахъ правительства пригоднымъ органомъ для самостоятельнаго веденія мѣстнаго хозяйства. Принципъ превращенія органовъ самоуправленія въ «присутственныя мѣста» проводился неуклонно. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ получили «права государственной службы», т. е. были превращены въ чиновниковъ, которые могли занимать свои должности не иначе, какъ съ утвержденія начальства. Точно такъ же утвержденію губернатора подлежалъ и служащій персоналъ земства—секретари, врачи, ветеринары, статистики, страховые агенты, учителя и т. д. Было создано новое бюрократическое учрежденіе—губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, которому было предоставлено право останавливать приведеніе въ исполненіе рѣшеній земства, налагать дисциплинарныя взысканія на членовъ земскихъ управъ и т. д. Но и этихъ мѣръ оказалось мало для того, чтобы заставить земства дѣйствовать всецѣло въ видахъ правительства, и въ послѣдніе годы царствованія Александра III правительство приступило къ регулированію различныхъ отраслей земской дѣятельности. Законъ 8 іюня 1893 г. устанавливалъ правила для земскихъ оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ, новый больничный уставъ (10 іюня 1893 г.), пытался перестроить земское медицинское дѣло, законъ 6 іюня 1894 г. налагалъ руку и на земское страхованіе.

За земскимъ самоуправленіемъ послѣдовало и городское. Новое городовое положеніе (11 іюля 1892 г.) сокращало число избирателей и гласныхъ *), зна-

*) Для примѣра, приводимъ цифры по городу Петербургу: по положенію 1870 г., при 600—700 тысячъ жителей, было около 20.000 избирателей и 252 гласныхъ. По положенію 1892 г., при 1.200.000 жителей—около 7.000 избирателей и 160 гласныхъ.

чительно повысило избирательный цензъ и отдавало городскія думы въ распоряженіе богатыхъ домовладѣльцевъ. Въ незначительныхъ городахъ было введено «упрощенное» городское управленіе, при которомъ мѣсто управы и городского головы занимаетъ городской староста, а мѣсто думы—собраніе уполномоченныхъ домохозяевъ. Вмѣстѣ съ этимъ, городское самоуправленіе было такъ же, какъ и земство, подчинено контролю администраціи и губернскимъ земскимъ присутствіямъ, которыя были переименованы въ «губернскія по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія».

Еще большія измѣненія были произведены въ самоуправленіи крестьянскомъ. Законъ 12 іюля 1889 года о земскихъ начальникахъ уничтожалъ послѣднюю тѣнь самостоятельности этого самоуправленія и превращалъ его окончательно въ простой рычагъ управленія въ рукахъ администраціи. Земскіе начальники и ихъ уѣздные съѣзды замѣнили собою прежніе органы надзора за сельскимъ и волостнымъ управленіемъ—учрежденныя 27 іюля 1874 г. присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и ихъ представителей—т. н. «непремѣнныхъ членовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, земскіе начальники, вопреки мнѣнію большинства Госуд. совѣта (39 противъ 13), были облечены судебною властью и замѣнили собою въ уѣздахъ упраздненныхъ отнынѣ мировыхъ судей. Въ докладѣ гр. Толстого были высказаны причины такой замѣны: «Только быстрымъ пресѣченіемъ безпорядковъ можно поддержать порядокъ»; «между тѣмъ», поясняетъ авторъ оффиціальнаго, юбилейнаго обзора дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, «опытъ свидѣтельствуетъ, что мировая юстиція не обладаетъ достаточной быстротой въ разбирательствѣ дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ и, кромѣ того, не всегда дѣйствуетъ солидарно съ представителями администраціи».

Но и помимо судебныхъ правъ, ст. 61 давала земскимъ начальникамъ возможность карать административно арестомъ всѣхъ ослушниковъ ихъ воли, а, слѣдовательно, и издавать какія угодно распоряженія. Крестьянинъ очутился во всесторонней опекѣ у бюрократіи, и рядъ законовъ все усиливалъ и усиливалъ это закрѣпощеніе крестьянъ государственной власти. Законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, законъ 13 іюля 1889 г. о переселеніяхъ, законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ общинной земли; законъ 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ,—всѣ эти законы диктовались стремленіемъ организовать крестьянство, какъ податную и рабочую силу, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ правительственныхъ чиновниковъ *).

Такимъ образомъ, въ полномъ противорѣчіи съ направленіемъ соціально-экономической эволюціи, дѣйствительно, происходившей въ средѣ крестьянства,—развитіе денежнаго хозяйства, разслоеніе, ростъ капиталистической эксплоатаціи—деревня въ политической сферѣ возвращалась къ «доброму старому времени», къ крѣпостному состоянію подъ эгидой государственной власти, стремившейся

*) Отмѣтимъ мимоходомъ, что русское либеральное и даже „соціалистическое“ общественное мнѣніе, зараженное реакціонными предразсудками народничества, подчасъ готово было привѣтствовать нѣкоторые изъ этихъ закрѣпощающихъ крестьянъ государству законовъ (напримѣръ, о неотчуждаемости надѣловъ), какъ шаги въ направленіи къ „обезпеченію крестьянъ“ и организаціи „народнаго производства“.

регулировать въ своихъ интересахъ весь обиходъ крестьянской жизни—отъ системы хозяйства до семейныхъ отношеній. Этой же цѣли служило закрѣпленіе сословной обособленности крестьянъ; къ ней была приспособлена вся оффиціальная идеологія эпохи.

Выразителемъ этой идеологіи былъ вдохновитель гр. Д. А. Толстого—А. Д. Пазухинъ. Сословность, національность, церковность — таковы были выдвинутые Пазухинымъ и воспринятые правительствомъ лозунги дня. Казалось, возрождается средневѣковая романтика на германскій образецъ, съ ея идеализаціей крѣпкихъ сословій и прочно-установившихся междусословныхъ отношеній. Спасаясь отъ неизбѣжныхъ послѣдствій «европеизма» реформъ 60-хъ и 70-хъ г.г., дававшаго опорные пункты для организаціи и мобилизаціи новыхъ общественныхъ силъ и для новыхъ общественныхъ группировокъ, переросшихъ сословныя рамки, правительство, казалось, готово было идти навстрѣчу сословной организаціи, укрѣпленію сословныхъ правъ, выдвиганію на первый планъ дворянства, какъ «первенствующаго» сословія. Но романтика не могла измѣнить дѣйствительнаго соотношенія силъ и дѣйствительныхъ условій существованія, какъ государственной власти, такъ и различныхъ группъ русскаго общества. Дворянство, подтачиваемое экономическою эволюціей, раздираемое внутренними антагонизмами, угрожаемое ростомъ и укрѣпленіемъ буржуазіи, не въ силахъ было использовать данныя ему привилегіи для возрожденія своего, какъ сословія. Съ другой стороны, сквозь оффиціальную романтику все настойчивѣе и настойчивѣе пробивалась истинная цѣль правительственной политики, для которой романтическіе лозунги не имѣли никакой самостоятельной цѣнности, а были лишь простымъ служебнымъ орудіемъ. На самомъ дѣлѣ, правительство вовсе не стремилось перестроить общественный организмъ на основахъ крѣпкихъ, прочно организованныхъ, самоуправляющихся и самостоятельно отстаивающихъ свои интересы сословій. Оно вовсе не думало и о дѣйствительномъ возрожденіи самостоятельности и самоуправленія церкви. Его основною цѣлью было, какъ опредѣленно указывалъ въ своемъ докладѣ гр. Толстой, «согласованіе» всей русской жизни съ самодержавной властью. И сословность, и національность, и церковность выдвигались и поддерживались правительствомъ лишь постольку, поскольку они являлись подходящимъ служебнымъ средствомъ все для той же основной цѣли *).

Мы видѣли, въ какомъ духѣ было использовано усиленіе сословнаго обособленія крестьянъ. Въ другой формѣ, но, по существу, той же цѣли, служило покровительство дворянскому сословію. Основныя линіи этого покровительства были, въ сущности, намѣчены еще предшествующимъ царствованіемъ. Правительство дѣлало все возможное для экономической поддержки падающаго дворянства. Въ экономическихъ интересахъ дворянства было въ значительной степени регулировано крестьян-

*) Какъ понималась „сословность“ въ эту эпоху, видно хотя бы изъ курьезнаго проекта присяжнаго защитника правительства, Л. Тихомирова,—образовать „сословіе журналистовъ“ съ тѣмъ, чтобы только членамъ этого „сословія“ было разрѣшено быть издателями, редакторами и сотрудниками газетъ и журналовъ. Въ высшей степени характерно также, что во имя дѣйствительныхъ цѣлей своей политики правительство какъ разъ въ эту эпоху вело упорную борьбу противъ единственнаго живого воплощенія оффиціальной романтики—прибалтійскаго дворянства.

ское законодательство. Въ своей коронаціонной рѣчи къ волостнымъ старшинамъ Александръ III прямо повелѣлъ имъ «слушаться своихъ предводителей дворянства». Экономическіе же интересы дворянъ помѣщиковъ ограждали земскіе начальники; имъ же служило и преобладаніе, данное дворянству въ земскихъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, былъ изданъ рядъ законовъ и созданы учрежденія, имѣвшія цѣлью оказать непосредственную помощь дворянскому землевладѣнію. Въ 1882 г. былъ учрежденъ Крестьянскій банкъ, главной задачей котораго было облегчить дворянамъ, окончательно лишившимся возможности удержать въ своихъ рукахъ землю, продажу ея крестьянамъ по возможно болѣе высокой цѣнѣ (что, замѣтимъ въ скобкахъ, опять-таки не помѣшало народнической оппозиціи «привѣтствовать» новое учрежденіе). Въ 1883 г. былъ изданъ законъ о дворянскихъ выморочныхъ имѣніяхъ. Въ 1885 г.—Дворянскій банкъ для предоставленія дворянамъ долгосрочнаго кредита на льготныхъ условіяхъ, а въ 1889 г. былъ сдѣланъ спеціальный (съ выигрышами) заемъ для усиленія средствъ этого банка. Законъ 12 іюля 1886 г. о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы имѣлъ въ виду, по словамъ оффиціальнаго изданія министерства внутреннихъ дѣлъ, «обезпечить рабочими руками крупныя землевладѣльческія хозяйства» и каралъ нарушеніе договора сельско-хозяйственными рабочими, какъ уголовное преступленіе. Наконецъ, въ 1894 г. былъ выработанъ законопроектъ о срочно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, имѣвшій цѣлью задержать разложеніе дворянскаго землевладѣнія.

Но о правахъ дворянства, какъ такового, правительство думало меньше всего. Въ лицѣ дворянства ему нужны были вѣрные «полиціймейстеры», служилые люди. Еще записка Пазухина говорила лишь о «служилыхъ правахъ» дворянства. А по поводу законопроекта о срочно-заповѣдныхъ имѣніяхъ бюрократическій оффиціозъ—«Московскія Вѣдомости»—поднялъ уже прямо вопросъ объ «*обязательно-служилой* роли» дворянства; безъ этого, въ его глазахъ, заповѣдность имѣній могла бы оказаться даже вредной, «создавъ сильный, богатый и вліятельный классъ земельной аристократіи, ничѣмъ не связанный съ государственной властью».

На этой почвѣ давняя, глухая борьба между дворянствомъ, какъ либеральнымъ, такъ и консервативнымъ, но желавшимъ сословной самостоятельности, и государственной властью продолжалась и въ эту эпоху покровительства дворянскому землевладѣнію, и въ послѣдующую. Но всѣ преимущества были на сторонѣ государственной власти. Экономическая эволюція, натискъ буржуазныхъ конкурентовъ вырывали почву изъ-подъ ногъ у все большаго и большаго числа дворянъ. Правительственныя мѣры могли задержать этотъ процессъ обезземеленія дворянства, правительственныя ссуды и льготы могли дать возможность продержаться еще нѣкоторое время на поверхности тѣмъ, кого неумолимый ходъ соціально-экономическаго развитія влекъ ко дну,—остановить этого процесса не могла и государственная власть. А по мѣрѣ роста задолженности и обезземеленія дворянства, особенно мелкаго и средняго, оно все больше и больше поставляло изъ своей среды людей, которые готовы были цѣликомъ отдаться правительству для «служилыхъ» цѣлей. Дворянство, болѣе зажиточное и крѣпкое, учитывало въ свою пользу всѣ результаты экономическаго покровительства, ко-

торое оказывало ему правительство; «рабочій» же персоналъ правительственной машины поставляло, главнымъ образомъ, умирающее, «деклассированное», мелкопомѣстное дворянство. Описывая составъ земскихъ начальниковъ, консервативный дворянскій публицистъ Ф. Ромеръ («Новое Время», 1894 г., № 6656) отмѣчаетъ, что именно «безхозяйственность» является «какъ-бы отличительною ихъ чертою... Въ самомъ дѣлѣ, земскими начальниками, за весьма рѣдкими исключеніями, состоятъ либо (въ лучшемъ случаѣ) землевладѣльцы съ подорванными средствами, либо даже неизвѣстно откуда появившіеся офицеры». Понятно, что такого рода дворяне не могли дѣйствовать самостоятельно, въ интересахъ своего сословія. Они превратились, какъ констатировалъ въ 1893 г. «Гражданинъ», «въ чиновниковъ, въ автоматовъ, живущихъ изо дня въ день, читающихъ губернскіе циркуляры, отписывающихся, ставящихъ на подобающихъ мѣстахъ запятыя»...

Таково было въ эту эпоху взаимоотношеніе между государственною властью и дворянствомъ. Но у дворянства явился уже и сильный конкуррентъ по части требованія покровительства, льготъ и воспособленій—торгово-промышленная буржуазія, ростъ которой непрерывно продолжается за всю эту эпоху. Сложный и тяжелый аппаратъ великодержавной государственной машины повелительно толкалъ на путь капиталистическаго развитія, а, при наличныхъ условіяхъ, на путь прямого покровительства торговлѣ и промышленности. Это покровительство, особенно протекціонный таможенный тарифъ 1891 г., сталкивалось съ покровительствомъ, оказываемымъ тѣмъ же правительствомъ дворянскому землевладѣнію. Но это было противорѣчіе объективныхъ условій хозяйственнаго развитія страны, за предѣлы котораго правительство не могло выйти и которое таило въ себѣ неизбѣжную гибель всей правительственной системы. Но, пока что, правительство стремилось самое это противорѣчіе использовать въ своихъ интересахъ, и съ этихъ поръ основой правительственной политики становится балансированіе между покровительствомъ дворянству и покровительствомъ буржуазіи, изрѣдка прерываемое, подъ вліяніемъ экстраординарныхъ событій, мѣрами, идущими въ разрѣзъ съ интересами обѣихъ покровительствуемыхъ имъ группъ населенія.

Такъ, подъ вліяніемъ крупныхъ забастовокъ начала и середины 80-хъ годовъ на морозовскихъ фабрикахъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ было положено начало фабричному законодательству. Правительство увидѣло, что «постепенно накопляющееся въ классѣ фабричныхъ рабочихъ недовольство дѣлаетъ его благопріятной, воспріимчивой почвой для преступныхъ ученій, стремящихся къ уничтоженію государственнаго и общественнаго строя... Въ виду этого и въ заботѣ о возможномъ устраненіи фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ безъ дальнѣйшаго промедленія приступить къ пересмотру существующихъ постановленій Устава о промышленности, въ смыслѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими». Законами 1-го іюня 1882 г. (введеннымъ въ дѣйствіе 1-го мая 1884 г.), 3-го іюня 1885 г. и 3-го іюня 1886 г. была воспрещена ночная работа подростковъ и женщинъ, ограничена работа малолѣтнихъ, учреждена фабричная инспекція, введены разсчетныя книжки, регулировано положеніе штрафовъ и вычетовъ, запрещена расплата товарами. При этомъ, однако, правила 3-го іюня 1886 г. «о

надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ», т. е. о фабричной инспекціи, первоначально были распространены только на губерніи Петербургскую, Московскую и Владимірскую. Въ 1891 г. они были введены въ дѣйствіе въ Петроковской и Варшавской губ., и лишь въ 1894 г. введены въ губерніяхъ Волынской, Гродненской, Кіевской, Костромской, Лифляндской, Нижегородской, Подольской, Рязанской, Тверской, Харьковской, Херсонской, Эстляндской, Ярославской.

Но лишь только первая волна рабочаго движенія улеглась, логика положенія заставила правительство, подъ прямымъ давленіемъ капиталистовъ, приступить къ урѣзыванію только что данныхъ рабочимъ льготъ. Законы 24 апрѣля 1890 г. и 8 іюля 1893 г. разрѣшали отступленіе въ пользу фабриканта отъ правилъ о работѣ женщинъ и объ условіяхъ найма. Самый институтъ фабричныхъ инспекторовъ, крайне недостаточный (въ 1885 г. на 1 инспектора приходилось 1295 промышленныхъ заведеній съ 43.491 рабочимъ), немедленно же подвергся полицейски-бюрократическому перерожденію. Съ 1885 г. прекращается печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, раскрывавшихъ ужасающую эксплуатацію рабочихъ на россійскихъ фабрикахъ и заводахъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта (14 марта 1894 г.) была измѣнена самая организація фабричной инспекціи. Должность главнаго фабричнаго инспектора была уничтожена, и чины инспекціи подчинены непосредственно департаменту торговли и мануфактуръ. Въ составъ губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій введены повсюду, вмѣсто членовъ отъ земскаго и городского самоуправленія, 2 члена отъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ (раньше это имѣло мѣсто лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существовали совѣщательныя учрежденія по дѣламъ торговли и мануфактурной промышленности). Этими преобразованіями русская фабричная инспекція была рѣшительно поставлена на путь превращенія въ новый органъ полицейскаго надзора и полицейскаго вмѣшательства въ фабрично-заводскія отношенія. Необходимо еще добавить, что въ 1885 г. уложеніе о наказаніяхъ было дополнено ст. 51^1, признавшей отказъ отъ работы, безъ предупрежденія хозяина за 2 недѣли, уголовнымъ преступленіемъ, караемымъ арестомъ не свыше одного мѣсяца.

Балансируя между покровительствомъ дворянству и покровительствомъ торговцамъ и промышленникамъ, правительство и въ буржуазіи хотѣло видѣть лишь своего рода «служилый» классъ, несущій торгово-промышленное «тягло». Покровительство торговлѣ и промышленности сводилось все больше и больше къ покровительству небольшой группѣ торговцевъ и промышленниковъ, являвшихся казенными поставщиками, получавшими по повышеннымъ цѣнамъ казенные заказы и на льготныхъ условіяхъ казенныя—уставныя и внѣ-уставныя—ссуды. Казенные заказы и ссуды, новый уставъ, данный Государственному банку въ въ 1894 г., и еще больше внѣ-уставныя дѣйствія давали министру финансовъ широкую возможность оказывать непосредственное воздѣйствіе на ходъ торговли и промышленности.

Тѣмъ же духомъ бюрократической опеки, административной централизаціи, борьбы со всѣми проявленіями общественной самодѣятельности, была проникнута и національная, и вѣроисповѣдная политика правительства. Поднятое имъ

знамя національности и оффиціальной церковности было выраженіемъ стремленія бюрократіи къ безраздѣльному господству во всѣхъ областяхъ народной жизни, стремленія возстановить по отношенію къ 120 милліонной странѣ вотчинное хозяйство московской Руси.

Только старообрядцамъ были даны закономъ 3 мая 1883 г. нѣкоторыя льготы, но и то льготы эти сводились, главнымъ образомъ, къ «признанію», т. е. къ подчиненію правительственному надзору нѣкоторыхъ сторонъ церковной и семейной жизни старообрядцевъ. Зато съ этихъ поръ начинается безпощадное преслѣдованіе тѣхъ сектъ—духоборовъ, пашковцевъ, штундистовъ и пр., въ которыхъ отразились, въ религіозной формѣ, теченія народной мысли, порожденныя новыми условіями соціально-экономическаго и политическаго развитія страны.

Національная и окраинная политика правительства меньше всего диктовалась соображеніями о конкурренціи національностей и окраинъ съ кореннымъ населеніемъ центра. Если эта мысль и играла нѣкоторую роль, то, быть можетъ, только по отношенію къ землевладѣльцамъ центра, въ пользу которыхъ устанавливались льготные тарифы на перевозку хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но въ этомъ отношеніи православно-русская Сибирь ставилась на одну доску съ любою инородческою окраиной.

Главныя же движущія причины національной и окраинной политики были совсѣмъ другія: она диктовалась желаніемъ правительства искоренить тѣ начатки общественной самодѣятельности, которыя, въ качествѣ историческаго наслѣдія, въ видѣ политическихъ, сословныхъ, бытовыхъ учрежденій, сохранились кое-гдѣ среди покоренныхъ народностей и могли служить опаснымъ примѣромъ; она диктовалась желаніемъ поддерживать въ органахъ власти тотъ «боевой духъ», который создается военнымъ господствомъ надъ окраинами; она диктовалась погоней расплодившейся бюрократіи, непрерывно пополняемой изъ рядовъ мелкопомѣстнаго дворянства, духовенства, разночинцевъ, за новыми мѣстами, новыми должностями, новымъ жалованьемъ, наградными. командировочными, орденами, чинами, отличіями. Обстановка исключительныхъ законовъ съ ихъ изъятіями, съ возможностью обхода, съ льготами, покупаемыми за деньги, создала постепенно цѣлую армію людей, видѣвшихъ въ этихъ исключительныхъ законахъ неисчерпаемый источникъ доходовъ и, разумѣется, державшихся за нихъ руками и ногами. Наконецъ, «боевая» политика по отношенію къ окраинамъ, инородцамъ и иновѣрцамъ была какъ нельзя болѣе подходящимъ средствомъ, чтобы направить на ложный слѣдъ чувство возмущенія и недовольства, овладѣвавшее все больше и больше «кореннымъ» русскимъ населеніемъ, заставить это населеніе національнымъ угнетеніемъ мстить за мизерность, убогость своего собственнаго существованія. Подъ «національнымъ» флагомъ провозилась контрабанда въ «коренную» Россію... «Руссификаторскія» завоеванія на окраинахъ должны были замѣнить то психологическое дѣйствіе, которое въ другихъ случаяхъ оказываетъ—отсутствовавшій въ эту эпоху—блескъ внѣшней политики, внѣшнихъ успѣховъ и завоеваній.

Польша, Литва, Прибалтійскій край, Кавказъ—служили одинаково ареной этой «національной», руссификаторской политики. Подпала подъ ея руку и

Финляндія, которая послѣ 1863 г., когда, подъ вліяніемъ польскаго возстанія и изъ опасенія имѣть еще одинъ очагъ возмущенія подъ самымъ бокомъ столицы, былъ, впервые послѣ 54-лѣтняго перерыва, созванъ сеймъ,—пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ. Манифестъ 1890 г. о финляндской почтѣ и рядъ аналогичныхъ, мелкихъ мѣръ открывали собою эру руссификаціи Финляндіи, возвѣщали грядущее пришествіе Бобрикова...

Но главнымъ объектомъ «національной» политики были въ эту эпоху евреи, на которыхъ въ началѣ 80-хъ годовъ обрушился рядъ погромовъ. «Временныя правила» 3 мая 1882 года запрещали евреямъ въ чертѣ осѣдлости селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, пріобрѣтать или арендовать недвижимости въ селахъ и деревняхъ. Въ 1886 г. былъ установленъ 300-рублевый штрафъ съ семьи еврея, не явившагося къ отбыванію воинской повинности. Въ 1887 г. была введена процентная норма для поступленія евреевъ въ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія. Въ 1889 г. евреямъ-юристамъ былъ закрытъ доступъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Въ 1891 г. были лишены права жительства въ Москвѣ и выселены оттуда евреи-ремесленники. Городовое положеніе 1892 г. лишало ихъ права участія (активнаго и пассивнаго) въ выборахъ въ городскія думы. Какіе слои еврейскаго населенія, кромѣ интеллигенціи, страдали отъ этихъ мѣропріятій, о томъ ясно говоритъ докладная записка виленскаго губернатора Палена (октябрь 1903 г.). Констатируя, что въ «еврейскихъ» дѣлахъ «въ очень многихъ случаяхъ ясно видны слѣды взятокъ, подкуповъ или даже вымогательствъ низшихъ мѣстныхъ полицейскихъ и административныхъ органовъ», Паленъ продолжаетъ: «можно смѣло сказать, изучая дѣла губернскаго правленія по еврейскому вопросу, что примѣненіе закона 1882 года втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, будучи могучимъ орудіемъ развращенія въ губерніи низшей администраціи, всею тяжестью своею обрушилось на бѣдныхъ евреевъ, тогда какъ болѣе богатые могли обходить его подкупами и подлогами».

Такова была «національная» политика правительства въ эту эпоху. Мы уже говорили, что она должна была, до извѣстной степени, восполнять собою сѣрость политики внѣшней. Финансовыя затрудненія и незалѣченныя еще бюджетныя раны послѣ войны 1877—78 гг. заставляли дорожить миромъ. Подъ покровомъ этого мира продолжался въ гигантскихъ размѣрахъ тотъ ростъ капиталистической торговли и промышленности, который начался еще со времени «великихъ реформъ». Фискальная машина также работала полнымъ ходомъ. Но разлагающаяся русская деревня—не въ состояніи вынести этого выкачиванія двойнымъ насосомъ—капиталистическаго накопленія и фискальной машины. Она отвѣчаетъ на это выкачиваніе хроническимъ голоданіемъ, усиленной смертностью, бѣгствомъ съ насиженныхъ мѣстъ, глухими вспышками злобы, колоссальнымъ ростомъ недоимочности, достигающей въ пятилѣтіе 1891—95 г. 95,2% годового склада, пониженіемъ потребленія обложенныхъ налогами продуктовъ. Правительство вынуждено дать деревнѣ рядъ податныхъ льготъ: въ 1882 г. понижаются выкупные платежи (на 12 м. р.), 14 мая 1883 г. отмѣняется подушная подать (41 м. р.), 7 февраля 1894 г. издаются правила объ отсрочкѣ и разсрочкѣ взысканія недоимокъ по выкупнымъ платежамъ. Но, давая деревнѣ по-

датныя льготы въ сферѣ прямого обложенія, правительство вынуждено было тѣмъ энергичнѣе повышать косвенные налоги. Въ результатѣ, если прямые налоги уменьшились съ 139,9 м. р. (въ 1881 г.) до 91,3 м. р. (въ 1892 г.), то косвенные увеличились за то же время съ 327,7 м. р. до 466,9 м. р.

Голодъ 1891 г. вскрылъ всѣ колоссальныя противорѣчія, таившіяся подъ оболочкой внѣшняго благополучія. Онъ вскрылъ противорѣчія между самодовлѣющей государственной властью и ходомъ общественнаго развитія, и толкнулъ къ самоопредѣленію соціальныя группы, сложившіяся на основѣ этого развитія. Одна за другою онѣ выступаютъ на арену политической жизни, какъ классы со своими самостоятельными интересами. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается быстрое разложеніе порсформенной государственной машины, начинается ликвидація только что упроченнаго государственнаго строя.

II. Передъ ликвидаціей.

Само собою понятно, что и въ новый періодъ исторіи государственной власти въ Россіи основныя черты ея политики остались неизмѣнными. Да онѣ и не могли измѣниться, ибо диктовались всѣми условіями существованія русской государственности. Но на формы проявленія этой политики все возрастающее вліяніе начинаетъ оказывать новый факторъ—то выступленіе общественныхъ силъ на политическую арену, о которомъ мы говорили выше. Вліяніе этого новаго фактора сказывается далеко не сразу въ полной мѣрѣ. Сначала отдѣльныя политическія заявленія соціальныхъ группъ или отдѣльныя проявленія массовыхъ движеній кажутся какою-то досадною случайностью, временно вызывающей замѣшательство и колебаніе въ бюрократическомъ лагерѣ, но быстро подавляемыя путемъ усиленнаго примѣненія репрессивныхъ мѣръ и обычныхъ пріемовъ полицейскаго управленія. Но уже очень скоро становится очевидна разница по сравненію съ предшествующимъ періодомъ: вмѣсто пассивнаго сопротивленія соціальной среды, требующаго для своего преодолѣнія лишь нѣкоторой настойчивости и энергіи, государственной власти приходится уже все больше и больше считаться съ самостоятельными шагами, съ открытыми заявленіями и выступленіями, съ активнымъ противодѣйствіемъ различныхъ соціальныхъ группъ. Постепенно въ руки этихъ группъ переходитъ политическая иниціатива, а правительственная политика становится какъ бы отвѣтомъ на ея проявленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта политика начинаетъ терять свойственный ей въ предшествующій періодъ видъ увѣреннаго и самостоятельнаго волеизъявленія государственной власти и пріобрѣтать все болѣе и болѣе характеръ почти рефлекторной реакціи на проявленія общественной самодѣятельности. Наконецъ, съ началомъ XX вѣка, съ 1901 года, съ наступленіемъ періода непрерывныхъ и открытыхъ массовыхъ движеній, правительственная политика все болѣе начинаетъ принимать боевой, но въ то же время, по существу дѣла, оборонительный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно мѣняется и направленіе правительственной политики. Вынужденное руководиться исключительно соображеніями оборонительной войны, правительство беретъ оружіе для этой войны вездѣ,

гдѣ только оно можетъ найти его сегодня, мало думая о завтрашнемъ днѣ. Это накладываетъ неизгладимую печать на всю внутреннюю и внѣшнюю политику, подчеркиваетъ ея противорѣчивый характеръ и, въ концѣ концовъ, приводитъ къ тому, что, не пріобрѣтая ни прочныхъ новыхъ союзниковъ, ни прочныхъ новыхъ позицій, правительство подрываетъ свои старыя соціально-политическія основы и быстро катится къ капитуляціи.

Такимъ образомъ, 1901 годъ является—приблизительно, конечно,—какъ бы годомъ перелома въ ходѣ правительственной политики. Съ этой точки зрѣнія и въ цѣляхъ характеристики этой политики, ее удобно раздѣлить на 2 періода, гранью между которыми служитъ 1901 годъ.

* * *

Съ 1894—95 года, въ связи съ подъемомъ промышленности, начинается подъемъ стачечнаго рабочаго движенія. «Рабочій вопросъ», въ честь котораго, какъ писалъ Катковъ, по случаю оправданія ткачей Никольской Морозовской мануфактуры, еще въ 1886 году «раздался 101 салютаціонный выстрѣлъ», совершалъ свое вступленіе въ среду другихъ вопросовъ русской жизни, накладывая на всѣ ихъ свой отпечатокъ.

Это значеніе рабочаго вопроса не сразу стало ясно правительству. Послѣ вспышекъ середины 80-хъ годовъ рабочее законодательство совсѣмъ замерло, и, напримѣръ, еще въ 1895 г. вся дѣятельность правительства въ этой области исчерпывалась правилами 20 февраля о наймѣ рабочихъ на частные золотые и платиновые промыслы *) и внесеннымъ министромъ финансовъ въ Государственный Совѣтъ проектомъ правилъ о возложеніи на фабрикантовъ и заводчиковъ обязанности производить, по требованію сельскаго и волостного начальства, вычеты изъ заработной платы на уплату податей. Но и когда, съ зимы 1895 года, стачки стали особенно учащаться, правительство не сразу отдало себѣ отчетъ въ ихъ значеніи. Оно, конечно, не могло, подобно народникамъ, упорно закрывать глаза на то, что капиталистическая промышленность стала неистребимымъ факторомъ русской соціально-экономической дѣйствительности, а, вмѣстѣ съ нею, разумѣется, и ея неразлучный спутникъ—пролетаріатъ; но оно пользовалось элементами народнической идеологіи, чтобы оправдать безправіе русскаго пролетаріата, даже въ области экономической борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и само себя старалось успокоить соображеніями насчетъ «особаго» характера русскаго рабочаго класса.

Такъ, первыя петербургскія стачки (Торнтонъ, Лафермъ и др.), проведенныя подъ руководствомъ «Союза борьбы», а также стачки въ Москвѣ (Прохор. мануф.), Ярославлѣ (Корзинк. мануф.), Тейковѣ, Нижнемъ Новгородѣ и другихъ городахъ, вызвали циркуляръ министра финансовъ (5 дек. 1895 г.) по фабричной инспекціи, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Въ нашей промышленности преобладаетъ *патріархальный складъ*

---

*) Эти правила устанавливали распространеніе на эту категорію рабочихъ ст. 51[4] уст. о нак. нал. мир. с.—арестъ не свыше мѣсяца за неявку на промыселъ, явку позднѣе 2 недѣль противъ срока, установленнаго договоромъ, или самовольное оставленіе работы.

отношеній между хозяиномъ и работникомъ. Эта патріархальность во многихъ случаяхъ выражается заботами фабриканта о нуждахъ рабочихъ и служащихъ на его фабрикѣ, въ попеченіяхъ о сохраненіи лада и согласія, въ простотѣ и справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ. Когда въ основѣ такихъ отношеній лежитъ законъ нравственности и христіанскаго чувства, тогда *не приходится прибѣгать къ писаному закону.*

«*Въ Россіи, къ счастью, не существуетъ рабочаго класса*, въ томъ смыслѣ и значеніи, какъ на Западѣ, *и потому не существуетъ и рабочаго вопроса*».

Практическій выводъ, къ которому приходилъ циркуляръ отъ этихъ посылокъ, былъ таковъ, что «не только незаконность притязаній, но даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ (т. е. путемъ стачекъ) будутъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія, ибо правительство при такихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить осуществленія желаній рабочихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, изъявили согласіе на уступки».

Министерство финансовъ видѣло въ стачкахъ лишь актъ экономической борьбы и разсчитывало безъ труда справиться съ рабочими путемъ репрессій. Вѣрнѣе поняло политическое значеніе зарождающагося движенія министерство внутреннихъ дѣлъ. Учащеніе стачекъ и ихъ организованный характеръ внушали ему опасеніе. Въ виду возникшихъ слуховъ о намѣреніи рабочихъ подать во время коронаціонныхъ торжествъ незаконную петицію, министръ внутреннихъ дѣлъ, письмомъ отъ 7 февраля 1896 г., просилъ министра финансовъ принять мѣры къ предупрежденію нежелательныхъ осложненій. Экстренныя обстоятельства побудили министра финансовъ принять экстренныя мѣры—приказать ряду фабрикантовъ произвести различныя улучшенія въ положеніи рабочихъ.

Но эти мѣры не могли предупредить вскорѣ вспыхнувшей грандіозной забастовки петербургскихъ ткачей (24 мая—17 іюня 1896 г.). Правительство отвѣчало на забастовку репрессіей—обысками и арестами предполагаемыхъ вожаковъ. Въ этомъ отношеніи между министерствомъ финансовъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не было разногласій. По чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ приходилось считаться съ невозможностью, по обстоятельствамъ времени, принять острыя репрессивныя мѣры противъ рабочей массы, бастовавшей съ поразившей общественное мнѣніе выдержкою, дисциплиной и спокойствіемъ. Это обстоятельство дало возможность министру финансовъ Витте воспользоваться, въ цѣляхъ закулисной бюрократической борьбы и обѣленія себя отъ упрековъ за «непорядки» въ «его» вѣдомствѣ—мнимою поблажкою, которую полицейскія власти давали будто бы забастовщикамъ. Въ своей телеграммѣ отъ 4 іюня 1896 г. къ директору департамента промышленности и торговли онъ писалъ: «Для меня эти безпорядки—не неожиданность, цѣлый годъ подбрасывали прокламаціи, и я удивляюсь, что полиція не открыла очевидно существующую шайку; я совершенно вашего мнѣнія, что никакихъ уступокъ дѣлать невозможно и опасно. Нужно всѣхъ зачинщиковъ выслать изъ города».

Однако тѣхъ мѣръ массовой репрессіи, которыхъ желалъ, повидимому, Витте, администрація, въ лицѣ петербургскаго градоначальника Клейгельса, въ полномъ объемѣ принять не рѣшилась. Необходимость возможно скорѣе положить конецъ стачкѣ заставила градоначальника расклеить 10 іюня объявленіе, въ которомъ, послѣ предупрежденія, что, пока рабочіе не станутъ на работу, «всѣ претензіи и требованія ихъ... останутся безъ всякаго разсмотрѣнія», давались и положительныя обѣщанія рабочимъ—по окончаніи забастовки, разсмотрѣть ихъ требованія. Другое заявленіе градоначальника—угроза выслать на родину всѣхъ, кто не примется за работу—осталось фактически безъ исполненія, и 15 іюня съ объявленіемъ, вполнѣ однороднымъ съ объявленіемъ петербургскаго градоначальника, былъ вынужденъ выступить и самъ министръ финансовъ. Онъ убѣждалъ рабочихъ вѣрить, что «правительству одинаково дороги, какъ дѣла фабрикантовъ, такъ и рабочихъ», что правительство заботится объ улучшеніи ихъ (рабочихъ) быта и облегченіи ихъ работы», и, совѣтуя рабочимъ «не слушать подстрекателей», не бастовать, «долгъ свой выполнять по закону и жить по правдѣ Божіей», заявлялъ, что въ этомъ случаѣ о нихъ «будетъ заботиться царское правительство».

Среди рабочихъ была распространена вѣсть о томъ, что правительство сократитъ закономъ рабочій день, и стачка постепенно замерла. Однако дѣйствія и министерства финансовъ, и министерства внутреннихъ дѣлъ, ихъ открытое вмѣшательство въ ходъ забастовки, и самый смыслъ ихъ объявленій подчеркнули въ глазахъ всѣхъ политическое значеніе выступленія рабочаго класса. И послѣднее правительственное сообщеніе (19 іюля) о петербургской стачкѣ старалось затушевать этотъ фактъ и представить стачку, какъ актъ, не выходящій за предѣлы экономическихъ отношеній между хозяевами и рабочими. Объявленіе Витте выставляло соціалъ-демократовъ изъ «Союза борьбы» «подстрекателями» къ забастовкѣ; — нравительственное сообщеніе, напротивъ, говорило о нихъ, какъ о «злонамѣренныхъ личностяхъ», которыя «пытались воспользоваться *уже совершившимися стачками*, съ цѣлью придать имъ преступный политическій характеръ». Но при такой постановкѣ вопроса, выдвигались на первый планъ стихійныя, экономическія причины забастовокъ, и разрушалась въ корнѣ теорія особыхъ, «патріархальныхъ» отношеній между рабочими и хозяевами на русской фабрикѣ. И уже «Особое совѣщаніе по выясненію причинъ происшедшихъ на петербургскихъ фабрикахъ волненій», образованное при министерствѣ финансовъ немедленно послѣ забастовки, пришло къ заключенію, что «какъ бы сурово ни были подавлены нынѣшнія стачки, едва ли можно разсчитывать, что спокойствіе на фабрикахъ водворится на сколько-нибудь продолжительное время; безпокойный элементъ народится вновь: его немедленно создаетъ оставшаяся нетронутой наличность все тѣхъ же суровыхъ условій, которыя создали изъ рабочихъ столь воспріимчивую почву для зловредныхъ теченій.. Единственно, что могло бы успокоить умы, это—устранить почву».

«Устранить почву» — въ данныхъ условіяхъ, значило издать законъ о сокращеніи рабочаго дня. И вопросъ о такомъ законѣ сталъ на очередь. Но изданіе его затянулось, и единственнымъ общимъ мѣропріятіемъ правительства

въ области рабочей политики было, въ 1896 году, распространеніе фабричной инспекціи еще на 8 губерній [1]).

Въ январѣ 1897 г. снова вспыхнула забастовка ткачей въ Петербургѣ, къ которой, на этотъ разъ, примкнула и часть заводскихъ рабочихъ. Спѣшно созванная комиссія, съ участіемъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, высказалась за то, чтобы теперь же, не дожидаясь конца стачки, сдѣлать частичныя уступки рабочимъ, въ смыслѣ сокращенія рабочаго времени, причемъ за уступки стояли, главнымъ образомъ, представители болѣе крупныхъ промышленныхъ заведеній [2]). Министръ финансовъ, съ своей стороны, также заявилъ въ комиссіи: «Правительство рѣшило отступиться отъ лѣтней политики неуступокъ и возложить оныя на добрую волю фабрикантовъ». Въ бесѣдахъ съ рабочими фабричные инспектора опредѣленно обѣщали изданіе общаго закона къ веснѣ.

По окончаніи стачки, правительство, дѣйствительно, приступило къ составленію закона о сокращеніи рабочаго дня. Въ совѣщаніи по этому вопросу (съ участіемъ фабрикантовъ и заводчиковъ) намѣтились опредѣленно двѣ тенденціи правительственной рабочей политики, давшія себя знать еще въ самомъ ходѣ забастовки 1896 года.

Обѣ онѣ сходились въ своей цѣли—остановить или, по крайней мѣрѣ, задержать развитіе рабочаго движенія, даже въ формѣ чисто-экономической, стачечной борьбы. Но при этомъ представители министерства внутреннихъ дѣлъ, заранѣе учитывая политическое значеніе рабочаго движенія въ Россіи, всѣ усилія направляли на *предупрежденіе* самаго возникновенія стачекъ и въ этихъ цѣляхъ, наряду съ усиленіемъ мѣръ полицейскаго надзора и полицейской репрессіи, готовы были и къ вмѣшательству во внутренній распорядокъ фабрикъ и заводовъ, и даже къ нѣкоторому нарушенію интересовъ промышленниковъ тамъ, гдѣ эти интересы слишкомъ рѣзко сталкивались съ интересами «умиротворенія» [3]).

---

[1]) Чтобы покончить съ вопросомъ о распространеніи фабричной инспекціи, скажемъ тутъ же, что въ 1897 году она была введена во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ 1899 году—въ Бакинской губерніи, въ 1901 г.—въ Черноморской, Тифлисской, и Кутаисской. Мотивъ распространенія инспекціи въ „Отчетѣ по дѣлопроизводству Государственнаго совѣта за сессію 1901—902 гг. выясненъ такъ: „Въ 1901 г. волненія между рабочими приняли еще болѣе обостренную форму и сопровождались усиленною пропагандой соціалъ-демократическаго характера. Необходимо было устранить благодарную почву для этой пропаганды среди недовольныхъ элементовъ рабочаго класса, а администрація не имѣла возможности слѣдить, какъ слѣдуетъ, ни за упорядоченіемъ рабочаго вопроса, ни, тѣмъ болѣе, за пропагандою, при отсутствіи въ Тифлисѣ сыскной полиціи, адреснаго стола и института дворниковъ. Эти прискорбныя явленія убѣждали въ неотложной необходимости приступить къ упорядоченію рабочаго вопроса, что, въ свою очередь, могло быть достигнуто лишь возможно скорымъ введеніемъ здѣсь фабричной инспекціи, органа, призваннаго вѣдать, спеціально, рабочій вопросъ".

[2]) Лодзинскіе и петербургскіе фабриканты уже раньше въ 80-хъ гг.—поднимали вопросъ о сокращеніи рабочаго времени, но наткнулись—наряду съ противодѣйствіемъ промышленниковъ отсталыхъ районовъ—и на противодѣйствіе правительства.

[3]) Такъ, вице-директоръ хоз. деп. мин. вн. дѣлъ С. Г. Щегловитовъ и вице-директоръ деп. полиціи Г. К. Семякинъ, исходя изъ положенія, что „если ра-

Напротивъ, представители министерства финансовъ, дѣйствовавшіе въ духѣ общей политики этого министерства и подъ прямымъ вліяніемъ торгово-промышленныхъ сферъ, упорно отстаивали интересы фабрикантовъ, стремились свести къ минимуму уступки, дѣлаемыя рабочимъ и настойчиво рекомендовали примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ рабочей политики, эти двѣ тенденціи проявлялись очень ясно и подчасъ рѣзко сталкивались между собою.

2 іюня 1897 года все же былъ опубликованъ новый законъ о нормировкѣ рабочаго времени подростковъ и взрослыхъ. Этотъ законъ установилъ рабочій день въ 11½ часовъ, а для дней предпраздничныхъ—въ 10 часовъ, запретилъ ночную работу и ввелъ нѣкоторыя ограниченія въ пользованіе сверхъурочными работами, причемъ однако никакихъ каръ за нарушеніе закона предусмотрѣно не было.

Но, подъ вліяніемъ ухудшившагося положенія промышленности, стачечное движеніе начало затихать и все чаще приводить къ неудачамъ для рабочихъ. Рабочее законодательство не только перестаетъ подвигаться впередъ, но инструкціей и правилами 2 сентября 1897 года по примѣненію закона 2 іюля берется, фактически, назадъ большая часть льготъ (особенно по отношенію сверхъ-урочныхъ работъ), только что дарованныхъ рабочимъ новымъ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ дѣйствіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ выступаетъ на первый планъ стремленіе, усиленіемъ полицейскаго надзора и угрозами репрессіи, предотвратить возобновленіе забастовочнаго движенія. Этому вопросу посвященъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 12 августа 1897 г. Циркуляръ этотъ, указывая на роль, которую играли въ развитіи забастовокъ соціалъ-демократическія организаціи и подчеркивая важность искорененія въ рабочихъ вѣры въ цѣлесообразность забастовокъ, предлагалъ губернаторамъ, на случай стачекъ, цѣлую систему мѣропріятій: согласованіе дѣятельности фабричной инспекціи съ дѣятельностью жандармеріи, полиціи и прокурорскаго надзора, немедленный арестъ интеллигентовъ, поддерживающихъ сношенія съ рабочими, и зачинщиковъ забастовокъ; высылку на родину забастовщиковъ, даже прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ (предупрежденіе за 2 недѣли) и направленіе всѣхъ дѣлъ въ порядкѣ охраны. Послѣдняя мѣра мотивировалась тѣмъ, что часто въ этихъ дѣлахъ отсутствуютъ всѣ признаки преступленія, а, кромѣ того, слѣдователи оставляютъ обвиняемыхъ на свободѣ. Но, кромѣ всѣхъ этихъ указаній, циркуляръ рекомендовалъ также устранять, «по возможности», поводы къ неудовольствіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе имѣютъ основаніе жаловаться на притѣсненія и несправедливости фабрикантовъ и фабричной администраціи.

Этотъ циркуляръ сталъ на ближайшее время программой дѣйствій мин.

бочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ",—стояли за полное воспрещеніе сверхъ-урочныхъ работъ, за уменьшеніе числа изъятій изъ дѣйствія новаго закона, за закрѣпленіе минимума заработной платы и т. п.

вн. дѣлъ въ области рабочей политики. Толпы рабочихъ, высланныхъ за участіе въ забастовкахъ, въ охранномъ порядкѣ, [1]) потянулись «на мѣста приписки» въ сѣверныя губерніи и Сибирь. Губернаторы и полиція стали активно вмѣшиваться въ ходъ забастовокъ. Смотря по обстановкѣ они то запрещали фабрикантамъ дѣлать уступки бастующимъ рабочимъ, то, наоборотъ, заставляли дѣлать ихъ, въ цѣляхъ «умиротворенія». Во многихъ случаяхъ промышленники охотно шли навстрѣчу этому вмѣшательству, въ особенности, когда дѣло шло объ отказѣ рабочимъ въ какихъ бы то ни было уступкахъ. Но очень скоро обнаружилось, что ходъ промышленной жизни далеко не всегда совпадаетъ съ видами представителей министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣшательство чиновъ полиціи въ экономическую борьбу приводило къ страшной неурядицѣ, иногда безъ нужды затягивало теченіе стачекъ, иногда, наоборотъ, какъ казалось фабрикантамъ, заставляло ихъ идти на такія уступки, какихъ рабочіе, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, не добились бы. Въ министерство финансовъ начали поступать жалобы промышленниковъ на вмѣшательство полиціи во внутренніе фабричные распорядки.

Въ принципѣ, министръ финансовъ былъ, насчетъ направленія рабочей политики, вполнѣ солидаренъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и, въ письмѣ отъ 31 октября 1897 г., высказалъ эту свою солидарность съ циркуляромъ 12 августа, опротестовавъ лишь способъ его изданія—безъ предварительнаго соглашенія съ мин. финансовъ—и указавъ на неудобство высылки на родину рабочихъ, прекратившихъ работу «съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ».

По отношенію къ рабочимъ чины фабричной инспекціи дѣйствовали въ томъ же самомъ полицейскомъ духѣ, какъ и чины министерства внутреннихъ дѣлъ: они грозили рабочимъ карами за забастовки, отказывались входить въ переговоры, пока рабочіе не встанутъ на работу, настаивали на привлеченіи забастовщиковъ къ отвѣтственности, указывали жандармской власти «опасные элементы», опознавали въ охранныхъ отдѣленіяхъ «зачинщиковъ», требовали примѣненія мѣръ противъ газетъ, писавшихъ о рабочемъ вопросѣ въ неподобающемъ, по мнѣнію инспекціи, духѣ и т. д., и т. д. (см. Озеровъ, «Рабочая политика» и т. д.).

Но, по отношенію къ фабрикантамъ и заводчикамъ, фабричные инспектора вынуждены были занимать нѣсколько иную позицію, чѣмъ чины министерства внутреннихъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, руководимое исключительно соображеніями объ охраненіи государственной безопасности и спокойствія, готово было не останавливаться передъ примѣненіемъ мѣръ воздѣйствія и по отношенію къ фабрикантамъ, тамъ министерство финансовъ, тѣсно связанное съ торгово-промышленными сферами, было сугубо осторожно и отстаивало хозяевъ фабрикъ и заводовъ отъ вмѣшательства полицейской власти. Междувѣдомственный антагонизмъ, намѣтившійся уже въ совѣщаніи, вырабатывавшемъ законъ 2 іюня, давалъ себя знать.

Онъ сказался и въ комиссіи, составленной въ 1898 году, подъ предсѣда-

---

[1]) Вскорѣ, въ силу министерскаго циркуляра, они были приравнены къ лицамъ, высылаемымъ за „порочное поведеніе".

тельствомъ Побѣдоносцева, для обсужденія доклада жандармскаго генерала Пантелѣева, лично объѣхавшаго, для выясненія причинъ стачекъ, губерніи Ярославскую, Костромскую и Владимірскую. Докладъ констатировалъ крайне бѣдственное положеніе рабочихъ и настаивалъ, съ одной стороны, на необходимости заботъ объ увеличеніи заработка рабочихъ, санитарныхъ улучшеніяхъ и культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ, а, съ другой—на учрежденіи вооруженной фабричной полиціи и передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Министерство финансовъ въ своей запискѣ, составленной В. И. Ковалевскимъ (23 іюня 1898 г.), высмѣяло докладъ генерала Пантелѣева и въ совѣщаніи, въ которомъ участвовали Горемыкинъ, Витте, Муравьевъ и Ермоловъ, мнѣніе министерства финансовъ возобладало. Совѣщаніе рѣшило, что «изображенное въ запискѣ положеніе рабочихъ, какъ исключительно тягостное во всѣхъ отношеніяхъ, въ общемъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности... Едва ли можно признать произвольное заключеніе, что требуется немедленное принятіе чрезвычайныхъ мѣропріятій для улучшенія ихъ (рабочихъ) быта. Мѣропріятія необходимы, но лишь тогда, когда это будетъ признано своевременнымъ по общегосударственнымъ соображеніямъ, но отнюдь не ради умиротворенія страстей, возбужденныхъ агитаціей».

Министерство внутреннихъ дѣлъ не оставило однако своего стремленія къ учрежденію фабричной полиціи, тѣмъ болѣе, что военный министръ, генералъ Ванновскій, указывалъ на неудобства давать войска для усмиренія безпорядковъ, особенно лѣтомъ, такъ какъ это служитъ въ ущербъ ихъ боевой подготовкѣ. Въ запискѣ департамента полиціи отъ 27 октября 1898 г. вопросъ о фабричной полиціи былъ снова поднятъ, и министерство финансовъ пошло въ этомъ отношеніи на уступки. Было рѣшено, что необходимъ 1 городовой на 250 рабочихъ (мужчинъ или женщинъ, живущихъ на фабрикѣ или внѣ ея—безразлично) и 1 надзиратель на 3.000.

1 февраля 1899 года было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго совѣта объ усиленіи полиціи при фабрикахъ и заводахъ. Законъ этотъ вызвалъ цѣлый рядъ жалобъ со стороны фабрикантовъ. Рабочіе были тоже крайне недовольны имъ. Министерство финансовъ заявляло, что было введено въ заблужденіе, что оно давало согласіе лишь на усиленіе полиціи въ мѣстностяхъ съ фабрично-заводскимъ производствомъ. Но, какъ бы то ни было, полиція была введена внутрь фабрикъ, ставъ, тѣмъ самымъ, постояннымъ источникомъ броженія и недовольства, какъ среди рабочихъ, такъ и среди хозяевъ...

Рабочее движеніе, въ той планомѣрной, сознательной и организованной формѣ, которую оно все больше принимало со времени петербургской стачки 1896 г., было совершенно новымъ явленіемъ русской общественности, явленіемъ, съ которымъ правительству приходилось считаться впервые. Но, наряду съ рабочимъ движеніемъ и, въ значительной степени, подъ его вліяніемъ усиливается и принимаетъ новыя формы движеніе и другихъ общественныхъ классовъ и группъ.

Такъ, вступленіе на престолъ императора Николая II послужило поводомъ къ оживленію земскаго либерализма. Но славянофильскимъ пожеланіямъ земцевъ объ уничтоженіи бюрократическаго «средостѣнія» правительство, слѣдуя тра-

диціямъ, выработаннымъ въ предшествующія эпохи, съ самаго начала дало суровый отпоръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ черезъ губернатора Тверское земское собраніе, что «не счелъ себя въ правѣ повергнуть къ стопамъ Его Величества адресъ Тверского земства», и что на докладѣ его по этому поводу была положена такая Высочайшая резолюція: «Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія». Чтобы пресѣчь въ корнѣ распространившіяся въ земской средѣ, въ связи съ перемѣной царствованія, упованія, императоръ, принимая 17 января 1895 г. представителей дворянства, земствъ и городовъ [1]), между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный, покойный Родитель».

Эта твердая позиція правительства непосредственной реакціи со стороны земскихъ круговъ не вызвала. Она сказалась, несомнѣнно, на дальнѣйшей эволюціи земскаго либерализма, но, пока что, въ ожиданіи благопріятнаго момента, земства какъ будто замерли, и правительство имѣло возможность продолжать по отношенію къ земскому самоуправленію ту же политику урѣзыванія самостоятельности и усиленія административнаго воздѣйствія, которую мы обрисовали выше. Исключеніемъ была лишь состоявшаяся 1 іюля 1895 г. отсрочка введенія новаго лечебнаго устава, который оказался рѣшительно непригоднымъ и, при самомъ опубликованіи своемъ, вызвалъ единодушный протестъ земствъ [2]).

Рядъ земскихъ ходатайствъ—какъ напр., объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, по крайней мѣрѣ, для окончившихъ курсъ земской школы,—оставлялся безъ удовлетворенія, земскія ассигновки на народное образованіе опротестовывались губернаторами, съ обсужденія земскихъ собраній предсѣдателями снимались, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, вопросы о мелкой земской единицѣ, тѣлесныхъ наказаніяхъ и т. п. Важнѣйшими законодательными актами этой эпохи, по отношенію къ земствамъ, были: изданный по иниціативѣ министерства финансовъ (и вопреки мнѣнію большинства членовъ Государственнаго Совѣта) законъ 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія, по которому ежегодная надбавка къ обложенію недвижимыхъ имуществъ не могла превышать 3%, и временныя правила 12 іюня 1900 г. (ставшія съ 1 января 1901 г. закономъ) о постановкѣ продовольственнаго дѣла. Этими правилами продовольственное дѣло было, въ сущности, изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ руки администраціи.

Непрерывные неурожаи, охватывавшіе годъ за годомъ обширныя площади страны, заставили поставить на очередь продовольственный вопросъ, и мы ви-

---

[1]) Двоимъ изъ трехъ депутатовъ Тверского губ. собранія—Родичеву и Головачеву было отказано въ допущеніи на пріемъ.

[2]) Впослѣдствіи то же самое повторилось съ ветеринарно-полицейскими правилами 12 іюня 1902 года, которыя уже въ слѣдующемъ году должны были подвергнуться измѣненію.

дѣли выше, въ какомъ духѣ рѣшило его правительство. Но не только продовольственное дѣло, но и непосредственную помощь голодающему населенію, сборъ пожертвованій, организацію общественныхъ работъ — все это правительство старалось сосредоточить въ своихъ рукахъ, возложивъ въ 1898 году всѣ работы по этой части на Красный Крестъ. Какъ говорилъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа 1901 года, стѣсненія частной и общественной помощи голодающимъ вызывались тѣмъ, что за это дѣло брались нерѣдко «лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ».

Тѣ же неурожаи и растущее разореніе крестьянской массы заставили правительство дать крестьянамъ рядъ податныхъ льготъ, очень быстро, впрочемъ, уравновѣшиваемыхъ повышеніемъ косвенныхъ налоговъ. Манифестъ 14 ноября 1894 года понизилъ процентъ на ссуды изъ крестьянскаго банка и сложилъ часть долговъ по продовольственнымъ ссудамъ. 13 мая 1896 года былъ изданъ законъ о пересрочкѣ выкупного долга. Манифестомъ 14 мая того же года было уменьшено, въ теченіе 10 ближайшихъ лѣтъ, на половину взиманіе государственнаго поземельнаго налога (что составило для всѣхъ 10 лѣтъ—84 мил. р.) и сложена часть недоимокъ.

Общая политика правительства по отношенію къ крестьянству осталась неизмѣнною, что и было выражено въ коронаціонной рѣчи императора, сказавшаго волостнымъ старшинамъ: «Помните слова, сказанныя Имъ (Александромъ III) при вѣнчаніи Его на царство... Я хочу, чтобы эти слова всегда служили Вамъ твердымъ руководствомъ». Въ духѣ этой политики выдержаны и тѣ немногіе законы, касающіеся крестьянства, которые были изданы въ этотъ періодъ. Такъ, 16 іюня 1895 года было Высочайше утверждено положеніе Комитета министровъ, предоставлявшее нѣкоторыя льготы товариществамъ изъ крестьянъ, при сдачѣ въ аренду казенныхъ земель. 27 ноября 1896 г. были изданы временныя правила объ операціяхъ Крестьянскаго банка и новый уставъ его, главнымъ признакомъ котораго было объединеніе управленія Крестьянскимъ и Дворянскимъ банками въ одномъ лицѣ и передача рѣшенія вопросовъ о покупкахъ земли въ руки общаго присутствія правленій Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ расширенъ кругъ операцій банка (разрѣшены ссуды не только на покупку земли, но и подъ залогъ земли, уже купленной), расширенъ кругъ лицъ, имѣющихъ право пользоваться услугами банка (мѣщане-земледѣльцы), повышенъ размѣръ ссудъ и предусмотрѣно распространеніе дѣятельности банка на всю Имперію.

Въ то же время этотъ именно періодъ былъ временемъ расцвѣта дѣятельности земскихъ начальниковъ, которые въ 1898 году (законъ 2 іюня) были введены въ 4 сибирскихъ губерніяхъ (подъ именемъ крестьянскихъ начальниковъ), а въ 1902 году—въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края.

Вообще, политика правительства по отношенію къ дворянству сохраняла тѣ же черты, что и въ предыдущую эпоху. Новыхъ законодательныхъ мѣръ почти не предпринималось, если не считать правилъ 6 мая 1896 года о ссудахъ на меліоративный кредитъ (на этотъ предметъ ассигновано въ 1896 г.— 500.000 руб.) и закона 8 іюня 1901 года о насажденіи частнаго землевладѣнія въ Сибири. Но разсматриваемый періодъ, вообще, отличается тѣмъ, что не

столько создаетъ новое законодательство, сколько используетъ на практикѣ законодательство предыдущаго періода. Дворянству былъ данъ цѣлый рядъ денежныхъ льготъ, главнымъ образомъ, путемъ пониженія %% по ссудамъ изъ Дворянскаго банка съ 4½% до 4, а впослѣдствіи и до 3½%, и разсрочкой этихъ ссудъ. 13 апрѣля 1897 года было учреждено, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комитета министровъ И. Н. Дурново, особое совѣщаніе «для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства и соображенія мѣръ, коими могли бы быть ему обезпечены способы и впредь нести исконно-вѣрную службу Престолу и Отечеству». Указомъ 28 мая 1900 года были нѣсколько измѣнены условія пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства, въ смыслѣ нѣкотораго затрудненія доступа въ дворянскую среду. Возникшія при выработкѣ этого закона пренія въ Государственномъ Совѣтѣ еще разъ вскрыли съ наглядностью сущность отношенія государственной власти къ дворянству. Всѣ проекты, стремившіеся укрѣпить обособленіе дворянства отъ бюрократіи, какъ самостоятельнаго сословія, были отвергнуты, и новый законъ исходилъ изъ мысли, что существованіе дворянства «вытекаетъ изъ самаго строя управленія государствомъ, и сословіе это является важнымъ факторомъ государственной жизни».

Такое отношеніе къ дворянству, какъ къ орудію государственной власти, очень рѣзко сказывалось и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Когда въ 1897 г., по иниціативѣ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Челокаева и тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства Петрово-Соловово, тамбовское губернское дворянское собраніе отклонило всѣ предложенія ходатайствовать о новомъ пониженіи %% по ссудамъ и другихъ льготахъ для дворянскаго землевладѣнія, это вызвало бурныя нападки «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина». Они обвиняли «Маратовъ-предводителей» въ томъ, что тѣ «повелѣли» собранію «предать уничтоженію всѣ ходатайства на имя Государя», — и оно подчинилось этому повелѣнію, «отдаливъ себя отъ другихъ дворянствъ Россіи, для которыхъ не для подачекъ, а для попеченія и заботы о нихъ, Царь считается отцомъ и покровителемъ». Когда тенденціи, подобныя тамбовскимъ, проявились и въ созванномъ въ 1897 году въ Петербургѣ совѣщаніи представителей дворянства, «Московскія Вѣдомости» требовали, чтобы дворянамъ былъ «точно и опредѣленно указанъ тотъ кругъ обязанностей, который полагаетъ возложить на нихъ правительство». Иначе, не зная своихъ обязанностей, «дворяне — совершенно естественно — не могутъ опредѣлить и того, что собственно имъ нужно въ настоящее время... Вмѣсто обсужденія *средствъ и способовъ* (исполненія своихъ обязанностей), собравшіеся въ Петербургѣ дворяне вдались въ область совершенно неподлежащаго имъ вопроса о *цѣляхъ и назначеніи* дворянства въ Россіи».

Съ этой точки зрѣнія, правительство противилось и осуществленію возникавшихъ время отъ времени проектовъ созыва «всероссійскаго дворянскаго съѣзда». Между тѣмъ, именно въ эту эпоху вопросъ объ отношеніи правительства къ дворянству значительно обострился вслѣдствіе того, что ходъ развитія соціально-экономической жизни началъ вскрывать внутреннюю противорѣчивость правительственной политики. Эта политика стремилась создать себѣ прочный базисъ и въ возрожденномъ и поставленномъ въ зависимость отъ государства дворян-

скомъ сословіи, и въ покровительствуемой торгово-промышленной буржуазіи. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вскрывался и росъ антагонизмъ между этими двумя соціальными группами. Вопросы таможенной, тарифной, податной политики становились исходными пунктами этого антагонизма, подчеркивавшаго и заставлявшаго выступать наружу противорѣчивыя тенденціи правительственной политики. И эти тенденціи, такъ сказать, персонифицировались въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, съ одной стороны, министра финансовъ, съ другой. Министерство внутреннихъ дѣлъ не было, конечно, выразителемъ сословныхъ интересовъ дворянства; но оно олицетворяло собою, преимущественно, ту тенденцію режима, которая стремилась укрѣпить полицейски-бюрократическую систему на основѣ возрожденія сословности, возстановленія служилаго значенія дворянства и т. д. Точно такъ же и министерство финансовъ не было выразителемъ классовыхъ интересовъ буржуазіи; но оно въ своемъ лицѣ представляло, преимущественно, ту тенденцію, которая сводилась къ укрѣпленію режима на «современной», торгово-промышленной основѣ. Это распредѣленіе ролей въ одной и той же политической пьесѣ стало очевиднымъ фактомъ, съ уходомъ Бунге,— которому первые шаги въ области фабричнаго законодательства и «либеральная» таможенная политика заслужили прозвище «соціалиста» и ненависть въ рядахъ промышленниковъ,—и съ вступленіемъ въ управленіе финансами Вышнеградскаго и, особенно, Витте. И въ связи съ ничтожнымъ, по существу, вопросомъ о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ земскія повинности въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ 1898—99 гг. возникла даже цѣлая полемика «записками» между министромъ вн. дѣлъ Горемыкинымъ и Витте. Полемика эта, однимъ изъ актовъ которой была извѣстная записка Витте, очень наглядно показала противорѣчіе между двумя тенденціями правительственной политики и закончилась уходомъ Горемыкина въ отставку.

Это была эпоха, когда, подъ вліяніемъ промышленнаго расцвѣта 90-хъ годовъ, купечество, встрѣчавшее царя на Нижегородской выставкѣ, въ горделивомъ упоеніи, восклицало въ своемъ органѣ «Волгарь»: «Въ то время, какъ многія сословія, въ силу измѣнившихся соціальныхъ сторонъ жизни, не могутъ нынѣ, какъ во время былой старины, проявить свою силу и положеніе въ развитіи производительности народной, купечество, достаточно окрѣпнувшее въ своихъ спеціальныхъ условіяхъ, является именно тѣмъ оплотомъ, на который вправѣ разсчитывать государство». И въ то же время, использовать этотъ «оплотъ» для своихъ цѣлей было для правительства необходимо, въ интересахъ его финансовой политики. Мы не можемъ останавливаться здѣсь подробнѣе на этой политикѣ; основныя черты ея достаточно извѣстны: накопленіе «свободной наличности», покровительственныя пошлины, усиленное желѣзно-дорожное строительство, и, въ то же время, стягиваніе въ руки правительства всѣхъ нитей, двигающихъ торгово-промышленную жизнь, какъ путемъ банковской политики, такъ и непосредственнымъ принятіемъ въ вѣдѣніе казны различныхъ отраслей народнаго хозяйства (винная монополія, переходъ въ казну желѣзныхъ дорогъ и т. п.). Въ эту же сторону толкали правительство и потребности, связанныя съ внѣшней политикой, какъ ассигнованіе 90.000.000 руб. на постройку флота (24 февр. 1898 г.), постройка Сибирской ж. дороги, къ которой было приступлено въ

1894 г., участіе Россіи въ восточно-китайскихъ дѣлахъ, приведшее въ 1900 г. къ походу на Пекинъ, занятію Манджуріи, по территоріи которой была проложена русская желѣзная дорога, къ «арендованію» на 99 лѣтъ Портъ-Артура и т. п. Все это создало особую близость бюрократіи къ торгово-промышленнымъ кругамъ и дало на время преобладаніе той тенденціи правительственной политики, представителемъ которой былъ Витте.

Мы уже видѣли характерныя черты этой тенденціи при разборѣ вопроса о рабочей политикѣ правительства. Онѣ же высказывались открыто во всеподданнѣйшихъ докладахъ о государственной росписи, проводились въ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ стѣсненію самостоятельности дворянскихъ земствъ. И, какъ разсужденія министра вн. дѣлъ, въ его полемикѣ съ министромъ финансовъ, принимали подчасъ оттѣнокъ рабочелюбія или охраненія самостоятельности земскаго самоуправленія, такъ и министерство финансовъ использовало въ своихъ цѣляхъ нѣкоторые народническіе элементы и, напр., борясь противъ стремленій землевладѣльцевъ къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, поручило народническимъ писателямъ, подъ редакціею проф. Чупрова и Посникова, написать извѣстную книгу «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства». Съ другой стороны, то же министерство финансовъ, въ интересахъ оправданія своей политики покровительства торговцамъ и промышленникамъ, въ ущербъ землевладѣльцамъ, не прочь было опереться и на результаты марксистскаго анализа русской экономической дѣйствительности, приводившіе къ признанію неизбѣжности капиталистическаго развитія Россіи.

Противъ значительной части землевладѣльческаго дворянства и противъ мнѣнія Гос. совѣта, въ большинствѣ своемъ представлявшаго, преимущественно, другую тенденцію правительственной политики, была цѣлымъ рядомъ частичныхъ Высочайшихъ указовъ произведена и къ ноябрю 1897 года закончена и важнѣйшая финансовая реформа этой эпохи— девальваціа кредитнаго рубля и переходъ къ золотому обращенію.

Наибольшее оживленіе внесъ разсматриваемый періодъ въ дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія. Причиною тому были—непрекращавшіеся съ 1894—95 гг. безпорядки и волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правительство отвѣчало репрессіями и, послѣ студенческой демонстраціи 18 ноября 1897 года (полугодовщины Ходынской катастрофы), на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, было подвергнуто арестамъ и различнымъ наказаніямъ 711 студентовъ. Но волненія не прекращались, и 20 февраля 1899 г. бывшему военному министру ген. Ванновскому было дано порученіе разслѣдовать причины безпорядковъ. Однако и это разслѣдованіе привело лишь къ новымъ мѣрамъ репрессіи. 5 іюля того же года былъ изданъ циркуляръ министра нар. просвѣщенія, затруднявшій вступленіе лицъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія въ одномъ округѣ, въ университеты другихъ округовъ, чѣмъ имѣлось въ виду уменьшить приливъ молодежи въ столичные города. 10 іюня всѣ студенты, принимавшіе участіе въ безпорядкахъ, были подвергнуты различнымъ наказаніямъ и раздѣлены на категоріи, одной изъ которыхъ былъ окончательно закрытъ обратный доступъ въ университеты. Наконецъ, 29 іюля были изданы, а въ

слѣдующемъ году примѣнены на дѣлѣ, возбудившія негодованіе правила о сдачѣ въ солдаты студентовъ, виновныхъ въ участіи въ безпорядкахъ.

Національная политика, несмотря на нѣкоторыя, не приведшія къ замѣтнымъ результатамъ, попытки сближенія съ поляками [1]), осталась безъ измѣненія, но всею своею тяжестью обрушилась въ этотъ періодъ, главнымъ образомъ, на Финляндію. Съ назначеніемъ Бобрикова генералъ-губернаторомъ (17 авг. 1898 г.), началась эра усиленной «руссификаціи» Великаго княжества. Финляндскимъ статсъ-секретаремъ былъ назначенъ В. К. Плеве. 3 февраля 1899 года особымъ манифестомъ были установлены новыя правила для изданія законовъ, касающихся Имперіи, со включеніемъ Финляндіи, и въ томъ же году было учреждено при финлянд. ген.-губернаторѣ особое совѣщаніе по дѣламъ печати, не замедлившее обрушиться репрессіями на финляндскую прессу. Депутація въ 600 чел., отправленная финляндцами въ Петербургъ, не была принята.

9 декабря 1899 г. были высочайшимъ повелѣніемъ измѣнены законы о печати въ Финляндіи, а тронная рѣчь, прочитанная при открытіи очереднаго сейма 15 января 1900 года, указывая на раздававшіяся въ странѣ нежелательныя сужденія, предупреждала, что «повтореніе ихъ поселитъ сомнѣніе относительно соотвѣтствія сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ». Въ томъ же году были приняты мѣры къ ограниченію начавшагося въ Финляндіи эмиграціоннаго движенія, сдѣланъ рядъ распоряженій объ объединеніи финляндской почты съ русскою, введенъ русскій языкъ въ финляндское дѣлопроизводство, изданъ указъ о стѣсненіи свободы собраній и принятъ рядъ мѣръ противъ финляндской печати. Манифестомъ 29 іюня 1901 года былъ введенъ не получившій одобренія сейма новый уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, уничтожавшій финляндскія войска. Наконецъ, агитація въ Финляндіи противъ этого манифеста и новаго устава о воинской повинности послужила поводомъ къ повелѣнію: «при замѣщеніи въ краѣ должностей, облеченныхъ монаршимъ довѣріемъ, при отсутствіи соотвѣтствующихъ кандидатовъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, назначать на таковыя должности уроженцевъ Имперіи».

Преслѣдованія сектантовъ достигли въ это время своего апогея и доходили до отбиранія у нихъ дѣтей (у молоканъ, въ Бузулукскомъ у. Самарской губ. и у шелапутовъ въ Мелитопольскомъ у. Таврической губ., въ 1897 г.). За отказъ отъ отбыванія воинской повинности было рѣшено ссылать сектантовъ въ Якутскую область, на 18 лѣтъ. Эта политика привела, въ концѣ концовъ, къ выселенію 3.000 кавказскихъ духоборовъ въ Канаду (въ 1898 г.) и, позже, въ сентябрѣ 1901 г., къ извѣстнымъ волненіямъ сектантовъ въ с. Павловкахъ,

---

[1]) 27 марта 1897 г. былъ отмѣненъ сборъ съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ 9 западныхъ губ., установленный въ видѣ кары за возстаніе 1863 г. 25 іюня 1897 г. отмѣнено обязательное посѣщеніе учениками-иновѣрцами православнаго богослуженія въ табельные дни. 30 марта 1898 г. учреждено совѣщаніе при Варшавскомъ ген.-губернаторѣ, съ предоставленіемъ ему права приглашать въ это совѣщаніе свѣдущихъ лицъ. Но уже 26 мая 1900 г. были введены новыя кары за тайное обученіе въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Сумского у., Харьковской губ., явившимся какъ бы предвѣстникомъ грядущихъ крестьянскихъ волненій.

Накоплялся цѣлый рядъ тревожныхъ симптомовъ. Наряду съ рабочими стачками, дававшими почву для политической агитаціи и иногда переходившими въ вооруженныя столкновенія съ войсками и полиціей (Рига, май 1899 г.), студенческими безпорядками, оформленіемъ земской оппозиціи, ростомъ сектантскаго движенія, движенія на окраинахъ, погромами [1]), внѣшними затрудненіями, связанными съ участіемъ въ дальне-восточныхъ дѣлахъ, начиналось постепенно и широкое движеніе въ рядахъ разночинной интеллигенціи—городской и земской, такъ назыв. «третьяго элемента». Эта интеллигенція цѣплялась за всѣ легальныя позиціи, которыя давала ей русская дѣйствительность: земскія учрежденія, статистика, организаціи промышленниковъ, ученыя общества, съѣзды и т. д.—все это служило ей опорными пунктами для сплоченія и политической пропаганды. Правительство шло по пятамъ за нею въ ея попыткахъ создать себѣ опорные пункты, запрещало съѣзды, затрудняло доступъ къ земской службѣ, закрывало научныя и образовательныя общества [2]). При такомъ напорѣ общественныхъ силъ, малѣйшее ослабленіе возжей въ какой бы-то ни было области правительственной политики немедленно вело къ тому, что для движенія создавался новый организаціонный базисъ. И правительству не оставалось ничего иного, какъ идти по проторенному уже пути «укрѣпленія власти».

Въ этомъ духѣ былъ, къ 1899 году, законченъ, начатый въ 1894 г., пересмотръ дѣйствующаго судопроизводства и судоустройства. По внѣшности, всѣ учрежденія, созданныя судебными уставами, остались нетронутыми. 15 мая 1896 г. дѣйствіе этихъ уставовъ (но безъ суда присяжныхъ) было даже распространено—на Сибирь. Закономъ 2 февраля судъ присяжныхъ былъ введенъ въ губерніяхъ Олонецкой, Оренбургской, Уфимской и Астраханской. Но, какъ сказалъ министръ юстиціи въ своей рѣчи, привѣтствовавшей окончаніе работъ судебной комиссіи, «по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія и ограниченія», которыя не позволили бы жизни «подтачивать высшія правовыя нормы». Въ суммѣ своей, эти «изъятія и ограниченія» закончили согласованіе судебной части со всѣмъ государственнымъ строемъ.

Въ области управленія, главнымъ признакомъ даннаго періода было усиленное использованіе положенія объ охранѣ, и 25 февраля 1900 г. была даже учреждена и занята П. Н. Дурново должность 3-го товарища министра вн. дѣлъ съ спеціальной миссіей вѣдать вопросы объ охранѣ государственнаго порядка и

---

[1]) За это время были погромы: въ Шпалѣ (февр. 1897 г.), Николаевѣ (апр. 1899 г.), Одессѣ (іюль 1901 г.). Кромѣ того, въ 1900 г. произошелъ погромъ въ Константиновкѣ Донецкаго окр., произведенный рабочими стеклянныхъ заводовъ и направленный противъ бельгійскихъ мастеровъ.

[2]) Такъ, были взяты въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія Комитеты грамотности, состоявшіе при СПБ. Вольно-Экономическомъ о-вѣ и Моск. общ. сельск. хозяйства (17 ноября 1895 г.), закрыто Моск. юрид. о-во (1899 г.), измѣненъ уставъ В.-Эк. об-ва (1900 г.) и т. д.

спокойствія. Исключительное положеніе распространялось на все большее количество мѣстностей, и генералъ-губернаторы, губернаторы и градоначальники широко пользовались предоставленными имъ полномочіями, распространяя ихъ и на дѣла, ничего политическаго въ себѣ не имѣющія.

Одно изъ такихъ дѣлъ (о высылкѣ петербургскимъ градоначальникомъ купца Келлера) доходило въ 1895 г. до Гос. совѣта, который и рѣшилъ, что предоставляемая положеніемъ объ охранѣ дискреціонная власть распространяется исключительно на дѣла политическія, и что жалобы на неправильныя дѣйствія ген.-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ должны быть приносимы не министру вн. дѣлъ, а въ сенатъ. Но Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря 1895 г. этотъ вопросъ былъ рѣшенъ какъ разъ въ обратномъ смыслѣ: подъ дѣйствіе дискреціонной власти были подведены и лица «порочнаго поведенія», жалобы же велѣно было приносить не сенату, а министру вн. дѣлъ.

Вообще, судебное преслѣдованіе высшихъ должностныхъ лицъ окончательно прекращается. Дѣло министра путей сообщенія Кривошеина, уличеннаго въ хищеніяхъ, кончается увольненіемъ отъ службы (1895 г.). Дѣло о ходынской катастрофѣ, такъ сильно взволновавшее широкіе круги общества и народа, заканчивается увольненіемъ безъ прошенія одного лишь московскаго оберъ-полиціймейстера (указъ 15 іюля 1896 г.). Наконецъ, Выс. утвержденнымъ мнѣніемъ Гос. совѣта 26 мая 1897 г., повелѣно опредѣленія сената о назначеніи надъ губернаторами слѣдствія, о преданіи ихъ суду и временномъ устраненіи или совершенномъ удаленіи ихъ отъ должности приводить въ исполненіе не иначе, какъ по испрошеніи на то, черезъ комитетъ министровъ, Высочайшаго разрѣшенія.

Подъ покровомъ чрезвычайныхъ полномочій и фактической безотвѣтственности, совершается мѣстными властями рядъ произвольныхъ дѣйствій. Извѣстія о нихъ, падая въ возбужденную общественную атмосферу, служатъ источникомъ волненія и агитаціи. Преслѣдованія прессы приводили къ сильному развитію заграничной и подпольной печати и, напр., за время съ 1895 до 1900 года, было арестовано департаментомъ полиціи 16 тайныхъ типографій.

Въ то же время колоссально возросло число лицъ, подвергаемыхъ административному заключенію въ тюрьмѣ и ссылкѣ въ отдаленныя губерніи и въ Сибирь. Законъ 10 іюля 1900 г. объ отмѣнѣ и ограниченіи различныхъ видовъ ссылки, уменьшивъ число ссылаемыхъ по суду, не оказалъ никакого вліянія на число административныхъ ссыльныхъ, которое непрерывно росло. Вотъ оффиціальныя данныя по этому вопросу, причемъ необходимо замѣтить, что въ таблицу не вошли дѣла, разрѣшенныя въ «охранномъ порядкѣ» (къ которымъ, напр., въ силу циркуляра 12 авг. 1897 г. слѣдуетъ причислить всѣ стачечныя дѣла), а также высылки на родину, аресты и штрафы, налагаемые мѣстными властями.

* * *

Таблица I.

Годы.	Число поступившихъ въ министерство юстиціи формальныхъ дознаній.	Число привлеченныхъ къ этимъ дѣламъ лицъ.	Число дознаній, разрѣшенныхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ.	Число привлеченныхъ къ этимъ дознаніямъ лицъ.	Число лицъ, понесшихъ по Высочайшимъ повелѣніямъ взысканіе.	Число дознаній, переданныхъ на военный судъ.	Число привлеченныхъ по этимъ послѣднимъ дознаніямъ лицъ.	Число дознаній, пріостановленныхъ и прекращенныхъ.	Число привлеченныхъ къ прекращеннымъ дознаніямъ лицъ.
1894 . .	158	919	56	559	366	3	3	61	120
1895 . .	259	944	90	623	367	2	2	175	407
1896 . .	309	1.668	67	561	345	3	4	180	335
1897 . .	289	1.427	122	1.474	1.051	4	11	180	499
1898 . .	257	1.144	149	1.004	706	1	1	108	135
1899 . .	338	1.884	166	1.325	866	2	4	156	82
1900 . .	384	1.580	144	1.363	919	4	10	119	162
1901 . .	500	1.784	250	1.238	914	1	3	197	310
1902 . .	1.503[1])	3.744[1])	347	1.678	1.147	5	5	364	303
1903 . .	1.988[2])	5.590[2])	1.522	6.405	4.867	10	45	791	429

Таблица II.

Годы.	Выслано иностранцевъ безвозвратно заграницу.	Выслано въ Сибирь.	Выслано въ отдаленныя не-сибирскія губерніи.	Подчинено гласному надзору полиціи.	Подвергнуто: Тюремному заключенію.	Подвергнуто: Аресту.
1894	5	21	34	244	156	29
1895	6	42	66	219	104	20
1896	1	53	42	218	105	16
1897	11	117	79	767	148	92
1898	2	47	119	340	162	88
1899	11	49	105	308	108	195
1900	9	49	85	618	57	102
1901	1	38	51	486	203	141
1902	10	115	77	193	362	217
1903	31	910	592	1.268	332	845

[1]) Изъ сего числа 3 дѣла о 38 лицахъ переданы на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. судопроизводства.

[2]) Изъ этого числа 12 дѣлъ о 28 лицахъ передано на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. судопроизводства.

Съ 1901 года, съ начала массоваго движенія, исторія государственной власти въ Россіи пріобрѣтаетъ драматическій характеръ. Въ лихорадочной смѣнѣ событій правительство едва успѣваетъ реагировать на всѣ наносимые ему удары, на всѣ проявленія народной и общественной самодѣятельности, и въ нашемъ краткомъ обзорѣ мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности не только прослѣдить всѣ зигзаги правительственной политики, но даже сколько-нибудь полно зарегистрировать всѣ характерные акты ея.

На самомъ порогѣ 1901 года правительству пришлось встрѣтиться съ новымъ и крайне бурнымъ подъемомъ студенческаго движенія, пріобрѣвшаго ярко выраженный политическій характеръ. Выстрѣлъ Карповича (14 февр. 1901 г.) послужилъ какъ бы толчкомъ, приведшимъ въ движеніе возбужденныя студенческія массы. На февральскія-мартовскія демонстраціи правительство отвѣчало репрессіей, и циркуляръ министра вн. дѣлъ отъ 12 марта рекомендовалъ примѣненіе самыхъ суровыхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ. Но броженіе принимало такіе размѣры и находило такой широкій сочувственный откликъ, что ограничиться одними репрессивными мѣрами было невозможно. Послѣ долгаго колебанія, 25 марта преемникомъ умершаго отъ ранъ (2 марта) Боголѣпова былъ назначенъ Ванновскій. Онъ получилъ порученіе «безотлагательно приступить къ коренному пересмотру и исправленію» всего учебнаго строя, въ духѣ «сердечнаго попеченія» о молодежи. Такое порученіе звучало суровымъ приговоромъ надъ всею прошлою дѣятельностью министерства нар. просвѣщенія; но мѣры, принятыя ген. Ванновскимъ, не въ состояніи были кореннымъ образомъ преобразовать университетскій строй, находившійся въ тѣсной связи со всѣмъ государственнымъ строемъ, и потому не въ состояніи были и положить конецъ студенческимъ волненіямъ. Эти мѣры сводились, главнымъ образомъ, къ смягченію нѣкоторыхъ каръ, наложенныхъ на студентовъ за участіе въ предыдущихъ безпорядкахъ. Такъ, 5 іюля 1901 г. было фактически отмѣнено дѣйствіе правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, а сами сданные были освобождены отъ дальнѣйшей службы. Въ началѣ апрѣля были разрѣшены общестуденческія сходки, на которыхъ министерство разсчитывало добиться рѣшенія студентовъ держать экзамены. Но разсчеты эти оказались неосновательными, и въ остальномъ вся дѣятельность министерства Ванновскаго выразилась лишь въ непрерывныхъ засѣданіяхъ различныхъ комиссій по преобразованію высшей и средней школы.

Не давая никакихъ положительныхъ результатовъ, эти комиссіи играли лишь ту роль, что приковывали общественное вниманіе къ вопросамъ школы и давали матерьялъ для расширенія агитаціи. Студенческіе безпорядки продолжались и привели въ 1902 г. къ массовой ссылкѣ учащейся молодежи въ Сибирь.

Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ 1901 г. студенчество уже не было изолированнымъ. Не говоря уже о томъ сочувствіи и поддержкѣ, которое оно встрѣчало въ средѣ интеллигентнаго городского общества, въ самихъ уличныхъ демонстраціяхъ приняло (въ Харьковѣ, Москвѣ, отчасти Петербургѣ) участіе значительное число рабочихъ, которые скоро взяли въ свои руки это новое орудіе борьбы.

Явно-политическій и крайне бурный характеръ новаго фазиса рабочаго движенія, на почвѣ промышленнаго кризиса, показалъ правительству недоста-

точность тѣхъ мѣръ полицейской опеки, которыми оно разсчитывало предупредить возможность новыхъ рабочихъ волненій послѣ забастовокъ середины 90-хъ годовъ. И къ 1901 г. созрѣла и получила осуществленіе въ московскихъ административныхъ кругахъ мысль о новомъ направленіи политики по отношенію къ рабочимъ,—мысль, воспринятая и министерствомъ вн. дѣлъ. Эта политика, получившая, по имени своего главнаго творца и дѣятеля, начальника московскаго охраннаго отдѣленія, названіе Зубатовской, сводилось къ тому, чтобы, признавъ рабочее движеніе фактомъ неустранимымъ, взять его организацію и руководство имъ въ свои руки и направить его по руслу, наиболѣе желательному для правительства. Главною задачей при этомъ было возможное замедленіе превращенія рабочаго движенія въ движеніе политическое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полиція разсчитывала своимъ вмѣшательствомъ въ ходъ рабочаго движенія дискредитировать революціонныхъ «вожаковъ» его и мало-по-малу, путемъ административной расправы, удалить изъ рабочей среды болѣе сознательные элементы ея. Какъ говорилъ впослѣдствіи (въ 1903 г.) директоръ департамента полиціи Зволянскій, «министерство внутр. дѣлъ допустило эти (зубатовскія) организаціи, чтобы отвлечь (рабочихъ) отъ анти-правительственной пропаганды, что и, дѣйствительно, на первыхъ порахъ имѣло мѣсто».

Собственно, мысль о новой позиціи правительства въ рабочемъ вопросѣ была не нова и, во всякомъ случаѣ, не была геніальнымъ откровеніемъ московскаго начальника охраннаго отдѣленія. Мы уже могли прослѣдить зародыши ея въ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ къ рабочему движенію середины 90-хъ гг. и вопросамъ, связаннымъ съ этимъ движеніемъ, въ противовѣсъ той позиціи, которую занимало министерство финансовъ. Дальнѣйшіе слѣды той же мысли можно наблюдать въ возникшемъ въ 1898 г. столкновеніи между фабричной инспекціей и московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Въ этомъ столкновеніи фабричная инспекція обвиняла полицію въ томъ, что «рабочіе, видя, что самыя неосновательныя претензіи ихъ принимаются во вниманіе и служатъ предметомъ разслѣдованія, приходятъ къ заключенію, что правительственныя власти поставлены не для того, чтобы наблюдать за правильностью примѣненія закона, а для того, чтобы вступаться за интересы рабочихъ». Съ своей стороны, московскій оберъ полицеймейстеръ находилъ, что «пока революціонеръ проповѣдуетъ чистый соціализмъ, съ нимъ можно справиться однѣми репрессивными мѣрами, но, когда онъ начинаетъ эксплоатировать въ свою пользу недочеты существующаго законнаго порядка, репрессивныхъ мѣръ мало, а надо немедля вырвать изъ-подъ ногъ его самую почву... Нужно устранить, слѣдовательно, всякое своеволіе и со стороны нанимателя». Оправдывая же свое вмѣшательство, спеціально, въ область рабочей политики, начальникъ московской полиціи прибавлялъ: «Гдѣ пристраивается революціонеръ, тамъ обязана быть и государственная полиція... Если въ послѣднее время агитаторъ ведетъ свои происки на почвѣ законности, эксплоатируя недочеты дѣятельности фабричной администраціи то... полиція принуждена зорко слѣдить за порядкомъ фабрично-заводскихъ заведеній и, вообще, за всѣмъ, что имѣетъ касательство до личности и обихода рабочаго».

Къ однороднымъ, по существу, заключеніямъ пришли и самъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, и его товарищъ Святополкъ-Мирскій, въ своихъ

отчетахъ о поѣздкахъ, предпринятыхъ ими въ 1901 г. въ фабрично-заводскія мѣстности, съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ состояніемъ рабочаго движенія.

Въ 1901 г., послѣ опыта, сдѣланнаго въ Минскѣ, было положено въ широкихъ размѣрахъ начало зубатовщинѣ въ Москвѣ. Но новая медаль имѣла и свою оборотную сторону. Предоставляя части рабочихъ возможность собираться, слушать лекціи, столковываться и организовываться, выводя толпы рабочихъ на улицу, ради демонстрацій, носившихъ явно политическій характеръ (какъ демонстрація 19 февраля 1902 г.), полицейскіе агенты будили въ пролетарской массѣ такія стремленія и настроенія, которыя шли гораздо дальше того, что было желательно иниціаторамъ новой политики. А когда эти стремленія и настроенія наталкивались на суровыя грани дѣйствительности, разбитыя иллюзіи мстили за себя повышеннымъ озлобленіемъ и, въ концѣ концовъ, взрыхляли почву для того самаго соціалъ-демократическаго посѣва, искорененіе котораго являлось, какъ мы видѣли, основною цѣлью новаго курса. Съ другой стороны, конкуррируя въ агитаціи съ соціалъ-демократами и стараясь дискредитировать ихъ въ глазахъ рабочей массы, полицейскіе агенты, въ цѣляхъ закрѣпленія довѣрія этой массы за собою, вынуждены были предпринимать такіе шаги, которые шли прямо въ разрѣзъ съ поставленной цѣлью. Началось не только вмѣшательство полиціи въ стачки, не только отстаиваніе ими требованій рабочихъ, съ прямыми угрозами фабрикантамъ, но подчасъ и прямое подстрекательство рабочихъ къ стачкамъ. И это—въ то время, когда тысячи рабочихъ томились въ тюрьмахъ, на родинѣ и въ ссылкѣ за участіе въ забастовкахъ! Само собою понятно, что фабриканты не могли примириться съ такого рода рабочей политикой. Тщетно самъ Зубатовъ собиралъ московскихъ промышленниковъ и въ длинной рѣчи доказывалъ имъ, насколько выгоднымъ окажется для нихъ, въ концѣ концовъ, «расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаивалъ г. министръ финансовъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ». Тщетно пытался онъ убѣдить ихъ въ цѣлесообразности такой организаціи рабочихъ, при которой на каждой фабрикѣ имѣется свой рабочій комитетъ, «общій же надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ». Промышленники продолжали протестовать противъ вмѣшательства полицейскихъ агентовъ въ фабричные распорядки и противъ всей политики, стремящейся отклонить неудовольствіе рабочихъ отъ правительства на фабрикантовъ и купить спокойствіе перваго насчетъ вторыхъ. Въ противовѣсъ этому стремленію, въ запискѣ, поданной министру финансовъ послѣ организованной, при участіи зубатовскихъ агентовъ, стачки на шелковой фабрикѣ Гужона и Мусси, фабриканты заявляли: «Если въ предоставленіи имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической, которая, несомнѣнно, имѣетъ одинаковое политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвы-

чайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ». Поскольку же рабочее движеніе фактически рвало путы безправія и проявлялось въ стачкахъ, промышленники, естественно, предпочитали созданіе законныхъ, легальныхъ формъ борьбы, дававшихъ имъ возможность использовать противъ рабочихъ всю свою экономическую мощь, — тому положенію, при которомъ вершителями судебъ экономической борьбы становились агенты полиціи, руководившіеся соображеніями, шедшими нерѣдко въ разрѣзъ съ интересами фабрикантовъ и заводчиковъ. И это тѣмъ болѣе, что какъ разъ эпоха кризиса осуждала чисто-экономическую борьбу рабочихъ на рядъ неудачъ. Министерство финансовъ пошло навстрѣчу этому желанію фабрикантовъ и, безсильное положить конецъ зубатовщинѣ, задумало подорвать ея значеніе легализаціей стачекъ и рабочихъ организацій. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ въ 1902 г. соотвѣтствующій проектъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что проектировалась дѣйствительная свобода стачекъ и союзовъ: было слишкомъ очевидно отсутствіе всякихъ политическихъ предпосылокъ для такой свободы. Проектировалась лишь отмѣна уголовнаго наказанія за самовольное оставленіе работъ (ст. 51[1] улож. о нак.) и за стачки (ст. 1358 и 1358[1] улож. о нак.), но съ установленіемъ уголовной кары за «насиліе, угрозы или обезславленіе» съ цѣлью заставить кого-либо примкнуть къ забастовкѣ. Что же касается рабочихъ организацій, то центральнымъ пунктомъ проекта было предложеніе создать принудительныя организаціи взаимопомощи рабочихъ, «при чемъ нормальные уставы сихъ обществъ и кассъ должны быть, во всякомъ случаѣ, выработаны и утверждены центральными правительственными органами и, быть можетъ, даже проведены законодательнымъ порядкомъ, но никакъ не мѣстными административными властями». «Никакихъ иныхъ функцій, кромѣ оказанія матеріальной поддержки своимъ нуждающимся сочленамъ, разсматриваемымъ кассамъ и обществамъ предоставлять не слѣдовало бы». Такимъ образомъ, не только боевыя задачи стачечной борьбы категорически исключались изъ круга вѣдѣнія проектируемыхъ организацій, но проектъ оговаривалъ, что и посредническихъ функцій при столкновеніи между фабрикантами и рабочими новыя общества выполнять ни въ коемъ случаѣ не должны: эта функція должна была оставаться за фабричной инспекціей.

Въ сущности, планъ Витте воспринималъ всѣ тенденціи зубатовской практики и организаціи, но легализовалъ ихъ, претворялъ въ законъ, дѣлалъ организацію обязательной повинностью для рабочихъ и рычагомъ въ рукахъ центральной власти, причемъ вмѣшательство мѣстной полицейской власти въ существо экономическихъ конфликтовъ устранялось, а господиномъ положенія становилось, въ лицѣ фабричной инспекціи, министерство финансовъ.

Впрочемъ, этотъ проектъ, какъ и выработанный въ 1901 г. проектъ новыхъ правилъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, пока не получилъ осуществленія, и зубатовской политикѣ не былъ положенъ конецъ. Самъ Зубатовъ, правда, былъ удаленъ изъ Москвы, но лишь затѣмъ, чтобы въ своей новой должности—чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ—получить болѣе широкое поприще для своей дѣятельности.

Подъ вліяніемъ царившаго остраго промышленнаго и финансоваго кризиса, и политика самого министерства финансовъ претерпѣла въ эту эпоху

нѣкоторыя измѣненія. При составленіи государственной росписи на 1903 г. въ государственномъ совѣтѣ было констатировано колоссальное возрастаніе обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ: итогъ съ 1040,5 милл. руб. въ 1893 г. поднялся до 2071,7 милл. руб. Для избѣжанія дефицита пришлось сохранить тѣ повышенія акцизовъ и таможенной пошлины, которыя были введены, въ видѣ временной мѣры, въ 1900 г., по случаю политическихъ осложненій на дальнемъ востокѣ. Эра усиленнаго и исключительнаго покровительства промышленности, постройки и выкупа въ казну желѣзныхъ дорогъ, мощно двинула впередъ дѣло промышленнаго развитія страны, но не могла дать того золотого руна, которымъ можно было бы заткнуть прорѣхи колоссально-возраставшаго бюджета. За 15 только лѣтъ (съ 1887 г.), одними новыми налогами и повышеніемъ старыхъ, казна взяла у населенія, какъ было констатировано государственнымъ совѣтомъ, около $1^1/_2$ милліарда руб. И теперь, въ эпоху промышленнаго кризиса и непрерывныхъ неурожаевъ, рѣзко вскрывались предѣлы дальнѣйшаго усиленнаго взращиванія промышленности и капиталистическаго грюндерства, которое наталкивалось на неопреодолимое препятствіе, въ видѣ полной истощенности и слабости своего рынка, какимъ должно было служить для промышленности раззоренное крестьянство. Министру финансовъ пришлось засвидѣтельствовать, что «обложеніе населенія прямыми и косвенными налогами достигло крайняго предѣла своей напряженности». Государственный совѣтъ, присоединяясь къ заявленію Витте «о невозможности дальнѣйшаго повышенія налоговъ», нашелъ «даже, что залогомъ наиболѣе дѣйствительнаго упроченія экономическаго, финансоваго, а также и политическаго благополучія государства является облегченіе податнаго бремени».

Вопросъ объ «облегченіи податного бремени» былъ, при данныхъ условіяхъ, вопросомъ объ устройствѣ крестьянства, о земельныхъ отношеніяхъ, который начиналъ остро давать знать о себѣ, какъ основной вопросъ соціально-экономическаго развитія Россіи. Уже въ своихъ объясненіяхъ передъ государственнымъ совѣтомъ по поводу росписи на 1903 г. министръ финансовъ самъ вынужденъ былъ поставить вопросъ объ облегченіи податной бремени въ связь съ вопросомъ объ отмѣнѣ круговой поруки. Но весьма скоро стало ясно, что одною отмѣною круговой поруки, которая къ тому же утратила большую часть своего прежняго значенія, дѣло не рѣшается; что за вопросъ о круговой порукѣ цѣпляются другіе вопросы деревни, аграрный вопросъ во всей его полнотѣ. Какъ бы то ни было, съ точки зрѣнія финансоваго хозяйства имперіи, стала явно недостаточной политика, исчерпывающаяся по отношенію къ деревнѣ, стремленіемъ создать административно-сословный аппаратъ для подавленія крестьянскихъ движеній и управленія крестьянскими массами. Министерство финансовъ вынуждено было, ради повышенія покупательныхъ и платежныхъ силъ крестьянства, обратить свои взоры на деревню, и ближайшій эпизодъ той борьбы двухъ тенденцій правительственной политики, о которой мы говорили выше, разыгрывается въ новой плоскости—плоскости вопросовъ сельскаго хозяйства. Мы уже говорили выше объ «Особомъ совѣщаніи о нуждахъ дворянства», подъ предсѣдательствомъ И. Дурново. Что касается вопроса о крестьянахъ, то еще съ 1893 г. подготовлялся пересмотръ положенія 19 февраля

1861 г., и тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ была выработана подробная программа вопросовъ, разосланная на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній и земскихъ управъ. Но пересмотръ все откладывался, а въ 1902 г., почти передъ самыми крестьянскими безпорядками, появилось правительственное сообщеніе по этому поводу. Въ сообщеніи заявлялось, что правительство рѣшило произвести лишь частичный пересмотръ положенія о крестьянахъ, и всю работу, не передавая ея въ мѣстныя совѣщанія, выполнить силами «редакціонной комиссіи» при центральномъ управленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Комиссія эта начала работать съ 1900 года. Но уже въ слѣдующемъ году начала проявлять себя и другая тенденція: 19 ноября 1901 г., въ противовѣсъ этой комиссіи, была основана, подъ предсѣдательствомъ Коковцева, другая комиссія при центральномъ управленіи министерства финансовъ—комиссія для изслѣдованія вопроса объ экономическомъ упадкѣ центральныхъ губерній въ связи съ условіями хозяйственной жизни другихъ частей имперіи,—или такъ называемая комиссія о центрѣ, съ гораздо болѣе широкою программою работъ.

Въ самомъ началѣ 1902 г., подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, тенденціи министерства финансовъ получаютъ на время рѣшительное преобладаніе. 1-го января закрывается «Особое совѣщаніе о нуждахъ дворянства» и дается порученіе образовать для дворянскихъ дѣлъ особый отдѣлъ, на правахъ департамента, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. 23 января того же года образуется, подъ предсѣдательствомъ Витте, новое «Особое совѣщаніе», но уже не о «нуждахъ дворянства», а «для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда». Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ засѣдать и комиссія о центрѣ, такъ что все направленіе крестьянскаго вопроса—поскольку правительство, вообще, направляло его ходъ—сосредоточивается въ рукахъ министерства финансовъ. Положеніемъ 22 марта 1902 г. Особому совѣщанію было предоставлено право образовать губернскіе комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернатора, и уѣздные, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, для предварительной разработки вопросовъ, подлежащихъ сужденію особаго совѣщанія, причемъ въ кругъ этихъ вопросовъ были категорически введены и «вопросы общегосударственнаго характера, имѣющіе значеніе для сельскаго хозяйства». Предсѣдателямъ комитетовъ дано право приглашать къ участію въ совѣщаніяхъ постороннихъ лицъ. Этимъ правомъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ воспользовались для значительнаго расширенія состава комитетовъ, вплоть до приглашенія къ участію въ ихъ занятіяхъ всѣхъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія. Ходатайства же земствъ о передачѣ программы Особаго совѣщанія на ихъ разсмотрѣніе были оставлены правительствомъ безъ удовлетворенія, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ 1894 г., когда былъ возбужденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о пересмотрѣ положенія о крестьянахъ, земство уже имѣло возможность высказаться. Но, раньше, чѣмъ уѣздные комитеты успѣли приступить къ своей работѣ, случился рядъ событій, нарушившихъ всю задуманную систему мѣропріятій въ области земельнаго вопроса и крестьянскаго устройства. Въ ряду этихъ событій новымъ и, въ значительной степени, неожиданнымъ для правительства фактомъ огромной

важности были крестьянскіе безпорядки, вспыхнувшіе въ мартѣ—апрѣлѣ 1902 года въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ и нашедшіе себѣ откликъ въ другихъ южныхъ губерніяхъ, а также въ Поволжьи. Земельный вопросъ, къ которому подошло правительство съ одной стороны, самъ всплывалъ на поверхность общественной жизни съ другой. Совпаденіе крестьянскаго движенія съ разгоравшимся все сильнѣе политическимъ и революціоннымъ движеніемъ въ городахъ было такимъ ударомъ, который, съ точки зрѣнія правительства, требовалъ немедленнаго примѣненія самыхъ экстренныхъ мѣръ.

Въ самый разгаръ крестьянскаго движенія, 2 апрѣля, палъ отъ руки С. В. Балмашева Сипягинъ, а черезъ 2 дня министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ бывшій директоръ департамента полиціи и затѣмъ статсъ-секретарь В. Кн. Финляндскаго, В. К. Плеве. Его вступленіе во власть знаменуетъ собою поворотъ правительственной политики въ томъ отношеніи, что на первый планъ была выдвинута непосредственная полицейская борьба съ революціоннымъ движеніемъ, во имя самосохраненія, и этой борьбѣ были подчинены всѣ другія соображенія, вытекавшія изъ болѣе или менѣе продуманной оцѣнки тѣхъ силъ, съ которыми приходилось считаться правительству. Завтрашній день приносился въ жертву сегодняшнему. Министерство Плеве было боевымъ министерствомъ борьбы съ «крамолой». Въ ходъ были пущены всѣ средства, которыя могли побить «крамолу» сегодня на какомъ либо пунктѣ. То, что эти средства были подчасъ противорѣчивы, вытекало изъ противорѣчивости поставленной себѣ задачи.

Крестьянскіе безпорядки были подавлены вооруженною силой, и это подавленіе сопровождалось экзекуціями, примѣнявшимися особенно широко въ Харьковской губ. губернаторомъ кн. Ив. Оболенскимъ. Сотни крестьянъ были преданы суду, при чемъ защитники, ссылаясь на недозволеніе говорить имъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались крестьяне, и изнасилованіяхъ крестьянскихъ женщинъ, съ протестомъ покидали залъ засѣданія. Суды постановили сравнительно мягкіе приговоры (1 годъ арестантскихъ ротъ). Но независимо отъ суда и раньше его, указомъ 11 марта 1902 г., на селенія, жители которыхъ участвовавали въ безпорядкахъ, была наложена контрибуція въ 800.000 руб., для уплаты убытковъ потерпѣвшимъ отъ разгрома помѣщикамъ. Въ связи съ крестьянскими безпорядками, были приняты суровыя мѣры противъ земскаго «третьяго элемента», въ особенности противъ статистиковъ, которыхъ Плеве считалъ главными проводниками политической агитаціи въ деревнѣ. Съ характерною для политики Плеве безпечностью на счетъ болѣе отдаленныхъ послѣдствій предпринимаемаго шага, онъ, предлагая принять противъ статистиковъ рѣшительныя мѣры, заявлялъ: «при этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы». 30 мая было пріостановлено собираніе статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ 12 наиболѣе земледѣльческихъ земскихъ губерніяхъ [1]), а въ осталь-

[1]) Бессарабская, Екатеринославская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Самарская, Симбирская, Тульская, Харьковская, Черниговская.

ныхъ 22 примѣненіе той же мѣры къ отдѣльнымъ мѣстностямъ предоставлено усмотрѣнію губернаторовъ.

Въ земскихъ кругахъ царило въ это время большое оживленіе, въ связи съ особымъ совѣщаніемъ и общимъ поворотомъ вниманія правительства къ вопросамъ сельскаго хозяйства. Состоявшійся въ концѣ мая 1902 г. съѣздъ земскихъ дѣятелей изъ 25 губерній, поставившій себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности земцевъ въ комитетахъ Особаго совѣщанія, намѣтилъ программу, по существу, шедшую навстрѣчу данному фазису политики министерства финансовъ, но требовавшую представительства земства въ Особомъ совѣщаніи.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, начинавшее все больше опредѣлять направленіе всей политики правительства, въ данный моментъ мало интересовалось общими вопросами сельско-хозяйственной промышленности. Но въ заявленіяхъ земскаго съѣзда оно увидѣло стремленіе земства получить участіе въ законодательной дѣятельности и поспѣшило принять противъ такого стремленія свои мѣры. Иниціаторы съѣзда—Д. Шиповъ и М. Стаховичъ—были вызваны въ Петербургъ, и имъ объявлено было Высочайшее неудовольствіе. Въ курской рѣчи императора къ земцамъ (29 авг. 1902 г.) было опредѣленно подчеркнуто, что призваніе земства—«мѣстное устроительство хозяйственныхъ нуждъ». Но однѣми этими мѣрами Плеве по отношенію къ земцамъ не ограничился. Онъ использовалъ для воздѣйствія на нихъ и надежды, возбужденныя въ землевладѣльцахъ поворотомъ вниманія правительства къ вопросамъ сельскаго хозяйства, и опасенія, внушенныя недавними безпорядками. Порицая политику Сипягина по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ бесѣдахъ съ иниціаторами земскихъ съѣздовъ, указывалъ на возможность предоставленія широкаго простора земствамъ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности, если только земскіе дѣятели откажутся отъ вызывающаго образа дѣйствій, отъ всякаго намека на стремленіе добиться «представительства». Для доказательства такого отказа министръ требовалъ, между прочимъ, чтобы въ уѣздныхъ комитетахъ Особаго совѣщанія не приводились въ исполненіе рѣшенія съѣзда земскихъ дѣятелей—настаивать на привлеченіи земскихъ учрежденій къ работамъ комитетовъ и поставить на очередь рядъ вопросовъ общаго характера. Тѣ же самые г.г. Шиповъ и М. Стаховичъ явились проводниками этихъ предложеній министра въ земскую среду и кое-гдѣ добились успѣха.

Но въ большинствѣ уѣздныхъ комитетовъ поставленные на обсужденіе вопросы были рѣшены въ томъ самомъ духѣ, который былъ намѣченъ на земскомъ съѣздѣ. И министерство внутреннихъ дѣлъ, игнорируя данное министромъ финансовъ обѣщаніе допустить полную свободу сужденій въ комитетахъ, обрушилось на нѣкоторыхъ членовъ ихъ репрессіями, доходившими до ссылки въ Архангельскую губернію (Мартыновъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, особымъ циркуляромъ министерство внутреннихъ дѣлъ поручило губернаторамъ предложить предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, т. е. предводителямъ дворянства, не допускать обсужденія вопросовъ о земскомъ съѣздѣ и о карахъ, постигшихъ различныхъ его участниковъ. Вслѣдствіе протестовъ нѣкоторыхъ предводителей дворянства, этотъ циркуляръ получилъ Высочайшее подтвержденіе. Но налаживавшимся было болѣе интимнымъ отношеніямъ между земцами и

министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Нѣкоторое время распространялись еще слухи о либеральныхъ намѣреніяхъ министра и даже о его желаніи возстановить «лорисъ-меликовскую конституцію». Въ высокопоставленныхъ сферахъ также образовался прототипъ будущей «звѣздной палаты»—секретный комитетъ [1]), ставившій своей цѣлью воздѣйствіе на мѣстные комитеты Особаго совѣщанія въ духѣ «реформъ», которыя не шли, впрочемъ, дальше отмѣны тѣлеснаго наказанія и нѣкотораго расширенія самостоятельности земства въ области хозяйственной дѣятельности. Но никакого серьезнаго успѣха ни эти слухи, ни этотъ комитетъ не имѣли. И недовѣріе министерства къ дворянамъ-землевладѣльцамъ въ это время было такъ велико, что, хотя въ 1902 году и былъ изданъ законъ, обезпечивающій государственное пособіе при основаніи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи, но одновременно другимъ закономъ была значительно стѣснена дѣятельность дворянскихъ собраній: всѣ дѣла и вопросы, подлежащіе обсужденію этихъ собраній, а также всѣ приносимые ими всеподданнѣйшіе ходатайства и адреса должны были отнынѣ подлежать предварительному обсужденію собранія предводителей дворянства и депутатовъ.

По отношенію къ рабочимъ политика правительства характеризуется въ это время лишь усиленіемъ репрессій (разстрѣлы въ Ростовѣ-на-Д., Тихорѣцкой, Костромѣ, Златоустѣ, Батумѣ и т. д.) [2]) и произвольными мѣрами противъ революціонныхъ проявленій рабочаго движенія. Въ цѣломъ рядѣ городовъ (Вильно, Минскъ, Екатеринославъ) участники первомайскихъ рабочихъ демонстрацій 1902 года были подвергнуты наказанію розгами, что вызвало въ Вильнѣ покушеніе рабочаго Леккерта на генералъ-губернатора Валя. Леккертъ былъ казненъ. Въ другихъ городахъ (Нижнемъ-Новгородѣ, Сормовѣ, Саратовѣ) участники демонстрацій были преданы суду и приговорены къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе. Эти—первые послѣ долгаго промежутка—политическіе процессы, хотя и происходившіе при закрытыхъ дверяхъ, но въ своей существенной части ставшіе достояніемъ гласности, сыграли обратную роль, чѣмъ разсчитывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ: они послужили средствомъ не устрашенія, а агитаціи. Такую же роль сыгралъ и процессъ по дѣлу о бунтѣ тихорѣцкихъ рабочихъ въ связи съ извѣстнымъ дѣломъ Золотовой.

Въ отношеніи правительства къ студенческому движенію и, вообще, къ школьному вопросу рѣзкая перемѣна наступила сейчасъ же послѣ смѣны министра внутреннихъ дѣлъ. Въ покушеніи Балмашева правительство—и не безъ основанія—видѣло одинъ изъ такихъ же порожденныхъ борьбою студенчества актовъ, какимъ годъ тому назадъ былъ выстрѣлъ Карповича. 4 апрѣля министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Плеве, а уже 11-го были уволены Ванновскій и его товарищъ Мѣщаниновъ, и назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ. При самомъ вступленіи своемъ въ должность, въ рѣчи къ своимъ подчиненнымъ, новый министръ, отмежевываясь отъ поли-

---

[1]) См. „Освобожденіе“.

[2]) Въ 1903 году руководители Ростовской на-Д. забастовки были преданы военному суду, и трое изъ нихъ (Браиловскій, Колосковъ и Куксинъ) приговорены къ смертной казни, впослѣдствіи замѣненной каторжными работами.

тики своего предшественника, восклицалъ: «Да убережетъ насъ Богъ отъ угодливости шумливому задору легкомыслія»! Рескриптомъ 10 іюня окончательно опредѣлялся новый курсъ политики министерства народнаго просвѣщенія: «Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе». Рескриптъ повелѣвалъ приступить къ постепенному устройству въ столицахъ и губернскихъ городахъ «воспитательныхъ пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» и кончался заявленіемъ, что «безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты... долженъ быть... положенъ конецъ».

Въ духѣ этого рескрипта и началась дѣятельность новаго министерства, сведшаяся также, главнымъ образомъ, къ административнымъ распоряженіямъ и къ созыву новыхъ комиссій по преобразованію высшей и средней школы. Законодательныхъ мѣръ было принято двѣ. Одна изъ нихъ—Высочайшее повелѣніе отъ 22 іюля—касалась росписанія уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ. Уменьшая число часовъ, посвященныхъ изученію древнихъ языковъ, эта новая программа оставляла совершенно незатронутымъ методъ преподаванія ихъ и другихъ предметовъ, равно какъ и весь школьный строй—словомъ, все то, что въ представленіи заинтересованныхъ круговъ связывалось съ понятіемъ Толстовскаго «классицизма», и потому никого не удовлетворила. Еще менѣе удовлетворила, какъ общество, такъ и самихъ студентовъ, другая законодательная мѣра этого періода—правила 24 августа 1902 г. о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ. Вмѣсто университетской автономіи и свободы студенческихъ организацій, новыя правила усиливали административную опеку и надзоръ, вовлекая въ осуществленіе ихъ и профессорскую коллегію, а для студенчества вводили принудительную организацію на подобіе той, которую министерство финансовъ проектировало для рабочихъ. Не только общестуденческія собранія, но и собранія по факультетамъ и отдѣленіямъ были запрещены, а курсовыя могли происходить лишь съ разрѣшенія ректора и подъ предсѣдательствомъ куратора изъ профессоровъ.

Студенческія волненія не прекращались, а постоянные аресты студентовъ, столкновенія ихъ съ властями, а также пребываніе массы студентовъ въ ссылкѣ въ Сибири и въ провинціальныхъ городахъ служили неизсякаемымъ источникомъ агитаціи и разносили политическое броженіе въ круги болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія. Правительство почувствовало неудобство положенія, и въ Сибирь былъ командированъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, бывшій шефъ жандармовъ князь Святополкъ-Мирскій, съ цѣлью склонить сосланныхъ студентовъ къ подачѣ прошеній о помилованіи. Громадное большинство сосланной молодежи отказалось вступать въ какія бы то ни было соглашенія съ товарищемъ министра. Въ концѣ 1902 г. правительству пришлось, по собственной иниціативѣ, вернуть изъ ссылки всѣхъ студентовъ, раздѣливъ ихъ на нѣсколько категорій, постепенно получавшихъ право возвращенія. И, конечно, какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, эта уступка, не меньше, чѣмъ прежняя неуступчивость, содѣйствовала дальнѣйшему развитію и обостренію студенческаго движенія.

Такъ напоръ общественнаго движенія со всѣхъ сторонъ началъ подмывать воздвигаемыя плотины и превращать правительственную политику въ работу Сизифа. Манифестомъ 26 февраля 1903 года правительство констатировало наличность «смуты» и заявляло, что именно смута «препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія». Подтверждая «священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской» и требуя отъ всѣхъ чиновъ администраціи «твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни», манифестъ намѣчалъ общее направленіе правительственной политики въ цѣляхъ усовершенствованія государственнаго порядка. Основные пункты новой программы были таковы: 1) укрѣпленіе вѣротерпимости, съ сохраненіемъ за православной церковью положенія первенствующей и господствующей; 2) улучшеніе имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, съ усиленіемъ участія его въ духовной и общественной жизни паствы; 3) направленіе дѣятельности государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особенно дворянскаго и крестьянскаго банковъ, къ «укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства»; 4) завершеніе трудовъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ съ послѣдующей передачей ихъ въ губернскія совѣщанія, «при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ», при чемъ въ основу этихъ трудовъ должна быть положена «неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія», съ одновременнымъ изысканіемъ способовъ «къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины»; 5) отмѣна круговой поруки; 6) преобразованіе губернскаго и уѣзднаго управленія «для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и законом'ерной властью, предъ Нами строго отвѣтственной»; 7) «сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ» и, наконецъ, 8) «утвержденіе въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ».

Такова была программа, и на слѣдующій же день, 27 февраля, съ открытіемъ занятій комиссіи по преобразованію губернскаго управленія, было приступлено къ ея осуществленію. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ Плеве, состояла изъ 111 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 губернаторовъ. Комиссія раздѣлила свои, вытекавшія изъ манифеста 26 февраля, задачи на 2 части: 1) вопросъ «о правильной постановкѣ губернаторской власти для приданія ей сильнаго, законом'ернаго и строго-отвѣтственнаго характера», 2) вопросъ объ «улучшеніи современнаго управленія губерніею черезъ усиленіе способовъ непосредственнаго, безъ обращенія къ центральнымъ учрежденіямъ, удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ».

Уже изъ формулировки второго вопроса видно, что манифестъ 26 февраля, говоря о «мѣстныхъ людяхъ», вовсе не имѣлъ въ виду привлекать къ дѣлу мѣстнаго управленія выборныхъ отъ населенія или отдѣльныхъ группъ его. Рѣчь шла лишь о томъ, что журналъ комиссіи называетъ «децентрализаціей разрѣшительной власти». «Мѣстные люди»—это были, въ данномъ случаѣ, мѣстные чиновники. Впрочемъ, сама комиссія, въ трехъ своихъ засѣданіяхъ,

разсмотрѣла, въ сущности, лишь первый вопросъ—о губернаторской власти—и пришла къ заключенію о необходимости усилить ее. «Не останавливаясь на отвѣтственности губернаторовъ, въ виду того, что отвѣтственность эта нынѣ дѣйствующими законами поставлена вполнѣ правильно», комиссія рѣшила, что губернатору, какъ управителю губерніи, должны быть подчинены мѣстные представители всѣхъ вѣдомствъ. Что касается органовъ самоуправленія, то, соглашаясь, что губернаторскія полномочія вполнѣ «достаточны со стороны надзора», комиссія нашла, что губернаторъ лишенъ по отношенію къ этимъ органамъ «правъ положительныхъ», благодаря чему за ними «всегда остается право, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія». Вслѣдствіе этого, было рѣшено предоставить губернатору право принимать за счетъ земствъ и городовъ тѣ мѣры, которыя онъ признаетъ неотложными и которыя не выполнены органами самоуправленія въ предложенный имъ срокъ, а также снимать съ очереди обсужденіе какого либо вопроса, признаваемаго губернаторомъ неумѣстнымъ по отношенію къ порядку управленія». Наконецъ, было признано необходимымъ распространить установленный положеніемъ объ охранѣ порядокъ изданія губернаторомъ обязательныхъ постановленій «и на губерніи, не находящіяся въ исключительномъ положеніи», при чемъ эти постановленія «могутъ касаться обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ ко внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣній».

Не разсмотрѣнный комиссіей вопросъ о преобразованіи губернскихъ учрежденій былъ разработанъ впослѣдствіи по указанію предсѣдателя комиссіи Плеве и рѣшенъ въ смыслѣ необходимости объединенія дѣятельности всѣхъ губернскихъ установленій, подъ непосредственнымъ руководствомъ губернатора.

Въ духѣ рѣшеній комиссіи и принимался рядъ мѣръ, сводившихся къ усиленію бюрократическаго воздѣйствія на мѣстахъ и къ стягиванію всѣхъ нитей правительственной политики въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Ревизіи земскаго и городского хозяйства, произведенныя чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ—Зиновьевымъ и Штюрмеромъ, неутвержденіе въ должностяхъ предсѣдателей и членовъ управъ старыхъ земскихъ дѣятелей, въ томъ числѣ и г. Д. Шипова, суровая отповѣдь земствамъ, воспользовавшимся и манифестомъ 26 февраля для высказыванія традиціонныхъ земскихъ пожеланій, наконецъ, разгромъ Тверского губернскаго земства въ январѣ 1904 г., за отказъ въ субсидіи Тверскому уѣздному земству, постановившему передать всѣ земскія школы въ вѣдѣніе духовенства,—такими актами отмѣченъ этотъ этапъ правительственной политики въ отношеніи органовъ самоуправленія. Кромѣ того, 2-го апрѣля 1903 года были введены, подъ названіемъ земскихъ управъ, новые органы для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Съ земствомъ у этихъ органовъ было общимъ только названіе, и вводились они не столько въ видѣ новаго шага къ распространенію дѣятельности земствъ, сколько въ видѣ перваго опыта упорядоченія земскаго хозяйства безъ такихъ представительныхъ органовъ, какими, хотя и въ изуродованномъ видѣ, являлись уѣздныя и губернскія земскія собранія [1]).

---

[1]) Слѣдуетъ еще отмѣтить введеніе въ Петербургѣ съ 1 января 1904 г. новаго положенія объ общественномъ управленіи, расширившее составъ изби-

Въ непосредственной связи съ проектами усиленія власти на мѣстахъ, съ одной стороны, недавними крестьянскими безпорядками, съ другой, была создана въ 1903 г. въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи уѣздная полицейская стража, въ составѣ урядниковъ (по одному на волость) и стражниковъ (въ среднемъ, по одному на 2.500 душъ обоего пола). Организація должна была быть закончена въ 5 лѣтъ и возлагала на государственное казначейство новый расходъ въ 10.000.000 руб. въ годъ.

Правительственная программа 26 февраля, несомнѣнно, представляла собою рѣшительный шагъ въ сторону торжества тѣхъ тенденцій, выразителемъ которыхъ являлся Плеве, надъ тѣми, которыя олицетворялъ собою Витте. И разгорѣвшаяся на этой почвѣ бюрократическая война, дѣйствительно, закончилась 16 августа 1903 г. увольненіемъ Витте отъ должности министра финансовъ и назначеніемъ на мало активный постъ предсѣдателя комитета министровъ. Особенно ясно сказалась побѣда тенденцій Плеве въ тѣхъ основаніяхъ, которыя предуказаны были для пересмотра положенія о крестьянахъ. За исключеніемъ отмѣны потерявшей свое значеніе, въ качествѣ орудія бюрократической организаціи крестьянства, круговой поруки,—отмѣны, состоявшейся 12 марта 1903 г., вся политика по крестьянскому вопросу была поставлена на старые рельсы сохраненія и закрѣпленія сословной обособленности и безправія крестьянства. Дѣятельность предсѣдательствуемаго Витте Особаго совѣщанія, формально сохранившагося, замерла, работы губернскихъ комитетовъ пріостановились, а дальнѣйшее направленіе крестьянскаго дѣла снова перешло въ руки «редакціонной комиссіи» при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ январю 1904 г. работы этой комиссіи были закончены и указомъ 8 января переданы на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, составленныхъ изъ чиновниковъ, земцевъ (по одному на уѣздъ), приглашаемыхъ по усмотрѣнію губернатора, и дворянъ (не менѣе 1 на уѣздъ), приглашаемыхъ имъ же, по соглашенію съ предводителемъ дворянства. Редакціонная комиссія, какъ и слѣдовало ожидать, оставила нетронутымъ весь строй крестьянскаго управленія, внеся лишь нѣкоторыя измѣненія, подчасъ означавшія весьма существенное усиленіе бюрократической опеки надъ крестьянами [1]). Такъ, принесеніе жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ проектировалось обусловить внесеніемъ залога, который бы возвращался лишь въ случаѣ признанія жалобы

рателей введеніемъ въ ихъ число плательщиковъ квартирнаго налога, но еще усилившаго зависимость городской думы отъ администраціи.

[1]) О значеніи, которое министерство внутреннихъ дѣлъ придавало сохраненію крестьянскаго строя въ неприкосновенности, лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ сообщенія о работахъ „редакціонной комиссіи“: „Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной, однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой либо другой части населенія, стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“. Крестьянскіе безпорядки не поколебали этого взгляда, такъ какъ не носили пока непосредственно политическаго характера.

основательною. Въ то же время министерство внутреннихъ дѣлъ стремилось взять въ свои руки направленіе дѣятельности крестьянскаго банка, въ совѣтъ котораго, еще указомъ 31 мая 1899 г., былъ включенъ представитель министерства внутреннихъ дѣлъ по переселенческому управленію. Намѣченныя министромъ внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ дѣятельности крестьянскаго банка мѣры были въ 1903 г. формулированы въ особой запискѣ и сводились къ тому, чтобы сдѣлать производимыя банкомъ земельныя операціи не способомъ устройства тѣхъ или другихъ, отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а орудіемъ предотвращенія борьбы крестьянскаго землевладѣнія съ частнымъ и предупрежденія крестьянскихъ безпорядковъ. Еще за годъ до этого, въ циркулярѣ отъ 22 іюня 1902 г., министръ внутреннихъ дѣлъ указывалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне ходатайствовали «о надѣленіи ихъ землею путемъ покупки ея, при содѣйствіи крестьянскаго банка, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, независимо отъ согласія сихъ послѣднихъ, при чемъ высказывали убѣжденіе, что крестьяне имѣютъ преимущественное право покупки земель помѣщика и даже право требовать принудительной продажи имъ этихъ земель». И теперь министръ отстаивалъ ту же точку зрѣнія, что характеръ дѣятельности крестьянскаго банка можетъ «возбуждать среди нихъ (крестьянъ) ложныя надежды на возможность пріобрѣтенія по своему выбору любого частнаго владѣнія».

Для борьбы съ этими надеждами на возможность «принудительнаго отчужденія», Плеве предлагалъ измѣнить всю земельную политику банка, а именно: ограничить категорію заемщиковъ наиболѣе нуждающимися въ землѣ крестьянами; давать ссуды лишь въ размѣрахъ, допускаемыхъ интересами банка, какъ кредитнаго учрежденія; въ случаяхъ, когда этой ссуды недостаточно, представить мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, по ихъ усмотрѣнію, выдавать заемщикамъ банка «домообзаводственныя заимообразныя пособія», регулируя такимъ образомъ покупку земель; самыя земельныя операціи банка развивать въ однихъ районахъ, стѣснять въ другихъ, сообразуясь съ задачами правительственной политики и, между прочимъ, съ желательностью заселенія окраинъ русскимъ элементомъ [1]) и поддержанія «правильнаго... соотношенія между частною земельною собственностью и рабочими руками». Въ такомъ же духѣ должна быть направлена и политика банка по оказанію содѣйствія переселенцамъ, самое же переселенческое дѣло должно быть цѣликомъ взято въ руки правительства, ибо «правительственное руководительство» является «единственнымъ средствомъ упорядоченія переселенческихъ покупокъ».

Въ такомъ направленіи и дѣйствовало министерство внутреннихъ дѣлъ въ области крестьянскаго вопроса. Временныя же правила 6 іюня 1904 г. о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ-землевладѣльцевъ «въ мѣстности, заселеніе коихъ вызывается видами правительства», или изъ мѣстностей, «добровольное выселеніе изъ коихъ признается желательнымъ», вручили руководство всѣмъ переселенческимъ дѣломъ министру внутреннихъ дѣлъ и въ то же время имѣли въ виду заселеніе окраинъ (особенно Пріамурья и далѣе—

[1]) Министерство внутреннихъ дѣлъ испросило уже въ 1903 году кредитъ въ 10 000 р. для выдачи ссудъ русскимъ крестьянамъ, пріобрѣтающимъ при посредствѣ банка землю въ Сѣверо-западномъ краѣ.

восточнаго намѣстничества), желательное для правительства въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи.

Рабочей политики манифестъ 26 февраля не касался. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ все разрастающагося рабочаго движенія, на почвѣ кризиса, дѣятельность правительства въ этой области была весьма оживленна, при чемъ и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, тенденціи министерства внутреннихъ дѣлъ получили рѣшительное преобладаніе. 30 мая 1903 г. мѣстные чины фабричной инспекціи (всѣ инспектора, кромѣ окружныхъ) были подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ руководству губернатора. Кромѣ закона 30 мая, въ области рабочей политики были въ 1908 г. изданы: законъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья (2 іюня) и законъ о фабричныхъ старостахъ (10 іюня). Первымъ закономъ устанавливалась отвѣтственность владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предпріятій за тѣлесныя поврежденія, полученныя рабочими на работѣ. Значеніе этого шага впередъ въ развитіи рабочаго законодательства сильно уменьшалось малыми размѣрами вознагражденія (пенсія не болѣе $^2/_3$ годового заработка чернорабочаго, при чемъ размѣры этого заработка опредѣляются для каждой мѣстности, на трехлѣтіе, фабричными присутствіями), а также тѣмъ, что п. 31 новаго закона допускалъ добровольныя соглашенія насчетъ вознагражденія между потерпѣвшимъ или его семьей и фабрикантомъ.

Что касается закона о фабричныхъ старостахъ, то онъ былъ задуманъ въ духѣ тѣхъ проектовъ организаціи рабочихъ, которые не разъ уже возникали въ правительственныхъ и административныхъ кругахъ. Самые выборы старостъ обусловливались согласіемъ фабричной администраціи и фабричныхъ присутствій. Выборы должны происходить по разрядамъ рабочихъ, при чемъ самое распредѣленіе ихъ на разряды и другія правила, относящіяся къ выборамъ, утверждаются губернаторомъ. Староста долженъ быть не моложе 25 лѣтъ, при чемъ для каждаго отдѣльнаго случая фабричная администрація и фабричное присутствіе имѣютъ право повышать этотъ возрастъ и требовать опредѣленнаго срока службы въ данномъ предпріятіи. Функціи старостъ ограничиваются представительствомъ рабочихъ въ сношеніяхъ съ фабричною администраціей на почвѣ существующихъ условій найма. «Для обсужденія дѣлъ, касающихся нѣсколькихъ разрядовъ, собираются исключительно старосты этихъ разрядовъ».

Такъ задуманъ былъ этотъ законъ. Но еще раньше, чѣмъ онъ успѣлъ получить сколько-нибудь широкое примѣненіе, грянула буря всеобщей рабочей забастовки на югѣ. Въ этой забастовкѣ вскрылось, между прочимъ, какіе нежелательные для правительства плоды принесла политика зубатовцевъ и «независимыхъ». Это привело къ краху зубатовщины, отставкѣ самого Зубатова и административной ссылкѣ въ Сибирь его одесскаго клеврета—Шаевича.

Но и всеобщая забастовка не заставила министерство внутреннихъ дѣлъ измѣнить направленіе своей рабочей политики. Да оно и не могло измѣнить его, ибо путь уступокъ и серьезнаго рабочаго законодательства, при наличныхъ условіяхъ, не могъ остановить широкаго развитія рабочаго движенія и только создалъ бы для него новые опорные пункты. Плеве пошелъ дальше по тому пути, на который вступилъ.

До сихъ поръ, формально, по крайней мѣрѣ, циркуляромъ 4 октября

1898 г. функціи инспекціи и полиціи разграничивались такъ, что первой принадлежало наблюденіе за внутреннимъ распорядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, второй — принятіе мѣръ къ охраненію порядка внѣшняго. Теперь, въ письмѣ министру финансовъ (27 апрѣля 1904 г.), Плеве заявлялъ, что «дѣленіе круга задачъ на внутренній и внѣшній могло служить руководствомъ при нормальномъ теченіи дѣлъ. Въ настоящее время, при развитіи рабочаго движенія, такое явленіе трудно сохранить неприкосновенно, а руководиться имъ совершенно невозможно». И онъ требовалъ передачи фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ и превращенія ея въ «органъ административно-полицейской власти», въ кругъ задачъ котораго «должны входить обязанности и полиціи благосостоянія, и полиціи безопасности». А вскорѣ, съ вѣдома Плеве и при прямомъ содѣйствіи петербургскаго градоначальника Фуллона, были заложены въ Петербургѣ и зачатки новой организаціи рабочихъ съ цѣлью отведенія рабочаго движенія въ желательное для правительства русло. Это гапоновское рабочее общество и сыграло главную роль въ памятные январьскіе дни 1905 года...

Что касается національнаго и вѣроисповѣднаго вопроса, то тутъ, кромѣ продолжающагося преслѣдованія сектантовъ, крупнѣйшимъ актомъ былъ законъ 12 іюня 1903 г. объ изъятіи армянскихъ школъ изъ вѣдѣнія армянскаго духовенства и передачѣ ихъ въ вѣдѣніе правительства и объ отобраніи въ казенное управленіе армянскихъ церковныхъ имуществъ, служившихъ источникомъ для содержанія школъ. Этотъ законъ вызвалъ бурное движеніе негодованія среди армянскаго населенія.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ отъ 10 мая 1903 г. былъ пополненъ списокъ тѣхъ мѣстъ, въ предѣлахъ черты осѣдлости, гдѣ евреямъ дозволяется селиться и пріобрѣтать недвижимую собственность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты новыя мѣры для недопущенія ихъ къ пріобрѣтенію недвижимой собственности въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту осѣдлости. Начало апрѣля 1903 г. было ознаменовано ужаснымъ еврейскимъ погромомъ въ Кишиневѣ, жертвою котораго пали десятки убитыхъ и раненыхъ евреевъ. Погрому предшествовала усиленная агитація реакціонныхъ газетъ (особенно, крушевановскаго «Знамени»), призывавшихъ населеніе расправиться, въ лицѣ евреевъ, съ революціонерами. Въ этой агитаціи принимали участіе и чиновники, подчасъ занимавшіе довольно видное служебное положеніе, а къ дѣлу организаціи бандъ громилъ оказался причастнымъ начальникъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія—баронъ Левендаль. Всѣ эти обстоятельства, явное бездѣйствіе губернатора въ первые дни погрома, пассивность войскъ и поведеніе полиціи—все это, въ представленіи общества и въ Россіи, и за границей, неразрывно связало кишиневскій погромъ съ общимъ направленіемъ политики Плеве. Это впечатлѣніе еще усилилось, благодаря новымъ погромамъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, и особенно въ Гомелѣ (29 августа—1 сентября), гдѣ онъ сопровождался такими же обстоятельствами и такими же жертвами, какъ въ Кишиневѣ.

Но всѣ мѣры, принимаемыя Плеве, не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Революціонное движеніе разгоралось все сильнѣе. Рабочія стачки, демонстраціи, крестьянскія волненія, студенческіе безпорядки поднимались

все возраставшей волной. Открытое броженіе охватило и такіе круги, которые не выходили раньше изъ предѣловъ пассивной оппозиціи (техническій и Пироговскій съѣзды и т. д.). Положеніе внутри страны запутывалось все больше и больше. А къ этому присоединились внѣшнія затрудненія. Постройка великаго Сибирскаго пути съ вѣтвью черезъ Манчжурію, занятіе Квантунскаго полуострова съ учрежденіемъ на немъ (30 іюля 1903 г.) особаго намѣстничества, попытки укрѣпленія въ Кореѣ - все это переносило центръ тяжести русской внѣшней политики съ ближняго востока на дальній и приводило къ столкновенію съ Японіей.

Правительство рѣшило однимъ ударомъ разрубить гордіевъ узелъ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій. 24 января 1904 года произошелъ разрывъ сношеній съ Японіей. Ставка была огромная, но эта ставка была бита. Съ перваго же дня войны начались пораженія [1]): потопленіе судовъ въ Портъ-Артурѣ, пораженіе на Ялу, гибель «Петропавловска» съ адмираломъ Макаровымъ, пораженіе при Кинъ-Чжоу... Подъ вліяніемъ этихъ пораженій, быстро замерли тѣ патріотическія манифестаціи, которыя устраивались въ первые дни послѣ объявленія войны. Запасные неохотно шли на войну, выливали свое возмущеніе въ буйствахъ, а подчасъ и открыто протестовали. Вскрылся цѣлый рядъ безпорядковъ и хищеній во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства. Давило тяжелое финансовое положеніе. Пришлось вводить новые налоги и значительно сократить дѣятельность крестьянскаго и дворянскаго банковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, начавшаяся война сразу обострила промышленный кризисъ, остановила торговлю, выбросила тысячи людей на улицу. Революціонное броженіе не только не замирало, но получало все новую и новую пищу. Количество арестуемыхъ и ссылаемыхъ достигло такихъ размѣровъ, что закономъ 7 іюня 1904 г. правительство должно было, въ цѣляхъ усиленія репрессіи, вернуться къ преданію дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ на разсмотрѣніе суда, установивъ впрочемъ для этого упрощенный порядокъ производства предварительнаго слѣдствія (которое, по усмотрѣнію прокурора судебной палаты, можетъ быть замѣнено жандармскимъ дознаніемъ) и сохраняя за собою право и административнаго разрѣшенія такого рода дѣлъ.

Правительство очутилось въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ раньше. Его политика поколебалась. Циркуляръ о пріостановкѣ выселенія евреевъ изъ мѣстъ, гдѣ они не имѣютъ права жительства, мотивированный необходимостью не плодить напрасно новое неудовольствіе, былъ однимъ изъ мелкихъ, но характерныхъ симптомовъ чувства неувѣренности. Погромная агитація, снова начавшаяся было, въ связи съ войною, также была мѣрами администраціи быстро прекращена. Но эти новые элементы въ политикѣ Плеве не успѣли еще опредѣлиться сколько-нибудь замѣтно, когда 15 іюля 1904 г. онъ былъ убитъ бомбой, брошенной Г. Сазоновымъ. Еще раньше сошелъ со сцены его видный сотрудникъ, финляндскій генералъ-губернаторъ Бобриковъ: 16 іюня 1904 г. его поразила пуля изъ револьвера Евгенія Шаумана, сына одного изъ финляндскихъ сенаторовъ.

---

[1]) О войнѣ и ея значеніи будетъ помѣщена особая статья во II томѣ.

Наступилъ періодъ нерѣшительности. Болѣе мѣсяца должность министра внутреннихъ дѣлъ оставалась незанятой. Но ходъ войны, усиливавшій внутреннее броженіе, рѣшилъ вопросъ. Еще манифестомъ 11 августа, изданнымъ по случаю рожденія наслѣдника, было отмѣнено тѣлесное наказаніе по приговорамъ волостныхъ судовъ и сложены всѣ недоимки по окладнымъ сборамъ. Въ тотъ же день особый законъ далъ нѣкоторыя льготы въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ еврейскимъ купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ, окончившимъ высшія учебныя заведенія. Эти же льготы были распространены и на тѣхъ евреевъ-солдатъ, которые отличатся на войнѣ.

Послѣ пораженія при Ляо-Янѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ кн. Святополкъ-Мирскій, который въ бесѣдахъ съ представителями русской и иностранной печати обѣщалъ широкія реформы. Реформы эти сводились къ обѣщанію выполнять программу 26 февраля 1903 г. «въ честномъ, либеральномъ духѣ», къ предоставленію земствамъ бо́льшей свободы и бо́льшихъ полномочій, къ ослабленію, но не уничтоженію стѣсненій для евреевъ и къ снисходительному отношенію къ молодежи. Обществу было обѣщано «довѣріе». Но, въ данный моментъ, дѣло шло не столько о будущихъ реформахъ, сколько о томъ или иномъ направленіи административной практики, и эта практика, на первыхъ порахъ, сопровождалась несомнѣннымъ ослабленіемъ репрессій по отношенію, главнымъ образомъ, къ движенію общественныхъ верховъ и интеллигенціи. Земскія ревизіи были пріостановлены, сосланные и высланные въ эпоху Плеве земцы возвращены. Въ то же время, во вниманіе къ общественному мнѣнію этихъ круговъ, былъ открытъ судъ надъ Г. Сазоновымъ. Мѣнялась и окраинная политика: новый финляндскій генералъ-губернаторъ кн. И. Оболенскій (бывшій харьковскій губернаторъ) въ своей рѣчи къ сенату выразилъ «уваженіе къ финляндцамъ за ихъ преданность къ родинѣ и внутреннему общественному строю» и обѣщалъ, что «въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни». Это было возвѣщеніе конца Бобриковской политики.

Общественныя группы, получившія возможность болѣе свободно двигаться, воспользовались этимъ относительнымъ просторомъ для того, чтобы укрѣпить за собою завоеванныя позиціи и захватить новыя. Печать заговорила болѣе свободнымъ языкомъ и пользовалась опытомъ войны для обличенія всего устарѣвшаго строя. Земскіе круги пришли въ движеніе и рѣшили созвать новый съѣздъ предсѣдателей земскихъ управъ и представителей различныхъ земствъ. Кн. Святополкъ-Мирскій предложилъ имъ собрать этотъ съѣздъ открыто, разсчитывая такимъ образомъ сузить его программу. Но, когда выяснилось, что программа остается прежнею, министръ не только взялъ назадъ свое разрѣшеніе, но запретилъ земцамъ съѣзжаться. Несмотря на это запрещеніе, съѣздъ состоялся 6—8 ноября въ Петербургѣ и принялъ свои извѣстныя, конституціонныя резолюціи, ставшія исходнымъ пунктомъ для политическихъ дебатовъ въ земскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, разнаго рода обществахъ. Интеллигентская демократія использовала это видимое отступленіе администраціи для организаціи ряда банкетовъ, въ которыхъ принимали участіе представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, вплоть до чиновниковъ, и на которыхъ принимались

политическія резолюціи все болѣе и болѣе радикальнаго характера. Къ резолюціямъ земскаго съѣзда начала примыкать, въ лицѣ Московской городской думы и Московскаго биржевого комитета, и городская буржуазія.

Правительство ясно увидѣло, что движеніе идетъ гораздо дальше тѣхъ реформъ, которыя оно предполагало. Оно рѣшило вернуться къ репрессивнымъ мѣрамъ и въ то же время опубликовать свою программу, какъ предѣлъ, дальше котораго оно не намѣрено допускать ни одного шагу.

Газетамъ было запрещено писать о земскомъ съѣздѣ 6 ноября, и на нихъ обрушились кары, вплоть до закрытія („Сынъ Отечества“). Надъ участниками банкетовъ было назначено предварительное слѣдствіе, съ цѣлью привлеченія къ суду. На адресѣ Черниговскаго губернскаго земскаго собранія, въ духѣ резолюцій земскаго съѣзда, была положена резолюція, признававшая адресъ «дерзкимъ и безтактнымъ», а черниговскому губернскому предводителю дворянства Муханову былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Полиція безпощадно расправилась съ демонстрантами въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ то же время случилось и избіеніе либеральныхъ земцевъ въ Тамбовѣ реакціонными элементами.

12 декабря 1904 г. былъ опубликованъ Высочайшій указъ о мѣрахъ къ усовершенствованію государственнаго порядка. Этотъ указъ подчеркивалъ «непремѣнное сохраненіе незыблемости основныхъ законовъ имперіи» и намѣчалъ слѣдующую программу реформъ: 1) облегченіе способовъ достиженія правосудія лицамъ, потерпѣвшимъ отъ произвольныхъ дѣйствій администраціи; 2) расширеніе компетенціи земства въ сферѣ мѣстнаго благоустройства, самостоятельность ихъ въ этой области, однородное представительство въ земствѣ всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія и образованіе мелкой земской единицы; 3) единство въ устройствѣ судебной части и обезпеченіе самостоятельности суда; 4) государственное страхованіе рабочихъ; 5) пересмотръ исключительныхъ положеній, суженіе территоріи ихъ дѣйствія и примѣненіе ихъ лишь въ случаяхъ, дѣйствительно, угрожающихъ государственной безопасности; 6) пересмотръ узаконеній о раскольникахъ и лицахъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, а также административныя мѣры въ духѣ вѣротерпимости; 7) пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей, въ смыслѣ расширенія ихъ правъ; и 8) расширеніе свободы печати.

Но центральный пунктъ указа касался вопроса о крестьянахъ, представлявшаго, при данныхъ условіяхъ, особую важность. Указъ, упоминая о работахъ губернскихъ совѣщаній надъ проектомъ «редакціонной комиссіи» министерства внутреннихъ дѣлъ, снова выдвигалъ на первый планъ еле влачившее свои дни «Особое совѣщаніе», подъ предсѣдательствомъ Витте. Онъ подчеркивалъ, что въ этомъ совѣщаніи «изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни, на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей».

Таковъ былъ указъ 12 декабря. Но, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть его характеръ предѣльнаго пункта уступокъ и въ то же время ясно вскрыть всю противорѣчивость реформаторской дѣятельности правительства, на слѣдующій же день послѣ указа появилось правительственное сообщеніе, взывавшее къ «сочувствію благомыслящей части общества» въ борьбѣ съ крамолой, проникшей и въ земства, и въ думы, охватившей и общества, и собранія, и печать, и частныхъ лицъ, и дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, и даже лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Всему этому общественному движенію правительственное сообщеніе возвѣщало безпощадную войну.

Но, поскольку указъ 12 декабря являлъ собою правительственную программу, въ немъ, въ противоположность манифесту 26 февраля 1903 г., и въ крестьянскомъ вопросѣ, и во всѣхъ другихъ пунктахъ торжествовали тенденціи Витте надъ традиціонными тенденціями министерства внутреннихъ дѣлъ. И, дѣйствительно, «Особому совѣщанію» было повелѣно разсмотрѣть заключенія образованныхъ положеніемъ 22 марта 1902 г. мѣстныхъ комитетовъ по вопросамъ крестьянскаго дѣла, «коимъ—какъ сказано въ повелѣніи—мѣстные комитеты придавали особое значеніе, справедливо полагая, что устройство быта крестьянъ, составляющихъ 76% всего населенія Имперіи, должно быть положено въ основу всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда».

Поворотъ политики въ области крестьянскаго вопроса былъ такъ ясенъ, что многія губернскія совѣщанія, работавшія надъ проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сочли свою миссію законченной. Кн. Святополкъ-Мирскій, циркуляромъ отъ 31 декабря, предложилъ губернаторамъ принять мѣры къ продолженію занятій губернскихъ совѣщаній и при этомъ пытался истолковать указъ 12 декабря такимъ образомъ, что имъ не исключается ни сохраненіе сословной обособленности крестьянъ, ни сохраненіе сословнаго крестьянскаго суда, ни дѣятельность земскихъ начальниковъ, а доказывалъ, что работы «Особаго совѣщанія», подъ предсѣдательствомъ Витте, имѣютъ лишь подсобное значеніе.

Но, какъ бы то ни было, ни планъ Витте, ни планъ министра внутреннихъ дѣлъ въ данный моментъ особаго практическаго значенія не имѣли. Исторія судила такъ, чтобы уже ни одинъ «планъ» не былъ въ состояніи спасти неприкосновенность стараго строя.

24 декабря палъ Портъ-Артуръ, и это паденіе, предрѣшавшее судьбу войны, нашло могучій откликъ внутри страны. Наступалъ день 9 января...

М. НЕВѢДОМСКІЙ.

Наша художественная литература предреволюціонной эпохи.

Врядъ-ли можно указать какую-нибудь иную область человѣческаго творчества, которая бы такъ послушно и добросовѣстно отражала въ себѣ всѣ перепетіи общественной эволюціи, какъ отражаетъ ихъ художество и, особенно, художественная литература. Въ этомъ смыслѣ, они мягки и пластичны, какъ воскъ, а произведенія художества—это восковые слѣпки съ жизни.

Но наряду съ этой добросовѣстностью и послушностью воска, художественная литература обладаетъ еще двумя свойствами: инерціей,—въ силу которой она лишь постепенно, продѣлывая всѣ промежуточные логическіе и психологическіе этапы, совершаетъ свои переходы отъ мотивовъ и пріемовъ одной эпохи къ мотивамъ и пріемамъ эпохи новой; а затѣмъ,—въ странахъ съ соприкасающейся культурой—художественная литература, помимо домашнихъ, родныхъ теченій жизни, отражаетъ на себѣ и формальное, и идейное вліяніе сосѣднихъ странъ—подобно водѣ въ соприкасающихся сосудахъ, стремится стоять на одномъ съ ними уровнѣ...

Вотъ почему, разобраться въ теченіяхъ русскаго художества предреволюціонной эпохи можно не иначе, какъ заглянувши въ эпоху предшествующую—это разъ; а во-вторыхъ — не упуская изъ виду европейскаго вліянія, которое какъ разъ въ предреволюціонную пору становится особенно ощутительнымъ: это была пора всесторонней *капитуляціи* нашей *передъ Европой*... Позднѣе, въ самые дни революціи, опять приподняла свою голову пресловутая—казалось, уже сданная въ архивъ, «самобытность», опять проявилась довольно громкая отрыжка нашего «мессіанства»—и въ политикѣ и въ искусствѣ. Но въ ту пору «восточниками» и самобытниками были лишь г. Плеве и его соратники, а русское общество оглядывалось на западъ, было насквозь западническимъ... И если на общественномъ движеніи, особенно на авангардѣ его, ясно отпечатлѣвалось вліяніе европейскаго соціализма и Маркса, то художество наше, за одно съ европейскимъ, усиленно, напримѣръ, впитывало въ себя идеи Ибсена и Ницше... Своеобразное сплетеніе мотивовъ текущей родной общественности съ традиціями и «инерціей» предшествующей *народнической* эпохи, а

также съ только-что указанными европейскими вліяніями намъ и предстоитъ прослѣдить...

Можно было бы приступить къ дѣлу такъ сказать—«статистическимъ методомъ»—путемъ цѣлаго ряда выдержекъ изъ беллетристики того времени, взятыхъ безотносительно къ ихъ художественной цѣнности. Это былъ бы трудъ интересный и доказательный, но и огромный: рамки настоящей статьи, разумѣется, не вмѣстили бы подобной «статистики». И я избираю другой путь, болѣе быстро приводящій къ цѣли и къ тому же вполнѣ законный, въ силу одной особенности нашей художественной литературы.

Эта литература до самыхъ послѣднихъ дней была дѣтищемъ и *порожденіемъ* нашей *интеллигенціи*. Она не только питалась идеями и настроеніями именно передовой части нашего культурнаго общества, но почти исключительно къ интеллигенціи обращалась, для нея создавалась. Интеллигенція же, до самаго послѣдняго времени, держала въ своихъ рукахъ судьбу каждаго литературнаго произведенія: успѣхъ автора и книги опредѣлялся оцѣнкой его въ сравнительно узкомъ интеллигентскомъ кругѣ читателей. Это было и счастьемъ, и проклятіемъ нашей литературы. Проклятіемъ—потому, что именно въ силу этого обстоятельства нѣсколько съуживался ея захватъ, и она, почти безъ перемежки, была литературой *идеологически-проповѣднической*, какъ бы слишкомъ «теоретичной», если и отражавшей дѣйствительность, то исключительно сквозь призму интеллигентскихъ переживаній и теорій; счастьемъ то же обстоятельство оказывалось потому, что интеллигентный читатель представлялъ изъ себя чуткую и цѣнную аудиторію: этотъ читатель подхватывалъ почти безъ исключенія все талантливое, живое, значительное, и излюбленными и превознесенными художники становились лишь—по заслугамъ... За исключеніемъ Тютчева и Фета, которые игнорировались въ народническую пору нашей интеллигенціей по фанатической ея приверженности лишь «къ гражданскому» искусству,—я не могъ бы назвать ни одного сколько нибудь значительнаго дарованія, которымъ бы «пренебрегъ», которое бы проглядѣлъ русскій читатель... Да и изъ этихъ двухъ исключеній, одно—Фетъ—могло быть «превознесено» лишь эклектически: безподобный въ чистой лирикѣ, онъ становится ниже средняго, какъ только прикоснется къ какой либо философской или общественной темѣ...

И вотъ, въ результатѣ всего этого, создался такой фактъ: всѣ *любимцы* нашей интеллигенціи, всѣ превознесенные читателемъ художники являлись одновременно — *кориѳеями* нашей литературы, въ смыслѣ чисто *художественномъ*, и лучшими *выразителями переживаній интелигенціи* въ данный моментъ,

Разбираясь въ эволюціи нашей литературы въ связи съ эволюціей нашей общественности, можно, слѣдовательно, съ полнымъ правомъ останавливаться почти исключительно на этихъ кориѳеяхъ и любимцахъ интеллигенціи, лишь изрѣдка прислушиваясь къ «хору», лишь мимоходомъ заглядывая въ произведенія ихъ менѣе яркихъ соратниковъ. Вотъ почему, вмѣсто «статистическаго» пріема, я въ настоящей статьѣ ограничусь характеристикой слѣдующихъ *этаповъ* нашего художества предреволюціонной эпохи: 1) *Чеховъ*, 2) *Вересаевъ*, 3) *Максимъ Горькій*, 4) *Леонидъ Андреевъ*.

Основной чертой нашей эволюціи за вторую половину XIX-го вѣка былъ переходъ отъ безпримѣсно-сельскаго уклада жизни къ смѣшанному сельско-городскому укладу. На смѣну культуры дворянско-крестьянской нарождалась культура буржуазно-городская съ пережитками — весьма, впрочемъ, прочными и тяжкими—предыдущей эпохи... Параллельно съ этимъ, какъ національная задача, назрѣвала задача—политическаго освобожденія,—ликвидаціи пережитковъ феодализма и—завоеванія юридической свободы личности.

Эти три основныя *темы жизни*, весьма общія по своему характеру, сознательно или безсознательно, пропитывали собою всѣ идеологическія настроенія и построенія и обусловливали безсмѣнный и напряженный интересъ къ тремъ, столь же общимъ, мотивамъ: *«тяжба города и деревни»*, *идея личности*, *элементы будущей революціи*.

Именно эти три мотива являются основными въ художественной литературѣ этого періода и, анализируя творчество нашихъ беллетристовъ, мы будемъ преимущественно прослѣживать эти нити, на которыя, какъ бисеръ, нанизывается все прочее—всѣ второстепенные мотивы, всѣ психологическія, индивидуальныя и случайныя детали.

«Тяжба деревни съ городомъ» отражалась идеологически прежде всего въ видѣ *тяжбы съ Европой*,—съ ея городской идеологіей... Начиная съ славянофиловъ и затѣмъ—«исправленнаго славянофильства» Герцена, этого основоположника нашего народничества, наша литература, можно сказать, вела своего рода «Тридцатилѣтнюю», а то и пятидесятилѣтнюю, войну съ Западомъ. Къ концу 70-хъ годовъ «критическое народничество» Салтыковыхъ, Успенскихъ и Михайловскихъ уже на-половину капитулировало передъ Европой—въ пунктѣ о политической свободѣ. Эта политическая свобода, наконецъ, была признана необходимымъ средствомъ для осуществленія самобытныхъ возможностей, заложенныхъ въ народѣ-мессіи... Но именно лишь *средствомъ*: цѣли, во имя коихъ она признавалась, оставались безъ перемѣны, какъ оставались безъ перемѣны оцѣнка дѣйствительности въ остальныхъ отношеніяхъ, и психологія, и этико-философское настроеніе... Тягой къ деревнѣ порожденное, тягой къ деревнѣ жившее, народничество—впитало въ себя многія черты психологическаго уклада деревни, съ ея пережитками общинно-родового быта: личность поглощалась и угнеталась пережитками этого быта въ деревнѣ—личность терпѣла ущербъ и въ умонастроеніи идеологовъ, растворяясь въ «хоровомъ началѣ», подчиненная исключительно *соціальнымъ* аспираціямъ. Господа отличались отъ крѣпостныхъ прежде всего въ соціальномъ отношеніи. Отсюда это аполитическое настроеніе, напряженное, исключительное вниманіе къ соціальному вопросу, абстрагированіе его отъ всего органически съ нимъ связаннаго... Съ другой стороны народничество, въ основѣ своей, было религіей «кающихся дворянъ» и неизбѣжно должно было содержать въ себѣ элементы аскетизма, христіански-покаянной морали, морали *узды*, съ идеей самопожертвованія и самоотреченія во главѣ угла, какъ высшей моральной цѣнности. Послѣднее было характернѣйшей чертой именно интимнаго настроенія, глубокой, *внутренней* подоплекой идеологіи того времени...

Формально, Михайловскій, напримѣръ, могъ заниматься конструированіемъ

цѣлой «біолого-соціологической» теоріи, на основѣ принципа «борьбы за индивидуальность» и «гармоническаго развитія личности». Но интимная сторона его взглядовъ, тѣмъ не менѣе, могла прорываться въ формулахъ въ родѣ знаменитой: «Пусть насъ сѣкутъ—мужика сѣкутъ же!»; и даже впослѣдствіи онъ могъ морально признавать и защищать подобную формулу, усматривая въ ней лишь практическаго и политическаго характера—недочеты... Мораль покаянія, мораль долга передъ народомъ, мораль самопожертвованія—настолько заполоняла умы и сердца, что ею заражались и пробавлялись ею не только интеллигенты изъ дворянъ, но и «праведники, не имѣющіе», казалось бы, «нужды въ покаяніи»,—разночинцы, какъ Успенскій или Достоевскій [1]).

Этой именно моралью пропитывались всѣ цвѣта, всѣ оттѣнки той многоцвѣтной радуги, которую являла изъ себя народническая мысль. Пассивный анархистъ, проповѣдникъ «непротивленія» Левъ Толстой и террористъ-народникъ Степнякъ-Кравчинскій—даже такія, казалось бы, крайности сходятся въ этомъ пунктѣ.

«Счастье—въ самопожертвованіи»—такъ резюмируетъ свое разсужденіе о смыслѣ жизни князь Неклюдовъ въ одномъ изъ первыхъ произведеній Л. Толстаго «Казаки».

А «нелегальный» герой «Домика на Волгѣ», повѣсти Степняка, съ этого девиза начинаетъ свой первый разговоръ съ дѣвушкой, въ которую влюбленъ...

Другая, не менѣе интимная черта умонастроенія того времени—это нѣсколько упрощенное рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніяхъ личности и среды или формъ жизни [2]). Это упрощенное рѣшеніе начинается еще съ Добролюбова. Народничество могло преувеличенно и механически трактовать значеніе формъ жизни изъ побужденій двоякаго рода: съ одной стороны такое толкованіе подкрѣпляло мечту

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, единственными, кажется, исключеніями въ нашей литературѣ являются фигуры *западника* Тургенева и „нигилиста“ Писарева, съ его индивидуалистическимъ настроеніемъ... Кстати: не имѣя возможности сослаться на какое нибудь литературное свидѣтельство, я все же считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь объ одной чертѣ „семидесятничества“, о которой мнѣ не разъ приходилось слышать отъ уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней дѣятелей того времени... По ихъ словамъ, несмотря на полное господство въ сферѣ общественныхъ вопросовъ морали долга и покаянія, въ личной жизни, въ ежедневномъ обиходѣ, гораздо большее вліяніе имѣли идеи Писарева. Такимъ образомъ, послѣднія какъ бы являлись коррективомъ къ аскетическому настроенію и, порождая нѣкоторую двойственность міросозерцанія, тѣмъ не менѣе могли служить жизненнымъ и жизнетворящимъ ферментомъ. Не надо забывать, однако, что именно Писареву, этому „оазису индивидуализма“ въ нашей тогдашней литературѣ, принадлежитъ слѣдующее изрѣченіе, сдѣланное въ бесѣдѣ съ Шелгуновымъ и передаваемое послѣднимъ: „Мыслящій реалистъ и мыслить-то имѣетъ право лишь постольку, поскольку голодный станетъ отъ этого болѣе сытымъ“... Этимъ изрѣченіемъ и Писаревъ вдвигается въ рамки эпохи.

[2]) Я ставлю здѣсь это не точное „*или*“ потому, что его, на мой взглядъ, ставила сама народническая эпоха: совершенно чуждые представленія о процессѣ развитія, какъ процессѣ *синтетическомъ*, народники не видѣли функціональной зависимости формъ жизни отъ среды и трактовали эти формы и эту среду, въ неясномъ смѣшеніи,—преимущественно, съ точки зрѣнія *страдающей* отъ нихъ „сознательной личности“...

о томъ гармоническомъ разцвѣтѣ жизни, который подаритъ міру деревня—этотъ «высшій типъ» (форма) развитія, если только удастся возвести его и на «высшую степень» (термины Михайловскаго); съ другой стороны естественно было въ послѣдующую эпоху—эпоху, когда уже обнаружилось безсиліе движенія—объяснять свои неудачи чисто *внѣшними* причинами, политической *формой*, и переоцѣнивать роль и значеніе послѣдней... Къ тому могло присоединяться еще неизгладимое впечатлѣніе отъ акта освобожденія крестьянъ, который современниками переживался, какъ актъ политической организаціи—правительства. Фактъ тотъ, что публицистика «критическаго» періода народничества, а художество всѣхъ его періодовъ, постоянно выпячиваютъ значеніе формъ жизни, игнорируя органическій характеръ общественной эволюціи, перегибая палку въ сторону механическаго всемогущества тѣхъ препонъ, которыя ставятъ среда и политическія формы...

Отсюда то нѣсколько дряблое отношеніе къ вопросу о личной вмѣняемости и отвѣтственности, то христіанское всепрощеніе, которыя, какъ-то уживаясь съ теоретическимъ возвеличеніемъ «роли личности въ исторіи», устанавливаются въ нашей литературѣ съ 70-хъ годовъ. Все и всегда объясняется и какъ бы оправдывается «средой», «формой». Еще Крестовская—псевдонимъ даетъ длинный рядъ «идеальныхъ», но «засасываемыхъ средой» фигуръ. Суровый Салтыковъ и тотъ (въ заключительныхъ сценахъ) отпускаетъ грѣхи и г-жѣ Падейковой и Іудушкѣ Головлеву, а въ «Святой ночи» останавливается въ своей «всеобщей амнистіи» только передъ Іудой предателемъ, подведши предварительно подъ нее всевозможныхъ грѣшниковъ до «неправедныхъ властителей»—включительно. «Эпигоны народничества» 80-хъ и начала 90-хъ годовъ съ особенной охотой именно въ этомъ пунктѣ проливаютъ свою «слезу»...

Такъ, въ общихъ чертахъ, обстояло дѣло съ вопросомъ о личности въ народническую эпоху. Мы сейчасъ увидимъ, какую любопытную эволюцію этотъ вопросъ продѣлаетъ въ послѣдующую эпоху и какъ возраженія и поправки начнутся именно въ томъ пунктѣ вопроса, на которомъ я только что останавливался—въ пунктѣ объ отношеніяхъ личности и среды.

* * *

Огромная идеологическая волна, поднятая соціальнымъ переворотомъ паденія рабства, уже разстилается въ безсиліи. Народничество доживаетъ свои послѣдніе дни и близится къ полной ликвидаціи. Его темы исчерпаны, его иллюзіи изжиты, разбитыя неопровержимыми аргументами дѣйствительности. Блестящая, яркая полоса въ жизни русской интеллигенціи, выдвинувшая плеяду такихъ талантовъ, какъ Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, Салтыковъ, Успенскій, создавшая національное искусство,—смѣняется безвременьемъ 80-хъ годовъ. Гнетъ политической реакціи совпадаетъ съ моментомъ *внутренняго* безсилія, идеологическаго банкротства. Кончились героическія мечты и подвиги интеллигенціи, пришла пора грошеваго, тусклаго, безыдейнаго культурничества. «Идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны»—провозглашаетъ типичный для этой полосы журналъ «Недѣля» и проповѣдуетъ «признаніе дѣйствительности» и крохоборствуетъ по части «отрадныхъ явленій»... Земство, по выраженію Щедрина,

занято «луженіемъ умывальниковъ», интеллигенція преподаетъ въ школахъ грамоту, прописываетъ рецепты голодному народу или, сама слѣдуя «рецепту» Л. Толстого, занимается «опростительствомъ» въ «трехъ упряжкахъ»... Откуда-то изъ подполья доносятся разрозненные и слабые голоса послѣднихъ народовольцевъ... Мѣсто ставшихъ «безсильными» отцовскихъ и дѣдовскихъ идеаловъ никакими новыми идеалами не заполнено, остается пустымъ... И на смѣну яркихъ и смѣлыхъ художниковъ-идеологовъ предшествующихъ десятилѣтій появляется «хмурая», грустно-безыдейная фигура Чехова.

Онъ начинаетъ, правда, съ беззаботнаго смѣха—своими непритязательными «пестрыми разсказами» (и—скажу въ скобкахъ—создаетъ новый у насъ жанръ *юмористическаго очерка*, въ которомъ нѣтъ ему равныхъ), но, какъ только созрѣваетъ, его талантъ «хмурится» и Чеховъ начинаетъ *возражать*... Сознательно и теоретически, онъ порываетъ съ своими предшественниками только въ одномъ пунктѣ: онъ отказывается отъ царившей дотолѣ въ нашей литературѣ и критикѣ теоріи гражданскаго искусства и (въ письмѣ къ Плещееву 1887 г.) заявляетъ: «Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индивидуалистъ... Я хотѣлъ бы быть *свободнымъ художникомъ* и только...». Но цѣлый рядъ его очерковъ показываетъ, что идеалы «дѣдовъ и отцовъ» не только «безсильны» надъ нимъ, но уже вдохновляютъ его и на «возраженія». Цѣлый рядъ его очерковъ рисуетъ именно ликвидацію этихъ идеаловъ. Въ искусственномъ по фабулѣ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» изображенъ разувѣрившійся въ своей вѣрѣ террористъ, которому лишь «трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ»; въ «Скучной исторіи» и «Хорошихъ людяхъ» выведены либералы: въ первой профессоръ, «другъ Кавелина и Пирогова», оказывается лишеннымъ того, «что называется общей идеей», во второмъ очеркѣ—писатель-либералъ «отдѣлывается фельетонами отъ самыхъ трудныхъ жизненныхъ вопросовъ», «возлагаетъ вѣнки», да поетъ «gaudeamus», за каковые грѣхи его и забываютъ всѣ на слѣдующій же день послѣ его смерти; въ очеркѣ «На пути» въ фигурѣ Лихарева съ грустной иронією трактуется цѣлый рядъ идеологическихъ увлеченій нашей интеллигенціи—отъ славянофильства до хожденія въ народъ и нигилизма и т. д.

Любопытное *возраженіе* на теоріи «дѣдовъ и отцовъ» имѣется въ первой драмѣ Чехова «Ивановъ». Герой драмы довольно смутный, не додуманный типъ. Земецъ, по своему положенію, онъ говоритъ о своей молодости въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ можно видѣть намекъ «эзоповскимъ языкомъ» на его революціонное прошлое:

„Былъ *я* молодымъ, горячимъ, искреннимъ, не глупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и натянулись жилы... И вотъ какъ жестоко мститъ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье, я старъ, я уже надѣлъ халатъ“...

Далѣе слѣдуютъ слова, которыя являются *лейтмотивомъ* Чехова. Онъ пронесетъ этотъ лейтмотивъ неизмѣннымъ отъ первой своей драмы до пред-

послѣдней «Трехъ сестеръ», черезъ всѣ почти драмы, очерки и повѣсти, написанныя въ промежуткѣ:

„Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу"...

Повидимому, Чеховъ въ «Ивановѣ» занятъ тѣмъ явленіемъ русской жизни, которое, какъ говорятъ, одинъ англичанинъ характеризовалъ такъ: «Русскіе въ двадцать лѣтъ всѣ — герои, а въ 30 — подлецы»... Явленіе — легко объяснимое тѣмъ отсутствіемъ легальнаго творческаго дѣла, которое въ политически свободныхъ странахъ имѣется къ услугамъ любого средняго по силамъ и темпераменту человѣка, а у насъ низведено до минимума, въ смыслѣ количественномъ, а качественно—изуродовано до утраты всякаго смысла. Но Чеховъ явно винитъ самую интеллигенцію: она «взваливаетъ на себя непосильную ношу», «не умѣетъ расходовать своихъ силъ», «не знаетъ жизни», а въ результатѣ, даетъ — Ивановыхъ... Чеховъ даже въ общей формѣ подчеркиваетъ эту мысль и пишетъ сцену, совсѣмъ въ родѣ той, которую впослѣдствіи изобразитъ буйный апологетъ личности Горькій въ своемъ «Коноваловѣ»...

Одно изъ дѣйствующихъ въ драмѣ Чехова лицъ, Лебедевъ, объясняетъ злополучіе Иванова такъ:

«— Знаешь что? Тебя, братъ, среда заѣла!

— Глупо, Паша, и старо»,—отвѣчаетъ Ивановъ.

Это не мѣшаетъ, впрочемъ, справедливому Чехову отмѣтить тутъ же, что «*во всемъ уѣздѣ*» интеллигентный Ивановъ могъ побесѣдовать «потолковать объ умномъ»—только съ одной помѣщичьей дочерью Сашей...

Народническая критика, съ Михайловскимъ во главѣ, довольно непривѣтливо встрѣтила огромное дарованіе Чехова. Ужь если Чеховъ «не можетъ выработать собственный идеи», писалъ Михайловскій, то пусть станетъ хоть «поэтомъ тоски по общей идеѣ», и опредѣлялъ его дарованіе словами, взятыми изъ заглавія одного Чеховскаго очерка:—«Холодная кровь», а въ «Ивановѣ» усматривалъ лишь «апоѳеозъ безсилія». Но, въ сущности, именно «Ивановъ» является наиболѣе бодрой, съ наибольшею вѣрой въ человѣческую личность написанною вещью Чехова. Впослѣдствіи, онъ отчасти сдается въ пунктѣ о *вмѣняемости*, да и вообще какъ бы слѣдуетъ совѣтамъ критика: во второй половинѣ своей дѣятельности онъ создаетъ безконечную вереницу именно «тоскующихъ по общей идеѣ» фигуръ, съ лейтмотивомъ, прозвучавшимъ уже и въ «Ивановѣ»,— фигуръ сѣренькихъ, угрюмо-безсильныхъ, изнывающихъ отъ безсмыслицы своего существованія, то боящихся жизни («Страхъ»), то измученныхъ до болѣзни («Случай изъ практики»), то злобно вымещающихъ свою тоску на окружающихъ [1])...

---

[1]) Интересно, что англійскихъ критиковъ, писавшихъ о Чеховѣ, по поводу появленія его очерковъ въ англійскомъ переводѣ, больше всего поразила именно послѣдняя черта — не нужнаго, безцѣльнаго мучительства,—проявляемая то и дѣло его персонажами („Мужъ", „Печенѣгъ", „Моя жизнь"—passim, и т. д.). Именно по этому поводу одинъ изъ критиковъ замѣтилъ, что „не понимаетъ, какъ можно жить въ подобной странѣ"...

Что касается *вмѣняемости* личности, то здѣсь Чеховъ, послѣ «Иванова», какъ бы дѣлаетъ шагъ назадъ, приближающій его къ его предшественникамъ. Все чаще и чаще слышится у него нота о пагубномъ вліяніи среды и, со страннымъ однообразіемъ, повторяется указанное мною и въ «Ивановѣ» замѣчаніе объ «уѣздѣ» или «городѣ», съ «двумя» только персонами, которыя могутъ «перекинуться словами», «потолковать» и т. д. («Жена», «Моя жизнь», «Палата № 6», «Дядя Ваня», «Три сестры» и др.). Все чаще появляются и фигуры «заѣдаемыхъ средой» интеллигентовъ (Астровъ въ «Дядѣ Ванѣ», «Іонычъ», «Учитель словесности» и др.). Однако, Чеховъ все же не впадаетъ въ старое, давно проторенное русло. Онъ объявляетъ несостоятельными *и среду, и героевъ*. Онъ какъ бы сплошной крестъ ставитъ надъ всей нашей дѣйствительностью, надъ всѣми заложенными въ ней возможностями. Среди надрывающихся въ тоскѣ по смыслѣ жизни, среди воплей «О, если бы только знать!.. («Три сестры»), лишь изрѣдка раздаются утѣшенія въ видѣ болѣе чѣмъ смутной мечты о томъ—«какъ прекрасна будетъ жизнь лѣтъ этакъ черезъ 200—300»... Общій же основной фонъ—тьма, безпросвѣтность; основная мелодія—мелодія его «свирѣли» (въ очеркѣ того же названія), мелодія оскудѣнія, вымиранія, небытія...

Подъ конецъ своей дѣятельности, отчасти измѣняя прежнимъ строго реалистическимъ своимъ пріемамъ и впадая въ символизмъ, онъ даетъ итоги существованія уже не отдѣльныхъ лицъ и группъ, а цѣлыхъ классовъ.

Надъ крестьянствомъ онъ ставитъ крестъ въ «Мужикахъ», повѣсти страдающей, пожалуй, недостаточной глубиной психологическаго захвата, но хорошо выдвигающей мрачную безысходность деревенской жизни и очень характерной для Чехова и его времени. (Къ этой вещи я еще вернусь).

Дворянство, вырождающееся и оскудѣвающее, изображено Чеховымъ въ его *лебединой пѣснѣ*—«Вишневомъ садѣ».

Тамъ же, заодно съ оскудѣвшими дворянами, изображенъ и грядущій имъ на смѣну представитель «накопленія» Лопахинъ—изображенъ, однако, совсѣмъ не въ видѣ грядущей силы, а уже съ червоточиной въ душѣ, какъ бы свидѣтельствующей и о его несостоятельности...

Уже совсѣмъ безнадежный итогъ подведенъ мѣщанству и кулачеству повѣстью «Въ оврагѣ», гдѣ поистинѣ безпросвѣтно царятъ—«безчеловѣчныя отношенія»...

Въ такую-то среду, какъ въ болото, затягивается личность, и сама по себѣ безсильная и несостоятельная,—вотъ итогъ, который подвелъ Чеховъ всей нашей дѣйствительности[1]).

«Недѣля» провозглашала Чехова «своимъ»... Но если онъ и относился сюда, по отсутствію всякой идеологіи, то, съ другой стороны, врядъ ли можно себѣ

---

[1]) Фабричный рабочій людъ мало трактуется Чеховымъ, но гдѣ мимоходомъ затронутъ („Случай изъ практики", „Бабье царство", „Моя жизнь") — тамъ вы не найдете никакихъ иныхъ красокъ, кромѣ все тѣхъ же... Чеховскихъ: отмѣчается некультурность, пьянство, драки и безконечный трудъ на пользу капитала, который представляется Чехову въ образѣ какого-то „діавола съ огненными глазами, поработившаго жизнь этихъ людей" („Случай изъ практики")...

представить болѣе разрушительное опроверженіе именно «недѣльныхъ» культуртрэгерскихъ теорій, нежели писанія Чехова... Итоги его были настолько *радикально* безнадежными, давали такое полное отрицаніе нашей дѣйствительности (вмѣсто того «признанія» ея, которое проповѣдывали крохоборы изъ «Недѣли»), что, совершенно помимо воли «безпартійнаго» ихъ автора, чеховскія писанія сыграли огромную публицистическую роль: они толкали мысль къ выводу, что *такой* болѣзни гомеопатіей не излѣчишь, что необходимы medicamenta heroica,— чтобы встряхнуть и оздоровить эту застоявшуюся, съ верху до основанія прогнившую трясину... И интересно отмѣтить, что наибольшій успѣхъ Чехова относится именно къ той порѣ, когда уже наступало оживленіе, когда трясина заколыхалась, когда Чеховскіе мотивы—въ жизни—уже стали пройденной ступенью, были уже такъ сказать — преодолѣны... Интеллигенція давно признала и читала Чехова. Но истиннымъ *любимцемъ* и какъ бы выразителемъ отрицательной или *отрицающей* стороны новаго умонастроенія онъ становится только во второй половинѣ 90-хъ годовъ.

Совершенно исключительная «боевая» роль выпала на долю его повѣсти «Мужики». Она появилась въ 1896 году, когда интеллигенція уже усиленно пополняла лагерь марксизма. И около этой повѣсти разгорѣлся жаркій споръ между станомъ эпигоновъ народничества и марксистами. Послѣдніе видѣли въ ней полное подтвержденіе своего скептическаго взгляда на деревню и мужика— этого недавняго идола, являвшагося источникомъ всѣхъ чаяній и надеждъ. Народники всѣми силами старались подорвать художественное значеніе повѣсти, вскрывавшей такую горькую правду о деревнѣ... Въ нашей художественной литературѣ эта повѣсть явилась этапомъ: до нея (за изъятіемъ развѣ одного Рѣшетникова) деревня изображалась не иначе, какъ сквозь призму народнической утопіи. Народники послѣдней фазы, какъ Успенскій и Каронинъ, давали правдивыя картины, совершенно опровергавшія ихъ собственныя теоріи, но тутъ же настаивали на этихъ теоріяхъ, подгоняли къ нимъ освѣщеніе картинъ. Чеховъ первый очистилъ, оголилъ даже, представленіе о деревнѣ отъ этой пелены интеллигентской предвзятости—и далъ одну мрачную, пожалуй, даже односторонне-мрачную правду.

Самъ онъ, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, былъ далекъ отъ всякой предвзятости, отъ всякой публицистики и теоретичности. Въ данномъ случаѣ, крестъ на деревнѣ являлся у него лишь частью общаго креста, поставленнаго имъ надъ всей нашей дѣйствительностью...

Насколько творчество Чехова, при всей его *атеоретичности*, было *интеллигентскимъ*, явствуетъ изъ того факта, что онъ явился такимъ полнымъ и адекватнымъ выраженіемъ полосы „восьмидесятничества“. Эта унылая, на долго памятная, пора въ сущности являлась вѣдь порой только интеллигентской безпомощности, интеллигентскаго унынія. Интеллигенція со своими надеждами и программами жизни была загнана въ тупикъ, и это было для нея ново и она впадала въ прострацію. Но вѣдь въ толщѣ жизни, въ существованіи тѣхъ, «кого— по выраженію Щедрина—не знаетъ исторія», ничего новаго со времени 60-хъ годовъ не произошло, никакого особеннаго перелома не случилось. Здѣсь молекулярно протекали тѣ процессы, которые впослѣдствіи, наростая въ силѣ и распространенности, проявились во внѣ и наполнили интеллигенцію новыми надеждами,

создали для идеологовъ и борцовъ новую почву. Выбитая же изъ своихъ позицій интеллигенція ничего не видѣла предъ собою, кромѣ культурническаго крохоборства... Культурная работа, всегда мало-радостная, лишенная всякаго подъема,—въ эпохи, когда меркнетъ сіяніе обобщающаго и всеосмысливающаго идеала, становится особенно безпросвѣтной... Любимыми объектами Чеховскаго творчества вѣдь и были эти культурные работники — учителя, земскіе врачи, особенно врачи. И онъ вѣрно отражалъ *ихъ* умонастроеніе...

Разочарованіе въ «идеалахъ дѣдовъ и отцовъ» доходило въ Чеховѣ до скептическаго отношенія ко всякимъ теоріямъ и программамъ жизни. Болѣе *атеоретическаго* художника не появлялось въ нашей литературѣ. Свой скептицизмъ въ этомъ смыслѣ онъ выразилъ не только въ указанныхъ выше «возраженіяхъ», въ очеркахъ, трактующихъ теоріи «дѣдовъ и отцовъ», но и въ болѣе общей формѣ — въ такихъ вещахъ какъ «Палата, № 6» и «Пари», пожалуй «Дуэль»: здѣсь, повидимому, поется панихида именно всякимъ теоріямъ, всякой философіи жизни... «Возраженія» его, впрочемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ критикуемыя имъ идеологіи, по существу, довольно чужды ему: эти возраженія обнаруживаютъ очень мало интимнаго пониманія, въ большинствѣ не попадаютъ въ цѣль, нѣсколько—sit venia verbo—«косолапы»...

Единственный положительный идеалъ общественнаго характера, который можно высмотрѣть въ его писаніяхъ,—это идеалъ культуры, культурности. Нѣсколько наивнымъ призывомъ къ «распространенію грамотности» заканчиваетъ онъ свою мрачную панихиду по «Мужикамъ». Въ его оцѣнкахъ, какъ въ художественныхъ произведеніяхъ, такъ и въ письмахъ, то и дѣло фигурируетъ требованіе «воспитанности», культурности. Культурностью своей его плѣняла Европа, какъ видно изъ его предсмертныхъ писемъ изъ Баденвейлера... Въ этомъ общемъ, достаточно неопредѣленномъ смыслѣ, онъ можетъ быть названъ *западникомъ*. Во всякомъ случаѣ, ужъ ни одного намека на увлеченіе россійской «самобытностью», ни одной мечты о «новыхъ словахъ», имѣющихъ быть произнесенными нашей родиной, въ его писаніяхъ найти нельзя...

Глухая, безъидейная, пора восьмидесятничества обкарнала крылья огромному художественному дарованію Чехова, сдѣлала изъ него *безкрылый талантъ*.

Но, быть можетъ, именно его далекость отъ всякихъ теорій, именно его «безкрылость» помогла ему особенно болѣзненно, «на собственной шкурѣ»—такъ сказать, прочувствовать и заклеймить въ яркихъ образахъ главную язву нашего существованія.

Самое крупное, на мой взглядъ, обобщеніе, сдѣланное Чеховымъ, впервые сформулировано имъ въ началѣ послѣдняго (символическаго) періода его творчества въ очеркѣ «Въ оврагѣ». Совсѣмъ ирреалистично, по странному капризу художника, эта формула вложена въ уста фальшиваго монетчика и сыщика Анисима: когда онъ уже чувствуетъ себя выслѣженнымъ и готовится попасть въ руки такъ называемаго правосудія, въ немъ на минуту закипаетъ работа совѣсти и, прощаясь съ своей богомольной мачихой, онъ объясняетъ, почему до сихъ поръ ему некогда было подумать «о душѣ»: — «*Кто къ чему приставленъ*»...

Этотъ мотивъ повторяется въ очеркѣ «Бабы», этотъ мотивъ служитъ, въ сущности, фономъ всѣхъ картинъ жизни, нарисованныхъ Чеховымъ...

Не свободный и сознательный выборъ опредѣляетъ мѣсто и роль человѣка въ жизни, а тѣ безчисленныя сословныя, классовыя и культурныя перегородки, которыми онъ окруженъ и которыя давятъ его, какъ какой-то фатумъ, отъ самого дня его рожденія... «Паспортная система», «отсутствіе свободы передвиженія» не въ одномъ только буквальномъ, а и въ тысячѣ переносныхъ смысловъ,— вотъ основное проклятіе существованія въ полицейскомъ государствѣ, въ странѣ нищаго крестьянства, съ пережитками общинно-родового быта, въ царствѣ произвола и регламентаціи, въ царствѣ пресѣченій всякихъ уклоненій отъ «установленнаго порядка»...

И ущербъ личности, порождаемый этимъ порядкомъ съ девизомъ: «кто къ чему приставленъ»,—доходитъ до того предѣла, когда личность превращается либо въ какой-то деревянный механизмъ, если найдетъ себѣ мѣсто въ жизни и приростетъ къ тому, «къ чему приставлена» («Человѣкъ въ футлярѣ», профессоръ въ «Дядѣ Ванѣ», учитель въ «Трехъ сестрахъ» и т. д.); либо — не найдя мѣста въ жизни—обращается въ тѣнь человѣка, въ призракъ, въ такое-то мельканіе...

Уже въ драмѣ «Ивановъ», я отмѣтилъ лейтмотивъ Чехова:

«Безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я среди людей...» и т. д.

Въ прекрасномъ очеркѣ «По дѣламъ службы» фигура «Цоцкаго», всю жизнь невѣдомо для чего разносящаго пакеты, превращается въ сновидѣніи доктора въ символъ крестьянскаго—да и не одного крестьянскаго—существованія: «мы идемъ... мы идемъ... мы идемъ...» Куда? зачѣмъ?—отвѣта нѣтъ.

Упомянутыя уже мною фигуры Лихарева («На пути»), обоихъ героевъ «Палаты № 6», а затѣмъ Тани въ «Скучной исторіи», героини и Треплева въ «Чайкѣ», героя «Моей жизни» и его сестры, «Дяди Вани» и т. д. и т. д. — всѣ поютъ этотъ самый лейтмотивъ...

«Если бы знать... Если бы знать!..»,—съ воплемъ отчаянія восклицаютъ интеллигентныя героини драмы «Три сестры».

«Насъ нѣтъ, ничего нѣтъ на свѣтѣ, мы не существуемъ, а только кажется, что существуемъ... И не все ли равно»... — отвѣчаетъ имъ спившійся врачъ Чебутыкинъ.

И *«кто къ чему приставленъ»* Анисима и это чебутыкинское *«насъ нѣтъ»*—являются полюсами той оси, вокругъ которой вращаются почти всѣ драмы жизни, зарисованныя Чеховымъ...

Дуновеніе приближавшейся новой полосы жизни лишь совсѣмъ слабо, еле ощутительно, повѣяло на Чехова. Повидимому, въ немъ угасла воспріимчивость къ подобнымъ дуновеньямъ, повидимому онъ не въ силахъ былъ ни понимать, ни отражать ихъ въ своемъ творчествѣ. Тонъ его не мѣняется до самого конца. Такіе слабые намеки, какъ «Невѣста» (въ очеркѣ того же названія) или студентъ и Надя въ «Вишневомъ садѣ» — въ счетъ идти не могутъ: «Невѣста», которая, внявъ проповѣди чахоточнаго наборщика, отказываетъ обывателю-жениху и ѣдетъ на курсы, — чтобы «переломить жизнь» — очерчена совсѣмъ неопредѣленными,

блѣдными контурами; студентъ же въ драмѣ и влюбленная въ него гимназистка—совсѣмъ неудачны...

На долю Чехова выпало только похмелье послѣ перваго «романа» нашей интеллигенціи съ мужикомъ и «новое увлеченіе», какъ онъ его назвалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, не родило отклика въ его опустошенной, грустной душѣ. Безсильными оказались подъ нимъ идеалы не только «дѣдовъ и отцовъ», но и «дѣтей»...

Грустный герой Чеховской повѣсти «Моя жизнь», разбирая свои отношенія къ бросившей его женѣ, говоритъ про себя: «Я былъ лишь извозчикомъ, который довезъ ее отъ одного увлеченія къ другому».—Чеховъ могъ бы, пожалуй, повторить эти слова, опредѣляя отношенія между нимъ и интеллигенціей...

Это не мѣшало огромной толпѣ въ іюлѣ 1904 года устроить изъ похоронъ его — общественное событіе. Безчисленныя соболѣзнующія телеграммы, груды вѣнковъ, огромная «поминальная» литература въ журналахъ и газетахъ—свидѣтельствовали о томъ, какъ интеллигенція любила и цѣнила этого грустнаго пессимиста. Максимъ Горькій, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, хорошо подчеркнулъ публицистическую цѣнность его творчества: «Большой, умный, ко всему внимательный человѣкъ прошелъ мимо скучныхъ жителей своей родины... и сказалъ имъ: «стыдно такъ жить»... Въ самомъ дѣлѣ, если Чехова совершенно нельзя назвать сатирикомъ, какъ это дѣлаетъ г. Овсянико-Куликовскій, сближающій его со Щедринымъ, то несомнѣнно, съ другой стороны, что этотъ «пѣвецъ эпохи ликвидаціи сельской, дворянско-крестьянской культуры» спѣлъ всѣми писаніями своими такую мрачную отходную этой культурѣ, которая является лучшимъ обвинительнымъ актомъ противъ отживающей, но все еще не канувшей въ вѣчность, проклятой полосы нашей исторіи...

Изъ современниковъ Чехова упомяну о Всеволодѣ Гаршинѣ, г. Короленкѣ и поэтахъ Надсонѣ и Якубовичѣ-Мельшинѣ. Всѣ они, впрочемъ, нѣсколько старше Чехова и потому творчество ихъ еще окрашено народнической окраской, Якубовичъ же пишетъ еще совсѣмъ въ прежнихъ «традиціяхъ»...

Тихій, женственно-страдальческій Гаршинъ давалъ только безнадежные по настроенію перепѣвы народнически-революціонныхъ мотивовъ. Михайловскій подвелъ ему мѣткій итогъ, какъ пѣвцу личности, задавленной дѣйствительностью до положенія «мизинца отъ ноги». Лиризмъ Гаршина—лиризмъ тихаго отчаянія и вся его надежда—это какъ нибудь поддержать въ душахъ интеллигенціи тотъ моральный идеализмъ, которымъ нѣкогда горѣли сердца. По ироническому замѣчанію Льва Тихомірова («Какъ я пересталъ быть революціонеромъ») вся задача революціонеровъ того времени только къ тому и сводилась, чтобы въ сохранности передать слѣдующему поколѣнію революціонную идею—какъ въ церкви передаютъ свѣчку «празднику» отъ одного къ другому—«какъ бы не погасла!..» Тѣми же перепѣвами занимался въ своей нѣсколько афектированной, лишенной подлиннаго паѳоса, «гражданской» лирикѣ поэтъ Надсонъ. Г. Короленко, болѣе близкій сверстникъ Чехова, въ сущности хорошо олицетворяетъ ту же поворотную точку въ жизни нашей интеллигенціи, которую олицетворялъ и Чеховъ. Онъ

не боится «партій», программъ и теорій. Онъ сотрудничаетъ исключительно въ народническихъ органахъ, а впослѣдствіи и редактируетъ ихъ. Но если вы попробуете въ его беллетристикѣ доискаться міросозерцанія его, опредѣлить его идеологію, то увидите, что при всей его «вѣрности» школѣ и традиціямъ, отъ прежняго народническаго идеологическаго полета почти слѣда не осталось: ничего тутъ нѣтъ, кромѣ весьма широкихъ и общихъ принциповъ гуманности, неопредѣленнаго демократизма и радикализма, да пожалуй еще—все той же, что у Гаршина, заботы о передачѣ «зажженной свѣчки»... П. Якубовичъ, лучшія стихотворенія котораго вошли въ первый его сборникъ (подъ псевдонимомъ *Матвея Рамшева*), удачно, на мой взглядъ, опредѣленъ Старовѣромъ, какъ «*поэтъ героизма отчаянія*»: это былъ пѣвецъ разбитой «Народной воли»...

Къ началу 90-хъ годовъ появляется у насъ школа «мистиковъ идеалистовъ», нашедшихъ себѣ пріютъ въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ»[1]) и «декадентовъ», печатавшихся московской фирмой «Скорпіонъ».

Но въ ту пору они имѣли очень слабый резонансъ. Это было чисто подражательное—подъ французскій образецъ подлаженное—направленіе, не выдвинувшее ни одного сколько нибудь крупнаго художника. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, слѣдуетъ подчеркнуть: помѣшанные на эстетизмѣ эти господа именно въ эстетическомъ смыслѣ не дали ничего даже приближающагося къ творчеству «идейныхъ» художниковъ того времени, а ужъ тѣмъ паче предыдущей эпохи. Ни Гаршиныхъ, ни Чеховыхъ, ни даже Короленокъ—ихъ лагерь намъ не подарилъ... Упомянемъ изъ нихъ риторическихъ стихотворцевъ Минскаго и Мережковскаго (о романахъ послѣдняго рѣчь будетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи); музыкальнаго, но безсодержательнаго и банальнаго Бальмонта, да мастера въ версификаціи, давшаго нѣсколько стихотворныхъ перловъ, холодноразсудочнаго Брюсова. Стоитъ отмѣтить въ этомъ теченіи развѣ то исключительное вниманіе къ мотивамъ личности и индивидуальности, которое, при всей его извращенности и вычурности, все же какъ бы совпадало въ общемъ съ той линіей, по которой шла эволюція интеллигентскаго мышленія... Затѣмъ, у нихъ можно усмотрѣть и тотъ протестъ противъ съуживавшей рамки искусства «гражданской» его теоріи, который я отмѣчалъ у Чехова... По существу, это были, пожалуй, первые ростки народившейся нынѣ «культурности»,—первый лепетъ буржуазнаго искусства, порвавшаго съ жизнью, преслѣдующаго только формальныя цѣли «эстетизма», «техницизма», и имѣющаго только одно назначеніе — пріятнаго, занимательнаго, «интереснаго» заполненія — жизненной пустоты... Эти первые ростки дали затѣмъ цвѣточки, столь пышно распустившіеся въ пореволюціонные дни, а теперь дали и ягодки — въ лицѣ разныхъ Сологубовъ, Кузьминыхъ и прочихъ героевъ дня... Но здѣсь касаться ихъ сколько нибудь подробно нѣтъ резону: въ занимающую насъ пору они влачили совсѣмъ незамѣтное существованіе. Тогда они были, по выраженію г. Мережковскаго, лишь «слишкомъ ран-

---

[1]) Этому журналу принадлежитъ одна безспорная заслуга: онъ первый началъ знакомить русскаго читателя съ новаторами европейской литературы, внимательно слѣдя за новинками запада и давая переводы Гауптмана, Уайльда и др., которыхъ наша журналистика въ тѣ годы игнорировала.

ними предтечами слишкомъ медленной весны». Они отвернулись отъ жизни и жизнь платила имъ тою же монетой...

Приближается новая эпоха. Медленно, но неуклонно, наростаетъ волна новаго прилива и заливаетъ берегъ русской жизни... Появляется на сцену новый «народъ»—*городской*...

Уже достаточно многочисленный, онъ производитъ свои первыя, еще робкія, профессіонально-экономическія выступленія. Утратившая всякія надежды, всякую почву подъ ногами, интеллигенція настораживается и прислушивается... Какъ разъ въ это время разражается голодъ 1891—1892-го годовъ, охватившій до 20 губерній. Молодежь опять «тянетъ въ деревню»; она совершаетъ туда безчисленныя паломничества, но уже безъ прежнихъ надеждъ, а просто въ поискахъ живого дѣла, да развѣ еще съ безпокойнымъ стремленіемъ поближе заглянуть въ лицо — «сфинксу»... Результаты таковы, что окончательно затаптываютъ еле тепливіпіяся еще кое-гдѣ искорки народническаго утопизма. Многолѣтній ореолъ, какимъ окружена была деревня, окончательно разсѣевается...

«Революціонная» деревня, «народъ-соціалистъ въ душѣ», «община и артель» — оказываются уже безспорно интеллигентской *мифологіей* и не чѣмъ инымъ. Разочарованіе обостряется еще однимъ обстоятельствомъ.

Если специфически народническихъ надеждъ у новыхъ паломниковъ почти не было, то все же—у кого безсознательно, а у иныхъ и сознательно—жило въ душѣ одно ожиданіе... Казалось почти немыслимымъ, чтобы деревня спокойно перенесла такое испытаніе, ничѣмъ не отозвалась на бюрократическую политику, проявившую себя съ особеннымъ блескомъ именно въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Но голодъ кончился и бунты были, но только... *холерные*, гдѣ объектомъ ненависти и мести явилась интеллигенція, врачи...

Таковъ былъ поистинѣ мрачный эпилогъ романа интеллигенціи съ крестьянствомъ. Усиленнымъ темпомъ идетъ съ этого момента пересмотръ прежнихъ взглядовъ, переоцѣнка цѣнностей, поиски новыхъ отправныхъ точекъ... Быстрѣе и быстрѣе съ каждымъ годомъ пополняются ряды соціалъ-демократіи. Всеобщая стачка петербургскихъ ткачей въ 1896 г. производитъ огромное впечатлѣніе и даетъ могучій толчекъ въ ту же сторону. Какъ нѣкогда у спутниковъ Колумба при видѣ береговъ Америки, изъ интеллигентскихъ грудей раздается крикъ: «Земля!»... Заугрюмѣвшая безъ живого дѣла и широкихъ задачъ, обезсилѣвшая, висѣвшая въ воздухѣ интеллигенція какъ бы ощутила подъ ногами твердую, надежную почву... И тотчасъ же панихидные напѣвы Чеховской *свирѣли* смѣняются буйными призывными мелодіями Максима Горькаго...

Но, прежде чѣмъ перейти къ этому жизнерадостному Горькому, этому зачинателю новой полосы въ нашей художественной литературѣ, мнѣ надо остановиться на В. Вересаевѣ.

Вересаевъ начинаетъ писать въ переходный, сумеречный, еще не опредѣлившійся моментъ. Одной ногой онъ еще стоитъ въ 80-ыхъ годахъ, и его серьезно-вдумчивое творчество представляетъ нарѣдкость логичный и постепенный переходъ отъ одного *этапа* къ другому—отъ Чехова къ Горькому.

Именно сумеречный моментъ *перелома* прекрасно фиксированъ имъ въ повѣсти «Безъ дороги», напечатанной въ 1895 году еще въ «Русскомъ Богатствѣ».

„Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пусть же лучше оно зависитъ отъ меня"...

Мнѣ часто вспоминаются эти гордыя слова Базарова. Вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ, въ одно только и вѣрю, это именно въ неодолимую силу времени... Мысль эта наполняла меня ужасомъ, я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда жизнь, все — въ моемъ міросозерцаніи, что если я его потеряю, я потеряю все...

То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпляло меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени — сила страшная и не по плечу человѣку... Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой коротенькій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели эти—всего только младшіе братья вчерашнихъ?

Въ литературѣ шло какое то общее заворачиваніе фронта, и шло не во имя какихъ нибудь новыхъ началъ—о нѣтъ! Дѣло было ясно: это было лишь ренегатство, общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое, хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе то „завѣты" прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя.. Съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ"...

Или еще:

„Вѣдь у меня *ничего* нѣтъ. Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ дастъ? Оно ужъ давно мертво; это не любимая женщина, съ которою я живу одною жизнью, это лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ безжизненно нѣмъ и холоденъ; однако, обмануть себя я не въ состояніи... Но почему же, почему нѣтъ въ немъ жизни?"...

Эта горькая исповѣдь, такъ хорошо характеризующая моментъ, когда отъ народничества отлетѣлъ «духъ живъ», вложена Вересаевымъ въ уста земскому врачу—герою повѣсти «Безъ дороги»...

Врачъ этотъ, подобно чеховскому «неизвѣстному человѣку» или профессору изъ «Скучной исторіи», утерялъ «общую идею», разочаровался въ недавнемъ «увлеченіи» и лишь мучится угрызеніями совѣсти подъ пристальнымъ взглядомъ его двоюродной сестренки Наташи — живой, ищущей натуры, которая ждетъ отъ него отвѣта на вопросъ о смыслѣ и путяхъ жизни.

Отъ угрызеній этихъ онъ спасается работой въ холерномъ баракѣ въ заводской слободкѣ, гдѣ и погибаетъ подъ ударами своихъ паціентовъ во время холернаго бунта...

„Корчится тамъ нищета... Тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипитъ,
Слово проклятія робко звучитъ...
Другъ мой! Кому то проклятье назначено?
О, неужели же намъ, для кого

Горе народное—горе великое,
Намъ, осудившимъ насиліе дикое,
Намъ, для которыхъ любовь—божество?..“

Это изъ пѣвца «героизма отчаянія»—Якубовича...

А вотъ заключительныя строки Вересаевской повѣсти — послѣдняя, предсмертная запись въ дневникѣ героя повѣсти:

„Передо мной стоитъ Наташа... И я говорю ей, что не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу... И теперь мнѣ не стыдно говорить ей эти „высокія слова“...

Она жадно слушаетъ и не замѣчаетъ, какъ слезы льются по ея лицу; а я смотрю на нее и тихая радость овладѣваетъ мною; и я думаю о томъ, какая она славная дѣвушка, и какъ много въ жизни хорошаго, и... и какъ хорошо умирать“...

Настроеніе героя—смутное, растерянное... Онъ, вмѣстѣ съ Наташей, съ завистью глядитъ на юношу, расхаживающаго по квартирамъ и съ наивнымъ фанатизмомъ проповѣдующаго такой способъ борьбы съ нуждой:—пусть каждый обезпеченный человѣкъ возьметъ къ себѣ на прокормленіе одного-двухъ голодныхъ... У этого юноши все же есть какая нибудь вѣра, хоть какое нибудь дѣло; а у нихъ—ничего... Краски этой первой вещи Вересаева безпадежно унылыя, мелодіи почти Чеховскія...

Однако все же лишь—*почти*: въ полной энергіи и запросовъ фигурѣ Наташи уже чувствуется какое то «выпрямленіе», уже брезжитъ намекъ на какой то исходъ. Трагично это «бездорожье», но все же не слышно у Вересаева этого вопля Сони, изъ «Дяди Вани», утѣшающей себя и своего родственника призывомъ къ безсмысленной работѣ по хозяйству, да вѣрой въ отдыхъ — на томъ свѣтѣ:

„Мы будемъ работать, трудиться... И я вѣрую, дядя... я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ, мы отдохнемъ“...

Умирающій «безъ дороги» герой Вересаева призываетъ «искать дорогу», искать путей для работы — ужъ, конечно, не по счетоводству и домоводству... Онъ передаетъ «свѣчку» новому поколѣнію «не погашенной»...

Очеркъ «Повѣтріе» служитъ продолженіемъ повѣсти «Безъ дороги». Содержаніе его почти исчерпывается споромъ между двумя лагерями, на которые раздѣлилась наша интеллигенція. Авторъ выдерживаетъ объективный тонъ, но симпатіи его просвѣчиваютъ довольно ощутительно: двое народниковъ, одинъ—разъѣзжающій по Россіи и организующій сельско-хозяйственныя артели съ уставами, повелѣвающими «жить по Божьей правдѣ», а другой, подобно доктору изъ «Безъ дороги», ничего не имѣющій за душой, кромѣ теплыхъ чувствъ, да еще, впрочемъ, ожесточенія противъ «марксятъ» — явно пассуютъ въ спорѣ съ молодежью. А эта молодежь—(та же Наташа, что фигурируетъ въ «Безъ дороги», и юный студентъ) убѣжденно апеллируютъ къ объективному ходу вещей и иронизируютъ надъ вѣрой народниковъ — «въ хорошихъ людей»... Очеркъ мѣтко характеризуетъ ту позицію голаго сантиментализма, ту знаменитую «слезу», ко-

торая являлась главнымъ, если не единственнымъ, аргументомъ эпигоновъ народничества въ ихъ борьбѣ съ ненавистными «марксятами»..

Въ «Повѣтріи» Наташа изображена уже «нашедшей дорогу». Здѣсь она уже не прежній воплощенный вопросъ, не прежняя «сорви голова, съ бродившими въ душѣ смутными, широкими запросами, вся—порывъ, вся безпокойное исканіе»... Она побывала и на курсахъ, и за границей, и когда старинный ея знакомецъ увидѣлъ ее, впервые по ея возвращеніи, — «у него сжалось сердце отъ жалости; видимо, за эти четыре года ей пришлось пережить не мало: она сильно поблѣднѣла, похудѣла, выглядѣла нервной; но за то отъ нея такъ и вѣяло бодростью, энергіей, счастьемъ»... И какъ ни «жалѣетъ» ее старый народникъ, онъ, наблюдая ее, все же рѣшаетъ: «Она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь»...

Такъ, иносказательно, вынужденнымъ цензурой эзоповскимъ языкомъ, отмѣчаетъ Вересаевъ тотъ моментъ, когда революціонная работа соціалъ-демократическихъ кружковъ начала поглощать активныя силы молодежи...

Изъ всѣхъ нашихъ беллетристовъ Вересаевъ, по настроенію, былъ наиболѣе близкимъ къ новому тогда теченію, и подробнѣе и интимнѣе всѣхъ другихъ отражалъ его въ своихъ очеркахъ. Около мало-значительнаго, по его художественному содержанію очерка «Повѣтріе», какъ незадолго передъ тѣмъ около Чеховскихъ «Мужиковъ», разгорается довольно ожесточенная журнальная полемика. Я упоминаю объ этой полемикѣ потому, что она имѣла симптоматическое значеніе, обнаруживая, до чего народничество, къ этому моменту, успѣло утратить былой революціонный духъ: Михайловскій—и тотъ, ничѣмъ, кромѣ брюзжанія, не отозвался на образъ *новой* Наташи... Въ старые годы онъ горячо бралъ подъ свою защиту Тургеневскую Маріанну, изъ «Нови», противъ нападокъ не нее либерала Соломина... Теперь, какъ это и было отмѣчено Старовѣромъ въ «Началѣ», онъ совершенно по-Соломински отнесся къ Наташѣ, и заподозрѣвалъ, не беретъ ли она «задачи не по силамъ»...

Къ этому времени новое теченіе уже пробило себѣ дорогу—въ легальную журналистику. Съ 1895 года «Міръ Божій» въ раздѣлявшемъ нашу интеллигенцію спорѣ становится на сторону «дѣтей» противъ «отцовъ».

Въ 1897 году редакція «Новаго Слова» оказывается въ рукахъ марксистовъ, а когда вскорѣ затѣмъ этотъ журналъ былъ запрещенъ, на смѣну ему въ 1899 году пять мѣсяцевъ выходитъ «Начало», а послѣ него «Жизнь».

И вотъ фактъ, который стоитъ отмѣтить: всѣ новыя художественныя силы хотя бы онѣ и выступили сначала въ «Русскомъ Богатствѣ»—переходятъ тотчасъ въ марксистскіе журналы. Такъ было съ Вересаевымъ, а затѣмъ и съ Горькимъ. Л. Андреевъ дебютировалъ въ журнальной литературѣ—въ «Жизни». Незачѣмъ пояснять, что это не простая случайность. Руководящая роль, безусловно, переходила къ новымъ органамъ. Новыя вѣянія новаго лагеря, очевидно, давали большій просторъ и для творчества художественнаго...

Въ цѣломъ рядѣ мелкихъ очерковъ Вересаевъ останавливается на вопросѣ дня—*о городѣ* и *деревнѣ*. Онъ не даетъ такого «боевого» матеріала, какъ Чеховскіе «Мужики», но въ качествѣ беллетриста новой полосы, разумѣется, вездѣ склоняетъ чашку вѣсовъ въ сторону «городского народа». Изъ деревен-

скихъ картинъ напомню прекрасный очеркъ «Лизаръ», рисующій безысходное плѣненіе крестьянства землей и столь трудно добываемой копейкой... А рядомъ съ нимъ—повѣсть «Конецъ Андрея Ивановича»: здѣсь среди нужды и темноты городского мастерового люда—все же идутъ упорныя исканія правды и обновленія, и лишь намеками, блѣдными тѣнями, проскальзываютъ образы возвѣщающихъ «новую правду» пропагандистовъ интеллигентовъ и «сознательныхъ молодыхъ рабочихъ»—Барсукова и Щенотьева... Герой повѣсти—рабочій переплетчикъ—умираетъ и ему вспоминается Барсуковъ и та картина смерти, о которой тотъ разсказывалъ:

„Умираетъ рабочій и думаетъ: „для чего онъ все время трудился, выбивался изъ силъ,—для чего онъ жилъ? Онъ жилъ, а жизни не видѣлъ... Какая же была цѣль его существованія?"

И онъ тоже, Андрей Ивановичъ,—онъ жилъ, а жизни не видѣлъ. А между тѣмъ, ему казалось, что онъ способенъ былъ бы жить, — жить широкою сильною жизнью, полною смысла и радости; казалось, что для этого у него были и силы душевныя, и огонь. И ему страстно хотѣлось увидѣть Барсукова или Щенотьева, поговорить съ ними долго и серьезно, обсудить все „до самыхъ основныхъ мотивовъ". Но ни Барсукова, ни Щенотьева уже не было въ Петербургѣ"...

Ни признака идеализаціи «новаго кумира» у Вересаева нѣтъ. Вездѣ у него—подлинное знаніе и реалистическое изображеніе рабочей среды. Онъ не закрываетъ глазъ на мрачныя стороны этой среды, не скупится на черную краску, давая картины темноты, дикаго пьянства, подчасъ звѣрскихъ нравовъ... Но, въ атмосферѣ этой темноты и звѣрства, *органически*, какъ растеніе къ свѣту, человѣческая душа тянется къ правдѣ и сознательности и ничто не остановитъ этого стремленія, этого роста, этихъ упорныхъ исканій: умирающіе и тѣ только и жаждутъ въ послѣдніе свои дни,—что «обсудить все—до самыхъ основныхъ мотивовъ», какъ выражается Андрей Ивановичъ...

Такова картина начальной поры движенія—въ рабочей средѣ.

Въ 1902 году, въ повѣсти «На поворотѣ», Вересаевъ опять возвращается къ интеллигенціи. Въ марксистскомъ лагерѣ идетъ уже дифференціація и нелады. Иныя фигуры повѣсти олицетворяютъ уже намѣчающееся раздѣленіе на два теченія въ самой соціалъ-демократіи; другія—находятся уже «на поворотѣ» къ «бернштейніанству» или даже къ грядущему «кадетизму»... Основная тема повѣсти выражена въ словахъ фельдшерицы Варвары Васильевны, которая, послѣ свиданія съ бывшей товаркой по курсамъ, восклицаетъ:

— «*Страшно! Страшно, какъ человѣкъ мѣняется!*»...

«Страшно измѣнился» и главный герой повѣсти Токаревъ. Онъ, повидимому, побывалъ въ ссылкѣ, ему уже перевалило за тридцать, и болѣзненно работая совѣстью, и раздражаясь на бередящую его совѣсть молодежь, онъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ въ себѣ процессъ духовнаго «окостенѣнія»:

„Мнѣ, вообще, тяжело заглядывать въ себя", — исповѣдуется онъ въ порывѣ откровенности.

„Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, котораго не замѣнишь ничѣмъ...

Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себѣ разныя „категоріи долга“. Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою: почему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно?“

Напомню, такъ сказать, въ скобкахъ, что какъ разъ въ эту пору бывшіе марксисты становились «мистиками» и «идеалистами» и готовились, кто—издавать, а кто съ упоеніемъ читать—знаменитыя «Проблемы идеализма».

Тотъ же Токаревъ отстаиваетъ Бернштейна:

„Филистерство остается при авторѣ,—утверждаетъ онъ,—а въ книгѣ его все же больше настоящаго реалистическаго марксизма, чѣмъ въ правовѣрномъ марксизмѣ“...

А дальше—онъ уже въ такомъ родѣ размышляетъ о житьѣ-бытьѣ либеральнаго земца Будаковскаго и его супруги,—той самой, которая по мнѣнію Варвары Васильевны такъ «страшно измѣнилась»:

„Хорошо бы такъ жить!.. Вотъ такая жена,—красивая, бѣлая и изящная... Лѣтомъ усадьба съ развѣсистыми липами, бѣлою скатертью на обѣденномъ столѣ и гостями, уѣзжающими въ тарантасахъ въ темноту; зимою уютный кабинетъ съ латаніями, мягкимъ турецкимъ диваномъ и большимъ письменнымъ столомъ... И чтобы все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, которое бы захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь и въ то же время не требовало бы слишкомъ большихъ жертвъ“...

Принужденный ограничиваться лишь немногими наиболѣе выпуклыми выдержками, въ силу чего фигура Токарева превращается въ нѣчто схематическое и сатирическое, я долженъ отмѣтить, что въ повѣсти она совсѣмъ не такова: тамъ это какъ разъ наиболѣе художественно разработанная фигура—его психологія, его душевная драма трактованы тонко, съ большимъ чувствомъ мѣры и именно,—какъ *драма*...

Тяжелую драму совѣсти переживаетъ и фельдшерица Варвара Васильевна,—самоотверженная работница, общая любимица паціентовъ и сослуживцевъ по больницѣ. Но ея переживанія глубже, интенсивнѣе: въ концѣ концовъ, послѣ неоднократныхъ попытокъ заразиться отъ больныхъ, ей удается заразиться сапомъ, и она умираетъ. Послѣ ея смерти, и Токаревъ дѣлаетъ попытку кончить съ собой, но, повидимому, не совсѣмъ серьезную, и ему, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, «помѣшали»...

Настроеніе Варвары Васильевны не ясное: въ ея фигурѣ не то символизируется стремленіе извѣстной части нашей интеллигенціи къ самостоятельной роли въ жизни, къ дѣятельности за свой счетъ и страхъ, какъ бы бунтъ противъ той подчиненной роли, какую она играла сначала при мужикѣ, затѣмъ—при пролетаріатѣ; не то въ ней говоритъ разочарованіе въ слишкомъ медленномъ ходѣ вещей, въ слишкомъ медленномъ ростѣ той «стихіи», которая имѣетъ опредѣлить все... Надо замѣтить, что какъ разъ въ ту пору, какъ писалась эта повѣсть, начинается оживленіе въ рядахъ «соціалистовъ-революціонеровъ», а вскорѣ слѣдуютъ выступленія Карповича и затѣмъ Балмашева...

Приведу самохарактеристику Варвары Васильевны:

„Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ „скитальцѣ“ - интеллигентѣ и его драмѣ... Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ?... Конечно, сравнительно съ прежнимъ, есть разница, но разнина очень небольшая: мы по прежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни... Такъ—на минуту показалось, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ этого прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжной... И вотъ возникаютъ вопросы: идти на два или на десять шаговъ впередъ? Сами эти вопросы подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отрекаться отъ самой себя. Но то могучее, стихійное,—оно меня не признаетъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я—ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности“...

Болѣе опредѣленно бунтуетъ противъ «подчиненности» другой герой повѣсти студентъ Сергѣй, уже несомнѣнно пріобщившійся къ идеямъ Ницше. Съ нимъ никакой «страшной перемѣны» не произошло. Да и рановато бы: ему всего 22 года. Въ «стихію» и «стихійность», въ противоположность Варварѣ Васильевнѣ, онъ вѣритъ. Именно онъ провозглашаетъ уничтожающую для Токарева формулу:

„Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ. Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо - банкротъ и иди на смарку“...

Но онъ же, послѣ свиданія молодежи съ рабочимъ, виднымъ партійнымъ дѣятелемъ, негодуетъ на себя и товарищей:

„Ужасно гнусное впечатлѣніе оставила во мнѣ сегодняшняя встрѣча! Можетъ ли быть что нибудь противнѣе? Сидитъ онъ,—спокойный, увѣренный въ себѣ, а мы вокругъ него,—млѣющіе, умиленные, лебезящіе. И какое характерное съ нашей стороны отношеніе: мягкая снисходительность, съ высоты своего теоретическаго величія, и въ то же время чисто холопское пресмыканіе передъ нимъ. Какъ же! Вѣдь онъ—„носитель“! А мы—что мы такое? Пустота, которая стыдится себя и тоскуетъ по немъ, „носителѣ“. Жизнь, дескать, только тамъ, а тамъ ты чужой, органически не связанъ... Въ концѣ концовъ, я самъ по себѣ—историческій фактъ. Я интеллигентъ; чтожъ такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить въ себя“...

Можно бы видѣть въ этомъ «бунтѣ» самомъ по себѣ—лишь отказъ отъ наивнаго фетишизма первыхъ лѣтъ движенія, отказъ отъ того самоотрицанія передъ лицомъ идеализируемаго новаго Бога, которое было лишь новой погудкой на старый ладъ, лишь привычной народнической психикой въ новомъ облаченіи, съ новой «номенклатурой»... Но авторъ, повидимому, отмѣчаетъ здѣсь иное явленіе. Не даромъ же, въ противоположность остальной молодежи, заявляющей: «я хочу идти полнымъ шагомъ и плевать мнѣ на все и на всѣхъ!»—Сергѣй изображенъ нервознымъ и колеблющимся: онъ не отдается жизни, какъ отдаются тѣ, а уже, за - одно съ Токаревымъ, цѣлыя ночи напролетъ роется въ

философскихъ книгахъ и т. п. Повидимому, фигура Сергѣя, по замыслу автора, знаменуетъ нѣкоторый «поворотъ», уже начинавшійся въ тѣ годы въ извѣстной части нашей интеллигенціи...

Вересаевъ занимаетъ особенное мѣсто въ ряду тѣхъ писателей, имена которыхъ я перечислилъ въ качествѣ *этаповъ* въ нашемъ художествѣ. Онъ не богатъ красками, не богатъ тѣмъ, что Тургеневъ называлъ «выдумкой». Это типичный «этюдистъ». Но, какъ я уже отмѣчалъ, у насъ не было ни одного беллетриста, настолько родного духомъ съ передовой интеллигенціей,—ни одного, который бы такъ чутко и вдумчиво отзывался на ея переживанія въ описываемую мною пору...

Вотъ почему я такъ подробно останавливаюсь на его очеркахъ изъ жизни интеллигенціи... А затѣмъ у него есть одно незамѣнимое качество, которое удесятеряетъ цѣнность его писаній: это безусловная *честность*, правдивость, *адэкватность* его творчества. Для воспроизведенія идеологическихъ переживаній, т. е. большинства переживаній той среды, которую онъ изображалъ, нуженъ специфическій, я бы сказалъ, *моральный* талантъ... Такого характера талантомъ въ исключительной степени былъ надѣленъ Ибсенъ, а изъ русскихъ художниковъ Гаршинъ, Успенскій, отчасти Некрасовъ... Имъ-то силенъ и Вересаевъ.

Разставаясь съ нимъ, я отмѣчу въ немъ одну черту—типичную для писателя *эпохи перелома*. Въ интимной глубинѣ его оцѣнокъ и вкусовъ мнѣ чувствуются постоянно элементы, роднящіе его съ героемъ первой его повѣсти «Безъ дороги», а черезъ него—со всей народнической полосой нашей жизни... Не случайно онъ такъ часто возвращается къ мотивамъ «болѣзни совѣсти» и съ точки зрѣнія «болѣющаго совѣстью» героя трактуетъ остальныхъ... Вмѣстѣ съ докторомъ-народникомъ, авторъ гораздо теплѣе, чѣмъ новой Наташей, любуется *прежней* Наташей, — Наташей изъ «Безъ дороги», — у которой «глаза горѣли глубокимъ сосредоточеннымъ огнемъ», и которая «всѣми помыслами, всѣмъ своимъ существомъ ушла въ одно желаніе—желаніе страданія и жертвы»... Для такихъ образовъ онъ, повидимому, легче находитъ краски на своей палитрѣ. Фигуры доктора въ «Безъ дороги», Токарева, въ «На поворотѣ» гораздо жизненнѣе, многограннѣе, чѣмъ сравнительно схематичные силуэты «дѣтей»—*новой* Наташи, Тани и пр.

Особенно привлекательной нарисована въ «На поворотѣ» «самоотверженная» Варвара Васильевна, а грѣшащій кое какимъ «ницшеанствомъ», осмѣлившійся мечтать только о *равенствѣ* съ пролетаріемъ Сергѣй надѣляется въ наказаніе какой-то червоточиной въ психикѣ... Повидимому, давнишній аскетическій идеалъ *самопожертвованія* далеко не лишенъ въ глазахъ Вересаева своей исконной прелести. Повидимому, и въ этомъ интимномъ смыслѣ, а не только въ хронологическомъ, надо признать, что онъ дѣйствительно «одной ногой» стоитъ еще—въ прошлой эпохѣ...

Но въ вопросѣ о личности и средѣ, о вмѣняемости и отвѣтственности личности Вересаевъ, разумѣется, не дѣлаетъ шага назадъ, не возвращается къ до-чеховскимъ временамъ. Въ этомъ пунктѣ художество наше эволюціонируетъ съ неуклонной послѣдовательностью—безъ единаго зигзага.

Въ очеркѣ (одномъ изъ самыхъ раннихъ у Вересаева) «Товарищи» ком-

нанія людей, съ «пропавшими идеалами», начинаетъ жаловаться на судьбу. Но одинъ изъ собравшихся осаживаетъ товарищей, и они замолкаютъ:

„Всѣ они были несчастны.—да; но никто изъ нихъ не *уважалъ* своего горя, да и не стоило оно уваженія... Вотъ это-то послѣднее съ особенной ясностью почувствовалъ теперь Василій Михайловичъ: да, горе ихъ—горе дряблое, бездѣятельное, ему *нѣтъ оправданія;* стыдиться его нужно, а не нести въ люди"...

Токаревъ тоже не ссылается на «засасываніе средой», когда подводитъ итоги совершившемуся въ немъ «повороту»; онъ лишь задумывается о томъ «самомъ», о которомъ говоритъ Ницше,—о тѣхъ «невидимыхъ силахъ», которыя скрыты въ личности и все въ ней опредѣляютъ. *Въ* юности у этого «самого» есть крылья», но

„проходитъ нѣсколько лѣтъ; крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается: — Изъ меня выкатывается душа, понимаете вы это? Душа выкатывается. Какъ ее удержать? Нѣтъ такихъ силъ въ жизни, нѣтъ такихъ силъ въ идеяхъ и религіи"...

Еще одно замѣчаніе. Послѣдняя повѣсть Вересаева изъ жизни интеллигенціи, которую я только-что цитировалъ, написана за 3 года до революціи; но по однимъ приведеннымъ здѣсь выдержкамъ можно видѣть, что мажорнаго, сколько нибудь жизнерадостнаго тона въ ней весьма мало... «Буревѣстникомъ» Вересаевъ не былъ. Онъ полонъ рефлексіи. Тонъ его раздумчиво-грустный, въ гармоніи съ общимъ тономъ нашего художества со временъ Тургенева. Наиболѣе жизнерадостное настроеніе, пожалуй,—въ очеркѣ «Повѣтріе», написанномъ въ самую печальную пору движенія...

Первымъ «Буревѣстникомъ» явился Максимъ Горькій.

Томикъ его очерковъ, вышедшій въ 1898 году, распространился съ невиданной то тѣхъ поръ быстротой... Правда, именно къ этимъ годамъ народился у нашей литературы *новый читатель*—читатель изъ массы, главнымъ образомъ—городской... Читатель этотъ обнаруживаетъ все большую жажду къ самообразованію и набрасывается на книжку, отъ которой ждетъ получить что-нибудь себѣ на потребу... Горькаго читали всѣ. Ни одинъ изъ предшественниковъ его не съумѣлъ оказаться въ такой степени для всѣхъ нужнымъ, для всѣхъ занимательнымъ. Ему удалось взять какую то всѣхъ *объединяющую*, во всѣхъ родящую отзвукъ ноту... О, конечно, изъ этого числа «всѣхъ», надо исключить лагерь твердыхъ въ своихъ «традиціяхъ» народниковъ. Ихъ критика, столь непривѣтливо встрѣтившая въ свое время Чехова, и въ литературную купель новорожденнаго таланта-буревѣстника подливала холодную воду обѣими пригоршнями. Михайловскій выдѣлилъ изъ всего перваго тома Горькаго «Челкаша» да «Скуки ради», а изъ появившагося вскорѣ второго тома—«Ярмарку въ Голтвѣ». Изъ нихъ—двѣ послѣднія вещи ничего или почти ничего характернаго для Горькаго въ себѣ не содержатъ, и написаны въ традиціонномъ реалистическомъ жанрѣ. Во всемъ прочемъ народническая критика отмѣчала, прежде всего, «вліяніе Ницше», погоню за «краснымъ словцомъ», ирреализмъ... И, конечно, была права—по своему. Но читателю-то, новому читателю, повидимому, нужно было какъ разъ то

самое, что отрицалось или игнорировалось старой критикой. Читателю-то, повидимому, приходились по душѣ именно тѣ стороны Горькаго, въ которыхъ онъ рвалъ съ установленными традиціями. Читатель открывалъ новую полосу въ жизни и требовалъ *новой* литературы.

Первый разъ въ русской беллетристикѣ прозвучали такія *утреннія*, мажорныя, бодро-призывныя мелодіи,—первый и, пожалуй,—единственный... Въ смыслѣ тона своихъ писаній, Горькій (перваго своего періода) стоитъ совершенно особнякомъ въ нашемъ художествѣ. И до него, и тотчасъ послѣ него—все время преобладаютъ минорныя гаммы...

И любопытно, что, на утрѣ нашего возрожденія, этотъ мажорный тонъ суждено было взять художнику, вышедшему изъ такъ называемыхъ соціальныхъ *низовъ*, изъ класса—отнюдь не «командующаго»... И еще любопытнѣе то,—къ какой средѣ общества онъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобы воплотить свои буйные, жизнерадостные призывы... Это были—такъ называемые «подонки», «пролетаріатъ лохмотьевъ»,—босяки... Очевидно, «мажорный тонъ» въ жизни находился еще въ совершенно зародышевомъ состояніи. Очевидно, ни одинъ другой классъ не могъ *въ реалистическомъ изображеніи* служить его замысламъ. Подобно романтикамъ начала XIX вѣка, Шатобріану или Куперу, которые, въ поискахъ за «натуральнымъ» человѣкомъ, отправлялись къ индѣйцамъ въ Америку,—Горькій беретъ еще совсѣмъ невѣдомый, никѣмъ (кромѣ развѣ Ловитова) не представленный въ литературѣ классъ населенія и, романтически разрядивъ его, влагаетъ ему въ уста свои веселыя, вольныя пѣсни...

И чтобы еще веселѣе было, чтобы еще вольнѣе звучали эти пѣсни, онъ водитъ своихъ босяковъ по берегу «смѣющагося» южнаго моря, или бродитъ съ ними по степи, ночуя подъ открытымъ небомъ, или плаваетъ по Волгѣ—на плотахъ... «*Плэнъ-эръ*»—во всѣхъ смыслахъ этого термина—вольный воздухъ, да вольный просторъ—вотъ что смѣняетъ собою убогія комнатенки «разночинной интеллигенціи или помѣщичьи усадьбы добраго стараго времени, съ аллеями изъ «развѣсистыхъ липъ», но безнадежно-скучныя и огороженныя изгородями и заборами... Дѣйствіе у Горькаго всегда происходитъ лѣтомъ и непремѣнно—въ ясные дни... Солнце сіяетъ, плещетъ и блещетъ морской прибой, вѣтеръ вѣетъ, кругомъ—горизонтъ безъ границъ... Славно!... А на такомъ фонѣ и подъ такой акомпанементъ, герои-босяки валяются на песочкѣ и ведутъ свои вольныя рѣчи... И до того вольны эти рѣчи, что, даже слушая ихъ въ ночлежкѣ отставного ротмистра Кувалды или въ подвалѣ пекарни Коновалова,—не видишь грязныхъ стѣнъ, не обоняешь запаховъ, а видишь и обоняешь—единственно все тотъ же «*плэнъ-эръ*»!..

Можно, пожалуй, заподозрѣть, что это было «заранѣе обдуманное намѣреніе», хитрый художественный «трюкъ» со стороны молодого автора,—чтобы лучше овладѣть читателемъ, чтобы сильнѣе подѣйствовало на него «внушеніе»... Но это, конечно, не такъ. Этого *просила* сама душа автора, новаго человѣка, романтика и мечтателя—съ головы до пятокъ...

Первая его вещь («Старуха Изергиль»), появившаяся еще въ поволожской прессѣ, начинается съ такой картины:

„Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ"...

Прислушайтесь къ этимъ эпитетамъ: «острый», «жирные», пышные»... Вкусы художника, его стремленіе къ «*силѣ*», къ *богатству* и *яркости* жизни—уже на лицо въ этихъ первыхъ написанныхъ имъ строкахъ... Но эта первая его вещь еще не порываетъ съ традиціями. Красивыя легенды, которыя разсказываетъ старуха Изергиль, въ сущности, полны обычной дидактики: въ первой легендѣ гордый «индивидуалистъ» Ларъ карается небомъ за гордость и нежеланіе покоряться людямъ; во второй—храбрецъ Данко, чтобы спасти свое племя отъ враговъ, ведетъ его черезъ дремучій лѣсъ, освѣщая путь сердцемъ, которое вырвалъ изъ груди; и когда выводитъ своихъ одиноплеменниковъ изъ лѣсу на волю,—падаетъ мертвымъ... Надо отмѣтить, что въ противоположность Вересаеву, именно гордый „грѣшникъ" Данко написанъ особенно ярко и любовно... Все же здѣсь Горькій не „возражаетъ" еще своимъ учителямъ.

Но чуть ли не со второй вещи—уже идетъ „возражательство".

Въ сущности, весь первый періодъ Горькаго, самый блестящій его періодъ, на добрыя двѣ трети, сводится именно къ *возраженіямъ* на установленныя дотолѣ, въ средѣ интеллигенціи и въ литературѣ, оцѣнки и вкусы. Такъ что и Горькій, въ этомъ смыслѣ, писатель *интеллигентскій*, направляющій свои рѣчи и стрѣлы—прежде всего въ интеллигентскія души.

Приведу сценку изъ очерка „Тоска", символизирующую, на мой взглядъ, положеніе „беззаконной кометы" Горькаго по отношенію къ „кругу разсчитанныхъ свѣтилъ" нашей литературы. Сначала два пояснительныхъ слова. Мельникъ Тихонъ Павловичъ нечаянно, сквозь плетень, подслушалъ разговоръ своего засыпки Кузьмы съ возлюбленной, которую тотъ бросаетъ, такъ какъ его „тянетъ за Кубань". Кузька входитъ въ палисадникъ, замѣчаетъ хозяина и между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

„—Эт!... Добрый день хозяинъ!

Тихонъ Павловичъ снялъ картузъ съ головы и смущенно посмотрѣлъ на работника.

— Здорово!

Тотъ стоялъ передъ нимъ въ свободно-сильной позѣ; изъ-подъ разстегнутой красной рубахи видна была широкая смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые, частые зубы сверкали изъ-подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились, и весь Кузьма показался своему хозяину такимъ гордымъ и важнымъ, что мельнику захотѣлось поскорѣе уйти отъ него, чтобъ засыпка не замѣтилъ своего превосходства надъ хозяиномъ.

— Все гуляешь?

— Пока охота да время—чего не гулять?..

. . . . . .

— А я братъ того... лежалъ тутъ на скамейкѣ и слышалъ, какъ ты... съ дѣвкой-то... обходился... Ловко ты съ ними умѣешь... Не жалко дѣвку-то?

— Жалко... всегда бываетъ, жалко... Ну, а себя все ужъ жальчѣй!

— „А ежели къ примѣру, ребенокъ"? „А грѣхъ—какъ? Вѣдь грѣхъ, чай"?—донимаетъ Кузьку мельникъ цѣлымъ рядомъ вопросовъ.

— Да вѣдь, хозяинъ, коли покрѣпче подумать—серьезно и сухо заговорилъ Кузьма,—такъ выходитъ, что, какъ ни живи, все грѣшно! И такъ грѣшно, и вотъ такъ грѣшно!—пояснилъ Кузьма, махнувъ рукой вправо и влѣво. Сказалъ—грѣшно, промолчалъ—грѣшно. Развѣ тутъ разберешь? Въ монастырь, что-ли идти? Чай, не охота.

— Веселая у тебя жизнь, братъ, легкая,—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.

Бесѣда кончается заявленіемъ Кузьки, что онъ уйдетъ—„потому тянетъ“:

— Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши—пропалъ человѣкъ.

— Вотъ это вѣрно, Кузьма... Ахъ! вѣрно“...

Мельникъ Тихонъ—это какъ бы живущая «въ традиціяхъ» наша литература. Засыпка Кузька—въ «разстёгнутой красной рубахѣ»—Максимъ Горькій...

Ни одного пунктика не оставилъ безъ своихъ возраженій этотъ новоявленный литературный «Кузька», и дерзко, не безъ Кузькинаго ухарства, повелъ свою переоцѣночную работу...

Всѣ его «*во имя*»,—особенно, въ разсматриваемый здѣсь періодъ,—очень *общи* и *неопредѣленны*. Общность, и неопредѣленность, недоговоренность утвержденій—самая характерная черта Горькаго... Именно она, эта черта впослѣдствіи, порождаетъ, на мой взглядъ, ту личную писательскую драму, которую переживаетъ Горькій во второмъ періодѣ своей дѣятельности... Но, во-первыхъ, эта неопредѣленность требовалась минутой, какъ я сейчасъ постараюсь доказать; а во вторыхъ—если неопредѣленны были утвержденія, то *отрицанія* били въ совершенно конкретныя и опредѣленныя мишени...

Вы помните то обобщеніе, которое я подчеркнулъ, какъ наиболѣе широкое у Чехова: «*кто къ чему приставленъ*»—въ качествѣ девиза и правила нашей жизни и главнаго ея проклятія...

Нѣтъ!—возражаетъ Горькій: теперь ужъ этотъ «порядокъ» идетъ на смарку, по лицу всей Россіи бродятъ мои Макары Чудры, Коноваловы, Кузьки и прежде всего отрицаютъ именно этотъ «порядокъ»...

О! они-то ужъ ни къ чему не «приставлены», эти Чудры, Коноваловы, Кузьки,—въ этомъ ихъ основная цѣнность, и привлекательность...

Бунтовскія ихъ пѣсни прежде всего направлены противъ всякихъ «паспортовъ», «перегородокъ»—противъ всяческой «*тѣсноты жизни*»:

„Каждый разъ, какъ я бываю у моря, я все думаю, что люди мало селятся около него? Были бы они отъ этого лучше, потому оно ласковое и такое... хорошія думы отъ него въ душѣ у человѣка“...

Такъ проповѣдуетъ наивный философъ Горькій... то бишь — Коноваловъ, грѣясь на приморскомъ песочкѣ, и продолжаетъ:

— „Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься... Тусклая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо... Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга. Хорошая жизнь!

Нѣтъ—вотъ она жизнь... вотъ какъ мы“...

А Мальва, расположившись на берегу того же моря, такъ характеризуетъ деревенское житье:

— „Какъ въ ямѣ,—и темно и тѣсно... А здѣсь я—я здѣсь ничья... свободная... какъ чайка!.. Куда захочу, туда и полечу"...

«Ротмистръ» Кувалда высказывается еще опредѣлительнѣе:

„— Я—бывшій человѣкъ—такъ? Я отверженъ—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... значитъ я могу наплевать на все! Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое"... и т. д. и т. д.

Эта свобода, это сбрасываніе съ себя всякихъ «путъ и узъ»—вотъ въ чему тяготѣетъ душа Горькаго, вотъ чѣмъ плѣнили его босяки—у нихъ онъ и въ дѣйствительности могъ подслушать подобныя мелодіи, которыя онъ намъ представилъ только въ «дистиллированномъ» видѣ... Эта черта босяковъ до того мила ему, что онъ въ одномъ мѣстѣ («Бывшіе люди») прямо ставитъ ихъ въ „образецъ" интеллигенціи, снабжая свою тираду не лишенной яду ремаркой.

„Это общество бывшихъ людей имѣло одно великое достоинство: въ немъ никто не насиловалъ себя, стараясь казаться лучше, чѣмъ онъ есть, и не возбуждалъ другихъ къ такому насилію надъ собой"...

Но главная мишень Горьковскихъ нападокъ на интеллигенцію—это «христіанское», въ существѣ своемъ, міросозерцаніе, аскетическая мораль долга и «узды», знаменитый традиціонной идеалъ эпохи «барскаго покаянія»—«самопожертвованіе», «альтруизмъ» и «жалѣніе».

Мы видѣли еще у Вересаева тяготѣніе въ эту сторону. Горькій, послѣ минутнаго колебанія въ первой своей вещи (написанной къ тому же, вѣроятно, еще подъ непосредственнымъ вліяніемъ «учителей»), живо освобождается отъ этого настроенія.

Сколько у него нападокъ на душевную дряблость, порождаемую этимъ настроеніемъ, нападокъ безудержно ироническихъ и злыхъ—этого не перечесть... Напомню грубоватые очерки «О чортѣ» и «Еще о чортѣ», гдѣ интеллигентская (и именно писательская) душа, по извлеченіи изъ интеллигентскаго тѣла, оказывается липкимъ студнемъ, состоящимъ изъ «совѣсти» и «нервозности»... Напомню «Вареньку Олесову» и ея выпады противъ интеллигентовъ, ex professo «жалѣющихъ» мужика, и рядомъ съ ней—приватъ-доцента съ «добрыми правилами», которыя терпятъ такое скандальное фіаско подъ напоромъ инстинктовъ...

Если ницшеанство у Вересаева трактуется болѣе, чѣмъ опасливо, если «великій разумъ» появляется у него на сцену лишь для истолкованія нравственнаго *маразма* людей «на поворотѣ», то Горькій отважно и безоговорочно высказывается за этотъ великій разумъ, за свободный инстинктъ... [1]).

[1]) Этотъ инстинктивизмъ роднитъ Горькаго съ Ницше. Совпаденій съ Ницше, вплоть до иныхъ формулировокъ, у Горькаго вообще не мало. Но утверждать, что онъ находился *подъ вліяніемъ* нѣмецкаго философа-художника, особенно, въ первомъ своемъ періодѣ, отнюдь не приходится. Неопредѣленно ницшеанскаго настроенія всего больше именно въ самыхъ первыхъ очеркахъ Горькаго, а они написаны още до 1898-го года, когда появляется у насъ первый (не полный и болѣе, чѣмъ неудачный) переводъ Заратустры г. Антоновскаго, напечатанный въ „Нов. Журналѣ Иностр. Литературы". Иностранными же языками Горькій тогда не владѣлъ. О заимствованіяхъ и подражаніи, думается, не можетъ быть и рѣчи. Я отмѣчаю эту подробность потому, что фактъ *самостоятельнаго* зарож-

Противопоставленіе дряблыхъ, пробавляющихся *работой совѣсти* и теоріями, людей—людямъ инстинкта—заполняетъ собою цѣлый рядъ его очерковъ. Цѣлямъ именно этого противопоставленія, помимо уже упомянутыхъ Вареньки Олесовой и приватъ-доцента, Кузьки и мельника (въ «Тоскѣ»),—служатъ: отецъ и сынъ въ чудесномъ, едва ли не наиболѣе художественномъ у Горькаго, очеркѣ «На плотахъ», Нилъ и Поля—съ одной стороны и дѣти Бессемѣновы—съ другой,—въ драмѣ «Мѣщане», и особенно, рельефныя фигуры Грузина Шакро и лица, отъ имени котораго ведется разсказъ,—въ очеркѣ «Мой спутникъ», и т. д. и т. д.

Инстинктивизмъ молодого Горькаго—безоговорочный (какъ, впрочемъ, и у Ницше до «Заратустры»). Онъ не видитъ тутъ никакой *проблемы*,—проблемы, на самомъ дѣлѣ—очень сложной и прямо упирающейся въ соціальные вопросы; онъ просто полонъ такого настроенія, и воспѣваетъ его, и кидаетъ имъ въ лицо интеллигенціи, съ ея аскетическими моральными доктринами и порождаемой ими «надтреснутой» психикой... Столь-же безоговороченъ и буенъ и его культъ личности—тоже близко родняшій его съ Ницше. Индивидуализмъ у него именно—*буйный*, личность провозглашается полнымъ хозяиномъ жизни и господиномъ своей судьбы... Позднѣе пойдутъ оговорки, какъ насчетъ инстинктивизма, такъ и въ этомъ вопросѣ. Но въ первомъ періодѣ идетъ вотъ что:

Сценка изъ «Мѣщанъ», направленная по адресу интеллигенціи:

Петръ (студентъ). Я жить хочу. Хочу жить—по моему разумѣнію... по моей волѣ.

Елена. Живите. Кто мѣшаетъ?

Петръ. Кто? Кто-то есть... есть что-то. Когда я думаю, что вотъ какъ надо жить одному, независимо... мнѣ кажется, что кто-то говоритъ—нельзя...

Въ другомъ мѣстѣ таже Елена спрашиваетъ его:

— Вы чѣмъ то недовольны?

— Собой, отвѣчаетъ Петръ.

— И всѣмъ остальнымъ,—договариваетъ за него машинистъ Нилъ...

Совсѣмъ въ иномъ тонѣ разговариваетъ этотъ Нилъ:

— „Нѣтъ, Петруха, нѣтъ... Жить, даже и не будучи влюбленнымъ,—славное занятіе!.. Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго—въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но... *нѣтъ такого росписанія движенія, которое бы не измѣнилось*“...

А когда Петръ старается охладить его пылъ: «Не разъ я слышалъ эти рѣчи. Посмотримъ, какъ тебѣ отвѣтитъ на нихъ жизнь»!,—Нилъ произноситъ свою эффектную тираду:

— *Я заставлю ее отвѣтить такъ, какъ захочу*... Я знаю, что жизнь дѣло серьезное, но неустроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому—помочь... Вотъ въ чемъ радость жизни!..

денія у насъ „ницшеанскаго“ настроенія представляется мнѣ и интереснымъ и важнымъ: онъ доказываетъ, на мой взглядъ, что то увлеченіе Ницше, о которомъ рѣчь будетъ ниже, имѣло глубокіе корни въ самой жизни...

„Мѣщане“ написаны въ 1902 году, т. е. въ концѣ перваго періода Горькаго, когда взгляды его уже пріобрѣтаютъ опредѣленность... Апологія личности, безусловно *вмѣняемой*, пріурочена къ фигурѣ соціалиста рабочаго. Но и въ самомъ началѣ своего писательства, Горькій высказываетъ почти ту же мысль, даже въ видѣ общаго, отчасти полемическаго, заявленія, которое вкладываетъ въ уста босяку Коновалову:

— Тебѣ не въ чемъ винить себя,—говоритъ Коновалову разсказчикъ.

— Какъ ты, братъ, легко разсуждаешь насчетъ всего этого!—возражаетъ босякъ.—Откуда только тебѣ всѣ эти дѣла извѣстны? Все изъ книгъ? А и много же ты читалъ ихъ видно... книгъ-то! Эхъ, ежели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!.. Но главная причина—очень ты жалостливо говоришь... Выходитъ по твоему, что человѣкъ то самъ по себѣ и не виноватъ ни въ чемъ, а написано ему на роду быть босякомъ—ну, и потому онъ босякъ. И тоже вотъ насчетъ арестантовъ очень чудно! Воруютъ потому, что работы нѣтъ, а ѣсть надо... Какъ все это жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то!..

А въ другомъ мѣстѣ, когда одинъ изъ товарищей Коновалова по судьбѣ ищетъ оправданія въ «обстоятельствахъ», тотъ же Коноваловъ изрекаетъ красивый афоризмъ:

— Приходится понимать, будто всю твою жизнь не ты самъ, а шабры (сосѣди) дѣлали и разные прохожіе. *А гдѣ же ты въ это время былъ?..*

Ясно, что въ этомъ вопросѣ Горькій сдѣлалъ еще одинъ—и размашистый!—шагъ по тому пути, на который робко вступилъ Чеховъ, съ котораго упорно не сходилъ Вересаевъ, по которому пойдетъ, впослѣдствіи, въ своемъ кошмарномъ,—на взглядъ многихъ, пессимистическомъ—творчествѣ,—Леонидъ Андреевъ: по пути *утвержденія личности*...

Въ пунктѣ «тяжбы города съ деревней» — Горькій беретъ еще болѣе *полемическія* ноты, чѣмъ тѣ, которыя ненамѣренно взялъ Чеховъ. Ущербъ личности, причиняемый деревенскимъ укладомъ вообще, а тѣмъ болѣе укладомъ современной русской деревни, который народники проглядѣли лишь потому, что глаза ихъ были застланы слезой «покаянія»,—конечно не могъ не вызвать довольно бурной реакціи въ яромъ врагѣ девиза «кто къ чему приставленъ». Вѣдь уже гдѣ-гдѣ, а въ деревнѣ русской этотъ девизъ является всеопредѣляющимъ началомъ... Не давая непосредственно картинъ деревенской жизни, Горькій, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ помощи своихъ босяковъ.

Босякъ Челкашъ, въ заключительной сценѣ очерка, какъ человѣческая *личность*, возвышается десятью головами надъ «хозяйственнымъ» крестьянскимъ парнемъ Гаврилой. Изъ добытыхъ контрабандой пятисотъ рублей Челкашъ удѣляетъ своему «работнику» Гаврилѣ лишь договоренныя нѣсколько красныхъ бумажекъ... Мозги Гаврилы начинаетъ сверлить мысль завладѣть всей суммой, убивши Челкаша, ибо—«душу... можетъ быть, и не загубишь, а человѣкомъ на всю жизнь сдѣлаешься»... Но на убійство не хватаетъ рѣшимости, и онъ на колѣняхъ вымаливаетъ у Челкаша двѣсти рублей, а затѣмъ—жадность одолѣваетъ и онъ все же пытается убить его. Челкашъ остается живымъ, Гаврилу опять зазритъ совѣсть, и онъ молитъ о прощеніи... Челкашъ

съ презрѣніемъ къ «жадному рабу» бросаетъ ему всю сумму, оставивъ себѣ лишь сотню—на кутежъ...

Въ «Мальвѣ» есть любопытный *эстетическій* выпадъ противъ существъ, находящихся въ полной «власти земли». Босяки Мальва и Василій и сынъ послѣдняго Яковъ, пришедшій на тони къ отцу—изъ деревни, любуются моремъ:

— И конца, кажись, нѣтъ этому морю,—задумчиво вздохнувъ, говоритъ Яковъ.

Всѣ трое молча взглянули въ пустыню передъ ними.

— Но ежели бы это все земля была!—воскликнулъ Яковъ, широко размахнувъ рукой.—Да черноземъ бы!.. Да распахать бы!..

. . . . . .

Босякъ Сережка величаетъ этого Якова «тупорылымъ землѣдомъ» и такъ отзывается о мужикахъ вообще:

— Я, видишь ты, мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все! У нихъ вонъ земство и оно все для нихъ дѣлаетъ... Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Бродяжилъ я по землѣ много... Придешь бывало въ деревню, попросишь хлѣба—цопъ тебя!.. Кто ты, да что ты, да подай паспортъ!..

Андреевичъ (Е. Соловьевъ), писавшій о Горькомъ въ «Жизни»—въ дни первыхъ его выступленій, провозгласилъ его соціалъ-демократомъ. Основаніемъ для этого *тогда* могъ служить развѣ тотъ фактъ, что онъ печатался въ марксистскихъ органахъ. Если бы вообще распредѣленіе художниковъ по партіямъ являлось продуктивнымъ занятіемъ, то Горькаго, по произведеніямъ того времени, можно было зачислить развѣ только въ анархисты... Ничего въ немъ тогда не было, кромѣ неопредѣленныхъ порываній къ абсолютному индивидуализму, къ безграничной свободѣ, да къ жизни—могучей и яркой... Неопредѣленность его настроенія засвидѣтельствована имъ самимъ въ той *оглядкѣ* на себя и свое писательство, которую онъ сдѣлалъ въ очеркѣ «Читатель».

Въ этомъ періодѣ своемъ онъ напоминаетъ свою босячку Мальву:

— Слушай!—спрашиваетъ Мальву ея пріятель:—ты знаешь, чего хочешь

— Кабы знала!—съ глубокимъ вздохомъ и очень тихо отвѣчаетъ она.—Мнѣ всегда хочется чего-то. А чего? Не знаю. Иной разъ сѣла бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видѣть. А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла и пустила волчкомъ вокругъ себя!..

Къ этому же періоду относится любопытный очеркъ «Мужикъ», оставшійся неоконченнымъ. Нѣсколько главъ его появилось въ «Жизни» 1900 г. Влеченіе къ жизненности и силѣ an und für sich побудило его, насколько можно судить по напечатанной части очерка,—къ идеализаціи дѣльца, по происхожденію крестьянина, который противопоставлялся «нытикамъ»-интеллигентамъ... Выходило нѣчто аналогичное нашумѣвшей въ то время книгѣ Гвоздева (Циммермана) о кулачествѣ, гдѣ авторъ, отстаивая его культурно-хозяйственное значеніе, какъ бы впадалъ въ тонъ апологета кулачества вообще... Горькій своей апологіи до конца не довелъ. Но неясность настроенія его прекрасно иллюстрируется этимъ эпизодомъ [1]).

---

[1]) Къ слову сказать, Горькій очень своеобразно и въ другихъ вещахъ своихъ трактуетъ представителей „накопленія“—ужъ совсѣмъ не въ традиціяхъ

«Соціалъ-демократическаго» въ Горькомъ въ ту пору ничего не было. Всѣ его герои являются вольно-любивыми *одиночками*—отщепенцами, ничѣмъ съ обществомъ не связанными, даже—«врагами общества», беря терминъ изъ Ибсеновской драмы... Индивидуальный бунтъ, индивидуальный протестъ—вотъ, что плѣняетъ его въ тѣ годы. Нѣтъ ни грана соціализма или простого чувства соціальности въ его Коноваловыхъ, Челкашахъ, Мальвахъ... Одинокимъ отщепенцемъ-бунтаремъ является и купеческій сынъ Ѳома Гордѣевъ. Вы помните красивую сцену, гдѣ онъ кидаетъ въ лицо «господамъ жизни» свою полную ненависти, но полную и отчаянія одиночки—отповѣдь?...

Было ли въ этомъ какое нибудь соотвѣтствіе *духу времени*?..

Я не могу избѣжать здѣсь нѣкотораго отступленія, не могу не обратиться къ одному личному воспоминанію...

Въ 1901 году въ Петербургѣ гостилъ московскій «художественный театръ» и впервые въ Петербургѣ шла Ибсеновская драма—«Докторъ Штокманъ». Дѣло было въ февралѣ. На спектаклѣ присутствовало много молодежи, только что выпущенной изъ тюремъ, послѣ демонстраціи на Казанской площади... И надо было видѣть, какую бурю вызывали въ театрѣ всѣ тирады Штокмана, направленныя противъ «большинства»... Казалось бы, что общаго между этимъ принципіальнымъ индивидуалистомъ и русской революціонной молодежью, которая, конечно, какъ давно у насъ повелось, исповѣдывала соціалистическую вѣру? А между тѣмъ, именно знаменитые парадоксы Штокмана, какъ: «Большинство всегда не право» или «сильны только одинокіе»—наполняли сердца восторгомъ и побуждали къ демонстративнымъ аплодисментамъ... Эпизодъ этотъ вызывалъ на размышленія...

Если жизнь и просыпалась, если и зашевелилась уже «огромная, грозная сила народа», какъ говорится въ одномъ мѣстѣ у Горькаго, то все же «элементы будущаго», сознательные элементы рабочаго класса и интеллигенціи, повидимому, въ глубинѣ души ощущали себя... *въ меньшинствѣ*.

Вотъ, можетъ быть, отчасти и психологическая подоплека успѣха Горьковскихъ одиночекъ-бунтарей... Моментъ, правда, былъ не изъ радостныхъ въ политическомъ смыслѣ: рабочее движеніе временно затихло; въ политикѣ царилъ Сипягинъ и высылалъ изъ столицы... даже либеральныхъ литераторовъ («за уклоненіе отъ открытой революціонной дѣятельности», какъ—буквально—значилось въ постановленіи)... Какъ разъ въ это время Вересаевъ пишетъ свою смутную, по настроенію, повѣсть «На поворотѣ», а Горькій въ повѣсти «Трое» уже спадаетъ съ мажорнаго тона... Но, конечно, суть дѣла не только въ этомъ. Горьковскіе одиночки, подобно одинокому Штокману, снискали себѣ симпатіи не за этотъ годъ, а въ болѣе «веселые» 90-ые годы, и продолжали ихъ снискивать и позже...

нашей литературы: любопытная фигура Маякина въ повѣсти „Ѳома Гордѣевъ" или купца, съ несуразной фамиліей Двоеточіе, въ „Дачникахъ", нарисованы, безусловно—любовно, съ явной чуть юморомъ скрашенной симпатіей къ этой растущей „живой силѣ"... Эти типы являются совершеннымъ новшествомъ въ нашемъ художествѣ.

Неопредѣленный, безоговорочный *индивидуализмъ*, апологія *личности*,—вотъ что видѣли, прежде всего, въ этихъ художественныхъ образахъ,—вотъ что плѣняло, прежде всего, души читателей. И самая *неопредѣленность* этого индивидуализма, этой апологіи—*объединяла*.

Смутные, неопредѣленные порывы къ свободѣ, мажорный тонъ, фанатическая ненависть къ «паспортамъ», къ «тѣснотѣ жизни» эти мотивы объединяли все, что только было жизнеспособнаго въ странѣ, всѣхъ волновали, во всѣхъ подымали духъ, ибо отвѣчали исторической потребности: *отрицательная* сторона стоявшей на очереди задачи, вѣдь, именно и сводилась къ сверженію политической опеки, столѣтіями глушившей жизнь, къ разрушенію тѣхъ полицейскихъ и сословныхъ «перегородокъ», которыя тормозили каждый шагъ, каждое движеніе... Жажда простора объединяла всѣ живыя сердца. А Горькій только объ этомъ просторѣ и пѣлъ, только къ нему и звалъ. Его девизъ былъ—«*долой перегородки*»!

Положительнымъ девизомъ момента, тоже всѣхъ объединявшимъ, тоже отвѣчавшимъ національной потребности, было и могло быть только одно:—идея *освобожденія личности*, завоеванія правъ личности.

Безудержная и неопредѣленная апологія личности въ писаніяхъ Горькаго отвѣчала этой потребности и тоже объединяла. Вотъ главная причина того огромнаго резонанса, какой имѣли пѣсни его босяковъ.

Горькаго съ одинаковымъ сочувствіемъ читали, какъ буржуазія, такъ и новый читатель изъ трудящейся массы. Всѣ распѣвали его пѣсни—ибо ихъ мотивъ былъ мотивъ самой жизни. Пролетаріатъ, интеллигенція, мелкая буржуазія и буржуазія покрупнѣе—разумѣется, вкладывали въ эти пѣсни свое содержаніе, и если бы они къ мотиву подбирали слова, то у каждаго изъ пѣвцовъ слова оказались бы разными... Но тогда и къ мотивамъ жизни слова еще не были подобраны, и Горькій пѣлъ «пѣсни безъ словъ»,—какъ выражаются музыканты. И неопредѣленный въ своей жизнерадостности и своемъ вольнолюбіи первый періодъ Горькаго явился чѣмъ-то въ родѣ литературной «Площади согласія»...

На вопросъ: какой партіи, какому направленію шелъ на встрѣчу Горькій?—надо отвѣтить такъ: онъ шелъ на встрѣчу жизни, т. е. всѣмъ партіямъ и направленіямъ, объединяя на своихъ «пѣсняхъ безъ словъ» все, что было демократическаго и даже просто оппозиціоннаго въ Россіи. Попробуй онъ сколько нибудь конкретизировать свои идеи, и тотчасъ бы началось отпаденіе многихъ и многихъ друзей... Такъ, впослѣдствіи, и произошло, когда не только «пророки свѣтопреставленія» Мережковскіе, но и разные Вергежскіе изъ «Рѣчей» заговаривали по его поводу о «грядущемъ хамѣ», объ «угрозахъ для цивилизаціи» и т. д.

Къ указаннымъ основнымъ причинамъ успѣха Горькаго надо прибавить еще одну: новизну тона, манеръ и жестовъ—отчасти и тотъ «разстегнутый», какъ у засыпки Кузьки, «воротъ красной рубахи», о которомъ я упоминалъ... Горькій былъ свѣжъ, неожиданъ, ошеломляюще «внѣ традицій»... Отъ его писаній, дѣйствительно, вѣяло «пленъ-эромъ», вольнымъ воздухомъ, просторомъ, новыми непривычными точками зрѣнія и какимъ-то стихійнымъ демократизмомъ... Я отчетливо припоминаю неожиданное впечатлѣніе, полученное мною, при чтеніи его

«Вареньки Олесовой» и именно отъ сценъ, гдѣ фигурируетъ прислуга Вареньки: вотъ ужъ поистинѣ трактованіе «al pari», совершенно равное со всѣми прочими персонажами повѣсти, и это «al pari» чувствуется, несмотря на бѣглость упоминаній, на незначительность мѣста, удѣленнаго этой прислугѣ и ея роману: здѣсь очевидно «*тонъ* дѣлаетъ музыку»... При давнишней «демократичности» всей нашей литературы, эти мѣста повѣсти, повторяю, произвели на меня впечатлѣніе какой-то неожиданности, сюрприза... Новъ былъ тонъ Горькаго и въ смыслѣ жизнерадостности, какъ я уже указывалъ. Въ нашу нѣсколько застоявшуюся, заугрюмѣвшую «въ традиціяхъ» литературу этотъ «Кузька» произвелъ какъ бы впрыскиваніе нѣкой «Браунъ-Секаровской жидкости»: въ смыслѣ тона литература въ тѣ годы отстала отъ жизни.—Горькій сразу взялъ тонъ на нѣсколько интерваловъ болѣе высокій, чѣмъ тонъ самой жизни... Сравните его въ этомъ отношеніи съ его ближайшимъ предшественникомъ Вересаевымъ, не говоря уже о Чеховѣ: разница огромная... Буря надвигалась изъ глубинъ жизни, и вышедшій изъ этихъ глубинъ писатель сталъ первымъ «Буревѣстникомъ»... Наконецъ, Горькій—первый изъ нашихъ беллетристовъ, котораго стала читать масса,—«улица», какъ выражаются господа эстеты и... кадеты. И эстетическіе деффекты, которыми страдаетъ его «сырое», невыдержанное творчество—и тѣ могли пригодиться, могли сдѣлать его болѣе доступнымъ неразборчивому читателю. Вѣрно отмѣчалъ Михайловскій, что Горькій любитъ «запущать крѣпкими словцами»... Въ манерѣ его есть безусловно нѣкоторая лубочность: рядомъ съ перлами импрессіонизма у него то и дѣло попадаются красочныя кляксы, мелодраматическіе эффекты и т. д. Но все это бойко, живо и хорошо выражаетъ его буревѣстническое настроеніе... А что касается иныхъ его «крѣпкихъ словечекъ», то среди нихъ попадается то же не мало своеобразныхъ перловъ—весело-ироническихъ, задорныхъ и мѣткихъ формулъ, которыя превратились въ *крылатыя* словечки и пригодились не только неразборчивому читателю...

* * *

Таковъ былъ первый, самый блестящій и по успѣху, и въ художественномъ отношеніи, періодъ Горькаго. Подъ конецъ этого періода идеи его пріобрѣтаютъ нѣкоторую опредѣленность, и онъ прокладываетъ дорогу тому настроенію, которое, до революціи и въ самые дни ея, является господствующимъ въ нашей беллетристикѣ. Я не умѣю лучше опредѣлить его, какъ терминомъ «*соціализированное ницшеанство*».

Почти одновременно съ выступленіемъ Горькаго въ литературѣ, проникаетъ къ намъ въ Россію Ницше. Интересъ, имъ возбужденный, былъ огроменъ. Ницше переводили, съ нимъ полемизировали, опровергали его и цитировали, цитировали безъ конца... Съ 1899 по 1900 г.—въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ—русская литература пестритъ афоризмами Ницше. Молодежь имъ зачитывается. Мещерскій перечисляетъ въ своемъ «Дневникѣ» наиболѣе опасныхъ сѣятелей «крамолы», отравляющихъ юношество, и Ницше стоитъ у него рядомъ съ Марксомъ и, кажется, Михайловскимъ... Въ тѣ же годы начинается напряженный интересъ къ Ибсену, который доселѣ фигурировалъ чуть ли не въ ряду «декадентовъ», зачислялся въ компанію Гюисмансовъ и Малармэ, — почти по рецепту Льва Толстого въ его «Что

такое искусство?» или Макса Нардау въ его «Вырожденіи»... Ибсенъ, въ своей *критикѣ*, очень близокъ къ Ницше, а если не совпадаетъ съ нимъ въ утвержденіяхъ, то, во всякомъ случаѣ, осторожно и вдумчиво поднимаетъ тѣ же вопросы, пытается распутать тѣ самые узлы, которые разсѣкалъ мечемъ (или дробилъ «молотомъ») Ницше. Вся наша молодая беллетристика испытываетъ на себѣ сильнѣйшее вліяніе обоихъ. Вліяніе это было и непосредственнымъ, и отраженнымъ—отъ новой европейской беллетристики, которая, можно безъ преувеличенія сказать, съ 90-ыхъ годовъ только и дѣлаетъ, что иллюстрируетъ и разрабатываетъ данныя Ибсеномъ и Ницше темы... Мечта о цѣлостномъ, сильномъ и красивомъ человѣкѣ, греза о будущемъ «третьемъ царствѣ», какъ называетъ его мистикъ Максимусъ въ «Кесарѣ и Галилеянинѣ»—о сліяніи язычества съ христіанствомъ, реабилитація «язычества» и «плоти», «инстинктивизмъ», т. е. признаніе огромной власти «великаго разума», и пристальное вниманіе къ нему, а отсюда тщательное изученіе индивидуальности человѣческой, со всѣми ея деталями и нюансами,—вотъ характернѣйшія черты литературы этой эпохи.

Фактъ этотъ, разумѣется, имѣетъ соціальную подпочву, но мнѣ здѣсь не приходится на этомъ останавливаться и достаточно лишь констатировать, что въ европейской литературѣ былой реализмъ и натурализмъ 70 и 80-хъ годовъ смѣнился сильно теоретизирующимъ, наполовину *символическимъ*—художествомъ, что ницшеанскій или ибсеніанскій духъ носился (и по сейчасъ еще носится) надъ хаосомъ европейской литературы, то опошляемый до цинично-разнузданнаго буржуазнаго эпикуреизма, то, наоборотъ, окрашенный настроеніемъ трагизма и безнадежности...

Отъ Гауптмановъ («Потонувшій колоколъ») и Уайльдовъ, до Гамсуновъ и Генриховъ Манновъ—все наиболѣе мыслящее и талантливое бьется надъ тѣми же темами. Вилльямъ Моррисъ и Оскаръ Уайльдъ отъ эстетизма и декадентскаго индивидуализма подходятъ уже близко къ тому, что я назвалъ бы обобществленнымъ индивидуализмомъ или соціализированнымъ ницшеанствомъ. И мнѣ думается, что и родныя условія, и вліяніе запада суммировались—дѣйствовали почти въ одномъ направленіи, давая въ результатѣ то окрашенное очень привлекательной мечтой настроеніе, какимъ проникло наше художество въ предреволюціонную пору.

Обратимся, однако, къ Горькому, къ «зачинателю» этой полосы и приглядимся къ нему съ этой точки зрѣнія.

Уже къ 1901 году Горькій начинаетъ дѣлать оговорки, какъ бы подгонять свой неопредѣленный индивидуализмъ къ рамкамъ дѣйствительности... Въ повѣсти «Трое» прослѣживается постепенное развитіе трехъ жизней—на «низахъ» общества,—трехъ очень одаренныхъ, ищущихъ правды натуръ. Картина рисуется уже совсѣмъ не въ прежнемъ «пленэръ»-номъ стилѣ. Общее настроеніе далеко не розовое. Интересно, что эта повѣсть слѣдуетъ какъ-разъ за той «оглядкой», за тѣмъ признаніемъ отсутствія *опредѣленныхъ* идей въ багажѣ художника, какія я отмѣчалъ въ его очеркѣ «Читатель»... Изъ трехъ героевъ повѣсти только одинъ — мастеровой Павелъ, представитель *труда*, — находитъ себѣ дорогу. Буйный и энергичный «индивидуалистъ» Луневъ—кончаетъ само-

убійствомъ... Затѣмъ, въ драмѣ «Мѣщане», какъ я уже указывалъ, героемъ, несомнѣнно сосредоточивающимъ на себѣ симпатіи автора, опять оказывается рабочій—машинистъ Нилъ, въ рѣчахъ котораго уже явственно звучатъ соціалистическія ноты. Онъ, подобно прежнимъ любимцамъ Горькаго, «*стихіенъ*», и дерзокъ, и—хищенъ, если хотите, не меньше Челкаша, напримѣръ; онъ по инстинктамъ—настоящій *индивидуалистъ*... Но его стихійность и дерзость уже имѣютъ опредѣленное содержаніе и цѣль. Его уже не привлекаетъ перспектива «каждаго человѣка завертѣть и пустить волчкомъ вокругъ себя»... Подобно Вересаевской Наташѣ, «онъ нашелъ дорогу и вѣритъ въ жизнь», да еще собирается «измѣнить росписаніе» ея «движенія»: «Мною и *другими* честными людьми командуютъ свиньи»..., «*Наша* возьметъ!» — провозглашаетъ этотъ «индивидуалистъ»... А рядомъ съ нимъ мрачная фигура «философа» Тетерева, пропойцы и отрицателя, только подчеркиваетъ его жизненность тѣми паніхидами, которыя поетъ «мѣщанамъ» а также... себѣ и себѣ подобнымъ, т. е. *прежнимъ героямъ Горькаго*...

— „Жить хорошее занятіе!“—заявляетъ Нилъ.

— „Мнѣ тоже весело—угрюмо вставляетъ Тетеревъ: только я люблю веселиться молча, а скучать громко“.

А когда старикъ, «мѣщанинъ» Безсѣменовъ, заподозрѣваетъ, что всему распаду его семьи причиной является Тетеревъ, послѣдній, со вздохомъ, возражаетъ:

— „Эхъ, кабы я! Но нѣтъ, не я“...

Горькій какъ бы самъ отмѣчалъ этапы своего писательства, закрѣпляя каждый изъ нихъ своеобразнымъ «стихотвореніемъ въ прозѣ» (или, пожалуй—«прозой въ стихахъ»—родъ, совершенно неудачный, безъ прецедентовъ въ нашей литературѣ, если не считать нѣкоторыхъ главъ въ «Устонхъ» Златовратскаго). Онъ далъ три такихъ вещи, полныхъ искренности, но въ то же время и риторичныхъ и наивно-лубочныхъ, свидѣтельствующихъ о совершенномъ диллетантизмѣ его въ стихотворчествѣ... Первая вещь «Пѣсня о соколѣ», въ сущности, отмѣчаетъ «ученическіе» годы Горькаго: эта вещь, если бы не все-же болѣе жизнерадостный ея тонъ, могла бы быть написана ну хотя бы Мельшинымъ...

«Безумству храбрыхъ пою я славу»—вотъ единственная нота, звучащая въ «Пѣсни о Соколѣ». Для начальнаго періода характерно, впрочемъ, *одиночество*, изолированность «храбраго» Сокола...

Вторая вещь, «Пѣсня о Буревѣстникѣ», написана въ 1901 г., послѣ повѣсти «Трое» и полна какого-то мрачнаго, пожалуй «нервознаго», неопредѣленнаго революціонизма:

«Вотъ онъ носится, какъ демонъ—гордый, черный демонъ бури

И смѣется и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ»...

Третья вещь въ этомъ родѣ «Человѣкъ» является какъ бы резюме того періода, который я сейчасъ разсматриваю, и будучи еще менѣе удачной, чѣмъ обѣ предыдущія,—въ тяжеловѣсной формѣ, среди семинарски-риторическихъ украшеній, даетъ тѣмъ не менѣе рядъ формулъ, прекрасно опредѣляющихъ настроеніе автора, настроеніе—соціализированнаго ницшеанства.

О! онъ большой «индивидуалистъ» этотъ Горьковскій *Человѣкъ* съ боль-

шой буквы, и гордъ, и заносчивъ онъ, и буенъ—чрезвычайно. Но буйная душа его уже полна соціальныхъ или даже соціалистическихъ мотивовъ: онъ отлично чувствуетъ, что «свобода его личности кончается тамъ, гдѣ начинается личность другого», (цитируя формулу Бардиной въ ея рѣчи на судѣ); и въ то же время чело его уже далеко не обвѣяно прежнимъ «пленъ-эромъ», уста не улыбаются дерзко, а довольно страдальчески сжаты...

«Я созданъ мыслью затѣмъ, чтобъ *опрокинуть*, разрушить, растоптать *все старое, все тѣсное* и грязное, все злое,—и новое создать на выкованныхъ мыслью незыблемыхъ началахъ *свободы, красоты* и *уваженія* къ людямъ!

— «Непримиримый врагъ позорной нищеты людскихъ желаній,

Хочу чтобъ *каждый изъ людей* былъ человѣкомъ!

— «Безсмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, въ которой непосильный и *рабскій трудъ* однихъ безслѣдно, весь уходитъ на то, чтобы другіе *пресыщались* и хлѣбомъ, и дарами духа»!...

А на ряду съ этимъ соціальнымъ или соціализованнымъ индивидуализмомъ, такія ницшеанскія, а точнѣе—*ибсеновскія* формулы на тему, о «великомъ» и «маломъ разумѣ»:

«Настанетъ день—въ груди моей сольются въ одно великое и творческое пламя міръ чувства моего съ моей безсмертной мыслью, и этимъ пламенемъ я выжгу изъ души все темное, жестокое и злое, и буду я подобенъ тѣмъ богамъ, что мысль моя творила и творитъ.

— «Все въ Человѣкѣ,— все для Человѣка»...

Какъ видите, тутъ уже въ общей формѣ выражено то самое настроеніе, то своеобразное сочетаніе ницшеанства съ соціализмомъ, которое сказывается и въ фигурѣ Пила...

Для переходнаго момента—заключительнаго въ первомъ періодѣ творчества Горькаго—характерно большое мѣсто, удѣляемое *мысли*: какъ безоговорочный индивидуализмъ смѣнился индивидуализмомъ соціалистическимъ, такъ и прежній безудержный и безоговорочный гимнъ *инстинкту* превращается въ поиски синтеза—въ мечту о «*сліяніи* міра чувства» съ «безсмертной мыслью»—совсѣмъ въ духѣ Ибсена... Въ первый свой періодъ, Горькій до такихъ «ограничительныхъ» толкованій не додумывался и ужъ, конечно, не изобразилъ бы такого «Человѣка»,—«*созданнаго мыслью*»...

Нужно отмѣтить въ «Человѣкѣ» и еще кое-какія совсѣмъ неожиданныя въ Горькомъ ноты, свидѣтельствующія, на мой взглядъ, уже не о конкретизаціи его настроенія, а о началѣ какой то душевной смуты... Кто бы могъ ждать отъ жизнерадостнаго «Кузьки», которому жизнь, по выраженію мельника Тихона, представлялась такой «*легкой*»,—аскетическихъ настроеній, весьма близкихъ къ установленнымъ традиціями интеллигентскимъ мелодіямъ!... «Человѣкъ» Горькаго борется со всякими обуревающими его «скверными» и въ томъ числѣ даже вотъ съ чѣмъ:

„Любви коварныя и пошлыя уловки, ея желаніе овладѣть любимымъ, стремленіе унижать и унижаться и—чувственности грязный ликъ за ней!...

Есть въ «Человѣкѣ» и давно знакомое русскому читателю «страдальчество»,

противъ котораго, незадолго передъ тѣмъ, такъ иронически-весело возражалъ Горькій:

„И сознаю, что побѣждаютъ не тѣ, которые берутъ плоды побѣды, а только (!) тѣ, что остаются на полѣ битвы"...

О конечно, тотъ классъ, котораго идеей начинаетъ проникаться въ то время Горькій, не призванъ въ ближайшемъ будущемъ всецѣло «брать плоды побѣды», и, какъ *настроеніе*, это мѣсто болѣе чѣмъ понятно даже въ писателѣ «Буревѣстникѣ»... Но возводить это какъ бы въ принципъ, высказать въ столь общей формѣ — значитъ впадать въ настоящій рецидивъ «интеллигенщины», а для Горькаго—поклоняться тому, что сжигалъ...

Тѣ же признаки начинающейся духовной смуты можно видѣть и въ драмѣ «На днѣ», непосредственно предшествовавшей «Человѣку». Въ художественномъ смыслѣ, на мой взглядъ, она уступаетъ «Мѣщанамъ», въ которыхъ, при обычныхъ недостаткахъ драмъ Горкаго (отсутствіе дѣйствія, излишній дидактизмъ), есть и свѣжесть, и новыя мысли. Драма «На днѣ» во многихъ мѣстахъ совершенно мелодраматична, и ничего почти новаго, по сравненію съ беллетристикой Горькаго, не содержитъ. Это словно *конспектъ* какой то, который онъ подводитъ всему первому періоду своему: передъ зрителемъ проходитъ какъ бы перечень давно знакомыхъ, уже использованныхъ авторомъ образовъ, формулъ-словечекъ, положеній... Новостью, и очень художественно-интересной, является только фигура Луки. Этотъ—повидимому, бѣглый—«странникъ», съ его огромнымъ любвеобиліемъ, источникомъ котораго является столь же огромный скептицизмъ—скептицизмъ абсолютный въ вопросахъ вѣры, жизни и смерти—былъ бы, поистинѣ, страшнымъ симптомомъ для русской дѣйствительности, если бы предположить въ немъ реальный, изъ жизни выхваченный типъ... Но при несомнѣнно *субъективномъ* источникѣ творчества Горкаго, въ немъ приходится видѣть симптомъ опасный... развѣ для самого автора, — свидѣтельство начинающейся въ немъ душевной смуты. Этотъ «лукавый старецъ», какъ его зовутъ аселяющіе «Дно» босяки, воплощающій въ себѣ идею о «спасительной для жизни лжи»—опять идея, на которой останавливались и Ибсенъ («Дикая утка») и Ницше—совершенная новость у «шедшаго» до сихъ поръ «впередъ безъ страха и сомнѣній» автора... Развѣ кое гдѣ, намеками («Болесъ», нѣкоторыя мѣста въ «Коноваловѣ») трогалъ онъ эту тему... И особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что она отливается въ одинъ изъ самыхъ у него яркихъ образовъ именно въ такой моментъ, когда міросозерцаніе его, казалось бы, отстаивается и опредѣляется...

Какъ разъ съ этого момента, послѣ «На днѣ» и «Человѣка», начинается *писательская драма* Горькаго, о которой я упоминалъ... Уже приближалась пора дифференціаціи въ обществѣ, а стало быть и въ интеллигенціи. Уже нельзя стало пробавляться однимъ юношескимъ «возражательствомъ» противъ жизни да противъ утвержденій интеллигенціи недавняго прошлаго. Надо было переходить къ собственнымъ «во имя», къ собственнымъ утвержденіямъ. Неопредѣленный порывъ къ свободѣ, смутный инстинктивизмъ и индивидуализмъ уже спѣли свою «объединительную» *пѣсню безъ словъ*. Понадобились *слова*, понадобилась опредѣленная позиція, среди раздѣлявшихъ интеллигенцію теченій... И вотъ этотъ

нервный, размашистый талантъ, совсѣмъ «сырой», совсѣмъ стихійный, какъ бы безъ оглядки, бросается въ объятія схемы, въ тиски догмы... Его идеи конкретизируются и опредѣляются, но лишь *формально*. Есть догма и точка зрѣнія, но нѣтъ новой религіи, нѣтъ истиннаго и *интимнаго* міросозерцанія,—такого, при которомъ бы «слились въ одно великое и творческое пламя»—«міръ *чувства* съ міромъ *мысли*», какъ онъ мечталъ въ своемъ «Человѣкѣ»... Да и не легкое это дѣло, пожалуй, нажить такое міросозерцаніе художнику — въ наши дни, въ обстановкѣ русской дѣйствительности... И краски Горькаго вянутъ и блекнутъ, онъ становится сухъ, дидактиченъ, обнаженно-тенденціозенъ... Но этотъ второй періодъ его дѣятельности совпадаетъ какъ разъ съ годами революціи, и потому я здѣсь о немъ распространяться не буду. Послѣдней вещью Горькаго, имѣвшей значительный успѣхъ, снискавшей одобреніе, какъ зрителей, такъ и критики, была драма «На днѣ». Правда, она была слабѣе «Мѣщанъ», такимъ успѣхомъ не пользовавшихся, но вѣдь—она и была зато *конспектомъ* «объединительнаго» перваго періода его творчества...

* * *

То «соціализированное ницшеанство», которое хорошо выражено въ нѣкоторыхъ формулахъ «Человѣка» и полосу котораго открылъ Горькій послѣдними произведеніями перваго своего періода, въ той или иной степени вдохновляетъ почти всѣхъ его сверстниковъ. Ноты его звучатъ не только у символистовъ и романтиковъ, которыхъ появляется все больше; но даже и у реалистовъ,—каждый разъ какъ они попробуютъ высказаться о жизни—въ общей формѣ...

Мнѣ думается, что помимо несомнѣннаго и естественнаго вліянія запада, передъ которымъ мы къ тому моменту уже совершенно капитулировали, *слиться* съ которымъ было всеобщей мечтой,—помимо этого внѣшняго вліянія, могучую роль сыграла одна своеобразная черта въ судьбѣ нашей интеллигенціи. Если пристрастіе къ идеѣ личности, личной свободы, стремленіе къ индивидуализму всегда связано съ историческимъ моментомъ—завоеванія политической свободы, то сѣмена этого индивидуализма, какъ рождаемыя дома, такъ и заносимыя извнѣ, падали и прорастали въ почвѣ, уже подготовленной, вспаханной и взборонённой соціализмомъ... Подобно интеллигенціи нашей, и лучшая часть литературы искони была у насъ соціалистической, сначала въ «самобытно-народническомъ» тонѣ и стилѣ, затѣмъ въ болѣе европейскомъ. И вотъ та особенность нашего соціализма, что онъ былъ уже на-лицо и развивался еще до завоеванія политической свободы, что соціалистическій авангардъ народа долженъ былъ поставить своей первой задачей именно это завоеваніе,—и привело въ нашей демократической литературѣ къ этому своеобразному сочетанію соціализма съ боевымъ индивидуалистическимъ настроеніемъ, демократизма съ аристократизмомъ духа, словомъ—къ «*соціализированному ницшеанству*»...

Это сочетаніе, повторяю, является очень характернымъ для всего демократически-настроеннаго нашего художничества, для всей полосы революціоннаго «буревѣстничества». Наиболѣе яркіе представители этой полосы съ 1903 года группируются около сборниковъ «Знанія», издаваемыхъ при дѣятельномъ участіи Горькаго.

Изъ нихъ иные, какъ Купринъ, Чириковъ, Буниинъ, Серафимовичъ выступили въ литературѣ нѣсколько раньше Горькаго; другіе—Юшкевичъ, Гусевъ-Оренбургскій, Скиталецъ и Л. Андреевъ — являются его младшими современниками. Объ этихъ писателяхъ, за исключеніемъ Л. Андреева, я ограничусь лишь немногими словами.

Яркій, часто немного красочный, реалистъ Купринъ дастъ цѣлый калейдоскопъ живьемъ выхваченныхъ изъ жизни картинокъ, уголковъ жизни, скажу пожалуй, «случайностей» жизни, не вдаваясь въ обобщенія, не освѣщая своихъ картинокъ сколько нибудь опредѣленной идеологіей. Писанія его это мастерскіе *этюды съ натуры*, выражаясь языкомъ живописцевъ. Наиболѣе широкія по захвату его вещи—«Поединокъ» и «Рѣка жизни»—появляются уже въ пору революціонную. Первая вещь, вышедшая въ 1905 г., дастъ исчерпывающій «этюдъ» нравовъ военной среды и въ моментъ своего появленія, тотчасъ по окончаніи войны, играетъ, можно сказать, историческую роль и получаетъ огромный резонансъ. Не лишнее будетъ отмѣтить, что даже у этого типичнаго этюдиста-бытописателя и именно въ «Поединкѣ» появляется фигура офицера Назанскаго, не скажу, чтобы очень удачно, но все-же весьма отчетливо затрагивающая мотивы все того-же «соціализированнаго ницшеанства»...

И. Буниинъ, начавшій въ «Русскомъ Богатствѣ», не представляетъ въ предреволюціонные годы сколько нибудь опредѣленно окрашеннаго писательскаго облика, но его тонко обработанные, изящные очерки изъ крестьянскаго быта въ сборникахъ «Знанія» поютъ въ унисонъ съ общимъ хоромъ буревѣстниковъ и даютъ интересные штрихи темнаго, хмуро-протестующаго настроенія, растущаго крестьянской средѣ. Аналогичными темами занятъ въ тѣ годы и Серафимовичъ.

Е. Чириковъ дастъ длинный рядъ жанровыхъ сценокъ, часто сатирическихъ, гдѣ изображаетъ и интеллигентскую, и рабочую, и обывательскую среду, стараясь зарегистрировать эволюцію настроеній... Но публицистическая тенденціозность и часто фельетонный характеръ его писаній лишаютъ ихъ серьезнаго художественнаго интереса, а стало быть и значенія для нашей характеристики. Сатирическіе фельетоны, на мой взглядъ, гораздо больше удаются этому автору, нежели художественная беллетристика и драма, всегда у него иллюстрирующія лишь готовыя и, такъ сказать, «ходячія» мысли...

Семенъ Юшкевичъ въ первыхъ своихъ вещахъ, изъ которыхъ назову «Распадъ» и «Евреевъ», прослѣживаетъ зарожденіе революціоннаго духа въ средѣ еврейской интеллигенціи и рабочихъ. Въ сборникахъ «Знанія» была напечатана лучшая, на мой взглядъ, его повѣсть «Евреи», и именно въ ней звучатъ ноты того самаго ницшеанства, сочетавшагося съ соціализмомъ, и той же самой романтики, которыя я отмѣчалъ въ Горькомъ. Впослѣдствіи, претензіи и аффектація, погоня за непосильно-грандіозными темами и исключительностью психологическихъ мотивовъ задерживаютъ развитіе этого интереснаго, въ первыхъ своихъ вещахъ, писателя и онъ даетъ такія неуклюжія и претенціозныя вещи, какъ драмы «Голодъ» и «Городъ».

Свѣжее, непритязательное, искреннее дарованіе Гусева-Оренбургскаго долгое время сосредоточивается на изображеніи хорошо знакомой автору среды сельскаго

духовенства. Онъ рисуетъ цѣлый рядъ священниковъ, то заболѣвающихъ «болѣзнью совѣсти», то переходящихъ въ ряды протестующихъ,—подъ давленіемъ окружающихъ «безчеловѣчныхъ отношеній».—Очеркъ «Въ приходѣ» изображаетъ кое какіе штрихи крестьянскаго движенія. Большая повѣсть «Въ странѣ отцовъ», при элементарности техники, при наивной и рутинной фабулѣ, даетъ однако очень живыя фигуры молодежи, поющей «пѣсни будущаго», и полна свѣтлаго утренняго, какъ первый періодъ Горькаго, революціоннаго настроенія—подлиннаго «буревѣстничества»...

О Скитальцѣ приходится упоминать лишь потому, что «революціонныя» стихотворенія его, при всей ихъ примитивности, все же сдѣлали его «рыцаремъ на часъ» или полъ-часа, и пріобрѣли ему поклонниковъ. Двѣ-три искреннихъ и не совсѣмъ неудачныхъ вещи, не искупаютъ, однако, того ряда лубочныхъ очерковъ и грубо-нескладныхъ стиховъ, которыми согрѣшилъ этотъ человѣкъ, не лишенный, повидимому, дарованія, но зато вполнѣ и очевидно лишенный вкуса и въ своемъ подражаніи Горькому доводившій до послѣдняго предѣла всѣ его отрицательныя стороны...

Въ заключеніе, отмѣчу одну, общую для всей этой буревѣстнической литературы черту. Тургеневъ уже давно опредѣленъ, какъ изобразитель пробужденія женской души—къ любви и сознательности. Вся буревѣстническая литература является какъ бы нѣкимъ коллективнымъ Тургеневымъ. Но то пробужденіе, которое она живописала, происходило не въ женской, а въ *народной* душѣ, и она прослѣживала въ человѣкѣ, взятомъ изъ различныхъ слоевъ народа, пробужденіе — *къ революціи*... Это излюбленная тема беллетристики предреволюціонныхъ годовъ. И подобно первымъ «пѣснямъ безъ словъ» Горькаго, она регистрировала только смутные порывы къ свободѣ, наростаніе то хмураго, ожесточеннаго, то наивно-радостнаго, утренняго, мечтательнаго, и всегда неопредѣленнаго, по содержанію, настроенія, — настроенія, съ очень многими и рѣшительными *нѣтъ*, но безъ сколько нибудь выясненныхъ *да*...

Перехожу къ Леониду Андрееву—послѣднему *этапу* того періода нашего художества, который служитъ предметомъ настоящаго очерка.

Онъ начинаетъ въ 1898 г. (какъ можно судить по самой ранней помѣткѣ въ сборникѣ его первыхъ произведеній, изданномъ въ 1906 г. *)—значитъ, почти одновременно съ Горькимъ, всего на какихъ нибудь два года позже. Но «любимцемъ»—и какимъ еще!—становится лишь по выходѣ перваго своего

---

*) Я не буду останавливаться на этомъ сборникѣ *фактически* первыхъ очерковъ Андреева. Въ нихъ можно, разумѣется, то тамъ, то здѣсь отыскать ростки будущаго огромнаго дарованія и индивидуальные Андреевскіе пріемы, но въ общемъ—художникъ здѣсь только ощупью выбирается на свой путь, только ищетъ *самого себя*. Ничего опредѣлившагося, устоявшагося еще нѣтъ, и наоборотъ—не мало такого, что, очевидно, навѣяно предшественниками, особенно Чеховымъ и Мопассаномъ... Темы еще какъ бы *случайныя*, или чрезмѣрно „личныя“, лирическія, безъ сколько нибудь широкаго обобщающаго захвата. Сантиментальности много, философскія настроенія почти отсутствуютъ. Сюда вошло, впрочемъ, нѣсколько вещей и изъ зрѣлой поры Андреева: прекрасный разсказъ „Христіане“, и *трагическіе шаржы*: „Нѣтъ прощенія“ и „Оригинальный человѣкъ“.

сборника въ 1901 году, сразу завоевавшаго ему и огромную извѣстность, и напряженный, съ тѣхъ поръ не прекращавшійся, интересъ къ нему.

И это сочетаніе двухъ молодыхъ извѣстностей, двухъ новыхъ «любимцевъ»—Горькаго и Андреева—не лишено, пожалуй, извѣстнаго симптоматическаго значенія, въ смыслѣ общественной психологіи той эпохи...

Въ самомъ дѣлѣ, настало пробужденіе, надвигалась революція, политическая и общественная «весна»... «Весеннія» мелодіи Горькаго, и всего остального, правда немногочисленнаго и не очень голосистаго, хора «буревѣстниковъ»—были болѣе чѣмъ у мѣста, болѣе чѣмъ естественны. Но рядомъ съ ними, почти съ самого начала, еще за пять лѣтъ до *дѣйственнаго* момента революціи, начинаютъ уже звучать совсѣмъ иныя, мрачныя, какъ бы пессимистически предостерегающія ноты—ноты разочарованія не въ жизни только, а въ самомъ человѣкѣ...

— Человѣкъ—это звучитъ гордо!—провозглашаетъ Горькій.

— Человѣкъ—это «бездна», это «ложь», это «безуміе и ужасъ»!—вторитъ ему Андреевъ перваго періода...

Диссонансъ, казалось бы, окончательный... Но читатель, словно чуя какую-то гармонію, какую-то *правду* такого сочетанія—жадно слушаетъ обоихъ пѣвцовъ...

Горькій только что любого цыгана или босяка «весело» и «легко»превращалъ въ героя и въ проповѣдника удалой свободы. Л. Андреевъ заставляетъ своего босяка Гараську радоваться до слезъ тому лишь обстоятельству, что городовой Баргамотъ пригласилъ его разговѣться въ пасхальную ночь, говоритъ съ нимъ на *вы* и величаетъ по отчеству:

— „По отчеству... Какъ родился, никто по отчеству.. не называлъ"—всхлипываетъ Гараська..."

Вмѣсто мечтаній «ротмистра» Кувалды о томъ, что именно они, босяки, призваны «перекроить міръ», у Андреева разные «бывшіе люди»—«Въ подвалѣ»,—отъ неудачниковъ, интеллигентовъ до проститутокъ—чувствуютъ себя людьми, если не будущаго, куда ужъ тамъ! то настоящаго—и то лишь *на мгновеніе*, при видѣ... новорожденнаго ребенка, принесеннаго къ нимъ, и «любятъ и жалѣютъ эту новую жизнь», которая является единственной свѣтлой точкой во тьмѣ ихъ подвала...

Или спившійся. несчастный учитель, въ очеркѣ «Ангелочекъ», въ конецъ задавленный «ужасомъ и несправедливостью жизни», находитъ, опять на мгновеніе, отраду—въ восковомъ «ангелочкѣ», съ барской елки, который, какъ ему чудится, «впиталъ въ себя все горе и надежду тоскующей о Богѣ души».. Но проходитъ ночь, и такъ какъ «идеалъ», «котораго такъ не хватало въ жизни его собственной и его ближнихъ», былъ *восковой*, то—подвѣшенный у печки, онъ къ утру таетъ и исчезаетъ... Только и всего. Никакихъ иныхъ перспективъ, никакихъ болѣе радостныхъ надеждъ художество Андреева не открывало. Изъ лучезарно-свѣтлаго, лѣтняго «пленъ-эра» горьковскихъ очерковъ, съ побережья вѣчно залитаго солнцемъ, «смѣющагося» моря, Андреевъ зоветъ читателя въ подлинные «подвалы» и провалы, съ подлиннымъ мракомъ и запахами, къ отчаявшимся и озлобленнымъ одиночкамъ, или—на кладбища («Прекрасна жизнь для вос-

кресшихъ», «Молчаніе»), или подводитъ къ постелямъ умирающихъ («Весной», «Въ подвалѣ», «Жили-были»), къ трупамъ самоубійцъ («Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», «Молчаніе»), приводитъ къ «*Стѣнѣ*», безнадежно преградившей человѣчеству доступъ къ свободѣ...

А читатель послушно за нимъ слѣдуетъ и жадно его слушаетъ.

Въ чемъ же было дѣло? Какой стороной своихъ мрачныхъ пѣсенъ оказался нужнымъ этотъ безнадежный пессимистъ?

Можетъ быть дидактикой, публицистикой и моралью плѣнялъ публику новый любимецъ? Но «поученій» было у него весьма мало, и именно они представляли наиболѣе слабыя мѣста немногихъ и наиболѣе слабыхъ его очерковъ. Не такъ уже «ново» было, напримѣръ, пробужденіе чувства солидарности съ людьми, въ очеркѣ «На рѣкѣ,», гдѣ машинистъ съ мельницы спасаетъ въ пасхальную ночь жителей затопленнаго разливомъ поселка; или—проповѣдь «любви къ родинѣ» въ «Иностранцѣ», гдѣ до маніачества влюбленный въ Европу студентъ пристыженъ патріотизмомъ глуповатаго серба, и отказывается отъ мечты всей своей жизни—повидать эту Европу... Все подобное было далеко не ново въ нашей литературѣ и выходило у Андреева немного банальнымъ и сантиментальнымъ...

Не этимъ онъ бралъ, не этимъ покорялъ читателя. Основной интересъ его творчества, думается мнѣ, былъ обусловленъ кое чѣмъ именно діаметрально-противоположнымъ морализированію и публицистикѣ.

По существу талантъ его былъ совершенно чуждъ этихъ элементовъ и онъ очень скоро совершенно освобождается отъ нихъ. Въ большинствѣ вещей своего перваго сборника, сразу завоевавшаго ему читателя, Андреевъ является художникомъ, съ чисто *философскимъ* складомъ творчества. Именно то обстоятельство, что въ его писаніяхъ почти отсутствовали дидактизмъ и мораль, что концепція его почти чужда была этихъ привычныхъ въ нашемъ художествѣ качествъ, что его очерки представляли не поученіе, а серьезное раздумье надъ большими вопросами жизни—именно это, на мой взглядъ, и оказалось тѣмъ *новымъ словомъ*, которое онъ произнесъ въ нашей литературѣ. Андреевъ явился у насъ первымъ художникомъ съ *философскимъ*, а *не моралистическимъ* характеромъ мышленія и творчества.

Я уже отмѣчалъ, мимоходомъ, что именно къ началу XX вѣка у нашей интеллигенціи появляется интересъ къ философскимъ вопросамъ.

Вересаевъ, зарегистрировавшій этотъ моментъ въ «На поворотѣ», какъ бы усматривалъ въ немъ опасный симптомъ, какъ бы нѣкое testimonium paupertatis—ущербъ живого чувства и непосредственнаго отношенія къ жизни. Но если во многихъ частныхъ случаяхъ, эта тенденція къ философствованію—на тему о «категоріяхъ долга»—и могла быть результатомъ отпаденія отъ прежней вѣры «въ народъ» и въ дѣло революціи, то само собою очевидно, что такое объясненіе совершенно неприложимо къ явленію далеко не персональнаго и даже не групповаго свойства,—къ явленію чисто-общественному, по своимъ размѣрамъ и характеру.

Не только тѣмъ, кто, подобно инымъ героямъ «На поворотѣ», отпадалъ отъ прежней вѣры или возмущался «подчиненной ролью» интеллигенціи, нужна была философія;—не только тѣмъ, кто искалъ оправданія своему существованію

какъ «самостоятельнаго фактора» (читай—*класса*), кто внутренно уже перебѣгалъ въ лагерь буржуазіи, имѣвшей въ недалекомъ будущемъ, съ неизбѣжнымъ завоеваніемъ элементовъ политической свободы, сыграть свою роль въ русской исторіи, а тогда какъ бы лишь «репетировавшей» эту роль...

Нѣтъ,—*всѣмъ* понадобилось болѣе общее и въ то же время болѣе интимное обоснованіе и осмысливаніе своей «роли» въ жизни, своего отношенія къ міру, къ человѣчеству, къ собственному *я*, ибо это вызывалось самой жизнью, всей ея конъюнктурой, усложнившейся до неузнаваемости.

Если прежде, въ то время, когда процессы соціальнаго раздѣленія и одновременнаго роста политическаго самосознанія протекали еще молекулярно, еле проявляясь въ дѣйствіяхъ и *во снѣ*, отношеніе интеллигенціи къ жизни легко укладывалось въ сравнительно элементарныя формулы; если прежде сущность этихъ отношеній опредѣлялась почти всецѣло разрѣшеніемъ вопроса объ «обязанностяхъ интеллигенціи передъ народомъ»—(одинаково, какъ въ эпоху «романа съ мужикомъ», такъ и въ слѣдующую пору соціалъ-демократическаго подготовительнаго движенія)—и потому можно было довольствоваться такимъ міросозерцаніемъ, которое носило лишь *морально-публицистическій* характеръ, т. е. разрѣшало прежде всего вопросъ объ «обязанностяхъ въ принципѣ, а затѣмъ указывало пути выполненія этихъ обязанностей; если такихъ элементовъ хватало для построенія прежде всего *практическаго* по своему характеру міросозерцанія въ *подготовительный* періодъ жизни нашей интеллигенціи; то теперь они уже не обнимали усложнившейся картины ея жизни. Съ одной стороны «народъ» изъ *объекта* вѣры и попеченій интеллигенціи, съ выступленіемъ на арену дѣйствія городского пролетаріата, превращается въ довольно самостоятельный *субъектъ*, въ огромный факторъ жизни; а на-ряду съ этимъ уже проявляютъ извѣстную активность сравнительно широкіе слои буржуазно-оппозиціоннаго общества, обзаведшіеся своей интеллигенціей, своими идеологами—съ собственной, прилаженной къ исторической миссіи этихъ общественныхъ слоевъ, философіей... Приходится обороняться отъ этихъ новыхъ идеологовъ, приходится углублять, точнѣе и интимнѣе осмысливать свою позицію, искать болѣе приспособленнаго, лучше цементированнаго фундамента—среди вихря новыхъ, сложныхъ условій, предъ лицомъ быстрой, невиданной доселѣ, ломки бытовыхъ формъ и общественной психологіи...

И если «репетировавшіе» свою будущую роль «бывшіе марксисты» окутывали себя метафизическими туманами и прятались за ширмы всяческой мистики, чтобы за ними падать въ объятія исконныхъ представителей буржуазной оппозиціи, то и вся демократическая интеллигенція сознательно или безсознательно, но безусловно тяготѣла къ философскимъ темамъ и вопросамъ.

Не боясь преувеличенія, можно сказать, что наша «интеллигентская» художественная литература, въ силу только отмѣченныхъ причинъ, съ самыхъ шестидесятыхъ годовъ, почти исключительно пребывала въ сферѣ жизненно-практическихъ и моральныхъ вопросовъ... Кажется, одинъ Тургеневъ, стоявшій особнякомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ (бывшій западникомъ среди поголовнаго народничества и т. д.) являлся исключеніемъ и въ этомъ смыслѣ: онъ былъ чуждъ элементовъ дидактики моральной и публицистической. Но

даже наиболѣе философски настроенный изъ художниковъ эпохи народничества Достоевскій—и тотъ съ головой былъ погруженъ въ вопросы морали прежде всего... Изреченіе Жюля Леметра («Les littératures du Nord»), о «голосѣ пастыря проповѣдника», каковой ему слышится въ писаніяхъ любого сѣвернаго писателя,—до послѣдняго времени, вполнѣ оправдывалось нашей литературой.

И вотъ, только въ предреволюціонную пору, у насъ появляется «любимецъ» интеллигенціи съ творчествомъ *безъ морали*, художникъ-мыслитель Андреевъ, по поводу котораго Жюлю Леметру не пришлось бы дѣлать противопоставленія нашей «сѣверной литературы»—литературѣ европейской... Именно этой стороной своего творчества, помимо, разумѣется, рѣдкаго художественнаго дарованія своего, онъ приковываетъ къ себѣ общее вниманіе, ибо именно этой стороной отвѣчаетъ все тѣмъ же запросамъ момента...

А можетъ быть, къ этой причинѣ его успѣха присоединяется еще и то *дополненіе*, которое давала его мрачная живопись—«веселымъ» картинкамъ Горькаго, и нѣкоторыхъ другихъ «буревѣстниковъ». Можетъ быть, тѣ траурные цвѣта, которые онъ вплеталъ въ радугу «весеннихъ» надеждъ, удовлетворяли безсознательному *ощущенію правды*, какъ бы намекали на огромное разстояніе, между день ото дня разроставшимися *надеждами*—съ одной стороны и заложенными въ дѣйствительности *возможностями*—съ другой... И тогда въ этомъ диссонирующемъ сочетаніи Горькаго и Андреева въ эпоху «буревѣстничества» можно, дѣйствительно, усматривать какъ бы гармонію правды, нѣчто—пожалуй пророчески предостерегающее...

— «Я заставлю жизнь отвѣтить такъ, какъ захочу»...

— Непоколебимо стоитъ стѣна и — молчитъ... «Она падаетъ!»—«Ты ошибаешься, прокаженный!»...

Это писано, и появилось въ печати, и читалось на расхватъ—въ тотъ же сезонъ 1901—1902 года.

* * *

Я разсматриваю здѣсь лишь первый періодъ Андреевскаго творчества, періодъ *подлиннаго пессимизма*, почти совпадающій—съ опозданіемъ на какой нибудь годъ—съ первымъ же періодомъ Горькаго. Впослѣдствіи, начиная съ первой большой его повѣсти «Жизнь отца Василія Ѳивейскаго» (1904 г.), въ писаніяхъ Андреева появляются уже новыя ноты,—ноты идеализма и, пожалуй, проповѣдничества (отнюдь не моральнаго, однако), которыя освѣщаютъ упорнымъ, хотя и еле мерцающимъ свѣтомъ, его мрачное воспріятіе жизни. Но въ разсматриваемый здѣсь періодъ—это типичный, почти безпримѣсный мыслитель-пессимистъ.

Присмотримся, по необходимости бѣгло, къ темамъ, какія затрагивалъ въ своемъ творчествѣ этотъ пессимистъ.

Сначала, впрочемъ, два замѣчанія общаго свойства. Характернѣйшей чертой для Андреева перваго періода является почти полное отсутствіе утвержденій... Повидимому, у автора нѣтъ еще отвѣтовъ на мучащіе его вопросы, и онъ всегда именно въ видѣ *вопросовъ* ихъ и излагаетъ. Сердцевиной его творчества всегда служитъ *мысль*. Онъ апеллируетъ къ эмоціональной сторонѣ чита-

теля лишь для того, чтобы тотъ глубже и интимнѣе проникся его *мыслью*, ближе сжился съ тѣмъ *вопросомъ*, который занимаетъ художника. Отсюда тотъ *иллюстраціонный* характеръ его писаній, который формально сближаетъ ихъ съ тѣмъ, что французы называютъ pièce à thèse, гдѣ вся суть именно въ доказательствѣ извѣстнаго тезиса, а художество играетъ подчиненную роль. Но именно характеръ и содержаніе идей, которыми занятъ Андреевъ, его постоянное пребываніе въ области «неяснаго и неразрѣшеннаго», и то полное отсутствіе именно тезисовъ, на которое я указывалъ только-что, дѣлаютъ его творчество,—скорѣе полной противоположностью по существу этимъ pièce à thèse, гдѣ все—дидактика, все ариѳметически ясно и раціонально, все сплошной морализирующій догматизмъ. Л. Андреевъ ничего *не доказываетъ*: онъ лишь ставитъ вопросительные знаки.

Другая общаго характера черта его темъ—это то, что всѣ онѣ, почти неизмѣнно, лежатъ—такъ сказать—въ плоскости идей Ницше.

Разбираясь въ ницшеанскихъ темахъ, онъ постоянно взвѣшиваетъ всѣ pro и contra, причемъ иные очерки написаны какъ бы въ дополненіе, въ поправку, къ предыдущимъ... Первое, что прежде всего сближаетъ Андреева съ Ницше, это полное сосредоточеніе его мысли на *личности*. Онъ всегда остается внутри человѣческаго *я*, какъ бы не переступая его предѣловъ. Онъ почти не касается объективныхъ условій жизни, *быта* и *среды* совершенно отсутствуютъ въ полѣ его зрѣнія. Отсюда ирреализмъ его творчества.

Схема его творчества почти всюду такова. Онъ выхватываетъ изъ жизни своихъ *одиночекъ* (причемъ, какъ бы слѣдуя завѣтамъ предыдущей эпохи реализма, останавливается въ выборѣ преимущественно на сѣренькихъ, заурядныхъ, quasi-реалистическихъ фигурахъ), и затѣмъ, чтобы вложить имъ въ уста свои интересныя мысли, а въ ихъ души—сложныя переживанія, онъ описываетъ неизмѣнно какой-нибудь «экстренный», чаще всего трагическій моментъ въ ихъ существованіи: въ этотъ исключительный моментъ, они какъ бы вырастаютъ изъ своей заурядности, возвышаются до общечеловѣческихъ запросовъ, самоуглубляются до постановки какой нибудь большой проблемы жизни... Если сопоставить его *сѣренькихъ одиночекъ* съ галлереей аналогичныхъ фигуръ, зарисованныхъ Чеховымъ, то бросается въ глаза огромная разница: въ то время, какъ чеховскіе герои изнываютъ отъ *ощущенія* своей несостоятельности, отъ полнаго безсилія ума и воли, одиночки Андреева—удивительно хорошо и интересно *мыслятъ*,—хоть однажды въ жизни, но непремѣнно хорошо и интересно,—и какъ бы искупаютъ этой мыслью свое ничтожество и безсиліе... О многихъ изъ этихъ одиночекъ, какъ ни сѣры они, какъ ни задавлены жизнью, авторъ могъ бы, съ полнымъ правомъ, сказать почти то самое, что онъ говоритъ про героя очерка «Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», кончающаго самоубійствомъ:

„—Пусть сгибаются тѣ, кто хочетъ, а онъ ломаетъ желѣзную клѣтку. Жалкій, тупой и несчастный человѣкъ, *въ эту минуту*, онъ поднимается выше геніевъ, выше королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ—смѣлое, свободное и безсмертное человѣческое *я*!“

И это «смѣлое и свободное *я*» для Андреева есть прежде всего *мысль*, та

самая, которой неожиданно спѣлъ дифирамбъ Горькій въ концѣ своего перваго періода—въ «Человѣкѣ»...

Такимъ образомъ, даже въ этотъ мрачный періодъ свой, Андреевъ все же выдѣляетъ изъ окружающаго мрака одну свѣтлую точку—человѣческое *я*, личность, мысль... Впослѣдствіи именно въ этой точкѣ забьетъ родникъ его религіи жизни. Но уже и теперь, въ этомъ смыслѣ, онъ слѣдуетъ по тому самому пути, который избрало наше художество—по пути наростающаго вниманія къ личности, наростающаго *уваженія* къ человѣческому *я*...

Цѣлый рядъ его очерковъ трактуетъ тему объ одиночествѣ человѣческой души, о невозможности подлиннаго пониманія и подлиннаго интимнаго единенія между людьми. Пожалуй, настроеніе ихъ есть именно тоска по этомъ единеніи и скорбь объ его невозможности. Эта тема берется какъ бы абсолютно, независимо отъ условій, порождающихъ эту невозможность; художникъ не только не намѣчаетъ, но и не видитъ исхода изъ той разобщенности и разрозненности, жертвами которой являются его персонажи. Но это, разумѣется, не мѣшаетъ его очеркамъ съ силой толкать мысль именно въ сторону этихъ условій, въ сторону поисковъ исхода изъ нихъ. Такимъ образомъ и онъ какъ бы *учитъ*, но не учительствуя, не проповѣдуя, а лишь изображая и мысля...

Изъ подъ кисти его вырастаетъ фигура одинокаго купца Кошевѣрова («Жили-были»): онъ провелъ жизнь въ окончательной оторванности отъ ближнихъ, въ вѣчной погонѣ за наживой, въ жестокости по отношенію къ подчиненнымъ,—«безъ нужды, безъ пользы, безъ радостей»... Этотъ въ концѣ загрюмѣвшій человѣкъ пухнетъ отъ водянки въ больницѣ и, готовясь къ смерти, подводитъ итоги своему безслѣдно промелькнувшему существованію; и при этихъ «итогахъ», онъ доходитъ до такого ожесточенія къ себѣ и окружающимъ, что запрещаетъ даже близкимъ навѣщать его, и съ какимъ-то угрюмымъ злорадствомъ передаетъ чахоточному сосѣду по койкѣ подслушанное отъ докторовъ свѣдѣніе, что дни этого чахоточнаго сочтены... Этотъ чахоточный дьяконъ—полная антитеза Кошевѣрову: онъ привѣтливъ, слезоточивъ, любитъ... «яблоньку и солнечный свѣтъ», но такъ-же безсиленъ передъ жизнью, такъ-же одинокъ... «Жили-были» и умираютъ, слѣда по себѣ не оставивши, никого не понявшіе, и никѣмъ не понятые, два человѣческихъ существа,—такъ, самымъ заглавіемъ, какъ бы резюмируетъ свою мысль авторъ... Онъ остается только въ предѣлахъ человѣческаго *я*, подходитъ къ вопросу лишь съ психологическаго конца. Но въ потрясенной его художествомъ душѣ читателя сама собой встаетъ картина фатальной, уродливой раззоренности россійскаго обывательскаго существованія... Та же тема развивается и въ символическомъ очеркѣ «Большой шлемъ», гдѣ партнеры по карточной игрѣ, ежедневно или, точнѣе, еженощно собираясь за зеленымъ столомъ, до того не знаютъ другъ друга, до того обособлены, что даже не справляются объ адресахъ другъ друга: они не знаютъ, что дѣлать съ трупомъ одного изъ нихъ, умершаго отъ паралича, и только смерть его наводитъ ихъ на мысль, что у нихъ есть же что-нибудь *общее*, помимо «зеленаго поля»...

Непониманіе, тоже безысходное одиночество, отсутствіе подлинной живой связи даже между влюбленными, даже между мужемъ и женой трактованы въ

очеркахъ «Смѣхъ» и «Ложь». Это непониманіе и разрозненность обостряются въ сильнѣйшей степени у представителей различныхъ поколѣній въ обществѣ, гдѣ идетъ быстрый процессъ соціальной дифференціаціи, бытовой ломки и революціонной борьбы. Въ очеркѣ «Молчаніе», дочь священника, Вѣра, вернулась изъ столицы, куда уѣзжала противъ воли родныхъ, и, совершенно чужая въ родномъ домѣ, кончаетъ съ собой, унося въ могилу свою тайну; старику священнику только и остается, что стонать и проклинать, тщетно ломая голову надъ неразрѣшимой загадкой. А разгадка одна: — пропасть, образующаяся въ такія эпохи между двумя поколѣніями.

Въ прекрасномъ очеркѣ «Въ темную даль» авторъ сшибаетъ лбами тѣ же два поколѣнія: желѣзнаго, закаленнаго въ революціонной работѣ юношу и его отца, убѣжденнаго и столь же желѣзнаго обывателя,—обывателя по принципу, такъ сказать. Сынъ исчезалъ нѣсколько лѣтъ, побывалъ за-границей и вернулся на побывку къ своимъ:

„Ты сказалъ какъ-то, что ненавидишь всю нашу жизнь—раздѣльно выговаривая каждое слово, спрашивалъ отецъ.—Ты и теперь ненавидишь ее?

Такъ же размѣренно и медленно звучалъ серьезный отвѣтъ Николая:

— Да, я ненавижу ее отъ самаго дна до самаго верху. Ненавижу и не понимаю.

— Останься съ нами...

— Это немыслимо, отецъ. И ты это знаешь...

И Николай вырывается изъ объятій любимой бабушки, ускользаетъ отъ сестренки, которая за него цѣпляется, и тайкомъ опять уходитъ—«въ темную даль»...

Въ мрачномъ, безнадежномъ (и, скажу въ скобкахъ, вычурно-искусственномъ) очеркѣ «Стѣна», человѣчество, рвущееся къ свободѣ, изображено въ видѣ прокаженныхъ; оно окружено высокой стѣной: по сю сторону стѣны — буро-черное, мрачное небо, по ту сторону—неизвѣстность, въ которой людямъ чудится голубой просторъ свободы и счастья... Судорожными усиліями, «грудью набрасываясь на чудовище», пытается человѣчество разрушить проклятую стѣну, но тѣ, кто смѣлѣе другихъ рвутся къ свободѣ и горячѣе вѣрятъ въ побѣду,—оказываются непонятыми, одинокими:

— „Она падаетъ! закричалъ я.—Братья, она падаетъ!

— Ты ошибаешься, прокаженный,—отвѣчали мнѣ братья“...

И когда этотъ прокаженный, призывающій продолжать борьбу, оглядывается назадъ, онъ видитъ однѣ спины—«равнодушныя, жирныя, усталыя»...

Таковы очерки Андреева, сами по себѣ совершенно не публицистическіе, пребывающіе въ предѣлахъ и границахъ человѣческаго *я* и его психологіи, но тѣмъ не менѣе, косвенно поднимающіе большіе и жизненные общественные вопросы...

Кстати: у Горькаго въ первомъ періодѣ мы видѣли дерзко бунтующихъ одиночекъ, у Андреева видимъ одиночекъ мрачныхъ, отчаявшихся... И тамъ, и тутъ *одиночки*, оторванныя отъ среды, лишенныя общественной поддержки, во всякомъ случаѣ дѣйствующія въ «меньшинствѣ»... Правда, оба художника порвали съ бытописаніемъ и реалистическими пріемами; правда, оба они, въ ка-

чествѣ представителей той полосы нашей жизни, когда на «улицѣ» личности, по крайней мѣрѣ въ идеологіи, наступилъ «праздникъ»,—были исполнены такъ называемаго «индивидуализма». Но не было ли и кое-какихъ вполнѣ *реальныхъ* основаній для такого восприниманіа нашей дѣйствительности? Не оказались ли эти два параллельныхъ ряда *одиночекъ* чѣмъ-то символически отражавшимъ зачаточное у насъ состояніе общественности??...

Нѣсколько очерковъ Андреева трактуютъ непосредственно Ницшеанскія темы.

Въ «Разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ», изъ котораго *я* приводилъ уже цитату, сѣренькій герой переживаетъ минуту—апоѳеоза своего *я*, — тогда, когда рѣшается осуществить идею Заратустры: «Если жизнь не удается тебѣ, если ядовитый червь терзаетъ твое сердце,—знай, что удастся смерть»; и онъ, безсильный, все же находитъ въ себѣ силу не поддаться власти обывательщины, непотонуть въ «плоской, мелкой и тусклой, какъ болотный ручей»—жизни...

Огромная проблема объ соотношеніи между сознательнымъ и безсознательнымъ началомъ, между инстинктами и сознаніемъ, занимающая современную философскую и художественную мысль Европы,—служитъ темой очерковъ «Бездна» и «Мысль».

Если Ницше почти исчерпывается этимъ сопоставленіемъ «великаго» и «малаго» разума, Діониса и Сократа; если Ибсенъ работалъ надъ той же проблемой, олицетворяя «малый разумъ» въ Брантѣ и «великій» въ Перъ Гинтѣ; рисовалъ ихъ фатальное крушеніе—въ ихъ обособленности и, вмѣстѣ со своимъ Юліаномъ, грезилъ о ихъ сочетаніи въ «Третьемъ царствѣ», то и у насъ мы видѣли Горькаго, который въ началѣ пѣлъ веселый и «легкій» гимнъ свободному инстинкту, а затѣмъ, въ «Человѣкѣ», возславилъ *мысль* и тоже мечталъ о «третьемъ царствѣ», когда «каждый изъ людей станетъ человѣкомъ» и сольются «міръ чувства» съ «безсмертной мыслью»...

Андреевъ подошелъ къ этой темѣ съ присущими ему аналитическими пріемами и «вопросительными знаками». Онъ беретъ два случая—въ сущности тѣ же, что Ибсенъ въ «Перъ-Гинтѣ» и «Брантѣ». Въ одномъ случаѣ («Бездна»), интеллигентный, исполненный лучшихъ намѣреній и теорій юноша Нѣмовецкій, натолкнувшись на изнасилованное босяками тѣло своей невѣсты, продолжаетъ дѣло босяковъ—и въ одну секунду рушится въ *бездну* весь его идеализмъ и всѣ его возвышенныя теоріи. (Вспомните приватъ-доцента изъ «Вареньки Олесовой» Горькаго). Въ другомъ случаѣ, въ очеркѣ «Мысль», герой предается культу самодовлѣющей «свободной и гордой, отточенной, какъ рапира» мысли. Напоминая отчасти Раскольникова, отчасти Grelou изъ «Disciple» Поля Бурже, онъ «дерзаетъ» и «дерзаетъ», совершая одну ненужную мерзость за другою, вплоть до убійства своего пріятеля, за женой котораго ухаживаетъ... И въ этотъ моментъ окончательнаго, казалось бы, торжества «рапиры», онъ ощущаетъ всю непреоборимую власть инстинктовъ: даже въ такой разсудочной и холодно эгоистической натурѣ, оказывается, заложены настолько могущественные «невѣдомые *они*», что его зазнавшійся «малый разумъ» доводится ими почти до полной гибели,—сумасшествія... И тамъ, и тутъ безсознательное начало празднуетъ побѣду надъ

сознательнымъ, и тамъ, и тутъ дисгармоническое ихъ сочетаніе приводитъ къ трагедіи.

Въ художественномъ шедеврѣ своемъ «Призракахъ» (эта вещь совершенно свободна отъ присущихъ Андреевскому творчеству пороковъ:—отсутствія чувства мѣры, черезчуръ индивидуальнаго, а подчасъ и дѣланнаго, импрессіонизма) художникъ опять работаетъ надъ ницшевской темой объ иллюзорно-субъективномъ характерѣ утвержденій нашего «малаго разума», о безсознательномъ началѣ, какъ источникѣ нашего міровоззрѣнія, въ существеннѣйшихъ его сторонахъ. Двое душевно больныхъ: одинъ мрачный ипохондрикъ, другой вѣчно радостный, вѣчно дѣятельный «оптимистъ». По замыслу автора они вскрываютъ подлинную подоплеку оптимизма и пессимизма, какъ міросозерцаній...

Эта вещь написана уже въ совершенно новыхъ для Андреева, гораздо болѣе свѣтлыхъ тонахъ, она полна необыкновенно нѣжнаго и любовнаго отношенія къ человѣку (напомню удивительную сцену у гроба «пессимиста» между матерью его и «жизнерадостнымъ» душевно-больнымъ): «Призраки» стоятъ уже на рубежѣ второго періода дѣятельности Андреева.

На томъ же рубежѣ стоитъ и «Жизнь отца Василія Ѳивейскаго», появившаяся непосредственно передъ «Призраками», послѣ двухъ-годичнаго молчанія автора. Эта мрачная «жизнь» тѣмъ не менѣе уже освѣщена свѣтомъ того воинствующаго *антропоцентризма* (опять плоскость философіи Ницше), и той идеи о *самоцѣнности* человѣческой личности,—свѣтомъ, который съ этого момента не покидаетъ творчество Андреева. Начиная съ «О. Василія Ѳивейскаго», именно во имя послѣдней идеи, герои Андреева поднимаютъ бунтъ противъ всѣхъ «подчиняющихъ» себѣ человѣка силъ, изображаютъ борьбу человѣка со всѣми его поработителями—мнимыми и реальными...

Укажу, однако, что даже въ первомъ пессимистическомъ его періодѣ можно найти зерна будущей его эволюціи—сближающія его уже тогда съ тѣмъ настроеніемъ, которое я называю соціализированнымъ ницшеанствомъ. Пусть эти мѣста у него немногочисленны, пусть они отдаютъ у него сантиментальностью и нѣкоторой дѣланностью, но все же они есть... И эти зерна имѣютъ, впослѣдствіи, прорости и дать цвѣтъ. Я уже указывалъ на то тяготѣніе къ солидарности человѣческой, которое выражается въ отрицательной формѣ, въ видѣ *тоски* по этой солидарности, въ многочисленныхъ картинахъ нашей обособленности, разрозненности, одиночества, которыя давалъ Андреевъ. Но и въ положительной формѣ намеки на ту же идею сказываются въ заключительныхъ сценахъ очерковъ «На рѣкѣ» и «Въ подвалѣ», о которыхъ я уже упоминалъ, и въ мрачной повѣсти «Мысль», гдѣ имѣется такое мѣсто: поклонникъ «чистой» мысли, потерпѣвъ уже свое жестокое фіаско, вспоминаетъ изъ своего прошлаго одинъ эпизодъ, разыгравшійся еще до его преступленія:—въ ясный, солнечный день онъ увидѣлъ однажды старушку-няню, къ которой прижалась напуганная собаченкой дѣвочка, и улыбка няни и вся сцена еще тогда показались ему «разгадкою чего-то», и онъ сказалъ себѣ: «Надо объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать»—но «такъ и не подумалъ»...

Въ заключеніе отмѣчу одну основную черту Андреева, именно—его безусловный *европеизмъ*. Самобытничества, народничества въ его концепціяхъ нѣтъ

ни атома. Горькій еще *полемизировалъ*, возражалъ на многіе изъ установившихся, традиціонныхъ вкусовъ нашей интеллигенціи. Для Андреева это уже пройденная ступень: онъ какъ бы чувствуетъ, что бороться уже не съ чѣмъ, что возражать некому, что надо искать новыхъ утвержденій... Въ частности, по вопросу о «тяжбѣ между городомъ и деревней», Андреевъ высказывается мало, почти не изображая деревни. Онъ художникъ уже *городской* культуры, *городского періода* нашего художества. Но тамъ, гдѣ онъ касается деревни, какъ въ «Жизни о. Василія Ѳивейскаго», онъ беретъ уже не полемическій тонъ, не выдвигаетъ исключительно отрицательныя стороны, а даетъ такъ-сказать опредѣленный синтезъ, свидѣтельствующій о томъ, что всѣ pro и contra уже выслушаны и взвѣшены, что споръ конченъ, что пора приступить къ резюме... Такое «резюме» дѣлаетъ Василій Ѳивейскій, раздумывая надъ судьбой одного изъ исповѣдующихся у него крестьянъ—Мосягина:

„Словно самъ строгій законъ причинности не имѣетъ власти надъ этой простой и фантастической жизнью: такъ неожиданно, такъ шутовски нелѣпо сцѣплялись въ ней маленькій грѣхъ и большое страданье, крѣпкая, стихійная воля къ такому же стихійному, могучему творчеству — и уродливое прозябаніе гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью. Ясный умомъ и слегка насмѣшливый, сильный, какъ лѣсной звѣрь, выносливый настолько, какъ будто въ груди его билось цѣлыхъ три сердца и когда умирало одно отъ невыносимыхъ страданій, другія два давали жизнь новому—онъ могъ, казалось, перевернуть самую землю, на которой неуклюже, но крѣпко стояли его ноги. А въ дѣйствительности происходило такъ: былъ онъ постоянно голоденъ, голодала его жена, и дѣти, и скотина; и замутившійся умъ его блуждалъ, какъ пьяный, не находящій дверей своего дома. Въ отчаянныхъ потугахъ что-то построить, что-то создать, онъ распластывался по землѣ—и все разсыпалось, все валилось, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленьемъ“...

...„Казалось, что слезы не должны были высыхать на глазахъ этого человѣка, крики гнѣва и возмущенія не должны были замирать на его устахъ,— а вмѣсто того онъ былъ постоянно веселъ и шутливъ... ходилъ въ хороводахъ наравнѣ съ молодыми дѣвками и ребятами; пѣлъ жалобныя пѣсни высокимъ переливчатымъ голосомъ, и тому, кто его слышалъ, плакать хотѣлось, а онъ насмѣшливо и тихо улыбался“...

Вотъ, поистинѣ, картина, ставящая окончательный крестъ надъ «высшимъ типомъ», обрѣтающимся на «низшей ступени», надъ заложенными въ «народѣ-массіи» чрезвычайными возможностями,—крестъ надъ *сельской культурой* и порожденной его «миѳологіей»... И крестъ поставленъ не полемически, не теоретически-торжествующе, а съ глубокой и естественной скорбью...

Таковъ былъ послѣдній *этапъ* въ развитіи нашей художественной литературы предреволюціоннаго періода.

Прежде, чѣмъ переходить къ *итогамъ*,—въ цѣляхъ хоть приблизительной полноты настоящей характеристики,—мнѣ надо упомянуть въ двухъ словахъ объ эволюціи *формальной*, внѣшней стороны нашего художества за описываемый періодъ. Въ этой формальной сторонѣ произошли перемѣны, по меньшей мѣрѣ—столь же значительныя, какъ и перемѣны въ сторонѣ внутренней, въ области идей.

Отъ чистаго и послѣдовательнаго *реализма* въ пріемахъ повѣствованія наша литература, въ значительной своей части, перешла къ символизму: прежнюю скрупулезную заботу о вѣрности всѣмъ подробностямъ подлинника, о «точномъ» воспроизведеніи дѣйствительности, смѣнили *полу-идеи, полу-образы*, очень субъективные, весьма ощутительно окрашенные романтическими красками.

Что эти формальныя перемѣны диктовались именно внутренними перемѣнами, эволюціей отношенія къ дѣйствительности,—доказывать, думается, незачѣмъ. Художественные пріемы находятся въ тѣснѣйшей связи съ характеромъ міросозерцанія данной эпохи. И прежде всего степень опредѣленности этого міросозерцанія опредѣляетъ возможность или невозможность того *реализма*, который многими до сихъ поръ считается conditio sine qua non истиннаго художества.

Основателемъ нашей реалистической школы, съ легкой руки Чернышевскаго, принято считать Гоголя. Но при болѣе внимательномъ анализѣ, приходится признать, что этотъ бытописатель эпохи, предшествовавшей огромному соціальному перевороту—паденію крѣпостного права,—сочеталъ пріемы реализма съ типически-романтической концепціей. Романтикомъ былъ Достоевскій, особенно въ первомъ своемъ періодѣ. Тотъ же романтизмъ уже совершенно нагляденъ—у Григоровича. Тургеневъ, разумѣется, имѣлъ полное основаніе называть себя «послѣднимъ романтикомъ»... Эпоху безусловнаго реализма открываетъ, въ сущности Л. Толстой, а продолжаютъ его послѣдователи. У нихъ реализмъ міросозерцанія, видѣнья, сливается съ реализмомъ изображенія—они пишутъ въ годы уже осуществленной реформы, въ эпоху выясненныхъ, отстоявшихся отношеній,—въ эпоху, когда надъ всей интеллигентской мыслью царятъ народническія идеи, можетъ быть, смутныя, въ соціологической, объективной своей сторонѣ, но стройныя и ясныя и «объединительныя»,—по морально-идеологическому содержанію.

Это идеологическое содержаніе было столь же опредѣленно и въ сущности просто, какъ просты были формы жизни *двуединой*, барско-крестьянской эпохи.

Послѣднимъ крупнымъ художникомъ реалистомъ является *пѣвецъ ликвидаціи этой эпохи*—Чеховъ. Но въ концѣ его дѣятельности, со второй половины 90-ыхъ годовъ, и у него уже пробиваются символическіе пріемы и что дальше — то все чаще и чаще. Когда онъ, подъ конецъ своей дѣятельности, даетъ итоги жизни цѣлыхъ группъ, — онъ уже рѣшительно «измѣняетъ» школѣ. И ужъ на добрую половину свою символистичны самые послѣдніе его очерки, какъ «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и двѣ послѣднія драмы «Три сестры» и особенно—«Вишневый садъ».

Изъ преемниковъ Чехова остаются вѣрными реалистичесиой школѣ Вересаевъ и Купринъ. Но оба даютъ лишь небольшіе этюды, небольшого объема обобщенія, рисуютъ лишь кусочки и уголки дѣйствительности. Горькій и Андреевъ уже въ равней мѣрѣ *ирреалистичны*, при чемъ первый добивается своихъ романтически-красочныхъ образовъ, удесятеряя и преувеличивая черты дѣйствительности, а второй отправляется отъ своихъ отвлеченныхъ размышленій и лишь въ видѣ иллюстраціи облекаетъ ихъ въ «конкретныя» одежды...

Такъ же поступаетъ большинство ихъ сверстниковъ, приближаясь—кто къ типу Горьковскихъ писаній, кто къ Андреевскому...

И стоитъ только на минуту вникнуть въ ту текущую, видоизмѣняющуюся и огромную сложность жизни, какую имъ пришлось бы охватывать, если бы они попытались реалистически «отобразить» ее, чтобы понять, что такая попытка была бы обречена на полную неудачу. Огромное разстояніе отдѣляетъ то ощущеніе дѣйствительности, которое имѣется къ ихъ услугамъ, отъ простоты и элементарности этого ощущенія въ эпоху реализма. Теперь все въ броженіи, все in statu nascendi... Да и объединяющая, какъ встарь, идеологія отсутствуетъ—сама интеллигенція распадается. Только смутно намѣчаются кое-какія общія отправныя точки, завѣтно-дорогія цѣли... Не можетъ помочь и Европа: и тамъ эпоха перелома, цинизмъ или отчаяніе отживающей свой вѣкъ буржуазіи, тоже только нарождающіяся отправныя точки новой эры... Въ результатѣ и тамъ—полу-образы, полу-символы, и романтическія ноты... Реализмъ не умѣетъ, повидимому, уживаться съ переломами и историческими бурями. Увлеченіе Тацитомъ и вообще *Римомъ* (сквозь призму Корнэлей и Расиновъ) въ эпоху великой революціи, а затѣмъ романтика Гюго въ 40-ыхъ годахъ—уполномачиваютъ, думается, на подобную гипотезу...

Есть одинъ чисто внѣшній, но, на мой взглядъ, очень краснорѣчивый фактъ, свидѣтельствующій о той же постепенной утратѣ прежней ясности жизнеощущенія у нашихъ художниковъ. Въ эпоху реализма царятъ огромные итоги жизни въ формѣ романовъ и эпопей Толстого, Достоевскаго, Тургенева. Эпоха ликвидаціи народолюбческихъ ученій, эпоха критическаго народничества уже не знаетъ романа и даетъ *очерки* Успенскаго, Гаршина, Короленки. Съ тѣхъ поръ въ нашемъ художествѣ царитъ эта именно форма. Чеховъ признаетъ только ее. Только очерки пишутъ и современные наши художники. Драма и та смѣняется *менѣе отвѣтственной* формой «сценъ» и «картинъ» — какъ, предпочтительно обозначаютъ свои драматическія произведенія Горькій, Андреевъ и большинство остальныхъ молодыхъ драматурговъ [1])...

* * *

Въ чисто *технической* своей сторонѣ художество обогащается, за разсматриваемый періодъ, очень цѣнными пріобрѣтеніями. Въ этой области, разумѣется, въ сильной степени сказывается тотъ законъ, который уподобляетъ литературы сосѣднихъ странъ—жидкости „въ сообщающихся сосудахъ“. Я ограничусь лишь самыми бѣглыми указаніями. Чеховъ, продолжая дѣло Л. Толстого и слѣдуя по стопамъ Мопассана, вводитъ у насъ пріемы *импрессіонизма* и *драматической формы повѣствованія*. Горькій обогащаетъ литературу цѣлой палитрой новыхъ красокъ и широкимъ „мазкомъ“ — своихъ „пленэровъ“. Леонидъ Андреевъ доводитъ эти пріемы до большой тонкости, и прибавляетъ къ нимъ еще выдержанное *синтетическое трактованіе* „среды“ и „личности“, обстановки и фигуръ, которое начинается еще у Чехова, но не столь сознательно и послѣдовательно имъ примѣняется; наконецъ Андреевъ же вводитъ и пріемъ „стилизаціи“.

---

[1]) *Романы* пишутъ г.г. Потапенки, Федоровы, Боборыкины; *драмы* тоже появляются на казенныхъ и частныхъ сценахъ. Но вѣдь мы говоримъ здѣсь о *любимцахъ* нашей интеллигенціи и корифеяхъ художества, а, стало быть, можемъ не останавливаться на этомъ явленіи.

Все это—оружіе изъ арсенала Европы. Вліяніе западной техники на наше художество неоспоримо. Французамъ при переводѣ нашихъ авторовъ уже незачѣмъ прибѣгать къ тѣмъ развязнымъ „переработкамъ", которыя они производили въ переводахъ Толстого и Достоевскаго: теперь они получаютъ въ писаніяхъ нашихъ беллетристовъ матеріалъ въ знакомой „родной", общекультурной—такъ сказать—обработкѣ [1]).

Эта „капитуляція" передъ формами западнаго искусства повела ко многимъ техническимъ плюсамъ, и прежде всего къ концентрированной силѣ изображенія.

Тѣ же техническія и вообще формальныя новшества проникли и въ драматическое искусство. И, пожалуй, только съ этой точки зрѣнія приходится упомянуть о нашемъ театрѣ, излагая эволюцію художества дореволюціонной эпохи. Періодъ „буревѣстничества" ничѣмъ, кромѣ развѣ „Мѣщанъ" Горькаго не отразился на сценѣ. У насъ не появилось ни собственнаго Бомарше, ни Гюго, съ его Рюи-Блязами и Эрнани. Ни одна пьеса не сосредотачивала на себѣ общественнаго энтузіазма. Симптомъ это, разумѣется, не изъ ободряющихъ, ибо во всѣ времена и во всѣхъ странахъ именно сцена, какъ наиболѣе публичная отрасль искусства, дающая непосредственное общеніе художника съ массой,—оказывалась особенно отзывчивой къ политикѣ. И дѣло тутъ было не въ *тройной*, кажется, цензурѣ, установленной у насъ для драматическихъ произведеній, и не въ томъ, что въ столицѣ, напримѣръ, театральное искусство было почти монополизировано казенной сценой. Пробилась же сквозь эту цензуру, на частную сцену Станиславскаго, указанная драма Горькаго... Но помимо этого uni-cum'а, и „пробиваться" то было нечему: не появлялось пьесъ, хотя бы въ столь скромныхъ размѣрахъ отражавшихъ нароставшую волну жизни...

Одно только можно отмѣтить, это появленіе у нашихъ беллетристовъ склонности къ драматической формѣ... Можетъ быть, въ этомъ сказывалось именно жажда непосредственнаго общенія съ публикой, жажда непосредственной проповѣди: съ легкой руки Горькаго за драму принимаются Андреевъ, Гаринъ, Чириковъ, Юшкевичъ...

Возвращаясь къ техническимъ новшествамъ сценическаго искусства, надо отмѣтить, что они появились впервые на подмосткахъ московскаго „Художественнаго театра", основаннаго г. Станиславскимъ въ 1899 г. Этотъ театръ явился, по-истинѣ, обновленіемъ нашей сцены, среди той рутины репертуарной и технической, какая десятки лѣтъ царила въ казенномъ театрѣ и довела его до полной летаргіи. Г. Станиславскій перенесъ на сцену прежде всего разработку „среды", фона, окружающаго дѣйствующія лица драмы. Детальнѣйшія подробности обстановки, внимательное исполненіе второстепенныхъ ролей и массовыхъ сценъ—вотъ его первое нововведеніе. А такъ какъ театръ его началъ съ Чехова и долгое время преимущественно придерживался Чеховскаго репертуара, т. е. драмы *настроенія*, а не дѣйствія и діалога, то ему пришлось выработать болѣе *нюансовую*, и я бы сказалъ—болѣе „литературную"—отдѣлку дикціи и исполненія вообще. За одно съ Чеховымъ этотъ театръ, правда очень робко, переходитъ къ символическимъ пріемамъ (впослѣдствіи, съ постановкой Гамсуновской драмы, этотъ символизмъ усиливается). Такимъ образомъ и театръ за

---

[1]) Пріемы эти являются результатомъ не только европеизаціи, но вызваны разумѣется и *органической* эволюціей искусства. Они эволюціонировали опять заодно съ эволюціей *міроощущенія*. Человѣкъ и психика его все больше становятся, въ современномъ пониманіи, частью вселенной, неразрывно съ ней связанной—вотъ философская подоплека пріема *синтетическаго трактованія*, о которомъ я только что упоминалъ. Какъ въ живописи каждая часть поверхности предмета рефлектируетъ все окружающее пространство, такъ и новая беллетристика трактуетъ каждый предметъ въ связи и зависимости отъ „вселенной", пріобщая „вселенную къ человѣческому обществу", какъ выражался Гюйо... Истина есть взаимоотношеніе между субъектомъ и объектомъ познанія—отсюда *равныя* права личности художника и предмета, имъ изображаемаго,—субъективизмъ, символизмъ, импрессіонизмъ—современнаго художества... и т. п.

одно съ литературой продѣлываетъ переходъ отъ реализма и даже „протоколизма“, съ котораго началъ Станиславскій, къ символизму не только въ содержаніи пьесъ, но и въ сценическихъ пріемахъ. Изъ Горьковскихъ пьесъ на этой сценѣ были поставлены „Мѣщане“ и „На днѣ“. Но преобладали Чеховъ и Ибсенъ. Драмы послѣдняго, среди того интереса, который вызывалъ къ себѣ въ эти именно годы норвежскій „индивидуалистъ“, думается, не мало содѣйствовали, огромному успѣху „Художественнаго театра“. Я уже упоминалъ о той бурѣ сочувствія, которую вызывалъ Станиславскій исполненіемъ роли Штокмана. Ни „На днѣ“ Горькаго, ни его „Мѣщане“, несмотря на буревѣстническое настроеніе послѣдней вещи, и наслюбовь, которой пользовался ихъ авторъ, не вызывали подобнаго энтузіазма. И, конечно, не болѣе высокія художественныя достоинства Ибсеновской драмы были тому причиной...

Почти то же, что про театръ, надо сказать и про живопись. Полосу народнической публицистики въ живописи, полосу „передвижничества“, смѣнила полоса „техницизма“, т. е. увлеченія чисто формальной стороной искусства. Это была реакція на „тенденціозный анекдотъ“ передвижниковъ, перегнувшая дугу въпротивоположную сторону,—реакція, длящаяся до сихъ поръ. Живопись какъ бы окончательно порвала съ жизнью. И я положительно затрудняюсь указать хотя бы двѣ-три картины, сколько нибудь цѣнныя въ художественномъ смыслѣ, которыя являлись бы отраженіемъ новой полосы нашей исторіи... Появлялось, конечно, отъ времени до времени нѣсколько иллюстрацій къ злобѣ дня, но до того наивно-примитивныхъ и неудачныхъ, что объ нихъ и поминать не стоитъ. „Символическая“ картина Рѣпина „Какой просторъ“, которой онъ какъ бы отозвался на студенческое движеніе, имѣла успѣхъ, кажется, преимущественно въ репродукціи на такъ называемыхъ „открытыхъ письмахъ“. Но это былъ успѣхъ мало заслуженный: картина Рѣпина совершенно не художественная, холодная и риторичная вещь. Любители „идейной“ живописи должны были пробавляться „открытками“ съ картинъ... 70-хъ и 80-хъ годовъ (Ярошенки, Перова, того же Рѣпина). Изъ *новыхъ* открытокъ, впрочемъ, очень сильно распространялся снимокъ съ картины Попова „Передъ обыскомъ“, изображающей студента, который готовится къ прибытію ночныхъ посѣтителей и жжетъ свою переписку... Вотъ и все, кажется, что можно сказать о нашей живописи предреволюціоннаго періода, живописи, какъ „зеркалѣ эпохи“...

Даже изъ настоящаго бѣглаго очерка, думается мнѣ, явствуетъ, что наша художественная литература была до сихъ поръ чисто *интеллигентской* и, тщательно зарисовывая всѣ фазы общественной эволюціи, глядѣла на нихъ всегда сквозь призму интеллигентской идеологіи. Поэтому съ особенной точностью отражалась въ ней эволюція именно этой идеологіи.

Но отраженіе это, какъ всегда въ художествѣ, носило весьма общій характеръ, объектомъ его были лишь наиболѣе принципіальныя и интимныя стороны смѣнявшихъ другъ друга міросозерцаній. Точнѣе говоря, художество отражало не столько міросозерцаніе, сколько міро-*ощущеніе* даннаго момента, и какъ бы искало *среднюю* линію, среди оттѣнковъ интеллигентскаго умонастроенія. Какъ Чеховъ, такъ и Горькій съ Андреевымъ олицетворяютъ собою не моменты въ развитіи какой нибудь опредѣленной группы или направленія, а являются какъ бы итоговымъ выраженіемъ цѣлой эпохи въ жизни широкихъ круговъ демократической интеллигенціи.

Эволюція нашего художества отъ момента ликвидаціи народническихъ настроеній къ моменту «буревѣстничества», къ мотивамъ предреволюціонной эпохи, въ общемъ, можетъ быть охарактеризована такъ:

Чеховъ какъ бы «расчищаетъ мѣсто»: въ его изображеніи наша дѣйствительность уже совершенно освобождена отъ навязанныхъ ей народнической миѳологіей аттрибутовъ и, какъ объектъ интеллигенскаго мышленія, представляетъ подлинную tabulam rasam—вполнѣ свободное мѣсто для свободной синтетической оцѣнки и пониманія.

Насколько самобытничество и народничество утратило за этотъ періодъ живое міроощущеніе, явствуетъ хотя-бы изъ того факта, что въ этомъ лагерѣ не появляется ни одного новаго художественнаго дарованія, сколько нибудь значительнаго. [1])

«Капитуляція передъ Европой», пріобщеніе къ ея *городской* культурѣ сказываются не только въ совпаденіи художественныхъ мотивовъ, но и въ однородности пріемовъ творчества.

Но сданное въ архивъ, изжитое народническое міросозерцаніе (идеологія *сельскаго* уклада) не смѣняется сколько нибудь стройной идеологіей, которая по прежнему объединяла бы широкіе круги интеллигенціи, и художество выдвигаетъ въ качествѣ объединяющаго начала *идею личности*, и превращается въ сплошную апологію личности и ея правъ на полное самоопредѣленіе.

Отъ народничества и до самыхъ предреволюціонныхъ дней идетъ этотъ процессъ *выпрямленія личности*. [2]) Отъ мотивовъ «долга передъ народомъ» и «болѣзней совѣсти» («барскаго покаянія») художество шагъ за шагомъ, поправка за поправкой, съ скрупулезной логической послѣдовательностью, переходитъ къ мотивамъ *чести* и *правъ* личности, освобождаясь попутно отъ прежней аскетической (опять «покаянной») морали.

Въ продолженіе всего этого періода (какъ и предыдущаго, народническаго),

---

[1]) Любопытно, что то оживленіе въ рядахъ народниковъ, которое особенно даетъ себя чувствовать съ 1902 года—года первыхъ крестьянскихъ волненій на югѣ,—не мѣняетъ нисколько положенія вещей въ художествѣ: этотъ рецидивъ народничества не нашелъ своего художественнаго выраженія. Напротивъ даже: именно къ этому времени послѣдніе представители народнической беллетристики, какъ г.г. Короленко и Елпатьевскій, все рѣже обращаются къ художественной формѣ, все чаще прибѣгаютъ къ *публицистикѣ*...

[2]) Я отмѣчалъ выше то умаленіе личности и личной вмѣняемости, которое порождалось народническимъ настроеніемъ. Любопытно, что оно прекрасно уживалось съ теоретическимъ возвеличеніемъ „роли личности въ исторіи", каковая роль всегда являлась главнымъ козыремъ народниковъ въ полемикѣ съ марксистами. Но я утверждаю, что именно въ годы пріобщенія къ соціалъ-демократіи, въ умонастроеніи интеллигенціи личность, какъ этико-философское представленіе и ощущеніе—*выпрямлялась* и *росла*. И думается, тутъ дѣло не только въ политическомъ моментѣ и порождаемомъ имъ настроеніи; думается, есть тутъ и внутреняя связь... Эта связь яснѣе всего выступаетъ въ вопросѣ о моральной вмѣняемости. Половинчатый, останавливающійся на порогѣ „роли личности" детерминизмъ народниковъ исключаетъ, на мой взглядъ, полную моральную вмѣняемость: у нихъ, какъ я указывалъ, эта вмѣняемость тоже была половинчатой, и приводила къ знаменитому „всепрощенію", къ объясненіямъ „средой"... Марксизмъ предполагаетъ полный и послѣдовательный детерминизмъ. А только при полномъ детерминизмѣ можетъ быть признаваема и полная вмѣняемость личности, ибо такая вмѣняемость есть, по существу, лишь *оцѣнка* личности, *какъ явленія* съ спеціальной этико-и эстетико-философской точки зрѣнія...

художественная литература идетъ нога въ ногу съ жизнью, служитъ жизни и является литературой освободительной или даже революціонной.

Анализируя *тонъ* нашего предреволюціоннаго художества, можно придти къ выводу, что оно имѣло своимъ объектомъ лишь слабую, совсѣмъ зачаточную, начальную стадію движенія. Не только молчалъ театръ и бездѣйствовала живопись, но и оказавшаяся единственнымъ «зеркаломъ» революціи — литература лишь въ слабой степени перемѣнила свой минорный тонъ на болѣе жизнерадостный, и то лишь на короткое время... Рядомъ съ «мажорнымъ» Горькимъ появляется такой «миноръ», какъ Л. Андреевъ, да и въ Горькомъ уже къ 1904 году происходитъ, въ этомъ смыслѣ, перемѣна, отмѣченная мною по поводу его «Человѣка»...

Я въ своемъ обзорѣ дошелъ до только-что указаннаго года, а, забѣгая впередъ, можно прибавить, что именно съ 1904 года тонъ художества еще понижается, и самая революція происходитъ подъ аккомпанементъ ужъ совсѣмъ не «бравурныхъ» пѣснопѣній...

Начиная приблизительно съ этого же года, усиленнымъ темпомъ идетъ распаденіе доселѣ единой, идейной и жизненной нашей литературы — параллельно и въ связи съ дифференціаціей и распаденіемъ интеллигенціи.

Можно начертить такую схему этого явленія. Какъ изъ марксизма, который въ 90-хъ годахъ объединялъ огромные круги нашей интеллигенціи, вытекло двѣ струи: одна—революціонная, а другая струя, такъ сказать, «*Виттовскаго*» марксизма, породившая бардовъ «могущества Россіи» и дифирамбистовъ «насажденія фабричной промышленности»; такъ точно и настроеніе смутнаго *индивидуализма* перваго періода Горькаго,—настроеніе, столь многихъ объединявшее,—развѣтвилось вскорѣ на два теченія: «соціализированнаго» демократическаго индивидуализма и индивидуализма «чистаго», безъ атрибутовъ, т. е. того самаго, который давно уже процвѣлъ въ Европѣ и однимъ изъ выраженій коего у насъ является новорожденная литература нашихъ «оргіастовъ», «мистиковъ», «декадентовъ» и какъ они тамъ себя еще называютъ?... Въ нашу литературу вливается специфически-«буржуазная» струя, и изъ единой, интеллигентской, идейной литературы она превращается въ литературу — «разную», какъ въ любой буржуазной странѣ... И тутъ стало быть «капитуляція передъ западомъ»...

М. Невѣдомскій.

А. ПОТРЕСОВЪ.

Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху [1]).

I. Періодъ безнародности.

На рубежѣ двухъ десятилѣтій—80-хъ и 90-хъ годовъ—береть свое начало то общественное броженіе, которое, непрерывно наростая и усложняясь въ продолженіи ряда лѣтъ, разрѣшилось, наконецъ, катастрофой 1905 г. Естественно, что на той же грани лѣтъ приходится искать и истока для тѣхъ идейныхъ теченій, видимо-капризная смѣна которыхъ придала характерное выраженіе всей предреволюціонной эпохѣ...

Немногихъ мѣсяцевъ не дожилъ Шелгуновъ до рѣшительнаго перелома въ настроеніи широкихъ общественныхъ круговъ, т. е. до той встряски, которую принесло съ собой народное бѣдствіе 1891 года, однако, онъ все же успѣлъ констатировать начало конца. Начало конца тому умонастроенію, которое было господствующимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ волна 70-хъ годовъ разбилась о скалу традиціонной власти и народнаго равнодушія. Начало конца—общественному индифферентизму, этому рефлексу общественной паники. Психологія разгрома создала идеологію усталаго равнодушія, бѣгства изъ жизни въ «культурные» и иные скиты (см. Кривенко-«На распутьѣ»), расцвѣта вопросовъ индивидуальнаго совершенствованія, какъ антитезы коллективному строительству жизни. Литература Гайдебуровской «Недѣли», теорія «малыхъ дѣлъ» и «средняго человѣка»—Абрамова, вѣроученіе Толстого—все это увядало еще на глазахъ у автора «Очерковъ русской жизни» и дало ему послѣднюю радость—похоронить недавно торжествовавшаго еще «восьмидесятника» и одновременно привѣтствовать грядущее за нимъ поколѣніе.

---

[1]) За недостаткомъ мѣста, мы ограничили нашу задачу предѣлами общественно-политической мысли оппозиціонной и революціонной среды. Мы сочли это тѣмъ болѣе возможнымъ, что идеологія реакціи въ разсматриваемую нами, предреволюціонную, эпоху жила лишь наслѣдіемъ идей Каткова и Конст. Леонтьева, топчась на одномъ мѣстѣ, теряя вліяніе на умы даже прежнихъ адептовъ и обнаруживая совершенно явственные симптомы разложенія. Цѣлесообразнѣе, поэтому, будетъ о ней говорить уже въ непосредственной связи съ реакціоннымъ подъемомъ въ эпоху революціи.

Шелгуновъ былъ правъ, отмѣчая поворотъ: поворотъ еще явственнѣе обнаружился немного времени спустя, когда началось то оживленіе въ кругахъ интеллигенціи, которое отлилось на первыхъ порахъ въ форму элементарнаго движенія на помощь голодающему крестьянству. Но не правъ былъ бы тотъ, кто отъ этого поворота заключилъ бы къ разрыву между первоначальной идеологіей 90-хъ годовъ и только-что закончившимся десятилѣтіемъ.

Голодный 91-ый годъ освободилъ оппозиціонное русское общество отъ гипноза хроническаго безсилія и подавленности, переживавшихся имъ подъ давленіемъ безудержнаго натиска реакціи, ея, казалось, неограниченныхъ возможностей. Онъ, какъ бы впервые, начертилъ эти границы и поставилъ на очередь рядъ неотложныхъ задачъ для общественной дѣятельности. Но именно эта-то постановка задачъ, вновь всплывшій вопросъ — что дѣлать?—и далъ случай и поводъ обнаружиться происшедшей передвижкѣ общественныхъ силъ и явиться въ развитой формѣ законченныхъ идеологическихъ построеній идейнымъ элементамъ, сложившимся въ эпоху реакціи.

Эпоха реакціи развѣяла послѣдніе остатки революціоннаго народничества, т. е. идеологіи, пріуроченной къ крестьянству, какъ источнику и активному дѣятелю грядущаго соціальнаго переворота; она свела на нѣтъ народовольчество съ его надеждами на рѣшающую роль интеллигентнаго меньшинства, энергіей своихъ дѣйствій восполняющаго отсутствующую дѣятельность народныхъ массъ и доводящаго страну до коренного политическаго переустройства. И эта же эпоха заложила основаніе для того народничествующаго либерализма и того либеральнаго народничества, самое существованіе которыхъ въ развернутомъ видѣ предполагало крушеніе былыхъ идеологій.

Самолюбованіе «восьмидесятника», надоѣдливо-наивное исканіе «отрадныхъ явленій»—исчезли, какъ дымъ, но остался тотъ идейный «сдвигъ», вызванный происшедшимъ общественнымъ «сдвигомъ», который привелъ, съ одной стороны, къ вытѣсненію бюрократическаго либерализма Александра Градовскаго и «Голоса» болѣе демократическимъ либерализмомъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» и съ другой—къ ликвидаціи революціоннаго народничества—народничествомъ прогрессивной интеллигенціи всѣхъ оттѣнковъ, отъ направленія В. В. и до народничества «Сѣвернаго Вѣстника» временъ редактированія его Михайловскимъ.

Дѣло въ томъ, что въ общественной и идейной жизни 80-хъ годовъ опредѣляющимъ моментомъ оказался процессъ начавшагося сближенія между элементами земства и демократической интеллигенціи. Попятно-реформаторскою дѣятельностью гр. Дмитрія Толстого и Пазухина земство все сильнѣе загонялось въ хроническій конфликтъ съ администраціей, какъ центральной, такъ и мѣстной,— во имя все болѣе усложнявшихся задачъ своего земскаго хозяйства. И въ то же время интеллигенція, изъ года въ годъ численно ростущая вмѣстѣ съ ростомъ европеизаціи Россіи, все сильнѣе пропитывала собою всѣ поры земскаго организма, особенно съ тѣхъ поръ, какъ исчезли прежніе центры притяженія для революціонной ея части—съ исчезновеніемъ программъ практическаго дѣйствія. На общей почвѣ такъ называемой культурной работы и совмѣстнаго отстаиванія ея противъ напора административнаго усмотрѣнія скрѣплялся этотъ двусто-

ронній процессъ сближенія просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и становящихся все болѣе замѣтной величиной профессіональныхъ работниковъ интеллигенціи. Этотъ процессъ былъ итогомъ 80-хъ годовъ, впервые въ полной мѣрѣ реализованнымъ, однако, лишь въ началѣ 90-хъ годовъ. Онъ былъ тѣмъ фономъ, на которомъ, какъ я далѣе постараюсь показать, и развилась идеологія всего перваго періода предреволюціонной эпохи.

Хронологически этотъ періодъ очерчивается двумя историческими датами: голоднымъ 91-мъ годомъ, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ выступленіемъ на сцену промышленнаго пролетаріата, которое впервые было учтено en masse общественнымъ сознаніемъ лишь въ половинѣ того же десятилѣтія.

Дѣйствующія лица все тѣ-же, что и прежде, и комбинація та же. По сравненію съ 80-ми годами измѣнилась только ихъ общественная жизнеспособность. Началъ оправляться революціонно-настроенный разночинецъ, испытавшій разгромъ въ началѣ предыдущаго десятилѣтія. Элементы земской среды и культуртрегерской интеллигенціи подъ дѣйствіемъ даннаго толчка крестьянскаго голода—начали слагаться въ бродящее цѣлое. Снова ускореннымъ темпомъ заработала мысль различныхъ круговъ надъ вопросами общественнаго развитія.

Спрашивается: какія же идеологіи выдвинулъ этотъ періодъ?

Начало 90-хъ годовъ застало публицистику въ томъ состояніи опустошенія, въ которое привели ее предыдущіе годы. Ежедневная печать—въ почти безраздѣльномъ владѣніи дворянской реакціи или ко всему приспособляющейся безпринципности: либо «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Гражданинъ», либо «Новое Время» и уличные листки.

Едва ли не единственнымъ выраженіемъ оппозиціонной мысли были «Русскія Вѣдомости»—этотъ умѣреннѣйшій органъ умѣренныхъ московскихъ профессоровъ, ибо въ счетъ не шли ни петербургскія «Новости», «презрительный терситъ» прогрессивной печати, ни тѣ немногіе органы провинціальной прессы, вродѣ «Волжскаго Вѣстника», или «Саратовскаго Дневника», которые, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, должны были замыкаться въ сферу слишкомъ узкихъ вопросовъ, чтобы считаться выразителями политической мысли. Единственной ареной, на которой могла заявлять себя—хотя и въ скромномъ масштабѣ—различнаго цвѣта оппозиція, была литература ежемѣсячныхъ журналовъ. Но и эта арена была усѣяна обломками прошлаго, которые начали лишь медленно и постепенно слагаться въ новыя группировки въ теченіе ближайшихъ лѣтъ разсматриваемаго нами періода. «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», да еще еженедѣльная «Недѣля» со своими ежемѣсячными приложеніями,—вотъ и все то наслѣдство, которое 90-ые годы восприняли отъ своихъ предшественниковъ.

Уже непосредственно вслѣдъ за 91-мъ годомъ появляется въ Петербургѣ прогрессивная ежедневная газета «Русская Жизнь», и «Русское Богатство»—до тѣхъ поръ совершенно безвѣстный органъ Леонида Оболенскаго—переходитъ въ руки Кривенко и его друзей, какъ первая попытка чего-то вродѣ реставраціи «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ, одинъ за другимъ слѣдуютъ «Хозяинъ» (ред. Мертваго)—это своеобразное сочетаніе агрономіи съ политикой, «Міръ Божій» «журналъ для юношества», народническое «Новое Слово» и цѣлая серія народо-

хозяйственныхъ изслѣдованій, книгъ и брошюръ, трактующихъ объ экономическихъ судьбахъ Россіи. И въ соотвѣтствіи этому замѣчающемуся пробужденію литературы и жизни, замѣтно начинаетъ просачиваться изъ-за границы та нелегальная литература, которая, въ продолженіи уже многихъ лѣтъ, перестала находиться въ кругозорѣ русскаго читателя, оставаясь исключительнымъ достояніемъ немногихъ кружковъ. И, наконецъ, появляется и печать только что слагавшихся тогда—въ предѣлахъ Россіи—организацій, вродѣ «Народнаго права».

Въ этомъ ростущемъ потокѣ публицистики, разумѣется, не все равноцѣнно для характеристики момента. Есть пережитки прошлаго, какъ старая «Недѣля», уже потерявшая значеніе руководящаго органа, устами Меньшикова тянущая безконечную канитель сантиментально-безвкусныхъ, толстовско-народническихъ разсужденій. Есть такая своего рода литературная гостинница, какъ «Русская Мысль», въ которой находятъ себѣ временное пристанище Н. К. Михайловскій, Вл. Короленко, М. Протопоповъ и многіе другіе писатели, но которая со смерти Шелгунова потеряла лицо свое, обратившись въ простое складочное мѣсто всѣхъ родовъ прогрессивной письменности. Есть «Сѣверный Вѣстникъ», по временамъ вызывающій сенсацію критико-философскими статьями Волынскаго, въ то время спеціалиста по развѣнчанію публицистики 60-хъ годовъ, но не имѣющій своего мнѣнія въ общественно-политическихъ вопросахъ и изъ года въ годъ угасающій въ атмосферѣ читательскаго равнодушія. Есть, наконецъ, изданія, которыя въ эти годы не успѣли еще сбросить свой популяризаторскій «юношескій» обликъ, какъ, напр., «Міръ Божій», ставшій нѣкоторой величиной лишь въ позднѣйшіе годы.

Но въ этой литературной пестротѣ явственно выступаютъ явленія, которыя можно назвать для даннаго періода центральными и въ которыхъ заключался его нервъ. Это «Вѣстникъ Европы», органъ *народничествующаго либерализма*, это первоначальное «Русское Богатство» (до выхода изъ редакціи Кривенко) и «Новое Слово» (до перехода къ марксистамъ), равно какъ и отдѣльныя работы Н.-она и В. В., какъ выраженіе *либеральнаго народничества* и, наконецъ, немногочисленныя произведенія нелегальной печати,—въ которыхъ суммируется то направленіе общественной мысли, которое нѣкоторыми называлось *революціонѣымъ конституціонализмомъ*. Блѣднымъ, поневолѣ, отраженіемъ той же тенденціи въ легальной печати, до извѣстной степени, является «Русское Богатство», перешедшее подъ редакцію Михайловскаго. Къ этимъ тремъ категоріямъ можно свести всѣ основныя теченія даннаго періода.

Безъ сомнѣнія, трудно найти въ исторіи послѣдней четверти вѣка эпоху, въ которую либерализмъ встрѣчалъ бы болѣе общее—неоспоримое—признаніе среди самыхъ различныхъ слоевъ прогрессивнаго русскаго общества,—какъ начало 90-хъ годовъ. Ибо ни въ одну изъ эпохъ общественно-политическая работа, которая производилась такими органами, какъ ежемѣсячный журналъ Стасюлевича, Арсеньева, Пыпина, Слонимскаго (и отчасти, какъ «Русскія Вѣдом.», гораздо сильнѣе, впрочемъ, чѣмъ «Вѣстникъ Европы», окрашенныя въ народническій цвѣтъ), не представляла собою въ такой полной мѣрѣ отраженія того minimum'a, на которомъ сходилась и къ которому сводилась всѣхъ родовъ оппозиція, лишенная дѣйственной силы и какихъ либо надеждъ въ перспективѣ.

Либерализмъ переводилъ въ свои идеологическія формы тѣ нужды и запросы, которые ставились на очередь культурной работой мѣстнаго самоуправленія, т. е. единственной существовавшей въ то время организаціи общественныхъ силъ, на которой сосредоточивалось вниманіе какъ земскихъ людей, такъ и огромнаго большинства тогдашней интеллигенціи. Вотъ почему у него былъ резонансъ, и политическая хроника «Вѣстн. Европы», въ своей значительной части посвященная защитѣ земства и его самостоятельности отъ надвинувшейся дворянско-бюрократической реакціи, возбуждала такой общій интересъ.

Этотъ «земскій» либерализмъ не имѣлъ своей выработанной теоріи, своихъ догматическихъ очертаній,—если, впрочемъ, не считать таковыми традицій стараго западничества. Онъ былъ эмпирикомъ par excellence, какъ былъ эмпирикомъ и тотъ просвѣщенный земскій хозяинъ, юрисконсультомъ котораго являлась либеральная публицистика—во имя интересовъ культуры и законности.

Но, неуклонно регистрируя каждый фактъ произвола, всякое посягательство администраціи и тѣмъ болѣе законодательства на «пріобрѣтенныя права» «эпохи великихъ реформъ», отстаивая земскую школу противъ церковно-приходской, крестьянъ—противъ земскаго начальника, самоуправленіе противъ неправомѣрнаго вмѣшательства губернской власти, инородцевъ противъ централизаторскихъ и обрусительныхъ тенденцій правительства, всегда на стражѣ интересовъ печати, сектантства, всегда противъ исключительныхъ законоположеній,—онъ былъ не только присяжнымъ защитникомъ самостоятельности земской работы, но eo ipso—разъ земская работа была въ центрѣ общественной жизни—и всеобщимъ юрисконсультомъ эпохи, для которой, въ ея оборонительной позиціи, *юридическая* аргументація, толкующая *существующее* право, должна была брать перевѣсъ надъ *политической*, говорящей о завоеваніи *новаго* права. И въ то же время, онъ чувствовалъ себя представителемъ земли, того обойденнаго вниманіемъ сельскаго хозяйства, на которомъ лежала двойнымъ гнетомъ и протекціонная политика правительства, и вся система административнаго произвола вообще. Культурный застой и всероссійское раззореніе крестьянства, о которыхъ такъ краснорѣчиво напомнилъ 91 голодный годъ, вставали угрожающими призраками и, подымая тревогу, создавали представленіе объ извѣстной общности интересовъ и о необходимости воспособленія крестьянству.

Вотъ почему, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ голода, Слонимскій уже въ концѣ 91 года [1]) писалъ, что «къ несчастью народныя массы, живущія впроголодь и въ урожайные годы, не имѣютъ возможности заявлять свои нужды такъ громко и сильно, какъ фабриканты и промышленники. Представители торговли и промышленности всегда находятъ дѣятельную защиту и покровительство въ министерствѣ финансовъ»... «Забота о промышленникахъ, заводчикахъ и фабрикантахъ должна, наконецъ, уступить мѣсто болѣе настоятельнымъ и важнымъ народо-хозяйственнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ нашей тяжелой дѣйствительностью» [2]).

---

[1]) Вѣст. Евр. 91 г. кн. XI Ст. Промышленные идеалы и дѣйствительность, стр. 331.

[2]) В. Евр. 91 г. кн. XII Ст. Пром. ид. и дѣйств., стр. 766.

И отсюда выводъ и пожеланіе, неоднократно выражавшееся на страницахъ либеральнаго органа, объ учрежденіи министерства земледѣлія, и идеалистическое выраженіе для того же пожеланія въ формулѣ: «Самъ народъ съ его групповыми интересами и нуждами» «долженъ сдѣлаться» «предметомъ покровительства».

Такъ заявлялъ либерализмъ, солидаризируя себя съ интересами крестьянства и всего общественнаго цѣлаго, и съ негодованіемъ отвергалъ самую мысль о своей буржуазности, которая ему навязывалась публицистами народничества.

Еще въ началѣ 80-хъ годовъ, полемизируя съ «Недѣлей», «Вѣстн. Европы» заявлялъ, что основная ея ошибка «заключается въ томъ, что съ понятіемъ о либерализмѣ, какъ о политическомъ ученіи, она смѣшала понятіе о выродившемся либерализмѣ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ партій, напр. французскихъ доктринеровъ времени Гизо, прусскихъ націоналъ-либераловъ 70-хъ годовъ, что особенности западно-европейскаго либерализма объясняются историческими условіями его появленія именно въ то время, когда господствующей силой въ государствѣ была буржуазія, господствующимъ ученіемъ въ экономической наукѣ было то, которое позже получило названіе «манчестерства». Развитіе этихъ трехъ началъ шло параллельно... но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они должны были оставаться нераздѣльными всегда и вездѣ. Связь между ними порвана уже и на Западѣ Европы... Еще меньше можетъ быть рѣчь о неразрывности названныхъ нами началъ въ Россіи, гдѣ не бывало и нѣтъ крѣпко организованной буржуазіи, гдѣ едва зарождается капиталистическое производство и не успѣла пустить корней теорія экономическаго невмѣшательства» [1]).

И точно также, уже въ 1895 году, какъ бы продолжая эту цѣпь разсужденій, Слонимскій писалъ: «Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма, интересы котораго находились бы въ разладѣ съ потребностями трудящейся народной массы. Либералы хлопочутъ у насъ о томъ, что полезно всему народу и, слѣдовательно, также государству,—въ противоположность охранителямъ, откровенно преслѣдующимъ особыя выгоды небольшого круга своихъ единомышленниковъ и союзниковъ» [2]).

А немного раньше того, отражая обвиненіе «Московскими Вѣдомостями» русскаго либерализма въ поддержкѣ буржуазіи, извѣстный хроникеръ «Вѣстн. Европы» утверждалъ: «меньше всего русскій либерализмъ... можетъ быть заподозрѣнъ именно въ намѣреніи создать въ Россіи буржуазію или какое бы то ни было обособленное привилегированное третье сословіе. Что благопріятствуетъ образованію такого сословія? Больше всего—развитіе крупнаго фабричнаго производства, усиленіе промышленнаго класса, увеличеніе числа безземельныхъ рабочихъ. Сторонники «третьяго сословія» должны, если они послѣдовательны, стоять за высокія покровительственныя пошлины, за отмѣну общиннаго землевладѣнія или, по меньшей мѣрѣ, за все способствующее разложенію общины;

---

[1]) Вѣст. Евр. 1882 г. кн. III, стр. 447.

[2]) В. Евр. 95 г. кн. X, стр. 788.

они должны возставать противъ крестьянскаго банка, противъ выкупа желѣзныхъ дорогъ, противъ регламентаціи кредита, противъ подоходнаго налога, противъ всякой попытки перенести значительную часть податнаго бремени на достаточные классы населенія... Такъ ли поступали и поступаютъ мнимо-буржуазные органы печати—это слишкомъ хорошо извѣстно... Для какого класса, для какой группы населенія онъ (т. е. либерализмъ) домогался господства или хотя бы преобладанія надъ остальными? За какія привилегіи онъ стоялъ, какія новыя перегородки предполагалъ возвести на мѣсто старыхъ, какой видъ свободы хотѣлъ сдѣлать достояніемъ немногихъ? Поставить эти вопросы—значитъ разрѣшить ихъ, двухъ различныхъ оттѣнковъ они не допускаютъ» [1]).

Въ этихъ, полныхъ враждебнаго отношенія къ промышленной буржуазіи, словахъ набросана въ общихъ чертахъ, хотя, правда, больше въ отрицательныхъ терминахъ, экономическая программа нашего «аграрнаго» либерализма. Ея существенная часть, это—поддержка мелкаго производителя, общинника-крестьянина и кустаря, всѣми способами, которые составляли обычный инвентарь, какъ земской практики, такъ и теоретической рецептуры либеральнаго народничества. Говоря о народничествѣ, намъ придется еще останавливаться на практической близости либерализма къ народничеству и народничества къ либерализму—при всѣхъ ихъ теоретическихъ разногласіяхъ. Сейчасъ мы зарегистрируемъ только, что, по крайней мѣрѣ, представители либерализма ясно сознавали и признавали эту свою близость къ народникамъ. Достаточно для этого отмѣтить статью Слонимскаго, посвященную В. В. въ августовской кн. «В. Евр.» за 92 годъ, или признаніе Пыпинымъ (А. В—нымъ) [2]), который такъ долго и такъ много сражался съ народничествомъ, признаніе «родственности» этого направленія либерализму, и сожалѣніе о безцѣльномъ выдѣленіи себя народничествомъ въ особую секту изъ обще-либеральнаго теченія.

Но въ чемъ же полагалъ либерализмъ свои надежды на то, что его программа осуществится не по частямъ и въ мелочахъ земской практики, а въ обще-государственномъ масштабѣ? Онъ ожидалъ измѣненія, подъ вліяніемъ государственной необходимости, правительственной политики, перехода отъ покровительства крупнымъ промышленникамъ къ защитѣ «народныхъ интересовъ», отъ системы ежовыхъ рукавицъ къ правовому порядку.

Онъ ждалъ всего сверху и ничего—снизу. Онъ настаивалъ, конечно, на важности сближенія культурнаго общества съ народомъ, и съ этой точки зрѣнія, въ связи съ продовольственной кампаніей 91—92 гг., вновь подымалъ вопросъ о всесословной волости [3]), онъ устами Пыпина привѣтствовалъ общественную помощь голодающему крестьянству, выражая увѣренность, что самоотверженное сочувствіе общества къ народному бѣдствію не останется незамѣченнымъ въ «народной средѣ», въ той средѣ, которая, «къ сожалѣнію» «уже очень издавна относилась къ высшему классу съ немалымъ недовѣріемъ» [4]).

---

[1]) В. Евр. 1893 г. кн. V, стр. 449—450.
[2]) В. Евр. 1892 г. кн. X, статья „Теоріи народничества“, стр. 705.
[3]) См. Общест. Хронику, сентябрь 91 г.
[4]) См. „Вѣстн. Евр.“ 92 г. кн. II. „Литер. Обозр.“ стр. 904.

Но съ другой стороны, онъ же въ лицѣ Слонимскаго съ совершенной категоричностью заявлялъ, что «крестьянство въ счетъ не идетъ; оно никому не можетъ служить опорой, ибо само нуждается въ поддержкѣ и охранѣ» [1]).

Дружный союзъ идущаго на реформы правительства съ иниціативнымъ и его поддерживающимъ обществомъ—вотъ рѣшеніе задачи либерализмомъ.

«Наша бѣда заключается въ томъ», говорилъ Вл. Соловьевъ въ нашумѣвшей статьѣ своей «Народная бѣда и общественная помощь», что общество «аморфно», что нѣтъ никакой организаціи «для улучшенія народной жизни, для національнаго прогресса». «Пора, наконецъ, изъ него (т. е. изъ состоянія аморфности) выйти, пора не потому, что кому нибудь такъ кажется, а потому, что наступила крайняя опасность, а безъ установленія истинной общественности мы нынѣшней бѣды не изживемъ» [2]).

Но это не значитъ, что иниціатива не должна принадлежать правительственной власти. «Никто не станетъ спорить, писалъ Слонимскій по поводу книги Ермолова «Неурожай и народное бѣдствіе», противъ того, что починъ и руководство въ великихъ задачахъ, поставленныхъ на очередь нашею «слишкомъ печальною дѣйствительностью», принадлежитъ правительству» [3]).

И въ другомъ мѣстѣ: либерализмъ хочетъ того-же, къ чему «всегда стремились лучшіе представители власти, начиная съ Петра Великаго» [4]).

И далѣе:

«Либеральныя идеи все болѣе усваиваются передовою общественною силой нашего времени—просвѣщенной бюрократіей, постепенно и неудержимо поглащающей лучшіе активные элементы образованнаго общества. Либеральное реформаторское чиновничество беретъ на себя самыя широкія задачи, разумное исполненіе которыхъ требуетъ сознательнаго общественнаго содѣйствія и участія, и потребность въ этомъ общемъ содѣйствіи сказывается все сильнѣе на практикѣ, выражаясь въ частыхъ обращеніяхъ къ печатному слову, въ обнародованіи оффиціальныхъ матеріаловъ и предположеній, въ запросахъ, дѣлаемыхъ земству и ученымъ спеціалистамъ. Дѣятельный предпріимчивый бюрократизмъ является господствующимъ направленіемъ нашей эпохи, и остается только желать, чтобы онъ не подвергся обычной судьбѣ всякой вообще бюрократіи и не проникся буржуазно-канцелярскимъ духомъ» [5]).

Естественно, поэтому, что въ соотвѣтствіи съ этими взглядами «Вѣстникъ Европы» протестовалъ противъ утвержденія реакціонной печати о несовмѣстимости началъ законности, равно какъ самоуправленія и общественной самодѣятельности, съ основами самодержавно-бюрократическаго строя [6]). И поэтому же самому, въ концѣ 94 года, находясь на кульминаціонной точкѣ своего по-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1893 г, сентябрь, статья „Экономич. реформы и законодательство“, стр. 340—341.

[2]) Вѣстн. Евр. 91 г., октябрь, стр. 791—92.

[3]) В. Евр., май 92 г., ст. „Экономическая программа“, стр. 352—353.

[4]) Вѣстн. Евр., октябрь 95 года, ст. Л. Слонимскаго „Наши направленія въ печати и обществѣ“, стр. 783.

[5]) Тамъ же, стр. 790—91.

[6]) В. Евр. 95 г., кн. II, ст. Слонимскаго „Теорія и практика законности“ стр. 794.

литическаго значенія, онъ могъ, подводя итоги только что завершившемуся царствованію Императора Александра III, замѣчательное для своего времени внутреннее обозрѣніе заключить историческимъ резюме: «Если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ и безнадежнымъ. Говоря словами поэта, «въ ея груди бѣжитъ потокъ живыхъ и чистыхъ, еще нѣмыхъ народныхъ силъ, такъ подъ корой Сибири льдистой, золотоносныхъ много жилъ»... Эти силы легко могутъ быть призваны къ жизни нашимъ молодымъ государемъ, въ короткое время видѣвшимъ уже столько доказательствъ народной любви и народнаго довѣрія» [1]).

Это резюме было историческимъ потому, что оно легло въ основаніе тѣхъ земскихъ адресовъ, которыми закончился этотъ періодъ русскаго либерализма.

Какъ справедливо писалъ тогда авторъ появившагося «Открытаго Письма»: «наиболѣе передовые земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь объ единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земствъ къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола».

Другими словами: либерализмъ 90-хъ годовъ не развертывалъ конституціоннаго знамени, а мыслилъ себѣ необходимое реформированіе стараго строя, безъ нарушенія его основъ, иниціативой и силами его же представителей, получившихъ лишь въ помощь себѣ организованное общественное мнѣніе.

И въ этой его концепціи сказалась, быть можетъ, наиболѣе характерная черта и для того общественнаго слоя, который представлялъ либерализмъ, и для всего того времени. Передовая часть земцевъ, какъ и родственныя ей группы городской интеллигенціи не чувствовали за собой не только народныхъ массъ, но и движенія или даже просто дѣйственнаго сочувствія класса, съ которымъ они были непосредственно связаны. Они были культурнымъ авангардомъ бездѣятельной и аморфной среды, въ которой развѣ только протекціонная система правительства создавала настроеніе фронды.

Потому-то у идеологовъ нашего либерализма въ такой причудливо-рѣзкой формѣ и сочетались нѣкоторый интеллигентскій размахъ въ принципіально-абстрактныхъ вопросахъ и чрезвычайная, сугубая скромность, когда рѣчь заходила о вопросахъ практическихъ. Они могли, однимъ духомъ, упрекать, напр., европейскую демократію въ забвеніи «обязанностей по отношенію къ народу» [2]) и европейскій либерализмъ въ буржуазности и въ то же самое время дѣлать своими pia desideria такую убогую реформу, какъ припущеніе представителей земствъ къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта.

Это была идеологія еще первыхъ шаговъ бродящаго, но не знающаго самодѣятельнаго выхода общества, идеологія культурной части его имущихъ, по преимуществу, аграрныхъ слоевъ.

Но если имущее общество приходило къ либерализму черезъ запросы культурнаго развитія, то демократическая интеллигенція пришла къ идеологіямъ

---

[1]) Вѣстн. Евр., декабрь 94 г., Внутр. Обозр., стр. 853.

[2]) Вѣстн. Евр. 93 г. кн. IV, Общ. Хрон., стр. 907.

либеральнаго народничества и революціоннаго конституціонализма черезъ банкротство своего прошлаго.

Когда миновала пора интеллигентскаго распада и интеллигенція, при первомъ достаточно сильномъ побужденіи извнѣ, ощутила въ себѣ вновь потенціальную энергію для общественнаго подъема, то оказалось на первыхъ порахъ, что ея прошлое банкротство стало исходной точкой для идейнаго движенія въ двухъ направленіяхъ.

Если народъ не является въ настоящее время агентомъ соціальнаго переустройства, то взамѣнъ этого будемъ поднимать его культурно, развивая въ то же время—въ рамкахъ существующаго строя—такія народныя формы его соціально-экономическаго уклада, какъ община, артель, кустарные промыслы,—вотъ одно видоизмѣненіе старой проблемы. Если революціонная фаланга интеллигенціи оказалась разбитой въ своемъ единоборствѣ съ существующей властью, то это не значитъ, однако, что соединенными усиліями всего организованнаго общественнаго мнѣнія нельзя добиться конституціи: сближеніе всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ на очередной политической задачѣ,—вотъ другое рѣшеніе обанкротившейся интеллигенціи.

Если старое народничество, метаморфизируясь въ лабораторіи 80-хъ годовъ, спустилось до В. В. Кривенко, и всего направленія народническаго «Русскаго Богатства», то Народная Воля нашла своего эпигона въ популярныхъ идеяхъ «Народнаго Права».

Мы разберемъ эти обѣ тенденціи въ ихъ классическомъ выраженіи, но замѣтимъ сейчасъ же, что въ литературѣ и въ жизни господствовали различныя формы эклектическаго соединенія этихъ тенденцій: народничество съ конституціоннымъ оттѣнкомъ и конституціонализмъ, дополняемый экономической политикой, находившей себѣ теоретическую мотивировку въ писаніяхъ народничества. Такъ «Русское Богатство» съ уходомъ Кривенко, В. В. и послѣ своего неоднократнаго отреченія отъ самого названія народничества, по существу продолжало ту же самую практическую линію, которой держались до его обновленія имъ теперь отвергаемые народники.

«Политиковъ» и «чистыхъ» народниковъ соединяла имъ общая концепція экономическаго развитія Россіи, необходимыхъ экономическихъ реформъ и мѣропріятій и той роли въ этомъ дѣлѣ, которую должны были, по ихъ представленію, играть современная государственная власть и современное культурное общество. И эта же концепція «власти» и «общества», какъ и сходство въ экономической политикѣ, сближало идеологовъ демократической интеллигенціи, ведшихъ свою родословную отъ революціоннаго соціализма 70-хъ годовъ, съ представителями современнаго имъ либерализма.

Старый соціализмъ полагалъ свои надежды на народъ, на его артельно-общинное творчество, на его соціально-революціонную природу. Его «практическая политика», поэтому, сводилась къ элементарной формулѣ—утонуть въ стихіи народа, которой достаточно сравнительно небольшого толчка, чтобы разразиться спасительной бурей—революціей, производящей коренную передѣлку всего общественнаго строя Россіи. Но эта вѣра въ инициативный народъ угасла еще къ концу 70-хъ годовъ; не воскресла она и въ началѣ 90-хъ вмѣстѣ съ пробужде-

ніемъ демократической интеллигенціи, которую впечатлѣнія отъ крестьянскаго голода только укрѣпили въ безвѣріи.

Естественно поэтому, что подъ вліяніемъ происшедшей перемѣны, народъ, какъ дѣйствующее лицо героической драмы, смѣнился въ умахъ интеллигенціи народомъ—объектомъ усиленныхъ заботъ, экономическихъ мѣропріятій, народолюбиваго прожектерства. Центръ тяжести въ идеологіи интеллигенціи оказался тѣмъ самымъ передвинутымъ съ народа на самое интеллигенцію, на культурное общество, на земство, даже на государственную власть, т. е. на всѣ тѣ элементы, которые, полностью или по частямъ, по доброй волѣ или подъ давленіемъ необходимости, должны были идти, по мнѣнію народнической интеллигенціи, навстрѣчу потребностямъ «народнаго производства», т. е. «самостоятельнаго производителя-крестьянина». И въ связи съ этимъ выдвигалась на видное мѣсто теорія невозможности капиталистическаго развитія Россіи, невозможности по объективнымъ условіямъ ея международнаго экономическаго положенія.

Разъ, въ самомъ дѣлѣ, соціальное преобразованіе страны на началахъ народнаго производства отходило въ неопредѣленную даль, то тѣмъ самымъ пріобрѣтала огромную успокоительную цѣнность для всей интеллигенціи, идеологически связавшей свои судьбы съ крестьянствомъ, та соціологическая концепція, которая какъ бы бронировала кустарно-земледѣльческую Россію отъ сокрушающихъ ударовъ капитала. Стоитъ перебрать съ этой цѣлью книжки «Русскаго Богатства», въ особенности за первую половину 90-хъ годовъ, т. е. за разсматриваемый нами періодъ, чтобы убѣдиться, что мотивы публицистики стоятъ въ непосредственной зависимости отъ этихъ основныхъ положеній. Къ чему сводятся внутреннія обозрѣнія Кривенко и Южакова, «народо-хозяйственные наброски» Карышева, разсужденія В. В., отдѣльныя статьи Яроцкаго и отчасти Н.—она?

Конечно, въ нихъ есть свои оттѣнки, свои индивидуальныя отличія, и если В. В. выступаетъ пѣвцомъ по преимуществу «прогрессивныхъ теченій» въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тѣмъ самымъ оттѣняя «мелкобуржуазную» сторону народничества, то Ник—онъ, который усматриваетъ въ дѣйствительности лишь однѣ специфически-опустошительныя особенности россійскаго капитализма, является его (народничества) бюрократически-утопической варіаціей. Но сущность тѣхъ и другихъ сводится къ апелляціи отъ неустройства хозяйственной жизни Россіи вообще и крестьянства въ частности къ мѣропріятіямъ и проектамъ мѣропріятій благожелательнаго общества.

«Никогда еще наша народная промышленность,— читаемъ мы, напр., у Кривенко,—не нуждалась настолько въ измѣненіи взгляда на нее, какъ на нѣчто второстепенное и не имѣющее значенія, и въ такомъ вниманіи къ ней со стороны людей знанія, земствъ и государства, какъ теперь... При правильномъ къ ней отношеніи и реорганизаціи, изъ нея можетъ развиться та настоящая народная промышленность, которая нужна странѣ и которая не потребуетъ со стороны государства такихъ жертвъ, какъ промышленность капиталистическая» [1]).

«Народное хозяйство — пишетъ Южаковъ — приходитъ постепенно въ

[1]) Кривенко: „По поводу культурн. одиночекъ". На распутьѣ, стр. 259.

упадокъ... община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно обречено на вымираніе, если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія» [1]).

И то же самое говоритъ Ник—онъ, какъ въ заключительныхъ страницахъ своихъ «Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», такъ и въ статьяхъ своихъ въ «Русскомъ Богатствѣ»: «Задача заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго (экономическаго) закона, тормазящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій, отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти» [2]).

Законный выводъ отсюда — обращеніе къ обществу. Это и дѣлаетъ Карышевъ. Свидѣтельствуя о «бодрящемъ впечатлѣніи», которое производитъ на него «обѣднѣвшій, задолжавшій, въ значительной части обезлошадившійся» народъ, «не покладающій въ то же время рукъ», не бросающій землю и «ищущій новыхъ путей» (прогрессивныя явленія!), онъ адресуется къ «намъ», т. е. къ обществу: «А мы здѣсь, въ Петербургѣ и Москвѣ, сидимъ въ своихъ кабинетахъ и толкуемъ о мужицкой лѣни и косности, о томъ, что мужика надо будить... Будить нужно именно насъ. Гдѣ наша помощь этому стремленію мужика поднять свое хозяйство?.. Мужикъ хочетъ примѣра—гдѣ наши опытныя поля, образцовыя хозяйства? Мужикъ ищетъ печатнаго слова—гдѣ наша популярная литература?.. Мужикъ ищетъ удобренія, орудій, сѣмянъ,—гдѣ у насъ земскіе склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространенія... Гдѣ же вы, дѣятели, дѣятели частные и земскіе? Идите и работайте, время давно приспѣло. И спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ» [3]).

И отсюда же—психологически понятная идеализація интеллигенціи, общества, власти. Идеализировать реальную власть, въ ея текущихъ и общихъ проявленіяхъ, не представлялось никакой возможности, но зато тѣмъ важнѣе было позволить себѣ идеализацію прошлаго, напр., акта освобожденія крестьянъ,—и въ этомъ прошломъ какъ бы символизировалось будущее,—или же, изъ связи съ цѣлымъ выхватывая отдѣльные моменты, на нихъ фиксировать вниманіе и находить себѣ удовлетвореніе въ сочиненіи проектовъ и поправокъ—проектовъ преобразованія крестьянскаго банка, регулированія хлѣбной торговли, продовольственнаго устава [4]) и т. д. и т. д.

---

[1]) „Русск. Богат.“, 1896 г., кн. 12, стр. 106.

[2]) „Русск. Богат.“, 1895 г., кн. 3, статья „Что же значитъ эконом. необходимость?“

[3]) „Русск. Богат.“, 1894 г., кн. II, статья „Народохозяйственные наброски“.

[4]) См., напр., Ивановичъ: „По вопросу о преобразованіи крестьянскаго банка, „Русск. Богат.“, кн. XI, за 1892 г.; Карышевъ, „Продовольственное

И, конечно, еще значительно успѣшнѣе шла идеализація земства, и еще нужнѣе была эта идеализація интеллигенціи, для которой земская работа представляла значительную часть ея собственной общественной дѣятельности.

Необходимо отмѣтить при этомъ, что вниманіе приковывалось не столько культурно-просвѣтительной дѣятельностью земства, сколько его «экономическими» «мѣропріятіями».

«Сравнительно недавнее выступленіе земства на новое поприще сельскохозяйственной дѣятельности—писалъ Южаковъ—мало извѣстно публикѣ, представляя, однако, глубокій интересъ и громадную важность» [1]).

И то же признаніе неоднократно повторяется, въ той или другой формѣ, на страницахъ «Русск. Богатства». Его же въ сущности дѣлаетъ и Анненскій, когда начинаетъ свою серію внутреннихъ обозрѣній въ «Русск. Богат.» заявленіемъ, что, «придавая очень большое значеніе правильному выясненію и освѣщенію вопросовъ земской жизни и земской работы, мы горячо желали бы, чтобы нашъ журналъ по мѣрѣ силъ и возможности служилъ этому дѣлу». Редакція «разсчитываетъ на помощь самихъ мѣстныхъ людей» [2]). И затѣмъ, обращаясь къ представляющимъ «особый интересъ» въ настоящее время «земскимъ начинаніямъ въ сельско-хозяйственной области», говоритъ: «здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможна живая связь земской работы съ работами центральныхъ установленій, вѣдающихъ нужды сельскаго хозяйства. Прошлогоднее обращеніе министерства земледѣлія къ содѣйствію земствъ... является первымъ и очень важнымъ шагомъ для такого сближенія. Земскія учрежденія могли бы стать очень полезными органами и для проведенія въ жизнь тѣхъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства, которыя будутъ требовать работы на мѣстахъ... Съ другой стороны, именно здѣсь, въ земствѣ, всего болѣе можетъ сосредоточиться та здоровая и живая мѣстная иниціатива, которая признается въ программѣ министерства, удостоенной Высочайшаго одобренія, лучшимъ залогомъ прогрессивнаго развитія сельскаго хозяйства» [3]).

И изъ той же, конечно, идеализирующей точки зрѣнія исходитъ и Ник—онъ, когда резюмируетъ настроеніе и направленіе «общества», послѣ перелома 1891 года, словами: «но чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891-го года, тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И, дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства» [4])...

А В. В., съ своей стороны, теоретически обосновываетъ ту же самую

дѣло и сельско-хоз. страхованіе", кн. I, за 1893 г.; Хроника внутр. жизни, кн. V за 1893 г.; Южаковъ, „Хрон. внутр. жизни", кн. VII за 1894 г.; Карышевъ „Народохозяйств. наброски", кн. IX за 1895 г. и многія другія статьи.

[1]) „Русск. Богат.", 1895 г., кн. IV, „Изъ соврем. хроники".

[2]) „Русск. Богат.", 1895 г., кн. X, Хрон. внутр. жизни.

[3]) Тамъ же, стр. 167.

[4]) Ник—онъ. „Апологія власти денегъ", „Русск. Бог.", 1895 г., кн. I.

концепцію «общества», стараясь объяснить, въ силу какихъ особенностей общественнаго развитія Россіи «антиклассовое настроеніе прогрессивной части привилегированнаго общества» имѣетъ у насъ чрезвычайную силу, почему «хотя это общество образуется всецѣло лицами, пользующимися экономическими привилегіями, т. е. принадлежитъ къ буржуазіи, тѣмъ не менѣе прогрессивная его часть не выставляетъ цѣльной программы буржуазнаго характера», а, напротивъ, окрашено въ народническій цвѣтъ и «всякій сколько нибудь прогрессивный органъ печати одною изъ своихъ задачъ считаетъ защиту интересовъ народнаго производства». Оказывается—по мнѣнію В. В., что русская интеллигенція (въ отличіе отъ западно-европейской) «законами исторіи вынуждена сознательно преслѣдовать цѣли народнаго благосостоянія», что, «работая въ духѣ укрѣпленія экономической самостоятельности народа, значительная часть русскаго общества борется за свое собственное благополучіе. По своимъ интересамъ эта часть примыкаетъ къ массѣ простого народа и потому дѣло послѣдняго есть въ то жо время и ея дѣло. Защищая это дѣло, она въ сущности борется за свой классовый интересъ, который къ тому же совпадаетъ и съ интересами общегосударственными». Жизненность же «связи народническаго теченія въ привилегированномъ классѣ съ интимнѣйшими процессами нашего общественнаго быта» доказывается его «практическимъ характеромъ»: «расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, поддержаніе общины, артельная организація промысловъ, организація кредита, оптовой закупки матеріаловъ и сбыта издѣлій народнаго производства, улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства, выселеніе крестьянъ изъ центральныхъ губерній на окраины» и т. п., — вотъ программа, которая именно благодаря своей «практичности», «можетъ приводиться въ исполненіе черезъ посредство, между прочимъ, земскихъ учрежденій»... [1]).

Такъ, въ міросозерцаніи народничества 90-хъ годовъ понятіе интеллигенціи расплывалось въ понятіи общества, общество конкретизировалось въ земствѣ, земство комбинировалось съ властью и въ результатѣ получался неопредѣленный конгломератъ представленій, дававшій въ совокупности то, что можно бы назвать народническимъ факторомъ прогресса—прогресса въ сферѣ «экономики» на первыхъ порахъ. Но совершенно очевидно, что этотъ же конгломератъ долженъ былъ стать и основой для формулы прогресса въ политикѣ.

Народничество вышло изъ передѣлки 80-хъ годовъ съ достаточно опредѣлившейся программой экономическихъ мѣропріятій и съ совершенно неопредѣленной окраской въ области вопросовъ политическаго развитія Россіи. Конечно, къ началу 90-хъ годовъ уже было налицо если не политическое въ собственномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ политизирующее настроеніе въ извѣстныхъ кругахъ интеллигенціи, но этому настроенію въ жизни, въ литературѣ соотвѣтствовала лишь та безформенно-прогрессивная тенденція, которая, просачиваясь сквозь народническія формулы, отражала наростающую оппозиціонность демократической интеллигенціи, не задаваясь вопросомъ о путяхъ и не раскрывая своихъ цѣлей. Что дѣлать и куда идти, вопросы политической

---

[1]) Новое Слово, 1896 г., мартъ, ст. В. В. „Производительные классы и интеллигенція въ Россіи“. Ср. также: В. В. „Наши направленія“.

тактики и политической программы, оставались внѣ поля ея зрѣнія не только потому, что цензурныя рамки не давали возможности договаривать до конца своихъ мыслей, но также и потому, что въ самой жизни демократической интеллигенціи не было какихъ либо перспективъ практическаго политическаго дѣйствія, не было иной дѣятельности, кромѣ культурно-просвѣтительной, кромѣ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ.

Ясно, что при данныхъ условіяхъ политическая мысль интеллигенціи должна была, съ наростаніемъ политическаго настроенія, двигаться по тому же фарватеру, по которому двигалась до того и общественная дѣятельность интеллигенціи.

И ясно, слѣдовательно, что она должна была концентрироваться около тѣхъ же элементовъ, которые были героями-осуществителями практическаго народничества—интеллигенція, общество, земство и даже государственная власть. Разумѣется, поскольку эти элементы принимались цѣликомъ, демократическая интеллигенція упиралась въ ту же либеральную концепцію, выраженіе которой мы только-что видѣли на примѣрѣ «Вѣстника Европы».

На этой почвѣ выростали всевозможныя комбинаціи изъ теоретическихъ предпосылокъ соціализма и куцыхъ практическихъ выводовъ.

Но то, на чемъ свободно и легко успокаивались мысль и чувство просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и свободомыслящихъ академиковъ, шло, что дальше, то больше, въ разрѣзъ съ психологіей демократической интеллигенціи, диктовавшейся ей ея общественнымъ положеніемъ въ обстановкѣ самодержавно-бюрократическаго строя, какъ и всѣми традиціями ея прошлаго. Чѣмъ больше, поэтому, радикализировалось впечатлѣніями отъ общественной жизни настроеніе демократической интеллигенціи и сообразно этому пропитывалось политикой народничество, тѣмъ скорѣе изъ либеральнаго конгломерата элементовъ въ представленіи интеллигенціи отходилъ на задній планъ элементъ государственной власти и, наоборотъ, выдвигалось на первый—расплывчато-широкое понятіе «общества». На этой почвѣ выдѣленія политическаго момента произошло уже въ 1893—1894 году расхожденіе между народниками типа Кривенко, В. В. и др. и «политиками» реорганизованнаго «Русскаго Богатства».

Этотъ процессъ формированія политической мысли весьма трудно наблюдать по произведеніямъ легальной журналистики: въ ней слишкомъ много недоговореннаго или просто обойденнаго молчаніемъ. Но даже и здѣсь можно было бы найти прямыя или косвенныя указанія, съ совершенной опредѣленностью говорящія о томъ, что старая народническая вѣра въ народъ смѣнилась разсчетами на политическую иниціативу всего оппозиціоннаго правительству общества или въ частности—его революціоннаго авангарда, опирающагося на общество. Къ счастью, впрочемъ, намъ нѣтъ необходимости на основаніи намековъ возсоздавать точку зрѣнія «политики» демократической интеллигенціи начала 90-хъ годовъ.

Мы имѣемъ совершенно ясный и откровенный языкъ литературы, въ которой эта политика нашла свое предѣльное выраженіе. По этому предѣлу легко уже судить и о промежуточныхъ звеньяхъ, не достигавшихъ вершинъ этой предѣльности. Мы имѣемъ въ виду то политическое направленіе, которое непо-

средственно вышло изъ народничества и которое одинъ изъ старыхъ народовольцевъ окрестилъ именемъ революціоннаго конституціонализма.

Въ литературѣ эмиграціи оно было представлено изданіями Лондонскаго «Фонда вольной русской прессы» и въ частности писаніями Кравчинскаго-Степняка, а въ Россіи—воззваніемъ партіи «Народнаго Права» и извѣстной брошюрой «Насущный вопросъ».

И Степнякъ заграницей, и народоправцы въ Россіи уже были въ извѣстной степени выраженіемъ реакціи противъ предшествовавшей имъ литературы упадка. Такъ, Степнякъ въ своей брошюрѣ «Что намъ нужно» протестуетъ противъ той «ошибочной тенденціи—на время спрятать соціализмъ, дабы не испугать либераловъ» и опять же «на время» «соціалистамъ стать либералами»,— которую являли собой изданія конца 80-хъ годовъ, «Самоуправленіе» и «Свободная Россія», гдѣ писали Бурцевъ, Дебагорій-Мокріевичъ, Добровольскій. Такъ, «Насущный вопросъ», приглашая «отрѣшиться отъ благоговѣйнаго преклоненія передъ миѳическимъ „богоносительнымъ“ народомъ, съ его какой-то никому невѣдомой особливой правдой, якобы, отличной отъ общечеловѣческой», весь полемически заостренъ противъ обветшалыхъ идей народничества, культурничества и проповѣди малыхъ дѣлъ.

Въ чемъ же центральный интересъ направленія? — Въ сближеніи между собой оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ общества во имя идеи политической свободы.

«Ни либералы, ни революціонеры въ одиночку не опрокинутъ самодержавія», говоритъ Степнякъ, «залогъ побѣды во взаимной поддержкѣ обѣихъ фракцій оппозиціи», поддержкѣ, «во имя того общаго внѣклассоваго чувства гражданской солидарности, которое существуетъ во всѣхъ передовыхъ странахъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе» [1]).

Товарищъ же Степняка по Фонду, Волховской, развивая ту же самую мысль въ брошюрѣ «Чему учитъ конституція гр. Лорисъ-Меликова», аргументируетъ ее соображеніями, что «либералы могутъ, не насилуя своей совѣсти, входить въ соглашенія съ властью тамъ, гдѣ мы бы затруднились»...

Но если фондовцы въ своихъ писаніяхъ еще только развиваютъ своего рода теорію координированныхъ дѣйствій оппозиціонно-революціоннаго блока, то партія «Народнаго Права» сама, какъ организація, уже представляетъ собою этотъ блокъ, изъ программы котораго вытравлено все, кромѣ чистой идеи политической свободы.

«Есть моменты въ жизни государства — говорится въ воззваніи партіи «Народнаго Права» (относящемся къ началу 94 года) — когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто, отодвигая на задній планъ всѣ другіе интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ,—одинъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущее народа». И вопросъ этотъ или лучше—задача—формулируется такъ: «соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, какими она рас-

---

[1]) Смотр. брош. Степняка: „Чего намъ нужно“ и „Начало конца“.

полагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка».

Кто же, конкретно говоря, эти «оппозиціонные элементы страны»? Степнякъ даетъ обстоятельный отвѣтъ: «Революція должна быть расширена»—заявляетъ онъ.—«Но какъ? Въ комъ искать поддержки? Россія—крестьянская земля. Но насколько намъ извѣстно, среди русскихъ революціонеровъ нѣтъ въ настоящее время фракціи, серьезно ищущей опереться на крестьянъ, т. е. дѣйствительно работающей для пріобрѣтенія среди нихъ сторонниковъ. . . Этой фракціи пока нѣтъ, хотя она, вѣроятно, не замедлитъ возникнуть при естественномъ ростѣ движенія... Покамѣсть наше движеніе является исключительно городскимъ, опирающимся на городскіе элементы, частью на рабочихъ, но преимущественно на интеллигенцію, на учащуюся молодежь, на образованный классъ вообще». Но рабочіе въ настоящее время по своей малочисленности «могутъ быть только подспорьемъ революціи», «главной же ея поддержкой несомнѣнно является образованный классъ, интеллигенція. Этого взгляда придерживается большинство русскихъ революціонеровъ, если не на словахъ, то на практикѣ, начиная со старой Народной Воли и кончая ея позднѣйшими продолжателями, и въ этомъ мы вполнѣ съ ними согласны. Послѣ крестьянства интеллигентный классъ несомнѣнно сильнѣшій въ государствѣ. Интеллигенція командуетъ царской арміей и флотомъ... Интеллигенція дала Желябовыхъ... и будетъ всегда давать имъ наслѣдниковъ и продолжателей, потому что она — сердце націи... Наконецъ, эта же интеллигенція занимаетъ всѣ видныя мѣста и исправляетъ важнѣйшія общественныя функціи. Она владѣетъ прессой, сидитъ въ земствѣ и думѣ, занимаетъ университетскія кафедры. Интеллигенція—громадная сила въ странѣ. Движеніе далеко не распространилось на всѣ тѣ общественные слои, на поддержку которыхъ оно имѣетъ основаніе расчитывать».

И выводъ отсюда—сближеніе революціонеровъ со всѣми этими общественными элементами для достиженія политической свободы, которая въ Россіи, конечно, осуществится лишь въ формѣ конституціонной монархіи.

Менѣе отчетливо, но та же мысль проводится и въ «Насущномъ вопросѣ» народоправцевъ.

«Только при ясномъ пониманіи ближайшихъ задачъ—говорится здѣсь—стоя на почвѣ реальныхъ интересовъ жизни, можно перенести центръ политической работы изъ замкнутаго круга учащейся молодежи... въ его естественное мѣсто, въ болѣе широкіе круги общества и народа». Народъ необходимъ для достиженія цѣли—говорится въ «Насущномъ вопросѣ». И, однако, тутъ же заявляется, что «не роковая ошибка революціонеровъ (т. е. народовольцевъ), какъ думаютъ благодушные либералы, и *не косность народной массы, какъ утверждаютъ иные народники,* — превратили выигранную битву въ сугубое пораженіе, а *холопство, отсутствіе гражданскаго мужества... и политическая незрѣлость тогдашняго русскаго общества*».

Резюме — надо воздѣйствовать на это незрѣлое общество, пропагандируя среди него свою исключительно политическую платформу.

Трудно, разумѣется, учесть въ настоящее время степень вліянія этой политической платформы на умы демократической интеллигенціи начала 90-хъ

годовъ, но можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что къ ней пришла, продолжая субъективно оставаться соціалистически-народнической, видная часть бывшихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, къ ней примкнуло все лѣвое крыло тогдашней журналистики, съ сотрудниками «Русскаго Богатства» во главѣ, и отъ нея же ведутъ свое политическое развитіе и многіе дѣятели послѣдующаго десятилѣтія, размѣстившіеся позже по различнымъ партійнымъ организаціямъ. Стоитъ также отмѣтить, что написанное покойнымъ Богдановичемъ народоправческое credo («Насущный вопросъ»)—по свидѣтельству Аптекмана [1])—было просмотрѣно Михайловскимъ и получило его санкцію. Какъ бы то ни было,—но если оставить въ сторонѣ немногіе пережитки стараго народовольчества и начальные побѣги марксизма въ Россіи, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, то не подлежитъ сомнѣнію, что первый періодъ предреволюціонной эпохи нашелъ свое крайнее и въ то же время типическое выраженіе именно въ данной идеологіи.

Это былъ тотъ идейный максимумъ, который могло дать политическое умонастроеніе демократической интеллигенціи—послѣ испытанныхъ ею пораженій и до выступленія на историческую арену массового народнаго движенія. И этотъ же максимумъ съ чрезвычайной силой отразилъ на себѣ характеристическую черту того времени—его безнародность, которая была обща не только либерализму просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, но и идеологіямъ демократической интеллигенціи всѣхъ видовъ—отъ аполитической ея части съ ея экономическимъ прожектерствомъ и вплоть до наиболѣе радикальной—съ ея народоправческой политикой.

Но при данныхъ историческихъ предпосылкахъ безнародность означала тупикъ фактическій и идейный, въ который уперлось движеніе. До извѣстнаго предѣла безъисходность положенія могла прикрываться надеждами на иниціативу ли, исходящую сверху, на историческую ли необходимость, которая заставитъ, на комбинированное давленіе всего общества въ цѣломъ на правительство, т. е. на силу того общества, которое въ сущности было незначительнымъ интеллигентскимъ меньшинствомъ различныхъ общественныхъ классовъ, продолжавшихъ оставаться въ состояніи политической аморфности. Но долженъ былъ—рано или поздно,—наконецъ, наступить тотъ критическій моментъ, когда скрѣпляющаго вліянія всѣхъ этихъ иллюзорныхъ представленій оказалось недостаточнымъ, чтобы поддерживать далѣе подгнившее зданіе обветшалаго міровоззрѣнія. Либерализмъ получилъ—свою знаменательную реплику о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», прожектерское народничество—свою систему Витте, народоправчество—свой разгромъ, доказавшій что у этого интеллигентскаго радикализма нѣтъ сколько нибудь жизненныхъ корней.

Становилось яснымъ, что этотъ тупикъ нельзя было изжить и его идейно преодолѣть, оставаясь въ рамкахъ старыхъ представленій. Старыя же представленія—это были представленія пріобрѣтающей все болѣе мелкобуржуазный характеръ крестьянско-помѣстной, аграрной Россіи, отстаивающей себя въ борьбѣ съ надвинувшимся капитализмомъ. И либерализмъ, и народничество, и конституціонный радикализмъ народоправцевъ одинаково оперировали съ тѣмъ соотношеніемъ силъ и съ тѣми возможностями, которыя могла дать имъ *эта* Россія.

---

[1]) См. Аптекманъ. Ст. „Партія Народнаго Права“, „Былое“, іюль 1907 г.

Чтобы выйти изъ тупика на просторъ накоплявшейся энергіи демократическихъ общественныхъ круговъ, надо было во что бы то ни стало прорвать порочный кругъ традиціонныхъ категорій прежней концепціи, а для этой—своего рода—идейной революціи нужна была *точка опоры*, которая, эмансипируя отъ прошлаго, въ то же время раскрывала бы горизонты и для ближайшаго будущаго. Эта точка опоры была найдена въ томъ процессѣ капиталистическаго преобразованія Россіи, который именно въ тѣ годы справлялъ свои оргіи, и въ непосредственномъ продуктѣ этого процесса, промышленномъ пролетаріатѣ, который какъ разъ начиналъ свое движеніе. Перемѣщеніе вниманія къ новому идеологическому центру знаменовало собою начало новой эры въ предреволюціонной эпохѣ.

II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма.

Идеологическій центръ періода, къ разсмотрѣнію котораго мы переходимъ, не былъ уже центромъ, общимъ для всего оппозиціонно-революціоннаго цѣлаго. Напротивъ того, поскольку онъ врывался въ это цѣлое, онъ его расщеплялъ, заставляя изъ него выдѣляться большинство дѣеспособныхъ элементовъ интеллигентской демократіи. Дружелюбно-сосѣдскія отношенія направленій предъидущаго періода растаяли, какъ дымъ. Ихъ смѣнила ожесточенная борьба двухъ укладовъ, двухъ сферъ притяженія: съ одной стороны,—циклъ идей, вращавшихся вокругъ кустарно-земледѣльческаго строя деревни, какъ центральной оси, и съ другой—идеологія города по преимуществу,—или точнѣе, идеологія тѣхъ изъ его элементовъ, которые, въ той или иной формѣ, ощутили свою связь съ идущимъ впередъ промышленнымъ развитіемъ Россіи. Это были элементы двоякаго рода: тѣ буржуазно-демократическіе элементы, во-первыхъ, въ представленіи которыхъ капиталистическое развитіе Россіи довлѣло себѣ, какъ нѣчто самоцѣнное, являясь въ то же время эмблемой ея политическаго освобожденія, и во-вторыхъ, тѣ соціалистическіе элементы революціонно-настроенной интеллигенціи, которые сплетали судьбу свою съ судьбой пролетаріата.

Но и тѣ, и другіе вступали въ этотъ новый періодъ предреволюціонной эпохи подъ однимъ общимъ антинароднические знаменемъ, воспринимая или лишь слегка видоизмѣняя аргументацію, взятую цѣликомъ изъ арсенала революціоннаго русскаго марксизма, сложившагося еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, какъ результатъ взаимодѣйствія умственной жизни соціалистической Европы и разочарованія извѣстной части революціонныхъ народниковъ въ своихъ собственныхъ народническихъ взглядахъ.

Опредѣляя, такимъ образомъ, моментъ, мы сказали бы: борьба по всей линіи противъ изжитой идеологіи предъидущаго періода и недифференцированность, часто слитность теченій, по существу разнородныхъ, но объединенныхъ сознаніемъ, что изъ политическаго тупика, въ которомъ находилась Россія, выходъ—лишь на пути, который проложитъ массовое движеніе ея рабочаго класса. Это сознаніе создавало гегемонію марксизму, которая до поры до времени поглощала или, по крайней мѣрѣ, затѣняла всѣ наличные и потенціально-возможные конфликты между данными теченіями. Но если въ этой борьбѣ съ

народничествомъ и въ этомъ расцвѣтѣ марксизма съ его буржуазно-демократическими спутниками и буржуазнымъ резонансомъ характеристическая особенность разсматриваемаго нами періода, то естественно, что мы концентрируемъ на этихъ явленіяхъ наше вниманіе, минуя тѣ варіаціи старыхъ мотивовъ, которыя представляла собою за тотъ же періодъ литература либеральнаго народничества и народничествующаго либерализма.

Но эта борьба марксизма съ народничествомъ въ 90-хъ годахъ, какъ мы уже отмѣтили, воспроизводила въ существенныхъ чертахъ лишь тотъ споръ, который былъ поднятъ въ 83 году, заграницей, литературнымъ выступленіемъ соціалдемократической «Группы Освобожденія Труда», и то оружіе, которымъ поражали марксисты теперь—въ легальной литературѣ—эпигоновъ народничества, вродѣ В. В. и писателей изъ «Русскаго Богатства», было выковано еще тогда, когда Плехановъ въ изданіяхъ русскихъ соціалдемократовъ подводилъ идейный итогъ революціонному движенію 70-хъ годовъ въ приснопамятной полемикѣ съ Тихомировымъ.

Вотъ почему, соблюдая перспективу, намъ приходится сдѣлать предварительно отступленіе въ прошлое—къ первоисточникамъ многихъ изъ тѣхъ тезисовъ, которые обращались давно въ революціонно-марксистскихъ кружкахъ, но всплыли на поверхность общественно-политической жизни только къ срединѣ 90-хъ годовъ, уже послѣ того какъ развернувшееся стачечное движеніе рабочаго класса приковало къ марксизму вниманіе широкихъ слоевъ демократической интеллигенціи, переживавшей какъ разъ въ то время критическій моментъ перелома въ своихъ общественныхъ взглядахъ.

Можно сказать: если марксизмъ 90-хъ годовъ представлялъ собою сложную реакцію *различныхъ группъ демократіи* противъ тѣхъ идеологическихъ чертъ предъидущаго періода, съ которыми ассоціировалось представленіе о политическомъ безсиліи этого періода, непосредственно примыкавшаго къ эпохѣ полнѣйшей общественной депрессіи, то марксизмъ Группы Освобожденія Труда явился отвѣтомъ на тотъ проклятый вопросъ—что дѣлать?—который былъ поставленъ передъ *революціонно-соціалистической интеллигенціей* крушеніемъ героическаго движенія народниковъ и народовольцевъ. Но это былъ отвѣтъ, для своего времени завѣдомо обреченный на изолированность, ибо отвѣтъ, дававшійся тогда быстро падавшимъ политическимъ настроеніемъ эпохи, не только не шелъ на встрѣчу задачамъ, выдвигавшимся идеологіей русской соціалдемократіи, а, наоборотъ, ликвидировалъ революціонное прошлое отказомъ и отъ соціализма, и отъ революціонной борьбы, постепенно пропитывая рѣдѣвшіе ряды революціонно-соціалистической интеллигенціи идейными мотивами упадка.

Нужны были исключительныя условія, нужна была, быть можетъ, вся экзотичность эмиграціи, нужны были «годы пребыванія заграницей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса», о которыхъ говоритъ Плехановъ въ предисловіи къ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», чтобы, исходя изъ *практическихъ потребностей* революціонно-соціалистическаго *движенія*, произвести тотъ анализъ общественнаго развитія и наличныхъ общественныхъ

силъ и сдѣлать ту постановку политической задачи, которые выполнилъ русскій марксизмъ въ своихъ первыхъ же работахъ.

А практическія потребности этого движенія говорили о томъ, что политическая борьба есть неизбѣжный выводъ изъ революціоннаго опыта и что этотъ выводъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными предпосылками народничества.

Въ самомъ дѣлѣ: революціонное народничество, это значило—точка зрѣнія антигосударственности, вѣра въ самобытное развитіе Россіи, въ общинно-артельные устои ея крестьянскаго строя, прирожденную соціалистичность крестьянства—этой единственной гарантіи осуществимости соціалистическихъ идеаловъ народниковъ. Стоя на почвѣ этихъ взглядовъ, естественно было первымъ и послѣднимъ параграфомъ своей практической программы признать—помощь народу въ его антигосударственной борьбѣ, которая завершится непосредственно крушеніемъ государственной власти и наступленіемъ эры соціальной свободы и экономическаго равенства. Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія бланкистовъ и послѣдователей Лавровскаго «Впередъ», правовой строй, который могъ бы явиться въ результатѣ борьбы за политическую свободу, былъ столь же ненавистенъ въ своемъ качествѣ буржуазнаго грѣхопаденія, открывающаго двери капиталистическому развитію и тѣмъ самымъ отдаляющаго торжество соціалистическаго идеала, сколь ненавистенъ и всякій экономическій прогрессъ, разлагающій крестьянскіе устои.

Ясно, эта теорія стояла на пути тому насыщенію «политикой» революціонно-соціалистическаго движенія, которое шло, непрерывно усиливаясь и, наконецъ, въ народовольчествѣ вступило въ непосредственный конфликтъ съ исходными положеніями движенія. «Ходъ вещей» обогналъ «ходъ идей», но несоотвѣтствіе между ними приводило народовольчество не къ отказу отъ старой теоріи, а къ тому взаимоприспособленію теоріи и практики, которое нашло свой выходъ въ построеніи фикцій вродѣ теоріи захвата власти или извѣстнаго «пророчества о томъ, что въ будущемъ русскомъ учредительномъ собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціалистической революціи» [1]).

«Народная Воля», говорилъ Плехановъ, нанесла «своей практической дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества». Но только путемъ радикальнаго пересмотра своихъ теоретическихъ и въ своемъ существѣ—народническихъ взглядовъ она можетъ правильно поставить свою политическую цѣль и опредѣлить свою партійную задачу. А политическая—и «единственная, не фантастическая», цѣль, стоявшая, по мнѣнію Плеханова, передъ русскими соціалистами, заключалась въ «завоеваніи свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработкѣ элементовъ для образованія будущей рабочей соціалистической партіи Россіи—съ другой» [2]). Русскіе соціалисты «должны выставить, писалъ онъ, требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ «правами человѣка», обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность

[1]) Плехановъ, „Соціал. и Политич. борьба", стр. 22 и др.
[2]) Ibid., стр. 68.

активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызывала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. И между тѣмъ, какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи.... агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію» [1]).

И въ другомъ мѣстѣ: «связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*».

Такъ, въ первомъ же произведеніи русскаго марксизма, политическое преобразованіе Россіи отдѣлялось по времени отъ соціалистическаго переворота. Это была точка зрѣнія, чреватая большими практическими послѣдствіями; послѣдствіями, которыя должны были измѣнить политическую позицію соціалистовъ въ ряду другихъ направленій и группъ. Но эта точка зрѣнія уже предполагала доказаннымъ все рѣшающее значеніе политической борьбы для приближенія и осуществленія соціалистическаго строя и, стало быть, опровергнутымъ—аполитицизмъ народниковъ, стоявшій въ непосредственной связи съ «прудоновско-бакунистскимъ ученіемъ о государствѣ». Поэтому, русскій марксизмъ, опираясь на политическій примѣръ европейскаго пролетаріата, аргументируя исторіей всѣхъ классовъ, дѣлавшихъ политическую борьбу орудіемъ для достиженія своихъ соціально-экономическихъ цѣлей, какъ и въ соотвѣтствіи съ общими положеніями доктрины научнаго соціализма, началъ съ утвержденія тезиса, гласящаго, что политическая борьба есть необходимое средство соціальнаго переустройства и что эта борьба есть политическая борьба пролетаріата, слагающагося въ самостоятельную рабочую соціалистическую партію.

Этотъ тезисъ, въ свою очередь, однако, опирался въ ту общую концепцію современнаго общественнаго развитія, согласно которой возникновеніе, ростъ и побѣда пролетарскаго движенія, а, слѣдовательно—и соціализма, находятся въ непосредственной связи съ развитіемъ капитализма.

Передъ марксистскимъ анализомъ вставала, такимъ образомъ, и другая, подлежавшая рѣшенію, предпосылка политической проблемы—вопросъ о капиталистическомъ развитіи Россіи. Это былъ центральный вопросъ. Съ тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ держалась или падала, какъ основа народничества, такъ и его производная—народовольческая концепція предстоящей революціи.

Рѣшеніе его намѣчалось уже въ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба». Обстоятельный отвѣтъ былъ данъ въ «Нашихъ разногласіяхъ» Плеханова.

Развивается ли капитализмъ и существуютъ ли въ Россіи вообще предпо-

[1]) Тамъ же, стр. 69.

сылки для его развитія? Тихоміровъ вслѣдъ за В. В. утверждалъ, что таковыхъ не имѣется, что въ Россіи нѣтъ тѣхъ громадныхъ рынковъ, которые были у западно-европейскаго капитала, а есть, наоборотъ, непосильная для русской промышленности конкурренція европейскаго и американскаго производства.

Но и въ западной Европѣ въ свое время, говорилъ Плехановъ, «частный предприниматель вовсе не имѣлъ передъ собою громадныхъ рынковъ. Буржуазія создала рынки, а не застала ихъ готовыми». А затѣмъ: «когда развитіе промышленности доходило въ одной изъ этихъ (зап.-европ.) странъ до извѣстной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого вліянія, что могли дѣлать законодательство орудіемъ своихъ цѣлей», оказывалось, что «частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ «непосильную конкуренцію» со стороны сосѣднихъ странъ» [1]). И тогда начиналась эра усиленнаго покровительства промышленности, свидѣтельствующая о томъ, что дѣлались величайшія усилія не только для пріобрѣтенія внѣшнихъ, но и для отстаиванія внутренняго рынка. Но кромѣ того, вѣдь капиталистически-отсталыя страны могутъ, до извѣстнаго предѣла, развиваться, и опираясь и на одинъ лишь внутренній рынокъ и «переходъ всякой страны отъ натуральнаго хозяйства къ денежному необходимо сопровождается огромнымъ расширеніемъ ея внутренняго рынка» [2]).

Факты же русской дѣйствительности краснорѣчиво говорятъ о прогрессѣ фабрично-заводской промышленности, объ усиленіи денежнаго обращенія, о ростѣ кредитныхъ операцій, какъ и всего капиталистическаго накопленія вообще. Соотвѣтственно этому и вопреки мнѣнію народниковъ, число наемныхъ рабочихъ въ странѣ не представляетъ застывшей величины, а, наоборотъ, непрерывно увеличивается; и къ той же арміи капитала относится и значительная часть кустарей. Въ кустарной промышленности вообще наблюдаются различные процессы, содержаніе которыхъ все сводится къ подчиненію производителя торгово-промышленному капиталу. Да и самое распространеніе кустарничества, которымъ нерѣдко парадируютъ народники, имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, при современныхъ условіяхъ, упадокъ и разложеніе старыхъ «устоевъ». Община разлагается, передѣлы становятся рѣже, все сильнѣе дифференцируется среднее крестьянство на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. создаются двѣ противоположности, заинтересованныя обѣ въ замѣнѣ «мірскаго владѣнія» «подворно-наслѣдственнымъ», и все болѣе крупный процентъ крестьянъ переноситъ средоточіе своихъ интересовъ за предѣлы общины, продолжая ощущать свою связь съ землей лишь какъ налоговую тяготу [3]).

Неумѣстенъ, поэтому, вопросъ: пройдетъ ли черезъ школу капитализма Россія – ибо она въ этой школѣ уже находится. «За капитализмъ вся динамика нашей жизни»... «Противъ капитализма лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая, по вре-

---

[1]) „Наши разногласія“, стр. 153.
[2]) Тамъ же, стр. 154.
[3]) Ibid., стр. 161 и далѣе.

менамъ, такъ больно даетъ себя чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой земледѣльческой страны [1])»...

Вмѣстѣ же съ паденіемъ традиціоннаго представленія объ экономической самобытности Россіи падала, какъ мы уже замѣтили, и народовольческая концепція предстоящей Россіи революціи. Въ самомъ дѣлѣ, концепція самобытнаго экономическаго развитія, создавая идеализацію крестьянства, давала въ свое время опору для работы въ народѣ аполитическому народничеству. Но, отправляясь отъ той же концепціи, отказавшееся отъ дѣятельности въ народной средѣ народовольчество приходило къ обоснованію своей заговорщической дѣятельности: если русскій народъ уже готовъ для соціальной революціи, его нечего пропагандировать, надо только своей разрушительной дѣятельностью устранить ту правительственную власть, которая является единственной помѣхой революціи. А это тѣмъ болѣе возможно, что «между страдающимъ народомъ и угнетающимъ его государствомъ у насъ нѣтъ никакого средняго сословія», нѣтъ буржуазіи. [2])

Марксизмъ до основанія разрушалъ этотъ бланкизмъ на русской подкладкѣ, этотъ «помолодѣвшій ткачевизмъ», какъ называлъ его Плехановъ. Въ измѣнившейся концепціи экономическаго развитія Россіи не было уже болѣе мѣста для соотношенія силъ, ложившагося въ основаніе разсчетовъ народовольчества, но было мѣсто—и центральное мѣсто—для ростущаго пролетаріата и его классовой борьбы—съ коммунистической революціей въ качествѣ конечной цѣли—съ ролью освободителя par excellence въ ближайшей борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Съ точки зрѣнія марксизма, только рабочій классъ можетъ взять на себя «иниціативу коммунистическаго движенія, и только рабочій классъ можетъ выполнить въ Россіи ликвидацію существующаго стараго режима. Правда: «широкое рабочее движеніе предполагаетъ хоть временное торжество въ данной странѣ хоть отчасти только свободныхъ учрежденій. Но завоевать эти учрежденія, въ свою очередь, невозможно безъ политической поддержки наиболѣе передовыхъ слоевъ народа. Гдѣ же выходъ? Западно-европейская исторія разрывала этотъ заколдованный кругъ путемъ медленнаго политическаго воспитанія рабочаго класса». [3])

Ясно, что въ соотвѣтствіи съ этимъ, передъ русскими соціалистами вставала задача—не утопическая задача захвата власти революціоннымъ комитетомъ, ибо никакой исполнительный или другой комитетъ, говорилъ Плехановъ, не можетъ, точно адвокатъ кліента на судѣ, представлять рабочаго класса въ исторіи,—а задача содѣйствія образованію и созданію рабочей соціалистической партіи. И если рабочій классъ, что несомнѣнно, очень важенъ для революціи, то съ другой стороны, соціалистамъ необходимо подумать о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія страны. А въ этомъ отношеніи можно съ увѣренностью сказать: «рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ «западно-европейскихъ странахъ»

---

[1]) „Наши разногласія“, стр. 203.

[2]) Ibid., см. главу: „Характеръ предстоящей революціи“, стр. 215, 217 и др.

[3]) Ibid., стр. 294.

пролетаріатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. У насъ въ Россіи «общество» лишено такого вліянія на рабочій классъ, и благодаря этому обстоятельству тѣмъ легче задача соціалистовъ. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное «общество», а тайныя рабочія организаціи пріобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится образованіе и ростъ русской рабочей соціалистической партіи, которая сумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы» [1]). Русскимъ соціалистамъ «нужно только проникнуться принципами современной соціальной демократіи, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своимъ слушателямъ, что «экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство». Усвоивши эту мысль, нашъ рабочій классъ самъ уже сумѣетъ пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакціей государственнаго соціализма и экономическимъ шарлатанствомъ либеральной буржуазіи»... [2])

Такова была въ общемъ линія движенія мысли революціоннаго русскаго марксизма. Отъ политической проблемы, подлежавшей согласованію съ проблемой соціализма, черезъ критику «экономики» народничества и «политики» народовольчества къ комплексу идей, явившемуся базисомъ, на основѣ котораго возвигались затѣмъ всѣ дальнѣйшія построенія русскаго марксизма. Эти построенія въ своемъ существѣ уже только конкретизировали, развивали и примѣняли въ деталяхъ ту общую точку зрѣнія на соціально-экономическое развитіе Россіи и вытекавшія изъ него для соціалистовъ политическія задачи, которая сложилась въ этомъ первичномъ фазисѣ формированія революціоннаго марксизма.

Но эта послѣдующая работа революціоннаго марксизма происходила уже въ атмосферѣ, существенно отличной отъ той, которая окружала марксизмъ въ моментъ его зарожденія. Если въ своемъ первомъ фазисѣ марксизмъ развивался въ борьбѣ съ революціоннымъ утопизмомъ народовольчества, то въ позднѣйшемъ ему приходилось бороться въ первую голову съ конституціоннымъ утопизмомъ россійскаго либерализма, все болѣе и болѣе становившагося въ то время камертономъ и для народничества, потерявшаго вѣру въ народъ и пріобрѣтавшаго отчетливо выраженный мелкобуржуазный характеръ, и для народовольчества, въ своихъ литературныхъ заявленіяхъ того времени проявлявшаго неукоснительное движеніе вправо.

Это былъ знаменательный моментъ, когда ренегатство Тихомірова было такимъ же почти симптоматическимъ явленіемъ, какъ и проповѣдь забвенія соціалистами своихъ соціалистическихъ задачъ во имя интересовъ сближенія съ «обществомъ» со стороны органовъ типа женевской «Свободной Россіи». Тогда-то марксизмъ подошелъ вплотную къ такимъ характернымъ для русскихъ идеологій понятіямъ, какъ «общество», «интеллигенція».

---

[1]) „Наши разногласія“, стр. 297.
[2]) Ibid., стр. 298.

Уже полемика съ идеями Народной Воли представляла собою протестъ марксизма противъ попытки иниціативу народа замѣнить иниціативой революціонной интеллигенціи. Интеллигенція безсильна сама по себѣ совершить не только коммунистическую революцію, но и ближайшее освобожденіе Россіи отъ власти абсолютнаго режима. Русская интеллигенція, говорилъ Плехановъ, являясь плодомъ Петровскаго переворота, т. е. прививки европейскихъ понятій русскому обществу, была «умной ненужностью», по выраженію Герцена, или слоемъ «лишнихъ людей» до тѣхъ поръ, пока она существовала «на соціальной основѣ, восходящей чуть ли не къ одинадцатому столѣтію». Только «съ разрушеніемъ старой экономической основы русскихъ общественныхъ отношеній, съ появленіемъ у насъ рабочаго класса измѣняется положеніе интеллигенціи»... Только найдя въ рабочихъ «народъ» и неся къ нимъ знаніе, «наши революціонеры изъ «интеллигенціи» могутъ стать могучимъ факторомъ общественнаго развитія, они, которые нерѣдко въ полномъ отчаяніи опускали руки, напрасно мѣняя программу за программой»... [1]) И они тогда будутъ дѣлать то единственное историческое дѣло, которое они могутъ сдѣлать и сдѣлать должны и которое въ эпохи буржуазныхъ революцій всегда дѣлали революціонеры изъ буржуазной среды—добавляла съ своей стороны В. И. Засуличъ. «Въ этомъ посредничествѣ, писала она, между революціонной мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ». [2]) И наоборотъ: наши революціонеры изъ интеллигенціи сведутъ себя на нѣтъ и безрезультатно «изчезнутъ», «не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партіи мирныхъ конституціоналистовъ», если, согласно совѣтамъ публицистовъ «Свободной Россіи» (Драгоманова, Бурцева, Дебагорія-Мокріевича), обратятъ свои усилія на «общество», въ надеждѣ на его исправленіе [3]).

Да и велики ли «шансы побѣды общества надъ правительствомъ?»—спрашивалъ Плехановъ. «Что понимается обыкновенно подъ словомъ общество?.. Во-первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во-вторыхъ—люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство одними только своими силами. Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ іюлѣ 1830 г., общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи Филиппа, рабочій классъ или буржуазія?.. Изъ всѣхъ слоевъ, составляющихъ такъ называемое общество или находящихся въ близкой родственной связи съ ними, только студенчество, да такъ называемая богема (то же, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силой правительства»... «Всѣ революціонныя попытки нѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемаго общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество безсильно безъ поддержки

[1]) Плехановъ „Горе г. Тихомірова“, стр. 41.

[2]) В. И. Засуличъ. Ст. „Революціонеры изъ буржуазной среды“. Соціалъ-демократъ № 1. 1890 г. Перепеч. въ Сборникѣ статей. Т. I, стр. 51.

[3]) Ibidem, стр. 43.

народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа—т. е. рабочихъ»... Отсюда съ совершенной очевидностью явствуетъ, что «приглашая соціалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ или ея совсѣмъ не будетъ» [1]).

Когда то русскіе соціалисты-народники думали, что соціалистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь же конституціоналисты полагаютъ, что «Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добились ея западно-европейскія государства. Кажется, русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости»... Оно, конечно, уступило бы, но уступило бы только тогда, когда почувствовало бы за противниками абсолютизма идущую народную массу [2]).

На что разсчитываютъ конституціоналисты? В. И. Засуличъ иронизировала надъ тѣмъ, что положительная часть практической программы Драгоманова сводится «къ безконечной и безграничной подачѣ прошеній»... Они надѣются на такъ называемую «силу общественнаго мнѣнія» или же на международныя, финансовыя затрудненія. Вообще говоря—замѣчалъ Плехановъ—нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такія событія принесутъ Россіи конституцію. Но это будетъ конституція на манеръ турецкой. «Правительство дастъ Земскому Собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: «пожалуйте вонъ, господа депутаты»... Кто можетъ помѣшать такой расправѣ? Неправда ли, городскіе рабочіе и только рабочіе» [3])...

Возражая марксистамъ, указываютъ на крестьянскій, земледѣльческій характеръ Россіи, на «мужика», являющагося «несокрушимой плотиной», о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Но если бы правы были тѣ, кто дѣлаютъ эти возраженія, то въ такомъ случаѣ, правда, «наше дѣло» стало бы «безнадежнымъ», но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаружилась бы «безнадежность и вашего дѣла», говорилъ Плехановъ, обращаясь къ конституціоналистамъ. «Если русскій крестьянинъ неспособенъ увлечься соц.-демокр. программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаніемъ прелестей политической свободы»....

Только разложеніе патріархальнаго быта крестьянства и развитіе городского населенія даютъ «смыслъ и оправданіе... конституціонализму... и еще большій смыслъ соціалъ-демократическому движенію»... [4]).

Тѣ же, кто не видятъ этого процесса экономическаго перерожденія Россіи, должны бы «признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители,

---

[1]) Соціалъ-демократъ. Женева, 1888 г. Плехановъ (за подписью Симплициссимусъ) „Какъ добиваться конституціи“, стр. 7—9. Ср. также рѣчь Плеханова на международномъ соціалист. конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г.

[2]) Ibid., стр. 10.

[3]) Ibid., стр. 13.

[4]) Ibid., стр. 13—15 и пр.

которые на всѣ голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа». Онъ, дѣйствительно, противорѣчитъ тѣмъ исконнымъ, «устоямъ» народнаго быта, которые съ каждымъ днемъ разрушаются. Вотъ почему такъ часто возвращался Плехановъ—и во внутреннихъ обозрѣніяхъ Соціалъ-Демократа, и въ статьяхъ о Глѣбѣ Успенскомъ и Каронинѣ, и по другимъ разнымъ поводамъ—къ этой темѣ—объ европеизаціи Россіи, объ исчезновеніи того «сплошного» быта, той «власти земли», которыя въ соціально-политическомъ отношеніи органически сплетены съ нашимъ старымъ режимомъ.

Но если марксисты такъ рѣзко отрицательно относятся къ конституціоннымъ иллюзіямъ либерализма, то это не значитъ, однако, чтобы они считали «безполезной борьбу высшихъ и среднихъ классовъ противъ правительства». Наоборотъ, они первые «привѣтствовали бы начало такой борьбы», понимая «все ея возможное значеніе», но понимая въ то же время, что «это возможное значеніе не станетъ дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ движеніемъ въ обществѣ не начнется движеніе въ рабочей средѣ» [1]).

Поэтому, когда надвинулось вмѣстѣ съ голоднымъ 1891-мъ годомъ «всероссійское раззореніе», и, казалось, наступалъ моментъ политическаго кризиса, Плехановъ пишетъ статью, въ которой заявляетъ: «Всѣ тѣ честные русскіе люди, которые не принадлежатъ къ міру дѣльцевъ, кулаковъ и русскихъ чиновниковъ, не ищутъ своей личной пользы въ бѣдствіи народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить основы новаго общественнаго порядка въ Россіи»... Конечно, разногласія между партіями будутъ, но... «пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который, во всякомъ случаѣ, будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся партіи кнута и палки» [2]).

Въ отвѣтъ же на высказанныя по этому поводу обвиненія въ томъ, что такая постановка вопроса равносильна отказу отъ классовой борьбы, Плехановъ напоминалъ извѣстное положеніе Манифеста Коммунической партіи о томъ, что коммунисты «повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній», и что «въ Германіи коммунистическая партія (соціалъ-демократы того времени) идетъ рядомъ съ буржуазіей въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства. Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата», и, слѣдовательно, никогда—даже «на время»—не «отказывается отъ соціализма». Мы будемъ «желательными и сильными союзниками другихъ, болѣе или менѣе революціонныхъ, партій»—писалъ онъ—лишь въ той мѣрѣ, въ какой «сумѣемъ распространить среди русскаго пролетаріата наши соціалъ-демократическія идеи. Мы не только не хотимъ раствориться въ какой нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе соціалъ-демо-

[1]) „Соціалъ-демократъ“ 1888, ст. Плехан. „Какъ добывается конституція“ стр. 26—27.

[2]) Соціалъ-демократъ, кн. IV, 1892 г. ст. Плеханова „Всероссійское раззореніе“, стр. 101.

краты должны и очень легко могутъ собрать вокругъ своего знамени всѣ тѣ слои русскаго населенія, самое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ колебаться между буржуазіей и пролетаріатомъ. Такъ, напримѣръ, демократическіе элементы «общества», стремящіеся къ политической свободѣ, невольно пойдутъ за соціальной демократіей, если только она явится—а она обязана явиться—самой смѣлой, самой рѣшительной и самой требовательной сторонницей политической свободы» [1]).

Точно также и крестьянство, въ лицѣ своего большинства, т. е. бѣднаго крестьянства—не говоря уже про сельскій пролетаріатъ—пойдетъ за соціалъ-демократами, если только соціалъ-демократы сумѣютъ по отношенію къ крестьянству занять правильную позицію.

Въ крестьянскомъ вопросѣ ближайшія экономическія требованія соціалъ-демократовъ въ одно и то же время «и опредѣленны, и неопредѣленны». Въ нихъ нѣтъ опредѣленности—«мелкобуржуазныхъ панацей». Соціалъ-демократы «говорятъ народной массѣ»: «бери все, что сможешь взять въ каждое данное время». «Это, конечно, неопредѣленно, потому что нельзя сказать напередъ, что же именно можетъ взять народъ въ такое-то именно время. Но съ другой стороны это вполнѣ опредѣленно: не довольствоваться никакими уступками со стороны высшихъ классовъ; всегда ставить передъ народомъ максимумъ тѣхъ революціонныхъ требованій,—до которыхъ онъ дорось въ настоящее время» [2]). «Мы не будемъ съ увѣренностью предсказывать—говоритъ далѣе Плехановъ—на какихъ началахъ состоится это «возстановленіе крестьянскаго хозяйства», которое осуществлено будетъ Земскимъ Соборомъ, «хотя вѣрнѣе всего, что правъ Энгельсъ, думающій, что крестьянскія земли перейдутъ въ руки новой буржуазіи, но не менѣе вѣрно и то, что въ разгаръ революціоннаго движенія у крестьянъ можетъ явиться желаніе придать дѣлу другой оборотъ: обезпечить себѣ настоящую, а не на бумагѣ только фигурирующую поземельную собственность. И мы непремѣнно будемъ поддерживать крестьянъ въ такомъ ихъ намѣреніи. Мы постараемся повести ихъ дальше, вплоть до экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. А что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ могучее революціонное движеніе, отстраниться отъ котораго значило бы измѣнить принципамъ соціализма» [3]).

Мы видимъ, такимъ образомъ,—и эту точку зрѣнія марксизмъ занимаетъ съ перваго же момента своего появленія въ русской общественной жизни—что соціалъ-демократія въ представленіи марксизма отнюдь не является изолированно-стоящей въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи; нѣтъ, одни элементы непосредственно слѣдуютъ за ней, къ другимъ же—идущимъ за либерализмомъ—она находится въ отношеніи союзника. Либерализмъ и соціалъ-демократія—единственныя два «направленія», которыя, по мнѣнію Плеханова, могутъ разсчитывать въ Россіи на будущее. Каковы же общественные элементы либерализма? Извѣстная часть буржуазіи и ея идеологъ—либеральная интеллигенція—отвѣчаетъ Плехановъ на страницахъ журнала «Соціалъ-демократъ», выключая изъ своихъ разсчетовъ элементы дворянства, отъ котораго—говоритъ онъ—

---

[1]) Плехановъ „О задачахъ рус. соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ", рус. изд. 1906 г., стр. 71.

[2]) Тамъ же, стр. 73—74.

[3]) Тамъ-же, стр. 82.

«можно ожидать теперь главнымъ образомъ лишь выпрашиванія денежныхъ подачекъ у правительства» [1]).

Но идеологъ буржуазіи, либеральная интеллигенція, окрашена въ народническій цвѣтъ и «предпочитаетъ процвѣтаніе знаменитыхъ «крестьянскихъ устоевъ» торжеству буржуазной экономической свободы». Получается своеобразное положеніе: «буржуазная интеллигенція поноситъ ту самую буржуазію, господство которой она подготовляетъ всѣми своими дѣйствіями» [2]).

Это, однако, то же самое явленіе переживанія буржуазной интеллигенціей, «еще не успѣвшей познать самое себя», «романтическаго періода своего развитія», который проходила буржуазная интеллигенція всѣхъ странъ,—конфликтъ между «буржуа-дѣльцомъ» и «буржуа-идеологомъ».

Что же касается буржуазіи «дѣловой», то ея либерализмъ—пока что—есть дѣло того будущаго, которое наступитъ или—должно наступить. «Нѣжность всероссійскаго купечества» къ старому режиму «безъ слѣда исчезнетъ въ тотъ день, когда оно увидитъ, что существующій теперь политическій порядокъ, когда-то очень полезный и даже прямо необходимый для него, сдѣлался источникомъ его раззоренія. Этотъ день уже недалекъ отъ насъ» [3]). И тогда «несомнѣнно, что ей придется заговорить о реформахъ, а разъ заговоривъ о нихъ, она по необходимости станетъ въ оппозиціонное отношеніе къ существующему теперь политическому порядку» [4]).

Уже позже, во второй половинѣ 90-хъ годовъ П. Б. Аксельроду, въ его извѣстной работѣ «Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи» [5]), пришлось учесть характерные для историческаго момента 90-хъ годовъ процессы, съ одной стороны — процессъ сближенія извѣстныхъ круговъ промышленной буржуазіи съ правительствомъ, и съ другой—процессъ медленнаго наростанія оппозиціоннаго настроенія вокругъ органовъ земства.

«Въ то время, какъ за нашей крупной промышленностью—писалъ Аксельродъ—обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкурренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ»... Русскимъ землевладѣльцамъ «приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи—результатами капиталистическаго развитія—и ея отсталой культурой и устарѣвшими правовыми отношеніями. Крупное землевладѣніе заинтересовано въ болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи. Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соотвѣтствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгоралась на почвѣ

---

[1]) „Соціалъ-демокр. Женева 1890 г.

[2]) Ibidem, стр. 69.

[3]) Ibidem, стр. 31.

[4]) Ibidem, стр. 33.

[5]) Первоначально она появилась статьями въ Neue Zeit, отдѣльной же брошюрой вышла въ Женевѣ въ 98 г.

общаго антагонизма народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается сталкиваніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельнаго дворянства, интеллигенціи и пролетаризирующихся народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ». И хотя, конечно, «сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и «часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ» правительства, но—заключаетъ Аксельродъ—«руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу» [1]).

Мы опять, такимъ образомъ, подошли къ этой эпохѣ, отъ исторіи которой на время уклонились для характеристики идейнаго наслѣдства, полученнаго марксизмомъ того времени отъ предшествовавшей ему десятилѣтней работы Группы Освобожденія труда.

Резюмируя, мы скажемъ: марксизмъ 90-хъ годовъ принялъ въ наслѣдство разработанную въ своихъ основаніяхъ проблему экономическаго развитія Россіи и въ соотвѣтствіи съ нимъ поставленную проблему ея политическаго освобожденія. Соціализмъ и политическая борьба, пролетаріатъ, какъ движущая сила революціи, и соціалистическая интеллигенція, пріобрѣтающая значеніе лишь постольку, поскольку она связываетъ себя съ движеніемъ пролетаріата; взаимоотношеніе классовъ (взаимоотношеніе либерализма и соціалъ-демократіи) въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи и, наконецъ,—крестьянскій вопросъ. Вотъ бѣгло намѣченный кругъ идей, въ которомъ работала мысль революціоннаго марксизма за время, когда русскій марксизмъ не имѣлъ за собой еще почвы ни въ растущемъ движеніи рабочаго класса, ни даже въ замѣтномъ теченіи среди интеллигенціи, а былъ своего рода лабораторнымъ продуктомъ группы мыслящихъ русскихъ людей.

---

[1]) Въ заключеніе отмѣтимъ еще только изъ той же работы замѣчанія Аксельрода по вопросу о политическомъ взаимоотношеніи классовъ въ Европѣ и у насъ. Въ Европѣ—говоритъ Аксельродъ—самая свободомыслящая или радикальная буржуазія антиреволюціонна во всѣхъ отношеніяхъ. „Въ Россіи, гдѣ всякій шагъ впередъ въ сферѣ общественной самодѣятельности стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ государственнымъ порядкомъ, имѣетъ мѣсто обратное явленіе: даже самые умѣренные и осторожные изъ представителей нашего либерализма не свободны отъ „превратныхъ тенденцій". А р. пролетаріатъ, съ своей стороны, не можетъ на настоящей ступени развитія Россіи идти въ своихъ непосредственныхъ практическихъ стремленіяхъ дальше радикально-демократич. либерализма. О завоеваніи политической власти пролетаріатомъ для себя или о реформѣ буржуазнаго общества подъ знаменемъ соціализма, у насъ пока не можетъ быть и рѣчи" ... „Итакъ, для принципіальнаго политическаго антагонизма между нашимъ пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей историческая почва еще не подготовлена, напротивъ, ихъ обоюдное историческое положеніе навязываетъ имъ общую цѣль и принуждаетъ ихъ къ энергичной постоянной взаимопомощи" (стр. 13).

Правда, уже съ конца 80-хъ и еще болѣе—съ начала 90-хъ годовъ устанавливается извѣстная связь между идеями марксизма и той пропагандистской работой, которую ведетъ незначительная числомъ революціонно-настроенная часть демократической интеллигенціи въ средѣ рабочаго класса. Въ 90-хъ годахъ эта связь уже настолько упрочивается, такъ сильно вліяніе на пропагандистовъ самаго факта практической дѣятельности въ средѣ пролетаріата, что идеологія всей той интеллигенціи, которая имѣетъ дѣло съ кружками рабочихъ, окрашивается что дальше, то больше, въ цвѣтъ марксистской теоріи. Какъ на характерную иллюстрацію къ данному положенію, мы можемъ указать на постепенное пропитываніе марксизмомъ—въ теченіе первой половины 90-хъ годовъ—тѣхъ народовольческихъ группъ, которымъ приходилось заниматься этой единственной въ то время въ Россіи реальной практикой революціи [1]).

Но это распространеніе марксизма настолько еще слабо, такъ немногочисленны кружки революціонной интеллигенціи, послѣ народовольческаго краха представляющей изъ себя вообще величину едва замѣтную, съ величайшими усиліями и въ минимальныхъ размѣрахъ вербующую себѣ новыхъ сторонниковъ, что марксизмъ продолжаетъ еще сохранять свой лабораторный характеръ, сильный своей теоретической мыслью и слабый практическимъ воздѣйствіемъ на умы.

Положеніе сразу, однако, мѣняется, какъ только начавшееся рабочее движеніе и переломъ въ умонастроеніи демократической интеллигенціи выводятъ марксизмъ изъ отъединенности лабораторіи въ средоточіе политическихъ интересовъ широкихъ круговъ какъ революціонной, такъ и оппозиціонно-настроенной демократической интеллигенціи.

Оказавшись же въ этомъ средоточіи, ставъ выраженіемъ, лозунгомъ протеста противъ идеологіи предыдущаго періода, марксизмъ, въ свою очередь, вбираетъ въ себя основныя черты этого протеста. Конечно, революціонный марксизмъ Плеханова остается революціоннымъ марксизмомъ и превратившись въ Бельтова, Волгина, Каменскаго, и ставъ временно гостемъ русской подцензурной журналистики. Но марксизмъ, какъ недифференцированное цѣлое, какимъ онъ является въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ второй половины 90-хъ годовъ, марксизмъ, какъ символъ протеста и, слѣдовательно, какъ результатъ сложной комбинаціи революціонно-соціалистическихъ мотивовъ съ буржуазно-демократическими, представляетъ изъ себя уже самъ комбинацію идейнаго запаса предшествующей ему десятилѣтней работы революціоннаго марксизма, съ идеями буржуазныхъ экономистовъ школы Брентано.

Зомбартъ, Шульце-Гевернитцъ, Геркнеръ, всѣ тѣ изъ молодого поколѣнія германскихъ ученыхъ того времени, которые восприняли и въ своихъ цѣляхъ использовали нѣкоторыя положенія марксизма, всѣ они являлись не только подспорьемъ въ борьбѣ марксизма съ народничествомъ, но и серьезнымъ источникомъ при формированіи извѣстнаго оттѣнка въ русскомъ марксизмѣ.

И въ этомъ смыслѣ знаменателенъ уже самый дебютъ такъ называемаго

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду издателей такъ называемаго „Летучаго Листка" народовольцевъ, которые четвертымъ номеромъ своего непериодическаго органа, выходившаго въ Россіи, вызвали такую ожесточенную реплику и открытый разрывъ со стороны „Группы старыхъ народовольцевъ".

легальнаго марксизма—его двойственный характеръ и двойственный характеръ его успѣха: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Плеханова-Бельтова [1]) и «Критическія замѣтки» Струве. Если Бельтовъ продолжилъ практическую задачу, поставленную въ «Соціализмѣ и Политич. борьбѣ» и въ «Нашихъ Разногласіяхъ» Плеханова, если конечный публицистическій выводъ его книги заключался въ призывѣ, обращенномъ къ рев. интеллигенціи — не «оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи», а идти въ ту массу «толпу», которая сама «станетъ героемъ историческаго дѣйствія», когда «въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соотвѣтствующее этому самосознаніе», то книга Струве дала себѣ самоопредѣленіе въ своемъ столь же извѣстномъ, сколь и двусмысленномъ заключительномъ аккордѣ—«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму».

Конечно, и Бельтовъ—по условіямъ своего появленія въ свѣтъ — какъ и вся революціонная разновидность марксизма въ легальной литературѣ, не могъ во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ конкретности охватить тѣхъ вопросовъ, которые составляли идейно-политическое содержаніе марксизма Группы Освобожденія Труда. Цѣлый рядъ вопросовъ былъ съ очереди снятъ, самый предметъ разногласія передвинутъ изъ сферы непосредственно примыкавшей къ политикѣ въ область теоретическихъ тезисовъ, находящихся лишь въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ практически-политическимъ выводамъ. Діалектическій матеріализмъ и его историческое происхожденіе, свобода и необходимость, взаимоотношеніе бытія и сознанія, экономическій «базисъ» и идеологическая «надстройка», Михайловскій—въ роли критика матеріализма и Михайловскій, возводящій небылицы на русскихъ «учениковъ», и, наконецъ, параллель между «субъективизмомъ» Михайловскаго и нѣмецкимъ «истиннымъ соціализмомъ» сороковыхъ годовъ—вотъ темы, трактовавшіяся Бельтовымъ, изъ-за которыхъ, однако, обрисовывались контуры вопросовъ—о развитіи капитализма въ Россіи, о всемірной освободительной роли рабочаго движенія и о роли рабочаго движенія въ политическомъ освобожденіи Россіи.

Эти, казалось, абстрактныя темы были связаны одной объединяющей мыслью: онѣ теоретически обосновывали надежду, открывавшуюся передъ интеллигенціей съ момента начала въ Россіи движенія пролетаріата. И въ этомъ ихъ свойствѣ заключалась характерная черта всего русскаго марксизма того времени, его сила магнита. Именно поэтому къ марксизму тяготѣла вся та интеллигенція, которая была революціонно настроена, и не только она, а и вообще демократическая интеллигенція, ликвидировавшая свой періодъ безнародности и въ пролетаріатѣ нашедшая «народъ», т. е. ту внѣшнюю спасительную силу, которая, возмѣщая ея, интеллигенціи, собственное безсиліе и давно угасшіе разсчеты на крестьянство, могла бы взять на себя разрѣшеніе очередной задачи политическаго осво-

---

[1]) Изъ работъ Плеханова за этотъ періодъ „легальнаго марксизма“ отмѣтимъ: статьи въ марксистскомъ сборникѣ 95 г. о Чаадаевѣ и отвѣтъ Михайловскому, книгу А. Волгина: „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова“, письмо въ редакцію „Русской Мысли“ 1906 г., сент. (за подписью Ушакова) и статьи въ „Новомъ Словѣ“ (Каменскій, „Судьбы русской критики“, и о Лабріолѣ „О матеріалистическомъ пониманіи исторіи“).

божденія Россіи. Пролетаріатъ, оказавшійся въ центрѣ политическаго кругозора интеллигенціи, представлялъ уже самъ по себѣ, при данныхъ историческихъ условіяхъ, достаточную гарантію успѣха марксистскихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, если прежде демократическая интеллигенція, своимъ міросозерцаніемъ связанная съ крестьянскимъ укладомъ, отстаивала интересы и доказывала жизнеспособность такъ называемаго «народнаго производства», то теперь ей было существенно важно и даже прямо необходимо доказать обратное: не то, что традиціонные «устои»—въ видѣ общины, артели, кустарной промышленности,—сохраняются, не то, что Россія идетъ своимъ особымъ путемъ экономическаго развитія, а что, наоборотъ, крестьянство по всей линіи дифференцируется и что капитализмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Ибо ростъ капитализма означалъ ростъ арміи пролетаріата, означалъ ростъ той силы, съ которой были связаны общественно-политическія перспективы. И если въ предшествующій періодъ безнародности въ концепціяхъ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ направленій огромное мѣсто занимали «общество», «интеллигенція», а, слѣдовательно, и «личность», то теперь демократическая интеллигенція, нашедшая свой «народъ» въ пролетаріатѣ и, слѣдовательно, заручку въ исторіи, могла съ спокойнымъ сердцемъ «игнорировать» «личность» и «интеллигенцію», какъ «quantité négligeable» и объявлять «общество» — «системой реальныхъ и антагонистическихъ силъ», на которую «утопично» возлагать тѣ надежды, которыя такъ недавно еще на него возлагались, а ходъ исторіи вообще — стихійной благодѣтельной силой, въ которой находится единственный залогъ успѣшнаго осуществленія нашихъ стремленій [1]).

Но характеризуя этотъ процессъ перестройки понятій въ широкихъ кругахъ демократической интеллигенціи, мы тѣмъ самымъ подходимъ къ общественно-психологической основѣ значенія и успѣха другого изъ участниковъ дебюта легальнаго марксизма. Мы говоримъ о Струве и о его книгѣ «Критическія Замѣтки».

Какъ историческое значеніе книги Бельтова тѣсно связано съ идеей освободителя-пролетаріата и съ революціонной ролью интеллигенціи, идущей на встрѣчу пролетарскому движенію, такъ книга Струве отразила на себѣ моментъ—я бы сказалъ—признанія демократической интеллигенціей капитализма.

До тѣхъ поръ оппозиціонная, какъ и революціонная идеологіи одинаково носили въ Россіи печать ея деревенскаго по преимуществу, крестьянско-помѣстнаго и мелкобуржуазнаго уклада. Этотъ укладъ съ теченіемъ времени приходилъ все въ болѣе рѣзкое противорѣчіе съ процессомъ развитія капитализма и порождалъ идеологическихъ противниковъ этого развитія. Успѣхъ брентанизированнаго марксизма Струве впервые показалъ, что часть демократической интеллигенціи разрываетъ съ гегемоніей стараго уклада, что, наоборотъ, она является связанной тѣсною связью со слагающимся новымъ капиталистическимъ строемъ общественной жизни и что этотъ строй производитъ свое преобразующее дѣйствіе и на самое интеллигенцію, какъ и на ея соціальный составъ. Но, конечно, признаніе sans phrases капитализма интеллигенціей не могло совер-

[1]) Струве, „Критич. Замѣтки“ стр. 71 и статья „Наши утописты“, „Новое Слово“, 97 г., мартъ.

шиться въ исторической обстановкѣ того времени, которому еще предстояло разрѣшить великую проблему политическаго освобожденія Россіи, и тѣмъ менѣе могло совершиться въ моментъ идейной ликвидаціи, своимъ происхожденіемъ обязанной начавшемуся движенію рабочаго класса. Вотъ почему въ результатѣ получилось то единственное въ своемъ родѣ сочетаніе изъ революціонно-пролетарскихъ и буржуазно-демократическихъ вліяній, какимъ явилось литературное выступленіе Струве.

Съ одной стороны, популяризація идей «экономическаго матеріализма», «доктрины» Маркса и Энгельса, съ другой—«критицизмъ» въ философіи, мальтузіанство въ вопросѣ о народонаселеніи, торопливое заявленіе о томъ, что авторъ, «примыкая» къ «марксизму», «не зараженъ ортодоксіей».

Съ одной стороны, классовая борьба и обобществленіе производства, какъ и отмежевываніе себя отъ «оптимизма» школы Брентано, этого—по выраженію Струве—«отраженія Маркса въ буржуазной литературѣ», и съ другой—въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ вопросовъ и прежде всего въ вопросѣ капиталистическаго развитія Россіи—вмѣсто классового анализа аргументированіе при посредствѣ такихъ категорій, какъ культура, прогрессъ, и какъ слѣдствіе—двусмысленная позиція, которая могла производить и дѣйствительно производила впечатлѣніе апологетизма. Таковы, напр., разсужденія на тему о томъ, что «единственно разумной и прогрессивной политикой» въ крестьянскомъ вопросѣ для современнаго русскаго государства было бы идти «на встрѣчу исторически неизбѣжному капиталистическому развитію, смягчая въ то же время его крайности» [1]).

Соединеніе идей, казалось бы, несоединимыхъ. Но ему отвѣчало въ жизни еще болѣе противорѣчивое соединеніе элементовъ, которые въ первый и, конечно, въ послѣдній уже разъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія сошлись на этомъ тяготѣніи къ марксизму. Марксистскимъ становилось все революціонно-активное. Но къ марксизму тяготѣла и та интеллигенція, для которой главнымъ моментомъ въ ея обращеніи къ этому ученію являлось желаніе стать на почву идущаго впередъ процесса капиталистическаго развитія. И, наконецъ, вопросомъ о судьбахъ капитализма въ Россіи въ его постановкѣ марксистами пытались одно время воспользоваться даже и такіе защитники существующаго политическаго строя, какъ напр. реакціонный антиобщинникъ Головинъ или авторъ «всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ».

Но въ общемъ и цѣломъ это была мимолетная накипь, которая тѣмъ быстрѣе сходила, чѣмъ рельефнѣе начала выступать политическая роль того сложнаго разносоставнаго теченія, которое извѣстно подъ общимъ названіемъ легальнаго марксизма 90-хъ годовъ. Но исчезала не одна только накипь на марксизмѣ. Внутри самого легальнаго марксизма происходила эволюція, легко учитываемая хотя бы сравненіемъ «Критическихъ Замѣтокъ» Струве съ марксистскимъ сборникомъ 95 года или съ журналомъ «Новое Слово». Если въ «Критич. Замѣткахъ» по выраженію Тулина [2])—еще встрѣчается «профессорская» манера разсужденія сверху «о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ

[1]) П. Струве „Критическія Замѣтки“, стр. 281.

[2]) Матеріалы къ характер. нашего хоз. развитія. 1895 г., ст. Тулина „Экон. содерж. народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“, стр. 139.

такимъ-то и такимъ-то путемъ», если въ нихъ было брошено крылатое слово «пойдемъ на выучку къ капитализму», то на позднѣйшихъ этапахъ легально-марксистскаго движенія господствуетъ уже существенно иное и гораздо болѣе опредѣленное отношеніе къ капиталистическому строю, и гораздо отчетливѣе даетъ себя чувствовать классовый анализъ, примѣненный какъ къ оцѣнкѣ текущихъ явленій дѣйствительности, такъ и къ теоретической борьбѣ съ народничествомъ.

Брентанистская струйка сходила на нѣтъ, не имѣя, пока-что, той почвы, на которой она могла бы найти самостоятельную линію практической политики, и буржуазно-демократическая разновидность марксизма волей-неволей ассимилировалась съ революціоннымъ марксизмомъ въ той общей очередной задачѣ, которая вставала въ то время передъ ними. Волей-неволей потому, что на сознаніе буржуазной демократіи давила картина контраста между начинающимся движеніемъ пролетаріата и отсутствіемъ всякаго движенія въ другихъ общественныхъ классахъ.

Задача же эта заключалась въ разрывѣ съ идейно-политическими традиціями предыдущаго періода. Надо было закрѣпить происходившій поворотъ вниманія демократической интеллигенціи отъ «общества» къ «пролетаріату», т. е. другими словами, поддержать начавшуюся радикализацію демократическихъ слоевъ, которыя при помощи марксизма и культа рабочаго движенія освобождали себя отъ привычныхъ имъ надеждъ на возможность осуществленія какихъ бы то ни было перемѣнъ, какъ въ народохозяйственной, такъ и политическихъ сферахъ, соизволеніемъ сверху или мирнымъ сотрудничествомъ власти и общества.

Еще Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», подхватывая нить разсужденій Плеханова въ его борьбѣ съ народовольческими взглядами, заговорилъ объ игнорированіи «народнической литературой» «соціологической природы государства»: «отъ государства требуютъ чудесъ, которыхъ оно, конечно, не можетъ творить, забываютъ, что государство есть не только организація порядка, но и организація господства, и что до тѣхъ поръ, пока оно есть выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ, его экономической политикѣ поставлены извѣстныя границы, что нужно перераспредѣленіе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ» [1]).

И точно также Бельтовъ посвятилъ немало страницъ въ своей книгѣ иронизированію надъ «взглядами утопистовъ конца XIX вѣка, т. е. русскихъ народниковъ и субъективныхъ соціологовъ». Изъ нихъ «у каждаго»—говорилъ онъ—«есть готовый планъ спасенія общины, а съ нею и крестьянства вообще, у каждаго своя «формула прогресса». Слѣдуя рецепту «на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь», они «перепробовали уже великое множество палокъ», вродѣ, напр., крестьянскаго банка; подобно Михайловскому, ожидая особаго пути для разрѣшенія рабочаго вопроса въ Россіи отъ «широкаго государственнаго вмѣшательства», или, какъ Ник.—онъ, устрашая «общество» «примѣромъ Западн. Европы» и «рекомендуя» ему «поправить» сдѣланную «ошибку», «рѣшивъ крайне трудную, но не невоз-

[1]) „Критич. замѣтки", стр. 72.

можную задачу развитія производительныхъ силъ страны въ интересахъ всего населенія» [1]).

И въ томъ же направленіи работала мысль Тулина, когда онъ въ уже упоминавшейся нами статьѣ его — «Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве», резюмируя отношеніе марксизма къ народничеству, писалъ: «народникъ толкуетъ о выборѣ пути, ...о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже только указать «ближайшіе», «цѣлесообразные» и т. п. пріемы употребить эту силу... Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекраснодушной лжи—основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто хочетъ искать «путей къ человѣческому счастью»... «откровенно признать то, что есть»... Признать, что «мѣрой успѣха... стремленій» для идеологовъ трудящагося класса «является не разработка совѣтовъ «обществу» и «государству», а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества» [2]).

И въ эту же сторону направлена полемика П. Струве, въ его статьѣ «Моимъ критикамъ», гдѣ онъ говоритъ о «мелкобуржуазномъ» прожектерствѣ народниковъ и бюрократизмѣ Ник.—она, «мечтающаго объ организаціи производства безъ борьбы общественныхъ интересовъ и классовъ, путемъ распространенія «здоровыхъ идей» и торжества «правильной хозяйственной политики».

И, наконецъ, недаромъ той же темой—«Наши утописты» начинаетъ П. Струве свою серію статей въ «Новомъ Словѣ».

Этого рода утопизмъ въ «экономикѣ», въ вопросахъ «хозяйственной политики»—былъ непосредственно связанъ, какъ мы уже старались показать, со всей политической позиціей, занятой идеологіей предыдущаго періода. Беря точкой отправленія эту тему, легальный марксизмъ удобно и легко—варьируя ту аргументацію, которая была выработана Группою Освобожденія труда, въ борьбѣ какъ съ революціоннымъ утопизмомъ народовольцевъ, такъ и съ конституціоннымъ утопизмомъ либераловъ, могъ вести свою кампанію противъ этой идеологіи во имя не только интересовъ своего собственнаго развитія, т. е. интересовъ и задачъ рабочаго движенія, но и во имя запросовъ всѣхъ тѣхъ демократическихъ элементовъ вообще, которые стояли передъ ясно сознанной необходимостью борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Въ томъ и заключалось историческое значеніе выступленія марксистскаго «Новаго Слова» въ 1897 г. [3]), т. е. вскорѣ послѣ знаменательной стачки петер-

---

[1]) Бельтовъ. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ стр. 53—57.

[2]) См. Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія, СПБ. 1895 г., часть II, стр. 45—46.

[3]) Отмѣтимъ, что изъ революціонныхъ марксистовъ въ „Новомъ Словѣ“ участвовали Г. В. Плехановъ (Каменскій), В. И. Засуличъ (В. Ивановъ) статьями: „Крѣпостная подкладка прогрессивныхъ рѣчей“ и „Плохая выдумка“; Вл. Ильинъ, „Къ характеристикѣ экономич. романтизма“, Л. Мартовъ (дебютировалъ ст. „Народничество прежде и теперь“). Въ редактированіи журнала принимали участіе П. Струве (писалъ также внутрен. обозр. и ст. „На разныя темы“ за подписью Novus), Туганъ-Барановскій, А. М. Калмыкова и Поссе. Дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала былъ также С. Булгаковъ (Nemo).

бургскихъ ткачей, приковавшей вниманіе демократіи къ пролетаріату, что оно явилось моментомъ совпаденія этихъ двухъ категорій интересовъ. Мотивы марксизма въ томъ объемѣ, который былъ поставленъ марксизму неразвитостью общественнаго движенія, свободно и безъ треній кооперировали съ мотивами того демократизма, который въ первыхъ шагахъ пролетарскаго движенія черпалъ силу для своего политическаго радикализированія [1]).

«Пора признать всѣ споры о «просвѣщеніи» законченными и безъ разглагольствованій заняться исключительно дѣломъ *всесторонняго просвѣщенія*»— писалъ Струве [2]), въ эту эзоповскую форму облекая ту центральную тему, которая занимала безъ исключенія всѣхъ писателей «Новаго Слова» отъ революціонныхъ марксистовъ и кончая тѣми случайными демократическими сотрудниками, которые въ письмахъ изъ провинціи говорили о классовой подоплекѣ земствъ, о дифференціаціи крестьянства, о земледѣльческихъ артеляхъ Левицкаго и были объединены одной мыслью—о томъ, что тотъ процессъ жизни, который они воспроизводятъ, заключаетъ въ себѣ, при всѣхъ своихъ ужасахъ, элементъ своего внутренняго освобожденія, что у жизни есть своя «аннибаловская клятва», которую Струве призывалъ подслушать «сосредоточеннымъ отраженіемъ жизни».

Въ движеніи жизни, въ ея «усложненіи», какъ говорилось въ первомъ изъ внутреннихъ обозрѣній журнала, обоснованіе оптимизма: даже дворянскій консерватизмъ разлагается подъ вліяніемъ этого усложненія. Жизнь все больше мѣняетъ деревенскій укладъ на городской и все больше выдвигаетъ на авансцену центральное лицо этого уклада и освободителя общественной жизни Россіи—городской промышленный пролетаріатъ.

«Центръ тяжести въ разстояніи и различіи между двумя укладами жизни,— городскимъ и сельскимъ»—писалъ Струве [3]), полемизируя съ Михайловскимъ по поводу чеховскихъ «Мужиковъ».

Мы «чужды»—говорилъ онъ—«идеализаціи города и городскихъ отношеній. Мы смотримъ на нихъ весьма реалистически и очень далеки отъ прикрашивающаго оптимизма. Но мы охотно винимся въ другого рода идеализаціи, въ которой не можетъ не быть повинна никакая реалистическая общественная идеологія. «Такая» идеологія, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванныя осуществить ея общественные идеалы». Если объективныя тенденціи хозяйственнаго развитія оправдываютъ такую идеализацію, то, чѣмъ больше ея въ прогрессивной идеологіи, тѣмъ больше, значитъ, въ этой идеологіи связи съ реальными силами, творящими общественный прогрессъ. Итакъ, мы не только реалисты, мы также идеалисты и идеализаторы. Идеализаторы, но не романтики, потому что идеализируемъ не прошлое, а силу, растущую въ современной дѣйствительности» (Ibidem, стр.67).

А какъ велико было нерасположеніе къ этой силѣ, непосредственно связан-

[1]) Отмѣтимъ, впрочемъ, что и тогда уже нѣкоторыя статьи „Новаго Слова“ вызывали неудовольствіе марксистовъ. Мы имѣемъ ввиду ходившее тогда по рукамъ коллективное письмо-протестъ такъ называемымъ Самарцевъ. (П. П. Масловъ и др.).

[2]) Цитирую по книгѣ Струве „На разныя темы“, ст. „Мужики“ Чехова, стр. 131.

[3]) „Новое Слово“, октябрь, 97 г., ст. „На разныя темы“ за подписью Novus, стр. 62.

ное съ традиціонной крестьянофильской идеологіей революціонныхъ и оппозиціонныхъ круговъ, можно судить хотя бы по тому, что писалъ Михайловскій, этотъ признанный вождь интеллигентскаго радикализма, отвѣчая Струве на его первую статью о «Мужикахъ». Для Михайловскаго жизнь, какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ, была только—«одинаково темна и скудна», и «одинаково требовала» и «одинаково заслуживала участія» и, въ сущности, одинаково не заключала въ себѣ эмбріональныхъ элементовъ освободительнаго движенія Россіи. Даже болѣе того. Съ точки зрѣнія соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго, рабочій, по сравненію съ крестьяниномъ, представлялъ собою низшій «типъ развитія», а классовая борьба пролетаріата являлась лишь школой озвѣрѣнія, которая дастъ въ результатѣ «живые трупы» съ «остервенѣлыми лицами» [1]).

И еще рѣзче свое отношеніе къ рабочему, какъ соціологическому типу, формулировалъ В. В.: «Пролетарій не можетъ имѣть зиждительной силы—писалъ онъ въ «Нашихъ направленіяхъ», не можетъ на почвѣ существующаго строя выработать что-либо способное обновить міръ, дать новое направленіе соціальной жизни... Творцомъ новыхъ соціальныхъ формъ можетъ быть классъ общества, связанный съ существующимъ положительными, а не отрицательными нитями; классъ, играющій въ немъ извѣстную самостоятельную роль—классъ феодаловъ, буржуазіи, крестьянства, но не классъ наемниковъ, пролетаріевъ». «И, дѣйствительно, какія творческія силы и способности можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой $^3/_4$ своего бодрственнаго состоянія онъ служитъ придаткомъ мертваго механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица... не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, рабочій посвящаетъ отдыху, проводя его въ семьѣ, библіотекѣ, въ кабакѣ, на улицѣ.., но не имѣя возможности въ сколько-нибудь значительной степени развивать въ себѣ активныя соціально-психологическія свойства». И отсюда—заключеніе: «пролетаріатъ можетъ представлять интересъ, какъ сила разрушительная, но не какъ основа созидательной соціальной работы» [2]).

И о томъ же отношеніи интеллигенціи къ пролетаріату свидѣтельствуютъ и слова Плеханова, вырвавшіяся у него еще въ концѣ 80-годовъ. Онъ писалъ: «Они (интеллигенты) кричатъ теперь: не нужно намъ рабочихъ! Придетъ время, когда они запоютъ совсѣмъ другое и прикинутся лучшими друзьями рабочаго класса (именно, когда они увидятъ, что рабочіе могутъ быть полезны имъ въ борьбѣ...). Но пусть же русскіе рабочіе не забываютъ теперешняго отношенія къ нимъ подобныхъ господъ «интеллигентовъ». Пусть они отплатятъ имъ равнодушіемъ за равнодушіе, презрѣніемъ за презрѣніе»... [3]).

Неудивительно поэтому, что «Новому Слову» приходилось опять и опять—продолжая многолѣтнія усилія заграничныхъ русскихъ соціалъ-демократовъ—заботиться о томъ, чтобы «растущая сила современной дѣйствительности» пред-

---

[1]) См. о взглядахъ Михайловскаго болѣе подробно въ моей статьѣ „Современная Весталка"—„Этюды о русской интеллигенціи", 1906 г.

[2]) В. В., „Наши направленія", стр. 139—141.

[3]) См. предисловіе Плеханова къ брош. „Рѣчь" П. Алексѣева, Женева 1889 г.

ставилась сознанію демократической интеллигенціи не въ образѣ «пьяницы, развратника и совершеннаго нигилиста», о которомъ повѣствовала реакціонная печать, и не въ видѣ только «молодежи», «поблеклой, но съ ухарскими манерами, съ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ», о которой говорилось въ одномъ изъ очерковъ «Русскаго Богатства», а, наоборотъ, какъ та «человѣческая личность», которая, выростая на фонѣ «городского уклада», заключаетъ обѣтованіе грядущаго. Но, по условіямъ подцензурной печати того времени, журналъ не могъ оперировать для этого съ конкретными подробностями русскаго рабочаго движенія, ссылаться, напр., на ту большую петербургскую стачку ткачей, которая недавно передъ тѣмъ произвела такое огромное впечатлѣніе на самые различные слои демократической интеллигенціи. Потому то Струве, реплицируя Михайловскому, и принужденъ былъ осторожно исходить изъ фактовъ культурнаго движенія.

«Мы должны еще больше почтить, писалъ онъ, тотъ идеализмъ, энтузіазмъ и даже героизмъ, который проявлялъ и проявляетъ русскій рабочій, идущій на ученіе послѣ 12—13 часовъ работы, отдающій тому же ученію значительную часть своего воскресенья. Взоры «пьяницы», «развратника» и «совершеннаго нигилиста» не только «дерзки» и «вызывающи», часто они испытующе вперяются въ окружающую дѣйствительность, нерѣдко они уже сознательно стремятся охватить прошлое, настоящее и будущее человѣчества и добиваются рѣшенія «проклятыхъ вопросовъ» [1]).

Но если «героическій» «идеализмъ» пролетаріата не поддавался литературному учету въ своемъ наиболѣе выразительномъ проявленіи, въ видѣ перипетій начавшейся въ Россіи борьбы, то зато тѣмъ возможнѣе было—и это дѣлало «Новое Слово»—подходить къ той же темѣ съ другого конца: съ одной стороны, подробно останавливаясь на заграничномъ рабочемъ движеніи и его политическихъ формахъ, и съ другой—на общихъ условіяхъ измѣненія экономическаго уклада, приводящихъ къ тому, что «крестьянинъ добраго стараго времени», который «не долженъ былъ «вникаться» подъ страхомъ умопомѣшательства», оттѣсняется «трудящимся человѣкомъ нашихъ дней», который «обязанъ «вникаться» просто въ силу экономическаго своего положенія, хотя бы только для того, чтобы отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ неблагопріятными, но вѣчно подвижными, вѣчно измѣнчивыми экономическими условіями», которому, «какъ Фигаро, нужно больше ума, чѣмъ требовалось его «для управленія всѣми Испаніями». «Эта колоссальная разница—писалъ Н. К. (Г. В. Плехановъ)—существенно измѣняющая весь характеръ трудящейся массы, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ шансы нашего дальнѣйшаго историческаго развитія» [2]).

А изъ этой точки зрѣнія, проходящей лейтъ-мотивомъ черезъ всѣ 9 книжекъ журнала, непосредственный практическій выводъ, который дѣлался марксистами, былъ призывъ, обращенный къ демократической интеллигенціи, послужить историческому дѣлу пролетаріата. Но если прежде марксисты обращались къ интеллигенціи, въ своемъ огромномъ большинствѣ продолжавшей оставаться

[1]) См. вышецитированную статью П. Струве въ „Новомъ Словѣ“, „Мужики“ Чехова и г. Михайловскій“, стр. 64.

[2]) См. ст. Н. К. „Н. И. Наумовъ“, „Новое Слово“, май, 97 г., стр. 41.

равнодушно-скептической къ возможному движенію рабочаго класса въ Россіи, то теперь передъ ними была интеллигенція, уже начавшая свое новое «хожденіе въ народъ». И про эту интеллигенцію Плехановъ въ «Новомъ Словѣ» писалъ: «Призванная смѣнить народниковъ новая разновидность интеллигенціи неспособна относиться по-барски къ людямъ физическаго труда уже въ силу того убѣжденія, что историческое дѣло этихъ людей можетъ быть сдѣлано только ими самими. Она видитъ въ нихъ не дѣтей, которыхъ надо воспитать, не несчастненькихъ, которыхъ надо облагодѣтельствовать, а товарищей, съ которыми надо идти рядомъ, дѣля и радость, и горе, и пораженія, и побѣды, съ которыми предстоитъ проходить вмѣстѣ великую воспитательную школу историческаго движенія впередъ къ одной общей цѣли» [1]).

Спрашивается, какъ же представляла себѣ марксистская литература того времени ту очередную историческую задачу, во имя которой и совершался теперь процессъ радикализаціи демократической интеллигенціи подъ знаменемъ марксизма? Вѣдь, вопросъ о правильной постановкѣ этой задачи съ самаго начала стоялъ передъ русскими марксистами, онъ былъ въ числѣ главныхъ причинъ, побудившихъ Группу Освобожденія труда къ выдѣленію изъ стараго народничества и къ борьбѣ съ народовольчествомъ. Отъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба» и вплоть до работы Аксельрода «Историческое взаимоотношеніе» происходило, какъ мы видѣли, дебатированіе этого вопроса революціоннымъ марксизмомъ. Но «легальная» литература марксизма, по условіямъ своего существованія, не могла дать на него прямого и яснаго отвѣта. Чтобы найти этотъ отвѣтъ и отвѣтъ, характеризующій именно данную полосу въ развитіи русскаго марксизма, мы должны обратиться къ двумъ нелегальнымъ документамъ, тѣсно связаннымъ съ движеніемъ умовъ въ тогдашней марксистской интеллигенціи. Мы имѣемъ въ виду «Задачи русскихъ соціалдемократовъ» Вл. Ильина и статью Струве (Петербуржецъ) въ № 3—4 «Работника».

Вл. Ильинъ въ своей брошюрѣ не опредѣляетъ того соотношенія общественныхъ силъ, которое могло бы привести—и приведетъ—къ паденію абсолютизма. Нельзя, говоритъ онъ, заранѣе учесть ни «состоянія рабочаго движенія», ни «широты выработанныхъ пріемовъ борьбы», ни «свойства руководящей движеніемъ революціонной организаціи», ни «отношенія къ пролетаріату и абсолютизму другихъ общественныхъ элементовъ», ни, наконецъ, «условій внутренней и внѣшней политики», при которыхъ будетъ нанесенъ «рѣшительный ударъ абсолютизму». Но есть одно обстоятельство, которое имъ тѣмъ не менѣе предрѣшается, а именно, что этотъ ударъ будетъ нанесенъ «организаціей», руководящей классовой борьбой пролетаріата; Вл. Ильинъ только отказывается «разсуждать» «напередъ о томъ, къ какому средству въ этомъ случаѣ организація прибѣгнетъ», «предпочтетъ ли она, напр., возстаніе, или массовую политическую стачку, или другой пріемъ аттаки»...

Въ статьѣ же «По поводу петербургской стачки» въ «Работникѣ» за подписью «Петербуржецъ», Струве, съ своей стороны, отправляется отъ положенія, что самодержавный политическій строй Россіи «и существуетъ потому, что всѣ

[1]) Ibid., стр. 41.

другіе классы русскаго общества (кромѣ рабочаго. А. П.) оказывались до сихъ поръ,—по тѣмъ или инымъ причинамъ—противъ него безсильными. *Они*, т. е. эти имущіе классы, пользуются существующимъ политическимъ строемъ, *они* управляютъ Россіей..., какъ нѣкогда помѣщичьей вотчиной управляли хитрые бурмистры или всесильные дворецкіе, которымъ господа и ихъ первые слуги говорили «ты», хотя и плясали подъ ихъ дудку»... Одинъ только пролетаріатъ является въ Россіи «революціоннымъ классомъ»: «онъ не только страдаетъ отъ существующаго политическаго строя, какъ земледѣльцы-крестьяне, онъ всѣмъ своимъ положеніемъ вынужденъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ вынуждаться вести борьбу съ самодержавіемъ... Лишь въ немъ всегда возможны массовыя движенія, которымъ не могутъ положить предѣла никакія правительственныя мѣропріятія..., лишь рабочихъ, какъ цѣлый классъ, грамотность и образованіе будутъ толкать къ осуществленію задачъ, непримиримыхъ съ общественнымъ безправіемъ».

И отсюда—резюме: «русское рабочее движеніе, проникнутое соціалдемократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій политическій строй, основанный на полномъ безправіи народныхъ массъ и отдѣльныхъ личностей». Интеллигенція же «въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ и радикальныхъ представителей должна слиться съ рабочимъ движеніемъ и чѣмъ яснѣе выступаетъ политическая задача этого движенія, тѣмъ легче слиться съ нимъ наиболѣе сознательнымъ элементамъ интеллигенціи. Соприкосновеніе съ революціоннымъ общественнымъ классомъ, съ классомъ рабочихъ, превратитъ эту дремлющую духовную силу въ силу дѣйствующую и общественную»... «Русское рабочее дѣло—... вѣрное дѣло». Ибо «даже, если бы въ Россіи не существовало внутреннихъ революціонныхъ силъ, достаточныхъ для низверженія... строя, этотъ строй, рано или поздно, неминуемо столкнулся бы съ европейской соціалдемократіей и разбился бы о нее»... Русскій старый режимъ «во всякомъ случаѣ осужденъ исторіей на смерть въ очень недалекомъ будущемъ». Итакъ, «тѣмъ или другимъ способомъ помогая рабочему дѣлу, всякій русскій человѣкъ будетъ двигать впередъ великое общенародное дѣло: завоеваніе политической свободы».

Мы не случайно сопоставили заявленія этихъ двухъ столь различныхъ представителей тогдашняго марксистскаго движенія, изъ которыхъ одинъ былъ непосредственно связанъ съ подпольной работой соціалдемократическихъ кружковъ, а другой—являлся наиболѣе яркимъ выразителемъ тенденцій, приведшихъ къ марксизму буржуазно-демократическую интеллигенцію. Намъ было важно отмѣтить по существу одинъ и тотъ же прогнозъ, дѣлавшійся этими писателями, одно и то же представленіе ихъ о силахъ политическаго преобразованія Россіи: представленіе о гегемоніи въ освободительной борьбѣ пролетаріата и его соціалдемократическаго авангарда, о гегемоніи въ смыслѣ непосредственнаго руководительства дѣломъ освободительной борьбы всѣхъ общественныхъ элементовъ Россіи.

Прежній «желательный и сильный союзникъ другихъ болѣе или менѣе революціонныхъ партій» (см. стр. 565) въ построеніяхъ Плеханова (а также Аксельрода), незамѣтно утрированный, превратился въ универсальную силу, въ того всеобъемлющаго освободителя, для котораго всѣ прочіе общественные элементы въ

грядущемъ переворотѣ оказываются подсобными и подчиненными. И—насмѣшка исторіи—въ статьѣ «буржуазнаго» Струве, пожалуй, болѣе рѣшительно и громко, чѣмъ у соціалдемократа Ильина, звучитъ эта нота—предвѣстница той будущей концепціи, которая въ работахъ Ленина нашла свое специфическое развитіе. А получался этотъ результатъ потому, что Струве, съ одной стороны, подобно Плеханову, предполагалъ возможнымъ поглощеніе соціалъ-демократіей «демократическихъ элементовъ общества» [1]), а съ другой—оставлялъ внѣ учета либеральную буржуазію, съ которой считался Плехановъ. Такимъ образомъ и слагалась концепція, гласившая, что въ Россіи, внѣ пролетаріата, нѣтъ силы, которая могла бы серьезно противопоставить себя абсолютизму, но зато пролетаріатъ есть сила достаточная, чтобы рано или поздно, при содѣйствіи «помогающихъ рабочему дѣлу всякихъ русскихъ людей» справиться съ этимъ абсолютизмомъ. Это центральная мысль Струве, представляющая въ то же время не только основную предпосылку для взглядовъ опредѣленныхъ круговъ соціалдемократіи, но и выраженіе широко разлитаго по всей демократической интеллигенціи непосредственнаго ощущенія весьма реальнаго факта дѣйствительности [2]).

Фактъ же былъ тотъ, что имѣлось на лицо, какъ мы уже раньше говорили, начинавшееся движеніе рабочаго класса и не было вовсе движенія въ какомъ либо другомъ общественномъ классѣ или слоѣ. Такое положеніе вещей—пока оно длилось,—представляя собою препятствіе для самостоятельнаго пути буржуазно-демократическаго развитія, давало въ результатѣ одно изъ двухъ: или демократія оставалась внѣ сферы вліянія развертывавшагося рабочаго движенія, но это была наименѣе активная ея часть, или же она попадала въ эту сферу и, разъ уже попавъ, становилась плѣнницей того направленія мысли и того умонастроенія, которое, въ конечномъ своемъ выводѣ, приводило къ вышеизложенному взгляду.

Мы остановились сейчасъ на кульминаціонномъ пунктѣ въ распространеніи марксистскихъ идей, на моментѣ ихъ максимальнаго господства въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Еще совсѣмъ недавно передъ тѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, по свидѣтельству Струве, со злорадствомъ въ свое время подхваченному В. В., марксизмъ не находилъ себѣ пристанища въ прогрессивныхъ журналахъ. Онъ былъ часто травимъ и всегда обреченъ на молчаніе въ отвѣтъ на нападенія противниковъ. Такъ, Михайловскій уже въ 1892 году начинаетъ метать свои первыя стрѣлы противъ незримыхъ еще на поверхности литературы и жизни русскихъ «учениковъ Маркса» и ихъ мнимаго стремленія къ обезземеленію крестьянства. Такъ, въ слѣдующемъ затѣмъ году, В. В. регистрируетъ «оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи», а Н.—онъ заканчиваетъ свои «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» по-

---

[1]) Ср. выше, стр. 566.

[2]) Это была и господствующая мысль манифеста р. с. д. р. п. 1898 г., въ которомъ говорилось, что „нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ. Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ историческомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы".

лемическимъ выпадомъ противъ нѣмецкихъ статей «г. П. фонъ Струве». И только въ 1894 году марксизмъ получаетъ, наконецъ, возможность парировать эту дружную аттаку почти одновременнымъ появленіемъ въ свѣтъ книгъ Бельтова и Струве. Зато съ этого момента наступаетъ рѣшительный переломъ въ его судьбахъ, и марксизмъ, несмотря на чрезвычайно неблагопріятно сложившіяся цензурныя условія, быстро завоевываетъ себѣ одно мѣсто за другимъ въ періодической печати. Правда, въ 1895 г. ему не удается еще провести сквозь игольное ухо цензуры сборникъ «Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія», получившій тѣмъ не менѣе распространеніе въ публикѣ; ему не удается затѣмъ удержаться и въ ежедневномъ «Самарскомъ Вѣстникѣ»[1]), марксистскій періодъ котораго заканчивается, едва успѣвши начаться. Но тѣмъ не менѣе уже къ марту 1897 года марксизмъ получаетъ на нѣкоторое время въ лицѣ перешедшаго изъ рукъ народниковъ «Новаго Слова» свой подлинный центръ пропаганды и свой первый большой періодическій органъ въ предѣлахъ Россіи. Въ декабрѣ того же года „Новое Слово“ закрывается—распоряженіемъ четырехъ министровъ. И однако, марксистское теченіе, едва потерявъ свой объединяющій центръ, расплывается далѣе вширь, окрашивая собою,—въ большихъ или меньшихъ дозахъ,—замѣтную часть ежемѣсячныхъ журналовъ того времени. Еще раньше появленія марксистскаго „Новаго Слова“, „Русская Мысль“ пріоткрываетъ свои двери марксистамъ для „писемъ въ редакцію“; далѣе, „Міръ Божій“, особенно въ лицѣ своего критическаго обозрѣвателя, народоправца Богдановича, постепенно захлестывается новой волной; становится марксистскимъ въ своей общественной части «Научное Обозрѣніе» Филиппова, лишенное, впрочемъ, политическаго отдѣла; мелькаютъ марксистскіе тона тамъ и здѣсь въ провинціальной прессѣ; и, наконецъ, къ январю 1899 г., т. е. уже во времени новаго перелома въ идейномъ настроеніи демократическихъ круговъ, появляются „Жизнь“ и „Начало“.

И та же, но еще болѣе отчетливая тенденція къ утвержденію марксизма даетъ себя знать и въ произведеніяхъ нелегальной печати. „Наше Время“ народоправцевъ, какъ и народовольческія изданія, выходившія въ Петербургѣ, воспринимаютъ марксизмъ и концентрируютъ вниманіе на пролетаріатѣ не въ меньшей степени, чѣмъ, напр., листки соціалдемократическихъ „Союзовъ Борьбы“, чѣмъ петербургская „Рабочая Мысль“ или заграничный „Работникъ“. Такимъ образомъ, получалось для даннаго момента что-то въ родѣ общаго положенія, гласившаго, что все, хотя бы отдаленно имѣющее отношеніе къ политически-активному настроенію, связано съ марксизмомъ, и, наоборотъ, не имѣющее связи или стоящее къ марксизму въ оппозиціи, тѣмъ самымъ находится внѣ сферы какого бы то ни было практическаго дѣйствія. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ изъ-за легальнаго марксизма вырисовывалась начальная стадія соціалдемократическаго движенія и стачечной борьбы пролетаріата, изъ-за публицистики „Русскаго Богатства“ за тотъ же періодъ смотрѣла одна лишь зіяющая пустота практически-политическаго бездорожья.

И за то же трехлѣтье, съ 1895 по 1898 гг., вмѣстѣ съ ростомъ марксистскаго теченія вширь, растетъ и способность его къ ассимиляціи по существу инородныхъ элементовъ демократіи. Припомнимъ, напримѣръ, въ какой сравни-

[1]) Въ немъ работали П. Масловъ, Санинъ, Циммерманъ (Гвоздевъ) и др.

тельно короткій срокъ марксизмъ успѣлъ утилизировать и въ себѣ поглотить и Туганъ-Барановскаго съ его симпатіями къ австрійской школѣ экономистовъ и съ его всегдашней неортодоксальностью, и Булгакова съ его неокантіанствомъ, писавшаго за подписью Nemo въ „Новомъ Словѣ“ статьи въ стилѣ Бельтова, и, наконецъ, мною уже не разъ цитированнаго Струве, съ свойственной ему быстротой совершившаго эволюцію отъ межеумочныхъ въ соціально-политическомъ отношеніи „Критическихъ замѣтокъ“ къ вышеуказанной статьѣ „Петербуржца“, къ докладу русскихъ соціалдемократовъ объ аграрномъ вопросѣ на международный соціалистическій конгрессъ въ Лондонѣ и къ имъ же составленному извѣстному манифесту р. с. д. р. п.

Но этотъ изумительный успѣхъ имѣлъ и свою обратную сторону. Приспособляя къ своимъ нуждамъ демократію, марксизмъ въ то же время накоплялъ въ своей собственной средѣ элементы своего разложенія. Даже и въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта, литература легальнаго марксизма заключала въ себѣ черты, затѣненныя, правда, господствующей тенденціей времени, но тѣмъ не менѣе въ своемъ родѣ провиденціальныя, симптоматическія. Мы напомнимъ, напр., ту статью П. Струве въ «Новомъ Словѣ» о «Международномъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ», которая своеобразно сочетала взгляды, предвосхищавшіе во многомъ бернштейновскую критику марксизма, съ характерной для переживаемаго момента оптимистической концепціей всепобѣднаго движенія соціалдемократіи.

Что же позволяло этимъ взглядамъ — до извѣстнаго момента — оставаться въ предѣлахъ марксистской литературы, не получая дальнѣйшаго развитія и не нарушая ея общаго политическаго облика? Это значитъ, иными словами: что давало возможность буржуазной демократіи вообще, находившейся подъ дѣйствіемъ контраста между пролетарскимъ движеніемъ и собственнымъ безсиліемъ, не ощущать до поры до времени неудобства этой гегемоніи марксизма и не искать самостоятельнаго выхода? Безъ всякаго сомнѣнія: элементарность легальнаго марксизма. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно убѣдиться, хотя бы сравненіемъ марксизма второй половины 90-хъ годовъ съ марксизмомъ Группы Освобожденія труда, насколько былъ суженъ кругъ вопросовъ и какъ упрощена была постановка, по сравненію съ прежней, той политической проблемы, которая продолжала, какъ и раньше, быть нервомъ марксистскаго теченія.

Пролетаріатъ-освободитель! Но этотъ въ то время признанный тезисъ еще не получилъ своей конкретизаціи и не возбуждалъ — пока что — дальнѣйшихъ программныхъ, тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ; не возбуждалъ потому, что эта—по выраженію Струве—«идеализація» пролетаріата, облеченная въ марксистскую идеологію, отражала лишь элементарный процессъ пробужденія рабочаго класса, да еще неопредѣленное броженіе въ средѣ демократической интеллигенціи, для своего выраженія еще не нашедшее самостоятельной формы.

При данныхъ условіяхъ, очевидно, — всякое дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній должно было подкапываться подъ это состояніе неустойчиваго равновѣсія, и достаточно было небольшого толчка, стоило только ослабнуть гипнозу, производимому движеніемъ рабочаго класса на интеллигенцію, чтобы

таившіяся въ легальномъ марксизмѣ центробѣжныя силы принялись за работу разрушенія.

Этотъ первый толчекъ былъ данъ совокупнымъ дѣйствіемъ кризиса марксизма на Западѣ и начавшагося движенія у насъ въ широкихъ кругахъ самой демократической интеллигенціи.

Но еще прежде, чѣмъ наступилъ этотъ новый переломъ, показались уже признаки, говорившіе о неустойчивости всего положенія.

Въ средѣ той части интеллигенціи, которая непосредственно соприкасалась съ движеніемъ пролетаріата, начинала слагаться теорія такъ называемаго «экономизма». Т. е. въ этой формѣ демократическая интеллигенція впервые совершила разрывъ той связи, которая въ ея представленіи соединяла пролетаріатъ—какъ «растущую силу современной дѣйствительности», съ задачей политическаго освобожденія Россіи. Она совершила этотъ разрывъ подъ впечатлѣніемъ отъ элементарности, стихійности и малой сознательности первыхъ шаговъ рабочаго стачечнаго движенія. Это конкретное движеніе конкретнаго пролетаріата такъ мало походило на умопостигаемое того «идеализованнаго» (см. Струве), которому предназначалась историческая миссія всеобщаго освободителя!

Практическій же выводъ, который подсказывался этой первичной реакціей на отсталость и замедленность рабочаго движенія для той интеллигенціи, которая была уже связана всей своей пропагандистской и агитаціонной работой съ движеніемъ пролетаріата, означалъ отказъ отъ фактическаго участія въ разрѣшеніи очередной политической задачи Россіи во имя повседневной борьбы рабочаго класса за частичныя улучшенія въ его экономическомъ и юридическомъ бытѣ, на почвѣ существующаго политическаго строя. Этотъ выводъ сдѣлала въ свое время «Рабочая Мысль», едва ли не единственный послѣдовательный органъ своего рода возрожденнаго въ марксизмѣ аполитическаго народничества.

Но этого вывода сдѣлать не могла вся та демократическая интеллигенція въ цѣломъ, которая пошла за марксизмомъ. Не могла тѣмъ болѣе, что «разочарованіе» въ пролетаріатѣ совпадало съ растущимъ политическимъ броженіемъ и соотвѣтствующимъ развитіемъ самосознанія въ ея собственной средѣ.

Марксизмъ вывелъ радикализирующуюся демократическую интеллигенцію изъ тупика предыдущаго періода, связавъ ея политическія надежды съ опредѣленнымъ общественнымъ классомъ. Но онъ фиксировалъ надежды на этой внѣшней спасающей силѣ, предоставивъ остальнымъ элементамъ общественной среды значеніе и роль лишь постольку, поскольку они захотѣли бы выступить, какъ вспомогательныя средства для той же единственной силы. Онъ санкціонировалъ движеніе интеллигенціи въ рабочую среду, но онъ санкціонировалъ одно лишь это движеніе. Неудивительно, поэтому, что бо́льшая часть демократической интеллигенціи, которая, вовлеченная въ сферу марксистскихъ идей, тѣмъ не менѣе не хотѣла или не могла найти для себя приложенія силъ въ обслуживаніи пролетаріата, что эта интеллигенція должна была вскорѣ почувствовать несоотвѣтствіе марксизма ея собственнымъ задачамъ и цѣлямъ.

И дѣйствительно, почти немедленно вслѣдъ за первыми проявленіями «экономизма», уже въ самомъ началѣ 1899 года, появляется, какъ необходимое дополненіе къ этому теченію въ средѣ интеллигенціи, практически работающей въ

пролетаріатѣ, литературный документъ, извѣстный подъ названіемъ «Credo»— этотъ первый бунтъ демократіи противъ марксизма, ея первая попытка себя отъ него эмансипировать.

«Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный... уступитъ мѣсто марксизму демократическому, а общественное положеніе партіи въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленія къ захвату власти преобразуются въ стремленія къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи, приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболѣе удобной, наиболѣе полной защиты правъ (всѣческихъ) трудящихся классовъ».

Вотъ прогнозъ—пожеланіе, дѣлавшееся Credo по отношенію къ международной соціалъ-демократіи; прогнозъ того же Credo по отношенію къ Россіи звучалъ еще болѣе рѣшительно.

Развитіе рабочаго движенія идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Эта линія на Западѣ была направлена въ сторону политической дѣятельности. У насъ, наоборотъ, она «никогда» въ эту сторону «не будетъ направлена». Поэтому всѣ «разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». «Для русскихъ марксистовъ исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата, и участіе въ либеральной оппозиціонной дѣятельности».

Передъ нами, такимъ образомъ, впервые выступаетъ несомнѣнное начало процесса ликвидаціи марксистскаго періода и впервые уже намѣчается линія, по которой пойдетъ дальнѣйшее развитіе буржуазно-демократическихъ идеологій. Русскій пролетаріатъ ведетъ только борьбу за частичныя улучшенія своего экономическаго положенія. Онъ неспособенъ къ образованію самостоятельной политической партіи, онъ, отнюдь, не является тѣмъ «всеобщимъ освободителемъ», какимъ его представляла увлеченная марксизмомъ демократія. Отсюда практическій выводъ: старый марксизмъ излишенъ и вреденъ, его надо реформировать— говорило Credo. Его можно совсѣмъ упразднить, скажетъ скоро демократія. Но оба въ одинъ голосъ заявятъ о необходимости реабилитаціи потерявшаго, было, кредитъ либерально-оппозиціоннаго общества.

Такъ начинался переходъ къ новому, самому сложному и вмѣстѣ съ ходомъ событій все усложнявшемуся, третьему періоду въ развитіи предреволюціонной эпохи.

III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ.

Хронологически мы опредѣлили бы этотъ переходъ, какъ приблизительно время съ 99 и по 1901 годъ, т. е. мы бы поставили его пограничными вѣхами волненія студентовъ 1899 года на одномъ его концѣ, и на другомъ— тотъ узелъ движеній различныхъ общественныхъ группъ, который получилъ свою завязку въ февральскіе и мартовскіе дни 1901 года.

Нельзя сказать, чтобы эти два года наполнены были какими либо крупными событіями общественно-политической жизни. За исключеніемъ забастовки студентовъ, этой первой ласточки интеллигентски-демократической весны, передъ нами продолжаетъ тянуться, лишь слегка ускоряя свой темпъ, все та же прежняя политика правительственной реакціи, надвигаясь, правда, все ближе на послѣдніе остатки самостоятельности земствъ и проводя пресловутый законъ о предѣльности земскаго обложенія. Но дѣйствіе сверху еще не встрѣчаетъ противодѣйствія снизу. Нѣтъ общественнаго движенія, нѣтъ организованныхъ партій. За годъ передъ тѣмъ образовавшаяся Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія своимъ призрачнымъ бытіемъ только подтверждаетъ это общее положеніе, а стачечная борьба пролетаріата, еще такъ недавно находившаяся въ центрѣ вниманія, обрывается съ наступленіемъ промышленнаго кризиса.

И, однако, идеологически это двухлѣтіе является опредѣляющимъ для всего послѣдующаго предреволюціоннаго времени, ибо въ это двухлѣтіе намѣчаются основныя черты той дифференцировки идейныхъ теченій, которой въ позднѣйшіе годы кануна революціи уже соотвѣтствуетъ обозначившаяся партійная дифференцировка различныхъ общественныхъ группъ.

Дифференцировка же идейныхъ теченій въ это двухлѣтье протекаетъ цѣликомъ подъ знакомъ наростающаго самоопредѣленія демократіи, самоопредѣленія, приходящаго въ конфликтъ съ идейнымъ комплексомъ, извѣстнымъ подъ именемъ легальнаго марксизма.

Если въ предшествующіе годы, при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ для самостоятельнаго движенія демократіи, ея обращеніе къ марксизму было шагомъ впередъ на пути ея радикализаціи, то теперь ея высвобожденіе изъ подъ марксистской гегемоніи означало въ свою очередь дальнѣйшій этапъ въ ея самосознаніи и переходъ отъ неопредѣленнаго политическаго умонастроенія, съ надеждами, обращенными на пролетаріатъ, къ болѣе конкретнымъ попыткамъ группового коллективнаго дѣйствія. При этомъ обособленіе демократіи отъ марксизма происходило тѣмъ легче, что оживленіе демократіи совпало съ моментомъ видимаго затишья въ рабочемъ движеніи и оно становилось тѣмъ болѣе для нея настоятельнымъ, что передъ русскимъ марксизмомъ все болѣе настойчиво подымались вопросы соціалдемократическаго партійнаго строительства. Недаромъ, какъ мы уже отмѣтили—первый протестъ демократіи противъ марксизма былъ въ то же время также и протестомъ противъ образованія самостоятельной политической партіи пролетаріата.

Самостоятельная политическая партія пролетаріата, какъ и вся революціонно-соціалистическая сущность марксизма, съ точки зрѣнія демократіи, пришедшей къ сознанію своей политической дѣеспособности, стояла на пути тому непосредственному объединенію общественныхъ силъ, которое представлялось демократіи очередной задачей въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. Поэтому, ея первоначальныя усилія реформировать марксизмъ—а психологически она не въ состояніи была сразу его ликвидировать—были направлены на то, чтобы устранить изъ марксизма черты его революціонно-пролетарской исключительности, и изъ интернаціональнаго ученія, ставящаго процессу капитали-

стическаго развитія прогнозъ соціалистической революціи, сдѣлать простое орудіе конституціоннаго движенія.

Понятно, что бернштейновская критика марксизма пришлась какъ нельзя болѣе ко времени этой русской демократіи и помогла ей доразвить до конца свои прежнія брентанистскія положенія, до тѣхъ поръ представлявшіяся преходящей и несогласованной съ общимъ марксистскимъ міровоззрѣніемъ буржуазно-демократической примѣсью къ нему. Но эта примѣсь оказалась существенной частью ея взглядовъ, частью, которая вскорѣ поглотила все цѣлое.

Струве по своему былъ правъ, когда въ статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости» (см. «Міръ Божій» 1901 г., мартъ) заявилъ, что «русское критическое движеніе въ марксизмѣ отличается отъ западно-европейскаго гораздо большой смѣлостью, рѣшительно и безъ всякихъ примирительныхъ оговорокъ и недомолвокъ порывая съ тѣми положеніями марксизма, которыя оказываются въ глазахъ представителей этого движенія несостоятельными». Онъ забылъ только при этомъ пояснить, что причина этой русской «смѣлости», столь отличной отъ германской нерѣшительности, заключалась не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ томъ, что нѣмецкіе сторонники Бернштейна въ своемъ огромномъ большинствѣ были—худо-ли, хорошо-ли—непосредственно связаны съ движеніемъ рабочаго класса, тогда какъ за русскими «критиками»-ревизіонистами стояла демократія, уходившая какъ разъ въ это время изъ-подъ вліянія пролетарскаго движенія. Потому-то она и могла съ такой несравненной быстротой пройти эту дистанцію огромнаго размѣра: длинный путь отъ марксизма, черезъ привалъ въ бернштейніанствѣ, къ идеалистическому обоснованію своего новаго, либерально-демократическаго, символа вѣры.

Еще въ началѣ 1899 года возникаютъ предпріятія, задающіяся цѣлью продолжить незаконченное дѣло погибшаго «Новаго Слова»; появляются журналы «Начало», подъ редакціей Струве и Туганъ-Барановскаго, и «Жизнь», подъ редакціей Поссе.

И, однако, не трудно замѣтить: идейно-политической спайки, которая соединяла разнородные элементы въ легальномъ марксизмѣ періода «Новаго Слова», въ этихъ журналахъ уже нѣтъ; нѣтъ прежняго дружнаго натиска противъ народничества, нѣтъ политическаго оптимизма, въ сочетаніи съ классовымъ анализомъ текущихъ явленій общественной жизни и выдвиганіемъ освободительной миссіи пролетаріата, накладывавшаго такую своеобразную печать на марксистскую публицистику того времени. И есть первоначально еще маскированная, а затѣмъ—и откровенная трещина въ литературѣ марксизма.

Такъ, въ 4 вышедшихъ книжкахъ «Начала» передъ нами калейдоскопически проходятъ: Туганъ-Барановскій съ его еще выдержанной въ прежнихъ тонахъ статьей «Моимъ критикамъ», продолжающей споръ о числѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи; Вл. Ильинъ, дающій ортодоксально-марксистскую картину «вытѣсненія барщиннаго хозяйства капиталистическимъ»; и рядомъ—Булгаковъ, въ статьѣ «Къ вопросу о капиталистической эволюціи земледѣлія»,—считающій нужнымъ подвергнуть—по собственному его заявленію—«очень строгой критикѣ» Каутскаго за его книгу объ аграрномъ вопросѣ, и вмѣняющій Каутскому въ нарочитый упрекъ, что онъ «разрубаетъ Гордіевъ узелъ, ста-

новясь спиной къ сельскому хозяйству, какъ представитель исключительныхъ интересовъ промышленнаго пролетаріата». Передъ нами «Журнальныя Замѣтки» А. П., пытающіяся возстановить революціонно-соціалистическую преемственность русскаго марксизма и направленныя по существу противъ того анти-революціоннаго и анти-соціалистическаго бернштейніанскаго умонастроенія, которое, даже еще не найдя своего отраженія въ печати, дѣлало одно завоеваніе за другимъ въ рядахъ марксистской демократіи. И тутъ же такія работы П. Струве, какъ статья «Романтика противъ казенщины», уже нащупывающая идеологическое выраженіе для своего новаго умонастроенія. Передъ нами «соціологическій этюдъ» Н. Андреевича (Плеханова) объ искусствѣ и статья о Метерлинкѣ Зин. Венгеровой, одной изъ первыхъ провозвѣстницъ «модернистскихъ» настроеній въ современной литературѣ и, наконецъ, беллетристика Вересаева и беллетристика—Мережковскаго и Гиппіусъ.

Бернштейніанское линяніе марксизма въ средѣ демократической интеллигенціи, замѣтимъ къ слову, не даромъ совпадало съ прививкой къ извѣстнымъ элементамъ русской демократіи того психологическаго надлома, который принесла съ собой эта россійская разновидность декадентскихъ теченій Европы. То, что недавно еще представлялось невозможнымъ, на чемъ потерпѣлъ неудачу «Сѣверный Вѣстникъ» Волынскаго, а именно—сочетаніе или по меньшей мѣрѣ сближеніе демократіи съ модернистскими въ литературѣ и съ идеалистическими въ философіи исканіями, стало возможнымъ только теперь и даже начало впервые входить въ обиходъ въ атмосферѣ буржуазно-демократической реакціи противъ гегемоніи марксизма.

Аналогичныя черты представляла и «Жизнь», въ которой романтика Горькаго, растрепанный sui generis марксизмъ Евг. Соловьева и безконечные споры марксистовъ Нежданова, Ильина, Изгоева о рынкахъ шли въ перемежку съ лишёнными всякаго намека на марксизмъ статьями на внутреннеобозрѣвательныя темы А. Никонова, Д. Протопопова, Евг. Чирикова и др. и съ первыми открыторевизіонистскими работами П. Струве.

Впрочемъ, аттаку на марксизмъ—на экономическія основы ученія Маркса—повелъ еще раньше Туганъ-Барановскій, въ майской книжкѣ «Научнаго Обозрѣнія (1899 г.), помѣстившій статью «Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса». Въ ней онъ доказывалъ, еще стараясь условно «сохранить» трудовую теорію цѣнности, что «сокращеніе доли перемѣннаго капитала, замѣщеніе рабочаго машиной (при прочихъ равныхъ условіяхъ) совсѣмъ не отражается на нормѣ прибыли, что обычный здравый смыслъ и вульгарные экономисты безусловно правы, отрицая какое бы то ни было различіе въ смыслѣ созданія прибыли между орудіями труда и рабочей силой».

Гораздо рѣшительнѣе по тому же пути упраздненія экономической теоріи Маркса шелъ Струве, уже въ статьѣ «Противъ ортодоксіи» («Жизнь», окт. 1899 г.) заявившій о необходимости, «твердо удерживая соціологическую теорію прибавочнаго труда, отказаться отъ экономической теоріи прибавочной цѣнности и вообще критически пересмотрѣть всю экономическую теорію Маркса, какъ таковую» [1]). Къ этому «пересмотру» онъ и приступилъ въ ближайшихъ

[1]) Стр. 178.

книжкахъ того же журнала, въ статьяхъ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности» и «Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи» (см. «Жизнь», февр. и мартъ 1900 г.) [1]).

А параллельно и рука объ руку съ этимъ походомъ на экономическое ученіе Маркса шелъ походъ на марксизмъ, какъ на извѣстную концепцію развитія современнаго общества и перехода этого общества отъ капиталистическаго къ соціалистическому строю. Въ рецензіи на книги Бернштейна и Каутскаго и въ самостоятельномъ «критическомъ опытѣ» подъ названіемъ «Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung» въ Архивѣ Брауна Струве изложилъ свои новые взгляды.

По ряду вопросовъ примыкая къ Бернштейну, хотя и оспаривая убѣдительность той аргументаціи, которою Бернштейнъ обосновывалъ свои положенія, Струве дѣлалъ центральнымъ объектомъ своихъ нападеній представленіе о соціальной революціи. По мнѣнію Струве, это представленіе стоитъ въ органической связи съ тѣми группами явленій, которыя у Маркса получили свое обобщенное выраженіе въ теоріи концентраціи и обобществленія производства, въ теоріи обнищанія и теоріи экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ крупными и, наконецъ, въ теоріи соціалистической миссіи пролетаріата, создаваемаго развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія. Непрерывной цѣпью другъ съ другомъ связанныхъ звеньевъ идутъ—процессъ обнищанія народныхъ массъ, развитіе общественныхъ отношеній посредствомъ роста противорѣчій и, слѣдовательно, наростающій конфликтъ между интересами буржуазіи и пролетаріата, находящій свое конечное разрѣшеніе въ столкновеніи общественныхъ силъ, въ соціальной революціи, представляющейся въ видѣ политическаго переворота, на основѣ котораго выростаетъ диктатура пролетаріата. Тенденціи, въ свое время наблюденныя Марксомъ, были вѣрны, говорилъ Струве, они отвѣчали дѣйствительному развитію капиталистическаго общества въ первой половинѣ XIX-го вѣка, невѣрны были только тѣ соціалистическіе выводы, которые изъ нихъ дѣлались Марксомъ. Такъ, между тенденціей обнищанія, съ одной стороны, и развитіемъ общества въ направленіи къ соціалистическому строю, съ другой, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, пролетаріатъ обнищалымъ и въ то же время настолько соціально-политически зрѣлымъ, чтобы онъ способенъ былъ къ осуществленію величайшаго въ мірѣ переворота.

Но, независимо отъ признанія несоотвѣтствующими болѣе дѣйствительному ходу развитія тѣхъ обобщеній, которыя Марксу служили предпосылками его концепціи соціальной революціи, самое содержаніе понятія соціальной революціи, какъ революціи политической, не реально, по мнѣнію Струве. Не реаленъ, съ точки зрѣнія теоріи познанія, опирающейся на Канта, предполагаемый при этомъ скачекъ, нарушеніе той непрерывности измѣненій, которая есть необхо-

---

[1]) См. также Туганъ-Барановскій; „Трудов. цѣнность и прибав.". „Научн-Обозр." Мартъ 1900 г.

димое условіе нашего познанія явленій. Чѣмъ сложнѣе соціальное преобразованіе, тѣмъ труднѣе его себѣ представить въ формѣ «революціи». Преобразованіе капиталистическаго строя въ соціалистическій мыслимо, поэтому, не какъ революціонное разрѣшеніе накопленныхъ противорѣчій, а какъ постепенное ихъ ослабленіе и устраненіе въ нѣдрахъ самого капиталистическаго общества, т. е. какъ соціализированіе капитализма. Соціализмъ же, противополагаемый капитализму, не болѣе, какъ мнѣ, не имѣющій оправданія передъ лицомъ историческаго знанія и однако же являющійся необходимымъ въ интересахъ практической политики, необходимымъ для соціалдемократическаго движенія, какъ предметъ религіознаго сознанія. Исчезни у соціалдемократическаго движенія это представленіе о «конечной цѣли», съ нимъ вмѣстѣ исчезло бы и самое движеніе.

И почти одновременно съ этой архивной статьей П. Струве, Булгаковъ въ заключительной главѣ своего двухтомнаго труда «Капитализмъ и земледѣліе» (1900 г.), такъ сказать, съ другого конца, черезъ анализъ эволюціи земледѣлія, приходилъ къ тому же самому практическому выводу о «невѣрности» «общаго воззрѣнія Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму». «Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, хотя и разными способами: въ промышленности— концентрируя производство и подвергая его все болѣе общественному контролю, въ земледѣліи—уничтожая крупное предпріятіе и ставя на его мѣсто крѣпкое крестьянское. Оба эти теченія объединяются въ мощномъ демократическомъ потокѣ, который—можно сказать съ чувствомъ удовлетворенія—приноситъ новыя, лучшія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ соціальной справедливости, общественныя формы» [1]).

И въ 1899-мъ же году книга С. Прокоповича [2]), одного изъ числа тѣхъ немногихъ бернштейніанцевъ въ Россіи, для которыхъ ревизіонистская критика марксизма не оказалась кратковременной станціей на далекомъ пути къ идеализму, дала русской читающей публикѣ—въ соотвѣтственномъ освѣщеніи—первую фактическую исторію германской соціалъ-демократіи и начала германскаго ревизіонизма.

Такимъ образомъ, приблизительно къ 1900 году ликвидація марксизма буржуазной демократіей была уже въ общихъ чертахъ закончена и путь расчищенъ для построенія новой идеологіи.

Но марксизмъ даже и въ своемъ «реформированномъ» видѣ оказался лишь преходящимъ моментомъ въ развитіи буржуазной демократіи. Она восприняла и использовала отдѣльныя положенія его критики, она съ его помощью раздѣлалась съ тѣмъ періодомъ гегемоніи марксизма, черезъ который прошла, но ревизіонизмъ какъ система—если можно въ данномъ случаѣ говорить о системѣ,—ре-

---

[1]) Булгаковъ. Капитализмъ и землед. Томъ II-й. Заключеніе, глава IX, стр. 456.

[2]) „Рабочее движеніе на западѣ", томъ I. 1899 г.

визіонизмъ, эта идеологическая форма сближенія рабочаго класса съ извѣстными элементами буржуазной демократіи, не удовлетворялъ по своему содержанію тѣмъ идейнымъ задачамъ и тому практическому движенію, которыя стояли передъ ней.

Борьба за политическое освобожденіе Россіи, какъ національная, всенародная задача, объединяющая общественные элементы и отодвигающая назадъ все то, что могло бы ихъ разъединять,—для этого нужна была не ревизіонистская концепція смягченной и введенной въ границы борьбы между классами, а идеологія, рѣшительно и безповоротно разрывающая съ самимъ принципомъ классовой борьбы и съ тѣми теоретическими построеніями, которыя, какъ матеріализмъ, непосредственно съ нимъ ассоціировались. Мало того: для этого необходимъ былъ отказъ и отъ обще-позитивныхъ традицій, которыя, начиная съ эпохи 60-хъ годовъ, сплелись съ анти-капиталистическимъ и либерализму враждебнымъ умонастроеніемъ демократической интеллигенціи. Необходимъ былъ выходъ къ тѣмъ «вѣчнымъ» этическимъ «цѣнностямъ», къ тѣмъ верховнымъ апелляціоннымъ инстанціямъ, передъ лицомъ которыхъ могли бы изчезнуть классовыя противорѣчія освободительнаго движенія и быть заложены основы—обновленнаго либерализма.

Старый либерализмъ, либерализмъ „Вѣстника Европы", былъ слишкомъ эмпиричнъ, слишкомъ приспособленъ къ исконнымъ условіямъ своего симбіоза съ ветхозавѣтнымъ русскимъ режимомъ, слишкомъ пассивенъ и расплывчатъ, понимаемый имъ же самимъ лишь какъ „совокупность" такихъ „пожеланій", какъ свобода совѣсти, личности, слова, чтобы быть способнымъ поднять на себя великое національное движеніе, предносившееся очамъ демократіи.

Потому-то демократія съ первыхъ же шаговъ своей общественной консолидаціи не только выполняла свою отрицательную миссію, ликвидируя марксизмъ, но и положительную—ища идеологическія формы, наиболѣе отвѣчающія ея политическому самоопредѣленію.

Еще въ статьѣ «Усложненіе жизни», которая служила чѣмъ-то вродѣ увертюры для «Сѣвернаго Курьера», начавшаго выходить (въ ноябрѣ 1899 г.) при ближайшемъ участіи въ редакціи бывшихъ сотрудниковъ марксистскаго журнала «Начало», передъ нами, какъ центръ происходящихъ въ жизни процессовъ, выдвигается уже не классъ-освободитель, къ которому неслись такъ недавно всѣ мечты демократіи, а «усложненная» въ «усложнившейся жизни» выпрямляющаяся «человѣческая личность», вступающая въ конфликтъ съ «упрощенными формами воздѣйствія» [1]). Въ слѣдующемъ году, въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Міръ Божій», Струве пытается матеріалисту Марксу противопоставить идеалиста и государственника Лассаля, «исполинская личность» котораго «также нуждалась въ метафизическомъ пламени, какъ, съ другой стороны, только въ такой личности этотъ пламень могъ адекватно выразиться». «Для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е., въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ», Струве призывалъ «ціа-

[1]) „Сѣверн. Курьеръ", 1-го ноября 1899 г.

лектическихъ» и «иныхъ убѣжденныхъ» «матеріалистовъ»—«назадъ къ Лассалю»! «Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и — еще дальше и больше—къ Фихте. Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, которую можно ставить «вверхъ ногами», которая можетъ быть сгибаема и на матеріалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу» [1]). Такъ впервые самимъ Струве былъ констатированъ его переходъ отъ «критическаго позитивизма» къ «исповѣданію» «метафизическаго идеализма».

Почти одновременно выходитъ книга Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» съ предисловіемъ Струве, въ которомъ говорится, что «въ предлагаемой книгѣ то практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ 90-мъ годамъ.... совершенно открыто и рѣшительно дѣлаетъ поворотъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до сихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными. Этотъ поворотъ обозначился довольно давно, но въ книгѣ Н. А. Бердяева онъ впервые получаетъ болѣе или менѣе законченное и сосредоточенное выраженіе» [2]).

Такимъ образомъ, Струве вмѣстѣ съ Бердяевымъ, совершая свое передвиженіе къ идеализму, еще продолжаютъ въ то же самое время солидаризироваться съ тѣмъ «практическимъ направленіемъ», изъ котораго они оба вышли, надѣясь передвинуть и его; или, вѣрнѣе говоря, имъ кажется, что оно уже вмѣстѣ съ ними начинаетъ передвигаться въ желаемомъ ими направленіи. И они имѣютъ тѣмъ болѣе основаній за него держаться, что передъ ними еще нѣтъ отчетливо намѣченныхъ другихъ общественныхъ элементовъ, на которые они могли бы разсчитывать въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи. Они на распутьѣ, какъ и вся та буржуазная демократія, которая, уходя отъ самостоятельнаго движенія пролетаріата и консолидируясь, еще не успѣла нащупать подъ ногами у себя новой твердой почвы.

Поэтому вся критика, направленная Бердяевымъ противъ Михайловскаго и веденная отъ имени марксизма, есть въ то же время и критика марксизма отъ лица идеалистической философіи, критика «ограниченности всякаго позитивизма вообще», и критика, якобы, утопій марксизма, съ которыми надо покончить «не только во имя усиленія нашего реализма, но, пожалуй, еще болѣе во имя усиленія нашего идеализма» [3]). Поэтому и у Струве признаніе «служенія» въ жизни интересамъ опредѣленнаго класса идетъ рядомъ съ борьбой противъ такъ называемой «классовой точки зрѣнія», какъ разновидности «субъективнаго метода въ соціологіи» и «эвдемонистическая мораль» замѣщается концепціей «естественнаго права».

И таковы противорѣчія перехода: еще даже въ позднѣйшей статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости», Струве отвѣчаетъ своему «ортодоксальному критику», что, хотя союзъ его (Струве) и Туганъ-Барановскаго съ ортодоксаль-

---

[1]) Струве, „На разныя темы", стр. 263 и 266.

[2]) Н. Бердяевъ, „Субъек. и идеал. въ общ. фил." Пред. Струве, стр. 1—2.

[3]) Бердяевъ, „Субъект. и индивидуализмъ въ общ. философіи".

ными марксистами распался, но что все-таки критикъ напрасно торопится съ нимъ (со Струве) распрощаться. И имъ же одновременно въ рядѣ статей намѣчаются основные моменты либерально-демократическаго міровоззрѣнія. Такъ статья «Право и права», напечатанная въ «Правѣ» и привѣтствованная Арсеньевымъ на страницахъ «Вѣстника Европы», является какъ бы программнымъ заявленіемъ для той группы либеральныхъ юристовъ, среди которой оживленіе политической мысли все явственнѣе начинало сплетаться съ тенденціей въ реставрированной съ легкой руки Новгородцева теоріи естественнаго права найти опору своему либерализму.

«Въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей и въ жизни нашихъ народныхъ массъ—пишетъ Струве—давно уже назрѣла сильнѣйшая потребность во всестороннемъ признаніи объективнымъ правомъ правъ человѣка, какъ такового. Это есть та великая идеальная и въ то же время реальная историческая задача, которая, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и колебаній русской общественной мысли, выкристаллизовалась, какъ неоспоримое общее достояніе, съ такою же ясностью, съ такими же рѣзкими, всѣми мыслящими людьми до боли ощутимыми гранями, какъ нѣкогда идея освобожденія крестьянъ» [1]).

И эта же задача полемически очерчивается Струве въ ея несоотвѣтствіи той концепціи политическаго освобожденія Россіи, которая идею освобожденія связывала съ идеей освободителя-пролетаріата par excellence.

«На мой взглядъ—заявляетъ онъ теперь (см. статью «Памяти Шелгунова»)—очередная историческая задача въ Россіи не такова, чтобы «аннибалова клятва» нашего времени была связана исключительно и даже преимущественно съ судьбами и интересами одного общественнаго класса, а прочіе классы были безсильны, индифферентны или враждебны по отношенію къ составляющей содержаніе этой клятвы задачѣ. Великая преобразовательная задача современности поставлена всей совокупностью жизненныхъ условій нашей страны и, въ качествѣ таковой, она господствуетъ надъ интересами всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ Россіи, являясь условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго развитія. Отсюда—огромная роль интеллигенціи въ разрѣшеніи этой задачи» [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, одновременное выступленіе идеи великой исторической миссіи интеллигенціи, т. е. интеллигентной буржуазной демократіи, еще недавно квалифицированной, какъ quantité négligeable, и идеи національнаго развитія. Вмѣстѣ съ вопросомъ о всенародной политической задачѣ вопросъ о націи, національной культурѣ и «истинномъ націонализмѣ» становится однимъ изъ центральныхъ вопросовъ либеральнаго теченія. Недаромъ именно въ статьѣ «Въ чемъ же истинный націонализмъ», посвященной памяти Вл. Соловьева, Струве дѣлаетъ попытку обосновать либеральную доктрину.

Ученіе объ естественномъ правѣ—говоритъ Струве—«лежитъ въ основѣ всякаго истиннаго либерализма». «Естественное право есть не только идеальное или желаемое право, призываемое или идущее на смѣну дѣйствующаго или положительнаго права; оно есть право абсолютное, коренящееся въ этическомъ

---

[1]) См. „На разныя темы“ стр. 524.
[2]) Ibid, стр 314.

понятіи личности и ея самоопредѣленія и служащее мѣриломъ для всякаго положительнаго права. Послѣднее своимъ согласіемъ съ абсолютнымъ правомъ должно доказать свою правомѣрность»... «Проблема либерализма—продолжаетъ далѣе Струве—не исчерпывается вовсе вопросомъ объ организаціи власти, такимъ образомъ, она шире и глубже проблемы демократіи; демократія въ значительной мѣрѣ является лишь методомъ или средствомъ для рѣшенія проблемы либерализма». Исторически невѣрна «та весьма популярная и въ русскомъ обществѣ доктрина, согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. Согласно этой доктринѣ либерализмъ носитъ въ одно и то же время и «классовой» и «матеріальный характеръ». Наоборотъ, «либерализмъ—общенароднаго и идеальнаго происхожденія».

И какъ истинный либерализмъ зиждется на признаніи естественныхъ правъ человѣка, такъ и истинный національнизмъ. «Уваженіе къ національному духу, какъ коллективному творческому процессу, какъ вѣчному «исканію», безусловно требуетъ признанія правъ человѣка». Національная культура осуществляется «свободою и для свободы». Начало свободы, разъ оно вошло въ сознаніе, «пріобрѣтаетъ для духа, его сознавшаго, абсолютное достоинство, ибо въ немъ выражается и даетъ о себѣ знать метафизическая природа человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанціи. А такъ какъ понятіе объ этой метафизической природѣ образуетъ одну изъ основныхъ идей христіанства, то утвержденіе идеи свободы или автономіи личности въ области моральной и политической есть не что иное, какъ практическое раскрытіе христіанской идеи о человѣческомъ духѣ, раскрытіе не только важное, но и безусловно цѣнное съ точки зрѣнія религіи.... Не нужно страшиться такихъ сближеній земного и преходящаго съ Высшимъ и Вѣчнымъ; наоборотъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы вскрыть связь между конечными требованіями реальной (земной) жизни съ высшими и вѣчными идеями религіознаго сознанія» [1]).

Такъ, въ результатѣ обоснованія либерализма естественнымъ правомъ передъ нами непосредственно встаетъ, какъ вѣнецъ процесса развитія отъ марксизма къ идеализму,—проблема религіознаго сознанія; проблема, получившая, однако, выраженіе гораздо болѣе полное и яркое, чѣмъ у Струве, въ писаніяхъ Бердяева и въ особенности Булгакова.

Бердяевъ, въ статьѣ «Борьба за идеализмъ», [2]) относящейся къ тому же 1901 году, привѣтствуетъ возрожденіе «несправедливо забытой теоріи естественнаго права»—этой «настоящей основы идеализма въ политикѣ», добавляя при этомъ: «но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея нравственнаго міропорядка. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіозной вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумирающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь безсмысленна... пора признать, что религія, несмотря на текучесть

---

1) Первоначально напечатано въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. См. Сборн. „На разныя темы“, стр. 538, 539, 541.

2) „Міръ Божій“, 1901 г. Іюнь.

своего содержанія, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитаются въ міропорядкѣ».

И тогда же Булгаковъ въ своей публичной лекціи «Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ», заговорилъ о богѣ и безсмертіи, какъ о вѣковѣчныхъ вопросахъ русской интеллигенціи, и объ атеистическомъ соціализмѣ, какъ о «переходномъ міросозерцаніи», «предшествующемъ высшему синтезу», который «долженъ состоять въ сліяніи экономическихъ требованій соціализма съ началами философскаго идеализма и оправданія первыхъ послѣдними»[1]). При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что Булгаковъ, по его же собственному признанію, пришелъ къ религіозно-философскимъ исканіямъ, послѣ того какъ «утвердился въ своемъ убѣжденіи относительно невозможности научнаго прогноза въ соціологіи» и съ тѣмъ вмѣстѣ утратилъ то «единство» «міровоззрѣнія и идеала», которое «прежде давалось марксизмомъ». Теперь соціализмъ Булгакова не имѣлъ уже, конечно, ничего общаго съ классовымъ движеніемъ пролетаріата и его «конечной цѣлью». Рабочее движеніе, «въ своей практической программѣ» осуществляющее «освободительные постулаты философскаго идеализма», должно—заявляетъ Булгаковъ — «и на своемъ теоретическомъ знамени выставить не экономическій матеріализмъ и классовый интересъ—это оно можетъ отлично оставить своимъ противникамъ,—а принципы идеализма, на которыхъ могутъ быть прочно и непререкаемо обоснованы его требованія». «Современная соціальная борьба—говоритъ онъ далѣе—представляется не однимъ столкновеніемъ враждебныхъ интересовъ, а осуществленіемъ и развитіемъ нравственной идеи. И наше участіе въ ней будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ естественнаго закона, велѣніемъ Бога [2])».

Соціализмъ Булгакова—не соціализмъ, стоящій въ антагонизмѣ къ либерализму, а все та же соціальная реформа либерализма, только расцвѣченная всѣми красками идеалистической романтики. Поэтому, и для Булгакова «руководящимъ началомъ, которое дается философскимъ идеализмомъ и религіознымъ міропониманіемъ, какъ основа государственной, экономической и соціальной политики», является «идея абсолютнаго достоинства личности», т. е. все тѣ же «естественныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина», которыя фигурируютъ, какъ основной принципъ либеральной доктрины. И этого принципа—т. е. «идеи свободы и правъ человѣческой личности»—замѣчаетъ Булгаковъ—«не много и не мало, а какъ разъ достаточно для обоснованія всѣхъ освободительныхъ стремленій нашего времени».

Нѣсколько позже и Струве въ статьѣ «Не въ очередь», въ 1-ой книжкѣ «Освобожденія», даетъ опредѣленіе своему отношенію къ соціализму: «Извѣстное

---

[1]) См. С. Булгаковъ „Отъ марксизма къ идеализму".

[2]) С. Булгаковъ. Сборн. „Отъ марксизма къ идеализму". Ст. „Основ. проблемы теоріи прогресса", стр. 155.

опредѣленіе соціализма: упраздненіе частной собственности на орудія и средства производства, или обобществленіе производства,—пишетъ онъ,—заключаетъ въ себѣ вовсе не идею соціализма, которая тождественна съ идеей всесторонняго освобожденія личности, а даетъ лишь техническую, и потому вполнѣ условную (и для меня совсѣмъ не безспорную) формулу средствъ осуществленія соціальнаго идеала. Для соціализма, какъ идеи освобожденія личности, безразлично, какимъ путемъ будетъ осуществлена эта цѣль. Соціализмъ есть идея этическая, и соціально-экономическія формулы соціализма имѣютъ по отношенію къ этой идеѣ лишь служебное значеніе» (стр. 239).

И наконецъ въ той же книжкѣ «Освобожденія» въ статьѣ «Отцы и дѣти» Независимый, выступая съ возраженіями противъ теоріи классовой борьбы и сѣтуя въ то же время на разномыслія между «отцами»—либералами и «дѣтьми»—революціонной интеллигенціей, благодаря которому нѣтъ «сплоченнаго освободительнаго общественнаго мнѣнія и активнаго либеральнаго движенія»,—резюмируетъ общественно-политическую сторону идеалистическаго теченія слѣдующими словами: «философско-идеалистическое теченіе, начинающее распространяться среди молодежи, имѣетъ своею цѣлью отвлеченное моральное обоснованіе идеала свободы и указаніе на его великій вѣчный смыслъ, независимый отъ его служебнаго значенія для матеріальныхъ интересовъ народа. Въ этомъ послѣднемъ теченіи впервые въ Россіи создается соціально-философская система, въ которой идея либерализма и политической свободы занимаетъ не побочное, а центральное мѣсто, и которой, поэтому, должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только она одна даетъ необходимое для молодыхъ умовъ отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его религіозной вѣрой» (стран. 12).

Мы сослались сейчасъ на нѣсколько статей, выходящихъ изъ рамокъ разбираемаго нами двухлѣтья, какъ регистрируемъ теперь же и самъ standart-work идеалистовъ, ихъ коллективный трудъ «Проблемы идеализма», появившійся въ концѣ 1902 г. и сгруппировавшій вокругъ себя, кромѣ Бердяева и Булгакова, еще и рядъ лицъ, съ одной стороны такихъ, какъ Б. Кистяковскій и С. Франкъ, которые прошли черезъ школу ревизіонизма, и съ другой—такихъ исконныхъ идеалистовъ, какъ кн. С. и Е. Трубецкіе или иниціаторъ реставраціи теоріи естественнаго права, П. Новгородцевъ. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ этимъ работамъ. Ибо, если отдѣльныя положенія идеализма и получили въ нихъ дальнѣйшее развитіе и обоснованіе, то во всякомъ случаѣ основныя общественно-политическія черты интересующаго насъ идейнаго движенія уже съ достаточной ясностью намѣтились въ использованныхъ нами статьяхъ еще прежде, чѣмъ двухлѣтье идейнаго перелома успѣло смѣниться послѣдующими годами оживленной партійно-политической жизни.

Сводя во-едино свои впечатлѣнія, мы скажемъ: передъ нами попытка демократіи въ импульсивномъ движеніи отъ марксизма къ идеализму найти исходъ изъ того внутренне-противорѣчиваго положенія, въ которое ее поставилъ процессъ ея собственнаго самоопредѣленія. Какъ только демократія почувствовала себя освобожденной отъ гипноза пролетарской гегемоніи, такъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ непосредственнымъ ощущеніемъ своей принадлежности къ буржуазному

цѣлому, ощутила и свою «интеллигентность», т. е. несвязанность съ широкими слоями населенія, еще продолжавшаго оставаться въ состояніи политической аморфности. И съ тѣмъ вмѣстѣ передъ нею во весь ростъ вставала опять проблема политическаго освобожденія Россіи, которая такъ недавно еще благополучно, казалось, разрѣшалась поступательнымъ движеніемъ пролетаріата; но вставала уже, какъ проблема внѣклассоваго или общеклассоваго политическаго дѣйствія.

При инертности, однако, крестьянства, которое въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ не принималось, какъ далѣе увидимъ, въ разсчетъ даже и многими соц.-революціонерами первой формаціи; при рабочемъ движеніи, уже связанномъ традиціей съ соціалдемократическимъ движеніемъ революціонной интеллигенціи,—такая постановка проблемы демократіей означала фактически союзъ ея съ тѣми элементами имущаго общества, которые какъ разъ вгонялись въ то время въ оппозицію тогдашней политикой правительства.

Фактически уже съ 80-хъ годовъ наблюдается сближеніе извѣстныхъ слоевъ демократической интеллигенціи съ земствомъ и весь первый періодъ предреволюціоннаго времени, какъ мы старались показать, идеологически непосредственно связанъ съ процессомъ этого сближенія. Гегемонія марксизма надъ частью буржуазно-демократическихъ элементовъ клиномъ вошла въ этотъ процессъ, на время оттѣснивъ было, по крайней мѣрѣ, для части демократіи, тягу къ культурно-либеральному землевладѣнію идейной тягой къ пролетаріату и тѣмъ создавая расщепленіе въ рядахъ самой демократіи. Теперь эта многолѣтняя тяга быстро принимала политическія формы, но съ тѣмъ вмѣстѣ выступала и вся трудность идеологическаго выраженія и теоретическаго оправданія совершившагося поворота демократіи. Прежде лицомъ обращенная къ народнымъ низамъ, она теперь, пройдя школу марксизма и стоя передъ фактомъ идущаго впередъ самостоятельнаго движенія пролетаріата, тѣмъ не менѣе строила свои конституціонные планы на содѣйствіи имущихъ верховъ. Ясно, такимъ образомъ, какую огромную работу принужденъ былъ произвесть идеализмъ, санкціонируя этотъ поворотъ, какъ необходимое звено въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи, и почему онъ такъ много былъ занятъ полемически марксизмомъ и его «классовой точкой зрѣнія».

Небесныя сферы идеализма преслѣдовали чисто земныя задачи—идеологически перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую верхи отъ низовъ въ томъ обществѣ, которое было уже разъединено своими классовыми противорѣчіями. Для этого процессъ ликвидаціи стараго порядка получалъ недостающую ему цѣльность въ концепціи національнаго развитія, для этого абстрактная «человѣческая личность» идеалистовъ служила сосредоточеннымъ отраженіемъ политической цѣли, общей всѣмъ «жизнеспособнымъ классамъ Россіи», и для этого «самоопредѣляющаяся субстанція человѣческаго духа» съ ея естественными и неотчуждаемыми правами, одной своей стороной упираясь въ религію, другой — являлась «абсолютной» основой либерализма. Либерализмъ, до тѣхъ поръ лишенный доктрины, своимъ политическимъ безсиліемъ дискредитированный въ широкихъ кругахъ демократіи, получалъ свое вторичное крещеніе въ «метафизическомъ пламени» идеализма. Такъ сказать, черезъ голову исторіи онъ становился всеобъемлющимъ ученіемъ, для котораго соціализмъ есть лишь

спорная частность, болѣе или менѣе утопическая картина грядущаго, но для котораго дѣйствительно реальной помѣхой представляется классовое ученіе пролетаріата.

«Религіозная вѣра» либерализма должна была собою замѣнить ту — по терминологіи Струве—религіозную вѣру соціалдемократіи, которая своимъ обаяніемъ еще такъ недавно держала въ плѣну значительные круги демократической интеллигенціи. Въ соотвѣтствіи подымающейся волнѣ настроенія, въ предвидѣніи громадности задачи, которую предстояло разрѣшить освободительному движенію Россіи, демократія нуждалась въ идеологіи, въ которой извѣстная абстрактно-теоретическая ширь, радикализмъ, приподнятость формы сочетались бы съ «трезвенно-реалистическимъ» содержаніемъ, которому отвѣчало ея новое движеніе вправо. Отсюда попытки идеалистовъ историческому матеріализму соціалдемократіи противопоставить новое ученіе съ его «свободнымъ творчествомъ идеаловъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ псевдо-научные шаблоны ортодоксіи». Отсюда обращеніе Струве къ Лассалю и Фихте противъ Маркса и его заявленіе о «практической нетерпимости», какъ необходимомъ лозунгѣ политической работы въ Россіи; отсюда—открещиваніе Бердяева, Булгакова и Струве отъ «филистерства» Бернштейна, филистерства, несовмѣстимаго съ ихъ «критической реабилитаціей» утопизма; отсюда желаніе Независимаго видѣть въ освободительной борьбѣ пролетаріата въ Россіи «скорѣе идейное», чѣмъ «классовое движеніе», и та ярость, съ которою идеализмъ (въ лицѣ, наприм., Бердяева) устремлялся на западно-европейское рабочее движеніе, пытаясь въ глазахъ русской революціонно-настроенной интеллигенціи дискредитировать «мѣщанство» его практики и низменность его идеаловъ. Отсюда же—отъ имени автономной человѣческой личности—этого палладіума буржуазной демократіи—провозглашенная Струве декларація, столь же ярко отразившая въ себѣ канунъ революціи, какъ лозунгъ того же Струве «Великая Россія» позднѣе отразилъ въ себѣ день, слѣдующій за ея (революціи) пораженіемъ: «Вездѣ она (т. е. свобода лица) отрицаетъ власть или авторитетъ, какъ таковой, противопоставляемый человѣческой личности, какъ нѣчто обязательное, помимо ея свободнаго признанія. Для нея нѣтъ Бога-Власти и Бога-Хозяина, для нея нѣтъ Закона-Власти, Закона-Повелителя, для нея нѣтъ Государства-Власти, Государства-Господина. Бога свободный человѣкъ самъ себѣ отыскиваетъ, онъ ему не покоряется, онъ его любитъ. Нравственный законъ свободный человѣкъ самъ себѣ творитъ и ему свободно слѣдуетъ. Государство свободный человѣкъ самъ себѣ строитъ и имъ живетъ, не поступаясь собою» [1]).

И отсюда же, за этимъ идеалистическимъ пафосомъ таящееся,—по крайней мѣрѣ, до поры до времени,—отсутствіе программы экономическихъ реформъ, изъ боязни «экономикой» разрушить единство «политики», и, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, необычайная скромность тѣхъ политическихъ требованій, съ которыми эта часть демократіи выступала на арену партійно-политической жизни.

Періодъ разложенія марксизма для буржуазной демократіи былъ законченъ, начинался періодъ либерально-партійнаго строительства.

---

[1]) Ст. Струве „Не въ очередь". Книга I. „Освобожденіе" (1903 г.).

Но между тѣмъ какъ часть буржуазно-демократической интеллигенціи, прошедшая черезъ марксизмъ, съ чрезвычайной быстротой эволюціонировала къ «идеалистическому» либерализму, на развалинахъ легальнаго марксизма, въ промежуткѣ тѣхъ же двухъ лѣтъ и подъ дѣйствіемъ того же толчка, исходившаго отъ политическаго броженія интеллигенціи, въ несомнѣнной также большей или меньшей зависимости отъ измѣненій, внесенныхъ въ движеніе рабочаго класса промышленнымъ кризисомъ, выступаютъ и начинаютъ консолидироваться два идейныхъ теченія: революціонно-марксистское, освобожденное отъ своихъ прежнихъ буржуазно-демократическихъ спутниковъ, и революціонно-народническое, возрожденное въ своей политической формѣ—видоизмѣненнаго народовольчества.

Достаточно бѣгло взглянуть на подцензурную журналистику этихъ двухъ лѣтъ, чтобы сразу оцѣнить всю значительность происшедшей перемѣны. Если часть—теперь уже бывшихъ—марксистовъ, совершая свою эволюцію къ идеализму, отъ полемики съ народничествомъ постепенно перешла цѣликомъ, какъ мы уже видѣли, къ борьбѣ съ революціоннымъ марксизмомъ и выработкѣ основъ либерально-идеалистической системы, то революціонные марксисты въ это же время исчезли изъ легальной литературы почти безъ остатка, потому что должны были исчезнуть. Они не имѣли простора, по условіямъ тогдашней печати, даже и для защиты своихъ теоретическихъ позицій, тѣмъ болѣе для выясненія того общественно-политическаго содержанія своихъ взглядовъ, центръ тяжести котораго все болѣе перемѣщался къ вопросамъ практическаго движенія соціалдемократіи [1]).

И въ то же самое время начиналось большое оживленіе среди представителей лѣваго «политическаго» крыла народничества, представителей, группировавшихся вокругъ редакціи «Русскаго Богатства». Именно къ двухлѣтію разложенія легальнаго марксизма относится наиболѣе блестящая пора въ существованіи этого органа покойнаго Михайловскаго. Ни раньше, когда онъ представлялъ, какъ мы уже видѣли, лишь разновидность либеральнаго народничества, съ наклономъ къ революціонному конституціонализму, ни въ эпоху расцвѣта легальнаго марксизма, ни позже, когда нервъ публицистики перешелъ въ подполье и партійно-политическая жизнь революціоннаго народничества отражалась на страницахъ «Револ. Россіи» и летучихъ листковъ, никогда «Русское Богатство» не представляло собою такой мобилизаціи силъ, какъ въ этотъ переходный моментъ. Вокругъ Михайловскаго и со второй половины 90-хъ годовъ участвовавшихъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Короленки и Анненскаго со-

---

[1]) Изъ числа немногихъ проявленій защиты марксизма въ подцензурной печати этого времени отмѣтимъ ст. Карелина (В. И. Засуличъ): „Замѣтки читателя по поводу упраздненія г.г. Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли“ („Научн. Обозр.“, окт. и ноябрь 1900 г.); статьи въ защиту теоріи трудовой стоимости Нежданова, Богданова, Маслова; замѣтку Маслова въ „Научномъ Обозр.“—„Негодныя средства;“ полемическія „Письма въ редакцію“ по поводу эволюціи Струве—Ю. Адамовича („Жизнь“, янв. 1901 г.) и Ф. Берсенева („Рус. Мысль“, 1901 г....).

бираются частью молодые сотрудники, какъ Пѣшехоновъ, Мякотинъ, Черновъ, частью прежніе дѣятели движенія, какъ Гриневичъ (П. Я.) и Подарскій. Производится спѣшная работа пересмотра народнической аргументаціи по аграрному вопросу; дѣлаются попытки соціологическихъ построеній, и В. Черновъ, систематизируя взгляды Михайловскаго, старается связать ихъ съ эмпиріокритическимъ теченіемъ въ философіи.

И по всей линіи ведется аттака на марксизмъ. Статьи Пѣшехонова «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» (еще въ 98 г.), В. Чернова («Типы капиталистической и аграрной эволюціи») и нѣкоторыя другія устанавливаютъ мнимую тождественность интересовъ рабочихъ и крестьянства, какъ представителей однихъ и тѣхъ же трудовыхъ идеаловъ, и въ то же время (какъ, напр., работа Чернова) подкрѣпляютъ свою народническую концепцію аграрной эволюціи ссылками на новѣйшую литературу бернштейніанства. И одновременно же идетъ полнымъ ходомъ полемика противъ историческаго матеріализма, задающаяся цѣлью противъ его «экономической» односторонности отстоять и «интеллектуальный факторъ», т. е. интеллигенцію и ея значеніе въ историческомъ процессѣ вообще, тѣмъ самымъ отстаивая въ частности ея возможное значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи. Устами Михайловскаго, Подарскаго и иныхъ публицистика Русскаго Богатства торжествуетъ побѣду надъ легальнымъ марксизмомъ или, вѣрнѣе, надъ тѣмъ пустымъ мѣстомъ, которое къ тому времени отъ него оставалось—за уходомъ однихъ, за проваломъ въ подполье другихъ, и которое было представлено главнымъ образомъ такими сомнительными защитниками марксистскаго міровоззрѣнія, какъ Евг. Соловьевъ въ «Жизни» и Анг. Богдановичъ въ «Мірѣ Божьемъ».

И однако, это уже не прежнее «народничество» 90-хъ годовъ и не прежнее «Русское Богатство», а народничество новое, которому приходилось учитывать факты литературы и жизни, внесенные въ русскую дѣйствительность предыдущимъ періодомъ; народничество, стоявшее передъ реальностью развившагося капитализма и растущаго рабочаго движенія.

«Допускаемъ охотно, писалъ Короленко [1]), что по разнымъ условіямъ данной эпохи, раздумье русскаго мыслящаго человѣка (надъ возможностью избѣжать капитализма. А. П.) продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продлилось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьѣ россійскаго прогресса». И дальше: «капитализмъ пришелъ—значитъ, звать его уже поздно. Онъ уже дѣйствуетъ, а во многихъ мѣстахъ даже властвуетъ, значитъ, незачѣмъ его защищать [2]).

При данныхъ условіяхъ естественно было, что старый вопросъ о развитіи капитализма въ Россіи для народниковъ сдвигался все больше на вопросъ о различіи въ характерѣ эволюцій промышленности и земледѣлія, и все больше сближался съ постановкой этой темы въ Германіи Давидомъ, Герцомъ и другими нѣмецкими ревизіонистами. И также естественно было и то, что—уже нами

---

[1]) См. Рус. Бог. 1899 г. ноябрь, ст. „О сложности жизни“, стр. 189.
[2]) Ibid. ст. 190.

отмѣченный—тезисъ о тождественности рабочихъ и крестьянскихъ интересовъ становился теперь—съ развитіемъ пролетарскаго движенія—такимъ же существенно необходимымъ элементомъ концепціи народниковъ, какъ нѣкогда тезисъ о соціалистическихъ особенностяхъ русскаго крестьянства.

Уступая давленію момента, народничество вынуждено было начинать приспособленіе своихъ взглядовъ къ измѣнившимся условіямъ и въ лицѣ, напр., В. Чернова дѣлать характерное признаніе, еще недавно невозможное для народника,—признаніе, что капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ не однѣ разрушительныя, но и созидательныя силы [1]).

Но разъ перейдя демаркаціонную линію признанія наличности капиталистическаго развитія и «созидательныхъ силъ» этого развитія въ лицѣ пролетарскаго движенія, народничество тѣмъ самымъ, при сохраненіи своей общей концепціи крестьянства и интеллигенціи, становилось на ту почву, на которой уже всюду въ Европѣ стоялъ такъ называемый ревизіонизмъ. Для него, какъ и для ревизіонизма существующій, общественный строй заключалъ въ себѣ въ зачаточной формѣ элементы соціализма, этотъ строй, соціализируясь, постепенно превращался въ свою противоположность, минуя тотъ критическій пунктъ—соціальную революцію, который составлялъ характерную черту во взглядахъ соціалъ-демократіи. И, дѣйствительно, въ рядѣ статей народничество заявляетъ о своей близости къ ревизіонизму и спѣшитъ привѣтствовать его первые шаги въ теоріи и на практикѣ. Достаточно напомнить сочувственной отзывъ В. Чернова объ извѣстной книгѣ Бернштейна, въ особенности о той ея части, которая трактуетъ вопросы практической политики [2]), или не менѣе знаменательныя слова Короленко, которыми онъ, одобряя министерскій экспериментъ Мильерана, ставилъ общій вопросъ о необходимости «программамъ» «терять цѣлостность», «обкарныватьсяя», «пріодѣвалсь въ мундиръ данной минуты» [3]).

Но если эта готовность къ «самообкарнанію» являлась существенной частью наслѣдства отъ эры либеральнаго народничества, если въ «Русскомъ Богатствѣ» еще слышится привѣтствіе Южакова [4]) созданной по почину Россіи мирной конференціи въ Гаагѣ, или рекомендація Михайловскаго «среднему человѣку» изъ интеллигенціи заняться культурной работой и не соваться въ нелегальное политическое дѣло или иные, подобные приведеннымъ, мотивы, то въ немъ слышится, однако, и нѣчто другое. Слышится хотя слабый, по условіямъ цензуры, но отзвукъ процесса нарастающаго группового самосознанія интеллигенціи. Если этотъ процессъ привелъ демократію въ одной ея части къ либерализму, то въ другой—далъ различныя сочетанія интеллигентскаго революціонизма, и ему радикальное народничество обязано было своимъ воскресеніемъ именно тогда, когда народничество 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, народничество

---

[1]) Русск. Богат. 1900, кн. IV, ст. В. Чернова „Типы капит. и аграрной эволюціи", стр. 140.

[2]) „Русск. Богат." октябрь 1899 г. В. Ч. „Замѣтка".

[3]) „Р. Б." ноябрь 1899 г., ст. Вл. Короленко, „О сложности жизни", стр. 198.

[4]) См. Южак. „Политика" Русск. Богат., авг. 1899 г. стр. 160.

Абрамова, Кривенка и В. В., теряло послѣдніе остатки своего самостоятельнаго существованія [1]).

Какъ увидимъ сейчасъ, въ это двухлѣтіе перелома интеллигентскій революціонизмъ народничества нашелъ свое идеологическое выраженіе въ видѣ направленія соціалистовъ-революціонеровъ. И этотъ-то революціонизмъ самоопредѣлявшейся, какъ авангардъ освободительнаго движенія, интеллигенціи, какъ и вообще атмосфера начинавшагося предреволюціоннаго броженія Россіи, не давали возможности «самообкарнанію» народничества развиться дальше въ систему, не позволяли народничеству довести до логическаго конца предпосылки его концепцій, роднившія его съ оппортунистическимъ соціализмомъ всѣхъ странъ.

Отсюда и вытекала та раздвоенность сознанія, та двойственность положенія, которая заставляла народничество, съ одной стороны, сочувствовать «критическому направленію въ марксизмѣ», и съ другой—пугаться его выводовъ. Такъ, напр., Подарскій высказывалъ «страстное желаніе» «оставить всякіе не только прямые, но и косвенные споры съ людьми, въ родѣ г. Струве или г. Бердяева, съ которыми есть нѣкоторые общіе и далеко не второстепенные пункты соціальнаго міровоззрѣнія» и въ то же время скорбѣлъ объ ихъ склонности къ «гашишу метафизики» и о развиваемой ими «въ духѣ буржуазныхъ апологетовъ» теоріи «незамѣтной и безпрепятственной эволюціи» [2]). Такъ, В. Черновъ, при всей его «симпатіи» къ ревизіонизму въ марксизмѣ, «безсильно разводитъ руками» передъ вопросомъ: «кто лучше? кто ближе къ намъ по воззрѣніямъ? Лафаргъ ли, съ его доктринерской послѣдовательностью отрицающій и кооперативное и синдикальное движеніе, и роль интеллигенціи и т. д., но за то, по крайней мѣрѣ, человѣкъ строгаго принципа, человѣкъ идеи; или г.г. «экономисты», которые готовы похоронить ортодоксію, готовы сдѣлать множество уступокъ, признать и общину, и артель, и деревню, и крестьянство, но за то тутъ же обольютъ это такимъ соусомъ оппортунизма и «философіи малыхъ дѣлъ», что, пожалуй, согласишься отдать назадъ всѣ уступки, всѣ ихъ признанія» [3]). Такъ, наконецъ,—иронія судьбы—народническое «Русское Богатство» увидѣло себя въ необходимости стать на защиту теоріи трудовой стоимости Маркса—впрочемъ, всегда раздѣлявшейся народничествомъ—противъ нападеній на нее бывшихъ русскихъ марксистовъ.

А тѣмъ временемъ, пока на страницахъ подцензурной журналистики велся этотъ споръ двухъ душъ въ единой груди народничества, происходило первое выступленіе въ литературѣ подполья только что начавшихъ еще соединяться въ разрозненныя группы соціалистовъ-революціонеровъ. Еще въ 1898 году появляется въ Россіи программная брошюра «Наши Задачи», въ 1900 году выходитъ 1-й № «Революціонной Россіи», а также выпущенный одной группой «Мани-

---

[1]) Ихъ послѣдней попыткой выступленія самостоятельной группой мы считаемъ газету „Сынъ Отечества". Характерно, что съ 1900 г. В. В. уже хоронитъ себя на страницахъ того „Вѣстника Европы", съ которымъ онъ когда то такъ много сражался.

[2]) Русск. Богат., 1901 г. кн. VII Подарскій „Наша текущая жизнь", стр. 64.

[3]) Русск. Богат., 1900 г. кн. XI ст. В. Чернова „Типы капит. и аграр. эвол.", стр. 246.

фестъ партіи». И одновременно же заграницей оживляется дѣятельность Аграрно-Соціалистической Лиги, выходитъ брошюра «Очередный вопросъ» и подъ редакціей Тарасова въ 1901 году 1-ый № «Вѣстника русской революціи».

Къ концу 1901 года сплоченіе с. р—овъ заканчивается образованіемъ партіи и появленіемъ регулярно выходящей за границей партійной литературы.

О чемъ же, спрашивается, въ этотъ переходный, подготовительный къ организованной партійно-политической жизни, моментъ говорила свободная печать народничества: съ чѣмъ она пришла и на что разсчитывала?

Передъ нами еще несомнѣнная разноголосица неспѣвшихся отдѣльныхъ кружковъ, хаосъ, изъ котораго не успѣло откристаллизоваться единообразное «общественное мнѣніе» революціоннаго народничества. Присматриваясь ближе, мы можемъ намѣтить, однако, основные мотивы въ этомъ идейномъ его выступленіи. Въ немъ прежде всего даетъ себя знать процессъ того растущаго самосознанія революціонной интеллигенціи, которое проектируется идеологически въ формулѣ «Нашихъ Задачъ»: интеллигенція—авангардъ революціи. «Мы обращаемъ,—заявляетъ съ своей стороны «Вѣстникъ русской революціи» въ статьѣ перваго № «Наша программа»,—особенное вниманіе на организацію умственнаго пролетаріата, являющагося... промежуточнымъ слоемъ между буржуазной и рабочей интеллигенціей».

Въ атмосферѣ антагонистическаго отношенія къ идеямъ марксизма, интеллигенція начинаетъ себя сознавать, какъ самостоятельное политическое цѣлое, и однако, несмотря на это, она уже не можетъ себѣ мыслить политическаго обновленія Россіи безъ пролетаріата, какъ революціоннаго «народа» par excellence. Такъ, въ «Нашихъ Задачахъ», городской фабричный пролетаріатъ крупныхъ промышленныхъ центровъ разсматривается, какъ та именно «армія», которая, «предводительствуемая соціалистической интеллигенціей», «подниметъ движеніе и явится выразителемъ воли всей трудящейся массы фабричнаго люда и крестьянства».

И, наконецъ, эта интеллигенція, въ своемъ преобладающемъ большинствѣ, при всемъ народническомъ характерѣ своей концепціи развитія крестьянскаго хозяйства, для ближайшаго, по крайней мѣрѣ, момента ничего отъ крестьянства не ждетъ. «Систематическую дѣятельность среди крестьянства мы оставляемъ на будущее, не отказываясь лишь пользоваться всѣми удобными поводами для ознакомленія крестьянъ съ своей программой и привлеченія сознательныхъ сторонниковъ изъ наиболѣе развитой его части»—заявляютъ «Наши Задачи». А «Вѣстникъ рус. револ.» считаетъ въ числѣ «политическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ «Народной Волей»—отрицательный взглядъ на деревню, какъ на исходную точку демократическаго переворота, какъ на инициативную силу революціи». Инициативною же силой, по его мнѣнію, являются только—интеллигенція и рабочіе городовъ.

Такимъ образомъ, въ этотъ начальный періодъ развитія воскресшаго революціоннаго народничества, крестьянскій вопросъ не «очередной вопросъ» практической дѣятельности; онъ выступаетъ таковымъ лишь въ немногихъ произведеніяхъ заграничной «Аграрно-Соціалистической Лиги»,—а въ общемъ и цѣломъ остается теоретической схемой, намѣчаемой въ духѣ той «аграрной

эволюціи», которая популяризировалась на страницахъ легальнаго «Русскаго Богатства» въ статьяхъ Чернова, Пѣшехонова и другихъ.

Центральный же нервъ идейнаго движенія народничества проходитъ не здѣсь, онъ находится въ сферѣ процесса революціонизированія интеллигенціи и воздѣйствія ея на начавшееся рабочее движеніе. И до тѣхъ поръ, пока этотъ процессъ еще не принялъ своей специфически-интеллигентской формы—не окрасился въ террористическіе тона, какъ въ 1901 и еще болѣе въ 1902 г., и не далъ еще, какъ въ эти годы, новой вспышки массового движенія интеллигенціи, въ видѣ забастовокъ студенчества и демонстраціонной волны, до тѣхъ поръ онъ волей-неволей идеологически отражался въ различныхъ промежуточныхъ варіантахъ, начиная отъ точки зрѣнія, приближающейся къ взглядамъ революціонной соціалдемократіи, и кончая точкой зрѣнія политическаго радикализма въ его безпримѣсной формѣ. Или, конкретно говоря, отъ «Манифеста партіи», въ свое время привѣтствованнаго Плехановымъ за его соціалдемократическій характеръ, и до 1-го № «Революціонной Россіи»,—тогда еще выходившей въ Россіи въ качествѣ органа союза соціалистовъ-революціонеровъ, — номера, въ которомъ въ заявленіи отъ редакціи говорилось: «Политическая свобода—свобода слова, собраній, союзовъ, участія въ законодательствѣ и управленіи страны—вотъ лозунгъ нашихъ дней, вотъ та ближайшая цѣль, которая, силою окружающихъ условій, отодвигаетъ на задній планъ рѣшеніе основныхъ вопросовъ переустройства нашей общественной жизни, дѣлаетъ его пока неосуществимымъ». И далѣе: «Мы глубоко убѣждены, что, только идя на встрѣчу назрѣвшей потребности, выдвигая на первый планъ задачу политическаго освобожденія, русскіе революціонеры-соціалисты могутъ разсчитывать на успѣшность своей работы и на приближеніе своего конечнаго идеала».

Какъ видимъ: здѣсь нѣтъ идеи освободителя-пролетаріата, но еще нѣтъ въ то же время и идеи террора и того утопизма въ постановкѣ политической задачи, который былъ характеренъ какъ для старой Народной Воли, такъ окажется не менѣе характернымъ и для позднѣйшаго періода въ развитіи революціоннаго народничества.

Потому-то, считаясь съ этими фактами тогдашней идейной эволюціи народничества, какъ съ симптоматическими, Группа Освобожденія Труда и считала возможнымъ въ объявленіи о возобновленіи своей дѣятельности въ 1899 г. сдѣлать знаменательное заявленіе о томъ, что «въ настоящій моментъ соціалдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію и революціонному народничеству».

Мы переходимъ, такимъ образомъ, къ идейному движенію революціоннаго марксизма. Уже самая возможность приведеннаго нами сейчасъ заявленія указывала на глубину происшедшаго перелома, но всю значительность различія между недавней эрой господства идейнаго комплекса, названнаго нами марксизмомъ 90-хъ годовъ, и настоящимъ моментомъ его разложенія. А моментъ былъ таковъ, что среди идейныхъ перегруппировокъ разсматриваемаго нами двухлѣтія, рядомъ съ формирующимися «идеалистическимъ» либерализмомъ и революціоннымъ народничествомъ, все сильнѣе выдвигалась та часть революціонной

ціонной интеллигенціи, которая, будучи непосредственно связана практической работой съ движеніемъ рабочаго класса, въ процессѣ своего сплоченія и попытокъ созданія самостоятельной политической партіи пролетаріата, выдвигала идеи революціоннаго марксизма.

Революціонный марксизмъ въ Россіи становился изъ лабораторнаго продукта прежнихъ лѣтъ, изъ неотдѣлившейся части такъ называемаго легальнаго марксизма, идеологическимъ выраженіемъ процесса консолидаціи русской соціалдемократіи. Этимъ и объясняется та смѣна задачъ, стоявшихъ передъ марксизмомъ, которая дала себя знать съ такой рѣзкостью въ этотъ моментъ перехода. Такъ еще недавно вопросъ о развитіи капитализма въ Россіи былъ актуальнымъ политическимъ вопросомъ марксизма и, напр., еще въ 1898 г. «Русская фабрика» Туганъ-Барановскаго создавала вокругъ себя атмосферу вниманія, теперь же, въ 1899—1900 гг., аналогичныя темы, даже «Развитіе капитализма въ Россіи» Ильина, проходили, не возбуждая репликъ и представляясь почти академическими. И наоборотъ, вопросы практическаго движенія, въ періодъ легальнаго марксизма сводившіеся чуть ли не къ одной элементарной проблемѣ агитаціи и затѣненные основнымъ моментомъ борьбы марксизма съ народничествомъ, стали теперь тѣмъ фокусомъ, къ которому тайно или явно тяготѣли всѣ споры, который стоялъ за очередными вопросами—объ «экономизмѣ» и «бернштейніанствѣ».

И вмѣстѣ съ тѣмъ усложнялась практика движенія, вопросъ о партіи становился центральнымъ и еще въ 1897—98 гг. оказавшаяся не ко времени работа П. Б. Аксельрода, «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалъ-демократовъ», сдѣлалась въ извѣстномъ смыслѣ отправнымъ пунктомъ для революціонно-марксистскаго движенія. Недаромъ первый же протестъ въ Россіи противъ намъ уже извѣстнаго Credo опирался на тѣ двѣ знаменитыя перспективы, которыя ставилъ Аксельродъ, какъ неизбѣжную дилемму для рабочаго движенія въ Россіи.

«Рабочее движеніе—писалъ Аксельродъ—не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто-экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу, передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи... Другая перспектива—соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу частью рядомъ и въ союзѣ съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), частью же привлекая прямо въ ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые элементы изъ интеллигенціи». («Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ». Женева, 1897 г. стр. 19—20). Теперь дилемма Аксельрода, изъ перспективной дали переходя въ текущую дѣйствительность, становилась реальностью, воплощалась въ борьбѣ революціоннаго марксизма съ экономизмомъ и бернштейніанствомъ.

«Объявленіе о возобновленіи дѣятельности Группы Освобожденія труда» именно такъ и понимало очередную задачу революціоннаго русскаго марксизма. Оно отмѣчало, что «представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ

движеніи ищутъ себѣ поддержки на Западѣ, въ воззрѣніяхъ тѣхъ «критиковъ» марксизма, знаменоносцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ»; оно указывало на эволюцію въ самомъ «экономизмѣ»: «первоначально воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи—говорило оно—въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейніанства. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципіальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивно-педагогическими соображеніями, а принципіальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является не чѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей и продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». И далѣе, цитируя Credo, «Объявленіе» констатировало, что «русская соціалдемократія—если слѣдовать Credo—должна отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ конституціоналистовъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ либеральнаго «общества». Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго... русская же соціалдемократія, всего только безъ году недѣлю выступившая, какъ практическая активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ, и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совѣту своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ»...

И конечный выводъ отсюда: «борьба съ ними (т. е. съ русскими бернштейніанцами) это—борьба за существованіе соціалдемократіи въ современной Россіи».

Линія движенія русскаго революціоннаго марксизма была, такимъ образомъ, намѣчена; открывалась кампанія *противъ* «экономизма» и бернштейніанства и одновременно *за* реализацію той партіи, номинальное существованіе которой ведетъ свое начало со времени съѣзда 1898 г. и опубликованнаго имъ манифеста.

«Опасность» угрожаетъ соціалдемократіи «извнутри»—говорила декларація группы. Но если отъ этой декларації мы обратимся къ литературѣ двухлѣтія, то мы сразу окажемся въ томъ своеобразномъ положеніи, въ которомъ очутился Плехановъ, когда захотѣлъ документально изобразить «экономизмъ».

Правда, литература «критики марксизма» была чрезвычайно обширна, мы касались ея, говоря объ эволюціи демократіи «отъ марксизма къ идеализму», но это была литература демократической ликвидаціи соціалдемократіи, литература съ чрезвычайной поспѣшностью приспособлявшаяся къ своему новому политическому «курсу». Литература же «экономизма» настолько отсутствовала, что это отсутствіе и заставило въ то время Плеханова, выпуская свой полемическій памфлетъ противъ редакціи «Рабочаго Дѣла»—«Vademecum»—оперировать съ

неопубликованными документами и заявленіями соціалдемократовъ «экономистовъ».

Какъ извѣстное умонастроеніе «экономизмъ» былъ разлитъ въ жизни, въ практикѣ соціалдемократическихъ организацій; онъ по частямъ просачивался въ литературу, онъ проникъ между прочимъ и въ «Рабочее Дѣло», съ 99-го года начавшаго выходить взамѣнъ прежняго «Работника» (въ редакціи котораго участвовала Гр. Осв. тр.), но нигдѣ «экономизмъ» не получилъ законченнаго выраженія, идеологической разработки,—если не считать неоднократно уже нами упоминавшагося буржуазно-демократическаго Credo, политическіе выводы котораго заставляли отъ него отрекаться «экономистовъ», да еще нѣкоторыхъ статей въ Петербургской «Рабочей Мысли», въ особенности же ея «отдѣльнаго приложенія», вышедшаго осенью 99 года (къ слову сказать, со статьей, написанной для «Рабочей Мысли» Эд. Бернштейномъ).

Дѣло въ томъ, что экономизмъ былъ умонастроеніемъ, которое вышло изъ комбинаціи условій, получившей возможность просуществовать лишь короткое время и изчезнувшей прежде, чѣмъ этой комбинаціей рожденное умонастроеніе успѣло откристаллизоваться въ опредѣленную идеологическую форму. Какъ мы уже говорили, стачечная борьба пролетаріата оборвалась съ наступленіемъ промышленнаго кризиса, а въ средѣ самыхъ разныхъ слоевъ демократической интеллигенціи ускореннымъ темпомъ шелъ процессъ ихъ революціонизированія, процессъ, который даже Бердяева и Струве задѣвалъ рикошетомъ, заставляя отмежевываться отъ «филистерства» Бернштейна ради правъ «утопизма». Тѣмъ болѣе долженъ былъ обнаружиться этотъ процессъ въ средѣ той интеллигенціи, которая продолжала быть связанной съ движеніемъ рабочаго класса. Какъ мы еще увидимъ, что дальше, то больше, изъ кругозора этой интеллигенціи «политика» вытѣсняла «экономику», вопросъ о политическомъ освобожденіи Россіи заслонялъ собою обслуживаніе повседневныхъ экономическихъ нуждъ пролетаріата, все болѣе представлялось завѣдомо ни съ чѣмъ несообразной недавняя концепція экономизма, говорившая о возможности улучшенія положенія рабочаго класса въ рамкахъ существующаго политическаго строя, о преждевременности политической борьбы, а выпады «Раб. Мысли» противъ интеллигенціи и ея «революціоннаго нигилизма» только дискредитировали ихъ авторовъ. Къ моменту начавшагося процесса сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи отъ «экономизма» оставались одни лишь обрывки—теорія стадій Раб. Дѣла, непосредственно примыкавшая къ вопросамъ агитаціонной педагогики, да индифферентизмъ къ соціалдемократической догмѣ и расположеніе къ «критикѣ», во имя текущихъ интересовъ движенія.

Такимъ образомъ, экономизмъ уже былъ наполовину отжившимъ явленіемъ къ тому времени, когда процессъ сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи выдвинулъ «Искру» и съ нею вмѣстѣ вопросъ—организаціонно-партійный. Осенью 1900 года появляется объявленіе объ изданіи «Искры», съ уже намѣтившейся организаціонно-политической линіей и въ декабрѣ того же года первый номеръ газеты. Весной 1901 г. выходитъ № 1 «Зари». Но эта дѣятельность, начало которой еще падаетъ, правда, на конецъ 1900 года, по существу уже выходитъ изъ предѣловъ переходнаго двухлѣтія. Съ нею мы окончательно входимъ въ послѣдній, партійно-политическій періодъ предреволюціонной эпохи.

IV. Періодъ партійной политики.

Если двухлѣтье съ 1899 и по 1901 годъ, какъ мы уже видѣли, расщепивъ идейный комплексъ марксизма 90-хъ годовъ на его составляющіе элементы, продвинуло часть демократіи къ либерализму, консолидировало революціонно-марксистское ученіе и возродило революціонное народничество, то, начиная приблизительно съ 1901 года, эти идейныя теченія закрѣпляютъ свою связь съ партійно-политической дѣятельностью, по мѣрѣ того, какъ одна партійная группировка вслѣдъ за другой выступаетъ на сцену политической жизни: вначалѣ только революціонно-марксистское теченіе имѣетъ свою базу въ организующемся движеніи соціалъ-демократіи, затѣмъ—революціонное народничество находитъ опору въ слагающихся въ партію къ концу 1901 года организаціяхъ соціалистовъ-революціонеровъ, и, наконецъ, послѣднимъ либерализмъ демократіи пытается связаться съ организаціями земцевъ и создаетъ организацію ad hoc—Союзъ Освобожденія. Соотвѣтственно же этому процессу сближенія идейныхъ теченій съ общественно-политической дѣятельностью партій, какъ и съ быстро идущимъ впередъ оживленіемъ жизни, въ идеологіяхъ на первое мѣсто выдвигаются вопросы, такъ или иначе непосредственно связанные съ этой политической практикой. Подцензурная печать все болѣе сходитъ на нѣтъ и—вплоть до второй половины 1904 г.—положеніе центровъ идейнаго движенія сохраняютъ за собой нелегальные органы, какъ выразители стоящихъ за ними опредѣленныхъ общественныхъ силъ.

Такъ, основное теченіе марксизма идетъ по фарватеру «Искры»—«Зари» между тѣмъ какъ въ литературѣ «легальной» остается либо неимѣющая политическаго значенія струйка, въ видѣ марксистской примѣси къ неопредѣленно-демократическому содержанію «Міра Божьяго» или позже «Образованія», либо одиноко стоящія работы отдѣльныхъ писателей, какъ напр., вышедшій въ 1903 г. «Аграрный вопросъ» П. Маслова. И едва ли не въ качествѣ единственной легально-марксистской формаціи этого періода выступаетъ та группа писателей, которая сосредоточиваетъ свои силы на вопросахъ философіи и эстетики и въ борьбѣ съ нахлынувшимъ тогда на русскую общественную мысль идеализмомъ пытается произвести сочетаніе марксизма съ философскими взглядами Авенаріуса и Маха. Плодомъ по преимуществу усилій этой группы (Богдановъ, Луначарскій, Базаровъ) является сборникъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», а затѣмъ отчасти и журналъ «Правда», начавшій выходить уже къ самому концу этого періода «кануна революціи».

Такъ, «Русское Богатство», успѣвшее заложить основаніе для нѣкоторыхъ взглядовъ революц. народничества (спеціально по аграрному вопросу), становится, несмотря на присутствіе Михайловскаго, все болѣе блѣднымъ, по мѣрѣ того какъ на очередь выступаютъ тѣ задачи, которыя—по своему актуально-политическому характеру—могли быть дебатированы лишь на столбцахъ—«Революціонной Россіи» или «Вѣстника русск. революціи».

Такъ, даже описанное нами движеніе демократіи «отъ марксизма къ идеализму»—не говоря уже о либеральномъ движеніи въ его цѣломъ—находило свое

завершеніе не столько въ «Проблемахъ идеализма», а тѣмъ менѣе въ такихъ, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія, журналахъ, какъ «Вопросы Жизни» (и отчасти «Новый Путь»), а въ организаціи свободной трибуны для либерализма въ штуттгартскомъ органѣ Струве—«Освобожденіе». Ни «Вѣстникъ Европы», ни «Русск. Вѣдомости», ни «Русская Мысль» за это время не играютъ какой либо роли, и одно только «Право» привлекаетъ къ себѣ время отъ времени вниманіе статьями Набокова, кн. С и Е. Трубецкихъ, Петрункевича и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Революціонный марксизмъ былъ первымъ, вошедшимъ въ эту полосу партійной политики; вошедшимъ въ то время еще, когда революціонное народничество переживало эмбріональную стадію своего партійнаго развитія, а либерализмъ еще не успѣлъ обрѣсти той новой своей формы, которая дана была взаимодѣйствіемъ эволюціонировавшей отъ марксизма къ идеализму демократіи и земской культурно-либеральной среды. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какъ этотъ пріоритетъ соціалъ-демократическаго выступленія и одновременно организованности, отразился на нѣкоторыхъ чертахъ революціонно-марксистской идеологіи. Сейчасъ мы переходимъ къ опредѣленію той работы, которую пришлось произвести революціонному марксизму на первыхъ же порахъ своего консолидированнаго выступленія. Это была, прежде всего, реализація тѣхъ обязательствъ, которыя были приняты имъ на себя еще въ предъидущее двухлѣтье, но по которымъ уплатить въ полной мѣрѣ ему удалось только теперь: отвѣтъ бернштейніанству и ликвидація экономизма.

Только теперь, въ 1901—1902 г.г., въ 3 книжкахъ «Зари» русская «критика марксизма» услышала свою антикритику изъ устъ «ортодоксіи», она получила тотъ отвѣтъ, который ей успѣлъ еще дать революціонный марксизмъ до тѣхъ поръ, пока волна растущаго освободительнаго движенія не захлестнула его своими текущими политическими интересами, и пока, съ другой стороны, русское бернштейніанство еще не растворилось безъ остатка въ новообразовавшемся либерализмѣ.

Въ серіи статей, подъ общимъ названіемъ «Критика нашихъ критиковъ», Плехановъ сводилъ счеты съ попытками критиковъ Маркса перекроить и перетолковать на свой ладъ Марксову теорію общественнаго развитія. Сводя же эти счеты, ему приходилось концентрировать свое вниманіе на Струве, ибо въ то время Струве, которому и мы должны были удѣлить такъ много вниманія и мѣста—представлялъ изъ себя центральную фигуру въ идейномъ развитіи буржуазной демократіи. Потому-то такое значеніе и пріобрѣтало доказательство несостоятельности его аргументаціи и такъ важно было вскрыть общественное содержаніе его «критики».

Съ данными новѣйшей статистики въ рукахъ, Плехановъ показалъ несостоятельность того представленія ревизіонизма объ относительномъ улучшеніи въ положеніи рабочаго класса, которое легло въ основаніе всѣхъ выводовъ о развитіи современнаго общества путемъ «притупленія противорѣчій». Но мало того: и въ болѣе общей формѣ Плехановъ показалъ, какъ историческую несостоятельность той «формулы развитія», которая дана была Струве, такъ и логическую несостоятельность тѣхъ доводовъ, которыми Струве пытался «гносеологически»

мотивировать свое непризнаніе въ исторіи «скачковъ», и, стало быть,—свое отрицаніе соціальной революціи.

«Если понятіе—общественный переворотъ—несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ—замѣчалъ Плехановъ—то, очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться ко всѣмъ переворотамъ. А если революція буржуазіи давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а измѣненія «непрерывны», то у насъ есть всѣ основанія думать, что въ свое время совершатся и другіе перевороты, если только, разумѣется, они не встрѣтятъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ «гносеологическихъ разсужденіяхъ» [1]).

Соціальная революція не исключаетъ соціальной реформы и «формула» историческаго развитія, если ужъ таковая непремѣнно нужна, должна охватить и революцію, и реформы, какъ различные моменты одного историческаго процесса. Струве считаетъ неотразимымъ аргументъ, гласящій, что «выродившійся рабочій классъ» не «способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія». Но, вѣдь, Марксъ и Энгельсъ «никогда» и «не расчитывали на выродившіеся элементы пролетаріата, какъ на общественную силу». И тогда какъ Струве полагаетъ, что «ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата.... равносильно созданію условій, затрудняющихъ развитіе его классоваго самосознанія», Марксъ и Энгельсъ говорили о томъ, что развитіе капитализма «создаетъ не одни только «пассивные продукты общественнаго разложенія», оно, кромѣ того, будитъ мысль... пролетаріевъ... и образуетъ изъ нихъ все болѣе растущую армію общественнаго переустройства». Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также и на «возмущеніе рабочаго класса, который постоянно ростетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». (Тамъ же, стр. 95).

Свою «реалистическую» точку зрѣнія Струве пытается обосновать на «коренномъ положеніи историческаго матеріализма» о постоянно совершающемся «приспособленіи права къ экономіи», положеніи, по мнѣнію Струве, идущемъ въ разрѣзъ съ Марксовой концепціей соціальной революціи, но обосновываетъ точку зрѣнія на томъ «коренномъ недоразумѣніи», въ которое при этомъ впадаетъ, исказивъ матеріалистическое ученіе Маркса. И во имя «реализма» же онъ отвергаетъ и «конечную цѣль», изъ предмета познанія дѣлая ее предметомъ религіи. Но «для того, чтобы «конечная цѣль»—говоритъ Плехановъ—стала для меня болѣе или менѣе благочестивой утопіей, неосуществимость которой ясна для меня при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы я предварительно убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитіе нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу... Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія капитализма будетъ продол-

[1]) Плехановъ. „Критика нашихъ критиковъ". Спб. изд. 1906 г., стр. 97—98.

жаться постоянно, т. е. другими словами, что капитализмъ будетъ существовать всегда, или, по крайней мѣрѣ, такъ необозримо долго, что незачѣмъ и задумываться объ его устраненіи... Разъ у человѣка возникло такое убѣжденіе, то ему, въ самомъ дѣлѣ, не остается ничего другого, какъ положить «конечную цѣль» на божницу благочестивыхъ утопій и признать штопанье дыръ единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собой реальную почву» (Тамъ же, стр. 122). Свою антикритику Плехановъ суммировалъ въ выводѣ: «историческая миссія нашихъ «критиковъ» заключается въ «пересмотрѣ» Маркса для устраненія изъ его теоріи всего ея истинно-новаторскаго содержанія». Нашу «образованную» мелкую буржуазію, идеологами которой являются гг. «критики», отталкиваютъ его (Маркса) крайніе выводы; ее пугаетъ его страсть. Но «по нынѣшнимъ временамъ» трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: его критическое оружіе необходимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ оттѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ ея плевелъ; надо противопоставить настоящему Марксу—Маркса-реформатора, Маркса-реалиста». «Марксъ противъ Маркса»! И вотъ закипаетъ работа «критики». Изъ теоріи Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ служить пролетаріату духовнымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ буржуазіей Діалектика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общественнаго прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; устраненіе капиталистическихъ отношеній производства; диктатура пролетаріата—всѣ эти необходимыя составныя части Марксова ученія, безъ которыхъ оно утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, объявляются второстепенными частностями, несоотвѣтствующими нынѣшнему состоянію науки, тенденціозными, утопичными... Мало-по-малу изъ горнила «критики» выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость возникновенія капиталистическаго способа производства, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что касается его устраненія. «Критика» ухитряется сдѣлать изъ Маркса почти консерватора» (стр. 125). Соціальная реформа въ теоріи Струве—говорилъ Плехановъ— не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но, напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію «соціальнаго мира». И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой «реформѣ», то это не мѣшаетъ нашему «неомарксизму» быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ спеціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса, какъ цѣлаго. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго класса» (стр. 126).

Если Плехановъ доказывалъ теоретическую несостоятельность русской «критики Маркса» въ общихъ вопросахъ соціальнаго развитія, то работы другихъ авторовъ въ «Зарѣ» затрагивали отдѣльныя темы этой «критики» или анализировали общественно-политическое содержаніе ея появленія въ Россіи.

Такъ, Ленинъ,—въ своей неоконченной работѣ—выступалъ противъ «критиковъ» въ аграрномъ вопросѣ — Чернова и Булгакова [1]); В. И. Засуличъ

отдавала должное «идеализму» Бердяева и его изобличенію европейскаго рабочаго движенія въ буржуазности, квалифицируя его «философію», какъ проектъ украшенія «буржуазной лавки» «букетомъ бумажныхъ цвѣтовъ» «абсолютнаго добра, истины и красоты». «Старый бумажный букетъ измялся, запылился, его не видно изъ-за тюковъ съ товарами, но почему же, въ самомъ дѣлѣ, не встряхнуть его и не поставить на видное мѣсто въ качествѣ «компенсаціи» за духовныя потери пролетаріата, заключающіяся въ возведеніи текущаго пятачка въ единственную цѣль и высшую цѣнность жизни» [2]). Л. Аксельродъ (Ортодоксъ) [3]) оперировала съ «гносеологіей» Струве, Л. Мартовъ, въ статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ», ставилъ кризисъ русскаго марксизма въ связь съ эволюціей буржуазной демократіи, предрекая революціонному марксизму удѣлъ «меньшинства», и Старовѣръ опредѣлялъ общественно-психологическое содержаніе того, «что случилось» съ русскимъ легальнымъ марксизмомъ.

И во всѣхъ этихъ работахъ красной нитью проходила борьба за самостоятельную политическую партію пролетаріата и за «конечную цѣль», какъ опредѣляющій принципъ этой партіи. Правда, ревизіонизмъ, нападая на отдѣльныя положенія марксизма, еще остерегался, до поры до времени, открыто разрывать съ движеніемъ соціалъ-демократіи и тщательно подчеркивалъ свои соціалистическія симпатіи. И однако, либеральный метаморфозъ буржуазной демократіи, явившійся дальнѣйшимъ этапомъ россійскаго ревизіонизма, только подтверждалъ справедливость той позиціи, которую занялъ по отношенію къ нему революціонный марксизмъ, и вѣрность поставленныхъ ревизіонизму діагноза и прогноза.

Но если борьба противъ ревизіонистскихъ идей въ конечномъ своемъ счетѣ была борьбой за идею самостоятельной политической партіи пролетаріата, то о борьбѣ революціоннаго марксизма противъ пережитковъ экономизма, еще висѣвшихъ непосредственно грузомъ надъ его партійно-политической практикой, приходится сказать, что эта борьба была борьбой за непосредственную реализацію уже существовавшей номинально партіи и за такіе методы ея построенія, при которыхъ этой партіи максимально обезпечивалась чистота ея соціалдемократическихъ принциповъ.

Какъ мы уже говорили, къ моменту выступленія «Искры» старый экономизмъ уже умиралъ; въ атмосферѣ растущаго политическаго возбужденія, идея преждевременности перехода къ политической агитаціи въ рабочей массѣ становилась всѣ болѣе вопіющимъ анахронизмомъ, пока, наконецъ, волна февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 г. окончательно не смыла ее съ поверхности общественной жизни. Естественно, что при данныхъ условіяхъ марксистская критика «экономизма» не столько боролась съ нимъ, сколько подводила итоги, занимаясь уже въ сущности его ликвидаціей.

Именно, такой характеръ носила статья Плеханова въ «Зарѣ» (№ 1) — «Еще разъ соціализмъ и политическая борьба»—и соотвѣтственно этому объектомъ своей критики брала не кричащія проявленія экономизма, не эксцессы его антирево-

[1]) Ст. „Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ“, „Заря“, № 2—3.

[2]) Ст. „Элементы идеализма въ соціализмѣ“, „Заря“ № 2—3 и 4.

[3]) „Почему мы не хотимъ идти назадъ“, „Заря“ № 2—3 и ст. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ“, „Заря“ № 4.

люціоннаго настроенія въ извѣстномъ приложеніи къ «Рабочей Мысли», а то существо его взглядовъ, тотъ корень его теоретическихъ ошибокъ, который—по мнѣнію Плеханова—уже можетъ быть установленъ въ брошюрѣ «Объ агитаціи», сыгравшей такую значительную роль въ соціалдемократической практикѣ половины 90-хъ годовъ. Эта брошюра—говорилъ Плехановъ—нанесла въ свое время сильный ударъ «кружковщинѣ», создавшей очень образованныхъ людей изъ отдѣльныхъ рабочихъ и рѣшительно неспособной вліять на массу, но она боролась съ кружковщиной такими доводами, которые дали ей возможность стать на нѣкоторое время «евангеліемъ чистыхъ экономистовъ, съ точностью воспроизводившихъ старыя ошибки народниковъ». Исходя изъ противопоставленія—«объективной логики вещей», которою народная масса вовлекается въ борьбу, «разсужденіямъ», якобы, не играющимъ при этомъ какой либо роли, авторъ брошюры «Объ агитаціи» тѣмъ самымъ закладывалъ основаніе для выводовъ, которые дѣлались затѣмъ «экономистами». Въ самомъ дѣлѣ, если «разсужденія» не имѣютъ значенія, то мы должны говорить народнымъ массамъ только то, что имъ доступно и безъ нашихъ разсужденій, слѣдовательно, сосредоточить свои усилія на ихъ ближайшихъ экономическихъ интересахъ. И если, далѣе, по мнѣнію автора брошюры, «роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто-экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ останется преждевременной, а потому и вредной». Такимъ путемъ мы приходимъ къ тому смѣшенію понятія «классъ» съ понятіемъ «партія», которое «служитъ теперь... источникомъ... заблужденій», препятствующимъ «извѣстной части русскихъ соціалъ-демократовъ не только вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу».

Между тѣмъ, надо помнить: «если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ... еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «моментъ» такой борьбы еще не насталъ для партіи, задавшейся цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ политической борьбы наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для политической агитаціи». Въ противномъ случаѣ,.. игнорируя иниціативу партіи въ дѣлѣ политической борьбы, мы логически приходимъ къ тому выводу, согласно которому «существованіе соціалъ-демократіи не имѣетъ теперь смысла» [1]).

Одновременно, однако, съ ликвидаціей «экономизма» и его тезиса о преждевременности политической агитаціи, на первый планъ выступала борьба съ тѣмъ хаосомъ его пережитковъ, широко разлитымъ въ соціалъ-демократической средѣ того времени, съ хаосомъ, который стоялъ на пути процессу консолидаціи соціалъ-демократіи въ партію, получившему свое выраженіе въ «Искрѣ» и ея организаціонно-политическихъ планахъ.

Организаціонная раздробленность, элементарность практики, не выходившая изъ среды взаимоотношеній между рабочими и предпринимателями, и соотвѣтственно, элементарность соціалъ-демократическихъ взглядовъ на политику—

[1]) Цитируемъ по изд. 1906 г., стр. 88—100.

это наслѣдіе не только экономизма, но и всего періода легальнаго марксизма вообще,—или лучше, сказать, абсентеизмъ въ политикѣ и рядомъ политика, не объединенная единствомъ принципа, и какъ ея слѣдствіе, политическій импрессіонизмъ, благодаря которому возможны были скачки отъ настроеній, непосредственно связанныхъ съ «экономизмомъ», вплоть до призывовъ на «штурмъ» и сочувствія террористическимъ методамъ дѣйствій—вотъ съ чѣмъ «Искрѣ» пришлось столкнуться съ первыхъ же шаговъ ея выступленія, и вотъ въ антагонизмѣ къ чему опредѣлялось направленіе какъ ея политики, такъ и ея организаціонно-партійной практики.

«Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса—наша главная и основная задача», писала «Искра» въ передовой статьѣ своего перваго номера. «Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ пріемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію. Ото двигаютъ эту задачу тѣ, кто съуживаетъ содержаніе и размахъ политической пропаганды, агитаціи и организаціи, кто считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ угощать рабочихъ «политикой» только въ исключительные моменты ихъ жизни... кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу» противъ стараго режима «на требованія отдѣльныхъ уступокъ и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую борьбу» рабочей партіи противъ существующаго политическаго строя.

И далѣе: «безъ такой организаціи (т. е. безъ политической партіи) пролетаріатъ не способенъ подняться до сознательной классовой борьбы, безъ такой организаціи рабочее движеніе осуждено на безсиліе, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на немъ великую историческую задачу: освободить себя и весь русскій народъ отъ его политическаго и экономическаго рабства». И въ заключеніе: мы осуществимъ эту задачу, «если всѣ силы пробуждающагося пролетаріата соединимъ со всѣми силами русскихъ революціонеровъ въ одну партію, къ которой потянется все, что есть въ Россіи живого и честнаго».

Передъ нами, такимъ образомъ, въ первомъ же номерѣ «Искры» очередная задача политической агитаціи въ рабочемъ классѣ и его политической организаціи упирается въ идею гегемоніи пролетаріата и его соціалъ-демократическаго авангарда въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. И та же идея въ различныхъ варіантахъ встаетъ передъ нами и дальше. Напомнимъ, напр., статью «На порогѣ двадцатаго вѣка» во 2 № «Искры» съ ея заключительнымъ аккордомъ: «русская соц.-демократическая партія возьметъ на себя иниціативу борьбы... и она нанесетъ... ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ тѣхъ элементовъ, на которые давитъ теперь тяжелое, неуклюжее зданіе неограниченной монархіи»... или перифразъ извѣстной рѣчи Плеханова на парижскомъ конгрессѣ 1889 года, въ статьѣ № 20 «Искры»: «только на фундаментѣ политическаго самосознанія русскаго пролетаріата можетъ быть воздвигнуто зданіе русской политической свободы! Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочей массы, или совсѣмъ не восторжествуетъ»...

Но для того, чтобы понять политическую позицію, занятую «Искрой» и роль, которую въ ея представленіи играла идея гегемоніи, мы должны обратиться къ общественно-политической конъюнктурѣ того времени, когда вырабатывалась идеологія «Искры». Это было время уже завершенной дифференцировки идейныхъ теченій, за которой, однако, еще не успѣла послѣдовать дифференцировка партійно-политическая.

Вплоть до начала 1902 года, когда обнаружились первые признаки буржуазно-демократической консолидаціи вокругъ либеральнаго земства и когда ростъ террористическихъ настроеній интеллигенціи въ связи съ начавшимися крестьянскими волненіями далъ благопріятную среду для развитія соціалистовъ-революціонеровъ — «Искра» имѣла передъ собою ту аморфную обывательскую массу, тотъ конгломератъ либерально-демократическихъ и революціонно-настроенныхъ элементовъ, въ которомъ бродили извѣстныя тенденціи и слагались неопредѣлившіяся еще группировки, но который не могъ противопоставить чего либо съ своей стороны организаціонному процессу соціалъ-демократіи.

При такихъ то условіяхъ начинала свою публицистическую миссію «Искра», какъ литературная представительница соціалъ-демократіи и въ то же время, какъ органъ всенародныхъ политическихъ обличеній, въ поддержкѣ котораго непосредственно заинтересованы всѣ демократическіе элементы страны (см. ея «Объявленіе»). И при тѣхъ же условіяхъ начиналась впервые, въ обстановкѣ развивающейся политической жизни, конкретизація идеи гегемоніи — этой исконной концепціи революціоннаго русскаго марксизма. Неудивительно, что эта конкретизація носила на себѣ всѣ черты, принадлежавшія моменту, и идея гегемоніи воплощалась, напр., въ идеѣ руководительства соціалъ-демократіи движеніемъ не одного только рабочаго класса, но и другихъ общественныхъ классовъ и группъ.

«Мы гордимся тѣмъ, говорилось въ 12-мъ № «Искры» въ «Бесѣдѣ съ защитниками экономизма», что «Искра» пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ слояхъ населенія... Какъ передовой борецъ за демократію, соціалъ-демократія должна... руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, разъяснять имъ общее политическое значеніе ихъ частныхъ и профессіональныхъ столкновеній съ правительствомъ, привлекать ихъ къ поддержкѣ революціонной партіи, должна вырабатывать въ своей средѣ такихъ вождей, которые бы умѣли вліять на всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Всякій отказъ отъ этой роли... равносиленъ новой «защитѣ отсталости» соціалъ-демократовъ, отсталости отъ подъема демократическаго общенароднаго движенія, равносиленъ передачѣ руководящей роли въ руки буржуазной демократіи».

Слѣдуя традиціямъ «Группы Освобожд. труда» и въ противоположность «экономизму», «Искра» признавала и подчеркивала, что въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи у русской соціалъ-демократіи «много союзниковъ» [1]). Но то были «союзники», еще не сложившіеся въ партіи, то было «общество», къ которому «Искра» обращалась, напр., послѣ мартовскихъ дней 1901 года,

[1]) См. „Искра“ № 16, ст. „Политическая агитація и классовая точка зрѣнія“. Ср. также ст. Плеханова въ № 2 „Зари“ „Что же дальше“.

говоря: «теперь отъ политической зрѣлости русскаго общества будетъ зависѣть, сумѣетъ ли оно понять этотъ фактъ (участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ. А. П.) и извлечь изъ него всѣ практическія слѣдствія... Организованный пролетаріатъ получилъ теперь право надѣяться, что «общество» поймет, наконецъ, политическій смыслъ ведущейся имъ борьбы, и что оно признаетъ первенствующее политическое значеніе рабочаго движенія въ современной Россіи» [1]). Это «общество» надо было «подталкивать», ему приходилось оказывать помощь, и извѣстное предложеніе Ленинской статьи «Письмо къ земцамъ» («И.» № 18)—помочь «новымъ протестантамъ» изданіемъ и распространеніемъ листка ихъ—представляло лишь сколокъ съ тѣхъ реальныхъ отношеній, которые короткое время существовали въ дѣйствительности. Напоминаемъ о напечатаніи «Зарей» записки Витте «Самодержавіе и земство» съ либеральнымъ предисловіемъ, Р. Н. С. (Струве), но еще больше обращаемъ вниманіе на знаменательный фактъ заключенія въ самомъ началѣ 1901 года—договора, не получившаго, впрочемъ, осуществленія—между группой «Зари—Искры» и «группой демократической оппозиціи» «Свобода», въ лицѣ ея представителя, того же П. Струве. Предметомъ договора служило изданіе «общеполитическаго приложенія къ Зарѣ», подъ названіемъ «Современное Обозрѣніе», которое должно было выходить подъ совмѣстной редакціей представителей обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ виду чрезвычайной характерности этого, оставшагося до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, эпизода изъ исторіи взаимоотношенія нашихъ идейныхъ теченій,—мы приводимъ въ существенныхъ выдержкахъ принятый обѣими группами проектъ объявленія, въ которомъ заявленіе отъ имени редакціи «Зари» написано Плехановымъ, и отъ имени группы «демократической оппозиціи»—Струве».

„Русская соціалъ-демократія, говорилось въ объявленіи отъ редакціи „Зари“, въ лицѣ своихъ сознательныхъ элементовъ... всегда понимала, что побѣда надъ“.. старымъ режимомъ „можетъ быть куплена лишь цѣною одновременныхъ усилій всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ нашей страны. Поэтому она всегда готова была... по мѣрѣ своихъ силъ поддерживать всякое, болѣе или менѣе прогрессивное, движеніе, направленное противъ существующаго у насъ порядка. Рѣзко осуждая—какъ совершенно нецѣлесообразную—мысль о полномъ сліяніи всѣхъ вышеназванныхъ элементовъ въ единую политическую партію, сознательные русскіе соціалъ-демократы всегда твердо держались того убѣжденія, что эти многоразличные элементы... должны идти рядомъ и поддерживать другъ друга тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ съ общимъ... врагомъ. Въ виду этого наши читатели не удивятся, узнавъ, что редакція „Зари“ предприняла изданіе обще-политическаго приложенія къ своему журналу совмѣстно и на равныхъ правахъ участія въ редакціи съ представителями демократической оппозиціи, ставящими между прочими цѣлями задачу „политически осмысливать легальную борьбу съ... превосходно организованнымъ самовластіемъ бюрократіи“... Это политическое осмысливаніе легальной борьбы такъ наз. общества... несомнѣнно, составитъ собою политически необходимое и давно желанное дополненіе къ революціонной дѣятельности русскихъ соціалъ-демократовъ въ рабочей средѣ и потому найдетъ въ нихъ полнѣйшее сочувствіе..... Въ Россіи практическій интересъ, общій всѣмъ партіямъ, кромѣ партіи кнута и палки, заключается... въ торжествѣ политической свободы, и въ предѣлахъ этого общаго практическаго интереса самый элементарный политическій разсчетъ предпи-

[1]) „Искра“ № 3, ст. „Бурный мѣсяцъ“.

сываетъ этимъ партіямъ сближаться другъ съ другомъ и поддерживать другъ друга". На страницахъ „Современнаго Обозрѣнія".... „будетъ свободно высказываться всякое политическое мнѣніе, кромѣ мнѣнія противниковъ политической свободы"....

Съ своей стороны представители демократической оппозиціи заявляли: ....желая служить дѣлу широкой общественной пропаганды идей свободы, мы не задаемся выработкой какой-либо партійной программы, предрѣшающей въ деталяхъ то или другое политическое устройство нашей многоплеменной и многоязычной страны.... Наше вниманіе будетъ одинаково удѣлено и нелегальной, т. наз. „революціонной" борьбѣ и всѣмъ фактически осуществляемымъ и возможнымъ попыткамъ—бороться съ существующимъ политическимъ порядкомъ вещей на его собственной почвѣ. Мы напередъ заявляемъ, что одной изъ главнѣйшихъ задачъ литературнаго предпріятія будетъ—политически осмысливать легальную борьбу съ.. превосходно организованнымъ самовластіямъ бюрократіи..... Все больше и больше укрѣпляющееся и у русской оппозиціи и у... правительства убѣжденіе въ неразрывной исторической связи между т. н. легальной и культурной дѣятельностью и дѣятельностью, прямо и открыто направленной на измѣненіе существующаго политическаго порядка, является, на нашъ взглядъ, важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ политическаго сознанія за послѣднее время..... Мы не отвергаемъ въ легальной общественной дѣятельности неизбѣжности извѣстныхъ компромиссовъ, но мы будемъ признавать только тѣ компромиссы, которые диктуются неуклоннымъ стремленіемъ скорѣе и прочнѣе завоевать для русскаго человѣка условія достойнаго политическаго существованія. За этими предѣлами практичность переходитъ въ нравственно презрѣнную и политически опасную безпринципность.... Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что мы такъ же, какъ и соединившаяся съ нами для общаго дѣла соціалъ-демократическая группа, признаемъ первостепенное политическое значеніе и призваніе русскаго рабочаго движенія. Въ немъ политическая мысль интеллигенціи нашла себѣ могучаго союзника, съ ростомъ котораго отнынѣ неразрывно связаны судьбы политической свободы въ Россіи. Мы разсчитываемъ, что „Совр. Обозр." встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Задача его—соединить всѣ эти элементы на одномъ литературномъ предпріятіи, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи, соціалъ-демократіей"....

Какъ мы уже сказали, этотъ историческій документъ реализованъ не былъ, но и въ этомъ своемъ нереализованномъ видѣ онъ остается для насъ неоцѣненнымъ свидѣтелемъ того положенія вещей, которое вынуждало либеральную демократію—при ея политическомъ дебютѣ—дѣлать попытки создать общую съ революціоннымъ марксизмомъ литературную трибуну и искать опоры вообще «въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи—соціалъ-демократіей».

Мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ моментомъ, когда процессъ высвобожденія демократіи изъ подъ вліянія марксизма, въ сущности почти уже законченный, столкнулся съ ростущимъ престижемъ организаціонно-агитаціонной работы соціалъ-демократіи и далъ въ результатѣ эту своеобразную литературно-политическую комбинацію—наканунѣ мартовскихъ дней 1901 года.

Демонстраціонная эра, начавшаяся этими днями и выдвинувшая опять на политическую сцену студенчество и съ нимъ вмѣстѣ демократическую интеллигенцію вообще, относительно понизила въ глазахъ демократіи политическій вѣсъ пролетаріата и повысила ея собственную цѣнность, тѣмъ самымъ давъ

сильный толчекъ молекулярнымъ процессамъ сплоченія въ различныхъ слояхъ демократіи. Но непосредственно въ политическую концепцію русскаго марксизма, эта эра не внесла серьезныхъ измѣненій. Напротивъ того, какъ мы увидимъ сейчасъ, расцвѣтъ политическихъ идей, характеризующихъ «Искру» ея перваго фазиса развитія, т. е. «Искру» того времени, которое предшествовало партійному съѣзду 1903 г., уже относится къ моменту, когда приходило къ концу, какъ монопольное положеніе «Искры» въ роли единственнаго въ Россіи свободнаго періодическаго органа, такъ и монополія соціалдемократической организованности. Идеологія же все еще продолжала развертываться въ томъ направленіи, которое было дано политической конъюнктурой первоначальнаго выступленія «Искры».

Такъ еще началу 1902 г. принадлежитъ едва ли не наиболѣе изъ всѣхъ характеризующее моментъ пониманіе идеи гегемоніи. Мы говоримъ о послѣсловіи, которымъ «Искра» (№ 18) сопровождала статью Каутскаго—«Славяне и революція». Въ этой статьѣ Каутскій высказывалъ увѣренность, что міровой революціонный центръ передвигается въ Россію, и надежду, что русской соціалдемократіи удастся одолѣть тотъ новый «священный союзъ», который представленъ европейскимъ капиталомъ и русскимъ абсолютизмомъ. «Искра», съ своей стороны, замѣчала: «если русской соціалдемократіи дѣйствительно удастся отвоевать себѣ роль передового борца за освобожденіе пролетаріата всего міра, то поистинѣ неизмѣрима будетъ та мощь, которую эта гегемонія придастъ нашей собственной борьбѣ за достиженіе нашихъ ближайшихъ, самыхъ насущныхъ задачъ. Потому что стоять во главѣ значитъ пользоваться всею той силой, которая идетъ позади». И показавъ на примѣрахъ, въ чемъ должна выражаться поддержка этой силы, «Искра» заключала: «но чтобы добиться такой гегемоніи, недостаточно говорить о ней... Мы должны развить революціонную мысль и революціонное дѣло до послѣднихъ предѣловъ и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачиваетъ нашу революціонность... Мы должны взять въ свои руки руководство борьбой всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ слоевъ русскаго народа, потому что, какъ можемъ мы мечтать о томъ, чтобы стать во главѣ всемірной революціи, если не сумѣемъ встать во главѣ русской?» Конечно, идея міровой гегемоніи была лишь болѣе или менѣе случайнымъ отголоскомъ взглядовъ, высказанныхъ Каутскимъ, но тѣмъ отчетливѣе выступала на ея фонѣ идея русской гегемоніи, въ специфической формѣ, принадлежащей моменту, и въ той оптимистической окраскѣ, съ которой контрастировало едва ли не одно пессимистическое «Всегда въ меньшинствѣ» Л. Мартова, во 2 № «Зари».

И въ началѣ же 1902 года выходитъ памфлетъ Ленина «Что дѣлать», въ которомъ нашла свою систематизацію организаціонно-политическая реакція противъ экономизма. Отдѣльныя проявленія этой реакціи мы можемъ наблюдать тамъ и здѣсь на всемъ протяженіи первыхъ двухъ лѣтъ существованія «Искры», и уже въ ея 3 №, въ статьѣ «Съ чего начать» данъ Ленинымъ первоначальный набросокъ его будущей схемы. Но только въ «Что дѣлать» передъ нами выступаетъ эта реакція противъ экономизма въ видѣ опредѣленнаго идейнаго наслоенія на революціонномъ русскомъ марксизмѣ.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ процессъ формированія соціалдемократической партіи въ данной исторической обстановкѣ принималъ все болѣе ха-

рактеръ формированія революціонно-интеллигентскаго аппарата для руководства движеніемъ рабочаго класса, въ революціонно-марксистскую идеологію врывалась струя, которая искала идеологическаго выраженія для этого, правда, еще не осознаннаго, но инстинктивно ощущавшагося момента въ развитіи русскаго соціалдемократическаго движенія. И вотъ создается концепція, въ которой на первое мѣсто выступаетъ централизованная организація профессіональныхъ революціонеровъ, въ качествѣ носительницы соціалистическаго начала, а рабочее движеніе само по себѣ представляется идущимъ въ направленіи буржуазнаго развитія. «Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ,—говоритъ Ленинъ [1]), — что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское»... Трэдъ-юніонизмъ же означаетъ «порабощеніе рабочихъ буржуазіей». Соціализмъ приносится рабочему движенію извнѣ. Такъ, у насъ теоретическое ученіе соціалдемократіи есть «естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи». И въ соотвѣтствіи съ этимъ представленіемъ о «буржуазности» массъ и соціалистической «сознательности» «профессіонально-революціонной» интеллигенціи, организація профессіональныхъ революціонеровъ становится центромъ, къ которому пріурочивается политическое движеніе рабочаго класса, и въ то же время центромъ, разсылающимъ своихъ агентовъ-агитаторовъ «во всѣ классы населенія» и осуществляющимъ тѣ грандіозныя политическія задачи, которыя предносились соціалдемократіи. Подъ знакомъ этой концепціи ведется война съ «кустарничествомъ» экономистовъ, «демократическому» принципу въ организаціяхъ противопоставляется принципъ построенія партіи сверху, и вырабатывается планъ созданія организаціи вокругъ общерусской политической газеты.

Такимъ образомъ, какъ антитеза экономизму, въ нѣдрахъ революціоннаго марксизма появляются первыя очертанія того видоизмѣненнаго бланкизма, который въ 1903 году приводитъ къ расколу и уже позже—въ эпоху революціи—развертываетъ свое общественно-политическое содержаніе. Но въ моментъ появленія «Что дѣлать»—этотъ бланкизмъ еще не выдѣляется изъ общаго революціонно-марксистскаго русла—и хотя и непріемлемый въ цѣломъ отдѣльными представителями революціонно-марксистской идеологіи—быстро идетъ къ господству въ соціалдемократической практикѣ и опредѣляетъ собой организаціонно-политическую линію «Искры».

Если, говоря объ идеѣ гегемоніи, мы могли констатировать, какъ въ ея проявленіяхъ своеобразно преломилась политическая конъюнктура момента, то въ этомъ сплетеніи бланкизма съ марксизмомъ передъ нами впервые отражается противорѣчіе между огромностью тѣхъ политическихъ задачъ, которыя выдвигались передъ революціонно-марксистской интеллигенціей вмѣстѣ съ ходомъ событій, и тѣмъ моментомъ въ движеніи рабочаго класса, когда проникавшее въ него политическое сознаніе—благодаря ряду историческихъ условій—еще не претворялось въ организаціонно-партійное сплоченіе самого пролетаріата, и когда, наоборотъ, процессъ революціонно-интеллигентской консолидаціи сплошь и рядомъ глушилъ первоначальные всходы пролетарской самодѣятельности.

---

[1]) См. „За 12 лѣтъ“ изд. 1908 г., стр. 205 и др.

Но рядомъ съ этимъ процессомъ наслаиванія чуждыхъ марксизму элементовъ, шло дальнѣйшее самоопредѣленіе революціонно-марксистской идеологіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась политическая позиція марксизма—въ его критикѣ формировавшагося либерализма, въ его борьбѣ съ терроризмомъ соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ аграрными утопіями. Выработка партійной программы какъ бы завершала этотъ процессъ революціонно-марксистскаго самоопредѣленія.

Для революціонно-марксистскаго теченія 1902-ой годъ былъ тѣмъ водораздѣломъ, которымъ закончилась начальная полоса его партійно-политическаго существованія, когда его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на вопросахъ бернштейніанства и экономизма и на фиксированіи его общей организаціонно-политической линіи, и которымъ начинался періодъ его столкновенія съ уже сложившимися въ партіи противниками. Впрочемъ, съ либерализмомъ революціонный марксизмъ столкнулся еще раньше, еще тогда, когда предисловіе Струве къ запискѣ Витте—«Самодержавіе и Земство» вызвало реплику Ленина во 2 № «Зари», его статью—«Гонители земства и аннибалы либерализма».

«Мы будемъ, писалъ Ленинъ, привѣтствовать ростъ политическаго самосознанія въ имущихъ классахъ, мы будемъ поддерживать ихъ требованія, мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и соціалдемократовъ взаимно пополняла другъ друга». Но «мы никогда и ни въ какомъ случаѣ не откажемся отъ рѣшительной борьбы съ тѣми иллюзіями» либерализма, которыя позволяютъ ему предполагать, «будто возможно еще парламентерство» со старымъ режимомъ, «будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага» [1]).

Какъ видимъ, политика революціонной борьбы противопоставляется здѣсь «политиканству» [2]) либерализма, подмѣняющаго борьбу «умѣлой тактикой лавированія между враждующими другъ съ другомъ сторонами. И это же противопоставленіе проходитъ и дальше черезъ всю полемику «Искры» съ «Освобожденіемъ», усиленное и осложненное противопоставленіемъ демократическихъ задачъ соціалдемократіи—отсутствію демократизма въ идеологіи либеральнаго движенія, его вѣчной боязни народа и отраженію въ немъ классовыхъ интересовъ помѣщиковъ.

«Либералы—говорила «Искра» въ передовой статьѣ своего 23 № («Программа русскихъ либераловъ»)—организуются не столько для борьбы» съ существующимъ режимомъ «въ настоящее время, сколько для переговоровъ» съ нимъ «въ такое время, когда послѣдній, подъ вліяніемъ ужаса передъ рабочимъ движеніемъ и другими революціонными силами, станетъ думать о серьезной политической реформѣ». «Какія же условія поставятъ въ этотъ моментъ наши либералы»?—Передъ режимомъ, расшатаннымъ революціоннымъ движеніемъ, «земская политическая партія», съ которой солидаризируется «Освобожденіе», «выступаетъ съ требованіемъ, чтобы ликвидація» стараго и «опредѣленіе основъ новаго,

---

[1]) См. „За 12 лѣтъ“, стр. 183.

[2]) Ср. статью „Политическая борьба и политиканство“ „Искра“, № 26.

свободноконституціоннаго, порядка было поручено никому иному, а представителямъ земствъ и городскихъ думъ, т. е. извѣстной части земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ». «Стало быть», заключала «Искра», «либеральная буржуазія больше всего озабочена», «чтобы дѣло установленія новаго порядка досталось цѣликомъ въ ея руки». Наши «либеральные помѣщики», «выговоривъ себѣ полномочіе устроить судьбы русскаго народа въ собраніи земскихъ представителей», полагаютъ при этомъ, что «вовсе не слѣдуетъ вводить тѣхъ «экономическихъ» реформъ, тѣхъ мѣръ по «рабочему и аграрному вопросу», которыя должны быть проведены послѣ политическаго освобожденія Россіи. Это дѣло тѣхъ парламентовъ, которыми насъ наградитъ Земскій Соборъ». И точно также «они не берутъ на себя даже обязательства предоставить» народу «политическое равенство, немыслимое безъ равнаго и всеобщаго избирательнаго права». Резюме: «ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать такой партіи никакого политическаго кредита».

Это былъ отвѣтъ на литературно-политическій дебютъ либерализма. Основныя черты этого отвѣта повторяются затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ, которыя «Искра» въ разное время посвятила либерализму вообще, «Освобожденію» въ частности. По существу же мы сказали бы: нервъ этой полемики заключался въ борьбѣ съ либерализмомъ за обладаніе демократіей; демократіей, которая находясь въ союзѣ съ земцами, поступалась и демократизмомъ своихъ требованій, и рѣшительнымъ методомъ дѣйствій, и которая, только пріобщаясь къ движенію рабочаго класса, могла бы надѣяться на осуществленіе своихъ демократическихъ цѣлей. «Только слѣдуя за революціоннымъ пролетаріатомъ—говорила, напр., «Искра» въ статьѣ «Революціонный годъ» (№ 40, май 1903 г.)—русская демократія можетъ успѣшно работать» надъ ликвидаціей стараго порядка. «Пониманіе этой истины—прибавляла «Искра»—несомнѣнно проникаетъ въ широкіе круги демократической интеллигенціи по мѣрѣ того, какъ мужаетъ и проявляетъ свою зрѣлость русское рабочее движеніе»...

Одновременно же съ тѣмъ, какъ развертывалась эта полемика съ либерализмомъ, разгоралась борьба революціоннаго марксизма съ обновленнымъ народничествомъ—старая борьба, содержаніе которой, однако, опредѣлялось теперь уже тѣми условіями, въ которыхъ протекала партійно-политическая дѣятельность обоихъ направленій. Поэтому рядомъ съ критикой того рецидива утопическаго крестьянофильства, который въ такой рѣзкой формѣ далъ себя знать въ литературѣ соціалистовъ-революціонеровъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. въ центрѣ борьбы становится вопросъ, какъ будто бы узко-практическій, а на самомъ дѣлѣ являвшійся, быть можетъ, наилучшимъ оселкомъ для испытанія политики, какъ марксистскаго направленія «Искры», такъ и соціально-революціоннаго направленія «Революціонной Россіи».

Мы имѣемъ въ виду тотъ вопросъ о террористическихъ тенденціяхъ, въ борьбѣ съ которыми «Искра» развивала свою точку зрѣнія классовой пролетарской политики. Еще въ 3 № «Искры», когда, послѣ выстрѣла Карповича, впервые вопросъ о терроръ сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе, В. И. Засуличъ заговорила о присущемъ этому методу свойствѣ разливать вокругъ себя пассивно-созерцательное отношеніе къ политической борьбѣ, при которомъ общая задача сваливается на

плечи «передового отборнаго отряда». И тогда же, въ фельетонѣ 4-го № «Вопросы дня», въ полемикѣ противъ «историческаго поворота» «Рабочаго Дѣла», «Искра» устанавливала связь между возникновеніемъ подобныхъ тенденцій въ средѣ интеллигенціи и «недовѣріемъ» этой интеллигенціи къ способности пролетаріата и его представительницы — соціалдемократіи — стать «во главѣ общественнаго движенія». Но только съ тѣхъ поръ, какъ терроръ сталъ признаннымъ тактическимъ пріемомъ цѣлой партіи и получилъ свое теоретическое обоснованіе въ статьяхъ оффиціальнаго органа соціалистовъ-революціонеровъ—«Революціонной Россіи», полемика «Искры» принимаетъ характеръ систематическаго отстаиванія классовой политической борьбы пролетаріата и ея методовъ массового дѣйствія противъ такихъ пріемовъ, которые характеризуютъ движеніе интеллигенціи и способны только дезорганизовать какъ все освободительное движеніе въ цѣломъ, такъ и въ частности—массовое движеніе рабочаго класса. Такъ, въ 20 № «Искра» писала: «всѣмъ извѣстно, что пріемы борьбы, употребляемые всякой данной арміей, опредѣляются ея составомъ. Составъ рабочей арміи таковъ, что для нея самымъ удобнымъ и самымъ дѣйствительнымъ пріемомъ борьбы являются демонстраціи и вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія». «При нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ» вышеуказанный методъ борьбы, недоступный, вообще говоря, для массъ, «привелъ бы къ тому, что изъ нея выдѣлились бы и слились бы съ террористами-интеллигентами отдѣльныя личности и группы личностей, вся же остальная ея масса стала бы гораздо менѣе активной, вслѣдствіе чего только замедлилось бы,—если бы не прекратилось совершенно,—дѣло политическаго воспитанія нашего пролетаріата»...

«Политическое воспитаніе пролетаріата», т. е. интересы пролетарскаго движенія въ его цѣломъ—вотъ та верховная инстанція, передъ лицомъ которой—несмотря на извѣстную примѣсь уже отмѣченныхъ нами наслоеній на марксизмѣ и въ противоположность другимъ направленіямъ русской общественно-политической мысли—рѣшались всѣ вопросы практической политики «Искры». И ею же опредѣлялась и линія разногласія между «Искрой» и соціалистами-революціонерами, какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ тактическихъ вопросахъ.

И въ непосредственной же зависимости отъ этого представленія о пролетаріатѣ, какъ единственномъ классѣ, движеніе котораго является гарантіей для осуществленія идей соціализма, стояло и рѣшеніе направленіемъ «Искры» аграрнаго вопроса, какъ и та концепція крестьянства и характера предстоящей въ Россіи революціи, которая отдѣляла «Искру» такой рѣзкой чертой отъ реставрированнаго народничества соц.-революціонеровъ.

«Безполезно», говорила «Искра» (см. № 3, ст. «Рабочая партія и крестьянство»), «обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія», безполезно пытаться спасти его защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности. Въ деревнѣ идетъ неуклонный процессъ разслоенія, и пролетаризирующееся крестьянство «только примыкая къ рабочему движенію, помогая ему въ его борьбѣ за соціалистическій строй», можетъ избавиться отъ гнета капитала. Но не эта классовая противоположность господствуетъ сейчасъ надъ русской деревней. «Нашъ крестьянинъ страдаетъ... не только и даже не столько отъ гнета капитала, сколько отъ гнета

помѣщиковъ и отъ остатковъ крѣпостничества». И именно этотъ вопросъ—вопросъ о сметеніи остатковъ крѣпостничества, о вытравленіи изъ всѣхъ порядковъ русскаго государства духа сословной неравноправности, приниженія десятковъ милліоновъ простонародія»—имѣетъ сейчасъ «общенаціональное значеніе».

Подъ этимъ угломъ зрѣнія подходила «Искра» и къ крестьянскому движенію 1902 года, имѣвшему такое рѣшающее значеніе въ идеологіи соц.-революціонеровъ. Крестьянское движеніе, говорила «Искра» (№ 21 ст. «Крестьянское возстаніе») «всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революціи» и оно должно было сыграть «въ послѣдній разъ свою роль», прежде чѣмъ «смогло на просторѣ развернуться современное движеніе пролетаріата». Соц.-революціонеры обвиняютъ «Искру», что, назвавъ крестьянское движеніе послѣднимъ мятежомъ крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство—поучаютъ насъ—можетъ участвовать и въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата. Это обвиненіе наглядно показываетъ всю путаницу мысли соц.-революціонеровъ. Они не разобрались даже въ томъ, что одно дѣло—демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло—соціалистическое противъ буржуазіи... О томъ, что гибнущіе мелкіе производители (крестьяне въ томъ числѣ) могутъ и должны участвовать въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата, «Искра» не только сказала въ своей программѣ, но и точно опредѣлила условія этого участія. Но современное крестьянское движеніе вовсе не является соціалистическимъ... Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые, дѣйствительно, едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества. Современное крестьянское движеніе ведетъ—и приведетъ—къ установленію не соціалистическаго и не полусоціалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очистивъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ». «Революція, навстрѣчу которой быстро идетъ современная Россія, будетъ буржуазной революціей—не разъ подчеркивала «Искра»,—въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостного строя и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ» («Искра» № 24 ст. «Революціонный авантюризмъ»).

Итакъ, крестьянское движеніе есть движеніе не соціалистическое, а демократическое, и только тѣ элементы крестьянства, которые въ процессѣ разложенія своей психологіи мелкаго собственника переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, сливаются съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ рабочаго класса. Отправляясь отъ этой именно концепціи крестьянства и крестьянскаго движенія, которая, между прочимъ, нашла свое развитіе въ рядѣ статей Плеханова «Пролетаріатъ и крестьянство», «Искра» вела свою борьбу съ представленіемъ соціалистовъ-революціонеровъ о тройственно-единомъ характерѣ трудовой соціалистической арміи, состоящей изъ пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи; изъ нея же исходя, она устанавливала свое отрицательное отношеніе къ вопросу о націонализаціи земли, и предлагала аграрную программу, принятую съѣздомъ 1903 года.

«Съ точки зрѣнія интересовъ борьбы пролетаріата, единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества — заявляла «Искра» (№ 27 ст. «Къ

эпилогу крестьянскихъ бунтовъ») — соціалдемократія взвѣшиваетъ соціальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію»... «Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія.. Напротивъ, она скажетъ ему... что осуществленіе его стремленій къ прирѣзкѣ земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической кабальной эксплоатаціи, но не разрушитъ вопроса объ общей буржуазной эксплоатаціи... Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспропріаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній и поможетъ раціональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой соціалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ исцѣлимость всѣхъ его соціальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства». «И съ этой же точки зрѣнія» соціалдемократія относится «къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію «націонализаціи земли». «Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы пріобрѣтутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны». Съ другой же стороны, мы знаемъ хорошо, говорила «Искра», что демократамъ и соц.-революціонерамъ «націонализація земли нужна для поддержанія если не самого крестьянскаго «самостоятельнаго» хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ». Соціалъ-демократія къ этому «не можетъ приложить своихъ рукъ» и, съ своей стороны, «не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для «трудового крестьянства» задача соціальнаго освобожденія неразрѣшима внѣ задачи соціальнаго освобожденія пролетаріата», т. е. внѣ заключительнаго акта пролетарскаго движенія.

Какъ мы уже сказали, этой постановкой вопроса предуказывалось и то направленіе, въ которомъ «Искра» должна была намѣчать свои аграрныя требованія. И, дѣйствительно: требованія проекта аграрной программы, выработаннаго редакціей «Искры» - «Зари», какъ то возвращеніе выкупныхъ платежей извѣстный пунктъ объ «отрѣзкахъ» и т. д., давались съ мотивировкой, что они выставляются «въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ»... Это была постановка вопроса, какъ это отмѣчалось въ комментаріяхъ Плеханова и Ленина къ программѣ (См. № 4 «Зари»), по существу отличная отъ постановки вопроса въ западно-европейской соціалдемократической литературѣ и диктовавшаяся специфическими условіями переживавшейся Россіей исторической эпохи. «Прежде чѣмъ ставить аграрный вопросъ—писалъ Плехановъ [1])—въ томъ смыслѣ, въ какомъ его ставятъ западно-европейскіе соціал-

[1]) „Заря“ № 4, ст. „Проектъ программы Р. С. Д. П., стр. 35.

демократы, мы должны добиться раскрѣпощенія нашего крестьянина, мы должны ввести его въ условія жизни, свойственныя нынѣшнему европейскому обществу. Соціальная революція, которую намъ предстоитъ теперь совершить въ русской деревнѣ, есть революція «третьяго сословія», а не революція пролетаріата».

Мы подошли, такимъ образомъ, къ послѣднему моменту того фазиса въ развитіи революціонно-марксистской идеологіи, который въ извѣстномъ смыслѣ получилъ свое увѣнчаніе въ выработкѣ и принятіи программы. Въ русскихъ условіяхъ это былъ первый случай, когда идейное теченіе отверждалось въ принятой коллективностью программѣ, подводящей итоги теоретической работѣ мысли и борьбѣ этого теченія, и въ то же время сводящей во-едино и систематизирующей свои практическія требованія отъ жизни.

Правда, еще въ 84 году былъ выработанъ Груп. Освоб. Труда и въ 85 г опубликованъ проектъ программы, но этотъ проектъ не былъ принятъ открыто какимъ-либо изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи кружковъ и, по словамъ Плеханова, «представлялъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова». На проектѣ, говоритъ Плехановъ, лежитъ печать тѣхъ уступокъ «народническимъ предразсудкамъ», которыя дѣлала въ то время Груп. Освоб. Труда, въ разсчетѣ на то, что путемъ этихъ уступокъ она сможетъ завоевать революц. интеллигенцію, только-что пережившую крушеніе своихъ прежнихъ взглядовъ, но еще не свободную отъ извѣстныхъ традицій [1]). Отсюда включеніе въ программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ и «неопредѣленная формулировка аграрныхъ требованій», какъ-то—«радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ» и т. п.

Въ теченіе 90-хъ годовъ мы не встрѣчаемъ уже новой попытки формулировать программу, что же касается соціалдемократическихъ требованій спеціально въ аграрномъ вопросѣ, то передъ нами, съ одной стороны, та постановка вопроса, которая выдвигается Плехановымъ въ его «Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи», а съ другой,—тотъ докладъ русскихъ соціалдемократовъ по аграрному вопросу на международный Лондонскій съѣздъ 1896 г., который—въ духѣ всего періода легальнаго марксизма—игнорируетъ специфическія условія эпохи раскрѣпощенія Россіи и—соотвѣтственно этому—отвергаетъ необходимость какихъ-либо требованій въ аграрномъ вопросѣ.

Программа «Искры»-«Зари» непосредственно уже связана съ процессомъ консолидаціи соціалъ-демократіи въ партію. Въ ней какъ бы подводится итогъ тому періоду въ развитіи рев.-марксистской идеологіи, когда, съ одной стороны, шла усиленная идейная работа надъ вопросами организаціи, и съ другой—«на первый планъ выдвигалась задача подготовленія элементовъ единства въ партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами принесенныхъ въ него, элементовъ». Это была не компромиссная программа, а программа, такъ сказать, заостренная на всѣ тѣ вопросы, которые—какъ говорилъ Плехановъ въ своей пояснительной статьѣ—«подняты были въ соціально-политической литературѣ капиталистическихъ странъ

[1]) См. цит. стат, стр. 18.

критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса»: вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи общественнаго неравенства, вопросъ о кризисахъ, о концентраціи производства, о «диктатурѣ пролетаріата», какъ предпосылкѣ соціальнаго переворота, о роли соціалдемократіи, какъ «передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя», и, наконецъ, объ отношеніи другихъ общественныхъ классовъ къ основной борьбѣ труда съ капиталомъ.

И въ то же время это была программа, для которой въ центрѣ становился вопросъ объ освобожденіи Россіи—говоря словами программной мотивировки—отъ всѣхъ «остатковъ» «докапиталистическаго общественнаго порядка», какъ въ сферѣ политики, такъ и въ сферѣ экономическихъ отношеній. Такъ, аграрныя требованія программы, какъ мы уже видѣли, являлись производными отъ этой основной ея идеи.

Программа «Искры»-«Зари» была принята на съѣздѣ 1903 г. съ незначительными поправками и стала оффиціальнымъ выраженіемъ точки зрѣнія россійской соціалдемократіи. Только аграрная часть ея не встрѣтила того единодушнаго признанія, которымъ пользовались всѣ остальныя положенія программы, и тогда же Иксъ, выступая противъ нея съ возраженіями, въ вышедшей ко времени съѣзда брошюрѣ, развивалъ тѣ идеи, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе программнаго требованія «муниципализаціи». Впрочемъ, уже тогда условное значеніе аграрной программы «Искры»-«Зари» оттѣнялось въ комментаріи Плеханова, который замѣчалъ, что въ «революціонную эпоху экспропріація землевладѣльцевъ можетъ явиться необходимымъ условіемъ соціально-политической побѣды револ. партіи» и что постановка и рѣшеніе даннаго вопроса «будетъ обусловливаться соотношеніемъ силъ въ такую эпоху».

Почти единогласное принятіе программы на съѣздѣ было своего рода формальнымъ подтвержденіемъ того «очищенія» соціалъ-демократическаго движенія отъ «чуждыхъ ему элементовъ», о которомъ говорилось въ послѣсловіи «Искры» къ программѣ, и которое по существу уже закончилось раньше—еще къ моменту выступленія на политическую сцену различныхъ группъ демократіи, уводившихъ и закрѣплявшихъ за собой эти «чуждые элементы» въ процессѣ своей консолидаціи.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ приходила къ концу и цѣлая опредѣленная полоса въ партійно-политическомъ развитіи революціонно-марксистскаго теченія, полоса его лихорадочно-быстраго формированія въ борьбѣ съ бернштейніанствомъ и экономизмомъ вначалѣ, съ народничествомъ и либерализмомъ новообразовавшихся партій впослѣдствіи. Его стремительный организаціонный успѣхъ внутри партіи до поры до времени не позволялъ развиваться самокритикѣ, а та почва подъ ногами, которая ощущалась въ непрерывно растущемъ движеніи рабочаго класса, казалось, давала всѣ шансы на выполненіе соціалдемократіей роли вождя освободительнаго движенія. Правда, либерализмъ и народничество фактомъ своей партійно-политической консолидаціи какъ бы искажали перспективу первоначально рисовавшейся «Искрѣ» картины возможной гегемоніи, и «Искрѣ» приходилось заявлять [1]), что по мѣрѣ того, какъ либеральная и

[1]) „Искра“ № 31, ст. „Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго соціализма“.

«соціально-революціонная» партіи «становятся на собственныя ноги, онѣ должны все болѣе энергично поддерживать тѣ своеобразныя положенія своихъ программъ, которыя вырываютъ непроходимую пропасть между ними и партіей пролетаріата. Пока еще онѣ прикрываютъ эти свои шаги умилительными рѣчами объ общности ближайшихъ задачъ и т. п.; завтра, когда онѣ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой цѣлью уничтожить соціалдемократію, какъ самостоятельную партію русскаго пролетаріата,—завтра онѣ отбросятъ эти рѣчи и поведутъ съ нами войну «по настоящему». Но, съ другой стороны, «Искра» твердо вѣрила, что «тщетны всѣ эти—т. е. бернштейніанцевъ, идеалистовъ и народниковъ—попытки бороться съ объективнымъ ходомъ вещей, перемѣщающимъ центръ русской революціи въ среду именно пролетарскаго движенія... Революціонно-концентрирующая сила всѣхъ демократическихъ паролей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба противъ революціоннаго соціализма, не создавая новыхъ центровъ, только разслабляетъ общепаціональное движеніе... Быстро свершаетъ свое развитіе русское бернштейніанство..., растворившись въ умѣренномъ, неспособномъ къ борьбѣ, либерализмѣ. Быстро вянетъ и блекнетъ революціонизмъ фразы»... (народниковъ). «И новѣйшее «идеалистическое» движеніе не успѣваетъ еще оформиться, какъ уже ясно для всѣхъ, желающихъ видѣть, что его адепты являются проводниками политическаго индифферентизма и политической дряблости».

Послѣдній годъ, говорила «Искра» еще за нѣсколько мѣсяцевъ до съѣзда, принесъ много въ смыслѣ уразумѣнія того, гдѣ находится выходъ для русской демократіи. «Понемногу сошло на нѣтъ либерально-земское движеніе, пріостановилось въ своемъ развитіи самостоятельное движеніе студенчества, обнаружилъ свое безсиліе терроризмъ, свой неоправданный оптимизмъ—новѣйшее рев. крестьянофильство. Только... пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно ускоряя темпъ своего развитія... Растетъ и организованность его авангарда—р. соціалдемократіи»... Недалекое будущее завершитъ эту организаціонную работу соц.-демократіи объединеніемъ и упроченіемъ партіи (№ 40, ст. «Рев. годъ»).

Но вотъ состоялся съѣздъ и—далъ не «объединеніе и упроченіе партіи», котораго ждали, а расколъ въ революціонно-марксистскомъ теченіи, до сихъ поръ сознававшемъ себя, какъ единое цѣлое. Вначалѣ по внѣшности лишенный принципіальнаго характера и какъ будто бы локализованный въ узкой области отдѣльныхъ вопросовъ организаціоннаго централизма, признававшагося обѣими сторонами, расколъ мало-по-малу развертывалъ свое общественно-политическое содержаніе, изъ сферы организаціи перекидываясь въ сферу тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ проходило въ Россіи развитіе какъ рабочаго движенія вообще, такъ и въ частности—соціалдемократіи.

Еще въ статьѣ Мартова «Нашъ съѣздъ» — въ первомъ номерѣ реформированной «Искры» (№ 53)—разногласія сводятся къ вопросу «о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ (т. е. централистскихъ. А. П.) организаціонныхъ принциповъ и о предѣлахъ и характерѣ возможной для соц.-демократическаго движенія централизаціи». Но уже въ ближайшихъ затѣмъ номерахъ появляются фельетоны Аксельрода подъ общимъ заголовкомъ «Объединеніе россійской соц.-

демократіи и ея задачи», въ которыхъ впервые даетъ себя знать реакція револ.-марксистскаго міровоззрѣнія противъ бланкистской примѣси, которая имѣла свое болѣе оформленное выраженіе въ отдѣльныхъ писаніяхъ Ленина, которая до тѣхъ поръ накладывала извѣстную печать на нѣкоторыя стороны партійно-политической дѣятельности «Искры» вообще, но которая только теперь начинала нащупываться въ ея несоотвѣтствіи марксизму, въ противорѣчіи ея практики задачамъ классовой борьбы пролетаріата.

Въ то время, какъ для «Искры» предыдущаго фазиса развитія «политика», смѣнившая «экономическую» практику «экономистовъ», представлялась безъ поясненій простымъ и самоочевиднымъ дѣломъ, той прямой дорогой, по которой соціалдемократія, организаціонно сплачиваясь, шла къ осуществленію своей идеи гегемоніи въ освободительномъ движеніи Россіи, для Аксельрода вопросъ до чрезвычайности осложнялся тѣмъ моментомъ, что «историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржузнаго революціонизма—наперекоръ нашимъ желаніямъ и нашему сознанію». «Россійская соціалдемократія»—«партія пролетаріата по своей теоретической основѣ и программѣ»—говорилъ онъ—«но далеко еще не таковая по составу и характеру своей организаціи». «Она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи». «И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обусловливается не классовой борьбой послѣдняго, а обще-демократической потребностью всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи». Благодаря же «отсталости нашихъ общественныхъ условій» тѣмъ же опредѣляется и политическая практика русской соц.-демократіи. «Практика періода кустарничества—писалъ Аксельродъ—революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или «конечную цѣль» этой практики формулировали авторы «Credo»—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами». Наконецъ, практика кустарничества уступила мѣсто централизму періода «Искры», рѣшеніями съѣзда закрѣпившему свою побѣду надъ кустарничествомъ. Но оказалось, что и этотъ централизмъ, который Аксельродъ называетъ бюрократическимъ или механическимъ, «родной братъ кустарничеству». Оказалось, что онъ собою резюмируетъ тотъ періодъ «вовлеченія» рабочихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, который «завершился... созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія между идейнымъ теоретическимъ знаменемъ» партіи и ея практикой, «въ общемъ мало развивающей» въ массахъ «классовое сознаніе» и еще меньше развивающей въ нихъ «классовую политическую самодѣятельность». «Получается такой результатъ—заключалъ Аксельродъ—какъ будто революціонный соціалдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи. И этотъ результатъ, опять-таки без-

*

сознательно, стихійно, отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщической подкладкѣ» [1]).

Отъ разногласій въ пониманіи организаціонныхъ задачъ Аксельродъ, такимъ образомъ, восходилъ къ ихъ первоисточнику, къ наличности въ рев. марксистскомъ теченіи русской соціалдемократіи, благодаря специфическимъ условіямъ развитія, привходящихъ элементовъ буржуазнаго революціонизма. «Въ концѣ пути, на который «организаціонная утопія» увлекаетъ наше движеніе»—говоритъ Аксельродъ—«свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собой, при посредствѣ sociétés populaires, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата». Тѣмъ самымъ, однако, устанавливалась связь между организаціоннымъ утопизмомъ, съ которымъ боролся Аксельродъ, и тѣмъ моментомъ въ партійно-политической дѣятельности «Искры», который мы назвали—бланкистскимъ наслоеніемъ на марксизмѣ.

Такъ стихійно ощутившееся противорѣчіе внутри единаго дотолѣ револ. марксистскаго теченія закрѣпилось въ сознаніи, какъ противорѣчіе принципіальное, получившее теперь свое оформленное выраженіе въ раздѣленіи на идейныя струи—меньшевизма и большевизма. Меньшевизма, представлявшагося большевикамъ (см. Ленинъ—«Шагъ впередъ, два назадъ»), какъ оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ, и большевизма, квалифицированнаго меньшевиками, какъ разновидность бланкизма. И все же—это было пока только эмбріональное состояніе того идейнаго антагонизма, которому суждено было развернуться и наполниться актуальнымъ общественно-политическимъ содержаніемъ лишь въ эпоху революціи; лишь тогда, когда съ конца 1904 г. и начала 1905 г. большевизмъ сталъ развертывать свое отношеніе къ революціи, къ буржуазной демократіи и крестьянству, когда началъ дебатироваться вопросъ объ участіи во временномъ правительствѣ и стали обрисовываться «стратегическіе» планы большевизма. Поэтому и намъ придется вплотную заняться этимъ идейнымъ антагонизмомъ внутри рев. марксистскаго теченія уже тогда, когда мы будемъ характеризовать развитіе общественно-политической мысли въ эпоху революціи. Но сейчасъ—и вплоть до конца предреволюціонной эпохи—передъ нами лишь начало этого кризиса, лишь непосредственная и первоначальная реакція на проникшее въ сознаніе фіаско организаціонной политики «Искры», на разверзшуюся теперь передъ глазами и ничѣмъ не заполненную пропасть между организаціоннымъ развитіемъ партіи и той стихіей пролетарскаго движенія, которая только что передъ тѣмъ засвидѣтельствовала о своемъ существованіи могуче взметнувшейся волной въ іюльскіе дни 1903 г.

Потому-то, въ центрѣ всѣхъ вопросовъ, которые стояли передъ меньшевистской «Искрой» 1904 г. [2]), находился вопросъ о приближеніи партіи къ мас-

---

[1]) „Искра“ №№ 55 и 57.

[2]) Большевистскаго теченія мы сейчасъ не будемъ касаться какъ потому, что литература большевизма, съ переходомъ „Искры“ къ меньшевикамъ, почти совершенно отсутствуетъ вплоть до конца 1904 г., если не считать той брошюрной литературы, въ которой получили свое отраженіе всѣ перепитіи организа-

совому рабочему движенію, о такомъ воздѣйствіи на него, при которомъ бы могло получиться то политическое воспитаніе пролетаріата и то развитіе его подъ самостоятельнымъ классовымъ знаменемъ, о которомъ говорилъ Аксельродъ.

«Къ массамъ! таковъ пароль даннаго момента»—писалъ Мартовъ. «Лишь топну ногой, изъ подъ-земли появятся мои легіоны». «Соціалдемократія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ» эти классическія слова. «Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывной сигналъ не могъ затеряться въ торичелліевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены всѣ наши усилія»... [1]).

И объ этомъ же созданіи связи, о развитіи классовой политической самодѣятельности пролетаріата, которую бы нельзя было «подмѣнять» «нашей собственной дѣятельностью», говорила вся новая тактика «Искра», статьи Троцкаго, Дана и друг. Передъ литературой меньшевизма грознымъ призракомъ стояла боязнь «торичелліева пространства» и диктовала ей какъ смягченное отношеніе въ оцѣнкѣ прошлой дѣятельности «экономистовъ», такъ и готовность привѣтствовать самыя несовершенныя усилія самоорганизаціи пролетаріата.

Но это непосредственное ощущеніе разорванности между партіей и массами, какъ и сознаніе того, что «историческая стихія», о которой говорилъ Аксельродъ, «толкаетъ» соц. демократическое движеніе въ Россіи «въ сторону буржуазнаго революціонизма», накладывало свой рѣзкій отпечатокъ и на всю политическую позицію «Искры». Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, сравнить, какъ «Искра» оцѣнивала политическое положеніе до съѣзда, съ тѣмъ, что она писала теперь. Такъ, Мартовъ въ только что цитированной уже нами статьѣ заявлялъ, что «вся стихійно-складывающаяся обстановка крушенія» стараго режима «направляется противъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революц. авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на всѣ недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился относительно за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію» ликвидаціи стараго режима «такими методами, которые... имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи».

Что же дѣлать? На все увеличивавшіяся трудности того положенія, въ которое историческое развитіе Россіи поставило соціалдемократію, на обостреніе взаимоотношенія направленій и развивавшуюся изолированность соціалдемократіи передъ лицомъ ея сближавшихся другъ съ другомъ антагонистовъ изъ среды либеральной и революціонной демократіи, «Искра» отвѣчала усиленіемъ пролетарскихъ чертъ своего направленія. Окончательно отошла въ область прошлаго давно уже начавшая блекнуть концепція «хожденія во всѣ классы», ясно и опредѣленно подчеркивалось, что соціалдемократія можетъ оказывать вліяніе на

ціонной борьбы,—такъ и потому, что до наступленія революціонной эпохи большевистское теченіе вообще не выходитъ изъ рамокъ этихъ организаціонныхъ дебатовъ.

[1]) „Искра“, № 70.

другіе общественные элементы лишь черезъ посредство пролетарскаго движенія и «пролетарское» рѣшеніе политической задачи методомъ народнаго движенія постоянно выдвигалось во всей его непримиримости какъ съ народнической методологіей единоличныхъ нападеній, такъ и съ концепціей компромисса, этой центральной идеей либерализма, начинавшей уже по временамъ принимать реальныя очертанія.

Въ этомъ фазисѣ его развитія эпоха революціи застала меньшевистское теченіе.

Революціонное народничество было идейнымъ теченіемъ, нашедшимъ свою партійно-политическую форму непосредственно вслѣдъ за теченіемъ марксистскимъ; и какъ марксизмъ отразилъ на себѣ стихію пролетарскаго движенія и на основѣ его—и съ нимъ въ непосредственной связи—происходившее сплоченіе соціалдемократической интеллигенціи, такъ партійно-политическое оформленіе народничества было дальнѣйшимъ развитіемъ того процесса революціонизированія широкихъ слоевъ интеллигенціи, который, въ связи съ забастовкой студентовъ 1899 г., далъ первое, уже нами отмѣченное, оживленіе народничества. Теперь изъ студенческаго движенія 1901 г., наложившаго свой отпечатокъ на волну демонстрацій, вмѣстѣ съ террористическимъ настроеніемъ интеллигенціи, вышло и то направленіе соціалистовъ-революціонеровъ, которому не доставало еще только послѣдняго штриха, наложеннаго на него крестьянскими волненіями 1902 г., чтобы, по крайней мѣрѣ, для предреволюціонной эпохи—закончить кругъ своего идейнаго развитія.

Это уже не было соціально-революціонное направленіе переходнаго двухлѣтія, гдѣ отдѣльныя народническія черточки едва замѣтно были вкраплены въ концепцію, то приближавшуюся къ концепціи соціалъ-демократіи, то замыкавшуюся въ кругозоръ политическаго радикализма. Напротивъ, это была уже смѣсь, въ которой остатки вліянія марксизма все дальше оттѣснялись, по мѣрѣ развитія событій, организаціонно-политическими взглядами народовольческаго типа и вскорѣ начавшими съ ними конкуррировать новыми варіаціями старо-народническихъ идей крестьянскаго соціализма.

Но при всей пестротѣ и неустойчивости идейнаго направленія с.-р-овъ, мы можемъ все же извлечь изъ него то основное въ его политической концепціи, что въ значительной мѣрѣ опредѣляло собою какъ тактику единоличной борьбы, такъ и отношеніе с.-р-овъ къ другимъ направленіямъ политической мысли. Это концепція освободительнаго движенія Россіи, осуществляемаго тройственно- или двойственно-единой арміей соціализма, состоящей, съ одной стороны, изъ интеллигенціи, съ другой—изъ трудового народа, т. е., пролетаріата и крестьянства. «Единеніе» «идеологической силы интеллигенціи» съ «массовой силой нуждающагося и обремененнаго народа» [1])—вотъ было то исходное положеніе, которое окрашивало собою соціально-революціонную публицистику—съ перваго же момента ея партійно-политическаго существованія.

Но «сила интеллигенціи»—съ точки зрѣнія с.-р-овъ—получала свое наивыс-

---

[1]) „Р. Р." № 4. „Отвѣтъ Зарѣ".

шее и наиболѣе характерное выраженіе не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ образованіи «центральной революціонной организаціи» и въ «выполняемыхъ подъ ея руководствомъ единоличныхъ актахъ борьбы». Потому-то, отстаивая эти акты противъ нападокъ соціалъ-демократической прессы, доказывая ихъ совмѣстимость съ движеніемъ массъ, ихъ полезность, даже необходимость для этого движенія, «Револ. Россія» въ этой формѣ отстаивала по существу концепцію руководящаго значенія интеллигенціи въ освободительномъ движеніи Россіи. Недаромъ, просматривая литературу соц.-р-овъ, мы тамъ и здѣсь встрѣчаемъ представленіе о роли «организаціи», какъ суррогата и замѣстительницы массового движенія [1]).

Но «внѣклассовая интеллигенція» не только выполняла въ концепціи с. р-овъ функцію революціоннаго тарана, она въ то же время перекидывала мостъ отъ соц.-р-овъ къ либераламъ. За русскимъ либерализмомъ—говорила «Р. Р.», не стоитъ «цѣлостнаго и сильнаго общественнаго класса», «приверженцевъ либерализма не сплачиваетъ во-едино крѣпкій цементъ единаго матеріальнаго интереса» [2]); значитъ, тѣмъ болѣе, играетъ въ немъ роль интеллигенція; «ни торгово-промышленная буржуазія, ни землевладѣльцы, какъ классъ—говорилось въ ст. «Составъ либеральной партіи» («Р. Р.» № 33)—сдѣлаться активнымъ бордомъ за дѣло политическаго освобожденія у насъ не могутъ. Только «ни павы, ни вороны» соціально-политической мысли, только разношерстные, промежуточные элементы, отъ буржуазно-плутократическаго порядка душою отставшіе, но къ соціализму не приставшіе, могутъ въ-серьезъ откликнуться на призывъ къ активной борьбѣ за освобожденіе. Но эти элементы ничего не имѣютъ противъ широкихъ соціальныхъ реформъ. Они не враждебны соціализму, они просто плохо въ него вѣрятъ». Это наши radicaux-socialistes. «Нечего сказать, нашла буржуазію»—иронизировалъ, съ своей стороны, П. Новобранцевъ въ статьѣ «Основные вопросы рев. программы» («Р. Р.» № 32) по поводу квалификаціи «Искрой» либерализма «Освобожденія» буржуазнымъ. «Русскіе революціонеры и русскіе либералы—добавлялъ онъ—движутся въ сущности въ одномъ направленіи и только доходятъ до разныхъ точекъ». «Освобожденіе» объединяетъ «дѣйствительно только «отцовъ» изъ той самой интеллигенціи, «дѣти» которой являются самоотверженными борцами за революцію».

Отсюда существенно иное, чѣмъ у соц.-демократіи, отношеніе къ либерализму и въ противоположность соціалдемократіи, всегда говорившей о соглашеніяхъ съ либералами «отъ случая къ случаю», готовность къ блокированію съ ними. Но отсюда же, изъ этого сведенія на нѣтъ буржуазныхъ элементовъ освободительнаго движенія—и особенность того прогноза, который ставился предстоящему въ Россіи политическому перевороту. «Политическое освобожденіе Россіи—писала «Р. Р.»—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и соціальные результаты грядущаго переворота. (Цит. выше ст. П. Новобранцева, № 32).

---

[1]) См. напр. № 10 „Р. Р.“, „Два письма рабочаго-революціонера“.

[2]) „Р. Р.“ № 9, ст. „Новое выступленіе либераловъ“.

Предполагая же соціалистическій характеръ русской интеллигенціи за данный, намъ остается еще опредѣлить характеръ другого члена двухчленной формулы с.-р-овъ, а именно: «рабочаго народа», т. е. пролетаріата и крестьянства, чтобы уже затѣмъ имѣть возможность перейти къ «соціально-революціонному» прогнозу революціи.

Изъ двухъ составныхъ элементовъ «рабочаго народа» крестьянство, а не пролетаріатъ являлось для соц.-р-овъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. рѣшающимъ факторомъ въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи. Доказано, говорила «Р. Р.» что во 1-хъ) городской пролетаріатъ въ Россіи можетъ, по своей сравнительной малочисленности, быть только авангардомъ арміи, но не всей арміей; во 2-хъ) если его движеніе не будетъ поддержано массою трудового народа, оно, раньше или позже, будетъ раздавлено; въ 3-хъ) чтобы избѣжать этой участи, пролетаріатъ долженъ тѣсно сойтись съ остальной трудовой массой; въ 4-хъ) надѣяться на значительное увеличеніе своихъ рядовъ вслѣдствіе пролетаризаціи и перехода въ ряды индустріальной арміи значительной доли крестьянства онъ не можетъ ни по ходу промышленной, ни по ходу земледѣльческой эволюціи; въ 5-хъ) зато интересы пролетаріата не только не противоположны, но даже тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства... Это даетъ возможность городскому пролетаріату не только заключить союзъ съ трудовымъ крестьянствомъ, но и слиться въ одну соціалистическую партію» («Р. Р.» 1904 г. № 47 ст. «Днев. Читат.»).

Если же трудовое крестьянство являлось рѣшающимъ факторомъ, то тѣмъ необходимѣе было для соц.-р-овъ укрѣпиться въ той мысли, что трудовое крестьянство соціалистично. «Мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ», заявляла «Р. Р.» въ полемикѣ съ «Искрой». «Не признаемъ потому, что среди крестьянства, какъ цѣлаго, различается цѣлый рядъ слоевъ, не только съ количественно различными, но и качественно противоположными интересами». Для насъ крестьянство дѣлится: на «трудовое крестьянство, живущее эксплоатаціей собственной рабочей силы, и сельскую буржуазію—среднюю и мелкую,—въ большей или меньшей степени живущую эксплоатаціей чужой рабочей силы». Къ трудовому крестьянству принадлежитъ и сельскій пролетаріатъ, и классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Между ними «при всѣхъ частныхъ различіяхъ—огромное принципіальное сходство» («Р. Р.» 1902 г. № 11 ст. «Программные вопросы»).

Выступая, однако, защитниками трудового крестьянства, соц.-р-ы въ то же время заботились о томъ, чтобы отмежеваться и отъ тѣхъ «западныхъ оппортунистовъ», которые идеализируютъ мелкое хозяйство, «со всѣми его слабыми антиобщественными сторонами, мѣшающими быстрому темпу соціальнаго развитія», но на аргументацію которыхъ тѣмъ не менѣе всецѣло опиралась ихъ собственная концепція эволюціи сельскаго хозяйства. Поэтому, вырабатывая свою аграрную программу, они старательно выдвигали «тѣ въ высшей степени важные факты», которыми отличается русская дѣйствительность и которые—по ихъ мнѣнію—«даютъ надежду соціалистамъ на облегченіе реализаціи соціалистическаго идеала». Это, во-первыхъ, тотъ фактъ, что «большинство русскаго крестьянства владѣетъ землей на общинно-уравнительномъ началѣ», во-вторыхъ,

что «какъ среди этого общиннаго крестьянства, такъ и среди тѣхъ крестьянъ, которые владѣютъ землей на личномъ началѣ, почти повсемѣстно распространенъ взглядъ на землю, какъ на ничью», и въ третьихъ, что «громадное большинство нашего крестьянства»—«полупролетаріи, почти пауперы», и лишь меньшинство—«зажиточно и богато» («Р. Р.» № 47 ст. «Дн. Чит.»).

Отсюда точка зрѣнія соц.-р-овъ на крестьянское движеніе 1902 г., которая въ противоположность точкѣ зрѣнія «Искры» гласила: «Да, современное крестьянское движеніе есть зародышевая форма будущаго болѣе сознательнаго и оформленнаго движенія. Оно уже теперь выставило полусоціалистическую программу: земля не должна быть частной собственностью; она можетъ лишь находиться въ справедливомъ, уравнительномъ пользованіи тѣхъ, кто самъ лично трудится, живетъ своимъ трудомъ; продуктъ труда долженъ и принадлежать труду. Мы должны дать только раціональную, научную формулировку этимъ совершенно правильнымъ принципамъ, чтобы вывести изъ нихъ чистую идею соціализма». Крестьянское движеніе — заключали соц.-р-ы — есть «начало движенія огромнаго трудового класса — движенія, которое, слившись съ другимъ, ранѣе начавшимся движеніемъ другого такого же трудового класса, городскаго пролетаріата, образуетъ одинъ мощный потокъ, который смоетъ въ концѣ концовъ всѣ преграды и донесетъ до желанной цѣли—коренной соціальной революціи». И въ соотвѣтствіи съ этимъ задача освободительнаго движенія—«добиться того, чтобы эта политическая революція не была революціей чисто буржуазной, а сопровождалась крупными демократическими и соціальными реформами, которыя положили бы первое основаніе дальнѣйшему соціальному строительству будущаго, заложили бы первые кирпичи въ фундаментѣ будущаго зданія соціализированнаго труда. Это не одно благое пожеланіе, а и политическая и экономическая необходимость» [1]).

«Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе—вопреки крестьянству?»—спрашивалъ Крестьянскій Союзъ и отвѣчалъ—ничего! Но «что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ?—Все». «Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря—говорилось въ заявленіи отъ Крестьянскаго Союза—мы какъ бы опускаемъ кристалъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революц. кристаллизаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли мы право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ» [2]).

Такъ признаніе с.-р-ами соціалистическаго характера современнаго рус. крестьянства приводило ихъ непосредственно къ выводу о соціалистическомъ характерѣ р. революціи. Но этотъ максимальный, или мы бы сказали—«максималистскій» выводъ, логически слѣдующій изъ данныхъ предпосылокъ, психологически не былъ возможенъ для с.-р-овъ при общественно политической конъюнктурѣ предреволюціоннаго времени. Поэтому — тѣ оговорки, которыя «Р. Р.» вносила въ свою собственную концепцію, заключая, что «историческая равнодѣйствующая пройдетъ гдѣ нибудь посреди между умѣренно-либе-

---

[1]) „Р. Р.“ № 8 (Іюнь 1902 г.).
[2]) Ibid. „Отъ Крестьянскаго Союза“.

ральными требованіями, съ одной стороны, и крайними требованіями соціалистовъ, съ другой». Въ концѣ концовъ получалась своеобразная концепція революціи не буржуазной, но въ то-же время и не окончательно соціалистической, и въ гармоніи съ этой концепціей программа, останавливающаяся на полъ-дорогѣ къ соціальной революціи, не выставляющая въ качествѣ очередного требованія «обобществленія всѣхъ средствъ производства», но «для крестьянства на первую очередь» ставящая «соціализацію земли, т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, и во-вторыхъ развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства». (Тамъ-же).

Таковъ былъ тотъ хаотическій конгломератъ изъ революціонизма и мелкобуржуазныхъ экономическихъ панацей, въ качествѣ переходныхъ мѣръ къ соціалистическому строю, съ которымъ соц. рев-ры вступали въ эпоху революціи.

Наконецъ, послѣднимъ въ партійно-политическій періодъ своего существованія вошло либерально-демократическое теченіе, процессъ формированія котораго мы набросали въ предыдущей главѣ. Теперь оно завершало свою эволюцію приспособленія, въ органѣ Струве «Освобожденіе» дѣлая первый свой шагъ на пути практической политики, который былъ въ то же время и первой реализаціей его сближенія съ оппозиціонными теченіями земской среды.

Соотвѣтственно же этому, «Освобожденіе» выступало, какъ «органъ національной задачи и всѣхъ поборниковъ новой свободной Россіи», какъ бы продолжая публицистическую линію демократіи, свое движеніе къ идеализму желавшей связать съ «аннибаловой клятвой» эпохи, и одновременно—какъ простой «регистраторъ земской политической мысли», не имѣющій въ виду дать «программу», а желающій ее «получить» отъ «общественныхъ дѣятелей страны и, прежде всего, дѣятелей самоуправленія».

«Національная задача» и «земская регистратура» — это былъ не случайный контрастъ, это было то фатальное, что — при данной исторической коньюнктурѣ — являлось присущимъ движенію буржуазной демократіи, и что заставляло ее, спускаясь съ высотъ «идеализма» въ міръ текущей дѣйствительности, вмѣсто «несгибаемаго идеалистическаго существа», къ которому апеллировалъ Струве, призывая назадъ къ Лассалю и Фихте, апеллировать какъ разъ къ той «гнущейся» средѣ обывателей, отличительнымъ признакомъ которой она сама провозглашала заранѣе неспособность къ рѣшительной борьбѣ. Она звала на общенародное дѣло, но бѣда была въ томъ, что въ ея «общенародномъ» дѣлѣ отсутствовалъ именно «народъ», тотъ народъ, на который она сама возлагала надежды, какъ на борца за политическое освобожденіе Россіи, ибо этотъ народъ, по ея собственному признанію, находился въ неотъемлемомъ вѣдѣніи «крайнихъ партій». Такъ, въ своемъ первомъ же номерѣ «Освобожденіе» писало: «огромное значеніе рабочаго движенія для политическихъ судебъ нашей страны заключается въ томъ, что въ столѣтній

политическій споръ русской интеллигенціи съ правительствомъ, въ лицѣ рабочаго класса, наконецъ, активно и сознательно вступается народъ. Онъ проснулся къ свободѣ, онъ требуетъ ея и онъ возьметъ ее».

Но этотъ «народъ»—пролетаріатъ уже «найденъ» «соціалистическимъ движеніемъ» русской интеллигенціи. «Современной соціалдемократіи въ этомъ отношеніи посчастливилось», признавало «Освобожденіе»: «придя во-время, она нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе».

Такимъ образомъ, при завѣдомой для буржуазной демократіи инертности крестьянства, она вынуждалась фактически въ «національномъ движеніи» занять всего-на-всего лишь тотъ уголъ, который называется «либеральнымъ умѣреннымъ ядромъ русскаго общества». Это «ядро» въ политическомъ отношеніи пребывало въ состояніи почти безформенномъ, но оно имѣло культурно-хозяйственную организацію въ земствѣ, представлявшемъ естественный кристаллизаціонный пунктъ для этого умѣреннаго «ядра». Понятно, поэтому, что земство, которое занимало такое видное мѣсто въ старо-либеральной идеологіи, выдвигалось опять на авансцену, какъ вдохновитель и вмѣстѣ съ тѣмъ и идеологическій центръ обновленнаго либерализма. Недаромъ, поэтому, въ свободной печати либерализмъ дебютировалъ предисловіемъ Струве къ извѣстной запискѣ Витте «Самодержавіе и земство», предисловіемъ, въ которомъ комментирующія записку указанія имѣли смыслъ политической реабилитаціи земства, зашиты его противъ тѣхъ, «кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія р. земства и его легальной культурной дѣятельности». И недаромъ само «Освобожденіе» начиналось заявленіями «Отъ русскихъ конституціоналистовъ» и «Открытымъ письмомъ отъ группы земскихъ дѣятелей», намѣчавшими политическую profession de foi либерализма.

Этимъ его соціальнымъ составомъ, предопредѣлялась и та позиція, которая была занята либерализмомъ въ разгоравшейся освободительной борьбѣ. Эта позиція съ ясностью, неоставлявшей желать большаго, была формулирована въ уже цитированномъ нами предисловіи: «При наличности яркаго политическаго движенія—писалъ Струве—а создать таковое задача все болѣе и болѣе консолидирующейся въ Россіи соц.-дем. партіи—хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ сыграть крупную политическую роль: умѣренныя партіи при умѣлой тактикѣ выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами, каковыми въ данномъ случаѣ явятся, съ одной стороны, самодержавная бюрократія, а съ другой—революціонная соціалдемократія».

И если мы возьмемъ «Освобожденіе» съ его перваго номера и вплоть до времени ноябрьскаго съѣзда 1904 года, мы увидимъ красной нитью проходящимъ въ его оцѣнкѣ текущей дѣйствительности все тотъ же политическій принципъ: принципъ учета въ каждый данный моментъ процесса ослабленія власти силами революціоннаго движенія и на основѣ этого учета готовый компромиссъ съ этой властью. Напомнимъ хотя бы тѣ мысли, которыя были высказаны вслухъ «Освобожденіемъ» по поводу переговоровъ Шипова съ Плеве въ связи съ вопросомъ

объ участіи выборныхъ отъ земствъ въ «Особомъ Совѣщаніи». Это былъ—«ложный шагъ» со стороны Шипова—заявлялъ Антонъ Старицкій. («Освобожд.» № 7), «Нѣтъ ничего мудренаго, что Плеве... предпринялъ эту диверсію бесѣдъ и намековъ. Но земцамъ слѣдовало бы очень и очень подумать, прежде чѣмъ идти на компромиссъ, на приманку. Теперешнее положеніе дѣлъ не ими создано; оно создано молодежью... создано рабочими... создано крестьянами... оно создано безпорядками, демонстраціями... Земцы выступили позже всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ. Никто и не зоветъ ихъ на баррикады, никто и не приглашаетъ ихъ къ крайнимъ дѣйствіямъ. Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и съ сознаніемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнятъ свою историческую миссію, естественную свою обязанность передъ родиной. Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ, и примутъ власть отъ него, а они—представители земства... И пусть они не спѣшатъ учесть свое первородство, въ видѣ какого-то съѣзда, который «оформитъ» г. Плеве... Спѣшить съ переговорами еще нечего!»

А Струве въ томъ же №, указывая на то, что «день неизбѣжной — при упорствѣ правительства — революціи еще не близокъ», что матеріальная сила еще на сторонѣ существующаго режима, этимъ объяснялъ, почему «мы призываемъ мирныя реформы», почему «мы желаемъ уступокъ сверху» и выставлялъ свой «аргументъ, обращенный къ правительству»: «Въ интересахъ не только дѣла преобразованія, но и самого правительства, «лучше сверху, чѣмъ снизу», лучше «мирнымъ», чѣмъ «революціоннымъ путемъ».

Это обращеніе къ правительству шло рука объ руку съ установленіемъ тезиса, являвшагося также однимъ изъ основныхъ въ либерально-демократической публицистикѣ; мы имѣемъ въ виду признаніе, что «ни революціонная борьба, ни умѣренная и мирная оппозиція не могутъ обойтись одна безъ другой» [1]).

Это была та средняя линія, по которой двигалось либерально-демократическое теченіе, съ одной стороны отбрасывая влѣво идеи, подобныя тѣмъ, которыя развивалъ едва ли не одинъ земскій гласный Т. на страницахъ «Освобожденія», когда указывалъ на необходимость «покончить съ робкими полумѣрами легальной оппозиціи», намѣчалъ желательныя формы борьбы и приглашалъ земцевъ не оказаться въ случаѣ «призванія» ихъ сверху «въ положеніи птицъ небесныхъ, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли» [2]), и съ другой стороны—оспаривая весьма распространенную въ земской средѣ точку зрѣнія, отрицавшую за «крайними партіями» даже ихъ относительную цѣнность для либеральнаго движенія и, подобно авторамъ открытаго письма отъ «группы земскихъ дѣятелей», квалифицировавшую дѣятельность этихъ партій, какъ «общественное бѣдствіе» на основѣ «обнищанія» и «невѣжества» населенія. Въ концепціи же «Освобожденія», наоборотъ, на долю «революціонныхъ элементовъ» оставалась «великая заслуга» и «огромная роль» въ постановкѣ вопроса «коренного политическаго преобразо-

---

[1]) „Освоб.“ № 7, 1902 г. Ст. П. Струве „Либерализмъ и т. н. революціонныя направленія“.

[2]) „Осв.“ № 7, Ст. „Мирная и революціонная борьба“.

ванія», и усилія «Освобожденія» были направлены на то, чтобы доказать, что единоличная борьба с.-р-овъ имѣетъ свои глубокіе корни въ существующемъ общественно-политическомъ порядкѣ, что «принципы» соц.-демократіи въ своемъ существѣ «совпадаютъ съ чистыми идеями либерализма, какъ политической системы свободы и равенства», и что «русскому либерализму не поздно еще занять правильную политическую позицію—не противъ соціальной демократіи, а рядомъ и въ союзѣ съ нею» [1]). Но практическій политическій выводъ изъ всей этой теоріи мирнаго сосуществованія умѣренныхъ и крайнихъ элементовъ и раздѣленія между ними труда гласилъ: сугубая фиксація умѣренныхъ элементовъ на ихъ «полумѣрахъ» и разсчеты на растущее давленіе освободительной борьбы на власть въ цѣляхъ заключенія компромисса.

Но если преобладаніе умѣреннаго-земскаго характера наложило свою неизгладимую печать на позицію либерализма въ освободительной борьбѣ, на пріемы его тактики, и дало расцвѣсть идеѣ компромисса, то тѣмъ же классовымъ, землевладѣльческимъ характеромъ еще непосредственнѣе опредѣлялось содержаніе тѣхъ политическихъ требованій, которыя выставлялъ либерализмъ на своемъ знамени. На протяженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ предреволюціонной эпохи, можно сказать, на нашихъ глазахъ протекаетъ процессъ вынужденной развертывающимся ходомъ событій демократизаціи этихъ требованій.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ половинѣ 1902 г. «Освобожденіе» выступало на политическую сцену, то оно безъ оговорокъ объявляло себя солидарнымъ съ тѣмъ коллективнымъ заявленіемъ «отъ русскихъ конституціоналистовъ», согласно которому учредительныя функціи въ созданіи «безсословнаго народнаго представительства»—въ выработкѣ конституціи—должны принадлежать вмѣстѣ съ властью представителямъ организацій «всесословнаго общественнаго самоуправленія». Это—организаціи, говорилось, правда «искаженныя по составу своего представительства, и очень неполно представляющія мнѣніе страны, но имѣющія за собой преданія политическихъ стремленій и по существу своему представляющія нижній этажъ будущаго конституціоннаго зданія»... «Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что дѣятельность... представителей отъ земствъ не пойдетъ вразрѣзъ съ вѣковыми стремленіями русской интеллигенціи. Во всякомъ случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ скачекъ въ неизвѣстное, который представляла бы всякая попытка выборовъ ad hoc, подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно-опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ» [2]). Въ удовлетвореніе же не-земскихъ круговъ «общества»—«было бы желательно»—заявляли конституціоналисты—«предоставить... существующимъ органамъ самоуправленія право выбирать депутатовъ изъ лицъ, принадлежащихъ не только къ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и избирателей, но и ко всему русскому обществу; было бы также полезно допустить право представительства и для русскихъ университетовъ».

---

[1]) „Освоб.“ № 25 (1903 г.). Ст. П. С. „Германскіе выборы“.

[2]) „Освоб.“ № 1. (18 іюня 1902 г.). „Отъ рус. конст—овъ“.

Но уже къ началу 1903 года наступаетъ извѣстное полѣвѣніе: вмѣстѣ съ временной заминкой въ земскомъ движеніи, съ дальнѣйшимъ ростомъ революціоннаго движенія и консолидаціей интеллигентской части либерально-демократическаго теченія, интеллигентская демократія беретъ свой временный реваншъ надъ либеральнымъ землевладѣніемъ. Въ «Освобожденіи» появляются новыя ноты: въ передовой статьѣ своего 15 № «Освобожденіе» заявляетъ: «широкая и идеалистическая постановка задачи освобожденія, какъ общенароднаго или національнаго дѣла, не только не исключаетъ послѣдовательнаго и принципіальнаго проведенія идей правового государства и демократіи, но, наоборотъ, требуетъ такого проведенія». И далѣе: «Русскій либерализмъ пріобрѣтетъ силу и значеніе только какъ демократическое теченіе съ широкимъ размахомъ. Съ этой точки зрѣнія мы разсматриваемъ и земское движеніе, въ которомъ мы видимъ лишь одно, своеобразное и цѣнное, теченіе нарождающейся русской демократіи. Еслибы земство и земское движеніе потеряло связь съ этимъ большимъ потокомъ, въ которомъ выражается и творится новая Россія—они лишились бы своихъ питательныхъ соковъ и ихъ живыя силы изсякли бы. Земское дѣло перестало бы быть общимъ дѣломъ всѣхъ свободолюбивыхъ силъ безсословной русской интеллигенціи и пало бы до простого представительства помѣщичьяго класса и его интересовъ. Оно утратило бы свое національное значеніе».

А въ 16 № «Освобожденіе» уже открыто признается въ поворотѣ. «Оказалось на практикѣ», отмѣчаетъ с.с., одинъ изъ составителей заявленія «отъ конституціоналистовъ», что «Освобожденіе обслуживаетъ слишкомъ обширный кругъ лицъ и общественныхъ слоевъ, чтобы точно выражать мнѣнія и настроенія каждаго», что необходимо отмежеваться отъ «идеалистовъ самодержавія» Шипова, Стаховича, Хомякова и яснѣе оттѣнить свое конституціонное знамя. Струве же, устанавливая основныя положенія подлежащей сформированію партіи, говоритъ: «Партія должна быть открыто и рѣшительно конституціонной... Партія должна быть открыто и рѣшительно демократической»... «Для того, чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ-интеллигентъ, представитель «третьяго элемента», и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія, партія должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности. И потому въ ея программѣ необходимо ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ. Такое заявленіе должно на нашъ взглядъ—замѣнить собою соотвѣтственныя разсужденія программы конституціоналистовъ «Объ учредительномъ собраніи».

Такъ вмѣстѣ съ попыткой расширенія соціальнаго основанія партіи, въ либерально-демократическомъ теченіи появляется признаніе всеобщей подачи голосовъ (не смѣшивать, впрочемъ, съ извѣстной 4-хъ членной формулой), и центръ тяжести отъ земскихъ элементовъ начинаетъ передвигаться къ «безсословной интеллигенціи». И одновременно же исключительно политическій характеръ либ. демокр. теченія впервые нарушается внесеніемъ въ него соціальныхъ требованій.

«За время существованія «Освобожд.» мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ, въ справедливости котораго мы по существу никогда не сомнѣвались, соотвѣтствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ

безсословной русск. интеллигенціи, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за политическое освобожденіе Россіи и должны составлять главные кадры либер. партіи, которая выступаетъ открыто конституціонной и послѣдовательно демократической. Недостаточно демократическій характеръ партійной программы, хотя бы онъ сказывался лишь въ формѣ умолчанія о нѣкоторыхъ пунктахъ, оттолкнетъ тѣ элементы, безъ привлеченія которыхъ партія будетъ влачить жалкое существованіе. Помимо положительнаго рѣшенія вопроса о всеобщей подачѣ голосовъ, демократическій характеръ партіи требуетъ программнаго выясненія ея отношенія къ соціальнымъ вопросамъ—аграрному и рабочему» [1]).

Практическія требованія по рабочему вопросу, выставляемыя рабочими партіями на Западѣ и въ Россіи, «должны быть цѣликомъ включены въ его (т. е. либерализма) программу» — заявляетъ «Освобожденіе» въ № 33 (ноябрь 1903 года), провозглашая въ то же время, что въ аграрномъ вопросѣ «на первую очередь долженъ стать вопросъ о демократизаціи земельной собственности»... «Политическое освобожденіе Россіи должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и довершеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ, основаннаго на принципѣ признанія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю... Государство должно ставить задачу—содѣйствіе переходу земель въ руки трудящихся массъ—и выработать цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ» [2]). И въ другомъ мѣстѣ: «Въ немъ (т. е. аграрномъ вопросѣ)—матеріальная основа совершающагося въ Россіи освободительнаго движенія—и когда послѣднее прочно овладѣетъ этой позиціей,—когда оно сольетъ матеріальную потребность крестьянства въ землѣ съ политическимъ лозунгомъ освобожденія—тогда противъ него ничто не устоитъ», («Освоб.» № 32).

И уже въ 1904 году, когда вспыхнула война и послѣ того, какъ потухъ первоначальный подъемъ націоналистическихъ чувствъ, дань которому отдало и «Освобожденіе»,—оно писало, что, если «въ началѣ XIX вѣка можно было ввести барскую конституцію, т. е. давъ народу гражданскую, а верхамъ общества политическую свободу и политическую власть, въ теченіе долгаго времени управлять соціальными низами, какъ болѣе или менѣе покорной въ политическомъ отношеніи массой», то «теперь выборъ можетъ быть только» между старымъ режимомъ и «демократіей». «На самомъ дѣлѣ, только радикальная и широкая политическая реформа можетъ дать прочный внутренній миръ Россіи» [3]).

Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ подымающаяся температура предреволюціонной эпохи и приближающіеся раскаты грозы налагали свой штрихъ за штрихомъ на физіономію либерально-демократическаго теченія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ либерализмъ демократизировалъ свои программныя требованія, въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ пытался стать соціальнымъ. Но онъ по прежнему оставался внѣ народнаго массового движенія, безъ связующихъ съ этимъ движеніемъ нитей и со всѣми корнями въ той земщинѣ, которая продолжала опредѣ-

---

[1]) Освоб. № 17. „Отъ редактора“.

[2]) „Освоб.“ № 33, Ст. Л. „Къ аграрному вопросу“.

[3]) „Освоб.“ № 58 (1904 г.) Ред. ст. „Организація и платформа демократ. партіи“.

лять по прежнему его политическую позицію. Недаромъ, его заключительнымъ словомъ въ предреволюціонную эпоху было провозглашеніе ноябрьскаго съѣзда 1904 года—«хозяиномъ страны», ея «общественнымъ мнѣніемъ» [1]).

* * *

На этомъ мы заканчиваемъ наше изложеніе эволюціи общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху. Наши заключенія мы сдѣлаемъ отсюда тогда, когда будемъ говорить о томъ «заключеніи» эпохи, которымъ явилась революція.

А. Потресовъ.

---

[1]) „Освоб." № 60, ст. С. С. „Фіаско новаго курса".

ИТОГИ.

П. П. МАСЛОВЪ.

Развитіе народнаго хозяйства и вліяніе его на борьбу классовъ въ XIX вѣкѣ.

I.

Изъ первыхъ главъ этого тома читатель могъ составить представленіе о характерѣ развитія въ Россіи отдѣльныхъ частей народнаго хозяйства. Каждая изъ нихъ развивалась въ тѣсной связи съ другими отраслями производства и вліяла на другія: на эволюцію земледѣльческаго хозяйства вліяло развитіе промышленности, торговли, кредита и государственнаго хозяйства, на развитіе промышленности оказывало вліяніе развитіе земледѣлія и т. д. Такимъ образомъ характеръ развитія народнаго хозяйства опредѣляется болѣе правильно только тогда, когда выяснено взаимоотношеніе различныхъ сторонъ хозяйственной жизни страны. Характеристика хозяйственной эволюціи страны въ цѣломъ, а не только въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ, необходима и для того, чтобы выяснить характеръ классовой борьбы, происходившей въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка, такъ какъ взаимоотношеніе общественныхъ силъ въ этой борьбѣ опредѣлялось хозяйственной эволюціей.

Главной особенностью экономическаго развитія Россіи въ пореформенную эпоху, особенностью, наложившею отпечатокъ не только на характеръ борьбы общественныхъ классовъ, но и на общественную идеологію, было быстрое развитіе крупнаго капиталистическаго производства на почвѣ еще мало развитого товарнаго обмѣна среди мелкихъ хозяйствъ. Капитализмъ развивался въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности сразу въ видѣ крупнаго производства, не успѣвши еще разложить старый укладъ крестьянскаго хозяйства. Поэтому на ряду съ самыми высшими формами капиталистическаго производства сохранились пережитки крѣпостныхъ отношеній, сохранилось крестьянское хозяйство съ чрезвычайно мало развитымъ потребленіемъ продуктовъ производства въ крупныхъ предпріятіяхъ обрабатывающей промышленности.

Основной причиной такого своеобразнаго хозяйственнаго развитія страны является экономическая отсталость Россіи, позже другихъ странъ выступившей на путь капиталистическаго развитія уже при колоссально-развитомъ государственномъ механизмѣ.

Громадная государственная организація и громадное государство въ силу историческихъ условій создались еще въ эпоху, когда ихъ размѣры совсѣмъ не соотвѣтствовали потребностямъ промышленнаго развитія страны.

Государственная организація росла, государство расширялось до колоссальныхъ размѣровъ на счетъ почти пустынныхъ территорій полудикихъ племенъ востока и юго-востока, расширялось для самосохраненія и укрѣпленія сложившейся государственной организаціи. Уже въ эпоху, когда государственная власть и господствующіе классы заботились не столько о пріобрѣтеніи рынковъ, сколько объ увеличеніи числа данниковъ для непосредственной эксплоатаціи налогами и поборами, территорія государства, почти безъ всякаго усилія съ его стороны, расширяется на востокъ черезъ всю Азію и на югъ до Кавказа. Правда, нѣкоторыя отрасли промышленности въ двухъ-трехъ раіонахъ (Уралъ, Московскій раіонъ) уже до отмѣны крѣпостного права расширяютъ свои торговыя операціи на всю Россію, а уральское желѣзо даже вывозилось за-границу, но интересы промышленнаго сословія тогда еще не выдвигались какъ *государственные* интересы, и не ради нихъ расширялась территорія государства.

Между тѣмъ и увеличеніе бюрократическаго механизма, связанное съ ростомъ государства, и столкновенія съ передовыми странами Европы, которыя вооружали арміи усовершенствованнымъ оружіемъ, пользовались усовершенствованными путями сообщенія, все это заставляло государственную власть въ Россіи затрачивать огромныя средства и на бюрократію и на армію. Такимъ образомъ при мало развитой промышленности, на почвѣ натуральнаго крестьянскаго хозяйства создается огромная государственная организація, требующая колоссальныхъ матеріальныхъ средствъ, которыя могли быть получены только отъ крестьянства.

Колоссальное развитіе государственной организаціи, расширеніе территоріи страны на счетъ почти незаселенныхъ степей, разселеніе народа по обширной территоріи наложило отпечатокъ на все дальнѣйшее хозяйственное развитіе страны и, прежде всего, на развитіе земледѣлія. Въ Западной Европѣ по мѣрѣ того, какъ увеличивалось населеніе, оно, не имѣя возможности разселяться по сосѣднимъ территоріямъ, одинаково плотно заселеннымъ, должно было или измѣнять земледѣльческую культуру, чтобы получить съ меньшей площади земли необходимое количество продуктовъ или переселяться въ города и заниматься различными промыслами. Развитіе товарнаго обмѣна, развитіе промысловъ было тѣсно связано съ ростомъ городовъ, куда бѣжали крѣпостные крестьяне-земледѣльцы, чтобы тамъ заняться какимъ-нибудь промысломъ. Развитіе ремесла и торговли въ западно-европейскихъ городахъ, въ свою очередь, настолько ихъ усиливало, что городское населеніе могло добиться большей или меньшей независимости отъ феодаловъ и сдѣлать городъ еще болѣе привлекательнымъ для угнетеннаго деревенскаго населенія. Распредѣленіе производительныхъ силъ страны между городомъ и деревней очень рано создаетъ тамъ для деревни рынокъ для продуктовъ земледѣлія, а выгодность и необходимость интенсификаціи земледѣльческаго хозяйства и вся совокупность сложившихся хозяйственныхъ отношеній очень рано разлагаетъ первобытную земельную общину. Такимъ образомъ въ Западной Европѣ вліяніе города на деревню и на развитіе земле-

дѣлія сказывается очень рано, еще до эпохи развитія крупнаго капиталистическаго производства. Въ Россіи уже въ XVII вѣкѣ констатируется бѣгство крестьянъ на окраины отъ крѣпостного права, отъ «налоговъ и поборовъ», и обезлюденіе деревни. Въ нѣкоторыхъ раіонахъ отмѣчается даже переходъ отъ болѣе интенсивной культуры земли къ экстенсивной вслѣдствіе бѣгства части населенія. Правительство для руссификаціи окраинъ поощряло ихъ заселеніе и смотрѣло сквозь пальцы на бѣгство даже крѣпостныхъ крестьянъ [1]). Но такъ какъ крестьяне бѣжали не въ города, а на окраины, то не происходило и такого перераспредѣленія производительныхъ силъ страны между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, какое было въ Западной Европѣ.

По указаннымъ ниже причинамъ продукты обрабатывающей промышленности производились кустарями, также занимающимися земледѣліемъ, слѣдовательно, и кустари не являлись потребителями продуктовъ, производимыхъ крестьянами-земледѣльцами.

Благодаря такому состоянію народнаго хозяйства наканунѣ развитія капитализма, распредѣленіе производительныхъ силъ страны было не въ пользу обрабатывающей промышленности. Даже въ періодъ развитія капитализма въ Западной Европѣ и Россіи, благодаря указаннымъ географическимъ условіямъ, на западѣ промышленное населеніе должно было увеличиваться, относительно, быстрѣе, чѣмъ въ Россіи: между тѣмъ какъ на Западѣ «избыточное» земледѣльческое населеніе переселялось въ колоніи (въ Америку, Австралію, Африку), слѣдовательно сокращалось не только вслѣдствіе перехода на фабрику, но и посредствомъ эмиграціи, русскіе переселенцы размѣщались все дальше и дальше къ окраинамъ, продолжая тотъ процессъ разселенія, который происходилъ еще въ эпоху крѣпостного права. Относительная численность земледѣльческаго населенія благодаря колонизаціи не сокращалась, и, впослѣдствіи, несмотря на быстрое развитіе капитализма, его успѣхи не были такъ замѣтны, какъ въ Западной Европѣ. Этому содѣйствовало и то, что быстрое развитіе путей сообщенія вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма привело къ образованію новыхъ отдаленныхъ отъ центральной Россіи промышленныхъ центровъ.

Такимъ образомъ при наличности сплошной обширной территоріи происходила не только экстенсификація земледѣльческой культуры, но и разъобщенность, разбросанность промышленныхъ центровъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого огромнымъ пространствомъ. Вслѣдствіе развитія кустарныхъ промысловъ до эпохи развитія крупнаго капиталистическаго производства, городъ представлялъ собою ничтожный рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ, цѣны на продукты земледѣлія держались крайне низко и только раіоны, связанные съ внѣшнимъ рынкомъ водными, а впослѣдствіи желѣзнодорожными путями, могли отправлять свой хлѣбъ заграницу.

Когда въ Россіи уже развивается крупное капиталистическое производство, городъ еще представляетъ недостаточный рынокъ для продуктовъ земледѣлія; хлѣбъ и всяческое сырье вывозится черезъ огромныя пространства заграницу,

[1]) Даже въ началѣ XIX ст. нѣкоторыя окраины (напр., Крымъ, восточная граница Оренб. (прежде Уфимск.) губ. заселялись отчасти бѣглыми крѣпостными крестьянами.

а дома, на мѣстахъ производства, продается по, относительно, низкимъ цѣнамъ. При такихъ условіяхъ могло вестись только экстенсивное хозяйство, такъ какъ интенсивная земледѣльческая культура можетъ быть выгодной только при опредѣленномъ minimum'ѣ хлѣбныхъ цѣнъ. Между тѣмъ на характеръ земельныхъ отношеній земледѣльческая культура имѣетъ огромное вліяніе.

Общинное землевладѣніе, которое сложилось не безъ значительнаго воздѣйствія государственной власти, считавшейся съ склонностью крестьянъ въ одиночку уклоняться отъ налоговъ, при экстенсивной культурѣ сохранялось и укрѣплялось. Укрѣпленію его содѣйствовало, начинавшее обнаруживаться въ концѣ XIX вѣка малоземелье при сохранившемся экстенсивномъ хозяйствѣ.

Естественнымъ выводомъ для населенія при малоземельѣ является переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ земли. Но, какъ мы замѣтили, при недостаточности внутренняго рынка цѣны на продукты земледѣлія стояли низко и интенсификація земледѣлія была невыгодной. Крестьянское хозяйство стремится *интенсивнѣе* использовать землю при *экстенсивной* культурѣ, т. е. не перемѣняя культуры земли, прокормить наибольшее количество земледѣльческаго населенія. А при такихъ условіяхъ общинное землевладѣніе является наиболѣе удобной формой землепользованія. Хотя при уплотненіи населенія производительность труда у общинниковъ чрезвычайно низко падаетъ, потому что благодаря сохраненію экстенсивной культуры, не повышается урожайность земли, но передѣлы даютъ подростающимъ поколѣніямъ крестьянъ возможность также прилагать свои силы къ земледѣлію. При низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, вслѣдствіе недостаточности внутренняго рынка, при экстенсивномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и при паденіи производительныхъ силъ размножающагося земледѣльческаго населенія общинный строй является для него своего рода страхованіемъ отъ голодной смерти, хотя и не спасающимъ отъ голодовки.

Выше мы замѣтили, что государственная организація въ Россіи еще до развитія капитализма требовала колоссальныхъ средствъ для своего существованія, для вооруженія арміи, постройки флота, стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Средства для этого, при мало развитой обрабатывающей промышленности, могли быть получены только съ земледѣльческаго населенія.

При незначительныхъ размѣрахъ внутренняго рынка для продажи хлѣба, крестьяне, чтобы уплатить налоги, должны были продавать хлѣбъ для вывоза его заграницу. Крестьянское хозяйство вовлекается въ общій круговоротъ мірового товарнаго обмѣна, поскольку оно является продавцомъ хлѣба и сырья. Но такъ какъ деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба, остаются не въ рукахъ крестьянина, а уплачиваются или государству въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, или помѣщику за аренду земли, то внутренній рынокъ для продуктовъ обрабатывающей промышленности среди крестьянскаго населенія развивается крайне медленно. Покупательныя средства оказываются или въ рукахъ государства и, черезъ его посредство, въ рукахъ городского населенія, или въ рукахъ землевладѣльцевъ. Государство, пользуясь для своихъ потребностей крупнымъ капиталистическимъ производствомъ (для постройки желѣзныхъ дорогъ, вооруженія и обмундировки арміи и т. д.) и, такимъ образомъ, содѣйствуя его росту, въ то же время въ корнѣ подрывало основы его развитія, такъ какъ лишало

покупательной силы массу деревенскаго населенія, покрывавшаго почти всѣ государственные расходы. Потребителемъ продуктовъ индустріи былъ не крестьянинъ, хотя они покупались, въ конечномъ счетѣ, на его средства. Близорукимъ экономистамъ казалось, что капитализмъ въ Россіи существуетъ *только* благодаря поддержкѣ его государственной властью, *только* благодаря тому, что имѣются правительственные заказы.

Между тѣмъ ясно, что чрезмѣрно облагая земледѣльческое населеніе правительство задерживало развитіе внутренняго рынка и лишь направляло развитіе крупнаго производства на другой путь.

Вмѣсто производства для массоваго народнаго потребленія первоначально сильнѣе развивалось производство для удовлетворенія потребностей правительства и предпріятій, находящихся въ его рукахъ (желѣзныхъ дорогъ и проч.). Поэтому въ первый періодъ развитія крупнаго капиталистическаго производства для крупной буржуазіи источникомъ всѣхъ благъ представляется не массовый потребитель, живущій и работающій въ деревнѣ, а само правительство, отъ котораго крупная буржуазія и чувствуетъ свою зависимость. Лишь въ началѣ XX вѣка, послѣ кризиса, крупный капиталъ почувствовалъ значеніе развитія внутренняго рынка.

Впрочемъ, не всѣ отрасли промышленности находились въ такомъ положеніи. Напримѣръ, хлопчатобумажная промышленность развивается, опираясь исключительно на потребленіе массъ. Хотя расширеніе внутренняго рынка замедлялось благодаря указаннымъ нами причинамъ, тѣмъ не менѣе обработка волокнистыхъ веществъ быстро растетъ и къ концу XIX столѣтія въ крупныхъ предпріятіяхъ этой отрасли промышленности было занято около 650 тысячъ рабочихъ.

Техническій прогрессъ въ земледѣліи долженъ былъ бы потребовать производства колоссальнаго количества желѣза, чугуна, стали и продуктовъ, необходимыхъ для земледѣльческаго населенія, но развитіе техники земледѣлія задерживалось благодаря указаннымъ уже причинамъ. Продажа хлѣба на рынкѣ для того, чтобы вырученныя деньги отдать въ видѣ налоговъ, арендной платы и т. д., при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не могла содѣйствовать техническому прогрессу въ земледѣліи. Низкія цѣны на хлѣбъ поддерживали отсталую экстенсивную культуру земли-трехполье и связанное съ нимъ общинное землевладѣніе, а бѣдность крестьянскаго населенія поддерживала техническую отсталость земледѣлія. При такихъ условіяхъ *не смотря* на то, что существовала экстенсивная культура и, казалось, была возможность перейти къ болѣе интенсивной, земледѣльческое населеніе не повышало культуру земли, а выселялось на рѣже населенныя окраины, гдѣ при той-же экстенсивной культурѣ можно было получить больше хлѣба.

Вмѣстѣ съ развитіемъ желѣзно-дорожной сѣти, доставлявшей хлѣбъ на рынокъ, происходитъ разселеніе населенія и увеличеніе производства хлѣба на окраинахъ, которое понижаетъ цѣну хлѣба въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ и обостряетъ еще болѣе указанное нами противорѣчіе. Развитіе народнаго хозяйства выражается въ перераспредѣленіи производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія между центральнымъ земледѣльческимъ раіономъ и окраи-

нами, при чемъ часть населенія, переселяясь на окраины, увеличиваетъ тамъ производство хлѣба, понижаетъ своей конкурренціей цѣны на хлѣбъ въ центральномъ раіонѣ, косвенно поддерживаетъ этимъ экстенсивную культуру и продовольственное хозяйство [1]).

Такимъ образомъ разселеніе населенія центральнаго земледѣльческаго раіона лишь затягивало кризисъ, но не облегчало положенія остающихся на мѣстѣ крестьянъ, потому что оставалась та же экстенсивная культура, та же община, то же продовольственное хозяйство, продающее хлѣбъ за безцѣнокъ, а вырученныя деньги принужденное отдавать или землевладѣльцу или правительству.

Изъ первой главы этого тома читатель могъ видѣть, какъ въ центральномъ раіонѣ постепенно падаетъ производительность труда земледѣльческаго населенія и развивается кризисъ продовольственнаго хозяйства, который постепенно охватывалъ все новые и новые раіоны. Только расширеніе запашекъ на окраинахъ затушевываетъ постепенное сокращеніе производства хлѣба, паденіе производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія и неизбѣжно надвигавшійся кризисъ земледѣлія. Наступала необходимость измѣненія земледѣльческой культуры, а вмѣстѣ съ ней и крушенія общиннаго строя. Ію такому измѣненію мѣшали во-первыхъ низкія цѣны на хлѣбъ вслѣдствіе недостатка внутренняго рынка и конкурренціи окраинъ, во-вторыхъ, нищета населенія у котораго сокращались даже тѣ средства производства, которыя имѣлись и наконецъ усиленная эксплуатація крестьянъ, обострявшая ихъ нищету.

Весь характеръ предъидущаго хозяйственнаго развитія исключалъ возможность капиталистической эволюціи земледѣльческаго хозяйства безъ сильныхъ потрясеній, безъ попытки крестьянъ найти выходъ въ расширеніи своего землепользованія. Повышеніе арендной платы въ началѣ XX вѣка, вызванное конкурренціей крестьянъ, обостряло еще болѣе кризисъ земледѣльческаго хозяйства. Несмотря на то, что къ концу девяностыхъ годовъ огромное количество крестьянъ ежегодно переселяется въ Сибирь, кризисъ затягивается, но не ослабѣваетъ, продолжая обостряться.

Въ первой главѣ мы указывали на то, что въ различныхъ раіонахъ Россіи положеніе земледѣльческаго населенія было не одинаково, Тѣмъ не менѣе различіе заключалось лишь въ степени обостренія кризиса: ни одна область въ обширной странѣ не отличалась особеннымъ процвѣтаніемъ земледѣльческаго хозяйства. Но наиболѣе тяжелое положеніе крестьянскаго хозяйства было въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ и примыкающихъ къ нему литовскихъ, югозападныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ.

Общее раззореніе мѣшало не только развитію внутренняго рынка для обрабатывающей промышленности, но и разложенію общины и процессу разслоенія крестьянъ на пролетаріатъ и зажиточное крестьянство, процессу, тѣсно

---

[1]) Нужно принять во вниманіе, что общинный строй въ значительной степени задерживалъ разселеніе населенія, такъ какъ общинное землевладѣніе обезцѣнивало земельные надѣлы и мѣшало переселенцамъ продажей своего надѣла выручить достаточную сумму для организаціи хозяйства на новыхъ мѣстахъ.

связанному съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній. Это обстоятельство наложило свой отпечатокъ и на характеръ крестьянскаго движенія. Въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ и до революціи и въ самый ея разгаръ крестьянство выступало какъ цѣлое и боролось или за захватъ помѣщичьихъ земель, или за пониженіе арендной платы. Это была борьба крестьянъ собственниковъ за улучшеніе своего хозяйства. Въ югозападномъ раіонѣ въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ и отчасти въ Литвѣ преобладало движеніе батраковъ или движеніе крестьянъ за повышеніе заработной платы.

Здѣсь велось болѣе интенсивное хозяйство и капиталистическія отношенія уже настолько развились, что для бѣднѣйшей части земледѣльческаго населенія первостепенное значеніе имѣетъ заработная плата, а не аренда помѣщичьихъ земель.

Во всякомъ случаѣ для большей части Россіи типичнымъ было еще отсталое крестьянское хозяйство, которое повліяло какъ на характеръ крестьянскаго движенія, такъ и на характеръ движенія землевладѣльцевъ.

Имѣя дѣло съ крестьянами—хозяевами, арендующими помѣщичьи земли, дворяне-землевладѣльцы стремились, какъ и всякіе предприниматели, обезпечить себѣ наибольшій доходъ. Поскольку имъ приходилось вступать въ экономическую борьбу съ крестьянами, какъ арендаторами и какъ наемными рабочими, они защищали энергично свои интересы, отстаивая уголовныя кары для нарушителей договоровъ найма со стороны рабочихъ и крестьянъ и въ этомъ отношеніи выступали, какъ типичные предприниматели. Но въ то же время поскольку они являлись сдатчиками земли въ аренду мелкимъ собственникамъ, они были заинтересованы въ сохраненіе мелкой надѣльной земельной собственности. Поэтому мы видимъ, что до разгара революціи землевладѣльцы покровительствуютъ мелкой собственности въ земствахъ или, въ худшемъ случаѣ, относятся пассивно къ дѣятельности тамъ либеральныхъ земцевъ. Народническій либерализмъ земцевъ-землевладѣльцевъ,—явленіе, повидимому, противоестественное, объясняется тѣмъ [1]), что вслѣдствіе нищеты крестьянъ арендаторовъ, испольщиковъ, обрабатывающихъ и помѣщичью запашку своимъ инвентаремъ, падала урожайность арендуемой земли въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ и, во всякомъ случаѣ, не повышалась. Благодаря этому не такъ возрасталъ и доходъ землевладѣльцевъ, какъ онъ могъ бы возрастать при лучшей обработкѣ арендуемой земли болѣе зажиточными арендаторами. Разумѣется, не всѣ землевладѣльцы понимали значеніе для ихъ собственнаго хозяйства пониженія экономическаго уровня крестьянъ арендаторовъ, но, вслѣдствіе индифферентизма большинства землевладѣльцевъ, руководство земской дѣятельностью находилось въ рукахъ болѣе культурныхъ либеральныхъ земцевъ. Такимъ образомъ характеръ хозяйственнаго развитія Россіи во второй половинѣ XIX вѣка приводитъ къ тому, что значительная часть землевладѣльцевъ является либеральной, а большая часть представителей крупнаго капитала оказывается на нѣкоторое время тѣсно связанной съ правительствомъ. Сокращая потребленіе населеніемъ предметовъ обрабаты-

[1]) Мы не останавливаемся на „идеологическомъ" моментѣ, который имѣлъ мѣсто у отдѣльныхъ представителей дворянства, какъ и у представителей другихъ сословій.

вающей промышленности, послѣднее является самымъ крупнымъ заказчикомъ-потребителемъ.

Эта первоначальная стадія развитія земледѣлія и индустріи затянулась на долгій періодъ, потому что переселенія крестьянъ, отчасти ослабляя кризисъ мелкаго хозяйства, содѣйствовали расширенію запашки на окраинахъ и увеличивали общую сумму производимыхъ въ земледѣліи продуктовъ. Расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и заселеніе окраинъ расширяло внутренній рынокъ и ослабляло разрушительное дѣйствіе «оскудѣнія центра» на развитіе индустріи. Поэтому *пока* не наступилъ кризисъ крестьянскаго хозяйства, который выразился въ невозможности продолжать аренду по повышеннымъ цѣнамъ, пока землевладѣльцы въ массѣ не стали находить болѣе выгоднымъ расширенія экономической запашки и сокращенія и даже уничтоженія аренды, до тѣхъ поръ либерально-народническія тенденціи крупнаго землевладѣнія должны были болѣе или менѣе ярко проявляться. Точно также пока крупная промышленность могла удовлетворяться правительственными заказами и расширеніемъ внутренняго рынка, вызваннымъ не столько увеличеніемъ потребностей населенія, сколько расширеніемъ территоріи, на которой сбываются продукты, пока увеличивалось число покупателей вслѣдствіе проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, пока перечисленныхъ условій было достаточно для полученія высокой прибыли, крупная буржуазія могла мириться съ безотвѣтственнымъ хозяйничаніемъ бюрократіи и съ тѣмъ состояніемъ страны, которое привело крестьянское хозяйство къ кризису.

II.

На роли государственнаго хозяйства и финансовъ въ хозяйственной жизни страны мы мимоходомъ уже останавливались. Мы указывали, что огромные расходы на вооруженіе, на бюрократію угнетали страну и особенно чувствительно отзывались на развитіи земледѣлія. Отчасти государственное хозяйство вліяло на перераспредѣленіе производительныхъ силъ страны отчасти же прямо задерживало общее развитіе народнаго хозяйства.

Та часть государственныхъ доходовъ, которая попадала въ руки городскаго населенія и употреблялась на дальнѣйшее развитіе производства, оказывала вліяніе на распредѣленіе производительныхъ силъ страны. Хотя эта часть національнаго дохода обыкновенно затрачивалась непроизводительно (постройка военныхъ судовъ и удовлетвореніе другихъ потребностей арміи), тѣмъ не менѣе она косвенно расширяла внутренній рынокъ и такимъ образомъ вліяла на расширеніе другихъ отраслей производства. Но большая часть государственныхъ расходовъ затрачивалась совершенно непроизводительно. Благодаря этому замедлялось не только развитіе земледѣлія, но и индустріи. Огромные займы для военныхъ потребителей, заказы заграницей непосредственно давили и земледѣліе и индустрію, поскольку платежи заграницу сокращали внутреннее потребленіе. Внутренніе и внѣшніе займы, отвлекая капиталы отъ производства, сокращая предложеніе на рынкѣ денежнаго капитала, повышали средній процентъ на денежный капиталъ и задерживали техническое развитіе и земледѣлія и обрабатывающей промышленности.

Какъ извѣстно, средняя норма прибыли на основной капиталъ имѣетъ огромное вліяніе на технику производства: чѣмъ ниже эта норма прибыли, тѣмъ выгоднѣе введеніе машинъ и обратно, чѣмъ она выше, тѣмъ менѣе выгодна затрата основнаго капитала, потому что процентъ на основной капиталъ можетъ поглотить всю предпринимательскую прибыль. Недостатокъ свободныхъ капиталовъ привелъ къ тому, что не только въ земледѣліи основной капиталъ не затрачивался на улучшеніе почвы и техники земледѣлія, но и въ обрабатывающей промышленности многія отрасли производства оставались почти безъ всякого основнаго капитала въ рукахъ кустарей. Капиталъ предпочиталъ оперировать лишь въ видѣ торговаго [1]) безъ затраты основнаго. Почти всѣ капиталистическія страны въ началѣ своего развитія пользовались капиталами, накопленными въ другихъ странахъ. Германія получила сильный толчекъ для своего экономическаго развитія отъ контрибуціи въ 5 милл. фр., полученныхъ отъ Франціи, Сѣв. Америка пользовалась англійскими капиталами и т. д. Въ Россіи большая часть иностранныхъ капиталовъ, введенныхъ въ видѣ правительственныхъ займовъ, не была затрачена производительно, между тѣмъ какъ страна должна была вывозить огромное количество продуктовъ въ уплату процентовъ за занятые капиталы. Хотя, какъ мы указывали, часть этихъ капиталовъ въ концѣ концовъ была поглощена производствомъ, но оно гораздо больше теряло отъ сокращенія внутренняго рынка благодаря платежамъ по заграничнымъ долгамъ.

Непосредственно въ производство иностранные капиталы затрачивались въ значительно меньшей степени и, поскольку затрачивались, то главнымъ образомъ въ отрасли промышленности, для которыхъ имѣлся уже обширный рынокъ и которыя были гарантированы правительственными заказами. Тѣ же отрасли производства, которыя находились въ рукахъ лишь торговаго капитала и технически являлись наиболѣе отсталыми, совершенно не привлекали и иностранныхъ капиталовъ: обезпеченные правительственными заказами предпріятія для иностранцевъ были гораздо привлекательнѣе, чѣмъ предпріятія, требующія возни съ бѣднымъ русскимъ потребителемъ. Капиталъ не былъ заинтересованъ въ расширеніи производства предметовъ широкаго массоваго потребленія; въ большей части отраслей промышленности не происходило удешевленія производимыхъ продуктовъ, а таможенныя пошлины поддерживали высшія цѣны даже на тѣ предметы потребленія, въ производствѣ которыхъ примѣнялась усовершенствованная техника.

Такимъ образомъ государственное хозяйство оказывало давленіе на обрабатывающую промышленность не только тѣмъ что поставило отъ себя въ зави-

---

[1]) Эта сторона развитія русскаго капитализма, народническими экономистами опять таки объяснялась особенными свойствами русскаго кустаря, якобы способнаго благодаря своему земледѣльческому хозяйству, конкурировать съ крупнымъ капиталомъ. Упускалось изъ виду, что кустарь въ большинствѣ случаевъ находится въ полной зависимости отъ торговаго капитала, причемъ огромную прибыль получаетъ не кустарь, а капиталистъ. Благодаря, именно, чрезвычайно высокой прибыли онъ и не находитъ нужнымъ до поры до времени затрачивать большой основной капиталъ, который не даетъ такого высокаго процента прибыли.

симость крупное производство, но и тѣмъ, что задерживало развитіе тѣхъ отраслей промышленности, которыя могли опираться на массовое потребленіе городскаго и деревенскаго населенія.

Характеристика взаимодѣйствія земледѣлія и обрабатывающей промышленности была бы неполной, если бы мы не остановились и на особенностяхъ развитія индустріи до начала и во время развитія капитализма.

До отмѣны крѣпостного права ничтожная часть населенія жила въ городахъ. При этомъ населеніе мелкихъ городовъ занималось отчасти также земледѣліемъ, какъ и въ деревняхъ. Но главнымъ образомъ городское населеніе занималось крупной и мелкой торговлей или продуктами земледѣлія или продуктами обрабатывающей промышленности, производимыми большею частью также въ деревняхъ. Собственно городское «среднее сословіе», состоящее изъ капиталистовъ-предпринимателей, рабочихъ и ремесленниковъ до эпохи развитія крупнаго капиталистическаго производства, было еще очень малочисленно, малочисленно даже тогда, когда уже государственная организація, а потомъ и втянутое въ товарный обмѣнъ крестьянство предъявляютъ большой спросъ на продукты обрабатывающей промышленности, когда для торговли, главнымъ образомъ хлѣбомъ и всяческимъ сырьемъ начинаютъ строиться желѣзныя дороги, пароходы и проч. Пользуясь усовершенствованной техникой Западной Европы крупное производство имѣетъ возможность сразу организовать огромное количество рабочихъ рукъ, еще не прошедшихъ школу городскаго ремесла и мануфактуры. Раззоренный крестьянинъ, еще недавно крѣпостной, отрываясь отъ плуга сразу попадаетъ въ городѣ на огромныя фабрики, сразу охватывается всей совокупностью сложныхъ общественныхъ отношеній современнаго капиталистическаго строя.

Дальше мы разсмотримъ тѣ послѣдствія, которыя явились результатомъ такого своеобразнаго развитія рабочаго класса въ Россіи, не знавшаго ремесленнаго и мануфактурнаго періодовъ развитія промышленности. Мы остановимся на этомъ фактѣ лишь постольку, поскольку необходимо для пониманія его послѣдствій.

Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ населеніе отъ крѣпостнаго права бѣжало въ города и тамъ волей-неволей должно было пополнять кадры промышленно-ремесленнаго населенія и на этомъ поприщѣ бороться за существованіе, вырабатывая соотвѣтственныя формы борьбы, организаціи и т. д., воспитывая въ себѣ и сохраняя не только традиціи мелкобуржуазнаго уклада жизни, но и традиціи организованной борьбы между собою различныхъ группъ населенія, традиціи классовой борьбы, —въ Россіи крѣпостные бѣжали не въ вольные города, а въ степи, гдѣ на привольѣ организовывали свое натуральное хозяйство, не зная той упорной борьбы за существованіе, которая развивалась въ западно-европейскихъ городахъ по мѣрѣ увеличенія въ нихъ пришлаго рабочаго населенія. Но здѣсь въ Россіи ихъ настигала рука всесильнаго правительства, которое и облагало постепенно «данью» свободолюбивыхъ бѣглецовъ.

Потребности крестьянскаго населенія въ предметахъ обрабатывающей промышленности удовлетворяли не горожане-ремесленники, какъ въ Западной Европѣ, а крестьяне же кустари, не оторванные отъ земледѣлія. Разселясь по

обширной территоріи, крестьянство должно было удовлетворять свои потребности въ продуктахъ обрабатывающей промышленности, производимыхъ въ ближайшихъ пунктахъ. Кустарное производство явилось результатомъ бѣгства крестьянъ не въ города, а на окраины, отдѣленныя большимъ разстояніемъ отъ болѣе населенныхъ пунктовъ, результатомъ разселенія народа. Благодаря этому большая часть промышленнаго населенія, живя въ деревняхъ, занималась и земледѣліемъ, посвящая лишь часть года на промыслы. Многіе продукты изъ наиболѣе промышленныхъ районовъ не доставлялись въ другіе районы, а сами ремесленники кустари должны были обходить деревни и работать на мѣстахъ для мѣстнаго населенія. Только наиболѣе цѣнные продукты могли развозиться на дальнія разстоянія по отдаленнымъ ярмаркамъ и служить предметомъ болѣе обширной торговли. Но и эти предметы обрабатывающей промышленности производились кустарями. Поэтому въ рукахъ крупнаго торговаго капитала сосредоточивается главнымъ образомъ торговля сырьемъ, вывозимымъ заграницу, торговля предметами обрабатывающей промышленности для внутренняго потребленія, а не самое производство. Естественно, что когда начинаютъ строиться желѣзныя дороги, развивается пароходство, то первое мѣсто среди перевозимыхъ товаровъ занимаетъ сырье, такъ какъ промышленность находится еще въ «распыленномъ» состояніи: производство еще находится около потрёбителя и наибольшее количество рабочихъ рукъ занято кустарными промыслами. Точно такъ же число рабочихъ рукъ, занятыхъ перевозочной промышленностью, очень велико сравнительно съ количествомъ рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ обрабатывающей промышленности [1]).

Капиталъ накоплялся главнымъ образомъ въ торговлѣ сырьемъ и въ монопольныхъ предпріятіяхъ (суконныя фабрики, желѣзные заводы и т. п.) и не затрогивалъ, въ первое время «народнаго» производства, кромѣ ткацкаго, которое быстро было вытѣснено бумагопрядильными и ткацкими фабриками. Но и эта отрасль производства въ значительной мѣрѣ пользовалась рабочими, которые были связаны съ земледѣліемъ и, благодаря этому, могли предлагать болѣе дешевый трудъ.

Такимъ образомъ ростъ крупнаго производства, какъ и накопленіе капитала были мало связаны съ развитіемъ промышленности въ *городѣ*.

Когда, вслѣдствіе дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія страны, капиталъ воспользовался улучшенной западно-европейской техникой и сталъ разрушать мелкое производство, то встрѣтилъ на своемъ пути не горожанъ ремесленниковъ, а крестьянъ-кустарей, раззореніе которыхъ должно было отразиться прежде всего на ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Отъ развитія капитализма прежде всего пострадало не мелкое городское ремесленное производство, не мелкая городская

---

[1]) Относительно малые размѣры городской обрабатывающей промышленности и развитіе кустарныхъ промысловъ, послужило основаніемъ теоріи объ особенной жизненности русскаго кустарнаго производства благодаря климатическимъ условіямъ (продолжительности зимы) и чахлости русскаго капитализма. Дѣйствительность показала, что съ улучшеніемъ путей сообщенія и съ расширеніемъ рынка кустарный промыселъ можетъ быстро обращаться въ капиталистическое производство.

буржуазія, а крестьянское хозяйство. Капитализмъ развивался на тѣхъ же основахъ, какъ и въ западной Европѣ: накопляясь ростовщичествомъ, въ торговлѣ хлѣбомъ издѣліями кустарей и т. д., онъ съ такой же неуклонной послѣдовательностью завоевывалъ страну, какъ и на Западѣ. Но онъ проникъ въ хозяйственный организмъ сразу въ видѣ крупнаго машиннаго производства, а не съ такой постепенностью (черезъ ремесло и мануфактуру) какъ на западѣ. Поэтому русскимъ экономистамъ онъ сталъ представляться, какъ нѣчто чуждое странѣ, искусственно взращенное, заимствованное у Запада, а потому непрочное. Его революціонная роль еще не выступала достаточно рельефно, а относительная малочисленность мелкой городской буржуазіи, которая на Западѣ выросла въ городахъ на почвѣ еще не окончательно разрушеннаго ремесла и мелкой торговли, давала поводъ къ заключенію, что въ Россіи почти нѣтъ и буржуазіи. И дѣйствительно, прошлое русской буржуазіи было нѣсколько иное, чѣмъ на Западѣ.

Рабочій классъ въ Россіи имѣлъ болѣе короткое прошлое, собирался на фабрики главнымъ образомъ изъ деревни. Такое же прошлое имѣла мелкая и средняя буржуазія, ростъ которой былъ исторически тѣсно связанъ съ крупнымъ производствомъ. Въ «старомъ» городѣ, какъ мы замѣтили, она и экономически и численно очень слаба. Быстрый ростъ городовъ начался вмѣстѣ съ ростомъ крупной промышленности, которая привлекала рабочихъ, различныхъ служащихъ, торговцевъ, ремесленниковъ, обслуживающихъ растущее городское населеніе. Если, кромѣ того, принять во вниманіе, что огромный государственный механизмъ требовалъ большого количества лицъ интеллигентныхъ профессій, то будетъ ясно, что составъ мелкой и средней буржуазіи въ Россіи былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ западно-европейскихъ городахъ: лица «интеллигентныхъ» профессій, прямо или косвенно обслуживающихъ крупный капиталъ и правительство, должны были занимать въ послѣдствіи, во время революціоннаго движенія, видное мѣсто потому, что остальные элементы средней и мелкой буржуазіи (ремесленники и др. мелкіе предприниматели), такъ же какъ и рабочіе не имѣли тѣхъ традицій прошлаго, которыя имѣла западно-европейская буржуазія. Представители интеллигентныхъ профессій, занимавшіе положеніе близкое къ положенію мелкой и средней буржуазіи, были наиболѣе передовымъ элементомъ, на столько передовымъ, что напримѣръ партія соціалистовъ-революціонеровъ противопоставляла интеллигенцію буржуазіи, какъ особую общественную группу со своими особыми политическими и соціальными интересами.

Благодаря такому прошлому хозяйственнаго развитія страны городская средняя и мелкая буржуазія (если выдѣлить интеллигенцію) играла въ общественныхъ движеніяхъ Россіи ничтожную роль. А это, въ свою очередь, наложило своеобразный отпечатокъ на характеръ борьбы другихъ общественныхъ классовъ.

Въ массовыхъ движеніяхъ городского населенія рабочіе, занятые въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, должны были играть главную роль потому, что, какъ было указано, благодаря развитію сразу крупнаго производства мелкая и средняя буржуазія была отодвинута на второй планъ ростомъ рабочаго класса, занятого въ крупныхъ предпріятіяхъ. Но политическая и эко-

номическая сила опредѣляется не численностью того или другого класса. Промежуточный слой между крупной буржуазіей и рабочимъ классомъ, слой, являющійся или организаторомъ въ производствѣ (инженеры, техники, агрономы и прочіе) или служащій въ общественныхъ учрежденіяхъ, тѣсно связанный съ крупной буржуазіей, игралъ огромную роль не только самостоятельно, имѣя возможность присоединиться въ извѣстный моментъ къ движенію рабочихъ, чтобы придать ему цѣльный «общенаціональный» характеръ, но и посредственно, оказывая давленіе на крупную буржуазію. Какъ извѣстно, либеральныя требованія земцевъ и предпринимателей вырабатывались подъ сильнымъ вліяніемъ служащихъ, занимавшихъ болѣе видное общественное положеніе. Если при этомъ принять во вниманіе, что пассивная, пока, масса средней и мелкой буржуазіи, выросшая вмѣстѣ съ ростомъ городовъ и крупнаго производства, по мѣрѣ пробужденія политическаго сознанія начинаетъ тяготѣть къ буржуазной демократіи, лучше всего отражающей интересъ этой массы, то будетъ вполнѣ понятна крупная политическая роль сравнительно немногочисленной группы населенія, которую на разговорномъ языкѣ называютъ обыкновенно «буржуазной интеллигенціей».

Занимая положеніе организаторовъ, лицъ руководящихъ дѣятельностью отдѣльныхъ предпріятій и учрежденій [1]), играя огромную роль въ такихъ важныхъ предпріятіяхъ, какъ желѣзныя дороги,—въ этихъ кровеносныхъ сосудахъ капиталистическаго общества,—служащіе являются связующимъ звеномъ между отдѣльными капиталистическими хозяйствами; когда интеллигенція присоединилась къ рабочему движенію, какъ было въ октябрьскую забастовку, то дала ей непреодолимую силу именно потому, что явилась цементомъ, связывавшимъ отдѣльныя части въ прочное цѣлое.

Къ характеристикѣ роли средней буржуазіи нужно добавить еще слѣдующее: если средняя буржуазія можетъ оказать сильное давленіе на крупную буржуазію и на «общественное мнѣніе», т. е. на различные слои городского населенія, не поддающагося точной классификаціи, то мы должны констатировать и обратное: зависимость отъ крупной буржуазіи должна отражаться на направленіи дѣятельности «буржуазной интеллигенціи». Продолжительная борьба ея противъ крупнаго капитала была бы невозможной, такъ какъ служащая интеллигенція находится въ тѣсной зависимости отъ послѣдняго. Какъ увидимъ дальше когда крупная буржуазія испугалась краснаго призрака, она круто расправилась съ тѣми, кто внушалъ ей опасеніе и выбросила опасные элементы изъ учрежденій и предпріятій. Итакъ, благодаря развитію крупнаго производства непосредственно на развалинахъ натуральнаго крестьянскаго хозяйства, благодаря образованію *современнаго* города непосредственно въ связи съ развитіемъ крупной промышленности (причиной этого было, какъ мы указали, бѣгство крестьянъ еще въ эпоху крѣпостного права не въ города, а на окраины), въ массовомъ движеніи могъ играть исключительное вліяніе только рабочій классъ, а не мелкая и средняя буржуазія. Но значительной *политической* силой должна была

[1]) Сюда нужно отнести служащихъ телеграфовъ, почты, земскихъ служащихъ и т. д. и т. д.

являться средняя буржуазія, тѣсно связанная производственными отношеніями съ крупной. Численное преобладаніе рабочаго класса и относительная малочисленность мелкой и средней буржуазіи придавали движенію городского населенія характеръ почти исключительно *рабочаго* движенія, такъ какъ другіе болѣе или менѣе активные элементы городского общества тонули среди рабочей массы. Массовой физической силой являлся рабочій классъ и неудивительно, что экономическая, а слѣдовательно и политическая сила средней и въ особенности крупной буржуазіи оцѣнивалась слишкомъ низко.

III.

Въ тѣсной связи съ характеромъ экономической эволюціи въ Россіи было развитіе движенія рабочаго класса и крупной буржуазіи.

По указаннымъ выше причинамъ на общемъ фонѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства, отчуждавшаго въ силу необходимости хлѣбъ и сырье, раскидывается по всей Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ съ огромнымъ количествомъ рабочихъ, организуется по болѣе крупнымъ рѣкамъ пароходство; въ связи съ ними растетъ число крупныхъ капиталистическихъ предпріятій и т. д. Все это *новое* вытѣснившее *крестьянъ* извозопромышленниковъ, *крестьянъ* бурлаковъ и привлекавшее пролетарскіе элементы деревни сразу организовало рабочихъ въ крупномъ производствѣ безъ всякихъ зачатковъ какой бы то ни было организаціи для самозащиты. Но условія крупнаго производства таковы, что они на почвѣ повседневной борьбы рабочихъ за существованіе создаютъ въ рабочей массѣ стремленіе и готовность къ организаціи. Рабочая среда начинаетъ представлять собою какъ бы насыщенный растворъ, для котораго достаточно какого нибудь внѣшняго толчка, чтобы быстро начать кристаллизоваться. Достаточно было нѣкотораго измѣненія внѣшнихъ условій, чтобы рабочій классъ могъ вступить въ организованную борьбу за свои интересы. Такимъ образомъ организація производства была весьма благопріятна для проявленія самодѣятельности рабочихъ массъ, но условія *развитія* промышленности были для этого чрезвычайно неблагопріятны. Рабочій классъ былъ, такъ сказать, исторически молодъ, капиталъ оторвалъ его прямо отъ плуга [1]), а не отъ ручного станка въ ремесленномъ или мануфактурномъ предпріятіи. Не имѣя опыта ни въ политической ни въ экономической борьбѣ, но, благодаря своему положенію, имѣя полную готовность къ ней, рабочіе съ жадностью хватались за тѣ лозунги, которые давались имъ соціалистами для борьбы за улучшеніе своего положенія. Этимъ объясняется тотъ огромный успѣхъ и вліяніе, которое имѣли прокламаціи на фабрикахъ: часто появленія прокламацій было достаточно для того, чтобы предприниматель дѣлалъ уступки требованіямъ, предъявляемымъ прокламаціями. При малой политической сознательности и низкомъ культурномъ уровнѣ широкія рабочія массы тѣмъ не менѣе могли выступать чрезвычайно дружно подъ руководствомъ относительно малочисленныхъ революціонныхъ партій. Это повело впослѣдствіи не только къ

[1]) Въ данномъ случаѣ мы сравниваемъ развитіе рабочаго класса съ развитіемъ его въ Западной Европѣ. Разумѣется часть рабочихъ. уже нѣсколько поколѣній живетъ наемнымъ трудомъ, но эта часть незначительна.

чрезмѣрной переоцѣнкѣ силъ рабочаго класса, но и его сознательности: *готовность* вести экономическую и политическую борьбу принималась за сознательность и пониманіе цѣлесообразности той или иной формы борьбы.

Изъ характеристики развитія крупной обрабатывающей промышленности читатель могъ видѣть, что крупный капиталъ въ первыя десятилѣтія послѣ реформы, такъ сказать, подготовляетъ почву для развитія крупнаго производства. Капиталъ сначала затрачивался на желѣзныя дороги, пароходы, сосредоточивался въ банкахъ, торговлѣ и пр. Въ большемъ количествѣ рабочіе заняты были главнымъ образомъ въ предпріятіяхъ по обработкѣ тканей, но эти рабочіе были въ значительной степени связаны если не съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, то во всякомъ случаѣ съ деревней. Поэтому до начала 90-хъ годовъ рабочее движеніе проявляется слабо, сила и значеніе рабочаго класса оцѣнивается чрезвычайно низко, экономисты выражаютъ сомнѣніе въ возможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи, кустарное производство разсматривается какъ особая національная форма производства, наиболѣе выгодная (по климатическимъ условіямъ) и наиболѣе прочная.

Только съ начала 90-хъ г.г. капиталъ въ гораздо большихъ размѣрахъ начинаетъ приливать въ обрабатывающую промышленность, въ особенности въ горнопромышленность, и захватывать одну отрасль производства за другой. Въ 90-хъ же г.г. создается среди рабочихъ та атмосфера напряженности и готовности къ экономической борьбѣ, на которую мы указывали. Въ это время замѣчается рѣзкій поворотъ и во взглядахъ на экономическую эволюцію Россіи и на значеніе рабочаго класса, въ эти годы марксизмъ начинаетъ пріобрѣтать огромное идейное вліяніе и начинаетъ организовываться соціалъ-демократическая рабочая партія. Одновременно съ ростомъ рабочаго класса, по мѣрѣ развитія капитализма въ Россіи, увеличивается и значеніе класса крупной буржуазіи среди другихъ общественныхъ силъ страны. Но политическая роль этого класса, вслѣдствіе особыхъ условій развитія крупнаго капитала, была почти незамѣтной: крупная буржуазія, казалось, всегда была готова мириться съ существовавшимъ полицейско-бюрократическимъ режимомъ; казалось, что русская буржуазія, въ отличіе отъ западно-европейской, совершенно не нуждается въ конституціонномъ строѣ, гарантирующемъ «правопорядокъ» и ея политическое господство.

Такая роль экономически наиболѣе сильнаго общественнаго класса, будетъ вполнѣ понятной, если принять во вниманіе условія возникновенія и развитія крупнаго производства въ Россіи.

Мы уже указывали на необычайный ростъ государственныхъ потребностей еще въ эпоху натуральнаго крестьянскаго хозяйства и мало развитой городской обрабатывающей промышленности.

Вся тяжесть налоговъ лежала на крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ *реализовались* эти налоги въ предметахъ обрабатывающей промышленности. Постройка желѣзныхъ дорогъ, затраты на бюрократію и на армію, все это шло на пользу торговой и промышленной буржуазіи и содѣйствовало развитію капиталистическаго производства. Капиталъ накоплялся постепенно и благодаря огромнымъ государственнымъ потребностямъ и обширности территоріи даже при ничтожной покупательной силѣ крестьянскаго насе-

ленія въ первый періодъ своего развитія не чувствовалъ недостатка въ рынкахъ. Колоссальныя матеріальныя средства государственной власти, располагавшей огромнымъ бюджетомъ, были достаточны для того, чтобы поставить въ прямую или косвенную зависимость отъ нея не только кредитныя учрежденія и желѣзнодорожныя общества, но и предпринимателей въ обрабатывающей промышленности, тѣмъ болѣе, что многія предпріятія были тѣсно связаны съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, флота и т. п. Благодаря желѣзнодорожному строительству и колоссальнымъ затратамъ на военныя нужды неокрѣпшій еще капиталъ въ значительной мѣрѣ обслуживалъ государственныя потребности, и правительственные заказы для него имѣютъ первостепенное значеніе.

Въ самомъ процессѣ капиталистическаго накопленія государство сыграло огромную роль, являясь посредникомъ по передачѣ капитала изъ рукъ европейской буржуазіи въ руки русской. Государственные займы, особенно на постройку желѣзныхъ дорогъ реализовались въ Россіи въ желѣзнодорожномъ строительствѣ, но, въ концѣ концовъ, значительная часть занятаго капитала переходила въ руки буржуазіи: желѣзно-дорожныхъ строителей, подрядчиковъ и т. п. Иностранный капиталъ ускорилъ процессъ накопленія въ странѣ, хотя какъ мы видѣли, задерживалъ развитіе внутренняго рынка и капиталистическаго преобразованія кустарнаго, народнаго производства. Но въ процессѣ хозяйственнаго развитія періодъ образованія наиболѣе крупныхъ предпріятій сокращается, концентрація капитала происходитъ быстрѣе, чѣмъ при самостоятельномъ накопленіи капитала безъ заграничныхъ займовъ. Правда, значительная доля капитала расхищалась и затрачивалась непроизводительно, но отъ этого страдало главнымъ образомъ земледѣльческое населеніе, съ котораго взимались налоги для уплаты процентовъ по займамъ, а крупная буржуазія, пока, лишь пользовалась золотымъ потокомъ, притекавшимъ изъ-за границы. Разореніе же земледѣльческаго населенія, пока не было чувствительно для крупнаго капитала. Накопленный капиталъ распредѣляется въ странѣ между различными отраслями промышленности въ извѣстной послѣдовательности. Пути сообщенія и торговый капиталъ выступаютъ прежде всего какъ орудія отчужденія продуктовъ мелкаго производства. Одновременно капиталъ захватываетъ ту отрасль промышленности, которая имѣла уже готовый рынокъ (правительственные заказы) и легче всего поддавалась капитализаціи (производство тканей).

Вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ государственная организація является главнымъ потребителемъ такихъ важныхъ отраслей промышленности, какъ желѣзодѣлательное производство, горные промыслы и производства, связанныя съ постройкой желѣзныхъ дорогъ. Нищета деревенскаго населенія, мѣшая развитію внутренняго рынка, придастъ еще большее значеніе правительственнымъ заказамъ. Экономисты-народники, не замѣтившіе эту сторону развитія народнаго хозяйства, не сообразившіе того, что размѣры внутренняго рынка тѣсно связаны съ экономическимъ развитіемъ земледѣльческаго хозяйства, объясняли относительно, медленное развитіе внутренняго рынка какими-то особенностями крестьянскаго хозяйства, которыя препятствуютъ развитію капитализма и дѣлали выводъ, что капитализмъ только искусственно поддерживается правительствомъ.

Мы указывали уже, что, благодаря колоссальному отливу національнаго

дохода изъ рукъ крестьянъ въ распоряженіе правительства внутренній, рынокъ сокращался и процессъ развитія капитализма замедлялся. Вредныя послѣдствія для дальнѣйшей эволюціи капитализма могли проявиться только въ послѣдствіи, когда для накопленнаго капитала оказалось необходимымъ дальнѣйшее развитіе внутренняго рынка.

Эта сторона развитія народнаго хозяйства не замѣчалась ни экономистами народниками, ни промышленной буржуазіей. Потокъ золота, который изливался изъ рукъ правительства въ руки промышленной буржуазіи въ видѣ правительственныхъ заказовъ по повышеннымъ цѣнамъ, въ видѣ прямыхъ субсидій и проч., казалось былъ неизсякаемъ, казалось, можно было безъ конца расширять производство, разсчитывая не на расширеніе массоваго потребленія, а лишь на покровительство [1]). Поэтому многія отрасли промышленности, опирающіяся на народное потребленіе, остаются въ формѣ мелкаго кустарнаго производства, находящагося въ зависимости отъ торговаго капитала, въ видѣ домашней формы крупной промышленности, а не въ видѣ фабрики, такъ какъ крупный промышленный капиталъ отливаетъ и сосредоточивается въ покровительствуемыхъ отрасляхъ промышленности, дававшихъ колоссальные доходы. На ряду съ самой совершенной техникой въ однихъ отрасляхъ промышленности сохраняется самая первобытная техника кустарныхъ предпріятій въ другихъ отрасляхъ, гдѣ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для хозяйственнаго развитія, были бы неизбѣжно организованы технически болѣе совершенныя капиталистическія предпріятія. Хотя огромная часть кустарныхъ предпріятій къ концу XIX столѣтія находится въ рукахъ крупнаго торговаго капитала, находится въ полной отъ него зависимости, тѣмъ не менѣе распыленіе производства дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ и на развитіе индустріи и на развитіе земледѣлія. Кустарь является конкуррентомъ чистому земледѣльцу, обрабатывая свой надѣлъ и въ то же время является конкуррентомъ рабочему, такъ какъ доходъ отъ земледѣлія даетъ кустарю возможность понижать свою заработную плату до такого минимума, при которомъ городской рабочій существовать не можетъ. Такъ какъ самый процессъ производства происходитъ въ свѣтелкѣ кустаря, то предприниматель торговецъ не несетъ риска отъ застоя производства и не оцѣниваетъ достаточно значенія внутренняго рынка.

Другая часть крупной буржуазіи, какъ мы указали, была временно тѣсно связана съ существующимъ государственнымъ строемъ и также неособенно оцѣнивала значеніе расширенія потребленія народными массами предметовъ обрабатывающей промышленности.

Лишь при дальнѣйшемъ развитіи капитализма, при дальнѣйшемъ увели-

---

[1]) Такой характеръ хозяйственнаго развитія страны отразился, отчасти, и на экономической теоріи: теорія рынковъ Тугана-Барановскаго появилась у насъ именно въ періодъ расцвѣта промышленности, еще мало опиравшейся не только на внѣшній, но и на деревенскій рынокъ. Туганъ-Барановскій, стараясь доказать независимость роста промышленности отъ урожаевъ хлѣбовъ, въ сущности, доказывалъ возможность развитія капитализма безъ широкаго массоваго потребленія деревенскимъ населеніемъ продуктовъ крупной обрабатывающей промышленности.

ченіи крупнаго производства для крупной буржуазіи начинаетъ выясняться значеніе развитія внутренняго рынка и отрицательныя стороны безконтрольнаго государственнаго хозяйства въ рукахъ бюрократіи.

Кромѣ заказовъ на потребности желѣзныхъ дорогъ и арміи въ рукахъ правительства было еще одно сильное орудіе, располагая которымъ можно было привлечь симпатіи промышленной буржуазіи.

Таможенное покровительство съ избыткомъ оплачивало крупному капиталу «маленькіе недостатки» правительственнаго механизма, пока не обнаружилось, что при раззоренномъ внутреннемъ рынкѣ промышленность не можетъ успѣшно развиваться даже при запретительныхъ пошлинахъ. Это могло обнаружиться лишь при дальнѣйшемъ развитіи капитализма и увеличеніи производства до такихъ размѣровъ, когда казенные заказы уже не могутъ играть главную роль, когда недостатокъ внутренняго рынка приводитъ къ пониженію нормы прибыли.

Поэтому съ конца 70-хъ г.г., когда правительственная таможенная политика отдаетъ потребителя въ жертву предпринимателямъ, крупная буржуазія чувствуетъ себя удовлетворенной и лишь продолжаетъ выпрашивать новыя подачки. Только въ концѣ 90-хъ г.г. и началѣ XX вѣка, послѣ того, какъ разразился промышленный и одновременно земледѣльческій кризисъ, крупная буржуазія начинаетъ обнаруживать безпокойство и вспоминаетъ о необходимости расширенія внутренняго рынка. До этого періода, во время котораго всѣ общественные классы приходятъ въ движеніе, крупная буржуазія могла, жертвуя своимъ политическимъ вліяніемъ, довольствоваться повышенной прибылью. Капиталъ могъ ее получать при покровительственной таможенной политикѣ отчасти на счетъ правительственныхъ заказовъ, отчасти на счетъ *экстенсивнаго* расширенія внутренняго рынка. Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ вплоть до начала XX вѣка вовлекало въ товарный обмѣнъ все новыя и новыя области и расширяло внутренній рынокъ, пока не уперлось въ Манчжурію. Только манчжурская авантюра показала, что безграничное территоріальное расширеніе внутренняго рынка невозможно, что для растущаго капитала необходимо *углубленіе* рынка, т. е. увеличеніе потребленія продуктовъ обрабатывающей промышленности населеніемъ, уже захваченнымъ въ круговоротѣ товарнаго обмѣна. Между тѣмъ, для всякаго было ясно, что виной всероссійскаго раззоренія былъ полицейско-бюрократическій режимъ, который обманулъ надежды крупной буржуазіи на открытіе новыхъ рынковъ на востокѣ.

Во время русско-японской войны исчезла надежда получить послѣднюю жертву, которую могъ дать крупной буржуазіи старый режимъ, и она заняла дружественный нейтралитетъ по отношенію къ начавшемуся революціонному движенію въ надеждѣ получить политическую власть. Эти надежды, какъ извѣстно, пока не оправдались и въ борьбѣ съ краснымъ призракомъ, изъ боязни его, буржуазіи пришлось отступить передъ бюрократіей и крупнымъ землевладѣніемъ...

Такимъ образомъ, общественные классы, связанные съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства, могли проявить свою силу только въ самомъ концѣ XIX и началѣ XX вѣка, когда развивающійся капитализмъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы опереться на потребленіе широкихъ народныхъ массъ,

когда явилась для капитала необходимость «демократизаціи» потребленія продуктовъ крупнаго производства, когда капиталъ выросъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ какихъ онъ могъ поддерживаться только всякими видами покровительства. Это былъ важный моментъ развитія не только крупной буржуазіи, но и рабочаго класса, потому что только при переходѣ значительной доли капитала отъ торговли къ массовому производству рабочій классъ начинаетъ играть первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ.

Само собой разумѣется, что массовое движеніе рабочихъ должно было начаться прежде, чѣмъ крупная буржуазія стала тяготиться старымъ режимомъ: пока крупный капиталъ получалъ достаточно отъ щедротъ правительства и отъ таможеннаго покровительства и процвѣталъ, рабочіе испытывали на себѣ всѣ отрицательныя стороны и капиталистическаго строя, и полицейскаго режима.

Консервативный характеръ крупной буржуазіи въ дореволюціонную эпоху, своеобразное развитіе средней городской буржуазіи, выросшей вмѣстѣ съ ростомъ крупнаго производства, повліяли и на отношеніе соціалдемократіи къ этимъ общественнымъ классамъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ соціалдемократовъ стали разсматривать буржуазію, какъ безнадежно реакціонный классъ и ничтожную величину. Сила и значеніе буржуазіи не только не дооцѣнивались, но и историческая роль этого класса разсматривалась внѣ исторической перспективы: игнорировалось участіе средней и мелкой буржуазіи въ революціонномъ движеніи и сочувствіе ему крупной буржуазіи въ первый періодъ движенія, предрѣшалась и на будущее время реакціонная роль буржуазіи и т. д. Отсюда дѣлался выводъ о неизбѣжности диктатуры пролетаріата и крестьянства, которая противорѣчила бы всему ходу хозяйственнаго развитія.

Эти выводы могли явиться благодаря указанному нами своеобразному соотношенію общественныхъ силъ, сложившемуся подъ вліяніемъ особенныхъ условій развитія земледѣлія и индустріи. Въ XIX столѣтіи прогрессивнымъ являлся классъ землевладѣльцевъ до наступленія кризиса крестьянскаго хозяйства, а классъ крупной буржуазіи былъ реакціоннымъ вплоть до наступленія этого кризиса, до тѣхъ поръ, пока крупное производство не уперлось въ тупикъ благодаря своему внутреннему развитію, пока производство не выросло изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя оно было втиснуто старымъ бюрократическимъ строемъ.

Въ началѣ XX столѣтія благодаря хозяйственному развитію передъ общественными классами встала проблема разрушить тѣ рамки, которыя стѣсняли дальнѣйшее хозяйственное развитіе страны: крестьяне ищутъ выхода въ расширеніи своего землевладѣнія или землепользованія; часть землевладѣльцевъ ищутъ выхода изъ земледѣльческаго кризиса, который остановилъ развитіе земледѣлія; крупная буржуазія почувствовала значеніе этого кризиса, значеніе бюрократическаго хозяйничанія и необходимость взять это дѣло въ свои руки, и, наконецъ, рабочій классъ всѣми сторонами своего существованія чувствовалъ невыносимость существующихъ условій и необходимость ихъ измѣненія.

Итакъ проблема, стоявшая передъ всѣми общественными классами, была общей: сломать рамки, мѣшавшія развитію производительныхъ силъ, расширить сферу примѣненія капитала, расширить рынокъ и измѣнить общественныя отно-

шенія для дальнѣйшаго развитія капитализма въ земледѣліи и индустріи. Но, столкнувшись съ этой проблемой, различные классы въ своей борьбѣ встрѣтились и должны были бороться другъ съ другомъ, а рѣшеніе стоявшей передъ ними задачи оказалось чрезвычайно труднымъ. Перипетіи этой борьбы и составятъ содержаніе слѣдующихъ томовъ.

П. Масловъ.

Л. М.

Итоги политическаго развитія.

Въ рядѣ отдѣльныхъ статей этого тома прослѣжены частные процессы оппозиціонной мобилизаціи тѣхъ общественныхъ группъ, интересы которыхъ сталкивались съ старымъ режимомъ. Къ 1904 году эти процессы достигли уже значительнаго развитія.

Въ борьбѣ съ все усиливавшимися и умножавшимися проявленіями революціоннаго движенія самыхъ различныхъ классовъ, абсолютизмъ все болѣе концентрируетъ свои силы на политикѣ безпощадныхъ репрессій и въ то же время пытается предотвратить неизбѣжную развязку борьбы съ націей путемъ диверсіи на международной аренѣ. Политика приключеній на дальнемъ Востокѣ приводитъ къ войнѣ съ Японіей, въ которой рельефно выступаетъ наружу внутренняя слабость и гнилость стараго режима. Рядъ пораженій на сушѣ и морѣ доканчиваетъ процессъ изолированія правительства отъ какихъ бы то ни было крупныхъ соціальныхъ группъ. Масса землевладѣльцевъ сплачивается около либеральной земской партіи; къ ней начинаетъ примыкать крупная промышленная буржуазія. Мелкое мѣщанство, пробужденію котораго отъ политическаго сна способствуетъ патріотическая агитація сторонниковъ абсолютизма, переходитъ, подъ вліяніемъ пораженій и бѣдствій, вызванныхъ войной, къ смутному, но рѣзкому политическому недовольству. Мобилизація усиливаетъ недовольство крестьянства, раскаляетъ политическую атмосферу на окраинахъ и вноситъ въ солдатскую массу обильный горючій элементъ, въ то время какъ выясняющаяся политическая неспособность правительства и оскорбленное пораженіями корпоративное самолюбіе толкаетъ въ оппозицію офицерство. Разложеніе проникаетъ и въ другіе органы правительственнаго механизма. Низшая и средняя бюрократія и масса духовенства пропитываются оппозиціонными вѣяніями, идущими къ нимъ отъ смежныхъ круговъ общества. Дезорганизуемое внѣшними и внутренними неудачами, правительство лишается кредита на международномъ рынкѣ, теряетъ послѣднюю внѣшнюю опору, начинаетъ метаться между мнимыми уступками и усиленными репрессіями, власть становится игрушкой въ рукахъ различныхъ котерій, азартно спекулирующихъ на тотъ или другой ходъ событій, и вся эта политика агони-

зирующаго абсолютизма лишь раздуваетъ пламя мятежа, лишь сплачиваетъ теперь уже рѣшительно всѣ сколько нибудь активные элементы страны въ одно общенаціональное движеніе противъ всего, связаннаго съ старымъ порядкомъ. Процессъ изоляціи правительства и составляющихъ его небольшихъ группъ отъ всей націи завершается, моментъ кризиса насталъ.

Нація, объединенная чувствами недовѣрія и ненависти къ старой власти, имѣлась на лицо. Она создалась въ результатѣ сложнаго и долгаго историческаго процесса, въ основѣ котораго лежало преобразованіе экономическихъ отношеній, образованіе новыхъ и перерожденіе старыхъ классовъ при сохраненіи въ цѣлости правоваго и государственнаго строя, выросшаго на базисѣ отжившихъ отношеній производства. Старый государственно-правовой режимъ былъ неспособенъ обслуживать интересы ни одного изъ прогрессивныхъ общественныхъ классовъ и въ своихъ судорожныхъ усиліяхъ затушевать это противорѣчіе онъ фатально разрывалъ свои связи и съ классами отживающими. Политическая реформа становится, поэтому, всеобщимъ, болѣе или менѣе отчетливо сознаннымъ, требованіемъ.

Но внѣшнее единство противъ носителей старой власти не обусловливало внутренняго единства оппозиціоннаго лагеря. За этимъ внѣшнимъ единствомъ скрывались глубокія внутреннія противорѣчія.

Прежде всего въ армію недовольныхъ входили элементы, соціальнымъ интересамъ которыхъ объективно противорѣчило прогрессивное развитіе страны. Въ первую голову сюда относится земельное дворянство, поскольку ходомъ экономическаго развитія оно не преобразовалось въ земельную буржуазію или не перенесло часть своихъ интересовъ въ свободныя городскія профессіи, поскольку оно продолжало основывать эксплуатацію крестьянскаго труда на кабальной системѣ. А въ такомъ положеніи была значительная часть средняго земельнаго дворянства центральной Россіи. Со стороны этой дворянской массы поддержка либеральной земской партіи и всего освободительнаго движенія являлась лишь слѣдствіемъ внутреннихъ противорѣчій, присущихъ самому старому порядку. Тѣмъ самымъ предѣлы ея оппозиціоннаго движенія должны были быть крайне тѣсными и самая поддержка ею освободительной борьбы могла длиться лишь до тѣхъ поръ, пока соціальное содержаніе и политическія послѣдствія революціи не были вскрыты для всѣхъ.

Исторически переживший себя и осужденный на гибель этотъ классъ, однако, продолжалъ оказывать моральное вліяніе на бюрократическую и офицерскую корпораціи, и постольку внутренняя противорѣчивость его собственнаго либерализма не могла не отразиться и на оппозиціонномъ движеніи внутри этихъ группъ.

Въ аналогичномъ положеніи находилось мѣщанство и купечество старой до-капиталистической формаціи, составляющее значительную часть городскаго населенія въ менѣе преобразованныхъ капитализмомъ центрахъ. Недовольство капиталистическимъ режимомъ и вліяніе буржуазныхъ и пролетарскихъ освободительныхъ стремленій лишь временно парализовали въ этихъ слояхъ, но не уничтожали совершенно ихъ консервативныхъ тенденцій, враждебныхъ всякому культурному и экономическому прогрессу. Испытывая одновременно гнетъ противорѣчій самаго капиталистическаго общества и тяжесть перехода отъ до-капиталистическихъ формъ быта къ современнымъ, болѣзненно ощущая свое эконо-

мическое треніе о смежные элементы капиталистическаго города и въ то же время подпадая подъ ихъ культурное вліяніе, вростая своимъ молодымъ поколѣніемъ въ духовный міръ новой Россіи и въ то же время, въ ляцѣ стараго поколѣнія, сохранивъ въ наибольшей живучести духъ и бытъ «патріархальнаго» крѣпостничества,—эта аморфная мѣщанская масса уже выдѣлила изъ себя къ началу вѣка группы мелкой и средней буржуазіи европейскаго типа и прогрессивнаго образа мыслей, въ то время какъ на другомъ ея полюсѣ кристализовалась уже типичная для слѣдующей эпохи «черная сотня».

Въ деревнѣ мы найдемъ аналогичныя группы, въ центрѣ которыхъ стоятъ ростовщики, кулаки, скупщики, вырощенные старымъ режимомъ и многими нитями сросшіеся съ нимъ, рядомъ съ кулачествующими батюшками, эксплуатирующими свое должностное положеніе старостами, старшинами, писарями и, наконецъ, просто окаменѣвшими въ своемъ духовномъ обличьи средними крестьянами, живыми пережитками дореформенной деревни.

Все это—объективно реакціонные или консервативные слои населенія. Но въ разсматриваемый періодъ ихъ субъективное настроеніе *во внутренней Россіи* все болѣе окрашивается оппозиціонными тонами. Болѣе или менѣе дружественный нейтралитетъ этихъ слоевъ имѣлъ весьма важное значеніе для освободительнаго движенія, ибо именно они составляютъ общественное мнѣніе для тѣхъ слоевъ городскаго пролетаріата и крестьянской массы, которые не доработались до самостоятельнаго классоваго или сословнаго сознанія. Лишь изрѣдка сквозь это оппозиціонное настроеніе мѣщанства прорывается типичное проявленіе «черносотенства». (Напримѣръ, при подавленіи майской демонстраціи въ Саратовѣ въ 1902 году и на контръ-революціонномъ банкетѣ, организованномъ въ Тамбовѣ въ ноябрѣ 1904 года фонъ-дер-Лауницемъ и имѣвшимъ послѣдствіемъ избіенія интеллигентовъ на улицахъ).

Не такъ обстояло тамъ, гдѣ эти отживающіе городскіе и сельскіе слои имѣютъ особыя основанія чувствовать себя относительно-привилегированными группами населенія—при условіи, что эти привилегіи исходятъ отъ стараго режима. Таково положеніе городскаго мѣщанства и сельскихъ богатѣевъ на окраинахъ, равно какъ въ «чертѣ еврейской осѣдлости». Здѣсь всѣ противорѣчія положенія этихъ соціальныхъ слоевъ концентрируются въ темномъ реакціонномъ инстинктѣ «истинно-русскаго» націонализма, и здѣсь реакціонное настроеніе, укрѣпленное десятилѣтіями національной политики абсолютизма, не могло быть парализовано даже и въ періодъ наиболѣе бурнаго подъема освободительныхъ стремленій. Осложняемое конкуренціей съ «инородцами», лучше вооруженными для экономической борьбы, это чувство привилегированности спаивало русское мѣщанство не только съ источникомъ привилегій—бюрократіей—но и съ высшими классами, съ крупными землевладѣльцами и высшимъ духовенствомъ, которые находились на окраинахъ въ постоянной войнѣ съ мѣстнымъ обществомъ. Здѣсь, поэтому, уже до революціи могла сложиться наѣтоящая политическая партія контръ-революціонеровъ, располагавшая точкой опоры въ среднемъ классѣ, демагогически натравливавшая темныя массы въ городѣ противъ еврейской и армянской буржуазіи, въ бѣлорусской и малорусской деревнѣ—противъ польскихъ землевладѣльцевъ и, начиная съ Кишиневскаго погрома, ужъ имѣвшая случай успѣшно

мобилизовать свои силы въ организованныхъ выступленіяхъ въ то время, какъ контръ-революціонные элементы внутренней Россіи еще забавлялись дебатами о воскрешеніи старорускаго костюма въ «Русскомъ собраніи», а будущіе «зубры», вродѣ Касаткина-Ростовскаго и В. Бобринскаго, еще плелись безсильно за земскимъ либерализмомъ.

Обращаясь къ классамъ и группамъ, интересы которыхъ противорѣчили сохраненію основъ стараго порядка и постольку сближали ихъ въ общей борьбѣ съ нимъ, отмѣтимъ прежде всего традиціонный антагонизмъ между *барином*ъ и *мужикомъ*, тѣсно сросшійся съ крестьянской борьбой за землю и наложившій свой отпечатокъ на взаимоотношенія, установившіяся въ освободительномъ движеніи между либерально-демократическими элементами общества и деревней. Либеральная оппозиція возникла въ Россіи, какъ оппозиція дворянско-помѣщичья, и утвердила свое положеніе въ русской общественной жизни, какъ группа, хотя и отстаивающая экономическія, правовыя и культурныя реформы для крестьянства, но отнюдь не намѣренная поступаться въ его пользу своими политическими и экономическими привилегіями (напомнимъ отношеніе либеральныхъ земцевъ къ распространенію избирательныхъ правъ на крестьянство и къ равномѣрному обложенію земель). Къ основному стремленію крестьянъ, къ экспропріаціи помѣщичьихъ земель передовая часть дворянства относилась, разумѣется, отрицательно. Если съ приближеніемъ революціи либерализмъ и становится все болѣе буржуазнымъ, городскимъ по своему содержанію и постольку все болѣе свыкается съ мыслью о необходимости коренной аграрной реформы и болѣе полной демократизаціи государственнаго и мѣстнаго строя, то, съ одной стороны, эта демократизація либерализма совершается лишь исподволь, лишь нехотя и далеко не полно, съ оговорками и оглядкой; съ другой-же стороны, традиціонное недовѣріе крестьянъ къ бывшимъ господамъ мѣшаетъ сближенію обоихъ факторовъ. Къ началу кризиса земство, ведущее оппозиціонную борьбу съ правительствомъ, не пользуется ни авторитетомъ, ни довѣріемъ со стороны крестьянъ.

По мѣрѣ того, какъ вышедшій изъ земства либерализмъ становится объективно буржуазнымъ, тѣсно сплачиваясь съ буржуазной интеллигенціей города, онъ не можетъ не вступить въ антагонизмъ съ движеніемъ пролетаріата. Правда, малое участіе промышленной буржуазіи въ общественномъ движеніи и ея тѣсная связь съ абсолютизмомъ въ періодъ промышленнаго подъема 90-хъ годовъ позволяютъ русскому либерализму установить гораздо болѣе терпимое и сочувственное отношеніе къ соціальнымъ реформамъ въ интересахъ пролетаріата, чѣмъ какое можно встрѣтить у аналогичныхъ партій на Западѣ; и въ то же время русскій либерализмъ все болѣе проникается признаніемъ колоссальной роли рабочаго движенія въ дѣлѣ освобожденія страны. Но самое представленіе о громадности этой роли и о значительной силѣ пролетаріата должно было вызвать опасенія относительно чрезмѣрнаго — въ ущербъ либеральной части имущихъ классовъ—вліянія пролетаріата и смежныхъ демократическихъ слоевъ при выработкѣ основъ будущаго государственнаго порядка. Отсюда—двойственное среди имущей оппозиціи отношеніе къ успѣхамъ пролетарской борьбы рабочихъ, отсюда—замѣтное предпочтеніе, отдаваемое ею передъ *массовымъ* рабочимъ движеніемъ заговорщической борьбѣ террористовъ; отсюда—

долгія колебанія, прежде чѣмъ либерализмъ соглашается вписать въ свою платформу «четырехчленную» формулу избирательнаго права; отсюда, наконецъ, заблаговременная, до начала рѣшительной борьбы, выработка той фомурлы «соглашенія» между націей и абсолютизмомъ, которая, противополагаясь формулѣ радикальнаго переворота, учитывала наперед блокъ всѣхъ имущихъ и привилегированныхъ, какъ плотину противъ дальнѣйшаго развитія революціи.

Стремясь свести къ минимуму соціальныя и политическія потрясенія, связанныя съ конституціоннымъ преобразованіемъ, либерализмъ шелъ навстрѣчу интересамъ крупной городской буржуазіи, для которой скорое возстановленіе «порядка» являлось основнымъ условіемъ ея сочувствія освободительному движенію. Тѣмъ не менѣе, между либерализмомъ, какъ онъ складывался къ началу кризиса, съ буржуазнымъ содержаніемъ и съ сильной опорой въ буржуазныхъ элементахъ городской интеллигенціи,—и русской торгово-промышленной буржуазіей не могло установиться тѣсной близости. Чѣмъ боязливѣе относится либерализмъ къ политическимъ притязаніямъ пролетаріата, тѣмъ охотнѣе онъ выдвигалъ требованіе рѣшительныхъ экономическихъ реформъ въ пользу этого класса, содѣйствіе котораго было необходимо для предстоящаго преобразованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, защищая дѣло экономическаго прогресса, либерализмъ долженъ былъ отстаивать интересы городского «средняго сословія»—мелкихъ производителей и потребителей,—въ которомъ могъ видѣть главную массовую базу своего вліянія. Но въ силу именно этого, онъ долженъ былъ явиться борцомъ противъ тѣхъ привилегій, которыми старый режимъ до поры до времени покупалъ себѣ благоволеніе крупной буржуазіи, противъ той протекціонной системы, которая пріобщала крупную буржуазію къ плодамъ всесторонней государственной эксплоатаціи массъ. Такъ было вездѣ въ Европѣ наканунѣ буржуазной революціи. Но еще нигдѣ, благодаря относительно меньшей высотѣ развитія капитализма—крупная буржуазія не была отдѣлена такой соціальной пропастью отъ средней и мелкой, какъ это имѣло мѣсто въ Россіи начала XX вѣка. Въ рамкахъ сословнаго бюрократическаго правового строя уже далеко продвинулся впередъ процессъ дифференціаціи внутри самой буржуазіи и магнаты крупной промышленности уже противостояли средней и мелкой буржуазіи, какъ группа, эксплоатирующая ихъ, и все болѣе успѣшно оттѣсняющая отъ участія въ національной прибавочной стоимости. Но если высшая структура русскаго капитализма задерживала процессъ пріобщенія крупной промышленной буржуазіи къ сознательной защитѣ интересовъ экономическаго развитія въ цѣломъ, то она же роковымъ образомъ приводила къ соціальной и политической слабости тѣхъ слоевъ буржуазіи, на которые могъ опереться и все болѣе опирался буржуазный либерализмъ. Чѣмъ сильнѣе концентрировались промышленность и торговля въ рамкахъ истощеннаго абсолютизмомъ народно-хозяйственнаго организма, тѣмъ относительно слабѣе и тѣмъ менѣе способной къ самостоятельному политическому дѣйствію являлась при данномъ уровнѣ производительныхъ силъ—средняя и мелкая буржуазія въ роли борцовъ за капиталистическій прогрессъ. И только дальнѣйшіе успѣхи капиталистическаго производства и обмѣна, только дальнѣйшее расширеніе сферы господства товарно-капиталистическихъ производственныхъ отношеній за счетъ натуральнаго хозяйства мо-

гутъ разрѣшить эту антиномію, создавъ изъ среднихъ и мелкихъ буржуазныхъ производителей и изъ умножаемаго крупнымъ капитализмомъ «новаго третьяго сословія»—интеллигентнаго персонала капиталистическихъ предпріятій—многочисленную и способную къ классовому самоопредѣленію буржуазную демократію.

Отстаивая интересы буржуазнаго развитія въ цѣломъ, либерализмъ долженъ былъ рѣшительно бороться за устраненіе національнаго гнета, тяготѣющаго надъ буржуазіей польской, еврейской, армянской. Чѣмъ болѣе слаба была еще его база въ городскомъ населеніи внутренней Россіи, тѣмъ важнѣе была для него поддержка относительно болѣе многочисленнаго городскаго населенія окраинъ, въ которыхъ, благодаря самому факту національнаго гнета, дифференціація внутри буржуазныхъ классовъ политически проявлялась слабо. Но это обстоятельство создавало лишь новый поводъ къ отчужденію русской крупной буржуазіи отъ либерализма, поскольку первая эксплоатировала въ свою пользу политику стѣсненія экономической жизни окраинъ и безправія «инородцевъ».

Но развитіе крупной индустріи на извѣстной ступени не только разлагаетъ единство внутри буржуазіи; она доводитъ до крайней остроты антагонизмъ между крупной буржуазіей и пролетаріатомъ. Развитіе классоваго движенія пролетаріата, явившееся въ Россіи могучимъ стимуломъ къ политической мобилизаціи среднихъ классовъ, въ тоже время задерживало вступленіе на оппозиціонный путь крупной буржуазіи, толкая ее въ объятія государственной власти. Остановка экономическаго развитія, которое уперлось въ истощеніе внутренняго рынка, и разоблаченіе несостоятельности тѣхъ методовъ, какими абсолютизмъ могъ бороться съ рабочимъ движеніемъ, колебали связь крупной буржуазіи съ старымъ порядкомъ и съ этого момента самые успѣхи рабочаго движенія имѣли тенденцію укрѣплять либеральную струю въ буржуазіи. Но тѣ же успѣхи, поскольку они реализовались во вторженіяхъ рабочаго класса въ буржуазное право неограниченной его эксплоатаціи, вызвали въ буржуазіи попятныя теченія. Создавалось внутрене-противорѣчивое настроеніе, въ которомъ каждый шагъ впередъ таилъ въ себѣ залогъ будущей реакціи.

Централизующій и нивелирующій характеръ бюрократическаго абсолютизма толкалъ въ освободительный лагерь все многочисленное «инородническое» населеніе Россіи. Но столкновеніе интересовъ различныхъ не-русскихъ національностей существенно видоизмѣнило это простѣйшее отношеніе между ними и старымъ порядкомъ. Если въ Польшѣ сильное развитіе антисемитизма среди мѣстнаго общества не могло доставить старому порядку опоры ни въ полякахъ, ни въ евреяхъ—для этого и тѣ, и другіе оставались слишкомъ безправными и униженными;—если въ Финляндіи политика разжиганія шведо-финскаго антагонизма не привела къ серьезнымъ результатамъ, ибо борьба противъ Бобрикова объединила дотолѣ враждовавшіе между собой финскіе и шведскіе элементы буржуазіи,—то въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ положеніе сложилось болѣе благопріятно для абсолютизма. И здѣсь, и тамъ преимущественно земледѣльческія народности—латыши и эстонцы и кавказскіе татары—противостояли экономически господствующимъ группамъ съ сильной городской буржуазіей и интеллигенціей—нѣмцамъ и армянамъ. Выросшій на этой почвѣ національный

организмъ послужилъ отправной точкой для противоположныхъ процессовъ въ обѣихъ окраинахъ.

Абсолютизмъ первоначально опирался на латышей и эстонцевъ—для искорененія слѣдовъ прибалтійской автономіи и для нивеллированія правового строя этой окраины; на кавказскихъ армянъ — для завершенія завоеванія Кавказа. Балты, тяготѣвшіе къ Германіи, и мусульмане, продолжавшіе тянуть къ Турціи, были долго объектомъ подозрительнаго надзора бюрократіи. Но не одинаково развернулся процессъ экономическаго развитія на берегахъ Балтійскаго моря и въ Закавказьи. Рядомъ съ сильной буржуазіей, балтійскіе нѣмцы обладали еще болѣе могучимъ и полнымъ феодальныхъ замашекъ дворянствомъ, которое на почвѣ борьбы съ культурно-національными стремленіями латышско-эстонскихъ массъ тѣмъ легче объединилось съ нѣмецкой буржуазіей, чѣмъ болѣе пролетаризируемое латышское и эстонское крестьянство выдѣляло изъ себя наемный пролетаріатъ, уже съ средины 90-ыхъ годовъ начинающій свою классовую борьбу. Сильная экономически группа балтійскихъ юнкеровъ, соціально близкая всероссійскому дворянству и высшей бюрократіи, подъ вліяніемъ страха передъ аграрнымъ движеніемъ эстонцевъ и латышей, все болѣе проникается готовностью жертвовать своими вѣковыми національными правами тамъ, гдѣ они сталкиваются съ интересами абсолютизма. Послѣдній, въ свою очередь, отказывается отъ поддержки національныхъ притязаній мелко-буржуазныхъ латышскихъ и эстонскихъ массъ. Возникновеніе промышленнаго пролетаріата и крайнее обостреніе аграрнаго вопроса въ этой, экономически весьма развившейся, окраинѣ перемѣщаютъ, такимъ образомъ, позицію абсолютизма и превращаютъ его былыхъ союзниковъ въ враговъ и обратно.

На Кавказѣ лихорадочное развитіе капиталистической индустріи, работавшей для всероссійскаго и всемірнаго рынка, оставило мало затронутымъ примитивный соціальный строй мусульманскаго населенія; это не мѣшало, конечно, капиталистической промышленности явиться передъ туземцами въ своей самой отвратительной роли—хищника и экспропріатора, обманомъ и насиліемъ отбиравшаго нефтеносныя земли и расплодившаго вокругъ себя многочисленный вѣчно голодный люмпенъ-пролетаріатъ. Армяне, игравшіе видную роль въ капиталистической индустріи и кипучей городской жизни, встрѣтили ожесточенныхъ враговъ среди только еще пробивавшихся впередъ татарскихъ купцовъ и сельскихъ феодаловъ (бековъ), ведшихъ за собой некультурныя и легко фанатизируемыя мусульманскія массы. Въ армяно-мусульманскомъ антагонизмѣ передъ абсолютизмомъ была—на сторонѣ мусульманъ—знакомая ему по внутренней Россіи и наиболѣе исторически родственная соціальная комбинація изъ патріархальнаго крестьянства, сельскихъ феодаловъ, стараго мѣщанства и люмпеновъ всякаго рода. Передъ такой соціальной комбинаціей не могли устоять даже традиціи вѣковой войны съ Исламомъ, и армянскій націонализмъ, обращенный прежде всего противъ Турціи, буржуазный по содержанію и не связанный съ классовыми стремленіями пролетаріата, еще не успѣлъ обратиться сознательно противъ стараго порядка,а въ краѣ уже были заложены всѣ основанія для тѣснаго сотрудничества «истинно-русскаго» націонализма съ мусульманскимъ фанатизмомъ. Здѣсь абсолютизмъ былъ съ деревней и мѣщанскими и люмпенскими эле-

ментами азіатскаго города противъ города современнаго, тогда какъ въ Прибалтійскомъ краѣ онъ былъ съ рыцарскимъ замкомъ и современной фабрикой противъ крестьянской мызы и фабричныхъ предмѣстій. Но и тутъ, и тамъ, абсолютизмъ парализовалъ одно національное движеніе силами другого, и тутъ, и тамъ онъ имѣлъ очаги реакціи, оказавшіе моральное дѣйствіе далеко за предѣлы данныхъ окраинъ, поскольку и нѣмецкіе, и мусульманскіе элементы въ значительныхъ количествахъ разсѣяны по всей Россіи.

Національныя движенія, цѣликомъ обращенныя противъ стараго порядка, сами испытывали на себѣ послѣдствія соціальныхъ противорѣчій внутри данной этнографической или національной группы. Въ Польшѣ мы видимъ также обособленіе пролетаріата отъ имущихъ классовъ, и національно-оппозиціонное движеніе послѣднихъ развивается въ борьбѣ на 2 фронта противъ русскаго націонализма и противъ соціализма. Въ то же время земельное польское дворянство постольку сдержанно относится къ разгорающемуся въ самой Россіи освободительному движенію, поскольку существеннымъ его факторомъ становится борьба за коренную аграрную реформу, грозящая перекинуться въ Польшу и внести разладъ въ взаимоотношенія имущихъ классовъ и крестьянъ, между которыми національный и религіозный гнетъ установилъ невѣдомое въ остальной Россіи согласіе. Въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобережной Украйнѣ, гдѣ отношенія между помѣщиками и крестьянами, принадлежащими къ разнымъ національностямъ, напротивъ, крайне обострены и гдѣ абсолютизмъ въ борьбѣ съ полонизмомъ не чуждъ пріемовъ соціальной демагогіи — натравливанія бѣло и малорусскихъ крестьянъ на польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ,—высшіе классы съ самаго начала разбавляютъ свою оппозицію старому порядку готовностью всю силу своего соціальнаго вліянія обратить на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ, какъ только оно посягнетъ на ихъ интересы аграріевъ.

Въ еврействѣ, сплоченномъ надающимъ на всѣ классы гнетомъ, однако идетъ глухая, сдавленная борьба пролетарскихъ элементовъ противъ многочисленной массы торговой и промышленной мелкой буржуазіи; болѣе сильныя группы еврейскихъ капиталистовъ въ Лодзи, Бѣлостокѣ, Двинскѣ уже нерѣдко соединяются съ бюрократіей для борьбы противъ соціалистовъ, а буржуазный націонализмъ сіонистовъ не чуждъ попыткамъ отвлечь массовое движеніе еврейскихъ рабочихъ отъ освободительныхъ задачъ (поддержка «независимыхъ» Шаевича). Аналогичные соціальные антагонизмы въ менѣе рѣзкой формѣ проявляются и въ прибалтійскихъ, и въ кавказскихъ національныхъ движеніяхъ.

Классовыя противорѣчія таились въ крестьянскомъ движеніи. Многочисленный слой сельской буржуазіи и наемный сельскій пролетаріатъ, — тамъ, гдѣ онъ вполнѣ дифференцировался, — представляли соціальныя группы съ самостоятельными интересами, въ многомъ не совпадавшими и сталкивавшимися съ интересами главной массы мелкихъ хозяевъ, арендующихъ владѣльческія земли или обрабатывающихъ ихъ своимъ инвентаремъ. Эти классовыя противорѣчія уже въ достаточной мѣрѣ расшатали единство крестьянской общины ко времени начала массового крестьянскаго движенія. Неудивительно, поэтому, что въ первыхъ его проявленіяхъ—во время безпорядковъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ весной 1902 г. — уже можно было встрѣтить случаи нападенія крестьян-

ской массы не на однихъ лишь помѣщиковъ, а и на сельскую буржуазію, тогда какъ съ другой стороны, рядомъ съ типичнымъ движеніемъ средняго крестьянства, направленнымъ къ полученію помѣщичьей земли, возникаетъ пролетарское по своему содержанію движеніе, не идущее въ данный моментъ далѣе установленія выгодныхъ условій найма труда. Однако, стоило лишь движенію противъ земельнаго дворянства охватить крестьянскія массы земледѣльческихъ районовъ, чтобы всѣ остальные антагонизмы временно померкли и стушевались передъ основнымъ сословнымъ антагонизмомъ, составляющимъ содержаніе русскаго аграрнаго вопроса. Специфически—пролетарское движеніе сельскихъ рабочихъ локализовалось въ мѣстностяхъ крупно-капиталистическаго землевладѣнія, не обобщилось въ спеціально-батрацкой идеологіи и программѣ и лишь разрозненно примыкало къ аналогичному движенію городского пролетаріата. Сельская же буржуазія сама захватывалась противо-дворянскимъ движеніемъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грознѣе вздымались его волны, и примыкала къ рядовой крестьянской массѣ, принимая его лозунги земельнаго равненія, вкладывая въ нихъ, разумѣется, свое содержаніе. Разрозненные безхозяйственные элементы въ районѣ продовольственнаго земледѣлія, въ свою очередь, пассивно шли за общимъ потокомъ, не отдавая себѣ отчета въ значеніи задачъ движенія для нихъ самихъ и внося въ самое движеніе извѣстную анархическую струю. Такимъ образомъ, распатанная предыдущимъ періодомъ, сельская община передъ революціей и во время ея предстала опять единой и однородной въ своихъ стремленіяхъ.

Но сами эти стремленія, опредѣляемыя рядовымъ крестьянствомъ, были внутренне-противорѣчивы. Земля и воля—гласилъ лозунгъ крестьянскаго движенія, пріобрѣтавшій все большую популярность. Но воля, къ которой стремился рядовой земледѣлецъ-общинникъ, была свободой мелкаго производителя, стремящагося укрѣпить свою хозяйственную самостоятельность и утвердить свою личность собственника-хозяина; это была свобода отъ всѣхъ узъ, наложенныхъ на сельскаго производителя историческимъ процессомъ закрѣпощенія русской деревни. Земля-же, которой онъ добивался, отдѣлялась отъ него стѣной сельской общины, сословными перегородками, въ которыя онъ былъ замкнутъ: черезъ общину, черезъ свое сословіе, отъ ихъ имени могъ онъ лишь требовать эту землю, тѣмъ самымъ временно укрѣпляя сословную общину, тѣмъ самымъ ограничивая свободу своей личности въ предѣлахъ «міра». Потребность въ «волѣ» могла кристаллизоваться въ русскомъ крестьянинѣ лишь постольку, поскольку онъ переставалъ традиціонно чувствовать себя государственнымъ тягломъ и анонимной частицей общиннаго механизма. Потребность въ землѣ, напротивъ, всецѣло опиралась на традиціи сельской общины и государственнаго закрѣпощенія. Новыя вѣянія, несшіяся въ деревню съ буржуазнаго и пролетарскаго полюсовъ города, пробуждали въ крестьянствѣ радикальныя и демократическія стремленія къ личной свободѣ и независимости, къ гражданскому равноправію и безсословности. Но движущей силой, которая дѣлала возможнымъ усвоеніе деревней городскихъ лозунговъ, была тяга къ землѣ, органически связанная съ старой идеологіей того патріархальнаго сельскаго уклада, на которомъ выросли всѣ азіатскія деспотіи. Борьба за волю вбивала въ сознаніе крестьянства представленіе о современномъ правовомъ государствѣ; борьба за землю, хотя и

обостряла сознаніе неволи и сталкивала крестьянство съ политическимъ режимомъ, но въ то же время оживляла, наполняла плотью и кровью традиціонные предразсудки о патріархальномъ государствѣ, дающемъ землю и блюдущемъ въ своихъ интересахъ равномѣрное и «справедливое» пользованіе ею. Борьба за волю предполагала разрывъ крестьянства съ его политической традиціей, борьба за землю стимулировалась оживленіемъ этой традиціи.

Уже съ самаго начала появленія крестьянства на аренѣ общественной борьбы, это противорѣчіе сказалось въ томъ, что только въ тѣсной связи съ непосредственной борьбой за землю, сталкивавшей его съ реальной государственностью, крестьянство шло въ ногу съ освободительными стремленіями эпохи. Тотъ же рядовой крестьянинъ, изъятый изъ деревни и сохранившій еще крестьянскую психологію подъ мундиромъ солдата или въ положеніи мелкаго торговца либо чернорабочаго въ городѣ, утрачивалъ связь съ этимъ родникомъ своего оппозиціоннаго настроенія и нейтрально или даже враждебно противостоялъ кипѣвшей вокругъ него борьбѣ городского населенія.

Внутреннія противорѣчія имѣлись на-лицо въ русскомъ рабочемъ движеніи. Въ Россіи, правда, не было привилегированныхъ рабочихъ слоевъ ни въ лицѣ ремесленныхъ подмастерьевъ, ни въ лицѣ особо квалифицированныхъ пролетаріевъ крупной промышленности: общее политическое и гражданское безправіе и быстро совершенная крупной индустріей нивеллировка соціальнаго положенія не позволили кристаллизоваться какой либо окостенѣвшей аристократіи труда. Даже обычный во всѣхъ капиталистическихъ странахъ корпоративный аристократизмъ и мелко-буржуазный сепаратизмъ торговаго пролетаріата въ Россіи преодолѣвался сравнительно легко въ атмосферѣ той обаятельности и популярности, которую пріобрѣли въ массахъ соціалистическіе лозунги. То же надо сказать и о національныхъ различіяхъ, сказывавшихся въ рабочемъ классѣ. Болѣе глубокое значеніе имѣло различіе между чисто-городскими элементами пролетаріата и пришлыми, не порвавшими реальной связи съ деревней и сохранившими внутренній обликъ крестьянина.

Связанные единствомъ капиталистической эксплоатаціи и общностью полнаго безправія, эти два элемента сильно разошлись во всемъ своемъ интимномъ бытѣ. И это различіе замѣтно отражалось на ходѣ движенія. Въ первый его періодъ до крупныхъ стачекъ 1903 года—это различіе замыкало соціалъ-демократію въ тѣсномъ кругу чисто-городскихъ элементовъ пролетаріата съ присущими имъ высокими культурными потребностями и политическими запросами; въ эту пору выходъ за предѣлы даннаго круга могъ покупаться для соціалистовъ лишь оппортунистическимъ приспособленіемъ къ аполитическому и консервативному складу мышленія «сѣряковъ». Промышленный и сельско-хозяйственный кризисы съ двухъ сторонъ разъѣдали этотъ сельскій консерватизмъ низовъ пролетаріата и создали условія для расширенія сферы вліянія соціалъ-демократіи и для большаго классоваго объединенія пролетаріата. Однако, существенное различіе между обоими элементами одного и того же класса сохранялось и въ слѣдующій періодъ, проявляясь въ значительной пассивности и инертности рабочихъ тѣхъ производствъ и районовъ, въ которыхъ чисто-городскіе элементы представлены слабѣе. Пролетаріату крупныхъ, хорошо оборудован-

ныхъ заводовъ, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и (частью) типографій приходилось по отношенію къ остальной массѣ долго играть роль не только застрѣльщика при выступленіяхъ всякаго рода, но и единственнаго резервуара политическихъ идей и единственнаго питомника организаціонныхъ попытокъ. На фонѣ общаго единства между этими двумя частями пролетаріата время отъ времени проявлялось глубокое различіе политическаго настроенія и политической зрѣлости, когда инициативные элементы пролетаріата оказывались при практическомъ выступленіи изолированными отъ «сѣряковъ», какъ это случалось при подготовленныхъ организаціями манифестаціяхъ, при попыткахъ пролетарскаго авангарда выступить на защиту истребляемаго въ погромахъ еврейскаго либо армянскаго населенія или же при попыткахъ преодолѣть пассивность обычной формой всеобщей забастовки.

Болѣе богатое послѣдствіями значеніе имѣло противорѣчивое положеніе пролетаріата, какъ класса, въ обще-національномъ освободительномъ движеніи. Поскольку прошлое Россіи не создало никакихъ традицій народнаго освободительнаго движенія, поскольку буржуазія не провела пролетарскихъ массъ черезъ школу чистаго политическаго радикализма, постольку пролетаріатъ могъ придти къ постановкѣ демократическихъ задачъ, лишь исходя изъ повседневно проявляющагося противорѣчія своихъ интересовъ интересамъ эксплоатирующаго его класса. Но это противорѣчіе, двигавшее впередъ демократическое воспитаніе пролетаріата, было противорѣчіемъ новаго буржуазнаго общества, которому еще только предстояло преобразовать государство по своему образу и подобію. Противорѣчіе съ буржуазнымъ обществомъ ведетъ пролетаріатъ къ идеямъ коллективизма и непосредственной борьбы за овладѣніе государственной властью и въ странѣ, гдѣ другой не-пролетарской городской массы съ политическими традиціями не существовало, пролетаріатъ могъ придти къ борьбѣ за элементарную свободу лишь подъ знаменемъ соціализма и во имя его. Но задача соціализма отдѣляетъ пролетаріатъ отъ всѣхъ остальныхъ классовъ общества и противопоставляетъ его имъ; объективно же стоявшая передъ пролетаріатомъ Россіи историческая задача навязывала ему борьбу бокъ о бокъ и рука въ руку съ самимъ буржуазнымъ обществомъ. Это противорѣчіе теоретически было разрѣшено соціалъ-демократической мыслью, исходящей изъ закономѣрности развитія общества, вступившаго на путь капитализма. Но его практическое разрѣшеніе въ самомъ движеніи наталкивалось на новыя противорѣчія, порожденныя русской жизнью и самимъ ходомъ развитія классовой борьбы пролетаріата. Пролетаріатъ являлся классомъ не только наиболѣе воспріимчивымъ къ идеѣ политическаго освобожденія, но и наиболѣе готовымъ къ безоговорочной борьбѣ за него и представлявшимъ собой наиболѣе легко мобилизуемую и грозную силу для этой борьбы. Всѣ остальные оппозиціонные слои города были или раздираемы внутренними противорѣчіями, или слишкомъ малочисленны, или не имѣли одинаковаго съ нимъ значенія въ хозяйственной жизни; грозная же своей численностью деревня скована исторической инерціей, пропитана приходскимъ эгоизмомъ и чрезвычайно пассивна. Поэтому, пролетаріатъ, уже въ 90-ыхъ гг. заявившій громко о своей способности къ упорной борьбѣ, становился въ центрѣ общественныхъ чаяній, рѣшительно вліялъ на всѣ оппозиціон-

ныя группы, властно притягивалъ къ себѣ и къ своему знамени всѣ многочисленные въ эту эпоху идеалистически-настроенные элементы другихъ общественныхъ классовъ. Въ идейномъ движеніи общества наканунѣ кризиса гегемонія принадлежала соціализму, въ его политическомъ движеніи соотвѣтственную роль играли соціалистическія партіи, и среди нихъ наиболѣе вліятельную— соціалъ-демократія, и каждое новое проявленіе растущей мощи пролетарскаго движенія становилось исходнымъ пунктомъ для вовлеченія въ общественную борьбу новыхъ слоевъ и новыхъ группъ.

Пролетаріатъ, борющійся подъ собственнымъ знаменемъ и во имя своихъ классовыхъ интересовъ, отличныхъ отъ соціальныхъ интересовъ всѣхъ другихъ классовъ, является, такимъ образомъ, становымъ хребтомъ борющейся за свое *буржуазное* освобожденіе націи. Это положеніе при отсутствіи прочной традиціи классовой борьбы, при сравнительно-высокомъ уровнѣ сознательности, при быстромъ импульсивномъ характерѣ процесса, втягивавшаго въ пролетарскую борьбу новые и новые слои рабочаго класса, должно было вновь и вновь порождать въ пролетаріатѣ иллюзіи абсолютности его могущества. Грандіозная сила исторической стихіи буржуазнаго переворота, имъ эксплоатируемая въ собственныхъ классовыхъ интересахъ, представлялась ему силой собственнаго его классоваго движенія, независящей отъ данной, исключительной по своему происхожденію, комбинаціи историческихъ условій. А постольку въ извѣстный моментъ онъ долженъ былъ стараться перешагнуть для немедленной реализаціи тѣхъ или другихъ своихъ требованій черезъ рамки, объективно поставленныя ему данной фазой историческаго развитія, и тѣмъ самымъ фатально измѣнять въ невыгодную сторону благопріятно сложившееся для него соотношеніе общественныхъ силъ.

Стихійно порождались эти иллюзіи, выростая изъ жгучаго ощущенія массой неудовлетворенныхъ классовыхъ потребностей. Стоявшая впереди пролетаріата соціалдемократія лишь отчасти вводила элементарныя классовыя страсти въ русло движенія, опирающагося на познаніе и признаніе исторической необходимости. Ибо сама она, оставаясь въ значительной мѣрѣ интеллигентской по своему составу и настроенію, переживала — несмотря на свой марксизмъ — иллюзіи объ отношеніи общественныхъ силъ, сама утопически оцѣнивала историческое значеніе своей временной гегемоніи и ея объективные предѣлы. По мѣрѣ же того, какъ на историческую сцену, въ качествѣ боевой силы, выходила деревня, и пролетаріатъ и революціонная интеллигенція въ равной мѣрѣ поддавались искушенію видѣть въ сочетаніи объективно разнородныхъ и частью противорѣчивыхъ соціальныхъ мотивовъ пролетарскаго и аграрнаго движеній удобный поводъ для того скачка черезъ печальную неизбѣжность «чисто-буржуазнаго» переворота, съ критики котораго въ свое время началъ свою исторію русскій пролетарскій соціализмъ. Періодъ, прошедшій со времени пробужденія пролетаріата отъ политическаго сна до момента пріобрѣтенія имъ рѣшающей роли въ общенаціональной борьбѣ, былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы въ теченіе него могли быть имъ изжиты всѣ болѣзни молодости. Опытъ и здѣсь являлся неизбѣжной предпосылкой для успѣховъ сознанія.

Развиваясь среди всѣхъ этихъ противорѣчій, русское освободительное движеніе должно было преодолѣвать громадную силу внѣшняго сопротивленія и

внутренняго тренія, должно было, поэтому, затрагивать колоссальную энергію и нести безчисленныя жертвы для того, чтобы подвинуться на одинъ шагъ впередъ. Рано совершившаяся дифференціація политическихъ партій сдѣлала возможной для каждой изъ нихъ, приближавшейся къ интересамъ своего класса, втянуть въ движеніе болѣе широкія его массы; но та же дифференціація партій, затрудняла концентрацію боевой энергіи разныхъ классовъ въ совмѣстной атакѣ, поскольку требовала для такого сочетанія боевыхъ силъ высокой степени сознательности, побѣды классоваго разсчета надъ стихійной силой непосредственныхъ классовыхъ инстинктовъ.

Эта разнородность и противорѣчивость частныхъ движеній, въ совокупности составлявшихъ то, что называютъ русской революціей, вызывала въ самихъ дѣятеляхъ эпохи и ея наблюдателяхъ сомнѣнія относительно самой возможности для современной Россіи такого, хотя-бы относительно короткаго момента, синтеза движенія, когда, сквозь всѣ внутреннія противорѣчія и вопреки всѣмъ треніямъ, прорвется и побѣдоносно утвердитъ себя въ рѣшительныхъ завоеваніяхъ та сила исторической необходимости, которая до Россіи уничтожила столько твердынь стараго порядка. Буржуазный переворотъ казался немыслимымъ въ Россіи XX вѣка. Представители самого стараго порядка учитывали эту сложность освободительной проблемы и, насколько хватало ихъ силы и проницательности, эксплоатировали ея внутреннія противорѣчія, пользуясь національными, соціальными и политическими треніями, чтобы парализовать разрушительную силу нароставшаго движенія. Эта политика, въ конечномъ счетѣ, дезорганизовала самый старый порядокъ, лишая его послѣдней способности удовлетворять какія бы то ни было потребности экономическаго развитія, но она достигала цѣли постольку, поскольку нагромождала новыя трудности на пути освободительнаго движенія.

Съ наибольшей энергіей и ловкостью старый порядокъ эксплоатировалъ въ свою пользу противорѣчіе между освободительнымъ движеніемъ въ Россіи въ цѣломъ и соціальной и идейной реакціей, царившей на Западѣ. Буржуазный переворотъ становился исторической возможностью въ Россіи въ такую эпоху, когда на Западѣ буржуазія, въ роли господствующаго класса, должна была направлять всю свою энергію для сопротивленія революціонному движенію пролетаріата. Общественное мнѣніе европейской буржуазіи, въ общемъ и цѣломъ, тѣмъ болѣе холодно относилось къ совершавшемуся въ Россіи продолженію ея собственной революціи, чѣмъ болѣе въ русскомъ движеніи звучали мотивы пролетарской классовой борьбы, чѣмъ болѣе они вызывали энтузіазмъ въ рядахъ западно-европейскаго пролетаріата.

Финансовая и дипломатическая поддержка высшихъ классовъ Европы явилась, поэтому, послѣднимъ козыремъ, который могъ быть примѣненъ старымъ порядкомъ въ его борьбѣ за существованіе.

Но пользованіе этой поддержкой подразумѣвало со стороны Россіи внѣшнюю политику въ стилѣ великой державы—модернъ, въ стилѣ воинствующаго имперіализма. И здѣсь, въ этой именно области, историческая необходимость предстала передъ старымъ порядкомъ мстительницей за попранныя потребности общественнаго развитія. Въ лицѣ Японіи, уже перешагнувшей черезъ грань буржуазнаго преобразованія, русскому старому порядку пришлось на новой аренѣ стол-

нуться съ тѣмъ же противникомъ, который въ самой Россіи не былъ еще въ состояніи дать ему генеральнаго сраженія,—столкнуться съ силой капиталистическаго развитія. Въ этомъ столкновеніи съ головокружительной быстротой развернулись и дошли до апогея внутреннія противорѣчія стараго порядка и подъ дѣйствіемъ этого лихорадочнаго процесса на время освободительное движеніе поднялось на ту ступень сплоченности и боевого напряженія, на которой его собственныя внутреннія противорѣчія проявлялись только какъ факторы, стимулирующіе движеніе и усиливающіе общую анархію, *въ данный періодъ* цѣликомъ обращавшуюся противъ сторонниковъ стараго порядка.

Л. М.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.